НИКОЛАЙ МОРОЗОВ

ХРИСТОС

СЕДЬМАЯ КНИГА

ВЕЛИКАЯ РОМЕЯ
ПЕРВЫЙ СВЕТОЧ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

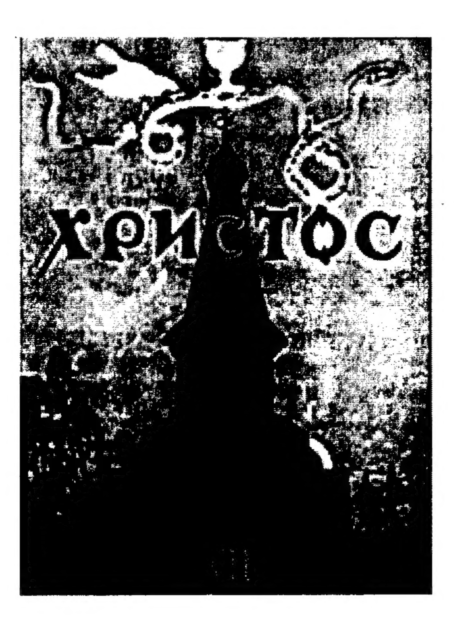

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1932 ЛЕНИНГРАД

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Н.А. МОРОЗОВ

Великая Ромея

Издательство «Крафт+»
Москва
2004

УДК 9(М)03,9М,1,293
ББК 63.3.(0)3,87,86.3,86.33
М80

М80 **Морозов Николай Александрович**
Христос. Т. 7. Великая Ромея – первый светоч средневековой культуры. – М.: Крафт+, 2004. – 944 с., ил.

ISBN 5-93675-058-2

Настоящий том – последний из семи томов уникального труда Н.А. Морозова «История человеческой культуры в естественнонаучном освещении» (издательское название – «Христос»), опубликованного малым тиражом в 1924–1932 годах

При его написании автор использовал свои энциклопедические знания в области астрономии и метеорологии, математики и лингвистики, физики и геологии. Владея 12 языками, включая древние, Н.А. Морозов знакомился в оригинале с источниками по истории человечества, что позволило ученому заново осмыслить заложенную в них информацию. Такой уникальный подход позволил ему по-новому взглянуть на исторический процесс и создать свою концепцию того периода развития человечества, когда только зарождались познание человеком окружающего мира и способы сохранения и передачи этого знания последующим поколениям. Тем самым Н.А. Морозов заложил основу пересмотра традиционной истории.

Настоящее издание воспроизводит прижизненную публикацию и дает возможность современному читателю непосредственно познакомиться с идеями и методами нашего великого соотечественника – Н.А. Морозова.

Отв. за выпуск. А.А. Румынский
Художник К. Золотник
Консультант А. Макаров

ИД № 00173 от 27 сентября 1999 г.
Издательство «Крафт+»: 129343, г.Москва, проезд Серебрякова, 14.
Тел. 189-93-78, 363-68-73
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 58 п.л. Тираж 1000 экз. Зак. 66

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГП «Облиздат»
248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5

ISBN 5-93675-058-2

© Идея, составление, серия, оформление «Крафт+», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ К VII КНИГЕ

Основная задача этой моей большой работы была: согласовать исторические науки с естествознанием и обнаружить общие законы психического развития человечества на основе эволюции материальной культуры, в основе которой, в свою очередь лежит постепенное усовершенствование орудий умственной и физической деятельности людей.

Меня часто спрашивают: почему я дал такой своей работе мало подходящее (по их мнению) название «Христос», когда сам же я доказываю везде, что евангельский Христос, превращавший воду в вино, воскрешавший умерших, от которых «уже смердило», и ходивший по водам, как по суше,—есть простой, продукт воображения первых сантиментальных средневековых романистов, и что истинным основателем христианской религии был византийский Великий Царь (по-полугречески—Василий Великий), по видимому, тожественный с императором Юлианом Философом, а не монах, каким его рисуют «Жития святых».

Но задавать такой вопрос могут только те, которые совершенно не знают значения слова Христос, как оно понимается теологами и должно пониматься всяким образованным человеком..

Слово «Христос» (Χριστοξ) значит просто «посвященный в тайны высших знаний» (посвященник, помазанник), а Иисус Христос значит просто Иисус Помазанник. Не признавать существования в средние века «помазанников» из-за того только, что мифический евангельский Иисус получил чин помазанника, это — то же, что не признавать существования капитанов из-за того, что Жюль Верн написал роман, в котором главным героем является вымышленный им капитан Гаттерас, пли отвергать существование города Полтавы из-за того, что Котляревский написал пьесу, в которой главная героиня Наталка Полтавка никогда не существовала.

А если мне скажут, что слово «Христос» в вульгарном употреблении уже слилось с именем евангельского Иисуса и что благодаря этому мою книгу могут купить и верующие в «евангельского Христа», ходившего по водам и претворявшего воду в вино, то я отвечу: тем лучше, — пусть и они ознакомятся с серьезными представлениями об этом предмете. В научной же области слияния обоих имен никогда не было, и даже в этой самой моей работе я цитирую книгу Робертсона «Языческие Христы»[1], самое название которой показывает, что в науке

[1] «Христос», т. IV, стр. 697.

и до меня слово «христос» постоянно употреблялось в своем общем смысле нс только в греческой, но и в европейской литературе. Пора перейти к такому употреблению и вообще. Это все я говорил уже в предисловии к 1 тому моей работы, так что нс понимать смысла ее названия могут только те, кто не читал не только ее содержания, но даже и первого предисловия к ней.

Название моей книги просто значит «Посвященный», т. е. это — история умственной культуры посвященнического периода, а потому и о мифическом посвященнике Иисусе в ней говорится лишь по временам, поскольку приходится останавливаться на отражении в евангелиях психической эволюции христианских народов (см. об этом еще на стр. 875).

Основная же цель моей работы, как я уже сказал, была согласовать исторические науки с естественными, установив прежде всего научную хронологию взамен существовавшей до сих пор скалигеровской. При этом для критического разбора излагаемых в наших первоисточниках сообщений употреблены были мною шесть методов.

1) Астрономический метод — для определения времени памятников древности, содержащих достаточные астрономические указания в виде планетных сочетании, солнечных и лунных затмений и появления комет. Результат исследования этим методом, захватывающего более 200 документов, получился поразительным: подтвердились все записи греческих и латинских авторов, описывающих вычислимые астрономические явления после 402 года нашей эры, и, наоборот, все относимые к более раннему времени записи о затмениях, планетных сочетаниях и кометах (последние я сравнивал с записями найденных в Китае летописей Ше-Ке и Ма-Туань-Линь, а сочетания планет вычислял сам) не подтвердились и привели к датам несравненно более поздним, чем они считались. То же самое случилось с клинописными астрономическими записями в Месопотамии и с идеографическими в Китае. От древности далее начала нашей эры не осталось ничего.

2) Геофизический метод, — состоящий в рассмотрении того, возможны ли те или иные крупные историко-культурные факты, о которых нам сообщают древние авторы, при данных географических, геологических и климатических условиях указываемой местности. И этот метод дал тоже отрицательные результаты до начала нашей эры. Так, например, геологические условия окрестностей полуострова Цур (где помешают город Цур, т. с. Царь. по-гречески — Тир) показывают физическую невозможность образования тут, да и на всем Сирийском берегу от Яффы до Анатолии какой-либо закрытой от ветров или вообще удобной для крупного мореплавания гавани. Значит, и центра мореходства здесь не могло быть, а только в Царь-Граде. Точно так же и гора Синай, никогда не бывшая вулканом, не подходит для места законодательства Моисея на огнедышащей горе.

3) Материально-культурный метод, — показывающий целесообразность многих сообщений древней истории при сопоставлении их с историей эволюции орудий производства и с состоянием тогдашней техники; такова например, постройка Соломонова храма в глубине Палестины до начала нашей эры и т. д., и т. д.

4) Этико-психологический метод,— состоящий в исследовании того, возможно ли допустить, чтоб те или другие крупные литературные или научные произведения, приписываемые древности, могли возникнуть на той стадии моральной и мыслительной эволюции, на которой находился тогда данный народ.

5) Статистический метод,— состоящий в сопоставлении друг с другом многократно повторяющихся явлений и в обработке их деталей с точки зрения теории вероятностей. Образчиком этого метода служит излагаемое (в VI томе) сопоставлению родословной Ра-Мессу II с родословной евангельского Христа.

6) Лингвистический метод, особенно выявление смысла собственных имен, — который часто с поразительной ясностью вырисовывает мифичность всего рассказа. Возьмем хотя бы начало библейской книги Бытие: «Супруга Адама Ева родила ему Каина и Авеля, и Каин убил Авеля». По внешности это вполне исторично, а переведите здесь собственные имена по их смыслу и выйдет «Жизнь, супруга Человека, родила ему Труд и Отдых, и Труд убил Отдых». Вместо историчности обнаружилась аллегоричность. И такими курьезами полна вся древняя история.

Всякая наука пользуется отдельными фактами лишь как материалом для вывода из них общих законов объясняющих эти факты. Значит, и история в ее обычном чисто описательном состоянии не есть еще наука, а лишь материал для науки. Только в 1857—1801 годах знаменитый английский историк Генри Бокль первый начал подводить путь человеческой культуры на земной поверхности под определенные законы, а затем марксисты взялись за осмысление исторического процесса, объясняя события законами диалектического материализма. А диалектический закон не есть простая смена тезисов и антитезисов, подобно качаниям маятника, все время остающегося на своем месте; он более походит на течение реки, в котором струя ударяется сначала в одни берег, затем отбрасывается им по инерции к другому и потом обратно, придавая этим всему руслу змеистый вид, пока река не впадет, наконец в море.

Так точно и человечество, после каждого перехода от тезиса к антитезису и обратно, обязательно переходит к более высокому состоянию, и это есть основной закон эволюции. До сих пор противоречило ему укоренившееся у нас ложное представление о декадансах и ренессансах человеческих культу, превращавшее исторический процесс во что-то вроде качаний маятника на одном месте. Таково, например, существующее до сих пор представление о нескольких повторных Римских империях: римской империи Ромула и Рема, римской империи Юлия Цезаря и Октавина Августа, римской империи Константина, и наконец, римской империи

Карла Великого. Таковы же наши ложные представления о существовании старо-персидского, средне-персидского и ново-персидского царств, все на тех же основаниях; таковы наши ложные представления о существовании четырех повторных периодов ассиро-вавилонской культуры, сопровождавшихся, как и предшествовавшие, промежуточными декадансами и т.д.

С этой точки зрения и теперь, после головокружительных успехов нашей техники, пришлось бы ждать стремительного одичания всех наших культурных народов для того, чтобы через несколько столетий или даже тысячелетий возродиться снова. Но, вот, все мое настоящее исследование показывает, что эти смены декадансов и ренессансов — просто волшебная сказка, возникшая вследствие того, что те же самые старинные империи и культуры, описанные вариантно разными историками, на разных языках и с разных точек зрения, распались в умах историков, благодаря отсутствию общей хронологии и общей номенклатуры местностей и деятелей, на последовательные ряды разноместных и разновременных культур, нарушая тот общий закон диалектического процесса, по которому раз пережитые формы исторического бытия более не возвращаются

Астрономическая проверка исторической хронологии, произведенная в предшествовавших томах, показала нам достаточно, что все эти зияющие противоречия основному эволюционно-диалектическому процессу — простые недоразумения, основанные на ошибках хронологии и апперцепционных представлениях разноплеменных хроникеров о тех же самых событиях и исторических деятелях. Да и все наши остальные методы проверки показали, что ни на одно средневековое сообщение нельзя смотреть как на фотографию действительности, а скорее как на ее тенденциозное искажение, вроде тех многочисленных средневековых рисунков, которые изображают, например, даже прекрасно видимые всеми кометы вроде пылающих головней или настоящих мечей и шпаг (даже с рукоятками для их удобного держания невидимою, а иногда и видимою небесною рукою).

Вот почему читатель нс должен удивляться и тому, что, отожествив в первом томе основателя христианской церкви с четьи-минейским Великим Царем (Василием — по-гречески), я отожествляю здесь и самого «Великого Царя» с действительно великим царем того же времени — Юлианом Философом и что, отожествив сначала Александра Македонского с Александром Севером, я здесь уже и их обоих пытаюсь отожествить с тем же Юлианом. Ведь, все сказания о них находятся на уровне ничем не проверенных слухов.

Скажу также несколько слов и об отголосках, произведенных в литературе моею книгой в последнем году.

Неосновательность критики тов. Сергеева в 3-4 «Мироведения» за 1931 год я уже достаточно показал в напутственном к ней «Письме в редакцию», напечатанном в той же книжке. А что касается до статьи «Das Altertum - ein Trugbild» (Древний мир—мираж), помещенной К.Филипповым Kölnische Illustierte Zeitung (от 1 апреля 1932 года), то она очень хорошо резюмирует мои основные выводы, причем автор прибавляет и ряд новых фактов, подтверждающих их

Так, он утверждает, между прочим, на основании архивных документов, что Троянская война не была известна до «разрушения Трои каталонöами», описанного в хронике лично присутствовавшего при этом каталонöа Мунтанера, в XIII веке, причем героиней является не Елена, а Арсена, т.е. Ирина, и что весь Троянский эпос выработан в Западной Европе на основании этих мунтанеровых рассказов, разработанных сначала трувером Бенуа-де-Сен-Мор и переработанных потом Конрадом Вюрöбургским, и что ни один из компиляторов Илиады и Одиссеи, живших до расöвета Эпохи Возрождения, не знает сказаний Гомера такими, как они являются у нас теперь, и даже сам Гомер, по-гречески — Омер ('Ομερος), — никто иной, как трувер, граф Сент-Омер, фламандский феодал, живший в офранöузившейся XII—XIV веках (со времени крестовых походов) Греöии, и что он впервые написал Илиаду на своем родном старо-франöузском языке, после чего братья .Халкокондиласы перевели ее на греческий в позднюю Эпоху Гуманизма.

Автор указывает далее, что из псевдо-древних классических писателей Валерий Флакк, относимый к 63 году нашей эры, был выдуман на самом деле Поджно Браччполини и опубликован им около 1430 года; Квинт Энний, относимый к 329 году до начала нашей эры, написан итальянöем Мерула около 1500 года; баснописеö Федр, относимый к началу нашего летоисчисления—итальянöем Перотти в XVI веке; Овидий—Сабинусом около 1480 года; сатирик Турнус—Бальзаком в 1650 году; Кальпурний—Поджио Браччнолини в 1420 году, и этим же знаменитым апокрифистом написаны: Таöит и Валерий Максимус в XV веке. Петроний был составлен тем же Поджио в сотрудничестве с Франöузом Нодо, а псевдо-древнеримская газета «Acta Diurna» написана итальянöем Ригизио в 1615 году. Виргилий по новейшим изысканиям был библиотекарем Карла Великого (800 г. нашей Эры), и весь Аристотель, по обстоятельному исследованию проф. ЛЕО Винера, был выработан в Кордовском университете мавританскими и остготскими учеными.

Точно так же — и относительно произведений классического искусства, какими главным образом являются статуи и сосуды по самой своей стойкой природе особенно легко перебрасываемые в какую угодно глубокую древность. Многие скульпторы, в том числе и Микель Анджело и Донателли, сначала зарывали свои статуи в саду, а затем как бы случайно находили их в присутствии других, и выдавали за древние, и лишь после громкого успеха своих псевдо - находок они стали делать скульптурные произведения и от своего имени.

В заключение всего автор статьи показывает что о мифичности всей истории человечества до начала Византийской Империи, т.е. до IV века на-

шей эры уже говорилось и до меня. Так, профессор Саламенского университета де-Арсилла (de Arcilla) еще в XVI веке опубликовал две свои работы «Programma Historiae Universalis» и «Divinae Florac Historicae», где доказывал, что вся древняя история сочинена в средние века, и к тем же выводам пришел иезуитский историк и археолог Жан Гардуин. (J.Hardouin, 1646—1724), считавший классическую литературу за произведения монастерионцев предшествовавшего ему XVI века. И даже в то самое время, когда я обрабатывал в тишине Шлиссельбургской крепости свои выводы о том, что вся древняя история — мираж, немецкий приват-доцент Роберт Балдауф написал в 1902—1903 годах свою книгу «История и критика», где на основании чисто филологических соображении доказывал, что не только древняя, по даже и ранняя средневековая история — фальсификация Эпохи Возрождения и последующих за нею веков.

С ответом К. Филиппову (а под его именем, в сущности, мне, хотя обо мне оба автора не упоминают) выступил в N 15 того же Kulnische Illustrirte Zeitung от 15 апреля 1932 года Paul Zeelhoff, но слабость его доводов служит только лучшим подтверждением верности излагаемых мною выводов. Не имея возможности отвергать подложность большинства классических произведении, он только говорит, что это еще не доказательство подложности их всех. Останавливаясь, например, на том факте, что Колизей не упоминается не только у классиков, по даже и в средние иска, Зельгоф не находит ничего лучшего, как сказать, что у них же не упоминается и об острове Рюгене, а следует ли из этого, что его тогда не было?

Но из этого следует, — ответим мы ему, — только то, что на Рюгене тогда не было ничего замечательного. А можно ли сказать, что и Колизей в средины века был самым обычным строением, на которое никто не обращал внимания?

Наоборот: он был бы дивом того времени. Значит, и не упоминается он, действительно, лишь потому, что был выстроен после средних веков, на папский юбилей в 1000 году.

Такие возражения доказывают только полное бессилие возражающего.

Николай Морозов.

Ленинград
Государственный
Научный Институт им. Лесгафта. Астрономическое отделение.
Октябрь -1932 г.

ПРОЛОГ

Рис. 1. Византийская утварь по Гельмольту 14 — глиняная ваза ($^1/_9$) ручной работы. 16 и 17 — обломки ($^1/_3$) глиняных сосудов. 18 — наконечник ($^1/_2$) стрелы. 25 — спина византийского панцыря ($^1/_4$) с о-ва Занте с профильными фигурами, как у египтян.

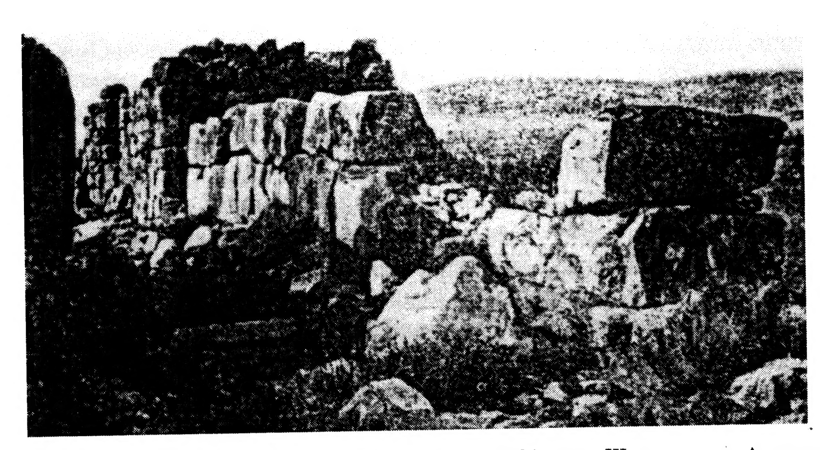

Рис.2. Остатки циклопических стен, открытие в 1884 году Шлиманом в Арголиде, относимые к Микенской эпохе и с нашей точки зрения одновременные эпохе Египетских пирамид.

ГЛАВА I

СТАРАЯ И НОВАЯ ЭРЫ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. КАК И КОГДА НАЧАЛАСЬ ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ?

Думали ли вы когда-нибудь, читатель, о той огромной разнице, которая существует между рукописью и книгой? А между тем об этом следовало бы подумать каждому образованному человеку, и особенно историку человеческой культуры.

Рукопись в кабинете автора все равно, что яйцо и гнезде ласточки, а книга все равно что вылупившаяся из него ласточка.— Нет! много более!—Это все равно, что тысячи ласточек, как будто каким-то чудом вылупившихся сразу из яйца и разлетевшихся во все стороны!

Каждый писатель хорошо меня поймет. Пока его произведение еще в рукописи, оно для него все равно, что в скорлупе. Он может передать его прочесть знакомым, и они могут даже переписать его для себя, — если рукопись настолько невелика, что это можно сделать не более чем в месяц ежедневного труда. Но все-таки о ней будет знать лишь узкий круг личных знакомых автора, а остальное человечество не будет даже и подозревать о ее существовании.

И кроме того всякое литературное произведение, пока оно в рукописи, легко может погибнуть при пожаре или просто по-

пасть в руки невежественного человека, который употребит эти листы на обертку масла и т.д. Вот почему всякий автор и датирует свою книгу не временем написания, а временем напечатания, и это не напрасно. Она, как говорят, только с этого момента «вышла в свет». А что это значит, я поясню наглядным примером. Вот хоть моя книга «Христос». Первый том ее вышел уже двумя изданиями, около 8000 экземпляров, толщина каждого 2 сантиметра. Поставьте их тесно рядом и вы получите 50 экземпляров на каждый метр, а на 20 метров 1000 экземпляров, что соответствует ширине Фасада большого каменного дома (около 10 саженей шириною).

Представьте, что они расставлены, как в библиотеке, на длинных во все здание полках в два сантиметра толщиной, и тогда на каждый метр высоты поместятся четыре экземпляра, а все 8000 на двух метрах высоты. Допустим, что каждый из семи вышедших до сих пор томов, из которых последние оказались вдвое толще первого, при своем расположении над ними тоже отняли по две сажени, и вот вы получите высоту в 14 метров (около 7 саженей), что соответствует трехэтажному дому, весь фасад которого уставлен этими книгами.

Таково количество ласточек, вылупившихся из семи яиц и разлетевшихся по всем направлениям! И как же можно сравнить их действие с влиянием тех семи первоначальных яиц, которые имелись до тех пор в семи моих рукописях! Их даже трудно было читать моим знакомыми но причине неразборчивого почерка, а переписать каждому для себя но одному экземпляру было совсем невозможно но причине величины произведения. Наемному же переписчику, который едва ли переписал бы все и в год, пришлось бы уплатить большие деньги, так что каждая копня обошлась бы не в одну сотню рублей и было бы трудно при таких условиях накупить себе много книг.

А печатный станок производит копию набранного листа чуть не каждую секунду, так что ценность экземпляра при большом их количестве сводится главным образом на его бумагу и брошюровку, потому что общая стоимость набора и гонорар автора распределяются на каждый экземпляр лишь незначительной прибавкой к цене его бумаги и брошюровки *).

И книга стала каждому доступна.

Отсюда видно, что всю эпоху умственной жизни какого-либо народа до появления в нем типографий можно правильнее всего сравнить, как я уже и сказал, с состоянием яйца в его скорлупе, а после появления печатного станка с состоянием тысяч ласточек, вылетевших из него и реющим в своей стране по всем направлениям. Вот почему и следовало бы начинать наше летоисчисление не фантастического «Рождества

*) Например, при 10000 экземпляров на каждый из них приходится лишь одна десятитысячная доля авторского гонорара и набора со всеми его корректурами. Остальная часть рыночной цены книги—стоимость ее бумаги, сшивки, продажи и доход издателя.

Христова», а с 1452 года, когда Гутенберг вместе с Фаустом открыл в Майце первую типографию (табл. 1).

Только с этого момента, сделавшего возможным беглое чтение, немыслимое при рукописях с их индивидуальными почерками и создавшее широкое распространение научной и изящной литературы, стала возможна и литературная критика.

Подумайте сами! Кому из наших присяжных критиков захочется полемизировать со мной по поводу какого-либо моего еще не напечатанного и никому другому неизвестного сочинения? Да и кому, кроме нас двоих, было бы дело до нашего спора?

Литературная критика должна датироваться и в каждой стране со времени появления в ней национальной типографии. Только с этого момента и стало возможным коллективное умственное творчество, когда к знаниям предшествующих поколений каждый мог прибавлять и свои знания, а также исправлять прежние ошибки. Так началась новая эра умственной культуры; так человеческая мысль вылупилась из яйца, в котором находилась до тех пор; так, научившись беглому чтению, способный человек и сам стал бегло писать, и сделалась впервые возможною большая книга.

И чрезвычайно поучительна и этом отношении диаграмма, вычерченная по моей просьбе сотрудником астрономического отделения Государственного Научного Института имени Лесгафта проф. В.Р.Мрочеком (рис. 3).

По крутому подъему точек в первом отделе— между 1500 и 1550 годами — мы видим, как быстро вылупилась из своего рукописного яйца книгопечатная эра Западнои Европы. В продолжение последней половины XV века типографии распространились в ней от Германии до Турции, причем в последней из этих стран в Стамбуле, типография была еще не национальная, а еврейская (национальная же открылась там только через 200 слишком лет, в 1727 году). Потом идет перерыв, и за тем с конца XVI века по конец XVII лишь европейские миссионеры открывают типографии в культивированных ими странах Америки и Азии, да и в России — в Москве — появляется в 1563 самостоятельная типография. И лишь, с XIX века Египет и Азиатские страны начинают по собственной инициативе (а нередко тоже при помощи европейцев) обзаводиться своими типографиями.

Но почему же такая косность, когда это величайшее открытие уже давно было сделано, и в Европе уже до 1501 года было напечатано свыше 13000 названий и свыше 4 000 000 экземпляров?

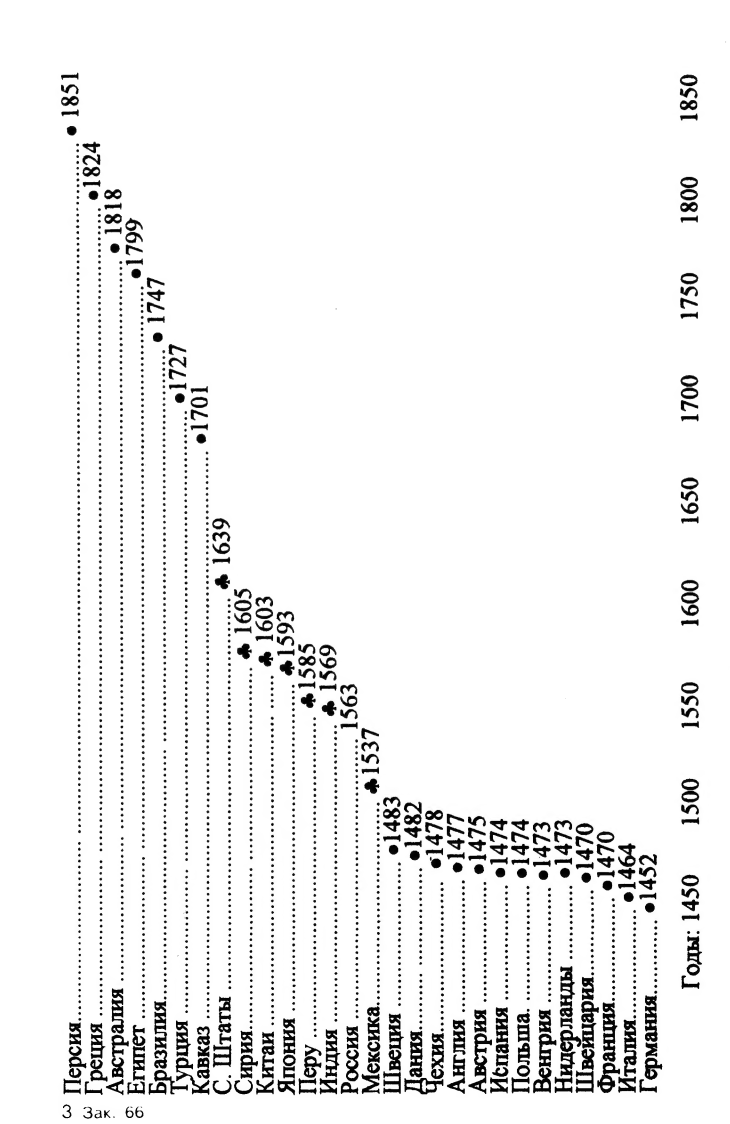
В некоторых случаях это легко объяснимо. Среди кочевых народов, вроде эскимосов, монголов, аравийцев не могло быть даже и рукописных книг, так как в кочевых палатках не было для них полок не говоря уже о типографских станках, да и о школах грамотности не могло быть речи в кочевом быту. Не могло быть типографий и у мелких народно-

ТАБЛИЦА 1.

Первое возникновение типографий различных странах. **Составил В.*Р.Мрочек***

	Страны	Города	Во скольких городах в 1501г.	Примечания
1452	Германия	Майнц,	43	Основатели типо-
1464	Италия	Рим	: 63	графий — представи-
1470	Франция	Париж	40	тели мелкой буржуа-
1470	Швейцария	Базель	5	зии.
1473	Нидерланды	Утрехт	20	В 1501 г. была вве-
1473	Венгрия	Буда	1	дена цензура
1474	Польша	Краков	1	Всего за.1501 год
1474	Испания	Валенция	19	напечатано свыше
1470	Австрия	Тридент	5	13000 ннازваний и
1477	Англия	Лондон	2	свыше 4 миллионов
1478	Чехия	Прага	1	экземпляров.
1482	Дания .	0дензее	3	
1483	Швеция :	Стокгольм	2	В Стамбуле была
1488	Турция	Стамбул	1	еврейская типография.

Год перв.тип	Часть света	Страны	Город	примечания
1537	Ц. Америка	Новая Испания	Мексико	Основат. епископ;
1563	Азия	Индия	Гоа	Основат. иезуиты
1563	Европа	Московия	Москва	
1569	Азия	Индия	Транкебар	Основат. Иезуиты
1585	Ю.Америка	Перу	Лима	» »
1590	Азия	Индокитай	Макао	» »
1593	Азия	Япония	Нагасаки	» »
1597	Европа	Турция	Стамбул	2-ая еврейская тип.'
1603	Азия	Китай	Пекин	Основат.—иезуиты
1605	Азия	Сирия	Дамаск	» »
1609	Европа	Германия	Страссбург	1-ая печати, газета,
1620	Азия	Китай	Панкин	Оси. иезуит Григо;
1622	Европа	Англия	Лондон	1-ая печати, газета
1631	Европа	Франция	Париж	1-ая печати, газета
1039	С. Америка	С. Штаты	Кембридж	Осн. паст. Глобер
1661	Азия	Индокитай	Формоза	Основат. иезуиты
1693	С. Америка	С. Штаты	Балтимора Нью-Йорк	.
1701	Азия	Кавказ	Тифлис	
1704	С.АМЕРИКА	С. Штаты	Бостон	1-ый журнал
1706	М.Азия	Сирия	Алеппо	
1727	Европа	Турция	Стамбул Филадельфия	1-ая турецкая тип.
1728	С. Америка	С. Штаты		
1737	Азия	Цейлон	Коломбо	
1747	Ю.Америка	Бразилия	Рио де Жанейро	
1751	М. Азия	Сирия	Бейрут	Осн. Наполеон
1799	Африка	Египет	Каир,Алексаодрия	
1818	Австралия	Острова	Таити;	Осн. миссионеры
1822	Австралия	»	Гаваи	» »
1824	Европа	Греция	Салоники	» Французы
1851	Азия	Персия	Тегеран	

3. Возникновение первых типографий в разных странах за последние 400 лет. Основанные духовенством изображены крестами
По В. Р. Мрочеку. Диаграмматическое изображение таблицы I.

стей, так как у них не хватало рынка для широкого распространения любой данной книги. Не могло их быть и в Китае и в Японии вследствие отсутствия там фонетической базы. Но почему же не привилась национальная печать так долго в Сирии, Турции, Персии и Египте, где, как говорят нам, давно уже существовало фонетическое письмо? Ответ здесь может быть только одни: не от косности населения, а от его бюрократического строя, о властелинах которого эти страны когда-нибудь скажут словами Ольхина в «Народной Воле»:

Память позорная
Мысли гонителю,
Память укорная
Злому мучителю.
Неизгладимая,
Непоправимая,
Бесчеловечная,
Вечная-вечная
Память тебе!

Насколько задержал самовластный азиатский образ правления умственную культуру тамошних крупных государств и с каким трудом вплоть до половины XIX хека проникала туда письменность и культура, прекрасно видно из перегиба диаграмматической кривой линии (рис.3), начиная с 1500 года, горизонтальному направлению. Не будь христианских миссионеров, этот перерыв распространения письменности при переходе в Азиатские деспотии дошел бы вплоть до XIX века, как будто какая-то непроницаемая стена мешала перекинуться туда печатному слову, а с ним и литературе.

Но если это было так до самых новейших времен, то какое же основание имеем мы поверить существованию в тех странах высокой умственной жизни за две и более тысячи лет до нашего времени? С таким же правом, могли бы мы сказать, что и птичьи яйца когда-то были умнее вылупившихся из них птиц и гусеницы в древности летали по воздуху лучше, чем выросшие из них потом бабочки...

На этом идейном фоне мы и рассмотрим теперь, как и когда началась греческая историческая литература, которою мы теперь и должны заняться.

При изучении истории Византии мы никогда не должны забывать, что никаких старинных музеев или библиотек в ней не найдено, и все греческие рукописи, служащие для ее истории, «открыты» только в Эпоху Гуманизма в латинской Западной Европе, да кроме того и самое слово Византия, и даже слово Греция — не греческие: греки и до сих пор называют себя только Ромеями, т.е. Римлянами.

«Эпоха Итальянского Возрождения», — говорит А.А.Васильев в своих «Лекциях по истории Византии» (т. 1, стр. 2), — главным

образом увлекалась произведениями классической греческой и римской литературы, а византийской литературы в Италии в то время «почти не знали, и только в XVI веке и начале XVII отношение к византийской истории и литературе меняется, и целый ряд византийских автором, правда, еще довольно случайных и неодинаковых по значению, издается в Германии (Иеронимом Вольфом), в Нидерландах (Меурсием) и в Италии (двумя греками — Алеманном и Алляцием) ».

Основательницею научного византоведения является не Византия, уже давно к тому времени превратившаяся в Оттоманскую империю, а Франция XVII века.

«Когда французская литература в блестящую эпоху Людовика XIV стала образцом для всей Европы, — продолжает А.А.Васильев, — когда короли, министры, епископы и частные лица, наперерыв основали библиотеки, собирали рукописи и осыпали знаками своего внимания к уважения ученых, тогда и занятия Византией нашли во «Франции XVII века почетное место.

Кардинал Мазарини создал богатую библиотеку с многочисленными греческими рукописями, перешедшую после смерти его в Парижскую королевскую библиотеку (теперь Национальная библиотека). Министр Людовика XIV знаменитый Кольбер употреблял все усилия на умножение сокровищ этой библиотеки и на приобретение рукописей за границей. Кардинал Ришелье основал королевскую типографию в Париже, которая должна была издавать выдающихся греческих писателей. И вот, в 1647 году из этой типографии вышел первый том первого собрания византийских историков, и до 1711 года вышло 34 тома in folio. А в год появления первого тома французский ученый издатель Лабб (Labbaes) напечатал воззвание, в котором впервые говорилось об истории Восточной греческой империи, как об «удивительной по количеству событий, привлекательной по разнообразию и замечательной по прочности монархии».

Он с жаром убеждал европейских ученых отыскивать и издавать документы по этому предмету, будто бы, «погребенные в пыли библиотек», и обещая всем сотрудникам вечную славу, «более прочную, чем мрамор и медь».

Во главе ученых сил Франции XVII века стоял знаменитый Дюканж (1610 - 1688), впервые познакомивший не только Западную Европу, но и самих греков с их прежней историей до их завоевания турками. Он написал (никогда не побывав в Греции) «Историю Константинопольской империи при Французских императорах»[1]. Потом — «О Византийских фамилиях»[2], где собрал «богатейший генеалогический материал» (не хуже, чем в Библии, в родословиях древних патриархов!). А в книге «Христианский Константинополь»[3], он дал подробные сведения и о топографии Царьграда до 1453 года. Затем,

[1] «Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français»
[2] De familiis bysantinis
[3] Constantinopolis Christiana

имея от роду уже более семидесяти лет, Дюканж издал в двух томах in folio «Словарь средневекового греческого языка»[1], который до сих пор остается необходимым пособием для всех занимающихся не только византийской, но и вообще средневековой истории. Он первый выпустил в свет также целый ряд византийских историков.

Но не он один работал над этим предметом. Мабильон издал в то время свою «Дипломатику», а Монфокон впервые обосновал «Греческую палеографию», и только к половине XVIII века вышло наконец, сочинение поселившегося в Париже бенедиктинца Бандури: «Восточная империя»[2], где (опять в Париже; через несколько веков и за тридевять земель в тридесятой царстве!) было собрано, или даже создано, громадное количество историко-географического, историко-топографического и археологического материла о византийской империи. И в это же позднее время вышел, наконец, и капитальный труд доминиканца Лекьена (Le Quien) «Христианский Восток»[3], (где опять на западе Европы и в XVII веке!) собраны (или скорее созданы) богатейшие сведения по византийской истории, особенно церковной.

Таким образом, Франция XVIII века устроила византиноведение. Но увлечение им скоро прекратилось. Франция вступила в просветительную эпоху, и передовые умы XVIII века дали самые суровые отзывы о только - что создавшейся восточной истории.

«Существует—говорил Вольтер —еще более смешная история, чем римская со времени Тацита: это — история византийская. Ее недостойный сборник содержит лишь декламацию и чудеса и является позором человеческого ума».

Под влиянием идей XVIII века писал в таком же роде и знаменитый английской историк Гиббон.

Такой отрицательный и пренебрежительный тон по отношению к истории Византии, выработавшийся ко второй половине XVIII века, пережил время революции и перешел в XIX век, когда этот взгляд сделался ходячим мнением.

Философ Гегель (1770—1831), не касаясь ее правдоподобности, писал, например, в своих «Лекциях по философии истории»:

«Византийская империя представляет собою отвратительную картину слабости, где жалкие, даже абсурдные страсти не дают ничего великого в мыслях, делах ц личностях. Возмущения вождей, низвержения императоров интригами придворных, убийства или отравления царей их собственными супругами, сыновьями, женщины, предававшиеся всяческим желаниям и бесчестным поступкам, — вот те сцены, которые развертывает перед нами история Византии, пока гнилое здание восточно-римского государства не было разрушено с половине XV века мощными турками».

На Византию, как на пример, которому не подобало следо-

[1] Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis.

[2] Imperium Orientale.

[3] Oriens Christianus

вать, ссылался и Наполеон I, в эпоху «ста дней», отвечая депутатским палатам к июне 1815 года: «Помогите мне спасти отечество... Не будем подражать примеру Византийской империи, которая, будучи теснима со всех сторон варварами, сделалась посмешищем потомства, занимаясь тонкими спорами в то время, когда вражеский таран разбивал городские ворота».

Только в половине XIX века вновь пробудился интерес к изучению средневековой византийской истории.

Еще в первой половине XVII века Монтескье (1689—1755) в своих «Рассуждениях о причинах величия и падения римлян»[1] придерживался взгляда, что так называемая «история Византии» есть не что иное, как прямое продолжение «римской империи». Но как же было согласовать ее жалкое существование в средние века с ее величием в древности? По словам наших первоисточников Византия была исполнена такими органическими недостатками в социальном строе, религии военном деле, что с трудом можно было себе представить, как такой порочный государственный механизм мог просуществовать до половины XV века.

Ведь также и Гиббон (1737—1794) выражается о ней не лестными словами, говоря: «Я описал торжество варварства и религии». Развитие человеческих обществ со II века пашей эры было, по его мнению, регрессом, в котором главная вина должна падать на христианство. Затем появилась первая критика исторических источников, обнаружилась зависимость их друг от друга и частая апокрифичность получили право гражданства в области истории: нумизматика эпиграфика, сигиллография (наука о печатях), папирология и т.д. Георг Финлей, автор «Истории Греции с эпохи покорения ее римлянами до настоящего времени, т. е. с 146 года до Р. Х. по 1864 год»[2], делит ее всю на шесть отделов

Первый отдел содержит в себе «историю Греции под римским владычеством», и этот «период преобладающего влияния римских начал» он кончает только в первой половине VIII века, со вступлением на престол Льва III Исаврянина (с 716 г.), давшего прежней царь-градской администрации новый характер. И если начало его он слишком протянул в глубь веков, то конец его он определил совершенно правильно. Второй отдел, под условным названием «Византийской империи», оживленный императорами-иконоборцами, длится у него вплоть до покорения Царь-Града крестоносцами в 1204 году, хотя на деле нужно бы окончить его на 1180 году, когда было установлено «торжество православия», с его анафемой всем иноверцам, а остальные года отнести к прологу крестовых походов.

После разрушения крестоносцами Восточной Римской империи начинается третий отдел книги Финлея. Изгнанные «греко-рим-

[1] Consideration sur les causes de la grandeur des Romains et de leur decadence.

[2] Gerge Finlay: A History of Greece from its conquest by the Romans to the present B.C. to A.D. 1864.

ляне» (roman-greeks) бежали в Азию, утвердили свою столицу в Никее, продолжая императорскую власть и оставшихся за ними провинциях по старому образцу. Но хотя их правительство и удержало гордое название Римской империи, оно было лишь выродившимся представителем бывшего большого государства. Этот третий период он называет Константинопольской греческой империей, слабое существование которой было прикончено османскими турками при взятия ими Царь-Града в 1453 году.

Четвертый отдел книги Финлея начат с того времени, когда крестоносцы, покорив большую часть прежней Византийской империи, разделили свои завоевания с венецианцами и основали Латинскую империю Романии с ее Феодальными княжествами в Греции. Владычеству латинян он приписывает упадок греческого влияния на Востоке и даже, хотя для этого и нет оснований, причину «быстрого уменьшения численности греческо нации». Этот отдел тянется у него от взятия Константинополя крестоносцами в 1204 году до покорения острова Паксоса турками в 1566 году. Пятый отдел истории Финлея начинается, как и второй, с падения Царь-Града в 1204 году, что повлекло за собою основание нового греческого государства в восточных провинциях Византийской империи, известного под названием Требизондской (Трапезундской) империи. Она очень походила на грузинские и армянские монархии и в течение двух с половиной столетий имела значительную степень влияния, основанного скорее на ее торговом значении, чем на политической силе или греческой цивилизации, и пала в 1461 году. Шестой и последний отдел истории Византии под европейским ее названием «Греция» тянется у Финлея от 1453 до 1821 года и обнимает время турецкого управления и временного занятия Пелопоннеса Венецианской республикой — с1685 по 1715 год.

Отличие книги Финлея от предшествовавших заключается в том, что последнюю часть своей жизни он провел в Греции, хотя его первоисточники тоже были из Западной Европы.

Первый историк Греции из греков появился только в половине XIX века. Это был Папаригопуло, который в сороковых и в пятидесятых годах выступал с небольшими историческими работами, вроде «О поселении некоторых славянских племен в Пенопоннесе»[1]. Плодом его тринадцатилетних трудов была пятитомная «История греческого народа с древнейших времен до новейших»[2], где излагается вся история Византии до 1832 года, написанная по-новогречески. Особенность автора в том, что он, крайний патриот, и во всех главнейших исторических явлениях видит греческое начало, считая древнее римское влияние случайным и наносным. Он видит в эпохе императоров-иконоборцев по-

[1] Παπαρριγδπουλο: Περι της εποιχησεως, σλαβιχων τινων φυλων εις την Πελοποννησον, 'Αθηνι. 1843.

[2] Ιστορια του ελληνιχου εθνος των'αρχαιοτατων χρονων μεχρι των νεωτερων. 'Αθηναι. 1860-1877.

пытку настоящей социальной реформы и утверждает, что эллинская реформа VIII века, если не касаться основных догматов веры, была с точки зрения социальных изменений гораздо более широкой и систематической, чем совершившаяся позднее в Западной Европе. Но она была слишком смела, и радикальна для византийского общества, вследствие чего за иконоборческой эпохой последовала реакция, и Македонская династия в истории Византии имела консервативное значение.

Это был первый историк Греции из греков, и после него нам снова приходится перейти к иностранцам. из которых нам особенно интересен Бьюри, так как он предвосхитил некоторые из излагаемых здесь идей.

Бьюри тоже выступает в своем роде представителем идеи непрерывной Римской империи. «Нет другого отдела в истории,— говорит он в предисловии к первому тому,—который был бы так затемнен неправильными названиями, как отдел «Позднейшей Римской империи». Древняя Римская империя не переставала существовать до 1453 года. Ряд «римских» императоров продолжался в непрерывной последовательности от Октавиана Августа до Константина Палеолога, последнего византийского императора. В настоящее время, — говорит он, — этот существенный факт затемнен приложением названия «византийская» или «греческая» для «Римской» империи в ее позднейшие времена. Историки не сходятся в определении, где кончается «Римская» империя и начинается «Византийская». Иногда границею этих двух историй считается «основание Константинополя Константином Великим», иногда «смерть Феодосия Великого», иногда «царствование Юстиниана Великого», иногда (как это делает уже известный нам Финлей) «вступление на престол Льва Исаврянина». Но историк, принимающий одно из этих определений, не может утверждать, что историк, принимающий другое, неправ, так как все подобные деления совершенно произвольны. Римская империя не приходила к концу до 1453 года, и разноименные выражения «Византийская», «Греческая», «Ромейская» или «Греко-Римская» империя лишь затемняют реальный факт и способствуют серьезному заблуждению».

Побуждаемый такими соображениями, Бьюри дал своим первым двум томам, доведенным, как известно, до 800 года, заглавие: «История Позднейшей Римской Империи». «В 800 году Кард Великий в Риме был,—говорит он,—провозглашен императором. Только с этих пор и правильно называть две соперничавшие империи Западной и Восточной. Но, к несчастью, название Восточной Римской Империи прилагается и к тому времени, когда это совершенно неправильно. Говорят, например, о Восточной и Западной Римской империи в V веке или о падении Западной, империи в 476 году. Такие утверждения, хотя и освященные авторитетом выдающихся умов, неправильны и ведут к дальнейшей путанице. И в V веке Римская империя была едина и нераздельна, хотя в ней часто было более одного императора.

Никто не говорит о двух Римских империях в дни Констанция и Константа (преемников Константина Великого); а политические отношения Аркадия к Гонорию, Феодосия Малого к Валентиниану III, Льва I к Анфеммию были точно такими, как политические отношения между сыновьями Константина».

Такова «история современной нам византийской истории», а о ее первоисточниках —ученом «Спасителе власти» (Сократе Схоластике) и о его преемнике «Спасителе силы» (Созомене—по-гречески}— я уже говорил в прежних томах, как об апокрифах Эпохи Гуманизма. Содержание всех. этих книг можно рассматривать никак не с исторической, а лишь с психологической точки зрения.

ГЛАВА II

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕХИ ДИНАСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «ВЕЛИКОИ РОМЕИ» И ОБРАЗЧИКИ ТОГО, НА ЧТО НЕ СТОИТ ТЕРЯТЬ ВРЕМЯ СЕРЬЕЗНОМУ ИСТОРИКУ

Не раз говорил уже я на протяжении этого моего длинного исследования, что сбивчивая терминология неизбежно вызывает и сбивчивые представления. Вот, например, греки и Греция. Пойдите на Балканский полуостров и на Ионические острова, где по вашему мнению живут греки, и вы увидите, что никаких греков там нет и что единственно созвучное слово, которое вы там найдете: «грайкос» значит просто — старушечий, и никогда не употребляется в смысле нации или ее родины. Его впервые стали употреблять балканские славяне, называя жителей Мореи **горяками**, т.е. **горцами**, откуда это название и распространилось по Европе. И если знаменитый Плутарх в своих «Биографиях» называет жителей Мореи (т. е. Морской страны) словом **грайкои** (γρατχοι), то из этого можно вынести только то, что он не греческий плутарх, а европейский плут. Настоящий грек никогда по употребил бы слова «старушечий»для собственного своего названия .на родном языке, где оно имеет самый жалкий смысл, и оно могло быть дано только иностранцем в насмешку, хотя бы и происходило от славянского слова «горяк». У греческих классиков Греция всегда называется Эллас или Эллада, т. е. Божья земля, от библейского Эли—бог, а эллинский народ—значит просто: народ божий, что указывает на связь эллинской первичной культуры с семитическою. Но и это название сохранившееся как чисто литературное слово, до сих пор, отсутствует в простонародном языке, который называет себя,—можете себе представить!—не иначе как римским языком пли точнее ромейским (ρωναιξχοζ—так, как и сам Рим на своем языке называется Roma. Точно также и о Константинополе вы не услышите ни разу у туземцев. Он называется там Стамбул или Истамбул, а у местных славян — Царь-Град, как и я предпочитаю его называть. А в средневековых документах он называется также Византией, что распространилось и на всю страну, но интересно, что за ним сохранилось в ново-греческом языке также и название Рим, т. е. Roma, хотя и отличие от прославившегося и средине века Итальянского Рима с прибавкою Новый (η νεα Ρωμη), причем и само слово Новый можно считать за новое, принимая во внимание, что вся Греция вместе с Византией у себя дома до сих пор называется просто Ромеей, как бы показывая нам, что именно тут, а не в Италии, был реальный Великий Рим.

Этим местным именем—Великой Ромеей — я и буду называть Восточную Римскую империю, продолжив ее существование даже и при турках, которые называли свою страну Рум, т. е. тоже Roma (по русски — Рим).

Руководясь общим правилом прилагать в самом начале своего изложения для возможных справок читателя общепринятые у современных историков хронологические вехи данного предмета, я и здесь делаю то же самое и даже в двух видах: сначала ставлю светские вехи в виде ромейских императоров, а затем и клерикальные в виде царь-градских епископов и их продолжения—царь-градских патриархов.

Само собой понятно, что древнейшие из них и здесь в обоих отделах окажутся ложными вехами, заводящего путника в непролазную чащу заблуждений. И я отметил их как ложные вехи еще не укрепившегося человеческого ума.

А из более поздних вех все средневековые годны только для установления хронологии, но никак не для характеристики умственного состояния и религиозных верований, или для характеристики семенной и общественной жизни соответствующего времени на основании того, что мы читаем о них в наших первоисточниках. Почти везде наши первоисточники для средних веков — позднейшие апокрифы и рисуют тогдашних деятелей по образу и подобию своих современных, руководятся своим идеалом.

Самые имена в этих списках совсем не имена, а только греческие и латинские прозвища лиц, носивших при своей жизни, поскольку это относится ко времени до крестовых походов, совсем иные названия: сирийские, еврейские, славянские, македонские, не имевшие ни одного общего звука с приведенными тут, да и но смыслу слов большею частью не подходящие. Но мы вынуждены руководиться ими, так как первоначальные прозвища давнишних деятелей затерялись в глубине веков и наши историки употребляют приведенные здесь имена.

Вот они в последовательном порядке, причем читатель будет очень наивен, если поверит здесь хоть одной дате в вехах додиоклетиановского времени, да и после Диоклетиана (284) вплоть до XIV века указанные здесь годы установлены неизвестно кем, когда и как. Но все же они довольно вероятны, хотя нельзя не признаться, что эта «вероятность»—больше **вера**, чем **знание.**

2 Зак. 66

ТАБЛИЦА II.

Хронологические вехи ромейской государственной истории по европейским авторам XIX века с их латино-греческой апокрифической номенклатурой Эпохи Гуманизма.

I отдел

Апокрифическая «Римская империя» первых трех веков нашей эры и конца первого века до нее.

А.—Псевдо-дохристианское начало. Ложные вехи.

От года: — До года:

—82 Сулла Restitutor Orbis . —76
—70 Помпей Великий .... —48
—45 Юлий Цезарь ...... —44

В. — Псевдо-Христианская эра. Ложные вехи.

От года: — До года:

—27 ОктавианАвгуст .... + 14
[+1 Христос .... + 33]
+14 Тиверий .... + 37
37 Калигула 41
41 Клавдий 54
54 Нерон 6
68 Гальба 69
69 { Отон 69
Вителий 69
Веспасиан .... 79 }
79 Тит 81
81 Домициан 96
96 Нерва 98
98 Траян 117
117 Адриан 138
138 Антонин 161
161 Марк Аврелий 180
180 Коммод 192
192 Пертинакс 192
192 Дидий Юлиан 193
193 Север 211
211 Каракалла 217
217 Макрин 218
218 Елагабаль 222
222 Александр Север 235
235 Максимин 238
238 Гордиан 244
244 Филипп 249
249 Деций 251
251 Галл 253
253 { Валериан 260
Галлиен .... 268 }
268 Клавдий 270
270 Аврелиан 275
275 Тацит 276
276 Проб 282
282 Кар 283
283 { Карин 285
Нумериан .... 284 }

II отдел

Эпоха ромейских автократоров-мелехов.

А. — Сбивчивые вехи первого периода реальной истории Великой Ромеи. Ее властелины называются у греков еще автократорами (αὐτοκράτωρ — самодержец), но не царями (Βασιλεῦς).

От года: — до года:

284 { Диоклетиан ..... }
Максимин ...... } 305
305 { Констанций I 306
Галерий .... *311* }
306 Константин I 337
307 *Лициний* *324*
308 *Максимин* *313*
337 { *Константин II* *340*
Констанций II 361
Констанс .... *350* }
361 Юлиан 363
363 Иовиан 364
364 { *Валентиниан I* *375*
Валент .... 378 }
367 Грациан *383*
375 Валентиниан (II) *392*
379 Феодосий (I) 395

В. — Первые хронологические вехи автономной латинской части. Сбивчивые вехи.

395 Гонорий 423
423 Опека Аэция и Плацидии 444
444 Валентиниан (III) 455
455 Максим 455
455 Авит 456
457 Майоран 461
461 Север (Рицимер) 467
467 Антемий 472
472 Олибрий 472
472 { Глицерий 474
Непот .... 475 }
475 Ромул Августул 476

С. — Более достоверные вехи Византийского продолжения Великой Ромеи.

Эпоха пророчеств.

395 Аркадий 408
408 Феодосий (II) 450
450 Пульхерия его сестра . . *453*
450 Маркиан 457
457 Лев (I) 474
474 { *Лев (II)* *474*
Зенон .... 475 }
475 Василиск 477
477 Зенон (по восстановлении его) 491
491 Анастасий 518

Эпоха автократов-законодателей.

518 Юстин (I) 527
527 Юстиниан (I) 565
565 Юстин (II) 578
578 Тиверий (III) 582
582 Маврикий 601
602 Фока 610

III отдел

Эпоха царей (βασιλεῦσι). *Ираклий первый называется этим греческим титулом, хотя и армянин.*

610 Ираклий 641
[622 — Обособление от агарянства .... 622]
641 { Константин III 641
Гераклеон .... 641 }
641 Констанс II 668
668 Константин V (Погонат) 685
685 Юстиниан II 695
695 Леонтий 698
698 Тиверий Апсимар 705
705 Юстиниан II (по восстановлении) 711

Конец династии Ираклия.

711 { Филиппик (Вардан) . . 713
713 Артемий-Анастасий II 716
716 Феодосий III ...... 717 }

Сирийско-исаврийская династия.

Эпоха богоборства (идолоборства).

717 Лев III Исаврянин ... 741
741 Константин V Копроним 775
775 Лев IV 780
780 { Константин VI..... 797
Императрица Ирина . 802 }

Конец Сирийско-исаврийской династии и первый отказ от иконоборства.

802 Никифор 811
811 Ставракий 811
811 Михаил I Рангави 813
813 Лев V Армянин 820

Начало Аморийской (Фригийской династии)

820 Михаил II Заика 829
829 Феофил 842
842 Императрица Феодора и Михаил III Пьяница . . . 867

Начало македонской династии.

867 Василий I Македонянин. 886
(Окончательное восстановление икон.)

886 Лев VI Философ 911
От 911 по 959 { Александр 912
Константин VII (Порфирородный — один с 945) 959
Роман I Лекапен 945
959 (Христофор, Стефан, Константин VIII). }
959 Роман II 963
963 Никифор Фока 969
969 Иоанн Цимисхий 976
976 { Василий II 1025
Константин IX .....1028 }
1028 Роман III (Аргир) 1034
1034 Михаил IV Пафлагонянин 1041
1041 Михаил Калафат 1042
От 1042 до 1056 { Зоя
Константин X Мономах (муж Зои и еще два ее мужа) 1054
Феодора (сестра Зои, одна с 1054) ...... 1056 }
1054 Отделение латинской (западной) церкви от восточной.
1056 Михаил VI Стратиотик 10 дней 1056

Династия Комненов

1056 Исаак I Комнен 1059
1059 Константин X (XI) Дука 1064
1064 Евдокия 1068
1068 Роман IV Диоген 1071
1071 Михаил VII Дука 1078
1078 Никифор III Ботаниат .1081
1081 Алексий I Комнен 1118

1118 Иоанн II (Кало-Иоанн) Комнен 1143
1143 Мануил Комнен 1180
1180 Алексий I Комнен 1183
1183 Андроник 1185
1185 Исаак II Ангел 1195
1195 Алексий III Ангел 1203
— Алексий IV 1204
1204 Алексий V Мудзуфул . . 1261

Никейская псевдо-империя.

1264 Михаил VIII Палеолог . 1281
1281 Андроник II Палеолог . 1332
1332 Андроник III Палеолог . 1341
1341 Иоанн V Палеолог 1391
1341 Иоанн VI Кантакузен . . 1355
1391 Мануил II Палеолог . . . 1425
1425 Иоанн VII Палеолог . . 1448
1448 Константин XI (XII) Палеолог 1453

1453 г. Взятие Царь-града турками и политический конец Великой Ромеи, если не считать этого момента за ее возвращение к первоначальному государственному языку и к бытовому состоянию в период иконоборства с единственной прибавкой легенды о «Достославном пророке (Магомете)», которая в сущности ничего не меняет.

IV Отдел

Дополнение к хронологическим вехам Ромейской государственной истории. Родословные таблицы византийских династий для показания их не греческой национальности вплоть до XI века.

1) Славянская династия Констанция Хлора.

Констанций Хлор

Константин Великий (отъ Елены † 337) — Юлий Констанций, (от Феодоры)

Константин † 340 | Констанций 337—361 | Констант † 350 | Елена = Юлиан 361—363 | Галл † 354 | Юлиан 361—363 = Елена

2) Иверийско-еврейская династия Феодосия Великого.

Франк Бауто — Феодосий I 379—395

Евдоксия = Аркадий 395—408; Гонорий 395—423

(Маркиан = Пульхерия † 453) 450—457; Феодосий II = Евдокия (Афинаида) 408—450

3) Албанско-исаврийская династия Льва I.

Лев I = Верина 457—474

Зинон = Ариадна = Анастасий I.
474—491 491—518

Лев II
474

4) Славянская династия Юстиниана Великого и Тиверия II.

Юстин I 518—527; Сестра Юстина

Дочь; Юстиниан В. = Феодора 527—565 † 548

Юстин II = София 565—578

Тиверий II (усыновлен) 578—582

Константина = Маврикий 582—602

5) Армянская династия Гераклия.

Евдокия = Гераклий = Мартина
† 612 610 — 641

Константин II 641; Гераклеон (Гераклона) 641

Константин III (Констант II) 641 — 668

Константин IV 668 — 685

Юстиниан II Ринотмет 685 — 695 и 705 — 711

6) Исаврийская или Сирийская династия.

Лев III 717 — 741

Артавазд = Анна; Константин V Копроним 741 — 775

Лев IV Хазар = Ирина
775 — 780 797 — 802

Константин VI 780 — 797

7) Арабско-еврейская династия 802—813 гг.

Никифор I (араб или еврей) 802 — 811

Михаил I Рангавé (грек) = Прокопия; Ставракий 811
811 — 813

8) Аморийская или Фригийская династия.

Михаилъ II Косноязычный
820 — 829.

Феофил = Феодора
829 — 842

Михаил III Пьяница
842 — 867

9) Македонская династия.

Василий I
867 — 886

Лев VI Философ
886 — 912

Александр
912 — 913

Роман I Лекапин
919 — 944

Константин VII Багрянородный
913 — 959

= Елена

Стефан
944—945

Константин
944—945

Никифор II Фока
963 — 969

= Феофано = Роман II
959 — 963

Феодора = Иоанн Цимисхий
969 — 976

Оттон II Герм. = Феофано

Василий II Болгаробойца
976 — 1025

Константин VIII
1025 — 1028

Анна = Владимир Св., князь Киевский

Оттон III

1) Роман III Аргир
1028 — 1034

2) Михаил IV Пафл.
1034 — 1041

3) Константин IX Мономах
1042 — 1054

= Зоя

Федора
1054 — 1056

(Зоя была замужемъ три раза).

10) Греческая династия Дуков.

Константин X = Евдокия Макремволитисса = Роман IV Диоген
1059 — 1067 | 1067 — 1071

Михаил VII Парапинак = Мария = Никифор III Ботаниат
1071 — 1078 | 1078 — 1081

Знаки равенств (=) в этих таблицах обозначают супружество соединенных ими лиц. Если они стоят по обе стороны данного лица, то это значит, что у него или у нее было две жены или два мужа. Здесь возбуждает недоразумение прежде всего, почему в династии Констанция Хлора, т. е. Рыжего Стойкого, не нашлось для детей никаких других прозвищ кроме Стойких же, а также и у Константина Великого, так как прозвищи Констанций, Константин и Констанс — одно и то же имя в трех произношениях. В меньшей мере мы видим эту же тавтологию и в династии Юстиниана, т. е. законодателя. Моя догадка, что тут вместо одноименных Стойких братьев, и вместо трех последовательных «законодателей» было одно лицо, распавшееся в преданиях на три вариации, основана на том, что в Библейской книге «Цари» и в других первоисточниках вместо них указывается как раз одно лицо (вместо трех сыновей Константина — один Надав и вместо трех Юстинов один Манассия и т. д.).

ГЛАВА III

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕХИ КЛЕРИКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ РОМЕИ. СНАЧАЛА ЦАРЬГРАДСКИЕ ЕПИСКОПЫ, А ПОТОМ (С 398 ГОДА) ПАТРИАРХИ

Я уже говорил не раз, что наша псевдо-христианская эра, которую и я поневоле употребляю здесь, была предложена впервые римским монастерионцем украинского происхождения, принявшим имя Дионисия и открывшим, что рождество Христово случилось за 525 лет до того времени, как он начал его вычислять. Ранее этого хитроумного украинца, никто не решался определить ни год, ни месяц упомянутого сенсационного события, да и после него «дионисианский счет» был принят лишь с X века на Западе Европы, а на Востоке еще считали от «сотворения мира». А до того времени счёт событиям велся или по годам наличного царствования, или (в церковных делах) по времени наличного епископа или патриарха. Вот почему в дополнение к предшествовавшему списку хронологических вех я здесь даю и этот, клерикальный.

ТАБЛИЦА III.

Хронологические вехи ромейской клерикальной истории по европейским авторам XIX века с их латино-греческой номенклатурой Эпохи Гуманизма.

A. — Очень сомнительные вехи. От года:		До года:	*B. — Вехи более достоверные по времени, но не по характеру культа.*		
317	Александр	340	398	Иоанн I Златоуст	404
325	Никейский собор		404	Арсакий	406
340	Павел I	342	406	Аттил	426
342	Македоний I	360	426	Сисиний I	428
360	Евдоксий	370	428	Несторий	431
370	Евагрий	370	431	Максимиан	433
370	Демофил	380	431	— Ефесский собор	
380	Григорий Богослов	381	433	Прокл	446
381	— Константинопольский собор		446	Флавиан	449
381	Нектарий	397	449	Анатолий	458
			451	— Халкедонский собор	

458 Геннадий I 471
471 Акакий 489
489 Фравита 489
489 Евфимий I 496
496 Македоний II 511
511 Тимофей I 517
517 Иоанн II 520
520 Епифаний 535
533 — Константинопольский собор
535 Анфим I 536
536 Минна 552
552 Евтихий 565
565 Иоанн III Схоластик . . . 577
577 Евтихий (вторично) . . . 582
582 Иоанн IV Постник 595
595 Кириак 606
607 Фома I 610
610 Сергий I 639
611 — Трулльский местный собор. «Церковное право». 622 — начало агарянской эры
639 Пирр 642
642 Павел II 653
653 Пирр (вторично) 655
655 Петр 666
667 Фома II 669
669 Иоанн V 674
674 Константин I 676
676 Феодор I 678
678 Георгий I 684
680 — Константинопольский общий собор. «Двуестественность Христа»
684 Феодор I (вторично) . . . 687
687 Павел III 693
693 Каллиник I 705
705 Кир 712
712 Иоанн VI 713
713 Герман I 730
730 Анастасий 754
754 Константин II 764
764 Никита I 780
780 Павел IV 784
784 Тарасий 806
787 — Никейский общий собор. Восстановил поклонение портретам и статуям, как сохранилось на Западе до сих пор
806 Никифор I 815
815 Федот I 821
821 Антоний I (иконоб.) . . . 831
832 Иоанн VII Суевер 842
842 Мефодий I 846
842 — Константинопольский восточный местный собор. Установил только поклонение портретам, но не статуям
846 Игнатий 857
857 Фотий 867
867 — Начало Македонской династии
867 Игнатий (вторично) 878
878 Фотий (вторично) 886
886 Стефан I 893
893 Антоний II Кавлей 895
895 Николай I 906
906 Евфимий II 911
911 Николай I (вторично) . . 925
925 Стефан II 928
928 Трифон 931

(Сдвиг на 2 года.)

933 Феофилакт 956
956 Полиевкт 970
970 Василий I 974
974 Антоний III 979

(Сдвиг на 4 года.)

983 Николай II Хрисоверг . . 996
996 Сисиний II 998
999 Сергий II 1019
1019 Евстафий 1025
1025 Алексей 1043
1043 Михаил Керулларий . . . 1058
1054 г. — Разделение Христианской церкви на западную, латинскую, и восточную церкви. Начало греческого господства в Великой Ромее

C.—В изоляции от латинского Запада, но в единении с агарянами.

1059 Константин III Лихуд . 1063
1064 Иоанн VIII Ксифилин . 1075
1075 Св. Косма 1081
1081 Евстратий 1084
1084 Николай III Грамматик 1111
1095 — Начало крестовых походов Западной Европы.
1097 — Переправа крестоносцев через Босфор и взятие ими Антиохии.
1099 — Взятие Эль-Кудса (псевдо-Иерусалима) крестоносцами.
1111 Иоанн IX 1134
1140 — Первые следы учения о «непорочном зачатии»
1134 Св. Лев Стипиот 1143
1143 Михаил II 1146
1146 Косьма II Аттик 1147
1147 Николай IV Музалон . . 1151
1151 Феодосий 1153

1153 Неофит I, неск. месяцев.
1154 Константин IV Лихуд . . 1156
1156 Лука Хрисоверг 1169
1169 Михаил III 1177
1177 Харитон 1178
1178 Феодосий I 1183

D.—Отлучение магометан от христианской церкви и изоляция от присоединившихся к ним агарян.

1183 Василий II Каматир . . . 1186
1186 Никита II Мунтан . . . 1189
1189 Досифей 9 дней
1190 Леонтий 7 месяцев
1190 Досифей вторично 1191
1191 Георгий II Ксифилин . . 1198
1198 Иоанн X Каматир 1206
1203 — Взятие Константинополя крестоносцами и основание «Латинской империи» 1204
1206 Михаил IV Ставрион . . 1212
1212 Феодор II Ириник 1215
1215 Максим I, 6 месяцев . . 1216
1217 Мануил I 1222
1222 Герман II 1240
1240 Мефодий II, 3 месяца . . 1240
1240 Вакансия 1243
1243 Мануил II 1255
1255 Арсений 1260
1260 Никифор II 1260
1261 — Обратное взятие Царьграда Михаилом Палеологом
1261 Арсений вторично 1266
1266 Герман III 1267
1267 Иосиф I 1274
1275 Иоанн XI Векк 1282
1282 Иосиф I вторично 1283
1283 Григорий II Кипрский . 1289
1289 Афанасий I 1293
1294 Иоанн XII 1303
1303 Афанасий I вторично . . 1311
1311 *Сдвиг на два года* 1313
1313 Нифонт I 1315
1316 Иоанн XIII Гликис . . . 1319
1320 Герасим I 1321
1321 *Сдвиг на два года* . . . 1323
1323 Исаия 1333
1333 Иоанн XIV 1347
1347 Исидор I 1347
1350 Каликст I Святогорец . 1354
1354 Филофей 1355
1355 Каликст I вторично . . . 1362
1362 Филофей вторично 1376
1376 Макарий 1378
1378 Нил 1388
1388 Антоний IV 1395
1389 — Установление праздника «непорочного зачатия»
1396 Калликст II . . . .
1397 Матфей I 1410
1410 Евфимий 1416
1416 Иосиф II 1439
1416 Митрофан II 1443
1445 Григорий III Меллисин . 1450
1450 Афанасий II 1453
1453 — Завоевание Константинополя турками
1453 Геннадий II Схоларий . 1460
1460 Исидор II 1465
1465 Софроний 1466
1466 Иоаса I 1469
1469 Марк II 1470
1470 Симеон I 1473
1473 Дионисий I 1478
1478 Симеон I вторично . . . 1481
1481 Рафаил I один год
1482 Максим II 6 лет 1488
1488 Никонт II 1490
1490 Дионисий I вторично . . 1493
1493 Максим III 1499
1499 Нифонт II вторично . . 1500
1500 Иоаким I 1504
1504 Пахомий I 1505
1505 Иоаким I вторично . . . 1506
1506 Пахомий I вторично . . 1511
1511 Феолепт I 1520
1520 Иеремия I 1523
— Иоанникий I, поспешно избранный и скоро низложенный . . . . —
1529 Иеремия I вторично . . . 1543
1543 Дионисий II 1551
1551 Иоасаф II 1565
1565 Митрофан III 1572
1572 Иеремия II 1579
1579 Митрофан III вторично . 1580
1580 Иеремия II вторично . . 1584
1584 Пахомий II 1585
1585 Феолепт II 1586
1586 Иеремия II в третий раз . 1594
— Матфей II, 17—19 дней
— Гавриил I, 5—6 месяцев 1595
— Феофан 6—7 месяцев
— Мелетий Александрийский около года
1596 Матфей II вторично . . . 1600
1600 Неофит II 1601
— Матфей II в третий раз 15 дней . . . . —
— Рафаил II $5^1/_2$ лет, изгнан 1608
1608 Неофит II вторично . . . 1613
1613 Кирилл I Лукарис как правитель 1614
1614 Тимофей II 1621

—	Григорий IV 73 дня	
—	Анфим II 60—70 дней	
1624	Кирилл I вторично	1632
—	Кирилл II Контарь 6—7 дней	—
1632	Кирилл I в третий раз	1633
—	Афанасий III Пателярий 30—40 дней	—
—	Кирилл I в четвертый раз	1634
1634	Афанасий III вторично	1635
1635	Кирилл II вторично	1636
1636	Неофит III	1637
1637	Кирилл I в пятый раз	1639
1639	Парфений I	1644
1644	Парфений II	1649
1646	Иоанникий II	1647
1647	Парфений II вторично	1650
1650	Иоанникий II вторично	1651
—	Кирилл III 20 дней	—
—	Афанасий III в третий раз 15 дней	1654
—	Паисий I год и 9 дней	—
1653	Иоанникий II в 3-ий раз	1655
—	Кирилл III вторично 15 дней	—
—	Паисий вторично 11 месяцев	—
1656	Парфений III	1657
—	Гавриил II, 12 дней	—
1657	Парфений IV	1660
1660	Дионисий II	1665
1665	Парфений IV	1668
1668	Климент	1669
1669	Мефодий III	1671
1671	Парфений IV	1672
1672	Дионисий IV	1673
1673	Герасим II	1675
1675	Парфений IV в четвертый раз	1676
1676	Дионисий IV вторично	1679
—	Афанасий IV, 12—14 дней	—
1679	Иаков	1682
1682	Дионисий IV в третий раз	1684
1684	Парфений IV в 5 раз	1685
1685	Иаков вторично	1686
—	Дионисий IV в 4-ый раз 2 месяца	—
1686	Иаков в 3-ий раз	1690
1690	Каллиник II	1691
—	Неофит IV 3 месяца	—
1693	Каллиник II вторично	1693
1693	Дионисий IV в 5-ый раз	1694
1694	Каллиник II в 3-ий раз	1702
1702	Гавриил III	1710
1710	Афанасий V	1711
1711	Кирилл IV	1713
—	Киприан вторично 4 месяца	—
1713	Косма III	1715
1715	Иеремия III	1726
—	Каллиник III, умерший от радости по избрании	—
1726	Паисий II	1732
1732	Иеремия III	1733
1733	Серафим I	1734
1734	Неофит VI	1740
1740	Паисий II в 2-ой раз	1742
1742	Неофит VI в 6-ой раз	1744
1744	Паисий II в 3-ий раз	1748
1748	Кирилл V	1751
1751	Паисий II в 4-ый раз	1752
1752	Кирилл V вторично	1757
—	Каллиник IV	1757
1757	Серафим II	1760
1760	Ианникий III	1764
1764	Самуил I	1768
1768	Мелетий II	1769
1769	Феодосий II	1773
1773	Самуил I вторично	1784
1774	Софроний II	1780
1780	Гавриил IV	1781
1784	Прокопий	1780
1789	Неофит VII	1799
1794	Герасим III	1794
1797	Григорий V	1797
1799	Неофит VII вторично	1809

ГЛАВА IV

СРЕДНИЕ ГОДЫ НАСЛЕДСТВЕННОЙ И ВЫБОРНОЙ ВЛАСТИ, КАК СРЕДСТВО ДЛЯ ПРОВЕРКИ РЕАЛЬНОСТИ ХРОНОЛОГИЙ

Таковы вехи, даваемые нам историками Византии-Ромеи для хронологирования ее событий. Посмотрим теперь, насколько они надежны.

Высмеивая в VI томе этого моего исследования Бругшеву хронологию древнеегипетских династий, где он каждому султану дает по $33^1/_3$ года царствования, я указывал, что при этом условии и наследник каждого должен бы родиться в среднем только на 33 году жизни своего отца, что явно слишком поздно для древних людей, женившихся уже на восемнадцатом году.

Действительно, ведь каждый царь обязательно должен рождаться, а не упасть с неба. Значит, при сплошном переходе трона от отца к сыну в продолжение нескольких поколений среднее время царствований обязательно будет и средним временем рождаемости сына-первенца, который (в среднем) обычно появляется года через 2-3 после брака. Значит, тут мы можем тотчас же определить и достижение царями данной династии половой зрелости (и их брачного возраста), уменьшив среднее время царствований от двух до четырех лет.

При переходе трона к брату надо просто выключить брата из счета царей, а при переходе трона к внуку надо прибавить к счету царей и его отца, как будто царствовавшего нуль лет. А если хотим продолжить расчет на несколько династий, то надо считать родоначальника второй династии как бы за брата последнего царя из предшествовавшей.

Разделив затем весь взятый нами период времени на число лиц, царствовавших в продолжение его, и вычтя из частного от двух до четырех лет, мы и получим среднее время их брачного возраста и подовой зрелости.

Здесь историческое исследование мы переводим на физиологическое и обрабатываем историю физиологией.

Такое соображение навело меня на мысль проверить свой вывод на более достоверных династических историях культурных. государств, и при первом же расчете среднее время царствований их монархов действительно получилось у меня близкое к половой, зрелости современного человека.

Так, в немецкой династической истории (сначала королей, а потом императоров) от воцарения Генриха IV (1056 год) до низложения Вильгельма II (1918 год) прошло 862 года и было 40 смен, причем на каждую пришлось в среднем около 21 года; вычтя отсюда от 2 до 4 лет, мы получаем время их половой зрелости от 17 до 19 лет от роду.

Во Французской династической истории (сначала королей, а потом императоров) от воцарения Анри I (1030 год) до низложения Наполеона III (1870 год) прошло 840 лет и было 42 смены. На каждую в среднем пришлось 20 лет, и средний возраст их половой зрелости получился от 16 до 18 лет от роду.

В английской династической истории от воцарения Эдуарда III Исповедника (1042 год) до воцарения Виктории (1837 год) прошло 795 лет, и было 37 смен, на каждую в среднем 21 год. И здесь половая зрелость получается на 17 году жизни.

В русской царско-императорской истории от воцарения

Михаила Федоровича (1613 год) до низложения Николая II (1917 год) прошло 304 года, и, если исключим отсюда убитых «своими родными, тотчас по воцарении, Иоанна Антоновича и Петра III, то —15 смен, в среднем по 20 лет на каждую. Опять имеем то же самое! Половая зрелость на 16—17 году.

Мы видим, что везде в новой истории, начиная с XI века, мы получаем для среднего времени царствования около 20—21года, и если это несколько менее действительного среднего времени рождения первенцев у императоров, то лишь потому, что время от времени, императоры (по случаю своего низвержения или по другим причинам) умирали бездетными и их заменяли родственники того же или даже большего возраста, чем они.

Таким образом, и моя насмешка над бругшевыми египетскими династиями, где, несмотря на невежество династических переворотов, каждому «фараону» от Менеса (—4466 год!) до Рэ-Мессианцев ($1133^1/_3$ год!) он дает по $33^1/_3$ года царствования, является вполне научно обоснованной. А если мне скажут, что в древности и на юге люди позднее достигали полевой зрелости, чем в северных странах, и что в Египте делались способными произвести ребенка только на 33 году от своего рождения, то помимо указания на общеизвестные обратные факты, я могу опровергнуть это и исторически.

Возьмем, например, поздних византийских императоров, начиная от Феодоры, вступившей на престол в 1054 году, и до Константина Палеолога, низвергнутого и убитого турками в 1453 году. За это время прошло 399 лет и было 26 смен, на каждую в среднем по 15 лет, т. е. вдвое меньше, чем Бругш считает для своих «Фараонов», как никогда не назывались египетские сутэны-султаны. Но этот малый срок происходит не только от более ранних браков того времени, а и от большего числа превратностей, окружавших власть того времени. Вот, например, хотя бы в до-царской русской истории. Летописцы нам говорят, что от Рюрика (862 год) до Ярослава Мудрого (1054 год) за 192 года царей было только 7, и, следовательно, они (если это правда) царствовали исключительно долго, в среднем по 27 лет каждый, т.е. достигали половой зрелости, не ранее, как на 24 году. Немного поздновато! Но вслед за тем их смертность вдруг увеличилась в целых четыре раза. Начиная с Изяслава Ярославовича (1054 год) до последнего Александра Тверского (1328 год), они, живя то в Киеве, то во Владимире, то в Костроме, то в Переяславле Залесском, то в Твери, то в Городце, и раз даже в Москве, совершили в 274 года 39 смен и в среднем царствовали только по 7 лет вместо прежних 27. Отчего после Ярослава. Мудрого средняя продолжительность их власти на «святой Руси» сразу пала так сильно ? Ни один историк еще не затрагивал этого вопроса, но объяснить его одними междуусобными войнами как будто очень трудно. Таких переходов *в* природе не бывает. А так как нельзя сказать, что они достигали половой зрелости на 4 году от рождения, то, и не перечитывая генеалогических таблиц, мы можем сказать, что болыпинство из них получали власть не по наследству, а путем захвата друг у друга.

Короткие сроки власти мы видим и у князей церкви, где власть переходила не по правам рождения, а по правам избрания. Вот, например, — хотя бы римские папы, начиная с первого великого римского Понтифекса, принявшего папский титул, Григория Гильдебранда (1073 год), и до Иннокентия IX (1591 год). За это время прошло 518 лет, и было около 114 смен, причем на каждую приходилось в среднем только $4^1/_2$ года, потому что тогда выбирали людей «по их святости» «в преклонном возрасте». Но это приводило ко многим неудобствам для церкви, и в результате с конца XVI века, по пословице «на бога надейся, а сам не плошай», стали выбирать на папский престол людей посильнее и помоложе, хотя и не юношей. В результате от Климента VIII (1592 год) до Пия IX (умер в 1878 году) за 286 лет произошло только 25 смен, и на каждого папу пришлось в среднем уже по 11 лет, в три раза больше, чем ранее, когда выбирали по святости.

Читатель сам видит, как красноречиво характеризуют эти «средние статистические числа» обстоятельства дела, а потому они должны также служить для проверки реальности той или другой исторической хронологии, а если она реальна, то характеризовать ее внутренние пружины. Большею частью их легко определить.

Вот, хотя бы, — позднейшие константинопольские патриархи, начиная от Михаила Келлулярия (вступил в 1043 году) до Иоакима IV (умер в 1886 году). За это время прошло 843 года, и было 214 смен по 4 года на каждую, как это было и в папском Риме до Климента (1591 год). А до этого времени, от первого константинопольского патриарха Александра (317 год) до Михаила Келлулярия прошло 726 лет и 80 смен, по 9 лет на каждого. Выходит, что, идя обратно возрастанию римской хитрости, Константинопольское духовенство с течением веков становилось более простодушно и во второй период начало в своих выборах «полагаться более на бога, чем на человеков».

Стараясь проверить таким способом древние династические и патриархальные хронологии, я подсчитал их и ранее XI века, и результаты получились не утешительные. Так, я уже говорил, что князья древней Руси ранее XI века от Рюрика (в 862 году) до Ярослава Мудрого (умер в 1054 году) оказались резко отличающимися от всех последующих необычайно долгою среднею продолжительностью своего царствования (около 27 лет). И вдруг то же самое выходит и с русскими митрополитами ранее XI века! От первого из них Михаила (вступил в 988 году) до Иллариона (умершего в 1056 году) прошло 68 лет и было 5 смен, на каждую в среднем по 14 вместо только-что указанных 4 лет.

Правдоподобны ли такие резкие перемены, а с ними и вся династическая и церковная история древней Руси, до Ярослава Мудрого? Предоставляю решить читателю.

Вот, затем — короли Англии, начиная с первого из них Эгберта (с 800 года) вплоть до Эдуарда-Исповедника (вступившего

в 1042 году). За это время прошло 242 года и было 18 смен, на каждую в среднем по $13^1/_2$ лет. Как будто немножко маловато, так как в случае незначительности насильственных переворотов, каждому королю здесь приходилось бы произвести себе наследника, в среднем на 14 году жизни, а при обычных отступлениях от средней нормы и на десятом году.

Вот — короли Франции Каролингской династии, начиная с Пипина (вступил в 752 году), до Анри I (вступившего в 1031 году). Исключив тут соправителя Карла Великого, Карломана, находим, что за 279 лет было тут 16 смен, по 17 лет на каждую, что требовало и производства наследника в среднем на 17 году, и достижения половой зрелости на 14 или 15 году. Конечно, это еще возможно, но ведь от средней нормы должны быть отступления не только в больший, но и в меньший возраст.

Вот — западно-римские императоры германского происхождения. Начиная от первого из них, Карла Великого (взошел на престол в 800 году) и до Генриха II (умер в 1039 году), прошло 239 лет, и (за исключением соправительства Гуго и Ламберта) было 15 смен, в среднем по 16 лет на каждую, а следовательно столько же лет и на рождение наследника и лет 14 на половую зрелость (а в вариационных отступлениях и менее того).

Вот — императоры Восточно-Римской империи от Аркадия (395 год) до Константина Мономаха (1056 год). В это время прошел 661 год и, за исключением соправительств, было 47 смен, на каждую из которых в среднем дано 14 лет, а в вариационных отступлениях и значительно менее.

Вот — императоры Западной империи от Гонория (395 год) до Ромула-Августула (476 год). Времени прошло 81 год и было 10 смен, по 8 лет на каждую, что можно, впрочем, объяснить тут многими переворотами.

А вот, наконец, — и императоры псевдо-итальянского «Среднего Рима». От Тиверия (14 год) до Коммода (умер в 192 году) прошло 178 лет и 16 смен, в среднем по 11 лет на каждую. Опять мало. Затем от Пертинакса (192 год) до Нумериана (умер в 284 году) прошло 92 года, и было 19 смен, на каждую в среднем по 5 лет. Совсем мало. Затем с Диоклетиана (284 год) до Феодосия I (395 год) прошло 111 лет, и, за исключением соправителей, на каждого вышло по 14 лет, что уже более правдоподобно.

А взявши древний Рим, мы видим, что от основания его Ромулом в минус 753 году и до изгнания из него Тарквиния Гордого прошло 243 года, а сменилось только 7 императоров, так что каждый из них царствовал в среднем по 35 лет, достигая способности произвести ребенка никак не ранее 32 лет от своего рождения. Даже больше, чем египетские фараоны Бругша!

Сравните это разнообразие с теми сходными друг с другом средними числами отдельных царствований, какие нам дает новая история, начиная с XI века и до наших дней (в Германии 21 год, во Франции 20 лет, в Англии 21 год, в императорской России 21 год). Обратите внимание на все резкие скачки от невероятно больших сроков царствования «первых семи римских и первых семи русских царей» (семь от Ромула до Тарквиния по 35 лет и семь же от Рюрика до Ярослава по 27 лет) к дальнейшим ничтожным числам, при которых цари должны были производить своих детей уже нередко в пятилетнем возрасте, — и вы сами увидите, что вся хронологическая система древности и даже начала средних веков более похожа на чистую фантазию, чем на историческую реальность. А если вы обратитесь к Библии, то найдете там и еще более замечательные курьезы. Вот например, — десять допотопных патриархов от Адама до Ноя включительно. По пятой главе Бытия они достигали половой зрелости только на 155 году своей жизни.

Посмотрим теперь и на вариационные отступления половых зрелостей отдельных царей от найденной средней нормы.

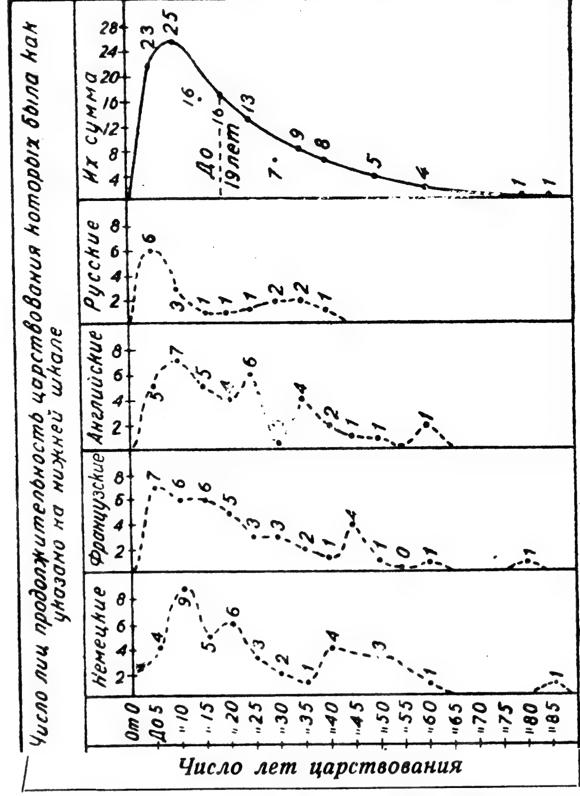

Рис. 4. Закон случайных отклонений от средней нормы, для тех случаев, когда отклонения эти естественны, а не поддельны.

В природе при большом числе отдельных случаев они должны иметь определенный характер, выражающийся графически дугообразною кривою (рис. 4, вверху).[1]

[1] Для хорошего выражения дуги необходимо не менее 1000 случаев.

Поясняю это более детально.

На нашей диаграмме (рис. 4) внизу, на линии абсцисс дана шкала продолжительностей царствования в виде промежутков от 0 до 5, от 5 до 10 и т. д. лет, а сбоку на линии ординат дано число лиц, имевших указанную внизу продолжительность царствования. Соответственно этому масштабу и поставлены на поле диаграммы точки, обозначенные числами. Например, в нижнем отделе точка 4 показывает, что из 39 взятых нами подряд немецких царей только 4 имели продолжительность царствования от 0 до 5 лет; только 9 от 5 до 10 лет и т. д. Если б вместо 39 царей мы взяли сотню, то пунктирная линия, соединяющая все эти точки на поле диаграммы, уже не была бы такой зубчатой.

Действительно, взяв сумму помеченных в нижних четырех отделах немецких, французских, английских и русских царей из взятых нами династий, мы получаем уже 122 человека, продолжительности царствования которых довольно правильно расположили около теоретической кривой изображенной вверху рисунка 3. А на отдельных графиках виден лишь намек на дугообразность, причем наибольшее число случаев приходится на промежуток от 5 до 10 лет. А среднее арифметическое приходится на возраст между 15 и 20 годами, т. е. как раз на время половой зрелости.

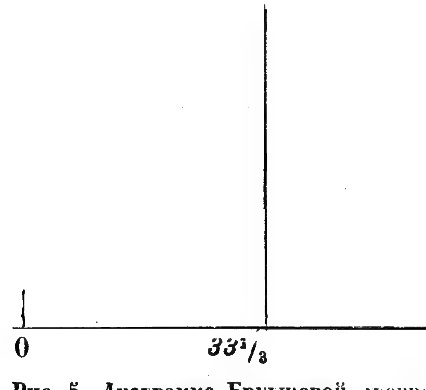

Рис. 5. Диаграмма Бругшевой древнеегипетской хронологии.

Рассмотрим тоже с этой точки зрения и некоторые «древние династии». Самая смешная из них, держащаяся и до сих пор, — это египетские фараоны Бругша, где автор лично дает каждому древнему царю неизменно по $33^1/_3$ года, чтоб в столетие вышло ровно три царя. На диаграмме она дает простой перпендикуляр, опущенный на линию абсцисс на расстоянии $33^1/_3$ лет (рис. 5).

Вот, например, — и родословная Христа у евангелиста Матвея. От Аб-Рама до Давида было 14 родов, от Давида до переселения в Вавилон 14 родов и от переселения в Вавилон до Христа 14 родов (Матв. I, 17).

По современным историкам Аб-Рам родился в минус 2000 году, а Давид умер в минус 1020 году; прошло 980 лет и 14 патриархов, из которых каждый в среднем достигал половой зрелости и производил первого сына только на 70 году своей жизни.

Давид воцарился в минус 1053 году, а Иоаким, при котором произошло переселение в Вавилон, умер в минус 607 году. Прошло 446 лет, и в этот период сменилось тоже 14 родов, т. е. половая зрелость сильно ускорилась, и люди вместо прежнего

70-летнего возраста стали в среднем достигать половой зрелости, почти в таком же возрасте, как и египетские цари у Бругша, — на 32 году от своего рождения.

Затем наступил третий и последний период: от Иоакима до рождения Христа.

В этот период времени, за 607 лет, время достижения половой зрелости у людей снова повысилось, каждый мужчина в среднем

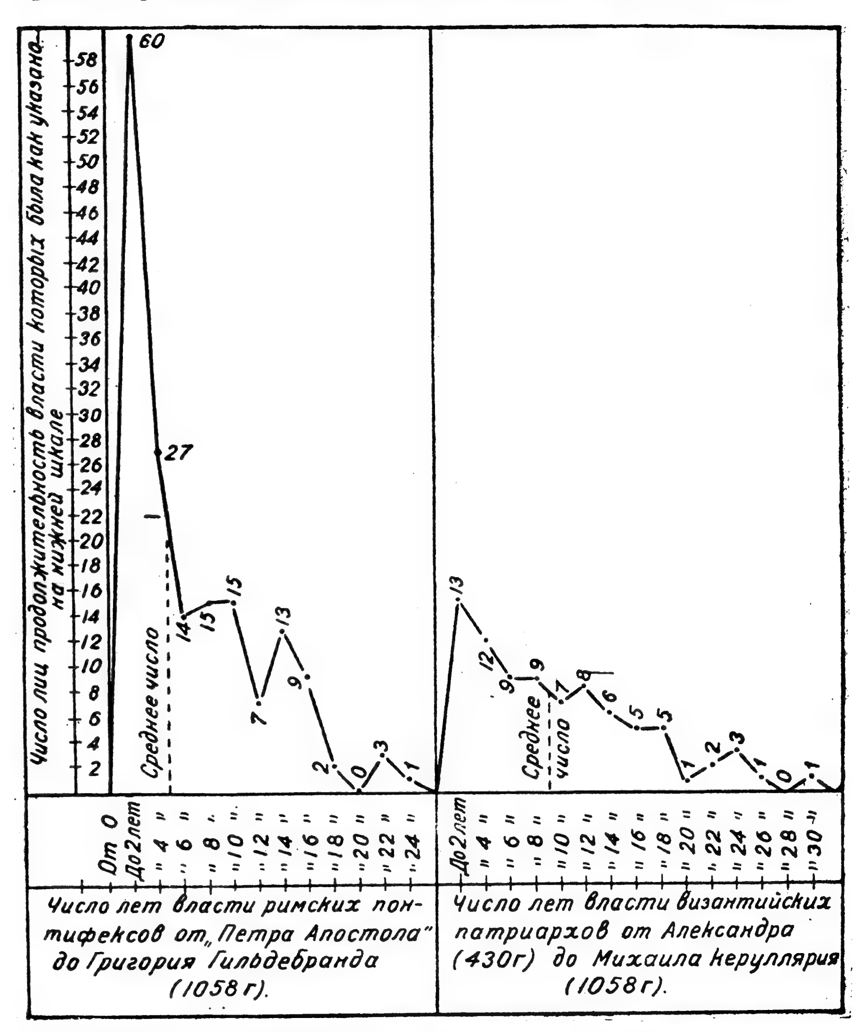

Рис. 6. Закон вариационных отступлений полу-подложных иерархических преемственностей, когда в данный промежуток времени стараются втиснуть больше деятелей, чем их действительно было.

достигал ее на 43 году от своего рождения. А насчет правильности вариационных уклонений тут и говорить не приходится: на

14 случаях вариационный закон еще совершенно не выясняется. Нелепость же всего этого хронологированья достаточно видна и по средним числам половой зрелости.

Возьмем еще другой факт.

Вот — римские великие понтифексы, до Григория Гильдебранда, которых тенденциозно называют папами, хотя Гильдебранд первый принял этот титул (рис. 6).

От начала эпископства первого из них — апостола Петра, в котором (в VI книге) мы уже узнали простой метеоритный камень, до Григория Гильдебранда (1073 год) прошло 1006 лет и было 155 смен в среднем по 6,5 лет на каждую.

А вот — и Константинопольские патриархи от Александра (340 год) до Михаила Керуллария (умер в 1058 году). Прошло 718 лет, и было 80 смен, на каждую в среднем около 9 лет. Расчленив время их власти на двухлетия, от 0 до 2, от 2 до 4 лет и т. д. и перенеся на диаграмму (рис. 6) мы видим, что обе линии сразу показывают свою искусственность, так как не удовлетворяют вариационному закону. Ни в какую дугообразную кривую их диаграмма не укладывается. В понтификальной кривой мы видим только стремление уместить в указанный промежуток большое количество набранных имен, вследствие чего и пришлось давать им сроки менее двух лет. Благодаря этому, левый конец данной кривой и поднялся так высоко по сравнению с аналогичной кривой для константинопольских патриархов. Да и остальная часть обеих кривых ничем не напоминает естественной вариационной дуги. Искусственное уменьшение числа патриархов с долгой властью даже неизбежно при фантастическом творчестве. При каждой новой вставке (даже и в Бругшеву $33^1/_3$-летнюю схему!) всякое дополнительное лицо пришлось бы вставлять путем сокращения того или другого из прежних равномерных властвований, и при большем числе вставок вышло бы в среднем то, что мы и видим на приложенных здесь схемах.

Отсюда видно, что приведенные в предшествовавшей главе хронологические вехи, в виде последовательного ряда ее светских и духовных властелинов с указанием годов их власти, далеко не надежны. Это же окажется у нас и далее — при исследовании древних китайских, индусских и персидских династий.

Рис. 7. Подложная печать царя дария.

ЧАСТЬ I

ДО-ГРЕЧЕСКАЯ ВЕЛИКАЯ РОМЕЯ

Рис. 8. Бронзовая статуэтка, найденная в Геркулануме и считаемая за изображение Александра Великого.

ГЛАВА I

БОГОПРИЗВАННЫЙ ЦАРЬ И ТРОЕ «СТОЙКИХ ЦАРЕЙ», КАК ОСНОВАТЕЛИ ВЕЛИКОЙ РОМЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ЕСТЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЕЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА НА ПРОЛИВАХ МРАМОРНОГО МОРЯ. АРИАНСТВО, ВЫШЕДШЕЕ ИЗ ФЛЕГРЕЙСКИХ ПОЛЕЙ ИТАЛИИ И ОКРЕПШЕЕ НА ПОЛЕ ПИРАМИД ЕГИПТА, КАК ЕЕ ПЕРВАЯ ЕСТЕСТВЕННАЯ И ГОСУДАРСТВЕННО-ОПЕКАЕМАЯ РЕЛИГИЯ

В настоящее время едва ли найдется много историков, которые по примеру своих средневековых учителей Эпохи Возрождения продолжают утверждать, что судьбы народов зависят от произвола их самодержавных правителей. Ведь, даже и предшествовавшие им клерикалы держались мнения, что цари земные — только орудия в руках творца нашего видимого и невидимого мира. И лишь потом, когда невидимый мир был удален в особые богословские факультеты, светские историки стали заниматься на историко-филологических отделениях одним только видимым миром и искать в нем одном естественные причины и следствия всех событий, помимо ежедневного вмешательства «творца обоих миров». Но они лишь заменили божественный произвол человеческим и стали отожествлять историю народов с историей их царей, уверив, наконец, и их самих, что все зависит от их воли:

Мигнет — и встанут все народы,
Махнет — и ниц они падут,
Речет — и в дальние походы
Полки несметные идут . . .

Остатки этого взгляда особенно упорно держались у византистов. Среди них и до сих пор есть такие, которые не могут себе представить, каким образом можно излагать историю Византии помимо династических случайностей, родственных связей, бракосочетаний, придворных интриг и индивидуальных капризов ее самодержцев.

Занимаясь здесь обоснованием новой рациональной истории Ромейской империи, как первого большого, а потому и первого

культурного государства в истории человечества, я должен сначала подвергнуть серьезному критическому разбору привитые нам еще на школьной скамье автократические представления о развитии цивилизации на Ближнем Востоке. Но для этого мне поневоле приходится подробно излагать и устарелые взгляды, иначе выйдет то же, что игра на шахматной доске одними черным и белым офицерами; один гуляет по черным клеткам, другой по белым, и потому оба не имеют никаких точек соприкосновения друг с другом. Попытку такого обособления двух исторических дисциплин мы видим и в разделении истории человечества на церковную — священную — историю, и на светскую — не священную, — причем при чтении светской истории читателю рекомендовалось позабыть все, что он читал в церковной, а при чтении церковной покрыть в своем мозгу непроницаемой завесой все, что он читал в светской, создавая таким образом в себе то раздвоение личности, которое изредка наблюдается у психических больных.

Для того чтобы выработалась, наконец, серьезная историческая наука, надо сделать ее разносторонней, разорвав искусственную завесу не только между эволюцией религиозных представлений и эволюцией гражданственности, но и вообще между естественными и историческими науками. Наука по самой сущности едина. Специалист в какой-либо одной ее области, не имеющий понятия о других областях, не может быть исследователем, ведущим к новым крупным открытиям, а только простым ремесленником, пользующимся более или менее искусно открытиями других для приложения их к отдельным практическим целям и способным усовершенствовать разве какую-нибудь мелочь в изобретенном другими аппарате. При осмысленном изучении истории земного человечества мы прежде всего должны ознакомиться с ареной его деятельности — земным шаром — и особенно с климатическими, почвенными и гидрографическими условиями различных его областей. Мы поневоле должны начать наше знакомство с современного состояния земли, как планеты, чтобы на основании непосредственно наблюдаемых нами фактов восстановить и предшествовавшие им по общим эволюционным законам вплоть до последнего погружения под поверхность Северного моря и одновременного с ним оледенения северной части северного полушария земли, потому что это было уже в период существования человека (рис. 15).

Тогда путем простого сопоставления приложенных здесь карт мы могли бы не только проверить то, что передает нам ненадежная традиция прошлых мало просвещенных поколений, но и установить реальный ход человеческой культуры по земной поверхности. И прежде всего мы были бы должны признать, что после периода обледенения, в ту эпоху, когда человечество стало переходить к оседлому образу жизни, — а основными путями человеческих сношений с более или менее отдаленными странами служили, за отсутствием наземных дорог, только реки и морские

берега, — инициативным и руководящим центром культуртрегерства должна была служить на земле восточная часть Средиземного моря.

Мы могли бы указать априорно даже и детали.

Достаточно бросить беглый взгляд на климатические, почвенные и металлургические особенности Балканского полуострова и прилегающих к нему областей — Ломбардии, Австрии, Малой Азии и Архипелага, чтобы увидеть, что именно на берегах Мраморного моря и должна была образоваться столица первой земной империи (рис. 9—15).

Открытие способов плавления медных руд на Кипре и железных на Балканах и выделки из них оружия и орудий производства сделали впервые возможными обширную администрацию (централизированную именно в Царь-Граде) и земледелие вне долины Нила, и конечно прежде всего по соседству с самими рудами. Легкость перенесения металлических орудий производства быстро распространила их на сотни километров кругом, но это могло быть только вместе с развитием речного, прибрежного и архипелажного мореплавания, как единственных и первых способов более или менее отдаленных сообщений в древности.

Ведь, при первоначальной редкости населения никаких проселочных дорог не могло быть построено между затерянными друг для друга пунктами оседлых поселений. А попробуйте-ка, разыскивать их каждый раз заново по промежуточным лесам холмам и полям, и вы увидите сами, что это будет труднее, чем плыть по открытому морю без компаса при невидимости берегов. Совсем другое дело, когда они видны, а потому реки и берега морей всегда были самыми верными первичными дорогами и руководителями первичных человеческих общений.

Но окрестности Босфора имели и другие причины стать центром древнейшей земной культуры.

Скотоводство, к которому были приспособлены Балканский и Анатолийский полуострова, служившие вероятно первыми местами разведения рогатого скота, так как многие названия в Малой Азии — Босфор, Тавр, Антитавр, да и сама Турция (Таврития), происходят от греческого названия быка бóосом и тавром или туром. Разнообразный характер местности, то лесистой на холмах и горах, то полевой в равнинах, при общей мягкости климата, довершил те причины, по которым именно здесь, а не в долине Мертвого Моря, не в Месопотамии, не в Аравии и даже не в итальянской Романьи и не на берегах Ян-дзы-дзяна должна была образоваться первая великая империя человечества.

Я не буду здесь входить в подробное географическое описание этих стран, как сделал раньше для Палестины, Аравии, Итальянской кампаньи и вулканических Флегрейских полей. Там я обосновывал их особенностями свою новую точку зрения на преемственную непрерывность человеческой культуры, опровергая или трансформируя укоренившиеся у нас взгляды на роль этих

Места без поднятий
Древнейшие и древние поднятия
Молодые поднятия
Вулканы

Рис. 9. Область устойчивого и неустойчивого состояния последних геологических напластований земного шара. (Из курса географии.

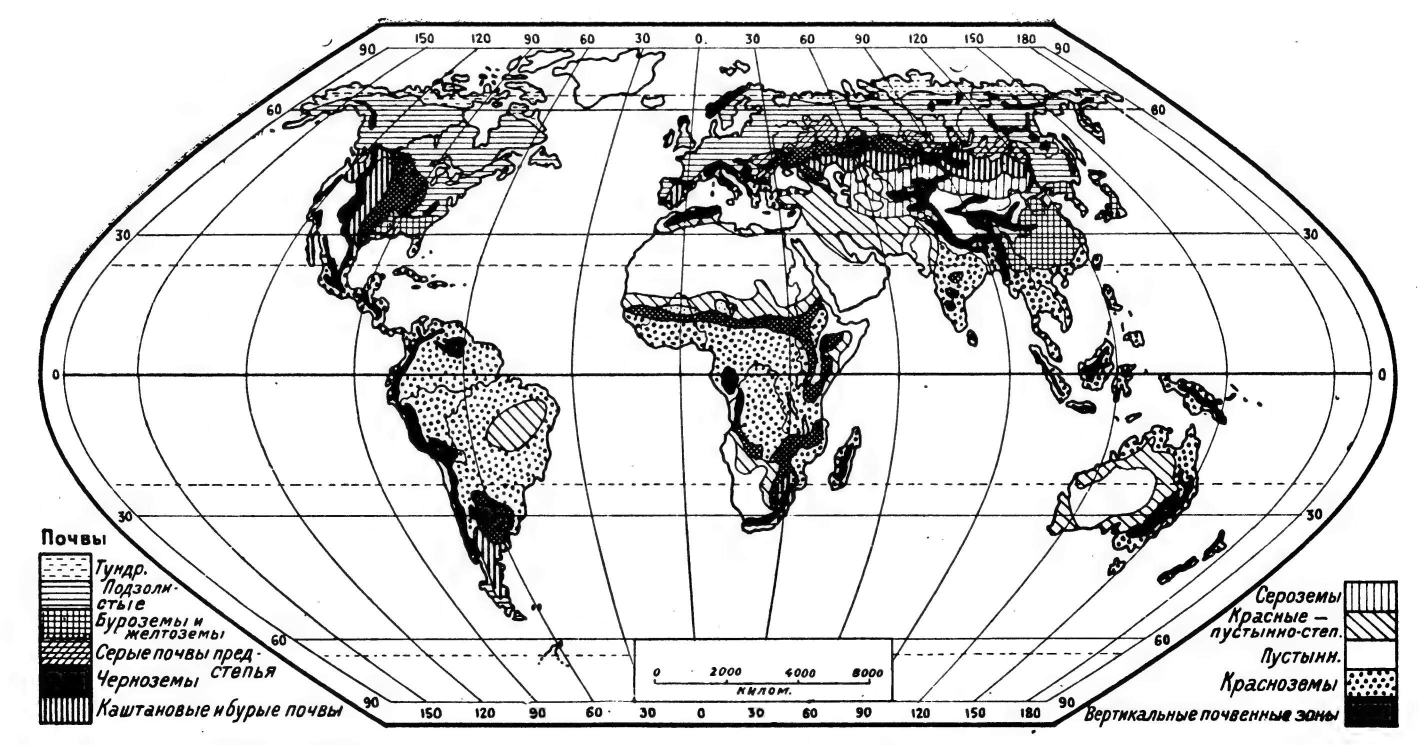

Рис. 10. Почвенная карта современного нам земного шара. (Из курса географии Г. Иванова.)

5 Зак. 66

Рис. 11. Хозяйственная карта земного шара в XIX веке. (По Г. Иванову.)

мест в истории человеческой культуры. А в описании особенностей Балканского полуострова и прилегающих к нему стран

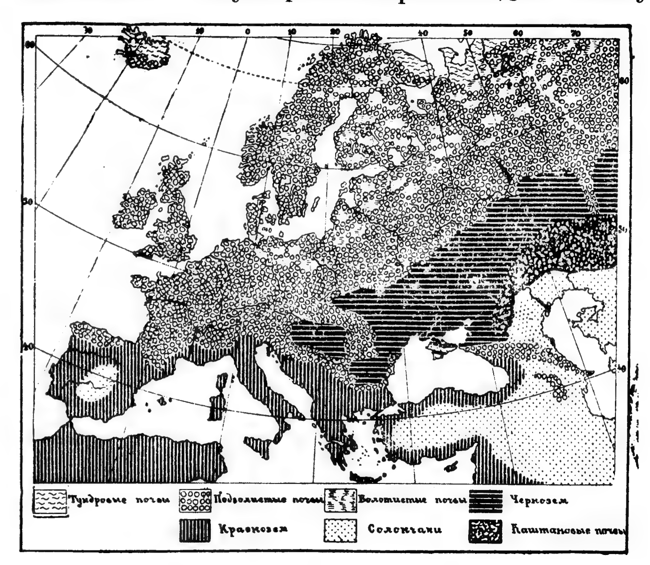

Рис. 12. Почвенная карта Европы (по Г. Иванову).

я только пошел бы по проторенной уже до меня дороге. Но на это не стоит тратить ни времени ни труда, потому что полезнее

Рис. 13. Общий характер тектоники Европы.

употребить их на разъяснение действительно еще не разработанных рационально сторон византийской истории.

Прологом тут служило страшное извержение Везувия, описанное в библейской книге «Исход». Если Арон был Арий, а Моисей — Диоклетиан, и разрушенные города Содом и Гоморра были

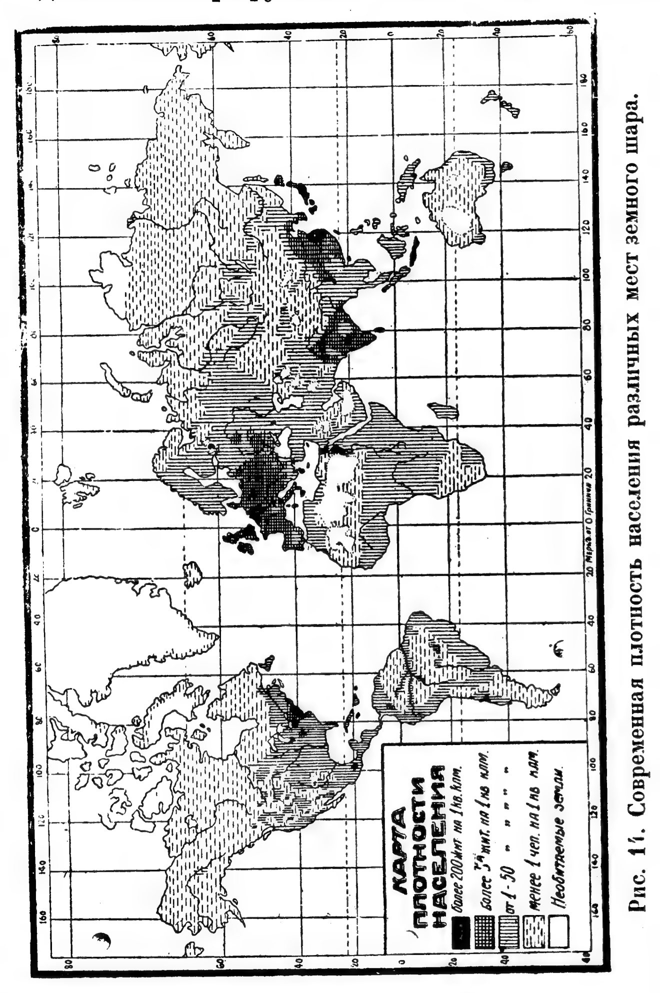

Рис. 14. Современная плотность населения различных мест земного шара.

Геркуланум и Помпея (хотя последняя может быть и не та, которую мы теперь называем по догадкам этим именем), то паническое бегство окрестных жителей в Ломбардию могло создать импровизированную армию и ее вождей, которые, освоившись с такой ролью, могли докатить народную волну и до самых берегов Босфора.

Предположение это могло бы устранить и некоторые серьезные лингвистические недоумения.

Вот, например, нам привито представление, что первая куль-

тура Ромейской империи, со времени основания ее столицы Царь-Града, была греческая и что литературным языком правя-

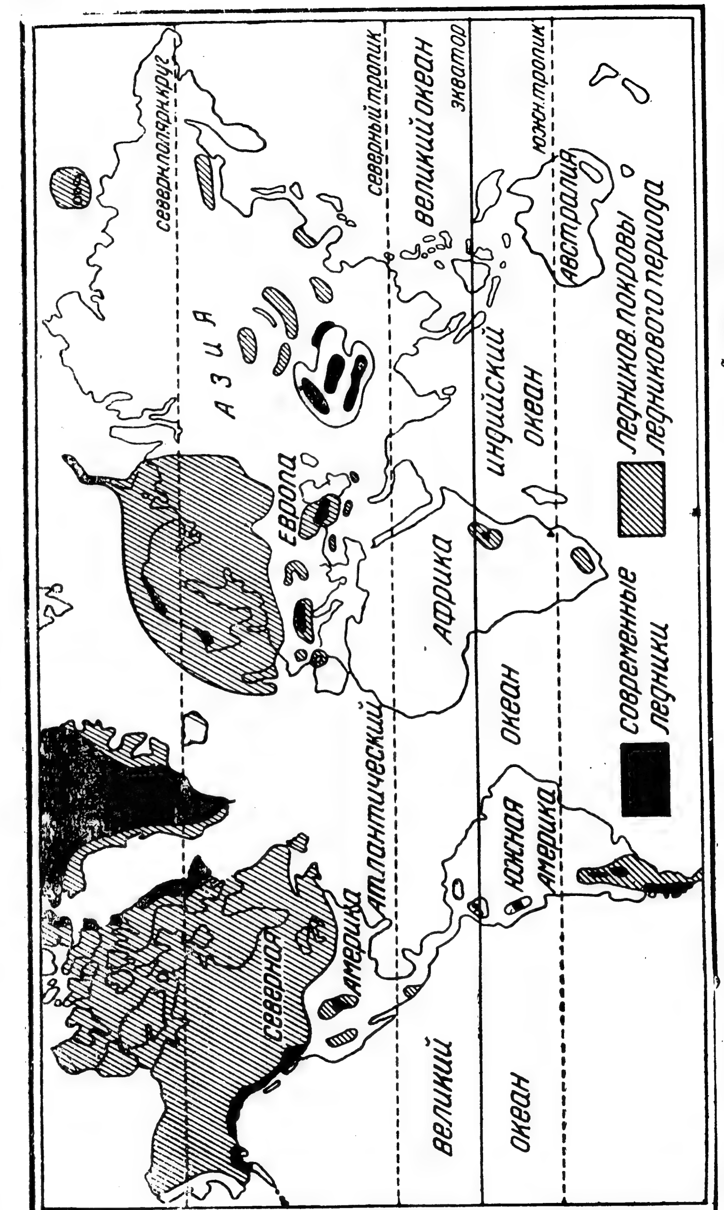

Рис. 15. Заштрихованные части показывают исследованные до сих пор области распространения льдов в последний период оледенения северной части северного полушария земли, когда уже существовал человек. Северная Азия недостаточно исследована, но присутствие в ней «вечной мерзлоты» под почвой достаточно показывает, что оледенение в ней было еще сильнее. Образование морен на краях этого оледенения, при отсутствии склонов, необходимых для движения наземных льдов, показывает, что подо льдами было море.

щих классов был греческий, а не славянский или арамейско-сирийский с его наречием — библейско-египетским языком.

Но, ведь, древнее культурное значение греческого языка, с но-

вой точки зрения, становится очень и очень сомнительным. Я уже достаточно показал в прежних томах, что семьдесят «толковников», будто бы собранных первосвященником Елеазаром из 12 колен Израильских для перевода Пятикнижия на греческий язык по поручению египетского царя Птоломея Братолюба в 227 году до Рождества Христова, есть чистый миф; что все пророческие книги Библии написаны по-еврейски уже после постройки Царь-Града в длинный промежуток времени, начиная от 418 года (пророк Амос) и вплоть до IX века нашей эры, и что библейская книга «Цари», как раз и есть придворная хроника византийских царей от Саула-Аврелиана и до Константина Погоната — библейского Седекии (679 год). Значит, выходит, что литературным и официальным языком в Великой Ромее, как называли себя всегда византийцы, и в ее столице Великом Риме, т. е. Царь-Граде, в первые триста пятьдесят лет его существования, вплоть до отделения Египета и Сирии, был язык сирийско-египетский. А домашним, семейным языком, в войсках, чиновничестве и торговом классе, (не говоря уже о рабах, которых нахватывали из каких угодно народностей) были, как увидим далее, готский, славянский, албанский и очень мало греческий, сосредоточившийся главным образом на не имевших политического значения Ионийских островах, на полуострове Морском (Морее) и в редких портовых поселках Малой Азии, потому что и «древняя, классическая» Александрия с ее высокой культурой — миф. Да и все Ромейские императоры, начиная с Диоклетиана и кончая Василием II в XI веке нашей эры были то далматцы, то славяне, то исавры (т. е. турки малоазийцы), то македонцы. Да и войска ромейских императоров состояли целиком из готов, из славян, из малоазийских турок и из македонцев, а об эллинских полках в императорской армии еще не проговорился ни один историк.

Но, может быть, — скажут мне, — царь-градские ученые и священники того времени состояли из чистокровных эллинов? — Нет! Они не оставили от себя за тот период никаких достоверных следов в ромейской истории. Первая летопись этого периода, как увидим далее, и как я уже не раз намекал в прежних томах, — библейская книга «Цари» — написана на еврейском жаргоне арабского языка, да и первые «римские» императоры — Ромул и Рем, Нума (Наум), Анк (Енох) и т. д. носят еврейские имена, и списаны с первых ромейских императоров. Здесь только Царь-Град переименован в Рим да события отнесены за тысячу пятьдесят лет назад. Ведь, я уже не раз показывал, что Ромул и Рем ничто иное, как Константин Великий и Лициний и что еврейские прозвища их происходят от двух названий носорога (Ром и Рим), считавшегося за сильнейшего из всех зверей. Царь Анк (Енох) значит царь-Крест, по-коптски. Как и «Великий Царь», давший повод к составлению евангельского мифа о Христе, он носил кличку сына бога Марса, водворил богослужение, земледелие, торговлю и в виде праотца Еноха (по другой легенде), вознесся живым на нéбо, и т. д. Все имена в этом варианте «Римской истории» не только еврейские, но и тенденциозно еврейские. Сама Греция носила название Ионии, т. е. по-еврейски: Голубиная страна. Даже истинный основатель греческой клерикальной литературы, автор Апокалипсиса, Иоанн Златоуст был не только родом из Антиохии, но и самое его имя Иоан (он же Иона) по-еврейски значит «Голубь». Греки тогда были только бунтовщиками, и лишь с 1056 года нашей эры, накануне крестовых походов, после смерти последнего представителя Македонской династии Василия II, на царь-градском престоле появляется первый греческий царь Исаак Комнин (1057—1059).

Известно ли вам все это, читатель?

А специалисты по византийской истории все это давно и хорошо знают, но только не решаются сделать соответствующие выводы о незначительности эллинского элемента и эллинского влияния в Ромейской империи вплоть до XI века нашей эры. Расцвет эллинизма в Византии длился лишь четыреста лет, до 1453 года, когда турки взяли Константинополь и снова посадили не грека, а малоазийца на царь-градский престол. Значит, только начиная с XI века нашей эры и могла возникнуть в Царь-Граде та теологическая литература, которая создала нам Четьи Минеи, и все сочинения святых отцов, а также и сочинения еретиков, будто бы боровшихся с ними. А в полуостровной и островной Греции приехавшие рыцари-крестоносцы положили почти тогда же, как мы видели в V томе, начало классической греческой литературе. Латинский же язык — как эллинизированный итальянский — действительно мог проникнуть и на Балканский полуостров, и в Египет вместе с волною беглецов из окрестностей Неаполя. Ведь, жители подножий Везувия, состоя большею частью из служителей бога-Громовержца, хорошо обеспеченных приношениями многочисленных пилигримов, действительно могли достигнуть первенствующей по тому времени интеллектуальной культуры и оказать огромное влияние и на жизнь своих новых родин.

С этим маленьким предупреждением мы и приступим к рассмотрению первых веков существования Ромейской империи.

До 1056 года она была еще не греческая, а потому мы прежде всего должны освободиться от гипноза, который создается в наших умах тем обстоятельством, что мы изучаем ее по произведениям греческих авторов Комнинского периода.

Написав много полуисторической беллетристики и апокрифических сочинений от имени средневековых и псевдо-древних знаменитостей, они надавали всем первым ромейским деятелям и царям греческие прозвища, чем и придали им греческую внешность, но искусственность этой номенклатуры сразу видна.

Кто, например, был реальным основателем Ромейской империи?

— Богопризванный царь (Диоклетиан, по-гречески)! — отвечают нам.

Апокрифический церковный историк — Благочестивый Вселюбец (Евсевий Памфил, по-гречески)—характеризует этого Бого-

призванного как жестокого гонителя христиан и даже описывает его зверства. Но его описание есть чистая галлюцинация возбужденного воображения автора, так как мы уже видели, что в конце третьего века могла быть только борьба арианства с языческим фетишизмом,[1] а не с христианами. Христианское богослужение по самим же церковным историкам введено только в конце четвертого века, как это характеризуют и сами имена христианских мистерий: литургия Василия Великого и литургия Иоанна Златоуста, не говоря уже о наших астрономических определениях, дающих для планетных наблюдений автора Апокалипсиса — 30 сентября 395 года, а для дальнейших христианских и даже библейских книг еще более позднее время.

Если Диоклетиан и мог быть гонителем какого-нибудь религиозного культа, то только религии магов, повидимому предшествовавшей арианству и включавшей в число своих обрядов колдовство, тем более что и причиной гонения называется пожар, два раза вспыхивавший от неизвестной причины во дворце Диоклетиана.

К таким же мифам или к перенесениям гонений с предшественников арианства на несуществовавших тогда христиан можно отнести и гонение в Италии и Африке при Максимине около 305 года, считающееся самым ужасным.

Я опять повторяю, что слово «культ» и слово «колдовство» только два различные произношения одного и того же слова, корень которого есть КЛД или колдун. Другое его название Маг, есть лишь вариация слова «могучий», и от него же происходит и слово «магистр», как человек, посвященный в ученую степень и магистрат — как воспоминание о том, что колдуны первично были и судьями и следователями преступлений. Вполне возможно, что даже и упоминаемый только в Апокалипсисе николаитский культ, который, будто бы, был ненавистен богу автора, является лишь особым прозвищем первичной колдовской стадии развития ромейской религии, так как и самое название «николаит» значит по-еврейски хитрец, а по-гречески сверхчеловек.[2] А делать из каждого особого прозвища одного и того же культа особую его секту значит становиться на очень скользкий путь, посредством которого можно придти к огромному количеству культов даже и в православной церкви: культ го́спода, культ бога, культ Спаса, культ Иисуса, культ Христа, культ сына божия и т. д.

А если мы отнесем Апокалипсис, как показывает мое астрономическое вычисление, к числу произведений Иоанна Златые Уста, написанных осенью 395 года, то придем к заключению, что николаитство современно Николаю Чудотворцу, т. е. в переводе Хитрецу-Магу, с которым по сказаниям церковных авторов Эпохи Гуманизма боролся Арий. И очень возможно, что вражда

[1] От португальского feitçao — волшебство, поклонение предметам, которым приписывалась волшебная сила.

[2] νικολαίτοι — от νικάω — побеждаю и λαϊκος — народный публичный, а по-еврейски от слова НКЛ (נכל) — хитрец, чудотворец.

мессианцев-христиан (возникших естественно лишь после Апокалипсиса) к Арию-Арону, как основателю предшествовавшей стадии религиозного развития, заставила церковных историков считать своим союзником всякого его врага. Присоединив к прозвищу «николаиты» жизнеописание св. Николая Пинарского, они и могли создать весь миф о Николае Чудотворце со всеми его сверхчеловеческими (т. е. николаитскими, по-гречески) деталями.

Мы никак не можем не отметить, что даже в светской истории того времени есть много явных несообразностей. Так, все мы привыкли брать без рассуждения, на веру, что «Константин Великий в 325 году перенес столицу из итальянского Рима в Царь-Град». Но даже и отвергнув мои доказательства в V томе «Христа», что итальянский Рим по своему геофизическому положению никогда не мог быть столицей мировой империи, всякий историк может видеть из самих своих первоисточников, что это неправда, так как Константин перенес на Босфор свою столицу не из Рима, а из его соседки Никомидии, на южном берегу того же самого Мраморного моря. А в Никомидии, как говорят нам те же первоисточники, основал свою столицу его предшественник Диоклетиан (т. е. Богопризванный), верховный император Ромейской (или, как мы неправильно выражаемся, Римской) империи. Да и эта империя провозглашена была тоже не в Италии, а в азиатском предместье Царь-Града—Халкедоне; да и умер Диоклетиан не в Италии, а в Далмации, на том же Балканском полуострове, на котором и до сих пор существуют единственные пережитки этой Ромейской (по-русски, Римской) империи, в виде Романии (по-русски—Румынии) и Ромелии (по-русски—Румилии).

Да и сами византийцы во все средние века называли себя ромеями, а свой Балканский полуостров Ромеей, и признавали себя единственными потомками Ромула и Рема, а не итальянцев, считавшихся у них подложными римлянами. Ведь, все это — чисто исторические факты, а не мои соображения, и даже сам предшественник Диоклетиана) Аврелиан — этот Златокудрый восстановитель мировой империи (Restitutor Orbis) после ее воображаемого векового исчезновения со страниц истории, а на самом деле ее основатель, никогда не бывал в итальянском Риме. Он был провозглашен царем малоазиатскими (мизийскими) легионами и, только отняв у германских пародов южную Италию, он начал, — говорят нам, — для защиты ее от них строить с севера укрепленный форт — Рим. Но он уехал обратно, поручивши достроить его стены своему полководцу Пробу — Марку Аврелию, сделавшему это лишь через год после его смерти — в 276 году нашей эры и тоже немедленно уехавшему на берега Рейна, оставив здесь только небольшой гарнизон.

Так каким же образом перевел Константин I на берега Босфора свою столицу из этого, тогда еще ничтожного укрепления на границе Неаполитанской области для ее защиты от наседавших на нее с севера варварских племен?

Здесь все полно анахронизмами и дислокациями событий, в ко-

торых мы никогда не будем в силах окончательно разобраться без применения к древним византийским историкам психологических методов исследования, о которых я буду подробно говорить в конце этой книги.

Кто, например, были первыми царями Ромейской империи после богопризванного царя-Диоклетиана?

Стойкие императоры, — отвечают нам наши греческие первоисточники, апокрифичность которых доказывается уже тем, что вместо греческого прозвища они употребляют латинское.

Ведь, слово **стойкий** по-гречески — эмпедос (ἔμπεδος), а они употребили латинское constant и назвали их Константинами, Констанциями и Констансами, без перевода на греческий язык по смыслу, а это было невозможно в те века, когда у людей не было еще иностранных святых, в честь которых даются теперь имена, не имеющие никакого смысла на своем языке. И вот, в Ромее воцарились Стойкий I и Стойкий II (Констанций I и II), да еще с вариацией последнего слова в Константина и в Константа (тоже Стойких), и появились даже монеты с такими, не подходящими именами. Посмотрим же, что внушают нам поздние греческие авторы об этих ромейских «порманах», а с их слов и наши современные историки Византии.

Писатели позднего времени, конечно не говорят нам о том, что созданию Великой Ромеи на Балканском полуострове предшествовала великая вулканическая катастрофа в Италии, где благодаря пилигримствам к Этне в Мессинском проливе и к Флегрейским полям при Неаполитанском заливе образовались крупные святилища, куда народы сносили свои сбережения, а потому вне всякого содействия государственности образовались первые центры умственной культуры. Для мистических, ортодоксальных историков чужд и страшный взрыв Везувия, который описан так художественно в Библейской книге «Исход», где под именем Арона фигурирует Арий, а под видом Моисея — Диоклетиан, и они не придают ему значения. А на деле этот взрыв временно разбросал по чужим странам главный центр умственной жизни того времени, и культура перенеслась оттуда в более безопасные страны — на берега Нила и Босфора. Но итальянский привкус первичной теологии сохранился и там.

Начнем же прежде всего с религиозной части.

Обычно обращение государств в христианство происходило в истории народов на первых шагах их государственного бытия, когда прошлое их страны не создало еще твердых установившихся религиозных основ или создало их только в грубых, примитивных образах и формах вольного шаманства, без определенной идеологии и взаимной связи служителей культа между собою.

Переход в подобном случае от язычества к христианству, как только принял его властелин, не мог породить в народе глубокий кризис. Но не то представлял собою IV век в истории Римской империи, если мы поверим рассказам классиков о

предшествовавшей ей великой языческой культуре, со сложной системой богов и вполне развившимся сословием жрецов, которым служили и скульптура, и архитектура, и поэзия, и сама наука. Казалось бы, что империя, обладавшая многовековою культурою, достигшая совершенных для своего времени форм государственности и имевшая за собою великое прошлое, с идеями и воззрениями которого даже и не культурное население сжилось и сроднилось, вступая при переходе к христианству на путь противоречия с прошлым и даже полного его отрицания, должна была пережить в высшей степени острый и тяжелый кризис.

А между тем историки не говорят нам ничего подобного при провозглашении арианства государственной религией в Великой Ромее, и только при переходе от арианства к мессианскому христианству, — говорят нам, — появилась первая религиозная борьба.

Отсюда ясно, что вплоть до арианства и не было на востоке Средиземного моря организованного духовного сословия, а только отдельные места поклонения с разрозненными друг от друга шаманами, которые не только не имели возможности сопротивляться, но рады были объединиться в одно сословие под покровом государственной власти. Значит, та сложная система богов — детей главного бога-Громовержца — не только не была низвергнута арианством, но, наоборот, организована им и снабжена лишь впоследствии той классической идеологией, какую рисуют нам теологи в качестве предшествовавшей языческой религии.

Остановимся немного подробнее на этом предмете.

Я уже говорил, что характеристической особенностью четвертого века является небывалое в исторический период жизни человечества оживление сейсмической деятельности в Средиземноморском этническом бассейне и, как его результат, падение религии магов, т.-е. **разрозненного** знахарства. Я уже говорил, что независимые знахарские поселки — зародыши следующих за ними астрономических монастерионов — занимались колдовством, т. е. отгадыванием будущего по внутренностям приносимых им в жертву животных, указаниями, как находить ворованные вещи, заклинаниями и лечением болезней. Остаток этого, можно думать, и сохранился до настоящего времени у обитателей Северной Азии в виде шаманства, религиозные верования которого заключаются в том, что миром управляет не его творец, а второстепенные боги. До сих пор жрецы этого культа приводят себя в экстаз посредством опьяняющих веществ и в таком состоянии невменяемости дают свои, большею частью мало вразумительные, указания. И вполне понятно, что, когда неожиданные для них удары землетрясений стали низвергать их кумиров, это произвело среди колдунов полную растерянность, а окружающее, обезумевшее от ужаса население, мгновенно перешло от страха перед ними к ненависти, и началось израэлитство, т. е. богоборство, охватившее быстро все прибрежья Средиземного моря.

По сумме указаний, первым деятелем этого религиозного переворота был Арий, одноименный с библейским Ароном и, по-нашему, тожественный с ним. С этой точки зрения и арианство напрасно считается церковными авторами за простую ересь в предполагаемой теологами первоначальной апостольской церкви, будто бы сразу возникшей по воле божьей в окончательной форме и с окончательной идеологией и обрядностью. По совокупности указаний арианство должно быть второю ступенью эволюции европейских религиозных представлений и обрядов, последовавшей вслед за скомпрометированным разрозненным знахарством. Вожди арианства сохранились в наших исторических воспоминаниях под именем основателей Ромейской империи на берегах Босфора, которые были в то же время и великими первосвященниками (Pontifices Maximi) и предводителями новых магов, служащих главным образом единому отцу богов и людей — богу-Громовержцу, имеющему свой трон над Соммой Везувия, где цари-понтифексы и получали свое посвящение.

И совершенно ясно при первом взгляде на карту, что центром их военной империи не могла быть ни Сомма Везувия и даже ни Неаполь, а только берега Босфора, где сухопутные пути между Европой и Азией перекрещиваются с морскими. Тут, и нигде более, и должна была возникнуть Всемирная Ромейская империя (Ῥωμαία), как называли ее греки у себя дома, а другие народы переиначили это слово в Римскую империю. Лишь потом перенесли ее центр в место ее религиозного пилигримства, в Италию, по каким-то психопатическим побуждениям, первоисточником которых, вероятно, служило пилигримство европейских народов к подножию Везувия, причем они совершали в итальянском Риме по дороге обязательное жертвоприношение, чтобы не погубил их страшный бог при их приближении к его жилищу.

Посмотрим прежде всего, в чем же заключалось арианство?

Ариане считали бога-Громовержца единым отцом богов, которому поэтому и нужно поклоняться прежде всего. Потом, после новых взрывов сейсмической деятельности, эту стадию религиозного развития сменило уже первичное вакхическое христианство, а после страшной чумы 590 года к нему прибавился и культ Небесной Девы.

В «горячих» спорах между арианами и этими новыми течениями, последние для большей убедительности в своей правоте провозгласили себя через несколько столетий существовавшими еще за 300 лет до Ария, умершего в 336 году, и объявили арианство одним из позднейших вольнодумств своего собственного учения. А когда противники их, ариане, конкурируя с ними в этой pseudologia phantastica, отнесли свое начало еще более в прошлое — за 1800 лет вспять, то их противники, пользуясь иным произношением имени их законодателя, объявили, что их Арий вовсе не Арий, а совсем другой человек — Арон-египтянин (т. е. миц-римлянин), закон которого был отменен уже давно легендаризированным имп Христом.

Так арианство раздвоилось на две религии, обросшие фантастическими прибавками. Такая же религия есть, как мы видели в VI томе, и агарянство, перешедшее уже позднее в современное магометанство, но и его история вся была искажена и апокрифирована. И оно, как христианство, вывезенное «с берегов Мертвого моря», стало вывозиться из такого неподходящего для ученого центра пустынного поселка, как Мекка, развившегося в городок лишь благодаря средневековым пилигримам. Какая причина помещать исходный пункт фактического распространения этой религии с оружием в руках вплоть до стен Царь-Града и до Гибралтара в таком неподходящем для этого пути со стратегической точки зрения пункте, как Ятриб (т. е. Медина, см. карту), в Аравии, на границе великой пустыни без гавани и без удобных путей сообщения?

Ранее торжества современного естествознания историки-теологи победоносно отвечали на такие неизбежные вопросы одними и теми же стереотипными словами:

«Пути божии неисповедимы. Бог нарочно избирает невозможные со всех человеческих точек зрения дороги для распространения своих религий — и в этом случае он избрал путь из дикого Аравийского поселка Ятриба в культурную Элладу, а для христиан путь из бедной долины Мертвого моря в просвещенный и гордый итальянский Рим. Только по его воле, конечно, и мог безграмотный погонщик верблюдов, прозванный Достославным (Магометом), или рыбаки с Генисаретского озера победить в своих религиозных спорах ученых философов Эллады».

Но современный естествоиспытатель, а с ним и ученый историк-реалист уже не могут быть убеждены подобными доводами и ищут естественных способов объяснения таких чудес, как только-что описанные пути распространения магометанства и христианства. Он говорит: естественный путь распространения обеих религий должен быть как раз из Царь-Града через Малую Азию и Египет в Ятриб (Медину) и в Мекку, а никак не наоборот. Он видит, что и самое имя Достославного (Магомета) Абул-Казем значит — Отец Мироздания, от соединения еврейско-мавританского слова «аб» — отец и греческого «космос» — мир, откуда и имя Кузьма.

Он отмечает, что и язык Корана есть лишь легкое видоизменение еврейского языка, бывшего в средние века литературным языком всей Ромейской империи от Месопотамии до Испании и сохранявшегося долго в ее остатках даже в Европе, так как Кордовский халифат перешел под власть христиан только в 1236 году, через 34 года после захвата Царь-Града крестоносцами (см. табл. I).

Обратившись к первоисточникам наших сведений о времени и жизни достославного Магомета, «Отца мироздания», искатель первичных документов с удивлением видит, что никаких таких нет ни в Мекке, ни в других мусульманских странах, и что первые сведения о жизни и деятельности Магомета люди получили

*

из Лондона от мистера Пококка и уже в книгопечатную эпоху, как я объяснил в VI томе в специальной главе о Магомете.

Да и вся так называемая арабская литература, когда начнешь докапываться до места нахождения ее достоверных первоисточников, приводит нас в кордовские, гренадские, севильские и другие испанские библиотеки, а не в Моссул и Багдад, которые и в XIX веке нашей эры не имели никаких библиотек.

Обратившись к семейной жизни мусульман с ее многоженством, мы точно так же видим, что она же описана и в библейских книгах «Цари», которые списали всех израильских и иудейских царей с византийских.

Так чем же законы Магомета отличаются от законов Арона, а с ним и от законов Ария? И не является ли современное магометанство лишь пережитком арианства?

Вот вопросы, которые заслуживают серьезного и всестороннего исследования, причем нельзя руководиться одними «свидетельствами древних писателей», которые часто оказываются лжесвидетельствами много более поздних псевдологов.

Я не буду говорить здесь об уже отмеченных историками недоумениях вроде того, что **епископ Парижа Дионисий**, о котором говорит Григорий Турский в конце VI века, как о современнике литератора Деция-Траяна (249 — 251 г.), смешивался последующими христианскими писателями с **Дионисием Ареопагитом** апостольских деяний, и что Испания у Оригена называется Мавританией.[1] Не буду говорить и о том, что первичная христианская церковь не может быть представляема нами по образцу современной уже по одному тому, что она допускала в свой богослужебный состав и женщин, под названием диаконис: ведь участие женского пола в старинных христианских богослужениях было подтверждено и Халкедонским собором (с. 15) в 451 году, и они богослужили наравне с мужчинами в древности и в средние века, как в латинских, так и в греческих храмах (а у иаковитов это существует и теперь); отсюда ясно, что и великой понтифицине Джованне (855 — 857 гг.) или, как ее называют теперь, папессе Иоанне не зачем было выдавать себя за мужчину. Претензии диаконского звания на равноправность с пресвитерами в деле богослужений и в почете были настолько тогда распространены, что впоследствии, когда пришлось ограничивать их права, было сделано апокрифическое упоминание об этом от имени Никейского собора (§ 18).

Совершенно ясно, что все историки, признающие за религиями естественное, а не сверхъестественное происхождение, должны исходить в своих исследованиях из того основного положения, что религии, подобно всему остальному, последовательно развивались из первичного своего зародыша и претерпевали на своем пути от поколения к поколенью много изменений и даже размножались, как первичные организмы, путем

[1] Origen. In Lac. Hom. 6, III, 939.

деления на ряд вариаций, прежде чем дошли до нашего времени. Ведь евреи и магометане не более отличаются друг от друга, чем католики от православных и несомненно имеют общее происхождение из арианства, так как Арий и Арон — одно и то же лицо. А относительно тех званий, которые носили при храмах служители христианского культа, имеется послание римского епископа Корнелия,[1] который говорит, что «римский храм» имел при нем 46 пресвитеров, 7 диаконов, 7 иподиаконов, 42 аколута-помощника при совершении таинств, 52 заклинателя болезней и только 1 чтеца книг и привратника.

Упоминается кое-где и об епископах в больших городах и о митрополитах в столицах, какими были Царь-град, Рим, Александрия и Антиохия. Источниками материального содержания их называются сначала добровольные приношения верующих, а затем и прямые налоги на население. Богослужение состояло только из пения неизвестных нам песней, к каким принадлежала и эротическая Песнь Песней, сохранившаяся в современной Библии.

«Причащение, — говорит Дж. Робертсон,[2] — обыкновенно сопровождалось агапой[3] или вечеринкой любви...», и «таинственная обстановка таких вечеринок способствовала возникновению народной молвы, назвавшей их тиестийскими торжествами (по имени Тиеста, соблазнившего жену своего брата, Микенского царя Атрея) и приписывавшей им и другие мерзости». В результате этого название «эротники» (агапы) было после четырех веков существования запрещено, и самое «причащение вином перенесено с ночи на утро», а вместе с тем прекратилась и ежедневность таких собраний, и совершение причащения вином стало ограничиваться воскресным днем.[4] А сам воскресный день, — говорят нам, — начинался на востоке в первые века христианства с вечера субботы, причем оба дня праздновались почти одинаково. А на Западе воскресенье, повидимому, начиналось со своего утра, и церковные авторы утверждают, что празднование этого дня, а также и праздника Богоявления, началось вообще не ранее IV века нашей эры. В катакомбных храмах средних веков, как мы видели уже,[5] не существует еще никаких изображений святых или креста, а только доброго пастыря с овцами, Бахуса с виноградной лозой, птицы Феникса, Орфея с лирой, Аполлона, Меркурия, Тезея, убивающего Минотавра,[6] и все это так мало соответствует привитым нам представлениям о древности современного храмового устройства и христианского богослужения, что нельзя попрекнуть меня за желание разработать этот предмет помимо так называемых «свидетельств древних».

[1] Apud Euseb., VI, 44.
[2] История христианской церкви Робертсона, кн. I, гл. VII, 3, 5.
[3] Ἀγάπη (агапэ) — любовь, в смысле влюбленности.
[4] Дж. Робертсон. История христианской церкви, т. I, гл. VIII, 3, 5.
[5] Христос, кн. IV, стр. 292.
[6] De Rossi. Roma Sotterranea, II, 313—314.

Свидетели эти так запутались в своих апокрифах, что первые изображения Христа Тертуллиан относит к «эклектическому язычеству Александра Севера»,[1] (а в других местах он проговаривается), что христианское православное духовенство в его время имело и по две жены, хотя современные церковники и толкуют, что под словом двоеженство (digamia) у него надо понимать двух жен лишь в преемственном смысле.[2] Другой ортодоксальный писатель, Киприан,[3] упрекает священников за их внебрачное сожительство с храмовыми девственницами. Мы находим далее, что под именем «пятого апостольского правила» запрещается епископам, священникам и диаконам отставлять своих жен под предлогом религии, а от имени Элвирского собора многочисленные указания на женатость и многоженность первичного христианского духовенства объясняются тем, что епископы, диаконы, священники и даже низшее духовенство жили со своими женами, как с сестрами[4] и что им так и подобает жить.

Мы видим, что каждый наш первоисточник рисует жизнь христианского духовенства таким, каким ему хочется его себе представить, да и о богах и о царях того времени можно найти, что угодно. Так, Евмений пишет,[5] что Константин I до самой смерти участвовал во всех «языческих» обрядах и провозглашал Аполлона своим особым покровителем, и, чтоб примирить это с его (не существовавшим тогда еще) современным христианством, Гизелер[6] приходит к заключению, что Аполлон был языческим представителем (уже не полпредом ли?) Иисуса Христа.

А с нашей точки зрения, что языческие боги древних эллинов и греков списаны со средневекового христианского пантеона (уничтоженного на Западе только Григорием Гильдебрандом накануне крестовых походов), поклонение Константина Великого Аполлону несравненно менее удивительно, чем открытие им в палестинском Эль-Кудсе (псевдо-Иерусалиме) «честнаго и животворящего креста».

К таким же мудрствованиям приходится отнести и знаменитое военное знамя Константина, на котором, будто бы, был изображен крест с начальными буквами Иисуса Христа, сделанный им по причине «сонного видения» в Галлии, а по другим около Рима. Но, сильно сомневаясь в этом сновидении, можно считать очень вероятным сообщение некоторых первоисточников, что он в течение всей своей жизни удерживал за собою титул и должность Pontifex Maximus'а (см. стр. 59).

Теперь мы снова вплотную подошли к моменту возникновения арианства. Арий был современником Константина I и несомненно имел на него огромное влияние. Около 311 года он,— говорят

---

[1] Tertullian. De Corona, 3.
[2] Tertullian. Exhortation. Castid., c. 7.
[3] Cyprian. Epist., 4.
[4] Дж. Робертсон. История христианской церкви, т. I, гл. VIII, 4.
[5] Eumenius. Panygiric. ad Constant, c. 21 (Patrologia, VIII, 638).
[6] Gieseler. Lehrbuch der Kirchengeschichte, I, 1, S. 270.

нам,— сделался епископом в египетской Александрии, но удалился оттуда на берега Мраморного моря, в Никомидию, и здесь составил книгу «Цветущее счастье»,[1] представлявшую ряд лирических стихотворений. Образчики их приводятся Афанасием[2] и носят религиозный характер, если верить, что книги, изданные от имени Афанасия в 1690 году и без наличия более древних достоверных рукописей, могут служить надежным свидетельством о том, что было в чужой для автора стране за полторы тысячи лет до него. Тот же Афанасий рассказывает нам, как созван был в Никее близ Константинополя собор, чтобы рассудить о том, кто прав: Арий или его противники, но тут же начинаются у него разноречия с другими «древними свидетелями XVII века нашей эры». Число членов Собора определяется Афанасием в 318 человек,[3] очевидно по библейской книге Бытие, где сказано: «услышав, что его сродник Лот взят в плен, Отец Рима (Аб-Рам) вооружил 318 рабов, рожденных в его доме, и преследовал неприятелей (Бытие, XIV, 14)». Случайного совпадения тут быть не может в виду неокругленности этого числа, тем более, что то же самое число повторяют и Епифаний Кипрский (LXIX, 11) и Теодорит (I, 7). Тут остается только определить, кто у кого списал, тем более, что и слово Аб-Рам (произносимое нами Авраам) значит Отец Рима, каким и был по греческой номенклатуре Константин.

Мы не будем разбирать остальных противоречий, наблюдающихся в различных наших первоисточниках относительно Никейского собора,[4] и перейдем к его творцу.

Константин,— говорят нам — был **славянин**, так как принадлежал по своему отцу Констанцию Хлору к знатному дарданскому роду, а Дарданией называлась область современной Сербии по реке Мораве, и родился он в городе Наиссе, современном Нише.

Так почему же он, родившись славянином и попав волею судьбы в «ромейские» императоры, получил бы итальянское прозвище Константин, когда Италия могла быть тогда только подчиненной Царь-Граду провинцией, и это прозвище дико звучало бы в ушах всех окружающих его? Очевидно, что он никогда и не

---

[1] По-гречески Θαλία (фалиа) — цветущее счастье, веселый пир; родственно с θαλλός (фаллос) — молодая ветка масличного дерева и созвучно с φαλλός (фаллос) — мужской детородный член; фаллофорами (φαλλοφόροι) назывались носители фаллуса на вакханалиях, а фалофорами (θαλλοφόροι) — носители масличной ветви во время праздника Минервы. Возможно, что последний праздник был перерождением первого, т. е. фаллос стал символом фаллуса.
[2] Athanasius de Synodis, XVII, 720. Изд. Montfaucon. Paris, 1690 г.
[3] Athanasius ad Afros, 2.
[4] Евсевий дает 250 человек (V Cons., III, 8); Афанасий (De decret. Nic. Sinod., 3) и Сократ (Ecclesiasticae Historiae Scriptores Craeci, I, 8) «более 300». Созомен (там же, I, 14) около 320. Тот же Афанасий (в ad Afros, 2) вместе с Епифанием (LXIX, 11) и Феодоритом (I, 7) дает 318, яко бы «по преданию», по числу слуг Аб-Рама в книге Бытие (XIV, 14).

назывался Константином и все монеты с таким именем являются подлогами.

И странная вещь! В то время, как греческие авторы дают ему латинские названия, одни латинские авторы описывают его, апокрифируя в первый век до начала нашей эры под именем Кая-Юлия-Кесаря-Октавиана-Августа, где только последние два прозвища латинские, а первые три — еврейские.[1] А замечательнее всего, что и слово Кесарь — император (откуда немецкое Кайзер) — есть просто эллинизированное еврейское Кошар или Косар, т. е. Крепкий, каково значение и имени Константин, так что Константинополь просто значит Укрепленный город, т. е. крепость.

Я обращу еще внимание, что у других латинских авторов тот же Константин апокрифически назван Ромулом, от еврейского слова Ром (רם) — Носорог, сильнейший из зверей, а в библии он назван Заступником народа (Иеровоамом). С этим предисловием я и перейду к сопоставлению различных сообщений о нем.

Как-то я сказал в этой самой своей работе, что все общеинтересные книги, приписываемые древности, по дошедшие до нас или до времени своего напечатания только в одном экземпляре и без вариаций — должны быть подложны, и я приводил в доказательство этого закон размножения общеинтересных рукописей в геометрической прогрессии, дающей поразительный результат — необыкновенно быстрое размножение путем все увеличивающейся переписки до полного насыщения читающей публики, и появление многих вариаций. В данном случае сильно размножилась только библейская книга «Цари», а потому ей мы и должны придавать руководящее значение, как более древней среди всех других наших первоисточников. Но примем к сведению и другие.

Посмотрим сначала, каким рисуется Стойкий Царь-Носорог (Константин Евсевия Вселюбца) по греческим первоисточникам.

Как он обратился в «христианство» и каково оно было в его время? Об этом наши первоисточники противоречат один другому.

Константин в изображении епископа Евсевия совершенно не похож на Константина под пером Зосима. Поэтому историки, работая над ним, находили богатую почву для внесения в такой запутанный вопрос своих апперцепций. В течение долгого времени большое влияние оказали на мнения о Константине скептические суждения Якова Буркгардта, высказанные в его сочинении «Время Константина Великого» (1-е изд в 1853 г.). В его представлении Константин был гениальный человек, охваченный честолюбием и стремлением к власти и приносивший

---

[1] Кай (Кайус) — от еврейского КУЕ (כוה) — сильный, откуда и греческое агиос (ἅ-γιος) — святой; Юлий — испорченное Эли, т. е. божественный — по-еврейски, и кезарь — испорченное еврейское слово Кошар (כשור) — Крепкий, т. е. — то же, что Константин, причем оно перешло у греческих историков, не умевших произносить звука «ш» в Кесар и через них в немецкое Кайзер — король; а Октавиан Август значит — восьмой святой.

в жертву все для исполнения своих мирских планов. Считая сочинение Евсевия «Жизнеописание Константина», являющееся одним из главных греческих источников, совершенно недостоверным, Буркгардт справедливо принимает за выдумку клерикалов и почерпнутое отсюда его обращение в христианство.

Немецкий богослов Гарнак в своем исследовании «Проповедь и распространение христианства в первые три века» (1-е изд. в 1892 г.) приходит к аналогичным выводам, исходя из других оснований. Он признает, что христиане к IV веку не представляли еще большинства населения. «Но численная сила и влияние, — говорит он, — не везде совпадают друг с другом: меньшее число может пользоваться очень сильным влиянием, если оно опирается на руководящие классы, и большинство может мало значить, если оно состоит из подчиненных слоев общества, главным образом из сельского населения. Христианство, по его мнению, было в то время городскою религией, и, чем больше был город, тем значительнее, будто бы, было в нем число христиан. И это было их необычайным преимуществом. Нужен был только проницательный и сильный политик, который в то же время имел бы внутреннее влечение к религиозным переживаниям».

Таким человеком и был Стойкий царь по Гарнаку.

Но вот, теперь наиболее серьезные византисты признали, что при Константине язычество являлось преобладающим элементом и в городском обществе, и в правительстве, и что христиан было и тут меньшинство. По выводам проф. Болотова и некоторых других, «ко времени Константина христианское население не равнялось и $^1/_{10}$ доле всего населения, а, может быть, и эту цифру нужно понизить». В настоящее время меньшинство христиан в империи при Константине признано почти всеми. Если же это так, то политическая теория в ее чистом виде относительно «стойкого царя-Носорога» и введения им христианства в Великой Ромее должна отпасть. Политик не мог строить свои обширные планы, опираясь на $^1/_{10}$ часть подчиненного слоя населения, которое, как известно, даже и не вмешивалось в политику.

Да и самое его христианство отрицается теперь почти всеми историками, кроме клерикальных.

«В течение всего своего правления он оставался, — говорит А. А. Васильев, согласно со всеми первоисточниками, — великим жрецом («Pontifex Maximus»); воскресный день он иначе не называл, как, по классической номенклатуре, — «день солнца» (dies solis), а не по христианской — «день господень» (dies Domini). А под «непобедимым солнцем» (sol invictus) обычно разумели тогда бога Митру, культ которого пользовался громадным распространением на всем протяжении империи — как на Востоке, так и на Западе».

«Теперь доказано, — говорит А. А. Васильев, — что Константин был сторонником культа солнца. Но какое божество в частности почитал он под этим названием, в точности неизвестно; может быть, это был Аполлон».

— «Но почему же один Аполлон? — спросим мы. — Почему также не библейско-арабский Элои, к которому, по словам евангелия Марка (XV, 34), воззвал и Христос на кресте словами: «Элои, Элои! Ламма савахтани!», т. е. «Боже, боже! Зачем ты оставил меня»! Ведь, слово Элои, несомненно происходит от греческого Элиос — Солнце, и тогда религия царя-Носорога будет та же, что и религия библейского отца всех первосвященников — Арона, он же Арий, как я не раз пытался доказать.

Мифическое обращение Константина в христианство (которого по нашей хронологии тогда еще и не было) связывается с известным рассказом о появлении на небе креста во время его борьбы с Максенцием, т. е. для объяснения причины вводится элемент чудесного. Но первоисточники об этом чуде обнаруживают большие несогласия. Древнейшим лжесвидетелем о явлении знамения креста является христианский псевдо-современник Константина Лактанций, который в своем сочинении «О смерти гонителей» (De mortibus persecutorum) говорит о полученном, будто бы, Константином во время сна вразумлении, чтобы он изобразил на щитах божие небесное знамение, но о действительном небесном знамении у Лактанция не говорится ни слова.

Другой псевдо-современник Константина, Евсевий Вселюбец, в более раннем своем произведении — в «Церковной истории» — лишь замечает, что Константин, идя на защиту Рима, «призвал в молитве в союзники бога небесного и его «Слово», Спасителя всех, Иисуса Христа. А в «Жизнеописании Константина» он дает, будто бы, со слов самого императора, «клятвенно подтвердившего свое сообщение», рассказ о том, как Константин во время похода увидел над солнцем знамение креста с надписью: «сим побеждай» (τούτῳ νίκα). Рассказ этот явно навеян галосом (рис. 16 и 17) около солнца, но его видел не Константин, а сам автор, сообразивший, что именно так небесный царь мог обратить в христианство царя земного. Потому он и дополнил от себя, что в ближайшую же ночь явившийся Константину во сне Христос с таким же крестом повелел ему сделать подобие его и с этим знаменем выступить против врагов.

«Утром, — лжесвидетельствует автор, — император приказал приготовить такое знамя, известное под названием labarum». Но это слово даже не латинское, а заимствовано из языка живущих в Пиренеях басков, у которых оно обозначает просто «хоругвь». А средневековой византийский лабарум представлял собою продолговатый крест, с поперечной реи которого спускался вышитый золотом и украшенный драгоценными камнями кусок шелковой ткани с изображением самого Константина и его сыновей, чем и доказывается, что изобретение его принадлежало не ранее, как его пра-пра-пра-внукам, когда его уже возвели в святые. «На вершине креста был прикреплен золотой венок, внутри которого была монограмма Христа». Но это было знамя поздней Византийской империи. Такие же упоминания о явившемся Константину «богознамении» или о виденных им на небе войсках, посланных богом

ему на помощь, можно найти и у других лжесвидетелей древности, но они так все полны чудесами, что не заслуживают серьезного внимания современного историка.

Первый указ в пользу христианства вышел, — говорят нам, — даже не от Константина, а от одного, будто бы, из самых свирепых гонителей — Галерия, — который еще в 311 году изрек:

— «Пусть снова (!) будут христиане, пусть они составляют свои собрания, лишь бы не нарушали порядка! За эту нашу милость они должны молить своего бога о благоденствии нашем, нашего государства и о своем собственном».

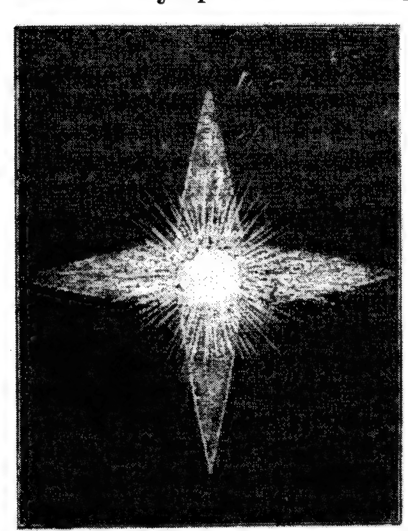

Рис. 16 и 17. Из редких оптических явлений, зависящих от преломления солнечных лучей однородно ориентировавшимися кристалликами воды в верхних слоях земной атмосферы («крест на солнце» и «шапочка на солнце»). (Из «Метеорологии» Камилла Фламмариона.)

Не более достоверным считается и псевдо-миланский эдикт, текст которого, — говорят нам, — имеется только у клерикального писателя Лактанция в форме написанного по-латыни рескрипта Лициния (а не Константина!) на имя префекта Никомидии, а греческий перевод его помещен Евсевием в его «Церковной истории».

— «Отныне, — объявляет Лициний, — всякий, кто хочет соблюдать христианскую веру, пусть исповедует ее свободно и искренно, без всякого беспокойства и затруднения. Мы заблагорассудили объявить это твоей попечительности *(т. е. префекту Никомидии)* как можно обстоятельнее, чтобы ты знал, что мы предоставили христианам полное и неограниченное право почитать свою веру. Если это мы разрешили им, то твоей светлости должно быть понятно, что вместе с этим и для других предоставляется открытое и свободное право, ради спокойствия нашего

времени, соблюдать свои обычаи и свою веру, чтобы всякий пользовался свободой почитать то, что избрал. Так определено нами с тою целью, чтобы не казалось, будто мы хотим унизить чье-либо достоинство или веру».

И Лициний, будто бы, повелел возвратить христианам безвозмездно и беспрекословно отобранные у них частные здания и церкви.

Но и этот указ опять идет не от имени Константина, а от его соправителя, которого он убил. А в довершении всего в 1891 году немецкий ученый Зеек (Seeck) доказал, что Миланского эдикта никогда не существовало, а мог, по его выводам, быть лишь один, уже известный нам эдикт Галерия 311 года.

Так здесь все смутно и противоречиво! И если Константина даже и окрестили умирающего (что не трудно было сделать со всяким человеком в агонии), то разве его можно считать по одному этому основателем христианской церкви в Ромейской империи?

Кроме того, о каком христианстве здесь говорится? Ведь слово «христианин» по-гречески значит просто помазанник, посвященник и нисколько не доказывает, что и идеология посвященных была тогда та же самая, как в XIX веке и в наши дни.

Греческие клерикальные апокрифисты эпохи Крестовых походов, или даже много после них, «свидетельствуют» нам, будто Константин, только-что победивший Лициния и сделавшийся единовластным самодержавным государем, прибыл в 324 году в Никомидию, где получил целый ряд жалоб как со стороны противников Ария, так и его сторонников. «Желая сохранить церковный мир», император, будто бы, обратился с письмами к Александру Александрийскому и к Арию и убеждал их примириться, взяв пример с философов, которые, хотя и спорят между собою, но уживаются мирно.

«Возвратите мне мирные дни и спокойные ночи, — писал он *(будто бы)* им, — дайте и мне насладиться безмятежною жизнью!».

Но они не согласились дать ему безмятежную жизнь, и вот Константин решил созвать вселенский собор в 325 году в вифанском городе Никее.

Никаких актов этого собора нигде нет. Сведения о нем дошли до нас только в сочинениях апокрифистов. Они говорят, будто собор осудил взгляды Ария и принял символ веры, в котором евангельский Христос признавался «сыном божиим, рожденным, несотворенным, единосущным отцу», за что особенно ратовал некто Бессмертный (Афанасий, по-гречески). А понтифекс-максимус, еще не крещенный Стойкий царь, придя от этой декларации в восторг, будто бы, написал неизвестно кому:

«Все, что ни злоумышлял против нас дьявол, все уничтожено в основании; двоедушие, расколы, смуты, смертельный яд несогласия — все это, по повелению божию, победил свет истины».

И он изгнал в провинцию Ария и его сторонников.

Но после этого, — поправляются они же, — мнение царя-Носорога изменилось, и через три года после собора были возвращены из ссылки Арий и его наиболее ревностные приверженцы, а вместо них направились в ссылку, по воле Константина же, наиболее видные защитники «никейского символа веры».

«Трудно с точностью выяснить, как могло это случиться», — говорят нам с недоумением историки, тем более, что все они теперь признают за факт, что Константин до последнего года своей жизни оставался язычником. — «Лишь на смертном одре он принял крещение из рук Евсевия Никомидийского *(т. е. арианина)*, — догадывается профессор Спасский, но прибавляет как бы в извинение Константину: «он умер с завещанием на устах возвратить из ссылки Афанасия, главного противника Ария, а своих сыновей он сделал христианами».

— Вот тебе и раз! — невольно восклицаем мы. — Наш святой и стойкий царь всю жизнь прожил язычником, а умер арианином! К чему же тут сказки о его Никейском соборе и об утверждении на нем догмата о Христе как сыне божием? Выходит, что вся эта история о победе «Бессмертного» (Афанасия) над Арием не соответствует действительности. Да и рассказ о крещении кем-то своих сыновей, *не крестясь самому,* можно придумать только в истерическом припадке.

Нехристианство Константина становится особенно ясным после тех отожествлений, которые я уже сделал в I томе.

Там, прежде всего, на сопоставлении годов царствования и ряда параллельных событий я вывел, что тот, кого мы называем Каем-Юлием-Кесарем-Октавианом-Августом, первым римским (по-гречески — ромейским, а по-новому — византийским) императором, никогда в действительности не существовал, а списан с этого самого Константина и только апокрифирован за триста лет назад с перенесением сцены действия из Балканской Ромеи в итальянский одноименный Рим, которого тогда даже и не было еще.

Историки нам говорят, что он был сыном Атии, внучки Юлия Цезаря, и усыновлен последним, а по греческим апокрифистам его двойник Константин был реальным сыном Констанция Хлора, с которого списан Юлий Кесарь. С этой точки зрения Лепид и Антоний, которые прежде были соправителями Октавиана, а потом разбиты им, только списаны с Максенция и Лициния, соправителей Константина, с которыми он поступил таким же образом.

Но нам важна здесь не анекдотическая сторона их военных подвигов, а только то, что бросает свет на состояние религиозных представлений того времени. Мы видели уже, что все усилия историков сделать из Константина христианина ни к чему не привели, кроме ряда несообразностей, и вот под именем Августа (т. е. величественного, священного) никто из историков и не считает Стойкого царя христианином, а только говорят, что при нем родился «основатель христианской церкви Христос-Спаситель»,

как и при Константине родился четьимпнейский основатель христианской литургии Великий Царь (Василий о-Мегас, по-гречески). В параллель к созыву Константином Никейского собора рассказывается, как Август установил верховное судилище Сенат, а в параллель к постройкам Константина в Царь-Граде мы имеем рассказы, как Август украсил списанный с Царь-Града древний «классический Рим», великолепными сооружениями. Но тут же мы узнаем о Константине под именем Августа и нечто новое. Оказывается, что у него (очевидно, кроме наложниц) были, как бывало и у библейских царей, целых три официальные жены: Клавдия, падчерица Антония; Ливия, разведенная жена Тиберия, и Скрибония, с которой он потом сам развелся.

И это многоженство Стойкого царя Константина под именем Октавиана заставляет нас возобновить и здесь его сопоставление с библейским царем Иеровоамом.

Имя Иеровоам значит «Заступник народа» (I Ц., 12, 20; 14, 30; 15, 29). Он был сыном Созерцателя (*вероятно, звезд*) и отделился с десятью областями от Ровоама, сына Соломонова, имя которого значит «Расширитель народа». Он воевал с Ровоамом (соответствующим у нас Лицинию) и основал «Иеровоамову ересь», сделав двух золотых тельцов, одного из которых поставил в Доме Бога в Миц-Риме, а другого в Судбище.[1] Он установил храмы на холмах, назначал священников не из левитов (ЛУЕ — сопутствовать), установил осенний праздник 15 числа 8-го месяца и сам священнодействовал в Доме Бога, т. е. был Pontifex Maximus — великий первосвященник, как и Стойкий царь. Царствовал он 22 года.

В этом отрывочном изложении рассказ выходит довольно историчен. Разница с греческими апокрифистами здесь лишь в том, что «Заступник Народа» был полководцем «Царя Миротворца», не царского происхождения, как Константин, что, конечно, зависело от вкуса авторов. Но правдоподобность рассказа сейчас же исчезает, когда читаем обстоятельства его избрания. Пророк Ахия (очевидно, от греческого слова агиос — святой), встретившись с «Заступником Народа», в порыве вдохновения разорвал на 12 частей свою новую одежду и, отдав ему 10 кусков, крикнул: «Даю тебе 10 колен из царства богоборцев, а одно оставляю за Расширителем народа» (что как будто не подходит к его имени «Расширитель»).

Затем следует целый монолог, свидетельствующий, что все это — беллетристика, исторически ни на что не годная.

То же самое фантазерство идет и далее. Даже взято прямо с астрологической карты. Вот мой **осмысленный** перевод:

«Заступник народа» воцарился по слову пророка и по избранию граждан и стал кроме того священником *(в символе созвездия Стрельца, в которое вошло солнце)*. И когда он священнодействовал перед жертвенником в Доме Бога (*т. е. на небе,* рис. 18),

[1] По-еврейски Дом бога — Бет-Иль, а Судбище — Дан.

пришел, — говорит I книга Царей (гл. 13), — божий посланник (как постоянно назывались кометы или планеты) и сказал:

— «Жертвенник, жертвенник! Так говорит Громовержец Бог: родится сын в потомстве Возлюбленного, имя его ИСУС,[1] *(в символе созвездия Змиедержца, возносящегося на небо (рис. 18),* он принесет на *тебе в жертву* священников пирамид,[2] совершающих каждение перед тобою, и сгорят на тебе человеческие кости».

«Царь поднял руку, сказав:

— «Возьмите его!

«Но рука его исчезла, а Жертвенник был рассечен *(кометою)* и масло жертвоприношений разлилось *(в огне утренней зари).*

«Царь *(в символе созвездия Стрельца с его Венцом и рукою, натягивающею лук и исчезнувшей в лучах вечерней зари)* стал умолять прозорливца простить его, и по слову последнего рука его сделалась как прежде. Пророк пошел затем домой, отказавшись по приказанию бога от всякого гостеприимства в царстве «Заступника Народа». Но другой из прозорливцев Дома Бога, *(вероятно, планета Юпитер),* узнав о его чуде, вскочил на Осла, догнал его, когда он находился под Могучим, и воротил назад, как бы тоже по слову бога, и накормил у себя. И вот, когда пророк вышел из Дома Бога *(Яслей Христа в созвездии Рака)* и поехал на Осле *(заметьте явный астрализм),* тогда на дороге встретил его Лев и умертвил *(комета ослабела, потеряв свой хвост в пасти созвездия Льва).* Угостивший его пророк, узнав об этом, оседлал другого Осла и нашел его тело между первым Ослом и Львом *(явные созвездия,* рис. 19 и 20*).* Он похоронил его в своей гробнице, да и себя завещал похоронить в ней же.

«Но это *небесное знамение* не образумило «Заступника народа», и он попрежнему посвящал, кого хотел, в священники царских высот *(пирамид)*».

Здесь к аллегорической истории «Стойкого царя» Константина I примешалась уже и астрология. Мы видим тут и Жертвенник *(созвездие)* и двух Ослов в созвездии Рака и Льва в его соседстве, а под пророками мы должны предположить не иначе, как комету, которую догнал Юпитер (или Сатурн) между Раком и Львом в противостоянии, что бывает только при Солнце в Козероге или Водолее, т. е. в январе-феврале, юлианского счета.

А как раз в январе 331 года, за 6 лет до смерти Константина I, Юпитер во Льве пересекал Сатурна при попятном движении его, и при планете войны Марсе, как раз над Жертвенником. И кроме того, в августе 329 года, при Солнце во Льве, летописи Ше-ке и Ма-Туан-Ли (см. кн. VI), привезенные из Пекина миссионерами Майлья и Гобилем, указывают еще и «меч божий» — комету в созвездии Стрельца, — которая, идя попятным движе-

[1] **И-АШ-ИЕУ** в церковном тексте переведено Осия, но здесь не одно, а два отдельных слова **ИЕУ** и **И-АШ**. Это лишь другое произношение слова **ИЕУ-ШИЭ** — Исус.

[2] По-еврейски Бама (במה) — высота, и в частности царский надгробный курган, т. е. пирамида.

нием, должна была в декабре пройти за солнцем в созвездие Жертвенника и после рассечения его в утренней видимости над огнем зари описать дугообразный путь к созвездию Ослов в Раке и повернуть, остановившись на время, в пасть Льва. Не ошибка ли тут в два года, что бывает часто в исторической датировке комет?

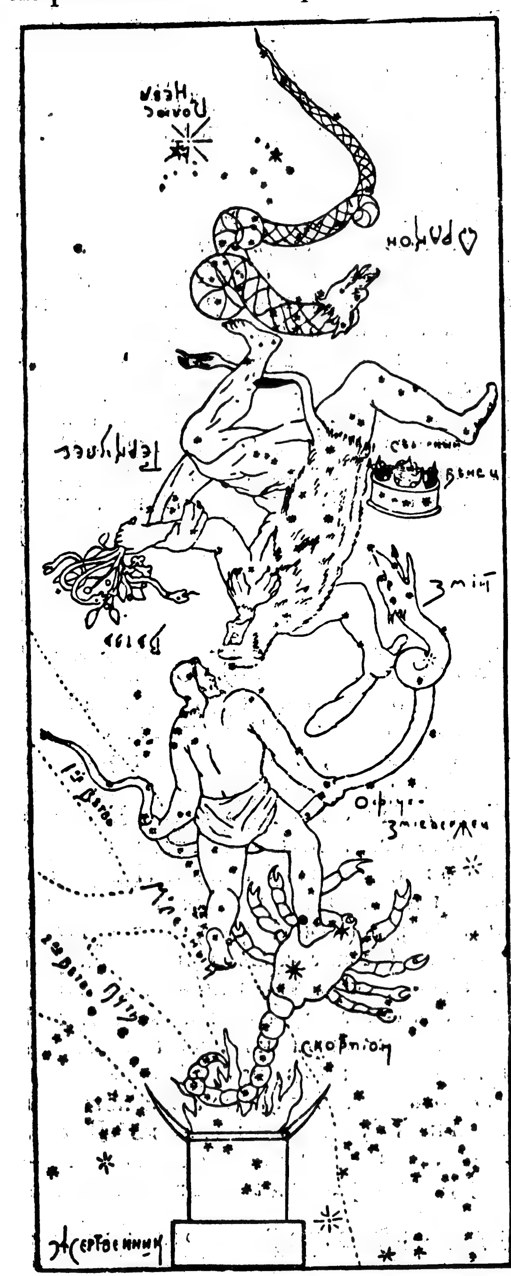

Рис. 18. Созвездия Жертвенник, над ним Скорпион, Змеидержец Геркулес, Северный Венец и Дракон, обвивающий полюс эклиптики.

Значит, божий вестник, посланный предупредить Иеровоама-Константина, была комета, а догнавший ее пророк — Юпитер. Для держащегося астрального смысла тут все выходит ясно, а того, кто, не взирая ни на что, признать может здесь буквальный смысл, разумный историк приравняет к тому самому Ослу, на котором изображенный здесь пророк приехал во Львиную пасть. Другого выбора нет.

В астральном же роде должен быть истолкован и второй миф из времен «Заступника Народа».

У него, — говорит книга Царей, — заболел сын, носящий странное имя АВ-ИЯ, что значит Отец бога-Громовержца. Царь послал свою переодетую поселянкой царицу в Силоам (от слова ШЛЕ — меч, копье-рассадник, или от ШЛЕЕ — ветвь) к слепому прозорливцу Ахии (от греческого слова агиос — святой). Но прозорливец, хотя и слепой, тотчас же узнал ее и сказал:

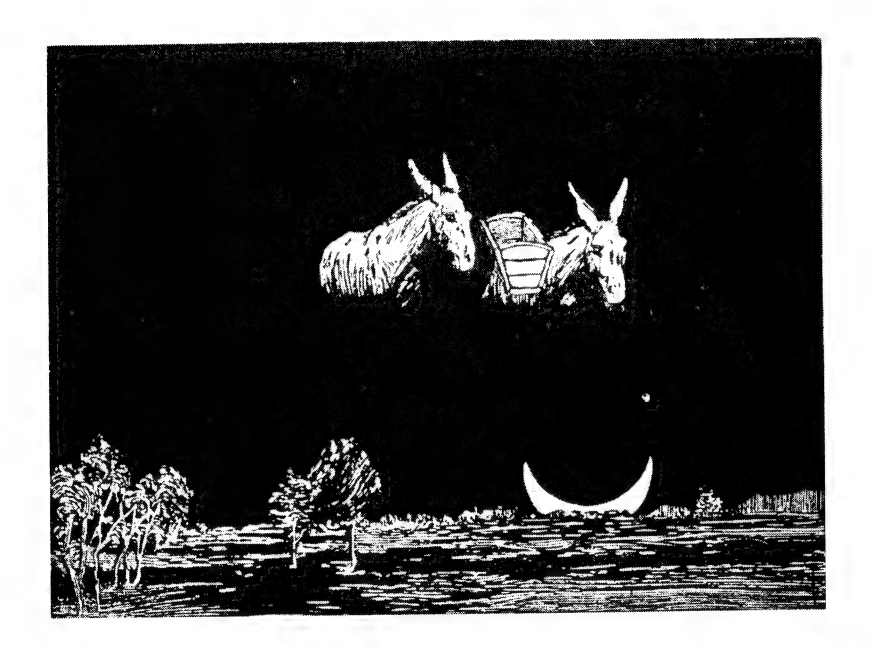

Рис. 19 и 20. Созвездие Льва и созвездие Ослов у Яслей Христа *(теперь созвездие Рака)*.

— Войди, жена Заступника Народа! Для чего было тебе выдавать себя за другую? Пойди, скажи Заступнику Народа слова бога: «за то, что ты сделал себе иных богов и истуканов, меня же бросил себе за спину, я истреблю у тебя всякого пса, мочащегося к стене, и вымету твое потомство, как сор, дочиста. Кто умрет у Заступника Народа в городе, того съедят псы, а кто умрет на поле, того склюют небесные птицы. Громовержец-бог поставит иного царя, который истребит всю династию Заступника Народа, он извергнет богоборцев из доброй земли, которую дал их отцам и развеет их за то, что они сделали у себя дубравы».

Царица пошла в Тюрцу (созвучно со словом Турция), и, как только переступила порог своего дома, умерло ее дитя.

«Слепой прозорливец» здесь очень похож на затменное солнце или Луну, но кто — царица и кто—ее сын? Разгадка может быть найдена тоже в астрономических явлениях того времени, но во всяком случае это — миф, а не историческое событие.

Вот и все, что рассказано в Книге «Цари» о «Заступнике народа» (Иеровоаме в греческом произношении, тоже списанном, по нашим сопоставлениям, со Стойкого царя).

Мы видим, что чисто историческая часть этого рассказа действительно относится к истории царствования Константина только в другом освещении, а астральная часть подтверждает хронологическую наложимость обоих царей друг на друга, выведенную нами путем определения времени других библейских легенд. Время царствования царя «Заступника Народа» показано в Библии 22 года, а Константин I, по христианским преданиям, царствовал почти 25 лет после победы над своим западным соправителем Максенцием (312—337). Разница в три года легко объясняется сбивчивостью древнего летоисчисления и преданий.

И все это только подтверждает выводы новейших историков (сделанные даже по одним греческим преданиям), что Стойкого царя — Константина — напрасно сделали христианином. Библия называет его только ересиархом.

К этому же заключению приводят нас и латинские писатели, называющие его основателем Рима (т. е. Ромейской империи) — Ромулом, что и теперь сохранилось в названии Румелия на Балканском полуострове и в том, что византийцы до сих пор называют себя ромеями. А его убитого брата, соответствующего Лицинию, латинские авторы называют (Ремом, по-русски—Римом).

Сыновья бога Марса и лесной нимфы Реи Сильвии, воспитанные волчицей, они мало заслуживают серьезного исторического изучения. Но так как миф о них несомненно относится к основателям Великой Ромеи на Балканском полуострове, а не в итальянской Кампаньи, то и он может служить доказательством полуязыческого характера всего того периода времени, тем более, что и Ромул, как Константин, после смерти был причислен к лику святых под именем св. Квирина (от слова Кир — Господь).

И если, в дополнение ко всему сказанному, мы еще прибавим, что главная фигура «Никейского собора» есть Арий (что по-еврейски значит Лев), с которого списан библейский Арон (а вождь богоборцев Моисей списан с богопризванного Диоклетиана),[1] то религиозное мировоззрение того времени рисуется нам как время возникновения арианства, но только опять не в той апокрифической клерикально-христианской версии, в которой мы его имеем, а в классической форме, с признанием Зевса-Иеговы отцом не одного бога-сына (Спасителя-Христа), а множества детей, как от настоящих богинь и нимф, так и от человеческих дочерей, к которым он, увлекшись, спускался с неба под разными видами. В это время от храма еще не отделился не только театр, но даже и публичный дом, как выражается о нем автор Апокалипсиса в конце IV века, говоря о господствовавшей в то время ромейской церкви: «Великие Врата Господни (Вав-Илон) — мать блудников и мерзостей земных». Но даже и в V веке основанная автором Апокалипсиса мессианская церковь, прародительница последующей иконоборческой, не была еще господствующей, а лишь мало распространенной оппозиционной и гонимой арианами церковью фанатиков, почти исключительно сирийцев и греков. Тогда было многобожное и многоженное арианство, а потому нам нет нужды прибегать к различным хитроумным измышлениям для объяснения того, как Константин мог без резкого сопротивления заменить, будто бы, предшествовавший ему сложно развитый классический культ новым — христианским, с отвержением всех прежних богов и богинь. Он ничего не изменял, а только заменял прежнее вольное шаманство этим самим классическим многобожием с богом Отцом во главе и водворял государственный контроль над служителями культа в интересах их самих, т. е. собственно говоря, подкупал шаманов, делая из них привиллегированное сословие, охраняемое государством.

Духовенство (т. е. с нашей точки зрения тогдашние вольные шаманы, оракулы и колдуны, самое имя которых происходит от слова *культ*), освобождалось от несения государственных повинностей, их поселки и общежития могли получать имения частных лиц по дару и по завещаниям, но в то же время над ними назначались наблюдатели (епископы, по-гречески), вероятно соединявшие с этим и астрологические наблюдения. Им же даны были и права судей, не только над отдельными кудесниками, но также и над светскими людьми. Так государство, без всякой борьбы, получило при Стойком царе Ромуле-Константине-Октавиане-Иеровоаме в свое распоряжение настолько могучую силу, которой его наследники часто и сами были не рады.

Это была естественная первая стадия возникновения арианского клерикализма и первая теогония, которая, как и все живущее, не оставалась на тысячелетие закостенелой в первобытной форме, а развивалась сообразно законам диалектического материализма.

Перейдем теперь и к другому, очень важному событию того

[1] См. «Христос», книга I.

времени: образованию Крепкого города (Константинополя, по-гречески), хотя греки так его и не называют, или Царь-Града, как постоянного центра обширной государственной власти в наилучшем для нее стратегическом положении.

Я уже не раз говорил, особенно во втором томе «Христа», что столицы государств не возникают по капризам государей, а если и возникают, то немедленно рушатся. И вот, на этот раз я рад не разойтись по этому пункту с мнениями авторитетов по Византийской истории.

«Еще император Диоклетиан (284—305), — говорит А. А. Васильев в своих «Лекциях по истории Византии,[1] — с особою охотою жил в Малой Азии, в Никомидии. Да и Константин, решив создать новую столицу, не сразу остановил свой выбор на Византии. Некоторое время он *(как говорят нам и другие историки, умеющие читать даже мысли древних царей)* «думал» о Наиссе (Нише), где он родился, затем о Сардике (совр. Софии) или о Фессалонике (Солуни).[2] Но особенное внимание его было привлечено местом древней Трои (sic!), откуда, по преданию, прибыл в Италию, в Лациум, Эней и положил там основание римскому государству. Император лично отправился в знаменитые места, где сам определил очертание будущего города. Ворота *(почему же раньше всего ворота в еще не существующем городе?)* были уже построены, но, «по свидетельству» христианского писателя V века Созомена, ночью во сне явился Константину господь и убедил его искать для столицы другое место. После этого Константин остановил окончательно свой выбор на Византии. Еще сто лет спустя проезжавшие на кораблях мимо троянского берега видели там, — догадывается автор, — с моря неоконченные ворота Константина».

Такое же фантазерство продолжается и далее.

«Византия была в это время лишь незначительным селением и занимала часть мыса, вдающегося в Мраморное море. В 326 году, а может быть и несколько позднее (328), Константин приступил к постройке тут новой столицы. Император, с копьем в руке, определял границы города и, когда приближенные, видя чрезвычайные размеры намечаемой столицы, с удивлением спрашивали его:

— «Докуда, государь, ты пойдешь? — он отвечал таинственно:

— «До тех пор, пока не остановится идущий впереди меня *(очевидно, сам евангельский Христос)!*»

И тут же начинается другая волшебная сказка. Ровно 40 000 готских воинов, — говорят нам, — так называемых федератов, участвовали в работе. Целый ряд разнообразных льгот—торговых, денежных и т. д.—был объявлен для новой столицы, чтобы привлечь туда население. Наконец, к весне 330 года работы настолько подвинулись вперед, что Константин счел возможным

[1] Стр. 58.

[2] А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, т. I, стр. 59. 1917 г.

официально открыть свой Царь-Град. Открытие состоялось 11 мая 330 года и сопровождалось празднествами и увеселениями, длившимися сорок дней.

Так просто строились, читатель, прежние города!

«В старину живали деды
Веселей своих внучат»...

«Но все же, — говорят нам, — только позднее город превратился в столицу мировой державы и стал называться Константинополем». Да и то лишь у европейцев, а не у себя дома! — прибавим мы.

По древним описаниям он ничем не отличался от классического Рима. Он имел такое же муниципальное устройство и делился, как классический Рим, на четырнадцать округов — регенов, из которых два лежали за городскими стенами, так что не трудно было описать по его образцу и воображаемый древний итальянский Рим.

Из памятников города, современных Константину, до нас почти ничего не дошло. К его времени христианские историки относят церковь св. Ирины, но они же говорят нам, что «она была перестроена» сначала при Юстиниане Великом, а потом при Льве III, и в настоящее время в ней помещается турецкий военный музей. Приписывают «Стойкому царю» и знаменитую «змеиную колонну из Дельф». Сделанная в память сражения при Платее и перевезенная в новую столицу на ипподром, она, — говорят нам, — находится на том же месте и теперь, в несколько испорченном виде. Но и это все лишь—догадки, а больше ничего нет.

В политическом отношении псевдо-«Новый Рим», как его называют, обладал исключительными условиями. С моря он был недоступен, с суши его охраняли стены. В экономическом отношении он держал в своих руках всю торговлю Черного моря с Архипелагом и Средиземным морем и был предназначен самою природою сделаться торговым посредником между Европой и Азией.

Постройка столицы и неразрывная с нею централизация власти повлекли за собою усиление бюрократии и увеличение числа исполнительных органов, а сейсмические и вулканические катастрофы конца III и всего IV века, приведя к теократизму, лишь ускорили процесс, который медленно развивался и сам собою.

Но, собственно говоря, начало Царь-Граду было положено еще предшественником Константина Богопризванным царем (Диоклетианом) и лишь потом приписано Константину.

Диоклетиан, подавший повод к библейскому мифу о Моисее, был настоящим государем-богом, носившим царскую диадему. Подданные, получавшие аудиенцию, должны были падать на колени перед ним, едва смея поднять глаза на своего государя. Все, что касалось его, называлось священным: его священная особа, его священное слово, его священный дворец, его священная

казна и т. д. Его окружал многочисленный двор, который, будучи перенесен в Царь-Град, поглощал громадные средства подчиненного ему населения и сделался центром многочисленных происков и интриг, так сильно осложнявших позднее жизнь Византийской империи. Таким образом, самодержавие на религиозной основе было установлено Диоклетианом-Моисеем и сделалось одним из отличительных признаков государственного строя Великой Ромеи.

Для упорядочения управления обширной и разноплеменной страны Диоклетиан ввел систему четверовластия. Власть, — говорят нам, — была разделена им между двумя «Священными Особами» (августами) с одинаковыми полномочиями, из которых один должен был жить в восточной, а другой в западной части государства, но оба августа должны были работать для одного ромейского теократического государства. Империя при таком устройстве могла быть единой только при единой теократии. Каждый август должен был взять себе в помощники по кесарю, который после удаления от власти или смерти августа делался бы августом, избирая себе нового кесаря. Создавалась, таким образом, как бы искусственная династическая система. Она могла избавить государство от происков различных честолюбцев и лишить легионы решающего значения при выборе нового императора лишь при страшном для суеверных умов того времени мистическом обряде его освящения, т. е. возведения в сан Христа. Таким образом, первыми христами были Диоклетиан и Максимиан, а кесарями — Галерий и Констанций Хлор, отец Константина Великого. Диоклетиан оставил себе азиатские провинции, Фракию и Египет с центром в Никомидии, Максимиан — Италию, Африку и Испанию с центром в Медиолане (Милане), Галерий — Балканский полуостров (кроме Фракии) с прилегавшими к нему дунайскими провинциями с центром в Сирмиуме на р. Саве, вблизи современной — Митровицы, и Констанций Хлор (он же Юлий Цезарь) — Галлию и Британию с центрами в Трире и Иорке.

Все четыре правителя, — говорят нам, — считались правителями единого целого, и государственные законы издавались «от имени всех четырех». При теоретическом равенстве обоих августов Диоклетиан, как император, имел неоспоримое преобладание, а кесари находились в подчинении у августов. Но такая скачка сразу на четырех ничем существенным не связанных друг с другом лошадях, — если она и была действительно придумана «богопризванным царем», — конечно, не могла долго продолжаться. По истечении некоторого времени, когда ужас перед сейсмическими катастрофами, возвеличившими Диоклетиана, как спасителя от всемирной гибели, начал проходить, реальные соотношения сил стали обнаруживаться. Далеко отстоявшие от центра августы должны были сложить свои полномочия и передать их цезарям. Уже в 305 году Диоклетиан и Максимиан, сложив свое звание, удалились в частную жизнь, и августами сделались Галерий и Констанций Хлор, а последующие за этим смуты быстро положили конец искусственной системе теократической тетрархии, и она в начале IV века уже прекратила свое существование (если действительно существовала).

При Диоклетиане все провинции фактически зависели от Диоклетиана, благодаря внушаемому им к себе суеверному страху.

Но они отличались крупными территориальными размерами и давали большую силу лицам, стоявшим во главе их управления. Преемники Диоклетиана, желая уничтожить политическую опасность крупных провинций, решили их раздробить на более мелкие единицы. Из 57 провинций, существовавших в момент его вступления на теократический престол, создалось 96 провинций, а может быть и больше, как это видно из главного нашего источника Notitia Dignitatum, т. е. официального перечня придворных, гражданских и военных должностей того времени, с перечислением провинций. Но по определению самих историков, этот недатированный документ относится не ранее как к началу V века, когда в него уже вошли изменения, сделанные в провинциальном управлении преемниками Диоклетиана. Notitia Dignitatum насчитывает 120 провинций; другие такие же сомнительные списки дают меньшее число. Многие детали реформы Диоклетиана из-за сомнительности первоисточников не выяснены, но ясно одно: Италия в то время была еще провинцией Балканской Ромеи, а итальянский Рим был простым провинциальным городом.

Стойкий царь Константин, — говорят нам, — дополнил преобразовательное дело Богопризванного царя — Диоклетиана, и весь штат чиновничества дожил до последнего времени Ромейской империи. Большинство должностных названий едва ли были греческие, а не еврейские или славянские, и, вероятнее, уже позднее были на западе Европы переведены на латинский и греческий языки. Точно также и придворная пышность едва ли была заимствована Диоклетианом у персов, а не персами (как менее богатыми) у него.

Когда в 337 году Константин умер, ромейский сенат, по «свидетельству» историка Евтропия (X, 8) возвел его (как и Ромула) в боги, а христианская церковь *(уже много позднее)* объявила его святым и равноапостольным.

Сыновья Константина, с неестественно одинаковыми именами — Константин, Констанций и Констант, которые все означают одно и то же — Стойкий, стали править империей после смерти своего Стойкого отца.

«Второй Стойкий» — Констанций II, — продолжал, — говорят нам, — развивать религиозное течение предшествовавших лет и открыто был за ариан (какими тогда они были). А два другие брата, — говорят нам, — стояли за чудотворцев (николаитов) или за бессмертников (афанасианцев). В междоусобных войнах, будто бы, погибли насильственною смертью сначала Константин II, а через несколько лет Констант, и тогда Второй Стойкий («Констанций II») сделался единым государем империи.

ТАБЛИЦА IV

Примерная схема главных династических вариантов, создавшихся у разноплеменных авторов для Ромейской истории IV века нашей эры.

Шкала лет	По Сократу Схоластику. Сомнительные вехи	По Книге Царей. Вехи, сдвинутые около 1250 лет вспять		По XVIII египетской шкале. Вехи, сдвинутые около 1750 лет вспять.	По Евсевию Вселюбцу. Вехи, сдвинутые около 350 лет вспять	По Титу Ливию. Вехи, сдвинутые около 1050 лет вспять
		Богославные цари	Богоборческие цари			
280 285 290 295 300	Диоклетиан (284—305) Соправители: сначала Максимиан, потом Галерий и Констанций Рыжий	Давид	Давид	Тот Мосиси, Геброн	Великий Трубный (Помпей Великий)	
305	Констанций Рыжий (305—306), соправитель Арий	Соломон	Соломон	Амен-Офис	Юлий Цезарь	
310 315 320 325	Константин I Святой (306—337) Соправитель Люциний (307—324) и соправитель Арий	Ровоам	Иеровоам I, ересиарх	Митрэс	Октавиан Святой	Ромул (соправитель Рем)
330 335 340 345	Констанс (337—350) Констанций II (337—361) Константин II (337—339)	Аб-Ие (отец Бога)	Надаб	Митра-Гмутосис	Тиберий	Нума Помпилий
350 355 360 365 370 375	Юлиан Философ (361—363) и Василий Великий Валентиниан (363—376) и соправитель его Василий Великий (363—376) Валент (363—378)	Аса (Иисус)	Васа (Василий) и Юлий (Ила) и Илья пророк	Тот-Мосис	(Евангельский Иисус) Клавдий и Мессалина Домиций Нерон	Тулл Гостилий Анк (Енох) Марций (т. е. крест Марсов)
380 385 390	Феодосий Великий (378—395) Соправитель Грациан (378—383) Валентиниан II (378—392)	Иосафат	Амрий и Ахав	Амен-Офис II	Три Тита	Тарквиний первый
395 400	Аркадий (395—408) и Евдоксия Соправитель Гонорий (395—423)	Богославный Иорам с нечестивой женой, дочерью Ахава	Богоборческий Иорам		Траян Адриан	Сервий Туллий
405 410 420	Захват власти Иеговианом (Иоанном, автором Апокалипсиса) Отпадение Италии	Отпадение Эдома	Иеговий (по-русски — Иуй) и истребление династии Феодосия Великого (Ахава)	Орос (Гороскопист).	Захват власти Иоанном Златоустом	Тарквиний Великолепный (Superbus)

Но точно ли вся эта стойкая тройка действительно существовала?

Ведь, вот в истории комет, приведенной мною в прологе к VI тому «Христа», я показал, как даже в позднее средневековье чуть не половина комет, имеющихся в первоисточниках, вывезенных миссионерами Майлья и Гобилем из Пекина, распалась вместо одиночек на тройки (том VI, табл. XIV на стр. 177). Так почему же не могли бы распадаться по этому образчику и цари? Ведь, так легко было из нескольких не сходных друг с другом описаний той же самой личности (а сходными биографии бывают только при копировке с того же самого документа) сделать заключение, что речь идет о нескольких различных лицах с тем же самым прозвищем? А стараясь привести полученное таким способом фантастическое многообразие в систему, почему бы не догадаться, что все они не только не были одною и тою же личностью, а жестоко враждовали между собою, и один из одноименцев убил наконец двух остальных?

За эту мою гипотезу говорит как раз то обстоятельство, что у не греческих авторов взамен «Трех Стойких» соправителей (Констанция II в 337—361 годах, Константина II в 337—339 годах и Константа в 337—350 годах) стоит везде только один царь (табл. IV).

Так, в библейской книге «Богоборческих Царей», взамен всех трех поставлен один (Надаб, т. е. Усердный царь), причем он, подобно Константину II имел только два года царствования, держался арианства (ереси Иеровоама) и был убит Васою (Василием), воцарившимся вместо него. А в книге Царей Богословных (иудейских) они же трое объединены в одном Абии, имя которого значит «Отец Бога», но который тоже держался арианства (I Царей, XV, 4). А сын его Аса (Иисус-Целитель) стал наоборот светильником Святого города (I Ц., XV, 4), каким и был преемник Констанция I, если мы признаем, что Василий Великий был его сыном и тожествен с богоборческим Васою, хотя и сказано, что «между Асою и Васою была война всю жизнь» (I Ц., XV, 16). Все это и показано на табл. IV, во второй и третьей колонках.

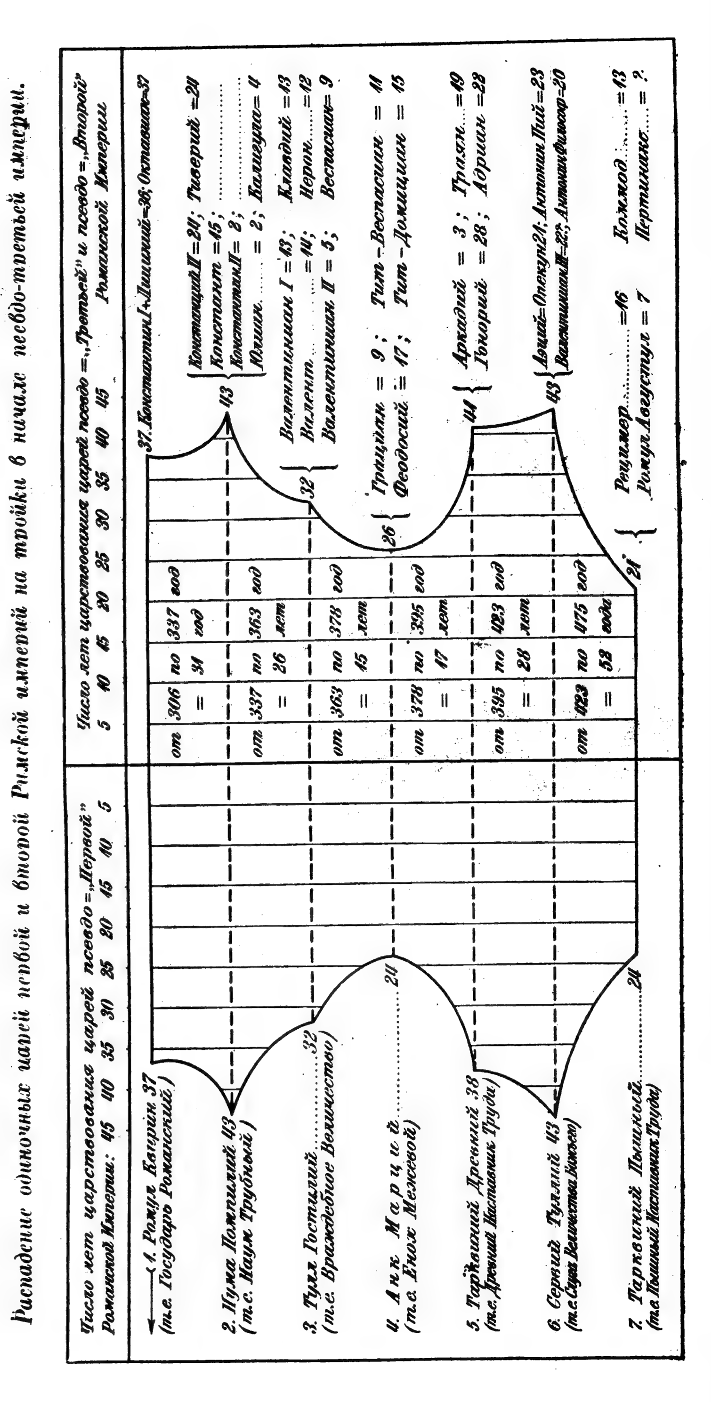
Объединенные под именем Нумы Помпилия (табл. IV) те же три Стойкие царя установили, по Титу Ливию, в Ромее религиозные обряды, причем этому Нуму помогла советами мудрая нимфа Эгерия.

Под именем Тиберия, т. е. Тибрского царя, они же трое объединились у Евсевия Памфила (табл. IV), причем получили две противоречивые характеристики в наших первоисточниках Эпохи Возрождения. Одни нарисовали его добрым и дальнозорким политиком, другие мрачным и подозрительным тираном, удалившимся на остров Капри и окружившим себя стражей, под начальством свирепого Сеяна.

Итак по нескольким первоисточникам выходит, что вместо трех Стойких царей современников, имеющихся у Сократа Схо-

ТАБЛИЦА V

Распадение одиночных царей первой и второй Римской империй на тройки в начале псевдо-третьей империи.

ластика, в действительности существовал только один (табл. IV, колонки пятая и шестая, а также диаграмма, табл. V).

Так почему же мы не должны думать, что под именами законодателя Нумы Помпилия, Тиберия-Тибрского, Усердного-Надаба, Абии-Отца Божия и даже египетского царя Митры-Гмутосиса (табл. IV, колонка четвертая) объединены три реальных одноименных царя Сократа Схоластика. а не наоборот, — что сам Сократ (имя которого значит Спаситель Власти) сделал из одного реального Стойкого царя трех одноименных и одновременных царей, по-латыни — Констанция, Константа и Константина?

Рис. 21. Образчик чистого произвола в наших исторических определениях. Изображение на «античной» камее в Национальной библиотеке в Париже, считаемое за Тиберия. А кто, когда, кому и почему сказал, что это — Тиберий, а не Валент или не Феодосий — неизвестно. И так везде. Это — западноевропейская работа Эпохи Возрождения, выдаваемая за древне-итальянскую.

Все шансы — за последнее допущение, тем более что таких курьезов у «Ученого Спасителя Власти» я покажу несколько и далее. А здесь отмечу только, что и все египетские школы (называемые неправильно «династиями») дают тут одного человека, как это показано в VI томе.

Вот почему я и считаю реальным одного Констанция II, несмотря на то, что будто Константин II через два года совладычества был убит Констансом, а Констанс в 350 году убит собственным телохранителем Магнецием. Они оба проходят как тени, и один Констанций II имеет определенную физиономию.

Горячий сторонник арианства, он, — говорят нам, — упорно проводил арианскую политику в ущерб язычеству, которое при нем подверглось крупным ограничениям. Один из указов его, будто бы, провозглашал:

«Да прекратится суеверие, да уничтожится безумие жертвоприношений».

Но этот указ вышел уже впоследствии, а в начале его царствования языческие (т. е. вольные) храмы и оракулы вне городских стен оставались еще в неприкосновенности. Лишь через несколько лет вышел указ о закрытии и о запрещении жертвоприношений во всех местностях и городах империи под угрозою смертной

казни и конфискации имущества. Так расширились иммунитеты арианского духовенства, и его епископы освободились от светского суда.

До конца своих дней Констанций II, как и Константин I, носил титул Великого первосвященника (Pontifex Maximus), из чего видно, что арианство и в его время походило на классический культ.

Рис. 22. Образчик чистого произвола в наших исторических определениях. Изображение в Якобсеновской коллекции в Копенгагене, выдаваемое за Октавиана Августа. А кто, когда, кому и почему сказал, что это — Октавиан, а не Константин I или не сам Юстиниан—неизвестно. И так везде. Это — западно-европейская работа Эпохи Возрождения, выдаваемая за древне-итальянскую.

Я не особенно верю «упорной борьбе Констанция II с Александрийским «Бессмертным» (Афанасием), так как силы того и другого были слишком неравны. Но если это даже и была правда, то христианство «Бессмертного» едва ли было похоже на то, каким его рисует нам православная церковь, а с ее слов и историки.

Мы никогда не должны забывать того, о чем я уже так подробно говорил в прежних книгах «Христа», да и здесь буду излагать в отделе поздней византийской идеологии. Теологи-клерикалы, держась известного евангельского изречения «ученик не может быть выше своего учителя», совершенно исключали всякую идею об эволюции, между тем как любая умственная эволюция, наоборот, построена на тезисе: «ученик должен стать выше своего учителя», потому что если он к полученному от него умственному материалу не прибавил от себя ничего нового, то он не должен быть и его преемником.

В теологии, как принципиально обоснованной не на собственных личных трудах и размышлениях ученых, а на том, будто первые учителя получили свои познания путем о т к р о в е н и я от самого бога, не могло явиться ничего другого кроме учения о деградации человеческих знаний от поколения к поколению. Но этот тезис стоял в резкой противоположности с реальной историей знания, при которой талантливый ученик всегда являлся

продолжателем и расширителем знаний, полученных им от учителя. Как можно было примирить эту реальную историю эволюции знаний с учением о деградации откровения божия? Было только одно средство: подменять реальных и более, чем сами, наивных учителей далекого прошлого воображаемыми, мудрыми учителями, созданными по своему собственному образу и подобию, но разукрашенными еще павлиньими перьями позднейшей, развившейся фантазии.

Рис. 23 и 24. Образчики чистого произвола в наших исторических определениях. Первый бюст (по характеру работы не ранее Эпохи Гуманизма), из Якобсеновской коллекции в Копенгагене, считается за изображение Великого Помпея; второй, из Неаполитанского музея, такой же работы, считается за изображение Юлия Цезаря. А кто, когда, кому и почему сказал, что это — они, а, например, не Констанций Хлор и не Юлиан,—неизвестно. И так везде. Это — западно-европейская работа Эпохи Возрождения, выдаваемая за древне-итальянскую.

И вот, всех действительно замечательных деятелей Ромейской империи конца III и начала IV века, какой-то выдающийся по своему времени христианский автор Эпохи Гуманизма сделал, судя по своим симпатиям и антипатиям, то сторонниками, то противниками, будто бы, существовавшего уже тогда христианства. Он назвал их по прозвищу Царь-Града — Крепкий город — (Константинополь, по-гречески) Константинами, Констанциями и Константами. Другие выдающиеся писатели Эпохи Гуманизма по той же причине дали воображаемым строителям Ромы или Рима (в действительности — того же Царь-Града, сосланного в провинциальную еще тогда Италию) имена, происходящие от этого по-

ТАБЛИЦА VI

Из волшебных сказок о до-Ромейской Элладе.

Рис. 25 и 26. Два вида почти равноценных монет «Александра Македонского». На верхней монете изображена его воображаемая голова, а на обратной — Афина Паллада и надпись: АЛЕКСАНДРОВА. На нижней монете (около 8 драхм) он — на коне, а на обратной стороне — тоже надпись: АЛЕКСАНДРОВА. Но ведь монеты могут обращаться на рынке лишь в том случае, если они имеют тот же самый вид и все — того же штампа! Иначе собьются с толку все покупатели, особенно древние — безграмотные.

Рис. 27. Монета Регия, с изображением головы Аполлона на одной стороне и головы льва на другой. Относится неправильно к 400 — 387 годам, до начала нашей эры.

ТАБЛИЦА VII

Из волшебных сказок о до-Ромейской Элладе.

Рис. 28 и 29. Два вида тетрадрахм Птолемея Александрийского. Но ведь всякая монета имеет смысл и годна к употреблению на рынке лишь тогда, когда все ее экземпляры одного штампа. Зачем же Птолемей запутал свое денежное хозяйство, выпуская ту же самую монету в нескольких вариациях? А со стороны новейших фальсификаторов, работавших независимо друг от друга, иначе не могло и быть.

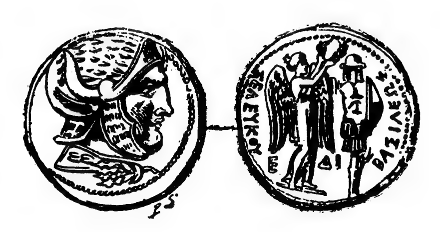

Рис. 30. Серебряная тетрадрахма «полководца Александра Македонского Селевка» с надписью на обороте: «ЦАРЯ СЕЛЕВКА».

ТАБЛИЦА VIII

Из волшебных сказок о до-Ромейской Элладе.

Рис. 31. Монета с надписью Сирах (ΣΥ-ΡΑ-ΧΟΣ), с изображением Созвездия Двух Рыб и головой «Победителя» (Ника). На обороте—он же на триумфальной колеснице. Присутствие Рыб, имя которых по-еврейски созвучно со словом Навин, показывает на христианское время.

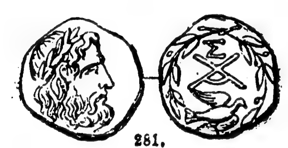

Рис. 32 и 33. Два видоизменения серебряных Ахейских монет. У обеих на лицевой стороне — головы Зевса. А на обороте у одной внизу — голубь, у другой сверху— передняя часть коня, и у обеих буквенные знаки. По новой хронологии как Ахейский, так и Этолийский союз были уже в эпоху крестоносных государств в Греции, и монеты этого времени возможны. Но почему они не одного штампа, а вариантны?

Рис. 34. «Монета базилевса Антигона». На обороте надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΓΟΝΟΥ (царя Антигона). Считается полководцем Александра Македонского и его сонаследником (а базилевсами цари начали называться лишь со времени Гераклия!).

ТАБЛИЦА IX

Из волшебных сказок о до-Ромейской Элладе.

Рис. 35 и 36. Два видоизменения почти одноценных «Этолийских монет», что невольно наводит на мысль, что это — две независимые друг от друга подделки. Голова на лицевой стороне, — говорят нам, — изображает Палладу, на обеих монетах. У первой на обратной стороне — человек с соколом в руке, у второй — наконечник копья, челюсть кабана и какая-то ягода. На обеих надпись АЙТОЛОН.

Рис. 37. Монета Димитрия Полиоркета (т. е. покорителя городов), сына Антигона, сонаследника Александра Македонского.

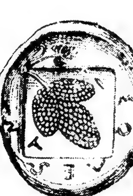

Рис. 38 и 39. Налево—лицевая и обратная стороны монеты Берлинского нумизматического кабинета, приписываемая «Киру Младшему». Направо — серебряная монета с надписью СОЛЕОН на обороте и гроздью винограда, приписываемая почему-то «сатрапу времен Кира» (по Вегенеру).

вого слова: Ромул (от Roma) и Рем (от Rim), а третьи авторы Эпохи Гуманизма нафантазировали и еще новые варианты тех же самых прозвищ.

И мы имеем теперь их произведения то от имени ученого Спасителя Власти (Сократа Схоластика, по-гречески), напрасно относимого к V веку нашей эры; то от имени Благочестивого Вселюбца (Евсевия Памфила), еще более напрасно относимого к IV веку. А затем появились такие же апокрифические усовершенствования их от имени Спасителя Силы (Созомена, по-гречески), продолжателя Спасителя Власти, а затем выступил и Поджио Браччиолини, под именем латинского писателя I века нашей эры Почтенного Ливийца (Тита Ливия, по-гречески).

Читатель видит сам, что все эти имена, как авторов, так и императоров, которых они описывают, не были именами, которые они носили при своей жизни, а прозвищами их, появившимися лишь в эпоху апокрифов, называемую нами «Эпохой Возрождения» (древних деятелей по образу и подобию недавних авторов).

Рис. 40. Монета Пифагора. Курьезное доказательство того, что этот философ не только существовал в древности, но даже чеканил свою монету! (Вегенер. Эллада, 315.)

— А как же, — скажут мне, — все наши музеи переполнены серебряными и золотыми монетами с изображениями Константинов, Октавианов и т. д. на лицевой стороне, вплоть до Карла Великого и даже до наших дней?

Ответ на это прост:

Ведь, всякая монета имеет смысл только тогда, когда она достаточно распространена в публике (монеты-уники— абсурд) и когда она имеет строго определенную ценность, т. е. штампована по одному образцу, а не выгравирована разнообразно от руки, каждый экземпляр особо. Последние монеты, как не годные для рынка, можно априорно считать за фальсификацию. А она была неизбежна. Ведь, запрос туристов на этот род реликвий всегда был особенно велик благодаря их портативности, а изготовление для них штампа не требовало никакого особого искусства: каждый гравер мог его сделать, и потому не удивительно, что около «исторических мест» тотчас же возникали мастерские соответствующих монет.

Но интересы государей и частных фальсификаторов были различны. Государю было желательно и даже необходимо выпустить как можно более монет единого штампа, веса и пробы, чтобы правильно платить жалованье войскам и администраторам без попреков в неравномерном вознаграждении, а потому он должен был выпускать всю свою монету данной ценности по крайней мере десятками тысяч и для ее удостоверения тем же штампом. А фальсификатору, сидящему близ «классических развалин», это было неудобно, потому что все догадались бы, что

у него фабрика. Да и каждый турист, купив за дорогую цену первую монету, не захотел бы платить свыше их реальной стоимости за другие, совершенно такие же, а потому, оттиснув тем же штампом несколько штук, он должен был изготовлять уже другой образец. Вот почему все монеты от имени одного и того же государя, но оттиснутые разными штампами при той же ценности (не говоря уже о вырезанных от руки, как не имеющих смысла в качестве орудий обмена товаров) можно априорно считать поддельными. А на право действительных монет могут претендовать лишь те, одновесные, однопробные и оттиснутые тем же штампом, экземпляры, которые найдены в разных местах данной страны, хотя бы в числе нескольких десятков, потому что неподдельная монета должна была распространиться, как и всякое средство обмена, за пределами своей столицы. А много ли мы имеем таких случаев?

Рис. 41. Золотой статер с надписью на обороте базилевса СЕЛЕВКА, около головы коня Буцефала (причем опять напомним, что базилевсами греческие цари стали называться лишь со времени Гераклия, т. е. с VIII века нашей эры!)

Насколько мне известно, — ни одного до Карла Великого. А между тем серебряные и золотые монеты должны лежать неизменными под развалинами от землетрясений и извержений вулканов, а также в виде кладов и в могилах, десятки тысячелетий. Перечеканивать при новом государе на новые можно было бы только те, которые возвращались в центральное казначейство в уплату податей. Но не все же они туда возвращались. До открытия банков, платящих проценты, что началось только с XVIII века, а ранее каждый человек, даже и не скряга, естественно предпочитал хранить свои сбережения в земле, вследствие чего и возникло много кладов. И понятно, что в таких кладах должно попадаться большое количество одинаково чеканенных монет. Так и бывает всегда, когда открывают клады нового времени, т. е. не поддельные клады. Но мне совершенно неизвестно, чтобы где-нибудь был открыт клад с большим количеством одинаковых древних монет.

Рис. 42. Монета с надписью «ЦАРЯ ФИЛИППА», около него же на коне (Филипп значит: Любитель коней, вернее—Любоконь).

А каковы обычные фальсификации древних монет, которыми переполнены все европейские музеи, читатель может видеть из приложенных здесь образцов (рис. 25—43). Оказывается, например, что и философ Пифагор и моралист Иисус Сирах не только писали свои книги, но и чеканили на рынок свою монету (рис. 31 и 40). А как образчик чеканки несколькими штампами, что противоречило целям действительной монеты, но придавало

ценность поддельной, мы видим два одноценных образчика этолийской и ахейской монеты (рис. 32 и 35), которая вдобавок, могла появиться только в XIII веке нашей эры, во время латинской федерации крестоносных государств на греческом Востоке. Вот почему я и не придаю никакого значения таким уникам (даже находимым при раскопках Помпеи, тем более, что подобные находки отрывались в присутствии высокопоставленных гостей, приезжавших посмотреть на работы, которым и преподносились любезно на память о посещении).[1]

Только со времени Карла Великого (800 г.) и можно, мне кажется, считать часть имеющихся в наших музеях монет за подлинные, да и то если надписи на них безграмотны с нашей точки зрения, т. е. сделаны без соблюдения книгопечатной орфографии, установившейся лишь со времени Гуттенберга. Вот, например, даже в XIII веке на самих царских печатях писали: Dux Zlesie et Polonie» вместо книгопечатного Dux Silesiae et Poloniae (рис. 43 печать № 10), или: «ducis Silesie» вместо книгопечатного Silesiae (там же, № 12), или «domine Wratizlavie» вместо книгопечатного Vratislaviae и т. д. Но, ведь, царская печать много важнее простой рукописи, и за всякую орфографическую ошибку на ней было бы приказано переделать ее на новую. Значит, в простых рукописях было еще больше таких индивидуальностей, и всякая рукопись без них — подлог.

Приступим же к исследованию нашего предмета, выбросив из него (и из своего собственного воображения) всю эту пыль средневековой схоластики и фантазерств Эпохи Гуманизма.

Прежде всего, припомним то, что я уже доказывал и астрономически, и географически, и климатологически, и даже политико-экономически в первых шести томах моего исследования.

И древняя Греция и Пелопонез, и древний классический Рим в Италии — волшебные сказки времен Ренессанса. Христианство, да и то не в современном виде, началось только с «основателя православной литургии» Великого царя (Василия Великого, по-гречески), при царе Юлиане, называемом отступником и очевидно, не от основанного при нем же (и даже им самим!) «православного благослужения», а от какого-то предшествовавшего ему. И мы теперь уже видим — от арианства, которого придерживались его предшественники, начиная со «святого» Константина. С этой точки зрения на Никейском соборе, историческую возможность которого при Константине нет причин отвергать, могла итти борьба никак не со сторонниками «Иисуса Христа, сына божия», о котором тогда еще не могло быть и речи, а, как и говорится в более наивных, т. е. более древних, первоисточниках, была борьба у ариан с николаитами, которых так ненавидит в конце IV века автор Апокалипсиса.

[1] См. об этом у В. Классовского: «Помпея и открытые в ней древности». 1856 г. Превосходный обзор всего, что было найдено до второй половины XIX века.

На Никейском соборе в качестве символа веры могли быть провозглашены только десять заповедей народного вождя Моисея-Диоклетиана-Богопризванного и его первосвященника Арона-Ария, да и то едва ли в том виде, как мы представляем теперь. Ведь, от Никейского собора, так же, как и от последующих, не осталось никаких документов, а россказням о них через тысячелетие после их смерти мы можем верить лишь в том случае, если признаем, что они восстановлены не по традиции людей, а по воспоминаниям Святого Духа, который в виде голубя мог еще все это хорошо припомнить и вновь продиктовать людям.

А более древние документы, каковы библейская книга «Цари», рисуют нам то время совершенно в ином виде.

В них Аврелиану и его латинскому отражению Сулле соответствует Саул. Диоклетиану и его латинскому отражению Помпею соответствует Давид, а Константину «Святому» соответствует, почему-то не святой, а наоборот — богоборец-еретик, «Заступник народа (по-еврейски — Иеровоам)», который подобно Арону установил поклонение Тельцам (I — Ц., XII, 29), одного из которых водворил, повидимому, в Египте,[1] а другого в Дане, т. е. в Судном городе,[2] вероятно еще не в Риме, а в Геркулануме или Помпее.

Параллельно Константину, построившему Царь-Град, Иеровоам построил целых два города, Сихем и Пенуил,[3] и сделал себя первосвященником.

Относительно религиозного состояния того времени, которое теперь мы должны отожествить с началом Ромеи-Византии, говорится и в Библии очень плачевно.

«И делали богославцы *(иудеи, по-еврейски, и эллины, по-гречески)*[4] неугодное перед очагами бога-Громовержца, устроили у

---

[1] В доме Бога (בית — אל = БИТ — АЛ).

[2] Суд по-еврейски — Дан (דן).

[3] Сихем (שכם-ШКМ) — хребет, считается за Флавия, Неаполь классиков. А פני-אל (ФМИ-АЛ) значит «лик-божий».

[4] Я уже говорил, что в Греции имя Греция неизвестно. Это славян-
ское слово значащее: страна горяков, сокращенно: греков. По-гречески же
слово грек (γραῖκος) значит старушечий и больше ничего. Образованный
грек только рассмеялся бы, если бы его назвали так по-гречески, а необра-
зованный обиделся бы. Греция называется у греков: 1) Ромей, т. е. Рим-
ской землей, от еврейского корня РОМ (ראם) и РИМ (רים), означаю-
щего носорога, как сильнейшего из зверей, и 2) Элладой — тоже от еврей-
ского корня ЭД-УД (אד—הוד) — отражение божьего света, или ЭЛ-ЭД
(אל־הוד) — богословие, т. е. то же самое, что Иудея, от корня И — УД,
где И есть обычное в еврейском словообразовании сокращение слова
Иегова (ИЕУЕ). Интересно, что Греция кроме Ромеи называется на своем
языке еще и Элленидой (Ἕλληνις, Ἑλληνιδός) — опять от того же еврейского
корня ЭЛ — бог и от греческого Ленида (ληνίς, ληνιδός) — вакханка, служи-
тельница бога виноделия, т. е. тоже имеет смысл: бого-вакханка, бого-
славка. Все это вновь подтверждает мой вывод, что в библейской книге
«Цари» под именем царство Богославного (Иудейского) и Богоборческого
(Израильского) описаны две части так называемой «Всемирной Римской
Империи».

себя высоты *(т. е. пирамиды)* и столбы *(обелиски)* и дубравы. И блудники были в той земле и совершили все *(религиозные)* мерзости тех народов, которых бог-Громовержец прогнал от лица сынов Богоборца (I Ц., XIV, 24).

Рис. 43. Образчики подлинных печатей славянских (Силезских, т. е. Залесских) государств для сравнения их штампа и орфографии с древними подложными монетами (по Гельмольту, V, 247). В древних, подложных, орфография — нашей печатной эпохи, а здесь — индивидуальная, свободная. № 9. — Болеслав Силезский (1162 — 1201) с рукописи Leubus, помеченной 1175 годом. № 10. — Генрих III Силезский (1241 — 1266 г.) с рукописи Leubus, 1253 года. На лицевой стороне: Conradus Dei gra(tia) dux Zlesie et Polonie (вместо печатного Silesiae et Poloniae). № 11. — Генрих III (1241 — 1266 г.) на Бреславльском манускрипте 1266 г. № 12. — Генрих IV (1266 — 1290 г.), на Бреславльской грамоте, помеченной 1288 годом. Наружная надпись sigil(lum) Henrici Quarti dei gra(tia) ducis Silesie (вместо Silesiae); внутренняя надпись Et domini Wratizlavie (вместо Vratislaviae). № 14. — Вацлав I Бриггский с Бреславльской грамоты 1353 года. № 15. — Ладиславль Оппельский, с Бреславльской грамоты 1386 года.

Последнее выражение — блудники — как раз является библейским повторением слов Апокалипсиса о государственной церкви IV века нашей эры Византии: «Врага-Господни — называет он ее — мать блудников и мерзостей земных».[1]

Все это показывает на очень неустойчивое состояние лишь образующейся властной церкви того времени. Даже и идею о

---

[1] См. мою книгу «Откровение в грозе и буре». 1907 г.

верховном боге-отце надо понимать для того времени не в иносказательном смысле — отца всего сущего, как стараются истолковать современные теологи, — а в смысле отца многих других богов от своей главной супруги Юноны, и от разных нимф и человеческих дочерей, которые ему нравились.

Что же касается до семейного строя этих Стойких царей вплоть, может быть, до Македонской династии (867 г.), то у обычных обывателей Ромеи-Византии он был, конечно, фактически единоженным, благодаря тому, что девочек родится почти столько же, как и мальчиков, а в высших богатых и властных слоях населения господствовало многоженство по образцу Диоклетиана-Давида. Византийские императоры, даже и в средние века, ходили среди своих жен и официальных наложниц, как петухи среди кур, мало отличаясь в этом отношении и от сменивших их потом турецко-византийских султанов.

Благодаря бесконечным подлогам клерикальных и антиклерикальных апокрифистов Эпохи Гуманизма, вступавших с собою в споры под именами, будто бы, древних христианских учителей, нам трудно разобраться в византийской теологии IV века нашей эры, ничем не похожей на современную христианскую, но наибольшим приближением к ней, может быть, будут описания классической мифологии, повидимому характеризующие в главных чертах ромейско-византийское христианство IV и V веков, напрасно отнесенное за несколько столетий вспять.

Но об этом у нас будет далее особая глава. А теперь немного поговорим о «византийском антике».

ГЛАВА II

ВИЗАНТИЙСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ АНТИК

Недавно у нас, на берегах Невы, сделано одно из первоклассных открытий, бросающих совершенно новый свет на всю историю средневековой культуры. Я говорю о «Византийском средневековом антике», существование которого теперь впервые установлено Л. А. Мацулевичем в его замечательном труде, вышедшем на немецком языке,[1] с русским послесловием, из которого я сделаю несколько выдержек и приведу несколько рисунков из текста.

«Памятники, сопоставленные в этой книге и издаваемые, большей частью, впервые по фотографическим снимкам, — говорит автор, — представляют интерес не только сами по себе. Их значение не ограничивается кругом частных вопросов. Их роль значительно шире. Они выдвигают крупные культурно-исторические проблемы. Самый же род издаваемых здесь памятников очень ограничен. Это — почти исключительно серебряная утварь богатых

[1] L. Matzulewitsch. Byzantische Antike. Berlin, 1929.

классов константинопольского и варварского общества. Неправильная оценка как формы этих предметов, так и их рельефных украшений были причиной долгих заблуждений относительно них. В самом деле, они сохраняют строгие формы поздне-античных сосудов. Расположение рельефов и сюжеты взяты из античной мифологии или передают излюбленные жанровые сцены. В общем характере и приемах изображения, в мотивах орнамента — во всем, казалось, античность выражена столь ярко и цельно, что, как будто, не остается места для сомнений в том, что мы имеем

Рис. 44. Ромейский Серебряный ковш с изображением бога Нептуна на ручке *(см. первый рисунок)* и рыбной ловли сбоку. Царь-градская работа начала VII века нашей эры. А прежняя датировка: I век. Государственный Эрмитаж. (По Л. А. Мацулевичу.)

здесь дело с представителями античного искусства. Поэтому большинство сопоставленных в настоящей книге памятников и считалось изделиями II — III веков нашей эры, а дата одного низводилась даже к концу I века. Задача настоящего исследования доказать, что все эти памятники относятся к VI и VII векам нашей эры. Таким образом, датировка их передвигается на четыре — на пять, а в одном случае даже больше, чем на пять веков. Такое значительное передвижение, не могущее не повлечь за собой пересмотра важнейших культурно-исторических вопросов, должно быть обставлено доводами, не допускающими индивидуальных отклонений. Этой ответственной задаче и посвящены, преимущественно, первые главы настоящего исследования».

Затем Л. А. Мацулевич излагает свой метод определения времени.

«Большинство издаваемых здесь сосудов снабжено клеймами — говорит он. — Эти-то клейма и являются признаками, которые позволяют установить абсолютную дату памятника. Изучение процесса изготовления таких предметов с несомненностью устанавливает, что византийские клейма выбивались на листах серебра,

еще не отделанных окончательно. Распространенное мнение о наложении византийских клейм на готовые древние предметы оказывается здесь несостоятельным по чисто техническим причинам. Сохранившиеся клейма, в большинстве случаев, просто не могли быть выбиты на тех местах, где они находятся, после того

Рис. 45. Мелеогр и Аталанта после охоты на зайцев. Царь-градская работа—десятые или двадцатые годы VII века нашей эры. Царствование Тераклия, прежняя датировка II или III век. Государственный Эрмитаж. (По А. А. Мацулевичу.)

как данный предмет был окончательно отделан.[1] Поэтому датировка клейм служит одновременно и датировкой всего изделия».

«Время клеймления устанавливается в настоящем исследовании преимущественно на основании определения личностей бюстов, помещаемых в некоторых клеймах. Изучение их приводит к выводу, что это — изображения византийских императоров. Они даются в монетном типе, причем наблюдается строгий параллелизм между портретами на монетах и портретами на клеймах.

[1] Например, клейма загнуть бы вместе с загнутой поверхностью сосуда. Видно, что их наложили на лист серебра, когда он еще был плоским, т. е. служил материалом для сосуда. *Н. Морозов.*

Изменению портретных признаков или деталей одеяния на монетах соответствуют изменения их и на клеймах. Так, в одних случаях император Ираклий (610 — 641) избражается молодым с небольшой округлой бородой и с характерно подстриженными волосами, в других случаях — стариком с очень длинной бородой и с длин-

Рис. 46. Так называемое «поздне-римское» серебряное блюдо. Нереида, несущаяся по морю на гиппокампе в сопровождении тритонов. Найдено в окрестностях Баку. Принятая датировка: II — III век нашей эры, а по характеру рисунка — того же времени, как и остальные. (По А. А. Мацулевичу.)

ными, торчащими в стороны, усами. Первый вариант соответствует монетным изображениям до 629 — 630 годов, второй от 629 до 641 годов. Приведенный пример показывает, что точность датировки клейма, а тем самым и всего предмета, может быть доведена в некоторых случаях даже до одного-двух десятилетий. Датировку, сделанную на основании портретных изображений, подкрепляют в отдельных случаях некоторые монограммы или надписи, помещенные на сосудах. Все эти данные позволили определить абсолютную дату каждого издаваемого в настоящей книге па-

Рис. 47. Серебряный ковш с изображением Нептуна.

мятника. Время изготовления ни одного из них не уходит за пределы VI века и первой четверти VII».

«Византийская утварь из серебра, — продолжает Л. А. Мацулевич, — точно датируемая на основании клейм VI и VII веков, дошла до нас в таком количестве экземпляров, что вопрос о случайности на них сюжетов из античной мифологии должен быть исключен. К тому же круг клейменных памятников может быть еще расширен за счет стилистически однородных и одновременных с ними памятников без клейм. Утварь эта, конечно, принадлежала высшему классу, ее употребление было связано с узким общественным кругом, но античная традиция, ярко выраженная в украшающих ее рельефах, не замыкалась в этом тесном круге.

«Хронологически византийские изделия непосредственно соприкасаются с собственно античными памятниками и являются непосредственным их продолжением *(а с нашей точки зрения, — прибавлю я, — относящей «классический антик» в Эпоху Гуманизма, наоборот — началом)*. Они непрерывной линией протягиваются через все VI столетие, от его начала вплоть до середины VII века, и являются ярким показателем процессов, длительно развивавшихся в Средиземноморьи».

Л. А. Мацулевич показывает затем, что «византийский средневековой антик» много проще классического.

«Рельеф, как таковой, — говорит он, — не имеет пластических свойств и приближается к графической трактовке изображения. Мелочная орнаментация деталей при помощи пунктира очень распространена. Пространственные соотношения между отдельными частями картины постоянно нарушаются, происходит разрыв между фигурой и почвой. Ландшафтные элементы подчас вовсе отсутствуют, и изображение повисает на фоне. Сравнительный анализ этого стиля и, в частности, решение вопроса об отношении «византийского антика» к антику эллинистическо-римскому является, поэтому, одной из существенных задач».

Все это — прибавим мы от себя — совершенно правильно, но с дальнейшими выводами автора никак нельзя согласиться.

Желая выйти из тупика, в который приводят историю древнего классицизма новейшие исследования, руководимые данными опыта, техники и естествознания, и не решаясь итти, как я, на полный разрыв с традицией, Л. А. Мацулевич прибегает к остроумному, но мало убедительному приему. Он объясняет этот кажущийся с обычной точки зрения шаг назад «скрещиванием» высшей эллинской культуры с низшею — варварскою, — причем (скажу своими словами!) подобно тому, как от скрещивания коня с ослицей происходит мул, так, будто бы, и от соединения высшего классического антика с низшим, варварским произошел этот средневековой византийский антик.

«Византийский антик, — говорит он, — нельзя оценивать как дегенерацию античности, как качественное падение античного искусства. Мы имеем дело не с падением, не с разложением чего-то уже отжившего, а с новым — скрещенным средневековым

Рис. 48. Ромейский серебряный ковш с изображением Ниломера, стоящего в виде столба. На борту изображен египетский ландшафт, а на ручке—бог Нептун. Царь-градская работа первой четверти VI века нашей эры. Прежняя датировка: II или III век.— Государственный Эрмитаж. (По А. А. Мацулевичу.)

Рис. 49. Ромейский серебряный ковш с изображением Нереиды на морском льве. Десятые или двадцатые годы VII века. (Первые два десятилетия царствования Гераклия.) Царь-градская работа.— Государственный Эрмитаж. (По А. А. Мацулевичу.)

искусством . . .». «Варварское» художественное мировоззрение, «варварское» понимание художественной формы сплавлялось в общем горниле Византии с античным наследием и дало «Византийский антик».

Да простит меня высоко ценимый мною автор за мой скептицизм в деле этого «скрещивания». Биологическое скрещивание действительно дает среднюю форму, как в только-что приведен-

Рис. 50. Ромейское плоское блюдо, найденное при раскопке поля близ города Кунгура Пермской губернии, при которой найдено в земле и несколько других в том же роде, вероятно для «поднятия урожая». Царь-градская работа второй четверти VI века нашей эры. Появление богини Венеры-Афродиты в виде фригиянки в шатре Анхиза.—Государственный Эрмитаж. (По Л. А. Мацулевичу.)

ном мною примере, но не то бывает при смешении двух различных культур, которое притом же происходит лишь тогда, когда одна из них преодолеет разделявшие их прежде преграды, как это было, например, при открытии Колумбом Америки или Куком Австралии.

Тогда низшая культура постепенно ассимилируется с высшею, а высшая не только не понижается от того у себя на родине, а приобретает, наоборот, дополнительный импульс к своему дальнейшему развитию и усовершенствованию. Вот почему открытие Л. А. Мацулевича несравненно более важно, чем думает он сам. Его

«византийский антик» с точки зрения вырабатываемой мною новой хронологии и новой теории человеческой культуры (на основах ее преемственной непрерывности) есть не скрещение классического коня с варварской ослицей средневековья по биологическому принципу, а зародыш самого классического антика из господствовавшей до него и в самой Византии «варварской культуры».

Разрабатываемая мною новая, рациональная теория эволюции человеческого творчества, относящая всех вообще классиков в Эпоху Гуманизма, а греческих, в частности,—в период крестоносной латинской федерации на Ближнем Востоке, только ставит вниз ногами то, что до сих пор стояло вниз головой. И эта переста-

Рис. 51. Обломок ромейского глиняного церковного блюда, повидимому употреблявшегося при причащении, судя по остатку надписи. В начале после точки: KYPIE BOHΘ[EI] (господи, помоги), а в конце надписи: [Θ] YCIACTHPION COY (алтарь твой). А между тем здесь на борту—классический сюжет: Нереида, играющая с тритонами. И кроме того в Британском музее есть тоже серебряная шкатулка, найденная на Эсквилине в Риме с христианской надписью и с такими же классическими сюжетами, считаемыми за языческие. — Государственный Эрмитаж. (По Л. А. Мацулевичу).

новка с головы на ноги теперь неизбежна, и ничто не в силах ее отвратить.

Посудите сами.

По прежним историческим представлениям во все средние века на Балканском полуострове и на прилегающих к нему Ионических островах вместе с культурными прибрежьями Малой Азии не было никакой живописи, кроме иконной, и абсолютно никакой скульптуры, тогда как прежде обе процветали. С большой натяжкой это объяснялось губительным влиянием христианской религии, хотя во все время не было ни одного случая, чтоб греческая церковь запретила, подобно магометанской, и живопись и скульптуру в обычной обстановке богатых жилищ. Даже в период иконоборства уничтожались лишь религиозные кумиры, под

девизом поклонения единому невидимому богу. Значит объяснение «клерикализмом» здесь ни на чем не основано.

А вот теперь Л. А. Мацулевич и прямо доказал, что светские изображения, чрезвычайно родственные классическим, но более первобытные по исполнению, многочисленны на серебряных изделиях самой средины византийского средневековья.

Отсюда ясно, что такие же сюжеты разрабатывались тогда в Византии **и не на одном серебре** . . . Куда же они делись? Очевидно, — **туда же, куда и приведенные нами здесь сосуды,** раньше того, чем их исследовал Л. А. Мацулевич: они все были неправильно отнесены позднейшими историками в первые века нашей эры или даже в еще более глубокую древность.

Все это я и пытался доказать читателю в прежних томах «Христа» и еще раз сделаю это сейчас, а теперь прошу только посмотреть на несколько снимков, сделанных мною с фотографий Л. А. Мацулевича, помещенных в его недавно вышедшей книге. Вот они, зародыши той античной живописи, которые так пышно развились в период Латинской империи XIII—XIV веков на том же Ромейском Востоке и, перекинувшись на Запад, вызвали к жизни все наше европейское художество (рис. 44 — 52)!

ГЛАВА III

ЭПОХА ВЕЛИКОГО ЦАРЯ-МЕССИИ.

Едва ли есть в истории человеческой мистики более интересный период, чем четвертый век нашей эры. Он начался, как мы видели, пробуждением вулканической деятельности Везувия, после его многовекового сна, взбудоражившей воображение людей во всем Средиземно-морском этническом бассейне, а окончился он какими-то мощными потрясениями земли, отголосок которых мы видим в Апокалипсисе, написанном осенью 395 года. В средине этого века появилась, по церковным историкам, христианская литургия[1] Великого Царя (Василия о-Мегаса, по-гречески). А в конце этого же века появилась литургия Иоанна Златоуста, вероятно, отличающаяся от современной, носящей его имя, как гусеница от выросшей из нее бабочки.

Каковы обе эти литургии были в то время приходится еще разыскивать всякими методами, так как существующие теперь первоисточники наших сведений о IV веке не что иное, как старинные сказки или поздние апокрифы.

Но восстановлять реальную историю по сказкам, где небылица совершенно закрывает правдоподобное, — то же самое, что, например, написать биографию Гарун-аль-Решида по сказкам Шехеразады, а плагиировать древнюю историю по позднейшим апокрифам, не содержащим ничего чудесного, — то же, что восстановлять дворцовую жизнь во Франции по роману Дюма «Три Мушкетера», где также не описывается никаких чудес, а потому нельзя возразить принципиально ни против чего.

[1] От греческого λιτή (литэ) — лития, общее моление, и ὄργια — оргия, таинственные жертвоприношения большею частью в честь Бахуса, с опьянением.

Рис. 52. Ромейское плоское серебряное блюдо, найденное на реке Калгановке Пермской губернии, царь-градская работа двадцатых годов VII века (по клейму императора Гераклия на оборотной стороне). На нем танцуют Менада и Силен. Прежняя датировка: II или III век нашей эры.—Государственный Эрмитаж. (По Л. А. Мацулевичу.)

Однако, в данном случае мы имеем не одну, а несколько сказок, и не один, а несколько апокрифов о том же самом, и потому из сравнения их между собою попробуем найти хоть зерно первоначальной действительности с наименьшей возможностью ошибиться.

Основатель христианского богослужения «Великий Царь» (по-гречески, Великий Василий) разделился в старинных сказках о нем на два варианта, каждый из которых носит окраску вкуса авторов.

*

В позднейшем варианте, выработанном монахами, он рисуется отчасти по их собственному образу и подобию, и отчасти по тому идеалу, которого они сами хотели бы достигнуть. А в библейской книге «Цари» его изображают в виде пророка Илии (т. е. Элиоса — солнца, откуда происходят и имена Юлий и Юлиан). Он там гремит на земных царей, имеет замечательного преемника Елисея, т. е. Богоспасителя, и в конце концов улетает на небо в огненной колеснице, на которой с грохотом и молниями скачет над облаками даже и до сих пор во время грозы.

В книге «Бытие» та же самая мистическая идеология представляет его нам в виде праотца Еноха, т. е. Освященного, жившего 365 лет, по числу дней в году, что указывает на связь его с определением длины солнечного года. Агаряне называют его Идрис, т. е. ученый, и Коран (19. 57—58) приписывает ему изобретение письмен и всех наук. От имени его имеется даже «Книга Еноха», открытая в Абиссинии английским путешественником Брюсом на эфиопском языке. Высокого мнения о его учености держатся и талмудисты, а интереснее всего для нас здесь то, что и он, подобно пророку Илие и евангельскому пророку Христу, за благочестие свое был взят живым на небо.

В «Житиях Святых» имеем мы его в облике основателя первой христианской литургии — Великого Царя (Василия Великого), тоже, как мы видели, человека великой учености и тоже чудотворца, воскрешавшего даже мертвых, хотя, как говорят нам монахи, он был царем и сыном царя, только по имени, а не на деле.

И, наконец, в евангелиях эта монашеская версия доходит до окончательного своего развития. Основатель христианского богослужения представляется в них великим врачом и чудотворцем, не только воскрешавшим других мертвых, но и самого себя и, как Енох и Илия, возносится живым на небо. Все это — ответвления чисто мистической апперцепции, но есть и светские апперцепции, которые рисуют нам его вместо подвижника великим героем и полководцем.

Таким мы видим его, прежде всего, под именем Иисуса Навина. В переводе гебраиста Крудена это имя значит Спаситель Вечный, а если считать слово Навин происходящим от еврейско-арабского глагола Нава — пророчествовать, то получится — Спаситель-Пророк. В обычном еврейском тексте Библии он называется кроме того Иисус Нун, т. е. Спаситель-Рыба, что вполне соответствует средневековой христианской символике, где Христос таинственно связывался с зодиакальным созвездием Рыб, началом Византийско-Ромейского года, да и самое греческое имя Рыба (ИХТИС) считалось анаграммой — Иисус Христос Теу Ийос Сотер, т. е. Иисус Христос Божий Сын Спаситель, как я уже не раз имел случай показывать. А этот Иисус, как говорится и об евангельском Христе в Коране, был племянником Моисея и Арона, что опять сближает его с четьи-минейским Великим Царем, принадлежавшим к следовавшему за Арием поколению. Как и евангельский Христос, он ввел народ божий в обетованную ему землю, но только не мистическим путем, как в евангелиях, а посредством кровопролитных сражений.

Сомневаться в том, что он — только новое ответвление того же самого мифа об основателе христианского богослужения,—невозможно с рационалистической точки зрения. И это тем более, что в сходном облике выявляется он перед нами и в египетских сказаниях о Великом Царе-Мессии (Рэ-Мессе Миамуне). Но только здесь он оказывается уже не номинальным «царем, сыном царя», как в четьи-минейском сказании о Василии Великом[1] и не аллегорическим, как в евангелиях, говорящим о себе: «я царь, но царство мое не от мира сего,» — а царем действительным и законным, как и живший в IV веке нашей эры ромейский император Юлиан Философ.

И царственная версия несомненно более правдоподобна, чем первая монашеская с вознесениями его на небо и другими чудесами.

Но тогда возможно допустить, что и сама личность, давшая начало к таким громким сказаниям, раздвоилась в средние века на две: на царя Юлиана Философа и на Великого Царя, т. е. Василия Великого. А связующим филологическим звеном здесь служит пророк Илия, который по своей биографии сильно напоминает и Василия Великого и евангельского Христа, а по своему имени напоминает императора Юлиана, потому что Юлиан и Илия — одно и то же имя в двух иноязычных произношениях и происходит от греческого слова Элиос — Солнце. Да и самое слово Василий, хотя я и перевожу его средневековым значением «царь», первоначально было Баз-Илу или Баз-Элиу, т. е. пьедестал Бога или пьедестал Солнца. Значит, это было то же самое прозвище, как и Юлиан, и Илия.

Так сравнение разнородных мифов дает возможность с известной долей вероятности восстановить первоначальную истину или по крайней мере взять под сомнение уже сложившиеся у нас односторонние представления. А то обстоятельство, что греческие наши первоисточники заставили царя Юлиана и Великого царя даже переписываться между собою, не имеет никакого значения. Средневековые авторы были способны и не на такие дела. Вот почему и Великого царя, основавшего первичную христианскую литургию или давшего повод основать ее своим последователям, я буду разбирать здесь сначала с точки зрения единства Юлиана Философа и Великого царя Четьи-Минеи, пользуясь всеми соединенными мною друг с другом первоисточниками, а потом уже постараюсь охарактеризовать — главным образом по библейской «Песне Песней» — и характер бывшего тогда христианского богослужения.

Поговорим сначала о «Солнечном царе» — Юлиане Философе, называемом теологами «Отступником».

[1] Там он называется Василием, сыном Василия, — что на средневековом греческом языке значит Царь, сын Царя.

Торжественное погребение Констанция, умершего, — говорят нам, — во время «персидского» похода в Киликии, в 361 году, и перевезенного набальзамированным в Царь-Град, произошло, в присутствии нового императора (Юлиана, по гречески) в построенном будто бы Константином Великим храме св. Апостолов. Сенат причислил его к сонму богов, а где его могила, да и самый храм св. Апостолов, как будто никто теперь не знает. Для нас здесь интересен только факт, что бальзамирование царских трупов, т. е. превращение их в мумии и перевоз для погребения на родовое кладбище, существовало и в IV веке нашей эры. А под Царь-Градом или Укрепленным Городом (Константинополем, по-гречески) мог подразумеваться первоначально и Мемфис с его пирамидными курганами: ведь около него во всяком случае масса пышных царских могил.

И вот, на престол вступил Юлиан, с биографией которого связано столько апперцепционных представлений у христианских писателей, как почти ни с кем другим из земных царей.

Он, — говорят нам, — получил хорошее образование. Евнух Мардоний, по происхождению скиф, знаток греческой литературы и философии, обучавший мать Юлиана поэмам Гомера и Гезиода (которых тогда еще не было!), перешел в качестве воспитателя и наставника к ее сыну. Евсевий, епископ никомидийский и потом константинопольский, убежденный арианин, вводили Юлиана в изучение Священного Писания.

После вынужденного пребывания (из-за подозрительности Стойкого-Констанция) в течение нескольких лет в Каппадокии, где он продолжал под руководством сопровождавшего его Мардония изучение «древних авторов», Юлиан для окончания образования был переведен сначала в Царь-Град, а затем в Никомидию, где — говорят нам историки-теократы, желающие объяснить существование классического Пантеона, как правительственной религии даже и после Константина, — у него и появилось первое влечение к язычеству.

«В то время в Никомидии преподавал Либаний, не знавший и не желавший знать латинского языка, к которому относился с пренебрежением. Он «презирал христианство и видел смысл всего лишь в эллинстве». Там же Юлиан с увлечением ознакомился с оккультным учением «неоплатоников», вызывавших при помощи заклинательных формул не только умерших обыкновенных людей, но даже богов (теургия). Ученый философ, астролог и магик, по имени Величайший (Максим, по-гречески), а родом, — говорят нам, — из Эфеса, оказал на Юлиана особенно большое влияние.

Пережив своего брата Галла (т. е. Француза), убитого по приказанию Констанция, Юлиан был отправлен в ссылку в Афины, которые тогда представляли собою еще довольно захолустный, провинциальный город. И там, как думает большинство историков, он был посвящен элевзинским иерофантом в элевзинские мистерии, т. е. тайный культ Деметры и Персефоны. Церковные историки невольно сближают его с основателем христианской

церкви, называя ровесником и школьным товарищем «Великого царя» (Василия Великого в клерикальной апперцепции).

Но вот, в 355 году Констанций II провозгласил Юлиана цезарем, женил на своей сестре Елене и отправил начальником войск в Галлию, где шла упорная борьба с наступавшими германцами. Юлиан удачно справился с трудною задачею и под Страсбургом нанес германцам сильное поражение. Этот-то поход и был впоследствии приписан вместо Юлиана Цезаря Юлию Цезарю, который объявлен и автором книги «De bello gallico».

Главной резиденцией Юлиана сделалась Лютеция (Lutetia Parisiorum, позднее Париж).[1] Он был в то время небольшим городом на острове реки Сены и был соединен деревянными мостками с обоими берегами реки. На левом берегу, где уже было не мало домов и садов, находился построенный, — говорят нам, — Констанцием Хлором дворец, остатки которого, около музея Клюни, видны и теперь, и Юлиан избрал его своим местопребыванием. Он любил Париж, и в одном из приписанных ему позднейших сочинений вспоминает о зимовке в «дорогой Лютеции».

Но вот, как я уже сказал, Констанций умер, и в 361 году Юлиан был признан императором на всем пространстве империи.

«Прежде всего он решил восстановить язычество».

Так, по крайней мере, говорят нам церковные историки и апокрифисты Эпохи Возрождения. Но разве в то время уже не было язычества? Да и что же это было за язычество? Выходит тут что-то очень странное из их же сообщений. Послушайте сами.

Языческое духовенство, — говорят они нам, — он реорганизовал **по образцу христианской церкви**: внутренность языческих храмов была устроена им **по образцу христианских**; было предписано вести в храмах беседы и читать о тайнах эллинской мудрости **по образцу христианских проповедей**; во время языческой службы было введено пение **по образцу христианского**; от жрецов потребовалась безупречная жизнь и благотворительность, **как у христианских** священников, и притом даже изображенных по образцу и подобию новейших: за несоблюдение религи-

---

[1] Еще раз хочу настоятельно отметить, что Париж (по-французски Парис) в средние века назывался Лютецией парисеев, т. е. французы назывались парисеями или парисами, тем же именем, как и евангельские фарисеи (потому что звуки *п* и *ф* не различаются в еврейском языке, в котором есть только средний между ними звук п-ф). Это же слово мы встречаем в Библии, где ф р и з ы (פזן) или, в греческом тексте, ф е р е з е й и (φερεζαῖοι), а в латинском pheresaei, считаются за особое ханаанское племя, обитавшее в средней за-Иорданской области, завоеванной впоследствии богославцами (по-еврейски — иудеями) и аф-римлянами (Бытие, XIII, 7; Иисус Навин, XVII, 12). Оно же упоминается и при Соломоне (I Цари, IX, 20) и даже у Ездры (IX, .1). А если мы припомним, что Иорданом называлась в средние века река По в Ломбардии, то и географическое положение ферезеев получится как раз во Франции. В согласии с этим приходится пересмотреть и вопрос: когда п е р с а м и (פרם) стали называть не французов, а иранцев?

озных требований грозили, как в позднейшей христианской церкви,[1] отлучением и покаянием и т. д.

Но, ведь, тут как будто выходит, что не языческое духовенство было устроено Юлианом по образцу христианского, а как раз наоборот! Как он мог построить языческие храмы по образцу христианских, когда само христианское богослужение началось только в это время (литургия Василия Великого)? Точно то же можно сказать и о ритуале, который совсем похож на мессианский.

Количество жертвенных животных, принесенных Юлианом **по образцу библейских** на алтарь богов, было, — говорят нам, — настолько велико, что вызывало сомнения и некоторую долю насмешки даже среди самих язычников. **Подобно царю Давиду,** император принимал деятельное участие при жертвоприношениях и, по словам Либания, бегал вокруг алтаря с кусками горящего дерева в руках.

«Пригласив христианских главарей различных религиозных направлений с их сторонниками во дворец», Юлиан, вдобавок ко всему этому, объявил, что теперь, по окончании гражданских усобиц, каждый может беспрепятственно, без всякого опасения следовать своей вере.

Но, — продолжают авторы, — представители христианского духовенства, принадлежа к различным религиозным направлениям, не могли ужиться в согласии и начали ожесточенные споры, на что, будто бы и рассчитывал Юлиан (какой хитрый!!). Даруя кажущуюся веротерпимость и хорошо зная психологию христиан, он, — уверяют они, — был убежден, что в христианской церкви сейчас же начнутся раздоры, и такая разъединенная церковь уже не будет представлять для него серьезной опасности.

Так все хорошо известно ортодоксальным историкам! От них не утаиваются не только дела, но даже и мысли! Они знают и то, чего не было. Несуществовавший тогда «лабарум» Константина, будто бы, служивший знаменем в его войсках, был уничтожен Юлианом, и никогда не блиставшие на знаменах язычника Константина Святого кресты были заменены языческими эмблемами. Так был ликвидирован историками несвоевременный миф о «Сим Победиши».

Первый указ нового императора, — говорят нам, — был о «назначении профессоров в главные города империи». Кандидаты «должны быть избираемы городами, но представляемы на усмотрение императора». Так, повидимому, возникли первые прочные и длительные школы на земном шаре.

И в то же время жил, — говорят нам, — реальный основатель христианской литургии Великий Царь (Василий Великий). Как же не сопоставить того факта, что христианская литургия возникла как раз при Юлиане, с только-что приведенным утверждением, что он преобразовал языческие храмы и их богослужение по образцу христианских?

[1] А. А. Васильев, I, стр. 71.

Церковные историки не делают этого сопоставления, но оно настолько красноречиво, что я обращаю на него особенное внимание читателя. Облик «Солнечного царя» (Юлиана, по-гречески) и облик Великого царя (Василия Великого, по-полугречески) похожи на две фотографии с одного и того же здания, снятые с двух разных сторон. На одной фотографии мы видим парадный фасад, а на другой — заднюю сторону. Обе фотографии различны на первый взгляд, но не полны друг без друга, и некоторые общие детали контура невольно наводят на мысль, что это лишь две стороны того же здания.

Посмотрим и на дальнейшие события.

Летом 362 года, Юлиан предпринял путешествие в восточные провинции и прибыл в Антиохию, где население, будто бы по словам самого императора, «предпочитало атеизм». Столица Сирии осталась, — говорят нам, — совершенно холодна к желаниям гостившего в ней императора преобразовать ее храмы и богослужения «по образцу христианских». Он был этим очень огорчен.

И вот, весною 363 года он покинул Антиохию, направляясь в поход против персов, во время которого был смертельно ранен таинственным копьем «в полночь 26 июня» 363 года, как Христос — 33 лет от роду. Схватившись за рану, этот человек, не успевший перестроить все языческие храмы по образцу христианских, наполнил, будто бы, руку своею кровью и бросил ее брызгами в воздух со словами:

— «Ты победил, Галилеянин!»

Никто не мог сказать, кто его поразил. Одни первоисточники «свидетельствуют», что он пал от руки воина-христианина; другие, — что его убил ангел. Аммиан Марцелин приводит целый роман о том, как около умирающего Юлиана, будто бы, собрались друзья и военачальники и даже слово в слово восстанавливает (очевидно, под диктовку святого духа) его предсмертную речь (XXV, 3;15 — 20). Но все это, конечно, апокрифы и притом очень позднего сочинительства. А когда мы их отбросим от себя, то невольно кажется, что и сама таинственная смерть его придумана для того, чтоб было возможно перейти от героической ветви легенд о Великом царе к сантиментальной ветви; от мифов о нем, как о воине, к позднее развившимся мифам о нем же, как о друге всех страждущих и плененных.

Вот как характеризует «Солнечного царя» А. А. Васильев:[1]

«Центром религиозного мировоззрения Юлиана — говорит он — является культ Солнца, создавшийся под непосредственным влиянием культа светлого бога Митры. Уже с самых юных лет Юлиан любил природу, особенно же небо. В своем рассуждении «О царе Солнце», главном источнике наших сведений о его

[1] Там же, стр. 76.

религии, он писал, что с юных лет был охвачен страстною любовью к лучам божественного светила. Он днем с любовью устремлял на него свои взоры, а в ясные ночи оставлял все, чтобы идти восхищаться небесными красотами. Его религиозные представления сводятся к существованию трех миров, у каждого из которых есть свое солнце-бог. Первое солнце есть высшее Солнце, идея всего существующего, духовное, мыслимое, целое. Оно живет в мире абсолютной истины, в царстве первопричин. Видимый нами мир и видимое солнце являются лишь отражением высшего солнца и высшего мира, но отражением не непосредственным. Между этими двумя мирами, мыслимым и чувственным, лежит еще мир мыслящий со своим солнцем. Получается, таким образом, солнечная троица: солнца мыслимого, мыслящаго и чувственного, или материального, мира. Мыслящий мир является отражением мыслимого или духовного мира, но сам в свою очередь служит образцом для мира чувственного, который является, таким образом, отражением отражения, воспроизведением во второй ступени абсолютного образца. Высшее солнце слишком недоступно для человека, а солнце чувственного мира слишком материально для обоготворения. Поэтому надо сосредоточивать все свое внимание на срединном, мыслящем солнце и ему поклоняться».

Но все это, читатель, писал, конечно, не Юлиан и не его современник, а автор Эпохи Возрождения. Это типическая схоластика средневековья, и, вот, опять мы ничего не знаем о действительном облике Юлиана, а о его «теократическом соправителе Великом Царе» мы получаем столько разнообразных и разноречивых сказаний, что дело становится еще хуже.

Вот, мы только-что видели этого теократическаго соправителя (без упоминаний о Юлиане) в позднейшем евангельском романе, возникшем не ранее кануна крестовых походов, в виде Царя Иудейского (т. е. Богославного), божьего сына и великого врача, исцеляющего одним своим словом от всякой болезни, отверзающего глаза слепым, возвращающего слух и дар речи глухонемым, воскрешающего даже мертвых. Его убили богославцы (иудеи, по-библейски), но он воскрес и улетел на небо, откуда скоро-скоро придет обратно, судить живых и мертвых. А из этого романа, выключив все неправдоподобное, Ренан и некоторые другие «историки» пытались сделать реальную историческую личность. Но так как «сын божий» уже исключен большинством современных историков из числа исторических деятелей (хотя и должен бы быть одним из самых выдающихся среди них), то и я не буду здесь останавливаться на этой новейшей версии старинного сантиментального романа о Христе, придуманной Ренаном. Да на это и есть причины.

Ведь, мы только-что видели его и по библейскому сказанию под именем пророка-Бога (пророка Илии), живущего пустынником на уединенной горе, которому птицы приносят пищу и который наконец возносится живым на небо на спустившейся к нему

оттуда колеснице, хотя из него историки, выбросив все чудесное, и не решились сделать исторического деятеля иначе, как в священных историях «Ветхого Завета».

Мы только-что видели его и в Коране, как родного племянника Моисея и Арона, родившегося от сестры их Мариаммы, не имевшей мужа. Для него в Медине даже и теперь остается место для погребения рядом с гробом Магомета, где тело Христа должно будет лежать после того, как он душою окончательно переселится на небо, после второго своего пришествия на землю.

Мы видели его и в Библии, как «патриарха Эноха», отца наук и богослужения, взятого живым на небо, а кроме того вот он фигурирует в первой декаде книг Тита Ливия под тем же именем императора Анка Марция, так как имя Анк есть лишь другое произношение имени Енох и на иероглифическом языке значит Крест (анх). И ему приписывается не только учреждение богослужения в «Риме», но и развитие земледелия и торговли. Он, — говорят нам, — победоносно воевал с латинами и основал латинское поселение на Авентинском холме, одном из семи холмов современного итальянского Рима. Он, же повидимому, изображается и в виде императора Клавдия, мужа грешницы Мессалины, покровительствовавшего наукам, как и Клавдий Птолемей, и украшавший город постройками.

Вот он фигурирует в библейской книге «Цари» под именем богославного «Целителя (Асы-Исуса) — светильника Святого Града (I Ц., XV 3), который был угоден для бога-Громовержца, как Давид. Он изгнал из земли (храмовых) блудников,[1] отверг всех идолов, которых сделали его предки (I Ц., XV, 12) и даже свою мать (арианскую церковь?) лишил звания царицы (супруги государства?) за то, что сделала истукан для дубравы. А когда его соправитель в Израильской части, Васа (т. е. царь, по-гречески) начал строить себе крепость Рому (Рим), то он заключил против него союз с царем земли Эдом и разбил Васу (I Ц., XV, 18).

Но точно ли Аса и Васа — два различные царя, а не два прозвища того же самого человека? Ведь, Аса есть только первичное еврейское произношение греческого имени Исус и значит — целитель, а Васа есть лишь еврейское произношение слова Василий, т. е. царь.

Если исторический деятель, о котором идет речь, имел два периода в жизни — в молодости, как полководец и законодатель, а в последующей жизни, как священник и ученый, то сказания о нем неизбежно должны были разбиться на две соответствующие версии. И с этой точки зрения Василий Великий (т. е. Великий царь) мог быть, как хронологически и выходит, только продолжением Юлиана.

Во всяком случае под именем Асы мы видим уже переход Царя-Мессии в герои и в реальные цари и героем же мы только-

[1] קדשים (от КДШИМ) — блудники, святоши.

что видели его и в библейской книге «Спаситель-Пророк» (Иисус Навин, по-полуеврейски). Она обрисовала его, как полководца, введшего богоборцев в страну Обетованную, после героических схваток с заселившими ее врагами, причем он истребил их целыми народами, чем сильно уже отличился от евангельского Христа.

Героем же и царем мы видели его и в египетских иероглифах, под именем Великого Царя-Мессии (Рэ-Мессу-Миамуна). А по военной деятельности своей он тут очень напоминает библейского Спасителя-Пророка — Иисуса-Навина.

Вот, он же фигурирует и в Индии под именем Кришны, и в Тибете под именем Буды, а в классических сказаниях под именем изобретателя виноделия Вакха или под именами Диониса, Аполлона, Митры и так далее, без конца.

Так почему же не построить гипотезы, что он же фигурирует и в виде своего современника Юлиана, отступника не от евангелического христианства, которого тогда еще не было и в помине, а от арианства, которое и в Библии, и в евангелиях фигурирует под именем иудаизма (т. е. в переводе: богославия)?

Ведь для фантазеров эпохи апокрифов, называемой Эпохою Возрождения, наделавших из одной реальной личности столько не реальных, ничего не стоило прибавить к ним и еще одну вариацию в виде Юлиана, светского соправителя «Великого Царя». Ведь, разделили же они одного и того же богославца-Иуду и на «апостола Иуду, брата Господня» и на «Иуду-предателя»? Во всяком случае биография Юлиана, как мы имеем ее у Сократа Схоластика, настолько напоминает нам иероглифическую биографию Ре-Мессы-Миамума (самое имя которого по-полугречески, по-полуеврейски и по-полурусски пришлось бы перевести Василий Великий Мессия), что сомневаться в тождестве с ними основателя христианского богослужения совершенно невозможно.

И вот, мы приходим к идее, что поводом к возникновению всех этих мифов о Христе-Мессии был ромейский император, который вошел в современную церковную историю под именем Юлиана Отступника. В этой версии он, повидимому, не смещен со своего места ни в пространстве, ни во времени, а только ранее своей естественной смерти пронзен таинственным копьем в отдаленном походе, чтоб у читающего о дальнейших его делах не двоилось в глазах при постоянном переходе от мало соответствующих друг другу представлений о «Великом царе» к представлениям о нем же, как о «Солнечном царе», и наоборот. Его реальный облик приходится еще восстановлять по всем существующим о нем мифам и преданиям.

Но что могло бы вызвать такое бесконечное число мифов о нем одном? Создание им сословия врачей и ученых? Конечно, и это имело место. Как только мы уверились, что Юлий Цезарь — миф, так и Юлианский календарь (даже и без нашего вычисления времени его возникновения при Юлиане по прецессии) пришлось бы признать за Юлианов, а не за Юлиев.

Распространение оккультных наук, т. е. первобытной медицины астрологии, алхимии и магии, тоже могло быть сделано им через насаженных в главных городах, как мы только-что видели, магистров-профессоров.

Все это могло, конечно, сильно действовать на воображение, но более всего должна была способствовать возникновению волшебных мифов о нем его мистическая христианская литургия. Из самого пережитка в ней «таинства причащения» с хлебом и вином, нельзя не заключить, что она и возникла благодаря случайному открытию при Юлиане, в Кане Галилейской, т. е. в современном французском городе Канне на берегу Средиземного моря, способа приготовления вина из перебродившего виноградного сока, опьяняющее действие которого казалось божественным.

Священники южной Европы, повидимому, воспользовались этим, начали разводить при своих храмах виноградники, и очень может быть, что, по примеру всех ученых того времени, держали некоторое время в секрете способ приготовления вина, действие которого могли усиливать и наркотиками.

Устраивая по заранее установленным праздникам храмовые попойки, сопровождавшиеся оргиями опьяненных посетителей и посетительниц, они придавали этому мистический характер. Возникло таинство причащения, благодаря чему изобретатель или распространитель напитка «Великий Царь», распавшись в сказаниях о нем, как ракета на множество звезд, и попал в конце концов в сыны божии. Ведь нельзя же не видеть, что христианство в древности как раз и сформировалось в областях виноделия Южной Европы, а далее их распространялось очень туго, хотя приложение виноградного брожения к другим веществам и привело затем к распространению спиртных напитков не христианского происхождения. А кроме того, нельзя не вспомнить и о вакханалиях, которые слишком напоминают христианские «влюбленные ночи», так называемые «агапы»,[1] чтобы не сделать между ними соответствующего сопоставления.

Само собой понятно, что клерикальные писатели со времени Эпохи Гуманизма отвергают тождество агап с классическими вакханалиями, говоря, что агапы были ночные собрания братской любви (хотя для этого в греческом языке существует другое слово: филия). Но, ведь, ничего другого, как изображение старого факта в новом виде, и не оставалось для них, пока они свою религию признавали возникшей не эволюционно, а по божьему откровению.

Я не хочу, конечно, здесь сказать, что сам изобретатель виноделия, с его таинством причащения, был первым пьяницей и дебоширом. Совершенно наоборот. История человечества не раз показывает нам, что изобретения гениальных людей получали в следующем же поколении такое применение, которое заставило бы изобретателей жалеть о своем изобретении и что

[1] От слова αγαπή — междуполовая любовь.

великие гуманитарные идеи друзей человечества в применении псевдо-последователей их не раз приводили к совершенно бесчеловечным формам.

Все это, повидимому, было и здесь, потому что в следующем же поколении, у автора Апокалипсиса, мы видим яркий протест против злоупотребления церковной чашей в руках храмовых, как он выражается, «блудников», но все же только она, распространившись по всем областям, способным к виноделию, могла в умах людей, испытавших на самих себе ее мистическое, по их пониманию, действие, создать столько разнообразных и разноязычных сказаний об основателе обряда причащения, как ни о ком другом на всем протяжении истории человечества.

Так мы подошли в Ромейской истории к интереснейшему из всех ее периодов не только для понимания дальнейшей истории самой Ромеи, но даже и всего последующего человечества. Нам трудно еще установить реальную историю этого момента благодаря тому, что вслед за изобретением вина и, вероятно, даже в результате его действия, последовали теологические распри разных церковных сект, где, как я уже раз выразился в этом моем исследовании,—

И медведь ревет
И корова ревет,
И никто не разберет,
Кто кого дерет.

Опьяняемые вновь изобретенным виноградным напитком, а вслед за ним и водою жизни (aqua vitae), — как называли тогда водку, — клерикалы потеряли, наконец, всякую меру в изобретательности своего воображения. Ведь, только благодаря Винному Духу (Spiritus Vini, откуда и наш спирт) могли возникнуть такие идеологические несообразности, как учение о святой троице (где один бог является сразу в трех лицах и притом еще родил предвечно существовавшего сына в царствование Октавиана Августа), да и все учение о чертях скорее всего развилось в состоянии опьянения. Недаром же говорят: «напился до чертиков».

Предоставляя другим дальнейшую разработку начала христианской литургии с этой новой точки зрения, я скажу здесь прямо, что было бы достаточно одного изобретения виноградного вина с мистическим объяснением его действия и храмовой его монополией, чтобы суеверное воображение древних поколений сделало изобретателя такой чудесной влаги равным богу и чтобы многоязычная молва разнесла апперцепционные сказания о нем по всем местам, способным к приготовлению спиртных напитков.

Я перейду здесь прямо к дальнейшему изложению ромейско-византийских событий второй половины IV века. Если мы допустим тождество основателя христианского первоначально вакхического богослужения с четьи-минейским Великим Царем, то должны будем признать за миф и весь рассказ о том, будто Юлиан был пронзен копьем (как Христос на кресте), где-то тоже около Палестины и предал свою душу дьяволу, бросив ему горсть своей

крови с восклицанием: «ты победил, галилеянин!» Тогда ему пришлось бы дать время жизни много более, признать, что он боролся, как «Великий Царь» Четьи-Минеи, за свою литургию не только со своим полководцем Иовианом (который бросил его в этом походе), но и с поднявшимся на него новым (с 363 года) соправителем Валентом, сменившим Иовиана, и что он был побежден и столбован (приставлен к позорному столбу) арианами 21 марта 368 года, но его спасло начавшееся лунное затмение. Одним словом, мы должны будем признать относящимся к нему все то, что мы вывели в I томе «Христа» для «Великого Царя», и, кроме того, пришлось бы признать что Феодосий вошел в 378 году на престол, как его наследник, и, набальзамировав его труп, отправил его в Египет.

А если мы не захотим отождествлять Юлиана с основателем первичной вакхически-христианской литургии, то должны будем окончить его земное существование, как говорят историки, в 363 году нашей эры, после чего его на полгода заменил Иовиан (т. е. Зевсов, или Божественный, царь),[1] но в этом случае на мумии Ре-Мессу должен бы оказаться след удара копьем.

Вероятнее же всего (как я только-что сказал и как это выходит по сопоставлению всех разнородных мифов, имеющихся в нашем распоряжении), что в 363 году «в персидском походе» был он только ранен и взят персами в плен, но потом возвратился.

В соответствии с этим и сами наши греческие первоисточники говорят нам, что после смерти Иовиана Великий царь был еще жив, но наступило двоевластие «Мощных царей». Первый из них был Мощный Валентиниан — Никеист (364 — 375), будто бы взявший себе Запад, а второй Мощный был Валент — арианин, будто бы взявший себе Восток (364 — 378). Но уже само единство имен обоих соцарей опять наводит на размышление. Трудно ожидать, чтобы два одноименные соправителя стали носить то же самое имя.

Затем являются и другие вопросы.

Я уже говорил выше, что кроме **разделения одного и того же лица** на несколько одноименных и даже разноименных лиц, как обычнейшего явления в мифологии, имеются наоборот и **соединения многих лиц под именем одного и того же героя**, а кроме того могут быть случаи и **ассимиляции прозвищ** у двух одновременно действовавших разноименных лиц без их объединения в ту же личность.

Не имеем ли мы тут такого случая, в виде позднейшего переименования «Солнечного царя» в «Мощного царя» по имени его нового соправителя?

Интересно, что и в библейской книге «Цари» мы видим здесь тоже путаное раздвоение или растроение власти. Почти одновременно выводится в ней на сцену богоборческий царь Васа (Василий)

---

[1] От Иовис; библейское —יהוה (Иеве), т. е. Иовис — Зевс; латинское— Ю-Питер, т. е. Иеве-Патер.

8 Зак. 66

и богославный Аса (Исус) и преемник Васы Эла, т. е. тот же Юлиан или Юлий в виде царя Элия,[1] что сразу значит и солнце (по-гречески), и бог по (еврейско-арабски). О богославном Исусе-Асе говорится, что он был убит своим полководцем Замврием, когда напился допьяна. А вслед затем чудесно выступает на сцену и двойник «Христа» пророк Илия (тоже Юлий и Элий, по-гречески) и его современник грешный царь Ахав, двойник Валента. Одним словом, под еврейскими прозвищами мы узнаем тут тех же ромейско-византийских деятелей в другой апперцепции. Во всяком случае мы видим здесь борьбу двух властелинов под знаменем двух вероучений. И в это же время выступают на историческую сцену готы,[2] как мы уже видели в VI томе, при изложении деяний иероглифического Царя-Мессии (Рэ-Мессу).

Остановимся же немного на Валенте-Ахаве, причем Ахав значит просто царь-Дядя, а Валент, как мы видели, значит просто Мощный. И это тем более нам важно, что до сих пор в лице греческих авторов — Сократа Схоластика и других — мы руководились апокрифами Эпохи Возрождения, а теперь будем разбирать и их первоисточник, стоящий на уровне фантастических сказок.

По Сократу Схоластику и другим греческим апокрифистам Рыжий Мощный царь (по-латыни—Флавий Валент) был сначала соправителем Солнечного царя (Юлиана) с 361 года, а после его гибели и быстрой смерти его преемника Зевсиана (Иовиана) сделался со-императором своего одноименного брата тоже Рыжего Мощного царя, имя которого историкам для отличия пришлось переделать по-латыни вместо Флавия Валента I в Флавия Валентиниана I. Валент,—говорят нам,—жил обычно в Восточной части Империи и около 367 — 369 годов вел удачные войны с «персами» и **вест-готами**,[2] которым позволил поселиться во Фракии и Мизии, и в 378 году, будто бы, потерпел поражение от вест-готов при Адрианополе и погиб в 378 году во время бегства от них. Он, — говорят нам,—все время был ревностным арианином и ввел это учение во всех своих областях. В то же время, по нашему астрономическому вычислению,[3] был столбован 21 марта 368 года и евангельский Царь Мессия, через пять лет после самостоятельного царствования Валента, время которого можно определить или в 17 лет, считая от соправительства с Юлианом, или в 15, считая от года смерти последнего. Таким образом, уже заранее можно ожидать, что в мессианской Библии он окажется представленным очень ярко, и что сам Царь Мессия, т. е. Василий Великий Четьи-Миней и Иисус евангелий, будет фигурировать в его царствование в виде какого-нибудь великого царя-соперника, или в виде великого пророка.

Так оно и есть. Валент, как я не раз уже показывал, отразился в нечестивом царе-Дяде (Ахаве, по-еврейски), который из

[1] По-еврейски — АЛЕ (צלה).
[2] По-еврейски—ХТ (חת).
[3] Христос, книга I.

Тавния — соправителя Амрия, превратился в XVI главе библейской книги «Цари» в наследника последнего, подобно тому, как и все другие «ромейские соправители» считаются по Библии преемниками друг друга. Он царствовал по Библии 22 года и «грешил более всех остальных царей».

«Мало было для него,— говорит книга «Цари»,— ходить в грехах Иеровоама (т. е. Константина I): он взял себе в жены Изабель[1], дочь палатки Юпитера (т. е. еретической церкви) и устроил «дубраву» (Венере.) Тогда пророк Илья (т. е. по-гречески Юлиан, а по-еврейски — Бог-Громовержец),[2] снова придущий (ТШБИ, по-еврейски), на Холме Свидетельства (ГЛЭД) сказал ему:

— «Да здравствует Громовержец, бог богоборцев, перед которым я стою! Не будет в эти годы ни дождя, ни росы иначе, как по моему слову» (I Ц., XVII, 1).

После этого Илия-Юлиан (хронологически налегающий здесь, как мы видим, на Великого Царя — евангельского Иисуса), пошел (подобно ему) в пустыню, так как Царь-Дядя хотел его убить. Он поселился у Потока Обрезания, что подле Реки Нисходящих. Ворон приносил ему туда хлеб и мясо утром и вечером, а из потока он пил. Но вот иссяк и этот поток, и Илия-Юлиан пошел в город к бедной вдове, которая ежедневно кормила его лепешками, причем ни мука в кадке, ни масло в ее кувшине не иссякали. Он воскресил ее умершего сына и по повелению с неба пошел к Царю-Дяде, низвел огонь с неба на построенный им жертвенник Всевышнему, послал на землю дождь с моря, и поразил мечом четыреста пятьдесят жрецов Юпитера. Когда узнала об этом Изабель (в которой мы легко узнаем евангельскую Иродиаду, жену Валента-Ирода), она послала своего человека к Юлиану-Илии, сказать ему:

— «Пусть боги сделают мне что угодно, если я завтра не свершу с твоею душою то же самое, что ты сделал с моими священнослужителями» (I Ц., XIX, 2.).

Но Илия скрылся от нее в пустыню, из которой Ангел направил его в дальний путь к горе Истребителю (по-еврейски— Хореб), явно списанному с Везувия, так как другой огнедышащей горы, кроме Этны, не было известно древним. Когда он ночевал там, в пещере, бог сказал ему:

«Пойди и встань на этой горе перед моим лицом. Будет большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы, но не в нем Грядущий Бог; после ветра будет землетрясение, но не в землетрясении бог; после землетрясения будет огонь, но не в нем бог; после огня и землетрясения будет веянье тихого ветра: там будет Грядущий Бог.

Так Илия-Юлиан, подобно Моисею, беседовал с богом-Отцом на огнедышащей горе. (Навеяно ссылкой Юлиана в Галлию.)

[1] Созвучно с испанским именем Изабелла; по-еврейски איזבל (АИСБЛ) — не имеет вполне ясного смысла
[2] По Cruden'y — God the Lord (Бог-Господь).

После этого он пошел обратно, и в то же время «Сын Воинского Клича» (Бен-Адад)[1] Арамейский (ромейский) царь, объявил войну Царю-Дяде (Ахаву-Валенту), как мы и знаем уже из истории царствования последнего по византийским источникам, и конец войны был успешен для Царя-Дяди.

Вот как рассказано об этом в XX главе первой книги «Цари».

«Сын Воинского Клича послал сказать Царю-Дяде, царю богоборцев:

— «Серебро твое и золото — мои; жены твои и лучшие сыновья твои — мои.

— «Да будет по слову твоему, мой государь и цезарь, — ответил царь богоборцев. — Я и все мое — твое.

«Но старейшины и весь народ говорили ему:

— «Не соглашайся!

«Тогда Сын Воинского Клича сказал своим слугам:

— «Стройтесь!».

Они построились против города. Один пророк подошел к Царю-Дяде и сказал:

— «Видишь ли это большое полчище? Так говорит Грядущий Бог: Я сегодня предам его в твои руки».

— «Через кого?» — спросил Царь-Дядя.

— «Через юношей, что у областных начальников».

«Их нашлось 232, и 7000 сынов Богоборца. Они выступили в полдень, когда «Сын Воинского Клича» и тридцать два царя, помогавшие ему, напились допьяна. Арамейцы побежали, а Сын Воинского Клича спасся на коне».

Через год он снова сделал смотр своим войскам и пошел в город Выступления. Богоборцы же расположились перед ними, «как два малые стада коз, тогда как их враги наполняли всю землю». На седьмой день началась битва, и сыны Богоборца побили 100 000 пеших арамейцев в один день. Остальные убежали в город Выступления, но стена города обрушилась на них, за то, что они говорили, будто бог-Громовержец есть бог гор, а не долин. Сын Воинского Клича спрятался в самую внутреннюю комнату и отправил послов к Царю-Дяде с веревками на шеях сказать:

— «Оставь в живых мою душу; возвращаю тебе города, которые взял у тебя мой отец.

«Царь-Дядя заключил с ним договор и отпустил. Тогда один из сынов пророческих сказал другому:

— «Бей меня!

«Тот не согласился, и, вот, Лев, встретившись с ним, убил его за это.

Сын пророческий сказал еще и другому:

— «Бей меня!».

Этот избил его до того, что появились раны.

А избитый пророческий сын встал под покрывалом на дороге, по которой проезжал Царь-Дядя, и сказал:

[1] Перевожу имя по Cruden'у.

— «В сражении мне поручили стеречь человека, говоря: душа твоя будет за его душу, или ты отвесишь талант серебра. Я занялся другими делами, и он ушел.

— «Ты сам сказал твой приговор, — ответил ему Царь-Дядя.

«Тогда пророк снял свое покрывало и сказал:

— «Так говорит Грядущий бог: за то, что ты выпустил из рук человека, проклятого мною, твоя душа будет вместо его души и твой народ вместо его народа».

Царь-Дядя поехал домой в Божий Город (Изре-Эль) и сказал своему соседу Прорицателю (по-еврейски — Навуфею) изреэлитянину:

— «Отдай мне свой виноградник, я сделаю из него себе овощный сад, а тебе дам вместо него лучший виноградник, или уплачу серебром его цену.

— «Сохрани меня Бог, — сказал Прорицатель, — отдать тебе наследство моих отцов».

«Царь-Дядя (Валент) пошел домой встревоженный и огорченный. Жена его Изабель спросила, что с ним, и когда он ответил, сказала:

— «Встань! Ешь себе свой хлеб и пусть веселится твое сердце. Я доставлю тебе виноградник.

«Она подговорила двух лжесвидетелей, которые сели против Прорицателя и сказали, будто он хулил бога и царя. За это его вывели за город и побили камнями. Когда Царь-Дядя услышал, что Прорицатель умер, он встал, чтобы взять его виноградник во владение, но там встретил его пророк-Громовержец Илия-Юлиан и сказал:

— «Ты предался тому, чтобы делать неугодное перед очами бога. За это, — говорит Грядущий бог, — я истреблю у тебя всякого мочащегося к стене, и свободного, и раба, и псы съедят Изабель за стеною Жилища бога.

«Царь-Дядя разодрал свои одежды, возложил власяницу на тело, и спал в ней и ходил печально.

— «Видишь, как смирился Царь-Дядя передо мною? — сказал бог Илии. — За это я не поведу бед в его дни, но в дни его сына.

«Через три года приехал к Царю-Дяде царь Пьедестал Грядущего Бога (Иосафат, по-еврейски), царь богославных, и они задумали идти осаждать «Высоту» на «Холме Свидетельства». Царь-Дядя собрал 400 пророков и спросил:

— «Идти ли мне?

— «Иди, — ответили они. — Грядущий бог предаст город в свои руки.

— «Нет ли здесь еще пророка?» — спросил Царь-Пьедестал.

— «Есть, — сказал Царь-Дядя, — еще подобный богу-Громовержцу,[1] но я его ненавижу, потому что он пророчествует мне только дурное.

[1] מִיכָיְהוּ (МИ-К-ИЕУ) — тот, кто как бог-Громовержец.

*

— «Не говори так, — сказал царь-Пьедестал (Феодосий I греческих авторов). — Позови и его».

Подобный богу Громовержцу пришел и сказал:

— «Я видел грядущего бога, сидящего на своем престоле. Все воинство небесное стояло перед ним, и он сказал: кто бы увлек Царя-Дядю войти осаждать «Высоту», чтобы он погиб там? — Один отвечали так, другие иначе, но один дух выступил и сказал: «я сделаюсь лживым духом в устах его пророков.

— «Да, ты увлечешь его этим, — сказал Грядущий бог. — Иди и сделай так.

«Тогда «Святой божий» (Цедекия, по-еврейски), один из 400 пророков Царя-Дяди, сделавший себе железные рога, ударил Подобного богу-Громовержцу по щеке и сказал:

— «Когда отошел дух Грядущего Бога от меня, чтобы говорить о себе?

— «Ты увидишь это в тот день, когда побежишь во внутреннюю комнату, чтобы укрыться.

«Царь-Дядя велел посадить Подобного Богу в темницу до своего возвращения и пошел на «Высоту». Когда начался бой, один неприятельский воин, пустив стрелу, ранил его через шов лат. Он велел своему вознице повернуть назад и умер к вечеру этого дня. Его отвезли в Самарию (Римскую империю) и похоронили там, а окровавленную колесницу его обмыли блудницы в пруде Сторожевого города, и псы лизали кровь его, как предсказал пророк.

Так оканчивается библейское сказание о Царе-Дяде. Все это, конечно,—беллетристика, но при сопоставлении ее с биографией Валента, нетрудно видеть, что битва при «Высоте» на «Холме Свидетельства» списана с битвы этого «Мощного царя» с вестготами под Адрианополем, а смерть от раны при бегстве с поля сражения списана с той же смерти Валента.

Путаница здесь заключается только в названии его столицы Самарией (Сторожевым городом), тогда как здесь же в рассказе о Прорицателе она названа Изре-элью (принадлежащей Богу). Но в обоих случаях она более всего соответствует Царь-Граду.

Самым же интересным здесь является сказание о великом пророке, носящем странное имя бога-Громовержца (Илии, по-еврейски), который как раз соответствует евангельскому Иисусу, а также и о пророке подобном богу-Громовержцу, напоминающем Иоанна Крестителя или одного из апостолов Иисуса. Однако, тут же мы замечаем и нечто загадочное: по моему астрономическому вычислению «евангелистский Христос» был столбован 21 марта 368 года, за 10 лет гибели Мощного царя (Валента) под Адрианополем, а здесь двойник Валента Царь-Дядя умирает раннее «вознесения» Ильи-Юлиана на небо. Не следует ли отсюда заключить, что и «вознесение Иисуса на небо» *(т. е. его смерть)* было не через 10 дней после его столбования, а лет через одиннадцать, уже при преемнике «Мощного царя»? Повидимому—да, так как и основатель христианского богослужения (хотя бы оно первично

и было только в виде театрального представления «Песни Песней») умер в 379 году.

Продолжим же наше сравнение и далее вплоть до «вознесения» Гремящего пророка на небо. Ведь, это же — не что иное, как первичное евангелие, подобно тому как и упомянутая нами «Песнь Песней» есть первичная литургия!

Дело в следующем.

За три года до гибели Валента умер его брат и западный соправитель Валентиниан, и на его место в 375 году сели Грациан, процарствовавший 8 лет, и Валентиниан II, убитый в 183 году. По византийским источникам он уничтожил окончательно остатки язычества в своих областях. А по библии наследником Ахава был Ахаз-Ия, что значит Хозяин Грядущего Бога, но царствовал он по Библии не 8, а только 2 года. Здесь мы впервые натыкаемся на значительную разницу времени и, кроме того, видим в Библии перерыв: Первая Книга «Царей» оканчивается Царем-Дядей, а вторая начинается царем Хозяином, причем этот царь тоже имеет дело с Юлианом-Илией, пророком-Громовержцем библейским двойником евангельского Христа, и носит совершенно мифический характер. Вероятно, это был какой-либо малоизвестный соправитель Мощного царя (Валента).

Вот как начинается вторая книга «Царей».

«После смерти Царя-Дяди народ-праотец, латиняне,[1] отложился от богоборцев, а Царь-Хозяин упал через решетку своей горницы в Сторожевом городе (Самарии, по-еврейски) и занемог.

— «Пойдите, — сказал он своим слугам,— и спросите Марса, Скорпионова бога, выздоровею ли я от своей болезни».

Пророк Громовержец Илия вышел послам навстречу и сказал:

— «Разве нет бога у богоборцев, что вы идете вопрошать Марса, Скорпионова Бога? За это не встанет царь с постели, но умрет на ней».

Посланные, возвратясь, доложили обо всем царю.

— «Каков видом этот человек? — спросил он.

— «Он длинноволосый и подпоясан по бедрам кожаным поясом.

— «Это — Илия», — сказал царь.

«Он послал пятидесятника с его пятидесятком привести пророка. Тот поднялся к Юлиану-Илии на вершину горы и сказал:

— «Божий человек! Царь велел тебе спуститься.

— «Если я божий человек, — ответил пророк, — то пусть сойдет огонь с неба и сожжет тебя и твой пятидесяток.

«Так и произошло.

«Царь послал второго пятидесятника с его пятидесятком, но и с ним случилось то же. Царь послал третий раз, но третий пятидесятник пал на колени перед пророком и, умоляя, говорил ему:

[1] По еврейски Мо-аб (מו-אב), сын Лота (לותן), причем Лот-Латинянин считается племянником Отца-Рима (Аб-Рама, по-еврейски). А другой сын Отца-Рима (Ромеи) был «Присоединенный народ» (Амонитяне, по-еврейски), зачатый Лотом Латинянином в пьяном виде от своей младшей дочери (кн. Бытие, XIX, 38). Возможно, что это — французы.

— «Божий человек! Да не будет малоценна моя душа и душа этих пятидесяти твоих рабов перед твоими очами.

«Тогда Ангел сказал пророку:

— «Иди с ним и не бойся».

«Пророк повторил царю свои прежние слова, и тот умер по его слову».

Так печально и окончился рассказ о царе-Хозяине. Ответьте сами: что тут реального? Вот почему, хотя я и сопоставил царя-Хозяина с Милостивым царем (Грацианом), так как он — единственный из известных мне латинских императоров того времени, оставшийся незамещенным в Библии, но на этот раз я и сам готов согласиться, что царь-Хозяин не списан с Милостивого царя, Грациана, а представляет чистый миф.

«Захотел, —продолжает легенда,—Грядущий бог вознести пророка Илию на небо, когда он шел со своим учеником и преемником Эллином (по гречески — Елисеем[1]) с Галгала (евангельская Голгофа?), что по-еврейски значит: круг, орбита планеты, зодиак.

— «Останься здесь, — сказал Эллину пророк Илия,— потому что бог посылает меня в Дом Божий.

— «Да живет Бог и твоя душа; — ответил Елисей-Эллин. — Не оставлю тебя!»

Они спустились к Дому Бога, и оттуда вышли к нему сыны пророков.

— Знаешь ли, — сказали они Эллину, — что бог-Громовержец сегодня вознесет на небо твоего господина?

— «Знаю! — ответил Эллин. — «Молчите».

Пророк Громовержец снова сказал ему:

— «Останься здесь, Эллин! Бог посылает меня по дороге к Месяцу.

— Да живет грядущий бог и твоя душа! — снова ответил ему Эллин. — Не оставлю тебя.

«К нему подошли сыны пророков, что при Месяце, и сказали:

— «Знаешь ли, что сегодня Грядущий бог вознесет твоего господина?

— «Знаю! Молчите! — ответил он.

«Илия сказал ему третий раз:

— «Останься здесь, потому что бог посылает меня к Реке Нисходящих.

— «Да живет Грядущий бог и твоя душа! — снова ответил Эллин. — Не оставлю тебя!

«Пятьдесят из пророческих сыновей встали вдали против них у Реки.»

---

[1] АЛИШЭ (אלשע) — вместо АЛИШЕ (אלשה), потом это название превратилось в Эллас. Оно в обоих случаях греко-еврейского корня. В первом случае от АЛ—бог и ИШУЕ — спасение, и во втором от Элиос—солнце и ленис—вакханка (Ηλλήνις, Ηελλήνιδος — Ἕλλας, Ἑλλάδος, а также Ελλήνη-гречанка, Елена), бого-вакханка. Относительно того, что АЛИШЕ значит—Эллада см. «Еврейский и Халдейский этимологический словарь к книгам ветхого завета», составленный О. Н. Штейнбергом.

Пророк Илия свернул свой плащ, ударил им по воде, и она расступилась на обе стороны (как в легенде о Моисее). Когда они перешли на другой берег, Илия (по-гречески — Юлиан) сказал Эллину:

— «Проси, что тебе сделать, раньше чем я буду взят от тебя!

— «Пусть будет на мне твое вдохновение, вдвое больше! — ответил Эллин.

— «Трудного ты требуешь — сказал ему пророк. — Но если увидишь меня возносящегося от тебя, то будет так, а если нет,— не будет.

«И вот, явилась огненная колесница и огненные кони. Пророк вознесся в вихре на небо.

— «Отец мой! Отец мой! — кричал Эллин-Елисей. — О, колесница Богоборца и все всадники его!»

И больше он не видел вознесшегося на небо великого пророка.

«Он поднял упавший с него плащ и возвратился к реке Нисходящих со словами:

— «Где бог Илии, тот самый? — Он ударил плащом по воде, она расступилась, и он перешел обратно. Его увидели издали сыны пророков, которые были при Месяце, и сказали друг другу:

— «Вдохновение пророка Громовержца почило на Эллине.

«Они подошли к нему, поклонились до земли и сказали:

— «У нас есть пятьдесят проворных людей, пусть они пойдут и поищут твоего Господина. Может быть, дух Громовержца уронил его на вершине одной из гор.

— «Не посылайте! — сказал Эллин.

«Но они все-таки искали пророка три дня и не нашли».

Мы видим здесь описание «вознесения» евангельского Христа на небо перед глазами его ученика Иоанна, имя которого тоже значит Ионец, т. е. островной Эллин.

Мы уже отожествили его с учеником «Великого царя» Иоанном Златоустом, автором Апокалипсиса, но евангельский рассказ о столбовании перед «вознесением» здесь выпущен, да и само «вознесение» отодвинуто из царствования Ахава-Валента в царствование его чисто мифического преемника Ахазии, будто бы упавшего при этом через решетку своего дворца и умершего от ушиба. Но отголосок неудавшегося столбования на горе сохранился в троекратном приказании царя пророку сойти с горы.

Посмотрим теперь, как отразились в библейской книге «Цари» события, последовавшие за «вознесением» великого пророка на небо, т. е. вслед за его неожиданной для всех верующих смертью.

По греческим апокрифистам, после смерти своего отца юноша Мощный II (Валентиниан II, по-латыни) был провозглашен в 375 году императором Запада, соправителем своего старшего брата Милостивого царя (Грациана, по-латыни), а после смерти брата, последовавшей через восемь лет, он царствовал единолично 4 года. Затем он был в 387 году свергнут и изгнан «Величайшим царем» (Максимом, по-гречески), но в 388 году вновь водворен, и через четыре года (в 392 г.)

убит франком Арбогастом, значение имени которого мне неизвестно. Если считать время его царствования до низвержения «Величайшим», то оно продолжалось 12 лет, а в целом около 16 лет. На Востоке в это время царствовал сначала Мощный Царь (Валент, до 378 г.), а затем Феодосий I, разбивший готов в 378 году. Из времени их царствования мы должны особенно отметить, что оно было наполнено деятельностью апостола Иоанна, он же Иоанн Златоуст, Иона и Елисей. Это было время Антиохийского восстания христиан, пред-апокалиптическое время. Значит, и в библейской биографии мы должны ожидать следов деятельности великого апокалиптического пророка Ионийца (Златоуста).

Так оно и есть.

Соответствующий Валентиниану II богоборческий царь Иорам (что значит: Стрелец Грядущего Бога) царствовал около 12 лет в Самарии (Римской империи). Он снял статую Юпитера, сделанную Царем-Дядей, но не отставал от ереси Распространителя народа *(Иеровоама-Константина I)*.

Царь народа-праотца Вольный,[1] — рассказывается в III главе II книги «Царей»,— платил ранее дань богоборческому (т. е. ромейскому) царю, присылая по 100 000 ягнят и по 100 000 баранов, но после смерти Царя-Дяди (Валента) отказался платить. Царь-Стрелец пошел на него походом вместе со своим соправителем Пьедесталом Грядущего (Ио-Шафатом) и с Эдомским царем по Эдомской степи, где семь дней не было воды ни для людей, ни для скота, шедшего с ними. Потом они пошли к пророку Эллину (Елисею, по-библейски), который сказал Царю-Стрельцу:

— «Что тебе до меня? Пойди к пророкам своего отца и своей матери. Да живет Грядущий Бог небесных воинств, перед которым я стою! Если бы я не уважал богославного царя, идущего с тобою, то и не взглянул бы на тебя. А теперь подайте мне гуслиста».

И вот, когда играл гуслист, была на Эллине-Елисее рука грядущего бога.

«Делайте здесь рвы за рвами»,— говорил он. — Без дождя и ветра наполнится эта долина, и народ-праотец будет предан в ваши руки».

«И вот, рано утром потекла вода по пути от Эдома, наполнилась ею земля, и, когда солнце взошло над нею, она показалась полкам народа-праотца красною как кровь.

— «Это,— сказали они,— наши враги сразились между собою и истребили друг друга. Теперь на добычу, праотцы! Но богоборцы бросились на них и погнали перед собою, все истребляя на пути. Праотческий царь, чтобы спастись, принес на стене города в жертву всесожжения своего сына-первенца. И вот, появилась великая угроза[2] *(комета)* над богоборцами, и они возвратились в свою землю».

---

[1] מ-יושע (М-ИШЭ) — тот, кто спасается.
[2] קצה (КЦФ) — отрубок, щепа, угроза.

Мне кажется, что все это — чисто романтическое место — составлено исключительно для прославления пророка-Эллина, который, по моему астрономическому вычислению, хронологически налегает на Иоанна Златоуста и является его библейским отражением. Это тем более вероятно, что и дальнейшие главы царствования Царя-Стрельца посвящены в Библии не ему, а тому же самому пророку и написаны опять в чисто Фантастическом роде, так что придавать им историческое значение, как Фактическому материалу, было бы слишком наивно. Вот дальнейшие детали этой волшебной сказки. В четвертой главе «Царей» говорится, как пророк Эллин велел одной бедной вдове, у которой остался только один кувшин с маслом, набрать у соседей как можно больше кувшинов и, заперев за собою дверь, переливать масло из прежнего кувшина в следующие, по-очереди, пустые. Она наполнила маслом все принесенные ею кувшины, так что не только уплатила долги своего мужа, но и жила потом на остальное со своими детьми. Затем он предсказал одной богатой женщине, у которой муж был совсем дряхл, что она родит сына через год, и это произошло. Потом, когда ее сын умер, он воскресил его из мертвых и вскоре после того насытил сто человек двадцатью ячменными лепешками и небольшим мешочком сырых зерен, так что они даже не могли съесть, — совершенно как в легенде об Иисусе. Потом (в главе V) он исцелил прокаженного арамейского сановника Неемана приказав ему окунуться семь раз в Реке Нисходящих, и отказал потом принять от него дары. Слуга его Глезий тайно погнался за сановником и взял с него себе два таланта серебра и две перемены одежд, но за это пророк Эллин перевел на него проказу Неемана. Потом он заставил всплыть на воде железный топор, упавший в реку, затем, совершенно позабыв, что не хотел даже и смотреть на Царя-Стрельца, он предупреждал его много раз о местах засады арамейцев, узнавая об этом по вдохновению, так что царь их, открыв место его жительства, послал туда большое войско с копями и колесницами, чтоб взять его. Но пророк Эллин поразил их ослеплением и, вызвавшись быть их путеводителем, провел их к Сторожевому городу (Самарин).

—«Не убить ли, не убить ли их, отец мой?» —сказал ему там царь-Стрелец. Но Эллин-Елисей ответил:

— «Предложи им лучше хлеба и воды, и пусть пойдут к своему государю».

И не ходили более полчища арамейцев в землю богоборцев»,— заканчивает автор это место, но в следующей же строке опровергает сам себя.

«После того, — говорит он в книге «Цари» (гл. VI, 24), — вышел Сын Воинского Клича, арамейский царь, со всем своим войском и осадил Сторожевой город. Там начался такой голод, что ослиная голова продавалась по 80 сиклей серебра и четвертая часть каба голубиного помета по 5 сиклей. Царь-Стрелец раз-

гневался за то на пророка Эллина и пришел снять с него голову. Но пророк сказал ему:

— «Так говорит Грядущий Бог: завтра в это время мера лучшей муки будет по сиклю и по сиклю же две меры ячменя.

— Не может этого быть, — сказал сановник, на руку которого опирался царь.

— «Увидишь своими глазами, — ответил пророк, — но есть не будешь.

«И вот, в ту же ночь арамейскому стану послышался шум большого войска, грохот колесниц и ржание коней.

— «Верно богоборческий царь нанял готов (ХТ) и мицримцев, чтобы пойти на нас! Все они побежали во мраке, бросив и коней, и ослов, и весь стан, как он был.

«Четверо прокаженных, сидевших в то время у городских ворот, пошли с голоду в арамейский стан. Они увидели, что он пуст, напились, наелись, взяли и спрятали много серебра, золота и одежд, а потом пришли сообщить царю радостную весть. Весь народ бросился грабить арамейский стан, и мера лучшей муки стала продаваться по сиклю и по сиклю же две меры ячменя. А неповеривший пророку сановник был затоптан бегущим народом в воротах города.

«После этого, — продолжает фантазировать автор книги «Цари», — пророк пошел в город Наследственного Правления (Дар-Мешк), когда арамейский царь сын Воинского Клича (Бен-Адад) лежал больной. Тот послал своего сановника Азаила (что в переводе значит Прозорливец Бога) к Елисею узнать, выздоровеет ли он.

— «Скажите, что выздоровеет, хотя я знаю, что он умрет, — ответил Елисей и, уставив на посланца свое лицо, долго молча плакал.

— «Отчего плачет господин мой? — спросил его Прозорливец бога.

— «Оттого, что я знаю, какое зло сделаешь ты сынам богоборца. Грядущий бог указал мне в тебе царя Арамеи.

— «Что говорил тебе Эллин? — спросил сын Клича, когда посланец возвратился.

— «Он сказал, что ты выздоровеешь, — ответил тот, но на другой день удушил его смоченным в воде одеялом и воцарился вместо него. Царь-Прозорливец начал войну с богоборцами и (по строке 28-й главы VIII) в битве у Высоты на холме Свидетельства, а по следующей же, 29-й строке в битве у Рома (Рима)[1] один из его воинов ранил Царя-Стрельца, и он уехал лечиться в «Принадлежащий Богу город», куда приехал и царь Боговластный, его восточный соправитель, посетить его.

А пророк Эллин в это время сказал одному из своих отроков:

— «Возьми этот сосуд с маслом, пойди в Раму на Холме

[1] Первое название пишется רמת (PMT), второе — רמה (PME), — очевидно два разные произношения того же города.

Свидетельства и отыщи там Вечносущего[1], сына Божья Пьедестала. Вылей масло на его голову, сказав: «помазываю тебя в цари над богоборцами! и убеги, не жди».

«Так юноша и сделал. А все окружающие Вечносущего, увидев это, затрубили в трубы, подостлали свои одежды под его ноги и закричали:

— «Воцарился Вечносущий!

«Он верхом отправился в Божий Город. Страж на башне увидел его полчища и сказал:

— «Полчища вижу я.

«Царь-Стрелец послал всадника спросить:

— «С миром ли?

— «Что тебе до мира? — ответил посланному Вечносущий. — Поворачивай за мной.

«Страж донес:

— «Доехал посол и не возвращается.

«Царь послал другого, но и с ним произошло то же.

— «И этот не возвращается — сказал страж, — а строй войска как у Вечносущего, потому что он предводительствует необычно.

— «Царь сказал:

— «Запрягайте!»

Он поехал навстречу ему, вместе с Боговластным царем, каждый на своей колеснице.

— «С миром ли? — спросил он Вечносущего.

— «Какой может быть мир при шарлатанстве твоей матери Изабели и при множестве ее чародейств?»

«Царь-Стрелец повернул колесницу назад, закричав:

— «Измена, Боговластный!

«А Вечносущий поразил его стрелой в спину, и он пал мертвый на своей колеснице, на участке Прорицателя (Навуфея). Потом Вечносущий погнался и за Боговластным и тоже смертельно ранил его. Он вошел в божий город, где Изабель, насурмив свои глаза и украсив голову, высунулась в окно со словами:

— «Здравствуй, певец, убийца своего государя!

— «Кто там за меня? — крикнул тот, подняв на нее свои глаза.

«Из окна выглянули два или три евнуха.

— «Выбросьте ее! — сказал он. И они выбросили ее.

«Он проехал по ней, потом напился, наелся и сказал:

— «Отыщите эту проклятую и похороните, так как она все же царская дочь.

«Но от нее не нашли ничего, кроме черепа, руки ног. Собаки съели ее тело».

Вот каковы наши старинные неподдельные исторические первоисточники!

Но и на этом, по истине «историческом» подвиге роман об Эллине и Вечносущем царе еще не кончается.

[1] Иеуа (יהוא) сродно с Иегова (יהוה) — существующий.

«Утром, — говорится в X главе второй книги «Царей» (строка 9), — Вечносущий вышел и сказал всему народу:

— «Вот я восстал против своего государя и убил его. Знайте же, что не упадет даром ничто от слова Грядущего Бога, которое он изрек через своего божественного пророка (Илию, по-еврейски).

«Он умертвил всех, оставшихся от рода царя-Дяди в Божьем городе, всех вельмож его, и знакомых, и священников, так что не осталось ни одного уцелевшего, — говорит разгорячившийся автор. — Затем Вечносущий пошел в Сторожевой город, вызвал весь его народ и сказал:

— «Соберите ко мне всех пророков Юпитера и всех его священников, у меня будет ему великая жертва.

«Все они пришли в дом Юпитера и наполнили его от края и до края. И когда они кончили приготовления к жертвоприношению, Вечносущий сказал своим скороходам и начальникам:

— «Бейте их, чтоб ни один не ушел!

«Их всех убили, потом сожгли статую Юпитера, а из храма его сделали место для своза нечистот, существующее и до настоящего дня.

«Вечноживущий царь умер в Сторожевом городе, — говорит Библия, — и в нем похоронили его после 28 лет властвования».

Если читатель думает найти среди этих чудес какой-нибудь материал для фактической истории того времени, то мне остается только отойти от него подальше. Здесь мы видим материал — и притом прекрасный — только для характеристики склада мысли, воображения и миросозерцания обитателей средних веков, когда слагалась эта легенда накануне или даже одновременно с евангельскими сказаниями об Иисусе и его апостолах. А места для своза нечистот, «существующего и до сего дня», не могли до сих пор разыскать теологи, несмотря на ясное указание, что оно существует где-то и сейчас.

Хронологически царь Стрелец налегает на Мощного царя — Валентиниана II, а убивший его Вечносущий на франка Арбогаста, убившего Валентиниана II, но место действия сказки перенесено здесь на восток Латинской империи, что совершенно в духе древних писателей. Сама же сказка навеяна бурной умственной жизнью того времени, борьбой только-что возникшего в 368 году христианства со старым языческим миром. Это не реальность, а только смутный отголосок реальности того времени. Рассказ характерен, но не как история, а как романтическая аллегория исторических событий того времени (или астрализм).

Еще фантастичнее евангельские рассказы о Царе-Мессии, очерк которых я уже дал в первой книге моего исследования, а потому не повторяю здесь. Чрезвычайно трудно в этих облаках чистого воображения определить очертания чего-либо реального, но в общем можно сказать одно. Очень вероятно, что Валентиниан I, соправитель Валента, есть лишь новое прозвище того же, не убитого в 363 году никаким таинственным копьем Юлиана, после того как его соправителем и соперником стал Валент, захвативший власть, может быть, в его отсутствие. Действительно, подобно Юлиану Валентиниан, — говорят нам греческие апокрифы, — был избран легионами и победоносно воевал в Западной Европе с аллеманами, пиктами, скоттами и саксонцами и по своим религиозным убеждениям был сторонником «никеизма». Четьи-Минейский роман о Василии Великом есть только монашеское искажение действительной личности царя Мессии. Рассказ о его столбовании 21 марта 368 года, повидимому — факт, и был результатом захвата его в плен Валентом, но едва ли это столбование было в форме распятия на кресте, а не простого привязывания к какому-то «позорному бревну» для издевательства над ним толпы в этом беспомощном положении.

А предсказанное им лунное затмение в то время могло действительно сделать оскорбляемого великим пророком и создать ему фанатических сторонников после его удаления на Восток. Но все это еще требует дальнейших разъяснений, которые могут быть достигнуты лишь при полном рационалистическом сопоставлении всех первоисточников на основании новой хронологии. Чтобы хоть немного содействовать этому, я и выскажу здесь еще несколько мыслей, невольно приходящих в голову.

ГЛАВА IV

МИФ О ВЕЛИКОМ ЦАРЕ-ЗАСТУПНИКЕ

Миф об Александре Великом при его рационалистическом разборе обнаруживает столько признаков своего извода из жизни и походов Юлиана, что мне необходимо остановиться и на нем в этой части моего исследования.

Имя «Александр Великий» значит: Великий Заступник Человека, или же просто Великий Заступник, так как окончание *андр* в слове Александр по-гречески уже давно обратилось в условную приставку любого прозвища.[1] Чтобы сохранить смысл этого орнативного эпитета и в то же время не сделать своего слога очень тяжелым, я буду переводить его, судя по удобству, то Великий Заступник, то Царь-Заступник.

Современные историки, держащиеся еще теории «катастроф человеческой культуры», т. е. многих ее падений и подъемов, относят Великого Заступника к периоду от минус 355 по минус

[1] Александр Великий — по гречески: ὁ μέγας Ἀλέξανδρος. Первоначально это прозвище могло образоваться только из сокращения двух слов: ἡ ἄλεξις (алексис) — защита, заступничество, и ἄνδρος (андрос) — родительный падеж от слова человек ἀνήρ (анер). А потом эта первичная комбинация ἡ ἄλεξις τοῦ ἄνδρος стала самостоятельно склоняющимся, собственным именем, со значением муж-защитник, и как обозначение мужского пола. Так, по-гречески говорится: ἀνήρ βασιλεῦς (муж-царь), ἄνδρες στρατιῶται (мужи-войны) и т. д.

323 год до начала нашей эры и ставят его «на границе двух эпох».

Так, Т. Г. Дройзен в своей «Истории Эллинизма» (т. I, гл. 1) говорит, что «во всемирной (!) истории имя Александр знаменует собою конец одной эры и начало другой».

«Двухсотлетнюю борьбу эллинов с персами (первое известное истории, серьезное столкновение Запада с Востоком) Александр, — говорит он, — заканчивает уничтожением Персидского царства, завоеваниями, доходившими до африканской пустыни и простиравшимися за Яксарт (*Сыр-Дарью*) и за Инд; распространением греческого господства и образованности среди отживших культурных народов Азии, т. е. началом эллинизма среди них.

«История, — продолжает он, — не знает другого столь изумительного по своему характеру события. Никогда, ни раньше, ни после, такому небольшому народу, как греки, не удавалось так скоро и так полно ниспровергнуть господство такого исполинского государства, как тогдашняя Персия, и на месте разрушенного здания создать новые формы государственной и народной жизни.

«Откуда же, — спрашивает он, — маленький греческий мир почерпнул отвагу для такого предприятия, силу для таких побед, средства для достижения таких результатов? Почему персидское царство, сумевшее покорить столько царств и народов и господствовать над ними в течение двух веков, и еще недавно в продолжение двух поколений имевшее своими подданными эллинов азиатского побережья и игравшее роль верховного судьи на островах и на самом континенте Греции, пало под первым ударом македонян?»

Автор «отказывается от объяснения». Да это и понятно: объяснения никакого тут не найдешь с точки зрения обычной хронологии. Такие скользкие фразы, как «персы были народ старый, а греки народ молодой», стали пустыми звуками после того, как теория Дарвина произвела тех и других одинаково от предков обезьян. А с новой точки зрения все понятно: ничего этого не было и не могло быть ранее основания Царь-Града.

Припомним только, что наши первоисточники об «Александре» даже и по ортодоксальным историкам появились никак не ранее 500 лет после его воображаемой смерти, а потому, очевидно, их авторы ничего не могли о нем знать, кроме никем не проверенных позднейших мифов.

Возьмем, например, историка Богача (по гречески—*Плутарха*). Этот Богач пишет его биографию, будто бы, в греческой Беотии прекрасным классическим языком Эпохи Гуманизма в Европе. Его относят, правда, к первому веку нашей эры (50—120 год). Но ведь и это время, как будто, поздновато: оно было через 400 лет после смерти описываемого героя. А с нашей эволюционной точки зрения можно определить по одному развязному слогу автора, что он писал уже в печатную эпоху, в Европе, когда книга стала общедоступна и научила людей беглому чтению, а с ним и беглому письму.

Вот, например, его начало:

«Приступая к описанию жизни Царя-Заступника (Александра— по-гречески) в виду обширности предстоящей мне работы, я не сделаю никакого вступления, а попрошу только читателей не сетовать на меня за то, что повествую не о всех славных его подвигах и не о каждом порознь с надлежащими подробностями, но большею частию сокращаю их. Я пишу не историю, а просто описываю жизнь.

«Не всегда в одних только громких событиях обнаруживаются всего яснее добродетель или порок. Нередко, напротив того, мелкое событие, одно какое-нибудь слово, шутка, ярче освещают перед нами характер, чем кровавые битвы, величайшие военные действия и осады городов. Как художники стараются схватить сходство человека преимущественно в чертах лица и в выражении глаз, где всего более проявляются особенности человека, мало заботясь о других частях (*совсем новейшая манера живописи! Древние делали одинаково все детали*), так и мне пусть будет позволено более проникать во внутренние душевные качества (*чего опять не делали древние авторы!*) и в них изображать жизнь великого человека, предоставляя другим описывать великие события и славные битвы...»

Ну, похож ли этот язык, читатель, хотя бы на язык Корана и Библии и даже евангелий, образчики чего вы видели в V томе моего исследования? Ведь, это же прямо слог Эпохи Гуманизма в Западной Европе, не говоря уже о преимущественном описании душевных качеств и о манере живописцев-импрессионистов обращать особенное внимание на глаза.

Но продолжим и далее.

«Считается весьма (?!) достоверным,—продолжает автор, стараясь теперь придать себе наивность, — что со стороны отца Царь-Заступник был потомок Геркулеса, происходя от Карана,[1] а со стороны матери был Эакид,[2] потомок Ахилла. Говорят что Коневод (Филипп, по-гречески), отец его, еще в молодости влюбился в его мать Олимпийку (Олимпиаду),[3] которая была еще очень молода и сирота, и вступил с нею в брак с согласия брата ее Аримбаса. Но *еще ранее бракосочетания* невесте показалось, что сделалась гроза, и что в живот ее ударила молния. От удара вспыхнул *(в ее животе!)* сильный огонь, разделившийся на несколько частей, кинувшихся в разные стороны, и вдруг исчез. Филипп же вскоре после брака увидал сон, который прорицателем Аристандром (Наилучшим человеком) из Телмисса истолкован был в том смысле, что жена его родит сына огненных и львиных свойств...»

---

[1] Считается 16-м потомком этого героя.

[2] От Эака, сына Зевса и Эгина, отца Пелея и деда Ахилла. Его сын Неополем или Пирр переселился в Эпир и основал Эпирское царство. Его род назывался родом Эакидов.

[3] Прилагательное женского рода, от горы Олимпа ('Ολύμπος), где жили, будто бы, только боги.

Мы видим, что подробности его рождения описываются такими, что могли бы войти в биографию и самого евангельского Христа: он тоже был зачат еще девою, и притом даже божественною с Олимпа. А — сверх того — и сам акт рождения Александра Великого сопровождался чудом.

«Царь-Заступник, — говорит Плутарх, [1] — родился в шестой день месяца Гекатомбеона, [2] в тот самый день, когда сгорел храм Эфесской Дианы. И все жрецы, гадатели и пророки, бывшие в то время в Эфесе, считали это бедствие предзнаменованием другого, еще большего, горя. Они в неистовстве бегали по городу, били себя в лицо и кричали, что этот день произвел на свет великое несчастие и горе для Азии *(т. е. для них, малоазиатских священников, храм которых загорелся в день его рождения* [3]). Но ведь это значит, что новорожденный царь уже предполагался, как Христос, религиозным реформатором!

Пойдем и дальше.

«Апеллес, — говорит далее Плутарх, — изобразил его в виде Юпитера-Громовержца, но, не сумевши схватить настоящий цвет его лица, сделал его несколько смуглее и темнее, чем он был. *(Вот как точны были, читатель, знания Плутарха, родившегося через 500 лет после смерти героя!)*

«Великий заступник, — говорит он далее, — был бел, и эта белизна, особенно на лице и на груди, переходила в румянец. В записках Наилучшего гостя (Аристоксена) мы читаем, что от его рта и от всего его тела исходил благовонный запах, которым пропитывались и его одежды. Причиною этому, может быть, было его телосложение — горячее и огненное. Этот жар тела, повидимому, делал его склонным к питью.

Мы видим, что и это соображение не противоречит евангельскому сказанию о другом человекозаступнике, об Иисусе, который на тайной вечери пригласил своих апостолов причащаться вином в его воспоминание, но дальнейшие подробности, рассказанные Плутархом, уже более сближают Великого-Заступника Александра с другими вариациями мифа о «спасителе мира» — с Иисусом Навином, с царем Мессией (Рэ-Мессу-Великим или Рамзесом иероглифов), с Киром (т. е. Господом [4] Младшим, считая Кира Старшего за Диоклетиана), или с самим историческим изохраном и изотопом основателя христианского богослужения, Юлианом Философом.

В качестве фантастического героя он еще юношей укротил коня Буцефала (т. е. Быкоголового), на которого никто не мог вскочить. Он усмирил его тем, что поставил головою против

[1] Плутарх: Александр Македонский, стр. 3 русского перевода.

[2] Первый месяц в афинском году. Считают, что он соответствует приблизительно юлианским июню или июлю, и внушают нам, что это было в 1-м году 106-й Олимпиады, за 356 лет «до р. Х.».

[3] Т. Г. Дройзен, История эллинизма, кн. I, стр. 5.

[4] По-гречески — Кирос (Κῦρος = Κύριος) — Господь, особенно — в приложении к евангельскому Христу.

солнца (подобие созвездия Тельца на небе, где планеты делают попятное движение между двумя остановками, когда Телец бывает близок к противустоянию относительно солнца), и затем стал на нем постоянно ездить.

Рис. 53. Статуя из паросского мрамора, хранящаяся в Мюнхенской глиптотеке. Обе руки, левая нога и подставка под нею были обломаны и реставрированы по догадкам (Вегенер, Эллада, стр. 198). Считается за изображение Великого Царя-Заступника (Александра Великого — по-полугречески), но с таким же правом может быть принята и за изображение Юлиана.

В качестве философа, он «имел своим учителем величайшего из древних учителей, Аристотеля, а местом для учения была, — говорит Плутарх, — Роща Нимф при Миэзе, где и до сих

пор показывают каменную скамью Аристотеля и тенистые аллеи». — «Он учился у Аристотеля, — продолжает автор, — не только морали и политике, но узнал от него и тайное глубокое учение, которое сообщалось немногим *(т. е. богослужение)*». Впоследствии, когда он уже предпринял поход в Азию, Аристотель выпустил в свет (!?) некоторые рукописи о тайных предметах, и Великий Заступник в своем письме упрекал его за это. Он, будто бы писал:

«Александр Аристотелю *(т. е. Царь-Заступник Наилучшему Завершителю)* желает благополучия.

Ты не хорошо поступил, издав в свет акроаматическое *(т. е. доступное только посвященным, как и у христиан «литургия верных»)* учение. Чем я буду отличаться от других, если известно будет всем то учение, по которому я образовался? Я, конечно, лучше хотел бы превосходить других знанием важнейших предметов, нежели могуществом.

Будь здоров».

Таково было, — говорят нам, — собственноручное письмо Великого Александра Великому Аристотелю. «Царь-Заступник, — продолжает историк Богач (Плутарх), — учился у него также и медицине и не ограничивался одной теорией, но сам *(как Христос в евангелиях)* лечил больных друзей, предписывая лекарства и диэту, как можно видеть из его писем. Да и вообще, по самой своей природе, он был любитель словесности, наук и охотник до чтения. Илиаду он считал и называл руководством к военному искусству. У него был исправленный Аристотелем список этой поэмы, известный под названием списка с Ларца. Она всегда была под его изголовьем вместе с кинжалом. Находясь в Верхней Азии, он чувствовал недостаток в книгах и велел Гарпалу присылать их к себе. Гарпал доставил ему сочинения Филиста, многие трагедии Эврипида, Софокла, Эсхила и дифирамбы Телеста и Филоксена *(т. е. как раз все апокрифы Эпохи Возрождения!)*.

Неправда ли, читатель, что Царь-Заступник оказывается тут отчасти совсем как Христос и отчасти совсем как Юлиан Философ! Но далее он уже более походит на Юлиана, начавшего рано военные подвиги.

«Еще 16 лет, — говорит Плутарх, — он покорил медаров, отпавших от македонян, взял их город, изгнал из него варваров, заселил его разноплеменными людьми и назвал Александрополисом *(т. е. городом Заступника Людей)*.

«Он участвовал, — продолжает Плутарх, — в сражении, данном грекам при Херонее, и первый, говорят, ворвался в священный Фиванский отряд. Еще и в наше время показывали древний дуб при Кисифе, называемый Александровым, при котором он раскинул свой шатер. Недалеко оттуда находится и курган павших македонян.

Ему было 20 лет, когда он получил царство и прежде всего, как и Юлиан, он сделал поход на западных варваров, трибаллов, живших на Дунае же (Истре). Потом, возвратившись, он покорил греков и с ними пошел на персов. Многие из государственных

людей и философов приходили тогда к нему с поздравлениями. Только Богорожденный *(Диоген)*, нисколько не заботясь о Великом Заступнике, жил спокойно в Кранионе. Узнав об этом, молодой царь сам пошел к нему. Богорожденный лежал на солнце. Увидя множество пришедших к нему людей, он немного привстал и пристально взглянул на Заступника Людей. Тот, поздоровавшись, спросил, не может ли оказать ему какую-нибудь услугу?

— «Посторонись немного от солнца», — была единственная просьба Диогена. Рассказывают, что этот ответ очень поразил Великого Царя-Заступника, и он сказал тем из своей свиты, которые смеялись и острили над философом:

— «Еслиб я не был Царем-Заступником *(Александром, по-гречески)*, то желал бы быть Богорожденным *(Диогеном)*».

При выступлении его в персидский поход кипарисная статуя Орфея в Лебетре оказалась сильно вспотевшею. Предзнаменование это всем показалось странным. Но Аристандр успокоил народ. По его мнению, это значило, что славные подвиги, которые совершит Царь-Заступник, заставят много потеть поэтов и музыкантов, которым придется прославлять их.

И вот, опять необычная черта. Перед походом он начал раздаривать все свое имущество. Одному он дал землю, другому деревню, третьему доход с пристани или с местечка. Когда были распределены и истощены почти все царские имущества, Пердиккас спросил его:

— «Что же себе, государь, ты оставляешь?

— «Надежду», — отвечал Великий Заступник.

Не правда ли, читатель, — совсем по Христовой заповеди: «раздай свое имущество неимущим» (Марк, X, 21; Лука, XVII, 25)? Или сам Христос заимствовал ее у него?

«С такою-то решимостью и с таким-то расположением духа переправился он через Геллеспонт!» — восклицает Плутарх.

Затем он описывает и битву при реке Гранике, где «множество неприятелей бросалось на героя, ибо его легко было заметить и отличить от других воинов по его щиту и конскому гребню на шлеме, по обеим сторонам которого было по перу, величины и белизны необыкновенной».

«Его поход чрез Памфилию дал многим историкам материал для художественных и великолепных рассказов, внушающих удивление. Они уверяют, что море, как бы по воле божеств, отступило перед ним, хотя обыкновенно оно с большою силою ударяет в берег и редко обнажает выдающиеся мелкие скалы, лежащие под хребтом крутых и утесистых гор той страны. Менандр в одной комедии, шутя над странностью такого события, говорит:

По-Александровски дела мои идут:
Ищу ли я кого? — он сам собой уж тут!
Проехать нужно мне куда-нибудь чрез мо[ре]
Оно расступится и дно покажет вскоре».

После сражения при Иссе стан Великого Заступника наполнился богатством. В первый раз тогда получили македоняне в свои руки золото и серебро, испробовали варварский образ жизни и спешили, подобно гончим псам, ищущим следов зверя, отыскивать персидские богатства. Потом, овладев Египтом, он задумал построить обширный и многолюдный город, населить его греками и назвать своим именем. По совету архитекторов, он уж отвел для города место и хотел обвести его стеною, как ночью увидал странный сон. Ему приснилось, что явился к нему седой и почтенного вида человек и сказал стихи:

> На море шумно-широком находится остров, лежащий
> Против Египта; его именуют там жители Фарос...

Руководясь своим сном, Заступник Людей — Александр — построил Александрию, т. е. Город Мужей-защитников, — и пошел вверх по Нилу.

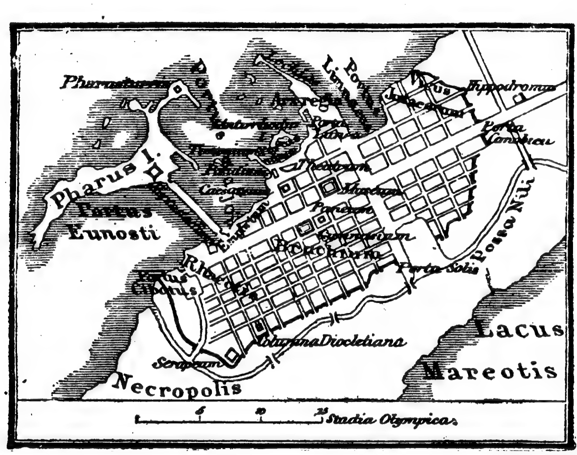

Рис. 54. План Александрии.

«Пройдя пустыню, он пришел в город, где прорицатель Аммона приветствовал его, как сына бога-Громовержца. А когда Царь-Заступник спросил: не укрылся ли от него кто-либо из убийц его отца? — прорицатель предложил ему не говорить неподобающих речей, ибо отец его не — смертный человек. Великий Заступник, переменив соответственно фразу, спросил: всех ли убийц Филиппа он наказал и соизволяет ли бог сделаться ему властителем всех народов? Прорицатель дал ответ, что бог соизволяет и что Филипп совершенно отомщен. И вот, в народе распространилась о нем молва (как и о Христе), что он — сын божий, т. е. Зевсов,» — заканчивает это место Плутарх.

«Говорят, что в Египте он слушал философа Земного (Псаммона) и более всего понравилась ему та мысль, что над всеми людьми царствует только бог, ибо всякий, кто господствует и правит другими, от бога, т. е. божеской природы.

«Но он был высокомерен *(по Плутарху!)* только в отношении к варварам, которым говорил, что уверен в божественном своем происхождении. А перед греками он лишь умеренно и осторожно выдавал себя за бога. Так, однажды, при сильном ударе грома, испугавшем всех его собеседников, софист Повелитель (Анаксарх) сказал ему:

— «Не сделаешь ли ты, сын божий, что-либо подобное этому?

«А Великий Заступник, засмеявшись, ответил:

— «Я не хочу пугать своих друзей, видя на столе рыбу.

Но ведь здесь, читатель, уже прямой намек: рыба по-гречески ИХТИС была анаграммой Христа. Это значило: Иисус Христос Теу Ийос Сотер (Иисус Христос Божий Сын Спаситель). Опять — черта из сказаний о евангельском Христе.

По возвращении из Египта в Финикию (как и Христос возвращался оттуда в Палестину) он учредил состязания энкиклийских *(т. е. внутрицерковных)* и трагических хоров, которые были блистательны не только по приготовлениям, но и по усилиям состязавшихся.

Покорив все области до Ефрата, Царь-Заступник пошел на Дария, поведшего против него миллионное войско *(которое неизвестно чем кормилось без интендантства)*.

«Большое сражение с Дарием, — говорит Плутарх, — происходило не при Арбеллах, как пишут о том многие историки, а при Гаугамелах, что на тамошнем языке значит «Верблюжий двор», ибо один из древних царей, убежав от неприятелей на верблюде, оставил его на этом месте, назначив ему на содержание доходы нескольких селений.

«Тут случилось, — говорит Плутарх, — лунное затмение в месяце Боэдромионе в начале афинского великого праздника Мистерий».

Я далее покажу, как Скалигер, приравняв Боэдромион к юлианскому сентябрю, пытался определить этим способом время описываемой битвы по лунному затмению в ночь с 20 на 21 сентября экстраполированного вспять юлианского календаря для минус 330 года. А здесь я только скажу, что еще лучшее затмение имело место в плюс 358 году 3 октября при византийско-ромейском императоре Юлиане Философе, который тоже ходил в Персию. Это снова наводит на мысль, что мифический Великий Заступник есть только отражение Юлиана в глубине веков. Затмение плюс 358 года произошло около 20 часов от гринвичской полуночи (часов через пять после местного заката солнца) сверхполное (18″2), зенитное на + 57° от Гринвича и + 4° северной широты.

«В одиннадцатую ночь после затмения, — говорит Плутарх, — когда армии были уже в виду одна у другой, Дарий держал свое войско под оружием и обходил его ряды при свете множества факелов. Македоняне отдыхали, а Великий Заступник находился перед своим шатром с прорицателем Аристандром,

совершая священные таинства и принося жертвы Фобу *(страху)*. Старейшие из его друзей, особенно же Парменион, увидели, что вся равнина, лежащая между Нефатом и Гординейскими горами, освещена персидскими огнями. Они услышали, что из стана персов, как с беспредельного моря, раздается смешанный, неопределенный гул и шум. Удивляясь многочисленности неприятеля, они, рассуждая между собою, считали и великим и трудным делом победить такое множество врагов, сделав явное нападение. Когда Александр кончил божественную службу, они пришли к нему и уговаривали напасть ночью, но он сказал им достопамятные слова:

— «Я не краду победы!»

Перед нападением он держал длинную речь к фессалийцам и другим грекам. Он взял копье в левую руку, а правую простирал к небу и молился богам, как уверяет Каллисфен, чтоб они защитили и укрепили греков, если действительно он рожден богом! И вот, прорицатель Аристандр, в белой одежде, с золотым венком на голове, стоя подле него показал орла, поднимающегося *(вместо христова голубя)* над головою Царя-Заступника и направляющего свой полет прямо на неприятеля. Это явление внушило всем, видевшим его, великую бодрость. Солдаты призывали и одушевляли друг друга; фаланга, следуя бегом за наступающею на неприятеля конницею, волновалась подобно морю.

Персы побежали, прежде чем сошлись передовые; преследование их было сильно. Дарий, бросивши свою колесницу и доспехи, сел на молодую кобылицу и тоже обратился в бегство.

«Таков был, — говорит Плутарх, — конец сражения, после которого казалось уже, что персидская *(теократическая)* монархия разрушена. Великий Заступник, провозглашенный царем Азии, принес богам великолепные жертвы, а друзьям своим роздал много богатств, домов и должностей. Желая показаться грекам во всем величии, он написал им, что у них уничтожаются все насильственные правления и что их города могут теперь управляться независимо».

Не напоминает ли вам эта победа Александра над Дарием без сражения такой же победы без сражения Юлиана над Валентинианом II?

«Вступая в «Вавилонскую» область, которая немедленно ему покорилась, он более всего был удивлен близ Экбатан *(которые считаются за теперешний Гамадан в Месопотамии, но более походят на закавказский Баку)* огненною пропастью, из которой беспрерывно поднимается огонь, как бы из некоторого источника. Недалеко от пропасти он видел поток нефти, которая там в таком изобилии, что образует род пруда. Она очень похожа на асфальт, но так чувствительна к огню, что прежде нежели коснется пламени, загорается от одного света и воспламеняет промежуточный воздух. Местные жители, желая показать силу и свойство нефти, слегка окропили ею улицу, ведущую к дому, где остановился царь, и когда уже сделалось темно, они, стоя на одном

краю, приставили огонь к омоченному месту. И вся улица вспыхнула.

«Потом он погнался за Дарием, отпустивши во-свояси своих фессалийцев, и дав им в награду, сверх полагавшейся им платы еще 2000 талантов. Только шестьдесят человек ворвались с ним в неприятельский стан. Здесь они переходили по разбросанным кучам золота и серебра, оставляли позади себя колесницы, наполненные женщинами и детьми, и преследовали тех, которые были впереди, полагая, что между ними находился Дарий. Они насилу нашли его: он лежал в колеснице, пораженный множеством копий и еле дышал. Он попросил у них пить и, выпив холодной воды, сказал подававшему ее Полистрату:

— «Друг мой! Вот как горек конец моего злополучия, моего несчастья! Я не в состоянии поблагодарить за оказанную мне услугу; но Царь-Заступник наградит тебя, а его наградят боги за милосердие его к моей матери, жене и детям. Я даю ему чрез тебя мою руку.

«Сказав это, он взял Полистрата за руку и скончался.

«Царь-Заступник, придя к этому месту, не скрывал своей горести при виде печального зрелища. Он снял свою хламиду, накинул на тело Дария и покрыл его. А впоследствии, поймав Бесса (убившего его), он велел растерзать его следующим образом: два дерева были нагнуты в одну сторону, к каждому была привязана часть тела Бесса, потом они были пущены; каждое дерево, быстро возвращаясь в первоначальное положение, оторвало привязанную к нему часть. Украсив тело Дария с царским великолепием, Великий-Заступник отослал его к матери, а брата его Экзатра принял в число своих друзей.

«После этого с отборным войском вступил он в Гирканид, где увидел морской залив, пространством не меньше Понта, но вода его была преснее обыкновенной морской воды. Он не мог узнать о нем ничего достоверного, но по догадкам заключил, что это — рукав Меотидского озера. Впрочем, естествоиспытателям была известна истина. За несколько лет до этого похода они писали, что из внешнего моря во внутрь земли вдаются четыре залива, из которых самый северный называется Гирканским или Каспийским морем.

«Отсюда вступил он в Парфянскую землю и, находясь без дела, в первый раз надел персидскую одежду. Этим средством хотел он либо приноровиться к местным обычаям, так как сходство в нравах и образе жизни много содействует усмирению людей, либо намерен был испытать мнение македонян касательно поклонения богу, приучая их мало-по-малу свыкаться с уклонением его от обыкновенного ритуала жизни *(т. е. скорее веры)*.

«Сначала он надевал эту одежду, только принимая варваров или находясь внутри дома, в обществе своих друзей, а впоследствии в этой же одежде он стал и выходить к народу и занимался делами».

Другими словами, — он заимствовал у персов что-то вроде облачения христианских священников восточной церкви.

«Переправившись через реку Оксарт,[1] которую он счел за Танаис (Дон), он разбил скифов и преследовал их на сто стадий, хотя страдал тогда диарреею.

«Сюда прибыли к нему амазонки, как повествуют многие историки, и будут ли верить этому происшествию или нет, но уважение к Великому Заступнику не станет от того ни более, ни менее».

Брак его с персидскою царевною (Роксаною), которая понравилась ему во время одного пира, был, конечно, заключен по любви, но он соответствовал положению дел. Персы были обрадованы этим браком и очень полюбили Царя-Заступника.

«Из Персии он решился вступить в Индию, но, видя, что войско обременено множеством добычи и потому неспособно легко двигаться, он на рассвете дня, сжег сперва свой обоз и обозы своих друзей, а потом велел подложить огонь и под обоз других македонян. Только очень немногие из них были этим опечалены, большая же часть с шумом и восклицаниями восторга разделила нужные вещи с теми, которые их просили. Все лишнее было сожжено и истреблено, и благодаря этому Царь-Заступник с большею бодростью и охотою приступил к предприятию. Храбрейшие индийцы, вступая на службу разных городов, защищали их мужественно и наносили ему большой вред. Но ничто его не останавливало.

«Отношения его к Пору (индийскому царю) описаны им самим в его письмах, — продолжает Плутарх, из которого я целиком беру эти факты, стараясь даже передавать текст этого нашего первоисточника буквально. — Река Гидасп разделила оба войска, и Пор, выставив против него слонов, стерег переправу. А Великий Заступник нарочно весь день производил в своем лагере большой шум, чтобы этим приучить варваров не придавать значения звукам, и в наступающую темную и безлунную ночь, взяв часть пехоты и лучшую конницу и уйдя подальше от неприятеля, он переправился на небольшой остров. Пошел сильный дождь: молния и громовые стрелы ударяли в войско. Увидя, что много людей было убито молнией, он поднялся с острова и переправился на противоположный берег. Река Гидасп, вспученная бурею, превратившею ее в стремительный поток, прорвала берег и разлилась в новый поток. Он с большим трудом прошел образовавшееся между ними пространство по причине скользкого и разваливающегося грунта».

Царь Пор был взят в плен после жаркого боя.

— «Как мне поступить с тобою?» — спросил его Царь-Заступник.

— «По-царски», — ответил тот.

И победитель, растроганный его покорностью, не только сделал его за эти слова сатрапом той области, над которою он царствовал, но присоединил к ней и еще страну, покорив населявший ее независимый народ. В той стране было 15 народов. 5000 больших городов и великое множество сел. Потом он завоевал страну еще втрое больше упомянутой и поставил над ней сатрапом одного из своих друзей, Филиппа.

[1] Яксарт считается за теперешнюю реку Сыр-Дарью.

После сражения с Пором умер конь Царя-Заступника Быкоглав (Буцефал), но не тотчас, а спустя некоторое время, как говорят, от ран.

Упорное сражение с Пором охладило пыл македонцев и удержало их от дальнейшего похода внутрь Индии. Они сильно противились Царю-Заступнику, который хотел переправиться через реку Ганг, так как узнали, что она имела в ширину 32 стадии и в глубину 100 саженей, а противоположный берег ее был покрыт множеством пехоты, конницы и слонов. Царь, недовольный и в гневе, лег, запершись, в своей ставке. Он считал за ничто совершенные им доселе дела, если не переправиться через Ганг. Друзья уговаривали его приличным образом, а солдаты, приходя с плачем и воем к дверям шатра, умоляли его отступить.

Тогда он пошел к внешнему морю, желая его видеть. Он велел настроить лодок с веслами и сплотить плоты, на которых войско медленно поплыло по реке, но не без дела. Приплывая к городам, Великий Царь-Заступник высаживал свое войско и покорял их.

«По пути он схватил десятерых индийских мудрецов-гимнософистов, которых считали людьми, способными давать сильные и краткие ответы. Он предлагал им странные вопросы, сказав, что умертвит первого, который не сумеет дать на них правильного ответа.

На вопрос, заданный первому: кого больше, мертвых или живых? — тот ответил: «живых, ибо умерших уже нет». Второй на вопрос: земля или море более питает животных? отвечал: «земля, ибо море есть часть ее». На вопрос: какое животное отличается хитростью? третий отвечал: «которое до сих пор неизвестно человеку». Когда четвертого спросили, с какою целью склонили Саббаса к возмущению? он ответил: «желая, чтобы он или со славою жил, или со славою умер». Пятый на вопрос: «что было, по его мнению, прежде — день или ночь? отвечал: «день был прежде ночи одним днем». Когда при таком ответе царь выразил удивление, то он прибавил, что на странные вопросы и ответы должны быть странные. Потом Александр спросил у шестого: чем можно лучше всего приобрести любовь других? «Если, — ответил он, — будучи более сильным, не будешь страшным». Один из прочих, на вопрос: как из человека можно стать богом: ответил: «исполнивши то, чего исполнить человек не может». На вопрос: что сильнее, жизнь или смерть? ответ был: «жизнь, ибо она переносит столько бедствий.» На вопрос: до каких пор человеку следует жить? последний отвечал: «пока он не сочтет смерть лучше жизни».

После того, царь, обратившись к судье, велел ему объявить свое мнение. Тот объявил, что они отвечали один другого хуже. «Так ты первый умрешь, — сказал царь, — за то, что так судишь». — «Нет, государь, — ответил судья, — если твои слова не ложь: ты сказал, что убьешь первым того, кто даст самый дурной ответ».

Не правда ли, читатель, какая поразительная память, какая поразительная точность сообщений была у наших предков до «рождества Христова», и как перепортило ее это «рождество»!! Все эти фразы, все эти остроты передавались, — говорят нам, — от поколенья к поколенью неизменно в продолжении 500 и более лет из уст в уста! А мы, несчастные, все это переврали бы уже через год! И в каком виде дошло бы все это до наших потомков-историков, еслиб пропали записи Богача-Плутарха!

Царь-Заступник, конечно, щедро одарил гимнософистов и отпустил их.

Плавание его по рекам к морю, — говорят нам, — продолжалось 7 месяцев. Он вышел в океан на кораблях и отплыл к острову, который он назвал Скиллустисом, а другие Псилькутисом. Здесь он вышел на берег, принес жертву богам, и, сколько было возможно, осмотрел берега и море, их омывающее. Потом, помолившись, чтобы ни один смертный после него не перешел за пределы его похода, он повернул назад, а кораблям велел плыть кругом, имея по правую руку Индию. Начальником флота он назначил Неарха, а главным кормчим Онесикрита. А сам он направился сухим путем чрез область оритов, терпя недостаток в съестных припасах, и потерял множество людей, так что едва вывел из Индии четвертую часть своей военной силы. Они шли незасеваемою страною, обитаемою людьми, живущими в нищете и имевшими только немного плохих овец, привыкших питаться морскою рыбою, а потому и мясо их было неприятно и имело дурной запах. Едва в 60 дней мог он пройти эту землю. Только в Гедрозии войско его получило все в изобилии, потому что окрестные цари и сатрапы сделали для продовольствия его нужные запасы.

«Здесь он дал отдых своему войску, и в веселом триумфе прошел в 7 дней Карманию.

«Восемь лошадей медленно везли его с друзьями. Он сидел на жертвеннике, поставленном на высоком и всем видном четырехугольном помосте, проводя день и ночь в беспрерывном пировании. За ним следовало множество колесниц, одни под пурпуровыми и пестрыми завесами, другие под зелеными и всегда прикрытыми свежими ветвями. На колесницах же ехали и другие его друзья и полководцы, украшенные венками и пьющие вино. Тут не было видно ни щита, ни шлема, ни копья. Солдаты, держа фиалы, чаши и тириклии, всю дорогу черпали вино из больших бочек и кратиров, и пили за здоровье друг друга. Пока одни шли медленно вперед, другие лежали за столом. Звук флейт и свирелей, пение, игра на лире, вакхический шум ликующих женщин раздавались везде. Казалось, сам Вакх тут находился и сопровождал ликующих».

Так говорит сам Плутарх.

По прибытии в царский дворец в Гедрозии Царь-Заступник устроил новый праздник, и дал отдых войску. Здесь возвратился к нему морем Неарх. Царь с удовольствием выслушал известие о его плавании, и решил спуститься вниз по Евфрату с многочисленным флотом, чтобы объехать Аравию и Ливию, и чрез Геракловы столбы выйти в открытое море. Он велел строить в Тапсаке [1] разного вида корабли; к нему начали уже отовсюду собираться мореходцы и кормчие. Но трудный поход его во внутренность Индии, рана, полученная в Маллах, слух о громадных потерях войска, неверие в то, что он спасся, побудили покоренные народы к возмущениям, а полководцам и сатрапам подали смелость для несправедливости и хищничества. Вся его монархия колебалась и пришла в волнение. Олимпиада и Клеопатра, в ссоре с Антипатром, разделили между собою царство: «Олимпиада взяла себе Эпир, Клеопатра — Македонию».

По прибытии в Персиду, он роздал деньги женщинам, ибо у персидских царей был обычай при посещении Персиды давать каждой женщине по золотой монете. По этой причине некоторые из царей редко приезжали в Персиду, а царь Охоз (созвучно с библейским Охозией) не был там ни разу и по скупости сам себя сделал чужим в своей родине. Найдя, что гроб Кира был вырыт из земли, Царь-Заступник предал смерти виновника этого злодеяния, хотя он был одним из важнейших граждан города Пеллы; имя его Полимах *(греческое, как и остальные «персидские» имена у классиков!)*. При этом случае он прочитал надпись на гробнице Кира и велел вырезать снизу греческий перевод ее. Содержание ее было следующее:

«Человек, кто бы ты ни был и откуда бы ни пришел (а что придешь, я это знаю), я — Кир, который приобрел владычество персам. Не позавидуй мне в этом малом количестве земли, покрывающей мое тело».

Эти слова живо тронули Великого Заступника, — говорит Плутарх, — ибо уму его представились неизвестность и непостоянство человеческих дел».

Здесь повествователь приводит «Александра Македонского» в связь с Киром, т. е. Господом, — по-гречески, основателем греческой церкви *(Кирии)*, и продолжает:

«Находясь в Сузах, Великий Заступник еще женился на дочери Дария, Статире, и благороднейших персиянок выдал за знатнейших македонян, а все прежние браки своего войска он отпраздновал другим великолепным пиром.

Те из тридцати тысяч мальчиков, которых, уезжая, он велел учить греческим наукам, теперь уже окрепли, выросли и показались ему прекрасно обученными и телесным упражнениям,

[1] В Сирии, на западном берегу Евфрата.

в которых обнаружили чрезвычайную ловкость и проворство.

По прибытии в Экбатаны (*которые, как я уже говорил, более походят на Баку, чем на месопотамский город*), он привел в порядок нужнейшие дела и опять занялся празднествами и зрелищами. К нему прибыло сюда из Греции до 3000 художников.

«Великий Заступник продолжал свой путь к «Вавилону». Неарх, который вновь прибыл к нему, войдя в Евфрат через великое море, объявил, что встретил каких-то халдеев, которые советовали победителю беречься Вавилона (*отметим, что то же самое пророчествовали авгуры и Юлиану при его походе в Персию*). Однако, Заступник (*как и Юлиан*) не обратил на это внимания и шел к городу, на стенах которого увидал множество воронов. Они ссорились между собою, клевали друг друга и некоторые из них упали перед ним. Он призвал к себе прорицателя Пифагора, и спросил его, каковы оказались внутренности жертвы? Узнав, что печенка ее была без головки, он сказал:

— «Увы, это дурное предзнаменование!».

Он пожалел, что не послушался Неарха, и большею частию проводил время вне Вавилона в шатре, или разъезжал по Евфрату. Его тревожили и другие предзнаменования. Один смирный осел ударил копытом прекрасного большого льва, которого держали в Вавилоне, и убил его. Однажды сам Царь играл в мяч, оставив платье на троне. А когда молодые люди, игравшие с ним, хотели опять взять платье, то увидели, что на троне безмолвно сидит человек в царской одежде и с диадемою на голове. Они спросили его: кто он такой? Тот долго молчал, наконец, опомнившись, сказал, что его зовут Дионисом, что он родом из Мессины, что по ложному доносу его привезли сюда из приморских областей и долго держали в оковах; что недавно явился к нему Серапис, снял с него оковы и привел сюда с приказанием надеть диадему и одежду, сесть на троне и молчать.

Услыхав это, Царь-Заступник, по совету прорицателей, умертвил того человека, но впал в уныние, лишился надежды на бога и подозревал своих друзей. Подобно Христу, затосковавшему перед приближающимся предательством и предстоящей казнью, или подобно императору Юлиану в тех же обстоятельствах, он, — говорит Плутарх, — был охвачен таким суеверным страхом перед богами, был в таком беспокойстве и смущении духа, что всякий сколько-нибудь необыкновенный и странный случай считал чудом и предзнаменованием. Дворец его был наполнен людьми, приносящими жертвы, очистителями и гадателями. «Великое зло — неверие и пренебрежение к богам! — восклицает Плутарх. — Великое зло и суеверие, которое подобно воде, текущей всегда к низовой стороне, наполняет душу безумием и страхом!».

«Когда от храма Аммона пришло (автор не говорит какое) прорицание о Гифестионе, царь перестал горевать и снова предался веселью и пирам. Он великолепно угостил Неарха и его спутников, потом, по обыкновению, выкупался и хотел уже спать,

но по просьбе Мидия пошел к нему, чтоб участвовать в весельи, и там он пил весь следующий день. С ним сделался вдруг жар, и он почувствовал боль в спине, как будто был поражен копьем, как говорят некоторые. Но это пишут люди, которым хочется придать трагическую и жалкую развязку великой драме. Аристобул пишет, что он был только в сильной горячке, чувствовал сильную жажду, выпил вина и от этого лишился рассудка и умер в 30-е число месяца Дессия (декабря)».

«В древних записках, — продолжает автор, — о его болезни мы читаем следующее: 18-го числа месяца Дессия Великий Заступник спал в бане. На другой день, умывшись, он перешел во дворец и провел день с Мидием, играя в кавы; потом поздно умылся, принес жертву богам и отведал пищу. Ночью с ним сделался жар. 20-го числа он умылся, опять принес обычную жертву и, сидя в бане с Неархом, слушал рассказы о его плавании и о великом море. 21-е число провел он таким же образом, но жар усилился, и ночь прошла беспокойно. На другой день жар был еще сильнее, царя перенесли и положили у большого водоема. Здесь он говорил с полководцами о вакантных местах и приказал заместить их испытанными людьми. 24-го числа Дессия, находясь в сильном жару, он был поднят и принес жертву. Он велел оставаться во дворце главнейшим предводителям, а начальникам полков и пятисотникам провести ночь вне дворца. 25-го числа его перенесли в другую часть дворца, где он немного уснул, но жар не уменьшался. Когда полководцы пришли к нему, они нашли, что он уже не может говорить, равно как и 26-го числа. Македонянам показалось, что он умер. Придя к дверям, они кричали, грозили его друзьям, пока не заставили их отворить двери. Они все прошли мимо его ложа поодиночке, в одних хитонах. В этот день Питон и Селевк послали в храм Сераписа спросить, не нужно ли туда перевести царя. Бог отвечал, чтоб они оставили его на месте. 28-го числа, около вечера, он умер».

«Так написано почти слово в слово в Дневных записях. Тогда никто не имел подозрения, чтоб царь был отравлен, но по прошествии шести лет сделан был донос Олимпиаде, которая, поверив ему, велела откопать и выбросить кости уже умершего Иолая (соответствующего Иовиану) за то что, будто бы, он влил яд в питье Царя-Заступника. Те, которые говорят, что Аристотель советовал Антипатру отравить его и что яд был привезен им в Азию, утверждают, что об этом рассказывал некто Агнотемис, который, будто бы, слышал это от царя Антигона. Отрава эта была — холодная вода, которую доставали с одной скалы в Нонакриде, собирая ее каплями в виде легкой росы в ослиное копыто, ибо никакой другой сосуд не держит ее, так как своим холодом и остротой она все разрушает. Но большею частью думают, что слух о его отравлении выдуман».

Я выписал здесь подлинными словами почти половину рассказа Плутарха, умершего, будто бы, около 120 года нашей эры.

Я оставил в покое Арриана, умершего, будто бы, около 180 года нашей же эры, который в своем «Анабазисе» только дополнил это второстепенным сказанием военного характера. Еще менее интересны для нас, в качестве первоисточников, дальнейшие александристы — Квинт Курций, Диодор, Юстин, «отрывки» из Клитарха, и роман псевдо-Калисфена, представляющий (несмотря на утверждение, что он был спутником Александра) лишь дальнейшее развитие этого же мифа о Великом Царе-Заступнике.

О всех их можно сказать то же самое, что, по словам Лукиана, сказал сам Царь-Заступник об Аристовуле, бросив его похвальную о себе рукопись в воду:

— «За то, что ты здесь написал, ты заслуживаешь, чтоб с тобою сделали то же».

Но я не буду более говорить о первоисточниках всего этого. Достаточную характеристику их читатель может найти в приложениях к I тому сочинения Дройзена «История Эллинизма».

С хронологической точки зрения опору здесь могло бы дать лунное затмение, за 11 дней перед битвой при Гавгамеле, о котором, как мы видели, Плутарх говорит лишь одну фразу:

«В то время, как мистерии начались в Афинах в месяце Боэдромионе, наступило лунное затмение. А в одиннадцатую ночь после затмения войска были уже в виду друг у друга (и затем началось сражение)».

На этой опоре основатель современной исторической хронологии Скалигер (1540 — 1609) определил время затмения в ночь с 20 на 21 сентября минус 330 года по экстраполированному им вспять Юлианскому счету. По новейшим проверкам в эту ночь действительно было сверхполное лунное затмение (14″5) со срединой около 21 часа по местному времени, через 4 часа после заката солнца. Но в IV томе «Христа» я уже показал, что метод лунных затмений, дата которых не дана с точностью до нескольких дней взад и вперед, совсем не надежный способ установления древних дат, так как лунные затмения происходят почти каждый год в любой местности земного шара. А здесь не только время года, но и самый год Гавгамельской битвы установлен Скалигером по найденному им этому самому лунному затмению в ночь с 20 на 21 сентября минус 330 года. В четвертом томе, когда я допускал лишь, что Александр Македонский списан с Александра Севера (222 — 235), а не оба с Юлиана Философа, я и при Севере показал наличность подходящего лунного затмения.[1] А здесь при резюмировании Плутарха, я уже указал, что и при Юлиане было еще лучшее затмение 3 октября 358 года.

Основою решения у Скалигера было допущение, что месяц Боэдромион Плутарха соответствует сентябрю. Но правильно ли это?

Вот, например, Арриан (т. е. по-русски арианец) говорит, что это было в месяце Пианепсионе (вместо плутархова Боэдрамиона) и не за 11 дней до сражения, а в конце самого боя:

[1] «Христос», кн. IV, стр. 431 — 432.

«Когда Александр сделал привал своему войску, большая часть луны оказалась в затмении. Таков был конец боя при Афинском архонте Аристофане (т. е. Наилучшем Выявителе) в месяце Пианепсионе».

Итак... вместо месяца Боэдромиона показан Пианепсион, а вместо «за 11 дней до боя», показано: «в день боя» и даже при конце, что более сенсационно.

А у Квинта Курция Руфа сказано:

«Переправившись через Тигр, Александр имел стоянку около двух дней, затем велел объявить продолжение похода, но луна скрыла около первой стражи первый блеск своей красоты, затем запятнала весь свой блеск, окрасившись в цвет крови...»

Тут уже что-то вроде апокалиптического описания: «и сделалось солнце черно как власяница, а луна как кровь («Апок.», VI, 12). И кроме того тут не указывается ни дня, ни месяца (как и у Плиния и в «Географии» Птолемея), так что для астрономического определения не остается места. А отожествление разноименных месяцев производит еще большую путаницу. Вот, например, что говорит по данному предмету Дройзен[1]:

«Элиан (Var. Historiae, II, 25), в доказательство того, что 6 Фаргелиона был особенно благоприятный день для греков, приводит, между прочим, победу Царя-Заступника (Александра), в которой он уничтожил персидского царя, т. е. битву при Гавгамеле, и далее говорит, что Царь и родился и окончил жизнь в этот же самый день.[2] А так как «Эфемериды» называют днем смерти Александра 28 Дессия, то мы могли бы предположить, что Элиан считает 28 Дессия тем же днем, как и 6 Фаргелиона.

Но Иделер имел полное право оставить совершенно в стороне это показание Элиана. Достаточно сказать, что в той же самой VI главе Фаргелионом определяются: рождение Сократа, битва при Платеях, победа при Артемисии и при Микале. А это, говорит Дройзен, по большей части заведомо неверные даты. Показания пяти других текстов изумительным образом противоречат друг другу, как можно видеть из таблицы X (см. стр. 144) в которой число, следующее за македонскими месяцами, показывает цифру соответствующих аттических месяцев.

Мы видим, что тут — три совершенно различные системы. Их нельзя объяснить разницею между аттическим и македонским вставным числом, как видно из того обстоятельства, что дело здесь идет не только об одной разнице на определенное число месяцев. Лий — начало македонского года — приходится по первому варианту на 6-й, по второму и третьему — на 4, по пятому — на 1-й аттический месяц.

На основании наблюдений, указанных в Альмагесте, Иделер отметил, что в 245, 237 и 229 годах месяц Лой начинался в июле юлианского календаря (18, 20 и 4 июля); к тому же резуль-

[1] Дройзен. История Эллинизма, т. I, приложение VI (стр. 168 приложения, по русскому переводу).

[2] Καὶ αὐτὸν Ἀλέξανδρον καὶ γενέες καὶ ἀπελθεῖν τοῦ βίου τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ πεπίτευται.

10 Зак. 66

ТАБЛИЦА X

Сопоставление македонских и аттических месяцев по пяти первоисточникам.

Юлианские месяцы	Звездные месяцы	Македонские месяцы	Аттические месяцы	По I тексту	По II тексту	По III и IV текстам	По V тексту
Март	Рыбы	1. Геккатомбион	Дий	6	4	4	1
Апрель	Овен	2. Метагитнион	Апеллей	7	5	5	2
Май	Телец	3. Боэдромион	Авдиней	8	6	6	3
Июнь	Близнецы	4. Пианепсион	Перитий	9	7	7	4
Июль	Рак	5. Мемактерион	Дистр	10	8	8	5
Август	Лев	6. Посидеон	Ксантик	11	9	9	6
Сентябрь	Дева	7. Гамилион	Артемисий	12	10	10	7
Октябрь	Весы	8. Анфестерион	Дэсий	1	11	11	8
Ноябрь	Скорпион	9. Элафеболион	Панес	2	12	12	9
Декабрь	Стрелец	10. Мунихион	Лой	3	1	1	10
Январь	Козерог	11. Фаргелион	Горпией	4	2	2	11
Февраль	Водолей	12. Скирофорион	Гиерверетей	5	3	3	12
Счет с марта	Счет с марта	Счет с марта и с Рыб	Счет с марта и с Рыб	Счет с октября и с Весов	Счет с декабря и со Стрельца	Счет с декабря и со Стрельца	Счет с марта и с Рыб

тату привела его и находящаяся в Розетте надпись 197 года. Из этого ясно, что приводимая по Плутарху параллель невозможна, и Иделер ее не принял даже и во внимание. Так как апокрифическое «Письмо царя Филиппа» казалось ему заслуживающим полного доверия, то он пришел к тому выводу, что в Македонии после царя Филиппа была введена крупная реформа календаря и что Плутарах, определяя день рождения Царя-Заступника (Александра) и приравнявши месяц Лой к Гекатомбиону, отнес реформу прежнего календаря, произведенную Александром Великим, к более раннему времени.

«Сделанная мною, — говорит Дройзен в своей «Истории Эллинизма» (стр. 168), — в 1839 году попытка доказать, что все документы, вставленные в «Речь о венке» являются подделками, заслужила с тех пор всеобщее признание и, таким образом, самим собою падают все выводы, заимствованные из «Письма Филиппа».

С этим, конечно, нельзя не согласиться... Но вот поразительное совпадение. Целый ряд сопоставлений приводит к заключению, что «Великий Царь-Заступник» списан с императора Юлиана, истинного установителя Юлианского календаря, да и Иделер пришел к выводу, что и при Великом Заступнике («Александре Великом») все-таки была аналогичная реформа календаря.

Да и далекие походы царей-первосвященников того времени могли быть лишь торжественно миссионерскими, а не военными.

ГЛАВА V

ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ-ЗАСТУПНИК, ЮЛИАН ФИЛОСОФ И ИИСУС ХРИСТОС

Мы видели сейчас, что при неопределенности месяцев астрономия отказывается дать для какого-либо события точную и определенную дату, руководясь только лунным затмением, не указанным по его месту на небе или по времени года. Поэтому здесь нам приходится руководиться главным образом филологическими соображениями и сопоставлениями разнородных памятников. Возьмем, например, Коран, в котором тоже сохранилось сказание о Великом Царе-Заступнике, но там он называется уже не Александром, а Дгулем, т. е. Юлием, или, что то же самое, Юлианом. Вот это интересное место Корана.

(Коран, XVIII, 82.)

«Тебя спросят, о Достославный, на счет Владетеля двух земных краев? Отвечай: Я расскажу вам его историю!

«Мы укрепили его могущество на земле, дали ему средства достигнуть желаемого, и он пошел в путь. Он шел, покуда не достиг захода солнца. Он увидал солнце заходящим в кипящий фонтан; подле него он нашел поселившийся народ. Мы сказали ему:

— «О Дгуль Карнейн! Ты можешь истребить этот народ или поступить с ним великодушно!

— «Мы накажем, — отвечал он, — всякого человека нечестивого, а потом предадим его богу, который подвергнет его более страшному наказанию. Но кто веровал и творил добро, тот получит хорошую награду, и мы дадим ему повеления легкие для исполнения».

«Дгуль Карнейн снова отправился в дорогу, покуда не пришел туда, где восходит солнце. Оно поднималось над народом, которому мы ничего не дали для ограждения от жара. Да! Это было так, и мы знаем всех тех, которые были с ним, Дгуль Карнейном. Он опять отправился в путь, покуда не очутился между двух плотин, подле которых жил народ, едва понимавший какой-нибудь язык. Этот народ сказал ему:

— «О Дгуль Карнейн! вот Яджудж и Маджудж (Гог и Магог), производящие на земле беспорядок. Можем мы просить тебя, вместо награды, построить загородку между ими и нами?

— «Могущество, которое дает мне властелин мой, — ответил он, — важнейшая для меня награда. Только ревностно помогайте мне, и я построю загородку между ими и вами. Приносите ко мне большие куски железа, покуда можно будет завалить промежуток между двумя горами. Раздувайте огонь, покуда железо покраснеет как огонь! Принесите мне расплавленной меди, чтоб бросить сверху!

«После этого Яджудж и Маджудж не могли ни влезть на его стену, ни пробить ее.

— «Это, — сказал Дгуль Карнейн, — есть действие милосердия божия. Когда придет определение властелина, он разломает стену в куски. Обещания божии непреложны. Придет день, когда мы прикажем этим народам спешить толпой, подобно волнам, одним за другими. Прозвучит труба, и мы все соберемся вместе. В этот день для неверных мы устроим геенну».

Но этот Юлий-Дгуль в одно и то же время и Александр Великий, и император Великой Ромеи Юлиан Философ (ум. 363 г.).

Так я писал в V томе «Христа» (стр. 350), еще не решаясь делать дальнейших сопоставлений, для которых я не имел там удобного места. Но сопоставления сами собой приходят в голову.

Только-что приведенное сказание Корана о Дгуле Карнейне давно уже считалось за один из мифов об Александре Великом, который проник и в светские сказания мусульманских народов под именем Искандера Зюль-Карнайна, т. е. Александра Юлия двух Рогов. Сомнения тут быть не может. Ясно, что тот, кого прозвали «Великий Царь-Заступник» назывался Юлием или, что одно и то же, Юлианом (по-русски—Ильей, что значит Солнечный, от греческого Элиос—солнце). А знаменитых Юлианов мы знаем в истории только двух: один из них вполне реальный Юлиан Отступник (от арианства), прозванный ученым (философом), и другой мифический, отчасти списанный с него же и отчасти с Констанция Хлора, — Юлий Цезарь.

Кто же из них предполагается в Коране и у Плутарха? Посмотрим факты.

В Коране сказано: он (т. е. Александр Великий) пошел сначала в путь, пока не достиг места захода солнца и увидел его заходящим в «кипящий фонтан». Это показывает на научную экспедицию Великого Заступника на крайний запад, т. е. на берега Атлантического океана. А у христианских писателей мы как раз и видим такой же поход Юлиана Философа во Францию, относимый ими к 357 году, через три года после чего его провозгласили Святым (по-латыни — Августом). Здесь все совпадает со сказанием в Коране, но христианские биографы «Великого Царя-Заступника» почему-то укоротили это западное путешествие, доведя его вместо Парижа и Сены только до среднего течения Дуная, причем он, будто бы, вступил в дружеские отношения с кельтами-французами не у них, как говорится о Юлиане, а лишь через посольство их к нему. На пиру при этом Юлиан, будто бы, спросил у одного из них:

— «Чего вы более всего боитесь»? — думая, что его. А они ответили:

— «Мы боимся только одного: чтобы небо не упало на наши головы».

И за это Юлиан, будто, бы счел их хвастунами.[1]

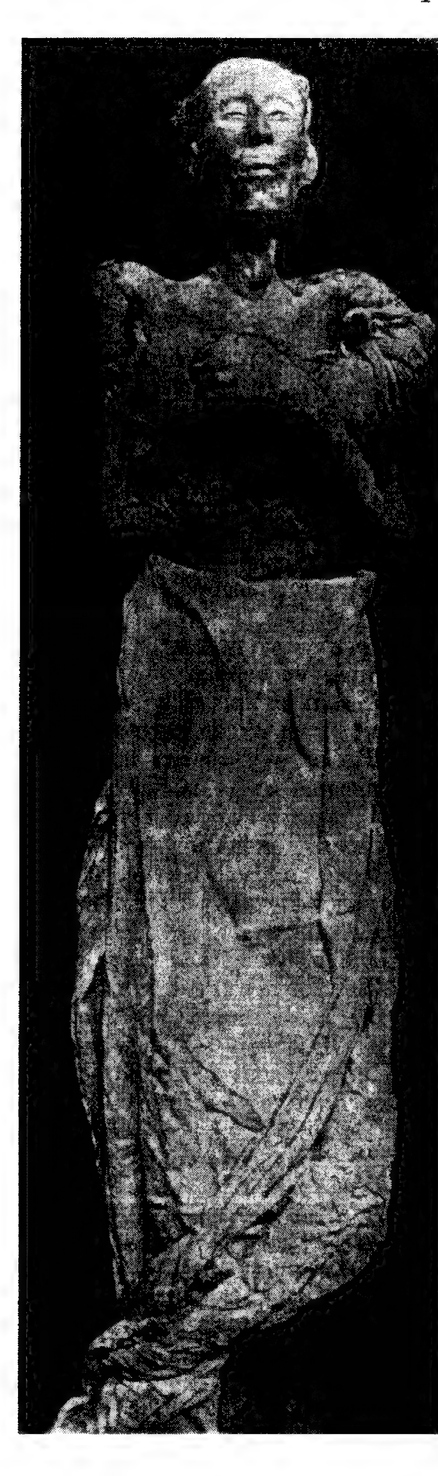
Мы видим, что европейские авторы несколько обидели тут Александра Великого, заставив его возвратиться с западного похода ранее, чем следовало (будто бы, из страстного желания итти в страну солнечного восхода). Но за эту убавку на Западе они сторицею вознаградили его прибавкою пути на востоке.

Действительно, мы только-что видели из повествования Плутарха, что великий Царь-Заступник, окончив экспедицию в Персию, пошел далее и добрался даже до Индо-Китая, причем не перешел лишь через Ганг, а спустился по нему к Индийскому океану.

В Коране к этому прибавлена еще и Китайская стена, и то, как Великий Царь-Заступник (Юлий-Александр) видел там солнце, выходящее из моря. А у европейских повествователей двойник и первоисточник Александра Великого—Юлиан — в 363 году переправился в Персию через реку Тигр, но не успел дойти до Индии, потому что умер там, как и Царь-Заступник, от последствий раны копьем в бок, которую он первоначально считал незначительною.

Мы видим, что оба одноименные героя, совершив с берегов Босфора сначала поход в Европу — на запад, а потом поход в Азию — на восток, умирают в Месопотамии сходным образом, а потому и миф об Александре Великом (а также и миф об Александре Севере) имеет своим первоисточником подвиги Юлиана. Замечательные по тому времени походы его едва ли были с целью одного расширения границ своей светской власти, а скорее с целью удовлетворения любознательности: увидеть чужие

[1] Arrian, I, 4—8; Strabon, VII, p. 301.

страны и чужие народы вплоть до «концов мира», где восходит и где заходит солнце.

И чем более вдумываешься в такие разнообразные сказания, тем более начинаешь поражаться величественным обликом, в каком проявляется этот исторический деятель, которого христианская церковь вместо своего основателя, по какой-то иронии судьбы, провозгласила отступником от «истинной веры».

Ведь, посмотрите только на факты, главным из которых является тот, что христианская литургия «Великого царя (Василия Великого, по-полугречески)» была введена в Великой Ромее как раз в царствование Юлиана, чего не могут отвергнуть и сами теологи. А сопоставляя различные мифы, сосредоточивающиеся на нем при нашем сравнительном исследовании, мы видим, что «великим (и даже величайшим!) царем» был именно он, а не какой-то монах — его современник и земляк, только носивший по «Житиям Святых» прозвище Великого царя и Сына царева[1], не имея на то решительно никаких прав.

Не будем же забывать, что в то время у людей не было еще регистрации новорожденных, а потому не было и

[1] Василий Великий сын Василия, — по-полугречески.

Рис. 55. Мумия Великого Царя-Мессии (Рэ-Мессу Миамуна) в Гизехрском музее египетских древностей, близ Каира.

собственных имен, а только прозвища. Нам кажется смешно читать, например, в Апокалипсисе: «У него было много имен», или: он имел имя, которого никто не знал «кроме его самого» (Апок., XIX, 12).

Зачем иметь имя, которого никто не знает? — спрашиваете вы.

Но этот ваш вопрос только недоразумение. Имя, т. е. прозвище человека, обозначало тогда лишь какое-либо качество данного лица, а потому у любого человека могло быть столько же имен, сколько качеств, и в том числе и такие качества, имена которых знал только он один. Значит, если в то время какого-нибудь человека звали «Великий Царь, сын Царя», то он и был действительно таким, а не какой-то его приятель-монах, никогда не сидевший на троне и не бывший сыном никакого царя. Уже одним этим обстоятельством мы обнаруживаем тожество основателя христианской литургии с Юлианом Философом, и это же

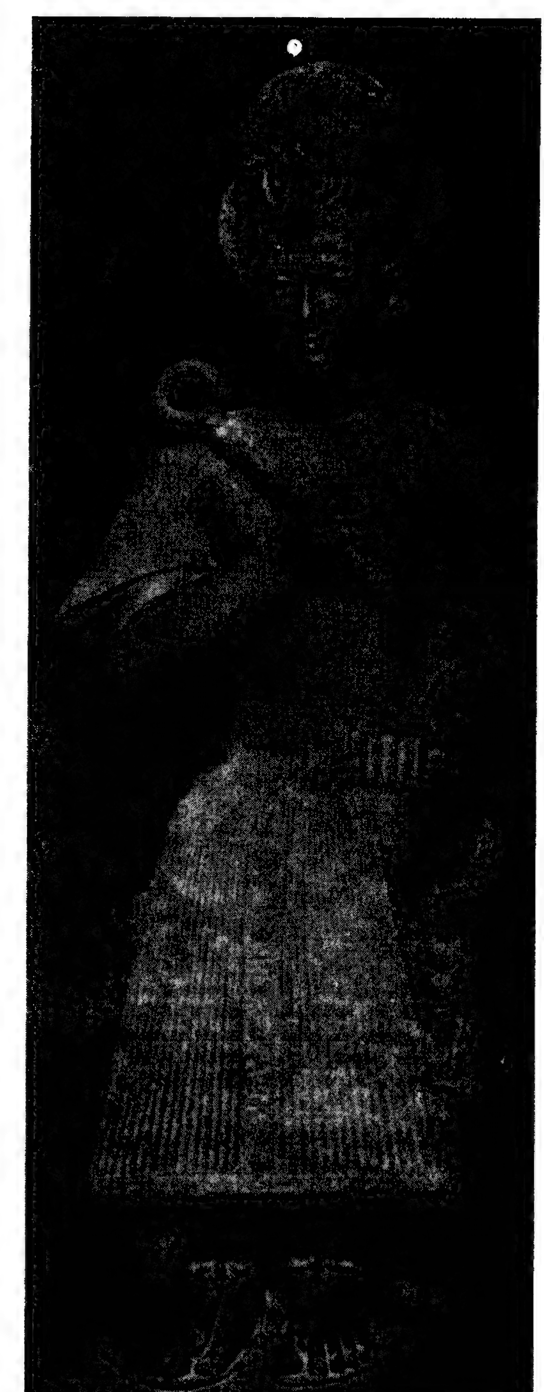

Рис. 56. Египетская статуя Великого Царя-Мессии (Рэ-Мессу-Миамуна), хранящаяся в Туринском музее Эгиацио.

подтверждается всеми другими фактами и мифами. Никакой монах фактически не мог тогда установить новой литургии без содействия своего самодержавного царя, считавшегося притом же Великим первосвященником (Pontifex Maximus) и августом, т. е. священной особой. Припомним, что даже кодексы законов, хотя и не были писаны царями, всегда носили их имена: кодекс Феодосия, кодекс Наполеона и т. д. Припомним названия календарей — Юлианский и Григорианский, — обозначающие не авторов, а тех, которые имели возможность установить их своею властью.

Рис. 57. Разнообразные апперцепции основателя христианских мистерий. Египетская Дева Мария (Изида) кормит грудью своего божественного сына. (Гнедич, I, 142.)

Такова же была и «литургия Великого царя, сына царева», хотя она во время своего возникновения и была, конечно, совсем не такой, какою служат ее европейские священники теперь, а несомненно сопровождалась вакханалиями, и настолько же отличалась от современной, как облик Юлиана от облика его двойника в монашеских «Житиях Святых».

Сопоставляя все относящиеся сюда предания и мифы, т. е. считая, что тот же самый знаменательный деятель IV века нашей эры скрывается под прозвищами: и Василия Великого, и Александра Великого и Рамзеса Великого (самое имя которого значит тоже Великий-Царь-Мессия: Рэ-Мессу-Миамун), и Юлиана, и пророка Илии, и Иисуса Навина, и Иисуса Христа, и под прозвищами множества других мифических деятелей и полубогов, вроде Вакха, Диониса, Аполлона, Геркулеса, Буды, Кришны, Гермия трижды Величайшего, и т. д., — мы получаем такое количество фантастических или полуфантастических сказаний, сквозь дымку которых можно действительно разглядеть контуры в высшей степени замечательной личности, создавшей новую эпоху в умственной и гражданской жизни пробудившегося человечества.

Много пройдет времени, прежде чем окончательно выяснится эта личность, о которой и теперь еще можно писать лишь сантиментальные да фантастические рассказы, но основные черты ее ясны. Это был сначала молодой принц-романтик, ходивший

в погоне за знанием на запад Европы, повидимому вплоть до Атлантического океана, посмотреть на место захождения солнца, может быть действительно в Св. Назарете (Saint Nazaire), но только в устьях Луары, а не в Палестине. Он ввел потом в употребление при богослужениях открытое тогда красное вино, может быть действительно во французском городе Каннах, давших начало евангельскому сказанию о Кане Галилейской (т. е. Галльской). Совершенно неожиданное и необъяснимое тогда опьяняющее действие этого напитка и было приписано вхождению в человека божеской сущности. Он наблюдал извержение Везувия, где, у самого жерла, лично беседовал с богом Громовержцем и был им усыновлен в глазах людей. Он, может быть, действительно исцелял больных людей не столько лекарствами, как невольным внушением своего всемогущества, и был, наконец, провозглашен Священной Особой — Августом. Он возвратился в Царь-Град и еще в молодом возрасте получил царскую власть, которую употребил на то, чтобы в деле искусства, создать впервые театральное богослужение со входами и выходами действующих священнослужителей, и с мистерией-попойкой, а в области науки установил астрономию и Юлианский календарь.

Рис. 58. Разнообразные апперцепции основателя христианских мистерий. Старо-персидский «Господь» (Кир, по-гречески). Барельеф, найденный в Мешед-Мургабе. Следы средневекового христианства в Иране.

Но он, повидимому, не долго сидел спокойно на троне. Страсть к путешествиям повлекла его и на Восток, в Азию, чтоб лично увидеть тамошние чудеса и «место выхода солнца из моря». И очень может быть, что ему удалось добраться и до Индии, оставив своим наместником Валента, который по летам был

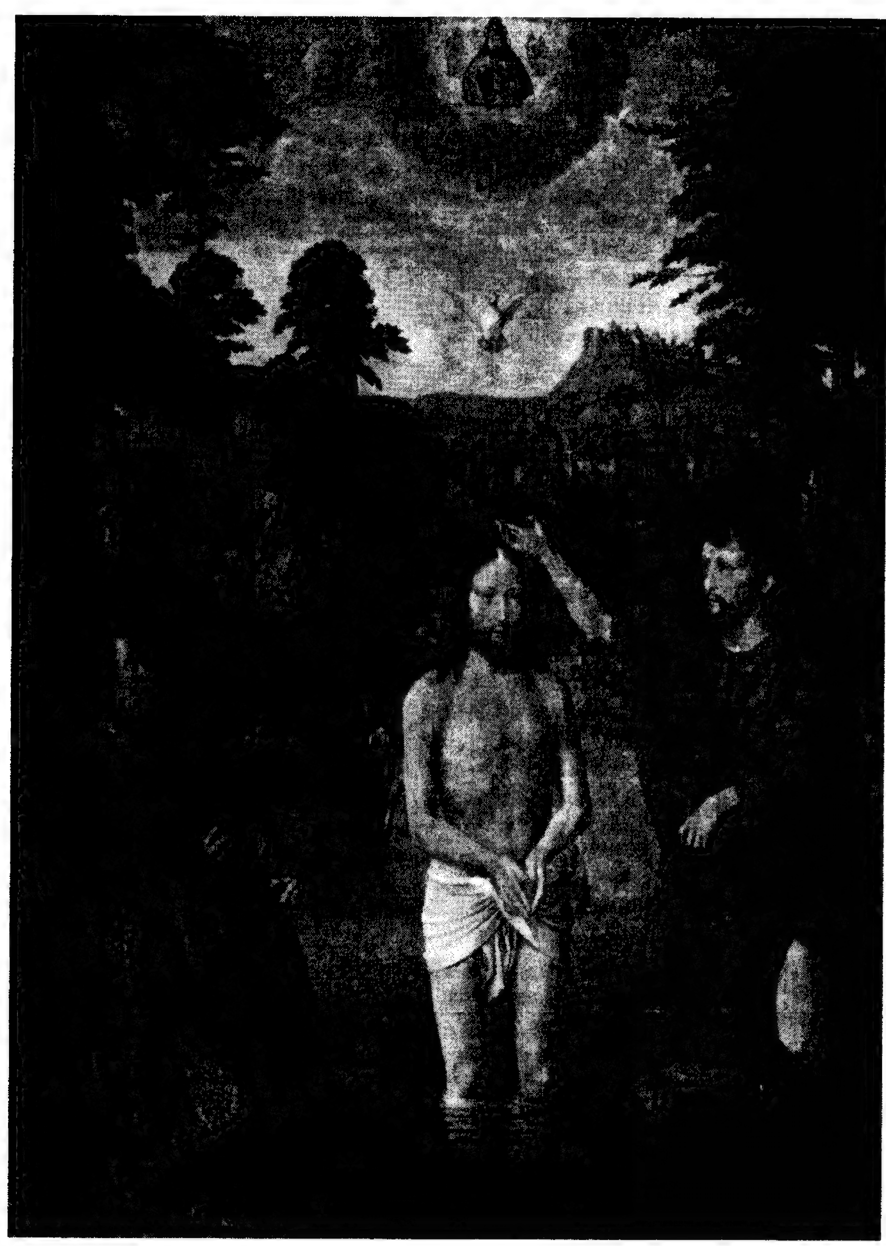

Рис. 5. Разнообразные апперцепции основателя христианского богослужения. Западно-европейская апперцепция XV века. С картины Герарда-Давида (1460 — 1523), в музее в Брюгге.

старше его лет на пять, но служил в его администрации, как подчиненный. И если мы допустим, что слух о смерти Юлиана в 363 году был ложно принесен его спутником по восточной экспедиции Иовианом, оставившим его там на произвол судьбы и возвратившимся назад с частью отказавшегося итти далее войска, то дело станет вполне понятно. Вступивший вслед за ним на престол Валент (с 364—378 г.) считал Юлиана умершим, а себя вполне законным императором. Но вот через 5 лет его царствования неожиданно воскресший из мертвых Юлиан возвращается из Индии, рассказывая чудеса о своих действительно поразительных приключениях, и может быть с двумя женами из тамошних принцесс — Роксаной и Статирой, — попавшими потом в евангельские блудницы.

Происходит нечто вроде входа Христа в Иерусалим, каким мог быть или действительно Эль-Кудс в Палестине (называемый христианами Иерусалимом), или Антиохия, или скорее всего сам Царь-Град, называемый и по-славянски Кесарией, т. е. тоже Царь-Градом, и напрасно сосланный в Палестину. Девушки усыпают ему путь цветами, взрослые подстилают свои одежды под ноги осла, на котором он едет в сопровождении немногих спутников, не оставивших его до конца... Настоящий вход Христа в Город Мира (Иерусалим, по-еврейски).

А каково же положение Валента, царствующего там самодержавно уже 5 лет и искренно считающего Юлиана умершим?

Уступить ему тотчас же власть? Но ведь против этого возопили бы все его сановники, все его жены и родственники, ужасаясь за свою карьеру, особенно же та часть войска, которая покинула Юлиана в экспедиции и теперь заняла уже командные должности. Не оставалось ничего другого, как арестовать его и предать суду по обвинению в самозванстве тотчас или вскоре после его торжественного входа в столицу.

Смертный приговор был, конечно, обеспечен заранее и, для успокоения взволнованного населения, его «столбуют», как говорится в греческом тексте, или «распинают на кресте», как говорится по-латыни, нарочно среди двух заведомых разбойников.

Но казнь или простое издевательство над привязанным за руки и за ноги к бревну, повидимому, не кончилась его смертью. Лунное затмение 21 марта 368 года, о котором я уже достаточно писал в I томе, спасло его и повергло в ужас врагов Юлиана.

— «Во истину это он сам, Юлиан, сын божий!» — раздались крики присутствовавших, среди которых, вероятно, был и юный Иоанн Золотые Уста, написавший потом Апокалипсис, и благодаря этому и возникла идея, что все земное имеет свой отклик в движениях и состояниях небесных светил и знаменуется ими. Так началась астрология.

Враги Юлиана убежали, а сторонники осторожно отвязали его от «позорного бревна» или сняли с креста (как сказано в латинском тексте), и унесли куда-то, где он очнулся, или, по тогдашним представлениям, «воскрес из мертвых». Понятно, что ближайшие

друзья сначала скрывали его от властей, опасаясь, что они, опомнившись от страха, убьют его. А другие ждали, что он появится немедленно в своем божественном всемогуществе и, поразив своих врагов, займет принадлежащий ему трон.

Но ни того, ни другого не произошло, и умер ли он затем, или, объявивши своим ближайшим друзьям, что «его царство не от этого мира», окончил жизнь где-нибудь инкогнито,—останется, вероятно, никогда не решенным.

Конечно, и то, что я здесь сказал, не основа для точной биографии, а только канва для биографического романа из жизни Юлиана. Но, ведь, биографический роман все же лучше чисто фантастической сказки или простого детского лепета, какой мы до сих пор имели о нем в наших «древних историях».

В биографии Юлиана есть много и других параллелизмов с евангельскими рассказами о Христе.

Возьмем хотя бы юность.

1) Царь-Герой (Ирод, по-гречески), — говорят евангелия, — узнав от астрологов-волхвов, что Христос должен быть царем вместо него, хочет его убить и он уезжает куда-то в «Миц-Рим». А в биографии Юлиана такой же Царь-Герой, Констанций II, заподозрив, что у малолетнего Клавдия Юлиана, племянника Константина Великого, есть много сторонников, тоже ищет повода его умертвить, но не находит вследствие того, что мальчик весь поглощен научными интересами и мечтает только о путешествиях в отдаленные страны. Благодаря чему Юлиан и спасается, уехав в Галлию-Галилею-Францию.

2) В евангельском рассказе у Христа есть что-то вроде двоюродного брата, на год постарше, называемого Голубем Крестителем (по-еврейски ИУН, а в греческом произношении Иоанн Креститель), от чего вероятно и произошло сказание, что во время крещения Иисуса носился над ним Голубь. А потом этот Голубь-Иоанн был казнен царем Героем (Иродом) за то, что обвинял его жену Героиню (Иродиаду) в развратной жизни. «Палач отсек ему голову и унес, зацепив пальцем за рот».

А в биографии Юлиана мы, взамен этого, находим уже родного его брата, по имени Петух (Галл вместо Голубя), тоже немного постарше Юлиана, и проведшего с ним юность в изгнании. И он был казнен посредством отсечения головы, через палача, за обвинение, хотя и не жены Царя-Героя, Героини, но сестры Стойкого царя — Стойкой (Константины по-гречески — сестры Констанция). И здесь мы можем видеть первоисточник евангельского сказания об усечении главы Иоанна Крестителя.

3) Христос в евангелиях рисуется врачом, да и Юлиан в его биографии тоже врач. Христос рисуется астрономом, учащим «не о земном, а о небесном», и Юлиан тоже астроном. Христос рисуется магом, и Юлиан посвящен в тайны магии.

4) Мы только-что видели, как путешествию Юлиана в Галлию соответствует путешествие Христа в Галилею, да и для путешествия Юлиана на восток в Месопотамию мы имеем параллельное

сообщение евангелий об удалении Иисуса в «За-Иорданскую» страну. Но такой за-иорданской страной может быть только Месопотамия, считая, что первое название дано уже после того, как Иорданом стал считаться современный палестинский Шериат-Эль-Кебире, как я говорил уже в первой книге «Христа». Да и самое перенесение казни Христа в Палестину с поражением его

Рис. 60. Образчик ассимиляции мифов. «Давид со стадом». Миниатюра из греческого Хлудовского псалтыря, хранящегося в Москве (Гнедич, I, 312). Здесь «Возлюбленный Царь» Библии уже ассимилировался с евангельским Христом, каким его изображали в римских катакомбах.

копьем в бок не соответствует ли преданию о смерти Юлиана от раны копьем в за-Палестинской Месопотамии?

Действительно, выходит совсем так, как будто миф о Христе имел своим первоисточником жизнь и деятельность царя-философа, любознательного путешественника Юлиана, прозванного средневековыми теологами (по иронии судьбы за их ненависть к свободной мысли) вместо основателя христианского богослужения — «отступником от истинной веры». И этот же Клавдий Юлиан отразился, как я уже говорил, в мифах и о Клавдии Птолемее, и о Великом Царе-Заступнике, и о персидском Кире Младшем, и о индусском Кришне, и о тибетском Буде, и о библей-

ском пророке Илии Громовержце, и о Великом Царе-Мессии (Рамзесе Великом), и даже может быть и о нашем богатыре — Илье Муромце, не говоря уже о бесчисленности других мифических героев и полубогов...

ГЛАВА VI

ЭПОХА МЕССИАНСКИХ ПРОРОЧЕСТВ. ИВЕРИЙСКАЯ (ЕВРЕЙСКАЯ) ДИНАСТИЯ.

На западе первому Мощному царю (Валентиниану I) наследовал, — говорят нам, — его сын, Милостивый царь (Грациан, 372—383 гг.) и одновременно, провозглашенный войском, сводный брат его, четырехлетний Мощный II (Валентиниан II, 375—392 гг.). А после смерти его Мощного же Соправителя (Валента, 378 г.) Милостивый царь Грациан назначил августом Богоданного царя (Феодосия), которому поручил управление восточной половиной империи.

Богоданный царь Феодосий, прозванный Великим (378—395 гг.), явился родоначальником **иверийской** династии, занимавшей престол по прямой линии до 450 года, т. е. до смерти Богоданного II (Феодосия Младшего). Фамилия его выдвинулась во второй половине IV века благодаря его отцу, также Богоданному, который был одним из иверийских полководцев на Западе во время I Мощного царя (Валентиниана I). Будучи назначен августом и получив от Милостивого царя (Грациана) в 379 году в управление восточную половину империи, Великий Богоданный, — говорят нам, — был в следующем году, во время тяжелой болезни, крещен в Фессалониках епископом Внешкольным (Асхолием).

А кто были иверы? Испанцы или евреи?

При предшественниках Великого Богоданного арианство играло руководящую роль в империи, и теперь религиозные споры страшно разгорелись, принимая иногда очень нелепые формы. Распространившийся Винный Дух (Spiritus Vini) очевидно производил свое действие, особенно в Константинополе. Догматические споры, выйдя за пределы тесного круга духовенства, захватили и тогдашнее общество. Бодрствующий богослов (Григорий), епископ Нисский, или кто-то от его имени, пишет:

«Все полно таких людей, которые рассуждают о непостижимых предметах, — улицы, рынки, площади, перекрестки. Спросишь, сколько нужно заплатить оболов, а (в ответ) философствуют о рожденном и нерожденном; хочешь узнать о цене хлеба, — отвечают: Отец больше Сына; справишься, готова ли баня, — говорят: Сын произошел из ничего».

Конечно, это — апокриф, и спорам тут придан позднейший характер. Но и апокрифы иногда бывают знаменательны.

---

[1] Ибарикос (ἰβηριχός) есть лишь другое произношение слова гебраикос (ἑβραϊχός) — еврей, переселенец (heber).

Объявив себя убежденным никейцем, и, повидимому, в николаитском смысле — с вакханалиями, Богоданный царь Феодосий открыл ожесточенную борьбу с арианами и «язычниками», причем наказания, налагаемые на них, постепенно усиливались. Он, — говорят нам апокрифисты, — первый из государей, регламентировал «кодекс христианских истин, обязательных для его подданных».

С него, повидимому, и начинается та государственная церковь, которую автор Апокалипсиса, написанного в год его смерти, в октябре 395 года, называет то «николаитскою», то «Великими Вратами божиими (Вавилоном, по-еврейски), матерью блудников и мерзостей земных».

При нем произошло в 381 году в Константинополе собрание представителей церкви, которое известно под названием второго Вселенского собора, но актов его нет. Этот собор вначале даже и не признавался, и только с 451 года — если не много позднее — получил официальную санкцию. Благодаря скудости известий о нем, некоторыми западными учеными было высказано уже сомнение относительно принадлежности ему христианского символа веры, сделавшегося в Эпоху Гуманизма официальным для всех христианских исповеданий, несмотря на разнообразие их догматики. Стали утверждать, что существующий теперь у православных и католиков символ веры не принадлежал трудам второго собора, который даже и не мог составить его, и что он является «апокрифом». И с этим нельзя не согласиться.

А что же говорят об этом соборе наши первоисточники? Мало интересного.

Избранный на константинопольскую епископскую кафедру Бодрствующий Богослов (Григорий, по-гречески), — говорят они, — игравший видную роль в начале правления Богоданного царя в столице, не был в состоянии справиться с многочисленными партиями, враждовавшими на соборе. Он убежал с первого же заседания, убежал даже из Царь-Града. На его место был избран некто «Напиток богов» (Нектарий), светский человек, не обладавший богословскими познаниями, но умевший ладить с императором. Он и сделался председателем, и летом 381 года собор окончил свои заседания.

Вот и все о нем, да и это лишь позднейшие сведения, апокрифические. Но даже из такого, собственно говоря, первого «христианского» собора, клерикалы захотели сделать не основателя, а лишь возобновителя никогда не существовавшего христианства первых трех веков нашей эры.

Последний закон Богоданного-Феодосия против язычников, — говорят нам они, — изданный в 392 году, окончательно запретил прежние жертвоприношения, возлияния, воскурение фимиама, развешивание венков и гадания в храмах. Он назвал все это языческим суеверием (superstitio gentilicia), объявил всех, преступивших данный им эдикт, виновными в оскорблении величества и государственной религии и грозил строгими карами. Один историк

называет закон Феодосия «похоронною песнею язычества». Но все это опять — лишь поздние догадки апокрифистов.

Точно так же мифичен и рассказ об удалении Богоданным царем Статуи Победы из здания римского сената, в чем видели гибель прошлого величия итальянского Рима, как будто такой мелочью можно что-нибудь погубить!

В 393 году, — говорят нам, — в последний раз были отпразднованы олимпийские игры, и знаменитая статуя Зевса, работы Фидия, была перевезена из Олимпии в Константинополь. Царь не терпел никакой церкви, кроме своей, государственной.

Но вот и противоречие этому утверждению: он не тронул, — говорят нам, — афинской языческой школы, и она продолжала существовать, «поддерживая знакомство слушателей с произведениями античной литературы».[1]

Впрочем, тронуть ее было и невозможно для самих же историков; ведь в таком случае нельзя было бы объяснить, как дошли до нас сведения об античной Греции.

Подумаем же лучше о готах.

Я не буду здесь приводить всевозможные предположения о том, кто такие были готы и кто был их родоначальник. Об этом я уже говорил достаточно в VI томе, в главах о Царе-Мессии. Прибавлю только, что их считают арианами германского происхождения, и вот выходит, что, к рассматриваемому нами времени, войска, на обязанности которых лежала защита империи, были германские арианские дружины. «Готское влияние, — говорят нам, — проникло и в высшее командование армией, и в администрацию, где наиболее ответственные и высокие посты поручались германцам».

Значит, — дополню я от себя, — и все рассказы об ожесточенной борьбе Богоданного царя с иноземцами, из которых главными были ариане, пошли на-смарку. А появление при нем на сцену готов как раз сближает хронологически преемников Юлиана с преемниками Великого Рамзеса египетских сказаний.

В 395 году Богоданный умер в Милане, откуда **набальзамированное тело его было перевезено**, — говорят нам, — как и тело Стойкого Царя Констанция II, в Царь-Град и погребено тоже в «Храме Апостолов».

И вот, уже второй царь набальзамировывается и перевозится в таком виде на родину в какой-то «Храм Святых Посланников». И я опять спрошу: не путаница ли тут? Точно ли оно было перевезено в Царь-Град, а не в Египет, на поле пирамид?

Во всяком случае, мы видим здесь второй случай того, как императорские тела в IV веке нашей эры в Ромее-Византии бальзамировались, т. е. превращались в мумии и перевозились для погребения на далекие расстояния от места смерти. А потому и мой вывод, что в Ромее IV века тела знатных умерших бальзамировались и перевозились в «Святую Землю» в Египте, не является противоречием историческим фактам.

---

[1] А. А. Васильев. Лекции по Истории Византии, т. I, стр. 85.

Библейский двойник Феодосия I, Богопоставленный царь (Иосафат, по-еврейски), мало отразился в основной исторической книге Библии «Цари», но о нем есть много в пополненном извлечении из нее, в книге «Слова Денные» (Паралипоменон).

«Он, — говорится там — ходил путями Давида и поступал по заповедям Бога (Парал., XVII, 3—4), и было у него «много богатства и славы». Его послы (по-гречески — апостолы) «обходили все города богославной земли, имея с собою книгу божьего закона и учили народ».

Чужие страны несли ему дары, и он построил город для запасов и крепость. Но вот, на него пошло «великое множество из-за моря», он испугался, объявил пост (Парал., XX, 3), воззвал ко господу, и разноплеменные враги его сами начали избивать друг друга. Сторонникам Иосафата осталось только собирать в их брошенных лагерях добычу (Пар., XX, 52).

Но «высоты» *(т. е. пирамидные храмы)* все еще не были уничтожены, и «за это корабли, построенные им для пути в Тартес, разбила буря».

Все это довольно хорошо соответствует только-что приведенной греческой характеристике Феодосия I.

У Тита Ливия ему соответствует Тарквиний I (Тарквиний Древний), который, устроивши в «Риме» (т. е. в Царь-Граде) цирк-церковь, построил площадь для народных собраний (forum) и подземные каналы для стока воды, а потом был убит заговорщиками.

У Евсевия ему соответствуют, собственно говоря, три Тита (т. е. в переводе: три почтенные царя):

1) Тит Флавий Веспасиан (Почтенный Рыжий Могильщик), называемый новейшими историками просто Веспасианом.[1] Он, — говорят нам, — покорил Иудею и осадил вместе с одноименным ему сыном тамошний Эль-Кудс, названный историками не принадлежавшим ему тогда именем Иерусалима, но уехал в Италию, предоставив взятие псевдо-Иерусалима сыну, после чего правил мирно и будто бы построил в итальянском Риме Колизей и Храм Мира.

2) Другой одноименный с ним Почтенный Рыжий Могильщик (Тит Флавий Веспасиан), считаемый за его сына и сначала за соправителя, а потом за наследника, называется позднейшими латинистами, в отличие от предшествовавшего, просто Титом. Он, — говорят нам, — окончил оставленную Первым Рыжим Могильщиком осаду Эль-Кудса, именуемую осадой Иерусалима, уничтожил этот неуместный по тому времени в Палестине город

---

[1] Корень этого имени: vespa — муха-гробокопатель (и оса), но оно получило символическое значение могильщика вообще. Так, Pompeus Festus говорит: Vespae et vespillones dicuntur, qui funerandi corporibus officium ferunt, non a minutis illis volucribus sed quia vespertino tempore eos efferunt, qui funebri pompa, duci propter inopiam non possunt (веспами и веспиллонами зовут тех, которые несут службу телам при погребении и т. д.)

и, возвратившись в Италию, построил в Риме термы, развалины которых показывают и теперь. Он, как и первый, правил мирно и его даже назвали «любовью и радостью человеческого рода».

3) Одноименный с ними третий Почтенный Рыжий (Тит Флавий), в отличие от своих отца и брата, называется позднейшими апокрифистами просто Укротителем (Домицианом), как будто по имени жены своей Домиции, т. е. Укротительницы, которая и умертвила его. Сначала, — говорят нам, — он был добр, как и его два одноименца, но потом воздвиг гонение на христиан, и при нем был сослан на остров Патмос Иоанн, автор Апокалипсиса. Так выходит и по астрономически вычисленному нами времени Апокалипсиса (30 сентября 395 года).

Отсюда действительно видно, что все три Тита-Веспасиана являются утроившимся императором Феодосием-Богоданным, и дело происходило вовсе не в итальянском Риме, а в Царь-Граде. Да и разрушенный «Иеру-Салим» — город Святого Примирения — был тут не иначе, как Геркуланум или Помпея.

В соответствии с этим находится и указываемое историками время смерти автора Апокалипсиса при Траяне, налегающем по нашей хронологии на Аркадия — преемника Богоданного царя Феодосия. Астрономия вполне подтверждает нашу хронологическую поправку, которую можно было бы сделать и без нее — по логическим соображениям.

Богоданный царь, как я уже сказал, умер в 395 году. Из сыновей его Аркадец (Аркадий) получил в управление восточную часть империи, а Почтенный (Гонорий) — западную.

И в это самое время появился Апокалипсис, который я считаю важнейшим первоисточником для установления точных представлений о религиозной жизни и об уровне научных знаний его времени и кроме того **поворотным пунктом ромейской теологической литературы, впервые перешедшей к греческому языку от прежнего библейского.**

Когда в 1907 году, через год после моего выхода из крепости, мне удалось с трудом найти издателя для напечатания моего шлиссельбургского произведения «Откровение в Грозе и Буре», моя книга наделала много шуму сначала у нас, а потом в 1912 году и в Германии, когда она вышла на немецком языке под названием: «Die Offenbarung Ioannis. Eine astronomisch-historische Untersuchung». Mit Geleitwort von Prof. D-r Artur Drews.

Многие пытались опровергнуть мое астрономическое вычисление (приведенное и здесь, и в I томе «Христа»), доказывающее, что звездное небо во весь христианский период было в том виде, как оно описано там, только 30 сентября 395 года нашей эры, во время расцвета деятельности Иоанна Златоуста, а потому и Апокалипсис принадлежит ему. В окончательном результате все приходили к заключению, что у меня вычислено верно.

Известный германский специалист по Апокалипсису Франц Болль, чтоб устранить мои выводы, пытался даже уверить читателя, что четыре коня Апокалипсиса — Красный, Белый, Бледный и Вороной — не четыре планеты: Марс, Юпитер, Сатурн и Меркурий, а четыре разноцветные ветра: Красный ветер, Белый ветер, Бледный ветер и Вороной ветер, но и тут ничего не вышло: он не досмотрел, что в следующей же главе Апокалипсиса говорится, в дополнение к четырем коням, особо и о четырех ветрах, но уже, как и следовало ожидать, **бесцветных.**

Все приведенные до сих пор возражения о неправильности моих переводов астрономических выражений Апокалипсиса были годны только для тех, кто не знает астрологических терминов греческого средневекового языка. Такими именно были и переводчики Апокалипсиса на все новейшие языки, вследствие чего эта замечательная книга и считалась многими бредом сумасшедшего. Для того чтобы правильно судить о ней, ее надо читать не в церковных переводах, а в моем, единственно осмысленном и помещенном целиком в только-что упомянутой моей книге. Против верности его не было сделано филологами еще ни одного замечания.

Пытались подойти к опровержению моих выводов и другим путем, надеясь, что мое решение не единственное и что такое же расположение планет и звезд бывало и в другое время, но и тут ничего не нашли. Какой-то чудак прислал мне письмо, что нечто подобное он, будто бы, нашел лет за семьсот до начала нашей эры. Но относить книгу, которая от начала до конца дышит христианским мировоззрением, за 700 лет до того времени, когда появились первые сказания о христианстве, было настолько наивно, что автор, повидимому, и до сих пор не смог еще поместить своей статейки ни в одном из научных журналов.

Совсем другое течение появилось теперь у тех, кто прочел все вышедшие томы моего «Христа». Появилась даже идея о том, что и 395 год нашей эры слишком ранний для такой книги и что «ее скорее хочется отнести к эпохе крестовых походов, тем более, что и сам я указываю, как на второе, хотя и худшее решение, на воскресенье 12 сентября 1249 года нашей эры. Но в этом году Меркурий был в Деве вместо указанных для него Весов и направо от Солнца вместо того, чтобы быть налево».[1] Таким образом и это решение отпадает, а других, как видно по употребляемому мною методу просеиванья планет друг через друга, быть не может за весь исторический период времени.

Я не буду повторять здесь астрономическую часть своего исследования Апокалипсиса, так как желающий ее прочесть найдет ее всю во введении к I тому «Христа». Перейду прямо к исторической части.

Автор этой книги, написанной вскоре после смерти Богоданного-Феодосия, очевидно не принадлежит к его государственной церкви. Он адресует свое послание только к семи единоверческим с ним общинам, находящимся в Малой Азии: в Ефесе,

[1] «Христос». Кн. I, стр. 53, второе издание.

Смирне, Пергаме, Тиатирах, Сардах, Филадельфии и Лаодикии, и мечет громы на византийских царей.

Апокалипсис — это одно из интереснейших произведений кануна средних веков, но для того, чтобы осмысленно читать его, необходимо войти в душу человека того времени, одухотворявшего весь окружающий его мир, приписывавшего каждой птице, рыбе, зверю и даже дереву такую же душу и такое же сознание, как у него самого, и знание даже много превосходящее человеческое. Апокалипсис не только исторический, но и этно-психологический документ.

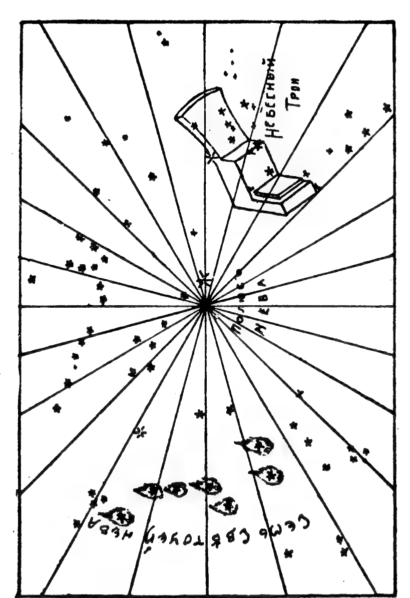

Рис. 61. Созвездие Божий Трон (теперь Кассиопея) и созвездие Семи Светочей (душ).

Все мы знаем, как в древности гадали по картам, по внутренностям животных, по полету птиц и по изменяющимся фигурам и движениям облаков, да и теперь деревенские девушки гадают еще по фигурам теней на стене от сожженного листа бумаги. Наука и гаданье были тогда одно и то же. Только с этой точки зрения Апокалипсис и понятен, а со всякой другой он похож на бред умалишенного.

Заглянем же немного и в душу человека того времени Ромейской истории, которое мы очерчиваем теперь.

Даю несколько выписок, наглядно нам показывающих, в каком виде ожидал тогда Христа автор наделавшего столько шума и посеявшего столько страхов Апокалипсиса и какою представлялась в его глазах тогдашняя арианская религия — религия Арона.

Вот как начинает он свою книгу, стоя на берегу острова Патмоса и считая в порыве своего вдохновения все, что видит кругом, за вещее указание свыше.

Из главы I.

«Иоанн — семи малоазиатским собраниям.

Благосклонность вам и мир от того, кто был, есть и будет и от Семи Душ (т. е. *семи звезд, сияющих в созвездии Большой Медведицы, рис. 61*) напротив его небесного Трона и от верного провозвестника истины — Помазанника Спасителя (по-гречески — Иисуса Христа). Перворожденный из мертвых и властелин земных царей, он принял нас к своему сердцу, обмыл своей кровью

от наших преступлений и сделал нас самих царями и священнослужителями перед богом, своим отцом. Да будет ему слава и власть в веках веков!.. Да будет!

Вот идет он в облаках *(бури)* и увидит его всякий глаз, и те, которые пронзили его, и зарыдают над ним все племена земные!

Я, Иоанн, ваш брат и участник в печали и торжестве, и в терпеливом ожидании его прихода, был на острове Патмосе для божественной науки и проповеди о Помазаннике Спасителе.

В воскресенье я находился в состоянии вдохновения и слышал *(в шуме волн)* позади себя могучий голос, звучавший как труба:

— Я первая и последняя буква алфавита, начало и конец, — *говорило море.* — То, что видишь, напиши на папирусе и пошли собраниям верных в Малой Азии: в Ефес, Смирну, Пергам, Тиатиры, Сардис, Филадельфию и Лаодикию.

Рис. 62. Кассиопея (по-еврейски — КШаПЕ-ИЕ), т. е. Чародейка Божия, взобравшаяся царицею на небесный божий трон (из старинной астрономии).

Я оглянулся на этот голос и вот увидел *(в очертаниях облаков, между которыми проглядывало солнце)* семь золотых светоносных чаш, а посреди них *(облачное)* подобие человеческого существа, одетого в длинную белую одежду первосвященника и опоясанного под грудью золотым поясом. Его голова *(солнце)* и волосы *(т. е. края облака над солнцем)* были ярки как белый пух, как снег. Его глаза — как огненное пламя. Его ноги *(столбы лучей, пробивавшихся на землю сквозь тучи)* были подобны бронзе, раскаленной в печи, голос его был шум множества волн. На правой стороне он держал в своей руке семь звезд *(длинная полоса от облачной фигуры, полузакрывавшей солнце, тянулась к тому месту неба, где по расчету наблюдателя скрывались тогда звезды Большой Медведицы)*, изо рта его выходил меч, заостренный с обоих концов, а лицо его было — солнце, сияющее во всей своей силе.

Увидев его, я упал, как мертвый, к его ногам, но он протянул надо мною свою правую *(облачную)* руку и сказал *(этим)*:

— Не бойся! Я первый и последний. Я жив, но был мертв,

и вот буду жить в веках веков. Мне принадлежат ключи, запирающие смерть и подземное царство. Опиши все, что ты только-что видел, все, что видишь теперь и что случится после этого. Сокровенный смысл семи звезд в моей правой руке и семи золотых светоносных сосудов *(в тучах)* таков: семь звезд — это оглашатели семи *(Малоазиатских, Мессианских)* общин, а семь сосудов — это сами общины».

Затем в Апокалипсисе идет в трех главах поэтическое описание звездного неба и положения планет среди созвездий, уже приведенное мною в прологе к первому тому «Христа». Такое положение было только 30 сентября 395 года, да еще, с небольшой неточностью для невидимого тогда Меркурия, в воскресенье 12 сентября 1249 года нашей эры. Затем идет художественное описание грозы, где каждая туча представлена в виде небесного гонца, летящего с трубою, и поэтически обрисована картина взволнованного моря. Как образчик этих описаний, я приведу здесь рассказ о шестом трубном гонце.[1]

Из главы IX.

«Шестой гонец *(бури)* протрубил, и я услышал голос *(грома)*, исходящий из четырех рогов стоящего перед богом золотого Жертвенника *(т. е. со стороны созвездия Жертвенника, место которого за голубой лазурью неба определялось по расчету)*. И он сказал шестому гонцу:

— Освободи четырех гонцов-посланников *(четырех ветров)*, удерживаемых на востоке над великой рекой Евфратом.

«И освободились четыре гонца, снаряженные на тот час, день, месяц и год для того, чтоб истребить третью часть людей.

«Число их конного войска *(в символе морских валов)* было двести миллионов. Я слышал это число и видел созерцательно *(в волнах, засверкавших от лучей проглянувшего между туч солнца)* всадников и коней, имеющих на себе *(световые)* брони огненные, лиловые и желтые, как сера. Головы этих коней походили на головы львов, а из пастей их выходили огонь *(отраженных солнечных лучей)*, дым *(брызг)* и сера *(желтой мути)*, и от них *(казалось мне)*, погибла третья часть людей, потому что сила этих коней заключалась в их пастях и хвостах. Хвосты же их извивались подобно змеям, а головами своими они наносили удары.

Оставшиеся же *(и символизируемые в качающихся от ветра травах)* люди, не умершие от этих бедствий, не раскаялись в

---

[1] Весь Апокалипсис целиком был переведен мною с греческого подлинника еще во время заточения в Шлиссельбургской крепости и напечатан с коментариями по-русски в 1907 году, а по-немецки в 1912 году, под названием: «Die Offenbahrung Ioannis. Eine astronomisch-historische Untersuchung». Mit Geleitwort von Prof. D-r. Arthur Drews Stutthart, 1912. Там читатель может найти все подробности вместе с рисунками типических форм грозовых облаков, подтверждающими описание.

делах рук своих и не перестали преклоняться перед духами умерших, перед золотыми, медными, серебряными, каменными и деревянными изображениями, не могущими ни видеть, ни слышать, ни ходить. И не раскаялись ни в своих убийствах, ни в своих шарлатанствах, ни в безнравственности, ни в обманах своих.

* * *

А вот и еще об одном гонце.

Из главы XVII.

«И снова выступил *(на небе)*, один из семи *(облачных)* вестников, имевших ранее семь чаш. И стал внушать мне:

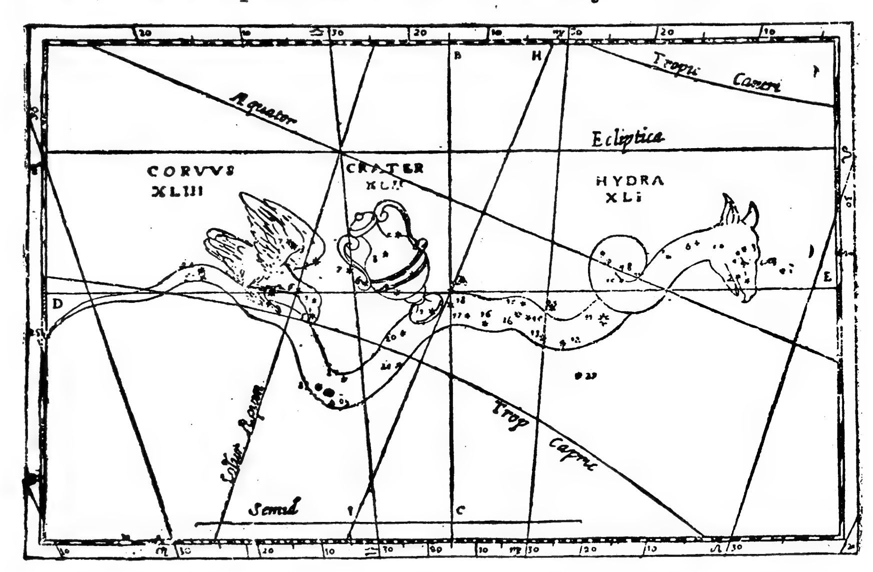

Рис. 63. Созвездие Гидры с причастной Чашей на спине и с Вороном, клюющим ее в хвост. (Из латинской рукописи Гринбергера, хранящейся в библиотеке Пулковской обсерватории.)

— Пойдем, я покажу тебе приговор над великой самопродажницей *(государственной ромейской церковью)*, сидящей на множестве волн *(народов)*. Ее покупали цари земные, и напоены обитатели земли вином ее безнравственности.

И увел он меня в восторженном состоянии в пустынное место. И увидел я оттуда *(в силуэтах облаков на огненном фоне вечерней зари)* женщину, сидящую на багряном семиголовом звере с десятью рогами, наполненном символами богохульства *(созвездием Самка Гидры, которое заходило тогда на западе под облаками, принявшими форму женщины с чашею в руках)*. И была та женщина одета в порфиру и багряницу *(вечерней зари)* и украшена золотом и жемчугом и драгоценными камнями. В руке ее

была Золотая Чаша *(из облаков на Самке Гидры, рис 63)*, наполненная мерзостями и нечистотами ее безнравственности. А на лбу ее надпись:

Таинство!

Великая твердыня «Врата Господни»,

мать блудников и мерзостей земли!

«И я видел, что женщина эта была обагрена кровью пищущих правды и провозвестников царя-спасителя и, рассматривая ее, я дивился великим удивлением. Но вестник *(неба)* сказал мне:

Рис. 64. Обычный вид падающих метеоритов.

— «Чему ты удивляешься? Я объясню тебе таинство этой женщины и носящего ее семиголового зверя с десятью рогами. Зверь, которого ты видел, был, и нет его теперь *(империя уже разделилась между Аркадием и Гонорием)*, и должен будет снова выйти из бездны, чтобы пойти на свою погибель. И будут удивляться живущие на земле, имена которых не записаны в предвечном списке жизни, глядя на зверя, который был ранее и не существует теперь, но явится. Здесь мудрый смысл: семь голов — это семь холмов, на которых сидит женщина *(Византийская церковь)*, и в то же время это семь *(византийских)* царей».

«Пять из них уже царствовали *Констанций*, *(Константин,*

Констанций II, Валент и Феодосий), шестой *(Аркадий)* есть, а седьмой *(Иовиан, провозглашенный в 363 году во время похода, но умерший, не дойдя до Византии)* еще не пришел, а когда придет, то недолго ему быть. Зверь же, который был ранен *(в туче)* и не существует теперь, есть восьмой властелин *(сама империя)*, он *(есть дело)* этих семи и пойдет в погибель. А десять рогов, что ты видел, это десять царей, которые еще не получили царств, но получат с помощью зверя *(империи)* на один час.

«Все они будут иметь тот же самый образ мыслей и отдадут силу и власть свои в распоряжение зверя. Они будут воевать с Овном *(т. е. созвездием Овна, символом Христа, восходившим в то время и на которого мчались звероподобные тучи)*, но Овен победит их, потому что он властелин властелинов и царь царей, с ним будут все желанные, и избранные, и верные.

«И сказал он мне еще:

— «Волны *(Средиземного моря)*, которые ты видишь там, где сидит продажная женщина, представляют собою народные скопища и толпы, племена и наречия. А сама женщина изображает собою Великую Твердыню *(государственную церковь)*, царствующую над земными царями. Десять же рогов, которые ты видел *(в тучах)* на звере, возненавидят ее и разорят, и отнимут ее одежды, и пожрут, и сожгут ее в огне. Потому что бог вложил в их сердца исполнить его волю, только одну эту волю, и затем отдать их царства зверю, пока не исполнятся слова бога».

Из главы XVIII.

«И увидел я после этого *(в наступившей ночной темноте)* нового вестника *(яркий ночной метеор)*. Он сходил с неба с великим блеском. Земля осветилась от его славы (рис. 64). И воскликнул он, в своем могуществе, громким голосом:

— «Пала, пала великая твердыня «Врата Господни»! Сделалась жилищем языческих богов, пристанищем всякой нечистой души, всякой грязной и отвратительной птицы! Все народы отведали возмутительного вина ее безнравственности. С ней развратничали цари земные, и торговцы Земли обогатились от ее необыкновенной роскоши!

«И услышал я другой голос с неба, говоривший:

— «Выйди из нее, мой народ, чтобы не участвовать тебе в ее преступлениях и не принять ее наказанья, потому что дошли до неба ее преступления, и вспомнил бог ее обиды. Поступите с ней так, как она поступала с вами! Отплатите ей вдвое за ее выдумку: в чаше, в которой она разбавляла вам (причастное) вино, разбавьте ей самой вдвое *(той же самой мерзостью и нечистотой!)*. Сколько она гордилась и роскошествовала, столько же воздайте ей унижений и обид, потому что она говорит в своем сердце: сижу царицей *(нахожусь в союзе с царями!)* Я не вдова и не увижу печали!

«За то в один и тот же день придут на нее и напасти, и гибель, и унижение, и бедность, и будет она сожжена огнем, потому что силен бог, ее судья! И заплачут, и зарыдают о ней все цари земные, покупавшие ее и роскошествовавшие с нею, видя дым от ее пожара. Стоя вдали, от страха подвергнуться ее мучениям, они будут восклицать:

— «Горе, горе тебе, великая твердыня «Врата Господни», сильная крепость! В один час решилась твоя судьба!

«И купцы земные заплачут и зарыдают о ней, потому что корабельные грузы их, пришедшие для нее, останутся непроданными: грузы золота, и серебра, и драгоценных камней, и бисера, и тонких полотен, и шелка, и багряницы, и кипарисового дерева, и изделий из слоновой кости, и всяких произведений из дорогого дерева, железа, меди и мрамора. И не купит у них никто — корицы и каждений, и мирры, и ладана, и вина, и елея, и пшеницы, и жита, и крупного скота, и овец, и лошадей, и колесниц, и человеческих тел и душ.

«И плодов земных, приятных для души твоей, не стало у тебя, и все пышное и блестящее ушло от тебя, и ты уже не найдешь его более!

«И станут в отдалении все, продававшие эти товары и обогатившиеся от тебя, из страха подвергнуться твоим бедствиям, плача и рыдая, и говоря:

— Горе, горе тебе, Великая Твердыня, одетая в тонкое полотно, порфиру, и багряницу, и украшенная золотом, жемчугом и драгоценными камнями! В один час пропало такое богатство!

«И все кормчие, и корабельщики, и мореходы, и все множество плачущих о ней встали вдали от нее и зарыдали, видя дым от ее пожара, и говоря:

— «Было ли что-нибудь подобное этой Великой Твердыне?

«И посыпали они золой свои головы и восклицали, плача и рыдая:

— «Горе, горе тебе, Великая Твердыня, от роскоши которой обогатились все, владеющие судами на море! Опустела в один час. Радуйся об этом небо и все непорочные посланники и провозвестники: совершил бог свой суд над нею!»

Затем, описывая символически события, имевшие место после наступления ночи, автор продолжает:

«И один из сильных *(не видимых во мраке ночи)* вестников природы взял *(на берегу)* большой, как жернов, камень и бросил его в море *(послышался во тьме всплеск от его падения)* и сказал этим:

— «С такой же стремительностью будет низвергнута Великая Твердыня «Врата Господни» и более не будет ее!

«И не будет в тебе слышно ни звуков играющих арфистов, ни голоса поющих, ни трубных звуков, ни музыки играющих на свирелях и других инструментах! И не будет в тебе более никакого художника и художества, и не будет более слышно в тебе шума жерновов. Свет светильника не заблестит в тебе, и голос жениха и невесты не раздастся в тебе, потому что зем-

ные вельможи входили с тобою в сделки, и смесью твоею *(в золотой чаше)* введены в заблуждение все народы. И найдена в тебе кровь всех провозвестников истины и непорочных и всех замученных за правду на земле».

Из главы XIX.

«И мне слышался *(в мерцании звезд)* на небе как бы гимн многочисленного народа, говорившего:

— Хвала создавшему мир! Счастливое возвращение! Слава, почет и могущество властелину — нашему богу! Истинны и справедливы его приговоры! Осудил он великую самопродажницу, опозорившую землю, и взыскал с нее за кровь своих верных, обагрившую ее руки!

«И вторично все воскликнули: хвала создавшему мир!

«И дым от ее мучений восходил *(в виде морского тумана)* в вечность. А Четыре Животные *(созвездия четырех времен года)* и Двадцать Четыре Старца *(часа)* преклонялись перед Троном на небе, говоря этим:

— «Да будет так! Хвала Создавшему мир!

«И раздался голос *(ветра)* от созвездия Трона:

— «Хвалите бога все его слуги и все почитающие его малые и великие!

«И мне слышался *(в звуках морского прибоя)*, как бы гимн многочисленного народа, звучавший как шум множества волн, как голос могучих громов:

— «Хвала создавшему мир! Сам бог всемогущий стал царем над нами! Будем же радоваться и веселиться и прославлять его! Вот, наступила полночь, брачный час Овна *(время его сентябрьских прохождений через меридиан)*, и жена его *(Земля)* приготовила себя, и окутывается она в чистый и тонкий покров *(ночного тумана)*.

«Этот покров есть символ непорочности чистых душою».

Из главы XXI.

«И увидел я *(в мерцании рассвета)* новое небо и новую землю, потому что прежнее *(вчерашнее)* небо и прежняя *(вчерашняя)* земля уже ушли в прошлое, и моря передо мною *(удалившимся в глубину острова)* уже более нет. И увидел я, Иоанн, Святую Твердыню — Новое Царство Мира *(новую голубую завесу неба)*, спускающуюся с высоты от бога, как невеста, украшенная для своего жениха.

«И мне слышался могучий голос с неба, говоривший:

— «Вот шатер бога и людей. В нем он поселится с нами, они будут его народом, и сам, живущий с ними бог, будет их божеством. И отрет он всякую слезу с их глаз, и смерти уже не будет. И не будет более ни горя, ни рыданий, ни болезней, потому что прежнее миновало.

«И сказал мне сидящий на Троне:

— «Вот, видишь, обновляю все … Запиши эти слова: они истинны и верны. Все проходит! Я первая и последняя буква алфавита: начало и конец. Я напою жаждущего из источника живой воды. Победитель получит все в наследство. Я буду ему богом, а он мне сыном. Участь же трусливых и изменников, опустившихся нравственно и убивающих ближнего, шарлатанов и составителей *(опьяняющей)* смеси *(в золотой чаше)*, поклонников изображений и всех обманщиков — морская лагуна, пылающая огнем и серой *(край моря, обагренный пламенем вечерней зари)*. Это — их вторая смерть!».

Я не продолжаю далее, так как весь Апокалипсис уже переведен мною в полном виде в моей книге «Откровение в Грозе и Буре», и кроме того там каждая из этих фраз иллюстрирована наглядно рисунками грозовых облаков с натуры. Поэтому не остается никакого сомнения, что автор ничего не сочинил тут от себя, а только своеобразно истолковал и описал причудливые формы туч грозы, проходившие перед ним от начала ее и до конца. Вся эта натур-символическая книга написана так художественно, что (как я уже говорил выше) у многих теперь явилась мысль, не правильнее ли выбрать для нее мое второе астрономическое решение ее времени, т. е. 12 сентября 1249 года, вместо принятого мною 30 сентября 395 года?

Но все же целый ряд сопоставлений заставляет меня и до сих пор предпочитать первое решение, связывающее Апокалипсис с библейскими пророчествами.

Особенно же говорит за более раннюю дату то, что автор обращается лишь к семи Малоазиатским общинам, а не ко всему христианскому миру XIII века. Вот, его собственные слова:

Из главы II.

«Оглашателю собрания в Ефесе напиши: так говорит держащий семь светочей в своей правой руке и ходящий кругом *(неба)* среди семи золотых светильников *(т. е. уже описанный в I главе гневный лик солнца, выглянувшего в щель между двумя слоями грозовой тучи, — символ разгневанного Иисуса)*: — Знаю твои дела, и труды, и терпение, и что ты не способен сносить дурных. Ты испытал хвастающихся, будто они посланники Спасителя, но на самом деле не таковы, и нашел, что они лжецы. Ты осмотрителен и обладаешь терпением, боролся за меня и не изнемогал. Но имею против тебя то, что ты оставил свою первую любовь *(здесь игра слов: агапа, по-гречески, значит одновременно и любовь, и вечерние собрания христиан первых веков)*. Вспомни же, от чего ты отпал, сознайся в ошибке и воспроизводи первоначальные дела. А если не так, то я скоро приду к тебе и сдвину твой светильник с его места. Есть у тебя заслуга в том, что ты ненавидишь николаитов *(вероятно, сторонников Николая Чудотворца, на которого нападал Арий на Никейском соборе. В таком случае николаитство было пред-арианским культом в Ромее, включая в нее и Египет)*, которых ненавижу и я. Побеждающий будет вкушать от дерева жизни, находящегося посреди божьего парка *(на небе)*.

Оглашателю собрания в Фиатирах напиши: Так говорит дитя бога, у которого глаза как огненное пламя, а ноги подобны бронзе *(та же грозная фигура в облаках)*: — Знаю дела твои, и любовь, и услуги, и верность, и терпение, и что последние дела твои больше первых. Но имею немного против тебя за то, что ты позволяешь своей хозяйке [1] Иезабели *(имя, часто дававшееся Иоанном враждовавшей с ним фракции ромейского духовенства)*, называющей себя провозвестницею, учить и улавливать моих слуг и проституироваться *(со светскою властью)* и вкушать посвященное изображениям *(отсюда видно, что и здесь дело идет о тех же николаитах, с которыми Фиатирская община, вероятно, жила в союзе и добром согласии)*. Я дал ей время покаяться в своей продажности, но она не покаялась. Вот, я повергну ее на носилки, а проституировавшихся с нею — в великую скорбь, если не раскаются в своих поступках. И детей ее я поражу смертью, и узнают все люди, что я — испытывающий сердца и внутренности, и что воздам каждому из вас по вашим делам. Всем же остальным в Фиатирах, которые не держатся ее учения и не знают, так называемых, сатанинских секретов, [2] я говорю, что не наложу на вас другого бремени. Только до конца держите то, что имеете, пока я приду. Победителю *(символизируемому созвездием Змиедержца и Геркулеса)* и соблюдающему мои дела, дам власть над змиями,[3] и будет он пасти их железной дубиной и разобьет их вдребезги, как глиняную посуду, как и я *(Христос, символизируемый Змееносцем)* принял *(пасти змия)* от отца моего (рис. 65). Я дам Победителю Утреннюю звезду *(Венеру, находившуюся в Змиедержце под Геркулесом)*. Имеющий ухо слышать, да слышит то, что вдохновение говорит собраниям.

Оглашателю собрания в Филадельфии напиши: Так говорит непорочный и истинный, имеющий ключ Возлюбленного, который отпирает так, что никто уже не затворит, и запирает так, что никто уже не отворит. Знаю твои дела. Вот, я отворил перед тобою дверь, и никто не может затворить ее. У тебя немного силы, но ты сохранил мое учение и не отрекся от моего имени. Вот, я сделаю лжецами всех из сообщества Сатаны, которые говорят, что они богославцы, но не таковы на деле. Вот, я заставлю их придти и преклониться перед твоими ногами, и узнают, что я тебя люблю. За то, что ты сохранил завет мой о терпении,

[1] τήν γυναῖκα σοῦ Ἰεσαζήλ — твоей хозяйке Иезабели. Слово γυνή значит не только женщина, но в переносном смысле — хозяйка. Иезабель была легендарная жена легендарного царя Ахава, устроившая большое идолопоклонство и рассердившая этим пророка Илию (III кн. Царств, гл. XVI — XXII). Этим снова доказывается тождество Илии с Юлианом и со Златоустом.

[2] τὸ βαθή τοῦ σατανᾶ.

[3] Здесь вместо ὄφιοι — змеи, переписчик поставил ἔθνοι — народы.

я сохраню тебя от часа искушения, который должен сойти на всю вселенную, чтоб исправить живущих на земле. Вот приду скоро. Сохрани, что имеешь, чтобы никто не похитил твоего венка. Победителя сделаю колонной в храме моего бога и окружу степою, чтоб он не вышел опять, и напишу на нем имя моего бога и имя моего сооружения, Нового Царства мира, сходящего

Рис. 65. Созвездие Геркулеса избивающего змей. (Из астрогогии.)

с небес от бога, и мое новое имя. У кого есть ухо, да слышит то, что вдохновение говорит собраниям!»

Я не привожу других пяти писем: они — в том же роде. Я только отмечу, что все они адресованы исключительно в городки Малой Азии, близкие друг к другу, которые Иоанн считал единственно правоверными. Но не представляют ли эти письма позднейших вставок? Едва ли. Апокрифист предпочел бы писать как псевдо-апостол Павел «к Римлянам, Коринянам и т. д.». Сама односторонность адресовки Апокалипсиса показывает, что христианство тогда лишь зарождалось.

Таково было общее состояние оппозиционной христианской мысли вслед за неожиданной для верующих смертью «Великого Царя (не иначе как Юліана)».

У одних было полное убеждение, что он совсем не умер, а скрывается где-то до поры до времени от своих врагов, иноверческих царей, чтоб лучше нанести им удар, и всякий возражающий считался у них злостным клеветником.

Другие же, видевшие собственными глазами его погребение, были убеждены, что он сам счел необходимым умереть, чтобы сойти под землю в царство Плутона и выручить находящихся там умерших, а потом возвратиться с ними *(и очень скоро!)* царствовать на земле, тоже разгромив всех своих врагов и прежде всего царей.

Третьи были «николаиты», имя которых происходит едва ли от кого-нибудь другого, как от Николая Чудотворца. Эти не признавали нововведений «Великого Царя» и допускали шарлатанства магического характера. Они-то и могли быть так называемыми ник-ейцами (т.е. победниками или нико-лаитами (народо-победниками). А господствовавшею государственною церковью были ариане, т. е. сторонники закона Арона-Ария, которых евангелисты впоследствии назвали фарисеями. Они, вероятно, отличались от других мессианских сект обрядом обрезания, считаемым за гарантию от заболевания венерическими болезнями на храмовых любовных ночах — агапах.

Сторонники автора Апокалипсиса были может быть единственными (и не многочисленными) оппозиционерами широкому восприятию в храмах Винного Духа, как святого «источника бессмертия», что, конечно, было и неизбежно десятка через два лет, когда убедились, что принимающие его умирают так же часто, как и не принимающие.

Притом же и насаждение виноградников, которое в первое время могло быть только чисто храмовым учреждением и доставляло вина лишь на две-три попойки-агапы в году, должно было чрезвычайно быстро распространиться и среди частных землевладельцев, как только обнаружилось, что и без участия священников любой может приготовить «напиток святого духа». И тогда неизбежно должна была появиться и оппозиция его применению в храмах как какого-то исключительного чуда, особенно если там к вину подмешивался опий, или морфий, или другие одурманивающие примеси.

Но мы не должны думать, что даже такая грозная и художественная книга, как Апокалипсис, распространилась с молниеносной скоростью среди тогдашней публики. Ведь, так может быть только при наличности книгопечатания и хорошо организованного книжного рынка. Апокалипсис же был на положении современного нам частного письма, и притом в такой период, когда читающие считались, даже и в очень крупном городе, единицами. Кроме, того и читать его, особенно другим, могло быть не безопасно: за его выпады против земных царей могла

грозить гибель. И несомненно, что доносчики быстро послали его копию императору Аркадию и императрице Евдоксии, но гневные слова пророчества произвели на них слишком сильное впечатление. Вместо того, чтоб отрубить голову автору, только-что вступившая на престол молодая царская чета с испуга приказала в 397 году вывести его под стражей из Малой Азии к себе в Царь-Град и, павши к его ногам, насильно посадила для охраны своих священных особ, на тамошний патриарший престол, надеясь хоть этим способом обеспечить себя от грозящей гибели.

Но это не могло долго продолжаться. Пришел 399 год нашей эры (31 год после столбования Великого Царя). Белый Конь-Юпитер пришел в указанное ему созвездие Овна, а обещанный Царь-Мессия не явился судить живых и мертвых. И вот, возвышенный насильно в патриархи пророк сам попал под суд созванного императором николаитского собора по обвинению в лжепророчестве. Случившееся в это время в Константинополе землетрясение избавило его на время от гибели, но престиж его все же упал, и в 404 году он окончательно был сослан в Армению, где и умер в 407 году.[1] Его грозное пророчество перешло на положение враждебного императорам частного письма, за одно чтение которого можно было поплатиться жизнью.

В виду этого закон распространения общеинтересных рукописей в геометрической прогрессии, о котором я говорил в VI томе, тут должен был сначала действовать очень медленно. Такого рода общины, как апокалиптические, должны были долго прятаться от византийских императоров, от их духовенства и от властей, удаляясь в пустынные места, и только к ним могли относиться сказания о «преследованиях христиан», яко бы языческим, а на самом деле первично-христианским ромейско-византийским духовенством и светскими властями. Апокрифированное вместе с Апокалипсисом на триста лет вспять отшельническое христианство и было первоисточником всех сказаний о гонениях на христиан. И оно же было первоначальным мессианством пророческого отдела еврейской библии.

Мы видели уже в I томе «Христа», что мессианская книга «Осилит бог» (Иезеки-Ил, по-библейски), представляет в сущности лишь расширенный перевод Апокалипсиса на сирийский язык, и при историко-астрономической разведке, дает для времени своего писания царствование императора Межевщика (Маркиана),[2] 453 год нашей эры, когда Юпитер и Сатурн первый раз после Апокалипсиса готовились сойтись в тех же самых положениях у символа смерти — Скорпиона.[3]

---

[1] См. мою книгу «Откровение в Грозе и Буре», где все это изложено подробно.

[2] От marca—межа, откуда marchio, marchionis—начальник над рубежами частных земель. Отсюда произошли потом титулы маркиз и маркграф.

[3] См. мою книгу "Пророки", стр. 49, а также изложение астрономической части Иезеки-Ила в I томе «Христа».

По теологическим сопоставлениям, местом возникновения пророчества Иезеки-Ил считаются берега реки Хабура, притока Евфрата, куда мессианцы, будто бы, были посланы в изгнание, но очень возможно, что место их высылки было совсем в другой стране, на берегах реки Эбро в Испании, где благодаря этому и образовался еврейско-мавританский центр мессианской культуры.

К тому же времени и месту приходится отнести и другие библейско-мессианские пророчества: «Помнит Громовержец (453—466 гг., по-библейски — Захар-Ия), Грядущая Свобода (по-библейски — Иса-Ия, что можно перевести и словом Спаситель Громовержец, 442 г.) и Стрела Громовержца (Ирем-Ия), дающее, по своим астрономическим деталям, 451 год нашей эры.

Из этого мы видим, что апокалиптическая литература быстро перебросилась с греческого на еврейский язык, исходным пунктом которого мы должны считать Страну Пирамид и отчасти Малую Азию и Сирию с Дамаском, а никак не тогдашнюю Месопотамию. Этот язык был уже литературно-международным в Ромее V века нашей эры, тогда как греческий был еще на втором плане, а классический латинский даже и не выработался из итальянского в той форме, какую ему придала только Эпоха Возрождения, обогатившая и греческую литературу. И вот, мы приходим к выводу, что все Ромейские цари династии Феодосия первого, (т. е. Аркадий, Гонорий и Феодосий II,) которую не даром называют Иверийскою (т. е. еврейскою) династией, едва ли когда-нибудь при своей жизни носили греческие и латинские прозвища, данные им византийскими клерикалами Эпохи возрождения. И по своей семейной жизни, и по своим религиозным представлениям, да и по своим действительным именам, они более напомнили бы нам современных турецких султанов и библейских Давидов и Соломонов, чем воображаемых нами византийских средневековых греков-христиан.

Вслед за ними мы видим ромейских императоров из фракийцев (Маркиан), из албанцев-полуславян (Лев I, 457—474); из исавров, т. е. жителей Тавра в Малой Азии (Зенон 474—491), и из албанцев (Анастасий I, 495—518).

И вот, мы с удивлением отмечаем, что вплоть до VI века на ромейско-византийском престоле не сидело ни одного грека. Да и далее будет не тоже. Так почему же они все у историков носят греческие имена?

Ясно, что и хозяйничали здесь не греки, потому что иначе они выдвинули бы на престол своего соотечественника. Значит, и весь двор был не греческий, а потому едва ли был таким и язык двора церкви и войск.

Мы видим, что тут — еще непочатый угол для дальнейших рациональных изысканий в том же роде, который начат в этих моих книгах, особенно в историко-идеологическом отношении.

Приходится признать, что те идеологические и социальные особенности, которые наши первоисточники считали особенностью до-Константиновского времени, были на самом деле осо-

бенностями после-Константиновского периода Византии. Гонения на христиан-мессианцев, которых называли также иудействующими, — действительно исторический факт, но факт V и VI веков нашей эры, и понять его причины способен всякий, кто осмысленно прочтет Апокалипсис и библейских пророков.[1]

Воспреемником этого фанатического движения была, как и следовало ожидать, менее культурная часть населения Ромейской империи, и результаты ее последующей победы над культурною служат только дополнением к нашей теории, что всякая культура распространялась всегда из более культурных стран в менее культурные, а не наоборот. Выходит, кроме того, что при сильных моральных потрясениях высококультурных стран и катастрофы их тоже распространялись, как волны от центра к периферии, и отразившись от него, как от плотины, возвращались обратно в центр в разрушительных формах. Так при береговых землетрясениях прибрежные города часто менее страдали от прямо нахлынувшего на них моря, чем от обратного возвращения той же самой волны с береговых высот в море.

В общем же можно сказать, что малокультурные страны были всегда более способны к восприятию отрицательных болезненных явлений высококультурных стран, чем их положительных сторон, до восприятия которых они еще не доросли. Главная характеристика первичного человека — это склонность жить чужим умом, усваивая чужие выводы на-веру, без собственной критической оценки, и из усердия доводя до абсурда все, что говорит ему сегодняшний его авторитет. Только этим и объясняется развитие религиозной мистики V века. Но дикарь обнаруживает неустойчивость и в своих привязанностях.

По моментальным переменам своих чувств, он очень напоминает наших собачек. Повернувшись к своему хозяину, она сразу приходит в восторг, с радостным визгом прыгая на него, но случайно обернувшись и увидев постороннего человека, она моментально позабывает свою радость, тотчас приходит в ярость и бросается на пришельца с оскаленными зубами. Снова повернувшись на зов хозяина, она вновь приходит в восторг и бежит весело к нему, махая хвостиком, но, случайно обернувшись на полдороге, снова забывает и хозяина и радость, и с яростью бросается обратно на чужого, повторяя эти переходы от радости к ярости без конца.

То же самое и первобытный человек, у которого еще плохо развилась соединительная система нервов между различными областями головного мозга. И только в одном — и очень важном — случае он сильно отличается от наших четвероногих сторожей.

Если, увидев другого человека, он вообразит, что тот будет

[1] Только я снова рекомендую это сделать не по клерикальным, искаженным и неудобочитаемым переводам, а по единственно толковым моим — в книгах: «Откровение в Грозе и Буре», 1907 г., и «Пророки», 1914 года.

ему полезнее, чем первый, он моментально всю свою веру и привязанность перенесет на него, а первого возненавидит, как своего тайного врага и предателя. И в ненависти своей он не будет знать предела, как и в любви. Таковы были первые воспреемники византийского христианства.

Понятно, что деградировав в такой малокультурной среде, даже и передовая идея, каковой в древности была идея о боге-отце приобретала, переходя из культурных стран в малокультурные, совсем уродливые формы, и возвратившись, как волна с крутого берега, на вызвавший ее культурный центр, произвела в нем немалые разрушения.

Отшельническое христианство было вызвано уже не сейсмическими явлениями, приведшими только к представлению о грозном небесном царе, царствующем «наверху» по образцу земных над всеми другими небожителями. Оно было протестом противохрамовых злоупотреблений в николаитской государственной церкви Константина I, снабдивших население венерическими болезнями. А свой антикультурный характер (каким оно и отличалось) оно могло приобрести только в некультурных странах, главною из которых и была внутренность тогдашней Азии; значит, нельзя возразить ничего и против его исходного пункта именно оттуда — из Сирии, Месопотамии, Малой Азии.

На этом новом фоне мы и рассмотрим теперь сказания греческих писателей, не забывая, однако, ни на миг, что литературное творчество того времени было главным образов певучим или речитативное, что записи существовали почти исключительно на стенах египетских храмов, да на египетском же папирусе, что преемственная грамотность сосредоточилась даже и в V веке, нашей эры не в Афинах, а в Египте, и что в Смирне, в Пергаме (откуда слово пергамент) и в Александрии, а не в Афинах (которые служили местом ссылки), возникла впервые греческая литература, на ряду с еврейской, в Библосе, от которого происходит и слово Библия.

Чтоб не заподозрили меня в тенденциозности, я приведу здесь характеристику национального состояния Ромейской империи в V веке прямо по А. А. Васильеву, прекрасной книгой которого я не раз здесь пользовался и буду пользоваться, хотя в своей «теории человеческой культуры» и стою на противоположной точке зрения.

«Эллинизм в восточной половине Римской империи,—говорит он— должен был, казалось, играть роль одного из главных объединяющих элементов среди ее разноплеменного состава. В действительности же этого не было. Начнем прежде всего с Азии.

«Один ученый писал, что, «если уже в таком мировом городе, как Антиохия, простой человек говорил по-арамейски (по-сиробиблийски), то можно смело предположить, что внутри страны

[1]Стр. 93.

греческий язык был не языком образованного класса, а только тех, кто ему специально обучается». В виде прекрасного примера того, насколько туземный сирийский язык крепко держался на Востоке, можно привести так называемый «Сирийско-римский законник». Древнейшая, дошедшая до нас сирийская рукопись законника написана *(как думают!)* еще до Юстиниана и, по всей вероятности, в северо-восточной Сирии. Неизвестный нам его греческий оригинал, относящийся по некоторым данным к семидесятым годам V века, был тотчас же переведен на сирийский язык *(читатель видит сам, какова проницательность историков: определили век даже и не существующего греческого оригинала!)*».

«Кроме сирийского текста этого законника, до нас дошли две его версии: арабская и армянская, а греческой нигде нет. По всей вероятности, он имел церковное происхождение, так как приспособлен к интересам церкви, и в нем с особенною подробностью рассматриваются статьи по брачному и наследственному праву и смело выставляются преимущества духовенства. Для нас в данном месте важно не столько содержание законника, сколько факт его распространения на Востоке, от Армении до Египта, на что указывают и его различные версии и то обстоятельство, что заимствования из него встречаются в сирийских и арабских сочинениях XIII—XIV веков. Когда в VII веке восточные области перешли к агарянству, то тот же сирийский законник и под их владычеством получил широкое распространение. Таким образом, этот памятник может служить прекрасной иллюстрацией того положения, что масса населения, не понимавшая тогда ни по-латыни, ни по-гречески, крепко держалась своего родного сирийского *(т. е. вульгарного еврейского)* языка».

А, ведь, отсутствие греческой версии, при обилии других, — прибавим мы к этому, — является знаменательным.

Даже в Египте, несмотря на то, что в нем был такой мировой культурный центр, как Александрия, эллинизм был слаб. Народная масса продолжала говорить на своем родном египетском языке, а потому и культурная часть, немыслимая без сношения с остальным населением, должна была с самого детства хорошо владеть семитическим языком. И мы видели сейчас, кроме того, что всюду еще крепко держалось арианство, т. е. закон Арона, с его последующими разветвлениями.

«А в западных провинциях Восточной империи, — говорит А. А. Васильев, — т. е. на Балканском полуострове, и в западной части Малой Азии, после начала их готского правительства, некоторое время казалось, что дикие малоазийские исавры займут в столице место, подобно готам».

Ну, а чем же, — спросим мы, — проявили себя греки и латины за все это время? Мы видим, что только греческими и латинскими именами всех этих иверов, исавров, готов и т. д., не знавших, вероятно, даже греческого и латинского языков и не могших, не перековеркавши, произнести на этих языках имена даваемые им западно-европейскими историками!

Коронованная жена восточного императора (395—408 гг.) Аркадия — Евдоксия — была дочерью франка, служившего военачальником в римской армии и, следовательно, не была «Евдоксией». Младший брат Аркадия, Гонорий, получивший в управление Запад, не был «Гонорием», так как был сыном не латинянина и имел еще при жизни отца опекуном Стилихона, представлявшего собою германского варвара... И так далее, и так далее, все в том же роде!

Центральным вопросом государства при Аркадии был вопрос не эллинский, а германский, но и тут много несообразностей.

Нам говорят, что поселенные (!!) на севере Балканского полуострова вестготы, во главе с их вождем Аларихом Балтой, двинулись в самом начале правления Аркадия во Фракию и Македонию и, пройдя Фессалию, через Фермопилы, вторглись в Среднюю Грецию. Но взять Афины они не могли не только потому, что их тогда еще не было, но и по причине того, что Аларих, подойдя с войском к афинской стене, увидел там, — говорят нам, — в полном вооружении богиню Афину с мечом и стоявшего перед стеною троянского героя Ахилла. Пораженный этим зрелищем, Балта-царь отступил и с большим трудом пробился на север в Эпир. А пораженный его отступлением из своих владений император Аркадий вдруг удостоил его высоким саном «магистра армии в Иллирике» (Magitser militium per Illiricum). Но не показывает ли это, что и сам Аларих был только полководцем Аркадия? Ведь готское преобладание чувствовалось тут со времени Феодосия Великого и особенно сильно в столице, где наиболее ответственные места в армии и в администрации находились в германских руках. «В момент вступления Аркадия на престол, — говорит А. А. Васильев, — наибольшим влиянием пользовалась в столице германская партия, во главе которой находился один из главных начальников императорского войска, гот Гайна. Около него сплотились военные люди преимущественно готского происхождения, а готы, как известно, были арианами».

Желая примирить это несоответствие тогдашнего строя Ромеи с ее воображаемым греко-византизмом, А. А. Васильев[1] говорит:

«Многие люди того времени сознавали всю опасность германского преобладания. До нас дошел замечательно интересный документ, ярко рисующий настроение некоторых общественных кругов в германском вопросе; это — записка Синесия (т. е. Сознательного человека) «Об императорской власти» или, как ее иногда переводят, «Об обязанностях государя» (Περὶ Βασιλείας), поданная Аркадию.

Этот «Сознательный человек» из северо-африканского города Кирены, если он не апокриф много более позднего времени, был образованный неоплатоник, принявший христианство, и отправился, будто бы, еще в 399 году в Царь-Град.

«Достаточно будет небольшого предлога, — пишет он, — чтобы вооруженные сделались господами граждан, и тогда невоору-

[1] Стр. 97.

женные будут сражаться с людьми, изощренными в военной борьбе. Прежде всего надо устранить иноземцев от начальственных должностей и лишить их сенаторских званий, так как то, что в древности у римлян казалось и было самым почетным, сделалось благодаря иноземцам позором.

«Как во многом другом, так особенно в этом отношении, я удивляюсь нашему неразумию. В каждом доме, мало-мальски зажиточном, найдешь раба скифа *(славянина)*. Они служат поварами, виночерпиями. Скифы же в городе ходят с небольшими стульями на плечах и предлагают их тем, кто желает отдохнуть на улице. Но не достойно ли крайнего удивления то обстоятельство, что те же самые белокурые и причесанные по эвбейской моде варвары, которые в частной жизни исполняют роль прислуги, в политической являются нашими повелителями *(да, прибавим и мы: это очень удивительно, и даже не правдоподобно; скорее сами греки были тогда рабами этих, причесанных по евбейской моде, варваров!)*. Государю *(тоже не греку!)* надо очистить войско, как кучу пшеницы, из которой мы отделяем мякину и все то, что, произрастая, вредит настоящему зерну. Отец твой, по своему крайнему милосердию, принял их мягко и снисходительно, дал им звание союзников, наделил политическими правами и почестями и наградил земельными пожалованиями. Но варвары не так поняли и оценили благородное с ними обхождение: они увидели в этом нашу слабость, что внушило им дерзкую надменность и самохвальство.

«Увеличив набор начальства из нас и укрепив этим наш дух и наши собственные войска, ты восполни в государстве то, чего ему недостает. Против этих людей нужна настойчивость. Пусть варвары возделывают землю (как в древности мессенцы, бросив оружие, служили рабами у лакедемонян) или пусть уходят тем же путем, каким пришли, возвещая живущим по ту сторону реки *(Дуная)*, что у римлян более уже нет мягкости и что над ними царствует благородный юноша!»

Но слог этого послания настолько веет Эпохой Возрождения, что принимать его за документ V века совсем нельзя, да и результата этой мольбы об эллинизации Ромеи не было никакого. Готы, т. е. скорее славяне, при Аркадии были попрежнему полными распорядителями судеб государства. Они даже боролись друг с другом за власть: так, гот Фравитта разбил гота Гайну во время попытки последнего переправиться в Малую Азию и был удостоен за это консульского звания.

Об императоре Аркадии христианские предания говорят, что он был очень слабохарактерен. Сначала предоставил он управление галлу Руфину, затем евнуху Евтропию и своей жене Евдоксии. Он силой посадил в 396 году Иоанна Златоуста на царь-градский престол патриархом, а потом, когда не сбылось его апокалиптическое пророчество, сослал его в Закавказье, где Иоанн и умер в изгнании.

Он царствовал около 13 — 14 лет (от 395 до 408 года).

Его библейский двойник, Иоас Богоборческий[1] (т. е. Огонь Грядущего Бога) царствовал, по Библии, около 15 — 16 лет и тоже не отступал от ереси Иеровоама, т. е. арианства. Подобно тому, как Иоанн Златоуст умер при Аркадии, так и его двойник Елисей (т. е. Эллин) умер при двойнике Аркадия Иоасе. Но библейский автор почему-то умолчал о столкновении Иоанна с женой Аркадия Евдоксией и предоставил Елисею (имя которого значит Бого-Спаситель и с новой точки зрения есть лишь прозвище Иоанна-Златоуста) умереть не в изгнании, а в присутствии оплакивающего его Аркадия-Иоаса.

«Иоас пришел к больному Елисею, — говорит II книга Царей (гл. XIII, 14), — заплакал над ним и воскликнул:

— «Отец мой! Отец мой! О колесница богоборца и его всадники!

— «Возьми лук и стрелы! — сказал ему Елисей, положив свою руку на его руку. — Отвори окно на восток и выстрели.

«Иоас отворил и выстрелил.

— «Это — сказал Елисей — стрела твоей победы над Арамеей. Возьми стрелы и бей ими по земле.

«Иоас ударил три раза и остановился.

— «Надобно было, — сказал ему с гневом умирающий пророк, — бить пять или шесть раз. Тогда ты совершенно победил бы арамейцев, а теперь только три раза.

«Елисей умер и его похоронили, а когда через некоторое время второпях положили одного умершего в его гроб, тот моментально ожил, коснувшись его костей».

Так оканчивается легенда об Елисее. Хронологически от начала до конца он налегает на Иоанна Златоуста и явно списан с последнего, но не в реальном виде, а в том, в каком он представлялся воображению ближайших мессианских поколений.

В таком же легендаризированном виде списан с Аркадия и библейский царь Иоас.

Лишь только при сыне Аркадия Феодосии Малом (408 — 430) мы впервые находим гречанку в качестве императрицы. Он, — говорят нам, — имел вкус к литературе *(но только к греческой ли, а не египетской библейской?)* и женился на дочери афинского философа Афинаиде, названной Доброславною (Евдокией). Получив в Афинах прекрасное образование и обладая литературным талантом, она, — говорят нам, — даже написала по-гречески несколько дошедших до нас сочинений, в которых, помимо религиозных сюжетов, нашли отражение и современные политические события.

При том же Богоданном Феодосии готы, — говорят нам, — владели и Италией. Вестготский вождь Аларих (как будто не на-

[1] Интересно, что почти к этому же времени библейская книга «Цари» относит и Иоаса-Богославческого, наоборот — очень благочестивого царя. Но это не одно странное совпадение: точно также царствуют по Библии почти одновременно и два Иорама и т. д. Все это очень похоже на раздвоение той же самой личности на два варианта.

шлось другого имени! Ведь, его же мы имеем в это самое время и для остгота Алариха, отраженного от Афин богиней Афиной!) взял Рим (который тогда был еще беззащитным поселком [1]), и «это событие произвело на современников, будто бы, потрясающее впечатление».

«В западной Европе и в северной Африке образовались тогда первые варварские государства. В восточной же части империи Феодосию пришлось столкнуться с гуннами, нападавшими на византийские пределы и в своих опустошительных набегах доходившими до стен Царь-Града. Император должен был уплатить им большую сумму денег и уступить землю на юг от Дуная. Установившиеся после этого мирные отношения с гуннами повели к отправлению к ним в Паннонию (т. е. в страну панов) посольства во главе с Древним человеком (Приском), который составил в высшей степени интересное описание как двора Аттилы, так и нравов и обычаев гуннов. И многие черты в описании этого Древнего человека должны относиться только к славянским племенам, за одно из которых он и считает гуннов *(т. е. венгерцев)*».

Я перейду теперь опять к религиозному вопросу.

Во всех моих шести предшествовавших томах, я приводил доказательства, что никакого Христа не было до основателя христианского богослужения Великого царя (по-гречески Василия Великого) или, вернее, до Юлиана Философа. Посмотрим теперь, что говорят об этом историки Византии.

«Первые два вселенских собора, — говорит А. А. Васильев, [2] — окончательно решили вопрос о том, что Иисус Христос есть бог и вместе с тем человек. Но последнее решение далеко не удовлетворило пытливые богословские умы, которые *(будто бы, через 300 лет!)* стали заниматься вопросом о способе соединения в Иисусе Христе двух природ и о взаимном их отношении. Из Антиохии еще в конце IV века *(после «Рождества Христова!»)* вышло учение о том, что полного слияния обеих природ в Иисусе не было. В своем дальнейшем развитии это учение доказывало полную самостоятельность человеческой природы в Иисусе Христе, как до соединения, так и после соединения ее с природою божественною. Пока это учение не выходило за пределы ограниченного кружка лиц, оно не вызывало в церкви больших смут. Но ко времени появления на константинопольской патриаршей кафедре убежденного сторонника этого учения, антиохийского пресвитера Нестория, обстоятельства изменились: последний сделал антиохийское учение общецерковным. Новый патриарх, знаменитый своим красноречием, сразу же после посвящения обратился с такими словами к императору:

— Дай мне, государь, очищенную от еретиков землю, и я за это дам тебе небо; помоги мне истребить еретиков, и я помогу тебе истребить персов.

[1] См. «Христос», книга V.
[2] Там же, стр. 103.

«А под еретиками Несторий разумел всех тех, кто не разделял его взглядов на самостоятельность человеческой природы в Иисусе Христе. Деву Марию Несторий называл не богородицею, а христородицею. Но против слова «христородица» сильно восстал александрийский патриарх Кирилл и папа Целестин, осудивший на Римском соборе это еретическое учение. Император Феодосий созвал в Эфесе третий вселенский собор, который осудил несторианство (431 г.). Несторий был отправлен в ссылку в Египет, где и умер.

Так объясняют церковные историки Эпохи Возрождения возникновение несториан, существовавших до нашего времени в Персии, Индии, Аравии и даже Китае, т. е. в тех же самых местах, где господствует и будизм, «религия пробуждения». И интересно, что в это же самое время в венгерском Буда-Пеште жил и брат Атиллы — Буда.

Кроме того, я уже показал,[1] что и сам собор был созван не по поводу клерикальных разногласий, а по астрологическим причинам. Он собрался в ожидании конца мира 1 февраля 431 года, вследствие того, что все планеты, кроме Венеры, в этот день должны были сойтись в созвездии Рима — Козероге, а Венера должна была оказаться в созвездии Христа — Рыбах (табл. Ха).

ТАБЛИЦА Ха.

Гороскоп Ефесского Собора, Собора Козерога — 1 февраля 431 года.

Солнце	307°	в Козероге
Луна	307°	» »
Меркурий	302°	» »
Марс	310°	» »
Юпитер	315°	» »
Сатурн	314°	» »
Венера	350°	» Рыбах.

Да и самое имя Несторий значит «Возвращение Господа». Поэтому и осуждение Нестория было просто осуждением того, кто напугал публику пророчеством о кончине мира в этот день, и созвал епископов в Ефес для торжественной встречи там возвращающегося Христа. Что же касается до существовавших до последнего времени несториан, то это их название первоначально значило: «общины ожидающих возвращения Христа» и только потом персонифицировалось в Нестора и оделось у европейцев особой догматикой, а у азиатов это были основоположники будизма, от славянского слова *будить*.

Однако, неудача предсказания была, конечно, (как и в примере Иоанна Златоуста, он же—пророк Иона Библии) объяснена тем, что господь смилостивился над грешниками и отложил снова

[1] «Христос», кн. II, стр. 408.

свой приход, чтоб дать им время покаяться. Она не привела к крушению астрологического метода, лежавшего в основе тогдашнего апокалиптического христианства Иоанна и Иезекиила, которое со страха начали признавать и сами византийские цари, хотя и трудно сказать, с какого времени. Уже через 18 лет после Ефесского разочарования появились возвратные течения, и в 449 году, по желанию александрийского епископа с сенсационным именем Божий Сын (Диоскор), был созван в Ефесе же повторный собор, который оправдал несториан, и император Феодосий II присоединился к его решению. Это был тот самый собор, который, несмотря на всю его законность, позднейшие теологи, снова провалившиеся в ожидании Христа в 451 году при схождении большинства планет в Деве,[1] прозвали разбойничьим, а не христианским.

Много правдоподобнее и важнее сообщение греческих историков об основании в Царь-Граде Феодосием II первого в истории человечества университета — в 425 году нашей эры.

Считая это сообщение хронологически правильным, я не могу здесь не остановиться на его великом историческом значении, которого историки старой школы, конечно, не дооценивают, относя существование светских высших школ и светских государственных библиотек чуть не в ледниковый период. С нашей же точки зрения университет Второго Богоданного царя (Феодосия II), которого средневековые историки почему-то окрестили вместо Великого Малым, был первою государственною высшею школою на земном шаре, и 425 год знаменует собою как раз начало новой эры в жизни человечества.

Это было первое зарождение преемственной науки, а с нею и первая возможность непрерывной и продолжительной исторической традиции.

Развеем же, читатель, мистический туман, окутывающий и до сих пор наши головы, и тогда мы сквозь призраки необузданного воображения наших предков увидим следующие реальные и неоспоримые факты.

Наука ни теперь, ни особенно в древности не была забавой, вроде танцев, а серьезным трудом, который только невеждам кажется легче физического труда. Она требовала всегда, чтобы отдавшийся ей посвятил ей всю свою жизнь целиком, а не в смысле развлечения после молотьбы хлеба или изготовления гвоздей на кузнице, или продажи их на рынке.

Научный труд был результатом уже прочно установившегося разделения труда на физический, торговый и административный, но его деятели отличались тем, что не могли поддерживать своего существования ни тяжелым физическим, ни торговым трудом, ни силою оружия, а пользы его для себя не сознавал тогда еще ни один класс, так как все они были

---

[1] В 451 году 11 сентября Марс был в Скорпионе, Венера в Яслях Христа (в Раке), а все остальные планеты в Деве.

невежественны, и мы видим, что первичная наука укрылась первоначально под мистическим покровом храмовых поселений. Она существовала первично на дары и приношения окружающей публики в местечках, почему-либо внушивших окружающему населению суеверный страх, особенно вблизи вулканов или в местах сейсмических катастроф, или на границах песчаных пустынь, которые (как в Египте) воображение близких к ним обитателей населяло сверхъестественными существами. Считая поселившихся тут смельчаков находящимися в постоянных добрых сношениях со сверхъестественным миром, соседнее, а нередко даже и отдаленное, население, желающее найти себе таинственную защиту, сносило им свои дары и давало возможность обеспеченного существования и им, и их детям. Так возникла первая, поневоле мистическая наука, а с нею и религиозные отрывочные записи и скомпанованные из них значительные книги религиозных сборников, вроде библейского Пятикнижия, а потом и Пророчеств.

Но светской науки или литературы, вне связи с мистикой, такие поселения не могли дать: это было бы отрицание их самих.

И вот, когда мы читаем о частных классических школах, вроде школы Фалеса (в *минус* 639, — 546 г.!!), вычислившего будто бы даже солнечное затмение, или школ Анаксимандра, Ксенофана, Парменида, Зенона, Гераклида, Эмпедокла, Левкиппа, Демокрита, Протагора, Горгия, Сократа, Платона, Аристотеля, Зенона, Хризиппа, Эпикура, Плутарха, Пифагора, Цицерона и т. д. (не перевожу на этот раз их имен на русский язык, чтоб не смущать ортодоксальных историков), — то прежде всего мы видим, что они не были преемственными, а всегда возникали неожиданно, как грибы после дождя, и затем пропадали с исторической сцены, после смерти их основателей, не оставив от себя никаких следов на всем ясном поле зрения последующей истории. И кроме того, мы не можем не спросить, на чьи же средства существовали эти древние философы, повидимому совершенно чуждые современному им жречеству, и не способные собственными руками обеспечить себе и своему семейству ни жилища, ни одежды, ни пищи и питья?

Ведь, только один Диоген, — говорят нам, — поселился в какой-то брошенной на улице винной бочке, куда стекались толпами к нему ученики. А для серьезного ученого и мыслителя, кроме бочки, нужна, ведь, еще и библиотека, и письменные принадлежности и некоторые приборы, вроде алхимических, или инструменты, вроде астрологических и медицинских, а для историков не-шарлатанов необходимы еще и архивы. Неужели и они были развешаны по стенам бочек?

Ничего подобного историки нам не описывают, они дают только голые имена почти всегда одиноких деятелей, и притом часто очень смешные, вроде Пифагора (т. е. Оратора вонючего собрания), или тенденциозные, вроде Сократа (Спасителя власти) и жены его Ксантиппы (Гнедой Кобылы).

Но кто же кормил и одевал всех этих древних Ораторов вонючих собраний, Спасителей Власти и их жен — Гнедых Кобылиц? Историки молчат, и выходит совсем как в классических и средневековых былинах, где герои переходили через пустыни, переплывали через моря, все время ничего не пивши и не евши.

Кроме того, как я только-что показывал, ни один великий ученый, кроме разве Гермия Триждывеличайшего, да Афины Паллады, не являлся из чрева своей матери во всеоружии знаний, а, прежде чем начать свое собственное мышление, должен был посвятить много лет на изучение того, что мыслили до него предшественники. А как же сделать это, не имея в своем распоряжении продолжительное время существующей, а следовательно имеющей из поколения в поколение своих штатных хранителей, библиотеки? Ведь, библиотека есть основа всякой серьезной науки. Вот, например, хоть это самое мое исследование. Разве я мог бы написать его, не имея возможности пользоваться сокровищами мировой литературы, собранными в наших Академической, Публичной и Пулковской обсерваторской библиотеках и в музеях за 200 с лишком лет существования нашей «Северной Пальмиры»?

Основным положением современной истории должно быть такое.

В государствах, где (как большею частью в Азии), нет государственных национальных книгохранилищ, не может быть и национальной истории. Историки Персии должны, прежде всего, указать, какими библиотеками и музеями Тегерана и Испагани они пользовались и как давно основаны тамошние библиотеки? Историки Китая должны указать, из каких книгохранилищ и музеев Пекина и Нанкина получили они свои первоисточники и какова история самих этих китайских национальных библиотек? Надо еще установить историю истории Китая и Персии, прежде чем самоуверенно говорить о их древнем, среднем и новом царствах, иначе и с их историей мы попадем в такое же смешное положение, как с историей пророка Магомета, которую впервые узнали магометане от мистера Пококка в Лондоне, как я уже показывал в VI книге «Христа».

Нам говорят об уничтоженных Александрийской, Пергамской и других библиотеках, но на чьи же средства и кем переписывались до того их тратившиеся от употребления рукописи, на чьи средства содержался штат их хранителей? А кроме того, большинство из перечисленных мною здесь философов имели свои школы не в Александрии и не в Пергаме. Так, — как же они учились без библиотек и как без них преподавали?

Здесь все так фантастично, что годно только для волшебной сказки, а не для реальной истории.

И вот, впервые в V веке нашей эры, и не в отдаленных провинциях Великой Средиземноморской империи, а, как и следовало ожидать, в самом ее центре, мы видим при Феодосии II основание первой исторически правдоподобной светской высшей

школы, и значит до нее были только духовные школы при храмах. И с этого же момента может датироваться правдоподобная историческая литература, может быть уже и на греческом языке. А храмовая предшествовавшего периода, кроме оппозиционной, вроде Апокалипсиса, конечно, была главным образом еще на библейском языке.

Но даже и в пятом веке нашей эры библейский язык был, вероятно, еще главным литературным языком, и мы видели уже в I томе этого нашего исследования, что бывшее при Феодосии II сверхполное солнечное затмение 19 июля 418 года, прошедшее прямо через Рим и Босфор, послужило поводом к составлению библейского пророчества «Сильный» (Амос, по-еврейски). А греческая национальная литература получила сильный толчок и стала в оппозицию к еврейской у мессианцев, вероятно только благодаря появлению на греческом языке Апокалипсиса, который все интеллигентные люди спешили прочесть в подлиннике, благодаря его огненному языку, давшему его автору прозвище «Златоуста».

Итак, в 425 году, — говорят нам, — богоданный царь Феодосий II издал указ об основании в своем царстве светской высшей школы. Профессоров в ней было 31, они преподавали грамматику, риторику, законоведение и философию, будто бы, частью на латинском и частью на греческом языке (???).

Указ говорил о трех риторах (oratores) и десяти грамматиках, как преподавателях латинского языка; о пяти софистах (sofistae) и десяти грамматиках, как преподавателях греческого языка. Но не выходит ли отсюда, что оба эти языка были тогда иностранными в Царь-Граде, а административным языком был библейский? Выходит, как будто — да! Кроме двадцати восьми латинистов и эллинистов устав предусматривал еще одного специалиста-философа и двух юристов, а о библейском языке, который тогда был самым ученым и притом простым наречием господствовавшего в западной Азии сирийско-арамейского языка, в указе странным образом не упоминается. Как будто правящие классы и без того говорили на нем от рождения! Для светской высшей школы было отведено особое здание с залами, где читали лекции. Профессора пользовались определенным содержанием из государственных средств и могли дослужиться до очень высоких чинов. Высшая школа Феодосия II и является таким образом первым очагом, около которого объединялись умственные силы империи.

Ко времени того же «Богоданного царя», Феодосия II, относится, — говорят нам, — также древнейший, дошедший до нас сборник указов римских императоров — Codex Theodosianus, имеющийся, однако, только на латинском языке. Он распадается на 16 книг, которые подразделяются на известное число глав (tituli). Каждая книга охватывает какую-либо сторону государственной жизни. Постановления о должностях, о военном деле, о религиозной жизни распределены в хронологическом порядке.

Но вот — опять курьез. Мы только-что указывали на полное отсутствие греческого влияния в Византии, а здесь получается и еще сюрприз. Даже этих законов **нет** на греческом языке... И кроме того,—еще неожиданность. Нам говорят, что известный «Римский закон вестготов» (Lex Romana Visigothorum), предназначавшийся для ромейских подданных Вестготского королевства, представляет собою не что иное, как зародыш Феодосиева кодекса. Правда, что он называется также Бревиарием Алариха (Breviarium Alaricianum), т. е. Краткая запись Алариха. Но это название, вероятно, позднейшее, а в период раннего средневековья на Западе, когда ссылались на «римский закон», то имели в виду всегда «Римский закон вестготов», а не тот, Феодосиев кодекс, который мы имеем теперь. Последний, таким образом, появился в законодательстве Западной Европы на латинском языке только в средневековье, включая и Бревиарий Алариха, сделавшегося главным источником римского права на Западе Европы.

Значит, и сам кодекс Феодосия II, в том виде, как мы его имеем по-латыни, обращается в апокриф, вместе и с якобы предшествовавшими ему «Грегорианским» и «Гермогенианским» кодексами, от которых нет никаких следов.

В это же время произошла повидимому перемена религии, так как библейский изотоп Феодосия II, царь Озия, является уже вместо богоборческого богославным. Он царствовал над богославцами — говорит Паралипоменон (XXVI, 3), — целых 53 года (тогда как для Феодосия II дано эллинистами только 40 лет). Он был благочестив, дружил со священником Захарией, но потом возгордился, захотел сам священнослужить и был поражен за это проказою. На этом моменте прерываются и латинские вариации апокрифического типа.

Феодосий II умер, — говорят нам, — не оставив потомства, и престарелая сестра его Прекрасная (Пульхерия, по-латыни) (вступила в брак с Межевщиком (Маркианом, по-латыни), родом из Фракии, который и был провозглашен правительствовавшими тогда вестготами (т. е. славянами) императором. Но через семь лет он был убит предводителем исаврийских войск Львом I (457—474), севшим вместо него на престол.

При Маркиане, — говорят нам, — был созван в 451 году четвертый вселенский собор в Халкедоне, объявивший предшествовавший ему Ефесский собор 449 года разбойничьим, а не христианским. Он-то, — говорят нам апокрифисты, — и выработал религиозную формулу, установившую богочеловечество Христа. Собор признал, — говорят они нам, — «Христа за сына божия, единородного и познаваемого в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно», как это сделалось одним из главнейших устоев дальнейшего вероучения православной церкви.

Кроме того, Халкидонский собор, в своем 28 каноне, — говорят нам, — предоставил «равные преимущества святейшему престолу Царь-Града, справедливо рассудив, что город, предпочтенный царским правительством и синклитом и имеющий разные преимущества с древним царственным Римом, должен быть возвеличен, подобно ему, и в церковных делах.

И вот, это самое «уравнение» и показывает нам апокрифичность всего того, что приписывается Халкидонскому собору. Ведь, с Царь-Града и списан классический Рим, перенесенный латинскими апокрифистами в Италию и в далекое прошлое!

В V книге «Христа» я уже показывал, что никакого древнего царственного Рима, кроме Царь-Града, никогда не было, а в III книге я дал даже и астрологическое объяснение Халкидонскому собору 451 года. В этом самом году 11 сентября Солнце, Луна, Сатурн, Юпитер и Меркурий были, как я уже имел случай упомянуть выше, в созвездии Небесной Девы, которой тогда начали придавать особенное значение, благодаря словам Апокалипсиса: «Я видел *(на небе)* женщину, одетую Солнцем, под ногами ее была Луна, а над головою ее венец из 12 звезд». А из двух остальных планет Марс был тогда в зловещем сочетании со Скорпионом, а Венера у Яслей Христа, в поворотном созвездии Рака.

Кроме того, в это самое время мы находим и очень странное совпадение. На Западе теократически царит в Итальянском Риме понтифекс максимус Лев I Великий (440—461 г.), а на Востоке в Балканском Риме сидит тоже Лев I Великий (457—474 г.). Оба — Львы, и оба — первые, и оба — великие, и оба — одновременно, и оба вдобавок пытаются распространить свою власть на Африку!

Все это как-то странно. А если мне скажут, что в древней истории есть много и более странных совпадений, то от этого не становится для нее лучше. Выходит, как будто первый Римский Понтифекс Максимус Лев есть простая вариация Римского же императора Льва I, еще считавшегося своим и в Италии.

Но вот Лев I умер, и его сменил человек с мало подходящим (с точки зрения современного нам историка церкви) для христианина именем Зенон,[1] т. е. Зевсианец (471—491 г.), причем славянское (готское) влияние сменилось, — говорят нам, — в Царь-Граде малоазиатским.

Со временем его связаны очень важные события в Италии. Во второй половине V века там получили главное значение предводители германских, т. е. тоже готских дружин, и в 476 году один из предводителей их Одоакр (или Одовакар) низложил последнего западного вице-императора, юного Ромула Августула, и стал сам править в Италии. Но чтобы закрепить свое право на управление Италией, он отправил от имени римского сената посольство к Зевсианцу с уверением, что для Италии не надо особого вице-императора, что император должен быть только один и просил пожаловать его титулом римского (т. е. ромейско-византийского) патриция и уполномочить управлять Италией.

---

[1] От греческого Зен (Ζήν), вульгарное название Зевса-Громовержца.

Просьба Одоакра была исполнена: он стал узаконенным правителем Италии. А не такими ли же были и прежние??

«Прежде считали 476 год годом падения Западной Римской империи, — говорит по этому поводу А. А. Васильев (стр. 118), — но это не верно, так как в V веке еще не было особой Западной империи: была, как и прежде, одна Римская *(Ромейская)*, которой управляли два государя-соправителя: один в восточной, другой в западной ее части *(т. е. два медведя в одной берлоге!)* А в 476 году в империи стал один император Зенон».

Однако, это продолжалось недолго. Вождь вестготов в Паннонии Теодорих двинулся в Италию. Он победил Одоакра, взял его главный город Равенну и основал в Италии, уже после смерти Зевсианца, остготское королевство со столицей в Равенне, а Итальянский Рим, как мы уже видели в V томе, был еще и в это время лишь провинциальным городком, местом пилигримства к какому-то метеоритному камню (апостолу Петру, по-гречески).

Самым важным вопросом внутренней жизни при Зеноне была смута в государстве благодаря религиозному разномыслию. В Египте, Сирии и частью в Палестине и Малой Азии население твердо держалось монофизитства «Христа» и, вероятно, не в смысле единой божеской природы, а наоборот, — чисточеловеческой. Желая найти примирительный выход из создавшегося положения, царь-градский патриарх Несскверный (Акакий), предложил царю Зевсианцу вступить на путь примирения при помощи взаимных уступок. Согласившийся с патриархом император издал в 482 году Акт Единения (Энотикон), адресованный ко всем церквам, подведомственным александрийскому патриарху. Предавая анафеме Нестория и Евтихия с их единомышленниками, он называл Христа единосущным Отцу по божеству и единосущным нам по человечеству».

«Всякого, кто думал или думает иначе, будет ли то теперь или в другое время, в Халкидоне или на каком другом соборе, того мы предаем анафеме».

Однако, Энотикон Зенона (если только он не позднейшая выдумка) внес только новые осложнения в церковную жизнь Византии, увеличив число партий. Часть духовенства, — говорят нам, — поддерживала Акт единения. Но появились акимиты, т. е. неусыпающие (так как в их храме служба совершалась непрерывно в течение целых суток, для чего они были разделены на три смены), и акефалиты, т. е. безглавые, так как они не признавали принявшего Энотикон александрийского патриарха. Восстал, — говорят, — против Энотикона и римский папа (которого тогда еще не было, а был только понтифекс) и предал анафеме царь-градского патриарха Несскверного, а тот вычеркнул его из церковных диптихов, т. е. перестал поминать. Так произошел первый разрыв между восточной и западной церковью, продолжавшийся до 518 года.

После смерти Зенона вдова его Ариадна «отдала свою руку» престарелому Анастасию (т. е. Воскресшему из мертвых), родом из Диррахиума, занимавшему довольно скромную придворную должность силенциария (церемониймейстера). Воскресший из мертвых был коронован в императоры. Он изгнал «исавров», т. е. малоазийцев, из столицы, конфисковал их имущество и лишил должностей, а затем в упорной шестилетней войне окончательно смирил их в самой Исаврии. Многие из них были переселены во Фракию. Так закончился сравнительно короткий период исаврийского влияния в Византии. А, ведь, слово «исавр» очень созвучно со словом иса-урос, т. е. страж Исуса.

И вот, впервые на Балканском полуострове упоминается имя болгар, в связи с остготскими передвижениями на севере.

«Принимая во внимание неосведомленность хронистов того времени в этнографических наименованиях северных народов, — говорит А. А. Васильев, [1] — в именах готов и скифов можно видеть понятие собирательное, и наука считает возможным находить среди них и славян. Византийский писатель начала VII века Феофилакт даже прямо отожествляет готов со славянами, и они впервые начали производить вторжения вместе с болгарами на Балканский полуостров. «Готские всадники, опустошив Македонию, Фессалию и Эпир, доходили до Фермопил». Профессор Дринов, на основании изучения географических и личных имен греческого полуострова, возводил начало его заселения славянами уже к концу II века нашей эры». Значит, греки заселили его позднее.

В западной Европе, во время Анастасия (491—518) Теодорих (Богодарованный царь) сделался остготским королем в Италии, а на далеком северо-западе, еще до вступления Анастасия на престол, Хлодвиг основал Франкское государство. Но это еще не значит, чтобы там было отвергнуто главенство «Римского» (Ромейского), императора. Когда готы провозгласили Теодориха в Италии королем, «не подождав, — как говорит современный хронист, — распоряжения нового принцепса», т. е. Анастасия, Теодорих сам просил последнего прислать ему знаки императорской власти. А Хлодвигу Франкскому Анастасий послал диплом на консульское достоинство, которое было принято с великою радостью.

Такие отношения византийского государя к западным германским государствам показывают, что даже и в начале VI века на Западе господствовала идея единой «Римской империи».

При нем, — как говорят нам, — впервые был выпущен указ о запрещении борьбы людей с дикими зверями в цирках. А цирк тогда еще не отделился от церкви.

Значит, вплоть до VI века гладиаторство практиковалось во славу божию.

---

[1] Стр. 116.

ГЛАВА VII

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА ЭПОХИ ГУМАНИЗМА ПО ПОВОДУ РОМЕЙСКОЙ ТЕОЛОГИИ IV—VIII ВЕКОВ, ОТОДВИНУТОЙ ВСПЯТЬ НА 500 И БОЛЕЕ ЛЕТ

Рассмотрим теперь подробнее и религию данного времени.

Разработанный профессором Л. А. Мацулевичем «византийский антик» VII века нашей эры уже показал нам, что классическая мифология не только не была истреблена христианством в средние века, но составляла фон тогдашнего христианства.

Прежде всего зададим себе вопросы: с какой целью делались в самый разгар борьбы христианства с язычеством и в первые столетия торжества православия над политеизмом серебряные христианские кувшины и чаши с изображениями, якобы, богоненавистного Нептуна, а также отвергнутых с позором менад, танцующих с силеном, нереид, плывущих на морских львах, и т. д., и т. д. И как эти сосуды, не находясь у себя на родине, попали поодиночке то в Пермскую губернию, то в Крым и даже в Сибирь? Присутствие среди них церковных блюд с такими же сюжетами и с явно церковными греческими надписями, вроде: «Господу-Защитнику» и т. д., наводит на мысль, что эти серебряные изделия предназначались не для обычных пиров, а для церковного употребления,—тем более, что и до сих пор в восточной церкви причастие запивается вином совершенно из таких же серебряных или позолоченных чашек, но только уже без мифологических рисунков на их дне или на краях.

Но, ведь, в таком случае и занесены они были из Византии в далекие страны ее священниками-миссионерами, а дома у себя они были переделаны.

Но если даже большинство из них и проникли в Россию не миссионерским путем, то это не меняет дела: распространенность классических сюжетов на царь-градских изделиях VII века достаточно показывает, что они тогда не считались еще бесовскими богами побежденных навеки язычников, а входили в обычный тогдашний фольклор, т. е. в неканоническую часть тогдашнего религиозного мировоззрения, вроде неканонических богословских книг средневековья, служивших всегда основой и даже прямо материалом для канонических книг. Этот фольклорный материал, конечно, не отличался систематичностью, так как вырабатывался не единолично и не под чьей-нибудь общей редакцией, а множеством независимых друг от друга разнообразно настроенных голов. Он не был даже чем-то постоянным, так как всякий пересказчик изменял в нем отдельные детали, судя по аберрациям своего воображения, как это мы можем наблюдать и в последних христианских сказаниях о жизни разных святых и о их столкновениях с окружавшими их всегда чертями.

Но даже и считая все детали за выдумки индивидуальных рассказчиков, о существовании которых и не подозревали остальные их коллеги, мы должны придать очень серьезное значение их общему типу и настроению, как обрисовывающему истинный фон тогдашней религиозной мысли.

А фон этот представляется приблизительно таким.

Единобожия тогда еще не было, так как даже и в Книге Бытия слово бог (АЛ) употребляется всегда только во множественном числе—(АЛЕИМ). Так, в первой же фразе Библии вместо; «в начале сотворил бог небо и землю» (как мы читаем ее во всех европейских переводах) в еврейском подлиннике стоит: «в начале сотворили боги (АЛЕИМ) небо и землю», а вместо: «и сотворил бог человека по образу и подобию своему» в подлиннике стоит: «и сотворили *боги* (АЛЕИМ) человека по образу и подобию своему».

Лишь потом вместо слова АЛЕИМ-боги стало употребляться в еврейской Библии имя одного из них ИЙ, или ИЕ (оба произносятся как ЙА или ЙУ), как сокращение имени бога-Отца ЙУ-ПАТЕРА (Юпитера). Но и у него были сыновья и дочери, внуки и внучки и даже помеси с людьми—полубоги, так как в самой Библии говорится: «И увидели сыны богов (БНИ-АЛЕИМ), что человеческие дочери прекрасны и брали себе в жены, какую кто хотел (Бытие, VI, 2), и человеческие дочери стали родить от них детей, которыми были сильные, издревле славные люди (Бытие, VI, 4). А в книге Иов говорится и о других поступках сыновей библейского бога-отца. «В один день, когда сыновья богов (БНИ-АЛЕИМ) пришли представиться своему отцу—Йовису-Юпитеру (по еврейской транскрипции—ЙЕВЕ), пришел вместе с ними и Сатана и начал восстановлять бога-отца против одного святого и богатого человека—Иова. Но это ему не удалось. Иов вынес все испытания, и вот в ответном слове ему сам бог-отец (латинский Юпитер) признается, что у него еще до сотворения земли были дети: «Кто *(как не я)*—говорит Бог-Отец о себе самом,—положил краеугольный камень земли, при общем ликовании всех звезд и радостных восклицаниях богов-сыновей (БНИ-АЛЕИМ)».

В Библии нигде не сказано, как в Коране, «нет бога, кроме бога,» а говорится только, что Бог-Отец (Ю-питер по-латыни) «сильнейший из богов».

«Бог ваш,—говорит автор «Второзакония» богоборцам,—есть бог богов и царь царей—великий, сильный и страшный бог (Второзаконие, X, 17), да и в Псалмах (XLIX, 1), мы читаем о том, как однажды: «бог-**богов** (Йовис-Юпитер) призвал на свой суд всю Землю от востока до запада». А первую заповедь Моисея: «Я, Юпитер (ЙЕВЕ),—твой бог, и да не будет у тебя других богов кроме меня»—никак нельзя признать за их отрицание, а только за запрещенье им молиться.

Но если даже тут и есть противоречие остальным текстам Библии, то это показывает лишь на неустойчивость тогдашней

догматики, и классическая мифология не только не устраняется библейски-христианским мировоззрением, признающим даже личное существование противника бога-отца, Сатаны, а наоборот является как бы одним из его ответвлений и только после крестовых походов, и не без влияния агарянства, все боги-дети, кроме евангельского Христа, превратились отчасти в ангелов и демонов, отчасти в святых угодников того же бога-отца, Иовеса-Юпитера.

И это все замечательным образом подтверждается «Византийским антиком» Л. А. Мацулевича с политеистическими изображениями на явно христианских и даже на церковных сосудах VI и VII веков и заставляет нас пересмотреть заново весь «антик» (рис. 48—52, на стр. 94—99).

Вот почему и является необходимым сделать здесь хоть коротенькое изложение политеистического состояния христианско-мессианской теологии первых веков Великой Ромеи — Византии.

Еще раз повторяю, что большинство деталей является в ней продуктами индивидуальных фантазий мало известных (вне определенного круга) лиц, с которыми данный фантазер имел личные сношения, и потому их нельзя считать за что-либо всеми принятое в то время; но нам здесь важно усвоить их общий колорит, который, как геометрическая равнодействующая косо направленных сил, дает точно результативное направление их действиям в данную эпоху. С такой точки зрения пусть читатель и прочтет эту главу.

«Ни один народ при своем происхождении не стоял на такой степени образования, на какой бывал в позднейшее время своего развития, — говорит даже А. Г. Петискус,[1] а не только я один. — Не из рук природы выходит человек образованным, сведущим, опытным: ему нужно, выйдя из детства, пережить юность, когда постепенно развернутся его умственные силы, раскроются душевные побуждения, и фантазия (вообразительная способность) вступит в права свои; когда через расширение круга своих представлений и проверку собственных понятий окрепнет в нем лучшее понимание окружающих его предметов и сознание важнейших истин. Ему предстоит затем мало-по-малу выйти из-под преобладания фантазии, от которой много ошибок придется ему сделать в юности, и, наконец, достигнуть того, чтобы, признавши свои заблуждения, посвятить себя служению правде. Только тогда человек в состоянии постоянно устремлять свои мысли на предметы высокого значения, а силы свои — к благим и полезным целям.

«Как бывает с ходом развития отдельного человека, так, приблизительно, и с целым народом. Народ ведь тоже есть собрание отдельных личностей. Отсюда легко понять, что если имеют

[1] А. Г. Петискус. «Олимп. Греческая и Римская мифология в связи с Египетской, Германской и Индийской». Перевод П. Евстафьева 1873 г.

значение различные обстоятельства, сопровождающие умственное и нравственное развитие отдельной личности, то тем более имеют значение обстоятельства, влияющие на ход развития целого народа».

Я нарочно начинаю эту главу словами известного классика, книга которого в немецком подлиннике выдержала до своего перевода на русский язык двенадцать изданий, да и русский перевод в 1873 году вышел уже вторым изданием, а что было после этого года, у меня не нашлось времени разузнать. Так за что же бранят меня некоторые из наших историков, когда я только подтверждаю основное положение их собственного собрата? Ведь, все, что я здесь говорю, — только дальнейшее логическое развитие тех же самых идей.

Первоначальное состояние народа — невежество, во время которого он еще не знает ни себя, ни своих сил. Фантазия бывает тем деятельнее, чем менее внутренний умственный свет достиг в человеке полной ясности и чем менее выработано человеком рассуждение. Не имея возможности заметить свои заблуждения, он скоро доходит до того, что принимает создание своего воображения за абсолютную истину, и оно становится для него предметом религиозного верования. Не только в предметах видимой природы, но и в явлениях ее, и во всех событиях, совершающихся у него пред глазами, грезится ему деятельная сила того или другого неведомого, но могучего существа, и, благоговея перед силой, он старается почтением и любовью поддержать с нею доброе согласие и приобрести его благорасположение и охрану. От этих верований возникли все храмы и жертвенники с приношениями на них всевозможных даров; от них идут все церемонии очищения и умилостивительные жертвы.

Олимпийские игры праздновались раз в каждые четыре года в Пелопоннесе в Элиде, в високосные дни, в честь бога Отца (Зевса-Громовержца), и у нас нет основания думать, что времяисчисление по Олимпиадам (четырехлетиями) чем-либо отличалось от Юлианского, хотя и говорят, будто их ввел еще Геркулес. Нам внушают, что первая Олимпиада была за 22 — 23 года до основания Рима Ромулом, а потому, считая Ромула за Константина, вошедшего на царь-градский престол в 306 году, мы получаем для начала Олимпиадного счета 284 год, т. е. как раз начало эры Диоклетиана. Главным состязанием при них была быстрота бега.

Пифийские празднества в каждый третий год Олимпиады, в августе, происходили близ Дельф в честь сына божия от земной девушки Латоны, изобретателя струнных музыкальных инструментов, великого зодчего, избавителя от болезней, пророка, обратно вознесшегося после земной жизни в построенном им городе Св. Илии (Илионе или Трое созвучно с Траяном) на небо и получившего для езды по облакам колесницу Солнца, а потом отожествленного с самим Солнцем под именем бога Элиоса (откуда и имя пророка Илии, и имя ромейского царя Юлиана). Самое прозвище

его Погубленный (Аполлон, по-гречески) сближает его с евангельским Христом, а празднества в его честь назывались пифийскими из-за того, что он убил Вонючего Змия (Пифона, по-гречески), вероятно библейского змия-соблазнителя. Эти празднества начались, — говорят нам, — через 191 год после Олимпийских, т. е. по предшествовавшему счету в 475 году нашей эры (при императоре Зеноне) и сопровождались главным образом музыкальными состязаниями.

А Немейские или Истмийские празднества совершались через каждые два года на Коринфском перешейке в воспоминание об убийстве Геркулесом страшного Льва.

В чем заключалась религиозная философия того времени по словам классических авторов-апокрифистов?

Первоначально, — говорили они от имени древних, — был Хаос, беспорядочная смесь всего. Но вот в нем возникла Любовь,[1] соединившая между собою однородные вещества и установившая Порядок и Гармонию. От брака Хаоса и Любви произошли Тартар (т. е. подземный мир) и Земля, которая родила Море, Горы, Небо и Преддверие подземного мира (Эреб).

Ночь, выйдя замуж, родила прозрачный воздух (Эфир) и День.

Потом родились по числу знаков Зодиака шесть мужских и шесть женских божеств:

Зевс-Юпитер и Гера-Юнона.
Посейдон-Нептун и Деметра (мать богов)-Церера.
Аполлон и Артемида-Диана.
Гефест-Вулкан и Паллада-Афина (Минерва).
Арес-Марс и Афродита-Венера.
Гермес-Меркурий и Гестия-Веста.

Олимп, где жили боги, — говорят они, — первоначально отожествлялся с небом, и только потом деградировал на ту или другую из земных гор.

Другая параллельная легенда вариационно сообщает нам о 12 Титанах-Небожителях (уранидах, по-гречески), соответственно 12 знакам Зодиака, и тоже в виде брачных пар:

Койос и Тея.
Крик (Овен) и Реа.
Гиперион — и Фемида.
Япет (Юпитер?) и Мнемозина.
Океан (Нептун?) и Феба.
Кронос (Сатурн) и Тефида.

Одноглазыми циклопами назывались Гром, Молния и Сверканье (Аргус), вероятно в смысле метеорита. А сторукими назывались Котос, Гигес (Гиес) и Бриарей.

Затем идут неувязки, свидетельствующие о том, что все такие легенды развивались не в смысле какого-либо законченного в самом себе систематического рассказа, а соединены классиками насильственно в одну систему.

[1] По-гречески — Эрос, половая любовь.

Так, мужем Реи, которая оказалась дочерью Земли, является Свершитель (Кронос), сын Неба.[1]

Он низверг своего отца — Небо и женился на Рее, от которой у него родились: Гадес-Плутон, бог подземного царства, Посейдон-Нептун, бог морей, и Зевс-Юпитер, бог неба. А дочери их были: Гестия-Веста, Деметра-Церера и Гера-Юнона. Кронос проглотил пять своих детей, но младший из них Юпитер уцелел, так как Рея подала мужу вместо него камень. Но и первых пять детей Кронос изверг потом из своего чрева вследствие рвотного, которое дала ему Метиза, дочь Океана. С их помощью Зевс свергнул Кроноса с престола и сам сел на него. За это против него взбунтовались титаны, но с помощью «сторуких» Зевс сбросил их в Тартар. Тогда другие сыновья Земли — гиганты — стали громоздить горы на горы, чтобы достигнуть неба, но при помощи Геркулеса и они были низвергнуты в бездну и засыпаны горами и скалами. Тоже сталось и с чудовищем Тифоном, дуновение которого было всесокрушающим ураганом. И вот, власть Зевса была навсегда упрочена.

Другая легенда — тоже вне органической связи с предшествовавшими — говорит о Сатурне (т. е. Сеятеле), который, явившись к Янусу, царствовавшему в Римской области, научил его народ земледелию, и время его правления было золотым веком, когда люди жили беззаботно и весело. В воспоминание об этом, будто бы, были установлены в декабре пятидневные сатурналии с необузданным весельем, в котором все различия между сословиями уничтожались.

Жена Кроноса Рея отожествлялась, — говорят нам, — с Кибелой, да и саму супругу Сатурна Опсу смешивали с нею, отожествляя Сатурна с Кроносом. Под именем Реи она считалась дочерью Неба и Земли, а под именем Кибелы — дочерью фригийского царя Мэона, которая, выросши, вошла в любовную связь с фригийским Аттисом, за что Мэон казнил Аттиса, а Кибела в отчаяньи стала изливать свое горе в мелодических звуках и изобрела флейту.

Юпитер, спрятанный от Кроноса Реей, был воспитан козой, которая и стала звездой Капеллой (Козочкой) в созвездии Возничего. Время его царствования было серебряным веком, потом был век медный и, наконец, железный, когда богиня Справедливости (Астрея-Звездная), а с нею Верность, Правдивость и Стыдливость удалились с земли на небо.

Плутон, т. е. богатый, назывался еще по-гречески Гадес от Аидес — невидимый, откуда произошло и прозвище его Подземный Зевс, о котором Одиссей спрашивает:[2]

> «Как же, мой сын, ты живой мог проникнуть в туманную область
> Ада? Здесь все ужасает живущего: шумно бегут здесь
> Страшные реки, потоки великие; здесь Океана
> Воды глубокие льются; никто переплыть их не может, —
> Это одним кораблям крепкозданным возможно».

[1] По-гречески — Кронос, сын Урана, и как будто отожествляется с латинским Сатурном.

[2] «Одиссея», песнь XI.

Только Геркулесу, да Орфею и Данте удалось побывать в подземном царстве, где течет река Стикс, через которую Харон перевозит тени умерших, а кроме нее там текут еще Лета — река Забвения, Ахерон — река вечных страданий, Перифлегетон — Огнестремительная и Коцитос — река Вздохов.

Но царство Плутона апокрифисты-классики рисуют нам невполне похожим на новохристианский ад, потому что там находился и рай, называемый Элизией, и Острова блаженных, где жили души добрых, а в самой глубине Земли был Тартар, где страдали души злодеев.

В Элизии кротко царствовал Хронос-Время, а кто царствовал в Тартаре, не ясно, но страдания там были вроде тех, как и у христиан. Так, Тантал за свою жестокость, стоял там привязанный по шею в воде, но не мог утолить ею жажду, так как вода понижалась по мере того, как он наклонялся к ней. Он не мог утолить голод, потому что висевшие прямо над его головой плоды поднимались по мере того, как он приближал к ним рот. Царь Иксион все время вертелся там на колесе, Сизиф там втаскивал на гору, тотчас же скатывавшиеся с нее огромные камни, а Данаиды спешно наполняли водою бездонную бочку.

Адес-Плутон и его жена Персефона производили над душами умерших суд и решали, кому быть в Элизии и кому в Тартаре, причем им помогали умершие цари Минос, Радамант и Эак. Каждое столетие посвящались Плутону, кроме ежегодных, еще «вековые игры» в продолжение первых 12 дней февраля.

Жена Плутона — Персефона, а у римлян — Прозерпина или Либера, дочь Зевса, была похищена Адесом с неба, но половину жизни — летом и весной — она возвращалась на небо, а на осень и зиму уходила в подземное царство к мужу.

Перед Персефоной обыкновенно шествует Геката, дочь Тартара и Ночи, разгоняющая мрак своим факелом.

Матерью Персефоны была Мать богов (Деметра-Церера), подательница всех плодов и злаков, в честь которой справлялись праздники Тесмофории. Однажды, когда она обратилась в кобылицу, ее пагнал, обратившись в коня, Нептун-Посейдон, и она родила коня Ариона, наделенного человеческим разумом и словом, но от стыда за такое детище она долго скрывалась в пещере, пока не очистилась в воде реки Ладоны и не возвратилась на небо.

От жителя Крита — Язиона — Деметра имела сына Плутоса-Богатство, и с нею соединялось понятие о плодородной земле, почему римляне иногда называли ее Теллус (т. е. Земля) в противоположность небу. В «Одиссее» (песнь XIV, стих 242) она называется «державной супругой Зевса».

Веста или Гестия, сестра Деметры, была покровительницей Огня, а с ним и домашнего очага, но не захотела ни за кого выйти замуж. В ее римском храме, — говорят нам, — было шесть девиц-священниц, которые назывались весталками, ходили в белых одеяниях, и перед ними, как перед консулами, ликторы носили связки прутьев с воткнутыми в них топорами. Они посвящались в свое звание великим римским понтифексом еще девочками и только после 30-летнего возраста могли выходить замуж, оставив храм.

Праздники-весталии справлялись, — говорят нам апокрифисты, — в продолжение недели от 8 до 15 июня, когда чистили и убирали храм. Но летнее солнцестояние было 15 июня только в X веке нашей эры, что указывает не на глубокую древность, а на первый или второй век Священной римской империи Карла Великого. Иначе трудно представить, почему храм богини Огня убирался не в день солнцестояния или вслед за ним, а за много дней до этого знаменательного момента, притом же и дата 8 июня предполагает уже существование юлианского календаря. О времени нашей эры говорит и ритуал обновления огня на жертвеннике Весты на 1 число юлианского марта.

Арей, или Марс, был сыном Зевса от богини Геры. У него по греческим сказаниям были только незаконные сыновья Мелеагр, Цикнос, Партенопей, Деномей и др. А по римским сказаниям у него была жена Беллона. Его сестра была Распря (Эрида), всегда предшествовавшая ему. А о его любовной связи с Венерой в VIII песни «Одиссеи» рассказывается, что муж Венеры Гефест прикрыл их обоих нежданно на постели в неподходящем положении железной сеткой и пригласил всех богов и богинь посмеяться над ними.

Однако, еще прежде этого финала у Венеры от него родилась дочь Гармония и сын Ужас. Римляне называли Марса и богом-отцом (Deus Pater), а Венеру греки называли небесной (Афродита-Урания).

Гефест-Вулкан был тоже сыном Геры, и к его имени прибавляли эпитет плавильщик *(железной руды)*. Он был небольшого роста, за что по одним сказаниям мать, а по другим — Юпитер, сбросили его с неба на землю, причем он повредил себе ногу и стал хромым, подобно библейскому Иакову-Богоборцу. Но Бахус-Дионис помирил его с матерью. Гефест ввел промышленность и просвещенье и имел свою кузницу в жерле Этны, где выковал много удивительных вещей и между ними ту сеть, которою он прикрыл свою жену Венеру с Марсом. Но дворец его все же был на небе, как видно из XVIII песни Илиады:

Той порою Фетида достигла Гефестова дома,
Звездных, нетленных чертогов, прекраснейших среди Олимпа,
Кои из меди блистательной создал себе хромоногий.

23 юлианского августа (что опять указывает на такое время, когда был в официальном употреблении юлианский календарь), в честь Вулкана праздновались вулканалии, когда ему приносили в жертву Рыб (по-гречески — ΙΧΘΥΣ) т. е. анаграмму: Иисус Христос Феу Ийос Сотер (Иисус Христос Божий Сын Спаситель), чем до некоторой степени снова подтверждается мой вывод, что евангельская Голгофа была легендаризированная Сомма Везувия.

От Венеры-Афродиты у Гефеста не было детей, но было несколько от побочных жен, в том числе Эрихтоний от богини Земли (Геи). Его, как и Христа, изображали иногда возвращающимся на осле на небесный Олимп, а осла ведет Дионис-Бахус.

15 Зак. 66

Его единственная законная, но не всегда ему верная жена — Венера-Афродита, по одним сказаниям, была дочь Неба (Урана, погречески) и потому, как я уже упоминал, называлась «Небесной» (Урания) или Астартой (Звездной). Она, — говорят нам, — вышла нагая из пены морской волны, почему называлась часто «из моря вышедшей» (Анадиоменой). По другим же сказаниям она была дочь бога-Громовержца от Дианы, и называлась часто Дионеей.

Венера, кроме Адониса (или, как называли его древние сирийцы, «Абобаса, т. е. флейтиста), наградила особенным предпочтением также и смертного человека Анхиза. Анхизу произвела она Энея, сын которого Асканий (или, по римским сказаниям, Юлий) сделался родоначальником знатнейшей в Ромее фамилии, к которой принадлежал впоследствии и Юлий Цезарь. Между другими многочисленными ее детьми замечательнейшими были: Эрос и Антэрос (т. е. Любовь и Взаимность), Гименей и Гермафродит.

Афродита считалась древними богиней супружеств. Когда она явилась к отцу с жалобой на Диомеда, ахейского героя, ранившего ее в троянскую войну («Илиада,» песнь V), то Зевс ответил:

> «Милая дочь! не тебе заповеданы шумные брани!
> Ты занимайся делами приятными, сладостных браков;
> Битвы же бурный Арей и Паллада-Афина устроят».

На острове Кипре было у нее несколько храмов. В Карийском Книде была ее чудная статуя, произведение Праксителя. Ей посвящали: голубей, баранов, зайцев, дельфинов, лебедей, а из цветов: мирты, розы и некоторые другие красивые растения, яблоки и другие плоды. В Элладе символом ее была черепаха, а в начале эту богиню изображали в виде бесформенного камня, очевидно метеоритного происхождения, упавшего с блеском из созвездия Девы.

Другая вариация Венеры — Афина-Паллада, или Минерва, называлась по-гречески Тритогенией, Тритонией и Атенсей, и в мифе о ней повествуется, что она вышла из чернокудрой головы тучегонителя Зевса совсем вооруженною и что при рождении ее дрогнули небо и земля, вскипело море и померкло дневное светило. Опять указание на падение крупного метеорита в море близ Афин, тем более что и классическое имя ее Атенайя Паллас значит, выражаясь современным языком: Афинская бомба,[1] и кумиром ее был первоначально камень, по имени Низвергнутый (Palladium), который хранился в храме, но в Троянскую войну был похищен Одиссеем или Диомедом и увезен неизвестно куда.

Другие мифы говорят, что Афина была плодом союза Нептуна с нимфой Тритонией и Зевс только принял ее в число своих детей.

Дочь небесного свода, она была врагом Марса, ищущего только боя и кровавых схваток. Она укротила чудовищного ис-

---

[1] Атенайа (Ἀθηναία) — Афинская. Паллада (Παλλάς, Παλλάδος) от глагола палло (πάλλω) — стремительно бросаю, сотрясательно ударяю.

полина Энкелада, покровительствовала только героям, выступавшим на защиту правды. Она неотлучно сопутствует Геркулесу в его многотрудных похождениях, помогает Персею умертвить Горгону-Медузу. Вместе с Герой она покровительствует Аргонавтам и помогает Тезею исполнить свои подвиги против темных сил. Она преподает искусство прясть и ткать, ухаживать за новорожденными, играть на флейте и даже врачевать различные недуги.

В честь ее были установлены празднества Панатеней. Ежегодно праздновались малые Панатенеи, а в третий год текущей Олимпиады — большие.

Латинские ромейцы называли ее Минервой, т. е. богиней размышления, и тоже говорят, что ее изображению, Палладиуму, посвящен был ежегодный праздник, который продолжался 5 дней, от 19-го до 23-го марта.

Таковы были средневековые легенды о Небесной Деве, превратившейся потом в евангельскую деву Марию. Рассмотрим вслед за ними и старинные зародыши легенд и о ее сыне «Спасителе», где астральное уже поглотило почти все, что могло быть реальным в жизни основателя христианской литургии «Великого царя».

Его классическое изображение — полубог Феб-Аполлон, он же Гелиос или Солнце, был, как и Христос, сын Зевса, рожденный вместе с Артемидой (Дианой) от девушки Леты (Латоны).

Позднейшие греческие писатели не делают различия между Аполлоном и богом Солнцем — Гелиосом; точно так же и латинские смешивают их, давая обоим одно основное значение — бога солнца. Но миф об Аполлоне (которому придано название Феба, в смысле солнечных лучей, тогда как матери его дано имя Леты, т. е. Сокрытой, в смысле темной ночи) получил в последовательном своем развитии такой обширный смысл, что основное его значение почти утратилось в Эпоху Гуманизма. Гелиос (или Гиперион) обозначает собственно дневное светило, как оно является на видимом небе, со всеми переменами, сопровождающими появление его в продолжение дня и года.

Позднейшие классики нам говорят, что он вставал ранним утром, лишь только розоперстая Эос (богиня утренней зари) возвестит о его приближении, и несся по небесному своду в пылающей колеснице, на огненных конях, ночью же он пребывал в золотых чертогах прекрасной Тефисы.

Он был бог активной бодрой жизни: куда только достигали солнечные лучи (или, говоря языком гуманистов, стрелы Аполлона), все снова оживало.

Он является то верховным покровителем пастухов, беззаботно услаждающих себя свирелью; то богом врачевания, благоприятствующим росту трав, исцеляющих недуги; то богом музыки, который светом и теплом пронизывает всю живую природу; то наконец богом-предвещателем, легко приподымающим таинственную завесу будущего, проливающим свой свет в далекие темные пределы мира. Врачи, поэты, художники пользовались непосредственным покровительством его.

Как бога врачевания, Аполлона-Гелиоса звали Пэаном или Пэйоном; как бога музыки и поэзии — Цифаредом, а как предводителя сонма муз — Музагетом; в удел ему дали вечную юность

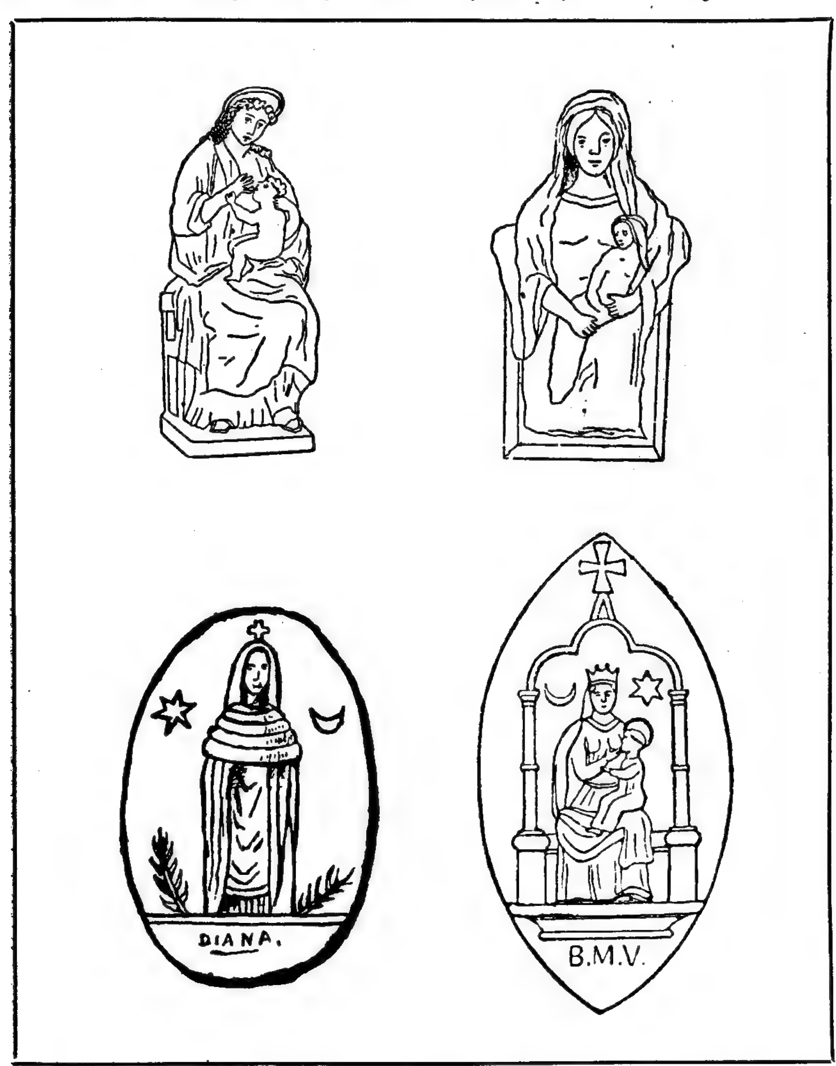

Рис. 66, 67, 68 и 69. Видоизменения Божьей Матери при ее переходе в разные страны. 1. Юнона с младенцем Марсом *(по Мальверу)*. 2. Деметра с младенцем Бахусом *(по Мальверу)*. 3. Диана *(по Брока)*. 4. Салисбюрийская Богородица *(по Брока)*.

и силу. Но в нем же иногда видели и бога смерти, слетающей вместе с «тихой стрелой дальноверзца».

В качестве Музагета его изображали в длинных одеждах, ниспадавших до земли, поверх которых был еще наброшен об-

щий покров с жертвенником боговещателя, а в звании Элиоса он представлялся с лучами солнца вокруг головы, причем четверо быстрых коней мчат его огненную колесницу по небесному своду.

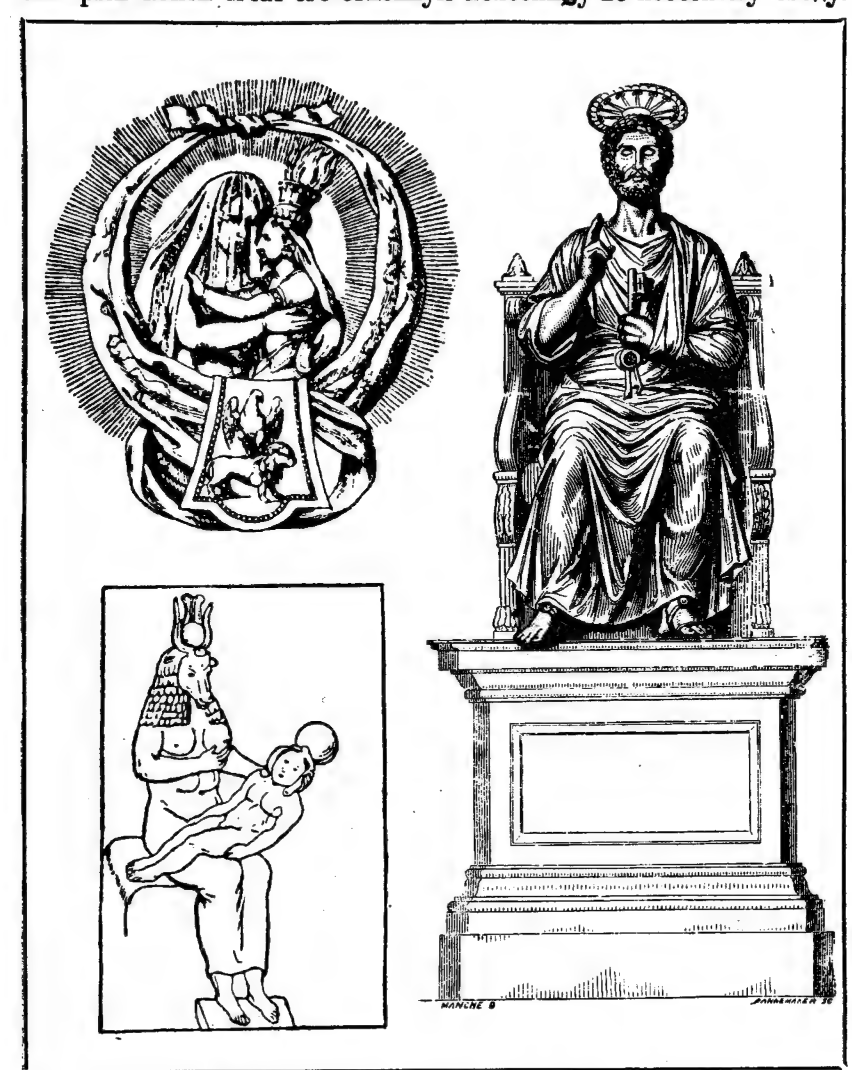

Рис. 70, 71 и 72. Видоизменения Божьей Матери при ее переходе в разные страны. 1. Индийская богородица с младенцем *Кришной-Христом* и с Созвездиями Зодиака внизу *(по Иеремиасу)*. 2. Египетская богоматерь Гатор с младенцем Озирисом *(по Иеремиасу)*. 3. Ромейский метеоритный камень в образе апостола Петра *(статуя в соборе апостолов в Риме)*.

Нам говорят, будто его вскормила не мать, а богиня справедливости Фемида, и не молоком, а нектаром и амврозией, от которых он через несколько часов после рождения уже был бле-

стящим юношей. Много областей прошел он прежде, чем достиг глубокой Дельфийской долины, где уничтожил ужасное чудовище, вонючего змия Пифона, за что и получил почетное имя Пифоса, т. е. Вонючего. Но дар провещаний дал ему сам его отец Зевс, библейский Иегова, и потому в его вещаниях видели выражение предначертаний творца миров.

Раз Аполлон убил за что-то нескольких циклопов и этим возбудил такой гнев своего бога-отца, что был на некоторое время вовсе изгнан из сонма небожителей. Он, как простой смертный, стал служить в это время на земле сначала хранителем стад у своего друга, фессалийского царя Адмета, а после в том же звании у Лаомедона в Малой Азии. От союзов Аполлона с богинями и дочерьми смертных родилось многочисленное потомство: от Корониды — Асклепий, или Эскулап; от Крезы — Ион; от Каллиопы — Орфей и Гимен; от Талии — жрецы Кибеллы, корибанты.

Рис. 73. Старинное видоизменение евангельского Христа — Аполлон Дельфийский со своими символами: созвездием Рыб, крыльями возносящими его на небо, и лирой поэта. (По Гиро: «Частная и общественная жизнь греков».)

Он преподал дочери Главка Деифабе дар гаданья в пещере близ города Кумы в южной Италии, почему она и была известна под именем Кумской Сивиллы. Ей принадлежали те три сивиллинские книги, в которых заключались предсказания о судьбах Ромейского государства. Тарквиний Гордый купил их у Сивиллы, и их берегли в Капитолии, как зеницу ока, до тех пор, пока, при Сулле, не истребил их страшный пожар в Риме.

Его сестру полубогиню Артемиду смешивали с Селеной, как и самого Аполлона смешивали с Гелиосом. Ее звали Мунихией, т. е. богиней лунной ночи, Ликией, богиней света, Дельфинией, Дафнией и Описой, т. е. светлым оком ночи. Она была двойничной сестрой Аполлона, рожденной богом-отцом от девушки Латоны, вместе с ним, но прежде его. Как Аполлон был олицетворением солнца, так и Артемида служила олицетворением луны.

По символистике затмений солнца и луны, все неожиданные скоропостижные смерти считались происшедшими от Артемиды или Аполлона; про таких умерших говорили, что мужчин поразил Аполлон, а женщин — Артемида «своей неслышной стрелой».

Богиней охоты стали ее считать, вероятно, от того, что около новолуния она принимала форму охотничьего лука. Обыкновеннее всего ее изображали в виде стройной девы, с высоко-

опоясанной туникой, с ногами, обутыми в легкие сандалии, но это, конечно, было уже у поздних классиков Ренессанса.

Второй вариацией классических мифов о Христе был полубог, открывший людям вино.

Ни один из ромейских полубогов не имел столько разных прозвищ в Эпоху Гуманизма, как Вакх, которого поэтому звали «многоименным». Он был, как и евангельский Христос,— сыном бога-отца и девушки (Семелы) и получил потом прозвание Дифирамба, т. е. «дважды рожденного» (умер и воскрес). Детство он провел весело — среди нимф, сатиров, силенов, пастухов и виноделов. А выросши, он прошел все страны, до самой Индии, и повсюду научил народы возделывать виноград и преподавал им много искусств. Особенно же он учил людей стоять за правду и справедливость.

В свите Вакха, иначе Диониса, повсюду бежали сатиры, фавны, вакханки и силены. Во время одного из таких своих шествий на острове Наксосе он встретил Ариадну, дочь Миноса и, плененный ее красотой, избрал ее себе в супруги. Но и до нее были у Диониса плоды союзов с нимфами и богинями, например, от Афродиты у него родились Гименей и Приап.

Рис. 74. Пифия, священница Аполлона Дельфийского.

Такова была вторая классическая вариация сказаний о Великом Царе-Мессии, развивавшаяся параллельно мифу о евангельском Христе, шествовавшем провозвещать правду в сопровождении свиты «блудниц» и завещавшем на «тайной вечери» пить красное вино в его воспоминание.

Насколько разнообразны были представления о Вакхе, настолько же разнообразны были и церемонии, которыми сопровождалось широко-распространенное почитание этого полубожества.

Празднества в честь Вакха — вакханалии — отличались такой необузданной вольностью, что ромейские законы их сперва ограничили, а после и совсем уничтожили, вероятно, из-за распространившихся от них венерических болезней.

Вакху посвящены были: виноградная лоза, плющ и гранатник. В жертву ему приносились козлы и свиньи. Изображения его в описаниях классиков отличались необыкновенным разнообразием. На одних классических рисунках он представляется в виде человека почтенных лет, в длинной, до-полу, одежде. На других он изображен, напротив, в виде юноши, почти с женственной красотой. Его волнистые кудри перевиты плющем и виноградными ветвями, а вместо одежды накинута кожа козули. На лице его едва заметные рожки, откуда и произошло еще в старину выражение «ставить рога».

Третий вариант тех же мифов об основателе христианской литургии распался еще в средние века на сказания о двух одно-

именных полубогах гермиях или гермесах. В Египте его поместили под названием Гермия Трижды Величайшего, отца всех наук. А в Ромее он оказался просто под именем Гермеса, но уже совсем с другими качествами.

В Ромее Гермес был тоже полубог, сын Зевса и Майи (что значит — мать-кормилица), дочери богатыря Атласа. Он стал богом торговли и покровителем дружественных международных отношений, богом предусмотрительности, хитрости и красноречия, даже покровителем плутов.

Рождение его от дочери Атласа совершилось в темную ночь в уединенной, скрытой от взоров, пещере аркадской горы Киллены (в нынешней Морее). И тотчас по рождении проявилась его ловкость. В темную ночь он вышел тайком из своей пещеры и похитил лучшую часть стад своего брата Аполлона. Похитивши затем у Зевса скипетр, у Афродиты пояс, у Посейдона трезубец, у Арея меч, у Гефеста щипцы, а у Аполлона, кроме стад, еще и лук и стрелы, он всех обиженных сумел развеселить и расположить в свою пользу.

Раз Зевс, желая укрыть свою возлюбленную Ио от ревнивых преследований Геры, обратил ее в корову, но Гера, узнавши об этом, поручила стоглазому Аргусу смотреть за коровою во все глаза. Зевс отдал приказание Гермесу высвободить Ио из-под надзора Аргуса, но Аргус даже в глубочайшем сне закрывал только пятьдесят глаз, а остальные смотрели. Однако, Гермес расположил в свою пользу неусыпного стража, приятными историями, а потом стал наигрывать на свирели такие удивительные вещи, что Аргус заслушался, и его глаза стали смыкаться одни за другими. Когда уснуло последнее око, Гермес убил чудовище и освободил Ио.

Он сделал лютню не только Аполлону, но и фиванскому певцу Амфиону, и выучил Паламеда писать буквами. Он присутствует всюду, где опасные приключения требуют благоразумия, направляет на истинный путь сбившихся с него, является верным помощником изгнанников и покровителем их в чужой земле, среди враждебных людей. От Гермеса и Афродиты родился Гермафродит, полумужчина, полуженщина.

На перекрестках дорог ставили Гермесу, как покровителю государственных и торговых путей, особые изображения в виде его головы, поставленной на каменном столбе. Всякий проходящий мимо такой статуи (гермы) должен был положить тут в честь ее камешек.

Он был распорядителем жертвоприношений и сам принес в жертву нескольких коров из стада, похищенного им у Аполлона.

* * *

Посмотрим теперь и на других богов и полубогов классического пантеона, которые как будто уже не имеют отголосков в евангельских сказаниях или в «Житиях Святых». Зародыши легенд о них могли появиться даже в первые века нашей эры, существовать во весь до-кумироборческий период и пройти через

него до очень позднего времени. Но в окончательном виде мы имеем о них сведения только от писателей Эпохи Гуманизма в Западной Европе.

Фемида, дочь Урана и Геи, олицетворяла собою правосудие. Она долго противилась желаниям Зевса, но сделавшись наконец его супругой, произвела Астрею (другое имя Венеры).

На Олимпе, постоянном пребывании Фемиды, ее звали Небесною (Уранией). В продолжение золотого века она, — говорят нам, — лично судила и научила людей правосудию, а когда люди утратили свои первоначальные нравственные совершенства, она удалилась снова в свое небесное жилище. Это опять — созвездие Девы.

Дочери Зевса и Фемиды — «Горы» — были богинями времен года. Обыкновенно признавали трех Гор, изображения которых сопровождали аттрибутами весны, лета и осени (цветами, колосьями, овощами). Но на некоторых изображениях встречается и четвертая Гора, с охотничьей добычей, хотя она нигде не названа особым именем.

Они сопровождают Афродиту наравне с харитами и Аполлона наравне с Музами. Весеннюю Гору звали Хлориссой, а у латинян ей отвечает Флора.

Янус не был известен грекам, но почитался очень высоко латинами. Некоторые смешивали Януса с Сатурном, а другие говорили, что они различны и что Сатурн, изгнанный из Греции, сам пришел в Лациум к Янусу, и оба они управляли народом сообща.

С астрономической точки зрения приходится принять безусловно последний вариант, потому что Янус своими двумя лицами мог изображать только Меркурия, к которому ежегодно заходил Сатурн. Одно из его лиц — юношеское — относилось к тому случаю, когда он выглядывал из-за солнца утром, а другое — старческое лицо, — когда он делал это вечером. Поэтому и называли его Бифронс (двулицый) или Теминус (двойничник).

В честь его праздновали первый день названного по его имени месяца (января), как начало нового года. Нума Помпилий, хронологически налегающий у нас на Великого Царя Мессию, ввел, — говорят нам, — в Ромее всенародное почитание Януса... А 1 января и до сих пор празднуется по Юлианскому календарю как день основателя христианской литургии — Великого царя (Василия Великого), он же повидимому и Юлиан.

Бог Пан в переводе значит: пастух, по церковному — пастырь, как называл себя и Христос. Классический бог зеленеющих долин и горных пастбищ, он смешивался с Дионисом (Вакхом), т. е. другой вариацией Христа. Пастырь этот, однако, любит игры и пляски, любит пастушью свирель, которую и называли флейтою Пана, потому что она была его изобретением. Пана также окружают нимфы и ореады, пляшущие под звуки его сиринксы, или спасающиеся от любовных преследований этого бога.

Разнозначное с ним божество у латинян был Фавн, или Фатус,

14 Зак. 66

которому давали однако отдельное происхождение. Места его оракулов находились обыкновенно в рощах. Приходившие вопрошали его, потом приносили ему жертвы и проводили ночь на шкурах принесенных животных. В том, что видели во сне, они находили ответ оракула. А жившая с ним Фауна раздавала оракуловы ответы только для женского пола.

По одним сказаниям она была жена Фавна, а по другим — его дочь. О ней много мифов, но происхождение и значение их очень темны. Ее смешивают то с богиней Опсой, то с Кибелой, то с матерью Бахуса, Семелой, или с матерью Гермеса, Майей, то с Геей, то с Гекатой, то со многими другими богинями. В честь ее праздновали 1-го мая особое празднество, ночью, с веселой обстановкой, с музыкой, пением, плясками и с «Дионисовым плодом», при различных странных обычиях и при участии только одних женщин.

В дополнение к этой апокрифической классической теогонии, изложенной здесь главным образом по книге Петискуса «Олимп», я расскажу еще о Геракле-Геркулесе, особой вариации библейского Самсона — тоже одной из вариаций «Великого царя».

Гeракл уже не считается полубогом, хотя и был таким. Он родился от Зевса и Алкмены, супруги царя Амфитриона. Но Амфитрион, как и Иосиф, муж Марии, не гневался на свою супругу за ее божественного ребенка. Напротив, он всеми силами старался, чтобы лучшие наставники преподали Гераклу воинские упражнения и изящные искусства.

Первые подвиги Геракла были: умертвление льва, опустошавшего на горе Кифероне стада царя Тестия, и освобождение своего родного города Фив от дани, наложенной на него хищными соседями орхоменцами. Потом Геракл отправился за советом к оракулу и тот ответил, что ему необходимо подвергнуться 12-ти испытаниям у Эврисфея, чтоб заслужить себе бессмертие. Геракл ушел, как Христос, в пустыню и после долгой, упорной борьбы с собою самим, явился к Эврисфею, чтоб наложить на себя тяжелое испытание. Двенадцать работ, заданных ему одна за другой, он выполнил самым блестящим образом.

1) Прежде всего он задушил так называемого Немейского льва, который в лесах и на полях Арголиды производил страшные опустошения, не боясь ни стрел, ни копий. Геракл охватил его шею своими могучими руками, поверг, как библейский Самсон-солнце, на землю и задушил его. Содравши кожу, Геракл надел ее на себя. Это навеяно солнечным затмением в пасти созвездия Льва на закате.

2) В той же области свирепствовало чудовище о ста головах, которые тотчас же вновь вырастали, если уничтожали которую-нибудь из них. Это — Гидра, прозванная Лернайскою и вовлекавшая в болото людей и животных (созвездие Гидры подо Львом). Геракл рубил серпообразным мечом ее головы, одну за другой, а Иолагай прижигал их и тем мешал наростанию новых.

3) Царь повелел Гераклу доставить ему лань, посвященную

Артемиде. Она была с золотыми рогами, на медных ногах, спорившая быстротой с нагорным ветром и называвшаяся Киринейскою. Геракл неутомимо преследовал ее в течение целого года, ранил и пронес на плечах по Аркадии.

4) Эримантийский свирепый кабан навел ужас на всю Фессалию. Геракл взвалил хищника к себе на плечи и так быстро и неожиданно предстал с добычей перед царем Еврисфеем, что тот в ужасе спрятался в бочку.

5) Гераклу назначено было очистить весь скотный двор Авгия, где долгое время стояли три тысячи волов. Навозу набралось неимоверное количество. Геракл прорыл канаву от этого двора к рекам Алфею и Кладею, и впустил воды их в ограду. Двор очистился сам собою.

6) Эврисфей повелел Гераклу прогнать Стимфалид, огромных хищных птиц, с железными крыльями, клювами и когтями, которые жили около озера Стимфала и могли метать свои перья как стрелы, а клювами пробивали даже медные латы. Они убивали в окрестностях множество людей и животных. Но Геракл обернулся и вдруг увидел Афину. Богиня вручила ему две медные трещотки и исчезла. Стимфалиды перепугались их страшного треска и поднялись на воздух, где Геракл своими стрелами убил их множество на-лету.

7) Эврисфей велел Гераклу укротить свирепого быка (созвездие Тельца, отражаемого Орионом), который опустошал пастбища на острове Крите. Геракл одолел разъяренное животное и явился в Микены с добычей на плечах. Но Эврисфей выпустил быка, который не замедлил опустошить поля в плодоносной Марафонской долине в Аттике.

8) Геракл был отправлен за конями фракийского царя Диомеда, которые более были похожи на тигров. Геракл смело встретил свирепых чудовищ, сокрушил свирепого их вождя, а его коней, обуздавши, доставил к Эврисфею, но царь повелел прогнать их подальше, в ущелия гор, на жертву диким зверям.

9) Царь приказал Гераклу, во что бы то ни стало добыть воинскую перевязь Гипполиты, царицы амазонок. Геракл отыскал Гипполиту, сразился с нею и со всею ратью ее войнолюбивых подруг и, добывши перевязь, поднес ее дочери Эврисфея.

10) Царь послал его на остров Эритию, на океане, отбить у владыки острова, Гериона, его многочисленные стада. Ни исполин Герион о трех туловищах, ни свирепый трехглавый пес, сторожививший стада, не могли устоять под ударами его палицы. Геракл умертвил обоих, стада же привел в Микены.

11) Гераклу повелели достать из сада Гесперид несколько золотых яблок. Никому не было известно, где этот сад, но пособил Гераклу исполин Атлас. Геракл проник туда, убил дракона, оберегавшего плоды, и вволю набрал себе золотых яблок. За это Геракл должен был облегчить участь Атласа и несколько времени подержать за него небесный свод.

12) Царь повелел Гераклу увести из Аида зубастого стража

его, Цербера. Не вынесли тамошние медные двери напора плеч Геркулеса, так как сама Афина содействовала ему. Поколебались двери ада на своих основаниях и грохнулись так, что все своды небесного царства потряслись до самого верху. Победоносно явился Геракл к Эврисфею с Цербером и опять отнес его на прежнее место. Этот подвиг напоминает сошествие в Ад евангельского Христа и навеян землетрясением.

Так кончилось рабство Геракла, наложенное на него богинею Герой.

Здесь мы видим уже новый вариант мифа о Великом Царе Мессии, наряду с мифом о пророке Илии и о евангельском Христе, но миф тут осложнился.

Кроме этих 12 работ, соответствующих 12 месяцам года, Геракл совершил множество других знаменитых подвигов. Так, в Египте царь Бузирис, сын Посейдона, по совету оракула, приносил в жертву Зевсу всякого иноземца, приходящего в его землю. Геракла тоже связали и обрекли Зевсу, но герой разорвал свои узы, умертвил оракула, присоветовавшего такие жертвы, а за ним и самого Бузириса, и принял участие в походе Аргонавтов.

Затем, он воротился в Фивы, где впал в помешательство и даже неистовствовал в святилище Дельфийского оракула. Но жрица Аполлона провещала, что он исцелится, когда снова прослужит рабом три года. И вот, он вступил на службу к лидийской царице Омфале и выздоровел.

Царь города Илиона (Трои) Лаомедон обещал тому, кто освободит дочь его, Гезиону, от морского чудовища, отдать ее в супружество. Геракл спас Гезиону, но обещанного не получил и потому пошел войной на царя, заключивши союз с другими героями: Теламоном, Пелеем и Оиклесом. Теламон первый взобрался на стену. Троя была взята, Лаомедон и все семейство его погибли от стрел Геракла. Только Гезиона осталась в живых, да ее брат, Подаркес: Гезиона, доставшись победителю Теламону, упросила его пощадить жизнь своему брату, что и было исполнено.

А Геракл стал искать себе в супружество Иолу, дочь эхалийского царя Эвритоса. Он исполнил все обязательства, наложенные ее отцом, но обещанной Иолы тоже не получил. Он взял себе некую Дианиру, выдержав из-за нее тяжелую борьбу с рекой Ахелоем, и пошел на Эвритоса наказать его за вероломно нарушенное слово. Он взял и разрушил город царя и уничтожил его семейство. Только Иолу пощадил, и с нею вместе отправился принести благодарственную жертву Зевсу. Сердце первой жены Дианиры сжалось тоской, когда она узнала, что Иола идет с Гераклом. У нее была таинственная мазь, которую подарил ей коварный Нессос, один из Центавров в отмщенье за рану, нанесенную ему Гераклом, говоря, что она возвращает утерянную любовь. Когда к Дианире явился посол от Геракла за белой одеждой к жертвоприношению, несчастная Дианира умастила ее роковой мазью. Лишь только облекся ею Геракл, как неотразимый яд проник все его существо. Спасения не было. Несчастная Дианира, узнавши об этом, лишила

себя жизни. А Геракл, чувствуя близость смерти, велел перенести себя на гору Эту и построить огромный костер. Он подарил своему другу Хилоктету на-смерть ранящие стрелы, лег на зажженный костер, и дух его, расставшись с телом, воспарил к сонму Олимпийских божеств, где, примиренный с Герою, он разделил с богами бессмертное блаженство, став в то же время супругом вечно-юной и вечно-прекрасной Гебы.

Уже и до меня указывали на астральный характер этого мифа и на сходство его с мифом о Самсоне, т. е. в переводе — богатыре-Солнце (по-гречески — богатыре-Илье, или иначе: богатыре-Юлии, богатыре-Юлиане, давшем начало мифу и о евангельском Христе). И Геракл действительно попал и на небо, в существующем и теперь созвездии Геркулеса (рисунок ранее на стр. 172).

Таковы были главные боги и богини, которым поклонялись ромейские императоры вплоть до богоборства Льва Исаврийского (717-741 г. г.). И если Константин Святой и не служил всем им без исключения, то лишь потому, что сказания о них возникли уже после него. И части этих же богов служил и сам основатель христианской литургии и его любимый ученик Иоанн Золотые Уста, так жадно ждавший «его возвращения на облаках небесных». Единобожниками сделали их лишь поздние средневековые теологи, когда кумироборство Льва Исаврянина расшатало весь этот первоначальный пантеон, и новое мировоззрение (считавшееся лишь восстановлением первичной религиозной чистоты) нарядило и их в свои монашеские одежды и приписало им свои собственные взгляды на хорошее и дурное.

Я здесь не буду передавать все остальные мифы о древних богах, которые в сущности сводятся, как и рассказы о святых и о еретиках первых веков христианской эры к фантазиям Эпохи Возрождения. Но корни их были уже в средние века Ромейской империи. Об этом свидетельствует и еврейско-арабское происхождение многих их имен, как читатель увидит из следующей главы.

ГЛАВА VIII

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ОБЩНОСТИ ЕВРЕЙСКОЙ И РОМЕЙСКОЙ МИФОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ В ПЕРВЫЕ ТРИ ВЕКА ВЕЛИКОЙ РОМЕИ

Уже не раз я говорил, что множество мифологических имен взяты в греческий и латинский языки с еврейского, но благодаря разрозненности моих заметок по этому предмету, филологи не только не обратили на них внимания, но даже высмеивали меня, попрекая недостаточным знанием еврейского языка. И это

совершенно напрасно. Вот, например, лишь часть сопоставлений, которая прислана мне **настоящим** ученым гебраистом, Борисом Исаевичем Топоровским. Все толкования здесь принадлежат ему, но перевод букв еврейской азбуки на соответствующие русские сделан мною по схеме, данной в I книге «Христа». Вследствие того, что в семитических языках гласные в средине слов не пишутся (вроде того, как в славянском находим слово бог в виде БГ, человек в виде ЧЛК и т. д.), здесь получаются не произносимые (без вставки глухого звука Ы) сочетания согласных, которые и называются корнями данных слов (и эти корни обычно бывают трехбуквенные, как и в языке корана). Вот почти целиком его статья.

* * *

Предположения

о наличии семитических корней в некоторых названиях из греческой и римской мифологии

(Б. И. Топоровский.)

1) АДОНИС — бог веселья. Можно произвести от слова АДУН (אדון) — властелин. Но мне кажется надо обратить внимание и на корень ЭДН (עדן) — услада. Отсюда греческое слово Эдонэ (ἡδονή), в дорическом диалекте *адона* (ἁδονά) — радость, восторг, которое известный гебраист Гезениус считает того же корня. Такое предположение является приемлемым и по той причине, что божеская пара Адонис и Афродита также называется Адонайя (Ἀδωναία).

2) АИД (Ἀΐδης) — ад, от АИД (איד) — несчастье, гибель.

3) АМАЗОНКИ (Ἀμαζόνες). Тут Амазон (Ἀμαζών), производится от АМАЗ (אמץ) — сильный, крепкий.

В книге пророка Даниила в главе XI (пункт 17), мы встречаем «Город жен (בת הנשים) предан будет на разорение». Можно полагать, что это место в Библии является отзвуком греческого мифа об Амазонках.

4) АВРОРА (Aurora) — заря, богиня утренней зари. Считая *А* за определительную приставку, имеем корень ВРР (ברר) — сделать ясным.

5) АМФИТРИТА (Ἀμφιτρίτη) — Амфитрита, богиня моря — жена Посейдона; поэтически — просто море, разделяющее земли. Отбросив *А* как определительный префикс, имеем корень ФТР (פטר) — отделять, удалять.

По аналогии с этим и греческое *Пелагос* (πέλαγος) — море, имеет корнем ПЛГ (פלג) — разделять. Также и по-ассирийски palgu значит — канал.

6) АРА (Ἀρά) — Ара, греческая богиня проклятия, от корня (ארר) — проклинать.

7) АТЛАНТ (Ἄτλας) — титан, поддерживающий на себе небесный свод. Профессор Вейсман считает тут очень вероятным корень ТЛА (латинское tulu) — носить. Кроме того ТЛЕ (תלה), по-арамейски — ТЛА (תלא), по-ассирийски — tullu, значит — опустить колонну. Тогда Атлант — это тот, который представляет из себя колонну, подпирающую свод небесный.

8) АФРОДИТА (Ἀφροδίτη), по-латыни — Венера (Venus, Veneris) — богиня любви. Считая *А* за приставку, найдем корень ФРЕ (פרה) — быть плодоносным, откуда по-латыни — fructus, плод. По-еврейски есть еще ФЭУР (פעור), языческий бог, упоминаемый в библии, от корня ФЭР (פער) — жаждать, страстно желать чего-либо.

9) АСКОЛИЯ (Ἀσχώλια) — Асколия, праздник в честь Вакха, бога виноградных гроздьев, от еврейского АШКЛ (אשכל) — виноградная кисть.

10) АДРАСТА (Ἀδράστη) — Адраста, греческое название Немезиды, богини возмездия. Считая *А* за приставку, имеем корень ДРС или ДРШ (דרש) — расследовать, требовать возмездия.

Судили умерших, после их смерти, трое загробных судей: ЭАК (Αἰάκος) от корня ЭУК (עוק) — давить; Радамант (Ῥαδάμαντος) от корня РДМ (רדם) — оглушать, приводить в бесчувственное состояние, и Минос (Μίνως) от корня МНЕ (מנה) — определять, обрекать на что-либо. Судебными исполнителями являлись три фурии (furia), богини, наказывавшие грешников после их смерти. Но слово фурия имеет корнем ФРЭ (פרע) — обнажать, наказывать. Имена трех фурий были: Алекто (Alecto) созвучно с ЭЛУКЕ (עלוקה) — вампирообразное, демоническое существо; Мегера (Megaera) от корня МГРЕ (מגרה) — пила, или от МГУР (מגור) — страх, и Тисифона, имя которой, возможно, имеет корнем СЭФ (סעף) — разодрать, разорвать пополам, а *Т* — обычная приставка.

11) БЕЛЛОНА (Bellona) — латинская и греческая богиня войны. Того же корня латинское bellare — воевать, и греческое белос (βέλος) — стрела, созвучно с еврейским БЛА (בלא) и ассирийским balû — истреблять, уничтожать.

12) ВУЛКАН (Vulcanus) — супруг богини Венеры, бог огня и кузнецов. Созвучно с библейским Тувалкаином, изобретателем ковация железа и меди (Книга Бытия, VI, 22).

13) ДИОСКУРЫ (Διόσκοροι) — Диоскуры, Близнецы — сыновья Зевса-Диоса, Кастор и Поллукс. Оставив первый корень ДИО, как указывающий на Зевса, имеем еще корень СКР (שכר), по-арамейски тоже СКР (סכר), а по-ассирийски — taskirtu, разрывать союз. Имя первого близнеца Кастор созвучно с КСР (קשר), по-ассирийски — kasaru, связать, соединять, и созвучно с *Кесарем*. Имя второго близнеца Поллукс (Pollux, Pollugs) — созвучно с корнем ПЛГ (פלג) — отделять.

14) ДРАКОН (Δράκων), в Библии — тоже ДРАКОН (דרקון).

15) ЕСТИА (Estia) — греческая богиня огня и домашнего очага и латинская Vesta — Веста. По-арамейски — АЙСТА (אישתא), по-ассирийски — Isatu.

16) ЕРЕБ (Erebus) — бог мрака, созвучно с еврейским ЭРБ (ערב) — заходить *(о солнце)*, быть черным.

17) **ЕЛИЗИУМ** (Elysium). Елизиум, обиталище праведных после смерти, от еврейского корня ЭЛЗ (עלז) — радоваться, веселиться.

18) **ЗЕФИР** (Ζέφυρος), по-еврейски — ЗФРЕ (צפרה), зефир, легкий ветер.

19) **КАБИРЫ** (Κάβειροι) созвучно с КБУР (כבור), могучий, сильный.

20) **ЙАПЕТ** (Япет), по-латыни — Japetus, гигант, отец Атласа, по-еврейски — младший сын Ноя (יפת).

21) **ИОНИЯ** (Греция), еврейское — Йун (יון).

22) **КЕНТАВР** (Κένταυρος) — Центавр, получеловек и полулошадь. Начало этого слова может происходит от КНА (קנא) — враждовать против кого-нибудь. Созвучно с греческим *Кеноо* (Κενόω) — опустошать, а конец этого имени *Таврос* (греческое — ταῦρος, бык; по-латыни — taurus, соответственно саббейскому ТУР (תור), финикийскому ТОР (θωρ)

23) **КЕРБЕР** (Κέρβερος) — Цербер, собака, охраняющая подземное царство. Созвучно с корнем КРБ (קרב) — наступать, нападать.

24) **КИБЕЛА** (Κυβέλη) — Кибела, мать богов, от корня КБЛ (חבל — рождать, так как буква ח произносилась как Kh).

25) **КОРИБАНТЫ** (Κορύβαντες) — жрецы Кибелы, от корня КРБН (קרבן), по-ассирийски — Kurbanu, жертвоприношение богу.

26) **КРОНОС** (Κρόνος) — отец Зевса, древнейший из богов, от корня КРН (כרן) — сила.

27) **МЕРКУРИЙ** (Mercurius) — бог торговли, от еврейского корня МКР (מכר) — продавать, по ассирийски — МАККУРУ, тоже — продавать.

28) **МОРФЕЙ** (Morfeus) — бог сна, от корня РФА (רפא) — успокоение, с обычной приставкой *М*.

29) **МИНОТАВР** (Minotaurus) — *Минотавр*, человек с головой быка. О корне тавр мы уже выше говорили: это — арамейское ТУР (תור) — бык, а начало этого имени *Мино* созвучно с еврейским МИН (מין) — вид, видимость.

30) **НЕПТУН** (Neptunus) — бог морей, а иносказательно и само море, созвучно с НПТ (נפת) — течение.

31) **ПАРКА** (Parca) — богиня смерти, разрывавшая нить человеческой жизни, которую пряла ее сестра. От еврейского корня ПРК (פרק) — разрывать, откуда ПАРКЕ (פרקה) — разрывающая.

32) **ПАРАДЕЙСОС** (Παράδεισος) — рай, от еврейского корня ПРДС (פרדס) — парк, сад.

33) **ПАЛЛАДА** (Παλλάς) — прозвище богини Афины. Производят обычно от слова *Палло* (Πάλλω) — потрясаю. Но возможно, что это название скорее происходит от корня ПЛД (פלד) — железо.

34) **ПИФОН** (Πύθων) — змей, убитый Аполлоном в том месте, где потом находился его дельфийский оракул. Это же имя мы находим и в еврейском ПТН (פתן) — змей.

35) **ПИГМЕИ** (Πιγμαῖοι) — сказочно маленькие люди. Созвучно с еврейским корнем ПГМ (פגם) — уменьшение.

36) **ПОСЕЙДОН** (Ποσειδῶν), по-латыни — Posidonius, греческое название латинского бога морей — Нептуна. Быть может, это слово имеет нечто общее с корнем ПСД (פסד) — терпеть ущерб.

37) **РАДАМАНТ** (Ῥαδάμαντος) — сын Зевса, один из судей в подземном царстве. Созвучно с еврейским РДМ (רדם) — остолбенеть от ужаса.

38) **СКИЛЛА** (Σκύλλα) — Сцилла, мифическое морское чудовище, живущее в прибрежной скале. Созвучно с глаголом скилло (σκύλλω) — терзать, мучить и с еврейским корнем СКЛ (סקל) — придавливать, побить камнями.

39) **СИРЕНЫ** (σειρήνοι) — мифические девы, жившие на острове между Италией и Сицилией, завлекавшие своим обворожительным пением плывущих мимо моряков. Созвучно с еврейским корнем СИР (שיר) — пение.

От этого же корня происходят и греческие слова: *Сюрикс* (συρίγξ) — свирель, и *Сюризо* (συρίζω), аттическое — *Сюритто* (συριττω) — свистать, играть на свирели.

40) **ТАРТАР** (Τάρταρος) — преисподняя, созвучно с ТРТК (תרתק) — Тартак — бог тьмы и ужасов (II Цари. II, 17). А арамейское слово ТРТР (תרתר) — бросать, низвергать, напоминает встречающееся в Новом Завете греческое слово *Тартároo* (ταρταρόω) — низвергаю в ад.

41) **ТИФОН** (Τυφῶν) — сын Тартара и Геи (земли), символ лавы в недрах земли и отец ураганов. Созвучно с корнем ТФТ (תפת), от которого происходит ТФТЕ (תפתה), по переводу Septuaginta — ТАФЕТ (Ταφεθ) — пожарище, огненное место.

42) **ТАМУЗ** (תמוז) — клинописное Dumûsu — божество, упоминающееся в пророчестве Иезекииля (VIII, 14). Гезениус в своем словаре сопоставляет это имя с корнем ТМЕ (תמה) — удивляться, и значит удивительный. Отсюда можно вывести, что имя этого божества совпадает с греческим θαυμάσιος, ионическое θωυμάσιος — удивительный, достойный удивления.

43) **ФЕМИДА** (Θέμις) — греческая богиня правосудия, держащая в руках весы. От еврейского корня МУД (מוד) — мерить, а в переносном смысле — воздавать. Отсюда происходит ТМИД (תמיד) путем довольно обычной приставки Т в начале производных имен.

44) **ФУРИЯ** (*см. Адраста*).

45) **ХАРОН** (Χάρων) — мифический старец, перевозивший тени умерших людей через реку Стикс. Вейсман в своем словаре указывает, что тут корень общий с греческим *Хармэ* (Χάρμη) — сражение, повидимому, и с еврейским ХРМ (חרם) — уничтожение.

46) **ХАРИБДА** (Χάρυβδις) — мифическое морское чудовище, трижды в день проглатывавшее морскую воду у берегов Сицилии. Созвучно с корнем ХРБ (חרב) — иссякать, а в клинописи даже прямо huribtu (по Гезениусу).

* * *

К этому сообщению Б. И. Топоровского я мог бы прибавить и еще ряд пришедших мне самому на ум сопоставлений, приводящих к идее об одновременности и взаимодействии между собою ромейской, византийской и семитической мифологии, а с нею и религиозной и умственной культуры обоих этих частей когда-то великой и единой латино-эллино-сирийско-египетской империи Диоклетиана и его наследников вплоть до метеоритной катастрофы 622 года, отделившей от нее часть Азии и Египет к агарянству. Вот хотя бы следующие примеры:

1) ГЕФЕСТ (Hephaestus), классический бог кузнецов, того же корня, как и Естия, богиня домашнего очага у греков, и оба от арамейского АЙШТА (אִישְׁתָא) и от АШ (אֵשׁ) — огонь.

2) ЕРМЕС (Ἑρμῆς) — Гермес, греческий бог хитрецов, от корня ХЭРМ (הֶעֱרִם) — быть хитрым.

3) Эвоэ! (Evoe, у Виргилия — Evohe!) — восклицание на дионисианских попойках-мистериях у греков. Оно ничто иное, как слово: йегова, по-еврейски — יהוה (иеуе). Евреи-талмудисты, видя это слово в книге, произносят вместо него Адонай (т. е. Адонис).

4) ЙАКХ (Ἴακχος) мистическое имя Вакха Элевзинского, первоначально Йах (Ἴακ-ος) — как сокращается в производных слово Йегова, так что Вакх и Йегова одно и то же имя в разных произношениях.

Этих примеров пока довольно для читателя, даже и не специалиста по классической филологии, чтоб видеть тесную связь еврейско-арабской, греческой и латинской мифологии.

Сделаю только одно замечание общего характера.

Мы уже видели здесь, что в конце большинства греческих и латинских названий божеств имеется буква N, а для женского рода слог ИТ (переходящий иногда в ИД), например: Непту-н, Посейдо-н, Феми-да, Хариб-да, Артеми-да и т. д.). Это — окончания причастной формы данных слов в языке Мишны и Талмуда, и они остались в классических языках, вероятно, чисто атавистически.

Аналогичное можно сказать и относительно приставных, префиксовых звуков *А* и *Т* (и *Ф* в *Т*, так как тут был сначала звук средний между *Ф* и *Т*). Они встречаются нередко в начале имен, вроде А-ФРОДИТА, ФЕ-МИДА, и в еврейском языке являются характеристикой действия, которое должно быть совершено по смыслу корня. Это знак глагольной формы, родственной латинскому герундиву, и такие же префиксы тоже оказались в римских и греческих мифологических именах, вероятно, по чисто атавистическим причинам.

Значит, общность библейско-еврейской и классической мифологии может теперь считаться вполне доказанной. А о тесном соотношении христианской и мессианской религий нечего и говорить. Разве весь «Старый завет», написанный первично по-еврейски и по-арамейски, не является в то же время основой и

христианского религиозного мировоззрения? Ведь, даже прозвища, которые носят христиане (и особенно носили в средние века) оказываются чуть не на половину еврейскими, несмотря на то, что переданы нам исключительно греческою литературою, которая могла бы всегда их перевести на свой язык. Я не хочу здесь приводить весь список еврейских имен, носимых христианами, а вот хоть на один лишь слог АВ:

Аввакум — божия любовь,
Авдий — раб божий,
Авдон — раб судии,
Авив — незрелый колос,
Авид — работник,
Авим — зеленый колос,
Авраам — отец многих народов,
Аб-Рам — отец Рима.

Правда, что теперь у русских имена еврейского происхождения уже почти вышли из употребления, но в средние века, когда священники давали новорожденному имя того святого, в день которого он родился, они были все в употреблении, особенно в Великой Ромее, т. е. «Христианской Византии».

В дополнение к приведенному здесь списку мифологических названий античного мира, приведу еще три случая, попавшиеся мне в книге Фюстель-де-Куланжа «Гражданская община античного мира».

1) «В Риме, —, говорит он — в I день месяца первосвященник, совершив жертвоприношения, созывал народ и объявлял, какие будут в тот месяц праздники. Такой созыв назывался calatio. Соответственно этому, имеем латинское calare, греческое — *kaléo* (καλέω), еврейское — КЕЛ (קהל) и клинописное — κᾶλυ, все со значением — звать, собирать.

2) «Домашний алтарь, на котором горел священный огонь, назывался по-гречески *Бомос*, *Эстия* и *Ара* (βωμός, ἑστία, ἄρα). Но слово *Бомос* созвучно с БМЕ (במה), по-моабитски — БМУТ (במות), по-клинописному — bamati, и обозначало первично высокое сооружение (пирамиду), на котором приносились религиозные жертвы. Слово *Эстиа* можно сопоставить с АСТ (אשת), по-арамейски — АЙСТА (אִישְׁתָא), огонь, по-клинописному — isâtu. Слово *Ара* созвучно с корнем АУР (אור), по-клинописному — ûru зажигать (стр. 23 — 30 у автора).

3) «Межевые знаки и божества, им соответствующие, назывались термы (termi), а по-гречески — боги-горы (θεοὶ ὅροι). Но корень слова *те-рмы* есть РМЕ (רמה) — высота, а корень имени «боги-горы» тоже еврейское ХР (הר) — гора.

Но не одни лишь имена мифологических существ или предметов культа свидетельствуют о тесном взаимодействии еврейского и греческого влияний в Великой Ромее. Разъединенные своей узкой специализацией еврейские и классические филологии и не подозревают сколько тут общего, особенно в технических терминах. Вот хоть несколько из них:

Корос (Κόρος) — греческая мера, равная 6 аттическим медимнам, и параллельно ей еврейская КР (כר) — мера, равная 10 эфам (для масла).

Хома (Χῶμη), по-гречески — насыпь, вал, а по-еврейски — ХОМЕ (חומה), крепостная стена.

Китарис (Κίθαρις) — гитара, цитра, по-еврейски — КИТРС (קיתרס).

Симфония (συμφωνία) — род музыкального инструмента, коренное греческое слово целиком перешло в еврейский: СМФНИЕ (סמפניה).

Мистерии (τὰ μυστήρια) — предтечи греческой драмы от еврейского МСТР (מסתר), тайное место.

Я не могу загромождать мою книгу перебором всего еврейского словаря сравнительно с греческим и латинским, а приведу только еще перечень общих лингвистических корней в известной коротенькой «Песне песней царя Миротворца», присланный мне Борисом Исаевичем Топоровским. Это особенно уместно здесь, так как несколько далее я дам литературный перевод и самой пьесы.

Я только прибавил к рукописи Топоровского русскую транскрипцию еврейских и греческих слов для читателя, не знающего этих языков.

* * *

Общие лингвистические корни в еврейской и греческой версии «Песни песней».

(Б. И. Топоровский.)

Из главы I

Строка 1: — Библейское ШИР или СИР (שיר) — игра, пение, того же корня, как и греческое *Сюризо* (συρίζω), и аттическое *Сюритто* (συρίττω) — свистать, играть на свирели, а также *Сирена* (Σειρήν) — мифическое существо, отличавшееся своим обворожительным пением, о чем уже было сказано выше.

Строка 10: ТУРИМ (תורים) — серьги, подвески, созвучно с греческим словом *торевю* (τορεύω) — делаю резную работу.

Строка 10: ХРУЗИМ (חרוזים) — бусинки в ожерелье; греческое—*Харасо* (Χαράσσω), выпиливаю.

Строка 13: АШКЛ (אשכל) — виноградная кисть, греческое — *Асколия* (ἀσκωλία) праздник, в честь Вакха, бога виноградных гроздьев.

Из главы II.

Строка 3: ФРУК (פרוך) — фрукт, латинское fructus.

Строка 8: КУЛ (קול)—голос, греческое *Калео* — (χαλέω), зову.

Строка 8: КПЦ (קפץ) — прыгать, созвучно с греческим *Скапто* (σκάπτω) — прыгаю.

Строка 9: ХРК (חרך) — решетка, греческое — *Харакао* (Χαραχόω), обношу частоколом.

Строка 17: ЙЮМ (ים) — день, греческое, *Эмера* (ἡμέρα), день).

Из главы III.

Строка 3: РАУТМ (ראותם), от корня РАЕ (ראה) — видеть, греческое — *Орао* (ὁράω), вижу.

Строка 9: А-ФРИУН (אפריון) — носилки, греческое — *Фореион* (φορεῖον), тоже носилки.

Строка 10: РПД или РФД (רפד) — подстилать, греческое — *Раптос*, (ῥαπτός) стеганный ковер.

Из главы IV.

Строка 1: — ЭЗУМ (עזום) от ЭЗ (עז) — коза, греческое — *Экс* (αἴξ), тоже коза.

Строка 4: ТЛПИУТ (תלפיות), греческое *Телопис* — (τηλωπίς), маяк.

Строка 9: ЛББ (לבב) — пленять, греческое *Ламбано* — (λαμβάνω), аорист *Элабон* (ἔλαβον), — овладеваю.

Строка 11: ШЛИМТИК (שלמתיך) — верхнее платье, греческое *Хламида* — (χλαμύς) тоже, верхнее платье, причем несуществующий в греческом языке звук Ш перешел в Х.

Строка 13: ПРДС (פרדס), греческое, *Парадейсос* (παράδεισος), парк-сад.

Строка 13: КПР (כפר) — душистый ситник (cyperus rotundus), греческое — *киперос* (κύπερος).

Строка 14: АЕЛУТ (אהלות), греческое — *алоэ* (ἀλόη), благовонное растение.

Строка 14: НРД (נרד), греческое —*нард* (νάρδος), нард (растение).

Из главы V.

Строка 1: ЙИН (יין) — вино, греческое — *ойнос* (οἶνος), тоже вино.

Строка 1: БШМ (בשם), благодаря неумению греков произносить звук Ш перешло в БЛСМ, русское — *бальзам*, греческое — *Балсамос* (βαλσάμος).

Строка 2: ПТХ (פתח) — открывать дверь, латинское — patesco (у Виргилия), отверзаю, открываю.

Строка 3: КТН (כתנ), греческое — *Хитон* (χιτών), ионическое — *Китон* (κιθών), рубашка.

Строка 7: ПЦЕУНИ (פצעוני) — изранили меня, от ПЦЭ (פצע) — ранить, сходно с греческим *пьецо* (πιέζω) — давлю, мучаю.

Строка 11: ТЛТЛИМ (תלתלים) — отвислые ветви винограда. Здесь по Штейнбергу, корень ТЛЛ (תלל), сходно с греческим

талло (θάλλω) — цвету, процветаю, откуда — *Талос* (θάλος), отрасль, молодая ветвь.

Строка 11: ЭОРБ (עורב) — ворон, созвучно с латинским corbus — ворон.

Строка 13: МУР (מור), греческое — *Мюрон* (μύρον), миро, благовонное масло.

Строка 14: СПИРИМ (ספירים), греческое — *Сапфейрос* (σάπφειρος), — латинское sapphirus, сапфир, яхонт.

Из главы VI.

Строка 2: ЛКТ (לקט), греческое — *Лекто* (λέκτω), собираю, и латинское — lego, тоже собираю.

Строка 2: ЭРУГЕ (ערוגה) — гряда, при перестановке букв получается ager — поле, пашня.

Строка 5: РЕХ (רהה — приходить в страх, довольно, созвучно с греческим *ригео* (ῥιγέω) — содрогаюсь от ужаса, и с латинским rigeo — цепенею.

Строка: 6 РХЦ (רחץ) — омовение, созвучно с греческим *рахиа* (ῥαχία) — прибой волн, и с *райно* (ῥαίνω), аорист ἔρρασα, — окропляю, обрызгиваю

Строка 8: ПИЛГС (פלגש), греческое — *Паллакис* (παλλακίς), латинское — pellex, у всех — наложница.

Строка 9: ЕЛЛ (הלל) кричать, ликовать, созвучно — с греческим *Алала* (ἀλάλα), поэтическое *Алалаге* (ἀλαλαγή) — крик, ликование.

Строка 10: ЛВНЕ (לבנה), латинское — luna, греческое — σε-λήνη, луна.

Строка 10: ШКП (שקף) — смотреть, греческое — *Скептомай* (σκέπτομαι), латинское — specto, смотрю.

Из главы VII.

Строка 1: МХУЛ (מחול) — танец. Можно думать, что в этих танцах был элемент эротический, так как по-гречески есть слово того же корня *Махлос* (μαχλος) — похотливый, страстный, и отсюда же *Махлосюне* (μαχλοσύνη) — похоть, страсть.

Строка 2: АМН (אמון) — зодчий, созвучно с *Аймон* (αἴμων) — опытный, сведущий.

Строка 2: ХЛАИМ (חלאים), от ХЛИ (חלי) — ожерелье, а по-гречески *хеле* — (χηλή), образное выражение округлости.

Строка 3: СЕР (סהר) — округлость, с этим довольно созвучно греческое — *сфера* (σφαῖρα), эпическое — *сфайре* (σφαίρη), шар.

Строка 7: ЭНГ (ענג) обычно переводят: наслаждение, но созвучное с этим греческое слово *Аноиго* (ἀνοίγω) значит — открывать, снимать (вероятно, покровы, одежды). Если такое предположение приемлемо, тогда это место, пожалуй, можно было бы перевести: «Как ты прелестна раздетая».

Из главы VIII.

Строка 1: ЭУР (עור), по-латыни — orior, подниматься, по-гречески — *орнюми* (ὄρνυμι), поднимаюсь.

Строка 9: ТИРЕ (מירה) — обводная стена, созвучно с греческим *Тересис* (τήρησις) — стережение, караулание.

Строка 9: БНЕ (בנה) — строить, созвучное с греческим *Банайсиа* (βαναισία) — ремесло.

Строка 9: ХОМЕ (חומה) — стена, созвучно с греческим *Хома* (χῶμα) — насыпь, вал.

Строка 14: ГР (חר) созвучно с греческим *Горос* (ὄρος) корень OR — гора.

Строка 14: ЦФН (צפן) от ЦФЕ — скрывать. Отсюда происходит название севера ЦФУН (צפון), т. е. место, где солнце скрыто; созвучно с греческим *Цофос* (ζόφος) — мрак, а также запад *(где солнце скрывается)*.

* * *

В этом списке мы имеем только два слова, которые встречаются исключительно в «Песни Песний»:

1) АПРИУН (אפריון) — в III главе *(строка 4)* — носилки, брачное ложе, и 2) ТЛПИУТ (תלפיות) — в главе IV *(строка 4)* — маяк. Все остальные слова мы встречаем и в разных других местах Библии. И если в одной маленькой «Песне Песней», перевод которой я даю далее, мы нашли так много слов, созвучных с греческими, то сколько же мы найдем во всей Библии?

Мы видим, что не только в мифологических именах, но даже и в словаре еврейского и греческого языков имеется много общих корней, несмотря на огромную разницу их грамматического строя.

ГЛАВА IX

БЛИЗКОЕ РОДСТВО РОМЕЙСКОГО И БИБЛЕЙСКОГО КУЛЬТОВ В IV И V ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ

Продолжим еще немного эти филологические сопоставления, руководясь главным образом второю присланною мне Б. И. Топоровским рукописью: «К вопросу о происхождении античного театра»

«Все в природе подвержено железному закону, открытому Дарвином — закону эволюции, — говорит он. — И в области духовного творчества человека царит все тот же неизменный, незыблемый закон. Античная драма (греческий театр) не появилась сразу, как deus ex machina. И тут на протяжении веков происходил длительный процесс постепенного развития. Если мы будем искать места зарождения античного театра, то мы легко

найдем его на семитическом востоке. К этому мнению нас, между прочим, приводят и только-что указанные сходства многих греческих и латинских мифологических названий с семитическими корнями».

Нельзя не согласиться со словами Б. И. Топоровского. Вот, например, все мы знаем, что в ритуал еврейской Пасхи входит обязательное приготовление листовидных пресных сухих лепешек, называемых «мацою». И все мы думаем, не разыскивая причин, что маца есть принадлежность только культа сторонников Аронова закона. А между тем оказывается, что она же пеклась и при дионисианских торжествах в Великой Ромсе. А кроме того, маца даже и не еврейское, а коренное греческое слово, означающее ячменную лепешку и происходящее от греческого же слова *мáссо* — валяю тесто, и от *массомай* — разжевываю. Целый ряд чисто греческих вульгарных национальных слов имеем мы производными от этого коренного греческого слова — маца.[1]

Мало того, этот же ромейский национальный лингвистический корень присутствует и в эоническом греческом диалекте, господствовавшем на прибрежьях Малой Азии и на прилегавших к ней островах, где звук *М* иногда терял свой носовой призвук и обращался таким образом в простое *Б*.

Так из м а с с о (μάσσο) произошло б а с с о (βάσσο), сохранившееся в эпитете Бассаревс — неистовствующий от вина, каким величали Вакха (Вакх Бассаревс), и в слове *бассара* — вакханка.[2]

Даже из этого одного мы видим, что празднество с употреблением мацы сопровождалось также и попойками и имело, как я уже сказал, тесную связь с дионисианскими торжествами ромеев и с обрядом причащения христиан.

Таким образом, у серьезного исследователя не может быть никакого сомнения, что маца совсем не еврейского, а ромейского, византийского происхождения, — тем более, что по-еврейски это слово не имеет даже никакого смысла и никаких производных. Там глагол МАЦА (מצה) не значит делать ячменные лепешки, а имеет лишь чисто вакхический смысл: осушать чашу до дна, что опять сближает мацу библейского культа с греческими классическими вакханалиями.

А в смысле пасхальной лепешки слово Маца (מצה) по-еврейски остается специфическим именем без вульгарных производных, т. е. занесено с другого языка.[3]

---

[1] Маца (Μάζα) — ячменная лепешка; мацинос (μάζινος) — хлеб, сделанный из ячменного теста; мацика (μαζίσκη) — ячменная каша; мацономион (μαζονόμιον), или мацофорис (μαζόφορίς) — деревяная тарелка для раздачи ячменных лепешек; мацаомай (μαζάομαί) — жую, ем; мацо (μάζω) — мажу; массо (μάσσω) — валяю тесто; масема (μάσεμα) и масезис (μάσεσις) — жвачка; масетер (μασήτηρ) — жующий, и т. д.

[2] Βάκχος ὁ Βασσαρεὺς — Вакх, Неистовствующий от вина, и βασσάρα (бассара) — вакханка, женщина, неистовствующая от вина.

[3] Мы находим интересные сведения об этом вопросе в книге Генриха Леви: «Чужеземные семитические слова в греческом языке» (D-r Heinrich Lewy: «Die Semitschen Fremden Wörter im griechischen».

Очень возможно сблизить только-что приведенный нами вакхический эпитет б а с с о р е й (неиствовствующий от вина) с арабско-еврейским словом б а с а р (כשר) — веселиться от радостной вести, причем нельзя не вспомнить, что и евангелие по-гречески значит *радостная весть*. А по-еврейски слово б а с с а р значит просто: *плоть*, и в частном значении — *половой орган*.

Об одинаковом происхождении античной драмы, христианского богослужения и семитических религиозно-культовых обрядностей свидетельствуют и другие факты, сохранившиеся в литературных памятниках древности.

Так, в Библии, в книге Левит (XVI, 26) говорится, что в день «Всепрощения» отправляли в пустыню козла в жертву за грехи всего народа. Но, ведь, вот и греческое слово трагедия (τραγωδία) производят от слов трагос (τράγος) — козел и *Ода* (ὠδή) — песнь, т. е. по-русски оно значит «последняя песнь козла, приносимого в жертву», в том же смысле, как теперь говорят: лебединая песнь. Но мы видим, что и в честь бога Диониса тоже приносился в жертву козел, причем пелась сначала особая ода, к которой впоследствии присоединили и диалог.

Значит, ромейские мистерии в честь Диониса, в которых видное место занимало жертвоприношение козла, совершались также и у библейских иудеев и израильтян.

«Мистерии Диониса и Деметры (из которых и развилась впоследствии античная драма) относятся, — говорит Б. И. Топоровский, — особенно к земледельческому быту, и это обстоятельство приходится особенно отметить, если присмотреться к еврейским праздникам».

У евреев были три главные, почти единственные праздника: Пасха, праздник Пятидесятницы и Праздник шалашей (ם׃ות). Позднейшая традиция приурочила их к исходу из Египта и т. д., а вначале они были исключительно праздниками природы, приуроченными к самым важным моментам земледельческого быта.

Пасха — это праздник колосьев ХГ-Е-АВИВ (חג ה-אביב), когда в начале апреля поспевал ячмень. В Библии (Левит, XXIII, 10—14) предписано, что на второй день этого праздника священник должен «вознести» перед богом пожертвованный народом сноп из новой жатвы. Приготовления к его приношению были обставлены большою торжественностью, описание которой мы имеем в Мишне.

Посланцы «Главного Суда» выходили накануне на нивы и связывали хлебные колосья еще на корню в снопы. Со всех окрестных городов собирались жители на предстоящее торжество. Когда наступали сумерки на исходе первого дня Пасхи, священник троекратно задавал вопрос:

— «Наступил ли закат солнца?» — И получал троекратный ответ: «да».

В субботу, он также, громко задавал вопросы:

«Наступила ли уже Суббота? Приступить ли к жнитву?» — на что также получал утвердительный ответ.[1]

В Талмуде мы имеем указание, что на торжество снятия первого снопа сходились десятки тысяч людей. Весь праздник носил шумный характер, и театральный элемент тут был несомненно.

В истории «Царей израильских и иудейских» он впервые был совершен под этим именем и обрядностью в 18 год царствования Иосии (II Цари, XXIII, 22), который отожествляется у нас с ромейским императором Гераклием, т. е. в 628 году нашей эры, на шестом году агарянской геджры.

«Пятидесятница» — второй из трех главных библейских праздников носит в Библии очень близкое к предшествовавшему название: «праздник жатвы» (חג הקציר), (Исход XXIII, 16) и также «праздник первых плодов» (חג הדלכורים), (Числа, XXVIII, 26).

Историки думают, что Пятидесятница в библейское время была праздником жатвы пшеницы (Исх., XXXIV, 22), тогда как Пасха была праздником ячменя. А пшеница употреблялась для приготовления квашенного хлеба, почему и предписывается принести в Пятидесятницу на алтарь два квашенных хлеба (Лев. XXIII, 17).

Третий из главных еврейских праздников — это Праздник шалашей, а шалаш по еврейски — СКЭ (סכה — скиния).

И вот, опять — не еврейское, а национальное греческое слово! Ведь, СКЭ есть только сокращение греческого *Скене* (σκηνή) — шатер, откуда и у нас в театрах с ц е н а. В греческом языке это никак не заносное, а самое коренное национальное слово, имеющее множество производных.[2] А в еврейском оно опять одиноко. С полным правом мы могли бы искать начало этого праздника и в библейских «девичьих шатрах» (סכות בנות), упоминаемых в книге Цари (II, 17, 22) и приходящихся на сентябрь, когда Солнце проходит созвездие Девы. И в соответствии с этим мы имеем довольно ясные указания, что такие шалаши имели интимное назначение.

Некоторые гебраисты думают, что это были праздники Венере, под именем Милитты, как богини оплодотворения и деторождения: девушки в этих шатрах приносили в жертву свою девственность в честь небесной Девы (Herodot. I, 199).

Нам говорят, что, начиная с исхода первого дня праздника Девичьих Шатров, в течение семи дней происходили «веселые празднества водочерпания». Мишна начинает описание происходивших тогда торжеств словами: «Кто не видел радости водочерпания, тот не видел радости в своей жизни».

В исходе первого дня священники спускались в женское отделение храмового двора. Воду приносили в храм и совершали обильные возлияния на храмовый алтарь. Чем больше было возлияния воды, тем больше будет зимних дождей, необходимых для последующего урожая. Таким образом, этот религиозно-культовый обряд тоже соприкасается с земледельческим бытом, но, с другой стороны, он несомненно соединялся и с вакхическим культом. Некоторые ученые видят в нем большое сходство с греческими Элевзинскими мистериями, которые также сопровождались возлиянием воды.[1]

В Талмуде говорится, что мужчины тогда находились в храме вперемежку с женщинами, благодаря чему появлялся КЛУТ РАШ (קלות ראש), т. е. легкие отношения, а потом добавляется, что во время «*Второго* (т. е. нового) *Храма*» уже не допускают тех вольностей, которые позволяли себе во время существования Первого Храма.

Другой обряд культа — Судный День или ЙУМ Е-КИПУРИМ (יום הכיפורים) — день козлов, прямо от латинского caper — козел, так как по-еврейски козел носит совсем другие названия: ШЭИР (שעיר). В позднейшие времена этот праздник носил у евреев чрезвычайно мрачный характер: он был день воздыханий и слез, а вначале он был совершенно другим.

По Талмуду и в нем смутно сохранились отголоски некоторых элементов Вакхического культа. В этот день было жертвоприношение козла, который считался эмблемой бога Диониса.[2]

«Рабби Симон, сын Гамалиила, в Талмуде, сказал:[3]

— «Не было таких веселых праздников для Израиля, как День Очищения и день Пятнадцатого Аба (когда над ночью царил Козерог). В эти дни девушки иерусалимские выходили в белых платьях и плясали в виноградниках, напевая:

— «Юноша, подыми глаза свои и смотри, кого ты себе выберешь».

Правда, что дальше слова девиц талмудического текста очень целомудренны и благочестивы, но явно чувствуется, что эти веселые пляски в садах-виноградниках тоже имеют отношения к Вакхическому культу и являются первичной формой будущего хора в эллинской драме.

Боязнь утомить читателя лингвистическими соображениями мешает мне вдаваться в дальнейшие подробности, но, мне кажется, и того, что здесь сказано, достаточно для вывода, что и библейские, и классические описания относятся к тому же самому времени и месту и к той же самой культуре.

---

[1] «Еврейская Энциклопедия», под редакцией Гаркави и Каценельсона, см. слово «Омер» (сноп).

[2] Например, *Скенао* (σκηνάω) и *Скенео* (σκηνήω) — пирую в палатке: *Скенема* (σκήνημα) — гнездо; *Скенидион* (σκηνίδιον) — палаточка; *Скеникос* (σκήνικος) — сценический; *Скен* (σκήν) — актер; *Скенобатео* (σκενοβατήω) — выхожу на сцену; *Скенопойео* (σκηνοποιήω) — делаю беседку; С к е н о о (σκενόω) — строю шатер, и т. д. и т. д.

[1] «Еврейская Энциклопедия», под редакцией Гаркави и Каценельсона, см. слово: «Возлияние воды».

[2] Н. Н. Евреинов. «Азазел и Дионис», стр. 13.

[3] Там же, стр. 43.

ГЛАВА X

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ, КАК ОБРАЗЧИК ГОСУДАРСТВЕННОГО КУЛЬТА РОМЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ IV—VII ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ, И БИБЛЕЙСКИЕ ПРОРОЧЕСТВА, КАК ПРЕЛЮДИЯ КУМИРОБОРСТВА

Переместив Апокалипсис в конец IV века и все библейские пророчества, как явное подражание ему, в средние века Великой Ромеи, мы вместе с тем невольно увлекаем туда же и всю остальную библейскую литературу, как однородную с пророчествами и по языку, и по идеологии.

Значит, «еврейская» литература пышно развилась, начиная только с IV века нашей эры. Она была сначала со времени Диоклетиана богослужебною, подобно тому как латинская в Эпоху Гуманизма у католиков. По-еврейски, да и то не в нашем современном произношении, а скорее в коптском, говорили и писали прежде всего ромейские священники, вследствие чего этот язык и получил название *ромейского* или с прибавкой определительного члена *а-рамейского*. Кроме священников, на нем говорили, вероятно, и правящие классы Великой Ромеи IV — VII веков, и он был также и законодательным языком, а остальное, рабочее население говорило на местных наречиях. Так как в то время храм и театр еще не отделились друг от друга, то на этом же языке совершались и все вообще публичные представления, на которые толпа, конечно, могла смотреть лишь как на пантомиму современного нам балета.

С этой точки зрения нам особенно интересна здесь знаменитая «Песнь Песней», представляющая на деле простую театральную пьесу, первый зародыш современной нам драмы, как независимо от меня вывел и Б. И. Топоровский, сопоставления которого я резюмировал выше.

Я привожу эту маленькую пьесу целиком в литературном переводе, сделанном мною уже несколько лет назад, снабдив для легкости чтения отдельные реплики действующих лиц соответствующими им заголовками: *он, она, хор девушек и хор юношей.* Написанная сплошь без всяких заголовков в наших церковных переводах она кажется читателю каким-то сумбуром, а при соответствующих отметках она принимает следующий вид.

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Первый зародыш ромейской религиозной драмы IV—VII веков нашей эры. (Вакхическая литургия.)

Сцена — открытый театр-цирк; она же — первичная церковь. Из здания, сзади сцены, выходят, как из алтаря, хор девушек на одну сторону и хор юношей на другую. Выходят ОН и ОНА (рис. 75).

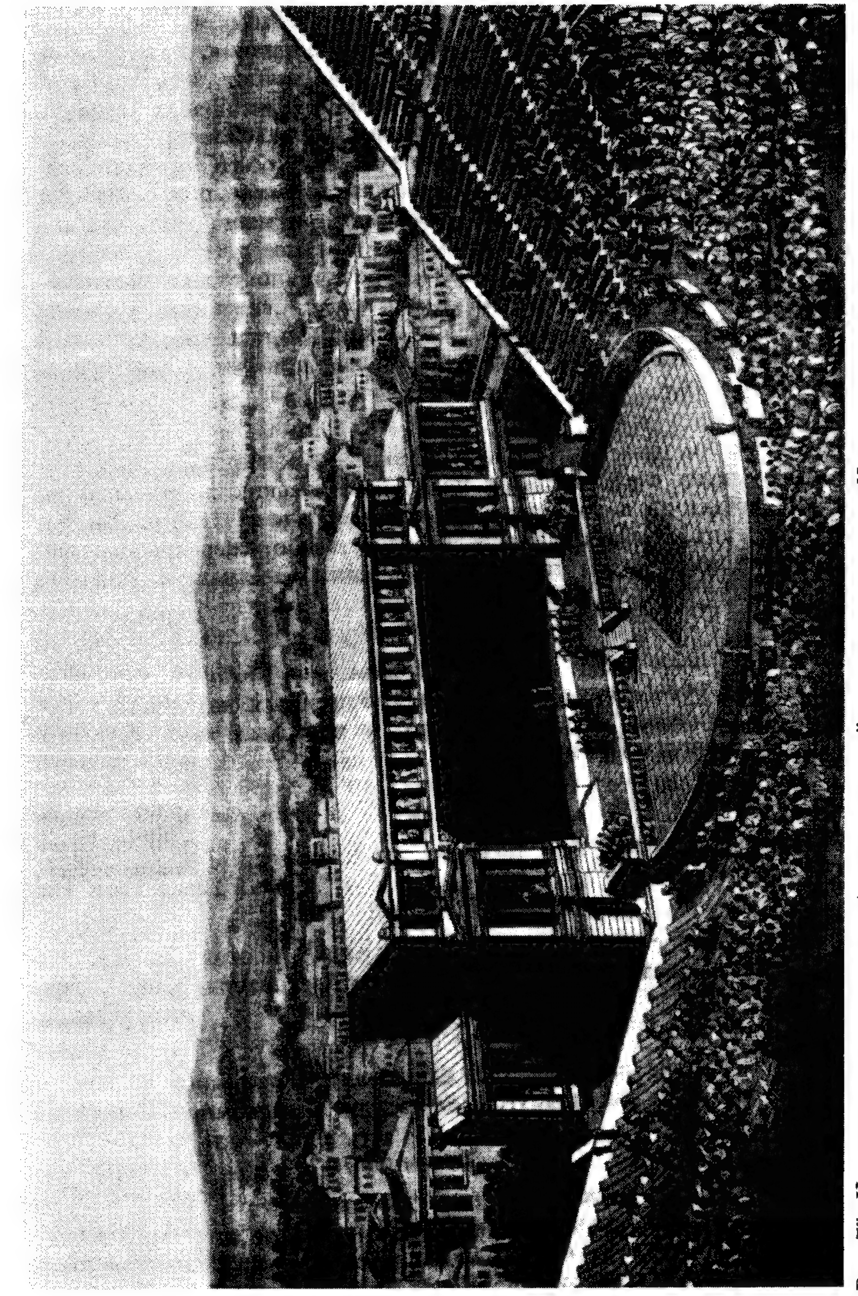

Рис. 75. Цирк-церковь классического периода ромейского христианства. (По реставрации современных нам историков.)

ОНА *(ему)*:

О, целуй меня поцелуями своих губ, потому что ласки твои лучше вина! Твои духи приятны для обоняния, твое имя как бальзамовое масло! За это девицы тебя любят. Влеки меня за собою: мы все готовы бежать с тобой! Поведи меня, князь, в свои чертоги, мы восхищаемся и радуемся тобою, превозносим твои ласки лучше вина! Не даром тебя любят! *(К хору)*: Девицы Святограда! Смугла я, но красива, как арабские шатры, как занавесы царя Миротворца. Не смотрите на меня, что я смугловата, это опалило меня солнце. Сыновья моей матери разгневались на меня, поставили меня стеречь виноградники, а своего виноградника я не устерегла. *(Снова ему)*: Скажи мне, любимый моею душою, где ты пасешь? Где лежишь в полдень? К чему мне быть скиталицею возле стад твоих товарищей?

ОН *(ей)*:

Если не знаешь, прекраснейшая из женщин, то иди по следам своих овец и козлят подле пастушеских жилищ. Ты подобна кобылице в колеснице царя, подруга моя! Прекрасны твои ланиты под серьгами, прекрасна твоя шея в ожерельи. Золотые подвески мы сделаем тебе с серебряными блестками.

ОНА *(в публику)*:

Пока князь сидел за своим столом, мое яблоко любви испустило свое благовоние. Как пучок мирровых ветвей, друг мой пребывал у моих грудей. Мой друг у меня, как кисть лавсонии в виноградниках Козьего Глаза.

ОН *(ей)*:

Ты прекрасна, моя подруга, ты прекрасна! Глаза твои как у голубки.

ОНА *(ему)*:

Ты прекрасен, мой друг, ты желателен, а постель у нас — трава. Кровли дома нашего — кедры, а потолок наш — кипарисы.

ОН *(ей)*:

Я — нарцис равнины, о лилия долин! *(К публике)*: Как лилия между тернами, так подруга моя между девушками.

ОНА *(в публику)*:

Что яблонь между лесными деревьями, то друг мой между юношами. В тени этой яблони любила я сидеть, и плоды ее были сладки для моего вкуса. Он водил меня в виноградник, и знамя его надо мною была любовь. *(В публику:)* Подкрепите меня пастилою, освежите меня яблоками, потому что я больна любовью. Вот, левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня.

(Хору девушек): Заклинаю вас, девицы Святограда, сернами и полевыми ланями: не будите, не возбуждайте любовь, пока она не придет. Чу! Голос моего друга! Вот, он идет, скачет по горам, прыгает по холмам. *(В публику)*: Мой друг похож на серну, на молодого оленя. Вот, он стоит у нас за стеною, заглядывает в наши окна, подсматривает сквозь решетку. Друг мой начал говорить мне: встань, моя подруга, моя красавица! Иди сюда, потому что зима уже прошла, дождь миновал, прошел. Цветы показались на земле, наступило время песней, и голос горлицы слышен на нашей земле. Ягоды смоковницы созрели, и виноградные лозы, расцветая, издают благовоние. Встань, моя подруга, моя красавица, иди сюда, голубка моя, сидящая в ущелии скалы под кровом утеса! Покажи мне твое лицо, дай мне услышать твой голос, потому что он так приятен, а лицо твое так мило!

ОНА *(хору девушек)*:

Ловите шакалов и лисенят, которые портят наши виноградники в цвете! Друг мой принадлежит мне, а я ему, пасущему между лилиями. *(Ему)*: Пока день дышит прохладою и ложатся тени, обратись ко мне, мой друг, сделайся подобен серне, или молодому оленю на рассевшихся горах. *(Снова в публику)*: На моем ложе ночью я искала любимого моею душою, искала я его, и не нашла. Встану я, пройдусь по городу, по улицам и площадям, поищу любимого моею душою. Искала я его, но не нашла. Встретили меня сторожа, проходящие по городу. Не видели ли вы любимого моею душою? И едва отошедши от них, нашла я любимого моею душою, ухватилась за него и не отпустила его, пока не привела в дом матери, родившей меня, во внутренние комнаты. *(Снова хору девушек)*: Заклинаю вас, девицы Святограда, сернами и полевыми ланями: не будите, не возбуждайте любви, пока она не придет.

ХОР ДЕВУШЕК:

Кто это выходит из пустыни как бы в столбах дыма, окуриваемая миррою, фимиамом и всякими порошками продавца ароматов? Там ложе царя Миротворца. Шестьдесят ратников вокруг него, ратников богоборца. Все они держат по мечу, опытны в бою, у каждого его меч при бедре против ночных ужасов. Сделал себе царь Миротворец из деревьев Белой Горы переносную постель-балдахин. Ее ножки из серебра, локотники из золота, седалище из пурпуровой ткани, а внутри ее балдахин убран любовью девиц Святограда. Подите, посмотрите, девицы Столбной горы, на царя Миротворца в венке, которым увенчала его мать в день бракосочетания, радостный для его сердца.

ОН *(ей)*:

О, ты прекрасна, подруга моя, ты прекрасна! Глаза твои как у голубки, когда выглядывают из-под твоих кудрей, волоса

твои как стадо коз, сходящих с Горы Свидетельства. Зубы твои как стадо обстриженных овец, вышедших из умывальни, у каждой пара ягнят, а бесплодной между ними нет. Твои губы, как алая лента, твои уста прекрасны, твои виски под кудрями как ломтики гранатового яблока, твоя шея как башня Возлюбленного царя, сооруженная для оружий. Тысячи щитов висят на ней и все они щиты ратников. Два твои сосца — как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями. Пока день дышит прохладою, и ложатся тени, я пойду на эту мирровую гору, на эти холмы фимиама. Вся ты прекрасна, моя подруга, и нет в тебе порока. Иди со мною с Белой горы, невеста, иди со мною с Белой горы, спеши со Столбной вершины, с вершины огня и гибели, от львиных логовищ, от барсовых гор! Пленила ты мое сердце, сестра моя, невеста, пленила ты мое сердце одним взглядом твоих глаз, одним ожерельем на твоей шее. О, как прекрасны твои ласки, сестра моя, невеста! О, как твои ласки превосходят вино, и благовоние твоей помады лучше всех ароматов! Сотовый мед каплет из твоих уст, невеста, мед и молоко под твоим языком, и благоухание твоей одежды подобно ветерку с Белой Горы. *(В публику):* Моя сестра, моя невеста, как запертый сад, как замкнутый колодезь, как запечатанный источник. Орошенное место в нем как гранатовый сад с превосходными плодами, с лавсониями и нардами. Она — сад с нардом и шафраном, с канной и корицею, со всякими благовонными деревьями, с миррою и алоем, со всякими отличными ароматами, а источник ее сада как колодезь живых вод, текущих с Белой Горы.

ОНА *(в публику):*

Пробудись, ветер, с севера, принесись, ветер, с юга, повей на мой сад. Пусть польются его ароматы, пусть придет мой друг в твой сад и вкушает превосходные плоды его.

ОН *(ей):*

Пришел я в мой сад, сестра моя, невеста, нарвал моей мирры с моими ароматами, поел моих сотов с моим медом, напился моего вина с молоком. *(Хору юношей:)* Ешьте, друзья мои, пейте и упивайтесь, приятели!

ОНА *(в публику):*

Я спала, а сердце мое бодрствовало. Вот, голос моего друга, который стучится и говорит: отвори мне, моя сестра, моя подруга, моя голубка, моя чистая, потому что моя голова вся покрыта росою, а мои кудри ночною влагою. — Я уже скинула мою рубашку, — говорю я ему, — как же мне надевать ее? Я уже вымыла мои ноги, как же мне марать их? — Мой друг просунул свою руку сквозь скважину, и все внутри меня взволновалось. Я встала, чтобы отпереть моему другу, и с рук моих, с пальцев, капала мирра на ручку замка. Отперла я, а мой друг уже ушел. Души во

мне не стало, я искала его, и не находила; звала его, а он не откликался мне. Встретили меня стражи, ходящие по городу, избили меня, изранили. Стерегущие стены сняли с меня покрывало. *(Хору девушек):* Заклинаю вас, девицы Святограда: если вы встретите моего друга, не говорите ему, что я больна от любви.

ХОР *(ей):*

Чем твой друг лучше других, прекраснейшая из женщин? Чем твой друг лучше других, что ты так заклинаешь нас?

ОНА *(хору):*

Друг мой бел и румян, он отличен от тьмы других. Его голова — чистое золото, его кудри — как виноградные ветки, они черны, как ворон. Его глаза — как голуби при потоках вод, омытые молоком, сидящие в довольстве; его щеки — ароматный цветник, как гряды благовонных растений; его губы — это лилии, они источают текучую мирру; его руки — золотые кругляки, усаженные топазами; его живот — изделие из слоновой кости, обложенное сапфирами, его бедра — мраморные столбы, поставленные на золотых подножиях, его вид подобен Белой Горе; он величествен, как кедр; его уста — сладость, и весь он — прелесть. Вот, кто любимый мною, и вот какой мой друг, девицы Святограда.

ХОР ДЕВУШЕК *(ей):*

Куда пошел твой друг, прекраснейшая из женщин? Куда повернулся твой друг? Мы поищем его с тобою.

ОНА *(хору девушек):*

Друг мой пошел в свой сад, в ароматные цветники, чтобы пасти овец и собирать лилии. Я принадлежу моему другу, и мой друг, пасущий между лилиями, принадлежит мне.

ОН *(ей):*

Прекрасна ты, моя подруга, как Город Удовольствий, приятна как Святоград. Почему же ты теперь грозна как войско со знаменами? Отклони твои очи от меня, потому что они меня волнуют. Волоса твои как стадо коз, сходящих с Горы Свидетельства; зубы твои как стадо овец, вышедших из умывальни, и бесплодной между ними нет; твои виски под твоими кудрями как ломтики гранатового яблока. *(В публику:)* У меня шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц, а девиц множество. Но она — единственная, моя голубка, моя чистая, единственная у своей матери, отличенная своей родительницей. Увидели ее девицы и превознесли ее, восхвалили ее мои царицы и наложницы. Кто это, смотрящая как заря, прекрасная как луна, светлая как солнце, грозная как полки со знаменами?

ОНА *(в публику)*:

Пошла я в ореховый сад посмотреть на зелень при потоке, поглядеть, распустилась ли виноградная лоза, расцвели ли гранатовые яблоки, и я не знаю, как душа моя повлекла меня к колесницам знатных моего народа.

ХОР ЮНОШЕЙ *(ей)*:

Оглянись, оглянись, Святоградка! Оглянись, оглянись, чтобы мы посмотрели на тебя.

ХОР ДЕВУШЕК *(хору юношей)*:

Что вы смотрите на Святоградку, как на двурядный хоровод?

ХОР ЮНОШЕЙ:

О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, благородная девица! Округление твоих бедер как ожерелье, сделанное руками художника; твой пуп — круглая чаша, из которой не истощается ароматное вино; твой живот как ворох пшеницы, обставленный лилиями; два твои сосца как два козленка, двойники серны; твоя шея как башня из слоновой кости; твои глаза как озерки размышлений, что у ворот Дочери Великих; твой нос как башня Белой Горы, стоящая лицом к Городу Наследственной Власти. Голова на тебе как Гора Садов, и пряди волос на твоей голове как пурпур. Царь пленен твоими косичками.

ОН *(ей)*:

Как ты прекрасна, как мила, любимая, с твоими прелестями! Твой стан похож на пальму и твои груди на виноградные кисти. Я подумал: взлез бы я на эту пальму, ухватился бы за ее ветви. Твои груди были бы мне вместо кистей винограда, и запах от твоих ноздрей — как от яблоков. Твои губы — как отличное вино.

ОНА *(в публику)*:

Оно течет прямо к моему другу, услаждает уста утомленных. Я принадлежу моему другу, и ко мне обращено его желание. *(Ему:)* Пойди, мой друг, выйдем в поле, будем ночевать по деревням. Ранним утром пойдем в виноградники, посмотрим, распустилась ли виноградная лоза, раскрылись ли цветы, расцвели ли гранатовые яблоки. Там я отдам тебе мои ласки. Мандрагоровые яблоки любви уже пустили свое благовоние, и у наших дверей всякие превосходные плоды, новые и старые. Я сберегла их тебе, мой друг. О, если бы ты был мне брат, сосавший груди моей матери! Тогда я, встретившись на улице, целовала бы тебя, и меня не осуждали бы. Я привела бы тебя в дом моей матери. Ты учил бы меня, а я поила бы тебя ароматическим вином, соком гранатовых яблоков. *(В публику):* Вот, левая рука его у меня под голо-

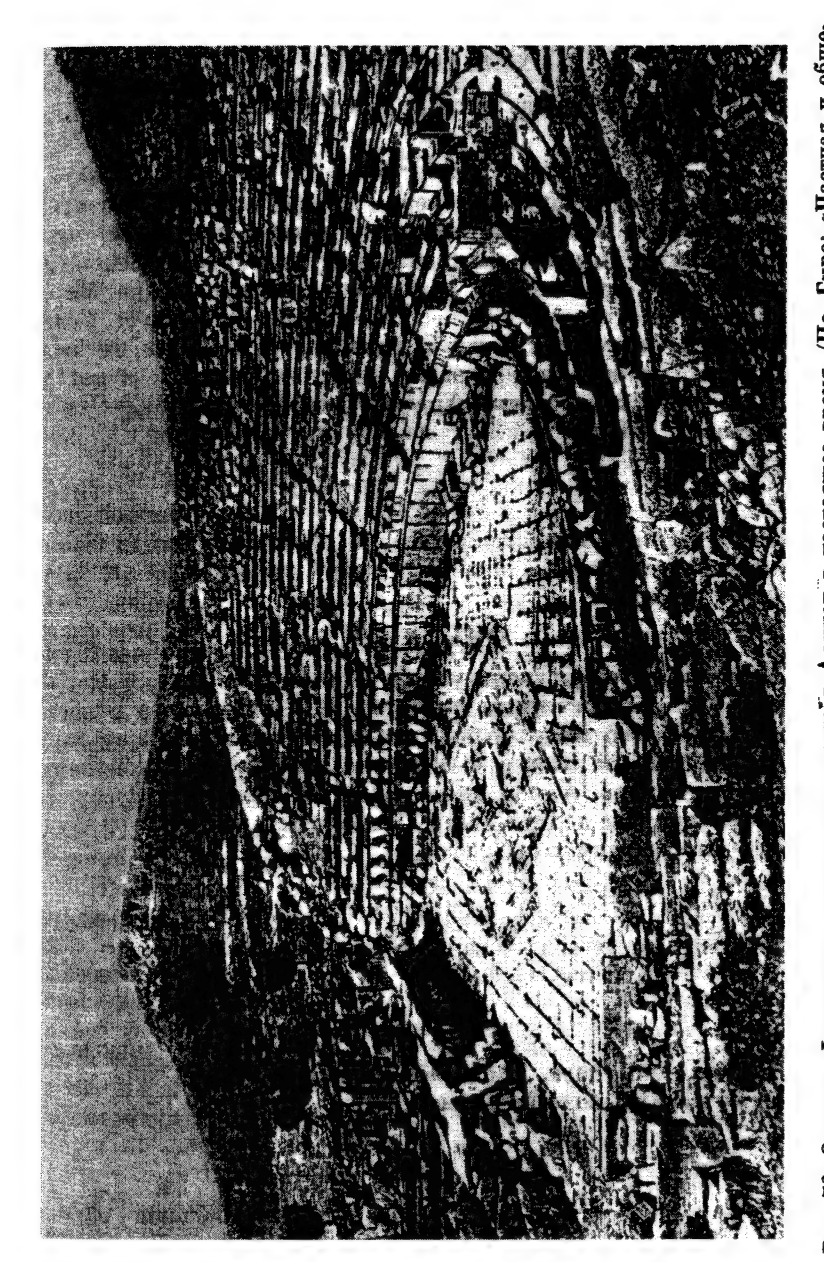

Рис. 76. Остатки Дионисиева храма-театра-цирка в Афинах в настоящее время. (По Гиро: «Частная и общественная жизнь греков».)

вою, а правая обнимает меня. *(Хору девушек):* Заклинаю вас, девицы Святограда: не будите, не возбуждайте любви, пока она не придет.

ХОР ЮНОШЕЙ:

Кто это выходящая из пустыни, опирающаяся на своего друга?

ОНА *(ему):*

Под яблонью разбудила я тебя. Там родила тебя твоя мать, там родила тебя твоя родительница. Прижми меня, как печать, к твоему сердцу положи, как печать, на твою руку, потому что любовь сильна, как смерть, а ревность свирепа, как преисподняя. Стрелы ее огненные. Она — пламень бога-Громовержца. Морские воды не могут потушить любовь и реки не зальют ее. Если бы кто хотел купить любовь за все богатство своего дома, то был бы отвергнут с презрением. *(Хорам:)* Сестра наша мала, и нет у нея грудей. Что нам делать с нашею сестрою, когда будут свататься за нее?

ХОРЫ:

Если бы она была стеною, то мы построили бы на ней дворец из серебра; если бы она была дверь, то мы обложили бы ее кедровою фанерою.

ОНА *(хорам):*

А я — как стена, и сосцы у меня — как башни. Потому я и была в глазах его как достигшая полноты. Виноградник был у Царя-Миротворца в его многолюдной столице. Он отдавал его в наем сторожам. Каждый должен был доставлять ему за плоды его тысячу сребренников. А мой виноградник у меня при себе. Тысячу сребренников даю я тебе, Царь-Миротворец, а двести сребренников — стерегущим плоды его.

ОН *(ей):*

Жительница садов! Товарищи мои внимают твоему голосу дай и мне послушать его.

ОНА *(ему):*

Бежим, мой друг, сделаемся подобны серне или молодому оленю на горах благовонных деревьев.

Оба убегают.

* * *

Я думаю, что при чтении этой явно театральной пьесы читатель уже не раз задавал себе вопрос: каким же образом попала она в число книг «Священного Писания Старого Завета», каким образом попала она в Библию, которую полагается читать в благоговейном настроении?

С обычной точки зрения это явная невозможность, а с новой точки зрения, которую обосновываю здесь я, — это вполне естественно. Первичное богослужение не изготовлялось, как теперь, исключительно на постном масле, а пыталось завлекать в храмы и вызывать на церковные жертвы более первичными способами. И главными из этих способов были: опьянение священным напитком из перебродившего виноградного сока и сопровождавшие его вакханалии. Церковь, цирк, театр и дом публичной проституции еще не отделились друг от друга (рис. 75—81).

И нужно было, как я уже показывал в V томе, огромное распространение храмовых венерических заболеваний, чтобы превратить эту первоначальную веселую литургию в современную христианскую с одной лишь ложечкой причастного вина вместо прежней полной чаши.

Библейские пророчества, как только нам удалось установить, что они принадлежат VI — VIII векам нашей эры, наглядно показывают нам, как началась расплата за эту храмовую распущенность.

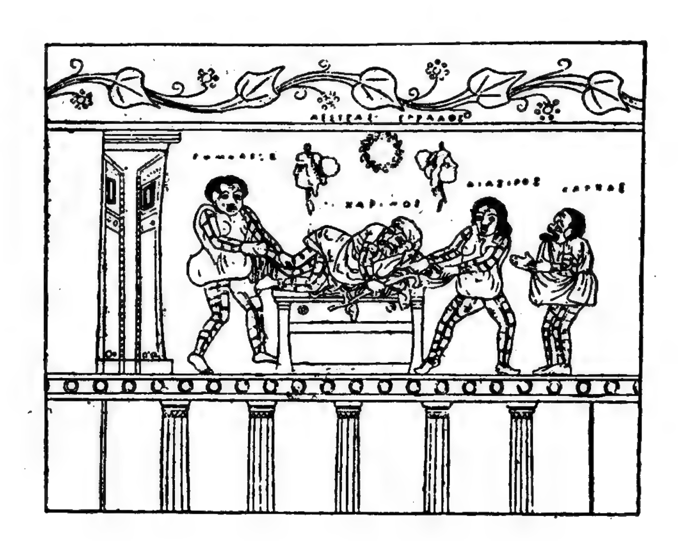
В то время, с одной стороны в государственных храмах-цирках актеры-священники театрально изображали собою входы и выходы богов и богинь, а с другой стороны испуганные громами Апокалипсиса оппозиционеры-беглецы в Египте и Западной Азии, а может быть даже и в отдаленной Испании, основали свою особую богоборческую секту. Ища вдохновения в созерцании течения небесных светил, в затмениях солнца и в появлениях небесных мечей-комет, они уже создавали тогда свою особую пророческую литературу, которая по какой-то иронии судьбы попала в ту же самую Библию, где помещена и «Песнь Песней».

Поразительный контраст библейской пророческой литературы с только-что приведенным образчиком я покажу сейчас. Она, — как будто, признак смерти, — уже заносит свою косу над этим первичным веселым христианско-дионисианским культом.

Вот, пророчество Иезеки-Ил, т. е. Осилит Бог. Оно все — явное подражание Апокалипсису.

Астрономическая часть его уже изложена мною в I томе «Христа». Она дает для сочетания планет, указанного в первой главе этой книги, полнолунную полночь с 5 на 6 июня 453 года через 58 лет после Апокалипсиса, и, кроме того, получается подходящее сочетание планет еще только на полнолунную полночь 16 июня 1307 года. Дата 453 года была через 58 лет после апокалиптического сочетания планет в 395 году, а дата 1307 года через столько же лет после апокалиптического сочетания планет 12 сентября 1249 года. Астрономически оба решения удовлетворительны. Сатурн, Юпитер и Луна были под ногами Змиедержца в Скорпионе, как и описано, да и Марс вычерчивал ту же эпициклическую петлю, при Солнце, Меркурии и Венере — около Близнецов («Херувимов»), что бывает только в июне. Даже выражение в главе XXXVIII о «Гоге в стране Магог» (т. е. Гунне

Рис. 77, 78 и 79. Ромейские старинные актеры. 1. Перед выходом на сцену. 2. Трагический актер. 3. Комический актер. Представления совершались в соответствующих масках. (По Гиро: «Частная и общественная жизнь греков».)

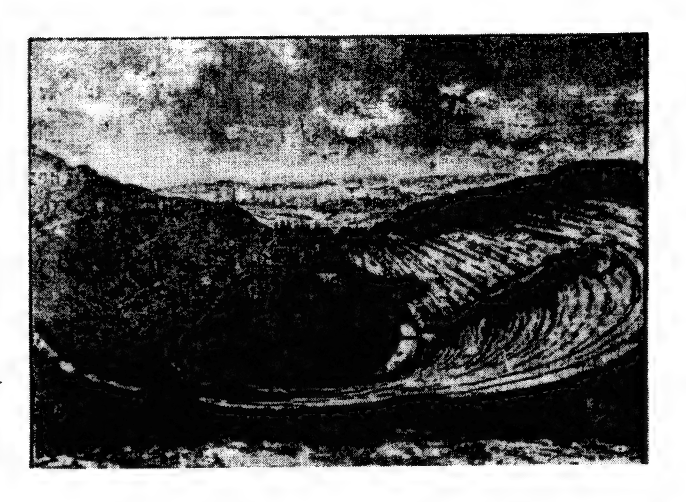

Рис. 80 и 81. Старинный ромейский цирк-театр-церковь. 1. Сцена из Комедии. 2. Развалины старинного стадиона в Афинах. (По Гиро: «Частная и общественная жизнь греков».)

в Монголии), властелине Руси-Московии (РАШ-МОСК), соответствовало бы бывшему в XIV веке «монгольскому игу», однако эта фраза могла быть позднейшей вставкой, а для основного текста, повидимому, надо принять для Иезеки-Ила 6 июня 453 года, а для Апокалипсиса 30 сентября 395 года.

Не повторяя прежних вычислений, данных в моих книгах «Откровение в грозе и буре» и «Пророки», и резюмированных уже в I томе «Христа», я здесь рассмотрю только литературную сторону «Иезеки-Ила».

Вот, несколько цитат из него.

***

Из глав V, VI и VII.

— Сын человека! — сказал мне бог-Громовержец,[1] — возьми себе бритву цирюльника, обрей себе голову и бороду и раздели свои волосы по весу на три равные части. Одну треть сожги в огне на осажденном тобою камне, когда окончишь дни его осады. Другую треть изруби и разбросай вокруг него, а третью часть развей по ветру, но оставь из нее небольшое число волосков и завяжи их бережливо в твой пояс.... Однако, и из них брось немного в огонь и скажи детям Богоборца (т. е. «Великого царя Мессии»):

— За то, что большая часть вас хуже язычников, третья часть из вас умрет от моровой язвы и будет истреблена голодом, третья часть падет от меча в окрестностях вашего города, а остальную треть я развею на все ветры! Слушайте же меня, горные вершины Богоборца! Вот, я сам подниму на вас меч, уничтожу ваши храмы, разрушу ваши жертвенники, разобью ваши столбы в честь солнца и повергну трупы ваши перед вашими идолами, а кости ваши раскидаю вокруг ваших жертвенников! Но я соберу среди народов ваш остаток! И вспомнят уцелевшие из вас обо мне среди чужих народов!

— Да, пришел конец четырем краям земли! Розга уже выросла, гордыня созрела для нее! Пришло время, настал день! Купивший пусть не радуется, и продавший не печалится, он уже не возвратится к проданному им, хотя бы и остался жив! Вещее виденье *(комета?)* не отменится, и никто не сбережет своей жизни беззаконием!

— Великолепие мое вы обратили в предмет тщеславия, вы устроили в моем *(небесном)* храме всякие мерзости и гнусные изображения, и за то я сам обращаю мой храм в мерзость. Я уничтожу гордость сильных, оскверню их святыни! Царь будет плакать, князь придет в ужас, а простой народ будет ломать свои руки от отчаяния.

[1] По-еврейски — Иеве (יהוה), по-латыни — Йевис (Ю-Питер = Иеве-Патер,) по-гречески — Зевс (т. е. Живущий). Я оставляю греческое произношение, как основное.

— «Как они поступали со мною, так и я поступлю с ними; как они судили меня, так и я буду судить их.»

А вот, и еще в том же роде.

Из главы XVI.

— Сын человека, — внушил мне Громовержец, — скажи Надежде Успокоения (мессианской церкви пятого века): — ты родилась в низменной стране, отец твой был Слово Бога, а твоя мать — Смирение, и никто не обрезал твоей пуповины при рождении, не омыл тебя и не обвил пеленками! Ничей глаз не сжалился над тобою, и никто не оказал тебе милосердия, когда ты была брошена на поле в день твоего рождения, как жалчайшее существо! Но, проходя мимо, я увидел тебя, плавающую в собственной крови *(от обрушившихся на тебя гонений)*, и сказал: — «Окровавленная! живи!»

И я вырастил тебя, как полевое растение. Твоя худоба исчезла, и ты стала красавицей из красавиц. Твои волосы разрослись, груди пополнели, и настало время твоей любви. И я надел на тебя кружевную одежду, обул тебя в цветные сандалии и опоясал египетской тканью. Я надел браслеты на твои руки и ожерелье на твою шею. Я вдел серьги в твои уши и возложил на твою голову венец славы.

И разнеслось твое имя между народами, и красота твоя была совершенна в моем наряде.

Но вот ты понадеялась на власть своей красоты и бросилась в распутство. Пользуясь своей славою, ты стала отдаваться всякому прохожему. Ты взяла подаренные мною тебе одежды, разостлала их для украшения своих алтарей и обманывала меня на них как еще никогда не бывало и не должно быть! Ты брала украшения из моего серебра и золота и делала себе из них изображения для поклонения и отпадала с ними от истины. Ты одевала их узорчатыми одеяниями и приносила им, как жертву, мое масло, фимиам, мед и хлеб из самой лучшей пшеницы, какую я тебе давал, и этим вовлекала в западню моих детей и порабощала их посредством твоего таинства. И не вспомнила ты дней своей юности, когда ты была нага и валялась в крови гонений! Ты стала всех преследовать, ты сделала себе кумирни и часовенки на каждой улице!

На всех перекрестных дорогах ты устроила себе притоны разврата и позорила красоту свою, зовя к себе всякого встречного. Ты обманывала меня с детьми Угнетателей, твоими великорослыми соседями, обманывала с детьми Вождей и особенно в Земле Низменной, до самых ее равнин. И во всем этом ты поступала не как продажная женщина, ценящая подарки, и не как обманщица, жена, тайно принимающая, вместо своего мужа, чужих, — нет, ты сама давала подарки твоим любовникам, чтобы они со всех сторон приходили обманывать меня с тобою!

За это слушай же мое решение, развратница!

Вот, я соберу всех твоих возлюбленных и выставлю тебя нагою перед ними, и они увидят твой позор и лживость, и твое унижение, он и разорят твою кумирню и твои часовенки! Они сожгут огнем твои дома и исполнят над тобою мой приговор перед глазами множества женщин. И прекратятся тогда твои обманы, и ты не будешь более давать подарки своим возлюбленным! Ты дочь в свою мать *(православную церковь)*, которая пренебрегла своим мужем и всеми детьми своими. Ты сестра, как твои сестры, тоже пренебрегшие и мужьями, и детьми. Твоя сестра «Хранительница Веры» *(православная религия?)* живет со своими дочерьми к северу от тебя. Твоя младшая сестра Содома *(николаитство V века?)* живет к югу со своими дочерьми, но и она не делала того, что делала ты! А Хранительница Веры не натворила и половины твоих мерзостей! Ты, осудившая сестер своих, превзошла их и оправдала их передо мною!

И за это я освобожу пленников Содомы и Хранительницы Веры из подвластных им областей, вместе с твоими пленниками, чтобы ты была посрамлена и стыдилась того, что делала для утехи своих возлюбленных!

Но даже и посрамив тебя, я вспомню мой брачный союз, заключенный с тобою в дни твоей юности. Я восстановлю его потом, и ты узнаешь, что я — Громовержец!

Из главы XXIII.

— Сын человека! Были две дочери у одной матери *(древне-мессианской церкви)*. В ранней молодости они совратились с истинного пути в Стране Угнетения, и увяли там их девственные груди.

Старшая *(арианская церковь?)* была моей Кочевой Палаткой, а младшая *(мессианская церковь V века?)* Сенью моего отдыха. Первая называлась Хранительницей Веры, а вторая Надеждой Успокоения.

И пристрастилась моя «Кочевая Палатка» *(арианская церковь)* к своим любимцам и благосклонникам, правителям, одевавшимся в багряницу, начальникам и градоначальникам, отборным красавцам, ловко ездящим на конях. Она оскверняла себя погаными изображениями всех, с которыми она связывалась, не оставив при этом своего распутства и с Угнетателями, любовниками своей молодости, сообщившими ей свои пороки. Зато и предал я ее в их руки *(т. е. поработил светской власти)*, и обнажили они и ее и дочерей ее, и получила она теперь самое позорное имя между женщинами.

А сестра ее — Сень Моего Отдыха *(мессианская церковь V века)* — видела все это, но поступала еще хуже ее в своих любовных связях.

Она тоже завлекала к себе правителей, начальников и градоначальников, одевающихся в багряницу и благоволящих к ней, но не ограничилась этим. Увидев мужские изображения подобий языческих богов, написаные красками на стенах *(храмов)*, с

длинными повязками на головах, нечто вроде царских телохранителей, похожих на сынов «Врат Господних» из Бесовской страны, их родины, она влюбилась в них и отправила послов в их царство. И пришли сыновья «Врат Господних» к ней на любовное ложе *(присоединились к мессианским ожиданиям)*, и она пристрастилась сильнее, чем наложница, к этим людям, у которых тела как у ослов, а похоть как у жеребцов, а потом почувствовала к ним отвращение *(т. е. начала уклоняться от союзов со светской властью V века)*.

«Вот почему, Сень Моего Отдыха, я подниму отовсюду против тебя этих твоих возлюбленных, к которым ты уже почувствовала отвращение, детей «Врат Господних», всеграбителей, начальников, вольнонаемных и копьеносцев, а с ними и всех твоих правителей, отборных красавцев, воевод и знатных лиц, и всех ловких наездников. Они придут на тебя на конях и колесницах, с секирами и множеством войска. Они обступят тебя кругом в латах и шлемах со щитами и кольчугами, и отнимут у тебя твоих сыновей и дочерей, а то, что останется от тебя — отдадут на пожрание огню. Ты пошла по пути своей сестры, и за это я дам тебе в руку ее горькую Чашу, и ты выпьешь ее до дна, оближешь ее черепки и растерзаешь с отчаяния грудь свою.

Из главы XXIV.

— «Сын человека! Царь-город[1] говорит о Надежде Успокоения *(мессианской церкви)*: «Разрушена она, дверь народов, идет под мою власть, и я разбогатею от ее уничтожения!»

«За эти слова я, вот, иду на тебя, Царь-Город! Я подниму против тебя множество народов, как море в бурю поднимает свои волны. Я приведу на тебя с севера князя Врат Господних[2] царя над царями. Пыль от множества коней его покроет тебя, Царь-Город! и стены твои задрожат от шума его, всадников, колес и колесниц, когда он войдет в твои ворота, как входят в крепость через пролом. Он истопчет твои улицы копытами своих коней, перебьет твоих подданных и повергнет на землю все твои монументы, воздвигнутые в память твоих былых побед. Я заставлю смолкнуть голоса твоих песней, и звука гуслей твоих уже не будет слышно в тебе от грома твоего падения. Содрогнутся острова, и все властелины прибрежий моря сложат с плеч свои багряницы и кружевные наряды и, одевшись в один трепет, сядут на землю и будут сокрушаться о тебе. Они поднимут о тебе горький плач и скажут:

— «Как погибла ты, знаменитая Твердыня, заселенная море-

---

[1] По-еврейски צר (ЦР) или צור (ЦОР) — конечно, Царь-Град, а никак не жалкий поселок к северу от Палестины, на скале.

[2] Он назван Наву-ходоно-сор, но это имя состоит из трех частей: Нево — вероятно. новый (novus); ходон — трудно определимое слово, и сор по-еврейски — ЦР; — т. е. царь.

ходами, владеющая морем, наводившая страх на всех обитателей островов и прибрежий»!

«Да, я двину па тебя, Царь-Город, морскую пучину, и покроет тебя множество вод! Я низведу тебя к ушедшим в могилы, помещу в преисподней земли, в пустынях вечных, чтобы ты уже не возвратился на землю, и восстановлю свою славу в стране живых!»

Уж не вставка ли это, читатель, из времен крестовых походов? Не описание ли взятия Царь-Града крестоносцами? Невольно кажется, что эта книга сильно пополнена и окончательно средактирована лишь в XIV веке нашей эры.

Затем после ряда астрологических описаний неба автор заканчивает так:

Из главы XLIII.

«И вот, Слава Бога Богоборца *(утренняя заря)* пришла снова в мир по восточному пути, и вся земля осветилась ею, а голос Громовержца доносился до меня, как шум множества вод. Это было такое же видение, какое являлось мне и прежде, когда я приходил возвестить гибель Великой Твердыне, и такое же, какое было на реке Хабуре. И я вновь упал на свое лицо. Но вдохновение подняло меня и привело мой взор к внутреннему двору чертога (*в северную область неба*). Слава Грядущего бога *(утренняя заря)* уже наполняла его, и мне слышался оттуда *(в шуме ветра)* голос:

— Сын человека! Вот место моего престола, подножие ног моих! Здесь я вечно буду жить посреди детей Богоборца, и не будут более осквернять мое имя ни они сами, ни их цари своим развратом и мерзкими жертвами на своих алтарях. Цари поставили порог свой наравне с моим порогом и верхи ворот своих наравне с моими воротами, они устроили посредничество *(византийско-римской церкви)* между собою и мною, и за это я погубил их в своем гневе.

«Покажи же, сын человека, этот чертог небес детям Богоборца. И когда они устыдятся того, что делали, объясни им его рисунок и его механизм, и все его входы и выходы!»

Я не хочу здесь без конца говорить о пророчествах того времени. Они довольно однообразны, как это можно видеть хотя бы из книги «Иеремия».

«Иди, — говорит Громовержец, — и закричи в уши Надежды Успокоения *(мессианской церкви)* мои слова: Я вспоминаю вновь о днях юности твоей, о любви твоей ко мне, когда ты была моей невестой и последовала за мною в пустынную и незасеянную землю»...

«Подними же твои глаза и посмотри: кому и где не отдавалась ты с тех пор? У дорог сидела ты для прохожих, как аравитянин в пустыне! Ты осквернила всю землю своим развратом, и за это были мною удержаны дожди *(намек на засуху)*![2]

Но вот, когда за все твои лукавства, отступная дочь Богоборца, я дал тебе, наконец, разводное письмо, тогда вероломная сестра твоя, Слава Громовержца, не испугалась этого и тоже пошла распутничать с каменными и с деревянными идолами *(т. е. поклоняться им)* и только притворно стала обращаться ко мне! И вот, ты оказалась правее, чем твоя сестра. Возвратись же ко мне, отступница Богоборца! Я не изолью на тебя своего гнева, я милостив и не буду вечно негодовать!»

Сравните сами это место с XVI главой Апокалипсиса (а затем и с XVII главой) и вы увидите, что все оно представляет лишь развития сделанных там излияний и упреков, воспроизводя из них много буквальных выражений.

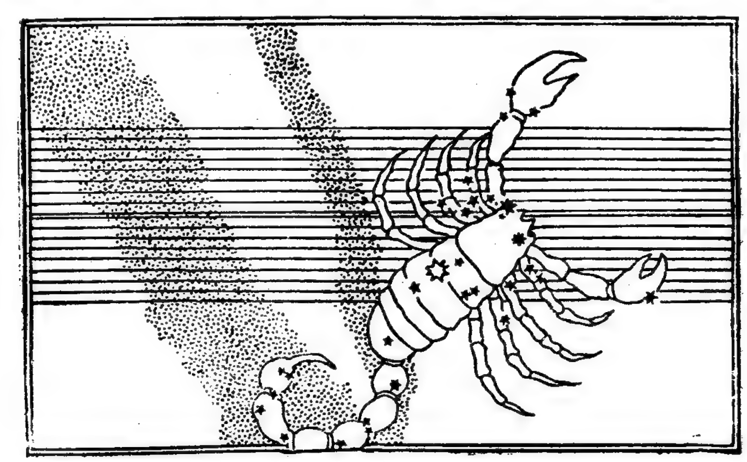

Рис. 82. Созвездие Скорпиона. (Из старинной латинской Астрономии.)

Но «Осилит Бог», как я уже показал астрономическим вычислением в предшествовавшем изложении[1], весь писан после Апокалипсиса. Если допустить (на что, впрочем, нет оснований), что датировка глав в нем вся однородна, то его глава XVII, с двумя такими же, как здесь, распутными сестрами, должна быть написана еще в 429 году. Она, очевидно, была уже известна автору пророчества Иеремии, хотя автор «Стрелы Грядущего» был много моложе автора «Осилит Бог» и считал последнего за авторитет, заимствуя у него и темы и целые отдельные фразы. Подражательность его видна и в следующей за этим главе IV, где «Иеремия» говорит о комете:

---

[1] См. «Христос», кн. I.

[2] Например: «Сын человека! покажи Надежде Успокоения все проступки ее» (Иез. XVI, 7). «Я надел на тебя *(Надежда Успокоения)* кружевную одежду, обул в цветные сандалии» (XVI, 10) . . . «Но ты понадеялась на силу своей красоты и стала распутничать со всяким прохожим» (XVI, 15).

Я не переписываю целиком XVI и XVII глав, читатель сам может их прочесть и убедиться, что я прав.

— «Поднимайте знамя на Путеводном столбе! — восклицает он от имени Грядущего. Бегите не останавливаясь! Я веду к вам с севера великое бедствие и гибель! Вот, вышел, поднимаясь на высоту, Лев (созвездие Льва, рис. 83) из своей чащи; вот, восходит из своего места Истребитель народов — Скорпион (рис. 82), — чтобы обратить вашу страну в пустыню, разрушить ваши города и оставить их бесплодными! Опоясывайтесь же веревками в знак горести, плачьте и рыдайте, потому что пылающая головня Грядущего (рис. 84, комета Галлея) еще не отошла от вас!»

Рис. 83. Созвездие льва. (Из старинной латинской астрономии.)

Астрономические методы здесь прямо взяты из Апокалипсиса, а относительно того, что апокалиптический и библейский Город-Царь (Цор, но переделанный греками в Тир) есть не что иное, как Царь-Град, едва ли может быть теперь сомнение у благоразумного историка после всего того, что я говорил о нем в первых томах «Христа».

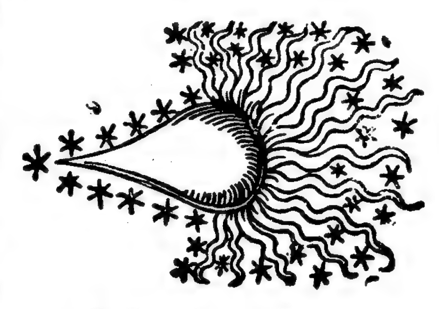

Рис. 84. Комета. (Со средневекового рисунка.)

Сравнивая все это с «Песнью Песен», как образчиком тогдашнего государственного культа, мы не можем не видеть, что библейские пророчества были лишь прелюдней к кумироборству Льва Исаврийского, тем более, что пророки и называли себя богоборцами (по-еврейски — израильтянами), а своего родоначальника — Яковом богоборцем. А пополнены они, как будто, уже после взятия Царь-града крестоносцами.

ГЛАВА XI

СЛАВЯНСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ В ВЕЛИКОЙ РОМЕЕ. ЦАРИ-ЗАКОНОДАТЕЛИ И ИХ НИЧТОЖНЫЕ ЭПИГОНЫ

И вот, наступила эпоха «Трех Юстинов» (518—578), т. е., по-латыни, царей Законодателей, которым многие приписывали славянское происхождение. Основанием для такого взгляда послужило напечатанное в начале XVII века ученым книгохранителем Ватиканской библиотеки Николаем Алеманом жизнеописание императора Юстиниана, «составленное аббатом Феофилом, наставником «царя Законодателя», где приведены были для Юстиниана и его родни имена, которыми они назывались на родине и которые были славянскими. Так например, Юстиниан называется там Управдой. Затем (в 1883 г.) английский ученый Брайс показал, что эта рукопись составлена в начале XVII века, и трех царей Законодателей обратно разжаловали из славян и стали считать иллирийцами из деревень верхней Македонии, недалеко от современного Ускюба, на границе Албании.

С Римом в это время произошло, — говорят нам, — примирение, которое положило конец разрыву между двумя церквами, длившемуся со времени Зенонова «Энотикона» (т. е. с 482 года), где обязательно приказывается считать основателя христианской литургии (т. е. «Великого царя») единосущным с богом-отцом по своему божеству и единосущным с людьми по своему человечеству. В основу религиозной политики было положено православие, оттолкнувшее снова восточные провинции, где продолжали держаться арианства.

Мы пропустим первого «Царя Законодателя» (Юстина I, по-латыни), так как о законодательной деятельности его ничего неизвестно, и прямо перейдем к его племяннику Юстиниану (527—565), являющемуся центральной фигурою данного периода.

Мы имеем специального историка для того времени в лице Кесарийского Спеспешника (Прокопия, по-гречески), умершего, — говорят нам, — в шестидесятых годах VI века. Но это совершенно невероятно. В своем изложении «Спеспешник» часто подражает апокрифистам Эпохи Возрождения. Его «История в восьми книгах» считается главным источником времени Юстиниана. Другое его сочинение — «О постройках» — сплошной панегирик императору и содержит перечисление и описание многочисленных и разнообразных сооружений, будто бы воздвигнутых Юстинианом во всех частях его обширной империи. А третье его сочинение «Anecdota» или «Тайная история» (Historia Arcana) — о ужас! — вместо панегирика оказывается вдруг злостным памфлетом на деспотическое правление «Управды» и его Богодарованной супруги (Теодоры), где сам император, Феодора, Велизарий и его жена смешиваются с грязью. Противоречие между последним сочинением и первыми двумя настолько разительно, что был поставлен уже вопрос о подлинности «Тайной истории». Казалось невозможным, чтобы все три сочинения принадлежали одному лицу, и все же, отвергнув очевидность, дело решили в смысле подлинности и принадлежности Спеспешнику-Прокопию всех трех книг!

«Тайная история» рисует в сгущенных красках развратную жизнь «Божьего подарка» Теодоры в ее юные годы. Отец ее был, — говорит автор, — сторожем медведей в цирке, и она превратилась в женщину, дарившую многих своей любовью. Природа наделила ее красотою, грацией, умом и остроумием. Она развлекала, чаровала и скандализировала Царь-Град. Честные люди,

встретив Теодору на улице, сворачивали с дороги, «чтобы не осквернить своего платья прикосновением к ней».

Но все это, читатель, анахронизмы. Еще в IV томе «Христа», в главе «Цирк, театр и церковь» я показал, что в то время цирк и церковь были одно и то же, как обнаруживает и само их общее название. Все реальное, что мы знаем о происхождении театра, подтверждает такой вывод, и если там и содержались в известные периоды дикие звери для растерзания еретиков, то это было в промежутки между мистериями на устрашение публики, как и костры инквизиции впоследствии. А для верующих тут же представлялись сцены из библейской истории вроде современных разговоров священника с диаконом в православных церквах.

Какого рода были эти религиозные представления, мы только-что видели из «Песни Песней» Царя-Миротворца, которую я привел здесь в полном толковом переводе.

И я уже показывал, что такого рода сцены входили в состав тогдашнего религиозного ритуала, и что недаром эта пьеса вошла целиком в состав Библии, и по традиции рекомендуется теологами для нашего чтения, как одна из книг **священного** писания. «Он» в этой пьесе, — говорят нам христианские священники, — изображает Христа, а «Она» христианскую церковь, да и раввины утверждают, что это не простая театральная любовная сцена, а божественная и мистическая. С их мнением не можем не согласиться и мы, стоя на точке зрения, что тогдашняя религия мессианцев и христиан имела еще вакхический характер, а потому такого рода театральные представления были очень хорошим прологом к дальнейшим мистическим последействиям зрителей на их «вечеринках любви (агапах)». Вопрос только в том: на каком языке давались в старо-христианский период эти представления в царь-градском цирке-храме и других местах поклонения? На еврейском ли, как в областях современной мусульманской культуры на прибережьях Средиземного моря, где этот язык был понятен всему населению не учась, или уже в переводе на греческий язык? Скорее всего это было еще в подлиннике, и греческий язык, ютясь на Ионнийских островах и в гаванях Малой Азии, еще плохо был понятен царь-градским жителям, перешедшим к нему, вероятно, лишь после отделения Европейских областей от Египта и Сирии при Гераклии.

Все это бросает нам свет и на клерикальную характеристику коронованной супруги Юстиниана Теодоры, как цирковой, т. е. церковно-театральной девицы, чего-то вроде современных индусских баядерок и лжклассических весталок (хотя последние и получили обратную характеристику у классических апокрифистов Эпохи Возрождения).

После цирковой деятельности, — говорят нам апокрифисты — она на некоторое время исчезает из столицы в Африку, и по возвращении в Царь-Град является уже не прежнею легкомысленною «актрисою». Оставив сцену, она ведет «уединенную жизнь, интересуясь церковными вопросами и занимаясь пряжею шерсти».

В это-то время и увидел ее Юстиниан, и красота ее поразила его. Император приблизил ее ко двору, пожаловал званием патриции и вскоре женился на ней.

И вот, со вступлением Юстиниана на престол, она сделалась императрицей Византии и открыто стала на сторону монофизитов, в противоположность колеблющемуся супругу, который большую часть своего долгого царствования держался двуестественности Христа. И тем не менее, она причислена была к лику святых, и в месяцеслове под датой 14 ноября мы читаем: «Успение правоверного царя Иустиниана и память царицы Феодоры».

Так, в глазах историков Теодора, как новая Мария Магдалина, превратилась из проститутки в святую, да и все государство претерпело метаморфозу.

Многочисленные войны Юстиниана, — говорят нам, — были частью наступательными, частью оборонительными. Наступательные велись с германскими государствами западной Европы, которые по прежним преданиям сначала раболепствовали перед Великой Ромеей, и теперь отпали, а оборонительная война была с Персией на востоке и со славянами на севере.

Вандалы, остготы и отчасти вестготы подчинились императору. Средиземное море превратилось почти в византийское озеро. В своих указах Юстиниан называл себя Цезарем Флавием Юстинианом, царем Аламанским, Готским, Франкским, Германским, Антским, Аланским, Вандальским, Африканским и, решив начать войну с готами, он, будто бы, писал: «готы, захватив силою **нашу** Италию, решили ее не отдавать».

Одна его армия начала завоевание входившей в состав остготского государства Далмации. Другая армия, посаженная на суда и имевшая во главе Велизария, заняла Сицилию и, перенеся военные действия в Италию, завоевала Неаполь и Рим. Столица остготов Равенна открыла ворота Велизарию, и их король был перевезен в Царь-Град. Тогда Юстиниан к своему титулу «Царь Африканский и Вандальский» прибавил и «Готский». Так Италия была покорена Византией.

Но в это время у остготов появился энергичный и талантливый король Тотила, который быстро восстановил дела. Византийские завоевания в Италии и на островах снова перешли в руки остготов. Мифический Рим классиков превратился от этого,— говорят нам,— в груду развалин (что было настоятельно необходимо, чтобы выпутаться из рассказов о его былом величии). Велизарий был отозван из Италии, и дела поправил другой выдающийся византийский полководец Нарсес, который рядом искусных действий сумел победить готов. Тотила пал в одном из боев, и после двадцатилетней опустошительной войны в 554 году Италия, Далмация и Сицилия были соединены с империей. Так началась первая реальная история Италии.

«Во время остготской войны, — говорят нам, — промышленность и торговля на долгие времена остановились в ней, а благодаря недостатку в рабочих руках итальянские поля оставались

необработанными. Рим «превратился» в заброшенный, разрушенный, не имевший политического значения центр, где приютился папа (которого тогда еще не было, см. «Христос», кн. V). Запущенность и отсталость, — говорят нам, — Рима стала его характерной чертой вплоть до Эпохи Возрождения».

А с нашей точки зрения это и было реальным началом итальянского Рима, так как классический Рим есть лишь волшебная сказка о Царь-Граде, сосланном в Италию.

Последнее завоевательное предприятие Юстиниана было направлено в год окончания остготской войны (554) против вестготов на Пиренейском полуострове. Но в руки Царя-Законодателя отошел лишь юго-восточный угол Испании с городами Карфагеной, Малагой и Кордовой.

В результате этих войн Юстиниана пространство его монархии почти удвоилось, но восточные войны его были менее удачны.

Персидский царь Хозрой Ануширван, т. е. Справедливый, открыл военные действия против Ромеи. Призванный из Италии Велизарий ничего не мог с ним сделать. Хозрой вторгся в Сирию и дошел до берегов Средиземного моря. Юстиниану удалось купить перемирие с ним на пять лет за уплату крупной суммы денег, но в конце концов, бесконечные военные столкновения утомили и Хозроя. В 562 году между Ромеей и Персией был заключен мир на пятьдесят лет.

Другой характер имели оборонительные войны на Балканском полуострове. Славяне в это время являются впервые под своим собственным именем — склавины, и доходят в Греции до Коринфского перешейка и до берегов Адриатического моря.

Но мировую известность получил Юстиниан благодаря не своим войнам, а вследствие своей законодательной деятельности, хотя ему и предшествовали, — говорят нам, — Codex Gregorianus, Codex Hermogenianus и Codex Theodosianus. В апреле 529 года кодекс Юстиниана, — говорят нам, — был «опубликован», т. е. не иначе, как прочтен на площади, в двенадцати книгах, и сделался единственным обязательным для всей империи сводом законов. А дальше нам рассказывают уже прямо нелепость.

После опубликования этого знаменитого кодекса, в следующем 530 году, — говорят нам, — юристу Трибониану было поручено составить новую комиссию, которая должна была пересмотреть сочинения всех классических юристов, сделать из них извлечения, отбросить устаревшее, устранить разногласия, и наконец, расположить весь собранный материал в известном порядке. Для этой цели комиссии пришлось, говорят, разобрать около двух тысяч книг и более трех миллионов строк. Ее работа, на осуществление которой по словам, будто бы, «самого Юстиниана» никто из его предшественников не надеялся и которая считалась *(по истине!)* невозможною для человеческого ума, освободила все древнее право от излишнего многословия и в три года была закончена. Опубликованный, — опять, очевидно, глашатаем на площади, — в 533 году и разделенный на пятьдесят книг, свод

законов получил название Дигест (Digesta) или Пандект (Pandectale) и тотчас же вступил в действие.

Но все же царь «Управда» не угодил ученым XIX века. Один французский юрист писал, — по словам А. А. Васильева, которым я много пользуюсь в моем изложении фактов, — что «Трибониан наложил варварскую руку на удивительные остатки римской юриспруденции», что он «разорвал и изувечил самое прекрасное создание Рима — его гражданское право», что он «уничтожил Ульпиана, Павла, Папиниана, Гая, чтобы приспособить их остатки к

Рис. 85. Гробницы, высеченные в скале и известные под названием «Тюрьма Сократа», хотя для этого решительно нет ни малейших оснований. Они находятся к юго-востоку от Афинского акрополя. Мы никогда не должны забывать, что ни на одном развалившемся храме Византии или Рима нет надписей, в честь кого он построен, и существующие теперь их названия даны «открытелями» по их собственным догадкам, часто вопреки местным воспоминаниям.

нуждам греческой империи и заставить их содействовать постройке расшатанного здания.» «Может быть, мы обязаны Трибониану, — говорит он, — гибелью тех драгоценных книг, которые попали в забвение и презрение после компиляции Юстиниана?»

Но мы уже видели в V книге «Христа», что все это «римское право» было разработано не Юстинианом, а ломбардскими юристами Эпохи Возрождения. Юстиниану или, вернее, его юристу Трибониану могло принадлежать лишь что-нибудь из того, что вошло в библейскую книгу «Второзаконие», которая таким образом и является истинным кодексом Юстиниана, приписанным теперь Моисею.

И только оно, вероятно, и вошло в систему преподавания

Царь-Градского университета VI века. Курс был, — говорят нам, — пятилетний. Главным предметом изучения в первый год были «институции», во второй, третий и четвертый — «дигест» и, наконец, в пятый год — «кодекс».

«Ученики, — писал, будто бы, Юстиниан, — раскрыв все тайны права, да не имеют ничего скрытого, но, прочтя все, что

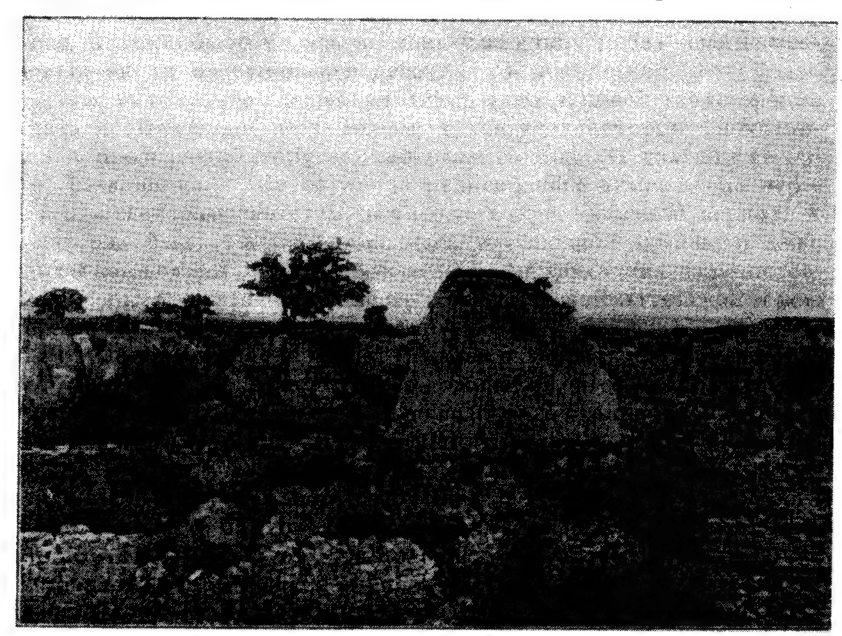

Рис. 86. Раскопки Dörpfeld'а около Гиссарлыка на северо-западе Малой Азии, где он откопал, по его мнению, нижние части зданий гомеровской Трои. Посредине находится столбовидный остаток прежней почвы, чтобы показать глубину раскопок. А кругом этого столба видны найденные Дёрфельдом основы стен первобытной бесцементной кладки. Без погружения в море они не могли быть так занесены землею даже и в 10 000 лет, а моря здесь не было. Остается допустить, что крупные камни, как более тяжелые по удельному весу, имеют свойство медленно тонуть в находящейся под ними рыхлой почве, которая их обтекает, как вода тонущие в ней тела. Примеры такого погружения твердых тел даже и в твердые, а не только в сыпучие вещества физика показывает, например, на варе, который при резком ударе даже хрупок, как стекло, а между тем как при медленном, продолжительном давлении более тяжелых тел ведет себя как вязкое тело. По этой же причине все здания Ленинграда строятся на подземных плотах из сплоченных тесно друг с другом бревен, вследствие чего обтекание почвою давящих на нее фундаментов сильно затрудняется.

для нас составлено Трибонианом и другими, да сделаются прекрасными ораторами и хранителями справедливого суда, превосходными мастерами в своем деле и счастливыми правителями во всяком месте и во всякое время».

Обращаясь к профессорам, он тоже, будто бы, писал:

«Начинайте с помощью божьей обучать праву учеников и открывать им путь, который мы открыли, чтобы они, следуя по

этому пути, сделались превосходными служителями справедливости и государства и чтобы мы заслужили на веки-вечные величайшую славу».

А обращаясь к учащейся молодежи он, будто бы, изрек:

«С величайшим вниманием и бодрым усердием примите эти наши законы и покажите себя настолько сведущими, чтобы вас

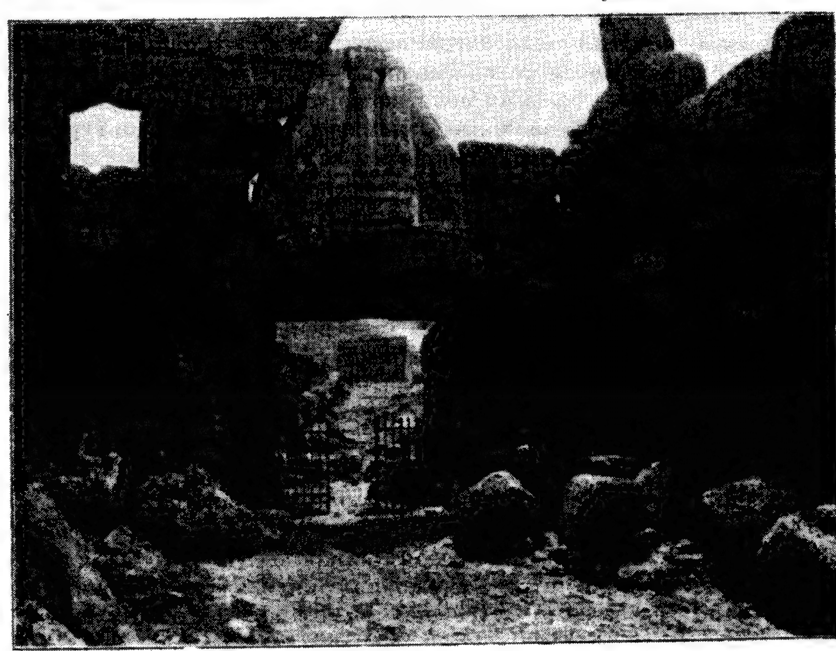

Рис. 87. Львиные ворота в Микенах в Арголиде; по обе стороны их были львы (Гельмольт, IV, 256.)

ободряла прекраснейшая надежда быть, по окончании полного курса права, в состоянии управлять государством в тех частях его, которые вам будут вверены».

Понятно, что все это — позднейшие апокрифы, а истинный облик законодательства «царя Управды» еще долго придется восстановлять. Скорее всего он мог походить на «Кодекс Аммурабп», о котором я буду говорить в следующем томе.

Юстиниану, — говорят нам апокрифисты, — пришлось столкнуться с иудеями, язычниками и еретиками. К числу последних он, будто бы, причислил манихеев, несториан, монофизитов, ариан и разных представителей менее значительных религиозных учений.

Арианство действительно господствовало тогда на Западе среди германских народов, но мы не должны забывать, что Арий и Арон — одно и то же лицо. Борьба с ним выразилась,— говорят нам, — в форме военных предприятий на западе, окончившихся уже известными нам полными или частичными подчинениями германских государств.

А для окончательного искоренения остатков не существовавшего никогда «эллинского язычества», с которым надо было наконец разделаться, чтобы не смущать классиков его отсутствием, Юстиниан «закрыл в 529 году знаменитую философскую школу в Афинах, этот последний оплот отжившего язычества». Афинские профессора подвергались, будто бы, изгнанию, а имущество школы было конфисковано. «В том же году, в котором св. Бенедикт разрушил последнее языческое национальное святилище в Италии — храм Аполлона в священной роще на Монте Кассино — была разрушена и твердыня античного язычества в Греции, и с этих пор Афины утратили окончательно значение культурного центра и превратились в глухой провинциальный город».

Так были сразу ликвидированы «в 529 году», если не св. Юстинианом и св. Бенедиктом, то авторами Эпохи Возрождения, и волшебная сказка о древнем Риме, и волшебная сказка о древней Греции.

«Иудеи, — говорят нам, [1] — и близкие им по вере самаритяне в Палестине, не вынесшие правительственного преследования и поднявшие восстание, были усмирены с большою жестокостью. Синагоги (опять греческое, а не еврейское слово, как и синедрион) [2] разрушались, а в оставшихся запрещалось, будто бы, читать книги Ветхого Завета по древнему еврейскому тексту, который должно было заменить греческим переводом семидесяти толковников. Гражданские права «иудеев» отнимались, все несториане также преследовались». Монофизитов хотели признать, но партия акимитов (строго-православных) [3] подняла такой шум, что Юстиниан вынужден был, — говорят нам, — временно уступить и, наконец, решил прибегнуть к созыву вселенского собора, который и собрался в Константинополе в 553 году.

Там, собственно говоря, и был впервые решен в отрицательном смысле вопрос о несторианстве (т. е. о возвращенстве Великого Царя на землю только в качестве человека) и было запрещено считать деву Марию только христородицей, а не богородицей. Вместе с тем было осуждено и монофизитство, признававшее, как говорят, «только одну божественную природу в Христе». А потому и предшествовавшие соборы, где, будто бы, были уже решены оба эти вопроса, мы должны считать апокрифическими. Если они разбирались на Константинопольском соборе 553 года, то, значит, ранее его этих вопросов и не было. Но и здесь мы должны быть очень осторожны.

Дело в том, что историки Византии во многом превзошли историков «древнего Рима» и гораздо осведомленнее их.

В то время, как латинисты, обладая необыкновенной памятью, передают нам со стенографическою точностью только разговоры между собою древних римских общественных деятелей, византисты, обладая необычным проникновением в человеческие души, знакомят нас даже и с затаенными мыслями древних восточно-ромейских деятелей.

[1] А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, I, стр. 146.

[2] Синагога от συν-ἀγωγός (сюнагогос) — общий руководитель, и синедрион от συν-ἐδριον (сюнэдрион) — общий руководитель.

[3] Повидимому, от греческого ἀ-κῦμα (а-кюма) — бесплодие, нерождение детей.

«В науке, — говорит, например, не раз цитированный нами А. А. Васильев (стр. 143), — обсуждался уже вопрос о том, какие внутренние побуждения руководили Юстинианом в его церковной политике?» И вот, наконец, удалось обнаружить его затаенные мысли. Оказывается, что «прежде всего он видел в себе наследника римских цезарей и что он считал своим священным долгом восстановить единую империю в пределах I и II веков (а не каких-нибудь других!)». Кроме того, «как император христианский, он не хотел допустить, чтоб германцы-ариане притесняли православное население [1], и «увлеченный своими несбыточными мечтами, он не понимал значения восточной границы» [2].

А у других византистов мы встречаем даже и прямо ошеломляющее ясновидение, преодолевающее все преграды пространства и времени, и позволяющее им читать мысли и чувства в головах и сердцах прошлых ромейских деятелей, так же легко, как вы читаете мою книгу...

Но точно ли эти авторы не нашли (хотя бы только в данном случае) в Юстиниановых мыслях и чувствах лишь простое отражение в нем, как в зеркале, своих собственных идей? И не осторожнее ли будет и нам, оставив в стороне все внутренние побуждения никогда невиданных нами царей, заняться лишь простым приведением фактической части наших первоисточников в логическую связь между собою?

Мы только-что сказали, что секта «христиан-возвращенцев» (т. е. несториан), существующая и теперь (конечно, в усовершенствованном виде) в Азии, отвергала в Великом Царе бога. Но в таком случае, чем же она отличалась от ариан, которые, по словам византистов, тоже отвергали божескую природу «Христа» (как теперь и магометане), а признавали его только пророком?

Не лучше стоит дело и с монофизитами-одноестественниками (они же блаженцы-евтихиане). Это был антитезис ариан, так как они, признавая тоже только одно естество в Христе, считали его чисто божеским: он был для них чистый бог в человеческом образе.

Но разве не то же говорится и в современном символе веры православных, где Христос называется сыном божиим, единородным, иже от отца рожденным прежде всех век (!!), светом от света, богом истинным от бога истинного, рожденным, не сотворенным, единосущным отцу (а не матери)? Ни о каком человеческом естестве тут нет и помина, он только вочеловечившийся (т. е. принявший человеческий вид) бог. Значит, это мо-

[1] А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, I, стр. 129.

[2] Там же, стр. 136.

нофизитский символ веры... А последующее двуестественное православное учение о Великом Царе, основателе христианской литургии, как синтезис арианства и монофизитства, и вытекающие из него учения мы легче всего можем изложить на реальном примере.

Возьмем хотя бы южное вьючное животное — мула (Equus hinnus), употребляемого на юге Европы для переноски тяжестей. Это помесь жеребца и ослицы, он более похож на осла, но ржет как лошадь. Какое у него естество: лошадиное или ослиное?

Точно такой же вопрос средневековые теологи подняли (если не при Юстиниане, то уже перед крестовыми походами) и о Христе. Если отец его бог, а мать «человечка», то должно быть и в нем слияние двух естеств — божеского и человеческого, как в муле слияние веществ лошадиного и ослиного. Но, ведь, мул уже не лошадь и не осел, а какая-то совершенно новая порода животных. Точно также и Христос должен быть не бог и не человек, если и божеская природа отца и человеческая природа матери слились в нем, как в муле вместе. Это окажется что-то вроде языческого полубога. Значит, если он и бог и человек, то обе эти природы в нем и нераздельны и в то же время неслитны. Но в таком случае, в каком же они состоянии?

Понятно, что, завязнувши в таких своих мудрствованиях и подвергаясь жесткой иронии противников на общественных собраниях, все христианские секты переругались между собою и, чтоб покончить споры, предали анафеме друг друга.

Задача согласовать несторианство, признававшее только человеческую природу в Христе, и монофизитство, признававшее лишь божескую, и послужила, — говорят нам, — поводом к созванию Юстинианом пятого вселенского собора в 533 году, почти через двести лет после смерти Царя-Мессии. На нем, прибавим, еще не было латинских представителей, что показывает на тогдашнюю незначительность Рима, а также объясняет и тот факт, что потом латинская церковь признала этот собор все-таки вселенским.

Есть много причин склониться к мнению, что причиной его созвания был вовсе не спор о физическом состоянии двух естеств в Царе-Мессии, а нечто другое.

Изложим это сначала по обычным нашим историкам. Совершенно и не подозревая, что цирк, театр и церковь были тогда одно и то же, они говорят о нем много в нашу пользу, даже и рисуя его по образу и подобию современных театров.

Центральным пунктом в Царь-Граде, — говорят они, — был цирк, который являлся любимым местом для сборищ столичного населения. Там каждый новый император нередко появлялся, тотчас после коронования, в царской ложе, и получал первые приветствия собравшейся толпы. Цирковые *(т. е. церковные)* партии назывались зелеными, голубыми, красными и белыми, и позднейшая литературная традиция относит эти их названия по носимым цветам еще к мифическим временам Ромула и Рема.

Первоначальное происхождение их и особенно число четыре очень неясно. Нам говорят, что их наименования соответствуют четырем стихиям: земле (зеленые), воде (голубые), воздуху (белые) и огню (красные), но причем же тут стихии? А о числе зрителей говорят, что их бывало до 50 000 человек.

Уже давно, — говорят нам, — эти цирковые (т. е. церковные) партии, называвшиеся в византийское время димами, сделались выразительницами того или иного политического, общественного или религиозного настроения. Толпа в цирке стала как бы общественным мнением и народным голосом. «Ипподром, — по словам Ф. И. Успенского, — представлял единственную арену, за отсутствием печатного станка, для громкого выражения общественного мнения, которое иногда имело обязательную силу для правительства». Сам император иногда являлся в цирк и давал толпе объяснения.

«В VI веке[1] особенным влиянием пользовались две партии: голубые (венеты), стоявшие за двуестественность Великого Царя и зеленые (прасины), стоявшие за его монофизитство. Еще в конце правления Анастасия, приверженца монофизитов, в столице вспыхнул против них мятеж, и двуестественная партия, провозгласив нового императора, бросилась в цирк (т. е. церковь), куда пришел и испуганный Анастасий, без диадемы. Он уже велел глашатаям объявить народу, что готов сложить с себя власть, но одноестественники в цирке-церкви вдруг взяли верх, и мятеж прекратился.

«Со вступлением на престол Юстина и Юстиниана, — говорят нам, — восторжествовала двуестественная точка зрения, а с нею вместе и партия голубых. Теодора же была на стороне партии зеленых одноестественников.

Казалось, не было причины сразу восставать и против царя и против царицы. Но, вдруг, в 532 году, собравшиеся в цирке как будто обезумели. С криками: «О, побеждай!», от которых и сам этот мятеж носит название «Ника!» (т. е. «о, побеждай!») и голубые и зеленые бросились истреблять городские здания и памятники искусства, причем, будто бы, была сожжена и базилика св. Софии, на месте которой позднее был выстроен знаменитый храм св. Софии. Укрывшись во дворце, Юстиниан и его советники уже думали спасаться бегством из столицы. Но в этот критический момент явилась Теодора. «Всякому человеку, появившемуся на свет, необходимо умереть, — сказала она, — но быть беглецом тому, кто был императором, невыносимо... Если ты, государь, хочешь спастись, это нисколько не трудно. У нас есть средства: вот — море и вот — корабли. Только подумай, как бы после бегства ты не предпочел смерть спасению. Мне же более нравится древнее изречение, что царское достоинство есть прекрасный погребальный наряд».

Император, — говорят нам, — ободрился от ее слов, и дело подавления мятежа, продолжавшегося уже шесть дней, было пору-

---

[1] А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, I, стр. 152.

чено Велизарию, который загнал бунтующую толпу обратно внутрь цирка-церкви и перебил там от 30 до 40 тысяч мятежников. Восстание было подавлено, и Юстиниан снова укрепился на троне.

Церковные историки Византии, не только (как мы видели сейчас) помнящие слово в слово речь царицы Теодоры к колеблющемуся Юстиниану, но и читающие свободно самые затаенные помышления давно умерших общественных деятелей, не затруднились, конечно, и тут найти псевдо-причины:

«Племянники Анастасия,—говорят они,—умершего в 515 году, т. е. еще 17 лет назад, считали себя обойденными в трононаследовании», а другие были возмущены бессовестными вымогательствами автора юстиниановых законов, этого «Старого плаща» (Трибониана, по-гречески), и префекта Иоанна. Но почему же толпа бросилась не на них, а побежала жечь базилику св. Софии и уничтожать памятники искусства, т. е. прежде всего статуи императоров и богов, так как скульптурные изображения их, хотя бы под видом святых, господствовали вплоть до иконоборства Льва Исаврийского (717 — 741 г.)? Почему никто не тронул целых шесть дней спрятавшегося Юстиниана и его законника «Старого плаща» и почему после шести дней восстание стало выдыхаться, не достигнув победы, хотя и кричали кому-то неизвестному:

«— О, побеждай!»

Мы видим, что обычное объяснение здесь очень неправдоподобно, если рассматривать вопрос с простой житейской точки зрения.

Но это же событие приобретает яркий смысл, когда мы сопоставим между собою то, что я уже вывел для данного времени в первых книгах «Христа».

Пусть читатель припомнит, что тогда прошло уже 137 лет со времени появления Апокалипсиса, который с нашей точки зрения был зародышем всей теологической, а потом и классической греческой литературы, сменившей прежнюю еврейско-коптскую. В то время он мог уже сильно размножиться от переписок, которые, конечно, немедленно начались благодаря его огненному языку, богатству ярких образов и небывалым до того времени громам и молниям на земных царей и на их государственную церковь — «Врата Господни».

Подробный толковый перевод его я сделал еще во время заточения в Шлиссельбургской крепости, где вычислил астрономически и время составления его VI главы: ночь с 30 сентября на 1 октября 395 года.[1] Астрономическая часть ее, как я уже имел случай говорить недавно, приведена во введении к I тому «Христа», а историческая очерчена в предшествовавшей главе. Вот почему я здесь коснусь только филологической части. В слоге этой книги сильно сказывается библейское влияние. Фразеология ее еще не развита: почти каждая фраза состоит только из главного предложения без придаточных и начинается, как в

[1] См. мою книгу «Откровение в Грозе и Буре». 1907 г.

Библии, союзом «И», — например, в заключении шестой главы:

«И небо скрылось, свившись как свиток, и всякая гора и острова сдвинулись со своих мест. И цари земные, и вельможи, и богатые, и сильные, и полководцы, и рабы, и свободные скрылись в пещеры и в ущелья гор и говорили горам и камням: падите на нас и закройте нас от лица сидящего на *(небесном)* престоле и от гнева *(созвездия)* Овна (VI, 14—15)».

Апокалипсис захватывает читателя не художественно обработанным греческим языком, а богатством нагроможденных друг на друга причудливых аллегорических образов. Фантазия автора, конечно, могла развиться и не на греческой литературе, а на еврейско-коптской, тем более, что он же воспроизводит там и «Песнь Моисея» (которой мы не видим в тексте Библии). Он явно был знаком с распространенной уже тогда еврейско-лирической поэзией и прозой, вроде приведенной нами «Песни Песней». А перейти к своему родному греческому языку[1] он мог нарочно, с конспиративной целью, так как адресовал свое послание небольшим кружкам своих единомышленников-греков в Малой Азии. Все это подтверждает мое п р е д п о л о ж е н и е (а никак не полное убеждение), что Апокалипсис в действительности был одной из первых книг только-что возникшей тогда национальной греческой письменности.

Благодаря ошеломляющему впечатлению, которое и теперь производит это небольшое произведение, заключающее в себе лишь около $1^1/_2$ листа современного печатного текста, и легкости его переписки благодаря незначительности его размера, оно могло быть в первый же год переписано не менее, как в 10 экземплярах. Затем неизбежно вступил в свою силу уже обоснованный мною в VI книге «Христа» закон распространения рукописей допечатного периода в геометрической прогрессии, т. е. если в первом году было снято с оригинала 10 копий, и в каждом из следующих годов по 10 копий с каждой новой копии, то через два года ходило бы по рукам уже 100 копий, через три года — 1000, через четыре года — 10 000, через пять — 100 000 копий, и потому, весь читающий по-гречески мир того времени был бы уже ознакомлен с этим произведением, после чего осталось бы переписывать лишь испортившиеся экземпляры.

Таким образом, ко времени Юстиниана (т. е. через 137 лет!), даже при самой слабой переписке, по две копии в год, Апокалипсис стал бы всем известной книгой, и греческая религиозная письменность благодаря его чтению получила бы мощный толчок к быстрому развитию.

Естественное желание всякого способного к литературному творчеству подражать тому произведению, которое произвело на его ум сильное впечатление, заставило бы многих, знающих греческий язык, писать вместо еврейского по-гречески, и вместе с тем греческий язык стал бы делаться одним из таких, позна-

[1] Имя Иоанн — значит Ионнец, т. е. грек, хотя и созвучно с Иеговиан.

комиться с которым было обязательно для тогдашнего образованного человека.

Язык этот стал бы, наконец, конкурировать с библейско-коптским, особенно после того, как появился в конце VII века другой гениальный египетский писатель Иоанн Дамасский (676—777) со своим поэтическим евангелием, начинающимся восхвалением «Слова», как особого творческого существа. «В начале было Слово, и Слово было у бога, и Слово было бог, и без него не произошло ничто из существующего».

Мы видим, что греческая литература с новой точки зрения начата не Орфеем и не Гомером, а заложена автором Апокалипсиса и продолжена творцом евангелия Иоанна. И только уже потом, развившись в Византии на религиозных книгах, она перешла и к светским сюжетам, особенно в крестоносный период. А потом она была обильно пополнена в Западной Европе и даже залита, как водами потопа, произведениями тамошних эллинистов-апокрифистов, создавших вместе с классической латинской и всю классическую греческую литературу.

В данном случае нам нет нужды разбирать ее дальнейший ход, а надо только отметить, что ожидания второго пришествия Великого Царя должны были сильно волновать души всего населения Ромейской империи ко времени Юстиниана, и все предшествовавшие соборы были собираемы не для споров о том, единосущен или подобосущен богу отцу Царь-Заступник, но скорее всего в ожидании его прихода в астрологически предсказанный день. А после того, как этот день окончился благополучно, был суд над обнаружившимися лже-пророками и предание их анафеме за то, что напрасно перепугали всех, и вместе с ними проклиналось, конечно, и все то направление религиозной мысли, которого они держались.

Такова, вероятно, и была причина созвания так называемых третьего и четвертого соборов, а с ними и пятого (при Юстиниане). К астрологическим прецедентам последнего я теперь и обращаюсь.

И в первой книге «Христа», да и здесь, недавно, я уже подробно говорил, как около 80 лет до пятого собора появилась в 453 году, на библейском языке, расширенная и сторицею пополненная версия Апокалипсиса под именем Осилит бог (Иезеки-Ил, по-еврейски), из исторической части которого я привел выписки и в предшествовавшей главе. Я уже говорил, как около того же времени было написано (453—456 г.) новое пророчество в том же роде под названием «Помнит Громовержец» (Захар-Ия), и как еще несколько ранее появилось пророчество «Грядущее Освобождение» (Иса-Ия) и «Громовержец пускает свою стрелу» (Иерем Ия, 451 г.). Мы видим, что ко времени Юстиниана собралась уже и на еврейском языке грозная апокалиптическая литература, чтение которой не могло не действовать на нервы населения и особенно земных царей. Она дополнила возникшую тогда астрологию еще новым вариантом: истолкованием появления на небе комет, как мечей бога-Громовержца, поднятых на земных царей за их грехи, а в числе главных

царских грехов, конечно, фигурировало на первом месте, хотя и не гласно, собирание налогов.

Какое сильное впечатление на фоне апокалиптического мировоззрения играли кометы, лучше всего видно из библейского пророчества Иеремия (которое в переводе просто значит: «бог-Громовержец пускает свою стрелу»).

Описывая современную ему государственную церковь Византии, как проститутку, называющую себя Вратами Господними (БАБ-ИЛУ, по русски — Вавилон), автор изображает комету Галлея, как огненную головню на небе:

«Опоясывайтесь веревками в знак горести, плачьте и рыдайте, говорит он,—потому что пылающая головня Грядущего еще не отошла от вас (гл. I) и когда она к вам придет, замрет сердце каждого царя и князя, ужаснутся священники и изумятся пророки! Жгучий ветер понесется с опустелых высот неба на дорогу дочери моего народа, но он налетит не для обвевания и освежения ее! И еще большая буря нагрянет от той головни, когда Грядущий произнесет свой приговор.

«Вот, поднимается она, подобно огненному облаку, колесница ее как вихрь, кони ее быстрее орлов.. Горе нам! горе! Мы все погибнем! Вымой же злые намеренья из твоего сердца, Город Успокоения, чтобы спастись! До каких пор будут жить в тебе скверные мысли?...

«Я чувствую боль во всех моих внутренностях. Мое сердце стонет, я не могу молчать, потому что ты, моя душа, уже слышишь звук трубы и крики сражения! Гибель идет за гибелью! Я провижу, как в один миг будут разрушены мои шатры и палатки! Долго ли еще я буду видеть это огненное знамя, слышать *(в шуме ветра)* звук трубы? Мне кажется, что я смотрю на землю, — и она пуста, на небеса — и нет в них света! Смотрю на горы — они дрожат, на холмы — они колеблются! Смотрю — и нет более человека, и все небесные птицы разлетелись! Плодородный край мой стал пустынею, и города его разрушились пред лицом Грядущего, бога, пред его пламенной головнею.

«— Я изрек определение, — сказал Грядущий бог, — и не раскаюсь в нем и не отступлю от него! Вот, бежит весь город от шума конницы и стрелков, все жители его ушли в густые леса, убежали на скалы! А ты, опустошенная *(ромейско-византийская церковь)*, что станешь делать? Напрасно наряжаешься ты в пышные одежды, надеваешь на себя золотые украшения, подрисовываешь румянами свои веки! Презрели тебя твои возлюбленные, они ищут твоей души!» *(глава III)*.

«Вот восходит *(Орион, рис. 88)*, как лев, с роскошных берегов Эридана на укрепленное жилище Бога. Я заставлю их *(«Врата Господни»)* убежать с него и поручу его моему избранному... Кто может изменить мое время и какой пастырь решится мне противостоять *(гл. L)*»

«Бегите же из «Врат Господних», пусть каждый спасет свою душу, потому что наступило время отмщения Грядущего бога,

и он воздаст им должное. Они были Золотою Чашею, опьянявшею всю землю. Народы пили из нее вино и безумствовали *(гл. XXXI)*.

«О ты, живущая при великих водах *(Византия, раскинувшаяся на своих проливах)*, ты, изобилующая сокровищами! Пришел твой конец, переполнилась мера твоей жадности! Вот, я иду против тебя, Губительная Вершина, разоряющая всю землю, я протяну к тебе мою руку и низрину тебя со скал, и будешь ты вершиной обгорелой!.. Поднимите же на земле знамя восстания, трубите в трубы среди народов, зовите на нее и отщепенскую Араратскую Армению и Германию![1] Поставьте против нее полководца *(Аттилу)* и нагоните на нее его коней как щетинящуюся саранчу!

«Вооружите против нее народы и царей Венгрии[2], всех ее военачальников и градоправителей и всю подвластную ей страну!

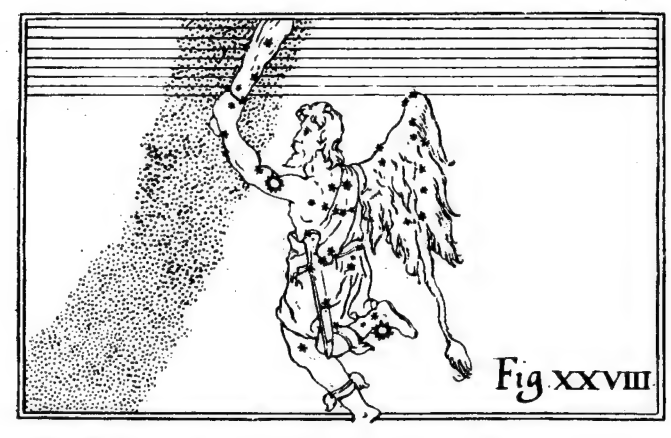

Рис. 88. Созвездие Ориона (из старинной астрономии).

Земля трясется и дрожит... Гонец скачет навстречу гонцу и вестник — навстречу вестнику, чтобы возвестить властелину «Врат Господних», что твердыня его взята со всех концов». *(Иеремия, LIV)*.

«Выходи же из нее мой народ, спасай каждый свою душу от пламени гнева Громовержца! Я напою допьяна их князей и мудрецов, губернаторов и градоначальников и всех их воинов, и заснут они сном вечным и никогда уже не проснутся».

Таково основное содержание пророчества «Иеремия», которое по своему характеру представляет очень неоднородную книгу. Но апокалиптическое влияние в ней видно на каждой странице. Здесь в виде пылающей головни, как я уже показал, описана комета

[1] אררט מני (АРРТ МИНИ) — отщепенская Араратская страна, Армения. А страна אשכנז (АШКНЗ) — название Германии у средне-вековых евреев.

[2] מדי (МДИ) — обычно переводят Мидия и считают за часть Персии, но скорее МДИ значит — мадьяр, венгерец.

Галлея, как она явилась в 451 году за 80 лет до мятежа с лозунгом: «О побеждай!»

А в пророчестве Иса-ия, которое можно перевести — бог Спаситель (бог Исус), мы видим комету в форме меча.

Рис. 89. Большая Комета 1858 года в виде меча, возбудившая в народе разговоры о предстоящей войне. Такие были и ранее.

«Приходите и слушайте, народы! Внимайте, племена! Пусть слушает Земля и все, что ее наполняет, вселенная и все рождающееся в ней!

«Вот, пришел гнев Грядущего бога *(меч-комета)* на все народы, и ярость его на все их воинства. Он проклял их и отдал на заклание!... Свернутся небеса, как свиток папируса, и все звезды небесные упадут... как увядший лист со смоковницы. Уж меч на небесах упился кровью *(явился над огнем вечерней зари)*.

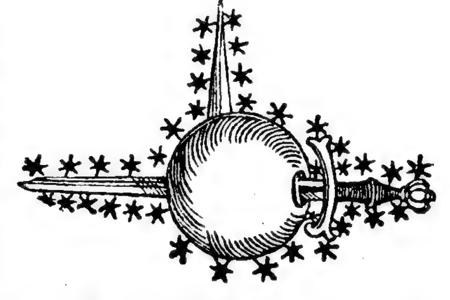

Рис. 90. Комета-Меч. (Из старинной латинской астрономии.)

«Вот, он идет на Рим (Эдом) и на сборище, преданное заклацию. Вот, он сделался красным от крови Овна и Козлят (рис. 91 и 92), потому что совершается жертвоприношение у Грядущего бога на его ограде *(комета в Овне заходила за кровавую полосу зари на горизонте)*.

«Все реки *(в Твердыне «Врата Господни»)* превратятся в смолу, сама она в серу, и вся страна ее будет горящею смолою. И не будет она гаснуть ни днем ни ночью, и вечно будет подниматься ее дым...

Рис. 91. Созвездия Персея и Возничего с козлятами. (Из старинной астрономии.)

«И завладеют ею пеликаны и ежи, и поселятся в ней совы и вороны. Над ней будет протянута вервь *(небесная параллель)* разорения и отвес *(небесный меридиан)* уничтожения, и не останется в ней никого из ее знати, которого можно было бы провозгласить царем, и все князья ее обратятся в ничто. Ее дворцы зарастут колючими растениями, а башни крапивой и репейником, и она сама будет жилищем шакалов и пристанищем гиен. В ней волки будут встречаться с дикими кошками, сатиры перекликаться друг с другом и ночные привидения находить себе покой.

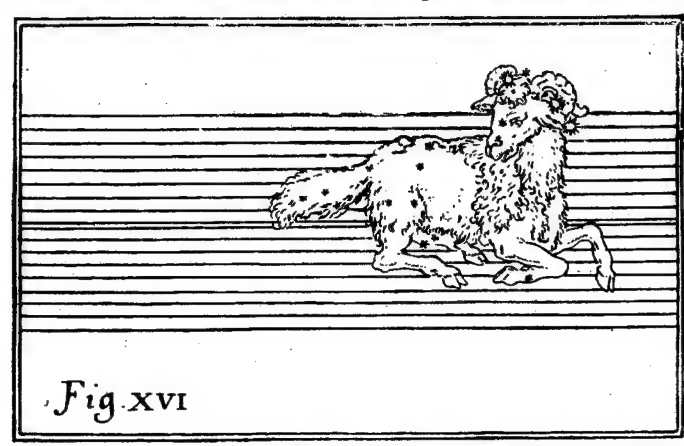

Рис. 92. Созвездие Овна. (Из старинной латинской астрономии.)

Там будет гнездиться и высиживать свои яйца летучий змей и, выведя потомство, будет собирать его под свою сень.

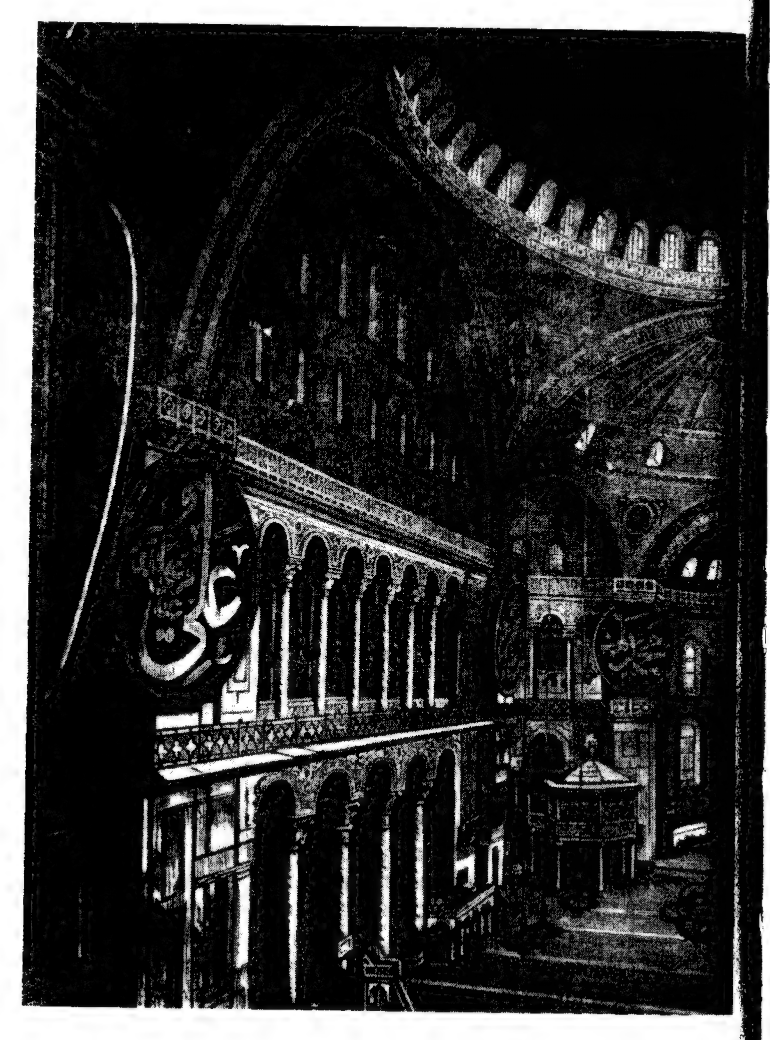
«Отыщите все это в Книге Грядущего бога *(Апокалипсисе)* и прочитайте! Ни одно из этих предсказаний *(Иоанна)* не замедлит прийти, и ни одно не заменится другим» *(Исаия, XXXIII)*!...

Так оканчивается прямой отсылкой к Апокалипсису средняя часть пророчества «Исаия». И, обратившись по ее указанию к книге Иоанна, мы, действительно, находим в ней все это, даже в нескольких главах.

Таковы были страхи предшествовавшего Юстиниану поколения, такова была тогда моральная атмосфера в Ромее-Византии, которая должна была еще сгуститься благодаря развившимся от дионисианско-христианских храмовых оргий венерическим болезням и завоевательной политике Юстиниана, требовавшей больших налогов. И как только мы станем на эту точку зрения, так нам не будет более ничего нужно для того, чтобы сразу увидеть действительную физиономию восстания с криками кому-то невидимому: «О, побеждай!».

Комета Галлея в наше время, повидимому, уже сильно диссоциировалась и близка к своему концу, а при первых появлениях, начиная с 451 года, она несомненно была чудовищно большою, так как вызвала огромное число испуганных описаний.

Она явилась по найденным в Китае летописям (см. их в VI книге «Христа») в январе 532 года, или же это была другая комета как раз с периодом в 121 год, уже распавшаяся теперь на метеориты. Нет ни малейшего сомнения, что такой меч на небе, гулявший среди созвездий, конечно, не один месяц, вызывал большое волнение умов при мессианских страхах того времени, что сопровождалось и вещим с астрологической точки зрения сочетанием планет. Юпитер тогда гонялся взад и вперед за Сатурном при входе в поворотное Созвездие Рака, первичный символ возвращения царя Мессии, где припасен для него и Осел. Марс с января 532 года по сентябрь ходил взад и вперед между созвездием суда — Весами и созвездием смерти — Скорпионом, а солнце, увлекая за собой Меркурия и Венеру, спешило присоединиться в июне к Сатурну и Юпитеру. И вот, когда Солнце, Сатурн, Юпитер и Меркурий соединились вместе в Раке, где астрологи помещали и Ясли Христа, и осла с ослицей, Венера в виде утренней звезды появилась около Плеяд в созвездии Тельца над восходящим Орионом, символом арианского богоборства, подтверждая слова Апокалипсиса «Побеждающему дам звезду утреннюю». Но это все, как длительное явление, может быть, только взвинтило бы нервы ждущему второго пришествия Царя-Мессии населению Византии, еслиб не присоединилось сюда одно неожиданное страшное явление. Во время вечерней мистерии в царь-градском цирке-церкви, как только на западе зашло Солнце, из-за восточного горизонта в созвездии Смерти — Скорпионе — вышла вместе с красным Марсом полная луна, но не обычная, а «ужасная», подобная кровавому пятну, как часто бывает при ее затмениях, напоминая собою слова Апокалипсиса

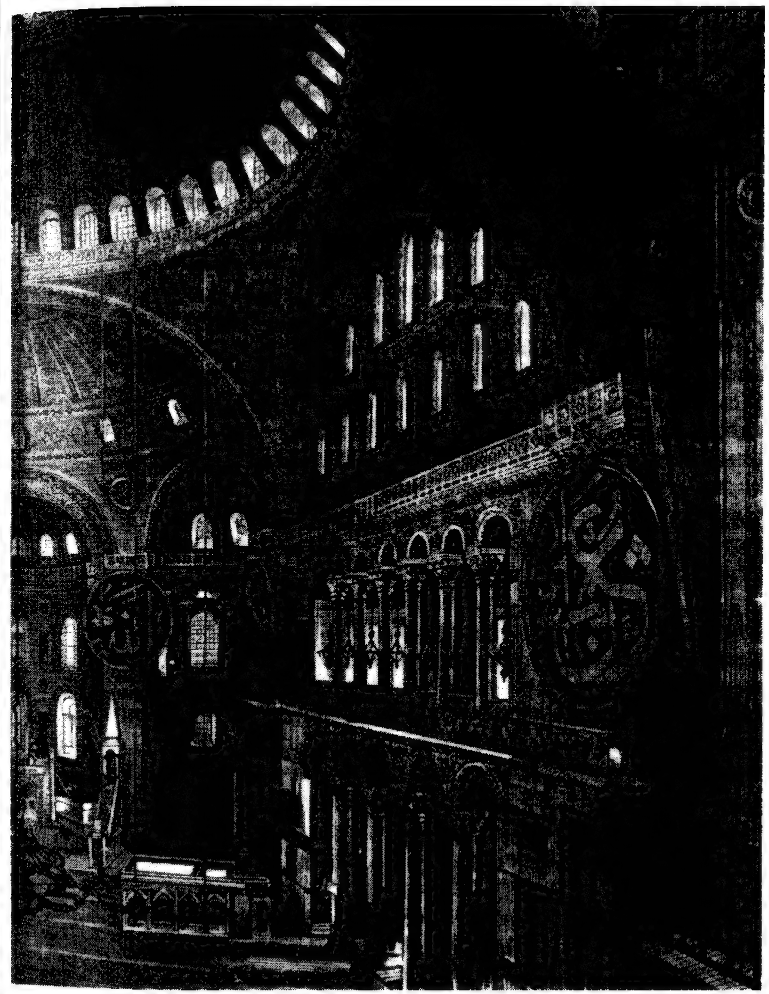

Рис. 93. Современная нам внутренность Храма Мудрости (Айя София) в Царь-Граде.

о приметах судного, последнего дня: «и стало солнце мрачно, как волосяной мешок, а луна как кровь». Случилось полное лунное затмение 3 июня 532 года при самом входе Луны из символа небесного Суда — Весов в созвездие смерти Скорпиона (около 270° современной эклиптикальной долготы). Средина его была около 8 часов вечера по царь-градскому времени, а конец, перед которым луна принимала все цвета земной полутени, должен был произойти уже полной ночью около 9 часов 42 минут.

При том встревоженном положении, которое навевал в продолжение полугода висящий в небесах меч, при зловещем расположении планет и при убежденном настроении, что Царь-Мессия действительно придет скоро, на-днях, на землю, такое новое осложнение действительно могло привести к тому, что кто-нибудь из фанатиков, потерявших терпение от долгих ожиданий, отчаянно крикнул к символу Великого Царя восходящему созвездию Змиедержца, под ногами которого все происходило: «О, побеждай!» и под этим лозунгом повел всех присутствовавших на погром правительственных статуй и фискальных учреждений государства.

А перепуганному императору, его супруге, полководцу Велизарию и всему его воинству ничего не оставалось делать, как сидеть, спрятавшись в своих укрепленных помещениях.

Но вот, прошли шесть дней. «Побеждающий» не являлся, несмотря на все мольбы верующих. Все в природе было спокойно, как всегда. Вожди восстания растерялись. Разочарованные последователи один за другим бросали их, и на седьмой день ободрившемуся императору и его войскам нетрудно было справиться с остатком толпы, еще ожидавшим Царя-Мессию на священном цирке.

Мы видим, что все несуразное приходит здесь в ясный вид и получает логический смысл, когда мы посмотрим на этот предмет «при свете звезд».

Апокалипсис и пророческие книги Библии становятся с новой точки зрения несравненно более надежными первоисточниками для выяснения религиозных течений давнего времени, чем клерикальные апокрифы Эпохи Возрождения. И все они называют тогдашнюю государственную церковь блудницей и, повидимому, не в одном аллегорическом смысле.

«— Пали, пали Врата Господни! — восклицает автор Апокалипсиса в конце 395 года. Пала Великая крепость, сделалась пристанищем бесов и всякого нечистого духа, всякой нечистой и отвратительной птицы за то, что яростным вином своего блудодеяния она напоила все народы. Цари земные развратничали с нею, и купцы земные разбогатели от ее великой роскоши. Выйди из нее, мой народ, чтобы не участвовать тебе в ее грехах и не подвергнуться ее наказанию. Воздайте ей так, как она воздавала вам! В чаше, в которой она приготовляла вам вино, приготовьте ей вдвое» (*Ап. VIII*)!

Но голос автора Апокалипсиса в конце III и в IV веке был еще слаб, вероятно благодаря малой распространенности грече-

ского языка в литературе, и только в V веке мы видим яркие отражения его в библейских пророчествах, которые рисуют государственную церковь (т. е. цирк) даже и в начале шестого века совершенно так же, как позднейшие христианские писатели обрисовывают культ Вакха-Диониса.

Библейские сказания этого времени о сильном развитии торговли Царь-Града (по-еврейски — Город-Цур или Город-Царь) тоже показывают на эпоху Юстиниана. [1]

Вот, например, строки из того же пророчества Осилит Бог (Иезеки-Ил).

«Скажи, сын человеческий, Царю-Городу, расположенному у входа в море, торгующему с народами на многих островах: Царь-Город! Ты говоришь о себе: «я совершенство красоты!» Да! В сердце морей твои пределы. Из гермонских кипарисов делали обшивки для твоих кораблей и из кедров Белой Горы твои мачты... Узорчатое полотно из Миц-Рима употреблялось на твои паруса и служило флагом. Яхонтовая и пурпурная краска с островов Елисы (Еллады) покрывала твою палубу... Всякого рода морские корабли и корабельщики производили твою торговлю. Галл, славянин [2] и ливиец находились в твоем войске и служили ратниками. Они вешали у тебя свой щит и шлем и составляли твое величие» и т. д. и т. д. (Иезек., XXVII).

Книга эта, как я уже астрономически показывал в первом томе, написана в средине V века нашей эры, и библейский Царь-Город в ней — несомненно Царь-Град христианских писателей. Вот как А. А. Васильев описывает его торговлю при Царе-Законодателе (Юстиниане, по-гречески):

«Восточная Римская империя с таким центром, как Константинополь, оказалась силою обстоятельств в роли посредника между западом и востоком, и подобная роль ее продолжалась до эпохи крестовых походов.

«Главных торговых путей было два: один сухопутный, другой водный. Первый караванный путь шел от западных границ Китая, через Согдиану (современную Бухару), к персидской границе. Там происходила перегрузка товаров из рук китайских купцов в руки персидских, которые уже отправляли их дальше в определенный таможенный пункт на византийской границе. Другой, водный путь, шел таким образом: китайские купцы на кораблях везли свои товары до острова Тапробаны (теперь Цейлон), на юг от полуострова Индостана, где товары перегружа-

---

[1] Пишется то צר (ЦР), то צור (ЦОР) и неправильно произносится теологами как Тир (возможно с целью затемнить сущность дела). А слово царь есть восточное сокращение слова Цезарь.

[2] פרס (ПРС) обычно переводят — перс. Но исторически немыслимо ни со старой, ни с новой точки зрения, чтоб величие города Тира составляли персидские войска. Это испорченное פרזי (ПРЗИ) — паризи, фризы, француз, парижанин.. Точно так же и слово לוד (ЛЮД) — скорее всего не мифический лидиец, а название славянских войск, — люди.

лись, преимущественно, на персидские корабли. Последние везли их по Индийскому океану и Персидскому заливу к устьям Тигра и Евфрата, откуда вверх по Евфрату товары доходили до лежавшего на этой реке византийского таможенного пункта. Особенно важною отраслью торговли был китайский шелк, на который был громадный спрос в Византии. Даже коконы шелковичного червя были наконец доставлены в нее и она быстро освоилась с этим делом: появились собственные плантации шелковицы. Главные фабрики шелковых тканей были в Константинополе, затем в сирийских городах Бейруте, Тире, Антиохии и, наконец, позднее в Греции. Шелковое производство стало давать империи крупные доходы. Византийские шелковые ткани расходились по всей Западной Европе и украшали дворцы западных государей и частные дома богатых купцов. Таким образом, во время Юстиниана византийская торговля пережила один из важных моментов в своем развитии. В связи с нею был построен на границах империи ряд укреплений (castella): в северной Африке, на берегах Дуная и Евфрата, в горах Армении и на Крымском полуострове. Еще в настоящее время сохранились развалины укреплений на всем протяжении бывшей Византийской империи».

Все это вполне согласно с описаниями Царя-Города (Цора-Тира в пророческой части Библии), да и апокалиптические описания роскоши блудливых «Врат Господних» подтверждаются историками Византии. «Громадное количество мрамора различных цветов и оттенков, — говорят нам, — было свезено в Царь-Град из наиболее богатых копей. Золото, серебро, слоновая кость и драгоценные камни должны были придать еще более блеска сооружаемому там Юстинианом Храму Мудрости (Софии по-гречески)». Он пригласил из малоазиатских городов двух архитекторов: Цветущего (Анфемия) из Траллеса (Tralles) и Дар Изиды (Исидора) из Милета. Они деятельно принялись за работу, имея под своим наблюдением до 10 000 рабочих, и в декабре 537 года, в присутствии императора, произошло торжественное освящение Храма Мудрости (Софии). Позднейшая традиция сообщает, что, будто бы, восхищенный Юстиниан при входе туда произнес:

«— Слава богу, удостоившему меня совершить такое дело! Я победил тебя, Соломон!»

А на самом деле и легенда о Храме Соломона была вызвана не иначе как этим самым храмом, который, однако, с тех пор не раз был реконструирован. В былые времена, — говорят нам, — перед храмом находился обширный двор — атриум, окруженный портиками, посреди которого был прекрасный мраморный фонтан. По обеим сторонам главной части были построены двухэтажные арки с богато украшенными колоннами из многоцветного мрамора, мрамором же была выложена и часть стены.

Главный труд для строивших Храм Мудрости, с которого, фантастически списан «Храм Соломона» в Библии, заключался в возведении громадного и вместе с тем легкого купола, но первый купол обрушился еще при Юстиниане и отстроен вновь. Путешественники с восторгом говорили об этом храме. Так, русский паломник XIV века, Стефан Новгородский, писал в своем путешествии: «о святой Софии, премудрости божией, ум человечь не может ни сказати, ни вычести». Несмотря на довольно частые и сильные землетрясения Храм Мудрости стоит и теперь, обращенный с 1453 года в мечеть. Вот, несколько его изображений (рис. 93—95).

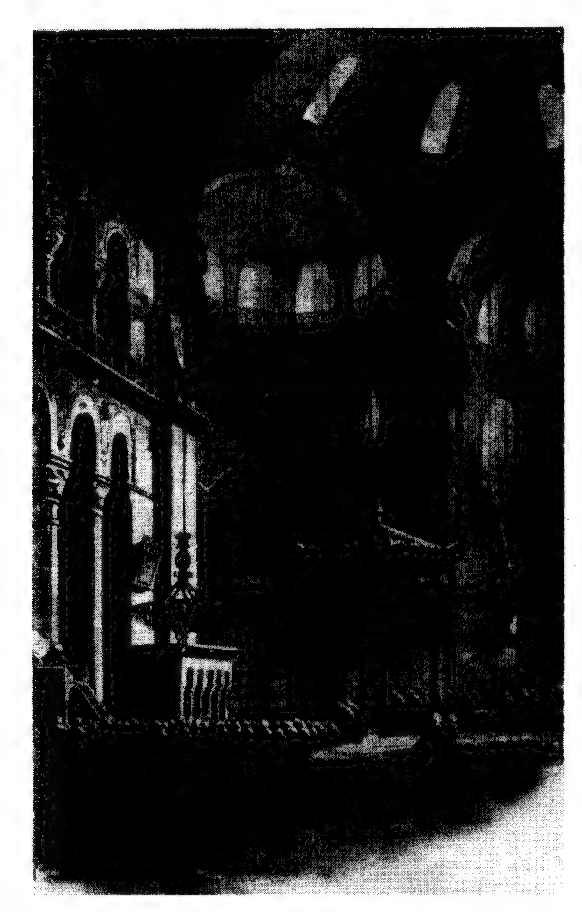

Рис. 94. Часть внутренности храма Святой Мудрости (Айя София) в Царь-Граде в настоящее время.

Но Юстиниан строил и другие храмы. Приблизительно в пяти километрах от Равенны, где после остготов, с половины V до половины VI века, жил византийский наместник, в пустынной лихорадочной местности, а в средние века был богатый торговый порт города, возвышается, приписываемая ему, совершенно простая по внешности церковь «Аполлинария (т. е. посвященная Аполлону) in Classe», представляющая собой по форме настоящую древнюю базилику. Сбоку ее стоит круглая колокольня более позд-

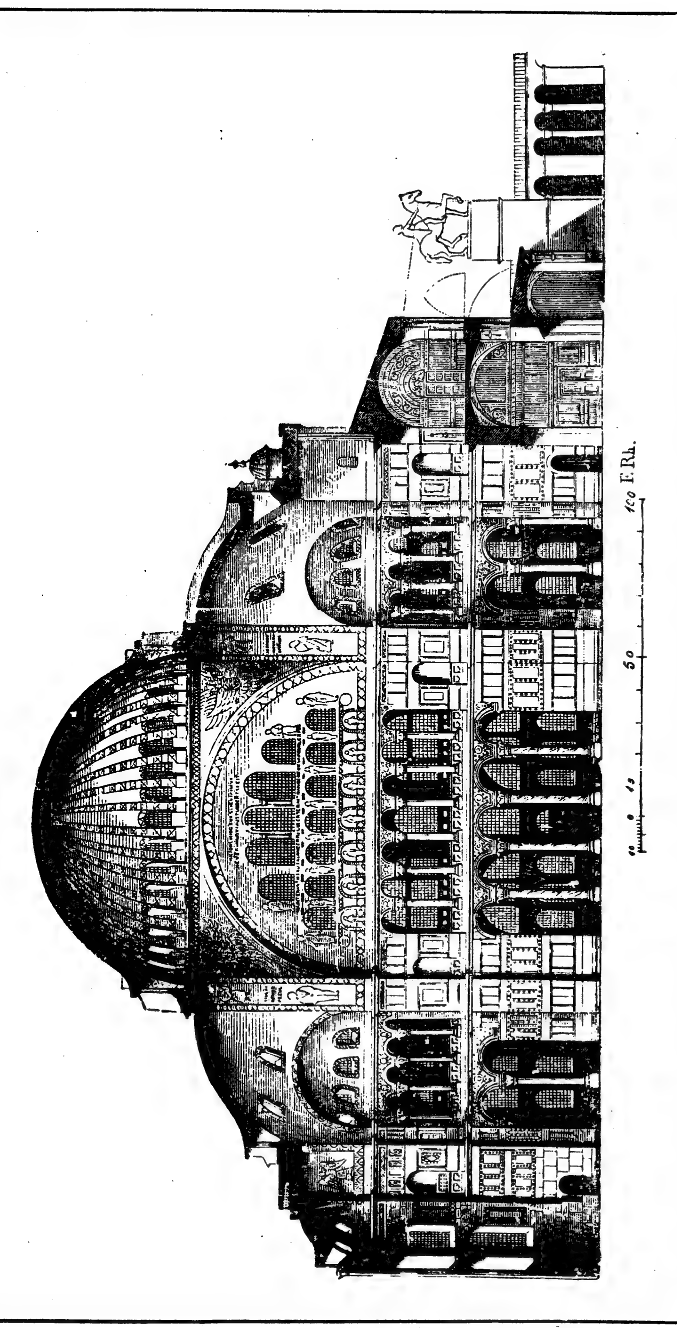

Рис. 95. Храм Святой Мудрости (Айя София) в Царь-Граде в настоящее время; разрез в длину. (По Гнедичу.)

него происхождения, а внутри церковь имеет три «корабля», т. е. отделения. Тут в украшенных скульптурными изображениями саркофагах, вдоль церковных стен, были погребены наиболее известные архиепископы Равенны. Мозаика VI века находится в глубине апсиды и изображает «посвященного Аполлону» покровителя Равенны, стоящим с поднятыми руками на фоне мирного, пейзажа и окруженным ягнятами. Над ним, на голубом, усеянном золотыми звездами фоне «большого медальона» красуется крест, осыпанный драгоценными камнями. Другие мозаики относятся историками к более позднему времени.

Но самым важным монументом в Равенне для суждения об искусстве эпохи Юстиниана является церковь «Оживленного» (Виталия), которая почти вся, сверху донизу, покрыта скульптурными и мозаичными украшениями. На одной скульптуре изображен сам царь Управда, Юстиниан, окруженный епископом, священниками и светскими лицами. На другой мозаике изображена его супруга, «Божий подарок» — Феодора, окруженная своим штатом.

В принадлежности их времени Юстиниана, конечно, можно сомневаться, но, вот, египетские храмы, особенно Дендерский, несомненно принадлежат его времени, как показывают знаменитые зодиаки на их потолке, из которых круглый показывает астрологически 15 марта 568 года, а четырехугольный — 6 мая 540 года. По ним-то лучше всего и судить об архитектуре и скульптуре и даже о религиозной символистике того времени. Последняя в христианских странах, конечно, обновлялась в живописной части много раз в связи с новыми представлениями последующих поколений: ведь, только с недавнего времени стали дорожить стариною. Оба эти зодиака уже даны на рисунках и описаны в VI книге «Христа».

Юстиниан умер в 565 году, и после его смерти опять заговорили, по словам Иоанна Ефесского, о близкой кончине мира. И вот, несмотря на все эти храмы, английский историк Финлей так написал об том времени:

«Может быть, не было периода в истории, когда общество находилось в состоянии такой всеобщей деморализации».

Ближайшими преемниками Юстиниана были, как уже сказано выше, Управда II (Юстин II) Младший (565—578 г.), затем Тиверий (Тибрский) II (578 — 582 г.), Маврикий (т. е. Чернявый), (582 — 602 г.) и «Тюлень» (Фока, 602 — 610 г.). Из них более других выдавался энергичный воин Маврикий, и большим влиянием на государственные дела отличалась София, супруга Юстина II, напоминавшая Феодору.

Пятидесятилетний мир с Персией, заключенный в 562 году Юстинианом, был нарушен при Юстине II, который не захотел дальше платить условленной ежегодной суммы денег. В это время с целью общих действий против Персии чуть не завязались, — говорят нам, — сношения Византии с тюрками, которые, появившись незадолго перед тем у Каспийского моря, завладели страною между Китаем и Персией. Тюркское посольство, — повест-

вуют нам, — после долгого пути прибыло в Царь-град, где встретило любезный прием и, будто бы, предложило византийскому правительству посредничество в торговле шелком между Китаем и Царь-градом, а вслед за тем как-то стушевалось у историков без следа. Можно думать, что его и не было.

В это время весь Балканский полуостров еще был запят славянами-аварами (а не завоеван ими у греков, как нам говорят, желая объяснить отсутствие в нем «древне-греческой культуры» в средние века). Большая часть Италии была населена арианами-ломбардами (лонгобардами). Римская область была совершенно окружена ими с севера, востока и юга.

Ближайшие императоры после Юстиниана держались, — говорят нам, — двуестественности царя-Мессии и преследовали одноестественников-монофизитов, например, при Юстине II. И в это же время римские понтифексы впервые начали приобретать значение. Так в письме к императору Маврикию великий понтифекс Григорий обвиняет тогдашнего царь-градского патриарха Иоанна Постника в чрезмерной гордости.

«Я должен, — писал папа, — воскликнуть: о, времена! о, нравы! (o, tempora! o, mores!)! В такое время, когда вся Европа подпала под власть варваров, когда города разрушены, крепости срыты, провинции опустошены; когда поля остаются без рук, идолопочитатели свирепствуют и господствуют на погибель верующим, — в такое-то время священнослужители домогаются тщеславных титулов и гордятся тем, что носят новые, безбожные наименования, вместо того, чтобы повергаться в прах, обливаясь слезами! Разве я защищаю, благочестивейший государь, свое собственное дело? Неужели я хочу, говоря сие, отомстить свою личную обиду? Нет, я говорю в защиту дела всемогущего бога и дела вселенской церкви... Кто оскорбляет святую вселенскую церковь, в чьем сердце бушует гордость, кто хочет пользоваться особенными титулами и, наконец, хочет своим титулом поставить себя выше прерогативы вашей власти, — того нужно наказать».

А потом, когда этого возлюбленного смугляка-Фоку убил тюлень-Маврикия, Григорий, перевернув фронт, писал, — говорят, — и ему:

«Слава в вышних богу! Да веселятся небеса и да торжествует земля (Псал. XCV, II). Весь народ, доселе сильно удрученный, да возрадуется о ваших благорасположенных деяниях!.. Пусть каждый наслаждается свободой под ярмом благочестивой империи. Ибо в том и состоит различие между властителями других народов и императорами, что первые господствуют над рабами, императоры же римского государства повелевают свободными!»

Но только второй преемник Григория добился того, что Фока запретил царь-градскому патриарху именоваться вселенским и объявил, по словам одного первоисточника, чтобы «апостольский престол блаженного апостола Петра в Италии был главою всех церквей».

Так **впервые** римские понтифексы приобрели себе не только самостоятельность, а и главенство. В память таких добрых отношений между Римом и Ромеей на римском форуме была воздвигнута равеннским экзархом поныне существующая колонна с хвалебною надписью в честь Фоки. Во главе византийского управления Италией был поставлен генерал-губернатор с титулом э к з а р х а, которому всецело были подчинены гражданские чиновники и резиденция которого находилась в Равенне.

Таким образом, основание равеннского экзархата относится к концу VI века, ко времени императора Маврикия, а ранее не было даже и этой автономии. Обладая неограниченными полномочиями, экзарх пользовался царским почетом: его дворец в Равенне назывался священным (Sacrum Palatium), как место царского пребывания. Когда экзарх приезжал в Рим, ему устраивалась царская встреча: сенат, духовенство и народ в торжественной процессии встречали его за стенами города. Все военные дела, гражданская администрация, судебная и финансовая часть Италии, — все находилось в полном распоряжении экзарха.

А Рим стал впервые выдвигаться на первый план лишь как место пилигримства к упавшему там с неба с громом и блеском апостолу Камню (апостолу Петру, по гречески). Но об этом я уже достаточно говорил в V и VI томе.

Начало африканского или, как его часто называют по резиденции, карфагенского экзархата относится также к концу VI века, ко времени императора Маврикия, и африканский экзарх обладал такими же неограниченными полномочиями, как и его итальянский коллега.

Теперь поговорим опять немного и о греках в Византии.

Когда в двадцатых годах прошлого столетия, — говорит А. А. Васильев, [1] — вся Европа был охвачена чувством глубокой симпатии к грекам, поднявшим знамя восстания против турецкого ига; когда после геройского сопротивления эти бойцы за свободу сумели отстоять свою самостоятельность и, благодаря помощи европейских держав, создали независимое греческое королевство; когда увлеченное европейское общество видело в этих героях сынов древней Эллады и узнавало в них черты Леонида, Эпаминонда, Филопемена, — в это время из одного небольшого немецкого города раздался голос, который заявлял пораженной Европе, что в населении нового греческого государства нет ни одной капли настоящей эллинской крови, что весь великодушный порыв Европы помочь возрождению священной Эллады основан на недоразумении. Человек, решившийся открыто выступить в такой момент со своей новой теорией, потрясающий до основания верования тогдашней Европы, был профессор всеобщей истории в одном из немецких лицеев, Фалльмерайер.

В первом томе его вышедшей в 1830 году «Истории полуострова Мореи в средние века» мы читаем следующие строки:

«Эллинское племя в Европе совершенно истреблено. Красота

[1] А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, I, стр. 175.

тела, полет духа, простота обычаев, искусство, ристалища, города, древняя роскошь колонн и храмов, даже самое имя этого племени, — все исчезло с поверхности греческого континента. Двойной слой из обломков и тины двух новых, различных человеческих рас покрывает могилы древнего народа. Бессмертные творения его духа и некоторые развалины на родной почве являются теперь единственными свидетелями о том, чем когда-то был народ Эллины. И если бы не эти развалины, не эти могильные холмы и мавзолеи, не эта земля и не злополучная участь ее обитателей, на которых европейцы нашего времени в порыве человеческого умиления изливали всю свою нежность, свое восхищение, свои слезы и красноречие, — то пришлось бы сказать, что один пустой призрак, бездушный образ, существо, находящееся вне природы вещей, взволновало глубину их сердец. Ведь, ни единой капли настоящей, чистой эллинской крови не течет в жилах христианского населения современной Греции. Скифские славяне, иллирийские арнауты, дети полуночных стран, кровные родственники сербов и болгар, далматинцев и московитов, — вот, те народы, которые мы называем теперь греками и генеалогию которых, к их собственному удивленю, возводим к Периклу и Филопемену... Население Греции со славянскими чертами лица или с дугообразными бровями и резкими чертами албанских горных пастухов, конечно, не произошло от крови Нарцисса, Алкивиада и Антиноя; и только романтическая, пылкая фантазия в наши дни еще может грезить о возрождении древних эллинов с их Софоклами и Платонами».

На Фальмерайера все напали, но опровергнуть его не могли. Анатомические особенности современных греков сами говорят за себя. О вырезании же древних классических греков поголовно славянами, или о целиком уничтожившей их чуме, — как допускал Фальмерайер, — можно говорить только с отчаянья. Но Фальмерайер был прав, неожиданно для самого себя, назвав древнюю классическую Элладу «одним пустым призраком, бездушным образом, существом, находящимся вне природы вещей». Только-что показанное нами полное отсутствие лиц греческого происхождения у власти и в войсках Ромеи-Византии с самого ее основания тоже подтверждает нашу мысль, что вплоть до династии Комненов в XI веке нашей эры греки в Византии были только полудикарями, и вся классическая Эллада — волшебная сказка Эпохи Возрождения. Даже и теологическая литература на греческом языке началась только с Апокалипсиса в конце IV века нашей эры, а светская — еще значительно позднее и пышно развилась она большею частью уже вне стран с коренным греческим населеньем, в Западной Европе.

Все недоразумение произошло от обычая переписчиков предпечатного времени не ставить на своих копиях имен их первоначальных авторов, вследствие чего эти имена быстро затеривались и заменялись фантастическими прозвищами воображаемых древних писателей и ученых. А потом в эпоху инквизиции и сами авторы стали выдавать свои произведения за древне-греческие.

ГЛАВА XII

КОНЕЦ РОМЕЙСКИХ АВТОКРАТОВ. СЛАВЯНСКАЯ ДИНАСТИЯ ГЕРКУЛЕСА, ПЕРВОГО РОМЕЙСКОГО «ЦАРЯ» (ΒΑΣΙΛΕΥΣ'Α). ПЕРВОЕ НАЧАЛО АГАРЯНСТВА В ЗАПАДНОЙ АЗИИ И ЕГИПТЕ И ЕВАНГЕЛЬСКОГО ХРИСТИАНСТВА НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Будем здесь, как и в прошлой главе, сначала пользоваться только греческими апокрифистами и потому употреблять и для этих царей греческие прозвища, хотя они сами, вероятно и не оглянулись бы, услыша, как сзади их зовут такими именами. Потом в дальнейших главах я укажу для них и библейские имена, которые для них, вероятно, были бы более понятны. Дам сначала хронологические вехи этой династии.

Начнем с царя Геркулеса (Гераклия классических, а с ними и европейских историков).

В лице «царя Геркулеса» (610 — 641 г). и его ближайших преемников Великая Ромея, — говорят нам, — имела на своем престоле династию, повидимому, армянского происхождения. По крайней мере, апокрифический армянский историк VII века Себеос пишет, что фамилия его находилась в родстве с армянским родом Аршакидов. Но этому противоречит свидетельство других источников о белокурых, золотистых волосах Гераклия, как у славян. Он, — говорят нам, — правил с 610 по 641 год. От первой жены Евдокии, или, может быть главной из многих законных жен и наложниц своего гарема, он имел сына Константина, который, процарствовав несколько месяцев после смерти отца, умер в том же 641 году. В истории он известен как Константин II (иногда Константин III, если считать за императора сына Константина Великого, тоже Константина, царствовавшего, — говорят нам, — в соправительстве с братьями). После него правил в течение нескольких месяцев другой сын «Геркулеса» от его второй жены Мартины, по имени тоже «Геркулес», но для отличия от отца называемый историками Гераклеоном. Он был свергнут осенью 641 года и после него императором был провозглашен сын Константина II, Константин III, он же Константин IV или, как его обычно называют, Констант II, царствовавший с 641 по 668 год. А на византийских монетах и в западных официальных документах он называется всегда Константином. После него правил его энергичный сын Константин IV (он же V) с прозванием Погонат, Бородатый (668 — 685) или скорее Паганат, [1] язычествующий, хотя некото-

[1] От πώγω — борода, или от латинского paganus — языческий, откуда и русское слово: поганый.

рые относят это прозвище к его отцу Константину III (Константу II). А последний представитель династии царя Геркулеса, Юстиниан II, с прозвищем Ринотмет, т. е. Отрезанный нос, правил два раза — с 685 по 695 год и с 705 по 711. В 695 году он,— говорят,— был свергнут и после урезания носа сослан в крымский Херсон, но позднее при помощи болгар успел вернуть себе трон и стал жестоко мстить лишившим его носа. Установленная им тирания,— говорят нам, — вызвала, наконец, в 711 году, дворцовую революцию, во время которой были убиты и сам Юстиниан II, и вся его семья. Так в 711 году печально окончилась Геркулесовская династия и вместе с нею кончается наш библейский первоисточник — книга «Цари», где Константин III соответствует царю Седекии, о чем будет сказано в следующих главах, где я дам библейскую версию этого периода Ромейской истории.

В период между этими двумя царствованиями Юстиниана II правили два случайных императора — военный вождь Леонтий (695 — 698), родом из Исаври, и Апсимар, получивший при возведении на престол имя Тиверия (Тиверий III, с 698 по 705 г.), которому некоторые ученые приписывают германское происхождение.

Потом на византийском престоле сидели три случайных императора: армянин Вардан или Филиппик (711-713); Артемий, переименованный при коронации в Анастасия (Анастасий II, 713 — 715) и, наконец, Феодосий III (715 — 717). Время этой анархии, царившей в Византии с 695 года, окончилось в 717 году возведением на престол знаменитого Льва Кумироборца, с которого начинается уже новая эпоха в истории Великой Ромеи.

Такова общая хронологическая схема этого периода, а выдающиеся события его найдем в следующих строках.

Во время императора Геркулеса и несмотря на его громкое имя, персы, — как нам говорят, — еще в 611 году, т. е. за 11 лет до пресловутого «бегства пророка Магомета из Мекки в Медину», уже отняли у Великой Ромеи Сирию и овладели главным городом византийских восточных провинций, Антиохией. Дамаск также вскоре перешел в их руки, персы двинулись в Палестину и приступили в апреле 614 года к осаде Эль-Кудса (псевдо-Иерусалима), продолжавшейся двадцать дней, после чего, по выражению одного источника, «злые враги вступили в город с большою яростью точно рассвирепевшие звери и обозлившиеся драконы». Но все это, как я показывал уже ранее, выдумано с целью развязаться с апокрифическим древним Иерусалимом в Палестине.

Действительно, что может быть проще, как написать: «Христианские святыни разрушены, храм гроба господня, построенный Константином великим и Еленою, сожжен и ограблен. Христиане подверглись беспощадному избиению. Иерусалимские евреи (*конечно!*) были на стороне персов и при взятии ими города принимали деятельное участие в избиении христиан, которых, по некоторым сведениям, погибло до 60 000. Одна из самых дорогих святынь христианского мира, святое животворящее древо, или

крест господен, была увезена (*зачем-то!*) в Ктесифон. Среди многочисленных пленных, отправленных в Персию, находился и иерусалимский патриарх Захария».[1]

Но это — si non è vero, è ben trovato. Опустошительное завоевание персами Палестины и разгром Иерусалима в то время являются необходимыми для историков апокрифической церкви.

«Это было бедствие неслыханное после взятия Иерусалима при Тите и на этот раз непоправимое, — говорит и академик К. П. Кондаков. — Для этого города уже не было потом эпохи, подобной временам Константина, и последующие великолепные сооружения в его стенах, подобно так называемой Омаровой мечети, уже не составят эпохи в истории. Отныне город и его прежние здания переходят в прошлое, и самые крестовые походы, столь обильные всякого рода результатами и, пожалуй, всякою добычею для самой Европы, отзовутся только смутою, путаницею и разложением в жизни Иерусалима» (*даже имени которого тут не было тогда, так как он назывался Илионом—Городом св. Илии, что сохранилось и в его тогдашнем имени Элиа-Капитолина, и в современном местном названии Эль-Кудс, т. е. Илья Святой,— прибавлю я от себя*).

«Персидское нашествие, — продолжает автор, — разом снесло наносную искусственную греко-римскую культуру Палестины, разорило земледелие, обезлюдило города, уничтожило на время или навсегда монастыри и лавры, прекратило торговлю. Этим нашествием освободились от прежних уз и страха грабительские племена арабов, и они приготовились к сплочению в будущем и повсеместному наступлению. Отныне период культурного развития страны кончен. Для нее настает та смутная эпоха, которой всего естественнее было бы дать название средних веков, если бы только она не продолжалась вплоть до настоящего времени».

Не правда ли, читатель, как это похоже на заключительные строки библейской книги «Цари»? Так почему же удивляться тому, что я и отнес конец «Царства Иудейского» к этому самому времени?

Но продолжим и далее нашу выписку.

«Легкость завоевания персами Сирии и Палестины (*или, вернее, собственного их отпадения*) объясняется, — говорит А. А. Васильев (т. I, 183),—монофизитским составом большей части населения этих областей». Часть персидского войска, пройдя через всю Малую Азию и завоевав Халкидон на берегу Мраморного моря у Босфора, расположилась лагерем у Хрисополя (совр. Скутари), напротив Константинополя. Другая персидская армия завоевала Египет. Александрия пала, вероятно, в 618 или 619 году. А «в Сирии и Палестине, монофизитское население Египта с легким сердцем перешло на сторону персов» (*потому что считало их своими соплеменниками и единоверцами: ведь, персами тогда называли современных турок, — прибавим мы*).

---

[1] А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, I, 182.

Одновременно с этими жестокими потерями на юге и на Балканском полуострове, аваро-славянские полчища во главе с аварским каганом, грабя, дошли до самого Константинополя и ворвались в город. Исидор, епископ Севильский, так отмечает это в своей хронике:

«Гераклий начал пятый год своего правления (616 г.), в начале которого славяне отняли у ромеев Грецию, а персы — Сирию, Египет и многочисленные провинции». Однако, опасность со стороны аварского кагана на севере была устранена уплатою большой суммы денег и вручением знатных заложников, и после этого, весною 622 года,[1] император переправился в Малую Азию, чтобы бороться с «персами».

Современные нам историки полагают, что он (с 622 по 628 год) совершил три персидских похода, увенчавшихся поразительным успехом византийского оружия и напомнивших Ф. И. Успенскому блистательные походы Александра Македонского. «Гераклий, — говорят нам, — привлек для этого на свою сторону кавказские народы и вступил в союз с хазарами, потому что северные прикавказские области Персии служили одною из главных арен его военных действий».

В конце 627 года, он, — говорят нам, — нанес решительное поражение персам около современного города Мосула на реке Тигре и вступил в центральные персидские области. Персидский царь Хосрой был свергнут и убит, а восшедший на престол Кавад Шерое начал с Гераклием мирные переговоры. Персы возвратили Византии Сирию, Палестину и Египет и, будто бы, увезенное ими животворящее древо. Гераклий с великим торжеством вернулся в столицу, и к «великому утешению христианского мира, животворящий крест был водворен на прежнее место».

«Победоносная Византия возвратила себе все потерянные восточные провинции, — говорит нам А. А. Васильев, — и драгоценная святыня древа господня восстановилась на прежнем месте».

И вот, — прибавляет он,[2] — Гераклий в 629 году впервые официально назвал себя **василевсом**. Это греческое название уже давно употреблялось в частях империи, говорящих на греческом языке. Но оно еще не было принято, как официальный титул. До VII века греческим эквивалентом для латинского названия «император» был «автократор» (αὐτοκράτωρ), т. е. «самодержец», что этимологически не соответствует значению слова «император».

Почему же греческий титул «царь» (Василий, по-гречески) явился так поздно?

Английский византинист Бьюри пишет: «Пока вне Римской империи (т. е. в Персии) существовал крупный независимый василевс, императоры воздерживались принимать титул, который пришлось бы разделять с другим монархом. Но как только этот

[1] А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, I, 184.
[2] Там же.

монарх был низведен на положение зависимого вассала и не было более конкуренции, ромейский император отметил это событие, приняв официально тот титул, который в течение нескольких столетий прилагался к нему неофициально».

Какая, читатель, подумаешь, скромность!

А с нашей точки зрения официальным титулом Ромейского царя до Гераклия скорее всего было библейское слово Мелек, или Кесарь, и к греческому языку правительство естественно перешло, только потеряв семитический язык своего богослужения, что, конечно, обозначало коренную реформу богослужения и резкую перемену религиозной идеологии. С нашей точки зрения с этого момента и началось государственное христианство, как религия правящих классов, взамен арианства или апокалиптического николаитства, которого до тех пор придерживались ромейские кесари. Спросим прежде всего, что значит Кесарь, или, вернее, Кайсар? Еврейский корень этого слова Кошар в греческом произношении кайсар значит — крепкий, стойкий; по-гречески — Константин. И вот, подобно тому как славянское слово «Король» произошло от имени Карла Великого,[1] а санскритское Питагору (учитель) выработалось из имени мифического учителя Пифагора, так и латинское Caesar и немецкое Kaiser выработались из еврейского прозвища Константина, и раньше его этот титул не применялся ни к кому.

Но, вот, ромейские кайзеры (по-латыни — цезари) при возникновении агарянства вдруг перестают называть себя прозвищем Константина Великого и, вместо Константиновцев, объявляют себя Василианцами (по-гречески — Басилевсами) в честь основателя христианской литургии Баз-Илу (Василия). Не ясно ли отсюда, что только с этого момента и началось христианство, как государственная религия? И мы не можем не отметить, что как раз после того времени жил Марк Афинский (626 — 725), который по нашим соображениям составил из ходивших тогда сказаний о Великом царе-Мессии первое из христианских евангелий — евангелие Марка на **греческом** языке.

А перед этим в добавок еще совершилось чудо, потому что того, что произошло, иначе нельзя назвать.

«В то время как император, — говорит Гиббон, — торжествовал свои победы в Константинополе или в Иерусалиме в 629 году, — один крошечный городок на границе Сирии был разграблен сарацинами: обычный и пустяшный пограничный случай, если бы он не был прелюдией могучей революции. Эти разбойники были апостолы Мухаммеда. Их фанатическая храбрость вышла из пустыни, и в последние восемь лет своего царствования Гераклий уступил арабам те самые провинции, которые он освободил от безконечно более могучих персов».

Но ведь это же, повторяю, — чудо! Как могли бедные раз-

[1] А само имя Карл — повидимому, от еврейского Цор-Эль, т. е. твердыня божия, а также — царь божий.

розненные пастухи аравийских пустырей, по самой своей разрозненности не имевшие никакой возможности сорганизоваться, вдруг победить «могучую Ромею?» Ведь это много нелепее рассказа о том, как юноша Давид убил камнем из пращи гиганта Голиафа!

«В начале VII века в пределах Аравийского полуострова и населенной арабами Сирийской пустыни не было ни одной политической организации, которая заслуживала бы названия государства»,—говорит так часто цитируемый нами А. А. Васильев (I, 189). Лишь в самой его дали, на юго-западе, в Иемене, продолжало существовать Сабейско-Химьярское княжество. Нам говорят, что еще в первой половине VI века химьярский князь, как покровитель иудейства, открыл гонение на южно-арабских христиан, что вызвало вмешательство абиссинского христианского царя, который одержал полную победу и принялся восстановлять христианство в Иемене.

«Но расположенное на юго-западе полуострова Химьярское княжество не имело значения для остального мира. Остальные аравийцы жили в условиях родового быта. Кровное родство являлось единственной основой их естественных интересов, а религиозные представления их были очень примитивны. Племена имели своих идолов и другие священные предметы, например камни, деревья, источники. Они верили в невидимые дружественные, но чаще враждебные сверхъестественные силы, особенно в демонов (джинов). Представление о высшей невидимой силе отличалось у них неопределенностью. Молитвы, как формы почитания, они, повидимому, совсем не знали. Если же они и обращались к какому-либо божеству, то это обращение было воззванием о помощи при мести за понесенную обиду или несправедливость».

Кочевая жизнь бедуинов, проводивших свои дни в перевозимых с места на место палатках, конечно, не способствовала устроению постоянных, определенных мест для совершения религиозного культа, хотя бы и очень примитивного. А города были редки и мелки, и могли иметь лишь мирный торговый характер, пока два из них — Мекка и Ясриб (Медина) не стали местом пилигримства к осколкам случившейся там метеоритной катастрофы, о которой я уже говорил в VI томе, и которая могла произойти только накануне походов Гераклия в Персию в 629 году, хотя потом местные жители и отнесли падение метеорита к временам Отца Рима.

«История первоначального ислама, — говорит А. А. Васильев (I, 195) принадлежит, из-за состояния источников, к одним из наиболее темных и спорных вопросов в истории».

Как пример разноречивости можно привести мнения современных нам знатоков. Один из них (Гольциэр), читая по уже упомянутому мною способу ясновидения византистов даже и мысли давно минувших людей, пишет:

«Нет сомнения, что в душе Мухаммеда уже жила мысль о распространении своей религии за пределы Аравии и о превращении своего учения, возвещенного тогда лишь ближайшим родственникам, в силу, владычествующую над миром». Другой ученый (Гримме) говорит, что «на основании Корана можно считать конечною целью Мухаммеда и ислама полное обладание Аравией». Наконец, третий современный нам ученый (Каэтани) пишет, что пророк даже и не думал об обращении всей Аравии.

Недоумение историков при попытках объяснить «поразительные успехи Магомета», возбуждалось и тем обстоятельством, что Аравия в течение всей своей долгой жизни никогда не признавала одного властителя, и что большинство племен в северовосточной ее части были христиане, так как эта религия была преобладающей в Месопотамских не арабских областях вдоль Евфрата в VII веке и сильно распространялась по сравнению с пришедшей в полный упадок официальной «религией магов».

«В начале Византия даже ставила ислам (т. е. агарянство), — говорит А. А. Васильев (I, 196), — наравне с другими христианскими сектами. Византийская апологетическая и полемическая литература выступает против агарянства так же, как против монофизитов, монофелитов и представителей других христианских учений». Даже апокрифист, писавший от имени «жившего в VIII веке при мусульманском дворе и принадлежавшего к сарацинской семье» знаменитого Иоанна Дамаскина, не видел в исламе новой религии, а лишь аналогичный с другими ересями пример отпадения от христианской веры. Из Византийских хронистов первым сообщает сведения о жизни Мухаммеда, «правителя сарацин и лжепророков», писавший, будто бы, в начале IX века Феофан, да и в нем это место позднейшая вставка. А если это даже и верно, то как же объяснить, что имя Магомета и имена его соратников Абу-Бекра, Османа, Али и других не были отмечены никем из образованных византистов до IX века?

Но тут мы видим и еще новое недоумение.

Обычно, как одна из главных причин «поразительных военных успехов аравитян в VII веке в борьбе с Византией и с Персией», приводится их энтузиазм, переходивший в религиозный фанатизм. Арабы, будто бы, «бросились на азиатские и африканские области, выполняя завет своего пророка, предписывавший им обращение всего мира в новую веру, и религиозное воодушевление заставляло их с презрением относиться к смерти». Но эта точка зрения должна быть признана ошибочной. В VII веке убежденных мусульман было немного, да и это меньшинство оставалось в Медине до окончания предполагаемых историками первых их великих завоеваний. Громадное же большинство аравийцев состояло из бедуинов, знавших ислам лишь по имени. О каком-либо религиозном энтузиазме с их стороны не могло быть и речи. «Религиозный фанатизм и религиозная нетерпимость в исламе, — говорит А. А. Васильев, — есть явление позднейшее, несвойственное арабской нации, и объясняется влиянием мусульман-прозелитов».

Вот почему новейшие исследователи, по примеру Каэтани,

ищут других причин неудержимого натиска арабов. «Бедная природа Аравии не могла, — говорит он, — удовлетворять жизненным потребностям арабов, которые, под угрозою нищеты и голода, должны были сделать отчаянную попытку спастись из горячей темницы своей пустыни».

Но, ведь, по такой причине всю Россию должны бы были давно завоевать эскимосы, у которых страна еще беднее! Подобные объяснения можно давать только детям, да и то лишь с отчаянья. История всех завоеваний показывает совершенно обратное. И вот, начала теперь выдвигаться третья гипотеза. «Будучи, большею частью, монофизитами, восточные провинции, — говорят нам, — готовы были отложиться от Византии».

Да и как не отложиться! Подумайте только: одни говорят, что у сына божия только божеское естество, а другие, что кроме него и человеческое... Ведь, это же соаершенно невыносимо!!

Кроме того, «население византийских областей Сирии и Палестины, — говорят нам, — в своей большей части принадлежало к семитской расе и потому арабы-завоеватели встретили здесь единоплеменное население, говорившее на их же языке». По словам одного ученого, дело, таким образом, «не шло о покорении иностранного владения, дань которого была бы единственною прямою выгодою, но о возвращении части своего отечества, изнемогавшей под чужеземным игом».

Таково было бы единственное приемлемое объяснение, но и оно не соответствует реальности: властелинами Царь-Града вплоть до того времени были большею частью сами же азиаты. Евангелий еще не было, греческая литература еще не развилась, законы даже и на Балканском полуострове были еще на библейском языке, да и само агарянство, скорее всего было слегка измененным арианством, т. е. законом Арона.

«Рассказы о том, — говорит А. А. Васильев, работами которого я особенно пользуюсь при изложении фактической части этого предмета, — будто Мухаммед обратился письменно к современным ему государям, в том числе и к Гераклию, с предложением принять ислам, и о том, будто бы последний дал ему доброжелательный ответ, должны быть признаны позднейшим измышлением. Но оно правдоподобно, характеризуя близость обоих религий, как и рассказ о договоре, на основании которого, будто бы, Софроний сдал Иерусалим Омару и в котором устанавливались гарантии для свободы христиан в их религиозной и общественной жизни». Уже после смерти Гераклия, агаряне в 641 или 642 году присоединили к себе Александрию, и в конце сороковых годов Византия окончательно должна была отказаться от Египта, а агаряне стали распространять свои захваты далее на запад вдоль берега Северной Африки. Сирийский наместник и будущий калиф Моавия, — говорят нам, — деятельно принялся за постройку кораблей, экипаж которых состоял в первое время из местного, привычного к морю **греко-сирийского населения.** По сведениям, извлеченным в последние годы из папирусов, выясняется, что «в конце VII века одной из главных забот египетской администрации была постройка судов и снабжение их опытными моряками».

Итак, новый сюрприз! Оказывается, что Египет отделился от Византии как раз при помощи александрийского **греческого флота!**

Начиная с пятидесятых годов VII века, т. е. при Константине III, агаряне, не иначе, как с помощью того же александрийского **греческого флота,** присоединили к себе важную византийскую морскую базу, — остров Кипр, разгромили византийский флот, находившийся под начальством самого императора у южных берегов Малой Азии, захватили остров Родос, на котором разбили знаменитый колосс Родосский, доходили до Крита и Сицилии и начали угрожать Эгейскому морю.

Благодаря вышеперечисленным успехам саракинов, которых теперь нам уже прямо приходится считать не за магометан из Аравии, а за ариан из Нижнего Египта, Великая Ромея разделилась на агарянскую, с местом общенародного поклонения в Мекке, и на христианскую, с местом общенародного поклонения, повидимому, еще у подошвы Везувия, или Этны, или в Риме. А так как власть ромейских императоров была теократическая основанная на суеверии, потому что одной военной силой нельзя было держать в повиновении отдаленные страны при тогдашних путях сообщения, то разделение мест поклонения влекло разделение и светской власти. Ромейская империя утратила свое положение мировой державы. Сильно уменьшившаяся территориально, византийская часть ее превратилась в государство, в котором наиболее активным было приморское греческое население торговцев-моряков Малой Азии, и островов Эгейского моря. Что же касается до Балканского полуострова вообще, то он, включая и Пелопоннес, в своем этнографическом составе имел еще преобладающий славянский элемент. На латинском Западе Византии принадлежали лишь разрозненные части Италии, не вошедшие в состав Лангобардского королевства (например юг Италии с Сицилией и другими островами этой части Средиземного моря), Рим, как место пилигримства, кроме Флегрейских полей и Этны, и Равеннский экзархат. В византийских владениях Италии греческое население жило на юге и в Сицилии, где оно значительно увеличилось в VII веке, так как туда бежали нежелавшие принять агарянство богатые жители Египта и Северной Африки. «Римская империя превратилась в греческую империю», — говорит А. А. Васильев [1], а с ним и другие новейшие ортодоксальные историки.

А мы от себя прибавим: не в греческую, а в греко-латинскую, в ту самую, о которой и говорят нам классики, относя ее в допотопные времена. Ранее этого Ромея была еще старозаветною, как описана в Библии, и ее литературным международным общеромейским законодательным и церковным языком был еще

[1] А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, I. 202.

еврейско-халдейский, а не греческий и латинский, как думают до сих пор.

Еще в начале этого исследования я привел основное положение Канта, что единственным доказательством достоверности наших знаний, даже и получаемых непосредственным опытом и наблюдением, является только их **разумность**, т. е. понимаемость нашим разумом (иначе — логичность). Тем более относится это к оценке достоверности наших знаний, получаемых из чужих сообщений, которые никогда не бывают тожественны при переходе от рассказывающего к слушающему, а всегда апперцепционны, т. е. вариантны, так что при целом ряде последующих передач первоначальное сообщение очевидца делается неузнаваемым.

Нечто подобное должно было произойти и в указываемый нами период, который позднейшая молва наделила никогда не существовавшим в то время достославным аравийским пророком (Магометом, по-корейшитски) и невероятными подвигами разрозненных природою и малочисленных по природе аравийских пастухов, будто бы завоевавших в несколько десятилетий более половины великой Ромейской империи, не имевшей себе до тех пор никаких соперниц. Все это очень похоже на сказку о том, как синица когда-то зажгла море, и если к тому самому времени и относят историки изобретение «греческого огня», горевшего подобно нефти на поверхности морей и сжигавшего плывущие по нему деревянные неприятельские корабли, то дело становится только хуже: зажигали море как раз греки, а не синица-Магомет и его агарянские калифы.

Для почти моментального отпадения от Царь-Града всей северной Африки и большей части Азиатских провинций недостаточно было, — как я уже не раз указывал, — бегства одного безграмотного предводителя аравийского каравана из своего родного захолустного города в другой, еще более захолустный, чтобы дать начало целой «эре бегства» (гаджаре или хагари[1]). Для разделения прежней общей религии на две нужен был более серьезный повод. Объяснения историков, которые я добросовестно привел в этой главе, настолько натянуты и наивны, что показывают только их бессилие дать настоящее объяснение.

Мотивировать такую катастрофу, противоречащую естественному течению человеческой эволюции, можно только действительным вмешательством в дело нечеловеческих сил.

В предшествовавшем томе, сообщая подробно о ежегодных пилигримствах всех агарян на поклонение осколкам метеоритной катастрофы, вделанным в угол Каабы в центральной мечети Мекки, я уже показывал, что единственным рациональным объяснением распадения Великой Ромейской империи на агарянскую и христанскую могла быть только метеоритная катастрофа в Красном море, произведшая панику среди ромейских властей и ромейского духовенства. А для вызова паники она должна была сопровождаться сотрясением воздуха, равносильным обширному землетрясению, способному потрясти стены египетских и сирийских храмов и низвергнуть в Египте, как тогдашнем религиозном центре Ромейской империи, статуи и алтари веками установившихся богов.

[1] Hagar, по-русски — Агарь, — наложница Аб-Рама (Отца-Рима).

Отголоски этой катастрофы мы и видим в библейском рассказе о беглянке Агари (Hagar, или Хаджар, откуда и Хеджара — эра бегства), отвергнутой Отцем-Римом, т. е. Ромейской империей вместе с ее сыном Измаилом, родоначальником «богоуслышанных» (измаэлитов, по-библейски). В согласии с этим являются и меккские предания, что камень, осколки которого хранятся там теперь, был брошен во дни того же «Отца-Рима» с неба ангелом Гавриилом с великим блеском и грохотом.

Только такой метеоритной катастрофой и притом катастрофой исключительной величины и можно объяснить иначе беспричинное моментальное распадение великой империи при царе Геркулесе, а также и то, почему агаряне не были преданы анафеме тотчас при своем появлении. А катастрофа, благодаря самой своей кажущейся сверхестественности, должна была в последующих же поколениях превратиться, если не в рассказ о всемирном потопе, в случае гигантской волны в Красном море и сопровождавших ее ливней, то во что-нибудь вроде затопления войск фараона, гнавшихся за беглецами из Египта, удалившимися как раз в Аравию под предводительством Арона-Ария, отца ариан, при «вулканическом» извержении горы Синая, никогда не бывшего вулканом. Во втором томе «Христа» я показал уже, что описание бегства из Миц-Рима содержит в себе типические особенности извержений Везувия, но это еще не значит, что туда не прибавлен впоследствии и эпизод из агарянской метеоритной катастрофы, когда все действие было перенесено из Италии в Аравию.

Отмечу также и курьезное совпадение. В то время, когда семитическая часть населения Ромейской империи стала ходить на поклонение Меккскому Метеоритному камню, греко-латинская часть начала пилигримствовать в Итальянский Рим на поклонение к упавшему там Малому Камню, по латино-гречески *Петру-Павлу*,[1] откуда и произошел миф о **двух** апостолах Христа — Петре и Павле — пострадавших в Риме в тот же самый день года, 28 июня. Таких курьезных превращений в христианской теологии — больше, чем в Метаморфозах Виргилия.

В библейской книге «Слова Денные» Гераклий назван «Огнь Божий» (Иосия[2]) (*II Паралипоменон, 21, 24)* и отнесен к числу царей благочестивых.

«В двенадцатом году его царствования, — говорится там, — были разрушены перед его лицом жертвенники, построенные вла-

[1] Петрус Павлус (Petrus Paulus) значит Малый Камень.

[2] יאשיהו(ИАШ ИЕУ) — Огнь божий, или: «сжигает Господь» (the Lord burns), по Крудену.

стелинам, и статуи солнца, возвышавшиеся над ними, и изломаны священные деревья, и истуканы, и столбы. Их разбили в прах, и рассыпали их над гробами[1] тех, кто приносил им жертвы, а кости жрецов сожгли на жертвенниках их *(II Паралипоменон XXXIV, 4—5)*.

А отожествляя, как мы сделали по другим сопоставлениям (табл. на стр. 376), библейского царя «Огнь божий» с императором Геркулесом византистов, мы и получаем для двенадцатого года его царствования как раз 622 год, на который и приходится время хеджры, т. е. панического бегства во время метеоритной катастрофы, к осколкам которой до сих пор ходят на поклонение.

А в книге «Цари» это описание еще более расширено. Царю «Огню Божию» приписаны и другие подвиги, очевидно путем отожествления того, что сделал метеоритный огонь, с деяниями жившего в то время императора. «Он повелел, — говорят нам, — первосвященнику Предопределителю[2] вынести из храма Властелина (как это приписывается теперь Магомету в Мекке) вещи, сделанные для дубравы и для всего небесного воинства, сжег их и отставил всех кадивших Владыке, Солнцу, Луне, Созвездиям и всему Небесному воинству. Он разрушил блудные дома». (II Цари, XXIII, 4—7.) А потом, уже в 18 году царствования царя Геркулеса (т. е. в 628 году византистов, когда он совершил победоносный поход в Персию) «Огнь Божий» совершил пасху в «Святом Городе» (Иерусалиме), которой «не было от дней Судей и во все дни царей богославных и богоборческих» (II Цари, XXIII, 22), т. е. со времени возникновения Ромейской империи...

Как это понимать, читатель? Выходит, что еврейская Пасха, т. е. празднование «исхода из Египта», была установлена только на шестом году Геджары, т. е. совпадает со временем возникновения агарянства и есть учреждение в память бегства от метеоритной катастрофы. Это место повторено также и в книге «Слова Денные» (Паралипоменом, XXXV глава).

«Так устроено было служение богу-Громовержцу, говорится там между прочим, — чтобы совершить пасху и принести всесожжение на жертвеннике по повелению царя «Огнь божий». И совершали дети Богоборца, находившиеся в Святом городе, пасху и праздник опресноков в течение 7 дней, и не было такой пасхи у богоборцев от дней Самуила Пророка (!!!), т. е. со времени помазания Саула».

И, действительно, пересматривая все случаи, когда в Библии упоминается пасха (таблица XI), мы видим, что она, возникла по ортодоксальной терминологии еще во время «бегства из Миц-Рима», т. е. будто бы, в промежуток между 1491 и 1451 годом «до рождения Христа»... И вдруг она исчезает с библейского горизонта на срок около 800 лет и вновь возобновляется лишь

---

[1] קברים (КБРИМ) — гробы, могилы.

[2] חלק-יהו (ХЛК-ИЕУ) — божий раздел, предопределение.

во время «Огня Божия» (Иосии) около 650 года до того же пресловутого рождества Христова!

Но это, ведь, явная нелепость, а потому мы должны допустить, что и Пасха евреев началась только со времени 6 года Геджры, т. е. с 628 года нашей эры, перед тем как Гераклий принял греческий титул царя — Василий (βασιλεὐς).

ТАБЛИЦА XI.

Библейские и евангельские упоминания о Пасхе.

1) В книге Исход: XII, 11 — «это Пасха Господа»... XII, 43 — «вот устав Пасхи».., XII, 31 — «заколите Пасху»...

2) В книге Левит: XXIII, 5 — «Пасха в 14 день месяца»...

3) В книге Числа; XXVIII, 6 — «в 14 день... Пасха»... XXXIII 3 — «на другой день Пасхи вышли сыны Богоборца»... IX, 5 — «Совершили они Пасху в первый месяц»...

4) В книге Второзаконие: XVI, 2—«за Пасху господу богу твоему»

5) Иисус Навин: V, 10 — «совершили Пасху в 14 день»... V, 11 — «на другой день Пасхи стали есть».

А в книге «Судьи» слово Пасха ни разу не упоминается. Ее тогда еще не совершали.

Затем являются упоминания о ней только в царствование царя Огнь божий (Иосия), одного из последних царей «иудейских» и притом со специальным упоминанием, что она «не была совершаема со дней Судей» (II Царей XXIII, 22); «в 18 год «Огня божия» совершена эта пасха» (II Паралипоменон, XXV, 19). «И дал «Огнь божий» в дар для жертвы пасхальной 30000 мелкого скота и 3000 волов» (т. е. столько погибло при катастрофе)». Вся XXV глава посвящена описанию пышности этой первой пасхи богоборцев и богославцев.

У пророков пасха упоминается три раза. У Иезекиила: XLV, 21 — «должна быть у вас пасха». У Ездры: VI, 20 — «закололи пасхальных агнцев»... VI, 19 — «совершили пасху возвратившиеся из плена».

В Евангелиях о пасхе говорится не раз. У Матвея: XXVI, 2 — «через два дня будет пасха»... XXVI, 17—«где велишь приготовить пасху»? У Марка: XIV, 1 — «надлежало быть празднику пасхи»... XIV, 12 — «ходили в Иерусалим на праздник Пасхи»... XXII, 8 — «приготовьте нам Пасху». У Иоанна II, 13 — «Приближается Пасха»... XI, 55 — тоже... II, 23 — «он был в Иерусалиме на празднике пасхи»... XII, 1 — «за 6 дней до пасхи пришел Иисус»... XVIII, 28 — «чтобы можно было есть пасху»... XIX, 4 — «была пятница перед пасхой»...

С этого же времени, возможно, началось и смешение первоначального Иерусалима (бывшего сначала лишь залитым лавою Везувия Геркуланумом) с палестинским Иерусалимом, или даже с Меккою, а мифы о метеоритной катастрофе, как я уже сказал, легко могли слиться со сходными мифами о первом из-

вержении Везувия. Во всяком случае описание в Библии палатки завета, носимой по Аравийской пустыне 40 лет богоборцами, настолько похоже на рисунки Каабы в Мекке («Христос», кн. V), что сомневаться в единстве их происхождения очень трудно, но агарянство не смогло присоединить к себе отставшую от него греко-латинскую часть империи.

Все попытки египетских кораблей овладеть Константинополем окончились неудачей, причем главную роль сыграл изобретенный сирийским греком Благо-победным (Калинником) «греческий огонь», воспламенявшийся на море перед неприятельскими судами. В 677 году уже состарившийся Моавия-Калиф, т. е. наместник божий заключил с императором мир на условии уплаты ему определенной ежегодной дани.

Параллельно с действиями под Царь-Градом и на восточной границе египетские агаряне калифа, начиная с шестидесятых годов VII века, стали продвигаться и на запад в северной Африке, где в начале VIII века перешла к ним крепость у Геркулесовых Столбов, называвшаяся Септем (Septem, теперь испанская крепость Сеута). В начале того же VIII века они быстро обратили в свою веру большую часть Иберийского полуострова.

Так естественно, и без всякого Магомета и аравийских пастухов, объясняется разделение Великой Ромеи на агарянскую с наместником бога (калифом) во главе, и на православную с царем-базилевсом, т. е. василианцем, во главе. Вопрос может быть лишь о том, кто от кого отделился? И был ли переход из одной веры в другую совершаем путем применения вооруженной силы или просто спорами теологов?

* * *

Наши сведения о славянах на Балканском полуострове в VII веке получены только из книги «Чудеса святого Дмитрия Солунского». Конечно, это источник не важный. Немногим более надежны наши сведения и о болгарах того времени. Нам говорят, что из опасения их налетов появилось у императора Константина III даже намерение покинуть Царь-Град и уехать в какой-либо итальянский центр. Он отправился в Италию и после недолгого пребывания в Риме, в Неаполе и на юге Италии, обосновался в сицилийских Сиракузах, где и был убит, когда парился в бане (668 г.).

С его смертью план перенесения столицы на запад был оставлен, и сын Константина III, Константин IV, остался жить в Царь-Граде.

Каковы были религиозные течения того времени?

Еще во время своих персидских походов Гераклий вступил в переговоры с монофизитскими епископами восточных провинций, чтобы путем догматической уступки сделать общую иерархию.

Православная церковь соглашалась признать в Христе при двух естествах одну волю, да и монофизиты, признававшие в Христе лишь одно естество, понятно, не имели ничего и против одной воли. Так появилось, — говорят нам, — монофелитство.[1] Антиохийский и Александрийский патриархи-монофизиты готовы были пойти навстречу подобному примирению; царь-градский патриарх Сергий тоже соглашался; римский великий понтифекс Гонорий признал правильным это учение; только Софроний, возведенный в сан «иерусалимского» патриарха и получивший таким образом возможность иметь широкое влияние, доказывал несостоятельность одной воли у Христа.

Преемник Константина III, Константин IV, желая, наконец, узнать, сколько воль было у Христа, созвал в 680 году шестой вселенский собор в Царь-Граде, который, — говорят нам, если не врут, — вынес осуждение одновольцам и признал у Христа два естества в одной личности, и в ней же две воли.

На этом моменте, как я уже говорил, и оканчивается наш библейский первоисточник — книга «Цари», где провозглашение в Христе двух тел и двух воль приравнивается к Вавилонскому пленению богославцев.

Значит, «иудеи» были то же, что и монофелиты.

Александрийская, иерусалимская и антиохийская патриархии принимали живое участие в соборе: первые две послали в Царь-Град представителей, а антиохийский патриарх Макарий лично приехал на собор и выступил на нем убежденным сторонником монофелитства (иудейства), за что и был лишен собором сана и отлучен от церкви. Постановление шестого собора показало Сирии, Палестине и Египту, население которых в своей большей части было монофизитским, что Царь-Град отказался от церковного единения с ними. Только тогда Сирия, Палестина и Египет и обособились окончательно от Византии.

Переход к двуволию Христа, отделивший в 680 году Византию без всякого «арабского завоевания» от Египта, Сирии и Палестины, совершенно изменил положение вещей и в Малой Азии, которая из страны, почти не нуждавшейся в серьезной защите, превратилась теперь в территорию, наиболее угрожаемую со стороны новых соседей. Это обстоятельство заставило византийское правительство установить новые административные деления, дав преобладающее значение столь важным в то время военным властям.

Для защиты против восточной опасности были созданы в VII веке два следующих крупных воеводства, позднее называвшиеся фемами:[2] 1) Армениаки (т. е. Армянская) на северо-востоке Малой Азии, на границе с Перенией, и 2) Анатолики (т. е. Малоазиатская, от греческого слова ἀνατολή — восток). Оба эти округа имели целью защиту империи против персов. Затем был установлен «Императорский богохранимый Опсикий» (т. е. охранная

---

[1] От μόνος — один и θέλημα (фелема) воля.

[2] От θέμα — военная область, вроде бывших в России областей: Войска донского и Войска уральского.

фема)[1], служивший стражем столицы и занимавший часть Малой Азии, прилегавшую к Мраморному морю. На Балканском полуострове был округ Фракия, созданный против болгар и славян, и Морской Кивиреотский округ, на южном побережьи Малой Азии и на островах, против нападений усилившегося арабского флота. Затем, повидимому, в конце VII века, в Греции образовался военный округ Эллада или Элладики (первое достоверное появление этого имени) против вторжений в Грецию славян и, может быть, округ Сицилия против морских нападений сарацин, начинавших грозить уже западной части Средиземного моря.

Обычно, за немногими исключениями, во главе подобных округов — фем, стояли стратеги, т. е. военные губернаторы, соединявшие в своих руках обе власти, военную и гражданскую.

Однако, переход от «старого еврейского завета к новому греческому» произошел не без затруднений. У преемника Константина Погоната Юстиниана II появились два соперника — Леонтий и Тиберий — и затем трое случайных, мимолетных императоров. В течение шести лет на византийском престоле после Юстиниана II были Вардан, он же Филиппик, Анастасий II и Феодосий III (711 — 717 г.), — и все они были, один за другим, низложены. В государстве царила смута. Вардан своим монофелитством нарушил добрые отношения с Римом, по Анастасию удалось восстановить мир с Римом за счет ссоры с агарянами-монофелитами. Особенно неудачны были внешние дела: болгары, мстя за смерть дружественного им Юстиниана, дошли до Константинополя; агаряне упорно продвигались сухим путем из Малой Азии и водным по Эгейскому морю и по Пропонтиде, сильно грозили столице. Империя переживала критический момент. Феодосий III, чувствуя свое полное бессилие перед надвигавшеюся опасностью, сложил с себя императорский сан, и Лев, стратег Анатолики, вступил в 717 году в торжественном шествии в Царь-Град, где и был коронован патриархом на царство. Таким образом военная власть, получившая такие широкие полномочия в фемном устройстве империи, дала ей и императора-вазилианца.

ГЛАВА XIII

СРЕДНЕВЕКОВОЕ АГАРЯНСТВО КАК ОДНО ИЗ ЕДИНОВЕРЧЕСКИХ ОТВЕТВЛЕНИЙ ПЕРВИЧНОГО АПОКАЛИПТИЧЕСКОГО МЕССИАНСТВА

Что значит единоверческое ответвление? Покажу это на примере. В селе Никольском стоит церковь Николая Чудотворца и жители ходят в нее, как в свой «приход». В селе Михайловском

[1] Пишут ὀφίκιον; вероятно, от ὤψ — фронт, лицо; по-латыни — opsequium — помощь, власть, охрана.

стоит церковь архистратига Михаила и жители ходят в нее, как в свой «приход». Однако же, оба прихода единоверны. Так точно и агаряне могли пилигримствовать в Мекку, а тогдашние христиане к итальянским вулканам или в Рим и быть все-таки единоверными.

В виду важности разъяснения этого вопроса, я разберу его еще и с точки зрения агарянских первоисточников, руководясь главным образом прекрасной монографией А. А. Васильева «Политические отношения Византии и арабов».

Реальная история агарянства начинается с IX века, и мы не можем не видеть, что этот век, — как правильно отмечает А. А. Васильев,[1] — особенно отличается ничтожным влиянием арабской национальности и преобладающим значением сначала персов, а позднее турок-малоазийцев, название которых происходит от слова таврикос или турикос, т. е. быковец, может быть от того, что они поклонялись богу во образе Аронова тельца.

В Хорасане составилась партия, которая стремилась к универсальности агарянства с девизом «бог не знает различий рас».[2]

Партия, ратующая за равенство всех народов в исламе, носила особое название Shuûbija. Она процветала в X веке и не сомневалась в превосходстве персов перед арабами.[3]

Имела ли когда-нибудь «при Омайадах» преобладающее значение Сирия? Или и это миф? Во всяком случае даже и в IX веке Дамаск был на степени провинциального города, имея своей столицей Багдад в Иране. Самые выгодные места при дворе, в армии, финансах и в управлении провинциями были поручаемы персам, а не арабам.

В одном стихотворении, — говорит А. А. Васильев, — которое относят к последнему омайядскому калифу, Мервану II, между прочим, говорится:

«Беги из своего жилища и скажи, повернувшись назад: прощайте, арабы и ислам!»

Но точно ли и это не апокриф?

Даже при втором аббасидском калифе описывается сцена, как арабы у дверей дворца Мансура бесполезно ожидают впуска, в то время как хорасанцы свободно входят и выходят, насмехаясь над «грубыми арабами».

Но и Персия не была пригодна по своему географическому положению для мирового агарянства. В половине IX века персы должны были уступить свое влияние новому элементу — туркам.

Уже Мамун (813 — 833 гг.) держал при себе многочисленную гвардию из малоазийских турок, которых, повидимому, напрасно изображают рабами. Это довольно смешно с психологи-

[1] А. А. Васильев. Политические отношения Византии и Арабов за время Аморийской династии. 1900.

[2] G. Van Vloten: Recherches sur la domination arabe. Le chiitisme et les croyances messianiques sous le Khalifat des Omayades. Amsterdam. 1894. P. p. 28, 32, 33.

[3] Goldziher. Muhammetanische Studien». Band II. Halle. 1890, S. 31.

ческой точки зрения, приняв во внимание, что вслед за тем они без всякого бурного переворота очутились господствующим классом.

При Мутасыме (833—842) вся гвардия и главная часть армии состояла из турок и берберов, число которых доходило до 70 000 человек и которые, имея оружие в руках, едва ли согласились бы быть на положении рабов, и это видно из фактов. Так, например, в 841—849 годах, когда два турка Ашнас и Итах отправились в Мекку поклониться тамошним осколкам метеоритной катастрофы, калиф дал им верховную власть над всеми провинциями, через которые они пройдут, и Ашнас носил даже титул султана.[1] Разве это похоже на рабов? А при калифе Мутаквиле они возводят на трон и низлагают самих калифов, как своих послушных рабов...

Отсюда ясно, что агарянство и его преемник — магометанство — могли распространиться от Кордовы до Гайдерабада, ни в коем случае не из Аравии, и мне отрадно было встретить у А. А. Васильева такое место, которое как бы резюмировало мои собственные давнишние мысли:

«Глубокий интерес представляет из себя религиозная история калифата в IX веке. Невольно приходит на ум параллель между иконоборческим движением в Византии и рационалистическим направлением в религии ислама в VIII и IX веках. По нашему мнению, изучение того и другого движения должно дать для культурной истории обоих государств, с точки зрения влияния их одного на другое, очень интересные результаты».[2]

Я не могу, конечно, считать за подлинные произведения «Разговоры между христианином и мусульманином» у Иоанна Дамаскина и у Феодора Абукары, или рассказ о том, что эмир Мамун стал открыто на сторону представителей религиозного рационализма и декретом 827 года официально объявил, что тезис о «создании Корана» признается правильным и для всех обязательным, и что затем в 851 году вышел эдикт Мутаваккила, в котором догма «создания Корана» объявлялась еретической.

Все это, скорее, обычные приемы теологов, чтоб освятить недавнюю книгу воображаемой давностью. Даже и вся так называемая «арабская» литература была в сущности не арабской. Арабский язык оставался только языком письма, которым пользовались сначала, как европейцы латынью, сами персы (а собственная их, так называемая новоперсидская письменность развилась два столетия спустя). «Арабская» литература была во многом переводами с персидского языка, и наиболее выдающиеся представители «арабской филологии» были иранского происхождения. Позднейшие псевдо-арабские историки были многим обязаны средне-вековым персидским летописцам, да и в теологических и юридических науках персы были учителями арабов.

Светские науки в IX веке находились преимущественно в

[1] Snouck Hurgronje. Mekka. B. I. S. 45. 1888. Haag.

[2] А. А. Васильев, Политические отношения Византии и Арабов за время Аморийской династии. 1900 г. Стр. 7.

руках арамеев (ромеев), и все развитие обширной агарянской литературы с ее многочисленными разветвлениями являлось преимущественно делом иностранцев и обработкой иностранных материалов. «Греция, Персия и Индия пришли на помощь бесплодию арабского ума», — говорит один из известных ориенталистов.[1]

Даже относительно знания арабского языка в специальных религиозных работах арабский элемент оставался позади не арабов, и не даром появилось мнение, что ни один из мусульман, сделавших что-либо в науке, не был семитом.[2] Да и учиться они ездили в Византию.

Так, при калифе Ватике был отправлен в Эфес известный арабский ученый Мухаммед-ибн-Муса с целью посетить пещеры, где, будто бы, хранились мощи семи отроков, пострадавших, по преданию, в дни гонения римского императора Декия, и византийский император прислал человека, который служил бы проводником ученому арабу. При входе в пещеры посетителей встретил замечательной красоты евнух, который грозил посетителю страшными бедствиями, если он вздумает прикоснуться к мощам. Тем не менее Мухаммед проник в пещеру, увидел все тела и прикасался к ним. А уходя он, будто бы, сказал сторожу:

— «Мы думали, что ты покажешь нам мертвых, которые имели бы вид живых, а здесь мы ничего подобного не видели».

«Тот же Ватик, — говорит А. А. Васильев, — снарядил вторую большую экспедицию с переводчиком Саламом во главе, знавшим тридцать (!!!) языков, вглубь Азии для исследования стены, воздвигнутой Александром Великим против народов Гога и Магога. Экспедиция эта продолжалась более двадцати восьми месяцев, и ее участники по возвращении были награждены калифом, которому Салам представил подробный отчет. А уже известный нам из VI тома «Христа» д-р Шпренгер весь отчет Салама о путешествии называет «eine unverschämte Mystification»,[3] слова, которые можно бы возвратить ему самому обратно, еслиб даже Салам и не существовал на свете, как он утверждает.

Рассказывают нам и о том, будто Мамун просил императора Феофила прислать к нему на время знаменитого византийского ученого геометра и астронома — Льва, чтобы воспользоваться его обширными знаниями в области математических наук, чем тоже характеризуют более высокое состояние культуры в Персии, чем в Сирии и Аравии. Но и персидские попытки стать центром самостоятельного очага культуры не дали желаемых результатов, благодаря неудобному географическому положению страны, и уже в конце X века центр агарянской литературы вообще (и поэзии в частности) перешел ближе к Индии — в Газну, ко двору Махмуда, главного правителя на Востоке (между 997 и 1030 годами). «Там

[1] Ed. Sachau. «Alberuni's India». An english edition with notes and indices by Ed. S. Preface. P. XXVIII. London 1888. Vol. I.

[2] Paul de Lagarde. «Gesammelte Abhandlungen». Leipzig, 1866. S. 8. Васильев, стр. 9.

[3] А. А. Васильев. Политические отношения Византии и Арабов. Стр. 10.

в залах и садах, — говорят нам, — пели четыреста поэтов, во главе которых стояли известный Унсури и великий Фирдуси». Но мы видим, что в том же IX веке и испанский омайяд Абдаррахман II украшает свою столицу, строит мосты, мечети, дворцы, разбивает великолепные сады и покровительствует поэтам... Не отбросилась ли от него тень и на далекий восток? Как-то трудно поверить, что «Багдад был снабжен судоходным каналом, пересекающим Месопотамию от Евфрата до Тигра», что он торговал по суше, как по морю, с Малой Азией, Сирией, Аравией и Египтом, причем караваны Центральной Азии достигали своей столицы через Бухару и Персию, и что с конца IX века произошла там замена серебряной валюты золотою (!!)

Рис. 96. Портрет Византийской работы, найденный в саркофаге египетской мумии. (Гнедич, I, 167.)

Византийские и арабские хроники того времени пестрят однообразными описаниями сражений, указывают точные числа убитых и взятых в плен, говорят об уничтожении селений и посевов и о жестоком обращении с пленными. Все это както противоречит пышному развитию багдадской торговли, хотя описания войн могут быть в значительной мере и преувеличенными, да и сами хроники апокрифичны. Другие документы говорят как раз о противоположном. Так в придворном византийском уставе Константина Багрянородного можно найти формулы очень сердечных приветствий к послам из Багдада и Каира. За императорским столом устав Багрянородного помещает «друзей агарян» выше «друзей франков», а из всех агарян помещает восточных выше западных.

Все это только подтверждает мой вывод, сделанный еще в VI томе «Христа», что агаряне и византийцы были тогда лишь единоверцами разных приходов, тем более, что и отлучение агарян от византийской церкви последовало только при императоре Мануиле в 1180 году.

Второй период византийского иконоборства, подобно рационалистическому направлению багдадских калифов, окончился реакцией в пользу православия в 843 году. В начале его император Феофил выступил ревностным противником иконопочитания и монашества и, как человек, обладавший литературным талантом, одобряя преследование икон, подарил церковную литературу несколькими гимнами. Он умел ценить научные познания своих подданных и награждал их. Известный византийский ученый астроном и геометр Лев был поставлен Феофилом в митрополиты Фессалоники после того, как он приобрел славу при дворе Мамуна. Архитектура, как и многие другие отрасли знания, также пользовалась вниманием этого царя. Часть константинопольских стен да летний дворец Вриантов на азиатском берегу Босфора близ Вифинии остались памятниками разносторонней деятельности этого государя.

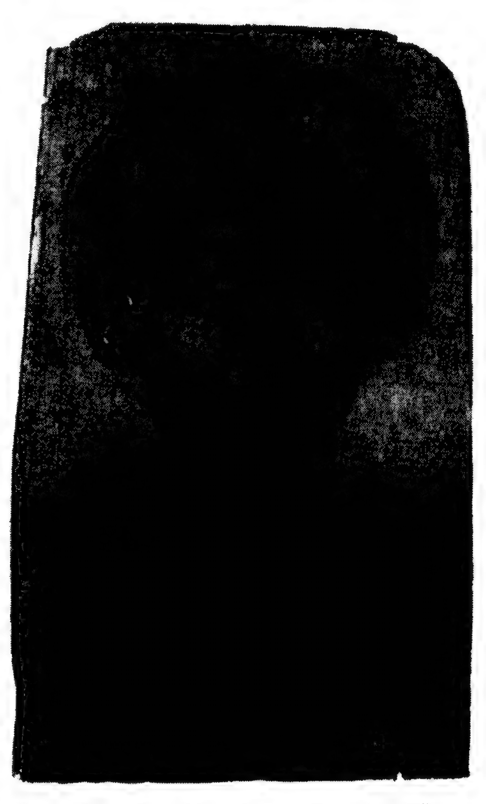

Рис. 97. Портрет Византийской работы, найденный в саркофаге египетской мумии. (Гнедич, I, 161.)

В первые четыре года своего царствования Феофил был современником калифа Мамуна (813—833 г. г.), и деятельность обоих правителей имеет не одну общую черту.

Как Феофил, так и Мамун увлекались религиозными вопросами и своими нововведениями возбудили сильную оппозицию. Подобно Феофилу Мамун тоже предавался поэзии. Один поэт, произнося перед ним свое произведение, был поражен тем, как он легко подхватывал у него любой стих и импровизировал дальше. Мамуну же приписывалось и несколько теологических сочинений. Архитектура и другие отрасли знания процветали при нем, и упомянутый нами летний дворец византийского императора был, — говорят нам, — выстроен по образцу дворца багдадского калифа.

Да и в Испании современник Мамуна омайяд Абдаррахман II также любил поэзию и щедро награждал поэтов, которые приходили ему на помощь. Так почти разом расцвела поэзия

от Багдада до Гибралтара в IX веке нашей эры... Но и в этот блестящий период наши византийские и латинские первоисточники ничего не говорят о Магомете и о магометанах, а называют их по-гречески агарянами и исмаэлитами, а по-латыни— большею частью сарацинами и изредка арабами и маврами.

Так, в Житии Луки Элладского, относимом к 890 году нашей эры, говорится, что его предки выселились из Эгины в Элладу вследствие частых набегов агарян.[1] В Житии Афанасии Эгинской, относимой к IX веку, говорится, что муж ее был убит при набеге варварских людей — мавританцев.[2]

Продолжатель хроники Феофана рассказывает, что отряды императора раз захватили в Каппадокии до 25 000 измаэлитов,[3] а потом он же называет их и агарянами (стр. 130).

В придворном уставе Константина Порфирородного рассказывается о его торжественном въезде в столицу после похода на агарян.[4] В сказании о 42 аморийских мучениках в агарянском заточении (δεσμίον τῶν 'Αγαρηνῶν) Зонарас тоже ничего не знает о магометанах, а только об агарянах. Иоанн Диакон в «Деяниях неаполитанских епископов»[5] описывает, как в 836 году сарацины принудили своим флотом беневентцев снять осаду с Неаполя и заключили с ним договор.

Я не буду загромождать свою книгу дальнейшими примерами, а только скажу читателю: просмотрите сами всю действительную средневековую греческую и латинскую (и даже агарянскую) литературу и нигде вы не найдете упоминаний о магометанстве или о Магомете-пророке. Вот почему беллетристические упражнения позднейших византийских или агарянских авторов, вроде, например, автора «Золотых Лугов» Масуди[6] должны считаться апокрифами, если они упоминают имя Магомета. Приведу, например, отрывок из того же Масуди (хотя по самому началу видно, что это пишет не Масуди):

«Масуди говорит: кади Абу-Мухаммед Абдаллах ибн-Ахмедибн-Зейд из Дамаска сообщил нам в Дамаске следующее».

«Когда Мамун отправился в поход и остановился у Бадидуна (Подендона), пришел к нему посол греческого царя и сказал ему:

«— Царь предлагает тебе на выбор: или он возвратит тебе все издержки пути из твоей области в это место, или предоставит тебе вывести к себе всех находящихся в греческой земле мусульманских пленных без выкупа, без всяких дирхемов и динаров (т. е. без всякой уплаты), или исправит тебе все мусульманские поселения, которые разрушили христиане, возвративши их в то со

[1] τῶν 'Αγαρηνῶν (Migne: Patrologia Graeca». T. III, 442 — 444).
[2] Cum maurusii barbari homines in illas regiones irrupissent (Acta Sanctorum, Augustus T. III, p. 170).
[3] τῶν 'Ισμαηλιτῶν («Continuatio Theophili», p. 114, c. 23).
[4] «De ceremoniis Aulae Bizant». P. 503 — 508
[5] «Gesta episcoporum Neapolitanorum (Monumenta Germanica Histor. scriptor. rerum langobard.». P. 431).
[6] Maçoudi, Prairies d'or». Vol, VII. P. p. 144 — 145.

стояние, в каком они были раньше, — только ты возвратись домой из своего похода».

«Тогда встал Мамун, вошел в свою палатку, совершил молитву с двумя поясными поклонами, вопросил Аллаха, вышел и сказал послу:

«— Относительно твоего предложения возвратить мне мои издержки, скажи греческому царю так: я внимаю всевышнему Аллаху, который говорит в своей святой книге: «Я пошлю (Соломону), — сказал Билькис, — дары и посмотрю, с чем возвратятся посланные». Когда его посол пришел к Соломону, последний ответил: «Не хотите ли вы помочь мне богатством? То, что дал мне бог, лучше того, что дал он вам. Нет, только вы сами можете быть довольны подарками». А что касается твоего предложения отпустить всех мусульманских пленников в греческой земле, то в твоей власти находятся только двух сортов люди: или те, которые стремились к богу и к вечному блаженству, тогда они теперь достигли того, чего желали; или же те, которые стремились к благам мира сего, тогда да не развяжет бог их оков! А что касается твоего предложения восстановить все мусульманские земли, которые разрушили греки, то, если я вырву последний из камней в греческой стране, я все-таки не вознагражу даже женщины, которая спотыкалась у вас в своих оковах и восклицала: «О Мухаммед! О Мухаммед!» Возвращайся же к твоему господину: между мною и им находится только меч. Слуга! бей в барабан».

По восклицанию «женщины в оковах» здесь можно было бы заключить, что она обращается с мольбою к пророку Магомету, но уже одно то обстоятельство, что правоверные всегда молятся прямо Аллаху, показывает, что это писал не магометанин. Да и вся их переписка, вплоть до моментального приказа: «слуга! бей в барабан!» — носит чисто романтический характер, и приходится еще доказать, что барабаны уже существовали в то время.

Но еслиб даже и встретилось где-нибудь в несомненно подлинных источниках слово Магомет, то не надо забывать, что оно не имя, а титул и значит просто «достославный». Ведь, и этот отрывок начинается словами: Абу-Магомет-Абу-Аллах, т. е. Достославный Отец, служитель Божий, и никому не приходит в голову отожествлять его с основоположником магометанства.

А таких «достославных отцов» могло быть (да и было) сколько угодно до редактора Корана, и с этим самым титулом «женщина в оковах» могла обращаться и к самому Аль-Мамуну, называя его «достославным».

Даже и с хрониками надо быть очень осторожным. Вот, например, хотя бы, византийская «хроника Симеона Магистра». Долгое время она считалась вполне достоверной, и ученые, работавшие в области византийской хронологии, как например Круг и Муральт, полагали ее сообщения в основу своих определений времени. Но в 1876 года Гирш в своей работе «Byzantische Studien» неопровержимо доказал полную несостоятельность «хро-

нологии» Симеона: определения времени вступления на престол византийских императоров оказались тут сплошь неверными. Из тридцати шести других дат, которые можно было проверить посторонними способами, верными оказались только десять, из которых семь падают на время императора Льва VI. Одним словом, автор хроники заимствовал свои даты не из какого-нибудь первоисточника, а создавал их по собственному произволу.[1]

Несравненно интереснее для исследователя отмечать такие случаи, которые находятся в противоречии с существующими представлениями, и так или иначе объяснять их.

Вот, например, в Коране говорится о сабеях, а между тем оказывается, что в средние века даже и в Месопотамии имя сабеев не было известно. Впервые упоминается об этой секте только при описании похода Мамуна в Тарс в 830 году. Я приведу его по изложению А. А. Васильева, ссылающегося на Хвольсона.

«Во время пути к Тарсу в Северной Месопотамии в городе Харране Мамун заметил нескольких жителей, которые бросались в глаза по своей необыкновенной одежде и длинным волосам. Узнав, что это не были христиане, или евреи, или персы, и что они не верили в пророка и вообще не принадлежали ни к одной из народностей, покровительствуемых калифом, Мамун объявил решение: они должны принять ислам, или одну из терпимых в Коране религий, или будут уничтожены. Часть харранитов приняла ислам или христианство, другие оставили свое платье и обрезали волосы; но были и такие, которые решили остаться при своих верованиях. Тогда один арабский законовед посоветовал им назваться сабеями, о которых Коран упоминает. Это действительно их спасло. А до того времени в Северной Месопотамии имя сабеев было неизвестно».

Само собой понятно, что средство спасенья, придуманное арабским законоведом с целью обмана властелина, так детски наивно, что придать ему серьезный смысл может только ребенок. Эта секта, конечно, и называлась с самого начала сабеями, а потому и место о ней могло попасть в Коран лишь в том случае, если он был скомпанован после IX века нашей эры.

А относительно «молниеносного завоевания» агарянами всех восточных, южных и западных побережий Средиземного моря, мы имеем лишь такую дилемму: или это было просто идейное завоевание, зиждущееся на метеоритной катастрофе около Мекки, или, как думают, «поразительное, военное завоевание».

Но даже и допустив существование поразительности в истории, был необходим в последнем случае первоклассный, по тому времени, военный флот дальнего плавания.

А что же повествуют нам об этом историки?

«После смерти Магомета, — говорит А. А. Васильев,[2] — исламиты избегали морских путешествий, а калиф Омар даже

[1] Hirsch, Byzantische Studien, 203. — А. А. Васильев. Политические отношения Византии и Арабов за время Аморийской династии. 1900.
[2] А. А. Васильев. Там же, стр. 173.

прямо запрещал их, так что последние начались только при первых омайядах.

«Почти несомненно, — продолжает А. А. Васильев,[1] — что первоначальный флот (агарян) был скорее греко-сирийским, чем арабским: матросы набирались из прибрежных завоеванных городов Сирии и Египта. Как матросы, так и капитаны были, большей частью, христиане или ренегаты, и служили агарянам из-за денег или из-за надежды на легкую добычу. Они были первыми учителями агарян в морском деле».

Только лишь нападение греков на Дамиетту в 856 году впервые заставило агарян серьезно подумать о создании египетского флота. И, действительно, по некоторым сообщениям, мы видим, какая лихорадочная деятельность закипела в Египте после ухода византийских кораблей.

«С того времени, — говорит Макризи,[2] — египтяне стали усердно заботиться о флоте, и это стало у них делом первой важности. Были построены галеры для военного флота и назначено жалованье морским воинам наравне с сухопутными. Эмиры приглашали во флот стрелков. Народ в Египте стал усердно обучать своих детей стрельбе и всякому военному искусству. В начальники выбирались опытные в военном деле люди, и вообще во флот не принимался ни один тупой или неопытный в военном деле человек. У народа тогда было рвение бороться против врагов бога и способствовать торжеству его религии, тем более, что служащие во флоте пользовались почетом и уважением. Всякий желал считаться в числе моряков и всеми мерами старался быть зачисленным во флот.»

Итак, только вследствие нападения византийцев на Дамиетту в 856 году было первое появление египетского флота, который лишь во второй половине X века, во время знаменитой фатимидской династии, получил значение.

А как же вдруг случилось, что по хронографии Теофана,[3] сирийские агаряне еще ранее того взяли Родос, разбили там на куски одно из семи чудес древнего мира — Колосс Аполлона и зачем-то увезли его обломки с собой? Да и на что эти обломки были им нужны? Каким образом египетские агаряне на 200 кораблях вышли из Александрии тоже еще в 669 году, напали на Сиракузы и ограбили весь город?[4]

Мы видим во всем этом столько противоречий, что читатель не должен удивляться, если я считаю весь первый период возникновения калифата и его соотношений с православием, нуждающимся в серьезной переработке.

Мы знаем, например, что 19 февраля 842 года считалось временем «восстановления православия» в Восточной церкви. Правда, что новейшие историки оспаривают эту дату и относят

[1] Там же, кн. I, стр. 143.
[2] Macrizi. Al-Hitat. II, p. 191. — Васильев, кн. I, стр. 173.
[3] «Theophani Chronographia». I, 345.
[4] А. А. Васильев, по «Amari Storia dei musulmani di Sicilia. 1854.»

«восстановление православия» к 11 марта 843 года, но для нас, не занимающихся такими мелочами, разница в один год совершенно безразлична.

Вот что говорит нам наш первоисточник об этом замечательном событии. У Комбефизиуса, в «Истории Монофелитской ереси» находится речь на «праздник Восстановления изображений»,[1] часть которой я привожу в переводе А. А. Васильева.

«Подвижник Арсакий отправился к Иоаннникию, живущему в горах Олимпа, и уговорился с ним итти к подвижнику Исаие в Никомидию, с которым они оставались три дня. Исаия велел им итти в Константинополь и убедить Мефодия восстановить иконопочитание. Придя в Константинополь, они с Мефодием и со всеми архиереями и монахами направились к Феодоре с просьбою о восстановлении икон (стр. 727—730). Феодора высказалась также за это, но просила Мефодия раньше всего вымолить прощение у бога (ее умершему мужу) Феофилу за преследование икон (стр. 700—731). Мефодий, собрав подвижников, митрополитов, епископов, пресвитеров, диаконов, монахов и весь православный люд от мала до велика, горячо молился на первой неделе поста (стр. 734). То же делала и Феодора. И вот, в пятницу она увидела сон, в котором ей возвещалось прощение Феофила (стр. 734—735). После этого она велела собрать всех православных, митрополитов, архиепископов, игуменов, клириков и мирян в соборную церковь (стр. 738). Там во время торжественного богослужения иконопочитание было восстановлено, и было решено впредь ежегодно соблюдать этот праздник в первое воскресенье великого поста (стр. 738—739).

«Так, — рассказывает автор Жития Иоанникия,—гонение прекратилось после шести с половиною лет безбожия Льва, после восьми лет и девяти месяцев равнодушия Михаила, после двенадцати лет и трех месяцев безбожной жестокости его сына Феофила против благочестия, после одного года восстановления (ἀναθρώξεως) благочестивой жены его Феодоры и сына его Михаила. На второй год их боговдохновенного и угодного Христу царствования церковь, по милости божьей одевшись в свое собственное украшение, которым она была облечена апостольскими руками и которого она была лишена руками безбожных, приняла Мефодия, боговдохновенного архиерея, предвиденного отцом Иоанникием, после свержения безбожного и богохульного Иоанна».

Само собой понятно, что этот первоисточник мы имеем в таких поздних документах, буквальному смыслу которых нельзя придавать никакого значения, а потому является вопрос: восстановление православия в восточной церкви не было ли на самом деле лишь его у с т а н о в л е н и е? А если так, то не было ли агарянство, повидимому, очень близкое к арианству, с центром пилигримства в Мекку вместо Рима, лишь местною вариацией апокалиптического христианства, которое господствовало до того времени и в Египте, и в Византии, и может быть во всей культурной западной Европе? Тогда будет понятен и церемониал византийского императора Константина Порфирородного (912—959), по которому «друзья агаряне» занимали за торжественным императорским столом высшее место, чем «друзья франки» (т. е. западные христиане).[1] Понятно будет и то, что агарянство **никогда не было отлучено от византийской церкви, а было отлучено только магометанство и уже много позднее — в XI веке.**

Таким образом, начатая нами переработка библейской хронологии, приведя нас сначала к легендаризации всей классической эпохи Греции и Рима, а потом к пересмотру магометанства и египетской хронологии, фатально приводит нас к переработке и всей идеологической и хронологической части истории византийской церкви.

Этому предмету и придется нам посвятить далее особый большой отдел, а теперь разберем лишь библейские мифы.

[1] «Oratio historica in festum restitutionis imaginum (Bibliotheca patrum novum auctorium». T. II, 1642, p. 715—743.

ГЛАВА XIV

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ РАЗБОР БИБЛЕЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ КНИГ. ИХ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

Мы уже достаточно видели в предшествовавшем нашем рассказе, что библейские псевдо-исторические книги «Цари» повествуют вовсе не о каких-то мелких князьках, приютившихся близ берегов пустынного и по-истине «Мертвого» моря. Это — легенды о царях Великой Ромеи, т. е. Византии, живших у знаменитых «проливов» Черного моря, доводящие свой рассказ до отпадения Египта и малой Азии к агарянству. Я уже резюмировал доказательства этого своего вывода в I томе «Христа» на графиках, и повторю обе графики и здесь (стр. 328 и 376). Мы видим, что хронологическая схема в обоих случаях одна и та же, только всем царям вместо греческих имен даны еврейские прозвища, и все события систематически апокрифированы вспять в среднем на 1200 лет.

Насколько же исторично то, что вышито на этой схеме?

Прежде всего возьмем не вошедших сюда великих основателей богоборческого царства. Богоборческие (по-еврейски — израильские) цари называются Саул, Давид и Соломон, что по-русски значит Ад, Любовь и Успокоение. Царь Ад царствовал 40 лет, Царь Любовь тоже 40 и царь Покой тоже 40. Получается, — как я уже и ранее говорил, — равносторонний мистический треугольник, не достает только Всевидящего Ока в его средине, т. е. самого бога

[1] «De Ceremoniis», II, 52, p. 739.

среди этих трех его земных царей. Я спрашиваю вас, читатель, можно ли считать историю и хронологию, построенную на такой фантастической канве, за реальную?

С таким же правом можно считать египетские пирамиды не произведением человеческого труда, сделанным по заранее составленному плану, а за груды камней, случайно нанесенных плавающими льдинами. Совершенно случайно все камни в них легли правильными рядами и, вдруг, получились пирамиды!

Вот почему я без дальнейших рассуждений и отнес этих трех царей в область мифологии, а здесь только повторю уже высказанную мною догадку, что библейские рассказы о двух первых (Сауле и Давиде) суть полудетские первичные фантастические романы из жизни Аврелиана и Констанция Хлора (или Диоклетиана), а третий царь — Соломон — есть сборный царь, где причудливо перемешались между собою разные легенды из жизни Великого царя Мессии, и даже Юстиниана. Заниматься ими можно лишь с историко-литературной точки зрения, стараясь выяснить время возникновения таких мифов, очертить мировоззрение их авторов и указать реальные факты, первоначально легшие в их основу, а никак не считать это за жизнеописания реальных царей.

Однако, вслед за ними, книги Царей насчитывают еще целый ряд самодержцев, одни из которых называются богославными (по-еврейски — иудейскими), а другие богоборческими (по-еврейски — израильскими), царствовавших уже не ровно по 40 лет, а различное время, как бывает в действительной жизни: иногда по нескольку лишь дней или месяцев, иногда по нескольку лет, а самый долголетний — Манаше, — имя которого значит, по переводу гебраиста Круденa, «Позабытый», царствовал даже 55 лет. И я указывал уже в первом томе, что продолжительность царствования этих царей приблизительно копируют продолжительности царствования соответствующих ромейских императоров. Однако, это еще не значит, чтобы их личная характеристика у еврейских апокрифистов была бы та же самая, как у греческих и латинских.

Ведь, каждый народ и каждый автор характеризует исторических людей со своей индивидуальной точки зрения, субъективно, да и из дел их выбирает те, какие хочет, потому что описать **все** дела какого-либо человека невозможно.

Рассмотрим же предмет сначала с точки зрения здравого смысла.

Вот факты.

После трех своих главных царей: Ада, Любви и Покоя, избраный народ божий[1], — говорят нам, — распался на два царства:

[1] Отмечу, что название греков эллинами созвучно с еврейским сочетанием ЭЛ-ЛИН (אל-לין), т. е. пребывающий в доме бога, так как глагол ЛИН или ЛЮН (לין или לון) значит: оставаться для ночлега, обитать, приютить и приютиться, так что название «народ божий» можно отнести и к ромейцам.

ТАБЛИЦА XII.

Хронологическая последовательность богоборческих и богославских царей и время их смерти по Библии, начиная от воцарения Саула.

	Цари богославские				Цари богоборческие			
Строки	Сумма царств.	Прод. царств.	По-русски	По-еврейски	По-еврейски	По-русски	Прод. царств.	сумма
1	40	40	Ад	Саул	Саул	Ад	40 л.	40
2	80	40	Пыл любви	Давид	Давид	Пыл любви	40 л.	80
3	120	40	Успокоитель	Соломон	Соломон	Успокоитель	40 л.	120
			А. *Независимые цари*					
4	17	17	Расширитель народа	Ровоам	Иеровоам	Заступник народа	22	142
5	20	3	Отец бога	Аб-Ия	Надаб	Щедрый	2	144
6	61	41	Исус	Аса	Васа	Василий (царь)	24	168
7	—	—	—	—	Илий	Божий	2	170
8	—	—	—	—	Замрий	Певец	7 дн?	
9	86	25	Божий судия	Иосафат	Амрий	Глава	12	182
10	—	—	—	—	Ахав	Брат Отца	22	204
11	94	8	Божий Стрелок	Иорам	Ахазия	Владелец божий	2	206
12	95	1	Владелец божий	Ахазия	Иорам	Стрелец божий	12	218
13	—	—	—	(Узурпаторша Эталия)	Иегова (Иеуй)	Божий	28	246
14	—	—	—	—	Иегоахаз	Боговладелец	17	263
15	135	40	Огнь божий	Иегоаш (Иоаш)	Иоаш (Иегоаш)	Огнь божий	16	279
16	164	29	Богободрый	Амасия	—	—	—	—
17	—	—	—	—	Иеровоам II	Заступник народа	41	320
18	—	—	—	—	Захария	Божья память	6 м.	320
19	—	—	—	—	Солом	Мирный	1 м.	321
20	—	—	—	—	Меноим	Дар народу	10	331
21	—	—	—	—	Факей	Богозоркий	2	333
22	—	—	—	—	Факх	Зоркий	20	353
23	—	—	—	—	Анархия по (Halls'y)	—	9	362
24	216	52	Помощь бога	Озия (Азария	Осия	Спаситель божий	3?	365?
25	232	16	Богонепорочный	Иоатам				
26	248	16	Хозяин	Ахаз				
27	277	29	Богосильный	Езекия				
28	332	55	Превознесенный	Манасия				
29	334	2	Народный	Амон				
30	365	31	Огнь божий	Иосия				
31	365$^1/_4$	$^1/_4$ года	Владелец божий	Ио-Ахаз				
			Б. *Цари пленения*					
	11	11	Богопокорный	Иоаким				
	$^1/_4$	$^1/_4$ года	Богоприготовленный	Иехония				
	11	11	Святой	Седекия				

22 царя. Конец богоборческого царства. Сумма ок. 365 по числу дней в году

Сумма 365 $^1/_4$ лет для независимых богославных царей по числу дней юлианского года

Сумма царствования независимых богоборческих царей, равная 365 годам, по числу дней года, видна и из подсчета Usher'а, находившего, что Ровоам воцарился в —975 году, а Осия в —730. Прибавив к их разности время Саула, Давида и Соломона, мы и получим 365 лет.

Прибавив к 19 царям, царствовавшим над богославцами после их отделения от богоборцев (колонки I—V), еще трех, царствовавших над ними до отделения, т. е. Саула, Давида и Соломона, тоже получим 22 царя, по числу букв еврейской азбуки.

на иудаистов, т. е. в переводе «богославцев», и на израелитов, т. е. в переводе «богоборцев». Первый царь богославцев назван Рехеб-Эм (он переиначен в церковном переводе в Ровоама). Это значит Расширитель народа. А первый царь богоборцев носит имя Иреб-Эм (по-церковному-Иеровоам), что значит Заступник народа. Разве тут не виден схематический параллелизм первобытного сочинительства? Разве это житейские имена двух реальных царей, данные им родителями в детстве и какими они называли себя в семье? Или при вступлении на престол цари избранного народа божия переименовывались, как при пострижении в монахи?

Да и самое разделение богоборцев на два царства пародирует классическо-апокрифическое разделение Ромейской империи на Западную, псевдо-латинскую, и восточную — псевдо-греческую.

А вот, и еще странное явление. Совершенно одновременно, около 215—218 года от первого царя Ада, восставший полководец, по имени Иегова (по-церковному произношению—Ииуй) убивает царей обеих фракций, выехавших вместе ему навстречу. При этом обращает на себя внимание такое обстоятельство: первый царь назывался Божьей Собственностью (Ахаз-Ие, или по-церковному—Охозия), а второй назывался Божьим Стрельцом (Ие-Рам, по-церковному—Иорам) — табл. XII, строки 11 и 12. Но у Божьей Собственности предшественник носит название Божьего Стрельца, а у Божьего Стрельца уже не предшественник, а преемник назван Божьей Собственностью, по схеме:

Собственность ╳ Стрелец
Стрелец ╳ Собственность

Но так выходит только в Библии, а в перечислении у евангелиста Матвея (в гл. I) обоих этих царей нет.

Что это, спрошу я вас: серьезная история двух действительных царей, или игра в два мячика, из которых один перебрасывается из левой в правую руку, пока другой летит из правой в левую, а потом оба выбрасываются вон?

Я не буду пока останавливаться на сопоставлении смысла остальных имен, который читатель может видеть сам из таблицы XII, а перейду прямо к разбору их хронологии.

Несмотря на ее кажущуюся беспорядочность окончательные ее итоги подведены явно под предвзятую идею, что показывает уже очень позднюю обработку. И это вполне понятно. Время независимого существования той и другой фракции «Избранного народа божия» не могло, конечно, по мнению средневековых каббалистов, быть случайно, а должно было определиться небесными светилами и небесными символами, что нетрудно видеть из самого рассказа.

Прежде всего отметим, что солнце обходит весь небесный свод в $365^1/_4$ дней. Время лет царствования поставленных самим богом царей «избранного народа», конечно, должно символизироваться днями года. И вот, подсчитывая сумму лет царствования всех богоборческих и независимых богославских властелинов, как бы наследовавших друг другу от отца к сыну (табл. XII, левая половина), мы видим, что продолжительность независимого богославского царства была по книге Царей ровно $365^1/_4$ лет и заканчивается она последним независимым ни от богоборцев, ни от пленителей, царем Ие-Ахазом. Число это явно приравнено к $365^1/_4$ дням юлианского года, т. е. обработано уже во время введения в обиход юлианского календаря. К этому же числу подведено и время существования богоборческого царства.

ТАБЛИЦА XIII.

Генеалогия богославских (иудаистских) царей «Народа Божия».

А. По перечислению I книги «Слова Денные» (Паралипоменон I, III, 10—15) по еврейскому буквальному произношению имен.	В. По перечислению евангелиста Матвея (I, 7—10) и по греческому произношению.
1. Сын Шеломона — Рехеб-Эм .	Соломон родил Ровоама 1
2. Сын Рехеб-Ама — Эб-Ие . . .	Ровоам родил Авию 2
3. Сын Аб-Ие — Аса	Авия родил Асу 3
4. Сын Асы — Ие-Шафат	Аса родил Иосафата 4
5. Сын Ие-Шафата — Ие-Рам . .	Иосафат родил Иорама 5
6. Сын Ие-Рама — Ахаз-Ие	Иорам родил Озию 6
7. Сын Ахаза-Ие — Ие-Аш	
8. Сын Ие-Аша — Амас-Ие	
9. Сын Амас-Ие — Азар-Ие . . .	
10. Сын Азар-Ие — Ие-Там	Озия родил Иоатама 7
11. Сын Ие-Тама — Ахаз-Ие	Иоатам родил Ахаза 8
12. Сын Ахаз-Ие — Езек-Ие	Ахаз родил Езекию 9
13. Сын Езек-Ие — Манашие . . .	Езекия родил Манасию 10
14. Сын Манашие — Амон	Манасия родил Амона 11
15. Сын Амона — Иаш-Ие	Амон родил Иосию 12

Транскрипция имен: на правой стороне — еврейская, на левой — греческая.

Но кроме астрологии есть тут и каббалистика, в которой важную роль играет число 22, представляющее собою число букв еврейского алфавита. А так как после приравнения к числу $365^1/_4$ оказалось, что независимых богославных царей только 16, то к ним прибавили в конце еще 3 царей Вавилонского пленения, а в начале прибавили и трех общих с богоборцами Саула, Давида и Соломона, чем и вывели нужное число 22.

Интересно отметить также, что и прибавка Ие-Ахаза,

ТАБЛИЦА XIV.

Резолютивная схема искусственности имен и общего числа царей «Избранного Народа Божия».

I. По греко-русской транскрипции.		II. По еврейскому смыслу имен.	
1 — Саул — 1		1 — Ад — 1	
2 — Давид — 2		2 — Любовь — 2	
3 — Соломон — 3		3 — Покой — 3	
4 Ровоам	Иеровоам 4	4 Расширитель народа	Заступник народа 4
5 Авия	Надав 5	5 Отец Бога	Щедрый 5
6 Аса	Васа 6	6 Исус (Целитель)	Василий (царь) 6
7 Иосафат	Ила 7	7 Божий судья	Божий (или Бог) 7
8 Иорам	Замрий 8	8 Божий стрелец	Певец (поэт) 8
9 Ахазия	Эмрий 9	9 Владелец божий	Возвышенный 9
10 Иоас с узурпаторшей Гофолией	Ахаб с властной Иезабелой 10	10 Огнь Божий с узурпаторшей Эталией	Дядя с властной женой Изабелью 10
11 Амасия	Охозия 11	11 Богободрый	Божий Властелин 11
12 Азария	Иорам 12	12 Бого-помощь	Божий Стрелец 12
13 Иотам	Ииуй 13	13 Бого-непорочный	Иегова 13
14 Ахаз	Иоахаз 14	14 Хозяин	Божий Стрелец 14
15 Езекия	Иоас 15	15 Богосильный	Огнь Божий 15
16 Манасия	Иеровоам 16	16 Превознесенный	Заступник народа 16
17 Амон	Захария 17	17 Народный («они»)	Память божия 17
18 Иосия	Солом 18	18 Огнь божий	Мирный 18
19 Иоахаз	Менаим 19	19 Владелец Божий	Дар народу 19
20 Иоаким	Факия 20	20 Богопокорный	Зоркий Божий 20
21 Иехония	Факей 21	21 Богоприготовленный	Зоркий 21
22 Седекия или Святой Божий	Осия или Иисус 22	22 Святой Божий	Спаситель или Избавитель божий 22

Всех 22 по числу букв еврейской азбуки, а без последнего — Святого божьего или Божьего Спасителя — 21, т. е. три седмицы по числу созвездий северной гемисферы неба, как их считали в средние века «Птоломей» и др.

царствовавшего только $^1/_4$ года (три месяца), очевидно, сделана потом в виде юлианской поправки, так как в евангелии Матвея после перечисления богославских царей нет Ие-Ахаза после Иосии, а сказано прямо: «Иос-Ия родил Иоакима, а Иоаким Иехонию и его братьев перед своим переселением в Вавилон» (Матв. I, 12). А по переселении в Вавилон «Иехония родил Салафила, и Салафил родил Зоро-Бабеля» (Матв. I, 12) (табл. XIII).

Обратим внимание на то, что в христианском переводе великий зодчий Зоро-Бабель (имя которого значит Чуждый Врат Господних, т. е. чуждый старо-ромейской церкви), без вставленного впоследствии Ие-Ахаза, оказывается тоже 22-м царем и потому соответствует Седекии нашей таблицы, имя которого в переводе значит Святой божий. Он, — говорят нам, — построил Храм богу Громовержцу, а из евангелия известно, что и «Христос», хотя и царь богославцев, был в то же время и Зодчим, сыном Зодчего (по-гречески — тектон'ом) и основал христианскую церковь.

Кроме этого намека евангельское перечисление дает нам и новое интересное указание на механизм постепенной выработки этой планомерной схемы богославских и богоборческих царей из царей Западно-ромейских и восточно-ромейских. Здесь число независимых царей богославской фракции «избранного народа божия» оказывается 15 (табл. XIII) и оно как раз соответствует 15 созвездиям Птоломея, находящимся к югу от Зодиакального Пояса (табл. XV).

Сравнивая обе родословные на табл. XIII, доставшиеся нам со времен средних веков, мы видим в средине их интересную разницу. По Матвею пятый богославский царь Иорам «родил» Озию, от которого и произошли остальные шесть царей этой династии. А в книге «Слова Денные» (Паралипоменон I, III, 10 — 15) этот же Озия расчленился на Ахаза-Ие, на Ие-Аша, Амас-Ие и Азар-Ие, и притом не на братьев, а на прадеда, деда, отца и сына...

Кто же напутал? Матвей ли случайно объединил тут четырех царей в одном или «Денные Слова», а с ними и «Книга Царей Израильских и Иудейских», разделили одного Озию на четырех человек? Описку Матвея тут очень трудно допустить, потому что (обратите на это серьезное внимание!) число богославских царей выведено у него не без умысла ровно 12. Оно определено по каббалистическому способу: 12 знаков Зодиака, 12 месяцев в году, 12 апостолов Иисуса и 12 сыновей богоборца Израиля. Значит, или Матвей тенденциозно сократил 15 богославских царей до 12 знаков Зодиака, или, наоборот, сами цари первоначально были выведены астрологически, но позднейшие каббалисты умышленно довели их до 22 букв еврейской азбуки.

Мне кажется, что родословная Матвея носит характер менее сложной, а значит и более ранней схемы; поэтому и библейские книги «Цари» средактированы уже после евангелия Матвея.

Займемся теперь немного и физиологией этих царей.

Я уже показывал во введении, как, разделив общее время царствования какой-либо династии на число ее царей, мы получаем среднее время рождения ее наследника, а вычтя из этого времени 3-4 года, получаем время их половой зрелости. Взглянув на табл. XII, мы видим, что после Соломона независимое существование как богославного, так и богоборческого царства продолжалось 245 лет, а число последовательных царей было 19. Но 245 : 19 = 13 лет. А вычтя отсюда 3-4 года, видим, что они достигали половой зрелости уже на 9 и 10 году от рождения. Вот какие были ранние!—Это годно для сказки, но не для истории.

Для связности своего изложения я укажу еще на интересное разногласие библейских источников в характеристике четырех добавочных богославских царей, или, — как их называют, — «царей подневольных», «царей пленения». Дело в следующем.

Во второй книге «Цари» сказано:

После Иосии воцарился (вставной) Иоахаз, его сын (XXIII, 30).
После Иоахаза воцарился Иоаким (Елиаким), второй сын Иосии (XXIII, 34).
После Иоакима воцарился Иехония, его сын (XXIV, 6).
После Иехонии воцарился Седекия (Матафия), его дядя (XXIV, 12).

Этим и окончилась династия: царь Врат Господних Наву-Ходоно-Царь (что значит Прорицатель Великий царь) после трехлетней осады взял их столицу Святой город, увел Седекию в плен в «Ривлу», ослепил его, а всех детей его заколол перед его глазами (XXV, 7).

А в «Словах Денных» (Паралипоменон) сказано просто:

Сыновья Иосии — Иоханам, Иоаким и др.
Сыновья Иоакима — Иехония и Седекия.
Сыновья Иехонии — Салафиил, Федайя и др.
Сын Федайи — Зоробабель.

Да и у Матвея (I, 11 — 12) мы имеем то же самое:

Иосия родил Иоакима.
Иоаким родил Иехонию.
Иехония родил Салафиила.
Салафиил родил Зоробабеля.

Мы видим, что в «Словах Денных» родословная великого библейского зодчего Зоро-Бабеля ведется помимо дополнительного Иоахаза, царствовавшего $^1/_4$ года, лишь через Иоакима и Иехонию, причем Зоро-Бабель представлен сыном Федая, а у Матвея — сыном Федаева брата Салатиила.

Оставив в стороне эту маленькую путаницу, как несущественную для нас, я обращу внимание читателя еще раз на приложенный здесь список древних созвездий, составление которого приписывается отцу средневековой астрономии богоборцу Птоломею, жившему, будто бы, еще во втором веке нашей эры.

Хотя все сочинения Птоломея и носят характер Эпохи Гуманизма, но в основе их небесной картографии лежит, несомненно,

очень древняя канва: ведь часть этих созвездий упоминается и в Апокалипсисе. И вот, кроме уже указанного мною совпадения 21 царя богоборцев (без плененного Осии) с 15 созвездием северного полушария неба, мы уже видели совпадения и 21 независимых иудаистских царей (без прибавочного Ие-Ахаза, царствовавшего $^1/_4$ года) с 15 созвездиями южного неба Птоломея.

ТАБЛИЦА XV.

«Птоломеевы Созвездия».

Зодиакальные созвездия: Рыбы, Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей.

	Южные Созвездия.	Северные созвездия.		
1-я пятерка	1 Кит	Колесница (Большая Медведица)	1	1-я семерка
	2 Орион	Малая Медведица (или Малая Колесница)	2	
	3 Река Эридан	Дракон	3	
	4 Заяц	Цефей	4	
	5 Большой Пес	Волопас	5	
2-я пятерка	6 Малый Пес	Северный Венец	6	
	7 Корабль Аргонавтов	Коленопреклоненный Муж (Геркулес)	7	
	8 Уж или самка Гидры	Лира (Падающий Ястреб)	8	2-я семерка
	9 Чаша	Лебедь (Птица, Крест)	9	
	10 Ворон	Трон (Кассиопея)	10	
3-я пятерка	11 Алтарь	Персей	11	
	12 Центавр	Возничий и Коза	12	
	13 Волк, или Барс	Змиедержец (Эскулап)	13	
	14 Южный Венец	Змей	14	
	15 Южная Рыба	Стрела (Копье)	15	3-я семерка
	Это созвездия «Преисподней», большую часть суток находящиеся под землею с точки зрения живущих на прибрежьях Средиземного моря.	Орел (Парящий Ястреб)	16	
		Дельфин	17	
		Малый Конь	18	
		Крылатый конь (Пегас)	19	
		Прикованная женщина (Андромеда)	20	
		Дельтодон (Треугольник)	21	

А когда мы берем список царей у Матвея, в котором их только 12, то убеждаемся, что и тут они взяты не случайно, а, как я только что говорил, по числу 12 созвездий Зодиака, что

более гармонирует с великим значением, приписываемым христианами богославскому царству, как прообразу небесного царства, тем более, что звезды, проводящие большую часть каждых суток в «преисподней», т. е. под землею, не могут считаться символом особой божественности представляемых ими человеческих душ.

Значит, в увеличении 12 царей до 15 действительно фигурирует позднейшая, чисто каббалистическая переделка первичной астрологической схемы, в которой 12 созвездий зодиака, как во сне, вдруг превратились в 12 сыновей Иакова-Богоборца, в 12 богославных царей, а затем, уже при помощи каббалистики, число их доведено до 15 и окончательно до 22.

Но почему же, если это так, мы не находим вполне точного согласия в продолжительностях их царствования не только с временами царствования ромейских властелинов, но даже и по двойственному счету самой книги «Цари»? Ведь книга «Царей Богоборческих и Богославских» ведет им не простую, а сложную хронологию, напоминающую двойную бухгалтерию в современном счетоводстве, при которой всякая ошибка сейчас же сама обличается и получается возможность ее исправления.

Взглянув на сделанные мною из этих книг хронологические выписки (табл. XVI), читатель сам убедится, что тут с явным умыслом задумано и систематически проведено нечто очень серьезное.

Для каждого богославного царя последовательно указано, во-первых, прямо время его царствования в годах или долях года и, во-вторых, отмечено, в каком году царствования ближайшего к нему по времени богоборческого царя он воцарился и в каком году царствования его преемника он умер. Точно то же сделано и, наоборот, для каждого богоборческого царя.

Значит, тут истинно двойная бухгалтерия. Богоборческая хронология опирается на богославскую, а богославская на богоборческую, и все это явно сделано нарочно, чтобы можно было исправить всякую ошибку при переписках.

Все изложенное в моих выписках я для наглядности вторично резюмировал в приложенной табличке (стр. 317), где сопоставлены результаты прямого и косвенного подсчета лет. В тех случаях, где косвенный подсчет отсутствует, поставлены знаки вопроса. Сравнивая между собою все числа, где имеется наличность того и другого счета, мы видим, что оба они совпадают вполне только три раза, да на единицу (допустимая разница, при игнорировании дробных остатков года) отличаются 6 раз. А во всех остальных 11 случаях разница уже не оправдывается ни при каком способе подсчета. Этим обстоятельством и объясняются частые отклонения времен царствования богославских и богоборческих царей от соответствующих им ромейских. И все же, в общем, диаграмма их последовательного ряда наглядно показывает, что годы их царствования первоначально были скопированы с ромейских. Значит, в этом не может быть никакого сомнения.

ТАБЛИЦА XVI.

Резюмативный хронологический конспект богославских и богоборческих царей

Богославские	Богоборческие
§ 1. Почил Соломон, и воцарился РОВОАМ его сын (I кн. Царей XI, 43). За ним остались только богославцы (Ц. XII, 20), он царствовал 17 лет. Устроил часовни на холмах и под деревьями (Ц., XIV 21—23). Все время воевал с Иеровоамом. § 3. АБ-ИЯ, сын Ровоама, воцарился в 18-й год царствования ИЕ-РОВОАМА богоборческого. Царствовал 3 года. Воевал все время с Иеровоамом (XV, 1). Грешил.	§ 2. Отложились Богоборцы от Ровоама, и воцарился над ними в первый же год ИЕРОВОАМ, сын Наватов (I Царей, XII, 20). Он поставил священников не из левитов (Ц. XII, 31 и 13, 33), устроил часовни на высотах. Так продолжалось и все время у богоборцев. Все их цари держались «ереси Иеровоама». Царствовал 22 года (I книга Царей, XIV, 20).
§ 4. АСА, сын Авии, воцарился в 20-й год ИЕРОВОАМА и царствовал 41 год. Был праведен (XV, 4). Воевал с Васой все время. По § 2 он воцарился за 2-3 года до смерти Иеровоама, а по § 11 умер в 4 год Ахаба. А от смерти Иеровоама до воцарения Ахаба прошло по §§ 5, 6, 7, 8 и 9 около 40 лет. Но 40 + 2 + 4 дают 46 лет, а здесь, как мы видим, дан только 41 год. Куда делись недостающие 5 лет? Если эта двойная бухгалтерия верна, то надо из богоборческих царей исключить Надаба, Илу и Замрия, как вставленных впоследствии.	§ 5. НАДАБ, сын Ровоама, воцарился на 2-й год АСЫ богославского и царствовал 2 года (1525). Следовал ереси Иеровоама. § 6. Вааса, сын Ахии, умертвил Надаба на 3 год АСЫ богославского и царствовал 24 года. Следовал ереси Иеровоама (XV, 33). А из § 7 по сравнению с этим выходит только 26 — 3 = 23 года. § 7. ИЛА (АЛЕ), сын Васы, воцарился в Тирце на 26 году АСЫ Богославского и царствовал 2 года (XVI, 8). А по сравнению с § 8 выходит 27 — 26, т. е. только 1 год. § 8. ЗАМРИЙ, начальник над половиной колесниц Илы, т. е. его соправитель, умертвил его в 27 год Асы богославского и воцарился на его место на 7 дней (XVI, 9 — 15). § 9. АМРИЙ, главный военачальник, сверг Замрия, убил его в 31 год Асы богославского и царствовал 12 лет, кроме времени спора с Фамнием (Ц. XVII, 21). Перенес столицу в Самарию. А по сравнению этого § с § 10 выходит, что Амрий царствовал 38—31, т. е. 7 лет. А как же здесь дано 12? Куда девались 5 лет?

Таблица XVI (Продолжение)

Богославские	Богоборческие
§ 11. ИОСАФАТ, сын Асы, воцарился в 4-й год АХАБА Богоборческого и царствовал 25 лет (Ц. XXII, 41—42). Он был угоден богу, но не отменил часовенки на высотах (пирамидах), Имел наместника в Идумее. По сравнению с § 10 он воцарился за 18 лет до смерти Ахаба, а по § 12 умер на 5 году Иорама богоборческого, да между этими двумя царствовал 2 года Ахазия (§ 13). Значит, Иосафат царствовал 18 + 5 + 2 = 25 лет. Здесь первый раз подсчет сделан вполне правильно.	§ 10. АХАБ, сын Амрия, воцарился в 38 год Асы богославского и царствовал 22 года (XVI, 29). Женился на Изабели, стал поклоняться Бэлу. При нем начал пророчествовать Илия. Об Ахабе говорится исключительно много (главы 16—22 Царей и XVIII Паралипоменона). По сравнению с § 4-м он воцарился за 3 года до смерти АСЫ богославского, а по § 13 умер на 17 году его сына ИОСАФАТА. Значит, царствовал 20 лет. Как же здесь сказано 22 года?
§ 12. ИОРАМ БОГОСЛАВСКИЙ, сын Иосафата, воцарился в 5 год ИОРАМА богоборческого и царствовал 8 лет (Ц., VIII, 16—17). Подражал богоборческой ереси. А по сравнению с § 14 он царствовал 12—5, т. е. 7 лет вместо здешних 8. Неточность допустимая.	§ 13. АХАЗИЯ богоборческий, сын Ахаба, воцарился в 17 год ИОСАФАТА богославского и царствовал 2 года (I Царей, XXII, 52). Умер по слову Илии Пророка (II Царей, 1—17). По сравнению с § 15 выходит не 2, а только 1 год.
§ 14. АХАЗИЯ БОГОСЛАВСКИЙ, сын Иорама Богославского, воцарился в 12 год ИОРАМА БОГОБОРЧЕСКОГО и царствовал 1 год (Ц. VIII, 25—26). А далее, в гл. IX, 29, сказано, что он воцарился на 11 году ИОРАМА богоборческого (§ 15) и подражал его ереси. Убит Иеуем, одновременно с Иорамом богоборческим, своим союзником (Ц., II, 27). Значит, царствовал не 1 год, как сказано здесь, а во всяком случае, по сравнению с § 15, не менее 20 без 12, т. е. не менее 8 лет? Куда же делись 7 лет? Не на помещение ли следующей за ним узурпаторши Эталии (§ 17)?	§ 15. ИОРАМ богоборческий, брат бездетного Ахаба, воцарился вместо него в 18 год ИОСАФАТА богославского и царствовал 12 лет (Ц, III, 1). По сравнению с § 11, он воцарился за 7 лет до смерти Иосафата богославского, а по § 14 умер вместе с его сыном Ахазией, царствовавшим 1 год. Значит, царствовал 8 лет, а здесь дано 12 лет.
§ 17. ЭТАЛИЯ одновременно с Иеуем узурпировала власть Иоаса, сына Ахазии, на 6 лет (П., XI, 1,)	§ 16. ИЕУЙ (из военачальников), делал восстание, убил богоборческого Иорама и богославского Ахазию (через 1 год его царствования) и сел на место Иорама. Истребил поклонение Бэлу и царствовал 28 лет (Ц., X, 36). По § 14 и 17 он воцарился вместе с Эталией, а по § 19 умер на 23 году у Иоаса богославского. Считая, что Эталия властвовала 6 лет, получаем для него 23 + 6 = 29 лет. Довольно согласно с данными здесь 28 годами.

Таблица XVI (Продолжение)

Богославские	Богоборческие
§ 18. ИОАС БОГОСЛАВСКИЙ, сын Ахазии, воцарился (с помощью священика Иодая) в 7 год ИЕУЯ богоборческого и царствовал 40 лет (Ц., XII, 1). По сравнению с § 16 он воцарился за 21 год до смерти Иеуя, а по § 20 умер во 2 год Иоаса богоборческого. Но между Иоасом и Иеуем царствовал еще (по § 19) Иоахаз 17 лет. Значит, Иоас царствовал 21 + 2 + 17 = 40. Здесь эта двойная бухгалтерия опять дала согласные результаты.	§ 19. «ИО-Ахаз, сын Иеуя, воцарился на 23 году ИОАСА БОГОСЛАВСКОГО и царствовал 17 лет» (Ц, XIII, 1). По сравнению с § 21 он царствовал 14 лет, а здесь сказано 17. Куда же делись 3 года? § 21. «ИОАС богоборческий, сын Ио-Ахаза, воцарился в 37-й год ИОАСА БОГОСЛАВСКОГО и царствовал 16 лет» (Ц., XIII, 10). А по § 18 он воцарился за 3 года до смерти Иоаса и по § 23 еще царствовал 15 лет. Но 15 + 3 = 18, а не 16, как здесь.
§ 20. АМАСИЯ, сын Иоаса богославского, воцарился во 2-й год ИОАСА БОГОБОРЧЕСКОГО и царствовал 29 лет. (Ц., XIV, 2) По сравнению с § 21 он воцарился за 14 лет до смерти Иоаса богоборческого, а умер по § 22 двояко: во-первых на 15-м, а во-вторых на 27 году царствования его сына Иеровоама II (§ 23). В первом случае он царствовал 29 лет, во-втором 41. Очевидно верен лишь первый подсчет.	§ 23. «ИЕРОВОАМ II, сын Иоаса, воцарился в 15-й год АМАСИИ богославского и царствовал 41 год» (Ц., XIV, 23). По сравнению с § 20 он воцарился за 14 лет до смерти Амасии и умер (по § 24) в 38 год царствования его сына Азария, т. е. царствовал 14 + 38 = 52 года, а здесь сказано только 41 год.
§ 22. АЗАРИЯ (ОЗИЯ), сын Амасии, воцарился на 15 году царствования ИЕРОВОАМА II богоборческого (по гл. XIV, 17—21) и на 27 году того же Иеровоама (по гл. XV, I) и царствовал 52 года. По предшествовавшему § надо брать только 15-й год, считая 27-й за ошибку. Тогда окажется, по сравнению с § 23, что Азария воцарился за 26 лет до смерти Иеровоама, а по § 28 он умер во 2-м году Факха богоборческого. Между Иеровоамом и Факхом царствовали Захария, Селум, Менаим и Факия, в продолжение $12^1/_2$ лет. Значит, время его царствования было $26+2+12^1/_2=40^1/_2$ лет. А здесь сказано 52 года. Куда делись 11 лет? Английский теолог д-р Hales пытался объяснить это тем, будто между смертью Иеровоама (§ 23) и воцарением Захарии (§ 24) было 11 лет междуцарствия богоборцев, но текст Библии не допускает этого: «И	§ 24. «ЗАХАРИЯ сын Иеровоама, воцарился вместо него в 38 год АЗАРИИ богославского и царствовал 6 месяцев» (Ц., XV. 8). Здесь нет возможности проверить через богославских царей. § 25. «Его убил СЕЛОМ, сын Иовиса; и воцарился вместо него в 31 год «ОЗИИ» богославского и царствовал 1 месяц (Ц., XV, 3). Здесь нет возможности проверки. Только Азария перепутан в Озию (из транскрипции Эзр-Ие в Эз-Ие, что объясняется простой опиской). § 26. «Его убил МЕНАИМ, сын Гадия, в 39 году АЗАРИИ богославского и царствовал 10 лет» (Ц., XV, 17). А по сравнению §§ 25 и 27, он царствовал 11 лет. § 27. «ФАК-ИЯ сын Менаима воцарился в 50-й год АЗАРИИ богославского и царствовал два года» (Ц., XV, 23). Здесь нет возможности проверки через богославских царей.

Таблица XVI (Продолжение)

Богославские	Богоборческие
почил Иеровоам с отцами своими, — сказано там, — и воцарился Захария, его сын вместо него (Ц., XIV, 29). Какое же тут междуцарствие в 11 лет? Просто путаница сочинителя этой двойной бухгалтерии, плохо владевшего арифметикой. § 28. «ИОТАМ, сын «Озии» (т. е. Азарии), воцарился во 2-й год ФАКХА богоборческого и царствовал 16 лет» (Ц., XV, 32—33). А по сравнению с § 30 только 15 лет. § 30. «АХАЗ сын Иотама воцарился в 17 год ФАКХА богоборческого и царствовал 16 лет» (Ц., XVI, 1). А по сравнению с § 29 воцарился за 3 года до смерти Факха, а по § 32 царствовал еще до 3-го года его сына Осии, т. е. 6 лет. А как же тут сказано 16 лет? Куда делись остальные 10? Если же (по § 33) Осия воцарился в 12 год Ахаза, то выйдет верно, но тогда § 31 весь — выпадает.	§ 29 Его убил ФАКХ, сын Ремалии в 52 году АЗАРИИ богославского и царствовал 20 лет (XV, 28). Но по § 22 это был последний год царствования Азарии. Значит, по § 28 он воцарился одновременно с Иотамом, а по § 31 умер на 20 году царствования Иотама (§ 25), царствовал только 16 лет, и смерть Факха приходится на 4 год царствования Ахаза (§ 30). § 31. «Его убил ОСИЯ *(ИИСУС)* сын Илы *(БОГА)* в 20-й год царствования ИОАТАМА богославского (Ц., XV, 30 — 32) и царствовал 16 лет, делая угодное богу. Но как же Осия мог убить Факха в 20 году царствования Иотама богославского, когда Иотам (по § 28) царствовал только 16 лет? Чтобы выпутаться из этого безвыходного положения, теологи-историки вводят сюда 9-летний период «анархии», но анархия была, очевидно, лишь в голове сочинителя такой хронологии. В книге Царей сказано просто: «Составил заговор Озия против Факея и поразил его и воцарился вместо него в двадцатый (!) год царствования Иотама» (Ц., XV, П). Где тут даже намек на анархию? § 32. «ЕЗЕКИЯ, сын Ахаза, воцарился в третий год ОСИИ богоборческого и царствовал 29 лет» (П., XVIII, 1—2). Так как время его смерти приходится здесь уже после гибели царства богоборческого, то проверка путем двойной бухгалтерии с этого момента кончается. Но тут же открывается новое и интересное обстоятельство. Езекия должен был умереть, — сказано в главе XX последней книги Царей, — на 14 году своего царствования, т. е. одновременно с благочестивым Осией, но бог через пророка Исаию, повернувшего при этом солнечную тень на 10 ступеней назад, прибавил ему 15 лет (Ц., XX, 6).

Таблица XVI (Продолжение)

Богославские	Богоборческие
	Таким образом, царство богославцев — иудаистов пережило царство богоборцев-Израелитов и имело еще 7 (по числу планет и дней недели) царей — Манасию, Амона, Иосию, Ио-Ахаза, Ио-Акима, Иехонию и Седекию, царствовавших в сумме, повидимому, 120 лет, столько же, как Саул, Давид и Соломон. § 33. А вот, и еще окончательный хронологический скандал. Глава XVII книги Царей начинается так: «В 12-й год Ахаза богославского воцарился ОСИЯ *(ИИСУС)*, сын Илы *(БОГА)*, над богоборцами, он царствовал 9 лет и делал неугодное богу». «На него наступил Салманасар, царь Ассирийский (Ашурский) и заключил его в темницу (Ц., XVII 4)». Так кончилось царство богоборцев. Но 12 год АХАЗА (по § 30 и § 28) есть 28 год после воцарения Иотама. А как же этот же Осия *(ИИСУС)*, сын Илы *(БОГА)* (§ 31), воцарился на 20 году «после воцарения того же Иоатама»? Выходит, что тот «благочестивый Иисус» (из § 31) воцарился за 8 лет до своего нечестивого двойника (из § 33). Царствовал он, как там сказано, 16 лет, а здесь только 9, т. е. умер на следующий год после своего нечестивого зеркального отражения. Этим сюрпризом и кончается летопись царей богоборческих.

Получается нечто напоминающее разговор двух дам, прочитанный мною когда-то в юмористическом журнале:

— Как же вы, Мария Ивановна, — спросила математическая дама свою нематематическую знакомую, — говорили, что вам 29 лет? А вот вашего сына в этом году призывают к отбыванию воинской повинности. Значит ему 20 лет. Вычтя 20 из 29, выходит, что вы его родили на девятом году вашей жизни.

— Разница у меня и у вас объясняется очень просто, — отвечала ей нематематическая дама. — Я считаю себе годы прямо, год за годом, а вы прибегаете к косвенным путям со всякими вашими сложениями и вычитаниями. Понятно, что такими приемами вы можете доказать, что мне и двести лет.

Библейская двойная бухгалтерия приводит нас к подобным же результатам.

Вот, например, в 3 строке (табл. XVII) царь Аса, т. е. Спаситель, Иисус, по прямому счету царствовал 41 год, а по косвенному счету — 46 лет.

Вот, в 9 строке Амрий по первому способу царствовал 12, а по второму — только 7 лет.

Вот, в 9 строке Иорам по прямому счету царствовал 12 лет, а «путем сложений и вычитаний» выходит 8 лет.

Далее, в строке 12 мы видим также, что Ио-Ас вместо 16 лет царствовал 18, Иеровоам II (в строке 13) — вместо 41 целых 52, Менаим (в четвертой строке от конца) — вместо 10 только 2 года, Ахаз вместо 16 лет только 6.

Допустить описку в цифрах тут нельзя, потому что все эти времена царствования обозначены в еврейском тексте, а с ним и во всех переводах, не цифрами, а прописью и притом они одни и те же как в еврейском, так и в переводах на древние языки.

Как же все это вышло? Ведь, для вывода суммы или разности лет тут достаточно уметь лишь считать по пальцам?

Допустить, что выводивший эту двойную бухгалтерию не умел считать и по пальцам, очень трудно (уже по тому одному, что такому плохому счетчику и в голову не пришла бы мысль о двойном самопроверяющемся способе счисления, которым он явно задавался). Здесь возможны только два психологически обоснованных решения:

1) После того, как была составлена вышеуказанная двойная бухгалтерия, список первоначальных ее царей тенденциозно пополнялся другими вставочными, причем вставлявший царя богославского позабывал сделать соответствующие перемены в годах ближайших к нему царей богоборческих, и наоборот; *2)* окончательный подсчет обеих хронологий велся по какому-то сложному астролого-каббалистическому плану, по которому подсчитывавший не мог найти согласного решения для обоих случаев и взял лишь приблизительные. Стараясь обнаружить его схему, я выписал ряд случаев, когда указано (на вышеприведенном конспекте, табл. XVI), на каком году богоборческого царя воцарился следующий богославский, и наоборот. Получилось курьезное сопоставление, которое я привожу на табл. XVII. Числа лет получились тоже беспорядочные, т. е. заимствованные (хотя и с тенденциозными поправками) прямо из какой-то действительности, но сумма их и здесь носит следы того, что первоначальный автор стремился приравнять ее к числу дней юлианского года. И она выявится, как только мы допустим, что по его представлениям Осия соответствовал, как выходит и по нашей схеме (табл. XX, на стр. 328) Ромулу Августулу, а пленивший его Салманасар (что по Crudeny значит: Отнявший мир) соответствует Одоакру, пленившему Ромула Августула на второй год его царствования и «положившему конец Западно-римской империи».

ТАБЛИЦА XVII.

Фиктивность хронологии в книгах Царей Израильских и иудейских.

Строки	Косвенный счет.	Прямой счет.	Богославские	Богоборческие	Прямой счет лет	Косвенный счет.
			Общие цари	Саул . . . . . . Давид . . . . . . Соломон	40 40 40	
1	?	17	Робо-Ам	Ие-Робо-Ам . .	22	?
2	?	3	Аб-Ия	Надаб	2	?
3	46	41	Аса	Васа	24	23
4	25	25	Ио-сафат	Ила	2	1
5	7	8	Ио-Рам	Замрий	(7 дн.)	?
6	8	1	Ахаз-Ия	Амрий	12	7
7	17	40	Ио-Ас	Ах-Аб	22	20
8	29	29	Амас-Ия	Ахаз-Ия	2	1
9	52	52	Азар-Ия	Ио-Рам	12	8
10	15	16	Ио-Там	Иеуа (Иеуй) . .	28	29
11	6	16	Ахаз	Ио-Ахаз	17	14
12	?	29	Езек-Ия	Ио-Ас	16	18
13	?	55	Манас-Ия . . .	Ие-Робо-Ам . .	41	32
14	?	2	Амун	Захар-Ия	(6 мес.)	?
15	?	31	Иос-Ия	Шелум	(1 мес.)	?
19	?	$^{1}/_{4}$	Ио-Ахаз	Менаим	10	2
Сумма $365^{1}/_{4}$						
Ставленники чужих земных царей:			Ио-Аким (11) . Иехон-Ия (3 м) Цедек-Ив (11) .	Фак-Ия . . . 2 Факх . . . . . 10 Анархия . . . 9 (по Hales'у) 6 Ос-Ия . . . . 3 (до осады)		
				Сумма . . . . . 365 + 7 месяцев		

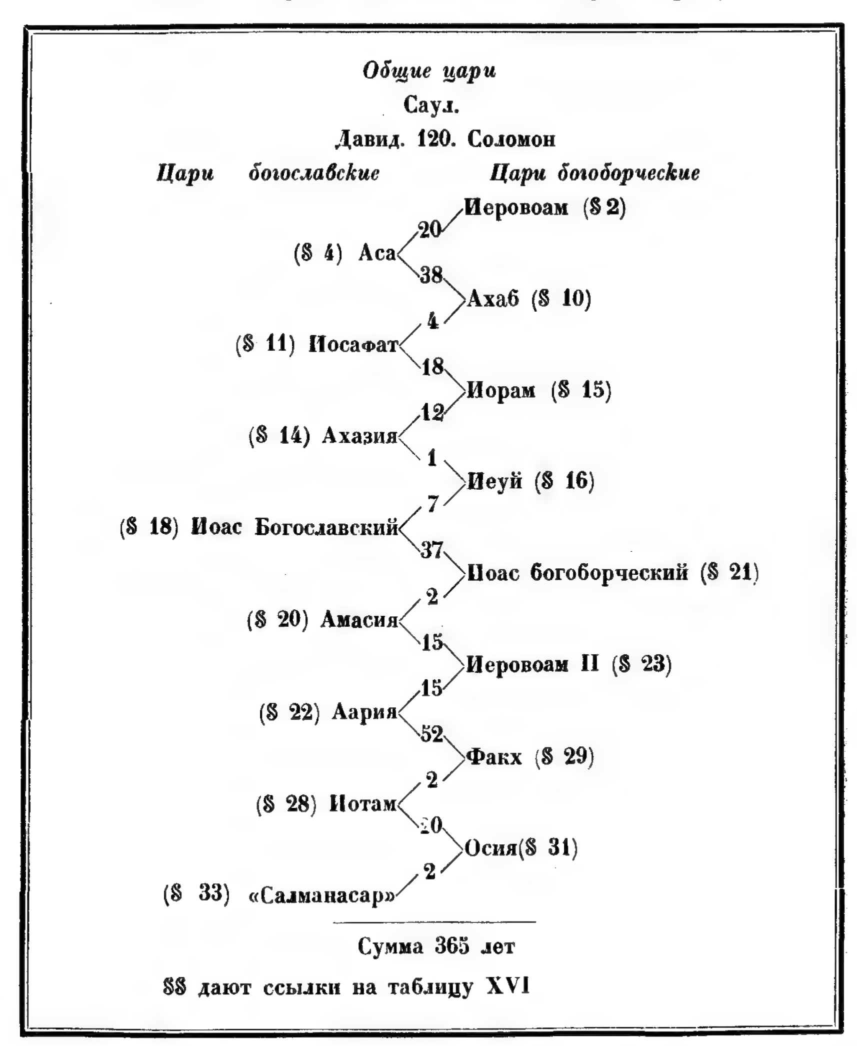
Знаки вопроса поставлены в тех случаях, когда косвенный метод проверки отсутствует.

И к этому же результату приводят и «прямые» подсчеты, как я уже отметил на таблицах. Дальнейшие же переписчики

ТАБЛИЦА XVIII.

Схема взаимных ссылок в библейской книге Цари.

(В средине показано, на каком году богоборческого царя воцарился богославский, и наоборот. Библейская двойная бухгалтерия.)

переписывали текст машинально, не проверяя, а современные хронологисты Библии, хотя и не могли не заметить этих крупных разногласий в счислении, однако вместо того, чтобы прямо сказать: библейская хронология не выдерживает серьезной критики, старались лишь закрыть зияющие щели библейской постройки бумажными обоями. Им даже в голову не пришло сообразить, что при такой хронологии эти цари становились отцами в сред-

нем уже на тринадцатом году своей жизни, а если кто-нибудь опаздывал года на три, то взамен его кто-нибудь другой становился отцом на 10 году, т. е. достигал половой зрелости еще мальчиком, лет 7—8. Какая противоположность с библейскими допотопными патриархами, достигавшими половой зрелости, как мы видели в «Прологе», только на 155 году своей жизни! [1]

ТАБЛИЦА XIX.

Сравнение смысла астрологических «домов Солнца» со смыслом имен богославских царей.

Созвездия	Их характеристика, как небесных домов	Смысл имен богославских царей	Их греко-еврейские имена
Лев	Дом Новорожденных	Распространитель народа	Ровоам
Дева	Дом Услужливости	Отец Бога	Авия
Весы	Дом Суда	Иисус Христос	Асса
Скорпион и Змиедержец	Дом Смерти и воскресения	Божья казнь	Иосафат
Стрелец	Вероисповедания	Божий Стрелец	Иорам
Козерог	Вознаграждения	Божья Помощь	Азария (Озия)
Водолей	Дом Дружбы	Богонепорочный	Иотам
Рыбы	Дом Богатства	Владелец	Ахаз
Овен	Дом Предвиденья	Богосильный	Езекия
Телец	Дом Удачи	Превознесенный	Манасия
Близнецы	Дом Братства	Народный	Амон
Рак и Ясли	Дом Родственности	Огнь божий	Иосия

N. B. При счете с Овна здесь пришлись бы: Овен — бог отец, первый царь богославных; Телец — царь Ад (Саул); Близнецы — царь Пыл любви (Давид); Рак — цар Миротворец (Соломон), прообраз евангельского Христа и в этом же созвездии Ясли христовы. Лев — Ровоам, Дева — Авия и т. д.

Так не пойдем же и мы по этой рутинной дороге, а наоборот, обнажив вышеуказанные хронологические щели, попробуем объяснить хоть некоторые из них, указав, какими позднейшими вдвигами они произведены.

Выбросив прямо всех не приведенных у Матвея (I, 7—10) царей, как вставленных впоследствии, я пишу значения имен у остальных в соответствии со средневековой астрологической

[1] См. «Пролог», гл. IV.

характеристикой двенадцати созвездий зодиака, начиная со Льва (по-еврейски — Ария), который по благословению Иакова-Богоборца был созвездием богоборцев и богославцев. — «Молодой Лев Иуда! — говорит он там. — С добычи ты поднялся, сын мой. Преклонился, лег как лев и как львица, и кто подымет его?» (Бытие, XLIX, 9). Значит, Лев соответствует Арию и Иуде.

Обратим затем внимание на богославного царя (Езекию), соответствующего здесь Овну.

«Заболел смертельно Езекия, — говорит последняя Книга Царств (гл. XXIX).

— Сделай завещание для своего семейства, — сказал ему пророк Исаия, — потому что ты умрешь.

Езекия-Овен повернулся своим лицом к стене (и Овен, действительно, изображается с повернутой назад головой).

— Бог-Громовержец! — говорил он. — Вспомни, что я верно ходил перед твоим лицом *(Солнцем)* и делал приятное для твоих очей.

Он сильно заплакал. И вот не успел Иса-Ия (что значит Грядущий Освободитель) уйти из внутреннего города *(неба)*, как Громовержец сказал ему:

«Возвратись и скажи Езекии, властелину моего народа: я услышал твою молитву, увидал твои слезы и, вот, я исцелю тебя! На третий день ты войдешь в Дом Громовержца. Я прибавлю к твоей жизни 15 лет, спасу тебя от Ашурского царя и защищу твой город ради себя и ради Возлюбленного царя, моего слуги».

Иса-Ия возвратился и приложил смоквенную мякоть к месту нарыва.

— «Какое дашь мне знамение моего выздоровления?» — спросил Езекия.

Исаия воззвал к богу-Громовержцу и, вот, солнечная тень, спускавшаяся по ступеням дворца Ахаза *(т. е. по русски: Хозяина)* попятилась на 10 ступеней *(градусов)*».

В Словах Денных, это место сокращено:

«Заболел смертельно царь Езекия, — сказано там только, — Он помолился богу-Громовержцу, и тот говорил с ним и дал ему знамение (II Паралипоменон, XXXII, 24)».

А затем еще прибавлено:

«Прочие деяния Езекии и его добродетели описаны в видении бен-Амоца, пророка, в Книге Царей Израильских и Иудейских (II Паралипоменон, XXXII, 32)».

Но ничего подобного в указанных книгах нет.

Здесь внимание теологов и историков давно занимал вопрос: каким образом тень, спускавшаяся «по ступеням дворца Ахаза», вдруг возвратилась опять на десять ступеней? И почему ступени крыльца дома, в котором жил Езекия, названы не просто ступенями его собственного дворца, а с присоединением к ним, без всякого пояснения, имени Ахаза, как будто после его смерти, 14 лет назад, никто по ним более не ходил?

Когда начался у нас период астральных объяснений, Д. О.

Святский пытался несколько лет тому назад, в своем докладе Обществу Любителей Мироведения, объяснить это чудо солнечным затмением, причем, по его соображениям, — благодаря надвижению луны на солнце справа, тени всех предметов должны были, в первую половину затмения, несколько попятиться назад. Но это относительное отступление не могло превосходить полградуса и притом, растягиваясь часа на полтора при общем, относительно сильном, суточном движении солнца и луны от востока к западу, оно превращалось не в отступление, а только в незаметное без точных измерительных приборов замедление неизменно прямого движения тени.

Отмечая это обстоятельство, я сначала пытался объяснить дело простым ежесуточным движением тени по всяким крыльцам, находящимся на северной стороне зданий, особенно в летнее время. Тогда солнце, восходя на северо-востоке, освещает, в наших северных странах, северную стену здания, а с ней и все ступени ее крылец. Потом, переходя на южную часть неба, оно оставляет в тени северную стену и, следовательно, спускается по ступеням ее крылец, пока не закроет их всех, если здание достаточно высоко. А после полудня, переходя на запад, солнце опять начнет поднимать свою тень по ступеням, пока перед закатом не перейдет на северо-запад и снова не осветит, как было при восходе, не только всех ступеней северных крылец, но и самую стену.

Однако, я сознавал, что это явление утреннего опускания и вечернего поднятия теней на северных крыльцах зданий настолько обычно, что если бы дело заключалось в нем одном, то оно не было бы занесено в летописи народов на поучение потомству.

Но в таком случае, в чем же состояло отступление тени? Почему оно было на ступенях Ахаза *(хозяина)*, а не самого Иезекии? Но читатель сразу увидит это сам, взглянув на предшествовавшую XIX таблицу. Небесный символ Езекии — это созвездие Овна. Овен заболел смертельно, т. е. в нем помрачилось солнце. Если бы это была комета в Овне, то она была бы названа ангелом или мечом, а здесь болезнь называется «воспаление», на которое была наложена Исаией разрезанная смоква *(черная луна среди солнечной короны)*.

Символ Ахаза — созвездие Рыб, и что же мы там находим?

По-еврейски тут непереводимая игра слов. Тень по-еврейски ЦЛ, а созвучный с ним глагол ЦЛЕ значит переходить через что-нибудь, так что выражение ЦЛ можно употреблять и в смысле перехода солнца через эклиптику, т. е. для обозначения точки весеннего равноденствия. Значит, здесь говорится о попятном движении точки весеннего равноденствия от созвездия Овна. Оно достигает в каждые 750 лет 10 градусов, по древней терминологии: ступеней.[1] Еслиб солнечное затмение пришлось в самой точке весеннего равноденствия, еще не ушедшей из Овна (покровителя

---

[1] По-латыни gradus — ступень крыльца или лестницы.

Езекии), то это было бы для него смертельно по понятиям древних астрологов. Но, к счастью, точка равноденствия отступила на 10 градусов (или ступеней) вправо от места затмения в Овне, и потому выздоровление Езекии стало возможно. Такое истолкование не только представляется единственно приемлемым с астрологической точки зрения, но и определяет, приблизительно, время составления самой легенды о ступенях крыльца Ахаза.

Дело в том, что совершенно такое же затмение солнца было 29 марта 507 года, около 12 лет до смерти ромейского царя по имени Воскресший (Анастасий, по-гречески; 491 — 518 г.). Оно произошло как раз в Овне, около 29° современной нам эклиптикальной долготы, и около 10° долготы того времени. Его полуденная видимость была в Бискайском заливе (— 20° земной долготы от Гринвича и + 47° земной широты), после чего оно в полной фазе шло через Францию, Южную Германию и среднюю Россию, окончившись в Западной Сибири под + 60° долготы от Гринвичского меридиана и + 58° широты. В частном виде оно было превосходно наблюдаемо и в Италии, и на Балканском полуострове. Но «Воскресший» Анастасий по нашим схемам есть никто иной, как библейский «Поддержанный Богом» — Езекия, тоже воскресший после «смертельной болезни». По греческим авторам солнечное затмение в Овне 29 марта 507 года было за 12 лет до смерти «Воскресшего», а по Библии (II Цари, XX, 6) за 15 лет до смерти «Поддержанного богом». Ошибка хронологии всего на 3 года.

Тут, — приняв во внимание, что затмение было солнечное и притом определено по его месту и на небе, и на земле (что может повторяться не чаще, чем через тысячелетия, — мы видим новое подтверждение нашей хронологии и того, что разбираемые нами теперь книги Царей являются первыми летописями Ромейской империи от Аврелиана до Гераклия, при котором азиатские владения Великой Ромеи перешли к агарянству.

А то, что символом Езекии был Овен, ясно из дальнейших сопоставлений астрологического значения 12 знаков Зодиака, со смыслом имен 12 богославских царей, введенных Матвеем в родословную «Христа» (табл. XIX). Они так ясно говорят за общность происхождения и тех, и других, что едва ли тут возможно какое-либо сомнение.

Вот, например, созвездие Льва (Ария, по-еврейски), — символ «колена Иудина», т. е. богославской фракции избранного богом народа Ромеев. Астрологически он определяется как дом Новорожденных и, параллельно ему, первый царь богославской фракции называется расширителем или размножителем народа (по-еврейски — Рхб-эм). Он поклонялся, по временам, «чужим богам», т. е. планетам, заходившим в созвездие Льва, кроме Солнца — единого бога-отца, но потом раскаивался, возвращался к единому богу, и все время воевал со своим сезонным соправителем (т. е. с юлианским месяцем августом, в продолжение которого солнце проходило созвездие Льва, или по-библейски с Заступником народа Иеровоамом), так как это было время гроз на юге Европы.

Вот, созвездие Девы — апокалиптической матери Христа — астрологический дом услужливости и, параллельно ему, второй царь Авия, имя которого Аб-ие значит Отец бога вместо Ам-ие — мать бога,[1] и Библия говорит, что бог был ему помощником во всем. Здесь Дева только замещена стоящим над нею Волопасом, так как до царицы Ирины (797—802 г.) никому и в голову не приходило, что женщина может быть самостоятельным царем. Здесь произошло такое же насильственное превращение созвездия Девы в мужчину, какое мы имеем в мифе о серно-стройной девице — Божьем Меде [2], по-еврейски Нефтели, — обозначающей ту же Деву. Она тоже превратилась из дочери Богоборца (Израиля) в его сына Невфалима, что звучит по-еврейски уже совсем нелепо, так как на этом языке слово Серна употребляется исключительно для самок. Сезонным соправителем Девы был месяц Сентябрь (табл. XIX и рис. 98).

Вот, Весы — астрологический дом Суда, и параллельно ему, третий царь богославцев — Аса (т. е. Исус). И Библия говорит, что он был не только всегда благочестив, но даже разбил статуи чужих богов. А сопровителем его был месяц Октябрь.

Вот, Скорпион — созвездие жалящей смерти, на голову которого наступил символ воскресающего и возносящегося на небеса Иисуса Змиедержателя, Змиеносец и, параллельно Скорпиону, четвертый царь богославцев — Иосафат, имя которого значит Божий судия [3] (рис. 98). Он был очень благочестив, однако «не разбил жертвенников на высотах». И как раз под Скорпионом находится созвездие Жертвенник.

Вот Стрелец — астрологический символ «вероисповеданий», и против него пятый царь — Иорам (ИЕУ-РМЕ), что тоже значит Божий Стрелец. Но и он не отменил жертв и каждения на высотах (пирамидах), хотя, несмотря на это, Громовержец обещал дать ему «светильник веры в его потомстве на все времена» (II Ц., VIII, 19). При прохождении Солнца через него празднуется Рождество Христово (табл. XIX и рис. 98).

Вот, Козерог — астрологический дом «вознаграждения» и торжествующей гордой силы, сделавшийся потом символом блудливости. И соответственно ему имеется шестой царь Азария (АЗР-ИЕУ), т. е. Помощь Бога, переименованный в библейских Денных Словах (Паралипоменоне) в царя Озию (АЗ-ИЕ) — Силу Грядущего бога, пораженного потом проказой и отлученного от церкви.

---

[1] Переход ам-ие (אמ־יה) в аб-ие (אב־יה), т. е. от матери бога к отцу бога, заключается лишь в отсутствии тонкой черточки в еврейской букве М (ם) при ее переходе в Б (ב)

[2] נפתלי אילה שלחה (НФТЛИ АЙЛЕ ШЛХЕ.) Здесь НЕФТЛИ приходится производить от НФТ-АЛЕ-(Мед бога), — откуда имя Невфалим. Слово айле, как и переводит Перферкович, значит серна, а не терпентин, который пишется АЙЛ, а слово ШЛХ тут значит — стройная ветка.

[3] יהו־שפת (ИЕУ-ШФТ) — богоказнь, причем שפת (ШТФ) перешло в שפט (ШФТ) с другим оттенком звука Т, и получилось значение — Божий.

*

Такова же и астрологическая история Козерога, сначала символизировавшего силу, а затем блудливость.

Вот, Водолей — символ Иоанна Крестителя — астрологический дом дружбы, и против него седьмой царь — Иотам (ИУ-ТМ), что зна-

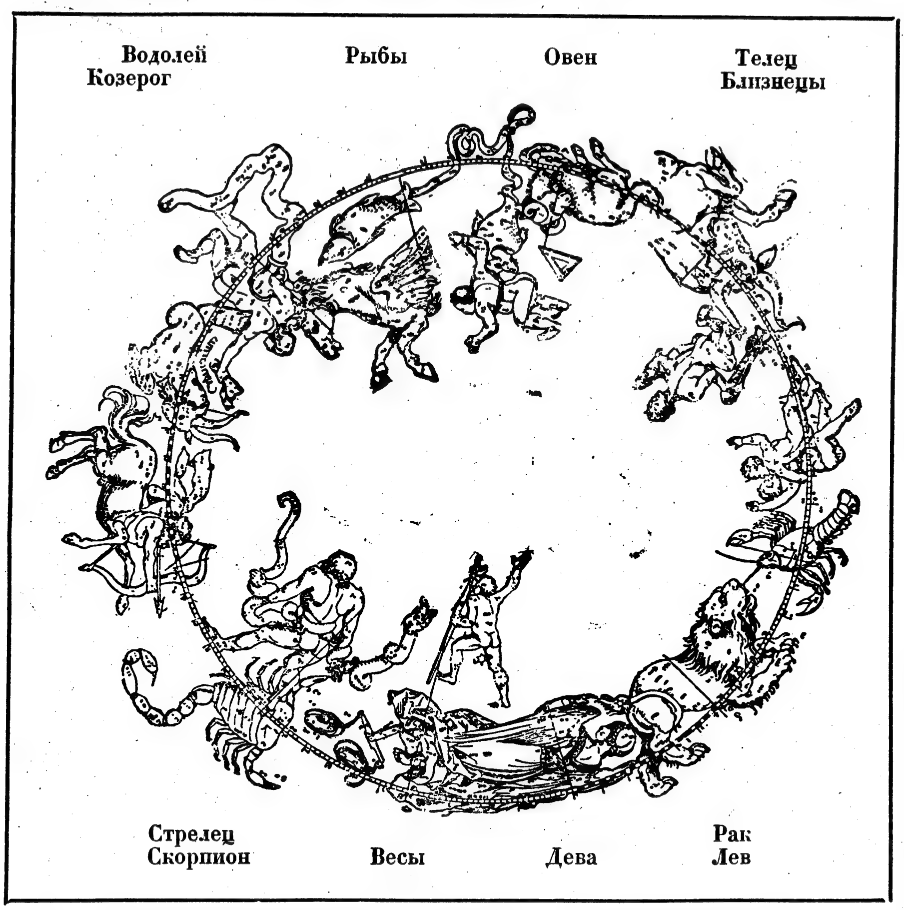

Рис. 98. Двенадцать созвездий Зодиака. Внутри помещены дополнительно: вверху — крылатый конь Пегас, Андромеда и Возничий с козлятами; внизу Змиедержец и Волопас. (По рисунку Альбрехта Дюрера 1515 года.)

чит Божья Непорочность. И он был праведен, хотя все-таки не низверг жертвенников на высотах (пирамидах).

Вот, созвездие Рыбы, греческое имя которого считалось старинными теологами за анаграмму Христа,[1] а еврейское созвучно

[1] ΙΧΘΥΣ (ихтис) — Рыба и, анаграмматически, Иисус Христос Теу Ийос, Сотер, т. е. Иисус Христос Божий Сын, Спаситель. А по-еврейски слово Рыба — НОН (נון) путем перехода НОН — НОУН — НАВИН, привела к Иисусу Навину, причем Навин значит пророк, от НАВА (נבה) — пророчествовать.

со словом «пророк». В нем была (до первого века нашей эры), точка весеннего равноденствия, а в средние века при Солнце в нем совершалась Пасха. Соответственно ему мы видим восьмого из богославских царей Ахаза, т. е. Господина или Владельца. В отличие от евангельских сказаний, он здесь совращался часто к богоборческой ереси и даже «переставил жертвенник господня храма» (точку весеннего равноденствия путем прецессионной поправки).

Вот, Овен — астрологический дом Предвиденья — апокалиптический Агнец, заколотый в жертву за грехи мира, символ Иисуса, «воскресшего после лунного затмения на третий день после своей смерти». А против него — девятый богославный царь Езекия, имя которого значит Божья Сила (Хзк-ие). Он, как только-что мы видели, был смертельно болен, но взмолился, как Иисус на кресте, и бог поднял его со смертного одра, тоже при небесном знамении, причем даже солнечная тень, будто бы, сдвинулась на 10 градусов против междузвездного движения планет. Но эта отступающая тут тень, — как мы только-что видели, — означает отступление точки весеннего равноденствия.

И вот, еще характерная черта этого же Езекии-Овна, греческого «Воскресшего» (Анастасия), символа Иисуса. Он разбил Медного Змея, сделанного Моисеем по повелению бога, которому поклонялись до тех пор, как символу полюса Эклиптики, он отменил поклонение «Высотам» (пирамидам), уничтожил поклонение Астарте, т. е. Звезде, может быть Колосу Девы, который перестал уже указывать своим гелиакическим восходом наступление осеннего равноденствия.

Вот, Телец — астрологический «дом богатств» и соответственно с ним царь Манасия, по-еврейски — Мншие, что значит Превознесенный. И это значение его имени вполне соответствует тому, что Телец считался первоначально первым знаком Зодиака, а затем, благодаря прецессии, первенство перешло к Овну. В книге Царей говорится об этом Превознесенном царе так:

«Он снова восстановил Высоты (т. е. пирамиды) поставил жертвенники Владыке и Астарте и всем небесным светилам в обоих дворцах Дома Громовержца (на северном и южном небе). Он пролил много невинной крови» (II Царств, XXI), и это выражается в фигуре Тельца, нападающем на Ориона. Исторически он соответствует Юстиниану.

Вот, Близнецы — астрологический дом Братства, а в более ранней характеристике это — шумливая парочка, смеющаяся, махая руками, над Орионом и над отрезанным задом своего соседа Тельца, и, в соответствии с нею, мы видим богославского царя Амона, имя которого значит «народный» или просто «они». И этот царь не ходил, как и Близнецы, по заповедям Громовержца и поклонялся кумирам. Больше ничего не сказано о его характере.

Вот, наконец, и последний знак Зодиака по августовскому началу года — Рак, в среде которого помещались Ясли, где по евангелию родился, будто бы, Христос. Это — астрологический «дом родства» — созвездие самого палящего времени года — июля и, в

соответствии с ним, царь Иосия, имя которого, очевидно, переделано из Иос-Ия (еврейского Иаш-иеу), что значит: Огнь божий. Созвездие Рака и Яслей — самое верхнее из зодиакальных созвездий. В него, конечно, не мог быть помещен нечестивый царь, и, действительно, Иосия делал всегда приятное в глазах Громовержца. Он приказал починить дом Божий, но к ужасу его, при перестройке в нем найдена была «Книга Закона» с грозными предвещаниями. Ее нашел священник Удел Громовержца (Хлк-ие), а прочел царю ее содержание писец-испанец.[1] Царь разодрал свои одежды от горя, но бог через пророчицу Гелду сказал ему:

«— За то, что ты смирился передо мною, узнав, что жители твоего города будут предметом ужаса и проклятия, не увидят твои глаза этого бедствия (XXII, 26)».

И ради него Громовержец даже отложил гибель богославцев.

Иосия, как и евангельский Иисус, отставил священников, кадивших солнцу, луне и всем светилам небесным (II, 35). Он отменил крещение огнем, через которое сам был проведен, восстановил празднование пасхи, которая, будто бы, не праздновалась богославцами несколько сот лет, начиная от времени «Судей» (XXIII, 22) *(т. е. на деле он и установил принесение в жертву овнов на пасхе).*

Царь «Огнь божий», по нашим сопоставлениям соответствует ромейскому царю Гераклию, при котором произошла метеоритная катастрофа на Красном море, положившая начало агарянству и «эре бегства» (622 год нашей эры), причем Египет и Сирия отделились от остальной Ромеи (табл. XXIII, на стр. 376).

Так окончился наш зодиакальный обзор, а вместе с ним и богославское царство.

Неужели все это «случайные совпадения»?

Конечно, нет. Это попытка насильственно подвести ромейскую историю под астрологию, и она была неизбежна. Ведь, если по будущим движениям планет можно было предсказывать будущее, то по прошлым их движениям можно было восстановить и прошлое. Но в прошлом у ромеев VII или VIII века были уже некоторые и династические и планетные записи. Как было согласовать обе друг с другом? Конечно, только путем исторических натяжек, так как оба ряда событий не имеют никакой связи между собою. И это было сделано в библейской книге Цари, которая таким образом не имеет, кроме нескольких пунктов, никакого исторического значения.

Сюжет и основа в ней взяты из Ромейской истории IV — VII веков, но они обработаны не исторически, а астрологически.

Даже и дополнительные богославские «цари пленения» в ней уже астрализированы и являются зодиакальным продолжением предшествовавшего ряда.

---

[1] שפן или השפן (ШПН или Е-ШПН), т. е. испанец, так как Испания по-еврейски — שפניא (ШПНИА), немецкое — Spanien.

Иоахаз — Собственность Громовержца, опять астрологически налегает на созвездие Льва.

Иоаким — Стойкий Грядущего — на заместившего Деву Волопаса.

Иехония — Оправдание Грядущего — на Весы, как символ небесного Суда.

Седекия — Праведник Грядущего — на Змиедержца — созвездие воскресшего Великого царя Мессии, тогда как Овен есть символ его же до «воскресения».

И здесь астрологическая символистика богославской части Великой Ромеи, т. е. по обычной терминологии Восточной Римской Империи, выдержана довольно удовлетворительно.

Посмотрим же теперь и на то, поскольку библейская характеристика совпадает с тем, что говорят латинские (и под другими именами греческие) авторы о западной (богоборческой) части Великой Латино-Эллино-Сирийско-Египетской империи Диоклетиана.

ГЛАВА XV

БОГОБОРЧЕСКОЕ (ПО-ЕВРЕЙСКИ ИЗРАИЛЬСКОЕ) ЦАРСТВО, КАК АСТРОЛОГИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ РОМЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ ОТ КОНЦА III ПО VII ВЕК НАШЕЙ ЭРЫ, С УКЛОНОМ К ЛАТИНСКОЙ ЧАСТИ

> Хотя для нас труднее и непривычнее изучать сущность предметов путем наблюдения их самих, а не читая книги, написанные о них другими, и принимая на веру знания прежних ученых философов, однако следует признать, что первый путь надежнее и шире.
>
> *(Вильям Гарвей, 1653 г.)*

Мы только что видели, как цари «избранного народа божия» наполовину списаны с созвездий Зодиака, или во всяком случае, тенденциозно пародируют их, что и было неизбежно в период господства астрологии. Ведь, вот, из рисунка 99 на стр. 332 наглядно видно, что даже и члены человеческого тела подводились под влияние знаков зодиака. Однако, целый ряд деталей показывает нам, что не все в жизнеописании библейских царей «астрально», а есть кое-что и земное.

Но прежде чем перейти к земному, скажем еще несколько слов о небесном, так как в данном случае понять земное без знания небесного невозможно. Не даром речь идет о «народе божием».

Припомним еще раз библейскую сказку о «допотопных патриархах». Я уже указывал, что все они астрального происхождения, соответствуют семи древним ходячим светилам и живут в таком виде и до сих пор на небе. А между тем — как детально

23 Зак. 66

ТАБЛ ЦА XX

Параллелизм времен царствования всего ряда последовательных богоборческих (по еврейски — израильских) царей со всем рядом «римских» царей по западно-римскому (ит ьянскому) счету

Число лет царствования
50 45 40 35 30 25 20 15 10 5

Число лет царствования.
5 10 15 20 25 30 35 40 45 50

Богоборческое царство	Латино-Эллино-Сирийско-Египетская империя
Начало царства богоборческого	Начало теократии в Латино - Эллино - Сирийско - Египетской империи.
Иеровоам I, „основатель иконопоклонской ереси." — 22 г.	25 л. Константин I, после низвержения максенция
Надав 2 г.	2 г. Константин II (337 - 339)
Васа 24 г.	24 г Констанций II (339 - 361)
Ила (Элий) 2 г.	2 г. Юлиан (Юлий) 361 - 363)
Замрий (Несколько дне	(Несколько дней) Иовиан (363)
Тавний - Амрий 12 л.	12 л. Валентиниан (363 - 375)
Ахав и при нем пророк Илья 22 г.	15 л. Валент (363 - 378) и при нем Иисус Христос (333 - 368)
Распят Иисуса 68 г.	
Ахазия 2 г.	4 г. Грациан (378 - 383)?
Иорам Богоборческий 12 л.	17 л. Валентиниан II (375 - 392)
Захват власти Иеговой (Иичем) 28 л.	25 л. Захват власти Иоанном Златоустом (378 - 402)
Ахазия - Иоахаз 17 л.	17 л. Феодосий Великий (378 - 395)
Появление покалипсиса г.	
Иоас 16 л.	13 л. Аркадий (395 - 408)
Иеровоам II. 41 г.	28 л. Гонорий (395 - 423).
Солнечное затмение Амо 19 июля 418 года.	
Захария 6 мес.	7 мес. Константин III, соправитель Гонория.
Сохом 1 мес	1 мес. Иоанн (423).
Междуцарствие 21 г.	21 г. Опека Аэция и Плацидии над Валентинианом (423 - 444)
Библей ема пророков	
Менаим (после междуцарствия) 10 л.	11 л. Валентиниан III (после опеки, 444 - 455).
Приходил царь - Боб из земли Тельца	Приходил Атилла (и комета Галлея из созв. Тельца) 451 г.
Факия 2 г.	1 г. Петроний - Максим (455)
Приходил Чудище - Переселенец (Тиглат - Паласр). Факх 20 г.	16 л Рецимер. - Приходил Гензерих (и началось переселение народов)
„Анархия" 8 л.	3 г. Страшное извержение Везувия (472 г.) и три года анархии (472 - 475)
Осия до пленения Салма - Насаром (Отнявшим Мир) 1 г.	1 г. Ромул - Августул до пленения Одоакром (475 г.)

Конец независимого ествования обоих царств.

обозначено в Библии и самое время их жизни: с точностью до одного года! Хронология этих «допотопных патриархов» из V главы Книги «Бытие» охватывает 1556 лет (табл. XXI):

ТАБЛИЦА XXI.

Допотопные патриархи-планеты по V главе «Бытія».

Патриархи Имена	Время жизни		
	До рождения сына	После того	Всего
Адам *(Земля)*	130	800	930
Сиф *(Солнце)*	105	807	912
Енос *(Луна)*	90	815	905
Кайнан *(Марс)*	70	840	910
Малелеил *(Меркурий)*	65	830	895
Иаред *(Юпитер)*	162	800	962
Енох *(Венера)*	65	300	365
Мафусаил *(Сатурн)*	187	782	969
Ламех *(?)*	182	595	777
Ной	500	450	950
Сумма	1556	7019	8575

А до потопа, по словам Библии, прошло еще ровно 100 лет. Потоп был «на 600 году жизни Ноя».

Тут умышленно составлена тройная запись, и она показывает без слов, какое важное значение придавал автор своим цифрам. Для того, чтобы, в случае ошибки переписчика, была полная возможность восстановить действительное число лет, все здесь расчленено на три части, и из них составлены три колонки, связанные друг с другом как две части с целым. Но тут обнаруживается и наивность составителя, не сообразившего, что в случае порчи одной из этих цифр обнаружится лишь несогласие суммы с ее слагаемыми, но никак нельзя будет решить, которое из слагаемых попорчено, не имея под рукой другого списка, где все было бы сохранено верно.

А кроме того, тут же видна и еще «более наивная» наивность: автор, как я уже указывал и ранее, не сообразил, что среднее из всех лет до рождения сына-первенца (в колонке первой) должно быть близко к возрасту их половой зрелости, которой, как отсюда выходит, они достигали только около 155 лет от своего рождения!

Мы видим, что из всех этих чисел только у отца наук Еноха (что значит просто — *ученый*), символизируемого Венерой, обращающейся каждый год вместе с солнцем, дано время жизни, численно согласное с временем среднего геоцентрического обхода звездного неба его астральным представителем — Солнцем — в 365

дней. Для остальных же планет мы можем установить только их порядок по годам, прошедшим до рождения их первенцев:

Малелеил — Меркурий Енох — Венера	65 лет
Каинан — Марс	70 »
Енос — Луна	90 »
Сиф — Солнце	105 »
Иаред — Юпитер	162 года
Мафусаил — Сатурн	187 лет

Мы видим, что Меркурий и Венера, как особая парочка, появляющаяся только по утрам и вечерам, характеризованы одинаковыми числами, Луна дана перед Солнцем, Юпитер перед Сатурном, как и быть должно, а Марс (по древней греческой мифологии) попал в близость к Венере.

Что же касается до способа выработки этих чисел, то до сих пор я не мог его угадать. Это не гороскопы, показывающие под видом лет жизни положение планет по градусам окружности или дням солнечного пути, так как по первой колонке выходит фантастическая возможность удаления Меркурия на 40° от Солнца, что, конечно, невозможно. Это и не числа имен соответствующих им библейских патриархов, как сделано в Апокалипсисе для «звериного числа» 666, потому что при таком подсчете по числовому значению букв в еврейской азбуке числа имени выходят для Сифа 700 и для Еноха 564, совершенно различные от данных здесь.

А для других патриархов и на других языках я их не вычислял вследствие необходимости оставить себе время для более важных работ, тем более, что теперь едва ли найдется хоть один человек, придающий указанным в книге Бытия числам значение исторических дат.

Другое дело с историей «избранного народа божия», приютившегося, будто бы, на пустынных прибрежьях Мертвого моря и впадающей в него речки Шериат-Эль-Кебире, называемой христианами Иорданом. Даже и теперь, через семь лет после выхода первого тома этого моего исследования, где я доказал, что ничего подобного там не могло быть по геофизическим, метеорологическим, топографическим и почвенным причинам, не перевелись еще люди, считающие историю «избранного народа божия» за реальную. И вот, мне с горечью в душе вновь приходится возвратиться к этому предмету и доказывать еще более обстоятельно, что вся хронология библейских царей списана с хронологии царей ромейских, а события или взяты из астрологии, или же представляют собою легендаризированное изложение действительных важнейших событий Ромейской истории от Диоклетиана до Гераклия, при котором Египет и Западная Азия перешли к агарянству.

Повторю сначала вкратце то, что я уже говорил семь лет тому назад — в первой книге «Христа».

Мои Шлиссельбургские астрономические вычисления библейских пророчеств «Осилит бог» (Иезеки-Ил), «Помнит Громовержец» (Иерем-Ия) и «Грядущая Свобода» (Иса-Ия) единогласно показали, что небесные явления, описанные в них, имели место уже в средине V века нашей эры, когда Всемирная Римская империя Константина I, естественно разделявшаяся на Итальян-

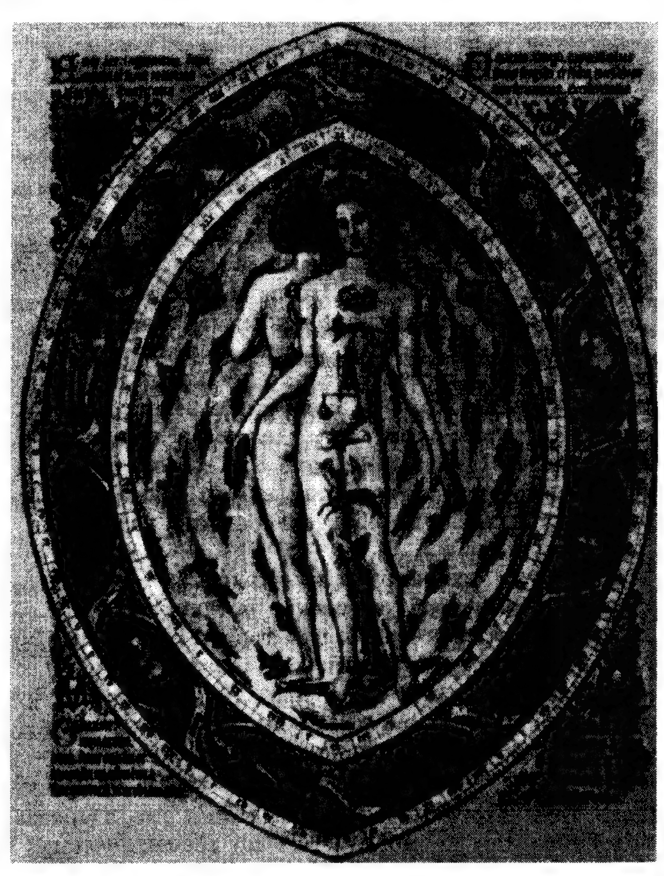

Рис. 99. Зодиак так называемого «Роскошного часослова», «герцога Беррийского». (Из библиотеки в Шантильи: «Le Zodiaque des très riches heurs du duc de Berry».)

ско-Латинскую и Ромейско-Византийскую, все еще поддерживала общность религиозно-культурной эволюции обеих частей, вплоть до второго Никейского собора в 783 году.

Кругом ее были умственно подростающие народы-варвары, каждую минуту готовые на нее нахлынуть, и в конце концов (при Карле Великом в 800 г.) они отделили от нее Западную Европу, где стала возникать своя латинская литература, а на Востоке — греческая, взамен их первой общей еврейской лите-

ратуры, имевшей много сходства с арабскою, какою та была до эпохи Гарун-Аль-Рашида, т. е. до времени того же Карла Великого.

Еще при заточении в Шлиссельбургской крепости это наводило меня на мысль, что богоборческие (израильские) и богославческие (иудаистские) цари и царства, а также и окончательные их судьбы вплоть до агарянства, возникшего около 622 года, — списаны с судеб «Всемирной ромейской империи богопризванного Диоклетиана». Только хронологическая датировка событий того периода была перенесена по шкале веков приблизительно на 1300 лет назад, да и сама империя была почему-то географически пересажена на крошечный клочок земли в окрестности захолустного турецкого городка Эль-Кудса, у берегов Мертвого озера, а все ее жители были «уплотнены» тут подобно сорока тысячам ангелов, которые по вычислениям средневековых теологов могли уместиться, не теснясь и не уменьшая своего роста, на острие иглы.

Однако, натолкнуться на какую-нибудь идею, требующую разработки, еще не значит иметь возможность сейчас же и разрабатывать ее. Так было и у меня в Шлиссельбургской крепости, где я впервые пришел к своему выводу. Затруднение состояло в том, что мне много лет не давали письменных принадлежностей. А после освобождения в конце 1905 года мне приходилось все время заниматься другими делами, и только в самом конце 1920 года я смог систематически приняться за исследование, задуманное мною почти сорок лет назад. И что же вышло? Читатель сам может это видеть из приложенной диаграммы, представляющей сопоставление «израильских» (т. е. богоборческих) царей со всемирно ромейскими от Константина XX до конца Западной Римской империи (табл. XX на странице 329). Сопоставление это еще ранее было дано мною в первом томе, но к моему величайшему изумлению показалось не убедительным некоторым из наших историков-гебраистов.

Я исходил при составлении его из такого соображения.

Для действительно беспристрастного и научно-ценного сравнения необходимо взять за основу какой-либо признак у каждого ромейского и у каждого библейского царя, который поддавался бы объективной оценке. А таким признаком, разумеется, *не может* служить нравственная оценка данного человека, которая более характеризует самого характеризующего и обнаруживает лишь его субъективное отношение к характеризуемому. Вы сами легко подтвердите мои слова, сравнив то, как говорят о вас ваши друзья, и как говорят враги. Особенно же это относится к общественным деятелям древности, попадавшим в круговорот различных религиозных течений: верх совершенства для одного течения был всегда верхом низости — для другого. Не может быть ценным и описание деятельности данного лица: часть событий его жизни всегда может быть тенденциозно замолчена одним автором и тенденциозно выставлена на вид другим, и если два автора стоят на противоположных точках зрения, то даже и

в незамолченной части победа, описанная у одного, может обратиться в поражение у другого, успех в неуспех или, по крайней мере, будет искажено до неузнаваемости то или другое в его деятельности.

Единственным объективным фактом, прекрасно поддающимся числовой оценке и редко дающим повод тенденциозно изменить себя, есть число лет жизни или власти данного царя, которое и отмечалось обыкновенно у древних историков, хотя и тут, как мы уже видели, различные каббалистические соображения или подбедение под астрологические тенденции могли приводить авторов к некоторому нивеллированию счета или к введению (для оправдания своих тенденциозных требований) вставных, небывалых царей с ничтожным временем царствования, или к исключению действительно существовавших. Кроме того, и самое начало царствования тогдашний хроникер во многих случаях не мог точно определить. В то время не было еще торжественных вступлений на престол и коронований, и часто заболевший или одряхлевший отец передавал еще при жизни свою власть сыну. С какого времени приходится начинать тут счет лет? Вот, например, хоть Константин I (которого кроме этого имени греки и латины звали и Гаем, и Флавием, и Валерием). В 306 году войска провозгласили его Августом, т. е. по-русски — августейшим, но до 312 года его власть не признавал его соправитель Максенций, а до 323 Лициний, и только с этого года он стал единодержавен. А умер он, говорят историки, 22 мая 337 года в Никомидии. От провозглашения августейшим до этого времени он царствовал около 24 лет, а от своего единодержавия только 12. Современные историки считают ему 24 года по солнечному времени. Ну, а как считать, если год, употребленный автором, был лунный, состоящий, как даже и теперь у агарян, из 12 лунных месяцев, а время царствования, кроме того, выражалось, как всегда имеем в библейской книге Цари, полным числом лет без дробных прибавок или недочетов? В таких случаях ошибка от остатков начального и конечного счета у двух авторов, из которых один их прибавил, а другой отбросил, легко может достигать двух лет. Все это также необходимо принять во внимание.

Кроме того, приступая к сравнению общеромейских императоров с библейскими царями, я в первое время находился в затруднении, как поступить в тех случаях, когда по смерти отца являлось два соправителя, из которых только один потом побеждал и умерщвлял другого и делался единодержавным, а в библейском рассказе все цари подведены каким-то редактором под одну схему стереотипным окончанием: «и почил такой-то, и погребен с отцами своими, и воцарился такой-то вместо него».

Чтоб не делать произвольных выемок, способных дать повод для обвинения меня в тенденциозном подборе, я решил в последовательном порядке считать всех ромейских императоров без исключения, чтобы посмотреть, какие из них сами выпадут при последовательном сопоставлении их с библейскими царями, царствовавшими такое же число лет. И что же оказалось? Не выпало почти ни одного соправителя. Все обнаружились налицо в библейском рассказе, и в большинстве случаев с тем же самым числом лет.

Для наглядности я сделал это сопоставление на диаграмме (табл. XX, стр. 329). На ней все последовательные ромейские цари поставлены, так сказать, в одну колонку, а годы их царствования изображены по горизонтальной шкале в виде, так сказать, их роста в лежачем положении, начиная от осевой линии. У Константина I этот лежачий рост вышел в 24 года, а у его преемника Константина II только в 2 года. У пережившего его соправителя Констанция рост вышел тоже в 24 года, у его преемника Юлиана в 2, и у следующего за ним Иовиана лишь в несколько дней: он, говорят, не успел даже дойти до своей столицы и т. д.

Точно так же выставил я в один вертикальный ряд и всех последовательных богоборческих (израелитских) царей, начиная от первого из них Иеровоама, но только для ясности сопоставил их в симметричном виде с первыми, т. е. отсчитывая годы их царствования не слева направо, а справа налево (по «прямому счету» Библии) в том же масштабе. И что же вышло? Поверните боком мою диаграмму, и весь последовательный ряд библейских царей окажется у вас внизу, а византийско-римских — наверху. Представьте себе затем, что осевая линия таблицы (на стр. 329) есть уровень слегка колышащейся воды в реке, а на берегу стоят группы случайно растущих елей, с острыми вершинами как на верхней линии, и скажите сами: не представляют ли острия нижней линии их зеркального отражения?

Решится ли здесь хоть один действительно образованный человек сказать, что это — случайное совпадение? И если кто-нибудь, считающий себя образованным, это скажет, то я ему отвечу: возьмите произвольный ряд последовательных русских, французских, немецких, английских, или каких вам угодно царей и королей, поставьте их в такой же последовательный ряд против взятых мною ромейско-византийских, и вы сами увидите, что никакой симметрии у вас не окажется.

Вопрос о тожестве библейских и ромейских царей может считаться теперь твердо и окончательно решенным одною этою диаграммою.

Отдельные случайные отступления доказывают здесь лишь одно: при составлении кем-то библейской книги «Цари» по хронологическому списку византийско-римских императоров, события их жизни прежде всего подводились под небесную символистику, потому что книгу эту составлял астролог. Основное положение астрологии заключается в том, что судьбы «избранного народа божия» и жизнь всех его последовательных царей знаменовались на небе движением планет по созвездиям Зодиака, а также появлением комет и других небесных знамений (вроде солнечных и лунных затмений). Изучив комбинации небесных светил, можно, — говорила древняя астрология, — не только пред-

сказать все грядущие события в жизни народов, но, идя вспять, восстановить и прошлые их события, не имея никаких летописей. Типический образчик такой попытки и представляет собою, как это мы уже видели в предшествовавшем изложении, библейская книга «Цари». Она не есть злостный предумышленный подлог и обман. Ее автор вовсе не думал что-нибудь апокрифировать или злоумышленно перенести события в чужую местность. Он просто сопоставлял византийско-римских царей со знаками Зодиака, прослеживая их историю вспять, стараясь отмечать в астральных символах каждое крупное событие. Каждый последовательный ромейско-византийский царь подводился им под последовательный знак Зодиака, и ему давалось прозвище на том специфическом жаргоне арабского языка, который мы называем еврейским языком, и который никогда не существовал, как обычный язык какого-либо народа.

Еврейский язык, подобно латинскому, не «мертвый» язык уже по одному тому, что, как и последний, он никогда не был живым, т. е. разговорным в какой-нибудь стране. Оба эти языка были то же, что и современный язык польских евреев, представляющий собою лишь специфический жаргон немецкого языка. Латинский язык был в Эпоху Возрождения простым жаргоном итальянского языка, и на этом жаргоне объяснялась и писала международная интеллигенция западной Европы. А еврейский язык был простым жаргоном арабского языка, на котором предшествовавшая Эпохе Возрождения международная интеллигенция Египта, Западной Азии, Балканского и Южной части Аппенинского полуострова и находящихся под их влиянием Испании и Марокко, писала и сносилась между собою в промежуток от IV до VIII века нашей эры. На этом-то интеллигентском «жаргоне» древности и были написаны большинство библейских книг подобно тому, как в следующий период большинство книг писались «по-латыни» хотя авторами и были главным образом германцы и ромеи, исказившие старо-итальянский язык не хуже, чем современные польские и галицийские евреи — немецкий. А первая международная интеллигенция IV — VIII веков во «Всемирной Римской империи», называвшаяся избранным народом бога, исказила на столько же язык арабско-египетский.

Авторы библейских книг не думали никого обманывать или мистифицировать; они писали для себя и для своего круга. Но стремление выражаться аллегориями и изображать предметы особыми значками (вроде астрологических обозначений планет и созвездий, оставшимися и до сих пор в наших календарях, или, еще более в алхимической символистике), привело к тому, что последующие читатели, найдя после смерти автора такую книгу, совершенно сбивались с толку и, стремясь своим еще слабым интеллектом разобраться в ней, приходили к таким выводам, что современный читатель становится совсем в тупик.

Наш астрономический метод исследования пророческих книг, поставил на свое место время «избранного народа божия», описанного в книге «Цари». Это конец третьего, весь четвертый, весь пятый, весь шестой и начало седьмого веков нашей эры. Статистическое же сравнение лет царствования показало, что цари «народа, избранного из всех народов», были цари тогдашней культурной Ромейской империи. Но они тут перечислены разноязычными средневековыми авторами не под современными их именами (таких, ведь, и не было в древности, до появления «метрических книг»), а под прозвищами, специально данными им по их личным качествам, или по круговороту зодиакальных созвездий, под который их насильно подводили, или, наконец, по каким-нибудь созвучиям и каббалистическим соображениям.

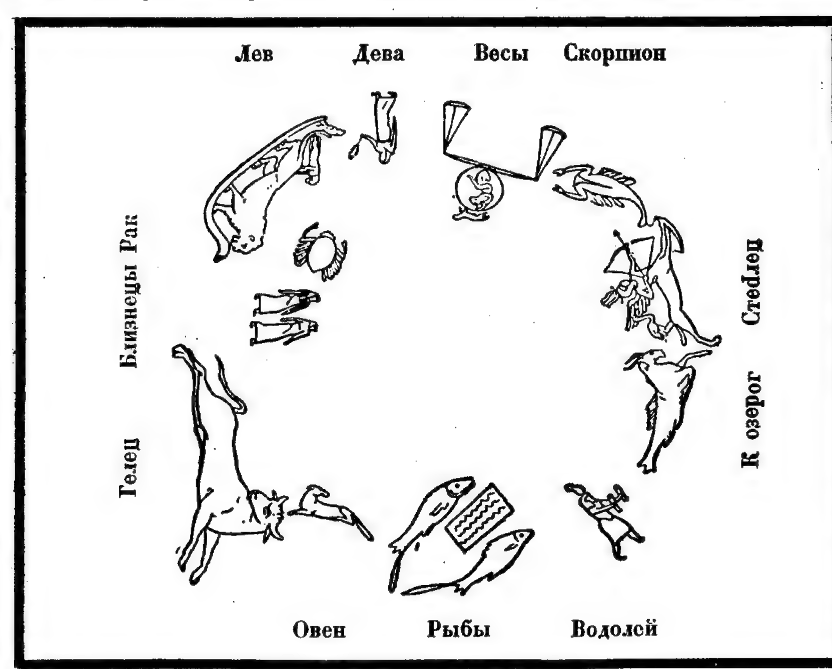

Рис. 100. Зодиакальные созвездия Дендерского Зодиака.

Проследим же теперь и некоторые детали их жизни, пользуясь нашей диаграммой (стр. 329) как картой, и рисунком 100, как руководителем по небу. И пусть читатель, уже убедившийся моими прежними доводами в том, что библейские «Цари» списаны с царей ромейских, не сердится на меня за то, что я варьирую свои доказательства на тысячи ладов и несколько раз на протяжении этих семи томов возвращаюсь к тому же предмету. Ведь, даже и до сих пор есть люди, называющие все это моими «догадками», и мне необходимо употребить здесь весь свой арсенал.

Исключим пока трех общих с богославцами царей: Саула (Ад), Давида (Пыл Любви) и Соломона (Миротворца), мудрейшего из всех людей, причем для курьеза отметим, что от еврейского имени этого же мудреца Соломона (Шелома, по транскрип-

ции — Шлме) произошло и русское слово шельма, и немецкое der Schelm).

Прежде всего отметим, что в «Царстве Богоборцев» было двенадцать колен, соответствующих 12 знакам Зодиака; следовательно, тут прямо замешана астрология. Если она, как можно ожидать, применена и далее, то каждому царю должен соответствовать свой знак зодиака, как небесный символ. Тогда первый из богоборческих царей Заступник народа — Иеровоам, он же Стойкий (Константин I) — должен символизироваться созвездием Овна, домом Марса, а его месяцем должен быть первый месяц древнего года — март, когда Овен сгорает в огне зари, как вечерняя жертва. Сопоставив всю последовательность дальнейших римских царей нашей диаграммы с последовательностью месяцев и знаков зодиака, мы через 12 царей приходим снова к тому же прозвищу «Иеровоам II», т. е. Заступник народа, а через 12 знаков Зодиака и 12 месяцев мы снова приходили к Овну и к месяцу марту. Мы видим, что опять «Заступник народа» налег на Овна (см. таблицу XXII). А в греческом произношении Иеро-Боам, кроме того, значит «священный клич»,[1] да и сам Овен был священным созвездием, и «Заступником народа».

Неужели и это «простая случайность»? Уж слишком их тут много, и еще больше увидим мы далее.

Библейская характеристика первого царя богоборцев — Заступника народа[2] — правда, астрологически не вполне соответствует характеристике Овна, что и неизбежно при насильственном подведении земных событий под небесные. Его дела скорее напоминают свойства планеты Марса, избравшей Овна своим «ночным домом». А исторически его деятельность подходит вполне к жизни соответствующего ему ромейского царя Константина I с библейской точки зрения.

«Он — говорит книга «Цари», — всю жизнь воевал с богославцами, отстранил от богослужения их левитов и назначил вместо них «священников высот» (пирамид, причем начертание ВМЕ обозначает по-еврейски, насколько его смогли установить гебраисты, и часовню на возвышенности, и просто надгробный курган). Все это соответствует мессианской характеристике Константина I, которому приписывают водворение христианства в Великой Ромее, при его борьбе с Лицинием.

Второй царь «богоборцев» — Надав, преемник Иеровоама (соответствующий созвездию Тельца и месяцу апрелю),—носит имя, которое значит по своему корню Щедрый и соответствует астрологической характеристике этого созвездия — «дом удачи». Исторически он налегает на Константина II, царствовавшего, как и Надав, только два года (диагр. XX, стр. 329). О нем говорится в Библии лишь несколько строк: он держался вероучения Иеровоама и был убит своим преемником, заговорщиком Васой, исторически

---

[1] 'Ιερο-βόαμα — священный крик, от βοάω — кричу.

[2] ירב־עם (ирб-эм) — заступник народа.

ТАБЛИЦА XXII.

Налегание библейских богоборческих царей на богоборческих же «небесных царей» (т. е. созвездий Зодиака, геоцентрически идущих против Солнца)

Небесные богоборческие цари	Земные богоборческие цари	Время их погружения в огонь вечерней зари
Овен (Дом Марса)	Иеровоам I *(Константин I)* (Заступник народа)	Март (месяц Марса)
Телец (Дом Венеры)	Надав *(Константин II)* (Щедрый)	Апрель (месяц Венеры)
Близнецы (Дом Меркурия)	Васа *(Василий)* (Базис)	Май (месяц Меркурия)
Рак (Дом Луны)	Ила *(Юлиан)* (Бог, или Солнце)	Июнь (месяц Луны-Юноны)
Лев (Дом Солнца)	Замрий *(Иовиан)* (Восхвалитель	Июль (месяц Солнца-Элия)
Дева (Дом Меркурия)	Амрий *(Валентиниан)* (Умбриец)	Август (месяц Меркурия)
Весы (Дом Венеры)	Ахаб *(Валент)* (Брат отца и при нем пророк Илия).	Сентябрь (месяц Венеры)
Скорпион и Змиедержец (Дом Марса)	Ахазия *(Грациан)* (Владелец Божий)	Октябрь (месяц Марса)
Стрелец (Дом Юпитера)	Иорам *(Валентиниан II)* (Стрелец Божий)	Ноябрь (месяц Юпитера)
Козерог (Дом Сатурна)	Иеуи *(Иоанн Златоуст)* (Божественный)	Декабрь (месяц Сатурна)
Водолей (Дом Сатурна)	Иоахаз *(Феодосий)* (Божий Владелец)	Январь (месяц Сатурна)
Рыбы (Дом Юпитера)	Иоас *(Аркадий)* (Огнь божий)	Февраль (месяц Юпитера)
Овен (Дом Марса)	Иеровоам II *(Гонорий)* (Заступник народа)	Март (месяц Марса)
Телец (Дом Венеры)	Захария *(Константин III)* (Божья память)	Апрель (месяц Венеры)
Близнецы (Дом Меркурия)	Солом *(Иоанн)* (Мирный)	Май (месяц Меркурия)
Рак (Дом Луны)	Менаим *(Валентиниан III)* (Дар народа)	Июнь (месяц Луны)
Лев (Дом Солнца)	Факия *(Петроний)* (Богозоркий)	Июль (месяц Солнца)
Дева (Дом Меркурия)	Факх *(Рецимер)* (Зоркий)	Август (месяц Меркурия)
Весы (Дом Венеры)	Осия *(Ромул Августул)* (Спаситель)	Сентябрь (месяц Венеры)
Скорпион (Дом Марса)	Салманасар *(Одоакр)* (Отнявший мир)	Октябрь (Месяц Марса)

На Салманасаре прерывается «второй цикл» катастрофой богоборческого царства. Салманасар— это Одоакр, низвергнувший Осию, т. е. Ромула Августула около 496 года нашей эры.

По этой схеме из трех до-Иеровоамовых царей Саул-Ад приходится на самое подземное зодиакальное созвездие Козерога, соответствующее Декабрю; Давид-Пыл любви — Водолею, заходящему в январе, и Соломон-Миротворец — Рыбам, символизирующим Христа.

*

соответствующим его брату и преемнику Констанцию II, а астрологически созвездию Близнецов, о которых под именами братьев Левия и Симеона говорится в книге Бытия: «в гневе своем они убили мужа *(Ориона — Арианина)*, перерезали жилы *Тельца* (Бытие, XLIX, 5)».

Третий царь псевдо-богоборцев Васа (ВЭШЕ), царствовавший 24 года, как и Констанций II (диагр, стр. 329), астрологически налегает по своему порядку, как я уже сказал, на созвездие Близнецов. Однако, его едва ли можно вполне отожествить с Констанцием II (339 — 361), а скорее с современником его Василием Великим (329 — 379). Его еврейская кличка Васа значит, по толкованию теологов, «в созидании», т. е. создатель, но так как трудно допустить подобное имя, то я скорее склонен считать его за ассимилирование греческого имени Василий (т. е. пьедестал солнца) по верховному положению его созвездия в зодиакальном круге. Он придерживался, как и все прочие богоборческие цари, того же Иеровоамова вероисповедания и боролся, — говорят нам, — с богославцами всю жизнь. «Он истребил, — говорит книга «Цари», — все потомство «Заступника народа», как и Констанций II всех своих родственников, напоминая этим евангельского царя-Героя (Ирода — по-гречески), и выбрал своей столицей «Тирцу». Имя ее напоминает о первоисточнике современного названия Турции, и действительно Констанций с 335 года все время жил в азиатских провинциях и воевал с персидскими «тюрками» (Сапором II). Больше ничего не сказано о нем в Библии (I Ц., XV, 28).

Четвертый псевдо-богоборческий царь — Элий (Ила), астрально соответствует месяцу июню и созвездию Рака. Он носит громкое имя Бог (АЛЕ), или Солнце, или просто Юлий и соответствует в историческом порядке преемнику Констанция, Юлиану-Философу, царствовавшему тоже только два года (диагр. XX). Несмотря на свои выдающиеся качества, как друг ученых и писателей и выдающийся администратор и полководец, Юлиан не популярен среди теологов, а потому и в Библии он проходит как тень. О нем ничего не сказано, кроме имени, да еще того, что через два года он был убит начальником своих колесниц. Это астрально соответствует обилию гроз в июньское время года, а исторически тому, что Юлиан, по словам историков, был убит не то человеком, не то ангелом.

Пятый псевдо-богоборческий царь Замрий (что по-русски значит Певец гимнов), астрально соответствует месяцу июлю и созвездию Льва. Он умертвил своего предшественника и сел на его место, истребив, как лев добычу, весь род царя Васы, не оставив ему ни одного «мочащегося к стене, ни родственника, ни друга (I Ц., XVI, 11)». Все это аналогично всесожигающему июльскому зною южных стран, убивающему июньскую растительность.

«Когда же он увидел, — продолжает Библия, что его осадили враги *(грозовые тучи июля?)*, он зажег свой дом и погиб в огне

(согласно с периодом июльских гроз, когда солнце бывает в созвездии Льва, или было извержение Везувия).

А исторически этот «Певец гимнов» соответствует императору Иовиану, противнику Юлиана, сопровождавшему его и умершему от ран очень скоро после исчезновения Юлиана в Месопотамии. История не говорит, что именно он убил Юлиана, но невольно вспоминаются тут последние слова Юлия Цезаря, когда на него напали заговорщики: «И ты, Брут!», а ведь Юлий Цезарь во многом списан с Юлиана...

Шестой царь псевдо-богоборцев, носящий кличку «Глава» или скорее Умбриец, т.е. Итальянец (Амри), [1] астрально соответствующий созвездию Девы и месяцу августу, когда созвездие Дева погружается в огонь вечерней зари, перенес (по Библии) столицу из Тирцы в Самарию (т. е. в Сторожевой город), на гору этого имени, чему можно найти астральную аллегорию в том, что солнце в этом созвездии переходит с северного полушария на южное. Но и он, как все богоборческие цари, огорчал бога «поклоняясь изображениям» (II Ц., XVI, 26). Исторически же он налегает на Валентиниана, тоже царствовавшего 12 лет и избравшего своей резиденцией латинскую половину империи. И действительно, Самарией у средневековых раввинов называлась вся вообще европейская часть империи Константина I. Значит, страна Самария была Италия, а «Море Самарийское» — Тиренское море. Что же касается до города Самарии (что значит Сторожевой город), то это был скорее всего Рим.

Седьмой псевдо-богоборческий царь Ахав соответствует месяцу сентябрю и созвездию Весов над Клешней Скорпиона, дневному дому планеты Меркурия, хотя имя его и звучит в переводе довольно странно: Дядя. А исторически (табл. XX на стр. 329) он налегает на Валента (363 — 378). В его биографию умышленно вставлен длинный рассказ о пророке Илии (т.е. пророке Солнце, пророке Элиосе) — одном из многих вариантов евангельского Христа, отожествляющегося также с Великим царем Мессией (Рэ-Мессу Миамуном) иероглифов и с Василием Великим греческих сказаний. Этот рассказ занимает XVII—XIX главы предпоследней книги «Цари» и носит явно-символический характер с намеками на какие-то чрезвычайно важные земные события, происшедшие при земном царе-Дяде, соответствующем созвездию Весов. В нем жизнь пророка Элиоса (Илии), тесно переплетена с жизнью Царя-Дяди и его жены Изабели, [2] имя которой, повидимому, символизирует его церковь.

Но этот Царь-Дядя ни в коем случае не является олицетворением правосудия, символом которого является его созвездие и потому должен быть взят почти целиком из реальной жизни и только пересажен в созвездие Весов в знак того, что при нем совершилось

---

[1] Умбры, или этруски, — жители средней Италии.

[2] (АЙЗБЛ) (איזבל) — вероятно, испорченное הזורבל (Е-ЗУ-БЛ) — блеск господень.

какое-то великое правосудие. И я уже не раз показывал в предшествовавшем изложении, что пророк Илия, имя которого означает по-еврейски бог, а по-гречески Солнце, есть астрализированный евангельский Христос, а Елисей — его ученик и преемник — никто иной, как Иоанн Богослов, он же Златоуст. Хронологически Ахав налегает на Валента, жившего в Царь-Граде во время «гонений на христиан», и, следовательно, вся легенда об Илии говорит о событиях, происходивших в половине IV века, когда жил Великий Царь, с которого списан евангельский Христос. Воображаемым соправительством Валента с Валентинианом объясняется и его прозвище: не царь-отец, а царь-дядя.

Царь-Дядя, по словам легенды, поставил жертвенник Марсу и дубраву Венере, астрологическим домом которой и служит созвездие Весы, тогда как дневным домом Марса является налегающее свою клешню на Весы созвездие Скорпиона. Он более всех других — богоборческих царей раздражал бога-Громовержца, — говорит Библия, — но потом смирился перед ним. За это бог и не навел обещанных им бедствий в его дни. *(Валентиниан дожил до 378 года.)*

Считая, что его биография не обнаруживает соответствия с созвездием Весов и с временем года — сентябрем, я думаю, что на созвездие Весы здесь наложен умышленно не сам царь-Дядя, а неразрывно связанный с ним пророк Илия-Солнце (вариант евангельского Христа). Я склонен видеть в Царе-Дяде (Ахаве) только приложение к этому теократическому соправителю. Что же касается остальных деятелей, живших, будто бы, в царствование библейского царя Ахава и его жены Изабели (по-гречески — Иезабели) — персонификации тогдашней церкви, то они так поразительно совпадают с моими вычислениями времени столбования евангельского «Христа» (или того, кто дал повод к мифу о Христе), что их одних было бы достаточно для отожествления Ахава с евангельским Иродом-Четвертовластником — с одной стороны, и с Грацианом или с его восточным соправителем Валентом — с другой, в зависимости от того, будем ли мы считать в этом случае Священным Городом Мира, в котором основал свою церковь «Спаситель мира», Рим или Царь-Град (но никак не Эль-Кудс).

Восьмой псевдо-богоборческий царь, носящий кличку Владелец Божий (Ахазия) астрологически налегает на дневной дом планеты Марса — созвездие Скорпиона, сгорающее, как вечерняя жертва, в огне зари в ноябре месяце, и на Змиедержца, попирающего Скорпиона своею ногою (через которую тоже проходят планеты, как через вставное трипадцатое зодикальное созвездие). По нашей диаграмме на стр. 329 он налегает на Грациана (378—383), и потому все события, которые приписаны в Библии его царствованию, надо отнести к числу легенд о том же времени.

Но эти легенды — увы! — не из жизни людей! Посудите сами: «Он (т. е. Владелец Божий), — говорит книга «Цари», — упал через решетку *(координатную сеть?)* своего терема *(неба? в виде*

метеорита?) и заболел. Поклонник Бэла-Марса *(так как Скорпион есть астрологический дом Марса и соответствует месяцу октябрю)*, он отправил послов спросить Владыку Небесного Круга *(Бэл-Збула, по-славянски — Вельзевула)* Скорпионова бога, выздоровеет ли он. Но пророк Илия Солнце *(астрологический дом которого был высоко в созвездии Льва)* вышел навстречу послам со своей горы и сказал:

— «Разве нет своего бога у богоборцев, что вы идете вопрошать Скорпионова бога?[1] За это царь умрет! *(Скорпион считался созвездием смерти)*.

— Каков он видом? — спросил Владелец божий возвратившихся послов.

— Он весь в волосах *(лучах)* и подпоясан по бедрам кожаным поясом *(своей орбитой)*, — отвечали они.

— Это пророк Солнце *(Элиос-Илия)*, — сказал царь. Он послал за ним «ротного командира» *(в символе месяца июля, когда дом Солнца — созвездие Льва — готовится погрузиться в огонь вечерней зари)*, с его ротою *(30 днями)*. Посланник сказал пророку-Солнцу на его высоте:

— Божий Муж! Царь велел тебе спуститься *(и действительно, в июле солнце начинает слабо спускаться по орбите)*.

— Если я Божий Муж, — ответил пророк-Солнце *(Элий-Илия)*, — то пусть сойдет огонь с неба *(вечерняя заря)* и сожжет тебя и твою роту.

И тотчас это произошло *(месяц июль сгорел в огне вечерней зари вместе с созвездием Рака.)* Владелец Божий послал другого ротного командира *(в символе месяца августа, когда созвездие Льва сгорает в огне вечерней зари)*, с таким же отрядом *(дней)*, но и с этими было то же *(и месяц август сгорел в огне вечерней зари вместе с созвездием Льва)*. Царь послал третьего *(в символе месяца сентября, когда солнце действительно спускается в южное полушарие)*. Этот начал умолять пророка-Солнце, говоря:

— Да не будет малоценна моя душа и этих слуг твоих перед тобой!

Тогда Божий Вестник *(в символе кометы в созвездии Девы, где совершается переход всех планет на юг)* сказал пророку-Солнцу, чтобы он пошел, и Илья-Солнце возвестил Царю *(в символе Скорпиона, погружающегося в огонь вечерней зари в октябре)*, что тот не встанет со своей постели. Считая Владельца Божия

---

[1] Это божество в Библии постоянно встречается с такими эпитетами: 1) בעל־אל־ברית (БЭЛ-АЛ-БРИТ) — господь преисподней (Судьи, IX, 4). 2) בעל־פעור (БЭЛ-ПЕУР) — господь зева преисподней, т. е. ада. 3) בעל־זבול (БЭЛ-ЗБУЛ) — господь круговорота (светил), испорченно в בעל־זבוב (БЭЛ-ЗБУБ) — господь - шершень. Все это показывает, что Бэл был Сатурн или Марс. Но домами Сатурна были Козерог и Водолей, а домами Марса — Скорпион (как здесь) и Овен. Кроме того, из легенды о Валааме и его ослице видно, что Сатурн, назывался בלק (БЛК), а Юпитер בל (БЛ), так что для Марса не остается другого выбора среди трех внешних планет, как בעל (БЭЛ).

(Ахазию) за Грациана, жившего между 378 и 383 годами, тогда как пророк Илия, он же Василий Великий по Житиям Святых, умер уже в 379 году, мы видим здесь лишь приблизительное хронологическое соответствие. Только — скажите сами, — что тут реального? Ясно, что это чисто астральный миф, и нам остается только решить, какая комета описана здесь под именем Божьего Вестника. Единственная и притом огромная комета около того времени по летописям Ма-Туан-Лин, найденным в Китае, была комета Галлея, наблюдавшаяся между прочим 25 сентября 373 года. При солнце в Деве она была над Скорпионом в Змиедержце, и ее наблюдали до апреля 374 года. Это немного рано для предсказания смерти Грациана в 383 году, но зато вполне соответствует времени Великого Царя (Василия Великого), умершего, по греческим теологам, в 379 году.

Мы видим, что рассказ здесь сильно осложнился введением в него пророка Солнца-Илии (двойника Иисуса), и кометы, потому что небесные светила не сидят вечно в своем созвездии, как богоборческие зодиакальные цари, а путешествуют по небу. Но то, что действие и тут происходит на небе, хотя и в соотношении с земными событиями, здесь совершенно ясно, несмотря на легкую порчу еврейской транскрипции, переделавшей Марса-Вельзевула в Вельзевува. А прилагательное Тшби к имени Элиоса-Илии по-еврейски созвучно со словом «обратно приходящий», что характеризует и Солнце и евангельского Христа.

Ясно, что тут описывается в Библии эпоха «Великого Царя».

Девятый псевдо-богоборческий царь—Иорам-Богоборческий— астрально соответствует по нашей последовательности месяцу ноябрю и спускающемуся в это время в огонь вечерней зари созвездию Стрельца, дому Юпитера. Еврейское начертание его имени ИЕУ-РМ, как раз и значит Стрелец бога-Громовержца.[1]

По нашей диаграмме он налегает на Грацианова соправителя Валентиниана II (375 — 392). Библия его характеризует тоже, как сторонника Иеровоамового вероисповедания, т. е. богоборчества. Но он дружил с богославцами и вызвал их царя «Владельца Божия» (Ахазию Богославского) итти вместе с ним на войну со «Зрящим бога» (Азаилом), царем Ашура (созвездия Тельца). Там Стрелец Грядущего был ранен на высоте Холма Свидетельства, как это было сказано и о предшественнике его Ахазии Богоборческом (тут явно сбивчивое место), а далее описано лишь его низвержение восставшим на богоборческих царей Иеуем или Иеговой.

Десятый псевдо-богоборческий царь Иеуа *(Иегова по-еврейски, благочестиво искаженный греческими переводчиками в Ииуя)* астрально соответствует Козерогу, бросающемуся на Стрельца, и месяцу январю, когда солнце поворачивает свой путь в северное полушарие неба. Его имя сходно с именем обще-мессианского

[1] От רמה (РМЕ) — метать стрелы и ИУ — сокращение ИЕВЕ.

Отца богов, Иеговы-Юпитера, и отличается от него лишь конечной буквой,[1] а его время приходится на время Валентиниана (375 — 392 г.) и Феодосия I (370 — 392 г.), т. е. на время деятельности автора Апокалипсиса. Но он, как и Иоанн Златоуст, уже не из династии предшествовавших царей и ведет себя как их враг. И самое его имя Иегова, и гневный его ход *(описание которого я даю далее)*, все показывает, что автор рассказа астрально символизирует его не только в виде созвездия Козерога, а и в виде планеты Юпитера, в сопровождении **грозной кометы.** Такая комета и была в 390 году, за 5 лет до выхода Апокалипсиса.

В августе 390 года, когда солнце переходило из Льва в Деву, она по найденным в Китае летописям Ше-Ке и Ма-Туан-Лин, была в Близнецах, а потом прошла между Львом и Девой в Большую Медведицу, причем достигла огромной величины (100 локтей). С такой точки зрения я и привожу здесь легенду о ней и о символизируемом ею человеке по библейской книге «Цари», как образчик замены реальности чистою фантастикою по обычаю суеверного средневекового творчества.

Если б мы взглянули на этот рассказ как на что-нибудь житейское, то вышла бы невообразимая нелепость, а когда мы представим себе, что тут под именем хода Иеговы-Юпитера описано движение этой планеты вместе с кометой и, в связи с положениями других светил в 390 году, то выйдет следующее.

Пророк Бог-Спаситель *(Елисей по-еврейски, опять в символе Элиоса-Солнца)* послал одного из своих юношей-учеников *(планету Меркурия?)* с таким приказанием:

— «Возьми сосуд с маслом *(созвездие Чашу)*, вылей его на голову Юпитера[2] и скажи ему: именем бога-Громовержца помазываю тебя в цари над богоборцами, и убеги (II Ц., IX, 3).

Посланник сделал это, а Юпитер с кометою поехал в крепость, имя которой значит Принадлежащая Богу *(созвездие Девы)*, где был уже раненый *(кометою)* Божий стрелец *(в символе Сатурна)* и куда пришел навестить его также богославский царь Охозия — «Собственник» бога-Громовержца *(в символе Марса)*.

И это вполне соответствует астральности рассказа. Сатурн под именем Божьего Стрельца был в 390 году как раз в Деве, а Марс под именем Божьего Владельца спешил туда же. Он был в сентябре во Льве и присоединился к обеим планетам в Деве в октябре или ноябре 390 года, идя почти по графике 1842 года, приведенной в IV книге «Христа» (стр. 45), когда солнце ушло в Скорпиона.

[1] יהוה (ИЕУЕ), а также и יהוא (ИЕУА) — Ииуй по русской Библии. Это слово значит Существующий и Вечносущий, откуда библейский Иегова, греческий Зевс (Живый) и латинский Юпитер (сокращенное Иеуе-Патер — Вечносущий отец, а в родительном падеже прямо Иевис).

[2] По-еврейски — ИЕУА или ИЕВА, по-латыни, как только-что сказано, Иовис, а сосуд с маслом мог быть созвездием Чаши, восходящей утром над Юпитером, входящим в Деву, причем сияние рассвета лилось на Юпитера, как масло из чаши.

Этот же астрологический смысл сохраняется и далее.

«Страж *(созвездие Волопаса)*, стоящий на башне *(неба)*, сказал Божию Стрельцу *(Сатурну)*:

— «Полчище я вижу! *(Комету и планеты в Деве.)*

— «Возьми всадника *(Месяца)* — сказал Стрелец Грядущего, — и пошли спросить: «С миром ли?»

— Что тебе до мира, — ответил посланцу Иегова-Юпитер, сопровождаемый кометою — Поворачивай за мной!

«Царь послал снова *(Месяц пришел туда вторично)*, но и с ним было то же.

— «Не возвращается и этот, — донес царю страж, — а строй войска, как у Иеговы (Юпитера), потому что он предводительствует необычно.

— «Запрягай! — сказал Стрелец Грядущего *(Сатурн)* и поехал *(в ежесуточном движении неба)* вместе с Владельцем божиим навстречу Иегове-Юпитеру с его кометою, каждый на своей колеснице *(как изображались планеты)*.

— «С миром ли Юпитер?», — спросил Сатурн, когда увидел его на поле Меркурия *(в созвездии Девы, астрологическом доме Меркурия)*, на том самом Винограднике *(звезда Vindemiatrix — Виноградница в созвездии Девы)*, который его дед Ахав отнял у Меркурия[1] по совету своей жены Изабели *(государственной церкви — в символе созвездия Гидры)*,

— «Какой может быть мир при самопродажничестве Изабели, твоей матери, и при множестве ее волхвований? — ответил ему Юпитер.

— «Измена! — крикнул Божий Стрелец *(Сатурн)* и, повернув колесницу *(т. е. сделав попятное движение)*, побежал от него. Но Юпитер натянул лук и поразил его стрелою *(падающею звездою)* между плеч в сердце и сказал своему сановнику, сыну Пронзителя *(Козерога?)*:

«— Брось его на землю *(Сатурн зашел над горизонтом)*.

«Он приехал в Надел-Бога (созвездие Девы), где царица Блеск Господень *(Венера в хвосте Гидры)* смотрела на его проезд из окна *(т. е. из клетки небесных широт и долгот)*, насурмив *(для блеска)* свои глаза и изукрасив *(зарею)* голову.

— «Все ли благополучно, Певец гимнов, убивший своего государя?» — спросила она.

Он поднял голову к окну со словами:

— «Кто там за меня? Кто?

«К нему выглянули два евнуха *(две звездочки?)*.

— «Сбросьте ее! — сказал он.

«Ее сбросили на землю *(Венера в Гидре зашла в огне вечерней зари)*. Он проехал над нею, приехал *(в созвездие Девы)*, напился вина *(вошел в созвездие Чаши в красной полосе зари)* и сказал:

— «Отыщите эту проклятую и похороните, потому что она все-таки царская дочь.

---

[1] По-еврейски НБУТ (נבות) от НБУ (נבו) или НЕБО — Меркурий.

«Но от нее *(т. е. Гидры)* ничего не нашли, кроме головы и конечностей *(в сентябре по утрам видна только голова Гидры, а по вечерам только ее хвост перед закатом; вся средина сгорает в это время в огне зари)*.

«Таково и было предсказание бога-Громовержца через пророка Солнце (Илию), сказавшего: «и будет труп царицы Блеск Господень на участке Меркурия как навоз на поле, так что никто не скажет: «вот царица Блеск Господень» (II Ц., IX, 47).

После этого Юпитер поразил *(мечом кометы)* всех (звезд), оставшихся от дома Царя Дяди в Наделе Бога, всех его вельмож, знакомых и священников.

— Назначьте, — сказал он, — праздничное собрание для поклонников Бела-Марса *(в виде перистых облачков?)*.

«И не осталось ни одного из них, который не пришел бы. Весь дом Марса *(созвездие Девы)* наполнился ими от края до края.

— «Принесите им служебные одежды *(красные утренние оттенки)*, — сказал «Юпитер» хранителю.

«Поклонники Марса приступили к совершению жертв и всесожжений *(созвездие Девы восходит в сентябре из огня вечерней зари)*, а Юпитер сказал своим скороходам и начальникам:

— «Бейте их, чтобы ни один не ушел!

«Их поразили острием меча *(кометы)*, вынесли все изображения *(созвездий)* из дома, сожгли их, разрушили дом Марса и сделали из него поганое место, существующее и до сего дня *(созвездие Гидры?)* (II Ц., X, 27)».

Но несмотря на такое усердие, царь Юпитер «все-таки не отступил от ереси Народозаступника-Иеровоама и от Золотого Тельца в Доме Бога и от того, который в доме Суда (в созвездии» Весов (II Ц., X, 29).

Опять, скажите, что тут реального? При реальном представлении тут все — бессмысленная фантасмагория. Значит, это — чисто астральная вставка. Искать аналога Иегове-Юпитеру среди каких бы то ни было реальных царей было бы праздным делом. Здесь можно задаться только вопросом: навеян ли такой рассказ исключительно ходом кометы 390 года и собранием войска планет около Девы? Или несмотря на чисто беллетристическую форму рассказа, достаточно показывающую, что здесь замешана астрология, в него попали и исторические детали? Повидимому — да. Царица Блеск Господень — Изабель — здесь явно та же самая особа, которая названа этим именем в Апокалипсисе (в 395 году) в послании к Тиатирской церкви.

«Я имею немного против тебя за то, что ты позволяешь царице Блеск Господень *(имя, часто даваемое Иоанном Золотые Уста враждовавшей с ним фракции Византийского духовенства)*, называющей себя провозвестницею, учить и улавливать моих слуг, проституироваться с ними и вкушать посвященное кумирам. Я дал ей время покаяться в своей продажности, но она не покаялась. Вот, я повергну ее на носилки, а проституировавшихся с нею в великую скорбь, если не раскаются в своих поступках.

Детей се поражу смертью *(совсем как здесь сделал Юпитер)* и узнают все, что я — испытывающий сердца и внутренности, и что воздаю каждому из вас по вашим делам (Ап. III, 20—23)».

Кто, откуда это заимствовал? Автор ли Апокалипсиса из второй книги Царств, или — наоборот? Есть разные указания на то, что апокалиптическое описание предшествовало библейскому. В своей книге «Откровение в Грозе и Буре»[1] я показал, что в конце этого места Апокалипсиса было сказано: «Побеждающему *(символизируемому созвездием Геркулеса, истребляющего змей)* я дам власть над змеями, он будет пасти их жезлом железным и разобьет их как глиняную посуду (Ап. III, 26—27)». Переписчики тотчас же переделали греческое начертание слов «дам власть над змеями» (ἐπὶ τῶν ὀφιῶν) в слова «над народами» (ἐπὶ τῶν ἐθνῶν), что казалось им более понятным, так как укрощение змей, конечно, представлялось им праздным делом. С этой невольной переменой Апокалипсис и распространился среди христиан, да и здесь мы видим, что Юпитер-Иегова избивает тоже не змей, а нелюбимых богом людей.

Но если читатель и не убедился такими косвенными доводами в после-апокалиптическом происхождении легенды об Илье, Елисее и «Юпитере» с Ахазом и Изабелью, то все же единство сюжетов и даже название Изабель служит достаточным признаком того, что обе книги принадлежат одной эпохе.

Я не могу здесь не остановиться несколько подробнее на этой легенде, так как она хронологически налегает как раз на тревожные годы, наступившие вслед за столбованием «евангельского Христа» 21 марта 368 года, когда землетрясения и небесные знамения сильно возбудили человеческую фантазию на берегах Средиземного моря, и сделали мысль людей необычно восприимчивою ко всему чудесному, особенно у прозелитов столбованного, но воскресшего и исчезнувшего затем царя Мессии, приводивших все в прямую связь с его судьбой. А мысль о комете, предводимой Юпитером, навязывается здесь сама собой.

Помнит ли еще читатель, какую тревогу вызвали ожидания последнего возвращения кометы Галлея в 1910 году, когда вычисления Коуэлля и Кроммелина показали, что 5 мая около 4 часов утра Пулковского времени и юлианского стиля эта комета будет проходить как раз через нисходящий узел своей орбиты и хвост ее может задеть землю, проходящую в то время как раз за этим пунктом? Я сам делал тогда вычисления возможных последствий такого события.[2] Я исходил из того положения, что скорость (V_0) нашей атмосферы, достигнув 30 метров в секунду, характеризует собою страшный ураган, срывающий крыши со зданий и вырывающий с корнями деревья, а относительная скорость (V_1) встречи земли с кометой может доходить

---

[1] Часть IV, гл. II, примеч. 15.

[2] Николай Морозов: «Что может принести нам встреча с кометой?» 1909 год.

до 80 000 метров в секунду. Тогда, считая плотность воздуха $D_0 = 1$, найдем (по формуле $D_1 V_1^2 = D_0 V_0^2$), что плотность D_1 кометы, напор которой на землю произвел бы такие же действия, как и срывающий крыши ураган, определится в таком виде: $D_1 = D_0 \cdot \frac{30^2}{80\,000^2} = 0{,}0000001 \times D_0$. Значит, даже при плотности D_1, равной одной десятимиллионной доле плотности окружающего нас воздуха, комета, столкнувшись с землею, могла бы произвести такие же разрушительные действия, как самый сильный ураган. А между тем это — плотность торичеллиевой пустоты, и, кроме того, поступательная скорость частиц кометного хвоста еще в сотни раз превосходит скорость собственного движения комет, так что для произведения ураганного напора достаточна была бы и миллиардная его плотность по отношению к плотности воздуха у земной поверхности. Никто не скажет, чтобы плотность кометного хвоста не способна достигать такой величины.

Однако, исходя из того, что напор будет направлен лишь на верхние слои атмосферы, я тогда же успокаивал публику, говоря, что считаю при этом возможным прежде всего лишь «магнитные возмущения и свечения в верхних слоях атмосферы, вроде северных сияний, а бури и ураганы лишь в тех областях земного шара, где комета будет казаться лежащей (вместе с солнцем за нею) на горизонте (т. е. где утро или вечер).

На деле ничего исключительного не произошло от кометы Галлея в 1910 году, потому что вычисления Коуэлля и Кроммелина оказались недостаточно точными, и хвост кометы Галлея прошел в стороне от земли, не задевши ни ее, ни луны.

Но, ведь, в истории земли могли быть и такие случаи, когда кометные хвосты действительно задевали землю, и тогда могли произойти если и не бури и ураганы, то чрезвычайно эффектные световые явления электро-магнитного характера, хорошо заметные не только после захода солнца или перед его восходом, но даже и днем.

Не было ли действительно чего-либо подобного и в данном случае?

Летописцы средних веков описывают не раз целые небесные побоища с полками световых всадников, скакавших по всему небу целые ночи, и точно ли это одна *свободная* фантазия? Правда, описания путей комет, даже и периодических, не дают обыкновенно средств для точного определения времени их прохождения через плоскость эклиптики, хотя это приблизительно и можно сделать. Вот, например, если узлы кометы Галлея мало изменились за последние 1500 лет, то она должна была в 373 году пройти через свой нисходящий узел 26 юлианского апреля, а через восходящий — 26 октября. А по вычислениям Вайнда, основанным на записях Ше-Ке и Ма-Туан-Лин, прохождение кометы Галлея через восходящий узел было в ноябре или декабре, с вероятностью ошибки более чем на месяц.

Отсутствие описания чего-либо особенного на эту ночь

в поименованных летописях еще не указывает на то, что хвост кометы Галлея не задел в то время землю. Ведь, Китай мог быть тогда и на противоположном полушарии земной атмосферы, а в Европе и Западной Азии могли происходить исключительно эффектные световые явления, вроде тех, какие описаны в библейской книге Молоты (Маккавеи, по-еврейски, хотя этой книги и нет в еврейской Библии). Но я оставлю до специального исследования эти соображения, навеянные на меня библейским рассказом о налете «самого Иеговы», на царя Иорама Богоборческого, современника Валентиниана II, если не его двойника, и возвращаюсь к основной части этой главы, к остальным богоборческим царям, руководясь диаграммой на стр. 328, как компасом.

Одиннадцатый псевдо-богоборческий царь Ио-Ахаз, наследовавший царю Иегове-Юпитеру, по смыслу своего имени значит Собственность бога. Он соответствует астрологически тогдашнему месяцу январю и созвездию Водолея, которое, между прочим, являлось и символом Иоанна Крестителя. А исторически (см. графику, стр. 328) он налегает на Феодосия I (378 — 395). Как и все остальные псевдо-богоборческие цари, он тоже был поклонник всех богов и их изображений, хотя и признавал вместе с ними отца богов за главный предмет почитания.

В его дни, — говорит последняя Книга Царей, — возгорелся гнев Громовержца на богоборцев, и он предал их в руки Боговидца (Азаила)[1] — царя господня — и Сына Клича (Бен-Адада),[2] его сына.

Но это было не долго. «Собственный царь бога» помолился зевсову изображению,[3] и он его услышал, и дал богоборцам Спасителя. Они вышли из-под руки Рима[4] и жили в своих шатрах как вчера и третьего дня» (XIII, 4).

Вот и все, что сказано об этом царе. Название напавшего на него царя Азаила-Боговидца намекает на присутствие кометы в его царствование, продолжавшееся от 378 по 395 год, так как по общему нашему сопоставлению он тожествен с Феодосием I.

Это и была вышеописанная комета 22 августа 390 года, когда солнце переходило во Льва и в Деву из созвездия Близнецов, куда она могла притти только из Тельца. Она была видна по утрам около Кастора и Поллукса, догнала солнце во Льве и, перейдя на вечернее небо, пошла к Большой Медведице, где и исчезла около небесного полюса. По выходе из-за солнца, она была белая и огромная до «100 локтей» по китайским летописям. Это было за 5 лет до появления Апокалипсиса в 395 году, и отсюда выходит, что «Собственник Громовержца» Ио-Ахаз соответствовал на земле как раз Феодосию I и в таком случае воображаемым Спасителем (УШИЕ) был тот же Елисей (Иоанн Золотые Уста). Не-

[1] От חזה־אל (ХЗЕ-АЛ) — зреть бога.
[2] Бен-Адад (בן־אדד) — сын клича, шума.
[3] פני (ПНИ) — лик, изображение.
[4] ארם А-РАМ вместо ה־רם (Е-РМ)—Носорог-Козерог, эмблема Рима.

вольно кажется, что и остальные пророки, являвшиеся к богоборческим царям, имеют кометное происхождение и только дополнены анекдотическими подробностями из действительной жизни тогдашних ученых знаменитостей. Возьмем хотя бы следующего «богоборческого» царя.

Двенадцатый псевдо-богоборческий царь Иоас—соответствует месяцу марту и двенадцатому созвездию Зодиака—Рыбам, а также находящемуся над ним Крылатому Коню Пегасу, иногда заменявшему собою созвездие Рыб. Имя этого царя значит Огнь Божий. По нашей диаграмме он соответствует Аркадию, при котором Иоанн Златоуст, он же пророк Елисей, был провозглашен Всемирным Патриархом. О делах Иоаса опять ничего не сказано, кроме того, что он держался общей ереси псевдо-богоборцев, признавая не одного библейского бога, творца неба и земли, но также и других небожителей и поклонялся их изображениям, враждуя за это с богославцами. Интересна только заключительная вставка в его биографию (II Ц., XV, 14), которая получает смысл лишь тогда, когда мы припомним, что Рыбы были «домом Юпитера» и символом Христа, и все перенесем с земли на небо.

Привожу ее как образчик тогдашней ромейской историографии.

«Иоас, царь богоборцев, пришел к Богу-Спасителю *(Елисею, по-еврейски, символизируемому Луной в Овне,)* заболевшему смертельной болезнью *(лунным затмением в Овне 4 сентября 404 года)*.[1] Он плакал над ним и говорил:

— «Отец мой! Отец мой! О, колесница богоборца и его всадники! [2]

«Возьми лук и стрелы, — сказал ему Бог-Спаситель, — отвори окно на восток и выстрели.

«Он отворил и выстрелил *(пролетел метеорит?)*.

— «Это стрела твоей победы над Арамом *(Козерогом?)*—сказал ему Бог-Спаситель, — ты поразишь его у Потока *(созвездие река Эридан, символ Иордана, т. е. по древней номенклатуре реки По в Ломбардии)* совершенно. Бей теперь стрелами по земле.

«Царь ударил три раза и остановился *(три метеорита)*.

«Божий Муж *(месяц в Овне)* разгневался на него и сказал:

— «Надо было бить пять или шесть раз. Тогда ты окончательно погубил бы арамов, а теперь поразишь их только три раза.

Бог-Спаситель умер *(затменный месяц исчез за облаками)*. Полчища туземцев *(туч)* пришли в ту землю при начале года и случилось, что когда погребали одного мужа, то, испугавшись

[1] Почти полное (10″9) лунное затмение, средина которого была в 20 часов 56 минут (перед полночью) по Гринвичскому времени. А в Царь-Граде оно было уже после полуночи 4 сентября 404 года, незадолго до окончательного изгнания Иоанна Златоуста.
[2] Отмечу, что при геоцентрических представлениях созвездия кажутся перегоняющими солнце, луну и планеты в их ежесуточном движении от востока к западу.

толпы людей, бросили его в гроб Бога-Спасителя, он коснулся его костей и воскрес из мертвых». А Иоас три раза разбил Сына Клича *(Бен-Адада)* и возвратил богоборцам отнятые у них города (II Ц., XIII, 25).»

Я думаю, что все это место чисто астрологического происхождения, а из реальности взята только смерть Иоанна-Елисея при Аркадии-Иоасе, да и то в неузнаваемо-фантастическом виде. Немного правдоподобнее следующий рассказ.

«Богославский царь Амасия (т. е. властелин Восточной половины Романской империи Аркадий) послал к Иоасу богоборческому послов, говоря:

— Выйди! Померяемся силами!

А Иоас богоборческий ответил ему:

— Терновый куст с Белой Горы (ЛБНОН, по-французски — Mont Blanc) послал сказать ее кедру:

— Отдай свою дочь в жены моему сыну.

Но пришел дикий зверь с Белой Горы и растоптал терновый куст. Ты побил Эдом[1] (германцев) и возгордилось твое сердце.

Так величайся же, сидя дома, иначе упадешь ты вместе с богославцами».

Но не послушался Амасия и был побит. Иоас Богоборческий захватил в плен Амасию в Бет-Самисе и пошел на Святой Город (Царь-Град). Он разрушил его стену от Ефремовых ворот до угольных на четыреста локтей и, взяв все серебро и золото и все сосуды, какие нашлись в доме Громовержца, и возвратился в Самарию[2] *(т. е. в Сторожевой город, столицу псевдо-богоборческих царей)* (II Цари, XIV).

Читатель сам может видеть историческую канву этой легенды. В 404 году на Италию напал из Швейцарии с полчищами варваров германский царь Радагес. Он осадил Флоренцию, но был разбит соправителем Гонория Стилихоном и в 405 году убит. Это и есть «дикий зверь» с Мон-Блана (Белой горы, по-еврейски — с Ливана). Конец же легенды о разгроме при этом «Святого Города» представляет, вероятно, позднейшее дополнение. Поводом к этой вставке послужило, может быть, предшествовавшее нападение на Италию вассального царя Албании Алариха в 400 году, после того как он действительно разгромил юг Балканского полуострова, но, повидимому, не смог разграбить Царь-Град.

Везде тут легенда астрального происхождения причудливо переплетается с легендой житейского характера, и лишь нашим методом можно их распутать.

Сопоставление описанных в Книге «Цари» затмений и комет в их небесно-топографической и хронологической последовательности определяет нам время каждого библейского царя, устанавливая в данном случае единство Илии и Елисея с евангельскими

[1] Здесь стоит Эдом (אדום). Так у средневековых раввинов называлась западно-римская империя времен германского владычества.

[2] שמרון (ШМРУН) — Самария, т. е. Сторожевой город.

Иисусом и с Иоанном Богословом, и единство Иоаса и Амасии с византийско-римскими соправителями Аркадием и Гонорием, а зверя с Белой Горы с Радагесом. Самый Ливан определяется тут как Монблан.

Пойдем же еще далее по зодиакальному круговороту богоборческих царей.

Тринадцатый царь псевдо-богоборцев — второй «Заступник Народа» *(Иеровоам II)* — опять налегает астрологически на Овна — дом Марса и на месяц март *(как и Иеровоам I)*, а исторически на Гонория (395 — 423).

Гонорий, по христианским источникам, ознаменовал свое царствование в Италии тем, что «велел казнить лучшего своего друга и полководца Стилихона, что привело к разорению Италии вестготами». Он умер в Равенне и царствовал 28—29 лет от 395 по 423 год. А его библейский двойник Иеровоам II (имя которого, как я уже говорил, значит Заступник народа) царствовал 40 — 41 год, не отступая «от ереси своего предка Иеровоама I» *(Константина Великого)*. «Но, — говорит вторая книга «Цари» (XIV, 25), — бог, жалея свой народ, расширил пределы его царства до Океана,[1] по откровению Иоанна (ИУНЕ).

Особенно интересно то, что его царствованию приписаны Библией два пророка: первый Иона, проглоченный большой рыбой и извергнутый потом ею живым на берег *(одна из легенд об Иоанне Златоусте; II Ц., XIV, 25)*. Он жил как раз в это время. Второй пророк того времени был Амос, что значит: «Сильный». Для установления хронологии нам особенно интересен «Амос, пророчествовавший во дни Иеровоама, сына Иоасова, за два года перед землетрясением (Амос, I, 2).» Он был «пастух Трубы» *(кометы)*, предсказавший полное солнечное затмение около полудня.

— «Я совершу, — говорит он, — закат солнца в полдень и омрачу землю среди ясного дня. Я обращу ваши праздники в сетование и все ваши песни в плач (Амос, VIII, 9)».

Историки давно уже догадались, что дело тут идет о солнечном затмении, но как ни старались найти такое затмение по традиционной библейской хронологии, ничего не выходило, кроме натяжек, а с нашей точки зрения это было знаменитое полное солнечное затмение 19 июля 418 года, прошедшее около полудня из Северной Испании через Рим и Дарданеллы в Месопотамию на 23 году царствования Гонория.

Мы видим здесь, как вся полоса особенно типичных библейских событий, имевших место между Иеровоамом I и Иеровоамом II, на протяжении более столетия, целиком налегает на ромейские события IV и начала V веков нашей эры, хотя и со-

[1] ים ה־ערבה (ИМ-Е-ЭРБЕ) — море туманной дали, беспредельное, вечернее море. От ערבה (ЕРБЭ) — туманная даль, вечер, запад, созвучно с Иберией.

слана на берега Мертвого моря и сдвинута в глубину веков в среднем на 1250 лет.[1]

Четырнадцатый псевдо-богоборческий царь с прозвищем «Память Громовержца» (Захар-Ие) налегает (см. стр. 339) (как Васа ранее его) на созвездие Тельца. По нашей диаграмме он двойник Константина III, мужа Плацидии, царствовавшего в 423 или 425 году тоже лишь 6 месяцев, как и библейский Захария. О нем говорится, что он был убит «Тараном Народов»,[2] и это прозвище опять дает, как будто, указание на большую комету, упавшую, как стенобойный таран, на созвездие Тельца, его покровителя. И, действительно, в летописях Ше-Ке и Ма-Туан Лин мы имеем для 423 года две записи, относящиеся, очевидно, к той же самой комете: 13 февраля она была около Андромеды, в вечерней видимости, а 15 октября была вечером около Солнца в Весах, т. е. геоцентрически была впереди солнца целых 9 месяцев и должна была проходить также и через Тельца,[3] Близнецов, Рака, Льва и Деву.

Пятнадцатый псевдо-богоборческий царь Солом, т. е. Мирный, налегает по своей очереди на созвездие Близнецов, дом Меркурия, в котором Солнце бывает в июне. А исторически он библейский двойник Иоанна (423 г.). Он опять проходит как тень и царствует лишь один месяц. «Он был убит, — говорит Библия, — через месяц царствования своим преемником Менаимом (Дар Народу). А только-что описанная комета 423 года шла месяц и по Близнецам (см. табл. на стр. 328 и 329).

Шестнадцатый царь псевдо-богоборцев Менаим (Дар Народу, II Ц., XV, 17) налегает на Рака, а исторически на Валентиниана III (423—455). Он «откупился», — говорят нам, — серебром от напавшего на него ашурского (т. е. из созвездия Тельца или Тура)[4] царя Фула, имя которого значит «Боб» (т. е. от той же кометы 422 — 423 года, которая пришла из Тельца в Рака в начале его царствования) и считалась прообразом Аттилы — бича Божия, — напавшего в 452 году на Италию, но отступившего, когда папа Лев I уплатил ему большую дань, как сказано и о «Бобе».

Вся эта чехарда кратковременных правителей показывает, что после смерти Гонория-Иеровоама началось в латинской части Ромейской империи смутное время. После кратковременных царствований Константина III и Иоанн, императором был провозглашен малолетний Дар-Народу (Менаим) Валентиниан III, и власть

---

[1] Считая, что Гонорий вступил на престол в +395 году, а его двойник Иеровоам I по Halles'у — в 834 (по Hurn'у — в 820) году, получаем сдвиг в 1229 и в 1215 лет. А отожествляя Константина I с Иеровоамом I (т. е считая по началу этого периода вместо его конца) получаем, по Halles'у сдвиг в 1296, а по Horn'у в 1271 год, так как некоторых соправителей Библия считает наследниками друг друга.

[2] קבל־אם (КБЛ-АМ) — Таран Народа.

[3] «Христос», т. VI, стр. 85.

[4] א־שור (А-ШУР) вместо ה־שור (Е-ШУР), или ה־תור (Е-ТУР), — телец, бык, откуда и слово турок.

перешла лет на двадцать к его опекунам: Аэцию и матери Плацидии. Параллельно этому и в библейской версии мы замечаем хронологический сдвиг. Там, в XV главе (строка 17) второй книги «Цари» говорится, что Менаим воцарился в Сторожевом городе на 39 году царствования богославского царя Азарии, а его предшественник Иеровоам II умер на 14 году царствования того же Азарии. Куда же делись недостающие тут 25 лет? Этот пустой промежуток называется в Библейской истории междуцарствием (за неимением лучшего объяснения), но теологи не говорят, что же было в продолжение его?

С нашей же точки зрения тут все ясно. Современные историки ставят кратковременных Захарию и Солома в конец этого промежутка, а по нашим сопоставлениям надо поставить их в начале его и отнести весь 24-летний недочет прямо к первым годам царствования Менаима, налегающего (и в том и в другом случае) на Валентиниана III. Тогда сразу объясняется и странное несоответствие лет в двойной бухгалтерии богоборческих-арианских и богославных, никейско-николаитских царей Библии.

Это было не междуцарствие, а опека. И вот после 24-летней опеки Аэция и Плацидии начал, наконец, править в Риме лет на десять и сам Валентиниан III (445—455), а в царстве богоборцев после соответствующего хронологического сдвига начал править Менаим. По христианским источникам Валентиниан III, сын Констанция, соправителя Гонория и жены его Плацидии, был объявлен императором шести лет, но долго не имел никакой власти. Нам говорят, что в 429 году, еще при опеке, вандалы отняли у него Африку, затем франки Галлию, а после опеки саксы отняли у него Британию в 449 году, и потом, в 452 году, Аттила вступил в его владения. Наконец, в 454 году Валентиниан III убил своего соправителя и бывшего опекуна Аэция, и в 454 году был сам убит.

А о его библейском отражении—Менаиме сообщают, прежде всего, что и он, как его предки, не отступал от ереси Иеровоама, т. е. арианства. В его царствование — как мы только-что говорили — пришел на землю Фул *(что значит Боб)* из страны Тельца *(комета Галлея из этого созвездия или же сам Аттила, будто бы возвещенный этой кометой).* Испуганный Менаим откупился от него тысячью талантов серебра, наложив на богатых людей по 50 сиклей на каждого, и «боб» — говорят нам — отошел назад, «не остался на земле». Но такой же выкуп себе сделал и Валентиниан III.

Больше ничего не сказано о «Даре Народа» в Библии.

Здесь мы снова видим в смеси и небесное, и земное, причем все небесное подтверждает нашу хронологию. Как раз в это время, в 451 году, была комета Галлея, вызвавшая пророчества Исаии и Иеремии (451 год), и к этому же времени Библия относит пророков Захарию и Иезекиила (453 год), время которых мы самостоятельно вычислили астрономическим путем по заключающимся в них гороскопам.

*

Посмотрим теперь, что будет и далее.

Семнадцатый псевдо-богоборческий царь Факия, имя которого значит Зоркий божий, налегает по своей очереди на созвездие Льва, а исторически на Петрония Максима (455 год). Однако, и он проходит, как тень, и во II книге Царей (XV, 28) только сказано, что он не отступал от ереси Иеровоама и через два года был убит Факхом, имя которого значит просто Зоркий.

Восемнадцатый псевдо-богоборческий царь Факх-Зоркий налегает на созвездие Девы, а исторически на Рецимера (455—472). Он воцарился, по Библии, путем заговора, убив со «Светом божиим» и «Каменной глыбой» *(т. е. при метеоритных падениях)* [1] своего одноименца Факию (II Цари, XV, 25). В его царствование было тоже нашествие ашурского царя Тиглата-Паласара (II Цари, XV, 29), имя которого значит Чудище-Переселенец [2] и, он переселил часть богоборцев в страну Ашура (Тельца).

По нашей диаграмме (стр. 329) Факх налегает на Рецимера, царствовавшего, повидимому, от 455 по 472 год, после чего наступила анархия на 3 года, как результат страшного извержения Везувия, бывшего в 472 году. В таком случае Чудище-Переселенец будет Гензерих, основавший Карфаген, захвативший Сицилию и Корсику, и разграбивший Рим в 455 году. С него же списан и легендарный Ганнибал, неправильно относимый к минус 274 — 183 годам, вместе с сирийским царем Антиохом, в книге Молоты (Маккавеи, по еврейски), которого, поэтому, тоже следует перенести к периоду около 460 года нашей эры.

После Зоркого (Факха-Рецимера) наступил, как я только что сказал, в западной Римской империи период анархии года на три. А в ее отражении — истории народа Божия — наступил период такой же анархии лет на восемь. Действительно, в XVII главе книги «Цари» говорится, что на 12 году царствования Ахаза Богославного воцарился в «Сторожевом городе» Осия. А по главе XVI (стр. 1) и XV (стр. 27) видно, что его предшественник Ахаз умер на третьем году царствования того же Ахаза Богославного. Остается незаполненным промежуток в 9 лет, который гебраисты и называют с давних времен периодом анархии. Опять полный параллелизм не только царей и всех выдающихся событий, но и «междуцарствия», и «анархии», и «начала», и «конца» обоих сравниваемых царств.

Последний, девятнадцатый царь псевдо-богоборцев Осия, сын Илии (что в переводе звучит довольно громко: Спаситель — сын

[1] А-РГБ (א־רגב) вместо הרגב (Е-РГБ) — каменная глыба, комок, и АР-ИЕ (אור־יה) — свет божий.

[2] Слово Тиглат происходит от Т-ГЛУТ (ת־גלות), где ГЛУТ значит — переселенец, а Т звуковая приставка, частая в еврейском языке; например, при переходах АУЕ (אוה) в ТАУЕ (תאוה) — желание, АЛЕ (אלה) в ТАЛЕ (תאלה) — проклятие и т. д. А слово Паласар по-еврейской транскрипции ПЛА-СР (פלא־סר) происходит от ПЛА-ЦР — Чудо-царь. Это слово еще созвучно с санскритским pelasara — державный царь, но едва ли тут санскритское слово попало в Библию, а не наоборот.

божий), налегает на созвездие Весов, а исторически на Ромула-Августула.

После периода анархии в Латинской империи Ромул-Августул был возведен на престол в 475 году, но через год или два был свергнут Одоакром, который дал ему возможность жить в вилле, а потом, повидимому, лишил жизни. Это был последний итальянский цезарь. После него отпала Латинская часть Ромейской империи от старой Ромеи, и власть перешла к местным королям средневековья, все еще считавших себя «римскими кезарями» (по-немецки—кайзерами).

Этот последний кратковременный император великой империи Диоклетиана I и отразился в последнем царе богоборцев Осии, сыне Илии.

Но и сам «сын божий» придерживался «ереси Иеровоама», хотя, — говорит Библия, — и не так, как его предшественники. Вскоре после его воцарения пришел «Отнявший мир» (Салманасар, по-еврейски), царь страны Тельца (А-ШУР), и «Сын божий» стал ему подвластным, как Ромул Одоакру, но потом лет через восемь «Отнявший мир» заметил, что его ленник отправил тайных послов к Миц-Римскому царю. Он заточил Осию в темницу, — как Одоакр Ромула, — а в девятый год со времени своего вступления на престол переселил богоборцев в страну Тельца (Германию) и в города Мидии (вероятно, Мадьярии).

«И стали богоборцы, — сообщает Библия, — поступать по законам народов, которых прогнал Громовержец от своего лица, стали говорить неверные слова против своего бога, поставили статуи и дубравы на всяком высоком холме и под всяким высоким деревом... Они проводили дочерей и сыновей своих через огонь, гадали и волшебствовали...» «И отверг их Громовержец от своего лица и не осталось от народа-богоборца никого, кроме колена Иудина (богославцев-иудеев). Но и богославцы эти не соблюдали заповедей Громовержца, своего бога, и поступали по законам, установленным богоборцами (арианами). И отвратился Громовержец от всех потомков Иакова-богоборца, отдавая их в руки грабителей, и, наконец, отторг их от своего лица (II Ц., XVII, 20). А народы, поселенные на их месте, стали чтить Громовержца (т. е. сделались христианами), но служили также и изображениям, как и дети, и внуки их, и это продолжается до настоящего дня (II Ц., XVII, 18)».

Вот, как поздно старозаветная еврейская культура и литература сменилась новозаветною латинскою на западе Европы!

Так заканчивается библейская повесть о Царстве Богоборческом. И мы видим, что при передвижении хронологии около 1220 лет вперед весь второй период его истории с Иеровоама II до Осии налегает хронологически царь за царем на второй период Западно-Римской истории от Гонория до Ромула-Августула даже и со своим сдвигом в 24 года, приходящимся на опеку Аэция и Плацидии над несовершеннолетним Валентинианом III.

Точно так же хронологически налегает царь за царем и первый

период израильской истории от Ровоама I до Ровоама II на римскую историю от Константина I до Гонория, если годы царствования ее соимператоров мы будем ставить не одновременно, а складывать друг с другом, сделав из них последовательный ряд. Такая трансформация вполне допустима для средневекового хроникера, считавшего события в разных странах исключительно по годам царствования соответствующего им императора, так как никакой определенной эры, вроде нашей европейской или магометанской, тогда не было еще выработано.

Бросим же ретроспективный взгляд на все, что мы здесь говорили.

Традиционная священная «История царства Израильского в Палестине» была поставлена поперек дороги к рациональной истории человечества, основанной на эволюционных началах, как сильная крепость, зиждущаяся на фундаменте священных книг. Даже одна мысль о непрочности этой крепости казалась недопустимой: она, ведь, была с большими форпостами и в Месопотамии, в виде ее клинописных глиняных плиток, и в Египте в виде его иероглифических надписей... В продолжение длинного ряда веков эта крепость казалась неприступной, а между тем она была лишь историческим миражем, простым отражением Ромейской истории IV и V веков в глубине времен. Для того, чтобы показать это, мне самому пришлось потратить много умственного напряжения и затем штурмовать ее в этих семи книгах с разных сторон, а потому читатель не должен упрекать меня за то, что я должен был сильно разбрасываться в своем изложении, и, как выразился один из враждебных мне критиков, очевидно в желчном припадке от невозможности меня опровергнуть по существу, «как жонглер перебрасывал из одной руки в другую все науки».

Но на призрачность «библейской истории народа богоборца» указали мне еще давно мои шлиссельбургские вычисления времени пророков Исаии, Иеремии, Иезекиила, Даниила и Захарии, по содержащимся в них астрономическим подробностям, заставлявшим меня отнести их время к определенным годам и дням пятого и шестого веков нашей эры. Однако, когда я напечатал сначала «Откровение в Грозе и Буре» в 1907 году, а потом книгу «Пророки» в 1914 году, я не убедил, повидимому, никого, несмотря на то, что мои астрономические вычисления не оставляли никакой возможности сомнения в их правильности. Мои выводы показались всем невероятными и, насколько мне известно, я не получил тогда ни одного убежденного сторонника.

И вот, в этой книге я рассматриваю дело уже не с одной астрономической точки зрения, а со всех сторон. Первая точка зрения — политико-экономическая, с которой ясно видно, что в такой безнадежной пустынной местности, как Палестина, никогда не могло образоваться какого-либо высоко-культурного центра. Ведь, всякая культура требует значительного предварительного накопления разнообразных прибавочных ценностей полезного физического труда, которые в древности могли доставить

только плодородная земля и благоприятное положение при большой реке, делающей возможным сильно развитый транспорт и выгодный обмен продуктов своей страны на иностранные. Ничего подобного не было в Палестине, а потому при рассмотрении вопроса с точки зрения экономического рационализма (или диалектического материализма) не могло быть там построено и пышного Соломонова храма, и пышного его дворца, и никакого другого большого здания, на которое могла бы приехать посмотреть «царица Савская», или другие цари и царицы. Стратиграфический характер этой страны не дает нам никакой возможности допустить, что она даже и за 8000 лет до нас была благоприятнее для культурной жизни, чем теперь. Она за весь последний геологический период была захолустьем мира. Ведь, даже и многочисленные пожертвования еврейских магнатов-сионистов и христианских богатых пилигримов «ко гробу господню» не смогли вызвать в ней в продолжение тысячелетия никаких заметных признаков местной научной или литературной инициативы. Так что же было там в древности?

Я рассмотрел затем, еще в Шлиссельбурге, это дело и с лингвистической, и с астрономической сторон. Я увидел, что все имена израильских царей не могли быть их действительными именами, какими называли их окружающие, а только позднейшими прозвищами историков: «Заступник Народа», «Благосклонно жертвующий», «Царь-Дядя» и т. д.

Никакой опоры в лингвистике не оказалось, а астрономия прямо опровергла все общепринятые в древней истории даты и перенесла одни события в средние века, а другие—в область чисто астральных миров.

Я рассмотрел затем вопрос и с чисто исторической стороны. Беспорядочное разнообразие времен царствования богоборческих и богославных царей совершенно такое же, как бывает при действительных династиях, показало мне, что большинство из них не чисто астральные или легендарные цари (вроде Саула, Давида, и Соломона, каждому из которых подарено ровно по 40 лет царствования, по схеме равностороннего треугольника), а только сильно астрализированные и легендаризированные. Я воспользовался потом моими прежними вычислениями времен библейских пророков, чтобы посмотреть, при каком из латинских царей жили соответствующие им богоборческие и после первой же примерки вдруг увидел, что все они последовательно налегли по продолжительностям своего царствования на латинских, как старые перчатки на их пальцы.

Я стал рассматривать их биографии и увидел, что во всех главнейших деталях они совпали с христианскими биографиями латинских царей. Дыр в этих старых библейских перчатках оказалось лишь две-три, да и они были не важные, легко объяснимые различием точек зрения у разноплеменных авторов или ошибками в передачах при тогдашней скудости письменных документов. Так Иеровоам I оказался с точки зрения еврейского

автора книги «Цари» основателем религиозной **ереси**, которой держались все его ближайшие потомки; а его греческое отражение Константин I оказался с церковно-христианской точки зрения, наоборот, основателем ее **истинной церкви** и потому причислен к лику ее святых и даже до сих пор признается таким, хотя светские историки и доказывают теперь, что это неправда, и что он был до конца жизни язычником или арианином. При последнем израильском царе, Осии, по библейскому рассказу, произошло переселение народа божия, и это важное событие, совершенно налегло на «великое переселение народов» при Ромуле-Августуле, как оно описано в христианских документах. Библейский Сальманасар (т. е. Отнявший мир) налег на Одоакра, а библейский Тиглат Паласар (Чудище-Переселенец) — на Аттилу с его гуннами. В Библии нашлись и готы в виде хетов (ХТ), и период анархии перед Осией, налегший на период анархии перед Ромулом-Августулом. Лишь только родство друг с другом последовательных ромейских царей оказалось сильно перепутанным в Библии какими-то ее последующими редакторами, и те цари, которые были братьями по христианским источникам, часто сделаны детьми друг друга... Но все эти разногласия не превышают разногласий, находимых о тех же царях и в различных христианских источниках.

Особенно же поразительным оказывается здесь то, что пророк Илия (имя которого значит Бог-Громовержец, по-еврейски, и Солнце по-гречески), исцелявший больных, воскрешавший мертвых, творивший разнообразные великие чудеса и вознесшийся потом живым на небо, хронологически налег на евангельского сына божия, будто бы совершавшего то же самое. А время столбования последнего, т. е. привязания его к позорному столбу[1] царем-Героем (Иродом, по-гречески) вычислилось у меня, независимо от всех этих соображений, как раз на 21 марта 368 года, т. е. на время царствования Валента, хронологически налегшего на библейского царя Ахава, при котором, по Библии, и жил Илия. Даже мало этого. Ученик и преемник Илии Елисей налег при этом тоже целиком на любимейшего и талантливейшего ученика евангельского царя Мессии, на Иоанна Богослова, который в свою очередь налег по моему астрологическому определению времени написанного им же Апокалипсиса, на знаменитейшего из византийских проповедников христианства конца IV века нашей эры — Иоанна Златоуста.

Неужели и теперь мне кто-нибудь скажет, что этих доказательств недостаточно, что все это «случайные совпадения», и что старая библейская крепость по-прежнему остается неприступной ни с геологического, ни с политико-экономического, ни

[1] Напомню еще раз, что по-греческому тексту евангелий, способ казни «царя иудейского» рисуется не таким, как по переводам. Вместо слова крест там стоит ставрос (σταυρός), т. е. кол или столб, а вместо распятия — столбование.

с лингвистического, ни с астрономического, ни с чисто исторического ее Форпоста?

Мне говорили не раз по поводу моих прежних исследований над Апокалипсисом и библейскими пророками:

— Зачем искать первоисточников библейских легенд в небесных явлениях или в Фактах действительной жизни, когда все это можно объяснить чистой игрой Фантазии?

Но ведь и игра Фантазии,—отвечу я,—даже в сновиденьях не может создавать новых, никогда не виданных предметов, для которых у вас нет даже названий. Да и как вы передадите словами такую легенду, если для скомбинированных в ней предметов и событий у вас нет названий ? Ведь, если даже вы их и придумаете, то никто вас не поймет, не видавши предварительно таких предметов.

Всякое слово имеет смысл для слышащего его лишь в том случае, если оно напоминает ему о каком-нибудь уже предварительно пережитом ощущении, иначе оно пустой звук.

А древняя Фантазия работала много слабее нашей уже по одному тому, что в ее распоряжении было меньше общеизвестных предметов для составления из них причудливых комбинаций. Ее образы элементарны, ее аллегории проще наших, как старинная музыка проще современной музыки. Даже и самый величайший писатель древности не смог бы написать чего-нибудь подобного современному европейскому роману, без наличности предшествующей ему менее сложной литературы, из которой он почерпнул бы достаточный запас ассоциированных сведений и оборотов речи. Скажу более: до печатного периода не могло развиться беглого чтения, а потому и беглого писания, необходимого для хорошего, развитого литературного слога, так что хороший слог какой-нибудь рукописи есть уже достаточное доказательство ее происхождения после изобретения типографского станка.

Перечитывая библейскую книгу «Цари», поражаешься в ней смесью трех различных сортов первобытного творчества. Тут есть, во-первых, беллетристика в изложении отдельных разговоров царей друг с другом и с их царедворцами и пророками, где звучат элементарные комбинации слышанных или читанных когда-то авторами фраз. Во-вторых, тут есть символистика (главным, образом астрологическая), где свойства созвездий, предварительно выработавшиеся в зависимости от их названий и соответствующих им времен года (или даже от конфигурации их звезд, вроде хвоста Скорпиона), переносятся с неба па землю и трансформируются в соответствующие человекоподобные существа, особенно когда переходят с одного языка на другой, без пояснения смысла их имен. А, в третьих, тут рассеяны повсюду каббалистические ухищрения с целью придать всему рассказанному правдоподобную последовательность, пользуясь то гармонией чисел, то «числами имен», то какими-нибудь разнообразными соотношениями между посторонними предметами, нередко не имеющими с данным рассказом ничего общего.

Все это и составляет основную канву древнего «сочинительства», но и в нее, то тут, то там, вплетаются картинки выдающихся действительных событий тогдашней или уже прошедшей, но памятной еще жизни. Они только одни и могут служить нам материалом для восстановления древней истории и даже для выработки представлений о выдающихся личностях того времени. Но это возможно только в том случае, если крупинки действительности будут тщательно отделены от их легендарной оболочки и если будет определено каким-нибудь достоверным методом время составления исследуемой книги.

В данном случае мы уже можем указать эпоху некоторых из них и в частности время составления книги «Цари». В эту книгу, мы видим, попали Илия и Елисей, в которых мы узнали евангельских Иисуса и Иоанна, а кроме того в ней упоминаются еще пророки Исаия[1] и Иеремия.[2] А мы уже достаточно показали в первом томе, что эти произведения были написаны уже после Апокалипсиса: первое по поводу ноябрьской кометы 442 года, второе — по поводу июньской кометы 451 года, и что слова Иса-Ия и Иерем-Ия, значащие в переводе: «Божье Спасение» и «Стрелец бога-Громовержца», представляют собою не имена авторов, а заголовки самих книг. А в книгу «Цари» и в позднейший ее плагиат «Слова Денные» (Паралипоменон) эти заголовки попали уже как имена авторов данных книг. Да и сами имена Иса-Ия (Спаситель) и Иеремия (Стрелец Громовержца) удивительно напоминают опять Иисуса и его ученика Иоанна. Повидимому, обе книги первоначально были выданы анонимными их авторами за произведения этих учителей, а потом сами заголовки были приняты за древних дохристианских авторов, хотя и Исаия, и Иеремия до сих пор имеются в числе **христианских** святых, как можно убедиться в любом православном календаре. Так каким же образом жили они в дохристианские времена?

Из сделанных здесь сопоставлений уже можно заключить, что «слегка еретическое» (с точки зрения богославцев) богоборческое царство имеет очень много общих черт со «Всемирной Римской Империей», а потом после раздела — с ее Западной половиной. Потому и в характеристику первого богоборческого царя Иеровоама-Народо-Заступника, приспособленного астрологически к созвездию Овна, легли некоторые основные черты Константина I, провозгласившего арианство государственной религией.

Константин I умер, как говорят нам, в Никомидии 22 мая 337 года. А за 31 год до этого, т. е. в 306 году, он был провозглашен войсками «Августом», но лишь за 25 лет до смерти, после победы над Максенцием, он стал действительным властелином империи, да и то не вполне. Лициний на востоке не признавал его власти и был разбит Константином только в 323 году,

[1]) Исаия — II Царей, XIX, 2 и XX, 1—11. То же в «Словах Денных» (Паралипоменон) II, XXVI. 22; XXXII, 30, 32.

[2]) Иеремия — II Царей, XXIII, 31; XXIV, 18. То же в «Словах Денных» 11—35, 25—36, 12, 21.

за 14 лет до смерти последнего. Кроме того, в жизни Константина было еще два события, которые с теологической точки зрения могут служить основами для исторической хронологии. Первое из них — это Миланский эдикт 313 года. До-евангельское «христианство», т. е. посвященничество, как звание, сопровождавшееся обязательным экзаменом и церемониалом, дающим человеку право на совершение богослужения (которое до тех пор мог делать свободно всякий колдун), было тогда впервые признано государственной прерогативой под влиянием великого египетского ученого Ария. Его имя, которое по-еврейски значит Лев, и в то же время созвучно со словами: Свет Божий,[1] сразу определяет и его национальность и его близкое соотношение с мифическим сыном Иакова-Богоборца Иудой, эмблемой которого было созвездие Лев. Очень возможно, что именно ему, обычно жившему в Александрии, и принадлежит учение первой главы книги Бытие: «В начале создали боги[2] небо и землю...» и т. д., а также установление «седьмицы творения» и заповеди о праздновании субботы. С этой точки зрения евангельские «иудеи» и «ариане» первоначально были одно и то же, да и фарисеи (ПАРСИ) было лишь другое позднейшее название этого же учения. Понятно, что старо-библейская история могла начинаться именно лишь с Миланского эдикта в 313 году.

Второе событие — это Никейский собор в 325 году, когда произошло столкновение Ария с «николаитами», т. е. приверженцами Николая Чудотворца, которых Арий, повидимому,[3] обвинял в фабрикации чудес, за что и получил — говорят теологи — пощечину от «Чудотворца».

Таким образом, время официального царствования Константина I можно определить и в 31 год, и в 24, и в 14 лет. А в книге «Цари» ему, под именем Иеровоама — Заступника Народа, дано 22 года (см. стр. 329), число более подходящее к Миланской эре, хотя и не вполне точное. Но мы уже знаем по предшествовавшему, что и в самой книге Цари времена отдельных царствований определяются с разницей, нередко превышающей три года, как это видно из таблицы на стр. 317, где показаны времена, получающиеся при проверках времен царствования богоборческих царей по богославским, и наоборот.

И вот мы видели на диаграмме (стр. 329), да и по всему сопоставлению этой главы, что все шесть первых царей Библии налегли на царей ромейских, как две копии той же самой геометрической кривой, особенно если примем во внимание смысл астральных кличек этих властелинов.

Седьмой царь Ахав (Царь-Дядя) налег у нас, как мы видели,

[1] אר־יה (АРИЕ) — лев, Арий, созвучно с אור־יה (АУР-ИЕ) — свет божий.

[2] Уже и без меня гебраисты обращали внимание на то, что в еврейском подлиннике книги «Бытие» нигде не встречается слово бог (АЛЕ) в единственном числе, а везде боги (АЛЕИМ).

[3] См. мою книгу «Откровение в грозе и буре».

на Валента (363—375 год), а еще в I томе я вычислил, что лунное затмение, описанное в евангелиях при столбовании царя-Мессии (евангельского Христа), было при Валенте 21 марта 368 юлианского года.

Вслед затем началась, вместе с гонениями на христиан, громкая пророческая деятельность его последователя и ученика, Иоанна Золотые Уста, продолжавшаяся на востоке все время царствования Феодосия Великого и завершившаяся, как громовым ударом, появлением Апокалипсиса в 395 году. В Библии евангельский Христос, как мы видели, описан под именем пророка Элиоса (Илии), что по-гречески значит Солнце, а по-еврейски «бог». А Иоанн Златоуст описан под именем Елисеея. Сходство в описании обоих в евангелиях и в Библии поразительное.

Как Христос перед проповедью «был искушаем» в пустыне, так и Илия скрывался от царей среди гор, куда ворон приносил ему пищу. Как Иоанн Хризостом, по «Житиям Святых», метал громы на Ромейскую государственную церковь того времени, которую он называл Царицей Блеск Господень (Изабель), так и Илия, соответствующий его учителю Христу, гремел по Библии на ту же самую царицу Изабель, показывая этим преемственность обоих деятелей. Как Иоанн получал откровение, беседовал с богом на пустынном острове, среди бури и землетрясения, так и Илия, соответствующий его учителю, евангельскому Христу, беседовал с ним же на Пустынной горе, после того как над ней пронесся «ветер, раздирающий скалы, после ветра землетрясение, после землетрясения огонь и после огня прошло веяние тихого ветра, в котором и явился ему Зевс (I Ц., XIX, 11)».

В этой библейской легенде пророк Илия (солнце) везде аналогичен евангельскому Христу и, как он, возносится живым на небо. А Елисей Бог-Спаситель является при сопоставлении Библии с Евангелием, его продолжателем, причем совершенные им чудеса превосходят, по Библии, чудеса самого Илии-Иисуса, и по легенде он умирает при царе Огнь Божий (Иоаше), т. е. при Аркадии (стр. 329), при котором умер и Иоанн Хризостом. А после этого мы переходим к новому циклу наложений богоборческих царей на Западно-Римских после отпадения их от восточной части империи.

Но в этом втором цикле уже не все соответствует реальности. Здесь много путанного и тенденциозного подведения под астрологию.

Как Константин в первом цикле назван Заступником Народа (Иеровоамом), так и здесь этим же астральным эпитетом, принадлежащим его созвездию Овну, охарактеризован Гонорий (395—423), и действие переносится в отделившуюся Западную половину империи. В конце его царствования 19 июля 418 года было полное солнечное затмение в созвездии Рака при комете «Трубе», и они прекрасно описаны в библейском пророчестве «Сильный (Амос)».

Я не перечисляю в этом кратком резюме всех остальных параллелизмов еврейских легенд о царстве богоборцев с греческими, которыми исключительно руководятся современные историки Ромеи IV—VIII веков. И сказанного здесь достаточно для того, чтобы признать обе «истории» относящимися к тому же предмету.

Я обращу внимание еще только на одно обстоятельство.

17 мая 451 года, в царствование Валентиниана III, соответствующего библейскому Менаиму, видели комету в Тельце у Плеяд, которая была на небе почти два месяца, прошла через Близнецов и Рака во Льва, и около 13 июля исчезла у головы Девы.[1] Это было чуть ли не первое (а не шестое, как думают некоторые) из достоверных появлений кометы Галлея.

И в этом же, 451 году был созван Халкедонский собор, осудивший монофизитов, признававших в Иисусе только божественную сущность и называвшихся иаковитами, или богоборцами. С этого времени они отделились от государственной церкви и распространились по Сирии, Мессопотамии и Египту, образовав еврейскую, чисто мессианскую церковь и промежуточные между нею и православием — армянскую, абиссинскую и коптскую.

Этими-то ромейскими староверами уже много позднее и были написаны библейские книги, которые таким образом являются продуктами ромейского творчества. Таким образом, и исследованная здесь нами книга «Цари» есть только первичная попытка изложения истории Великой Ромеи. Она не имеет значения реальной истории, как и книга «Бытие» не представляет собою истории человечества от его начала на земле, но она есть первый зачаток истории народов и характеризует как ромейскую историческую литературу средних веков, так и методы ее изложения.

ГЛАВА XVI

ПАРАЛЛЕЛИЗМ НЕ АСТРАЛИЗИРОВАННЫХ ДИНАСТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЦАРСТВЕ БОГОСЛАВНОМ (ИУДЕЙСКОМ) И В ЦАРСТВЕ ВОСТОЧНО-РИМСКОМ (РОМЕЙСКОМ)

Перенесемся теперь снова с латинского запада Европы на ее грекославянский восток с бывшей там семитической гегемонией от IV до VII века нашей эры.

Уже много раз в продолжение этого моего длинного исследования я предостерегал читателя против одного очень вредного в исторической науке гипнотического внушения, орудием которого является собственное имя предмета. Оно и вообще есть обычнейший и самый распространенный способ внушения.

[1] См. «Христос», в книге VI: Летописи Ше-Ке и Ма-Туан-Лин.

Стоит только произнести сзади ваше имя, и вы немедленно обернетесь, как на пружине; стоит только сказать имя вашего знакомого, и в вашем воображении немедленно мелькнет его образ. Точно так же бывает и в остальных случаях, каковы названия рек, городов и т. д., представления о которых кроме того у каждого субъективны, в зависимости от того, какую часть их они лучше знают, или прямо апперципционны, если слышащий их имя никогда их не видал, а запомнил название с детства, вроде, например, того, как многие, слыша слово «свиристель» думают, что речь идет о знакомой им птице, а увидев ее в зоологическом саду — не узнают ее.

А таких пустозвонных слов, которые мы употребляем механически, считая за хорошо известные, несравненно более в языке каждого из нас, чем мы сами думаем. Особенно же много их в исторической науке. Все эти Аннибалы, Октавианы, Юлии Цезари, Карлы Великие — для нас пустозвонные имена. Ведь, если б эти люди, воскреснув, появились перед нами, то мы только посмотрели бы на них с недоумением. А, вот, нам кажется, что мы имеем о них совершенно ясное представление!

Так, впрочем, бывает и при всякой словесной передаче. Образы и представления в голове слушающего никогда не тожественны с образами и представлениями в голове рассказывающего.

Раз мне прислали из одного издательства корректурные листы моих собственных воспоминаний с двумя десятками иллюстраций, сделанных незнакомым мне художником к различным местам моего рассказа, прося указать места, к которым они относятся. Но рисунки так не соответствовали тому, что я представлял в своем воображении и что хотел передать читателю, что я решительно не догадывался, на какой странице их поместить, а когда, наконец, понял, к чему относятся два или три рисунка, то прежде всего расхохотался.

По этой же причине, если о каком-нибудь из известных нам только по имени лиц сообщают что-нибудь, назвав его другим именем, то требуется иногда много внимания к деталям рассказа, чтоб сообразить, что это уже известное нам лицо. И, наоборот, когда одним и тем же именем называются две разные личности, то нам трудно бывает их разъединить в нашем воображении; невольно кажется, что это — два случая из жизни того же самого человека. Точно то же можно сказать и о названиях мест, особенно городов, если мы обращаем внимание только на их имена, а не на их смысл. Вот, например, город Кесария или Цезарея. По смыслу, это город Цезаря, т. е. то же, что и Царь-Град... Вот, город Тир, по-еврейски ЦУР, т. е. тоже Царь-Град. Имеем ли мы право без достаточных доказательств относить эти названия к трем разным столичным городам?

Да и обратно. Вот, например, в период русской великой революции, значительное число городов переименованы. Петербург, переименованный еще при царе Николае в Петроград, обратился затем в Ленинград, Гатчина сначала стала Троцк, а через несколько лет обратилась в Красногвардейск и т. д. и т. д. Историку через несколько сот лет придется употребить большое напряжение памяти (или, скорее, всегда иметь под рукою словарь) для того, чтобы отожествить их послереволюционные имена с дореволюционными, а не удвоить или утроить те же самые города.

Такого генерального переименования городов мы не знаем в древние времена; оно бывает только при исключительных резких переходах от слишком уже отжившего общественного строя к его антитезису; но, ведь, кроме общественных резких революций бывают революции и в мировоззрении, обыкновенно в зависимости от каких-либо поражающих воображение физических катастроф, и тогда орнативное прозвище какого-либо города, вроде «Вечный город», «Столица мира», и т. д., может перенестись совсем на новое место жительства.

В этом отношении очень интересно проследить миграцию эпитета, который по Cruden'у значит «Виденье Успокоения» или «Надежда Успокоения» (по-еврейски — Иерусалим).[1] Его можно производить и от смеси греческого с еврейским, как Иерон Салим,[2] причем выйдет город Святого Успокоения. Этого слова совсем нет в так называемом «Пятикнижии Моисея», т. е. в Книгах Бытие, Исход, Левит, Чисел и Второзаконие. Там есть, среди других имен, только город Иевус (יבום), который отожествляется с Иерусалимом лишь потому, что в библейской же Книге «Иисус» сказано:

«И были города сынов Вениаминовых: Цила, Алеф, Иевус, т. е. Иерусалим, Гивет и Крит» (XVIII, 28); да еще ранее, что «Иевусеи (ИВУСИ) живут с богославными в Иерусалиме до сего дня» (XV, 63). Эта же фраза переписана буквально и в книге Судьи (I, 21 и XIX, 10). Еслиб не было этих четырех (или даже трех) пояснений в скобках, то никому и в голову не пришло бы, что в Пятикнижии, под именем Иевуса говорится о том же городе, который в остальных библейских книгах называется Иерусалимом и никогда Иевусом.

Ну, а если прибавка в скобках: «Иевус, т. е. Иерусалим» сделана тенденциозно, по собственной неосновательной догадке какого-либо из позднейших редакторов еврейской Библии? Тогда вся связь между обоими названиями сразу рушится, и город Иевуса придется переводить: Urbs Iovis, т. е. город Юпитера Громовержца.[3]

Сам этот город нигде не описывается самостоятельно, а о жителях его — поклонниках Юпитера-Иовиса говорится несколько раз и всегда неодобрительно:

[1] יוושלם (ИРУШЛМ) от יראה-שלם (ИРАЕ-ШЛМ) в смысле Надежды Успокоения.

[2] Ἱεροσόλυμα, или Ἱερουσαλήμ, т. е. Святой Салим, святой Покой.

[3] По-еврейски — יבום (Ивус), по-латыни — Jebusaeus, по-гречески — Ἰεβουσαῖος, по-английски—Jebsiite, по-французски—Jebuséen, по-русски—Иевус.

24 Зак. 66

«Я пошлю ангела и прогоню... готов (хетов), паризеев (parisiens)... и иевусеев», т. е. поклонников Юпитера, — говорит книга «Исход» (XXX, 2). «Хетты (готы) и иевусеи живут на горе», — говорит книга Чисел (XII, 30). А в книге Судей совершенно определенно рассказывается об их городе, как о самом развратном (XIX, 1) и потом погибшем от катастрофы (Захария, IX, 7). Все это заставляет признать его за один из городов, погибших от извержения Везувия, а три прибавки в скобках в книге Паралипоменон о том, что, будто бы, это и был город «Святого Покоя», показывают лишь на то, что его отожествили впоследствии с каким-то другим городом, носившим такой эпитет с несравненно большим правом.

И мы не можем не видеть, что в книге «Цари» городом святого Покоя — Иерон-Салимом — называли Царь-Град, а потом уже и Элия Капитолина, т. е. город святого Ильи (Эль-Кудс), на пустынном прибрежьи Мертвого Моря.

Только с этим предисловием, снимающим с нас старинное гипнотическое внушение, и можно читать библейские книги.

Мы видели уже, что царство богославное (по-еврейски — иудейское) является астрализированным отражением восточной части римской империи. Но отражение это несколько мутнее предшествовавшего, особенно в древнейшей своей половине. Тут явно много такого, что может быть названо историческим. Займемся же и им.

Соответственно расчленению богоборческого народа Библии на 12 колен, с прибавлением еще тринадцатого в виде потомства Дины, дочери Иакова Богоборца, всемирная империя Диоклетиана была разделена еще при Констанции II, сыне Константина I, на 13 диоцес. После смерти в 306 году Констанция Хлора, «верховного императора Всемирной Римской империи», его полководец, уроженец Дакии, Лициний (он же Публий-Флавий-Галерий-Валериан) был в 307 году провозглашен легионами единодержавцем Востока, а сын Констанция Хлора, Константин, I стал императором остальной части империи, хотя некоторые из итальянских легионов провозгласили ему в соимператоры еще и Максенция, разбитого Константином в 312 году и потонувшего при этом в Тибре.

Лициний царствовал на востоке до 324 года, около 17 лет, независимо от Константина I, но потом был им низвергнут и через год (в 325 году) убит. Так кончилось первое разделение Всемирной империи Диоклетиана.

Как отразилось в Библии это разделение империи? Очень оригинально. Константин I, как мы уже видели, фигурирует тут под именем основателя церковной ереси Иеровоама (Заступника Народа), а Лициний — под именем Ровоама (Распространителя народа). Но сыном Соломона (если его отожествить на время с Констанцием Хлором) сделан уже не еретик Константин, а правоверный Лициний, т. е. родословная перевернута на изнанку вместе со всем рассказом о причинах разделения.

«Все богоборцы — говорит XII глава I книги «Цари» — пришли на Хребет чтобы воцарить Ровоама (Лициния).

— «Отец твой, — сказали они ему, — наложил на нас тяжкое иго. Облегчи его».

Но он посоветовался с молодежью и ответил через три дня:

— Если мой отец тяготил вас своим игом, то я еще увеличу его; если он бил вас бичами, то я буду бить вас скорпионами.

«А народ ему сказал:

— «Заботься же сам о своей династии. Что нам за дело до дома Давидова?»

«И выбрал себе царем Иеровоама (Константина I), вызванного из Миц-Рима.

Ровоам-Лициний собрал в Городе Мира (который в книге «Цари», повидимому, еще не сослан на берега Мертвого моря) оставшихся за ним 180 000 отборных воинов, чтобы воевать с Иеровоамом-Константином, но пророк Слышащий бога-Громовержца (ШМЕ-ИЕ) сказал им:

— «Не воюйте с братьями вашими!»

«И они пошли назад по слову Громовержца. А Иеровоам (Константин I) обстроил Хребет на горе Еф-Рим (*вроде Везувия*) и поселился там и, кроме того, построил «Божий Лик» (ФНУ-АЛ), говоря:

— «Если народ будет ходить на поклонение в Город Мира, то может возвратиться к Ровоаму». А Иеровоам тем временем царствовал в Городе Мира. На него ходил Шушак, Миц-Римский царь и взял сокровища царского дворца и золотые щиты телохранителей Соломона, а Ровоам сделал вместо них медные.

«И была война между Ровоамом и Иеровоамом во все дни их жизни» — заключает свой рассказ книга «Цари» (I Ц., XIV, 30), — и был он погребен в городе Давида».

Эта параллель едва ли оставляет сомнение, что в виде разделения царства Богоборцев на богоборческое и богославное описано со своеобразной точки зрения разделение всемирной империи Констанция Хлора между Лицинием и Константином I.

Точно так же и далее.

Но что же такое представляет собою «Хребет», на котором Иеровам-Константин построил новую столицу? У классиков его называют «Неаполь Флавия», т. е. Новый город Константина, так как латинское имя Константина и было Флавий (Гай-Флавий-Вазерий-Константин). А где же этот город? Смешивать его с арабским местечком Наблусом более чем смешно. А сравнивая между собою жизнеописания Иеровоама с жизнеописанием Константина, сейчас же находим и решение: дело идет об Итальянском Неаполе, который таким образом и был построен Констан-

---

[1] שכם (ШКМ) — значит: спина, хребет. Считается гебраистами за Неаполь — Флавий классиков, город убежища, где, будто бы, похоронен патриарх Иосиф, — его смешивают с Наблусом современных арабов.

тином, пока тот был еще только западным Императором. А Миц-Римом в книге «Цари» называется, повидимому и один Египет.

Когда Константин I сверг Лициния, то он, по христианским источникам, поставил на его место цезарем его сына, который однако, чем-то не угодил старинным историкам, потому что они все молчат о его дальнейшей жизни. Мне неизвестно даже его латинское или греческое имя. По Библии же после смерти Ровоама над богославными воцарился на два года, параллельно этому «сыну Лициния», сын Ровоама, носящий более чем странное имя «Отец Бога» (АБ-ИЯ). Не потому ли о нем и молчат?

По нашей хронологии это было в 325—327 годах нашей эры, во время Никейского собора, и, что всего страннее, сыном и наследником этого Отца Божия назван Аса, т. е. Исус, что по-еврейски значит Спаситель или Целитель, и этот Исус (по своей родословной — сам Бог) царствует над библейскими богославцами Востока 41 год, т. е. умирает в 368 году, к которому мы отнесли и столбование евангельского Иисуса. Никакого другого соответствующего цезаря вы тут не найдете. Хронологически на царя Асу налегает только евангельский «Царь иудейский» Иисус, если вы допустите, что он считался своими соотечественниками цезарем со времени удаления от власти своего отца и что во время столбования в 368 году ему было не менее 41 года. Этому сопоставлению соответствует и библейская биография царя-Исуса (Асы):

«Сердце его отца, — говорит IV глава Первой книги Царей, — не было так предано богу-Громовержцу, как сердце Давида, его предка, но ради последнего бог дал ему Светильник в Святом городе, поставив его сына после него» (I Ц., XV, 4). «Он (Аса) делал угодное перед очами бога, как его предок Давид, он изгнал *(храмовых)* блудников из своей земли и ниспроверг всех идолов, какие делали его отцы, хотя «высоты» (пирамиды) и не были уничтожены.[1] Он внес в дом Громовержца все золотые и серебряные вещи и сосуды, посвященные богу им и его отцом. «На него ополчился Васа (Констанций II) и начал строить Рим (РМЕ), чтобы не позволить никому ни уходить от Асы-Исуса ни приходить к нему». Аса взял все золото и серебро своего дворца и храма и послал их арамейскому царю Бен-Ададу, жившему в Димишке, говоря: «Вот, я посылаю тебе в подарок серебро и золото. Расторгни свой союз с Васой.» Бен-Адад послушался его, напал на Васу, и тот перестал строить Рим и остался в Турции (Антиохии).

Но всех эти разговоров, очевидно, никто не стенографировал, а потому смешно и придавать им какое-либо историческое значение.

---

[1] Я исключаю здесь строки: «имя матери его: Мааха, дочь Авессалома» (XV, 10), так как за несколько строк выше (XV, 2) она же названа его бабушкой, матерью его отца. По этой же причине я исключаю и строку 18-ю, где он лишил эту Мааху звания царицы и изрубил ее истукан.

Вот, и все, что есть об Асе, кроме прозаической заметки, что «в старости у него болели ноги». Он умер на 4 году царствования Ахава (Валента), что опять приводит нас к 368 году, времени столбования евангельского Иисуса.

Достаточно ли этих указаний на то, чтобы сказать, что царь иудейский Аса списан с евангельского Иисуса, или что последний списан с него? Относительно того, что Иисус происходил из царского рода, говорится и в Евангелии Матвея: на его кресте, судя по всем Евангелиям, был написан этот же самый титул. Даже осуждение его было в связи с таким вопросом. То сильное впечатление, которое произвело его неудачное столбование во время лунного затмения 21 марта 368 года, очень соответствует этому представлению. Если же мне скажут, что в той же книге Царств я уже определил Иисуса в виде одновременного с Асой пророка Илии, то я отвечу, что книга «Цари» сцементирована из двух самостоятельных сборников-хроник, а потому в ней легко могут фигурировать по два раза те же самые лица под разными кличками, как совершенно самостоятельные.

Перейдем теперь к Иосафату, который по диаграмме (табл. XXIII, на стр. 377) хронологически налегает на Феодосия I.

В XXXII главе I книги «Цари» об Иосафате (имя которого значит Судья бога-Громовержца) сказано, что «он шел добрыми путями Асы, своего отца, хотя народ и совершал еще жертвы и каждения на высотах». Он сделал крепкие корабли в Тартесе (в Испании), чтобы они ходили в страну Афир (Африку) за золотом, но они разбились в Эцион-Гебре.[1] В его дни в Идумее *(Италии)* не было своего цезаря, а только наместник Иосафата.

Вот, и все.

Умер он в Городе Мира, и время его царствования определено в 25 лет, т. е. от 368 до 393 года, что почти налегает на Феодосия I, особенно если принять во внимание его пребывание соратником Валента с 368 года.

Интересно здесь упоминание, что в это же время впервые появились корабли дальнего прибрежного плавания.

После Иосафата по Библии (II Царей, VIII, 16) над богославцами воцарился Иорам (что значит Божья Высота или Божий Стрелец). Он царствовал по Библии восемь лет. По прямому счету он должен был воцариться в 393 — 394 году и окончить свою власть в 402 году. Это почти налегает на царствование Аркадия, который показан под именем Иоаса и в числе богоборческих царей. Он же, повидимому, повторен и здесь, хотя время царствования его определено тут только в восемь лет вместо тринадцати.

«Он ходил путями богоборческих царей, — говорит вторая Книга Царей, — потому что дочь Ахава была его женою (параллельно властной Евдоксии, жене Аркадия). В его дни отделилась Идумея (т. е. западная, латинская часть), поставила над собою

---

[1] עציון־גבר (ЭЦИУН-ГБР) — не Гибр-алтар ли?

своего царя. Он погребен в Городе Мира (Царь-Граде). Вот, и все об Аркадии на этот раз, но вслед за тем мы видим его же повторенным в виде Иоаса — Огня Божия в следующей путанице.

В родословной Иисуса (в первой главе Евангелия Матвея) говорится, что сыном богославного Иорама был Озия, а сыном Озии Иотам. А в библейской книге «Цари» вместо одного Озии последовательно вставлены между Иорамом и Иотамом целых четыре царя: Ахазия, как сын Иорама, Иоас как сын Ахазии, Амасия как сын Иоаса, Азария, как сын Амасии и, наконец, Иотам, как сын Азарии, он же Озия. Кроме того, между Ахазией и Иоасом вставлена еще узурпаторша Эталия, мать Ахазии, будто бы захватившая власть у Иоаса. Соответственно этой путанице, при хронологическом сопоставлении династий богославского царства с богоборческим, произошел сдвиг хронологии, который гебраист Hales определяет в 11 лет.

Это обстоятельство одно уже показывает нам, что тут мы имеем дело с позднейшей тенденционной переделкой, и потому было бы трудно сопоставить четырех вставных царей с реальными византийскими, после Аркадия. Здесь можно задаться только вопросом: откуда взялась такая вставка? А ответить на такой вопрос можно лишь одним предположением.

Ахазия, сын Эталии и Иорама, убитый восставшим Иеуем-Иеговой в первый же год после своего воцарения, не находит себе реального представителя в истории и потому должен считаться вставленным лишь как романтическая подробность первоначальной легенды, которая состоит в следующем. Эталия (ЭТЛ-ИЕУ, что по-еврейски значит Отсрочка Громовержца), обозначает церковь, узурпировавшую государственную власть. Она, по вставке, имеющейся только в «Словах Дневных» (Паралипоменон II, XI, 1—20) избивает всех детей своего сына, но верная богу церковь «Седьмица Громовержца» (ИЕУ-ШБЕ), сестра Ахазии, тайно уводит его малолетнего сына Иоаса в свою спальную комнату вместе с его кормилицей.

Его скрывают 6 лет в доме бога, а в седьмой год священник Боговидец (Иодай) берет сотников и скороходов, показывает им этого семилетнего ребенка и говорит:

— «Окружите вашего царя со всех сторон, каждый с оружием в своей руке, и убивайте всякого, кто захотел бы пройти через ваши ряды».

«Все закричали с рукоплесканьем:

— «Да здравствует царь!»

Узурпаторша Эталия, услышав голоса бегущего народа, пошла посмотреть в храм Громовержца. И, вот, царь стоит там у столба по старому обычаю, и подле него князья и трубачи, и весь народ веселится.

С криком: «заговор! заговор!» она разодрала свои одежды.

— «Выведите ее! — сказал Боговидец.

Ее провели через конский ход к дворцу, и там она была

убита, а Боговидец оформил завет между царем и Громовержцем, чтобы его народ был народом Бога. Все пошли затем в дом Юпитера, разрушили его, поломали все его изображения, а жреца его по имени «Дар» умертвили перед его жертвенником.

Иоас, придя домой, сказал:

— «Все серебро, сколько кому придет на сердце, приносите в Дом Громовержца. Пусть берут его священники от своих знакомых и исправляют всякое повреждение.

Но так как до 23 года его царствования священники не исправляли повреждений, а растрачивали серебро, то он с Иодаем сделал ящик с отверстием и поставил его рядом с жертвенником по правую его сторону. И когда серебра там накоплялось много, приходил туда царский писец с первосвященником, они вынимали серебро и отдавали строителям, работавшим в храме. Некто Богозрящий (комета?), царь персидский (из Персея?), пошел в это время на «Виноградное точило» и хотел осадить город Давида, но Иоас взял все золото, найденное в сокровищницах своего дома и своего храма, и откупился им от него. Враг отошел, но слуги Иоаса составили затем заговор и убили Иоаса на дороге на 40-м году его царствования. Они воцарили его сына Амасию (что значит «Бодрость Громовержца), и он царствовал 29 лет, идя по добрым следам своего отца. Только народ и при нем совершал жертвы и каждения на высотах (пирамидах). Но и против Амасии через 15 лет составили заговор его придворные, и умертвили его, воцарив его сына Азарию. Этот, — говорит Библия, — царствовал целых 52 года в Святом Городе и делал угодное в очах Громовержца, хотя высот (т. е. пирамид) не отменил. За это бог поразил его проказой, и он поселился в больнице до конца своей жизни. Народом управлял его сын Иотам, шестнадцать лет царствовавший в городе Возлюбленного (II Ц., XV, 15). А в 15 строке той же книги «Цари» Иотам называется уже не сыном Азарии (ЭЗР-ИЕ), а сыном Озии (ЭЗ-ИЕУ), взявшимся неизвестно откуда. В «Словах Дневных» это недоразумение исправлено и Азария переименован в Озию, хотя ЭЗ по-еврейски значит «помощь», а ЭЗР — сила. Совсем другого корня!

Здесь кончается путаная вставка, замещающая несколькими царями одного Озию в родословной Матвея. Она явно вписана уже после составления Евангелия Матвея, т. е. не ранее X века нашей эры, так как иначе нельзя представить, чтобы такой благочестивый автор, как Матвей, решился выпустить из библейских книг в родословии самого Иисуса нескольких предков, из которых Иоас был даже исключительно благочестив среди всех остальных царей. А допустить ошибку у Матвея невозможно, так как в строке 17 гл. I он указывает и их сумму: от Давида до переселения в Вавилон 14 поколений (а не 17, как выходит в книге Царей и в Паралипоменоне).

В чем же смысл этой после-Матвеевской вставки в Библию?

Священник Боговидящий, низвергший узурпаторшу «От-

срочку Божию» и покровительствовавший несовершеннолетнему «Божью Огню» (Иоасу), хронологически и качественно налегает опять на того же Иоанна Златоуста, боровшегося с Евдоксией, узурпировавшей власть своего слабохарактерного мужа Аркадия, и забравшею его совсем в свои руки. Здесь аллегория ясна. Царь «Огнь божий» — это Аркадий, то же, что и Иорам Иудейский, а спасшая его сестра Седьмица Громовержца — это богославная церковь. Узурпаторша «Отсрочка Громовержца» — это Евдоксия, олицетворение враждебной Златоусту секты государственного византийского духовенства и приверженцев Николая Чудотворца. С той же Евдоксии списана в книге «Богоборческих Царей» Изабель — жена Ахава-Валента, евангельская Иродиада, погубившая Иоанна Крестителя. Последний царь этого путаного места Азария, вдруг заменяющийся, как во сне, Озией, в конце своего царствования хронологически налегает на Феодосия II, царствовавшего тоже около 50 лет (401-450) сначала как соправитель Аркадия, и это подверждается и пророчеством Амоса, «Пастуха Трубы» (кометы 418 года), предсказавшего знаменитое солнечное затмение 19 июля 418 года «во дни Озии, царя Иудейского» (Амос, I, 1).

Средний же царь Амасия — Бодрость Громовержца — входит клином между Аркадием и Феодосием II, не находя себе реального представителя в ромейской истории.

Мне кажется, что компилятор II книги «Цари», составлявший ее по отдельным заметкам на отдельных листах, перепутал их и по ошибке поставил листок Амасии раньше листка Азарии (Феодосия II), тогда как нужно было положить листки наоборот, поставив Амасию на место преемника Феодосия II, Маркиана (450—457), и сделать его таким образом современником Валентиниана III в Италии (423-455). Тогда и Зверь с Белой Горы (Mont Blanc, Монблан) окажется Аттилой, который в 452 году разрушил Аквилею на севере Италии, разбив посланные на ее защиту войска Маркиана. Отметим, что Маркиан со времени Феодосия II платил гуннам дань и сражение с Аттилой перепуталось здесь в сражение с богоборцами. При Маркиане же был созван в 451 году Халкедонский вселенский собор христианского духовенства, осудивший монофизитство, признанное государственным вероучением в 449 году на так называемом «разбойничьем соборе» в Ефесе в последний год Феодосия II (т. е. Азарии, «пораженного проказой»). В этом случае мы избегаем необходимости переименовывать Азарию в Озию, как сделано в Книге «Слова Денные». Озией окажется Амасия, имя которого значит то же самое, что и Озия: сила или крепость Бога, и восстановится нарушенный параллелизм ромейских и богославных царей, особенно если мы допустим, что к годам царствования Амасии — Озии прибавлено по описке 20 лет (29, вместо 9).

Посмотрим и далее.

После Маркиана на византийский престол вступил Лев I, неизвестно почему прозванный «великим». Он царствовал около

17 лет от 457 по 474 год и отразился в Библии под именем «Праведника Божия» (Ио-Тама), царствовавшего 16 лет. Он построил, — говорит книга «Цари» (XV, 35), — верхние ворота в Доме бога-Громовержца, но и при нем, несмотря на его личное благочестие, народ приносил жертвы и каждения на идолопоклоннических пирамидах (БМЕ). Больше ничего о нем нет.

После него Зенон вступил на византийский престол, потому что был женат на Ариадне, дочери Льва I. В 474 году он сделался регентом своего малолетнего сына Льва, но после скорой его смерти провозгласил себя императором. Его тотчас же захотел свергнуть соперник Василиск, но через год он снова добился престола и стал известен в церковной истории своим эдиктом «Энотиконом»(432 г.), приказывавшим всем не подпимать никаких споров о монофизитстве Иисуса. Потом этот эдикт был осужден папой Феликсом II, и константинопольский патриарх Акакий, сторонник этого эдикта, был отлучен от церкви. Зенон царствовал 16—17 лет, между 474 и 491 годами, и в первые же годы его царствования Западно-Римская часть империи пала под нашествием Одоакра — Салманасара.

В Библии он отразился под именем «Владельца» (Ахаза), уже без прибавки слова «Божий» (Азаз-Ия), как видим для других царей.

«Он ходил, — говорит Библия, — путями царей богоборческих и даже сына своего провел через огонь, подражая мерзостям народов, которых Громовержец отторг от своего лица. Он приносил жертвы и каждения в идолопоклоннических храмах, и на Высотах *(пирамидах)* и под всяким зеленым деревом.

Арамейский царь, по имени Стремительный (РЦИН) пошел на него вместе с богоборческим царем, чтобы завоевать Святой Город. Они держали его в осаде, но не могли взять, а идумеяне вступили в его дни в Элат (АИЛИТ), где и живут «до настоящего дня». Ахаз поехал к Чудищу-Переселенцу, царю Страны Тельца, с золотом и серебром, какое нашлось в Доме Громовержца и в сокровищницах царского дома, говоря:

— «Я сын и раб твой. Приди и защити меня от царя Богоборцев и от «Стремительного».

Царь Страны Тельца послушался его, взял Димишк, переселил его жителей в Кир (на р. Куру?), а «Стремительного» убил. Приехав к Чудищу-Переселенцу, царь-Владелец увидел там жертвенник и послал его чертеж и изображение к первосвященнику Урии (т. е. Божьему Откровению), чтобы он построил такой же в Храме Громовержца и, возвратясь, сам принес на нем в жертву просфоры и свечи и окропил его кровью мирной жертвы, а медный жертвенник, что был перед лицом Громовержца, передвинул и поставил сбоку своего нового жертвенника, на север от него, чтобы он остался праздным до дальнейшего усмотрения.

Можно ли думать, что легенда о жертвеннике навеяна Энотиконом Зенона и что под Чудищем-Переселенцем надо здесь предполагать Одоакра?

ТАБЛИЦА XXIII

Параллелизм времен царствования всего ряда последовательных царей богославных (по-еврейски — иудейских) со всем рядом последовательных ромейских царей до начала агарянства (по восточно-римскому византийскому счету).

	Число лет царствования царей богославных (иудейских) 60 55 50 45 40 35 30 25 20 15 10 5		Число лет царствования царей православных (восточных) 5 10 15 20 25 30 35 40 45 50 55 60
8-я дин. египтологов.	Начало царства богославного (иудейского).		Начало эллино-сирийско-египетской (ромейской) теократии.
	Ровоам 17л.		17л. Лициний (307-324)
	Аб-Ие (т.е. Отец Господа Бога) 4г.		9 л.? „Сын Лициния" (324-333)
	Аса (Иисус) 41г.	Распятие Иисуса 21 марта 368 года.	45 л. „Великий Царь" (Василий Великий; 333-378)
	Иосафат 25л.		17 л. Феодосий Великий (378-395)
	Иорам с нечестивой женой. „Отделение Эдома 8л.	Появление Апокалипсиса.	13 л. Аркадий с нечестивой женой. „Отделение Зап. Империи" (395-408)
	Четверо вставных „Израэльских" царей.		Четверо вставных Западно-Римских царей.
10-я династия египтологов.	Озия (?)50л.	Амосово Солнечное затмение 19 июля 418 г.	41г. Феодосий II Законодатель (408-400)
	Пропущен		7 л. Маркиан (450-457)
	Иотам 16л.	Время Библейских	17л. Лев I (457-474)
	Ахаз 16л.	пророков	17л. Зенон (474-491)
	Езекия 29л.	Страшная чума в Константинополе.	27л. Анастасий (491-518)
	Манасия 55л.	Комета Даниила 568 г. Постройка Храма Мудрости в Царь-Граде.	60 л. Три Юстина под ряд (518-578)
	Пропущен		4г. Тиверий (578-582)
	Амон („Они") 2г.		20 л. Маврикий (582-603)
	Узурпатор, убийца Амона. ?		7 л. Фока Узурпатор, убийца Маврикия (603-610)
	Иосия 31г.		31г. Ираклий (610-641)
	„Ассирийцы" убили Иосию в Мессопотамии под предводительством Нево (Навуходоносора)		Магометане отняли у Ираклия Египет под предводительством Халифа Омара
	Иоахаз 3 мес.		3 мес. Константин III (641)
	Иоаким 11л.		27л Констанс (641-668)
	Иоаким II 3 мес.		Отсутствует
	Седекия 11л.		11л. Константин-Паганат (668-679)
	Подчинение земли Иудейской Нево (Навуходоносору).		Подчинение Сирийских владений Вост. Империи Моавию-Халифу (679).

Его преемник Анастасий I, воцарившийся в Константинополе после Зенона и царствовавший 27 лет (от 491 по 518 г.), известен в христианских источниках больше всего тем, что вызвал в духовенстве смуты своим покровительством монофизитам, признавшим в Иисусе только одну воплощенную божественную сущность, как это было установлено на так называемом «разбойничьем соборе духовенства» в Ефесе в 449 году.

Его отражение в Библии «царь Крепость Громовержца» (Иезекия) воцарился, по ее словам, на 30-м году своей жизни и царствовал (по книге «Цари») 29 лет. Он провозглашается там самым благочестивым из всех царей, заставляя этим думать, что книгу «Цари» писал монофизит.

«Он отменил пирамиды (БМУТ), — говорит она (XVIII, 4), — пресек служение Астарте,[1] разбил Медного Змея, которого сделал Моисей, и которому до его дней кадили дети богоборца, называя его медяницей.

Он надеялся на Громовержца, бога богоборцев, и такого царя, как он, не было между всеми царями богославцев, ни до, ни после него. Бог-Громовержец всегда был с ним, и он преуспевал, куда бы ни ходил. Он не стал платить дани царю Вождю (АШУР) и поразил пришельцев (ПЛШТИН).

«В четырнадцатый год его царствования (следовательно, отожествляя его с Анастасием, около 505 года нашей эры) пришел, — говорит Библия, — Острый Меч (СНЕ-ХРБ), царь Земли Вождя и взял укрепленные города страны богославных (*комета в Зодиаке*).

— «Я согрешил! — послал сказать ему Езекия. — Отойди! Я внесу все, что наложишь на меня».

Тот наложил 300 талантов серебра и 30 золота. Езекия отдал ему все, что нашлось в его дворце и в Доме Бога, ободрав даже его двери. Но Острый Меч послал к нему трех послов *(планет)*, которые сказали вслух всего народа:

— «Слушайте слово великого царя, царя Страны Вождя! Так говорит он: пусть не обольщает вас Езекия: он не может спасти вас от моей руки. Заключите со мною мир, передайтесь мне, и тогда пусть каждый ест плоды своей смоковницы и виноградной лозы и пусть пьет воду из колодцев, пока я не приду и не возьму вас в такую же землю, как и ваша, в землю плодов и виноградников, маслин и меда, где будете жить и не умрете. Спасли ли боги других народов свои земли от руки царя-Вождя, чтобы вы могли думать, будто Громовержец спасет ваш город от моей руки»?

---

[1] קרת את־ה־אשרה (КРТ АТ-Е-АШРЕ) — пресек культ Ашеры. Слово Ашера, собственно говоря, значит: дающая наслаждение, богиня наслаждения. Созвучно с Астартой (עשתרת) — планетой Венерой, от ЭШТ (עשת) — сиять. Отсюда эпитет צשתרות קרנים (ЭШТРУТ КРНИМ) — Астарта лученосная. Кроме того, она же имеет значение богини приплода, и в честь ее при храмах совершались адюльтеры, вероятно со священниками, в особых палатках (II Цари, XXIII 6—7).

«Народ молчал. А Езекия разодрал свои одежды, оделся во власяницу, вошел в Дом Громовержца, и послал начальника дворца, писца и старших священников к пророку Исаии (XIX).

А Исаия послал ответить ему:

— «Так говорит Громовержец, Бог Богоборца, царю Острому Мечу: презрела тебя и насмеялась над тобою Дева, дочь Путеводного Знака. Она покачала головою вслед тебе. Кого ты поносил? На кого ты так высоко поднял свои глаза? На богоборческого святого *(созвездие Овна)*. Со множеством своих колесниц ты взошел на высоту гор, на хребет Белой горы и сказал: «Я срублю его рослые кедры и прекрасные кипарисы и приду в рощу сада его». Но за то, что надменность твоя дошла до моих ушей, я вложу мое кольцо в твои ноздри и мои удила в твой рот и возвращу тебя той же дорогой, какой ты пришел».

(До сих пор, читатель, еще можно было думать, что тут — какой-то чисто исторический роман. А вот, далее уже прямо видно, что это роман — астрологический, и острым мечом названа комета.)

И случилось так, что в ту ночь ангел Громовержца поразил *(дождем метеоритов-копий)* сто восемьдесят тысяч в стане Страны Вождя. Утром встали, и вот все они мертвы. «Острый меч» возвратился в «Прекрасное жилище» (НИНУЕ), и когда он преклонялся в доме Бога-Орла *(Солнца, домом которого был Лев)*, его собственные сыновья убили его мечом, а сами убежали в Араратскую Землю (АРЦ АРРЕ).

Как понимать этот рассказ о царе «Остром мече», в мифическом характере которого едва ли у кого-нибудь появится сомнение?

Рассматривая небесные явления времен Езекии-Анастасия (491—518), мы не можем не обратить внимания на то, что как раз в этот период, в 501 году, имеются две записи в найденной в Китае летописи, известной под названием «Лесной Конь» (Ма-Туан-Лин). Первая запись говорит, что наблюдалась комета на горизонте в феврале 501 года при солнце в Водолее. А вторая запись, что видели комету в апреле при Солнце в Овне. Само собой понятно, что это была одна и та же комета, наблюдавшаяся три месяца, от февраля до мая. Ход ее по созвездиям не указан, но библейское описание говорит за то, что она вышла из-за солнца, находившегося в Водолее, т. е. появилась впервые в Рыбах, потом в Овне (земле Вождя), прошла по Тельцу, Близнецам, Раку и Льву. В нем она и исчезла перед насмеявшейся над нею Девой через три месяца видимости, которые олицетворены в трех посланцах «Острого меча» с их угрозами.

Так оканчивается волшебная сказка о Езекии — Твердости Громовержца. Мы видим здесь и пророка Исаию, время книги которого мы определили уже астрономическим путем на 451 год нашей эры. Возможно ли, что автор дожил и до 501 года. ? Почему же и нет? Ему в это время могло быть лет восемьдесят, а это далеко не исключительный возраст. Значит, время Езекии, как

налегающего хронологически на Анастасия, подтверждается и астрономическим путем. Что же касается до того, что в книге «Цари» он называется современником богоборческого Осии (II Ц., XVIII, 9), т. е. Ромула-Августула, воцарившегося по христианским источникам за 16 лет до его воцарения, то этот небольшой анахронизм легко объясним отсутствием определенной хронологии в средние века.

После Езекии, — говорит нам Библия, — над богославским народом воцарился двенадцатилетний Манасия (М-НШЕ), имя которого судя по тому, как произносить в нем еврейскую букву Ш, имеет два значения. При произношении Манасия это значит: Высший Властелин, а при произношении Манашия, как делают теперь гебраисты, оно значит «Позабытый». Однако, первое значение более подходит к нему, так как он «снова построил идолопоклоннические церкви, которые уничтожил его отец, поставил жертвенник Юпитеру, сделал рощу Венере, поклонялся всему лику святых и соорудил им жертвенники в обоих дворах Дома Громовержца. «Он пролил много невинной крови, провел через огонь своего сына *(как предохранение от вулканического извержения)*, гадал, ворожил и учредил вызывателей мертвых (XXVI, 6)».

— «За это, — сказал о нем Громовержец через своих пророков, — я наведу такое зло на Святой город, что зазвенит в обоих ушах у слушающего о нем. Я вырву его так, как выдирают заросли и расшвыривают их, и отдам остаток моего удела на расхищение и разграбление всем его неприятелям».

Время царствования Манасии определяется исключительно долго — в 55 лет. И как раз в соответствии с этой долговечностью, аналогом его по нашей диаграмме (стр. 377) является очень долголетний император Юстиниан. По христианским источникам, он был сыном иллирийского крестьянина Юстина (что по смыслу слова: «справедливый» неотличимо от Юстиниана, и потому он легко мог быть смешан с ним, особенно по-еврейски). В 518 году, когда его высокообразованному племяннику Юстиниану было уже 35 лет, Юстин сделался византийским императором, причем его племянник, повидимому, был уже его соправителем, так как в Библии мы видим их обоих соединенными в одно лицо — Манасию. Кроме того, мы не должны забывать, что в средние века не было обычая отмечать одноименных государей по номерам: первый, второй и т. д., а потому и при преемственности трех Юстинов или Юстинианов в этот период Ромейской истории, когда Юстиниану предшествовал одноименный дядя (Юстин 518 — 527) и наследовал (565 — 578) одноименный племянник (Юстин же), они все три легко могли объединиться на еврейском языке в одного, будто бы царствовавшего около 59—60 лет, от 518 по 578 год.

Оба крайние Юстина не были ничем замечательны, но зато средний из них, Юстиниан, время самостоятельного царствования которого можно определить с 527 по 565 год, был одним из замечательнейших деятелей в византийской истории. В 532 году он жестоко подавил восстание в Царь-Граде, что и дало повод к библейскому выражению, что его псевдо-двойник Манасия «пролил много невинной крови». В 534 году он покорил царство вандалов в Африке и в 553 побил остготов в Средней Европе, но более всего он был замечателен составленным при нем, под руководством Трибониана, сводом законов «Codex Justiniani», т. е. того, что теперь называется «римским правом». Нам говорят, что в кодексе этом астрологи были приравнены к отравителям, а между тем они-то и были главными составителями большинства книг Библии, и потому понятно, что и в книге «Цари», соответствующий ему Манасия объявлен большим грешником, а построенные им церкви — идолопоклонническими. Вполне согласно с библейским описанием, Юстиниан построил очень много храмов и, между прочим, знаменитый Храм Мудрости (Софии) в Царь-Граде, давший повод к сказанию о Храме Соломона, так как он и до сих пор называется турками: Храм Сулеймана. Таким образом, соответствие византийского царя с налегающим на него хронологически библейским здесь очень полное, несмотря на троицу Юстинов в одном Манасии.

После смерти Манасии, — рассказывается в XXI главе книги «Цари», — воцарился над богославцами сын его Амон, имя которого значит «Справедливый», а по-гречески как раз «**Юстиниан**» или «**Юстин**». Отсюда выходит, что по библейским традициям только-что упомянутый «Кодекс законов» написан не Юстинианом, а его преемником, названным по-еврейски Амоном, как назывался и бог-отец, Юпитер (Юпитер-Амон, т. е. Юпитер Справедливый). И интересное совпадение! Его имя фигурирует и в клинописях, как имя законодателя. Припомните только знаменитый кодекс законов Хаму-Раби (вернее Амму-Раби, т. е. Амона-Учителя (но о нем я буду подробно говорить только в следующем томе). Значит, Манасия и Амон — одно и то же лицо. Но здесь вышла путаница: ему дано время царствования только 2 года, что более всего соответствует по нашей диаграмме Тиберию (578 — 582), но, скорее, благодаря созвучию с ЕМУН (המון) — «они», это имя сразу замещает собою трех ромейских царей: Тиверия (578—582), Маврикия (582—603) и Фоку (603—610). Суммарное царствование их, 32 года, сокращено в нем всего до 2 лет. Подобно своему отцу, — говорит книга «Цари», — он делал неприятное в очах бога-Громовержца и служил изображениям, как его отец. Один из его придворных умертвил его во дворце (и, конечно, сел на его место), но народ перебил всех бывших в заговоре против Амона и воцарил Иосию, его сына.

Из соответствующих этому библейскому «единству трех византийских царей», Тиверий характеризуется в христианских источниках как стремившийся к устранению общественных неурядиц страны, а Маврикий как сверженный потом своим приближенным Фокой, севшим вместо него на 7 лет.

Наследовавший Фоке Гераклий (610—641) царствовал 31 год. Теснимый персами и аварами он должен был отказаться от еще остававшихся за Византиею Испанских владений. В 620 году

он купил мир у аваров, расселившихся к тому времени от Южной России до берегов Дуная. В 628 году он предпринял ряд походов на персов и отбросил их в Месопотамию, но около 632 года возникшие перед этим (в 622 г.) агаряне отделили от Ромеи Сирию, Месопотамию и Египет и объявили предметом своего поклонения осколки метеоритной катастрофы в Мекке в Аравии.

Гераклий отразился в библейской истории богославского народа благочестивым царем Иосией, имя которого значит «Огнь бога-Громовержца». Он, — говорят нам, — царствовал тоже 31 год, «не уклоняясь ни вправо, ни влево от путей Давида, своего отца». В его дни Миц-римский царь Нехао (сходно с греческим никáо (νικάω — побеждаю) пошел против царя земли Вождя на реку Прут ((פרת), считаемую историками вместо Дуная-Прута за Евфрат.

«Огнь бога-Громовержца» (*Иосия*) выступил против него *(или за него),* но был убит (XXIII, 29) в этой войне.

Имя Иосия (И-АШ-ИЕУ) значит то же, что и Иоас (ИЕУ-АШ) и интересно, что в только-что приведенную краткую фактическую биографию Иоаса вставлена та же самая легенда, как и в биографию уже обрисованного нами вставного Иоаса (см. стр. 377 этой главы). Тот воцарился семи лет, а этот — восьми. Тот сказал священнику Иодаю *(что значит Боговидец),* чтоб он вместе с писцом царя вынимал из ящика пожертвований при храме бога-Громовержца накопившееся там серебро и, сосчитав его, отдавал производителям работ для починки храма, не требуя у них отчета, потому что они честны (XII, 16). А этот, одноименный с ним царь говорит точно так же через писца своему священнику Хелкий (что значит «Доля Божия»), чтоб он «вынул все серебро, принесенное пожертвователями в храм бога-Громовержца, и отдал его в руки производителям работ для починки повреждений и не требовал у них отчета, потому что они поступают честно (XXII, 7).

Оба говорят одни и те же фразы, но во втором рассказе вписана и новая деталь:

«Первосвященник в храме бога-Громовержца нашел в нем новую Книгу Закона (вероятно, агарянский устав) и прочел ее перед царем. Царь разорвал свои одежды, услышав слова этой книги, первосвященник же пошел к пророчице Хелде (*созвучно со словом Халдей*), и она сказала: «Так говорит бог-Громовержец: наведу на это место все слова, которые вы читали в книге за то, что жители его оставили меня и кадили другим богам. А царю скажи: «за то, что смягчилось твое сердце, когда ты услышал, что твое место будет предметом ужаса и проклятия, и за то, что ты разодрал свои одежды и плакал передо мною, не увидят глаза твои этого бедствия» (XXII, 20).

А в следующей главе (II Цари, XXIII) описывается во многом почти теми же словами, как и в биографии царя Езекии, уничтожение Иоасом кумиропоклонства. Он отставил священников пирамид (БМЕ) «кадивших солнцу и луне, созвездиям и всему небесному воинству (XXIII, 5), разрушил при божием храме, блудилищные палатки, которые ткали женщины для культа Астарты-Венеры (XXIII, 7)». «Он сказал всему народу: совершите пасху Громовержцу, богу вашему, как написано в найденной книге Завета, потому что не была совершаема такая пасха во все дни царей богоборческих и богославных» (II Цари, XXIII, 22).

И я уже говорил, что впервые пасха (т. е. праздник пощады[1]) хронологически совпадает с эрой агарянской геджры, т. е. с эрой бегства в 622 году, на 12-м году царствования Гераклия, он же библейский царь «Огнь бога-Громовержца». Выходит, что оба сказания — одно и то же: Палатка «скинии завета», путешествовавшая 40 лет по Аравийской пустыне и затем затерявшаяся бесследно, существует и теперь в виде Меккской «Каабы», а ее скрижали оказываются осколками метеоритного камня, снимок с которых я дал в VI томе «Христа». Только эта позднейшая легенда (о вторых скрижалях, данных Моисею взамен первых, полученных им на Везувии-Синае, но разбитых при виде идолопоклонства его народа), неправильно поставлена в Бытии, как непосредственное продолжение событий у подошвы вулкана. Но так часто бывает в легендарном творчестве, не считающемся ни с местом, ни со временем событий, лежащих в его основе.

После убийства Гераклия, в Ромее, — говорят нам, — воцарился в 641 году на три месяца его сын Гераклий-Константин, а в библейской «стране богославных», аналогично ему, на три же месяца воцарился Иохаз, имя которого значит Богособственник. Его захватил в плен тот же миц-римский царь Ника (НКЕ), называемый у нас Нехао, и он умер у него в плену, не оставив за собой других следов в истории. На его место Ника-Нехао воцарил Элиакима (т. е. Богостойкого), переименовав его в Иоакима (Стойкий бога Громовержца), который стал платить ему дань, разложив ее на своих подданных и делая «неугодное перед Громовержцем, а Громовержец посылал за это на него полчища халдеев (КШДИМ), арамейцев, арабов (МУАБ) и амонитян (ЭМУН), чтобы отдалить богославных от своего лица за неповинную кровь, которою предок Элиакима Манасия наполнил Святой Город (XXIV, 2).

А об его аналоге в христианской истории Констансе II (641—668) греческие источники говорят, что в 648 году калиф Осман отнял у него область Картагену, затем в 649 году Каир, а в 654 году он потерпел поражение от арабов близ берегов Ликии. Только в 657 году он подчинил себе, однако, часть Славонии и в 663 году устроил себе резиденцию в Сиракузах, где и был убит.

Этот переезд в соседство Италии был знаменателен. Там тогда был мало заметный до тех пор захолустный поселок Палатино, на берегу Тибра. Но в нем так же, как и в Мекке, повидимому, упал крупный метеорит, получивший название апостола

[1] פסח (ПСХ) — пощада, также: переход через что-нибудь, минование.

Петра (т. е. камня-посланника), и благодаря ему и там стал образовываться крупный центр пилигримства, а вместе с ним и культуры — современный город Рим, вся прежняя история которого является чистым мифом, как я это уже не раз показывал в V томе.

А в библейском рассказе об аналоге Констанса II — Иоахазе — мы читаем, что в дни его получил власть царь Врат Господних (ББЛ), агарянский Новый цезарь (Навуходоносор,[1] по-еврейски), и был ему Иоаким подвластным три года, но потом отложился от него. Особенно отметим, что здесь впервые появляется в еврейской Библии слово «Врата Господни» (по-еврейски — Вавилон), но, повидимому, уже в применении не к понтификальной римской церкви, а к агарянству, как государственной религии Востока, сменившей там мессианство-богославие. Таким образом, библейский Элиаким соответствует хронологически Констансу, хотя время царствования последнего (27 лет по византийским источникам) почти втрое более одиннадцатилетнего царствования Иоахаза по Библии.

После Иоакима на три месяца воцарился — по Библии — над богославцами Иоаким II, иначе Иехония, что значит Оправданный богом Громовержцем (ИЕУ-И-КИН). Но он сливается с Иоакимом I, так как тоже сдался «агарянскому царю-пророку» (называемому в наших полу-переводах Навуходоносором), царю «Врат Господних», со всем своим семейством и придворными и рабами. Взявши «Святой Город» на восьмом году своего царствования, Агарянский «царь-пророк» забрал к себе всех художников и зодчих, оставив в городе только простой народ. Он воцарил над ним дядю Иехонии — Маттанию (т. е. Дар божий), переименовав его в Седекию (что значит Праведник бога Громовержца). И был, — говорит книга Цари (XXIV, 20) — «Лик божий[2] над святым городом и над всею богославною страною», что хорошо подтверждает наши сопоставления библейских и ромейских царей. «Лик над страною» несомненно была комета, и как раз такую на-

[1] Cruden дает Навуходоносору (Nebuchadnez-zar) значение «Стоны и слезы осуждения», или просто; «Печаль суда», но с этим трудно согласиться. По-еврейски мы имеем נבו-בדרא־צר (ИБУ-КДР-А-ЦР), и это по Штейнбергу состоит, как и показано тут, из трех слов, где начальное НБУ читается теперь НЕВО и обозначало Меркурия, бога, ведущего записи о событиях на небе и на земле (Исаия, XLVI, 1). Но не лучше ли допустить, что это просто слово: новый (nuovo) или, еще лучше, сокращенное Навья (נביא) — пророк, как я и перевожу здесь. А конечное слово ЦР, бесспорно обозначает царя вообще, и цезаря в частности. Эти два слова несомненны. Что же касается среднего слова КДРА, или по другой транскрипции КДНА, то Штейнберг производит его от kadr — могучий, хотя по-еврейски כדר (КДР) значит — тревога. Но не лучше ли предположить, что первоначально писалось קדר (КДР) — темнокожий, как называют агарян-измаэлитов в книге Бытие (XXV, 13) и в Исаии (LX, 7 и XXI, 17). Ведь, самый арабский язык у раввинов называется לשון קדר (ЛШУН КДР). Тогда слово Навуходоносор будет значить Агарянский новый цезарь.

[2] אף (АФ) — лик, лицо.

ходим мы в летописях комет, помещенных в VI томе Христа. «В 667 году (т. е. накануне воцарения Седекии, — соответствующего Константину Погонату, 668—679) Ма-Туан-Лин отмечает в мае комету в области Возничего и Тельца, исчезнувшую под Плеядами 12 июня.

Потом Халдеи[1] или, вернее, Кушиты, т. е. египтяне, осаждали тот же Святой Город Мира вместе со своим агарянским царем-пророком, окопав его валом до одиннадцатого года царствования Седекии. В этом году и сам Седекия и его войска выбежали ночью вон от голода, но халдеи (или кушиты) схватили их на дороге и отвезли судить в Ривлу, которую считают за нынешнее местечко Рибле, при реке Оронто. Там его присудили к ослеплению, заковали в медные цепи и отвели во «Врата Господни», а потом через несколько лет сожгли все лучшие дома Города Мира, его храм и дворец, а всех знатных и ученых переселили во «Врата Господни» (забывши, что они уже были переселены при Иоакиме II), и оставив опять «только землепашцев и работников в виноградниках».

Так, по Библии, окончило свое существование Богославное царство при царе «Богодарованном», переименованном в «Богоправедника». Здесь же мы находим и интересное изменение в значении слова Вавилон (ББЛ). В Апокалипсисе оно обозначало Ромейскую господствующую церковь, а в только-что приведенных строках мы видим уже другое применение этого слова. Под Вратами Господними (ББЛ) предполагается здесь уже агарянская церковь, заменившая собою в Египте и Западной Азии византийскую. Она и сделалась при Калифах, т. е. царях-пророках, государственной церковью на Востоке, начиная от Египта и кончая Мессопотамией, Аравией, Сирией и Малой Азией. Значение Врат Господних — как символа религиозного угнетения — осталось прежнее, но в него влилось уже новое содержание, при котором христианские авторы стали указывать на апокалиптический Вавилон, как на синоним ислама, и искать его столицу в Мессопотамии, вместо Царь-Града, да и город Мира (Иерусалим), как будто, перекочевал уже тогда из Царь-Града в современный Эль-Кудс, т. е. город св. Илии в Палестине. А это показывает, что последние главы книги «Цари» написаны очень поздно.

Соответствующий Седекии последний независимый ромейский царь Библии — Константин Погонат — царствовал по византийским источникам, как и этот, 11 лет (668 — 679) до подчинения части своей империи Моавию Калифу, основателю династии Омайядов (библейскому Навуходоносору), вступившему на престол после смерти Османа в 656 году, о чем я говорил уже в общем изложении Ромейской истории. А здесь упомяну только об одном.

[1] По-еврейски КШДИ (כשדי) или КУШДИ — более созвучно с КУШИТ — верхне-египтянин, эфиоп, — чем с халдеем, как называли курдов.

Имя Нево-Кадра-царь т. е. Агарянский царь-пророк, по своему смыслу равнозначащее Калифу, [1] встречается в Библии еще и у пророков. Так, в пророчестве Иеремия (XXXII, 28) говорится от имени бога: «Я предам этот город (Иерусалим) в руки кушитов (КШДИМ) и в руки «Агарянского царя-пророка», царя «Врат Господних» (Вавилона). В пророчестве «Иезекиил» мы находим (XXVI, 7) от имени того же бога-Громовержца: «Приведу против Царь-города (города ЦР) с севера (?) властелина «Врат Господних» Агарянского царя-пророка, царя над царями, с конями и колесницами с всадниками и множеством народа... Копытами коней своих он истопчет твои улицы и повергнуты будут на землю памятники твоей силы (XXVI, 12). Мы видим, что здесь от имени древнего автора предсказывается уже гибель самого Царь-Града от агарян, а потому и все пророчество приходится считать составившимся постепенно путем многочисленных добавок к первоначальному ядру, представляющему расширенный перевод Апокалипсиса с греческого языка на еврейский. А в пророчестве Суд Божий (Дани-Ил) это же имя «Агарянский Царь Пророк» (т. е. Калиф), сделавшееся нарицательным, применено в качестве имени царя, которому снились странные сны (II, 1; IV, 28; и т. д.). Отсюда ясно, что и в Дани-Иле есть главы уже агарянской эпохи.

Резюмирую же в немногих словах все эти наши сопоставления истории двух ветвей избранного народа Божия с историей Восточной и Западной Ромеи.

Христианские авторы считают время разделения «Римской» империи со времени появления Апокалипсиса в 395 году, когда в ней воцарились соправители: Аркадий и Гонорий. А еврейский автор начинает разделять их еще от соправительства Константина и Лициния, хотя обе половины, имевшие по греческим авторам постоянно отдельных соправителей, и соединялись потом не раз на время под властью одного из двух — свергавшего и убивавшего второго.

То обстоятельство, что история Ромеи доведена в Библии до времени калифата, т. е. до введения агарянства, как государственной религии в ее азиатских и африканских владениях, показывает, что последовательные пополнители библейских рукописей, редактировавшие и сопоставлявшие дошедшие до них сказания о деяниях ромейских царей, жили уже позднее конца VII века, и, можно думать, продолжали свои вставки вплоть до напечатания Библии. С обычной в то время привычкой делать свои сообщения непонятными для непосвященных и, кроме того, подводить все земные события под астрологию, они давали всему последовательному ряду ромейских царей астрологические клички, по, будто бы, покровительствовавшим им созвездиям Зодиака. С историей латинских императоров от Константина I до Ромула-Августула они были знакомы довольно хорошо, и потому окончательный редактор, подводивший хронологию, ошибся только

[1] Калиф-рассул-Аллах — наместник — пророк-бога.

в том, что цезарей-соправителей принял за наследников друг друга и таким образом соответственно удлинил сумму их царствований. С византийской же историей он был знаком много хуже, вероятно потому, что жил уже в Испании, в период ее мавританской культуры.

В этом отношении в книгах «Цари» и «Слова денные (Паралипоменон)» только начало и конец хорошо совпадают с греческими апокрифами, а в средних частях у них нередко замечаются отдельные путаницы, которые можно объяснить отчасти неточностью и отрывочностью сведений авторов по ромейской истории и отчасти тенденциозным подведением земных событий под астрологические и каббалистические гипотезы самого автора.

Мы никак не должны думать, что древние писатели лучше нас знали предшествовавшие им события в отдаленных от них странах или даже в своей собственной стране за два, или за три поколения до них. Совершенно наоборот. Они не имели возможности пользоваться теми разнообразными документами, которые были собраны и опубликованы со времен Эпохи Возрождения до наших собственных дней. Чтоб убедиться в этом, посмотрите только на географические карты средних веков, до чего они фантастичны. Не более, чем они, походили на действительность и события, описываемые тогда в этих искаженных странах.

В руках компиляторов исследуемых нами теперь книг находились только отдельные записи по ромейской истории, с указанием времени от начала жизни каждого царя отдельно. Они знали только некоторые легенды из его времени и сами, вдобавок, были астрологи, верившие глубоко, что все земные события предопределяются разнообразными комбинациями небесных светил между собою или небесными знамениями вроде комет и затмений. Они могли уже расчислять движения солнца и луны, Юпитера и Сатурна взад и вперед довольно точно на столетие или два и были уверены, что могут это делать не только для них, но и для Марса, Венеры и Меркурия, от «сотворения мира и до его конца». И они пользовались этим для воображаемого восстановления того, о чем у них не было документов, но ошибались даже и в самих своих астрологических вычислениях. И нет ничего удивительного, если какой-нибудь средневековый астролог, рассчитав тогдашними несовершенными методами комбинации всех известных ему подвижных небесных светил, вдруг пришел к заключению, что они повторяются через определенное число веков и что поэтому, соответственно истории «Всемирной римской империи», на столько-то веков ранее ее была на земле другая империя с таким же числом царей, царствовавших столько же лет и имевших аналогичные судьбы.

Однако, мы не должны забегать своим воображением так далеко, когда можем объяснить обычным путем возникновение волшебной сказки о существовании когда-то избранного народа божия на пустынном прибрежьи Мертвого Моря (реки которого при том же, будто бы, текли тогда молоком и медом).

*

Проще думать, что какой-то астролог средних веков, живший в тревожное время религиозных распрей, размышлял о судьбах Ромейской империи, согласуя ее династические записи с течением планет по созвездиям Зодиака. Он, простодушно мудрствуя, переписал все свои псевдо-исторические выводы для себя по-еврейски, заменяя собственные имена ромейских царей различными символическими названиями. Невольно подчиняясь своим предвзятым идеям, он выбрасывал иногда того или иного царя, как ошибочно записанного, соединял двух или нескольких одноименных в одного или, наоборот, разделял одного на двух. Потом он умер. Его записки, не имевшие на себе обозначения ни времени, ни места, ни имени автора, попались в следующем поколении кому-то новому, который, прочитав их, пришел к заключению, что нашел драгоценную книгу, трактующую о делах глубокой древности.

Книга распространилась во многих копиях среди мессианского населения, и таким образом создалась легенда об избранном народе бога, цари которого были предками Иисуса. Их родословная и попала потом в конце VIII века в редактировавшееся окончательно только тогда евангелие Матвея. Но кроме того в первоначальный список и рассказ с течением времени были внесены и пополнения, и изменения, и новые эпизоды. И вот, составленные по ним «Деяния Восточно-Римских» (Ромейских) царей, переплетенные как две пряди волос в женской косе с деяниями западно-римских царей, и создали основную часть библейской книги «Цари» и книги «Слова денные» (Паралипоменона). А потом, на Втором Никейском соборе, трудившемся над редактированием священных книг целых пять лет (783—787), и создалась из всего предшествовавшего комплекта разрозненных рукописей современная каноническая Библия Старого и Нового Завета, в которой с нашей точки зрения «Книги Цари» и «Слова Денные» были одними из самых последних. Но и в нее еще вносились в рукописный период вставки и изменения вплоть до XV века, когда одну из всех имевшихся тогда вариантных ее рукописей случайно закрепил во всеобщее употребление печатный станок Гуттенберга.

Современные представления о том, что еще в первые века христианства мессианцы (т. е. современные евреи) уже отделились от христиан в непримиримую религию, составляет печальное недоразумение кануна крестовых походов, когда две секции (т. е., в церковном произношении, секты) той же самой религии не узнали своего общего происхождения, и христианская триипостасная клика начала жестоко гнать одноипостасную. Ведь, мы уже видели здесь, что под именем пророка Илии фигурирует у мессианцев тот же христианский Иисус, а другими вариантами его являются и богославческий царь Аса, и Иисус Навин, и иероглифический Великий царь Мессия (Рэ-Мессу Миамун) и четьиминейский Василий Великий, и что все — это легенды о действительном основателе первичного богослужения ромейском царе Юлиане Философе, в которых остались только ничтожные крупицы из действительных деяний основателя первого государственно-регулируемого культа, заменившего прежнее свободное шаманство.

ГЛАВА XVII

МАЛОАЗИАТСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ. ДИНАСТИЯ ЛЬВА ИСАВРИЙСКОГО. НИЗВЕРЖЕНИЕ ВСЯКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ БОГОВ И БОГИНЬ ВО ИМЯ ЕДИНОГО НЕВИДИМОГО БОГА

Дальнейшее изложение нам приходится делать уже исключительно по греческим первоисточникам, и притом — по апокрифам.

Наметим, прежде всего, как я делал и ранее, хронологические вехи этого периода в связи с общей хронологией, данной ранее (общая таблица II, на стр. 17).

«До недавнего времени, — говорит А. А. Васильев в «лекциях по истории Византии» (I, 219), — родоначальник новой династии император Лев III (717 — 741) «боголом»[1] во всех исторических трудах назывался исаврийцем, а династия его исаврийской. Однако, в конце XIX века был высказан взгляд, принятый теперь некоторыми учеными, что Лев III был не исавриец, а сириец. Дело в том, что главный источник о происхождении этого «царя-кумироборца» — хронист начала IX века Феофан — пишет:

«Лев Исавриец... происходил из Германикии, на самом же деле из Исаврии».

А латинский перевод Феофана, сделанный римским библиотекарем Анастасием во второй половине того же, IX века, сообщает, не упоминая ни словом об Исаврии, что Лев происходил из жителей Германикии и был родом сириец (genere Syrus, т. е. еврей). «Житие Стефана Нового» также называет Льва «родом сириец» (ὁ συρογενής). А Германикия считалась историками не Германией, а, без особых доказательств, северной Сирией на восток от Киликии, хотя (как мы видели еще во втором томе «Христа», 376), Ассирией в Библии называлась Германия. Один арабский историк также называет Льва «христианским жителем Мараша», умевшим правильно говорить по-арабски и по-ромейски.

Сирийское и агарянское происхождение Льва Кумироборца, таким образом, становится очень вероятным. А дальнейшие хронологические вехи этого периода таковы.

Сын Льва III — Константин V Копроним (741 — 775) — в первый раз был женат на дочери хазарского кагана. От этого брака у них был сын Лев IV, часто называемый Хазаром (775 — 780), который был женат на гречанке из Афин Ирине. Она,

[1] По-гречески — Эйконокласт, разбиватель божеских изображений, особенно статуй, так как *Эйконе* по-гречески значила первоначально скульптура, а не икона в современном церковном смысле.

после смерти мужа, стала править государством по причине несовершеннолетия своего сына Константина VI, провозглашенного императором (780—797). А когда он сделался совершеннолетним, между ним и Ириной вспыхнула борьба, окончившаяся тем, что мать свергла с престола своего сына и, сделавшись единодержавной правительницей империи (797—802), восстановила статуи и портреты богов, т. е. по библейской терминологии *впала в ересь* Иеровоама-Константина I.

Жены императоров (т. е., вероятно, избранные из многих признанных жен и наложниц) носили и ранее в великой Ромее титул «август», т. е. священных особ, и во время несовершеннолетия сыновей осуществляли императорскую власть от имени своих сыновей. Но первым в достоверной истории человечества примером женщины, правившей самостоятельно со всею полнотою верховной власти, была Ирина. Это было тогда поразительным новшеством, и любопытно отметить, что в официальных документах она называлась не Ирина-Императрица, а «Ирина-Верный Император» (василевс). Но это было еще слишком непривычно, чтобы могло сойти ей даром. Дворцовая революция 802 года, во главе которой встал один из высших ее гражданских сановников Никифор, свергла с престола Ирину, которая вскоре и умерла в изгнании, и с нею окончилась династия Льва-Кумироборца. Таким образом, и в период времени с 717 по 802 год Византия имела на престоле не греческую (до женской революции гречанки Ирины), а сирийскую или германскую династию с примесью хазарской крови в лице жены Константина V. Вот, каковы хронологические вехи этого периода, а политическая история его, по словам греческих апокрифистов, была такова.

Агарянские сухопутные войска, еще при двух предшественниках Льва-Кумироборца, прошли через всю Малую Азию на запад и заняли там города Сарды и Пергам, недалеко уже от побережья Эгейского моря. А несколько месяцев спустя после вступления Льва на царь-градский престол, в 717 году, агаряне, двинувшись из Пергама на север, дошли до Геллеспонта и переправились через него на европейский берег под стенами столицы. В то же время сильный египетский флот из 1800 судов различного типа, как сообщают византийские хроники, пройдя через Геллеспонт и Пропонтиду, тоже приблизился к столице с моря. Началась настоящая осада Царь-Града. Однако, «греческий огонь», зажигавший море то тут, то там, ночь за ночью,[1] и необыкновенно суровая зима с 717 на 718 год расстроили агарянские войска и флот. Болгары также боролись против них во Фракии, и, через год с небольшим после начала осады, во время которой между прочим впервые упоминается о знаменитой цепи, преграждавшей вражеским судам доступ в Золотой Рог, агаряне удалились из-под Царь-Града.

[1] Вероятно,— нефтью, разлитою по поверхности воды, как и теперь при увеселительных прогулках часто делается около Баку.

И интересно, что через четырнадцать лет после того, на западе Европы, Карл Мартелл, майордом франкского государя, отразил и испанских агарян около Пуатье.

Благодаря таким неудачам, в половине VIII века среди агарян вспыхнули внутренние смуты. Омайяды были свергнуты Аббасидами, которые перенесли столицу и центр всего управления из Дамаска и Египта в далекий от византийской границы Багдад, на реке Тигре. И мы видим, что движение вглубь Азии было таким образом — простое отступление их от более сильного противника, а никак не военное наступление с Востока на Запад.

Не особенно ясны, с точки зрения естественной причинности, и тогдашние военные действия на севере Балканского полуострова.

Когда идет речь о столкновениях между Ромейской империей и болгарами в VIII веке, то под ними надо понимать балканских славян. Один западный паломник ко святым местам, считаемый за современника Льва-Кумироборца, прибывший в пелопонесский город Монемвасию, пишет, что он находился в славянской земле (in Slavinia terrae). Славяне же жили тогда и у Диррахиума, и у Афин, а их тюркское происхождение — простая легенда. В сочинении «О фемах», приписываемом Константину Порфирородному (945—959), говорится о VIII веке:

«Ославянился весь Пелопоннес и сделался варварским, когда чума распространилась по всей вселенной». (Речь идет об эпидемии 746—747 годов, занесенной из Италии и опустошившей юг Греции и Царь-Град, но из этого никак нельзя заключить, чтоб до того времени Пелопоннес был греческим: ведь, книга «О фемах» писана через 200 лет после чумы.)

Таким образом, Пелопоннес VIII века в глазах самих средневековых жителей империи был славянским, и в конце VIII века императрица Ирина отправила даже специальную экспедицию против славянских племен, «населявших» Фессалонику, Грецию и Пелопоннес, которые участвовали в заговоре против нее. Из этого видно, что славяне в VIII веке жили повсюду на Балканском полуострове, включая и Грецию, а потому, видя ее современное греческое население, мы должны считать его новейшим, а не возвратившимся вспять после временного славянского засилья.

Это подтверждают и другие наши сведения.

«После того, как на протяжении VII века империя потеряла свои восточные провинции, — говорит А. А. Васильев, — Сирию с Палестиной и Египет, она благодаря именно этому стала более «греческою» по языку. *Необходимо* было, наконец, дать для общего пользования подданным законник на греческом языке вместо прежнего арийского (т. е. библейско-халдейского) законника V века».

Так говорит сам А. А. Васильев в своих «лекциях по истории Византии»,[1] признавая этим, вместе и с остальными современными византистами, что прежнее законодательство, вплоть до половины VIII века, в Великой Ромее (т. е. в Великом Риме) было

[1] Том I, стр. 225.

на библейском языке и что только со Льва-Кумироборца ромейские привилегированные классы перешли к греческому языку и Ромея стала Византией.

«И вот, — продолжает А. А. Васильев, — был опубликован от имени «мудрых и благочестивых императоров Льва и Константина» законодательный сборник под названием «Эклога», который западные ученые относят к концу правления Льва (739—740). Он называется: «Сокращенное извлечение законов, учиненное Львом и Константином, мудрыми и благочестивыми царями, из институций, дигест, кодекса и новелл Великого Юстиниана и их исправление в смысле большего человеколюбия».

В предисловии к ним говорится, что законы, изданные предшествующими императорами, были написаны во многих книгах и что смысл их для одних является трудно понимаемым, а для других совершенно непонятным, особенно для тех, кто не живет в богохранимом императорском городе.

«Судьи, — говорит «Эклога», — должны воздержаться от всяких человеческих страстей, не презирать нищего и не оставлять без обличения сильного, делающего неправду... Им надо воздерживаться от всякого дара».

Все служащие по судебным делам должны были получать определенное жалованье из императорского «благочестивого казначейства» с тем, чтобы уже ничего не брать с какого бы то ни было лица, судимого ими».

Так впервые началось светское государственное судопроизводство, отдельное от религиозного суда. Почин его, как видит читатель, принадлежит только Льву-Кумироборцу.

В «Эклоге» идет речь о браке, обручении, о приданом, о завещаниях и о наследстве без завещания, об опеке, об отпущении рабов на свободу, о продаже, о покупке, о найме и о свидетелях. Только одна глава содержит статьи уголовного права с телесными членовредительскими наказаниями, например, отсечением руки, урезанием языка, ослеплением, отрезанием носа. Внешнею особенностью Эклоги является обилие ссылок на священное писание для подтверждения того или другого юридического положения, откуда и видно, что раньше судили по библейскому Четверокнижию, которое и называется до сих пор «Книгами закона». На протяжении всего VIII и IX веков, вплоть до вступления на престол Македонской династии (867 г.), «Эклога» служила единственным руководством при юридическом преподавании вместо прежних институций и подвергалась неоднократно ученой переработке; она вошла позднее и в состав судебных книг православной церкви. Лишь с ее появлением начинается точная история греко-римского права, тянувшегося до вступления на престол Македонской династии, т. е. до эпохи так называемой «реставрации» Юстинианова права, а на деле его создания.

Ко времени Льва-Кумироборца большая часть ученых относит и еще три небольшие законодательные памятника: Земледельческий закон (νόμος γεωργικός), Военный закон (νόμος στρατιωτικός) и Морской родосский (νόμος ροδίων ναυτικός). Эти три памятника древности, существующие в многочисленных и отличных друг от друга редакциях, появляются в рукописях часто вслед за «Эклогой» или другими юридическими памятниками, но ни имен их составителей, ни времени их издания не сообщаются.

Наибольшее значение из этих памятников имеет Земледельческий закон. Он занимается кражами леса, полевых и садовых плодов, проступками и недосмотрами пастухов, повреждениями домашних животных и убытками от них для соседей, например потравой и т. д.

На основании Земледельческого закона можно вывести заключение, что в Ромее того времени, на ряду с продолжавшим существовать крепостным населением, была также и мелкая крестьянская собственность и сельская община.

«Родосский морской закон» представляет собой устав торгового мореплавания, и в нем, между прочим, идет речь о распределении убытков на хозяина корабля и на товарохозяев, в случае если для спасения корабля и груза часть его будет выброшена за борт; устанавливается ответственность хозяина корабля, его наемщика и пассажиров за целость судна и груза, и говорится, что в случае бури или морского разбоя все они должны быть привлечены к возмещению убытков. Это было тогда своего рода страхованием. Многие особенности тогдашнего Морского закона объясняются тем, что морские разбои стали уже обычным явлением, и потому хозяева судов и купцы могли продолжать торговлю лишь на условии общности риска. Тот факт, что в юридических памятниках XIII — XIV веков об этом законе нет никаких упоминаний, объясняется ортодоксальными историками тем, что, будто бы, к тому времени византийская морская торговля пала. Но почему ей было падать, а не развиваться? И не проще ли принять, что до XIV века она была еще вне законов и сам Родосский кодекс написан уже после XIV века?

Военный закон состоит из перечня наказаний, налагаемых на военных за восстание, неповиновение, бегство, прелюбодеяние и т. д. Они отличаются большою суровостью и могут служить показателем строгой военной дисциплины того времени, когда этот кодекс был написан.

Государственное устройство Великой Ромеи в VIII веке еще носило чисто военный характер. В Малой Азии были тогда пять военных губернаторств: 1) фема Анатолики — на юго-западе Малой Азии, 2) Фракийская фема, в западной части Малой Азии, выделенная из западных областей обширной фемы Анатолики и получившая свое название от стоявших там европейских гарнизонов из Фракии, 3) фема Опсикий у Мраморного моря, 4) фема Вукелларий, представлявшая собою восточную половину Опсикия и названная так от букеллариев, как назывались некоторые римские и иностранные войска на службе империи, и 5) фема Армениаки на границе с Арменией.

Таким образом, к началу IX века в Малой Азии было пять

фем, которые в первоисточниках (например под 803 г.) отмечаются, как «пять восточных фем». А европейских фем к концу VIII века, повидимому, было четыре: Фракия, Македония, Эллада и Сицилия. Это были, как я уже сказал, — военные округа и, конечно, не сменившие прежнюю «гражданскую» власть на военную, как стараются убедить нас византисты, а наоборот: это был военный пролог к гражданственности, вырастающей лишь из ослабевшей диктатуры.

Кроме того, не дремало и строительство. В конце своего правления Лев-Кумироборец, — говорят нам, — наложил на жителей империи специальную подать для восстановления поврежденных сильным землетрясением стен столицы, и они были исправлены, как об этом свидетельствуют сохранившиеся до настоящего времени надписи на башнях царь-градской внутренней стены с именами Льва и его сына-соправителя Константина.

Таким образом, исторически достоверными внутренними делами Льва-Кумироборца могут быть признаны: «Эклога», введение специальных податей и исправление столичных стен. Но главное, чем он прославился, это кумироборство, т. е. истребление статуй всех богов и святых.

История кумироборческого движения делится на два периода: первый период продолжавшийся с 726 по 780 год и закончившийся седьмым вселенским собором 787 года; второй период, продолжавшийся с 813 по 843 год и закончившийся так называемым «восстановлением», или вернее: **установлением** православия.

«Изучение иконоборческой эпохи, — говорит А. А. Васильев (I, 234), — представляет очень большие затруднения из-за состояния первоисточников. Все сочинения иконоборцев, акты императоров, деяния иконоборческих соборов 753—754 и 815 годов, богословские иконоборческие трактаты и т. д. были уничтожены восторжествовавшими иконопочитателями. Остатки иконоборческой литературы известны нам только из отрывков, помещенных в творениях иконопочитателей в целях опровержения кумироборцев. Определения иконоборческого собора 753—754 года найдены лишь в деяниях седьмого вселенского собора. Определения собора 815 года были открыты лишь в одном из трактатов патриарха Никифора. Таким образом, все дошедшие до нас первоисточники об иконоборстве имеют тенденциозный, враждебный ему характер, почему и значение этого периода оценивалось разными учеными различно.

Прежде всего поднимался вопрос о причинах не совсем понятного для VII—VIII веков движения против статуй и икон, продолжавшегося с некоторым промежутком более ста лет и имевшего для империи очень серьезные последствия. Одни думали, что император Лев-Кумироборец решил уничтожить церковные статуи и иконы, надеясь такою мерою удалить одну из главных преград для сближения христиан с мессианцами (иудеями) и мусульманами, отрицательно относившимися к изображениям. Другие (как например Шварцлозе) видели в кумироборческой политике не одни ре-

лигиозные интересы. Желая быть единым полновластным государем во всех сторонах «жизни империи, — догадывались они, — Лев III надеялся при помощи запрещения «святых изображений» вырвать народ из-под сильного влияния церкви, для которой изображения богов служили главною основою влияния на народ. Третьи (например Lombard) видели в иконоборчестве только чисто религиозную реформу, имевшую целью остановить «успехи поднимавшего голову язычества в новой форме почитания прежних изображений» и «возвратить христианской религии ее первоначальную чистоту».

Но если читатель серьезно вдумается в дело, то сам увидит, что все эти объяснения в сущности ничего не объясняют. И остается только принять еще новое, четвертое объяснение.

Мы только-что видели, как Лев-Кумироборец наложил специальную подать на починку стен Царь-Града, разрушенных бывшим при нем сильным землетрясением, о чем свидетельствуют и сохранившиеся до сих пор надписи на их башнях. Но, ведь, эти самые землетрясения разбивали не одни городские стены, а и статуи богов и их тогдашние мозаичные «портреты». Не люди, а подземные силы были первыми иконоломами, и каждое землетрясение приписывалось гневу бога-Отца. Тогдашние подземные толчки были, повидимому, особенно разрушительны в Малой Азии, доходя до Царь-Града, и не особенно велики в Греции, как видно из того, что все последовавшие за Львом императоры-идолоборцы были родом с востока. Возобновитель идолоборства в IX веке Лев V был из армян, вслед за ним были Михаил II и его сын Феофил из Фригии, во внутренней области Малой Азии. А восстановители иконопочитания оба раза были женщины: Ирина — гречанка из Афин, и Феодора — из Пафлагонии, мало-азиатской области на берегу Черного моря, недалеко от столицы, а не внутри полуострова. И эта особенность не может быть объяснена случайностью.

Значит кумироборство VIII и IX веков было в связи с землетрясениями и пережило еще раньше длительную эволюцию. Христианское искусство, изображавшее человеческие фигуры посредством мозаики, фресок, статуй или резьбы, давно уже смущало многих видевших или слышавших, как в гневе их ломал в куски и разбрасывал какой-то могучий и великий неведомый бог. В VI веке в Антиохии было после землетрясения даже настоящее возмущение, направленное против статуй.

Говорят, что агарянский калиф Язид II еще за три года до эдикта Льва издал в своем государстве указ, предписывавший уничтожение статуй и икон в церквах его христианских подданных. Один хронист и самого императора Льва называет «сарациномыслящим» (σαραχηνόφρων), да и секта павликиан, живших внутри Малой Азии и далее к востоку, также отрицала изображения в храмах, что приводит дело в связь с меккской метеоритной катастрофой 622 года. В Византии в VIII веке живопись и скульптура, повидимому, сильно развились и, как всегда, сначала обе носили религи-

гиозный оттенок. Изображения в церквах состояли из мозаик, фресок, резьбы на слоновой кости, из дерева или из бронзы. Были живописные иконы и иконы-статуи, а небольшие изображения воспроизводились в рукописях. Икона и статуя проникли в домашнюю жизнь: вытканные изображения святых украшали парадное одеяние византийской аристократии, и нам передают, что раз на тоге одного сенатора была изображена вся история Иисуса Христа.

Впервые Лев III приказал в 726 году уничтожить статую Христа, стоящую над входом в его императорский дворец, что вызвало возмущение живших там женщин. Но только в 730 году он созвал собор, на котором был составлен эдикт против божественных изображений, и патриарх Анастасий подписал его.

Это был первый такой эдикт. Казалось бы, что подобное нападение на привычных и любимых кумиров должно было вызвать бунты населения и суровые репрессарии со стороны императора, но все первоисточники молчат и о том, и о другом. А это можно объяснить лишь тем, что эдикт императора встретил полное сочувствие населения, видевшего в низверженных иконах и статуях причины гнева великого бога-Громовержца и потрясателя земли, отчего рушились не одни храмы, но и их собственные дома.

А потому и отповеди кумироборцам, приводимые в трех знаменитых «Словах против порицающих иконы» от имени Иоанна Дамаскина, жившего тогда, будто бы, в пределах арабского Калифата должны считаться за апокрифы.

Но все же эдикт имел последствия. В Италии, до которой не доходили малоазиатские землетрясения, великий римский понтифекс Григорий III (731—741), последний, утвержденный византийским императором, созвал в Риме собор и предал отлучению иконоборцев. Так кумиролюбивая Средняя Италия ушла из-под влияния Византии и удалилась окончательно в область западноевропейских интересов. Только Южная Италия осталась за Византией.

Но этим дело не кончилось. В царствование Константина V Копронима (741—775), преемника Льва III, при котором острота первого перепуга прошла, любители художеств начали говорить, что землетрясения были совсем не против кумиров, а как раз против самого покойного императора. Дело сильно обострилось. Константин V Копроним, получивший еще при жизни отца воспитание в кумироборческом направлении, встретив сопротивление кумиролюбивых монастерионцев, открыл гонение на монастерионы. Ни один из иконоборческих императоров не подвергался за это в сочинениях иконопочитателей таким поношениям, как «многоголовый дракон», «жестокий преследователь монашеского чина», «Ахав и Ирод», да и прозвище ему дали Копроним, т. е. Говняк, будто бы за то, что еще младенцем он испражнился в самую святую купель при своем крещении.

В момент вступления его на престол, европейские провинции, позабыв беду, уже придерживались иконопочитания. Сам зять Копронима Артавазд поднял восстание в защиту статуй и икон

и принудил его покинуть столицу. В течение года правления Артавазда иконопочитание было восстановлено. Но тут, вероятно, произошло новое землетрясение, разбившее статуи и приписанное гневу на них бога-Потрясателя земли, и Константину удалось свергнуть Артавазда и вернуть себе трон.

Он созвал собор в 753 или 754 году. Но из Рима, Антиохии, Александрии и некоторых других мест не приехал никто, боясь, очевидно, нового землетрясения. А приехавшие, помня пережитые ужасы, дали такое постановление, сохранившееся в деяниях седьмого вселенского собора:

«Всякое изображение, сделанное из какого угодно вещества, а равно и писанное красками при помощи нечестивого искусства живописцев, должно быть извергаемо из христианских храмов. Оно чуждо им и заслуживает презрения. Да не дерзнет никакой человек заниматься таким нечестивым и неблагоприличным делом. Если же кто-либо с сего времени дерзнет устроить изображение и поклоняться ему, или поставит его в храме, или в собственном доме, или же будет скрывать такое, — если это епископ, пресвитер, или диакон, да будет низложен, а если монастерионец или мирянин, то да будет предан анафеме и да будет он виновен перед императорскими законами, так как он противник божиих распоряжений и враг отеческих догматов».

Совершенно как у магометан!

Анафема провозглашалась и тому, кто «старается представить посредством вещественных красок свойства бога Слова... кто рисует лики святых, не приносящие никакой пользы, потому что это глупая затея и изобретение дьявольского коварства».

В конце своего определения собор, будто бы, возгласил:

«Новому Константину и благочестивейшему императору — многая лета!.. Благочестивейшей и августейшей императрице — многая лета! Вы утвердили святые догматы шести вселенских соборов! Вы уничтожили идолослужение!..» Анафеме были преданы и патриарх Герман, «почитатель дерева», и Мансур (т. е. будто бы Иоанн Дамаскин), «мыслящий по-сарацински, злоумышляющий против империи, учитель нечестия, превратно толковавший божественное писание».

Конец здесь как будто апокриф, а верно ли начало — решить теперь трудно, факт же тот, что такое постановление произвело сильное впечатление. Изображения сжигались, замазывались и подвергались всяческим поруганиям. Статуи разбивались, особенно женские, вроде Девы Марии. Против кумиропочитателей было открыто такое жестокое преследование, сопровождавшееся казнями, пытками, тюремными заключениями, конфискациями и изгнанием, которое трудно объяснить чем-либо иным, как тем, что все население боялось погибнуть из-за них от нового землетрясения. Вместо замазанных икон в церкви появились изображения деревьев, птиц, зверей или сцен охоты, цирка, театра и т. д. По словам «Житий святых», Блахернский храм в Царь-Граде, расписанный по-новому, превратился «в овощную лавку и птичник».

Одновременно с преследованием статуй и икон шло и преследование мощей. Сохранилась сатира той эпохи, где говорится о десяти руках мученика Прокопия, о пятнадцати челюстях святого Феодора, о четырех головах святого Георгия, из которых все были истинные, так как одна голова принадлежала ему в детстве, другая в юности, третья в зрелом возрасте, а четвертая в старости. Борьба с религиозными отшельниками, которые, вероятно, учили, что землетрясения происходят не из-за икон, а из-за грехов земных царей, по Апокалипсису, была настолько напряженною, что некоторые даже считают спорным, как точнее определить преобразовательную деятельность данного периода: было ли это иконоборство или монахоборство? Отшельники подвергались всяческим насмешкам: их заставляли облачаться в светское платье, вступать в брак. Они, держа женщин легкого поведения за руки, должны были проходить к ипподрому при насмешках собравшегося народа. Монастерионы обращались в казармы и арсеналы. Их имения конфисковались. И все это повело к тому, что многочисленные отшельники уходили в места, не затронутые императорскою политикою. По мнению некоторых ученых, в эпоху Льва и Константина в одну только Индию переселилось около 50.000 религиозников (перенеся туда Христа в виде Кришны, и троицу в виде Тримурти, а также и тот религиозный ритуал, какой был в Византии до ее перехода к иконоломству, — прибавим мы от себя).

Пятилетнее правление преемника Константина V, Льва IV Хазара (775—780) является, по сравнению с временем его отца, некоторым успокоением во внутренней жизни империи, — вероятно, параллельно с успокоением земной коры. Будучи сам сторонником иконоборства, Лев не чувствовал острой вражды к монастериондам, которые при нем снова начали иметь некоторое влияние. В свое кратковременное царствование он не успел ярко проявить себя и как иконоборец, а его молодая супруга афинянка Ирина, на родине которой остались целы все статуи, была неизменной сторонницей почитания и статуй и икон, и на нее с надеждой обращали свои взоры все их сторонники. Так со смертью Льва IV (780 г.) окончился, вероятно с успокоением первого порыва сейсмической деятельности в западной Азии, первый период иконоборства.

Но, несмотря на определенные симпатии к иконопочитанию, Ирина в первые три года своего правления не предпринимала никаких шагов к его официальному восстановлению. Историки, не признающие влияния сейсмических катастроф или эндемических болезней на психику человека, стараются объяснить медлительность Ирины не страхом повторения гнева бога-Громовержца, а внутренними и внешними затруднениями империи, «которая, — говорят они, — должна была вести борьбу и с претендентом на престол, и с агарянами, и с жившими в Греции славянами. Но разве это объяснение?

Только через четыре года после начала правления Ирины

был избран царь-градским патриархом Тарасий, заявивший о необходимости созвания вселенского собора для восстановления иконопочитания, и к римскому великому понтифексу Адриану I было отправлено посольство с приглашением прибыть на предполагаемое в Царь-Граде собрание. А он отправил только своих представителей.

Собор собрался в 786 году. Но царь-градские войска, очевидно все еще боявшиеся статуй и икон, ворвались в храм с обнаженными мечами и заставили распустить собрание. Хитрая Ирина услала непокорных под разными предлогами по мелким отрядам в провинции, а в столице заменила их другими.

И вот, в следующем же, 787 году собор был созван в вифинском городе Никее. Число его епископов было более трехсот. Это был седьмой и последний из так называемых вселенских соборов.

Почитание статуй и икон было на нем восстановлено. Анафема объявлялась всем, обзывающим священные изображения идолами и говорящим, что христиане прибегают к ним, как к богам, и было отвергнуто, что кафолическая церковь когда-либо принимала идолов. «Сияющая счастием благочестивейшая императрица взяла, — по словам «Деяний» этого собора — его определение, подписала и затем передала его соцарствующему ей сыну, чтобы подписал и он». Епископы возгласили многолетия «новому Константину и новой Елене». По вопросу о мощах было постановлено, что, если в возобновленных храмах не положены еще святые мощи, то следует это восполнить (отрезав кусочки от уже имеющихся мощей и положив их под алтарь). Здесь же впервые были запрещены двойные, т. е. смешанные из мужчин и женщин монастерионы. [1]

Так первый период кумироборчества окончился восстановлением изображений при Ирине в 787 году.

Но, несмотря на новое объединение восточной и западной церкви, произошло событие, которое шло с этим в разрез. В 800 году великий римский понтифекс Лев III короновал Карла Великого Римским (т. е. Ромейским) императором. Как могло это случиться, когда ромейские императоры еще жили в Царь-граде?

Даже самые ортодоксальные историки теперь признают, [2] что в умах людей того времени не было даже и представления, будто две империи могут существовать зараз на земной поверхности. Догмат «единой империи» покоился на догмате единого бога, так как «император в качестве его временного наместника отправлял божественные полномочия на земле.»

Един бог на небе и един царь, его наместник, на земле!»...

Но тут впервые вмешался в дело женский вопрос.

«В Византии, в 797 году, Ирина низложила своего сына, им-

[1] А. А. Васильев, «Лекции по истории Византии», I, 247.
[2] Там же, 530.

26 Зак. 66

ператора Константина, — продолжает А. А. Васильев, [1] — и стала сама самодержавною правительницею, что шло в полный разрез с традициями Римской империи, где женщина никогда не правила от своего имени, а только от имени мужа или несовершеннолетнего сына, как опекунша.»

И вдруг женщина, объявив себя императором и генералиссимусом всех войск, начинает отдавать им приказы, и войска их выполняют!.. Как же им не стыдно?.. Правда, что это женщина не простая (вроде женщины-гусара, о которой есть сказание в русской армии), а помазанница божия, как и все прежние императоры со времени появления царей не по провозглашению войска, а по праву рождения и «милостию божьею». Но все же практически, ведь, власть всегда держалась на реальной военной силе.

— «Не женское это дело» — думали все, видя женщину-царя, и большинство не верило в прочность такого новшества.

Но, очевидно, Ирина была так очаровательна, что окружавшие ее трон и лично знавшие ее военачальники пренебрегли для нее всеми традициями и насмешками — вроде того, что находятся под женским башмаком. А отдаленные, не знавшие ее лично, считали такое положение дел за неслыханный скандал, и с интересом ждали момента, когда он, наконец, окончится. Только этим и можно объяснить все то, что последовало в ближайшие годы.

«С точки зрения великого римского понтифекса Льва, — говорит А. А. Васильев, — императорский трон считался вакантным, так как на нем восседала женщина, и поэтому Карл, принимая императорский венец, только занял свободный престол единой Римской империи и сделался законным преемником не итальянского Ромула-Августула, а царь-градского Константина VI».

Интересным подтверждением этого является то, что в западных анналах, современных 800 году и последующих веков, которые велись по годам византийских (т. е. ромейских) государей, непосредственно за именем Константина VI, сына Ирины, следует имя Карла». Выходит, что появление женщины-императрицы было так непривычно и неприлично в те века, что даже был выдуман на западе по этому поводу «Салический закон», по которому «женщины не наследуют престолов». Отсюда же выходит, что и Семирамида, и царица Савская, и царица Зенобия — мифы, возникшие уже после Ирининского времени. Раньше такие измышления не пришли бы даже в голову.

«Но если такова была точка зрения Карла на женский вопрос, — продолжает А. А. Васильев, — то как же отнеслась к самовольному провозглашению его своим императором Византия?»

Она отнеслась так же, как и соответствовало взглядам того времени. Не отрицая, конечно, прав своей Ирины на престол, она рассматривала провозглашение Карла своим императором, как одну из многочисленных в ее истории попыток возмущения против

---

[1] «Лекции по истории Византии». I, 250.

царствовавшего государя и не без основания боялась, как бы он по примеру прежних повстанцев не пошел на Константинополь, чтобы силою свергнуть Ирину и овладеть императорским троном. Таким образом, в глазах византийского правительства коронация Карла императором была лишь возмущением некоторых западных провинций одной и той же нераздельной империи против ее законного государя.

Конечно, и Карл понимал непрочность своего нового положения: в Византии после смерти Ирины будет избран новый император, права которого на такой титул будут признаны неоспоримыми на Востоке. Предвидя в грядущем подобные затруднения, он даже открыл переговоры с Ириной, предлагая ей вступить с ним в брак и «соединить, по словам хроники, восточные и западные области». Другими словами, Карл понимал всю важность признания его нового титула со стороны Византийской империи.

Ирина благосклонно отнеслась к его предложению. Но в дело вмешалась антиженская партия в самом Царь-Граде. Патриций Аэций низложил Ирину после ее пятилетнего царствования и отправил в ссылку. Планы Карла на брак с нею и на соединение под одной властью Запада и Востока не удались.

Вот когда, по словам самих историков, распалась Римская империя на западную и восточную! Это был второй шаг ее падения после первого, агарянского раздвоения, как результата катастрофы 622 года. Первое появление женщины на императорском троне оказалось равносильным метеоритной катастрофе!

По низложении Ирины вступил на ее престол Никифор (802—811). Между ним и Карлом пошли переговоры, вероятно, о признании императорского титула и за Карлом. Но лишь в 812 году послы византийского императора Михаила I Рангави (811—814) приветствовали Карла в Ахене титулом со-императора-василевса. И само собою разумеется, что подобное «единство в двух лицах» было лишь чисто номинальным. Обе части псевдо-единой империи зажили теперь совершенно особою жизнью. Скоро и самая идея об их единстве стала забываться на Западе.

И, вот, для обоснования прав западной части называться «Римской империей» была создана из вариантов истории Царь-Града та волшебная сказка о могучем итальянском Риме, которую передают нам классики, относя возникновение этого города к 753 году до начала нашей эры, т. е. за 1037 лет до эры Диоклетиана (284 год нашего европейского счета), за 1083 года до того времени, когда был объявлен столицею Ромейский Рим, иначе говоря Царь-Град, или Укрепленный город (по-гречески — Константинополь).

А на самом деле итальянский Рим возник сначала как место пилигримства, для поклонения там посланному с неба метеоритному камню, как было и в Мекке. Мы не должны забывать, что по-гречески выражение «апостол Петр» (ἀπόστολος πέτρος) вовсе не имя человека, вроде наших Петров, а просто значит: «Посланный (богом) камень». Падение его, — говорят, нам — было при Нуме Помпилии, отожествляющемся по нашим схемам (табл. IV на

стр. 73) с Константином II, или с Констанцием, т. е. около времени «Никейского Собора» (325 год). Но даже и тогда итальянский город Рим назывался еще не Римом, а просто Палатино, что одновременно значит и «место вколачивания чего-либо в землю (palatio») и «место панического бегства вразброд» (геджра). Отсюда произошло и наречие palatim — «бегая беспорядочно туда и сюда», а также и богиня Палатуя-вбивательница, которой поклонялись на Палатинском холме, зародыше современного Рима.

Ко времени Карла Великого Рим стал уже процветать благодаря приношениям суеверных пилигримов, но легенды о его великом прошлом еще не вполне выработались, а потому и императорское достоинство, приобретенное Карлом для Запада, было недолговечным. Во время возникших смут после распадения Карловой монархии оно стало достоянием случайных лиц и в начале X века совершенно исчезло, чтобы во второй его половине снова появиться в «Священной Германской Римской Империи».

«Таким образом, только начиная с 800 года, можно впервые говорить о Восточной Римской империи, что и делает, например, английский византинист Бьюри, который, как было замечено уже выше, озаглавил третий том своей истории Византии, охватывающий события с 802 года, т. е. с года низложения Ирины, до начала Македонской династии, «Историей Восточной Римской империи», тогда как первые два тома его труда озаглавлены «История позднейшей Римской империи». (Я нарочно переписываю все это собственными словами А. А. Васильева, как часто делаю здесь и в других случаях, чтобы избежать *апперцепционных* уклонений в изложении основных исторических фактов, служащих фундаментом для моих выводов, которые одни и имеют здесь самостоятельное значение.)

Мы видели уже, как прежние историки-буквоеды, руководясь исключительно читаемыми ими книгами и трусливо избегая всяких собственных логических соображений, совершенно упускали из виду общее значение появления Ирины на ромейском троне. Но этот момент в действительности очень важен. Он свидетельствует об ослаблении или даже исчезновении в то время гаремного строя семьи в отделившейся от агарян европейской части образованного общества. Это было первое громкое признание за женщиной такого же человеческого существа, как и мужчина, и тот же исторический момент обнаруживает еще, что латинизированная франкско-германская Западная Европа сделалась около 800 года нашей эры конкурентом славяно-греческого Востока благодаря открытым в ней минеральным богатствам и появлению в ней земледелия и промыслов по мере распространения железных орудий труда. Благодаря такому изменившемуся (особенно после отпада сирийско-египетских агарян) соотношению сил, неизбежно должно было произойти отпадение Запада от Востока. С этого момента Великая Ромея, как мы отметили, уже исчезает, и на исторической арене остаются лишь три ее отдельные части: сирийско-египетская агарянская, греко-славянская и латино-франкско-германская. Общий очерк рациональной истории агарянской и латино-франкско-германской части я уже дал в V томе «Христа», а здесь мне остается только разобрать греко-славянскую, которая, собственно говоря, одна и может называться Византийской империей. Ирина тут была не причина, а только предлог — для второго распадения.

С нашей точки зрения этот же период и был временем создания евангелического христианства. В I томе «Христа» я уже показал, что «Апокалипсис» написан только в 395 году при ромейском царе Аркадии; что библейские пророки запророчествовали о близком возвращении царя-Мессии в промежуток от V до VIII века включительно; что первое из евангелий — евангелие Марка, открывшего евангелическую эру христианства, написано лишь Марком Афинским (626—725), что евангелие Иоанна написано Иоанном Дамасским (676—777), а другие евангелия, а также «Деяния» и «Послания апостолов» — еще позднее, уже в IX и X веках. Все это и соответствует вполне исторической характеристике изучаемого нами теперь времени. Ирина, царствовавшая от 797 до 802 года, была одной из первых евангелических христианок, и это вполне понятно; сантиментальные романы, первыми из которых и были евангелия, всегда особенно сильно действовали на воображение женщин и вызывали их сочувствие.

Все, что говорилось впоследствии историками (по мало основательным догадкам) о ее властолюбии и о том, будто с ее согласия был ослеплен восставший против нее единственный сын, внушает мало доверия психологически образованному человеку, но то, что она была скоро низвергнута с трона и кончила свою жизнь «невестою христовой» в женском монастерионе — вполне правдоподобно.

ГЛАВА XVIII

БОРЬБА КУМИРОБОРЦЕВ И ПОКЛОННИКОВ ИКОН И СТАТУЙ В ВЕЛИКОЙ РОМЕЕ VIII И НАЧАЛА IX ВЕКА

Кумироборство отделяется современными историками от агарянства, но точно ли справедливо?

Конечно оно было почти на столетие позднее начала геджры, но в историческом масштабе это уже не такой большой промежуток времени.

После того, как нам удалось доказать, что никакого Магомета с Кораном в руках не вышло победоносно из Аравийских пустынь в более культурные области Азии и Африки в VII веке нашей эры, все идолоборческое движение приходится выводить, как и следовало ожидать, по здравому смыслу, из центра тогдаш-

ней религиозной культуры, Царь-Града. Его официального инициатора Льва Исаврянина обыкновенно называют иконоборцем, чем навязывают представление, будто бы только иконы, вроде наших современных, существовали в Византии до него. Но это простое недоразумение лиц, не знающих греческого языка, потому что иконой (εἰκών) по-гречески называется всякое вообще скульптурное или живописное изображение. Всякая статуя Венеры или Юпитера-Громовержца, всякий мозаичный портрет императора или императрицы, всякое изваяние животного по-гречески называется его иконой.

И если мы припомним много раз указанное нами обстоятельство, что Арий и Арон, изваявший изображение двух тельцов для поклонения народу, были одно и то же лицо, и что в Великом Царе (Василии Великом, по-гречески), установившем в том же IV веке христианское богослужение, мы имеем первоисточник мифов о евангельском «Спасителе», то мы отметим следующее.

Ни при Диоклетиане, ни при Юлиане, ни при Юстиниане, ни даже при самом Ираклии (610—641), когда Египет перешел к агарянству, выражавшемуся тогда лишь в пилигримствах к осколкам меккской метеоритной катастрофы, мы не видим никаких указаний на систематическое истребление каких-либо божественных изображений прежнего времени. А такие изображения, несомненно, были и тогда, хотя и не в такой изящной форме, как в произведениях, приписываемых Фидию и явившихся на свет не ранее Эпохи Возрождения.

Значит, первый общеправительственный поход на «вещественные изображения невещественных богов» был сделан только при Льве Исаврийском в половине VIII века нашей эры, а магометанское истребление, начавшееся не ранее XI века, было лишь его отображением из глубины Азии.

Как интересное совпадение, мы отметим здесь, что в это самое время произошло извержение на острове Санторино, пепел которого долетел до Константинополя, но мы не имеем сведений о землетрясении, которое, низвергнув статуи богов, дало бы повод к их всенародному избиению и ограблению. В это же время, — говорят нам, — был изобретен и «греческий огонь», т. е. жидкость, горящая на поверхности воды и способная поджигать плавающие на ней деревянные суда.

По всей вероятности, — как я уже говорил, — это была простая нефть, но ее первое применение ночью должно было привести в ужас враждебных ромейцам суеверных моряков, видевших собственными глазами как византийцы зажигают море. Она, — говорят нам, — была применена правительством Льва Исаврянина как раз против его собственных моряков, восставших на защиту изображений своих богов. Нам смешно здесь передавать наивные до нелепости сказания о характере его иконоборства, вроде, например, «исторического свидетельства» Георгия Гамартола о том, как император, сняв изображение Христа, стоявшее над бронзовыми воротами его дворца, бросил его в море, написав на нем насмешливые слова:

«Спаситель! Спаси себя и нас!»

«Но Средиземное море, — говорит Гамартол, — и река Тибр (даже против своего течения) бережно доставили это изображение в Рим».[1]

Все это — типичные средневековые измышления...

Не верится и тому, будто Лев Исаврянин сжег за иконопочитание «великолепную библиотеку со всей коллегией профессоров ее», как об этом «свидетельствует» не только тот же Гамартол, но и Кедренос.[2]

Все это обычные приемы средневековых авторов очернить своих противников, но очень правдоподобно соображение Барония,[3] по тому одному, что оно — совсем неожиданно с точки зрения современных ему взглядов. Если бы агарянство того времени было близко к магометанству, как говорят теперь, то казалось бы, что Лев Исаврянин нигде не нашел бы себе лучшего сторонника, как в Дамасском калифе и в его дворе. А между тем мы видим совершенно обратное. Главный защитник «божественных изображений», — говорят нам единогласно все авторитеты церкви, — был высокий сановник Дамасского калифа Иоанн Дамаскин, который своим противодействием «иконоборству» так раздражил императора Льва, что тот пытался даже оклеветать его перед калифом, написав ему, будто Иоанн собирается предать его страну иконоборцам-византийцам.[4]

Правда, что это сказание о страстном иконопоклонстве Иоанна не заслуживает большого внимания, так как оно все наполнено чудесами, но тот факт, что христианин Иоанн Дамаскин, который, по нашим соображениям,[5] был и автором евангелия Иоанна, занимал ответственное место при дворе Дамасского калифа, неоспорим, и это служит новым доказательством того, что измаилитство тогда было единоверческой религией с византийским христианством и даже широко пользовалось, хотя бы только до того времени, изображениями богов и святых в своем религиозном ритуале.

Нам говорят, что начатое Львом Исаврянином низвержение божественных изображений не встретило сочувствия в Западной Европе, и он умер непопулярным даже и в восточном населении империи, оставив трон в 741 году своему сыну Константину Копрониму.[6]

Чтобы решить спорное дело своего отца, он созвал собор из 300 епископов, который тоже объявил все изображения, делаемые

---

[1] G. Hamartol, 148, 15.
[2] Там же, 148, 13; Cedren, 454.
[3] Baronius, 727 (18—20)
[4] «Vita Ioannis Damascensis», 15—30.
[5] «Христос», книга I.
[6] По-гречески Копрос значит — испражнение.

для религиозных целей искусством **скульптора** или **живописца**, незаконными, языческими и идолопоклонническими, как я уже имел случай говорить ранее.[1]

Но тем, повидимому, и ограничивается действительная часть сообщений иконопоклонников (наших единственных первоисточников) о решениях этого собора, от которого не осталось, как и от других средневековых, никаких собственных документов. Все остальное, как например, рассказ о том, что на нем позорили Иоанна Дамаскина всякими «бесчестными» эпитетами,[2] носит признаки обычной богословской клеветы на своего противника, продолжавшейся вплоть до XX века.

Ободренный таким решением, Константин Копроним, осквернивший свое собственное крещение, — говорят нам, — приказал не только разбить статуи, но и замазать все божественные изображения на стенах православных храмов.[2] Все белое духовенство подчинилось его решению, но монастерионцы возопили против него. За это, — как я уже говорил, — их подвергали всяким поруганиям[3]. Монастырские мощи выбрасывались в море, а место, где они лежали, «подвергалось осквернению» по способу царя Копронима. Так, например, было с мощами святой Евфимии в Халкедоне, но волны Эгейского моря «очень бережно (!)» перенесли ее на о-в Лемнос,[4] где и сохранили.[5]

Такой поход на вещественных богов продолжался и во все долгое царствование Константина Копронима, вплоть до его смерти в 775 году. А латинский запад, за исключением Ломбардии, все это время оставался вне богоборства, хотя и не отлучал его от церкви.

Константину Копрониму наследовал в 785 году его сын Лев IV, который хотя и был противником поклонения иконам, но был более веротерпимого характера. По ходатайству его жены, любительницы художеств Ирины, некоторые монастерионцы и сторонники иконопочитания были возведены даже на епископии, хотя, будто бы, с условием скрывать свои мнения.[6] Но, несмотря на общую мягкость природного характера Льва IV, его нелюбовь к изображениям богов дошла до того, что когда найдена была икона под подушкой его жены Ирины, он приказал подвергнуть бичеванию некоторых важных сановников, замешанных в этом деле, и разлучился, будто бы, с императрицей, хотя она и отреклась от всякого соучастия в этом деле.

Но после четырех с половиною лет Лев IV умер, и управление перешло в руки Ирины, как опекунши его сына Константина VI, мальчика десятилетнего возраста. Императрица, — как я говорил уже выше — чувствовала, что для осуществления ее

[1] Hardouin, IV, 380, 415.
[2] «Theophani Chronographia», 643 год.
[3] Там же, 675 год.
[4] Там же, 675 год.
[5] Там же, 688 год.
[6] Там же, 696 год.

тайных желаний ей необходимо действовать осторожно. Значительное количество византийских епископов, помня катастрофу 622 года, было еще против изображений богов. Сильная идолобойная партия была и среди мирян, да и войско в 780 году придерживалось еще воззрений покойного императора Константина, память о котором жила среди него, как о доблестном полководце. Сначала Ирина осмелилась лишь издать указ с объявлением общей свободы совести.[1] Монастерионцы, находившиеся еще в изгнании, были возвращены, иконы и статуи опять поставлены на свои места, и среди восторженного народа пошло много рассказов о чудесах от них.

Созван был собор в Константинополе в начале августа 786 года, но в течение недели до назначенного дня противники иконопочитания составили свои собрания с целью противодействия. Произошел бунт среди некоторых частей императорской гвардии и других войск, принадлежавших к идолобойной партии, а на следующий день еще более серьезное смятение. Когда Тарасий, иконопоклоннический патриарх Ирины, и другие члены собора собрались в церкви; множество солдат и другого народа, подстрекаемые иконоборческими епископами, бросились на них и принудили их искать убежища в святилище. Солдаты, которым приказано было подавить мятеж, отказались повиноваться приказаниям. Императрица на время оставила свое дело.

Но, вот, — как я уже имел случай говорить, — мятежных солдат она отправила на родину, и в сентябре следующего года состоялся новый собор из 350 епископов, вместе со множеством монастерионцев и другого духовенства, собравшихся в Никее.

Первые места по достоинству были предоставлены римским посланным, и первое заседание состоялось 24 сентября, а последнее было в Константинополе 23 октября.

Много епископов, принимавших участие в иконоборчестве прошлых царствований, выступили первыми для анафематствования своих собственных заблуждений и смиренно добивались допущения к общению. Некоторые из них говорили, что они никогда до настоящего времени не имели возможности правильно обсудить этот предмет, и были обмануты лживыми свидетельствами, или же страдали слепотою разума. Возник вопрос, к какому классу еретиков нужно причислить иконоборцев. Тарасий стоял за отнесение их к разряду **манихеев, маркионитов и монофизитов**, так как эти секты также противодействовали иконопочитанию. Монастерионская партия заявляла, что иконоборчество хуже самой худшей из ересей, потому что оно отрицало воплощение Спасителя.[2] Против иконоборцев поднимались гром-

[1] «Theophani Chronographia», 704 г.
[2] Hardouin, IV, 50—60. Кроме «Consiliorum Collectio», Жан Гардуен (1648—1729) написал большие исследования: «Chronologia ex nummis antiquis restituta» и «Prolegomena ad censurum vetarum scriptorum», где впервые доказал, что все древние монеты-медали и классические сочинения писаны в XII веке монахами.

кие выкрики, как против безбожников, иудеев и врагов истины, и когда сделано было предложение назвать их саракинами, то послышались ответы, что и такое название слишком хорошо для них.[1]

Согласно с обычной практикой соборов, в пользу иконопочитания были приведены «древние свидетельства» и дважды прочитан был такой рассказ, которым уже не раз пользовались как полемические, так и назидательные писатели.

«Один престарелый монах на горе Елеонской,[2] — говорилось там, — был сильно искушаем нечистым духом. Однажды бес явился к нему и, взяв с него клятву хранить тайну о их разговоре, обещал ему прекратить свои нападения, если только инок откажется от поклонения иконе пресвятой Девы, висевшей в его келье. Монах попросил времени для обсуждения этого предложения и, несмотря на данную клятву молчать, обратился за советом к одному славившемуся своей святостью старцу, который сначала выразил ему порицание за то, что он дал клятву дьяволу, а потом сказал, что он сделал хорошо, нарушив эту клятву, и что для него было бы лучше посетить всякое блудилище в Иерусалиме, чем отказаться от почитания изображений спасителя и его матери».

Из этого назидательного рассказа выведено было с общего согласия двоякое нравоучение: во-первых, что можно нарушать даже клятвы, если они даны искусителям, и, во-вторых, что те, которые раньше давали клятву в преданности иконоборческой ереси, нисколько не связаны ею.[3]

На пятом заседании собора римские легаты предложили, чтобы была принесена какая-нибудь икона для поклонения ей тут же всех членов собора. Это было сделано на следующий день. Все без исключения поклонились, и в том же заседании были прочитаны постановления иконоборческого собора 754 года, причем каждый параграф сопровождался таким безусловным опровержением, что оно, было признано потом «носящим на себе печать внушения святого духа».[4]

На седьмом заседании это определение собора было подписано. Им устанавливалось, что изображения креста, спасителя и богоматери, ангелов и святых, живописные ли то, или мозаические, или какого-либо другого подобного рода, должны быть выставляемы для целования и поклонения, хотя и не для действительного обоготворения, принадлежащего только божественному существу. Постановлялось приносить каждение и свечи кресту, евангелиям и другим священным предметам, так как честь, оказываемая изображению, относится к первообразу, и тот, кто чествует изображение, чествует этим самым то лицо, которое им изображается. Против всех противников иконопоклонения про-

[1] Hardouin, IV, 189, 292.
[2] Там же, 208, 319.
[3] Там же, 209.
[4] Там же, 321, 325.

возглашена была анафема со многими восторженными кликами в честь новых Константина и Елены, вместе с проклятиями против иконоборцев и еретиков всякого рода.[1] Клики эти повторялись и на восьмом заседании, когда члены собора явились в один из дворцов Константинополя, и определение было подписано как императором, так и его матерью. Этот собор, приобретший значение седьмого вселенского собора, постановил, — говорят нам, — еще 22 канона, главным образом относящиеся к церковной и монастырской дисциплине.[2]

Но нужно заметить, что изображения, одобренные Никейским собором, — говорят нам восточники, — не были произведениями скульптуры, как это толкуют западники, а только произведениями живописи и другими изображениями на **плоской** поверхности, какового ограничения восточная церковь держится и теперь.

Таким образом, реставрация была уже только половинная. Она восстановила в Византии своеобразную условную живопись, но погубила скульптуру, бежавшую на запад Европы, где не приняли такого ограничения.

Константин VI, — говорят нам, — вырос в обществе женщин и евнухов, в полном подчинении своей матери. Ирина хотела устроить его женитьбу на одной из дочерей Карла Великого. Но скоро после Никейского собора, не восстановившего статуй, сватовство было порвано Ириною, по греческим сказаниям — к великому негодованию франкского короля («Theophani Chronographia», 705, 718 г.), а по латинским сказаниям (Einhard, 786 год) — самим Карлом, к великому негодованию Ирины, которая затем побудила своего сына жениться на одной армянской княжне Марине.

В двадцатилетнем возрасте Константин сбросил опеку своей матери, и в течение нескольких лет империя была волнуема переворотами. Наконец, он был уговорен вновь допустить свою мать к участию в управлении, и она продолжала относиться к нему как и раньше. Он влюбился в одну прекрасную придворную даму Феодоту и решился развестись с своей женою Мариной, чтобы женится на предмете своей новой привязанности. Патриарх Тарасий сначала противился этому желанию, но Константин, будто бы, угрожал, что, если церковь откажется сделать для него это послабление, то он восстановит статуи.[3]

Так, по крайней мере, говорит Кедренос (Cedrenus, 172), а Феодор Студит (с. 26), наоборот, утверждает, что он угрожал начать идолоборство. Во всяком случае патриарх Тарасий не осмелился ему противиться, Марина была заточена в монастырь, и второй брак императора был заключен в сентябре 795 года. Но все же почему-то дело кончилось тем, что юный император через два года был схвачен и ослеплен.

[1] Hardouin, IV, 469—472.
[2] Там же, 485.
[3] Буквально: τοὺς ναοὺς τῶν εἰδάγων ἀνοίγω (открою храмы изображений) так как слово εἴδωαγον происходит от εἴδω—вижу и значит буквально — видимость.

После низложения своего сына Ирина царствовала еще в течение пяти лет. По свидетельству греческих писателей она занята была планом воссоединения империй посредством замужества с Карлом Великим; но в 802 году была низложена, как я уже упоминал, своим секретарем Никифором и отправлена в ссылку на остров Лесбос, где и умерла через несколько месяцев.

Никифор, склонный к иконоборству, запретил царь-градскому патриарху сноситься с папой, чем возбудил крайнее недовольство среди своего духовенства. В 811 году он был убит в войне с болгарами, и его сын Ставракий, после менее чем двухмесячного царствования, был заключен в монастырь, где скоро и умер. Императорскую власть принужден был принять Михаил Рангави, который опять восстановил иконопочитание, но иконоборческая партия продолжала существовать, и во время нападения болгар замечательным образом отразила их: в то время, как иконопоклонцы старались отклонить опасность крестными ходами и молитвами, иконоборческие солдаты преклонились вместо того перед гробницей своего Копронима, умоляя его спасти государство. В ответ на их молитву он сам явился к ним на коне и двинулся против варваров, хотя, как говорит Феофан, и обитал в это время в преисподней вместе с чертями. [1]

Михаил после двухлетнего царствования тоже был низложен и пострижен, а на место его был на престол возведен полководец, по имени Лев.

Но и тут не кончилось еще византийское богобойство. Хотя Михаил I (811—813) и подвергал гонению противников божественных изображений, но его преемник Лев Армянин (813—820) опять стал разбивать иконы, что было вполне понятно.

Действительно, как мог он не разбивать икон?

Его волосы, — говорят нам, — были колючи как терновник, так что когда патриарх коснулся их, надевая на него корону, то изранил себе руки, и потому, конечно, от него нельзя было ожидать никакого добра. Он приказал разбивать, сжигать и покрывать грязью все иконы, к каким его сторонники могли найти доступ. Его убил собственный полководец, и на престол был возведен Михаил Заика (820—829), при котором, по нашим прежним соображениям, Федор Студит написал евангелие Матвея. Но и новый царь не восстановил в своей столице изображений. Еще хуже дело стало при его преемнике Феофиле (829—842), который приказал, чтобы в храмах вместо икон были поставлены светские картины. Но, вот, и он, наконец, умер, и на престол вступил Михаил III Пьяница, и, благодаря ему, на собранном в 829 году соборе иконоборцы были окончательно преданы анафеме вместе с другими еретиками.

Это и было знаменитое «торжество православия», установившее формулу отлучения всем еретикам, совершающуюся в восточной церкви и до сих пор.

---

[1] «Theophani Chronographia», 781 год.

Такова в кратком очерке история иконобойства в Византии в VIII веке и его конца в IX веке, как рисуют нам теологи. Но читатель сам видит, что все это похоже на тело без души. Такой-то, — говорят нам, — сделал то-то, такой-то пошел туда-то и поколотил такого-то... А какова была психика, логика и естественная причинность всех этих действий — совершенно не видно, да и не может быть установлено, пока мы не выработаем правильной хронологии для разнообразных и всегда субъективных сообщений, самовольно разбросанных средневековыми историками по разным векам и странам.

Такое могучее и по своей природе рационалистическое движение, как борьба с вещественными богами, не могло не иметь серьезных причин, и мы, действительно, находим их в самой эволюции человеческой психики, по мере распространения образования в привилегированных классах Великой Ромеи, даже и между самими служителями культа.

Мы никогда не должны забывать, что первой стадией человеческого мышления был анимизм всего существующего. Почему девочки несколько лет носятся с куклами, а мальчики расставляют игрушечных лошадок, а потом перестают ими интересоваться? Только потому, что в первые годы жизни в них еще крепко первичное представление, что все кругом имеет свое сознание, аналогичное нашему, что всякая кукла, дерево, облачко и камень имеют свою душу, хотя и не говорят. И часто детям кажется, что какое-нибудь животное обладает высшим знанием, чем человек.

Остатки этого анимизма видны почти во всех народных сказках и проявляются постоянно в поэзии.

На севере диком стоит одиноко
　　На голой вершине сосна.
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
　　Одета, как ризой, она.
И снится ей все, что в пустыне далекой,
　　В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
　　Прекрасная пальма растет.

Так пишет Лермонтов. Для ребенка и для первобытного человека это стихотворение равносильно описанию реальности, а для взрослого — аллегория, производящая в нас поэтическое впечатление именно потому, что заставляет звучать уже отошедшие в область подсознательности остатки нашего детского всеобщего анимизма, т. е. одушевления всей природы. Без этих остатков такое стихотворение не производило бы на нас никакого впечатления.

Такой всеобщий анимизм привел в древности наших предков, да и теперь приводит дикарей, к религиозному фетишизму. Они поклоняются дереву, о котором почему-нибудь пошли таинственные рассказы, камню, в очертании которого видят что-нибудь, напоминающее человеческую или звериную голову, и более всего

какую-либо вылепленную или изваянную человеческую фигуру, при взгляде на глаза которой первобытные люди, как дети при взгляде на куклу, не могут отделаться от впечатления, что она все видит, и при взгляде на руки которой не могут отделаться от представления, что они могут и схватить ими.

Именно такою представляется и языческо-христианская доиконоборческая религия не только византийского простого народа, но и тогдашних псевдо-образованных классов. Это был пан-анимизм.

Но мало-по-малу сама практика такого культа стала показывать многим полное бессилие и нежизненность этих вещественных местных богов. Сами скульпторы, делавшие одну статую за другой, привыкли относиться к ним, как ко всякому другому своему произведению. Еще и ранее коренившееся представление о мире невидимых существ, несравненно более могучих, чем населяющие видимый нами мир, привело к тому, что и сами статуи богов стали считаться имеющими силу лишь постольку, поскольку они представляют изображение невидимых богов. А после этого остался лишь один шаг до отрицания всякой силы и власти за такими изваяниями. И такой шаг неизбежно заставили сделать сейсмические сотрясения земной поверхности в способных к этому странах, разбивая время от времени не только сами статуи, но и их святилища.

Движение против фетишизма, должно было естественно начаться среди наиболее образованной части ромейского населения и должно было встретить, как и все передовое, противодействие «суеверной толпы».

Все это мы и видим в только-что изложенном нами очерке богоборческого движения. Лев Исаврянин восстал не на иконы, вроде наших, а на языческое христианство, т. е. на существовавший вплоть до него фетишизм, похожий на тот классический пантеон, который мы напрасно относим чуть не за тысячелетие до его времени.

Но отсутствие изображений для поклонения так мало соответствовало тогдашней психике византийского населения, что в конце концов вместо прежних изваяний пришлось им дать псевдо-портреты, о которых уже нельзя было сказать, что они сами и есть боги; кроме того, они обладали еще тем преимуществом перед статуями, что хотя и падали при землетрясениях, но не разбивались, и священники, подняв их с земли, могли с торжеством показывать населенью, как «чудесно они спаслися» при всеобщей гибели.

Коран султана Магомета был последствием ромейского кумироборства, а не предшественником его, перелетевшим по воздуху из пустынь Аравии в обитаемые места.

ГЛАВА XIX

ОТГОЛОСКИ РОМЕЙСКОГО КУМИРОБОРСТВА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ. ПЕРЕХОД ВЕЛИКОГО ЦАРЯ-МЕССИИ ИЗ УСЫНОВЛЕННОГО БОГОМ ЧЕЛОВЕКА В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СЫНА БОЖИЯ НА ФРАНКФУРТСКОМ СОБОРЕ 794 ГОДА, ПОСЛЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЕВАНГЕЛИЯ ИОАННА (ДАМАССКОГО, 676—777 ГГ.). ПОДЛОЖНЫЕ ДЕКРЕТОРИИ ИСИДОРА, КАК ПЕРВООСНОВА ЦЕРКОВНОЙ ПСЕВДО-ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ТРЕХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

Ромейское кумироборство не могло не отразиться в Западной Европе. Великий понтифекс Адриан, получив «Деяния Никейского собора» о восстановлении икон, послал копии их Карлу Великому, ожидая, что они будут приняты и франками. Но бывшее перед тем расстройство брака между дочерью короля и сыном Ирины не могло склонить его к благоприятному отношению к восточным постановлениям, и он послал документы на заключение Алкуину, находившемуся тогда в Англии. Тот сделал несколько замечаний о Никейских постановлениях в виде письма, и из них, думают, образовался потом трактат в четырех книгах от имени Карла Великого под названием «Каролингских книг», которые впервые были изданы в 1549 году Жаном дю-Тилле, хотя католики и утверждают, что они — подложное сочинение одного реформатора и с поздним их происхождением нельзя не согласиться.

По мнению автора, крайне унизительно и для «святого таинства причащения», и для креста, «символа нашего спасения и знамения нашего христианского исповедания», и для священных сосудов, и для священных книг, что почитание, оказываемое им, ставится на один уровень с почитанием иконам. Почтение, оказываемое священным останкам, представляющим собою части тела святых людей или вообще вещи, каким-либо образом связанные с ними, не может служить основанием для оказывания подобного же почтения к иконам, которые являются простым произведением художника. Христос и его святые, — говорил он, — не требовали такого почитания. Хотя более образованные люди и способны относиться к иконам без идолопоклонства, направляя свое почтение к тому, что они означают, однако необразованные, не умеющие разбираться в тонкостях, легко могут переходить к боготворению того, что они видят, без всякой мысли о предмете, стоящем вне пределов изображения. Вина в подобном грехе должна падать не на тех, кто отказывается поклоняться изображениям, но на тех, которые вынуждают к подобному поклонению. Иконы, по мнению

автора, могут быть допускаемы только в виде украшений, или в качестве исторических воспоминаний. Напрасно говорят, будто без них невозможно помнить о боге. Слишком плоха память, которая нуждается в напоминании о боге посредством икон, и не надежны те люди, которые не способны подняться духом выше вещественного творения, кроме как при помощи самого вещественного и сотворенного предмета.

Но все это — уже идеи кануна реформации, а потому не могут характеризовать идеологии VIII века, тем более, что франкфуртский собор занимался, прежде всего, — говорят нам, — учением Аргельского епископа Феликса в Каталонии об отношении человеческой природы Христа к божеской природе его бога Отца. До этого самого времени некоторые писатели и вся испанская литургия прилагали ко Христу термин усыновление (adoptio) и назывались адопционистами. Они были отпрыском несториан, так как по своему духу оба учения, бесспорно, сходны между собой. Но адопционисты не возражали против названия девы Марии Deipara (т. е. богоравная) и Феотокос (то есть Богородица) и допускали **соединение** в Христе двух естеств — божеского и человеческого. Он не может, — говорили они, — быть в собственном смысле сыном божиим по своему человеческому естеству, если только мы не будем предполагать, что его плотская сущность заимствована от самой сущности бога. Он есть просто сын Давидов и лишь по усыновлению — сын божий.

Феликс Аргельский получил известность в качестве главного распространителя этого учения и обвинял Беата и Этерия, начавших проповедь о божеской плюс человеческой природе Христа, в том, что они смешивают в нем оба эти естества, как виноделы вино и воду (sicut vinum et aqua).[1] Другим главой адопционизма был Елипанд, епископ толедский и примат Испании во время агарянского владычества.

Отсюда мы видим, что первыми изобретателями двух естеств во Христе были аббат Беат и Этерий, хотя собор. будто бы происходивший против адопционистов в Нарбонне в 788 году, признается теперь фиктивным. На следующий за ним франкфуртский собор не явился ни один представитель от адопционистской партии, но все же Алкуин, вызванный из Англии, выступил против их учения, и собор своим первым каноном единодушно осудил их, как ересь, которая «должна бы быть окончательно искоренена в церкви».[2] Алкуин утверждает, что ради последовательности Феликс, подобно Несторию, должен бы разделить Христа на два сына: одного — действительного и другого — номинального.[2] Но то же самое лицо не может быть в одно и то же время настоящим и усыновленным сыном одного и того же отца. Сыновство Христа основывается не на его естестве, а на личности. Два его естества не составляют двух сыновей, так как они сами не отделены, а нераздельно соединены в одной личности. Весь Христос есть сын божий и весь он — сын человеческий. Тут нет места для усыновления. Христос был истинным богом с самого момента своего человеческого зачатия. Но кроме того, — заканчивает Алкуин свою смешную софистику, — весь этот предмет, как сверхестественный, не может быть измеряем человеческим разумом. Христос есть истинный сын бога отца, хотя его плоть и не произошла от бога, и отрицать возможность такого случая значит подрывать божественное всемогущество.[1]

[1] Alcuin, «Epistolae», I, 793.
[2] Там же, I, 11; IV, 5.

Таким образом, первая идея о том, что Христос есть не усыновленный богом человек, а истинный бог и в то же время истинный человек, возникла на Западе только в конце VIII века и выработана от имени ученого времен Карла Великого, Алкуина (735—804). Первоначально о Великом царе было два мнения: одни говорили: «он бог», и другие: «он человек», а Алкуин признал верным и то и другое, и эта глупость была окончательно признана Западною церковью только в конце VIII века. Вот почему можно сомневаться и в том, чтоб она была признана ранее того времени и на Востоке.

К постановлениям франкфуртского собора примкнул собор, состоявшийся в Фриуле при великом понтифексе Павлине Аквилейском, в 796 году, и собор, состоявшийся в Риме при понтифексе Льве III, в 799 году. На фриульском соборе было постановлено, что «спаситель» «один и тот же и сын человеческий, и сын божий; не мысленный, а действительный сын божий; не усыновленный, а собственный; собственный, а не усыновленный в каждом из своих естеств, он неслиянно и нераздельно сын бога и сын человека».[2]

В округ, в котором Феликс поддерживал старое мнение, были отправлены Лейдрад, лионский архиепископ, Нефрид, нарбонский епископ, и Бенедикт, аббат анианский. Они с успехом трудились над установлением в церкви этой галиматьи и над опровержением усыновления и, встретив в Ургеле самого Феликса, уговорили его, уверив в безопасности, отправиться во Францию, чтобы там он мог ответить за себя пред собором, который предполагалось созвать в Э-ла-Шапелле.

Там против него выступил Алкуин, который специально вызван был из его уединения в Туре. Спор продолжался в течение шести дней. Феликс, наконец, отрекся от усыновления Иисуса богом, осудил Нестория и увещевал свое духовенство и народ следовать истинной вере.[3] Но так как кем-то было высказано подозрение относительно его устойчивости, то ему все-таки не позволено было возвратиться в свой диоцез, и он отдан был на попечение лионского архиепископа.

[1] Alcuin, II—V, во многих местах (в издании Patrologiae Cursus completus, томы 100 и 101.)
[2] Hardouin, IV, 756.
[3] Alcuin, «Epistolae», 92 и 176.

А Лейдрад и его сотоварищи отправились опять в Каталонию с целью искоренения его ереси, и Алкуин свидетельствует, что во время двух посещений они приобрели там 20 000 обращенцев — епископов, духовенства и мирян. [1]

Вот когда и как возникло поразительное учение, что евангельский Христос в одно и то же время «и бог и человек, и не слитно, и не раздельно»!

К концу царствования того же Карла Великого возник вопрос и касательно того, откуда же исходит «святой дух»? При усыновлении Христа было ясно, что он исходит только от бога-отца, а при его тожестве с сыном,— как было поступить?

На греческом востоке еще, будто бы, 2-й вселенский собор определил, что дух святой «исходит от бога-отца», не говоря ничего о сыне, что и понятно, если Христос тогда еще не считался «сыном божиим». На Фриульском соборе, в 786 году, Павлин, — говорят нам, — поддерживал новое определение, «порицая тех еретиков, которые шепчут, что святой дух принадлежит только отцу и исходит только от отца», и защищался против обвинения его в новшестве, так как это не было-де прибавлением к Никейскому символу, а только пояснением его, и собор принял исповедание веры, в котором излагалось учение о двойном происхождении. [2]

Однако, даже и для IX века эти споры о святом духе кажутся апокрифами, так как о разногласии между восточной и западной церквами по этому предмету мы не слышим до много более позднего времени, когда вопрос этот был «снова» возбужден и повел к их разделению. Первоначально же святой дух (Sanctus spiritus) исходил только из винного спирта, как показывает и само его название, когда опьяняющее действие вина считалось «таинством божиим».

Мы видим отсюда, что косвенным результатом ромейского кумироборства было на Западе возбуждение вопроса о личности самого Христа и что этот вопрос был разрешен курьезным соглашением обоих прежних мнений. Но это еще не значило, что споры теологов о личности Христа отвлекли Запад Европы от вопроса о поклонении изображениям богов и полубогов, т. е. святых.

Во франкской церкви были лица, которые доводили свое противодействие иконам много дальше, чем это допускалось франкфуртским и парижским соборами. Так Агобард, архиепископ лионский, приводит много свидетельств из древних писателей, в особенности из Августина, и старается показать, что древняя церковь употребляла иконы только для воспоминания, а не для какой-либо религиозной цели.

«Образ, — говорит он, — изображает только тело. Если бы вообще можно было боготворить людей, то честь эту нужно скорее оказывать им заживо, когда они находятся в единении

[1] Alcuin, «Epistolae», 92.
[2] Harduin, IV, 850, 855.

тела и души. Тот, кто боготворит статую или икону, оказывает богопоклонение не богу, ангелам или святым, а самому изображению. Думать иначе значило бы предаваться обольщению дьявола, стремящегося к восстановлению идолопоклонства. Ожидать от религиозных изображений добра не менее нелепо, чем составлять войско из нарисованных солдат, или ожидать земных плодов от изображения жатвы или сбора винограда».

Агобард не навлек на себя какого-либо особого порицания вследствие этих своих мнений, но один из его современников, Клавдий Туринский, своим решительным противодействием употреблению изображений в храмах причинил не мало смятений во франкской церкви. [1] Он жил при дворе Людовика в Аквитании и в 814 году был назначен им на туринскую кафедру. Найдя, что церкви его диоцеза были переполнены иконами и приношениями по обету, он сразу изгнал их, не сделавши никакого ограничения даже в пользу исторических изображений. Мощи и кресты подверглись той же участи. Он отверг поклонение святым, молитвы о их заступничестве и обычай посвящения им церквей. Он возражал против обычая паломничества к святым местам и говорил, что было бы ошибочно ожидать пользы от посещения апостола Петра, так как сила прощать грехи, данная апостолам, принадлежала им только в течение их жизни, и после их смерти отошла к другим. Папа Пасхалий выразил ему свое неудовольствие, но Клавдий отнесся легко к его неодобрению, заявляя, что титул «апостольский» принадлежит не тому, кто занимает седалище апостола, а тому, кто делает апостольское дело.

Франкское духовенство смутилось его действиями. Некоторые просили Людовика исследовать мнение епископа. Состоялся собор из епископов, но Клавдий, которого пригласили, отказался явиться на него, и отозвался о соборе, как о собрании ослов.

Против него в 827 году писал диакон Дунгал, говоря, что иконы употреблялись в церкви с самого начала, но не смог, конечно, привести ни одного примера раньше Павлина Ноланского, жившего, будто бы, около 400 года. По просьбе Людовика опровержением Клавдия занялся и епископ орлеанский Иона, но и Клавдий, и император, умерли раньше, чем окончено было опровержение.

Однако, несмотря на это разногласие, которое в других местах послужило поводом ко многим анафемам, франкская церковь оставалась в ненарушимом общении с Римом, хотя и продолжала держаться своего особого воззрения до конца IX века.

Так, начавшаяся на Востоке борьба с изображением богов и святых не привела на западе Европы к серьезным результатам, хотя отдельные попытки к ней и продолжались вплоть до начала

[1] Сведения о Клавдии заимствованы из трактатов Ионы и Дунгала против него, так как его «Apologeticus» не существует. А Дунгал и Иона находятся в Bibliotheca Patr-um Lugdun., т.XIV, где даны иг лавные места из Клавдия (pp. 197—199). Иона находится там же, в томе CVI, а Дунгал в CV той же «Patrologia».

реформации. Почему так случилось? Очевидно, потому, что в западной Европе за весь тот промежуток времени не было крупных сейсмических потрясений, низвергающих статуи, а до философского сознания бесполезности религиозных изображений человечество и там еще не доросло.

Рассмотрим теперь и другую сторону тогдашней религиозной жизни.

Около того же IX века церковные законы получили необычное прибавление, которое впоследствии повлекло за собою очень важные результаты.

В более древних сборниках декретальные послания всегда начинались обращением великого понтифекса Сириция к Гимерию «в 385 году». Но в IX веке писатель, называющий себя Исидором, представил почти сто посланий, написанных им от имени «более древних» римских епископов, начиная от Климента и Аналекта, и от «современников апостолам», вместе с несколькими письмами от предполагаемых корреспондентов воображаемых пап и с деяниями до тех пор неизвестных древних соборов.[1]

Подложность этих документов легко была доказана грубыми анахронизмами и промахами, вроде того, что лица, отделенные между собою целыми столетиями, выставляются находящимися в переписке друг с другом, а древнейшие епископы Рима цитируют Библию по переводу Иеронима, и некоторые из них, жившие еще в то время, когда Рим был языческим, жалуются па посягательство мирян на церковную собственность в словах, которые явно выдают писателя каролингского периода. Некоторые из подложных документов, заключающихся в этом сборнике, относятся к священному писанию, к латинским церковным писателям, к богослужебным книгам, к канонам, к декреталиям, к Феодосиеву кодексу и к понтификальным книгам (т. е. к ряду легендарных жизнеописаний римских епископов, продолженному Анастасием-книжником и обыкновенно приводимому под его именем). Весь труд поддельщика состоял главным образом в собирании материалов (по большей части из сомнительных источников) и в придании им внешнего характера авторитета.

Время составления этой книги нужно считать между VI Парижским собором, бывшим в 829 году, так как из этого собора многое заимствовал поддельщик, и Квиерсийским собором, бывшим в 857 году, где эти декреталии, — говорят, — уже приводились в качестве авторитетных документов Карлом Лысым. То, что они были франкского происхождения, доказывается особенностями языка, и теперь вообще думают, что они написаны в Меце, а Гинкмар даже говорит, что сборник этот был привезен из Испании Рикульфом, занимавшим Мецкую кафедру с 787 по 814 год.

В нем высоко ставятся привилегии духовенства, в особенности епископов, и власть «папы» расширяется гораздо дальше того, что признавалось за нею до тех пор. Великий римский понтифекс

[1] В них есть также вымышленные имена писателей позже Сириция.

выставляется как верховный глава, законодатель и судия церкви, единый епископ всего христианского мира. По всем делам можно обращаться к нему с апелляцией, и только он один в праве решать важные или трудные дела. Без его позволения не могут быть созываемы даже провинциальные соборы, и их постановления не могут иметь без его согласия никакого значения. Епископы объявляются свободными от всякого мирского суда. Худые епископы должны быть сносимы, как наказание божие, которое послужит к вечному благу для подчиняющихся ему, суд над ними должен быть предоставлен богу. Никакой мирянин не может обвинять епископа, или даже церковнослужителя, так как ученик не выше своего учителя, и овца не должна обвинять своего пастуха. Точно также и церковнослужитель, который обвинил бы своего епископа в зазорных делах, был бы как сын, вооружающийся против своего отца, и его обвинения не могут быть даже выслушиваемы. Для того, чтобы доказать виновность епископа, требуется семьдесят два свидетеля, а компетентность их определяется с такою строгостью, которая явно имела в виду устранить всякое показание.

Но была и такая степень в иерархии, к которой декреталии отнеслись очень строго: это были митрополиты. В тогдашней франкской системе суд над епископом принадлежал местному митрополиту, от которого возможна была последняя апелляция к государю, но в декреталиях митрополит сделан бессильным что-либо сделать без согласия своих же соподчиненных (суффраганов). Он не мог даже собирать их без позволения великого римского понтифекса.

Можно только спрашивать, с какою целью первоначально сделан этот подлог? В интересах ли римского понтификата, которому приписывалось верховенство, безграничное по своей степени, или в интересах епископов, которых декреталии освобождали не только от всякого светского контроля, но также и от контроля митрополитов и провинциальных соборов, предоставляя решение их дел более отдаленному трибуналу Рима, как единственному судье? Мнения более тщательных исследователей этого вопроса склоняются в пользу того, что знаменитые декреталии измышлены епископом в интересах епископов, что этим способом имелось в виду защитить собственность духовенства против внешнего посягательства и утвердить привилегии клерикальной иерархии на основе; независимой от светской власти. При этом митрополиты особенно подвергались нападению за то, что были главными орудиями, через которые каролингские государи могли иметь контроль над епископами.

Но каковы бы ни были причины, не трудно видеть, что нет никакого различия между делом автора этих декреталий и делами других, измышлявших всевозможные древне-исторические документы, и бесчисленных писателей Эпохи Возрождения, предлагавших миру свои измышления от имени древних авторов.

Новейшие защитники римской церкви доказывали, будто

лже-декреталии не произвели никакой перемены в действительной системе церковного правления.[1] Но на такие доводы им отвечали, что система декреталий, наоборот, представляла прямую противоположность тому, что непосредственно предшествовало им в управлении франкской церкви. И действительно, изображение позднейших папских притязаний в том смысле, будто они перешли по непрерывному преданию от апостольских времен, не могло не произвести сильного влияния в IX веке, и различие между прежней и последующей эпохой в истории понтификата в избытке доказывает их большое влияние.[2]

Изданные в век, совершенно незнакомый с критикой, — говорит Робертсон, — они приняты были без всякого сомнения, хотя и возникали вопросы касательно их обязательности. В следующем столетии на них делал ссылки прюмский аббат Регино, и ими продолжали пользоваться составители подобных же произведений вплоть до XII столетия, когда Грациан положил их в основу своей книги «Decretum», этого обширного свода средневековых церковных законов, и то, что построено на этой основе, остается и до сих пор.

Таковы были на западе Европы отголоски тех событий, которые произошли на Востоке. Возвратимся же к нему снова.

ГЛАВА XX

БОРЬБА СЕМИТОВ, ГРЕКОВ И АРМЯН ЗА ЦАРЬГРАДСКИЙ ПРЕСТОЛ В IX ВЕКЕ НАШЕЙ ЭРЫ. НОВАЯ ВСПЫШКА КУМИРОБОРСТВА

После низложения Ирины в 802 году вновь появились в византийском осколке прежней единой Великой Ромеи кумироборческие тенденции, но только как-то беспорядочно.

Дворцовая революция, свергнувшая Ирину, возвела, как мы уже говорили, Никифора I (802—811). Но он в 811 году пал в битве с болгарами, и в течение нескольких месяцев 811 года правил тяжело раненый на войне сын его Ставракий. Еще до своей смерти он был низложен Михаилом I, принадлежавшим к греческой фамилии, но и сам Михаил I (811—813) был низложен своим военачальником Львом, армянином (813—820), который тоже был убит, и на престол был возведен начальник гвардии Михаил Косноязычный (820—829), родом из города Амория в малоазиатской провинции Фригии, почему его династия, давшая трех представителей, и называется аморийскою или фригийскою (820—867). После смерти Михаила II царствовал его сын Феофил (829—

[1] Например, Dölinger, II, 41—3, по словам Джемса Робертсона.

[2] Джемс Робертсон, История Христианской Церкви, стр. 787 русского перевода.

842), женатый на знаменитой второй восстановительнице православия Феодоре из малоазиатской провинции Пафлагонии. А последним представителем является их сын Михаил III (842—867), перешедший в историю, как я уже упоминал, с прозвищем «Пьяницы».

Таким образом, в период с 802 по 867 год на престоле сидели два семита, один грек, женатый на семитке, один армянин и три фригийца, полугрека. Так восточные элементы снова заиграли значительную роль в управлении государством.

А что же в это время делалось на Азиатском Востоке? Нам говорят, что современником Карла Великого и Ирины был в Багдаде знаменитый Гарун-аль-Решид, а затем Мамун (813—833), при которых персидское влияние получило исключительное преобладание, и призрачная арабская национальность отступила на задний план. На сухопутной границе было спокойно, но действия египетского агарянского флота в Средиземном море повлекли потерю острова Крита, большей части Сицилии и ряда важных пунктов в Южной Италии.

Самым интересным моментом того времени является восстание Фомы в царствование Михаила II, имевшее уже евангельскую окраску. Он объявил себя сторонником иконопочитания и евангелического христианства. И вот, поднялись «рабы на господ».

На сторону Фомы перешел, — говорят, — весь флот Эгейского моря и осадил столицу с суши и с моря. Жившие во Фракии и Македонии славяне, после прибытия Фомы на европейский берег, присоединились к нему. Но неожиданно появившиеся с севера болгарские славяне под предводительством Омуртага разбили сухопутное войско Фомы. Вынужденный бежать, он был схвачен и предан казни. Остатки его приверженцев были уничтожены. Так закончилось в 823 году тянувшееся более двух лет псевдорелигиозное восстание, после чего Михаил почувствовал себя более или менее твердо на троне.

Влияние христианской демагогии, возвеличивавшей нищих духом и гремевшей против богатых, сказалось тут ясно в экономической стороне движения, но, не удавшись, оно привело к обратным последствиям. Оно разорило большинство мелких землевладельцев и отдало их земли в руки богатых соседей, что и было одной из важных причин появления в X веке громадных земельных владений, беспокоивших императорскую власть в Малой Азии.

В это же время источники отмечают и первое нападение руссов, т. е. русских, на Царь-Град в 860 и начале 861 года.

Патриарх Фотий, или кто-то от его имени, называет «скифский народ грубым и варварским», «упорным и грозным морем», «северною страшною грозою».

Одновременно с военными столкновениями на Востоке шла упорная борьба империи с западными агарянами. Уже в самом начале IX века, при императоре Никифоре I, африканские агаряне помогали жившим в Пелопоннесе славянам во время их восстания и осады города Патр (Патраса). В царствование Михаила II

агаряне из Испании основали на Кипре новый город, окруженный глубоким рвом (по-арабски—хандак, откуда и произошло название острова Кандия). Он сделался гнездом пиратов, грабивших и разорявших острова Эгейского моря и прибрежные местности и наносивших этим большой ущерб политическим и экономическим интересам империи.

Утвердившись в Палермо, агаряне последовательно захватили большую часть Сицилии, так что к концу Аморийской династии из больших сицилийских городов оставался в руках новых евангельских христиан только город Сиракузы. Но точно ли это были завоевания, а не остатки прежнего агарянства, одноверного с арианством, не перешедшего к новому евангельскому ответвлению?

Ведь, военные столкновения с саракинами, т. е. царистами или наместниковцами,[1] были за власть, а не за религию, как и между христианскими государствами.

Византия удерживала за собою в IX веке Венецию, большую часть Кампании с неаполитанским герцогством и два южных полуострова Италии. Но Венеция и Кампания находились лишь в некоторой зависимости от Византии, имея автономное управление, а юг Италии был прямо подчинен империи. Большая часть Италии была под властью ариан-лонгобардов которые в конце VII века дошли до берега Тарентского залива и этим разъединили оба византийские южные полуострова Италии, которые теперь могли сообщаться между собою исключительно морем. После итальянских завоеваний Карла Великого и его коронования в Риме весь Аппенинский полуостров, за исключением византийских владений, перешел формально в руки западного императора. В действительности же власть его не заходила южнее границ понтификальной области и Сполетского герцогства. Даже Беневетское герцогство осталось самостоятельным.

После завоевания Сицилии саракины начали производить морские нападения на итальянское побережье, их пираты в сороковых годах IX века появились даже в устьях Тибра и, завладев богатою добычею, удалились.

Плохо было и на Балканском полуострове. Никифор в 811 году предпринял против Болгарии большую экспедицию, но потерпел страшное поражение. Он, как я уже говорил, был убит, его сын Ставракий тяжело ранен, войско со всеми начальниками перебито.

Лишь при Льве V был заключен с Болгарией многолетний мир и сделано определение точной границы во Фракии. Следы ее в остатках земляных окопов сохранились и до нашего времени. Лев V отстроил разоренные ромейские города и сделал в столице новую стену для лучшей защиты города.

---

[1] От סרה (СРК) — Сарак, т. е. персидский наместник, которому подчинялись сатрапы-саракины (סרכין); латинское — Сарацины, от зендского — Сара и персидского Сэр—глава, царь. В переводе это значит—монархисты, царисты.

Греческое духовенство отправилось в Болгарию для проповеди своего нового евангельского христианства. Около 864 года царь Борис принял новую веру и был наречен Михаилом. Так впервые вместо прозвищ начались у людей прочные неизменные имена. За царем крестились и его подданные.

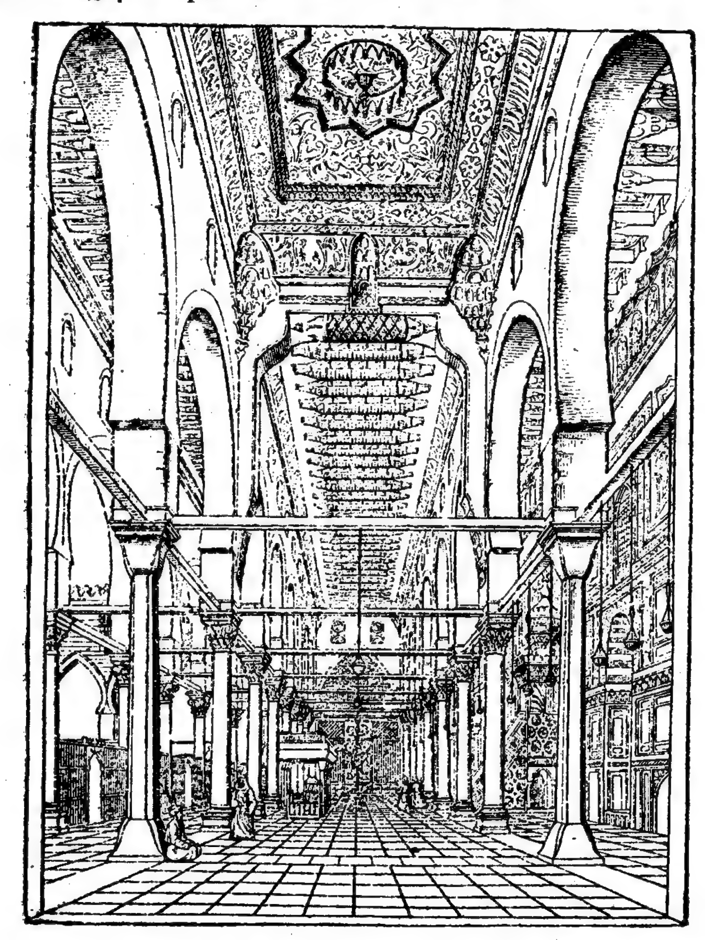

Рис. 101. Мечеть Эль-Мойед в Каире. (Гнедич I, 388). Образчик храмов современных нам восточных иконоборцев, доведших борьбу с изображениями живых существ до абсурда.

Первые византийские государи этого периода (802—867) не являлись сторонниками кумироборства, и поэтому могло казаться, что восстановленное Ириною иконопочитание постепенно укрепится. Император Никифор придерживался политики религиозной терпимости. Но отшельническое монашество все же пережило при нем тяжелый момент во время избрания на место умершего Тарасия нового патриарха Никифора, поставленного непосред-

29 Зак. 66

ственно из мирян. Против этого восстал знаменитый Феодор Студит, вероятный автор евангелия Матвея, возвеличивавшего скопчество, и его последователи. Однако, светская власть взяла верх, и Феодор Студит с некоторыми из друзей был отправлен в ссылку, но скоро был возвращен преемником Тарасия Михаилом I Рангави (811—813).

Затем Лев Армянин в 813 году низверг Михаила Рангави и стал проводить в жизнь снова кумироборческую политику.

«Вы видите, — говорил он, по словам одного современника, — что все государи, которые признавали изображения и поклонялись им, умерли или в изгнании, или на войне. Только непочитавшие деланных богов умерли своею смертью и с почетом перенесены в императорские усыпальницы в храм Апостолов. Я также хочу им подражать, чтобы после долгой жизни, моей и моего сына, царство наше удержалось до четвертого и пятого поколения».

В Царь-Граде в 815 году был созван им второй богоборческий собор, постановление которого сохранилось в одном из апологетических сочинений патриарха Никифора.

«Укрепив и утвердив услышанное богом учение святых отцов и следуя шести святым вселенским соборам, царь, — по словам автора, — осудил, несогласное с преданием или, еще вернее, бесполезное производство изображений и поклонение им, предпочитая служение в духе и истине». Указав далее на то, что «благодаря женской простоте» было восстановлено почитание «бездушного дерева», возжигание перед ним свечей, курений, благовоний, собор запретил «не имеющее за собою никакого основания производство лжеименных изображений католической церкви, отменил поклонение им, установленное патриархом Тарасием, осудил возжигание им свечей и светильников и приношение благовоний. Но в конце своего определения собор 753—754 года все же воздержался от названия их идолами, говоря, что такое зло отличается от другого худшего.

Не было ли причиной этого второго взрыва кумироборства новое землетрясение? У меня нет сведений о нем, но оно очень правдоподобно, потому что оба кумироборства продолжались около одного поколения и характеризовались ожесточением. Первый прошлый период продолжался около пятидесяти лет, а второй — не полные тридцать лет (815—843), причем преследование статуй и икон и их почитателей при Льве V велось тоже с большой жестокостью. Некоторые из иконников называли Льва «пресмыкающейся змеей» и сравнивали его время с «зимою и густым туманом». А при его преемнике Михаиле II уже замер религиозный спор. Сравнивая время Льва V с временем Михаила, современники говорили:

«Огонь погас, но дым остался». «С пресмыкающейся змеей не был умерщвлен хвост ереси и все еще корчился». «Зима прошла, но не наступила совершенная весна» и т. д.

При Михаиле скончался и знаменитый борец за иконы Феодор Студит.

Преемник Михаила II, император Феофил, «человек богословски образованный, отличавшийся ревностным почитанием богородицы и угодников и подаривший церковную литературу несколькими песнопениями», является в религиозной жизни империи последним императором-иконоборцем. Его жена Феодора была ревностною почитательницею икон. Когда в 842 году он умер, она сделалась правительницею государства по причине малолетства их сына Михаила, и первым делом ее было восстановление изображений. Созванный Феодорою собор, деяния которого тоже не дошли до нас, восстановил иконопочитание 11 марта 843 года. Этот день и до сих пор празднуется православною церковью как «торжество православия». Да и действительно только 843 год и был истинным началом современного нам христианства, хотя и в это время еще не было отлучения агарян от церкви, да и о «Магомете» не было даже и помину у византийцев.

Иконопоклонческим было все население западных областей Византии, Италии и Греции, откуда происходила и первая восстановительница православия императрица Ирина, и это можно объяснить лишь тем, что, как я говорил, сейсмические потрясения, низвергавшие статуи и расписанные изображениями святых стены храмов туда не доходили. А отшельническое монашество, которое надо отличать от коммунистического монашества в городах, где нравы были очень легкие, присоединилось к защитникам икон, потому что приписывало землетрясения не им, а, наоборот, грехам земных царей.

Главною основою иконопоклоннической доктрины реальных евангелистов, Иоанна Дамаскина и Феодора Студита, было Священное Предание и, конечно, Апокалипсис, с ожиданием скорого прихода царя Мессии, с целью поразить земных царей. С их точки зрения, иконы имели не только образовательную ценность, но и «переносили на себя святость и заслуги изображенного на них Христа, богоматери или святых, почему и владели чудотворною силою».

Но это еще не значит, что, восстановляя иконы, их почитатели содействовали зарождению живописи нового времени в Ромее. Могло быть даже наоборот, так как они придали искусству однообразие. Ведь, уничтожая изображения христа, богоматери, святых, иконоборцы Византии не упразднили живописи, а только стали писать на стенах храмов жанровые сцены в роде охотничьих рисунков или сцен на ипподроме, с деревьями, птицами и зверями. Из их эпохи дошли до нас несколько вещей из слоновой кости, эмали и интересные миниатюры. Византист Диль видит в них стремление к наблюдению природы и к реализму, но она с нашей точки зрения не есть возвращение к античным традициям, а, наоборот, подготовка художества Эпохи Гуманизма. А иконопочитатели стали писать одни псевдо-портреты.

Одним из важных результатов иконоборческой эпохи является исчезновение в восточной церкви статуйных изображений. Даже и «торжество православия» на соборе 843 года при

императрице Феодоре уже не восстановило их. Так в самом зародыше была пресечена художественная скульптура в Византии до начала крестовых походов. Иконоборство отразилось также и на византийских монетах и печатях. В VIII веке под его влиянием создается для монет и печатей совершенно новый эпиграфический тип, из одних надписей, без всяких лицевых изображений. Вместо них появляется иногда крест. А с восстановлением иконопочитания также были восстановлены на печатях и изображения лиц, если не считать, что они появились тогда впервые, а более древние печати с портретами — или подлоги, или принадлежат позднейшим императорам.

Так иконоборство отдалило от Византийской империи Италию и явилось одной из причин временного разделения церквей в IX веке.

Дело было в том, что патриарх Игнатий, прославившийся уже своим рвением в защиту иконопочитания, был низложен Михаилом, и на патриарший престол возведен был светский человек, ученейший представитель своего времени, Фотий. Образовались две партии: одна за Фотия, другая за Игнатия, который не соглашался добровольно отказаться от патриаршества. Они предавали друг друга проклятию, и это заставило Михаила III созвать собор, на который он пригласил знаменитого римского Великого понтифекса Николая I. Тот отправил вместо себя на собор легатов, которые вопреки желанию понтифекса признали Игнатия низложенным, а Фотия законным патриархом, а созванный в Риме новый собор проклял Фотия и восстановил Игнатия. Затем в 867 году новый собор в Константинополе предал анафеме и Римского понтифекса за его еретическое учение об испускании святого духа евангельским христом и за незаконное вмешательство в дела константинопольской церкви. Понтифекс и патриарх и лично предали друг друга анафеме. Таким образом произошло временное разделение церквей. Но в 867 году Михаил III умер, а с его смертью обстановка изменилась. Новый император Василий I низложил Фотия и восстановил Игнатия, что вызвало примирение с Римом.

Таковы были главные события в Ромее в средине IX века, когда православная церковь впервые начала вырисовываться в том виде, как мы ее теперь имеем.

Желанье всесторонне осветить этот чрезвычайно важный момент заставляет меня здесь не раз возвращаться к тем же событиям, так сказать, то справа, то слева, но это было необходимо в виду смутности существующих представлений.

ЧАСТЬ II

ГРЕКО-ХРИСТИАНСКАЯ РОМЕЯ

(ВИЗАНТИЯ)

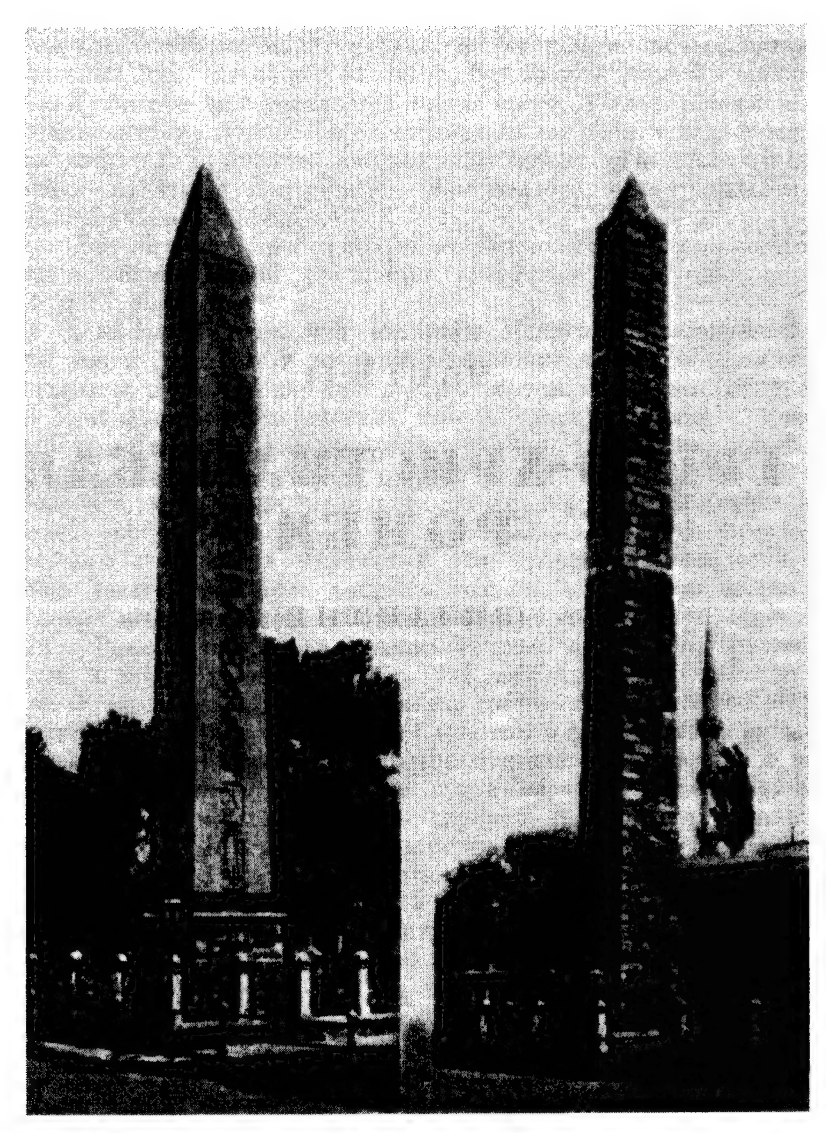

Рис. 102. Царь-Град. Обелиск Феодосия и обелиск Колосс. Современное состояние.

Рис. 103. Знаменитый «нерукотворный портрет Христа», чудесно появившийся на его полотенце, после вытирания им своего пота на лице, как образчик наших «памятников древней истории».

ГЛАВА I

ТЕЧЕНИЯ МЕССИАНСКО-ХРИСТИАНСКОЙ МЫСЛИ СРЕДНИХ ВЕКОВ В ТЕНДЕНЦИОЗНОМ ИЗЛОЖЕНИИ ПОЗДНЕЙШИХ КЛЕРИКАЛЬНЫХ АПОКРИФИСТОВ. ВОСТОЧНЫЕ СЕКТЫ АПОКАЛИПТИЧЕСКОГО ХРИСТИАНСТВА: ТЫСЯЧЕЛЕТНИКИ, ЯКОВИТЫ, НЕСТОРИАНЕ, ПАВЛИКИАНЕ

Возвратимся немного вспять.

Само собой понятно, что неизбежная смерть Великого Царя-Мессии, которого считали бессмертным, должна была, вызвать большой сумбур и смущение среди верующих. Немногие, видевшие его мертвым и участвовавшие в погребении, должны были разочароваться, а десятки, если не сотни тысяч не видевших этого по причине отдаленности своих стран, должны были признать всякого, говорящего о смерти Великого царя, обманщиком.

Из разнообразных сплетений этих двух крайностей между собою должны были возникнуть многочисленные вариации представлений. Это мы и видим, начиная с V века нашей эры, когда, собственно говоря, и началось апокалиптическое христианство и мессианство.

Первою из таких реальных сект можно считать тысячелетников (по-гречески—хилиастов). Это было верование, что Мессия придет лично царствовать на земле, в Иерусалим, и что земное царство его будет продолжаться в течение тысячи лет. Такое представление было совершенно согласно с иудейством и мессианст-

вом средних веков, а христианский хилиазм по Апокалипсису считал, что Новый Иерусалим будет не палестинский и не ромейский, а должен сойти с неба.

Среди защитников этого учения, по преданию, был и Папий, епископ Гиерапольский, который считается слушателем апостола Иоанна (т. е., по-нашему, Иоанна Златоуста). К концу второго столетия «реального» христианства эти мнения, повидимому, сделались общими в христианской церкви. Гонение Деция (т. е. Десятого царя), — говорят нам, — способствовало оживлению популярности «тысячелетников» среди тех, которые чувствовали приближение конца мира, но в таком случае и Деция приходится отнести по эре Диоклетиана не ранее, как на время царствования Зенона (474—491), а по эре Апокалипсиса на царствование Юстиниана (527—565). Вслед за «тысячелетниками», хотя и не противореча им, следуют яковиты и несториане, но между обоими вышла какая-то путаница.

Несториане,—говорят нам,—возникли еще в половине V века, и несомненно они были первичным христианством, так как считали «Царя Иудейского» **простым человеком**, в котором только нравственно обитал бог. Они называли Христа не богочеловеком, а богоносцем, и его мать не богородицей, а христородицей. Реальность этого течения христианской мысли доказывается и тем, что пережитки несториан (что значит — *бого-возвращенцы*) существуют и до сих пор. Яковиты же, — по словам церковников,— возникли со времени Ефесского вселенского Собора 531 года, «осудившего несториан», но окончательно оформлено было их учение, — говорят нам, — только десять лет спустя (в 541 году) Иаковом Барадеем, признавшим за Христом, наоборот, **только божескую** сущность. Но раз такое (тоже монофизитское, но только в противоположном смысле) учение возникло лишь в 641 году, то как же поверить тому, будто еще столетие назад (в 551 году) оно же под именем «монофизитства было осуждено 4 вселенским собором? Здесь явная неувязка наших исторических первоисточников, и это несогласие увеличивается еще и тем, что Яковиты, — как говорит нам и Джемс Робертсон,[1] — были в средние века награждены высшею степенью благосклонности со стороны агарян, когда Египет и Сирия подпали под владычество калифов, да и в западных странах Азии они спокойно жили под управлением особого патриарха, в Амиде.

Но, ведь, агаряне, судя по Корану, держались противоположного мнения и, как несториане, признавали в «Христе» лишь человека? Как же это вышло, что они подружились, именно, как раз со своим антитезисом?

Посмотрим теперь и на дальнейшее.

Во главе возвращенцев-несториан, — говорят нам, — стоял епископ, называемый по-гречески католикосом, который и после

[1] Джемс Робертсон, История Христианской церкви, гл. XXX, стр. 685.

основания Багдада Алмансуром, в 762 году, имел свой трон в этом городе. В VIII столетии «возвращенцы» утвердились в Египте, да и на Востоке они действовали с большим оживлением. Их миссионеры проникли, будто бы, морем из Индии даже в Китай, и прошли чрез пустыни до его северной границы. Так, камень, открытый в Син-Ган-Фу в 1625 году иезуитами, носит длинную, отчасти сирийскую, отчасти китайскую надпись, в которой перечислены имена миссионеров, трудившихся в Китае, и дана история христианства в этой стране с 636 по 781 год. В VIII столетии, — говорит она, — возвращенство пользовалось большой благосклонностью со стороны китайских императоров, и там построено было много церквей.

В надписи есть и конспект тамошнего христианского учения и обычаев, в которых можно заметить оттенок несторианства. Мосгейм в своей «Церковной Истории татар» дает копию этой надписи по Кирхеру, а Потье (Pauthier) издал ее на подлинных языках с переводом и факсимиле под названием: «L'Inscription Syrochinoise de Sin-Gan-Fou». Но так как она была известна лишь в копии иезуитских миссионеров, то некоторые считают ее подлогом их общества, тем более, что миссионеры, посланные около 980 года католикосом в эту самую страну, видели, что никаких церквей там не было, а из туземцев был известен только один человек, который исповедывал их религию. Иезуиты же утверждали, что сенсационный камень, на который они ссылаются, был вырыт из земли китайскими рабочими при устройстве основания одного дома и поставлен «в одном» китайском храме. «Кроме того, — по их словам, — подлог они сделали бы в гораздо более благоприятном виде для своих собственных интересов». Что же касается самого факта средневекового христианства в Китае, то есть о нем свидетельства и другого рода, приведенные у Mosheim'а в «Historia Tartarorum Ecclesiastica», 9—13.

Патриарх Тимофей, занимавший свою кафедру с 777 по 820 год особенно был деятелен в устроении миссий. Проповедники, которых он посылал, распространили, — говорят нам, — христианство в Гиркании, Татарии, Бактрии и других странах центральной Азии, где оно долго сохранялось. В этих отдаленных странах были епископы и митрополиты, признававшие свою зависимость от патриарха, и для облегчения посвящений было постановлено особое обрядовое правило: если нельзя достать для такого дела более двух епископов, то каноническое число *три* можно восполнять книгой Евангелия, заступающей место третьего лица рукополагающих.[1]

Но, ведь, это же, читатель, точное описание распространения будизма, т. е. религии пробужденцев или возвращенцев с того света! Стоит только перевести греческое слово «несториане» на русский язык! Типическая особенность учения будистов и есть постоянные возвращения человеческих душ с того света для

[1] Mosheim, «Historia Tartarorum Ecclesiastica», 15.

возрождении, судя по их делам, то в людях, то в животных, то в различных духовных существах, пока очистившись они не сольются с Будой (т. е. Будителем-Пробужденцем) — Христом.

Много волнений причиняла историкам-теологам и секта, современная агарянству и известная под названием павликиан. Учение их было предметом горячих споров позднейших теологов. Новые римско-католические писатели старались открыть в павликианах даже предшественников протестантских реформаторов и обвиняли лютеран в манихействе, к которому причислялись павликиане. Нам говорят, что название павликиан происходит от имени Павел,[1] но с этим можно и не согласиться, переводя это название словом «маловременники», т. е. считающие, что осталось мало времени до конца мира. Но если даже и допустить, что павликиане были адептами некоего Павла, то все же вопрос о том, с какого Павла взято это название, не нашел себе у теологов удовлетворительного разрешения. Некоторые из них производят его от имени Павла Самосатского, неизвестного антиохийского епископа III столетия, или от одного манихея позднейшего, но в точности неизвестного времени; другие приписывают их одному армянину около времени Юстиниана II. А позднейшие павликиане производили себя от апостола Павла, которого считали своим учителем. Но в таком случае и самого апостола Павла пришлось бы отнести не ранее, как к V веку, на что теологи не могли согласиться, хотя ряд фактов и говорил за это. Вот, хоть один из них, в сообщении патриарха Фотия.[2]

В деревне Мананале, близ Самосат, — говорил он, — жил около 653 года некий Константин, у которого один прохожий диакон оставил рукопись, содержавшую евангелия и послания апостола Павла. Прочитав эти книги, Константин стал проповедывать свою систему веры, которая называется манихейством. Он назывался также Сильваном, а вожди, наследовавшие ему, носили имена Тита, Тимофея и других сотрудников апостола Павла. Главные их общины носили названия церквей, в которых, по греческим преданиям, действительно трудился апостол Павел с его соработниками. Происшедшие, будто бы, отсюда павликиане ставили в основу своей религии послания апостолов Павла, Иакова, Иоанна, Иуды и апостольские деяния. Они допускали только евангелия Луки и Иоанна, отвергали Ветхий Завет и в особенности поносили апостола Петра, как предателя своего господа и истины, и вражда их была не без основания, говорит Петр Сицилийский, так как апостол Петр пророчествовал против учения апостола Павла.[3]

---

[1] Ведь, греческое слово παῦλα и значит — близкий конец, что можно истолковать в смысле ожидания близкого конца мира.

[2] Phot. 1, 4. Я излагаю по Джемсу Робертсону — «История Христианской церкви», стр. 688.

[3] II Петра, III, 16; Petrus Siculus, 62. А обвинение в «предательстве истины» основывалось на послании Павла Галатам, II, 11 и след.

Но мы уже видели в первой книге «Христа», что евангелие Иоанна принадлежит Иоанну Дамасскому (676 — 777) и евангелие Луки — Луке Элладскому (850 — 946), а потому павликиане могли существовать не ранее X века нашей эры. И к этому же приводит и приписываемое им мировоззрение.

Павликиане, — говорят нам, — считали вещество вечным и учили, что существуют два бога, — один, происшедший из тьмы и огня, творец и владыка настоящего мира, бог Ветхого завета и церкви; а другой — верховный предмет их поклонения — бог имеющего настать духовного мира.[1] По их учению, душа человека — небесного происхождения, и заключена в материальном теле, как в темнице. Они — как и иаковиты — не только отказывали богородице в исключительных почестях, но и отрицали ее второе девство, утверждая, что «Спаситель» ничего не принял на себя от ее сущности, а принес свое тело с неба и что его рождение было только кажущимся.[2] Они восставали против звания «пресвитер», и их учителя не отмечались ни одеждой, ни образом жизни или другими преимуществами. Это были только «нотариусы», на обязанности которых было переписывать сочинения, признававшиеся авторитетными. Они отвергали таинства, плевали на крест и нападали на иконопочитание, но оказывали почтение книге Евангелия, как содержащей слова Христа.[3] Титул христиан они давали исключительно себе самим, называя принадлежащих к государственной церкви римлянами, имеющими лишь политическую религию. Их собственные места богослужения не назывались храмами или церквами, а молитвенными домами.

Их воображаемый первоучитель Павел-Константин основал, — говорят нам, — свое местопребывание в Кивоссе, в Армении, где в течение 27 лет приобрел много обращенцев. Обо всем этом было, будто бы, донесено императору Константину Погонату (668—685), который отправил в Кивоссу сановника по имени Симеона с приказанием предать ересиарха смерти и распределить его последователей среди духовенства и по монастырям. Симеон захватил Константина, и он «был убит, подобно Голиафу, камнем из руки некоего юноши, его собственного усыновленного сына Юста», а Симеон сам совратился в павликианство, которое, как мы видим, было современно переходу Египта и Сирии к агарянству, и провел три года в Константинополе в большой душевной тревоге. Он, наконец, бежал оттуда, бросив всю свою собственность, и поселился в Кивоссе, где под именем Тита сделался преемником Павла-Константина. А Юст отправился к епископу соседнего города Колонии (теперь Калагиссар) и изложил перед ним богослужение своей секты, оканчивавшееся вакханалией. Епископ донес об этом деле императору Юстиниану II (685 — 695) и вследствие его доноса и Симеон, и сам Юст, и многие из их после-

---

[1] Petri Sicil., 16—18; Phot., I, 6.

[2] Phot. I, 7; Petrus Sicilus 10; Hamartol, 6.

[3] Там же, I, 7; Georg. Hamartol., 13.

дователей были преданы смерти через сожжение на большом костре, по обвинению в свальном грехе,[1] как это приводит Константинопольский патриарх Фотий (891 г.)

Казалось бы, что то отвращение, с которым павликиане относились к статуям и иконам, должно было привлечь к этой партии благосклонное внимание иконоборческих императоров, но может быть дурная молва о их богослужении привела к тому, что Лев и его сын переселили часть их из Армении во Фракию. Главенство среди оставшихся перешло к некоему Ваану, который называется «грязным»[2] за безнравственность.

«Но когда павликиане пали до такой степени низко, — говорит Робертсон,[3] — среди них явился преобразователь в лице молодого человека, по имени Сергий, обращенного в павликианство одною «женщиною-богословом». Эта женщина, «наметив его себе как человека, которого стоило склонить в ересь», вступила в разговор с ним и спросила его, почему он не читает священного писания. Он отвечал, что такое занятие позволительно не для простых христиан, а только для духовенства.

« — Это не так, как ты думаешь, — сказала она, — потому что у бога нет лицеприятия. Он хочет, чтоб все люди пришли к познанию истины».

Она стала говорить ему, что духовенство исказило слово божие, и что даже тем священникам, которые совершали чудеса, Христос скажет в день страшного суда: «Я не знаю вас».

Сергий начал читать священное писание под руководством своей учительницы и стал прилагать к господствующей церкви все, что там говорится против отпавшего Израиля, а на павликиан начал смотреть, как на истинную церковь христову. Он принял имя Тихика и преобразовал нравственность павликиан противоположно началам Ваана. В течение 34 лет, от царствования Ирины до царствования Феофила, Сергий неустанно трудился в пользу павликианства. Он сам называл себя блистательным светильником, сияющим светом, жизнедательной звездой и Параклетом, т. е. Заступником (как прилагалось к святому Духу).[4]

Император Никифор благосклонно относился к этой секте и, как рассказывает Феофан, предавался волшебным обрядам вместе с «манихеями, которые называются павликианами», с целью добиться победы своему оружию. Но при Михаиле Рангаве против них опять провозглашены были суровые наказания, и те из них, которые упорно держались своих заблуждений, подлежали, будто бы, смерти, причем церковники ссылались на самого их апостола Павла. Действительно в его «Послании к Римлянам» (которых у него надо понимать не в смысле жителей итальянского города Рима, а в смысле ромеев, т. е. византийцев),

[1] Phot., I. 10.
[2] Theophan., 662.
[3] См. стр. 691 перевода Лопухина.
[4] Phot. I, 21. Этот же самый титул, — говорят нам, — принимали на себя Симон Волхв, Монтон, Манес и Магомет.

этот апостол, за кого бы мы ни принимали его, говорит о представителях какого-то культа, не называя его по имени, так:

«Открывается гнев божий с неба на нечестие людей, подавляющих неправдою истину. Все, что можно знать о боге, для них ясно, так как сам бог обнаружил им это. Но они, познавши бога, осуетились в своих умствованиях. Называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, и служили твари вместо творца. И предал их за это бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление неестественным, и мущины, оставивши естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, получая в самих себе должное возмездие *(в виде заразительных болезней)* за свое заблуждение... Они знают, что делающие такие дела достойны смерти, однако не только сами их делают, но и одобряют делающих» (Ромеям I, 18—32).

Но обвинение тут делается, как будто, не павликианам, а самими павликианами государственной ромейской церкви...

Лев Армянин (813—820), несмотря на свое иконобойство, продолжал гонение на павликиан. За смерть нескольких своих вождей они отомстили избиением префекта и епископа, энергично действовавших против них. Они, — говорят нам церковники, — жили в постоянной вражде с своими соседями, и при всяком благоприятном случае (подобно саракинам) выходили из пределов своего местожительства, грабили и убивали. Взятые ими пленницы, будто бы, были предаваемы свальному греху, дети или убивались, или продавались саракинам. Сам Сергий был убит своим же собственным топором рукою человека, который нашел его при рубке дров.[1] Его преобразования повели к разделению секты на две враждебных ветви, и после его смерти его последователи, желая очистить себя от нарекания в принадлежности к ваанитам, продолжали с ними кровавую борьбу, пока одному «спутнику в странствовании Сергия», прозываемому Феодотом, не удалось уговорить обе стороны вспомнить о их общей вере.

После восстановления иконопочитания при регентстве Феодоры павликиане вновь подверглись гонению. Рассказывают, что не менее ста тысяч их было обезглавлено, утоплено или посажено на кол.[2] Среди убитых был и отец Карвея, командира гвардии при префекте Востока. Карвей, услышав об участии своего отца, отказался от всякого верноподданничества императору и с пятью тысячами сотоварищей искал убежища в агарянских областях. Он расширил и укрепил несколько их городов, из которых Тефрика был важнейшим и сделался главным местопребыванием секты. Павликиане из других стран стекались в открывшееся для них жилище, и численность сектантов еще более увеличилась беглецами, искавшими убежища от императорских законов, и другими

[1] Petr. Sicil., 71; Phot., 224.
[2] Cedrenus, 641.

лицами, которые привлекались распущенностью нравов, допускавшеюся в среде членов секты. Павликиане, **сливаясь с саракинами**, тревожили своих соседей в пределах империи постоянными нападениями. Под предводительством Карвея они, вместе с саракинами, одержали большую победу над Михаилом, сыном Феодоры, под стенами Самосаты, а в царствование императора Василия, Хрисохир, зять Карвея, около 867 года двинулся в Малую Азию с войском, составленным из павликиан и саракин, разграбил Анкиру, Никею, Никомидию и другие города, и отдал иконы и мощи своим последователям для издевательства, а Ефесский храм отвел под конюшню для своих лошадей.

Василий был вынужден просить у него мира, Хрисохир соглашался на него лишь под условием, чтобы царь отдал Восток «рабам господа». Императору не оставалось другого выбора, как продолжать войну. Он вторгся в павликианскую область и взял несколько городов, но был вынужден оставить осаду Тефрики. Хрисохир опять вошел в императорские владения, но его войска были разбиты одним из полководцев Василия. Рана от копья принудила его соскочить с коня, и, когда он лежал ошеломленный падением, византийцы добили его. Голова его была принесена к императору, который пронзил ее тремя стрелами. Тефрика была разрушена, но остаток секты, — говорят нам, — продолжал сохранять свою независимость еще в течение целого столетия и после этого.

Таким образом, в то время трудно было разобраться, кто был павликиан и кто саракин.

Павликианство поддерживалась потомками тех, которые были переселены во Фракию Константином Копронимом. С целью оградить новооснованную церковь Болгарии от ассимиляции с фракийскими соседями, Петр Сицилийский, около 870 года, обратился к архиепископу болгарскому с сочинением, которое и составляет главный источник наших сведений касательно павликиан.

По нему составлен и настоящий очерк с дополнениями по Фотию и Кедреносу, но мы видим, что все они — источники очень поздние и мало надежные.

ГЛАВА II

СЛАВЯНСКО-МАКЕДОНСКАЯ ДИНАСТИЯ И ПЕРВАЯ СТЫЧКА МЕЖДУ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЦЕРКОВЬЮ ИЗ-ЗА ПРИРАВНЕНИЯ ПОСЛЕДНЕЮ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ХРИСТА — ОКОЛО 869 ГОДА — К БОГУ-ОТЦУ

Кто был Василий Македонянин?

Различные источники приписывают родоначальнику Македонской династии различное происхождение. Греки сообщают о македонском происхождении Василия, армяне об армянском, а

исламиты считают его славянином. Во всяком случае он вырос в Македонии, где жило много и армян, и славян, а потому, принимая во внимание показания агарянских источников, можно видеть в Василии потомка армяно-славянской семьи. Она, — говорит А. А. Васильев (I, 276), — могла быть армянскою по предкам, но постепенно, путем браков со славянами, которых много было в Македонии, сильно ославянилась.

Явившись никому неведомым юношей в Царь-Град искать счастья, Василий обратил на себя внимание императора-спортсмена Михаила III своим большим ростом, громадною силою и умением объезжать диких лошадей. Приблизив его к себе, Михаил подчинился вполне своему любимцу. Василий вскоре был объявлен соправителем и коронован императорскою короною. Заметив потом, что Михаил начал подозрительно относиться к нему, Василий пошел навстречу опасности. Он велел своим сторонникам убить царя, и сам сделался императором с 867 по 886 год. А затем хронологические вехи этого периода были такие. После Василия правили сыновья его Лев VI Философ или Мудрый (886 — 912) и Александр (886 — 913), переживший на год своего брата. Затем воцарился сын Льва VI, Константин VII Порфирородный (913 — 959), проводивший почти все свое время за литературною работою в кругу наиболее просвещенных людей своего времени, отдавши на долгие годы управление государством в руки своего тестя, начальника флота Романа Лекапина (919—944). В 944 году сыновья Лекапина Христофор, Стефан и Константин свергли своего отца и заточили его в монастырь, но и сами в свою очередь были свергнуты в 945 году Константином Порфирородным, который, стал самостоятельно править после этого с 945 по 959 год.

После смерти его сына Романа II (959—963) остались вдова его Феофано и два несовершеннолетних сына, Василий и Константин. Феофано отдала свою руку талантливому военачальнику Никифору Фоке, который и был провозглашен императором от 963 по 969 год. После его насильственной смерти на престол был возведен энергичный военачальник, армянин по происхождению, Иоанн Цимисхий (969—976), женатый на Феодоре, сестре Романа II и дочери Константина Порфирородного. Только после смерти Иоанна Цимисхия императорами сделались два сына Романа II, Василий II, прозванный Болгаробойцем (976 — 1025), и Константин VIII, иначе IX (976—1028). Главное управление государством находилось в руках Василия II, при котором империя достигла высшей степени своего могущества и блеска, а с его смертью начинается эпоха упадка Македонской династии. После кончины Константина VIII императором был престарелый сенатор Роман III Аргир (1028—1034), женатый на Зое, дочери Константина VIII. После его смерти овдовевшая Зоя вышла замуж за своего любовника Михаила Пафлагонянина, который и был, по настоянию Зои, провозглашен императором под именем Михаила IV (1034—1041). Правление его и кратковременное царствование

его племянника, Михаила V Калафата (1041—1042), вызвали недовольство в империи. Калафат был низложен и ослеплен, и в течение двух месяцев 1042 года Византия видела на престоле необыкновенное зрелище: государством управляли две сестры: овдовевшая вторично Зоя и ее младшая сестра Феодора. Однако, Зоя в том же 1042 году вышла в третий раз замуж, и ее новый муж Константин IX Мономах, провозглашенный императором, правил с 1042 по 1054 год. Престарелая Зоя умерла раньше своего третьего супруга, и отстраненная на это время от власти ее младшая сестра Феодора после смерти мужа последней, Мономаха, сделалась вследствие отсутствия мужских наследников самодержавной повелительницей империи (1054—1056). После императрицы Ирины, восстановительницы иконопочитания в конце VIII и начале IX века, Зоя и Феодора являются в летописях византийской истории вторым и третьим примером того, как на престоле восседала женщина, как самодержавная и полновластная императрица ромеев. Со смерти Феодоры окончательно прекратилась династия славяно-македонских императоров, занимавших престол в течение 189 лет.

А царственная власть женщин теперь уже не возбуждала насмешек благодаря прецеденту Ирины.

Таков общий династический очерк того периода. Перейдем теперь и к его содержанию.

Возьмем сначала политическую историю.

Начавшиеся в начале семидесятых годов IX века удачные военные действия на востоке Малой Азии против павликиан отдали в руки основателя новой династии императора Василия Македонянина их главный город Тефрику. А агаряне, наоборот, отняли у византийцев Сиракузы, после чего в Сицилии во власти Византии оставался лишь город Таормина на восточном побережьи.

Тотчас по вступлении на престол Льва VI Мудрого (886—912) началась неудачная для Византии болгарская война, в связи с которой впервые в истории появляются мадьяры (т. е. венгры или угры). А к концу его правления у Царь-Града появились и русские.

На западе агаряне в самом начале X века овладели городом Региумом, на итальянском берегу Мессинского пролива, после чего пролив оказался всецело в их руках. В 902 году они же завоевали последний значительно укрепленный пункт византийской Сицилии — Таормину.

Еще в конце IX века критские пираты начали опустошать побережье Пелопоннеса и острова Эгейского моря, и это побудило византийское правительство обратить внимание на свой флот, который пришлось значительно улучшить. Интересно, что Константин Порфирородный, или тот, кто пишет от его имени, отмечает в его флоте присутствие семисот русских матросов.

Последние годы его правления ознаменовались ожесточенными столкновениями с Сейф-ад-Даулой, которые после нескольких ощутительных для греков неудач закончились поражением агарян в северной Месопотамии и переходом византийских войск через Евфрат. По словам французского историка Рамбо «он открыл как для востока, так и для франков — эру крестовых походов».

В кратковременное правление Романа II (959-963) его военачальник Никифор Фока овладел островом Критом и тем самым уничтожил гнездо его пиратов, наводивших ужас на население островов и побережья Эгейского моря.

А при самом Никифоре Фоке (963—969) византийские войска заняли Киликию, и в то же время византийский флот отнял у агарян остров Кипр. А в 969 году была взята Антиохия, и вскоре после этого в руки византийцев перешел и другой важный центр Сирии — Алеппо. До нас дошел любопытный текст договора, заключенного между византийским военачальником и владетелем Алеппо, которым обеспечивалась свобода перехода христиан в агарянство, и агарян в христианство, как будто это были две ветви той же самой церкви.

Походы Фоки против восточных агарян были в высшей степени удачны. Одна византийская хроника пишет:

«Он расширил землю ромеев. Саракины и армяне бежали, персы боялись, и отовсюду приносили ему дары и умоляли заключить с ними мир. Он прошел до Эдессы на реке Евфрате, и наполнилась та земля войсками ромеев. «Сирия и Финикия были растоптаны ромейскими конями, он одержал великие победы, и меч христиан носился подобно серпу».

При Василии II (976—1025), преемнике Иоанна Цимисхия, общее положение дел в государстве не благоприятствовало энергичной политике на Востоке. Малоазиатские восстания Варды Склира и Варды Фоки и продолжавшаяся более тридцати лет болгарская война привели к тому, что агаряне перешли в наступление. Попытки империи отвоевать Сицилию окончились ничем, но интересно, что в сицилийской экспедиции участвовала, между прочим, варяго-русская дружина, бывшая на службе Византии, и присутствовал знаменитый герой скандинавских саг Гаральд-Гардрад.

С этого же момента ликвидируется неправдоподобная ранняя история Армении. По словам академика Н. Я. Марра, благодаря саракинам армянские «феодалы подверглись истреблению, величественные произведения христианского зодчества были разрушены, и вся культурная работа предшествующих веков была сведена на-нет».

Так говорят и все историки, но точно ли она — эта прежняя культура — существовала? Во всяком случае, Армения только с VIII века нашей эры начинает свою непрерывную государственную жизнь, если и не из ничего. то ab ovo, а так прославленная Эчмиадзинская монастырская библиотека возникла лишь по инициативе императора Александра II (или, вернее — его министра).

В половине IX века, — говорят нам, — агарянский калиф, нуждаясь в помощи соседей для своей борьбы с Византией, пожаловал

армянскому правителю Ашоту из фамилии Багратидов титул «князя князей». Так началось армянское царство с династии Багратидов. Узнав о нем, и византийский император Василий I отправил Ашоту царский венец и заключил с ним союзный и дружест-

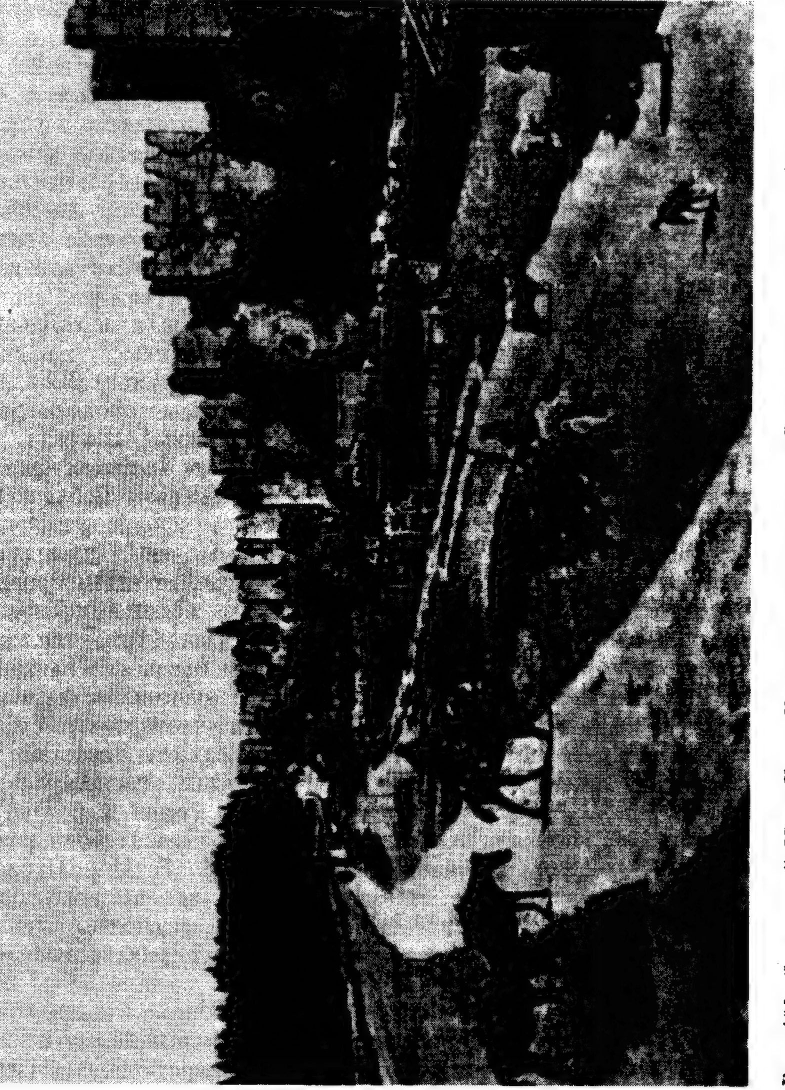

Рис. 104. Старинный Царь-Град. Большая городская стена на западной части его полуострова в ее современном нам виде.

венный договор, называя своим возлюбленным сыном и уверяя его, что среди всех других государств Армения всегда останется его особенно близким союзником.

Ашот III во второй половине X века перенес официальную

столицу своего государства в крепость Ани, которая после этого стала постепенно украшаться великолепными постройками и превратилась в богатый культурный центр. Но в сороковых годах XI века, при императоре Константине IX Мономахе, столица Ани

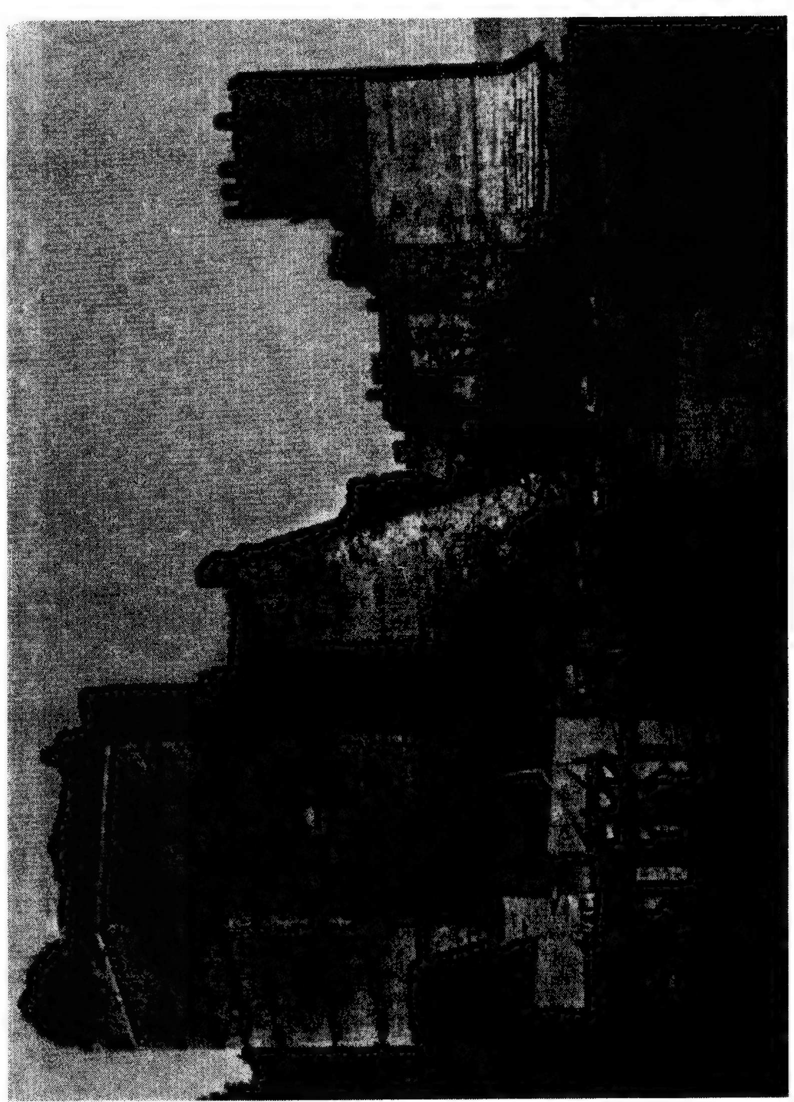

Рис. 105. Старинный Царь-Град. Югозападный угол большой городской стены Царь-Града. Мраморные ворота (Мермер-Куле).

перешла во власть Византии. Так был положен конец владычеству Багратидов, последний представитель которых, будучи вероломно приглашен в Царь-Град, получил от Византии взамен утраченной Армении денежную пенсию и дворец на Босфоре. Тогда

же турки-сельджуки стали вторгаться и в Армению и постепенно завоевывать ее.

После вступления на престол Льва VI (886) впервые в конце IX века в международные отношения европейских государств

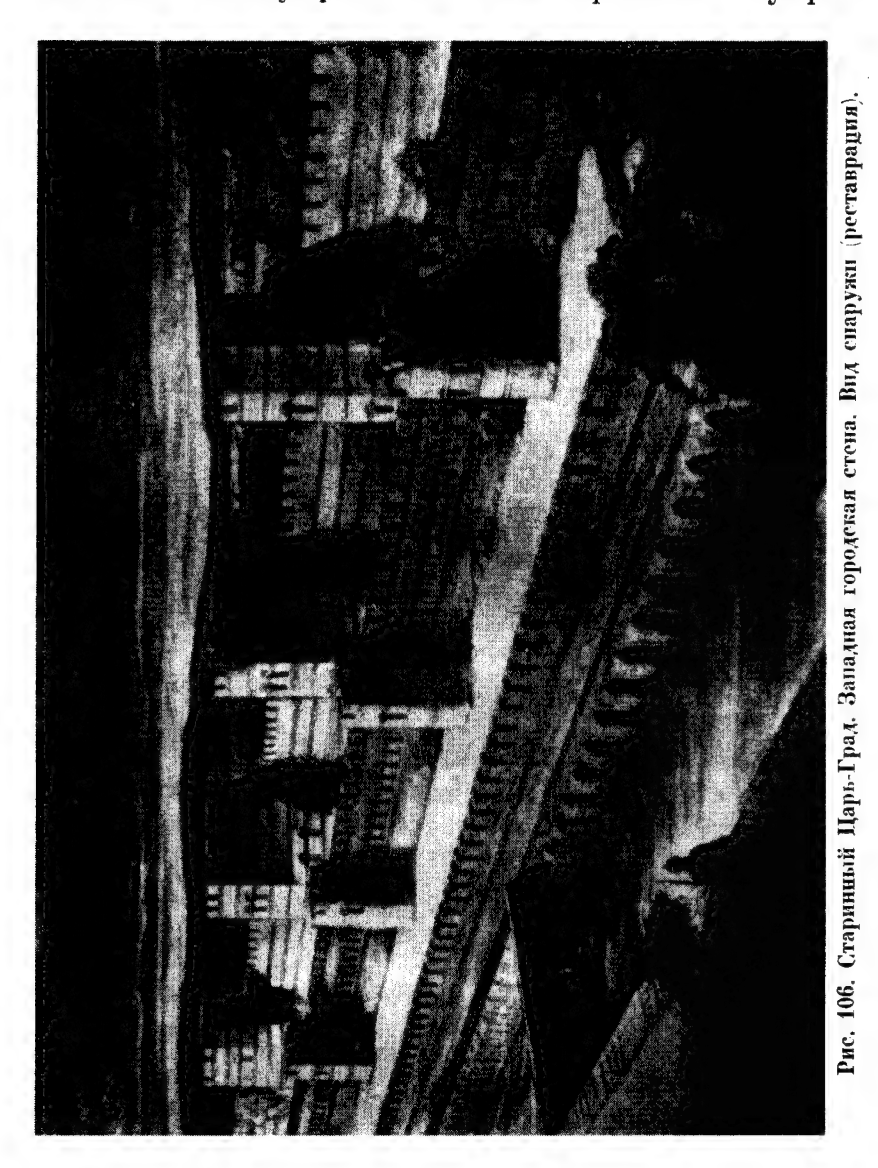

Рис. 106. Старинный Царь-Град. Западная городская стена. Вид снаружи (реставрация).

вмешались, как я уже упоминал, венгры, или угры, которых византийские источники часто называют турками, а западные — аварами (созвучно со словом еврей).

Это было, по словам К. Грота, «первое выступление мадьяр

на глазах Европы в союзе с одним из самых культурных народов».

Со времени смерти Льва VI и до смерти болгарского князя Симеона в 927 году Византия находилась почти в непрерывной

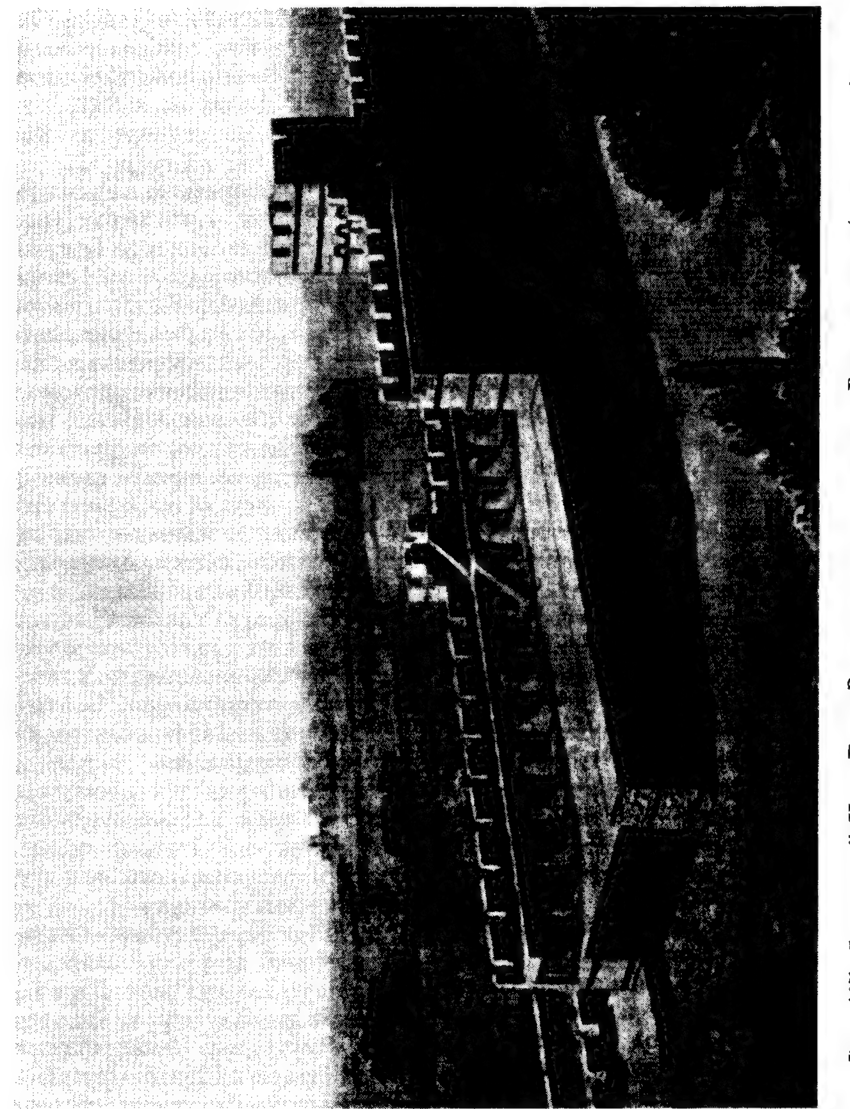

Рис. 107. Старинный Царь-Град. Западная городская стена. Вид изнутри (реставрация).

войне с Болгарией. Симеон стремился уже к завоеванию Царь-Града. Напрасно патриарх Николай Мистик, желая устрашить его, грозил ему союзом Ромеи с Русью, печенегами, аланами и и «западными турками», т. е. мадьярами. Болгарские войска, паясся

грекам целый ряд жестоких поражений, взяли Адрианополь, проникли на юг до Дарданелл и до Средней Греции и подошли к стенам Царь-Града, который находился в крайней опасности. Симеон сделал даже попытку вступить в сношения с африканскими агарянами для совместной осады столицы. За исключением ее и Солуни вся Фракия и Македония находились в его руках.

Однако, опасность со стороны возникавшего сербского государства, завязавшего переговоры с Ромеей-Византией, заставили болгарского царя на время отойти от Царь-Града, и в 927 году он, во время своих новых приготовлений к походу против Византии, умер.

При нем Болгария достигла наибольших пределов. Границы ее шли от Черного моря до Адриатического и от нижнего Дуная до глубины Фракии и Македонии, не доходя немного до Солуни. Но она была недолговечна, и в западной Болгарии царем был скоро провозглашен повстанец Шишман. В упорной борьбе Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия с болгарами участвовал по приглашению Фоки и русский князь Святослав, который вторгнулся настолько глубоко в Ромейскую территорию, что русская летопись замечает: «за малом бо не дошел Царяграда». Но потом Иоанн Цимисхий, выступивший для защиты Болгарии против русского вторжения, после своей победы над Святославом присоединил к себе всю восточную Болгарию.

Покоренные болгары подняли восстание после его смерти, но оно с такой жестокостью было подавлено новым императором Василием II, что он получил прозвание Болгаробойца.

Так, в 1018 году первое болгарское царство было обращено в ромейскую провинцию с императорским наместником во главе, но с сохранением известной внутренней автономии. В заселенные болгарами земли стала проникать эллинизация. Однако, болгарская народность сохранила свою национальность, благодаря образованию в XII веке второго болгарского царства.

Византийские источники говорят нам об участии русских с начала X века в ромейских войсках в виде вспомогательных отрядов и с этим согласно место в договоре 911 года, приводимом в русской летописи «о позволении русским, если они пожелают, служить в войске византийского императора».

Один еврейский средневековой текст о хазаро-русско-византийских отношениях в X веке, переведенный по-русски академиком П. К. Коковцовым, говорит о «Хальгу (Хельгу) царе Русии», т. е. об Олеге и о его неудачном походе на Царь-град. Но все же этот поход сомнителен благодаря отсутствию византийских сообщений. Другое дело об Игоре, имя которого, помимо русских летописей, сохранилось как в греческих, так и латинских источниках. Первый поход Игоря в 941 году окончился полною неудачею. Русские суда, благодаря губительному действию греческого огня, были, большею частью, уничтожены. А лет через 16 началось сближение, конкретно выразившееся в том, что в царствование Константина VII Порфирородного, в 957 году, русская

великая княгиня Ольга приехала в Константинополь, где была принята с великим торжеством, как говорит об этом официальная запись в сборнике X века «О церемониях византийского двора».

Затем произошло и еще большее сближение. Великий русский князь Владимир принял крещение и получил в супружество византийскую царевну Анну в 988 или 989 году. Обе стороны безбоязненно вели между собою торговлю, пока этнографические изменения, происшедшие во второй половине XI века в степях южной России не лишили русское государство возможности поддерживать прямые сношения с Византией.

Из времени Василия I интересна переписка его с западным императором Людовиком II, из которой видно, что между ними происходил горячий спор о неправильности присвоения Людовиком императорского титула. Таким образом, еще во второй половине IX века чувствовались последствия «неправильного» коронования Карла Великого императором римским в 800 году. Ведь, даже и при Льве VI имелись в южной Италии две ромейские фемы: Калабрия и Лонгобардия, в которых в X веке было много византийских монастерионов и церквей.

Но в это же время германский государь Оттон I в 962 году был коронован императорскою короною в Риме и основал «Священную Римскую империю германской нации». Он сделал неожиданное, но неудачное вторжение в византийские южно-итальянские области. И из памфлета посланника его в Царь-Град Лиутпранда, называемого обыкновенно «Донесением о константинопольском посольстве» (Relatio de legatione Constantinopolitana), видно, что в Византии продолжались еще споры о титуле западного государя, и Лиутпранд оправдывал своего властелина.

«Кому служил Рим, — читаем мы у него, — которому вы (византийцы) хотите дать свободу? Разве не служил он куртизанкам? И вот, в то время когда все спали или находились в состоянии бессилия, мой господин, августейший император, освободил Рим от столь постыдного рабства».

Однако, следующий византийский император Иоанн Цимисхий не только не спорил более о титуле германского императора, но заключил с ним мир и добился брака сына и наследника его, будущего императора Оттона II, с византийской принцессой Феофано. Между обеими империями установился союз, и в это именно время стала возникать легенда о том, что древний классический Рим был не ромейский Царь-Град на Босфоре, а итальянский понтификальный Рим на реке Тибре.

«Оттон II хотел, — говорит историк Брайс, — сделать семихолмный город Великих Понтифексов столицей империи, поставив Германию, Ломбардию и Грецию на уровень подчиненных провинций. Никто не забывал так настоящего для того, чтобы жить в свете античного строя, как император Оттон; ничья душа не была так объята пламенным мистицизмом и тем благоговением к славе прошлого, на котором основывалась идея средневековой империи, как душа этого императора».

Но как бы ни был, — говорит А. А. Васильев (I, 303), — велик престиж древнего Рима, все-таки воображение Оттона II неслось главным образом к Риму восточному, к тому сказочно-пышному двору Византии, откуда происходила его мать Феофано. Он называл себя imperator romanorum, а будущую всемирную монархию — Orbis Romanus».

Но молодой мечтатель на троне неожиданно умер в самом начале XI века, двадцати двух лет от роду, и в Италии появился такой враг Византии, который вскоре стал грозою для Восточной империи. Этот враг были норманны, т. е., конечно, французы из Нормандии, а не скандинавцы, как думают те, кому нет дела до географических расстояний. Войскам Василия II в победе над ними оказали существенную помощь русские, служившие в рядах византийского войска. Их победа при Каннах настолько укрепила положение Византии в южной Италии, что император Михаил IV Пафлагонец, в тридцатых годах XI века, снарядил экспедицию для обратного отвоевания от агарян Сицилии, в которой, будто бы, участвовал и скандинавский герой Гаральд Гардрад и варяго-русская дружина. Но, не смотря на их участие, византийское предприятие в конце концов не удалось.

Главным событием церковной жизни Византии за время Македонской династии является окончательное разделение церквей — на восточно-православную и западно-католическую, завершившееся после почти двухвековых споров в половине XI века. Вот как рассказывают об этом западные первоисточники.

Любимыми сотоварищами императора Михаила III (842—846) были, — говорит нам Джемс Робертсон в своей «Истории Христианской Церкви», — атлеты, наездники, музыканты, шуты и танцовщицы. Он сам записывался в участники публичных колесничных бегов и настаивал на принятии своих призов «из рук иконы». Полученное им в наследство богатство скоро было растрачено, и после попыток пополнить свою опустевшую казну ограблением церковных украшений он дошел до того, что принужден был переплавить в монету даже золотые украшения императорских одежд.

Он учредил шутовскую церковную иерархию, главой которой был некий Боголюб (Феофил, по-гречески), известный также под именем Поросенка. Под главенством этого Боголюба-Поросенка было двенадцать митрополитов, в числе которых состоял и сам император. Они принимали шутовское посвящение, одевались в дорогое церковное облачение и пели непристойные песни под музыку, составленную в подражание церковному пению, шутовски пересмеивали судебные церковные процессы и низложения епископов, имели свои украшенные драгоценностями напрестольные сосуды, в которых совершали причащение на горчице и уксусе. [1] Раз они встретили на улице патриарха Игнатия во главе торжественной процессии. Боголюб-Поросенок, сидя верхом на осле, назойливо пересмеивал его, а его товарищи брянчали на своих арфах, издеваясь над патриархом и давали шлепки сопровождавшему его духовенству. После смерти своего покровителя, они были потребованы на собор 869 года, где оправдывали себя тем, что действовали из страха пред императором, и выражали сокрушение о своих грехах. [1]

[1] Hardouin, «Concilia», V, 893, 906. Constantin Porphirogen, IV, 38; V, 21; Cedrenus, 553.

Такова была обстановка детства патриарха Фотия, занимавшего свой «престол» с 857 по 891 год.

Двоюродный внук патриарха Тарасия, он был сначала посланником к багдадскому калифу и теперь состоял секретарем государства и протоспатарием. [2] Благодаря своим постоянным занятиям он приобрел такую ученость, что ее относили к демонским источникам. Ему апокрифируют даже и теперь сочинение «Мириобиблон» (тысячекнижие), содержавшее в себе замечания о 280 произведениях классической и церковной литературы, с их сокращенным изложением, извлечениями и толкованиями. Но оно написано совсем в роде наших новейших критических обозрений, так что и время его не может быть ранее Эпохи Возрождения.

За исключением того, что можно извлечь из его собственных произведений, наши сведения о Фотии исключительно заимствуются у его противников.

Один из них рассказывает, что новый патриарх принимал участие в попойках Михаила и не стеснялся сообществом с Боголюбом-Поросенком, [3] а другой «свидетельствует», что при одном случае, когда император был мертвецки пьян от пятидесяти чар вина, Фотий выпил шестьдесят, но не обнаружил никаких признаков опьянения, и описание этой попойки сопровождается такими непристойностями, что их неудобно рассказывать. Подобно Игнатию, он был защитником иконопочитания. Иконоборцы, например, говорили, что каждый народ имеет различные изображения Христова лица по типу своего собственного, а потому не существует ни одного подлинного. А Фотий казуистически отвечает, что в таком случае можно бы, на основании различия в переводах, доказывать, что нет ни одного подлинного евангелия, а на основании того, что каждый народ предполагает, будто Христос воплотившись принял его собственное подобие, можно бы отвергать и самую историю воплощения. Но сущность дела была не в этих анекдотах. Причина церковной распри при Василии Македонянине была совсем другая. В это время в Римской церкви было провозглашено, что не только бог-отец выделяет из себя святой дух, но также и его сын, Христос, и это было внесено в «символ веры». Таким образом, Великий Царь-Мессия только теперь был окончательно приравнен к богу. Патриарх Игнатий, желавший единения с Римом, охотно принял это нововведение, а Фотий, искавший единения с агарянами, считавшими

[1] Hardouin, «Concilia», V, 893, 905.

[2] Этот титул по буквальному смыслу означает «начальника телохранителей».

[3] Harduin, «Concilia», V, 976.

Христа только человеком, которого усыновил бог, не соглашался на выделение им святого духа из себя. Царь Михаил III, не желавший разрыва с агарянами, принудил Игнатия к отречению.

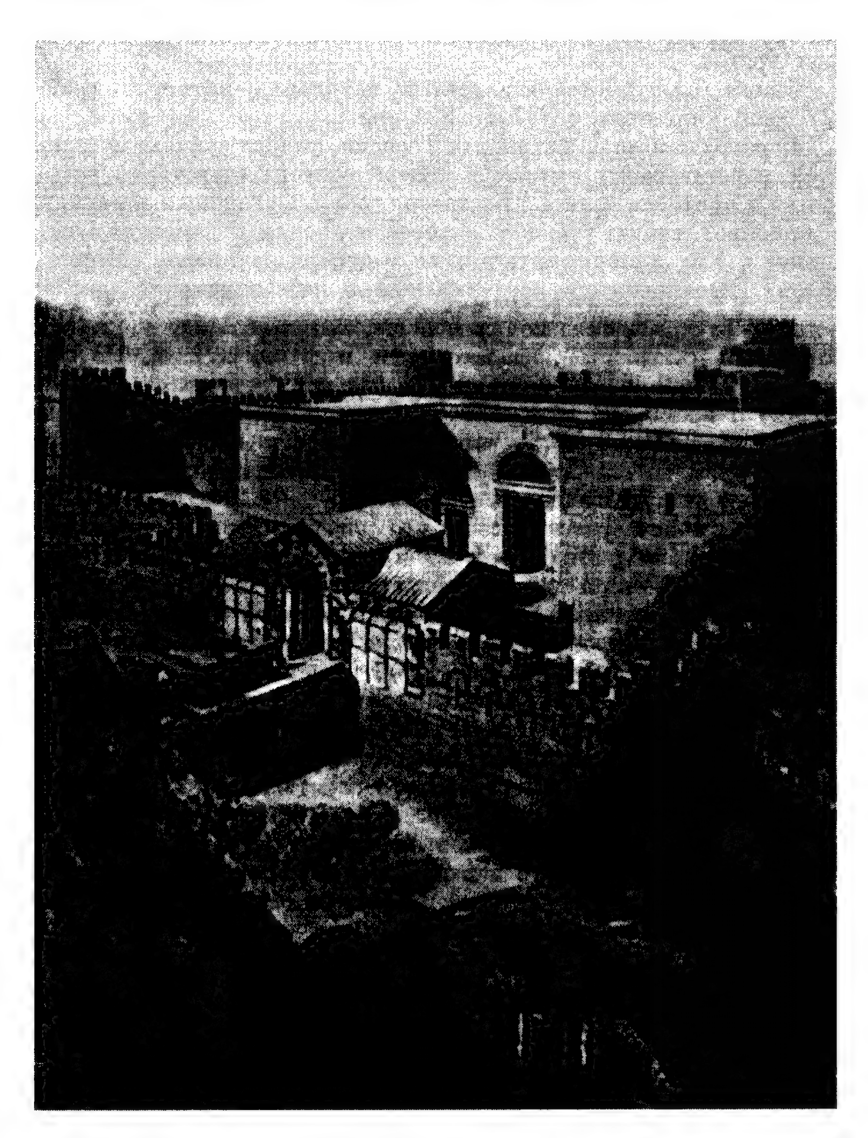

Рис. 108. Старинный Царь-Град. «Золотые Ворота» (реставрация).

и Фотий, рукоположенный сиракузским митрополитом Григорием во все степени священнослужения в течение шести последовательных дней, был объявлен патриархом в самый праздник Рождества.

Приверженцы Игнатия, упорно стоявшие на том, что Иисус выделяет из себя святой дух и потому является истинным богом, составили собор, на котором Фотий, не хотевший этого, был отлучен, а он созвал другой собор, который отлучил от церкви Игнатия и приравнявших Иисуса к богу-отцу. С целью упрочить свое положение Фотий отправил сообщение о своем посвящении в Рим с просьбою, чтобы великий римский понтифекс послал легатов на предстоящий «вселенский собор» в Царь-Граде, созываемый, будто бы, для подавления иконоборческой партии, опять пытавшейся поднять свою голову. Понтифекс Николай, только-что перед тем возведенный на кафедру «апостола Петра», увидел в этом обращении к нему благоприятный случай для расширения своего влияния, и представил все дело, как обращение к его решению. Он письменно ответил императору в тоне независимого властелина и в виде намека на цену, которую он выговаривал за свое содействие, настаивал на возвращении ему провинций, изъятых из его юрисдикции, и вотчин римской церкви в Калабрии и Сицилии. В Царь-Град были отправлены Римом в качестве легатов два епископа, Родоальд Портский и Захарий Анагнийский, с инструкциями расследовать дело и не допускать Фотия к общению, кроме как в качестве мирянина.

Михаил, раздраженный тоном понтифекса, принял легатов без почестей. Они были задержаны в Константинополе в течение нескольких месяцев. Но, наконец, в 861 году состоялся собор, называемый греками «перво-вторым», и состоявший, как и никейский собор (вероятно, во многом списанный с него) из 380 епископов. На нем Фотий был признан патриархом, а Игнатий, державший себя непреклонно, по-прежнему требовал, чтобы легаты понтифекса изгнали из патриаршества «прелюбодея», если только хотят быть истинными судьями, а не подкупленными.

Однако, несмотря на отрицание Фотием прибавки filioque к «символу веры», дающей Христу право выделять из себя святой дух, и на признание за ним этого права Игнатием, собор оправдал Фотия, а Игнатия лишил патриарших одеяний и вынудил подписать крестом признание, что он получил свой сан незаконно и отправлял свою должность тираннически. Он подписал, но затем бежал в одежде раба и нашел убежище среди жителей греческих островов. Случившееся в то время землетрясение было истолковано народом как небесное знамение в пользу Игнатия, а Фотий навлек на себя обвинение в нечестии.

Деяния собора были посланы великому понтифексу Николаю, с просьбою от императора об утверждении их, да и Фотий в то же самое время обратился в Рим с письмом, в котором защищал свое рукоположение параллельными случаями своих предшественников. Никифор и Тарасий, например, тоже были возведены в патриарший сан прямо из мирян, а Амвросий на Западе и Нектарий на Востоке были даже избраны на епископии до своего крещения. А на последнем соборе он же, Фотий, сам утвердил закон, запрещающий возвышение мирян на епископию, кроме как под

условием прохождения надлежащих степеней. В заключение письма от имени Фотия автор, — обнаруживая этим, что он не Фотий,— с иронией указывает на безнравственность самих римлян и молится, чтобы Рим не продолжал оставаться долее прибежищем прелюбодеев, воров, пьяниц, угнетателей, убийц и приверженцев всякой нечистоты, которые бежали туда к игнатьевой партии.

Его противник Игнатий также отправил понтифексу свое собственное донесение, и понтифекс Николай, пользуясь этим затруднением, написал в высокомерном тоне как императору, так и патриарху, что Римская церковь есть глава всех. На соборе, состоявшемся в 863 году, Николай кроме того объявил Фотия лишенным всякой духовной должности и угрожал, что в случае непослушания он будет отлучен от «христовой церкви» без надежды на восстановление до смертного одра. А все соборные постановления против Игнатия были объявлены недействительными, и понтифекс требовал, чтобы он был признан патриархом.

Михаил с негодованием отвечал на это письмо, говоря, что своим обращением к Риму он отнюдь не имел в виду признавать его своим судьей, и издевался над латинским языком, как над варварским жаргоном. В ответ на это Николай обвинил императора в неуважении к божиим священникам, а на мнение его о латинском языке ответил, что такие слова оскорбительны для того, кто сотворил все языки, и, кроме того они смешны, исходя от человека, который называет себя императором римлян. Он предложил Михаилу воздерживаться от вмешательства в духовные дела и сжечь свое последнее письмо, а в противном случае сам он, понтифекс, повесит подлинник его в Риме на позорный столб и сожжет в виду всех народов, находящихся там.

Михаил, раздраженный его противодействием, искал каких-нибудь средств для дальнейшего досаждения Риму. Императорский титул Карла Великого,—говорил он,—был признан в Царь-Граде только в качестве императора франков, а не Рима, и его преемники не добились от Востока какого-либо высшего титула, чем титул rex'а (короля).[1] Михаил теперь предложил признать Людовика императором, если он признает собор, который был так неприятен для великого понтифекса, и Людовик, повидимому, готов был принять эти условия.

Но скоро случились события, которые не дали возможности осуществиться этой сделке.

В начале IX столетия, как мы уже видели, среди болгар введено было христианство, но с малым успехом. Говорят, что один грек-монах, по имени Куфара, в котором принимала участие ромейская императрица, попал в руки болгарского князя Богориса, и императрица предложила ему обменять на этого монаха сестру самого Богориса, которая тогда была пленницей в Царь-Граде и обращена в христианство. Обмен состоялся, и, по возвращении в свою

[1] Ῥήξ, а не Βασιλεύς. См. Baronius et Raynaldus, «Annales Ecclesiastici, cum Pagi Critica». 1738. XIII, 65.

страну, бывшая пленница продолжала дело, начатое Куфарой. Ее брат Богорис не склонялся, однако, на ее убеждения, пока не наступил голод, во время которого, после напрасного обращения к другим божествам, он прибег, наконец, к богу христиан, и этот прекратил голод. Новообращенный князь попросил Михаила прислать ему живописца для украшения его дворца, и в Болгарию был послан инок, по имени Мефодий, который нарисовал ему картину страшного суда. Изображение ада так устрашило князя, что он сразу побросал своих идолов, и многие из его подданных сделали то же. Но Богорис,— говорят нам,— чувствовал смущение при виде соперничествующих форм: греческого, римского и армянского христианства и, желая какого-либо наставления, написал и в Рим. Николай в ответ отправил в Болгарию двух епископов с письмом, в котором давал ответ на предложенные ему вопросы в ста шести пунктах, и вместо конского хвоста, который был национальным знаменем Болгарии, повелевал принять крест.

Вмешательство великого понтифекса возбудило негодование в Царь-Граде тем более, что Николай заявлял притязание на Болгарию на том основании, будто тамошний народ добровольно признал над собой его власть, и что он снабжал его духовенством. Фотий решительно настаивал на своем собственном праве, основывая его на обращении болгар в христианство греками. Он созвал собор в Царь-граде и в послании, обращенном к патриархам Александрии, Антиохии и Иерусалима, поносил посягательство Римского понтифекса на Болгарию.

«В течение двух последних лет, — говорил Фотий, — люди с Запада, страны тьмы, вторглись в эту часть нашей паствы, извращая евангелие гибельными новшествами и утверждая, что святой дух исходит также и из сына, — хула, выше которой не может быть и которая заслуживает десяти тысяч анафем».

Римлян он поносил отступниками и слугами антихриста и приглашал восточных патриархов отправить к себе в Царь-Град уполномоченных с целью совместного противодействия. Собор, созванный Фотием, состоялся в 867 году. Он отвечал на римские анафемы анафемою на самого Николая.

Это все грозило разделением церквей, но вдруг произошли перемены, сразу изменившие положение дел.

Хотя родословная Василия Македонянина впоследствии и производилась льстецами и от персидских Аршакидов, и от Александра Великого, и от Константина, но он в действительности был **славянского** племени. В награду за его подвиги, в качестве борца, наездника и пьяницы, император Михаил возвел его в достоинство патриция и отдал за него замуж одну из своих собственных наложниц, откуда мы кстати видим, что признанные наложницы существовали у ромеев даже и в христианский период конца IX века. Но затем, будто бы, он в пьяном виде дал приказ умертвить Василия и возвысить на его место одного лодочника. Василий, почувствовав опасность, решил не медлить, и Михаил, напившийся

*

до безумия за ужином в его обществе, был умерщвлен сообщниками Василия 24 сентября 867 года.[1]

Спустя два дня после смерти Михаила Фотий был низложен. Василий восстановил Игнатия в патриаршеском достоинстве с великою пышностью и отправил письмо в Рим, в котором авторитет преемника апостола Петра признавался в терминах, дотоле необычных в Царь-Граде.

Против Фотия и его приверженцев были произнесены анафемы, с наделением их имен самыми скверными эпитетами. Все сочинения и документы в пользу его были сожжены, и осуждение низложенного патриарха, будто бы, подписано было вином из причастной чаши.[2]

Но и Игнатий с такой же решительностью, как и Фотий, готов был отстаивать юрисдикцию своей кафедры над Болгарией, и, несмотря на льстивые письма римскому понтифексу, в короткое время все латинское духовенство было изгнано оттуда.

Новый понтифекс Иоанн VIII писал болгарам, увещевая их возвратиться к общению с римской церковью, которую они сначала избрали, и предостерегал их от опасной связи с ромейцами. «Они, — говорил он, — всегда находились в той или другой ереси». Произошло бы новое сильное столкновение, если бы не помешала ему смерть Игнатия в октябре 877 года.

И вот, снова выступил на сцену Фотий, но уже очень дипломатически.

По «свидетельству» жизнеописателя Игнатия,[3] он изложил воображаемую родословную царя Василия, доводя линию его предков до персидских царей. Подложное родословие, — говорят нам, — было написано им старинными буквами на старинном же по виду пергаменте и завернуто в одну старую рукопись. Оно внесено было в дворцовую библиотеку ее библиотекарем, который заявил Василию, что прочесть этот документ мог только Фотий. А другой рассказ утверждает, что благосклонность императора была приобретена чарами, совершенными над его пищей и питьем.[4]

И вот, Фотий снова был возведен на патриаршескую кафедру в качестве преемника Игнатия. Он сообщил о своем восшествии понтифексу Иоанну VIII и просил, чтобы тот прислал легатов на новый собор, долженствующий состояться в Царь-Граде. Иоанн воспользовался этим случаем, как признанием того, что право Фотия на патриарший престол зависит от его решения, и предполагал, что византийцы готовы будут перенести все для приобретения его содействия. В качестве легатов были отправлены два епископа и один священник с письмами и инструкциями, в которых говорилось, что Фотий может быть восстановлен, если только даст удовлетворение за свои погрешности и испросит милость у со-

[1] G. Hamartoli Continuatio, 749—750.
[2] Hardouin, «Concilia», V, 922.
[3] «Vita Ignatii», 1004.
[4] Hardouin, «Concilia», V, 1149.

бора, причем настойчиво требовалось, чтобы он отказался от всяких притязаний на Болгарию.

Этот собор, состоявшийся в Царь-Граде в 878 году, по числу собравшихся иерархов и по общему великолепию обстановки превосходил даже некоторые из вселенских соборов. Делегаты понтифекса Иоанна VIII, присутствовавшие на нем, не только согласились на снятие с Фотия осуждения и на восстановление общения с ним римской церкви, но и выслушали без возражения прочитанный на соборе символ веры без прибавления, уже распространенного на Западе filioque. На последнем заседании понтификальные папские легаты даже воскликнули:

«Кто не признает Фотия священным патриархом и не будет иметь с ним общения, да будет вместе с Иудою, да не будет причислен к христианам!»

«Прославлением Фотия, — пишет его католический историк Гергенретер, — открылись заседания собора и тем же прославлением закончились».

Страшно раздраженный Римский понтифекс отправил в 879 году в Константинополь своего легата, который должен был настоять на исхождении святого духа и от Христа, и требовал латинизации болгарской церкви. Однако, ни император Василий, ни Фотий ни в чем ему не уступили, и его легат подвергся даже аресту. Получив известие об этом, понтифекс Иоанн VIII в своем Храме Небесного Камня (по-гречески—Апостола Петра) с евангелием в руках и в присутствии многочисленного народа провозгласил против Фотия анафему.

Так произошло первое непродолжительное разделение церквей, но отношения между Византией и Римом после этого не прекратились, хотя и отличались случайностью и неопределенностью.

Василий, по словам одного историка, будто бы, «убедил и русских около 880 года (т. е. за сто лет до крещения Руси Владимиром в 988 г.) сделаться участниками спасительного крещения» и принять архиепископа рукоположенного патриархом Игнатием. При Василии же, — говорят нам, — была обращена в христианство большая часть славянских племен, и настойчиво проводилось насильственное обращение евреев в христианство.

Очень интересною личностью с церковной точки зрения является в это время и император Никифор Фока (963—969). Еще до вступления своего на престол он увлекался отшельническими идеалами, носил власяницу и поддерживал постоянные сношения со знаменитым основателем большого монастериона на Афоне, Афанасием Афонским. Византийский историк Лев Диакон пишет, что он был «непоколебимо стоек в молитвах к богу и в нощных бдениях, сохранял твердость духа в песнопениях и не имел никакой склонности к суетному». Впоследствии на гробнице Никифора было между прочим написано, что он «все победил, исключая женщины».

Наиболее известным его мероприятием является знаменитая

новелла 964 года о монастерионах и связанных с ними религиозно-благотворительных учреждениях. Очень возможно, что до иконоборческого периода монастерионы, как я уже говорил, имели совсем другой характер, чем теперь; но с установлением православия они стали вроде современных. Уже новелла Романа I Лекапена высказывала намерение несколько ограничить рост монастерионского землевладения, а новелла Никифора Фоки 964 года, отмечая «явную болезнь в монастырях и других священных домах», в виде безмерного любостяжания, запрещает строить новые монастерионы и делать в пользу старых пожертвования и вклады. Но вслед затем Василий II отменил закон Фоки, «как направленный к оскорблению и обиде не только церквей и богоугодных домов, но и самого бога». Кроме того, Никифор Фока запретил в Апулии и Калабрии латинский церковный обряд и предписал придерживаться ромейского, после чего римский понтифекс стал называть его только императором греков, а титул императора ромеев, т. е. римского, как официально титуловался византийский государь, перенес на германского Оттона.

Вот когда Восточная Ромея стала официально греческой!

Лишь при Никифоре Фоке афонское монашество укрепилось. Афанасий Афонский построил там первый, — как говорят теологи, — Кинобион, т. е. монастырь на коммунальных началах. Анахореты, недовольные устройством у них кинобиона [1], самое имя которого по-гречески созвучно с собачником, подали жалобу преемнику Никифора Фоки, Иоанну Цимисхию на Афанасия, обвиняя его в том, что он нарушил древние отшельнические обычаи святой горы, но Цимисхий, разобрав дело, утвердил устав, допускавший на Афоне как анахоретство, так и кинобионство. В XI веке там появились уже и русские беглецы, и впервые официально Афон был назван Святою Горою.

Вопрос о разделении церквей, резко поставленный, как мы видели, еще в IX веке, нашел свое окончательное разрешение только в половине XI века. Клюнийское движение охватило тогда обширные круги западно-европейского духовенства. Оно поставило своей задачей реформу церкви в смысле уничтожения развратной жизни духовенства, его светских обычаев и привычек, вроде законных и незаконных браков и передачи храмовых должностей по наследству и по родству. Но главным образом дело произошло и развилось, повидимому, вследствие появления в монастерионах венерических болезней. Движение это стало делать большие успехи в южной Италии, что было в высшей степени неприятно восточной церкви. Кроме того, великий римский понтифекс Лев IX имел и политические основания для вмешательства в южно-итальянские дела. Между ним и царь-градским патриархом Михаилом Керуларием произошел обмен гневными посланиями. Понтифекс в своем послании ссылался на

[1] Собственно говоря *койнобион* (κοινόβιον — общежительство), а не *кинобион*, так как кинобион (κυνόβιον) по-гречески значит: собачник, циническое сожительство по образцу собак.

признанный теперь историками подложным «Дар Святого царя Константина» (Donatio Constantini), будто бы отдавшего римскому епископу вместе с духовной и светскую власть над всем миром.

Страсти разгорелись. Усилившийся запад Европы не хотел долее признавать главенство ослабевшего Востока, и летом 1054 года, без всякого нового собора, понтификальные легаты положили на алтарь храма Софии в Царь-Граде понтификальную грамоту, в которой патриарху «Михаилу и сообщникам его, пребывающим в заблуждениях и продерзостях, провозглашалась анафема вместе со всеми еретиками, купно с диаволом и ангелами его». В ответ на это Михаил Керуларий созвал собор, на котором была произнесена анафема римским легатам и соприкосновенным с ними лицам, пришедшим в «богохранимый град, подобно грому, или буре, или лучше, подобно диким кабанам, чтобы низвергнуть истину».

Таким образом в 1054 году произошло окончательное отпадение западной церкви от восточной. Три восточных патриарха, антиохийский, александрийский и иерусалимский, поддерживали и после 1054 года царь-градского патриарха.

Восточная церковь получила греческую гегемонию.

* * *

«Василий I задумал, — говорят нам, — возродить законодательное дело Юстиниана, приспособив его к изменившимся условиям времени и дополнив новыми статьями».

Основываясь на волшебной сказке о древнем классическом и, будто бы, итальянском Риме и о его законодателе Нуме Помпилии, обыкновенно думают, что первый человеческий кодекс законов был написан по-латыни, а не по-еврейски (или халдейски), как Библия. Но мы уже видели, что Италия при Юстиниане была еще глухою провинцией Ромейской империи, а потому должны признать, что кодекс Юстиниана и представляет собою основу библейской книги «Левит» или же «Второзакония».

А теперь, когда Египет и Сирия отошли вместе со своими языками (близкими к библейскому) к агарянству, у европейской части империи благодаря Апокалипсису и евангелиям греческий язык сделался государственным в церкви, а потому появилась потребность изложить и светские законы на этом же языке.

Сам император характеризовал свою попытку как «очищение древних законов» (ἀνακάθαρσις τῶν παλαιῶν νόμων).

Зная, что задуманное законодательное дело займет много времени, Василий обнародовал до его завершения «Прохирон» (ὁ πρόχειρος νόμος), т. е. «Руководство к праву», имевшее целью дать желающим в руки краткое изложение главнейших законов государства и установить в империи правосудие, «которым, по слову Соломона (как говорится во введении к «Прохирону»), возвышается народ» («Притчи», XIV, 34).

В конце правления Василия был составлен и другой законодательный сборник, «Эпанагога» (Ἐπαναγωγή), т. е. «Введение», кото-

рый некоторыми учеными называется просмотренным и дополненным изданием «Прохирона».

А что такое были прежние законодательные сборники, один в 60 свитков, упомянутый в «Прохироне», другой в 40 свитков указанный в «Эпанагоге», совершенно неизвестно. Можно думать, как я уже говорил, что это и были библейские книги «Левит» или «Второзаконие».

Но «Эпанагога» никогда не была даже опубликована и значительно отличается от «Прохирона». В ее начало внесены совершенно новые, интересные отделы о царской власти, о власти патриарха, и о других государственных и церковных властях, дающие нам представление об основах государственного и общественного строя в Византии того времени и об отношении церкви к государству. Называя во введении кумироборческую «Эклогу» императоров-иконоборцев «болтовнею исавров, направленною на противодействие божественному учению и на уничтожение законов», и говоря о ее полной отмене, «Эпанагога» тем не менее в некоторых частях пользуется ею.

И это же показывает что «болтовня исавров», т. е. азиатов, а не греков, была до того времени обще-ромейским законодательством, и греческий язык не играл до тех пор руководящей роли в Восточной Ромее.

Отрывки «Эпанагоги» были переведены и на славянский язык. Так, в документах по делу патриарха Никона, при царе Алексее Михайловиче, прямо приводятся ее постановления о царской власти.

Работы Василия дали возможность его сыну и преемнику Льву VI Мудрому издать и его «Василики», т. е. царские законы, являющиеся наиболее полным памятником византийского законодательства и началом последующего апокрифического кодекса, приписанного Юстиниану.

Нам говорят,[1] что еще в VIII веке и начале IX в Византии создалась солидная сила в виде крестьянской общины и мелких крестьянских собственников, могущая, как казалось, дать отпор притязаниям несколько ослабевшего крупного землевладения. Но это едва ли так. Даже и в эпоху Македонской династии, в X веке, на первом плане стоит могущественное сословие «сильных людей» (δυνατοί), магнатов, которых часто называют прямо по-славянски «властелями». Властелям противополагается сословие «убогих людей» (πένητες), которых можно сопоставить с «бедными» (pauperes) средневековой Западной Европы и с «сиротами» Московского периода русской истории.

Государи эпохи Македонской династии, начиная с Романа I Лекапина (919 — 944) и кончая временем Василия II (1025), выступали энергичными борцами за дело мелкого землевладения и крестьянской общины против властелей, так как властели, располагая на своих обширных территориях большим числом крепостных, могли иногда выставить из них настоящее войско против императора.

[1] А. А. Васильев, Лекции по истории Византии (I, 320), из которой я прямо выписываю много и других фактов по истории Восточной Ромеи в подтверждение моих общих выводов об апериодичности современных ортодоксальных представлений.

Но императорам приходилось защищать не только крестьянские интересы, а также и военно-поместное землевладение. Ему в IX и X веках стала также угрожать опасность со стороны властелей, которые стремились скупать и воинские поместья, наравне с крестьянскими угодьями.

Меры, предпринятые государями Македонской династии против естественного развития крупного землевладения, были очень просты и однообразны. Они заключались в прямом запрещении властелям вкупаться в крестьянские общины и приобретать отдельные крестьянские и воинские участки.

«Если мы достигли таких успехов против наших внешних врагов, — пишет император Роман, — то как нам не сокрушить внутренних врагов природы, человечества и доброго порядка справедливым острием настоящего законодательства?»

Однако, и такой строгий указ царя Романа не остановил развития крупного землевладения и разложения мелкого крестьянского хозяйства и общины. Новелла Константина Порфирородного официально заявляет, что земельные законы не соблюдались.

А как обращались с властелями императоры, показывает такой случай. Однажды, при своем проезде через Каппадокию, Василий II Болгаробойца был роскошно принят со всем войском в обширном поместьи Евстафия Малеина. Почуяв опасность в его богатстве, царь увез его с собою в столицу, где тот и окончил жизнь, а все его обширные земли были конфискованы. Другой случай рассказан в одной новелле Василия. Узнав в Малой Азии, что некто Филокалес, сделавшись из простых крестьян знатным и богатым и достигнув высоких служебных чинов, скупил все селение, где он жил, и обратил его в собственное поместье, изменив даже самое название его, Василий приказал разрушить его великолепный дворец, сравняв его с землею, а бедным возвратить их прежнее достояние. Да и самого Филокалеса он вернул в первобытное состояние простого крестьянина.

Знаменитая новелла 996 года отменила даже и сорокалетнюю давность, которою защищались землевладельцы, не имевшие оправдательных документов о том, как они получили свои имения.

Кроме этой новеллы 996 года Василий II издал закон, называвшийся *аллеленгий*, что в переводе значит «ручательство друг за друга (ἀλληλέγγυον), переносящее ответственность за невзнос податей бедными на их богатых соседей. Но аллеленгий просуществовал лишь короткое время. В первой половине XI века император Роман III Аргир, вступивший на престол благодаря женитьбе на Зое, дочери Константина VIII, будучи сам не чужд властельских интересов и желая найти путь к примирению с высшим духовенством и землевладельческою знатью, отменил ненавистный для властелей закон.

Но все же ни крестьянская община, ни свободное, не прикрепленное к земле, крестьянство не исчезли с территории империи, и с этими институтами приходится встречаться в позднейшее время.

На основании показаний арабского географа IX века Ибн-Хордадбега и других источников по истории Византии в IX веке насчитывают уже двадцать пять военных округов, из которых, правда, не все еще фемы. А Константин Порфирородный в своем сочинении «О фемах» (в X веке) дает список уже двадцать девять фем: семнадцать азиатских, считая четыре морские фемы, и двенадцать европейских, включая сюда еще и Сицилию, из которой, как было отмечено выше, после присоединения острова к агарянам выделилась в X веке фема Калабрия. В эти же двенадцать европейских фем входит у Константина Порфирородного и Херсонская фема в Крыму. При Льве VI Мудром все воеводы-стратеги восточных фем, куда включались и морские фемы, получали определенное содержание из государственного казначейства, между тем как стратеги западных фем получали свое содержание из доходов подчиненного им округа, а не из казны.

Так воеводский фемный строй достиг своего наибольшего развития при Македонской династии, а после нее он постепенно начинает падать по мере развития сельджукских завоеваний в Малой Азии, а затем и в силу изменившихся условий византийской жизни в эпоху Крестовых походов.

* * *

В эту эпоху с особенною ясностью выказались наиболее характерные черты византийской науки: **близость светского элемента с богословским**, т. е. соединение светской мудрости с новыми веяниями христианства, универсализм и энциклопедичность. Ожила и сплотила около себя лучшие культурные силы и Высшая царь-градская школа, этот столичный центр просвещения, науки и литературы. В ней проходились семь наук, признанных самостоятельными, как в Византии, так и в школах Западной Европы. Они назывались «семь свободных искусств» (septem artes liberales) и делились на две группы: trivium — грамматика, риторика и диалектика — и quadrivium — арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Изучалась, предполагают, и философия.

Желая сделать образование более доступным, кесарь Варда объявил его бесплатным для учеников, а профессора получали щедрое вознаграждение из государственных сумм. Центром учено-литературного движения во второй половине IX века сделался отвергавший выделение Христом святого духа Фотий. Имея разносторонние познания не только в области богословия, но и грамматики, и философии, и естественных наук, и права, и медицины, он собрал около себя много лиц, стремившихся к знанию.

Особенно важною работою, дошедшею до нас от его имени, является его «Библиотека» или, как она часто называется, «Мириобиблон» (т. е. тысяча книг). В ней сообщаются подробные извлечения из множества сочинений, с которыми мы знакомы только благодаря этой книге, т. е. которых, собственно говоря, никогда не было до Фотия, или до авторов, писавших от его имени позднее. Помимо «Библиотеки» от его же имени остались труды в области богословия и грамматики, а также много проповедей и писем. В двух проповедях он говорит в качестве очевидца о первом нападении русских на Константинополь в 860 году, а в других приписанных ему позднейших книгах заметно даже стремление примирить светские науки с богословскими.

Ученик Фотия, император Лев VI Мудрый, не обладал, — говорят нам, — крупным литературным талантом и оставил лишь несколько проповедей и церковных песнопений. Но он покровительствовал ученым и всем образованным людям, и его «царский дворец» часто превращался в академию и лицей. После него Константин VII Порфирородный, проведя большую часть своего времени в стороне от государственных дел (руководителем которых был Роман I Лекапин), тоже сумел сделаться центром литературного и ученого движения, в котором лично принимал деятельное участие. Он писал сам, побуждал писать других и старался расширить светское образование. Он увлекался живописью, музыкой и тратил крупные средства для составления сборников, заключавших в себе отрывки всяких сведений. **Это была первая в мире достоверная библиотека.** С его именем связана также постройка многих роскошных зданий.

До нас дошло немало произведений, относимых и ко времени Константина Порфирородного. Одни из них были, — говорят нам, — написаны им самим, другие при его личном участии и, наконец, третьи составлены по его предложению. В сочинении «Об управлении государством» сообщаются также интересные сведения о географии чужих стран и о сношениях Византии с соседними народами. В этом же сочинении даются, между прочим, названия днепровских порогов и интересные рассказы о печенегах. Много географического материала содержится и в сочинении «О фемах».

К его же времени относится и большое сочинение «О церемониях византийского двора», где собраны разнообразные сведения о крещении, браке, короновании и погребении императоров, о различных церковных торжествах, о приемах иностранных послов, о снаряжении военных экспедиций, о должностях и чинах и т. д. Они представляют большой интерес при изучении не только жизни византийского двора, но и всего государства. Византийский придворный обиход, постепенно выросший и развившийся из обычаев Ромейской имерии со времен Диоклетиана, оказал влияние на придворную жизнь и Западной Европы, и славянских государств, включая Россию. Да и в придворных церемониях современной Турции можно заметить византийские влияния.

Так, в X веке византийская цивилизация и литература на греческом языке начали свой блестящий период, и представители Запада поехали учиться на берега Босфора.

В половине XI века, при Константине Мономахе, дело выс-

шего образования в столице еще более расширилось. Прежняя единственная Высшая школа была при нем разделена на две. Первая при церкви Петра обучала философии, т. е. имела целью дать желающим общее образование. Во главе ее был поставлен знаменитый ученый и писатель того времени Михаил Пселл (т. е. Заика). В другой школе, помещавшейся при монастерионе Георгия, выстроенном в ограде дворца, преподавались юридические науки. Государство уже давно чувствовало большой недостаток в образованных и опытных чиновниках, особенно в юристах: благодаря недостатку юридических школ молодые люди черпали свои сведения нередко прямо от юристов-практиков, нотариусов и адвокатов, которые сами не отличались глубиною знаний. Основанный при Константине Мономахе «юридический лицей» и должен был помочь этой настоятельной государственной потребности. Во главе его был поставлен известный в то время Иоанн Ксифилин. Как и раньше, преподавание велось бесплатное, профессора же получали от правительства хорошее жалованье, шелковую одежду, пасхальный подарок и пищевые продукты. Доступ в лицей был открыт для всех желающих, имевших соответственную подготовку, без различия происхождения или состояния, для знатных и незнатных, для богатых и бедных. Преследуя, главным образом, практические цели, эта школа должна была доставлять государству опытных и знающих законы чиновников.

Так поздно началось преемственное светское образование на земном шаре! И началось оно, как и следовало ожидать, на берегах Босфора в Царь-Граде. Возникли переписчики рукописей.

Поставленный во главе общеобразовательной школы Константин Заика, обычно называемый по его церковному имени Михаилом Пселлом, родился в первой четверти XI века и, отличаясь выдающимися способностями, настолько выдвинулся, что сделался одним из самых влиятельных людей в государстве.

В эпоху смут и начинавшегося упадка военной мощи империи, при частых сменах императоров, что нередко означало и смену направлений и политики, он умел хорошо приспособляться к менявшимся обстоятельствам. Он служил при девяти императорах и не задумывался перед лестью им, чтобы продолжать успешно литературные и ученые работы. От его имени есть много сочинений по различным областям знания, по богословию, по философии (где особенно выдвигается имя Платона), по естественным наукам, филологии, истории, праву и поэзии. В этих речах и письмах описываются события со смерти Иоанна Цимисхия до последних лет жизни автора, и, несмотря на некоторое пристрастие в изложении, они являются до сих пор первоисточником для истории XI века. Пселл был представителем светской науки, проникнутой эллинизмом, и смело может занять первое место в культурном движении Византии XI века подобно тому, как в IX веке занимал его Фотий, а в X веке — Константин Порфирородный.

С эпохой Македонской династии в XI веке связано представление о византийском эпосе, т. е. о греческих былинах, героем которых постоянно является Василий Дигенис Акрит. Его прозвание Двуродный объясняется тем, что отец его был араб-агарянин, а мать — гречанка-христианка. Акритами же назывались в византийское время защитники крайних границ государства, от греческого слова *акра* (ἄκρα) — граница. Вся жизнь его посвящена борьбе с пограничными разбойниками. Везде Двуродный бьется за христиан и империю. В его представлении православие и Романия (т. е. Византия) — два неотделимые друг от друга понятия. Описание его дворца позволяет нам ближе познакомиться с богатством обстановки, в которой жили крупные земельные собственники в Малой Азии и которая так сильно возмущала Василия II Болгаробойцу. Близ Трапезунда до сих пор показывают его могилу, предохраняющую, — как гласит народное предание, — новорожденных детей от чар.

Былина составлена о нем в том же роде, как и песни о Роланде из времени Карла Великого, или роман о Сиде из времени войн христиан с агарянами на Пиренейском полуострове.

Она дошла до нас в нескольких рукописях, из которых самая древняя относится к XIV веку и отразилась даже в русской литературе, где мы имеем «Деяния и житие Девгения Акрита», которое имеет не малое значение для истории древней русской литературы, потому что древне-русская жизнь и литература наиболее испытали на себе силу византийского влияния как церковного, так и светского. И интересно, что в русском переводе поэмы о Дигенисе мы иногда находим и такие эпизоды, которые до сих пор еще не найдены в ее греческих текстах.

ГЛАВА III

СМУТНОЕ ВРЕМЯ. ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ СЦЕНУ МАГОМЕТАН. ИДЕОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКОВНЫХ ТАИНСТВ. КОГДА БЫЛО ВВЕДЕНО ЕДИНОЖЕНСТВО У ХРИСТИАН?

Тотчас после смерти Василия Болгаробойцы в 1025 году империя вступила в период смут, и все цари этого времени (XI века) были греки по происхождению. Императрица Зоя последовательно возвела на престол трех своих мужей, и в 1056 году, после смерти ее сестры Феодоры, Славяно-Македонская династия прекратила свое существование, обратившись в греческую, благодаря начавшейся эллинизации Восточной Ромеи, потерявшей Египет и Сирию.

В 1056 году престарелая уже императрица Феодора по настоянию придворной партии избрала посредством замужества в императоры почтенного по возрасту патрикия Михаила Стра-

тиотика, после чего вскоре и умерла. Но этот ставленник придворной партии смог удержаться на престоле всего лишь год с небольшим (1056—1057), так как против него поднялись войска в Малой Азии, провозгласившие императором своего военачальника, Исаака Комнина, представителя крупной землевладельческой фамилии. Это была первая за разбираемый период победа военной партии над гражданско-теократическим центральным правительством. Михаил Стратиотик был вынужден отречься от престола и окончил свою жизнь частным лицом.

Но победа военной партии была кратковременной. Ее ставленник Исаак Комнин правил всего с 1057 по 1059 год и, разочаровавшись во власти, отрекся от престола и постригся в монастерионцы.

Его преемник Константин X Дука (1059—1067), т. е. Вождь или Герцог,[1] был талантливый финансист, интересовавшийся преимущественно делами гражданского управления. «Это было, — говорят нам ортодоксальные византисты, — несчастное время господства бюрократов, риторов и ученых». После его смерти, в 1067 году государством в течение нескольких месяцев управляла его жена Евдокия в качестве регентши с тремя сыновьями. Но военная партия нашла для нее супруга в лице военачальника Романа Диогена, родом из Каппадокии, который и сделался императором (1067—1071). Затем он попал в плен к турецкому султану, и императором в его отсутствие был провозглашен сын Евдокии Михаил Дука, ученик Михаила Пселла. Население прозвало его Парапинак, т. е. учетверитель, потому что вследствие голода цена на хлеб при нем поднялась вчетверо. Евдокия постриглась в монахини, а возвратившийся из плена прежний царь Диоген, вопреки торжественно данной ему гарантии личной безопасности, был ослеплен и вскоре умер.

„Учетверитель“ (1071 — 1078), любивший заниматься науками и сам писавший стихи, восстановил бюрократический режим своего отца Константина Дуки. Но стратиг одной из малоазийских фем Никифор Травяник (Ботаниат) в свою очередь прину-

[1] Не могу не сделать по этому поводу несколько лингвистических сопоставлений. Дука по-гречески—Дукас (Δούχας), по-латыни—дукс (dux), по-французски—дюк (duc), очевидно, происходит от слова doctus — ученый, откуда и русское *дока*. Аналогично этому и слово граф происходит от греческого графо (γράφω) — пишу и значит писатель, откуда международные слова: географ, историограф и т. д. А по-французски граф неправильно называется comte, от латинского comitus — спутник царя. Русское слово князь первоначально было кòнезь, т. е. конник, всадник, аналогично французскому chevalier — кавалер, и немецкому Reiter — рыцарь. Русское слово царь — семитическое сар, французское sir, английское сэр — того же корня как латинское цезарь, греческое кесарь, немецкое Kaiser и, возможно, того же корня, как и библейское цур или цор — утес, укрепление. Слово король, откуда имена Карл и Каролина, идет от итальянского слова caro — любимый (общеизвестное: caro mio), аналогично тому, как Herzog происходит от Herz — сердце и первоначально значило: сердечный друг царя. Так филологические следы и без «свидетельств древних очевидцев» дают нам возможность установить происхождение и историю многого.

дил Учетверителя уйти в монастырь, после чего был коронован и правил с 1078 по 1081 год. Однако, крупная землевладельческая аристократия провинции не признала его прав на престол. В различных частях империи появились претенденты, и Алексей Комнин, племянник уже ранее царствовавшего Исаака Комнина, поставил себе целью добиться трона. «Травяник» отрекся от престола и был пострижен в монашество. А Алексей Комнин в 1081 году был повенчан на царство и, положивши конец смутному времени Византии XI века, открыл собою эпоху Комнинов. Его вступление на престол знаменовало победу военной партии и крупного провинциального землевладения.

Таковы хронологические вехи этого периода (т. е. попросту династические сплетни хроникеров), а политическое содержание того времени в Византии характеризуется прежде всего первым выступлением на малоазиатскую сцену магометан с Кораном в руках, как сокращением и популяризацией разросшейся тогда и уже устаревшей Библии, и с примесью евангельских идей от имени пророка Магомета. Я уже показывал в VI томе, что истинным преобразователем агарянства в магометанство был Магомет Завоеватель (Махмуд Газни, 998 — 1030), современник вождя Сельджука, находившегося около 1000-го года на службе у одного из туркестанских ханов. Под властью его воинственных потомков и под знаменем новоявленного Корана соединилась вся Западная Азия, от Афганистана до границ Византийской империи в Малой Азии со включением Египетского калифата Фатимидов. При Константине Дуке и после его смерти, во время семимесячного регентства его жены Евдокии, второй по счету, султан сельджукидов Алп-Арслан (ок. 1077 г.) завоевал Армению со столицею Ани, часть Сирии, всю Киликию и Каппадокию.

Поход против них Романа Диогена (т. е. Богорожденного Римлянина) закончился роковою для него битвою в августе 1071 года при Манцикарте (теперь Мелазгерд), на север от озера Ван. Роман Диоген был захвачен в плен турками-магометанами. Но Коран, тогда если и был уже известен, не считался еще еретическою книгою, и отвержение магометанами храмовых изображений на самом деле было лишь возрождением прежнего византийского кумироборства в более усовершенствованном виде. Вот почему плененный царь Роман был встречен с почетом пленившим его Алп-Арсланом, который заключил с ним «вечный» мир и дружественный договор, главные пункты которого мы узнаем из арабских источников:

1) Роман Диоген получает свободу за уплату определенной суммы; 2) Византия должна платить Алп-Арслану ежегодно известную сумму денег и возвратить ему всех пленных турок.

Но, как мы видели, возвратившийся «Богорожденный Римлянин» Диоген нашел престол уже занятым Михаилом Дукой и, подвергшись ослеплению, вскоре умер.

Поражение его Алп-Арсланом было смертельным ударом для

величия ромеев в Малой Азии, самой насущной и важной части Византийского государства.

«Хотя последствия, — говорит Гельцер, — во всем их ужасе не сразу стали ощутительны, но все же часть Малой Азии, Армения и Каппадокия,—области, бывшие родиной стольких императоров и полководцев Великой Ромеи и представлявшие главную силу государства, были навсегда утрачены, и магометанин раскинул на развалинах древне-римского великолепия свои кочевые палатки. Колыбель цивилизации подпала варварству ислама и полнейшему огрубению».

Но интересно, что и после катастрофы 1071 года и вступления на престол Алексея Комнина в 1081 году, различные византийские христианские партии не только не видели в магометанах религиозных врагов, но не задумывались, — как говорит сам А. А. Васильев (I, 343), — приглашать их к себе на помощь, и тем самым все глубже вводить их во внутреннюю жизнь государства. Поддерживая, например, Никифора Травяника в его стремлении захватить престол, его магометанские войска дошли с ним до Никеи и Скутари, против Царь-Града, и, посадив его на престол, как на свой, возвратились в Малую Азию.

Преемник Алп-Арслана предоставил малоазиатские области Сулейману-Кутулмышу, и в них образовался под властью сельджукидов снова «Румский султанат», т. е. в переводе: **Римская империя**, так как султан по-библейски шилтон (שלטון) значит: повелитель, по-латыни—*Imperator*, по-иероглифически—сутэн (и ни в каком случае не *фараон*; такого слова даже не существует на египетских языках).

Выходит, что сельджуки только восстановили Великую Ромею кумироборческого периода. У них административным, религиозным и литературным языком снова сделался корейшитско-халдейский (так как и Библия, и Коран только два его наречия, близкие друг к другу). Но эта простая и рациональная идея так противоречила искаженным представлениям о прошлом Ромеи, что простое ее возобновление приняли за нововведение, а не за возвращение к прошлому, и еврейские авторы стали называть Румский султанат (чтоб не вызвать в уме читателя нежелательных сближений) Иконийским султанатом по имени ничтожного городка Конии в сухой местности на 150 километров от южного берега Малой Азии, без речных средств сообщения с остальным миром. Но помещать тут столицу Малой Азии — географическая и стратегическая бессмыслица. А потому и название городка Иконии или Конии скорее всего надо производить от еврейского ИКИН (יכין) — укрепление *(по гречески: Константинополис)* и искать для столицы Румского султаната место поудобнее.

И вот, новая «Римская империя», границы которой очень скоро стали доходить на севере до черноморского и на юге до средиземноморского побережья, сделалась грозным врагом огречившегося осколка прежней Великой Ромеи. Собственными силами Ви-

зантия не могла бороться с возродившимся старым Римом иконоборческого периода.

В связи с восстановлением этого доевангельского Рима на коранических началах, Михаил Учетверитель еще в первые годы своего правления отправил послание к Григорию VII, первому римскому понтифексу, принявшему титул папы, прося о помощи Запада и обещая за это папе соединение церквей. Григорий VII, благосклонно отнесшись в просьбе восточного императора, разослал по западной Европе ряд посланий к владетельным князьям и ко «всем христианам» (ad omnes christianos), где, между прочим, говорилось о том, что язычники сильно стеснили христианскую империю и с ужасною жестокостью опустошили уже всю почти до самых стен Царь-Града. Воззвания Григория Гильдебранда, как известно, не дали никакого реального результата. Западная помощь для Византии тогда не собралась, да и сам папа был вовлечен в упорную и длительную борьбу за инвеституру с германским государем Генрихом IV, так что ему было не до Царь-Града.

Таким образом, к моменту вступления на престол Алексея Комнина было совершенно очевидно, что продвижение магометан-сельджуков с востока угрожает огречившейся Византии смертельною опасностью. И если читатель не только будет заниматься буквоедством, а подумает серьезно о положении дела, то он поймет, в чем была причина и рыцарского поведения султана (т. е. по-египетски — сутэна) корaниста-агарянина Алп-Арслана с христианином царем Романом Диогеном и того, что магометанам так легко было укрепиться в Малой Азии. Припомним, что в то время, когда Рим и Царь-Град не раз уже предавали друг друга анафеме, новообразовавшиеся магометане (что значит — достославные) в Византии еще ни разу не отлучались от церкви вплоть до 1180 года нашей эры. Точно так же и печенежские князья получали в то время придворные византийские чины, и кроме них при Константине Дуке,—говорят нам, — появились еще какие-то «узы» на Дунае, и часть их тоже поступила на службу византийского императора, получив в надел казенные земли в Македонии. Значит, печенеги и узы считались в Византии того времени единоверцами, только другого церковного «прихода». И это же мы можем сказать о норманнах и их вожде Роберте Гюискаре, приехавшем, очевидно, как я говорил уже, не из Скандинавии, а из французской Нормандии, и отнявшем у Византии южную Италию, а у агарян — Сицилию.

Весной 1071 года Бари, главный пункт опоры византийского владычества в Италии, вынужден был сдаться Гюискару, который благодаря ему приобрел в Апулии важный опорный пункт для окончательного подчинения уже небольших остатков византийского владычества внутри страны. А подчинение Южной Италии развязало ему руки и для отвоевания Сицилии от агарян-саракинов.

Однако, эти события не уничтожили в Южной Италии византийского влияния. Даже и сделавшись герцогом Апулии, Роберт

Гюискар считался законным наследником византийских василевсов и сохранил в покоренной им стране византийскую администрацию. В норманнских документах встречается название: фема Калабрия. Во главе городов стоят стратиги или экзархи, норманны гордятся византийскими титулами. Греческий язык в богослужении сохранился во всей Калабрии и в некоторых местах считался официальным. Покорители и покоренные жили рядом друг с другом, каждый сохраняя свой язык, свои обычаи и нравы. Учитывая внутреннюю слабость Византии, норманнский завоеватель стал даже мечтать и об императорской короне восточного василевса.

Если мы хронологически сопоставим случившееся весною 1071 года падение Бари с роковою для грядущих судеб Византии битвою при Манцикарте в августе того же года, то придем к заключению, что 1071 год является одним из самых важных в истории Ромейской империи. «В этом году Византия потеряла Южную Италию на Западе и подписала смертный приговор христианскому владычеству в Малой Азии на Востоке. Уменьшенная в своих размерах, лишенная источника своих главных жизненных сил, шедших из Малой Азии, Восточная Римская империя, несмотря на некоторый подъем при Комнинах, не могла уже играть прежней мировой роли и, действительно, со второй половины XI века она как в политическом, так и в экономическом отношении, пошла мало-по-малу, на помочах у Западной Европы».

Так говорит один из наших ученейших византиистов А. А. Васильев, за которым я здесь следовал в фактической части моего изложения, осложняя его лишь своими соображениями общего характера.

Но в этих-то соображениях и заключается вся суть дела: набор отдельных фактов не есть еще наука, а только материал для науки, ищущей в последовательности событий логического смысла.

А смысл событий здесь таков.

За весь период, со времени геджры в 622 году и вплоть до крестовых походов в конце XII века, мы не видим ни разу серьезной религиозной вражды между агарянами и византийскими христианами. Даже несмотря на частые войны между странами, принадлежащими к агарянской и православной вере, их церкви ни разу не предавали отлучению друг друга.

Даже сам Магомет, которого теперь считают жившим в VII веке, подвергся отлучению, как мы видели уже в VI томе, только через 500 лет после геджры, в 1180 году.

Но как же объяснить такую первоклассную нелепость со старой точки зрения?

Как объяснить и то, что после неудачи крестовых походов и вплоть до XIX века Оттоманская империя, носящая характер библейского семейного строя и во всем основном родственная по духу с иконоборством, заняла как раз всю территорию прежней Ромейской империи в тех же самых границах?

Ответ на это прост.

Многоженный строй жизни магометанского Рима был лишь возрождением такого же строя, существовавшего в первичном Риме (Ромее). Жители Оттоманской империи не пришельцы, а прямые потомки жителей империи Константина I и Юстиниана II. Только одежда их переменилась.

Особенно же интересен здесь следующий вопрос.

Ортодоксальные историки, направив свое главное внимание на вопросы, лежащие в области праздного любопытства вроде того, кто из царей на ком женился и как звали его мать, не поинтересовались первостепенно важным вопросом: каков был семейный строй правящих и культурных классов времени Константина I и его преемников вплоть до Ирины? В шестом томе «Христа» я уже достаточно показал, что Коран есть популярное и сокращенное изложение Библии, сделанное кем-то для какого-то «Достославного» (Магомета, по-корейшитски) и что семейно-гаремный строй магометан ничем не отличается от семейного строя Давида и Соломона Библии и что пережитком этого строя являются и старинные терема русских царей и бояр, где содержалась женская часть семьи. Понятно, что при таких условиях не могло быть даже и намека на гражданскую равноправность женщины или на занятие ею каких-либо ответственных государственных должностей.

Но вот, не видя за все время древней истории ни одной женщины-губернатора, женщины-судьи, женщины-патриарха, женщины-литератора, за исключением нескольких мифических поэтесс, или скорее импровизирующих певиц—мы вдруг видим несколько древних **цариц!** Правда, что царицу Савскую, царицу Зенобию или царицу Дидону можно отнести в область мифов, но нам никак нельзя отрицать реальность описанной здесь царицы Ирины (780—802), которую приходится считать первою царицею в человеческой истории, как в следующем за нею поколении была первою и великая римская понтифицина Джованна в Риме (855—857). Сама их трагическая судьба показывает, как это было тогда крайне непривычно и неприлично. А возникший в тот же период «салический закон», ни в каком случае не впервые установивший, а только письменно подтвердивший первоначальное обычное право, по которому женщины не наследовали земельного имущества и, в частности, царского трона, показывает, что эти женские попытки приравнять себя к мужчинам получили и в религиозной, и в государственной области решительный отпор среди мужской части населения.

Отсюда видно, что уничтожение в христианском населении прежней гаремной многоженной и фактически оправданной Библиею и Кораном семьи произошло только в VIII — IX веках нашей эры, вследствие чего и могли появиться эти два прецедента. Произошло это под флагом поклонения небесной Деве-Мадонне, которая из Созвездия Девы персонифицировалась в земную Деву-Марию. Уже изложенные мною в первом томе доказательства того, что

евангелие Марка писано Марком Афинским (около 700 года нашей эры), что евангелие Иоанна принадлежит Иоанну Дамасскому (ок. 750 года), т. е. почти накануне Ирины (780—802), и что остальные два евангелия относятся уже ко времени понтифицины Джованны,—показывают, что только в это время физическая сила перестала считаться синонимом права, и появилась в головах мужчин идея, что физически слабая женщина имеет такие же права на существование и на деятельность, как и превосходящий ее мускульною силою мужчина.

Отсюда мы видим, что гаремный строй в семье высших классов прекратился одновременно с установлением евангельского христианства в VIII—IX веках нашей эры, после окончания иконоборства, и можно думать — в связи с его окончанием. Ведь, только в евангельско-христианских странах и запрещено иметь сразу более одной жены, а в остальных областях земного шара не было такого запрета вплоть до настоящего времени. Евангельское же христианство укрепило моногамическую семью посредством обязательного обряда бракосочетания, объявленного мистическим таинством, без которого и помимо которого всякие половые сношения между обоими полами признаны грехом.

Отсюда же видно, что таинство бракосочетания могло быть установлено только на последнем «вселенском» церковном соборе 787 года при Ирине, закрепивши собою уже возникшее около столетия назад под влиянием евангелий стремление женщин к равноправию.

Только тогда христианский семейный строй и обособился от агарянского и от языческих, а переход старозаветных мессианцев, т. е. ариан (иначе — иудеев и евреев) к единоженству совершился, вероятно, уже под влиянием христианского единобрачия.

Все это заставляет думать, что и другие таинства христианской церкви установлены были на последовательных соборах. Их — тоже семь, как и семь вселенских соборов, но это еще не дает нам права утверждать, что на каждом соборе было установлено по таинству: число семь само по себе считалось мистическим и как бы всеобъемлющим: в средние века было семь планет, семь металлов, семь дней недели и т. д. А таинствами как у католиков, так и у православных считаются: крещение, миропомазание, причащение, исповедь, священство, брак и освящение безнадежно больного церковным маслом.

В чем же был смысл этих «таинств»?

Очевидно, что за ними признавалось какое-то полезное воздействие на подвергаемого им человека. В некоторых случаях это даже не трудно определить сразу, не нуждаясь нисколько в помощи «свидетелей древности», которые в большинстве случаев оказываются лжесвидетелями.

Сразу можно видеть, что, например, таинство крещения не без причин заменило обряд обрезания, смысл которого тоже ясен. Этой операцией над детородным органом думали предохранить его от венерических заболеваний, возникавших при беспорядочной половой жизни, но вскоре оказалось, что она мало помогает и даже наоборот: при старинной нечистоте инструментов могли часто получаться нагноения и даже заражения крови, приводившие к скорой смерти обрезанного, и вот взамен неоправдавшего ожиданий средства и придумано было у более инициативной христианской части населения простое омовение в воде, якобы оказывающей при известном ритуале таинственное действие, почему и названо таинством. Но вскоре оказалось, что и оно не гарантирует от заболеваний при беспорядочности половых сношений. Как же быть? Чем помочь?

Крещению стали придавать другое таинственное действие: дарованье человеку способности не заблудиться по дороге в рай после смерти. А для предотвращения от злых духов, награждающих венерическими заболеваниями, установили таинство брака. Только подвергнувшиеся ему парочки гарантируются от заболеваний. Верные друг другу парочки действительно перестали страдать болезнями половых органов. Так установилась моногамическая семья.

А от таинства крещения остался след лишь в том, что оно с детства на всю жизнь закрепляло собственные имена людей, появившиеся вместо прежних, получаемых от знакомых, переменных прозвищ, хотя это же закрепление делалось, повидимому, и ранее при обряде обрезания ариан. Миропомазание было то же таинство, так как оно мистическим способом делало из человека полубога и первично практиковалось только при возведении в священническую должность, какою считалась и царская. Оно было введено может быть еще на первом Никейском соборе в 325 году, с какого времени и установилось представление о «помазаннике божием», т. е. «августе»—по-латыни, священном—по-русски, «христе»—по-гречески, и «назаре—божием» (назарее)—по-еврейски.[1]

Но это отличие царей и священников от остальных смертных довольно скоро прекратилось. Вероятно, еще в период апокалиптического христианства[2] мессианцы, восставшие на земных царей, начали мазать в августейшие особы всех своих сторонников. Это обстоятельство лишило практического значения и само таинство миропомазания, и для поправления дела было выдумано на каком-то позднейшем соборе новое специальное таинство: священство, которое определяется церковниками так: «преемственное рукоположное поставление священником кан-

---

[1] По-латыни augustus — освященный, благоговейный, откуда наречие auguste — свято, французское auguste, русское — августейший, по-гречески χριστὸς (Христос) — миропомазанник, освященный этим обрядом, посвященный в тайны оккультных знаний, от χρισίς (хрисис) — намазывание маслом или румянами, и от χρίσμα (хрисма) — оливковое масло. По-еврейски נזריה (НЗР-ИЕ) — Назорей, посвященный богу, от נזר (НЗР) — священство.

[2] Апокалипсис 1, 6: «Христос сделал нас (самих) царями и священниками».

дидата на церковнослужение, таинственно дающее ему всегдашнее присутствие святого духа для совершения всех других таинств и на наставление людей в вере и благочестии», причем были установлены три таинственные степени: дьякон, т. е. служитель; иерей — т. е. священник, и епископ, т. е. наблюдатель. Сюда же присоединялось и коронование царей и цариц.

Таким образом, установление таинства брака,— как провозглашение единоженства и уничтожения беспорядочного конкубината; таинства крещения — как установление прочных пожизненных имен, и таинство миропомазания, как освящавшее немногих избранников, а после его вульгаризации, таинство священства, как запрещение совершать богослужение всякому желающему без прохождения предварительных ступеней иерархии и во всяком случае без умения читать и писать, — имели серьезное культурное значение. А остальные три таинства—причащение, как таинственно объединяющее с христом; покаянье перед священником, как таинственно снимающее в случае прощения скверну греха с согрешившего, и елеосвящение (т. е. помазание умирающего маслом, как таинственно гарантирующее ему вход на небесную твердь) прошли в истории христианства как простые обряды, возбуждавшие, конечно, суеверие, но не влиявшие непосредственно на обычную жизнь людей.

Определить их время тоже интересно, но этот интерес ничтожен в сравнении с тем, на каком соборе было установлено единобрачие, а многоженцы отлучены от церкви, и когда в Византии были запрещены браки с различного рода иноверками. Можно только удивляться, что ни один из историков (насколько мне известно) еще не разработал обстоятельно этот в высшей степени важный предмет как с рационалистической, так и с хронологической точек зрения.

У большинства народов единобрачие, конечно, вводилось одновременно с введением евангельского христианства, а когда же введено оно у самих христиан и мессианцев? Я здесь показываю, что обряд брака был признан таинством скорее всего только во время императрицы Ирины на VII Вселенском соборе в 787 году и что только с того времени установилась моногамия у христиан. Но я и сам говорю, что этот вопрос заслуживает и более специальной обработки особенно с психологической точки зрения.

ГЛАВА IV

ОТШЕЛЬНИЧЕСТВО. МОНАСТЕРИОНСТВО И МОНАШЕСТВО

Необходимо строго отличать друг от друга коммунальное безбрачное монашество от предшествовавших ему: одиночного монашества-отшельничества и от монастерионства.

Отшельники были действительные монахи, а первичные монастерионцы были семейные люди, посвящавшие себя главным образом астрологии и жившие колониально. Обязательное же безбрачие при коммунальной жизни было введено уже потом и привело к печальным последствиям.

Физическая трудность полового воздержания в общине нестарческого возраста должна была вести неизбежно к противуестественным порокам. И это мы видим в Эпоху Возрождения. Нельзя не придавать серьезного значения той характеристике разнузданной монашеской общинной жизни, какую дают сатирики того времени, особенно Рабле (1495—1553), который в молодости сам был монахом, но потом убежал из монастыря и стал доктором в Лионе.

Никто еще не говорил, чтобы рассказы этого знаменитого писателя были не сатиры (т. е. простые сгущения отрицательной действительности), а пасквили. Ведь, и другие сатирики описывают коммунальное монашества, — и мужское и женское, — в том же самом роде.

Не лучше характеризуют его и простые бытописатели.

Аббаты мужских монастерионов, как и епископы церквей, по словам историков средних веков, — проводили время в охоте и азартных играх, любили вино, шутов и общество женщин легкого нрава. Аналогичная характеристика распространяется и на аббатесс женских монастерионов, и часто в документах слышатся жалобы на их безнравственность. А о роскоши тех и других ходили легенды.

Когда были впервые написаны современные монастырские коммунальные уставы?

Только в начале IX века явился во Францию некто Витица, впоследствии известный под именем святого Бенедикта Апианского. Он был, — говорят нам, — гот по происхождению, сын окружного Магелонского начальника в Септимании. Мальчиком взят он был ко двору Пипина, у которого сделался виночерпием и продолжал потом оставаться на службе у Карла Великого. Еще в то время он устроил себе роскошный монастерион, в котором церковь была украшена мраморными колоннами, а около нее было построено несколько дорогих «уединенных часовень», и все, что касалось утвари и богослужения, отличалось необыкновенным великолепием. Карл Великий, помогавший ему в этом, освободил его учреждение от всяких налогов и от юрисдикции как епископов, так и местных гражданских властей. Но точно ли и это был настоящий однополый монастырь **виночерпия?**

Если это было даже и так, то все же лишь позднее были составлены от его имени в двух книгах «монастырские уставы Востока и Запада», а потом, в третьей книге, были даны уставы и для женских монастерионов, и из всего этого была сделана так называемая «Гармония уставов.[1] Все это было впоследствии еще

[1] «Concordia Regularum» («Patrologia», с. III).

апокрифировано в V век нашей эры на имя так называемого «прежнего святого Бенедикта», жившего, будто бы, в Нурсии еще между 480 и 543 годом, за 300 лет до его двойника, «второго святого Бенедикта».

И интересно, что если мы время жизни Бенедикта Нурсийского (480—543) будем считать не по нашей «христианской» эре, а по эре Диоклетиана (с 284 года), то и получим время жизни Бенедикта Анианского. Выйдет 764—827 годы, т. е. время Карла Великого.

Точно также апокрифичны все смутные указания относительно основания уставных монастырей на Востоке Великим Царем (Василием Великим), при котором могли быть только смешанные, т. е. состоящие из смеси неженатых мужчин и девиц первичные монастерионы, обычные до IX века, так как только с IX века мы и имеем коммунальные монашества одного пола, да и то фактически очень светского типа. И такой тип однополого монастерионства со светским оттенком был после IX века не в одной Франции. Есть известия, что и в Англии во главе монастерионов стояли тоже могущественные миряне, а монастерионцы и монастерионки характеризовались беспорядочной жизнью и пьянством. Любовь к нарядной монастериальной одежде удерживалась во все время средних веков, как говорит и Альдгельм, сильно порицающий эту роскошь.[1] Сам Кловесгусский собор порицал в монастерионах привязанность к мирской прическе и их моду украшать ноги разноцветным шитьем.

А если в других странах и не имеется таких же обличительных документов, то это свидетельствует лишь о том, что там считали такую жизнь еще нормальною. Ведь, даже сами церковные писатели признают, что только на так называемом II Никейском соборе в 787 году было запрещено устраивать (существовавшие, значит, до тех пор) двуполые монастерионы, т. е. коммуны внебрачных лиц обоего пола, что и вело к коммунальному браку. Но и разлучение обоих полов, повидимому, мало помогло, так как через два года «Капитулярий» 789 года[2] запрещает монастерионкам писать и посылать любовные стихи. Теперь трудно установить, послушались ли этого запрещения монастерионки и монастерионцы, но и без писания любовных стихов, повидимому, вышло не лучше, так как через 47 лет Э-ля-Шапельский собор 836 года говорит, что женские монастерионы являются публичными домами (lupanaria) и что аббатессы сами побуждают живущих в этих религиозных учреждениях монастерионок к искушению посетителей (сс. XII, XIII).

И вот, собор 789 года впервые приказывает, чтобы в монастерионах не было никаких «темных уголков, представляющих удобство для любовного греха» (с. XIV).

Таковы документальные факты, которые признаются и самими историками церкви. А среди них основным фактом остается тот,

[1] Aldhelm, «De laudibus virginitatis», 58 («Patrologia»), LXXXIX.
[2] Pertz, I, 68, c. III.

что только на Никейском соборе 787 года монастерионы были сделаны однополыми, и в них появились взамен естественных противоестественные пороки и всевозможные галлюцинации эротического характера, которыми полны «Жития Святых».

Вот почему приходится признать, что и христианские монастерионы, как все остальные, со времени своего возникновения пережили большие метаморфозы.

Наиболее естественным путем для эволюции монашества является такой.

Во всяком месте, где совершались какие-нибудь необычные физические явления, например, падение эффектного метеорита, или газы, выходящие из земли (не говоря уже о постоянных вулканах, которых в Европе, северной Африке и западной Азии мы знаем в сущности только три), охотно поселялся мистик или плут, который объявлял себя в таинственных сношениях с присутствующим тут могучим богом, способным предсказывать будущее, открывать всякие тайны и даже охранять от опасностей людей, приносящих ему жертвы, которыми, конечно, питался сам жрец. Никакого обета безбрачия он, конечно, не давал, был скорее всего многоженец, и если пилигримов к такому месту было много, то тут естественно развивался целый поселок на коммунальных началах, так как приносимые богу продукты принадлежали всем его жрецам. Повидимому, такого рода культы с IV века нашей эры, когда развилась астрология, связались с гаданьем по звездам, потому что, как я уже не раз говорил, первоначальное имя монастырей было монастерионы, где основным корнем служит сирийское слово «астер» — звезда, а приставочное слово «мона» значит — исчислять, и все целиком значит: место звездочетства, по нашему — обсерватория.[1]

Таким образом, первичные монастыри, которые для отличия я буду называть их точным греческим именем монастерионы, были брачные общины служителей культа, не чуждавшихся и тогдашней науки, и с этой точки зрения они могли быть и оранжереями древнего и средневекового знания, особенно алхимии, магии, медицины, астрологии. Они поддерживались и властями, которые суеверно их боялись.

А другой род монашества — отшельническо-одиночный — едва ли мог развиться ранее выхода Апокалипсиса в 395 году с его громами на земных царей, поставившими эту секту во вражду со светской властью, и вызвавшими бегство ждущих возвращения Христа и его страшного суда в пустынные места.

Третий же род монашества, состоявший из синтеза первой и второй формы, как тезиса и антитезиса, т. е. однополое общинное монашество, мог появиться в том виде, как мы его имеем, не ранее IX века нашей эры.

[1] Монастырь (μον-αστήριον) от АСТР (אסתר) — звезда, по-гречески — ἀστήρ, по-французски — astre. Отсюда же и имя Эсфирь. А слово מנה (мона) значит — исчислять.

Посмотрим же, насколько сходятся факты с этой диалектической схемой.

Вот что говорят наиболее надежные наши первоисточники. «Во многих монастерионах Франции аббаты открыто жили с женами или наложницами. Мирские аббаты, — говорит постановление Трульского собора (908 год), — с их женами и детьми, с их солдатами и собаками живут в зданиях монастерионов, во исполнение предсказания, что мерзость запустения водворится на таком месте, где она не должна бы быть». Это, конечно, остаток первобытного состояния брачных монастерионов. «Лишь в X веке, — говорят нам все историки, — во многих странах начались преобразования, и во главе этого нового движения стал Бомский аббат Бернон, основатель и аббат гигнийского монастериона. Он уже произвел преобразование двух монастерионов, когда в 912 году был приглашен в Клюни герцогом Оверни Вильгельмом для основания там нового монастериона. Бернон избрал для этого здание, где были **охотничьи принадлежности герцога.**

Он начал дело с маленькой общины из двенадцати человек. В 927 году Бернону наследовал его ученик Одон, слава которого настолько затмила славу его учителя, что некоторые члены клюнийского ордена называли своим основателем не Бернона, а его. К уставу псевдо-святого Бенедикта (т. е. варианта Бенедикта Анионского, VIII века) Одон, — говорят нам, — прибавил много новых правил, нередко очень нелепых. Так, например, от монастерионцев требовалось по окончании обеда собираться вместе и съедать все крохи от своего хлеба, потому что один умирающий монастерионец раз в ужасе воскликнул перед смертью, будто диавол в числе его грехов выставляет перед ним целый мешок крошек, которые он в свое время не хотел съесть. Кроме того, тут впервые были установлены периоды строгого молчания, так что один монастерионец даже позволил ворам украсть его лошадь и двое допустили «уведение себя в плен норманнами», не считая себя вправе закричать о помощи». С целью сообщений между ними введен был особый ряд знаков.

Слава клюнийского монастериона распространялась повсюду. Его аббат Майол после смерти Бенедикта VI, в 974 году, отклонил от себя даже понтификальный престол. Пятый аббат Одиллон, с которого и списан, повидимому, блаженный Иероним, по своей славе (994—1049) был сравниваем с Одоном. Римские понтифексы относились к нему как к равному себе, короли и императоры добивались его дружбы и руководствовались его советами, епископы отправлялись в Клюни, чтобы в качестве простых пилигримов воспользоваться его руководительством. Фульберт Шартрский называет его «архангелом монастерионцев», а другой его современник Адальберт Лаонский в сатирической поэме называет его «клюнийским царем».

Вот когда, читатель, начались первые однополые монастыри! Только с XI века нашей эры. А прежние двуполые, из монастерионцев и монастерионок, имели совсем другой характер, и

монастерионки, вероятно, более всего походили на индусских баядерок.

Преобразование монастерионской жизни, начатое в клюнийском монастерионе, распространялось в XI веке во всех направлениях. Пробудилось общее стремление к монашеству, многие отдавали в монастерионы своих детей, а некоторые даже обрекали себя и свое потомство на положение крепостных какого-либо монастериона, в надежде получения мзды на небе. Князья или епископы часто прибегали к посредничеству монастерионцев с целью осуществления какого-либо преобразования. Многие монастерионы по собственному желанию приняли клюнийский устав, и вскоре образовалась «клюнийская конгрегация», — первый (за исключением своеобразной системы Святого Колумба) образчик той организации, с которой, повидимому, и списана Пахомианская, будто бы, введенная еще в первые века в Египте святым Пахомием. Дело установления этой организации было закончено шестым аббатом Гугом, который, сделавшись преемником Одиллона в двадцатипятилетнем возрасте, управлял общиной в течение шестидесяти лет. Число монастерионов, находившихся в связи с клюнийским во Франции, Германии, Италии, Англии и Испании, к концу XII столетия доходило до двух тысяч.

Не трудно видеть, что эта система коммунальной жизни отшельников напрасно приписывается Пахомию из Фиваиды. Нам говорят, что Пахомий родился еще в 292 году и по обращении в несуществовавшее тогда христианство дал кодекс правил, написанных на медной доске, которая сохранялась (но не сохранилась) у его учеников в Египте. Пахомий основал по их правилам общество на одном острове Нила, называемом Тавенна, который был указан ему «голосом бога с неба». Братство это скоро расширилось, так что еще до смерти основателя оно состояло из восьми монастерионов с тремя тысячами обитателей, из которых тысяча четыреста были в главном учреждении, а в начале следующего столетия все число обитателей было уже не менее пятидесяти тысяч. Так, — говорят нам, — возникли монастыри «в III веке после рождества Христова».

Но можем ли мы этому поверить? Конечно, нет. Ведь, вся характеристика этих монастерионов—та же, что и клюнийского, и на полное сходство их указывают сами историки (см. Робертсон, стр. 299 и 1021 русского перевода Лопухина).

Монастерионы, — говорят нам церковники, — и здесь жили в кельях, в каждой из которых помещалось по-трое. [1] Они находились в безусловном повиновении начальнику, который назывался аввой (аббат) или архимандритом. Во всем существовало строгое общение, так что считалось важным нарушением дисциплины говорить о «моем» плаще, или книге, или даже о пере. Монастерионцы (как и в Клюни) занимались земледелием, плетением корзин-

[1] Эти сведения о жизни монастерионцев взяты отчасти из повествования Бронзовой таблицы и частью из Иеронимова перевода «Правил Пахомия» («Patrologia», XXIII).

и веревок и другими подобными промыслами, молились по нескольку раз в день, постились в четвертый и шестой день недели и причащались в субботу и в воскресенье. Пищу они принимали все вместе, причем трапеза предварялась псалмопением. Они ели молча, с покрывалами на лицах, так что никто не мог видеть своих соседей или что-нибудь вообще, кроме находящегося перед ним кушанья. Устав не ограничивал в количестве пищи, постановляя только, что каждый инок должен трудиться соответственно количеству съеденного, но большинство из них доводили свое воздержание и далее пределов буквальных постановлений. Они никогда не раздевались, и единственно во время причащения позволяли себе развязывать свои пояса. Спали они, — оканчивает апокрифист, — в своих одеждах в креслах, устроенных так, чтобы держать почти все тело в стоячем положении.

Точно также и введение женских монастырских коммун в Х веке было отнесено к четвертому. Говорили, что у Пахомия была сестра, которую слава его учреждения побудила посетить Тавенну. И вот, для нее монахи Тавенны, будто бы, построили женский монастерион. В непродолжительном времени она оказалась уже настоятельницей большой общины, управлявшейся уставом, который ее брат составил по образцу своего собственного, и женский монастерион находился в подчинении ему, хотя он, будто бы, и не посещал его. После этого первого примера образование подобных общин происходило быстро, причем отшельницы вообще назывались ноннами, т. е. пророками. [1]

Читатель видит сам, что все эти подробности возникновения однополых монастырских коммун в IV века нашей эры совершенно апокрифичны и что тогда могли быть только двуполые монастерионы. В Сирии, — говорят нам, — однополые монастерионы введены были еще Илларионом, учеником и подражателем Антония, который жил пятьдесят лет в пустыне, близ Газы. В Месопотамии они приписываются святому Ефрему. Евстафий, севастийский епископ, основал, — говорят нам, — монастерионы в Армении, Василий Великий в Понте и Каппадокии, и когда Афанасий Великий при своем посещении Рима в 340 году пришел туда с несколькими египетскими монастерионами, первыми, какие только появились на Западе, девицы этого города пришли в такой восторг при виде их, что стали сотнями постригаться в монастерионки, и первою из них была Марцеллина (т. е. Марселька), сестра святого Амвросия. Ревность, с которою Амвросий, сделавшись епископом, защищал дело безбрачия, поддерживалась, — говорят нам, — и его сестрою. Он, будто бы, написал даже рассуждения по этому предмету, доказывая, что молодые женщины должны становиться монастерионками даже вопреки воле своих родителей, и подкреплял свои доводы рассказами о наказаниях, которые постигли лиц, дерзавших отговаривать своих родственниц от такого шага. Миланские дамы старались охранять своих дочерей от увлечения такими беседами, насильственно удерживая их дома, но толпы девиц из других стран (некоторые даже из Мавритании!) стекались для получения посвящения из рук миланского епископа. Небольшие острова на берегах Италии и Далмации покрылись монастерионами. Мартин ввел монашество в Галлии, построил монастерион близ Пиктовии и Тура, и за гробом его следовало две тысячи его собратьев. В Африке монашество было введено блаж. Августином в последнее десятилетие IV века, но Сильвиан, около 450 года, свидетельствует, что оно еще не пользовалось сочувствием в Африке, и монастерионцы (повидимому, не общинные, а отшельнические) были предметом гонения в этой стране.

Но все эти сведения мы имеем лишь от апокрифистов Эпохи Возрождения, и они рисуют нам не действительность, а только церковные идеалы того времени.

Одним из главных апокрифов по этому поводу является сказание о блаженном Иерониме, поддержанное рядом приписанных ему сочинений XI века. Первоисточником его, вероятно, служат, как я уже говорил, легенды об Одиллоне (994—1049), аббате Клюнийской монастерионской коммуны.

Иероним учился, — говорят нам, — в Риме, при Донате, толкователе Виргилия. Достигнув возмужалого возраста, почувствовал он в себе призвание к религиозной жизни и был крещен. Попутешествовав в Галлии и других странах, он в 374 году удалился в Халкедонскую пустыню, к востоку от Сирии, где и стал подвергать себя самому суровому самоумерщвлению. Но влечения чувственности, которым он, «по его собственному признанию», предавался до своего крещения, ожили в пустыне, где он надеялся найти свободу от женских искушений. Он боролся против них постом и молитвой и, желая присоединить к этим подвигам какое-нибудь смиряющее занятие, начал изучать еврейский язык под руководством одного обращенного еврея, причем язык этот, — говорят нам, — подходил для его цели «самою скудностью своего алфавита, немузыкальностью слов и неукрашенною простотою священных писаний».

Иероним с ревностью предавался ранее того классической литературе и с пренебрежением относился к священному писанию за его простоту. Но направление его занятий было изменено замечательным случаем, когда он еще находился в Антиохии. Он впал в тяжкую болезнь и полагал, что умер. Будучи поставлен перед лицом небесного судии и спрошен о звании, он отвечал, что он христианин.

— «Ты лжешь»! — ответил ему судия. — Ты не христианин, а цицеронец, ибо где твое сокровище, там и сердце твое».

Иероним подвергнут был жестоким побоям, но, по его усиленной просьбе и по заступничеству окружающих святых, его жизнь была пощажена из сожаления к его молодости. Он поклялся никогда опять не раскрывать языческой книги и по возвраще-

[1] По-гречески—νόνις, по латыни — nonna, а также—nonnus, для мужчин; очевидно, от сирийского נין (НОН) — рыба, символ Христа, фигурально— пророк.

нии в мир живых нашел, как он рассказывает, что его плечи были в синяках и тело его страдало от полученных ударов.

Так он стал христианином.

Религиозные споры того времени, — говорят нам, — «нарушали даже покой пустыни». Иероним спорил с соседними монастерионами касательно дела Мелетия, Павлина и Виталия об обладании антиохийской кафедрой и об употреблении термина «ипостась», но оставил пустыню в 377 году и провел некоторое время в Константинополе. Затем он поселился в 382 году в Риме, где и действовал в качестве церковного секретаря у великого понтифекса Дамаса, помогая ему в его научных занятиях.

И вот, это упоминание о Дамасе решает нам вопрос и о времени блаженного Иеронима. Римских понтифексов с именами Дамас было только два: один апокрифический Дамас, относимый к 366—384 годам, и другой реальный Дамас 1047—1048 годов. А так как Иероним не мог быть сотрудником апокрифа, то, значит, и жил лишь в половине XI века нашей эры, что согласно и с характером его писаний. Он, вспомнив прежние искушения, более всего старался склонять женщин принимать аскетический образ жизни. Когда же ему стали делать замечания, почему он ограничивает свои наставления только более слабым полом, Иероним довольно находчиво ответил, что если бы мужчины спрашивали его о священном, то он не стал бы и заниматься с женщинами. Тех девиц, которые следовали его указаниям, он осыпал самыми изысканными похвалами. Он говорил им, что мать, посвящающая свою дочь на безбрачие, «делается тещею бога». Приписываемая ему похвала монастерионке Павле начинается так:

«Если бы все члены моего тела были превращены в языки и все мои суставы стали изрекать человеческими голосами, то и тогда я не в состоянии был бы сказать что-нибудь достойное добродетелей святой и почитаемой Павлы».

Другую свою сестру «Евстохию» он называет «драгоценной жемчужиной», «драгоценным перлом церкви». Она, по его словам, «собирая цветы своего девства», соответствует той доброй почве в притче, которая приносила стократный плод, между тем как ее сестра Павлина, умершая в браке, была подобна той, которая приносила сам-тридцать, а ее мать, вдовствующая Павла, была подобна той, которая приносила сам-шестьдесят. С неменьшею ревностью он превозносил Деметрию, из одной «высокой Аникийской фамилии», которая накануне дня, назначенного для ее свадьбы, вдруг объявила пораженному жениху о своей решимости принять девственную жизнь.

— «Что за восторг был тогда во всем семействе»! — восклицает Иероним. — «Как бы от плодотворного корня сразу возникло множество девственниц, и толпа служанок и зависимых лиц последовала примеру своей госпожи. В каждом доме пылала ревность об исповедании девства. Нет, я говорю слишком недостаточно: все церкви по Африке прыгали, так сказать, от радости. Слава этого подвига достигла не только до городов, поселений и деревень, но даже до палаток варваров. Все острова между Африкой и Италией наполнились молвой, и ликование распространялось без всякого препятствия все далее и далее... Рим снял с себя свои печальные одежды, считая обращение своего чада знаком божественного благоволения к нему самому, вознаграждением за те бедствия, которым он подвергался в последнее время... Берега Средиземного моря и стран Востока оглашались прославлением Деметрии... Даже теперь ты получила, о девица, более, чем ты пожертвовала: только одна провинция знала тебя, когда ты была невестой, теперь весь мир услышал о тебе, когда ты сделалась Христовой девой».[1]

Читатель сам видит, что слог этих «писем Иеронима» — слог Эпохи Возрождения, и поэтому Иероним не мог жить ранее XI века. К тому же выводу приводят и его труды. Во время пребывания в Риме он по желанию Дамаса (т. е. не иначе, как Дамаса II, 1047—1048 годов) исправлял существовавший латинский перевод евангелий на основании греческого и затем исправлял латинский перевод Ветхого Завета согласно с текстом «семидесяти». Эти труды возбуждали сильную ненависть против него со стороны лиц, у которых обожание простиралось на самые недостатки переводов, которые они привыкли употреблять. Самая попытка делать какие бы то ни было исправления в переводе Семидесяти, за которым признавалась боговдохновенность, считалась дерзким нечестием. Но евангелия, как я уже показал в I томе этого исследования, были закончены только в XI веке, а потому и сам Иероним со всем, что о нем говорят, жил не иначе, как в том же XI веке, в котором впервые появились мужские и женские общежития. Скорее всего он списан с Одиллона, действовавшего тоже при Дамасе, но только нумерация этого Дамаса II переделана в Дамаса I.

Основатели монастерионства, хотя по большей части и были мало подготовлены образованием к тому, чтобы обсуждать богословские споры, однако к ним часто обращались за советом при разрешении наиболее трудных вопросов.

Только новейшее коммунальное монастерионство и есть учреждение исключительно церковно-христианское. А совершенно противоположное ему по характеру жизни монашеское отшельничество, повидимому, было и ранее, в восточных религиях, которым, впрочем, можно приписывать тоже христианское происхождение, но, как и всегда бывает при апокрифировании, жизнь воображаемых «древних» монастерионцев стала приводиться почти к абсурду.

От желавших поступить в монастерионскую общину требовалось, — говорят нам, — чтобы они доказали свою решимость посредством подчинения всяким оскорблениям, презрению, грубому обхождению и унизительным занятиям. Так, рассказывают,

[1] Иероним, «Письмо» 130.

будто еще Иоанну, советы которого впоследствии оказывали влияние на политику Феодосия Великого, было приказано его настоятелем два раза в день поливать сухую палку, и в течение года он ревностно исполнял это дело, при всех неблагоприятных условиях погоды, нося воду из источника, находившегося на расстоянии трех километров. Будучи, наконец, спрошен своим настоятелем, пустило ли растение корень, Иоанн (будущий Златоуст) завершил свое послушание скромным ответом, что он еще не знает. Но этот ответ так поразил настоятеля, что он вырвал у него из рук палку (и, вероятно, побил его ею).

«Хотя бы, — пишет кто-то от имени того же блаженного Иеронима, — твой маленький племянник повесился тебе на шею, хотя бы твоя мать, с распущенными волосами и разодранными одеждами, обнажала пред тобою грудь, которою она тебя кормила, хотя бы твой отец лег на порог, — наступи на твоего отца и выходи, беги с сухими глазами в монастерион к знамению креста! Единственный род благочестия состоит в том, чтобы быть жестоким в таком деле».

Это апокрифическое восхваление схимничества вызвало, наконец, и апокрифическое порицание его от имени некоторых соборов. Писали, что Гангрский собор подверг анафеме тех, которые осуждают брак, как будто бы несовместимый со спасением. Он запретил девственницам превозноситься над брачными и постановил, что женщины не должны оставлять своих мужей на том основании, будто бы брачное сожитие греховно. От имени Сарагосского собора (381 года) кто-то определил минимальный возраст для монастерионца в сорок лет, но, затем, от имени третьего собора (Карфагенского, 397 г.) кто-то снизил его до двадцати пяти лет.

Против нищенства монахов-отшельников тоже появились протесты от имени древних. Составилось изречение, что «занятый монах осаждается одним дьяволом, а праздный целым легионом». Но занятия, предписывавшиеся для них, были не умственные. Когда один философ спросил Антония, как он мог жить без книг, тот отвечал, что для него все творение есть книга, и в ней он может читать слово бога, когда только хочет. Но эта склонность к созерцательной жизни не проявлялась среди массы лиц, вступавших в коммунальное монастерионство. Одни шли туда из простого подражания, другие из разочарования в любви, вследствие угрызений совести или какого-нибудь неожиданного потрясения, третьи из желания достигнуть отличий и приобресть славу святости, или из нежелания приобретать средства к жизни-каким нибудь действительным ремеслом. Но способы, которые предпринимались в монастерионах с целью избежать искушений, служили даже к возбуждению их. Чаще всего упоминаются в жизнеописаниях монахов мысли о богохульстве и безнравственности. Многие доходили до полного сумасшествия от воздержания, болезненно действовавшего на восторженные темпераменты; многие впадали в полное отчаяние, доходя до мысли

о самоубийстве, которое иногда и совершали. Жизнеописания иноков с одной стороны переполнены рассказами о борьбе с чертями, а с другой — сообщениями о дружбе с дикими зверями. Так, рассказывается, например, что Макарий Младший был посещен раз львицей, которая положила своих слепых детенышей к его ногам, чтобы они могли получить зрение. Святой, помолившись, исполнил ее просьбу, и мать выразила ему свою признательность принесением в подарок овчинной шкуры.

Монастерионы начали строиться и в городах после распространения Евангелий, т. е. с XI века нашей эры, как с целью приношений, которые можно было тут ожидать, так и из-за других выгод. Но монахи стали вмешиваться и в государственные дела, так что для изгнания их из городов составлен был даже закон от имени Феодосия, изданный им, будто бы, по внушению судей, которые находили подобных жителей склонными вмешиваться в дела правосудия.[1] Некоторые лицемерные монастерионцы, являвшиеся в странном одеянии и в странных видах, часто спекулировали на доверчивость и щедрость жителей, обвивая себя тяжкими цепями, показывая мнимые мощи и рассказывая ужасные басни об искушениях, которым они, будто бы, подвергались со стороны злых духов, причем втайне вели жизнь в лености и распутстве.[2]

Образование монастерионцев в средние века было низкое, и немногие из них могли читать. Невежество, которое уже подвергалось презрению в католическом духовенстве, даже восхвалялось среди них, как знак особенной святости.[3] Вследствие этого они могли быть увлекаемы всяким, кто умел оказывать влияние на их умы. Апокрифист от имени Либания говорит о них, как о «трутнях, которые живут в праздности на счет других людей», и обвиняет их в том, что они захватили значительную часть земли в свое владение под ложным предлогом религии.

Таковы были монастерионцы-общинники, а противоположные им монахи-одиночки, тоже апокрифированные в глубокую древность, характеризовались иначе. Так «пасущиеся анахореты» в Месопотамии и Палестине жили, — говорят нам, — в горах или пустынях, без всякой кровли, подвергали себя почти совершенно нагими зною и холоду и питались травой или кореньями, пока не теряли в теле и в душе всякий человеческий образ. Другие принимали на себя вид юродивых и изумляли жителей городов странным поведением с целью показать свое презрение к мирской славе.

А в начале пятого столетия, — говорят нам, — появился особый вид отшельничества — столпники.

Первый из них был, будто бы, Симеон, родом из пограничной области между Сирией и Киликией. Он построил себе столб и поместился на его вершине, имевшей всего около метра в диа-

[1] Codex Theodosianus, XVI, III, 1.
[2] Hieronim, «Epistolae XXII», 28.
[3] Sozomen, IV, 28.

метре,[1] и вероятно в подражание столбованию «христа» упражнялся в этого роде акробатике тридцать семь лет, принимая пищу только «раз в неделю» и «ничего не ел в течение всего великого поста, изрекая пророчества и совершая много других чудес».

Спустя некоторое время соседняя община монастерионцев (т. е. уже не одиночек) послала стащить его со столба силою. Но Симеон, услышав о таком повелении, «поднял над ним одну из своих голых ног, и посланный признал это за доказательство того, что образ жизни столпника был благоугоден».

Слава Симеона, — говорят нам, — сделалась тогда безграничною. Из самых отдаленных стран, — из Персии и Ефиопии, из Испании, Галлии и даже из Британии, — стекались толпы народа взглянуть на это, и уже при его жизни, в мастерских Рима, приготовлялись небольшие его иконы, употреблявшиеся с целью отогнания бесов. Персидский царь отправил к нему даже своих особых послов. Он, — говорят нам, — сносился со своего столба с епископами и императорами и оказывал большое влияние на общественную жизнь как церкви, так и государства.

Наконец, к нему явился сам дьявол, в образе ангела, и от имени бога повелел ему взойти, подобно Илии, на огненную колесницу в общество ангелов и святых, которые были изображены как бы готовыми принять его. Симеон снова поднял правую ногу, чтобы вступить на колесницу, но едва он сделал при этом знамение креста, как все исчезло. Однако, дьявол все же наградил его чирьем на ее бедре. Симеон в виде покаяния решил, что нога, которую он поднял для чорта, никогда не коснется столба, и в течение остальных лет своей жизни держался там на одной ноге. Он, — говорят нам, — умер в 460 году в семидесятидвухлетнем возрасте, и вся природа оплакивала его. Птицы издавали печальные крики на пространстве многих километров; люди и животные наполняли воздух стонами, и даже горы, леса и долины покрылись густою мглою. Наконец, явился ангел, с лицом подобным молнии, и в одежде, белой как снег, и беседовал перед столбом с какими-то семью старцами на таких странных языках, что нельзя было ничего понять. А по окончании их беседы «драгоценное тело» Столпника было увезено в Антиохию, для того чтобы служить защитой городу вместо его стен, недавно перед тем разрушенных землетрясением.

Так, — говорят нам, — начался этот род благочестия, но только в V ли веке, а не позднее? Ведь, о столпниках в Сирии и Греции упоминается даже и в двенадцатом столетии.[2] И трудно допустить, чтобы подобная невероятная глупость могла существовать целые века.

Все это, как видит сам читатель, было антитезисом коммунального монастерионства, и смешивать эти два явления под

[1] Так нужно, вероятно, понимать слово «периметр» у Евагрия.
[2] Джемс Робертсон, История Христианской церкви, I, стр. 323.

одним именем монашества никак нельзя. Это — отшельничество, а не монастерионство.

Около столетия спустя после начала Клюнийской общины возникла в XI веке еще другая знаменитая монастерионская коммуна, основанная Ромуальдом, из герцогского рода Равенны. В ранней своей жизни он отличался распутством, но в двадцатилетнем возрасте, вероятно — вследствие венерической болезни, перепугавшей его, вдруг совершенно преобразился и в 1018 году основал Комальдольский монастерион в Аппенинах. Видение ангелов, восходящих по лестнице Иакова, побудило его, — говорят нам, — принять для своих иноков белую одежду, между тем как одежда бенедиктинцев была черною. Он умер в 1027 году 120 лет от роду, и его адепты составили особый орден.

Другим монастерионским преобразователем был Иоанн Нуальберт, знатный флорентинец, внезапное обращение которого произошло не от венерических болезней, которые несомненно превратили не одного распутника в святошу, а, говорят нам, от того, что он в 1028 году увидел во время молитвы, как распятие наклонило к нему свою голову. Он почему-то вздумал одевать своих монахов в серое, но это им не понравилось, и серый цвет впоследствии был превращен в коричневый и, наконец, в черный. Он умер в 1093 году.

* * *

Таковы были первые реальные однополые монастерионы-коммуны, по образу и подобию которых авторы Эпохи Возрождения преобразовали прежние двуполые сожительства. Они быстро разбогатели от суеверия своих современников и начали борьбу с епископами, покушавшимися на их земли и богатство. Между обоими родами духовенства возникла сильная вражда, особенно когда собор в Сен-Дени в 997 году предложил монастерионам предоставить приходскому духовенству десятины, которые им принадлежали. Монастерионы Сен-Дени произвели полный бунт и с помощью населения рассеяли собравшихся прелатов. Председатель собора Сигуин, сенский архиепископ, во время своего бегства оттуда был забрызган грязью и убит. А вождь монастерионцев Аббо отправился в Рим и добился от великого понтифекса Григория V постановления, чтобы епископ орлеанский не имел права посещать Флерийского монастериона иначе, как по приглашению аббата.

Как тут было не наделать документов, обнаруживающих существование однополых монашеских общин еще в самые первые века христианства?

Резюмируем же все сказанное в нескольких словах.

Если мы будем руководствоваться не одними чужими апперцепциями и завязшими в невероятных деталях росказнями позднейших монахов от имени древнейших церковных «знаменитостей», а положим в основу своих исследований здравый смысл и этнопсихологические соображения на основе эволюционной теории,

*

то получим следующую схему, из которой нельзя выходить при разработке деталей.

Современные однополые монастыри есть перерождение первичных двуполых монастерионов, которые в период достаточного сгущения населения и появления достаточно удобных путей сообщения должны были образоваться около «чудотворных мест». Сначала это были действительно места, где хоть раз произошли необычные явления природы, поразившие воображение первобытного человека, не говоря уже о постоянных физических чудесах вроде газов, выходящих из земли; а потом это были искусственно созданные места поддельных чудес, когда развилась достаточно магия и разработались фокуснические приемы.

Поселившиеся около них кудесники, несомненно еще в дохристианский период жившие вместе со своими многими женами и детьми, быстро размножались, обильно питаясь и хорошо одеваясь благодаря жертвенным приношениям окружающего суеверного населения.

Самый способ существования от приношений, которые делались не лично тому или другому из поселившихся чудесников, а воображаемому богу этого места, делал неизбежным постоянное распределение получаемого дохода между всеми членами чудотворного поселка, т. е. приводил к коммуне. Но имущественная коммуна, при существовании в ней индивидуальных семей, т. е. своих **собственных** жен и детей, возможна лишь в том случае, если они все вполне обеспечены материально, и между ними нет борьбы за существование. Кроме того, большим препятствием для сохранения коммунизма при отдельных мелких попытках его осуществления всегда служило стремление женщин превосходить друг друга нарядами, что могло быть устранено только введением униформы, как мы и видим в женских монастырях с их однообразными рясами, а также в бывших институтах и пансионах. У мужчин же, после того как стремление к нарядам стало (да и то лишь в новейшее время) считаться фатовством и возбуждать насмешки, большим препятствием к коммунальной жизни было властолюбие и желание казаться храбрее или умнее окружающих. И особенно все это должно было проявляться в тесной смеси мужчин и женщин всякого возраста, где для флирта были все удобства.

В результате получалась такая дилемма: или 1) весь поселок должен распасться на отдельные семьи, с девизом французской буржуазии XIX века: «la famille et la progriété», что было невозможно при общем источнике питания от стола местного бога; или 2) перейти к коммунальному браку, что, повидимому, и сделалось в начале средних веков, превратив такие поселки в места свиданий и для посторонней публики, содержащей их своими приношениями, причем мужская часть превратилась, как говорится в библии, в кадешей (קדש), т. е., как выражается Штейнберг в своем еврейско-халдейском словаре, «обреченных на распутство путем посвящения (очевидно, с при-

ходящими к святилищу женщинами) в честь Богини любви».

Я скажу между прочим, что от этого же слова *кадеш* происходит и русское *кудесник* или *чудесник*, одно из занятий которого — предсказание будущего — так хорошо охарактеризовал Пушкин в своем стихотворении «Песнь о вещем Олеге»:

— «Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?»

А тот отвечает Олегу, что он примет смерть от своего коня.

Но тут чудесник изображен уже только в смысле пророка, а венерические занятия его оставлены в тени. Но мы не можем сказать того же, когда говорим, например, о палестинском Иерусалиме, местное имя которого Эль-Кудс, т. е. Илья Кудесник, имеет еще только-что отмеченный нами по Штейнбергу еврейский смысл: город Ильи Блудника. То же самое относится и к испанскому Кадиксу (Cadiz), и к двум Кадесам в Палестине, и т. д.

По-гречески слово *кадеш* переводится в Библии словом *порнос* (πόρνος), от которого происходит и международный термин порнография, что одно достаточно характеризует его значение. [1]

Этими «посвященными богине любви» кудесниками-блудниками полна вся Библия, которая, как я уже достаточно показывал в прежних томах, является первичной историей не крошечного уголка земли на прибрежьи Мертвого моря, а всей Средиземноморской империи Диоклетиана, т. е. Византии или, вернее, Великой Ромеи, родоначальником которой в Библии считается патриарх Аб-Рам, т. е. Отец Рима, перековерканный теологами в Авраама.

И все это, как я уже показал ранее астрономическими вычислениями времен многих документов, содержащих достаточные астрономические указания, относится уже к средним векам, начиная с конца III века нашей эры.

Вот почему чрезвычайно интересно сопоставить между собою хоть некоторые заметки о первичных храмовых блудниках, переродившихся в современных монахов-общинников.

Возьмем, прежде всего, хоть одну заметку о монастырях (т. е. о мон-астерпонах по-гречески).

— «Ты построила себе блудилищные дома», — говорится о византийской государственной церкви в пророчестве Иезеки-Ил (т. е. Осилит бог), первая глава которого дает положение планет в ночь с 4 на 5 июня 453 года нашей эры, т. е. время императрицы Пульхерии-Прекрасной и ее мужа Маркиана-Межевика.

«И делали богославцы (*иудеи, по-еврейски*) плохое перед очами бога-Громовержца в дни Распространителя народа (т. е. Лициния, 307 — 324 г., по-еврейски — РХБ-ЭМ). Они устроили у себя

[1] В славянском и русском переводе Библии вместо этого слова мы везде читаем *блудник*, в латинском — scortator, профессиональный прелюбодей, во французском — prostitué, проститут, в немецком — Hurer, в английском — fornicator, в испанском — fornicario, в итальянском — prostituto. Везде в смысле профессионального культового блудодея.

высоты (храмы-пирамиды) и обелиски для наблюдения неба и рощи Звездной богини любви [1] на всякой высокой вершине и под всяким тенистым деревом. И кадеши *(т. е. чудотворцы, освященные на распутство в честь звездной богини-любви)* жили в земле богославцев и совершали все мерзости народов, которых бог-Громовержец прогнал от лица богоборцев (I Царей, XIV, 22—24)».

Первые упоминания о борьбе с этими святыми-кадешами, половые сношения мирянок с которыми может быть даже считались освящающими их чрево, вроде средневекового права первой почи, впервые запрещаются по Библии только при царе Асе, т. е. Исусе, имя которого по-еврейски значит Спаситель и врач. По нашей хронологии он отожествляется с «Великим царем», фигурирующем в «Житиях Святых» как основатель христианского богослужения в средине IV века нашей эры, и с Великим Царем-Мессией (Рэ-Месу-Миамуном) иероглифов, напрасно относимым за 1400 лет до начала нашей эры.

«Царь Аса был приятен богу-Громовержцу, — говорит I книга Царей (XV, 11) как предок его Возлюбленный царь (Давид, по-еврейски). Он изгнал из своей земли кадешев-прелюбодеев, отверг все статуи богов, которые делали его предки и даже Мэку, свою метрополию, [2] лишил державного положения за то, что сделала статую Астарты *(т. е. звездной богини любви)*. Он раздробил эту статую и сжег ее у «Темного потока», но пирамиды не были им отменены» (I Царей, XV, 11—14).

И все же прелюбодеи-кадеши пережили его, так как в той же книге «Цари» говорится, что их искоренил только преемник его Феодосий Великий (378—395), называемый в Библии Божиим Судьей (Иосафатом), устроителем кораблей дальнего плавания. А пирамиды и при нем служили для религиозных целей (I Царей, XXII, 44—47). И в соответствии с этим мы читаем в Апокалипсисе о великой твердыне Врата-Господни *(т. е. о государственной церкви 395 года)*, как о «матери блудников и мерзостей земных» (Ап. 75), и она же называется Николаитскою (т. е. Никейскою) церковью.

Но и этим еще дело не кончилось. Апокалиптическая мать храмовых блудников-монастерионцев только на время притаилась. Она возвратилась к новой жизни при преемниках Феодосия I, по-

[1] במות ו מצבית ו אשרים (БМУТ У МЦБИТ У АШРИМ), причем БМУТ значит надгробный курган, какими и были пирамиды, МЦБИТ — статуи, пьедесталы для наблюдения, обелиски, и АШРИМ — множественное число от אשרה (АШРЕ — богиня любви, то же самое, что אשתרה (АШТРЕ) — Астрея-Астарта — от греческого АСТЭР — звезда, откуда и слово астрономия. В церковных переводах слово АШРЕ-АШТРЕ — звезда, совершенно неправильно переводится дубравою или рощею. Выходит совсем непонятно. Это не рощи, а святилища Венеры.

[2] מעכה אמו (МЭКЕ АМУ), где АМУ взято не в значении мать, как переводят теологи, а в значении метрополия. Так עיר-אם — город-мать, иначе אמה — столица.

тому что во второй и последней книге «Цари» мы читаем опять о запрещении кадешества как раз после времени уже очерченной мною в VI томе метеоритной катастрофы близ Мекки в 622 году, давшей начало агарянству. И это тем более интересно, что и само имя этого города странно созвучно с Меккой, которую Царь Врач (Аса), как мы только-что видели, лишил звания столицы за статую богини любви, и невольно приходит в голову мысль о позднейшей вставке в Библию всего этого места об изгнании кадешей и вакханалий царем-целителем и Феодосием I, тем более, что Апокалипсис писан как раз в год его смерти.

Вот как говорит Библия о последнем запрещении храмового кадешества около начала агарянской Геджры, т. е. эры панического бегства в прибрежных странах Красного моря. Это место я приводил уже ранее, но повторю и здесь в виду его исключительной важности для этих моих соображений.

«Царь Огнь-Божий *(Иосия, по-еврейски, хронологически налегающий на Гераклия, 610—641)* выбросил священное дерево *(вероятно, честного и животворящего креста господня)* из дома божия за стены святого города и сжег его у Черного Потока, а пепел его швырнул на общее кладбище. Он разрушил кельи блудников при храме бога-Громовержца, где женщины ткали завесы для священного древа, выгнал священников из богославных городов. «Огнь Божий» осквернил пирамиды, на которых они совершали свои куренья, от Холма до Источника Заклятия и разрушил другие пирамиды, стоявшие у ворот: ту, которая у входа в Ворота Иисуса, царя-Хранителя этого города, [1] и ту, которая на левой стороне у городских ворот. Он осквернил музыкальные инструменты *(тимпаны)*, что в долине Детей сна [2] и приказал, чтобы никто не проводил своего сына или дочери через огонь к царю-богу *(вероятно, намек на крещение огнем, о котором говорится в евангелиях, пережиток чего сохранился у русских в перепрыгивании через костер на масляница)*. Он отменил коней, которых ставили богославные цари в дар Солнцу перед входом в храм, а колесницы Солнца сжег огнем. Он низверг те жертвенники, которые устроили богославные цари на кровле часовни Владыки, [3] разрушил жертвенники, которые сделал Позабытый [4] царь на обоих дворах в доме бога-Громовержца, и обломки их бросил в Черный Поток. «Огнь божий» осквернил пирамиду перед святым городом направо от Горы гибели, которую богоборческий царь Миротворец [5] *(соответствующий, повидимому,*

[1] יהושע שר-ה-עיר (ИЕУШЭ-ШР-Е-ЭЙР) — Иисус Царь-Хранитель.

[2] בני-ה-נם (БНИ-Е-НУМ) — дети дремоты.

[3] Здесь слово אחז (АХЗ) едва ли собственное имя Ахаз, а скорее слово общего значения: владетель, ловец, содержатель.

[4] По Cruden'у слово מנשה (М-НШЕ) — тот, кто позабыт (he that is forgotten).

[5] Здесь дело идет, как будто, не о Соломоне (שלם-שלמה), а о Соломе, которого имя в отличие от первого пишут שכום или שכם.

кратковременному западному соправителю Иоанну, 423 г.) устроил Звездной богине Любви *(Астарте-Венере),* этой мерзости египтян, и пирамиду «Как бы Ушедшему»,[1] царю-богу, этой гадости перво-народа, пакости языческих народов. Он изломал все статуи, снес с лица земли рощи Астарты и наполнил эти места человеческими костями. «Огнь Божий» взял на горе кости мертвых и сжег их на жертвеннике-пирамиде, устроенном в Доме бога Заступником Народа (по нашему отожествлению Константином Святым), введшим богоборцев в греховную ересь. Он сжег святое древо и осквернил жертвенник по слову бога, которое изрек божий человек, предсказавший эти события» (II Царей, XXIII, 5—16).

«Потом «Огнь Божий» отправился в Сторожевую страну, разрушил и там все пирамидные храмы, построенные богоборческими царями, заколол всех священников на их жертвенниках, сжег на них человеческие кости и возвратился в Святой город (XXVII, 20)».

Таков по старозаветной Библии был конец храмовых профессиональных любодеев, хронологически приводящийся ко времени страшной метеоритной катастрофы в Красном море в 622 году, которая одна могла вызвать начало эры панического бегства (Геджры) и пилигримства на поклонение осколкам метеоритного камня в Мекку. Рассказывая все это буйство «Божьего Огня», библейское сказание не дает никакого объяснения сообщаемым фактам. «Возревновал, дескать, «Огнь Божий» о господе и начал буйствовать направо и налево» ни с того, ни с сего. Но так не бывает в действительности, и потому нам остается тут сделать только одно предположение: библейский царь Огнь Божий был не столько реальная личность, сколько огненный взрыв гигантского роя метеоритов, скорее всего ночью, сопровождаемый всенизвергающим ураганом, равносильным землетрясению, и все это было только персонифицировано потом, как, например, и любой исключительный ураган мог быть превращен последующими устными сообщениями от поколения в поколение в богатыря Ура-Гана, разрушившего целые города. А библейский Ура-Ган после своей персонификации мог быть еще слит с царствовавшим в то время (610—641) ромейско-византийским императором Геркулесом.[2] В результате же, действительно, могло выйти, что тот, кто в греческих сообщениях фигурирует под именем Геркулеса, оказался в библейских книгах под именем Божия Огня, как самого памятного события его времени.

С такой точки зрения чрезвычайно интересно не только наше общесхематическое по таблице (стр. 377) хронологическое налегание «Божьего Огня» на императора Гераклия, но и следующее первостепенно важное с исторической точки зрения обстоятельство, о котором я уже говорил, но повторю еще с мнемонической целью.

[1] כמש (К-МУШ) — как ушедший, как исчезнувший. По Cruden'у as taking away, что менее подходит.

[2] Гераклий значит — Геркулес божий.

Вслед за только-что приведенным местом Библии мы видим такие строки:

«Повелел Огнь Божий всему народу: Совершите пасху *(т. е. пасхальное паломничество)* Громовержцу, вашему богу, как написано» *(в найденной незадолго перед этим Книге Завета).*

«Он сказал так потому, что **не была совершаема пасха со времени судей, судивших богоборцев, когда у них не было еще царей и во все дни богоборческих и богославных царей. Лишь в восемнадцатый год царя Божья-Огня была совершена пасха**».

Но восемнадцатый год Гераклия был 627—628 год нашей эры, т. е. пятый или шестой год эры панического бегства («геджры») агарян, что и должно быть с этнопсихологической точки зрения, так как само собой понятно, что общественные пилигримства к остаткам катастрофы могли начаться лишь через несколько лет, когда первый ужас миновал и заговорило любопытство, а затем и суеверие, которое жители использовали там в своих интересах.

Но и такая катастрофа не искоренила профессиональных храмовых блудников, так как мы имеем о них в той же Библии и в книгах Нового Завета недвусмысленные заметки.[1] Особенно замечательны они в посланиях псевдо-апостола Павла, развитой клерикализм которого характеризует уже эпоху, близкую к крестовым походам.

«Никакой блудник не имеет *(небесного)* наследия» (Ефесеям, V, 5).

«Не ешьте с тем, кто, оставаясь «братом», остается блудником» (I Коринф. V, 11).

«Ни блудники, ни идолослужители не наследуют царства бога» (I Коринфянам VI, 9).

Не привожу остальных таких же мест о блудниках, а также и мест о блудницах, как будто тоже культового характера, а упомяну здесь лишь об указаниях Библии на существование при средневековой мессианско-христианской церкви блудилищных домов,[2] которые и были, повидимому, первичными двуполыми монастырями, до запрещения их на Никейском соборе 787 года, несомненно благодаря сильному, если не всеобщему развитию в них венерических болезней. Но и сделавшись однополыми, монастыри не стали много добродетельнее, как это хорошо мы видели выше и как еще лучше можно видеть из огромного количества сатир на них в Эпоху Гуманизма.

---

[1] Например, в старом завете: Второзаконие XXIII, 17; I книга Царей (III, по-русски) XIV, 24; XV, 12; XXII, 46; Иов. XXXVI, 14. А в Новом Завете: в посланиях Павла, I Коринфянам V, 9, 11; VI, 9; VI, 18; Ефесеям V, 3; Евреям XII, 16; XIII, 14 и I Тимофею I, 10.

[2] Иезекиил, XVI, 15, 23, 26, 28, 31, 33, 39; XXIII, 5, 12.

ГЛАВА V

ХРИСТИАНСКИЕ ОБРЯДЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА В ЕВРОПЕ. ЯЗЫК БОГОСЛУЖЕНИИ. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВАКХИЧЕСКИХ АГАП В ОБРЯД ПРИЧАЩЕНИЯ, ВВЕДЕНИЕ ВОСКРЕСНОГО ДНЯ ВМЕСТО ПРЕЖНЕЙ СУББОТЫ, ПРАЗДНИКИ СВЯТЫМ, ВВЕДЕНИЕ «БОЖЬЕГО СУДА», НАЧАЛО АПОКРИФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ОТКРЫТИЕ ГРОБА ХРИСТА В ПАЛЕСТИНЕ И ПОСТРОЙКА НАД НИМ ХРАМА В 1010 ГОДУ НАШЕЙ ЭРЫ, И Т. Д.

По всему Западу, с самого начала евангельского христианства в IX веке, при богослужении употреблялся латинский язык. Так как его понимало все население Италии, Испании и даже Франции, то здесь не было необходимости переводить Библию, Евангелия и литургию на другие языки. Да и после завоевания иноязычных варваров латинский язык оставался языком высшей цивилизации во всей Западной Европе и особенно языком духовенства, которое в течение долгого времени пополнялось исключительно из среды романизированных народов. Тесная связь, установленная с Римом при Пипине и Карле Великом, упрочила употребление латинского языка во всей франкской церкви.

И вот, обычай, первоначально возникший по локальным обстоятельствам, стал считаться как бы правилом, и латинский язык — единственно годным для богослужения, хотя и было ясно, что это не так. Еще Карл Великий, несмотря на свою преданность римским обрядам, возражал против исключительности древних языков.

«Пусть никто», — говорится в его капитуляции на франкфуртском соборе, — не предполагает, что богу нельзя молиться кроме как на трех языках *(греческом, латинском и еврейском)*, ибо богу можно молиться на всяком наречии, и молящийся будет услышан, если только он просит должного».

А на Востоке Европы обычным церковным языком евангельских христиан с IX века был греческий, и он продолжал оставаться таковым и при агарянстве в странах, где арабские языки употреблялись в обычных житейских делах. Только **монофизиты Египта** при своем богослужении употребляли коптский язык, а **несториане — сирийский**, т. е. почти тот же, как в Библии и Коране.

При богослужении в латинской церкви мало-по-малу вошли в употребление и органы. Сень-Галльский жизнеописатель Карла Великого говорит, что этот инструмент, «производящий и раскаты грома, и сладкие звуки лиры», привезенный греческими посланниками императору, возбудил среди франков желание делать и самим подобные инструменты. При Людовике Благочестивом одному венецианскому священнику Георгию было поручено сделать орган в Э-ля-Шапеле, и он, будто бы, исполнил свою задачу «с чудесным искусством». Франки скоро сделались такими искусными в выделке органов, что около столетия спустя после Константинова подарка Пипину великий римский понтифекс Иоанн VIII просил фрейзингского епископа прислать ему такой инструмент вместе с человеком, искусным в его употреблении, так как северные органы были по достоинству выше тех, какие делались в Италии.[1]

Однако архиепископ Балдрик, лишь в начале XII столетия, упоминает об одном органе в Фекампе, как первом, который он видел, хотя много путешествовал во Франции (и посещал также Англию).

К более раннему периоду относится введение церковных колоколов. По некоторым писателям они устроены были в церквах еще в VII веке Сабинианом, преемником Григория Великого по римской кафедре и в течение VIII столетия уже употреблялись во Франции и других западных странах. Колокола часто упоминаются и Бедой Достопочтенным. В капитулярии 789 года есть даже запрещение «крещения колоколов», но оно совершалось и впоследствии, причем колоколам давались христианские имена, и они снабжались восприемниками.

Учение о причащении даже и в этот период обсуждалось часто с такой горячностью и пристрастием, что нельзя не заключить о его перерождении именно в VII и VIII столетиях. Причастие-*символ* приветствуется одною партией, а превращение вина в настоящее тело и кровь провозглашается другою. В воззрениях того времени, — говорят теологи, — замечался наклон к учению о превращении, но сами же прибавляют поправку, отмечая, что это «не находило еще определенного выражения»,[2] т. е., по просту говоря, такого мнения еще не было. Только позднейший апокрифист от имени Иоанна Дамаскина, отвергая термин «символ», как не соответствующий Писанию, заявляет, что освященные части становятся «самим обоготворенным телом господним».[3] Вместо обыкновенного хлеба, который первоначально употреблялся для закуски причастного вина, на Западе введены были опресноки. Они приготовлялись из очень нежной муки без закваски, круглые по форме и с печатью на верху, сделанною посредством особого орудия. С освященным хлебом совершались различные обряды, его давали даже и мертвым и погребали вместе с ними. До XII столетия **вино** и на Западе давалось всем причащающимся, а потом католическая церковь его отменила.

---

[1] Iohannis Epistola I, от 873 года (Patrologia, CXXVI). Робертсон, I, 732.

[2] Джемс Робертсон, История Христианской церкви, стр. 733.

[3] «De fide ortodox». IV, 1.

Но почему же отменила? Может быть,—потому, что при огромном числе верующих уже не хватало на всех по полной чаше, а против малого количества публика протестовала?

Лишь со времени Григория Великого (540 — 640) начало впервые, — говорят нам, — развиваться учение о чистилище и особенно укоренилось в английской церкви, но только в VIII веке некоему Дритгельму позволено было видеть собственными глазами наказание в аду и жизнь в чистилище, а также и блаженство праведных в раю, и видение это в стихах было впервые изложено при Карле Великом его советником Алкуином. Появились и другие повествования подобного же рода, и шесть столетий спустя эти видения безвестных ирландских или нортумберландских монастериондев завершились великой поэмой Данта.

В христианской церкви постепенно вводилось соблюдение воскресного дня вместо субботы, и в этот день не позволялось открывать ни судов, ни рынков; мужчины должны были воздерживаться от охоты, женщины от шитья, вышивания, тканья, прядения, выбивки льна, стрижки овец или открытой стирки белья. Против нарушителей были установлены наказания. Так Вессекский король Ина (688 — 725 г.) постановляет, что если крепостной человек будет работать в «день господень» по приказанию своего господина, то должен быть освобожден; если же по своей собственной воле, то должен «потерпеть на своей шкуре». Об этом упало с неба в 788 году даже и письмо от самого бога, но Карл Великий в следующем же году святотатственно предписал в своем капитулярии уничтожить его. При Людовике Благочестивом на соборах сообщали и о муках, которым подвергались люди за работу в воскресный день. Так, некоторые были убиты молнией, другие повреждали себе члены, некоторые были сожигаемы внезапно загоревшимся огнем. От духовенства, знати и самого императора требовалось показывать добрый пример надлежащего соблюдения этого дня.

Так труден был переход от празднования библейской субботы к празднованию евангельского воскресенья, положивший первую четкую грань между мессианцами, этими первичными евреями всех народов, и христианами евангельского исповедания. И мы видим, что переход от субботы к воскресенью произошол не легко, а с помощью сильных карательных мер.

Всякая мысль об оставлении днем отдыха прежней субботы подвергалась осуждению. Кто-то от имени Григория Великого отзывается о ней как об учении антихриста, который, — говорит он, — будет требовать соблюдения обоих дней: субботы и дня господня, потому что суббота в таком случае будет заявлять притязание на соперничество с воскресением «Спасителя». А воскресенье по общему тогдашнему мнению начиналось с вечера субботы, и продолжалось до соответствующего часа воскресения, как и все сутки начинались с вечера. Лишь в половине X столетия продолжительность воскресенья расширилась, и оно продолжалось от трех часов пополудни в субботу — до рассвета понедельника, причем и остальные сутки начинались с утра, а еврейская суббота оказалась обиженной: начавшись вечером пятницы она должна была закончиться в 3 часа пополудни.

В IX веке установлено было впервые несколько праздников в честь «богородицы». «Принесение христа во храм» изменилось в «очищение девы Марии». Рождество богородицы было установлено на 8 сентября как на Востоке, так и на Западе, когда созвездие Девы заходило за солнце. В греческой церкви установлен был еще особый праздник: Введения богородицы в храм (21 ноября), а на Западе он принят был лишь не ранее XIV столетия. В Испании видение, бывшее Ильдефонсу в Толедо, послужило поводом к установлению праздника «Ожидание пресвятой девы Марии» (18 декабря). Введен был также праздник Успения, т. е. смерти богородицы, на 15 августа таким способом: в виду молчания евангелий касательно смерти девы Марии, выдумано было сначала предание, по которому она провела свои последние годы вместе с Иоанном Богословом в Ефесе и погребена там в церкви. А когда оказалось, что ее там нет, то решили, что она была погребена в долине Иосафатовой и оттуда вознесена прямо на небо. Празднование этого «Успения» на Западе утверждено было только менцским собором в 813 году, да и то сомнительно. В его каноне упоминаются впервые и другие праздники, каковы фомина неделя вслед за пасхой, день Вознесения, праздник Троицы и следующая за ней неделя, рождение Иоанна Крестителя, праздник апостолов Петра и Павла, святого Ремигия, Мартина, Андрея, трехдневный праздник Рождества Христова, обрезание господне, богоявление, очищение девы Марии, храмовые праздники каждой церкви в память ее освящения, а также праздники в честь мучеников и исповедников, мощи которых покоились в том или другом диоцезе или приходе.

Вместе с уважением к памяти святых возростало и почтение к мощам. 2-й никейский собор постановил, чтобы ни одна церковь не освящалась без каких-либо мощей, и ставит неуважение к ним в вину противникам икон. В особенности пользовались уважением остатки от Христа и его матери. В различных местах сохранялись рубашки и платки, которыми повязана была голова Христа в гробу. В Центулльском монастыре при аббате Ангильберте, умершем в 801 году, нашлись даже части яслей, в которых лежал новорожденный Христос, свечи, зажигавшейся при его рождении, его одежды и сандалий, камень, на котором он сидел во время насыщения пяти тысяч народа семью хлебами и двумя рыбами, части хлеба, которые он давал своим ученикам, части его креста и губки, на которой ему подавали уксус, части волос и одежды девы Марии. В честь креста установлены были праздники его обретения и его воздвижения. Одним словом наивное надувательство публики было возведено в принцип вместе с писаньем всяких сочинений от имени древних авторитетов.

Карл Великий неоднократно осуждал изобретение новых святых кроме уже признанных церковью, построение им памятников т

при дорогах, распространение апокрифических повествований и введение новых имен для ангелов кроме тех, которые упоминались в Библии. Составление легендарных сказаний о святых сделалось самой распространенной сочинительской литературой X и XI веков. Заключительная часть легенды обыкновенно выставляла святого торжествующим над всякими соблазнами и бесами.

От имени Григория Нисского стали порицать худые стороны, связывавшиеся с распространявшимся обычаем паломничества к святым местам. Так, Бонифаций в VIII веке писал архиепископу Кутберту, что из множества английских женщин, стекавшихся в Рим, только немногим удавалось не потерять там своей добродетели; что редко можно найти город в Ломбардии или Франции, где бы не поселялась какая-нибудь падшая в Риме паломница и своим худым поведением не бесчестила бы родной страны. [1]

Шалонский собор в 813 году запретил духовенству ходить даже в Рим или в Тур без позволения своего епископа, чтоб избежать поводов к греху от ждавших его там блудниц.

В это же время церковь начала вводить и поединки под фирмою «суда божия». К ним начали прибегать там, где виновность обвиняемого лица не была ясна. К поединку приступали с большой торжественностью. Обвинитель клялся в истине возводимого им обвинения; обвиняемый, который в течение трех дней приготовлялся постом и молитвой, утверждал, что невинен. В самых торжественных словах заклинали его не приближаться к престолу божию, если он сознает свою виновность. Обе стороны причащались, и духовенство помазывало маслом их оружие. Так возникли турниры, дуэли и гладиаторские бои.

Испытание «судом божиим» употреблялось церковью и в гражданских делах, как например в спорах о пределах собственности. Оттон Великий раз прибегнул к поединку как к средству решения юридического вопроса, участвуют ли после смерти отца дети его умершего сына в наследии его живых детей? Лицам, которые неспособны были подвергаться такому испытанию вследствие престарелого возраста, пола, телесной слабости, монашеского или церковного положения, позволялось представить особых бойцов, которые обыкновенно считались классом зазорных людей. Испытание холодной водой совершалось чрез бросание обвиняемого в прорубь на привязанной к нему веревке, посредством которой можно было вытащить его назад. Потопление его было доказательством виновности, обратное же считалось доказательством невиновности. В крестовом испытании обвиняемый или его подставное лицо поднимал правую руку, причем пелись псалмы, и если замечалось опускание или дрожание его руки, то это считалось доказательством виновности. Среди других способов испытания применялись еще держание руки на огне, хождение в тонкой одежде между двумя горящими кострами и принятие причащения.

[1] Bonifac. Epistola, 63 (Patrologia, т. LXXXIX).

Так церковь пользовалась возбужденным ею же самою суеверием, чтоб расширять функции своей деятельности.

К IX столетию относится начало целого класса авторов, которые писали комментарии на богослужебные обряды церкви. Первым из них был Амальгарт или Амалярий, мецский хор-епископ, который около 820 года, — говорят нам, — составил трактат «О службах церкви», в котором применил и к ним систему мистического толкования, будто бы, уже давно прилагавшегося к Библии и Евангелию. Все подробности богослужения, каждую должность, и все одежды духовенства, украшения церкви, священные времена и праздники, — все это Амальгард объявляет заключающим в себе символические знамения. До половины IX столетия вслед за ним, — говорят нам, — выступили с подобными же литургическими сочинениями Рабан Мавр и Валафрид Страбон (т. е. косоглазый), аббат монастыря Рейхенау, умерший в 849 году.

В IX же столетии составилось впервые несколько сборников из жизнеописаний святых, расположенных по порядку календаря и носящих название Мартирологов.

Среди сочинителей их прежде всего называют Адона Вьеннского, Узуарда Сен-жерменского в Париже и Ноткера Сен-галльского. Сразу явилось множество жизнеописаний. Переписывались прежние рассказы, составлялись новые, и между ними благодаря еще не развившемуся искусству писать не только было много сходства в подробностях, но даже целые рассказы о нескольких святых были иногда тожественны во всем, кроме имен.

С того времени, как Дионисий Парижский, основатель тамошней церкви, был отожествлен с Дионисием Ареопагитом Нового Завета, другие церкви также старались придать своим основателям почтенный характер древности. Так, первый епископ Лиможской церкви Марциал был причислен сначала от имени Григория Турского к сотрудникам Дионисия из «третьего столетия», а затем и к самому апостольскому Дионисию. На одном соборе в Лиможе, в 1023 году, возник даже вопрос, как называли этого святого? Епископ Иордан называл его исповедником, а Гуг, аббат церкви Марциала, настаивал на том, что он был одним из семидесяти учеников.

Среди наиболее ревностных защитников последнего мнения был и летописец Адемар, получивший свое воспитание в монастыре св. Марциала. В очень резком письме он заявляет свое убеждение в том, что легендарная жизнь этого святого имеет апостольскую древность и не менее достоверна, чем и четвероевангелие (с чем нельзя не согласиться!). Он твердо заявляет, что никто не может лишить апостольского достоинства того, кого почитал в качестве собрата-апостола сам апостол Петр. Дело это рассматривалось соборами в Пуатьере и в Париже, и всякий, кто отрицал титул апостола за Марциалом, уподоблялся его почитателями евионитам, которые из враждебности к апостолу Павлу ограничивали число апостолов первоначальными двена-

дцатью человеками. А великий римский понтифекс Иоанн XVIII объявил даже, что было бы безумием подвергать сомнению право святого на наименование, которое дано было не только сотоварищам первых апостолов, но и святому Григорию за обращение Англии и другим за их доблестные труды в качестве миссионеров. Апостольское достоинство Марциала было утверждено также и соборами в Бурже и Лиможе в 1031 году, и епископ Иордан, сомневавшийся в этом, должен был примириться с решением.

Так число святых постепенно возрастало. Великий римский понтифекс тогда еще не присваивал себе исключительного права возводить людей в святые, каждый митрополит канонизировал их по своей собственной власти, пока Александр III в 1170 году не объявил, что «даже хотя бы чудеса были совершаемы человеком, все-таки незаконно почитать его святым без утверждения римской церкви». Но в чьих руках ни находилась бы формальная санкция, характер святости давался главным образом самим населением. Когда умирал благочестивый человек, около него начинали совершаться чудеса, и над могилой его строилась часовня. Епископы охотно подчинялись «народному гласу», и таким образом список святых постепенно увеличивался.

Все более и более возрастало и благоговение перед Мадонной. Петр Дамиани (1007—1072 г.) говорит о ней, как об «обоженной», как «о вознесенной на престол бога отца и поставленной на седалище самой троицы». «Тебе, — говорит он, — дана всякая власть на небе и на земле! Ничто не невозможно для тебя, ибо ты приближаешься к золотому престолу человеческого примирения, не только прося, но и повелевая, как госпожа, а не как служанка».

В конце X столетия один французский пилигрим встретился с отшельником, который рассказал ему, что в вулканических огнях одного острова на Средиземном море подвергались мучению души грешников и можно было часто слышать, как дьяволы яростно завывали, когда их новая добыча была вырываема от них молитвами святых, и, особенно, монахов клюнийского монастыря. По прибытии в свою страну пилигрим сообщил об этом и аббату Одиллону, который в 998 году назначил по этому поводу праздник «Всех святых» в клюнийском монастыре с молитвой за упокой всех верных душ, и празднование этого дня уже в начале следующего столетия распространилось во всей католической церкви.

Мощи и другие священные предметы усиленно разыскивались повсюду. Во Франции в течение X столетия были неожиданно найдены сандалии Христа, завалявшиеся где-то в Анжу; нашли часть жезла Моисея, попавший в какой-то чулан в Сан-Се, и голову Иоанна Крестителя, закатившуюся как-то из Палестины в Сен-Жан-д'Анжель. В Вандоме оказалась одна из слезинок, пролитых Христом над Лазарем, которая была подобрана ангелом и передана Марии Магдалине. В некоторых местах по-

казывались даже мощи Авраама и волоса из бороды Ноя, и все это делалось важным источником обогащения для монастырей и тех церквей, которые обладали ими.

Радульф Лысый в 1027 году рассказывает об одном человеке, который, странствуя под разными именами, накопал множество костей и провозгласил их останками святых, причем от них «совершалось много исцелений в доказательство того, что и дьявол может совершать чудеса». А народ окрестностей, — продолжал он, — стекался к его мощам, и «каждый сожалел о том, что у него не было какой-либо болезни, от которой он мог бы найти исцеление». Обманщик благодаря этому вошел в великую милость у местного маркиза, который основал для него монастырь в Сузе, но когда собралось несколько епископов для освящения этого монастыря, из раки подложного святого выскочило несколько чертей, черных как эфиопы, и предались бегству. Так обман был открыт, но простой народ продолжал верить этим мощам, несмотря на их чертей.[1]

Не раз возникали и другие споры о подлинности мощей. Тело Григория Великого, — по словам первых выдумщиков, — сначала находилось в храме Петра в Риме и оттуда было тайно унесено в Суассон, но впоследствии три головы его нашлись еще в Сенсе, Констанце и Торрес-Новасе в Португалии. Монахи Монте-Кассино отрицали подлинность тех мощей св. Бенедикта, которые появились во Флери, причем сам святой подтвердил их мнение своими собственными словами в сонном видении.

Рим, как и раньше, был главным местом паломничества, но с IX столетия в Палестинском Эль-Кудсе, переименованном в Иерусалим, впервые началось пасхальное чудо загорания огня без человеческого участия,[2] и паломничество началось и туда, особенно усилившись вследствие приближения 1000 года от так называемого «рождества христова» и общего ожидания в этом году конца мира.

Умереть среди священных мест Палестины казалось отменным благословением, но и после того, как тревога за кончину мира уже миновала, паломничество в Иерусалим продолжало поддерживаться по традиции. В 1010 году мать калифа Гакема, христианка, там выстроила **впервые** церковь Гроба Господня, вследствие чего на Восток потянулись усиленные толпы паломников, неся с собою дары в помощь такому делу. Они возвращались оттуда с разными священными останками вплоть до последних годов XI века, когда начались крестовые походы.

Ортодоксальные христианские теологи по своему обычному способу апокрифирования, конечно, утверждают, что мать Гакема построила церковь Гроба Господня и восстановила в ней самый

[1] Radulfus Glaber, IV, 3 (1027 г.).

[2] Первое *свидетельство* об «иерусалимских самовозгорающихся огнях», которыми теперь, конечно, никого не удивишь после изобретения электрического освещения, имеется от имени французского пилигрима Бернарда, относимого к 810 году (Patrologia, CXXI, 572).

гроб на месте стоявшего тут же «древнего» храма того же самого имени, который «был разрушен правителем-еретиком». Но кто же был этот хулиган? Нашли, конечно, и его!

Теологи умели моментально придумать объяснение. Для поддержания непрерывности «Гроба Господня», на деле открытого по собственным их словам лишь в то время, позднейшим «историкам церкви» необходимо было для отпора скептикам объявить, что храм матери Гакема был построен не через сотни лет после разрушения первичного, а тотчас после этого. И вот, был выдуман неудачный рассказ, что разрушил его в припадке безумия (уж не кулаками ли?) сам сын этой матери калиф Гакем, а мать его тотчас же поправила беду и выстроила тут новый, лучший. Радульф Лысый утверждает,[1] что Гакема подстрекнули к этому «иудеи», за что и поплатились общей ненавистью христиан. А по другому рассказу[2] Гакем был разъярен на тогдашнего патриарха Захарию за то, что тот не хотел посвятить в епископы монаха Иоанна, и выместил свою злобу на храме Гроба Господня. А мать его, как мы видели, тотчас же восстановила разрушенное в гневе сыном.

Все это, конечно, так наивно придумано, что не заслуживает серьезного обсуждения, и перед нами остается только голый факт: **Гробница Христа в Эль-Кудсе, называемом христианами по ошибке Иерусалимом, придумана была каким-то находчивым местным клерикалом для привлечения пилигримов только к 1010 году нашей эры** при калифе Гакеме, а «все, что до сего — от лукавого».

Начало XI столетия и в других местах ознаменовалось необычайною деятельностью в церковном строительстве, что имело важное влияние на развитие архитектуры. Прежняя большая церковь, построенная Карлом Великим в Аахене, была византийского типа, как и в Равенне, и многие старинные церкви вдоль Рейна также обнаруживают византийские особенности в куполе. И это продолжалось на Западе до XI века, так как храм святого Марка в Венеции, носящий сильный отпечаток того же восточного стиля, был построен уже между 977 и 1071 годами. Но в общем церковная архитектура в Италии после X века была уже римскою, и в ней сохранялся план базилики. Да и другие Западные государства с XI столетия продолжали поддерживать стиль римского искусства, хотя уже имели и свои собственные черты.

Можно думать, что искусство раскрашивания и разрисовывания стекла, которое впоследствии приобрело большое применение в деле украшения церквей, было изобретено тоже около XI века, хотя точное время и неизвестно. Быть может самое раннее известие об этом находится в истории Риша, где говорится, что к концу X столетия архиепископ реймский Адальберт

[1] Radulfus Glaber, III, 7.

[2] Besant and Palmer, Jërusalem, 1872 г., а также Джемс Робертсон, История христианской церкви, перевод Лопухина, I, 1036.

украсил свой соборный храм окнами, «содержащими различные истории».

С XI же века мы имеем первые достоверные сведения об отлучении и анафеме, для усиления страха перед которыми призывалась на помощь и гражданская власть, присоединявшая к церковным наказаниям и гражданские. Под отлучением разумелось на западе Европы лишение преимуществ, даваемых церковью, а анафема подвергала грешника проклятию.[1]

Павийский собор 850 года постановил, что отлученная личность должна быть лишаема права занимать какую-либо должность в государстве и должна быть лишаема всякого общения с христианами. Анафема же налагала на человека еще дальнейшие наказания: тот, против кого она произносилась, не мог делать завещания, не мог обращаться за защитой к светским судам, так как он не допускался до присяги. Ни один священник не мог благословить брака такого человека, ему отказывалось во всяких таинствах, и он лишался права на христианское погребение.[2] Формулы проклятия сделались более выработанными, и в доказательство того, какое впечатление они производили на подвергавшихся им людей, передавались рассказы, что некоторые из них после анафемы внезапно умирали или чахли под муками долгой и безнадежной болезни.

Так было на западе Европы...

А что же было на Востоке?

Повидимому, критическая мысль там еще дремала, вследствие чего ни анафематизирование, ни инквизиция, не употреблялись против частных лиц. Но и на западе Европы период страха перед анафемой не продолжался более нескольких человеческих поколений.

Императоры и короли, графы и герцоги Германии были достаточно сильны для того, чтобы найти себе защитников даже и под приговором. Несмотря на все церковные старания, они заставляли своих капелланов служить при себе обедни и занимали свое гражданское положение как прежде, хотя и были отлучены от церкви. Чтобы смирить таких могущественных грешников, Западная церковь ввела интердикт, по которому целый округ или королевство подвергались отлучению за своих строптивых властелинов. Там закрывались церкви, замолкали колокола, и народ лишался всяких религиозных треб. Самым ранним известным примером приведения такого приговора в исполнение был интердикт при Алдуине, епископе лиможском, в 994 г.

Так ортодоксальная христианская церковь стала отживать свой век, но должно было пройти еще более четырех столетий до того времени, когда началась реформация.

---

[1] В таком же роде толкует обе формы одно письмо шпейерского гражданина к Кельнскому архиепископу Герберту, относимое к 1000 году нашей эры.

[2] «Conclavium Regioticinum», с. XII.

ГЛАВА VI

РЕАЛЬНЫЕ И ПРИЗРАЧНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ХРИСТИАНСКОГО ХРАМА И БОГОСЛУЖЕНИЯ

Вслед за широким распространением евангельского христианства в Европе накануне крестовых походов естественно последовало и возрастание внешнего блеска церкви во всем, касающемся ее богослужения. Храмы строились и украшались с большими расходами, священнослужители одевались в пышные облачения, и введено было немало новых обрядов и церемоний. Но массы народа были обращены в христианство их царями без идеологического разъяснения нового исповедания, так что умы населения попрежнему всецело были проникнуты языческими понятиями. Служители нового культа пытались привлекать к себе народ сценическими церемониями своего богослужения, почему и на обряды церкви прихожане смотрели как на всякие другие театральные представления. Проповеди слушались как речи ораторов, красноречивые проповедники поощрялись, как и актеры, рукоплесканиями, топанием ногами, маханием платками и похвальными криками. Немногих лично читавших евангелие христиан это возмущало, но, не имея возможности полемизировать прямо, они писали свои возражения от имени древних авторов. Так, например, кто-то (по слогу—автор Эпохи Возрождения) жалуется от имени блаженного Иеронима на все только-что рассказанное. Он порицает «великолепие, проявляемое в церквах (как будто в старое время), осуждает их мраморные стены и колонны, их золоченые потолки, их жертвенники, украшенные драгоценностями» и противопоставляет это великолепие небрежности в выборе лиц, которые там служат, с негодованием отвергая доводы, которыми служители культа защищали богатство украшений в христианских церквах ветхозаветными традициями.

Такое перемещение существующего в давно прошедшее, конечно, служило очень удачным отводом глаз инквизиции, тем более, что в начале Эпохи Возрождения, вероятно, еще помнилась первоначальная история христианских храмов. Я уже не раз вкратце очерчивал ее, но повторяю и здесь.

Сама одинаковость латинского названия цирк и церковь (circus) [1] показывает нам, что оба эти учреждения первоначально

[1] Церковь в смысле храма называлась «цирк», а в отвлеченном смысле—как коллектив людей, она по-греко-латыни называлась ecclesia, от греческого ἐκκάλεω — созываю, и значила просто «собрание». А по греко-еврейски она называлась синагогой от συνάγω — собираю — с тем же значением собрания (с какой угодно целью). Большинство незнающих греческого языка и не подозревают, что *синагога* не еврейское, а греческое слово, как и синедрион по-гречески всякий «совет» (от συνεδρεύω — вместе заседаю). Что может быть лучшим доказательством моего вывода, что и Константин Святой, и Василий Великий, и Юстиниан Законодатель собирались не иначе как в своих «синагогах», судили провинившихся в своих «синедрионах», а богослужили в своих «цирках»?

было одно и то же, и, благодаря отсутствию крыш, они предназначались для совершения действий под открытым небом.

Тип закрытых христианских церквей, базилик, появился уже в средние века, и это были продолговатые строения сарайного типа, какой мы видим и у классичесвих храмов Греции и Египта. С целью прочности они обыкновенно разделялись двумя рядами колонн на среднюю часть и два более низкие придела. На отдаленной оконечности их было место, соответствующее сцене и называвшееся по-гречески в и м а, а по-латыни т р и б у н а. Оно отличалось от остального помещения возвышением своего пола, заканчивавшимся полукруглым уступом, называвшимся абсидом. Часть здания перед трибуной употреблялась и в качестве простой биржи, а на трибуне ставился и трибунал судьи с жертвенником перед ним. [1] Такое расположение общественного собрания одинаково легко было приспособить и для богослужения, и для различных общественных целей. А крыша была с двумя склонами для ската дождя, как у наших сараев.

Потом в Царь-Граде стала употребляться новая форма церковной архитектуры, главною особенностью которой был крестообразный вид и купол (рис. 109), возвышавшийся над средней частью в подражание небесному своду. Этот стиль в позднейшие времена не только начал преобладать в греческой церкви, включая и славянские страны, но был введен и в Равенне, а под влиянием равеннских образцов проник и в другие страны западной Европы. По трудности сооружения куполов такой храм мог быть построен только при Константине XII (1449 — 1453), а никак не при Константине I. Об этом же свидетельствует и характер живописи, соответствующей Эпохе Ренессанса (рис. 110).

Такова была раковина улитки, но и она не осталась в покое.

«Вопреки обычаю, распространившемуся впоследствии, — говорит Джемс Робертсон, — древние церкви живших в ней, строились входом к востоку».

По внешности это не важно, а в действительности красноречиво. Совершенно ясно, что такой поворот всего здания задом на перед мог совершиться только в момент резкого преобразования идеологии христианской церкви, и потому можно сказать с уверенностью, что это было не ранее собора 787 года, когда установили иконопочитание после идолоборства. А может быть, в это же время и начало суток перенесли с вечера на утро в связи с отменой вакханалий.

Ближайшая ко входу часть (называвшаяся *притвор*) была открыта для всех приходящих. Она отделялась «прекрасными вратами» от средней части, в которой помещались «верующие», а в задней части, в месте, соответствующем тому, которое в гражданских базиликах назначалось для адвокатуры, поместился кли-

[1] Джемс Робертсон, История христианской церкви. Перевод А. П. Лопухина. 1890. Стр. 325.

рос певцов, немного возвышающийся над уровнем пола и отделенный особой решеткой от святилища. Женщины теперь сидели отдельно от мужчин, иногда в закрытых галлереях, особенно в восточных странах, [1] и церковь обыкновенно окружалась двором, содержащим жилища духовенства и другие здания, среди которых в соборах была крестильня.

На украшение церкви, с расширением круга верующих, привлечены были с ранних лет живопись и скульптура. В начале средних веков обычно изображались картины из Ветхого Завета, но историки объясняют это не тем, что тогда еще не было евангелий, а тем, что, будто бы, это делалось в качестве «иносказательных изображений евангельских событий». Так, изображение воды, источаемой из скалы Моисеем, стали объяснять (хотя это и смешно) символом крещения; Моисей, приносящий манну с неба, будто бы, означал евхаристию, а жертва Исаака, будто бы, прообразовала распятие.[2] Все стены церквей были покрыты сценами из Библии, а богатые лица украшали предметами подобного же рода свои одежды. Апокрифический Блаженный Августин говорит, что в его время было много «почитателей таких картин». А изображения Христа или его распятия и страданий сделались известными только в средние века.

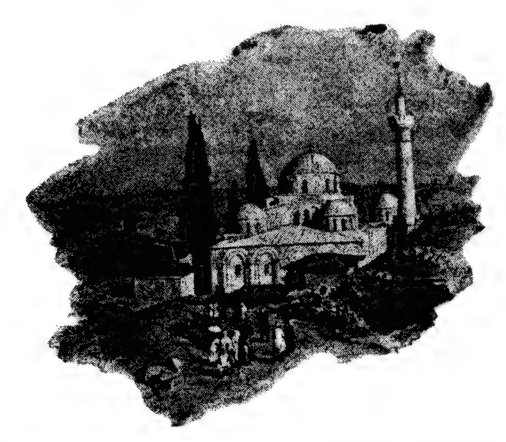

Рис. 109. Мечеть Кахриэ-Джами (бывшая христианская церковь. (Гнедич, I, 384.)

Создание христианской литургии связывают с именем «Великого царя» (Василия) на Востоке и с именем «Пищи бессмертных» (Амвросия) на Западе, хотя даже и по Пальмеру к их произведениям причисляется многое, принадлежащее уже позднейшему времени. Гимны или псалмы Амвросия сделались образцами подобных сочинений в западной церкви, и, вследствие их общего названия «Амвросиев стиль», многие позднейшие пьесы неверно были приписаны ему.

С нашей же точки зрения и «Великий царь», и «Пища бессмертных» — лишь две различные легенды об одном и том же основателе первичной христианской литургии, в мистику которой входило таинство причащения. Ведь, по самому определению классиков Пища бессмертных (амврозия) — вместе с нектаром давала людям бессмертие, как и поется при обряде: «тело Христово примите, источника бессмертия вкусите!» И интересное совпадение: для жизни Амвросия дается время 340 — 397 годы, а для жизни «Великого царя» 329 — 379 годы, т. е. разница в пределах неточностей наших сведений о том отдаленном времени. Оба боролись с арианами, как евангельский Христос с фарисеями, оба основали православную литургию, но в то время как местом

[1] Augustin, «De Civitate Dei», II, 28.
[2] «De Moribus Ecclesiae Catholicae», I, 34.

Рис. 110. Христианская мозаика в мечети Кахриэ-Джами в Царь-Граде.

деятельности «Великого царя» (Василия) считается греками какой-то Царь-Город (Цезарея-Кесария), нам указывают для появления «Пищи бессмертных» (Амвросии) — Милан. Не есть ли это простой обычай наших предков перетягивать знаменитостей к себе?

Точно так же и отмена на Западе разделения первичной литургии на литургию оглашенных и литургию верных не могла произойти без общего декрета. Она объясняется теперь тем, что в V столетии на Западе это разделение на два ранга стало ненужно вследствие общего распространения христианства. Но по-

чему же оно существует до сих пор на Востоке? Очевидно перемена произошла уже после разделения церквей.

Для крещения в средние века введены были новые обряды, и между ними помазание «елеем» в знак того, что крещаемые делались «царями и священниками богу».[1] Праздник Богоявления сделался самым обычным временем крещения и проник и в Африку, и в западные страны Европы. Потом испанские епископы стали крестить и в праздники Рождества, и в праздники различных святых. Но это встречало затруднения, и кто-то апокрифически составил даже декретальное послание к Гимерию (псевдо 385 г.), указывая на этот обычай как на произвольный и требуя, чтобы крещение не совершалось иначе как на Пасху и в праздник Троицы. Но это ограничение затрагивало материальные интересы служителей культа и потому не привилось к жизни. Христианские «Любовные вечеринки» (Агапы),[2] заменившие собою,— говорят нам,— языческие поминки предков или «общие породнения» (parentalia), совершались в IV веке (Робертсон, I, 329) с такой непристойностью, что епископы и соборы в течение последней части этого столетия, вероятно, даже считая по эре Диоклетиана с 284 года, старались о подавлении их.[3] Но агапы настолько укоренились, что отмена их была делом не легким. Так, например, 3-й карфагенский собор в 397 году (той же эры, т. е. в 681 году) не осмелился запрещать их, а лишь улучшить, насколько это было возможно, и свидетельства об их существовании встречаются и позднее.

Обычай соблюдения христианской субботы ослабевал в средние века, и Лаодикийский канон считает прекращение труда в этот день как признак иудейства.

Пасха повсюду соблюдалась в воскресный день, но вычисления ее времени разнообразились в различных церквах иногда на месяц или даже больше. Только с VI столетия современное александрийское вычисление было принято в Риме.

Полное отсутствие христианства в первые три века после начала нашей эры доказывается и тем, что праздники рождества Христова и наиболее знаменитых святых, как например Петра и Павла, Иоанна Крестителя и Стефана, появились только в IV — VI веках, да и то, может быть, по эре Диоклетиана.

Потом было найдено много мощей, в том числе и пророка Самуила и даже патриарха Иосифа. Святые сами являлись тогда в видениях и открывали людям места своего погребения. От трупов их совершались чудеса, явились промышлявшие ими, и, чтоб помешать им, Феодосий в 386 году, — говорят нам, — постановил, что никто не имеет права торговать телами мучени-

[1] Апокалипсис, I 9; I Послание Петра, II, 5, 9.

[2] Агапы, т. е. ласки, от греческого ἀγαπάω (агапао) — люблю-ласкаюсь; для бритской же любви употребляется слово φιλία (филия) — любовь-дружба, откуда у нас фил-антропия, фило-софия и т. д.

[3] Conclavum Laodiceae 372 г, (?), c. 28. Об агапах есть у Suicer'a под словом ἀγάπη.

ков. Появились паломничества к святым местам, которые, по словам Григория Нисского, особенно были соблазнительны для женщин, так как они не могли совершать их без сопутствия мужчин и подвергались постоянному общению с ними на постоялых дворах.

Новые и большею частью сумасбродные идеи и обряды, введенные в церковь (по нашим выводам не ранее XI века), вызвали, наконец, издевательство со стороны вольнодумцев, которые, не смея говорить от своего имени и даже от чужого в защиту здравого смысла, делали это в виде полемики того или иного святого с воображаемым еретиком. Особенно любили они прикрываться уже отмеченными нами блаженными Иеронимом и Августином, вследствие чего и появилось в IV и V веках множество еретиков, придуманных специально для насмешки над теологами Эпохи Возрождения или для доказательства, что можно придумать нечто лучшее, чем существовавшая тогда теология, хотя по внешности и выходило, будто святой посрамлял еретика давнишних времен.

Вот, для примера два образчика — один из Августина, другой из Амвросия.

«Среди западных противников новой церкви, — говорит Августин, — был римский монах Иовиниан, который начал (будто бы, еще около 388 года) отрицать присноdeвство матери Христа и учил, что если безбрачные и брачные лица равны в других отношениях, то они равны также и в моральном отношении. Его мнения, — говорит автор, очевидно разделяя их сам, — находили благоприятную почву в Риме, где он приобрел многочисленных приверженцев и склонил вступить в брак многих лиц обоего пола, принявших пред тем безбрачную жизнь». Развив убедительно его соображения апокрифист от имени Иеронима посрамляет Иовиниана — чем бы вы думали? Простым вопросом: «А почему же ты, Иовиниан, сам не женился?»[1]

Для обеспечения своей статьи от инквизиционного костра этой шутки было достаточно... но достаточно ли для убеждения в присноdeвстве девы Марии?

А вот — другой пример от имени Амвросия.

«Вигилянций, т. е. Бдительный, сын содержателя гостиницы в Калагурре (теперь Гурра, на французской стороне Пиренеев), обвинял, — говорит Амвросий, — самого Иеронима в оригенитстве, желал отмены всех ночных бдений, исключая пасхального, и говорил о них, как дающих повод к большим непристойностям. Он тоже отрицал пользу поста, воздержания и монашества, считал обет целомудрия источником нравственной порчи, учил, что лучше

[1] Augustin, «De Haeres», 72. Иероним называет Новиниана Эпикуром, обвиняет в том, что он сменил монашескую строгость на жизнь роскоши, и начертывает смешную картину его лоснистой, нарядной и веселой внешности. Он спрашивает его: «Если ты считаешь брак одинаково хорошим с безбрачием, то почему ты не женился?» (Adversus Jovinian., I, 40.)

удерживать собственность, и постепенно обращать ее на благочестивые и благотворительные цели, чем сразу жертвовать все, и что лучше совершать дела благотворения дома, чем посылать деньги в Иерусалим».

Все это изложено воображаемым Амвросием очень хорошо. А как же опровергает это Иероним? Простыми ругательствами. Напомнив Вигилянцию, что он некогда был половым в гостинице, блаженный говорит, что он и теперь прилагает к священному писанию те же способы подделки, к которым прибегал, подавая гостям плохое вино, и производит те же обманы, которые он производил при размене денег.

«Ты восстаешь против поста и воздержания только потому, что это наносит ущерб твоему прежнему промыслу».

Опять, читатель, возражение совершенно достаточное, чтобы обеспечить книгу и автора от сожжения, а в смысле действительного опровержения «Бдительного» оно ни на что не годно.

В таком же роде мы читаем споры и с другими «еретиками первых веков». По всему видно, что авторами этих сочинений были первые протестанты Эпохи Возрождения.

Никаких таких «лжеучителей» не могло быть до того времени, но способ писать апокрифами привел к тому, что у историков церкви, мало способных к критическому мышлению, совершенно помутилось в головах, и они приняли уловки вольнодумцев за чистую историческую правду.

ГЛАВА VII

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ХРИСТИАНСТВА СРЕДИ «МОС-АРАБОВ» ИСПАНИИ В КОНЦЕ IX ВЕКА ЕВЛОГИЕМ И ПЕТРОМ АМИЕНСКИМ

Христиане Испании в IX веке были известны под именем муст-арабов или мос-арабов [1] и жили в дружественных отношениях с агарянами. Многие из них служили при калифах, а монастерионцы их и духовенство, понимавшие как арабский, так и латинский языки, употреблялись в дипломатических сношениях.

Если совершался брак между лицами, исповедующими две религии, то каждый супруг оставался при своей, а вопросы, которые естественно возникали тут касательно религии детей, вели к затруднениям.

Но вот, в IX веке, при распространении евангелий, появилась

[1] Это слово слагали из mixti arabibus, а также instituti arabes, но оба словопроизводства слишком натянуты и тенденциозны. Скорее всего это значит моисеевы-арабы (Mus'arabi), т. е. первичные мессианцы до-евангелического толка.

секта христиан, которая считала такое свое единение с агарянами неудобным. Члены ее пришли к выводу, что должность при агарянском дворе нельзя занимать без неприличных для христиан уступок, так как те, кто занимал такие должности, был обязан воздержаться от открытого знаменования себя крестом и остерегаться говорить о двух естествах Христа, чтоб не возбуждать смеха. Священники христиан жаловались, что их юношество предпочитает халдейскую литературу церковной и более знакомо с арабским языком, чем с латинским.

Около середины IX столетия, — говорят нам, — в Кордове, в царствование Абдеррахмана II началось гонение на евангельских христиан, но все подробности его носят характер апокрифов, так как в это время не было еще легенд о Магомете, [1] а документы нам говорят уже о нем. Первым страдальцем за Христа здесь, — говорят нам, — был инок, по имени Совершенный (Перфект). Встретившись однажды с несколькими агарянами в окрестностях города, он попал в затруднительное положение. Его, будто бы, спросили, какого мнения он о Магомете. Он попытался сначала уклониться от ответа, потому что не хотел оскорблять их. Но они продолжали настаивать и уверяли его, что они не примут за оскорбление его ответ, и, вот, он им сказал, что христиане смотрят на Магомета как на одного из ложных пророков, о которых предсказано в Писании, и заметил, что некоторые части его истории крайне скандальны и доказывают ложность его притязаний.

Агаряне вследствие данного ими обещания на время подавили свой гнев, но когда юноша появился среди народа, он был схвачен, притащен к судье по обвинению в богохульстве против пророка и казнен. Следующей, — говорят нам католики, — жертвой был один купец, который даже и не давал никакого повода к гонению, а третий, молодой инок, по имени Исаак, сам навлек на себя свою участь. Отправившись к судье своего города, он заявил ему желание принять религию Корана и просил о некотором наставлении в этом учении. А когда Коран был объяснен ему, он стал с большою горячностью обличать его ложность, за что и был казнен.

Казнь Исаака повлекла за собою необычайное возбуждение среди христиан. Духовные лица, иноки, монастерионцы, монастерионки и миряне толпами устремлялись к агарянским трибуналам, понося пророка как обманщика, прелюбодея, чародея и заявляя, что его последователи находятся на верном пути к погибели. Кроме тех, кто добровольно отдавал себя на смерть за новую веру, подвергались гонениям и дети от смешанных браков по доносам своих агарянских родственников, считавших их отступниками.

Но все эти сказания характеризуют, однако только, ту эпоху. Ведь, это было первое время распространения евангелий: еван-

[1] См. «Христос», кн. VI.

гелие Матвея, как мы видели, появилось лишь в 826 году[1] и переход к евангелизму не мог произойти без трений.

Открытые выходки против евангельских христиан все усиливались. Кто из них показывался на улице, подвергался оскорблениям, его забрасывали грязью или камнями. Агаряне страшились прикоснуться даже к самой одежде евангельского христианина, как к какому-нибудь оскверняющему предмету.

Калиф Абд-ер-Рахман, желая, по возможности, утишить возбуждение мирными средствами, просил содействия архиепископа толедского Реканфрида, который издал повеление, чтобы никто из христиан не являлся к агарянскому судье для полемики с ним без особого вызова. Но это повеление было принято с негодованием более ревностной партией евангельских христиан, предводимой Савлом, кордовским епископом. Реканфрид заключил в тюрьму одного толедского инока-священника, по имени Евлогия, но он и из темницы писал письма. Он увещевал всех, кто имеет какие-либо мирские связи, порвать их разом и смело исповедывать новую веру в надежде разделить впоследствии блаженство своих собратьев в раю.

Наконец, был созван собор, на котором постановили, чтобы никто добровольно не навлекал на себя смерти своей религией. Все происходившие бедствия он сваливал на Евлогия и его сторонников, приписывал поведение страдальцев гордости, подвергал сомнению их право называться мучениками и заявлял, что от руки агарян не может быть никакого мученичества, так как, ведь, они не идолопоклонники, а поклоняются тому же единому, истинному богу и признают его законы.[2]

Так впервые разделились агаряне и христиане в Испании в IX веке, а прежде обе религии, как видит сам читатель, были единоверческими, как в настоящее время два «прихода» той же религии.

Евлогий и Петр Алвар были главными вождями евангельского христианства, и оба они (особенно Алвар из Кордовы) писали в очень приподнятом тоне. Евлогий устраняет даже различие, какое проводили между язычниками и агарянами, говоря, что агаряне не менее язычников отрицают сына божия и преследуют верующих в него. Алвар, на основании пророчеств, доказывает, что Магомет (которого тогда еще не было!) есть предтеча антихриста, не допускает никакого уклонения от заявления христианами своего исповедания пред неверными и требует, чтобы христиане повсюду предъявляли агарянам истину своей веры, не из любви к ним, а с целью сделать их неверие неизвинимым.

Отсюда мы видим, что если с этого времени и началась вражда между агарянами и евангельскими христианами, то виноваты были в ней сами христиане своей назойливостью.

Абдеррахману наследовал в 852 году сын его Достославный

[1] «Христос», кн. I.
[2] Harduin, V, 37—38 и Baronius, 852, 10.

(Магомет), который в первый же день своего царствования уволил всех евангельских христиан, занимавших должности при его дворе или вообще на государственной службе. Он приказал, чтобы все «недавно построенные церкви» христиан были разрушены, и запретил всякую обрядность или утварь в старых церквах. Евлогий, избранный на толедскую кафедру, был арестован в 859 году за содействие одной молодой новообращенной христианке Леокриции к бегству от своих родителей, бывших агарянами, и предан смерти. Но все это гонение агарян на христиан,—повидимому одна, из многочисленных богословских сказок, так как один немецкий аббат, путешествовавший в Кордову в 954 году, в качестве посланника, свидетельствует, что евангельские христиане мирно жили с агарянами и подвергались даже обряду обрезания.[1]

В результате всего этого мы видим, что первые недоразумения между агарянами и евангельскими христианами начались не на Востоке, а в Испании. Да и то позже 954 года.

ГЛАВА VIII

КОГДА ПРЕКРАТИЛОСЬ РАСПУТСТВО В МОНАСТЕРИОНАХ? МИССИОНЕРЫ X И XI ВЕКОВ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ, КАК ПЕРВОЕ СЛЕДСТВИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНОБОЖИЯ

Церковные апокрифисты времени крестовых походов и последовавших за ними лет, переделав с целью самооправдания гонения своих собственных предшественников на иноверцев в гонения иноверцев на них, до того прочно внушили последующим поколениям нужные себе небылицы, что они попали даже и в светские истории. Лишь в конце XIX века впервые стала отмечаться этнопсихологическая нелепость клерикальных рассказов о гонениях многобожников на христиан. К своим многочисленным богам язычники всегда охотно прибавляли даже и не одного нового бога. Им не было никакой причины сердиться, когда им говорили, что у бога-отца родился еще новый сын в царствование Октавиана Августа. Ведь, окружающие люди поздравляют каждое даже и не высочайшее семейство с рождением нового ребенка, а не ругают его. Так с чего же, например, многобожнику Нерону вздумалось, еще до появления Апокалипсиса (где впервые появились гневные слова на земных царей, враждебных улетевшему на небо царю-помазаннику), сжигать на кострах людей, приветствовавших Зевса-Громовержца с приращением его

[1] «Vita Ioannis abbati Gorizensis», с.с. 123—124 (Pertz, IV).

семейства? Казалось бы, Нерон должен был первый построить алтарь Христу!

Но логических и психологических нелепостей так много в древней истории с точки зрения ее обычной хронологии, что привести ее в естественно-научный вид, т. е. выяснить причинность последовательных событий, можно, лишь установив иную хронологию, как это делаем здесь мы.

Только после выхода Апокалипсиса 30 сентября 395 юлианского года с его громами на земных царей мог начаться их естественный отпор, и могли декретироваться их карательные меры против «бунтующих апокалиптических фанатиков». Но эти отшельники, как я уже показывал ранее, не имели ничего общего с монастерионцами, т. е. с общинными религиозниками, как их тогда и называли (religiosi, а не monachi[1]).

Нам говорят, что даже в X веке монастыри в Англии были заняты женатыми религиозниками, среди которых господствовали чисто мирские интересы. «Монастырская» жизнь, в новейшем смысле этого слова, еще не существовала, и англичане, желавшие вести замкнутую жизнь, удалялись в уединенные места, или поступали в чужеземные однополые монастерионы, среди которых наиболее любимым убежищем был монастерион Флери, на Луаре, преобразованный в однополый лишь Одоном клюнийским.[2] Таково было состояние вещей, когда началась на Великобританских островах преобразовательная деятельность Дунстана.

«Дунстан,— говорят нам,— родился около 925 года от благородных родителей в окрестностях Гладстонбери, прошел всю ученость того времени и достиг необычайного искусства в каллиграфии, живописи, скульптуре, музыке, механике и в искусстве металлических работ, так что его знания навлекли на него даже обвинения в волшебстве. Он построил великолепное аббатство в своем городе, которое населил бенедиктинскими монахами, и достиг высокого сана и могущественного влияния в государстве. От великого римского понтифекса Иоанна XII он получил римскую тогу и с одобрения его и короля начал преобразования в духовенстве».

Женатое духовенство, где только было возможно, устранялось им, и все высшие должности исключительно предоставлялись безбрачникам, которые привозились из Флери и других иноземных монастырей, чтобы служить для англичан примером истинной религиозной жизни.

[1] Интересно сравнить словопроизводство. По-английски монастырь теперь friary, очевидно от французского frère—брат, и значит — братство, также convent — собрание, затем cloister—место заточения, а первично monastery — место наблюдения звезд. По-французски он теперь le couvent — убежище, от couver — сидеть на яйцах, скрываться, также cloître — затворничество, а первично mon-aster — место наблюдения звезд. По-немецки он kloster — от того же корня, по-итальянски convento — собрание и monastro — место наблюдения звезд. Монах называется до сих пор по-французски le religieu и le moine, по-английски religius и friar (собрат). По-немецки тоже имеем названия Ordensman (Орденский человек) и Mönk. Все эти разницы имен показывают на большие метаморфозы монастерианства.

[2] Джемс Робертсон, I, 95.

Винчестерские каноники, по изображению жизнеописателя их Этельвольда, были в то время преданы роскоши и распутству и, не довольствуясь правильною брачною жизнью, имели еще свободу переменять своих жен по желанию. Но все на свете имеет свой конец, и эта, очевидно, первичная и очень древняя привилегия духовенства всех культов, наконец, нашла себе противников в X веке нашей эры в Западной Европе. Один епископ, снабженный особым полномочием от великого римского понтифекса Иоанна XIII (965—972), потребовал от «религиозников» явиться к нему и к особому уполномоченному от короля. Бросив на пол несколько монашеских клобуков, он потребовал от собравшихся клерикалов надеть их, или отказаться от своих должностей. Только трое из них согласились на это, а остальные предпочли жить как отцы и деды с женами, за что и были освобождены от церковных служб даже с пенсиями[1] из церковной собственности, и заменены монахами.

Однако, при следующем же короле, Эдуарде-Мученике, наступила реакция. Некоторые вельможи изгнали всех иноков, водворившихся в монастерионах, расположенных на их землях, и вновь водворили в них религиозников с женами и детьми. Для обсуждения этого противодействия были созваны соборы. На первом же из них в Винчестере Дунстан одержал блестящую победу посредством Распятия, которое в его руках самолично произнесло слова, запрещающие браки религиозников, приведя в трепет всех собравшихся. Последующие теологи объясняли такую разговорчивость креста чревовещанием его носителя.

А дальше вышло еще хуже.

В Кёльне, где дело брачного духовенства было красноречиво защищаемо одним шотландским или ирландским епископом, по имени Беорнгельмом, Дунстан торжественно заявил собранию, что он поручает дело самому богу. И вот, в помещении, где заседал собор, немедленно провалился пол, причем некоторые его противники были убиты, и многие тяжело ранены. А сам Дунстан и окружавшие его сторонники спаслись на балке, на которой они стояли. Опять монашествующее духовенство на время восторжествовало, но и это торжество было далеко неполное. За исключением Вустера и Винчестера нигде еще кафедральные соборы не были обезбрачены.

На Энгэмском соборе, в 1009 году, опять было заявлено, что многобрачие религиозников непристойно, что духовные лица не должны брать более одной жены в одно время, или разводиться с одной, чтобы сейчас же брать другую. Но и это подействовало мало.

Так клерикалы Англии продолжали жить брачною жизнью и в XI веке, и дети их считались законными.[2]

[1] Джемс Робертсон, История христианской церкви, I, 952.

[2] Там же, I, 954.

Церковная история Шотландии в течение того периода покрыта мраком неизвестности, на который жаловались все занимавшиеся исследованием этого предмета, и при отсутствии несомненных данных авторы ее часто вдавались в сказочные соображения. Национальное честолюбие в присвоении своей стране знаменитых лиц не ограничивалось здесь только теми случаями, в которых двусмысленный термин Scottus мог давать некоторую вероятность притязанию на принадлежность данного лица к шотландскому народу. Так, например, было с известным философом Иоанном, прозвание которого Erigena истолковывалось даже в смысле уроженца города Air'а. Так, пытались утверждать, что Алкуин был из Шотландии, что жизнеописатель Карла Великого Эйнгард был также шотландец, с созвучным именем Кинеард, и что Рабан Мавр был мельрозский монастерионец. Один из наиболее критических писателей — Скиннер, [1] хотя и признающий английское происхождение Алкуина, все-таки воображает, что в том же веке жил некто Альбин, уроженец Шотландии, которому и принадлежит составление «Каролингских книг».

Но если все эти притязания шотландских клерикалов на высокую степень религиозной культуры в их стране в средние века очень сомнительны, то несомненно существование там одной вариации религиозников. Это были кулдеи (от слова культ, отсюда же и халдеи и колдуны), в которых некоторые старались находить прецедент для пресвитерианской формы церковного управления. Их название, означающее «служители культа», впервые встречается в Ирландии и в Шотландии, и они были, действительно, особым родом монастерионцев, которые обыкновенно жили совместно в обществах по двенадцати, соответственно числу знаков Зодиака, с настоятелем во главе каждого. Но и они тоже женились и передавали свои привилегии детям. Во многих случаях мы видим их также состоящими при кафедральных соборах как, например, в архиепископской церкви Йорка, и в некоторых других местах, как в Сент-Андрюсе, где они заявляли притязание и на участие в избрании епископов. Они удерживали вплоть до XII века шотландскую или ирландскую обрядность, которая существовала в Йорке до времени Алкуина, и совершали свои службы в отдаленном углу церкви. Но несмотря на такие их особенности, все споры, возникавшие между ними и епископами, приводили не к какому-либо разногласию в деле религии, а только к спорам о материальной собственности или о служебных преимуществах.

«Апостол славян» Кирилл (т. е. Малый Господь), называвшийся также и философом, был родом из Фессалонник. Он проповедывал сначала среди хазар (откуда и имя Хозрой, а затем и слово гусар), живших в Украине и в Крыму около 843 года. Нам говорят, что они сами пригласили его, потому что не знали, как им смотреть на соперничающих мессианцев (агарян и христиан). Его труды в пользу христиан среди хазар,—говорят нам,— были очень успешны, и слух о нем дошел до моравского короля, который попросил о присылке к нему Кирилла. И вот, в 863 году он и Мефодий отправились в Моравию, и несмотря на то, что греческие и латинские миссионеры обыкновенно вводили среди варварских народов в качестве церковного языка греческий или латинский, Кирилл и Мефодий не только в собеседованиях с народом стали употреблять славянский, но и перевели на него литургию и евангелия, причем Кирилл применил к славянской письменности коптский алфавит с небольшими дополнениями, и это нововведение сильно содействовало успеху его миссии. Моравский король Радислав принял крещение, его подданные взяли с него пример, и население так почтительно отнеслось к новой религии, что в Моравии священники стали называться «князьями».

[1] Skinner, «Ecclesiastic history of Scottland». 1788.

Спустя некоторое время известие о том, что Кирилл проповедует не по-латыни, дошло до великого римского понтифекса Николая, который потребовал к себе и Кирилла и Мефодия. Но они прибыли в Рим уже после его смерти (в 868 г.), и неизвестно, что было бы там, если бы откопанные ими, будто бы, в Херсонесе, и привезенные туда мощи святого Климента, не натворили там так много чудес, что правоверие обоих миссионеров было достаточно доказано. Великий понтифекс Адриан удовлетворил желание Радислава о славянизации моравской церкви и посвятил Мефодия в моравские архиепископы. Кирилл был также посвящен в епископы, но уже не возвратился домой и умер в Риме, где и погребен около мощей открытого им Климента.

Моравский престол перешел к Святополку, который значительно расширил границы своего королевства и включил в него большую часть Австрии и Венгрии (в географических пределах XIX века). И по мере того, как расширялась его область, многие христиане, принявшие евангелие по-латыни, признали славянское пастырство Мефодия. Но это возбудило ревнивость германцев, которые и добились в 873 году повеления от великого понтифекса Иоанна VIII о запрещении славянского языка в церковном богослужении. Мефодий настаивал на своем, и вследствие возобновившегося доноса был вызван в 879 году снова в Рим. Но он вновь с успехом оправдался перед собором, сделав некоторые догматические уступки. Его доводы в пользу славянского языка у славян были так успешны, что по возвращении в Моравию он привез от понтифекса Иоанна письмо Святополку, в котором одобряется Кириллов алфавит и узаконяется употребление славянской литургии на том основании, что священное Писание заповедует: «хвалите господа все народы», показывая этим, что похвалы ему не должны ограничиваться только тремя языками (еврейским, греческим и латинским).

В этом же самом послании было заявлено, что Мефодий утверждается в архиепископстве и над моравскою церковью, из которой евангелие перешло в Богемию, довольно оригинальным способом.

Богемский князь Борзивой посетил раз моравский двор. Святополк принял его с честью, но за обедом назначил ему и его свите место на полу, как язычникам. Мефодий, сидевший за царским столом, обратился к нему с выражением сожаления, что столь могущественный князь принужден сидеть и питаться подобно свинопасу. Пристыженный Борзивой сейчас же крестился со своими тридцатью сотоварищами, а жена его Людмила, тоже, повидимому, сидевшая на полу, заслужила потом даже титул святой.

Рис. 111 и 112. Образчики портретистики кануна Эпохи Гуманизма в Европе. Карл IV (1346—1378), как наследный принц *(налево)* и как император германский и просветитель Чехии *(направо)* Обратите внимание на сходство с византийскими и русскими иконами.

Таково было первичное христианство на востоке и западе Европы. Предания о нем опять наглядно говорят нам, что средневековые христианские обитатели монастерионов вовсе не были безбрачниками, а скорее представляли собою пантогамические общины обоего пола, или попытки к ним мужской части населения при противодействии женской части, особенно после рождения первого ребенка, которого матери упорно считали своим собственным, а не коммунальным, и вместе с тем начинали тре-

бовать и вещественной собственности. И вот, для поддержания принципа, а может быть и для ослабления венерических болезней пришлось разделить оба пола по различным общинам, подальше друг от друга. Другого выхода не было.

* * *

Посмотрим теперь и на отдаленный восток Европы.

История первого введения христианства в России вся изукрашена позднейшими сказаниями. Согласно греческим писа-

Рис. 113 и 114. Образчики портретистики кануна Эпохи Гуманизма, в Европе. Гоост, Моравский маркграф *(налево)* и Венцеслав IV (Венцель 1378—1419); германский император и чешский король *(направо)*.

телям, Василий Македонянин, заключив мир с русскими, отправил в их страну епископа и других миссионеров. Епископ бросил перед изумленными зрителями евангелие в огонь, и через несколько часов вынул книгу невредимой. Это,—говорят нам,— убедило русских, но не надолго, и Владимир святой в 986 году отправил послов для нового ознакомления с христовой религией в Германию, в Рим и в Царь-Град. И вот, в Царь-Граде, во время богослужения, изумленные послы вдруг увидели крылатых юно-

шей, летающих по церкви и кричавших: «свят, свят, свят господь бог вседержитель!» Восхищенные таким непривычным зрелищем, они поспешили домой, рассказали все своему царю Владимиру, и он решил принять христианство от греков, но почему-то призадумался, стал медлить и даже вдруг пошел воевать с ними. Взяв греческий город Корсунь (повидимому, древний Херсон, хотя некоторые и видят в нем Керчь), он,—говорят нам,—сделал в 988 году предложение греческой принцессе Анне, сестре

Рис. 115 и 116. Образчики портретистики кануна и начала Эпохи Гуманизма в Европе. Король Иоанн чешский (1311—1346) (по рукописи Венской библиотеки). Вацлав чешский (928—935), причисленный к святым. Обращаю внимание читателя на сходство с византийскими и русскими иконами.

императора Василия II. На указанное ему затруднение в разности их религий, он отвечал, что готов принять христианство, ради такой девицы, но вдруг ослеп вследствие мщения своих прежних богов за отступничество. Однако, его невеста знала средство против них. По настоятельной ее просьбе он согласился креститься слепым, и вдруг, в тот самый момент, как он получил возложение рук от корсунского епископа, глаза его прозрели. Моментально состоялся брак, и Корсунь сделалась приданым для невесты Владимира. По «свидетельству» не видавших этого русских летописцев, Владимир, приняв имя Василия, оставил свою

прежнюю распутную жизнь, предался строгому соблюдению христианских обязанностей и вместе с Анной вошел в число святых русской церкви, но не был принят в другие церкви, так как по «свидетельству» латинян, жизнь его и после того осталась распутною. Да и не миф ли он?

Нестор повествует, что в Киеве, он приказал взять Перуна-Громовержца, главного русского бога (он же Юпитер латинян и Иегова Библии) и, привязавши его к хвосту лошади, волочить

Рис. 117 и 118. Образчики портретистики кануна и начала Эпохи Гуманизма в Европе. Вацлав (Венцеслав, 928—935) чешский (по другому изображению) и королева Елизавета чешская, с 1311 года жена Иоанна чешского (по рукописи чешской библиотеки).

по улицам. Многие из народа плакали при виде такого посрамления Громовержца, но когда на следующий день призвали их креститься в Днепре, то «они рассудили, что если бы предлагаемая им перемена религии не была добрым делом, то князь и бояре не приняли бы ее». Последовало общее крещение народа. Некоторые,—говорит не видевший этого Нестор,—стояли в воде по шею, а другие только по грудь, держа в руках своих малых детей. Священники читали молитвы с берега, нарекая сразу целые группы крестящихся одним и тем же именем. В стране основаны были епископии, церкви строились по византийскому образцу греческими архитекторами, открывались мощи, заво-

дились школы, и много детей обязано было их посещать, хотя, по свидетельству летописцев, матери плакали навзрыд, посылая их в школу как на смерть. Там изучалось священное писание в славянском переводе Кирилла и Мефодия.

О безбрачии духовенства или о постройке монастырских общин в то время не было даже и речи в России. Прекратилось ли, по крайней мере, хоть многоженство, перестали ли хозяева угощать своими молодыми дочерями знатных гостей, останавливающихся у них на ночевку? Об этом ничего не известно.

После смерти Владимира, в 1015 году, разделение его владений между двенадцатью сыновьями и последовавшие затем кровавые семейные раздоры задержали, — говорят нам, — распространение христианства в России. Но Ярослав, сделавшийся наконец единовластным правителем, ревностно продолжал дело. Он приказал перевести некоторые назидательные греческие книги, поощрял составление самостоятельных религиозных сочинений (неизвестно каких и по каким первоисточникам) и даже, будто бы, сам принимал участие в книжных трудах.

Так,— говорят нам,— началось христианство в России, придя туда из Византии лишь накануне крестовых походов. Все это, конечно, полусказка, но она не противоречит реальности, по крайней мере с хронологической стороны, да и церковная литература и художество России носят греческий характер, хотя и не без влияния латинизма. Ведь и самое слово церковь — латинское, а не греческое (circus, а не κύκλος или κίρκος) и крест (crux, польское «кшыж», а не σταυρός) тоже латинского происхождения.

Тоже и на Балканах.

Хотя Богемия, как мы уже видели, считалась в X веке между христианскими странами, однако же христианство ее было еще очень не отчетливое. По смерти князя Радислава, в 925 году, его мать христианка Людмила,—говорят нам,—приняла на себя попечение о его двух сыновьях, Вячеславе и Болеславе, а вдова Радислава, Драгомира, бывшая ревностной язычницей, добилась умерщвления Людмилы, но, по свидетельству Косьмы Пражского,[1] вскоре была поглощена расступившейся землей вместе со своей колесницей и лошадьми за то, что изрекла богохульство, проезжая мимо одной церкви в Праге, как очень часто происходило прежде, а теперь уже нет.

Ее сын Болеслав, называемый «жестоким», стал за это изгонять духовенство и разрушать церкви и монастерионы, которые тогда были еще двуполыми. Только в 950 году, после долгой борьбы против Оттона I, он был вынужден, наконец, уступить и восстановить разрушенные им церкви. А его сын Болеслав Благочестивый принял даже решительные меры для подавления язычества и основал в 973 году пражскую епископию.

Вторым пражским епископом был богемец знатного происхождения, учившийся при Адальберте, магдебургском архиепископе, и принявший имя этого прелата вместо своего прежнего богемского имени Войцеха. Он увидел, что в его пастве духовенство жило в браке и наложничестве, и весь народ предавался многоженству и браку в близких степенях родства. Адальберт решил устранить все это, но его нетерпимость и властолюбие вызвали противодействие. Утомившись в непосильной борьбе, он отправился около 997 года на миссионерство в Пруссию, но тоже безуспешно. Хотя всякий раз, когда пруссы не хотели его слушать, он демонстративно обращался со своею проповедью к их коровам и ослам, которые одобрительно кивали ему головами в знак своего согласия, но такое подтверждение его правоты нисколько не повлияло на жестоковыйных варваров.[1]

[1] Pertz, «Monumenta historica», IX, 1826.

Славянская литургия, допущенная великим римским понтифексом Иоанном VIII (872—882) для Моравии, введена была и в Богемии, что возбудило в XI веке противодействие папы Григория VII.

«Богу угодно было,— говорил он,— чтобы священное писание не выставлялось повсюду, дабы не сделалось заурядным и не давало повода к заблуждению и чтобы употребление туземного языка давалось только в виду особых временных обстоятельств, которые теперь давно прекратились».[2] Однако, его запрещение не прививалось благодаря тому, что, когда народ славянского племени соприкасался с пределами Греческой империи, сами папы находили для себя выгодным удовлетворять его национальные чувства допущением понятного народу богослужения, хотя во всех других местах они старались ввести международную латынь. Только благодаря конкуренции с Византией славянская литургия и продолжает употребляться во многих церквах Иллирии до настоящего времени.

Для обращения поляков было сделано очень мало до того времени, как в 965 году их князь Мечеслав женился на Домбровке, дочери Болеслава Жестокого. Два года спустя Домбровка уговорила своего мужа принять христианскую веру, и он начал принуждать к ней всех своих подданных, под страхом суровых наказаний. Всякому, кто стал бы есть мясное в течение Великого поста, он приказал вырывать зубы, и рассказывающий об этом немецкий летописец Титмар, епископ мерсебургский, одобрительно прибавляет, что при деятельности среди такого грубого народа, как славянский, с которым нужно обходиться как со скотом и бить его, как ленивых ослов, суровые средства обращения были гораздо более полезны, чем мягкие способы.[3]

Хотя сначала христианство в Польше заимствовано было из греческих источников, но четвертая жена Мечеслава или Мешко II, Ода, дочь одного германского маркиза, склонила его в пользу латинства.

[1] Vita Adalberti apud Pertz, «Monumenta Germaniae Historica», IV, 30.
[2] «Epistola», 32.
[3] Thietmar, VI, 35 etc. Робертсон, I, 96.

Однако, после его смерти, в 1034 году, в Польше начались смуты. Язычество опять подняло в ней голову, явилось много отступников от христианства, церкви, и монастерионы сжигались. Поляки, наконец, решились предложить свою корону Казимиру, сыну покойного короля, находившемуся в изгнании в германском аббатстве Браунвейлере, и христианство было окончательно водворено.

А что же было в самой Германии?

Германские государи в течение всего X столетия, особенно Оттон Великий, старались о подавлении язычества в северной части своих владений. Но меры эти вообще произвели мало впечатления на живште там славянские племена вследствие того, что германские миссионеры не знали славянского языка. Время от времени происходили значительные восстания против чужеземной власти, церкви разрушались и духовенство избивалось. Даже в 1047 году новая вера казалась совершенно искорененной в этой стране. [1]

Мы видели до сих пор уже несколько примеров, как христианство проникало в «варварские страны» через женитьбу их князей на княжнах-христианках. То же самое произошло, — говорят нам, — и в Венгрии.

В 972 году ее князем сделался Гейза, который женился на Сарольте, дочери Гиулы и под ее влиянием склонился к христианству. Но обращение Гейзы было сомнительного свойства. Признавая себя христианином, он по примеру библейских израильтян продолжал приносить жертвы идолам. Когда епископ Бруно протестовал против этого, он отвечал, что достаточно богат для того, чтобы делать жертвы и тем, и другим богам. Но сын его Вайка, которому дано было имя Стефана, сделался знаменитою личностью в венгерской истории. Он получил тщательное воспитание и в 997 году взошел на престол. Языческая партия, противодействовавшая ему, была усмирена, и в 1000 году он добился от Оттона III возведения своих владений на степень королевства, и оно, расширенное прибавлением Трансильвании и части Валахии (известной под названием Черной Венгрии), поставлено было под особое покровительство Мадонны. Вайка учреждал епископские кафедры, строил монастыри и храмы и принимал все меры к тому, чтобы каждые десять деревень складывались вместе для основания своей собственной церкви. У всякого, кто оказывался работающим в воскресенье, отбирались лошади, волы и орудия, употреблявшиеся в работе; за разговоры в церкви люди высшего состояния подлежали изгнанию из нее с бесчестием, а люди простого звания публично подвергались за ее дверями наказанию кнутом.

Но Вайка-Стефан умер в 1038 году, и язычество, подавлявшееся в первой половине XI века так настойчиво, что король Андрей в 1048 году даже назначил смерть в наказание за поклонение иным богам, дважды вновь восстановилось и приобретало господствующее положение в Венгрии, на время совершенно заменяя собою христианство.

[1] Adam Bremen, I, 10.

Не менее трудно распространялась новая вера и на прибрежьях Балтийского моря.

Завоевания Карла Великого привели франков в близкое соседство с северными народами. Он построил церковь в Гамбурге, а внимание его сына Людовика Благочестивого было направлено и к Норд-Альбингии. Сама его политика делала желательным крещение прибалтийцев, потому что, пока германцы отделялись только Эльбой от державшихся религии своих отцов, у них было постоянное искушение отречься от навязанного им силою христианства, а вместе с ним и подданничества, знаком которого оно было. Но дело началось с датчан.

Миссионеры в Дании,— говорят нам,— изобразили тамошнему королю духовные и земные блага христианства с таким успехом, что он прибыл в 826 году в Ингельгейм со своей королевой и с большой свитой приближенных и принял крещение в Менце. Затем миссионеры начали успешно крестить и подданных, давая каждому белую рубашку. Все радовались и вере и рубашкам. И лишь один раз, когда истощился запас обычных крестильных одежд, новообращенный норманн открыто выразил царю Людовику свое негодование вследствие того, что ему пришлось получить одежду из более грубой материи.

— «Я уже купался здесь двадцать раз,— сказал он,— и всегда давали мне одежду из белой материи, а такой мешок, как этот, приличен скорее какому-нибудь свинопасу, а не воину. Если бы мне не было позорно итти нагим, то я бросил бы здесь и вашу одежду, а вместе с нею и вашего Христа». [1]

«Апостол Севера» Анскар (иначе Ансгарий, умерший в 865 году) избрал центром своей деятельности среди датчан Надеби, против Шлезвига, и устроил там школу для мальчиков, причем ученики часто покупались им у родителей. Но датский король Гаральд своею переменою религии возбудил негодование среди своих соотечественников, особенно после того, как стал разрушать местные многобожные храмы, и враждебная ему партия воспользовалась этим настроением. Он был изгнан и удалился в один округ во Фризии, предоставленный ему императором, а Ансгарий также принужден был оставить Гадеби и отправился в Швецию. После многих испытаний он прибыл наконец в Бирку (т. е. пристань) на озере Меларе, но без содействия властей имел там мало успеха. Он возвратился обратно и поселился в Гамбурге, где тоже купил несколько мальчиков с целью воспитания их в духе христианства, но и тут было неудачно. Спустя некоторое время, Гамбург подвергся нападению большого отряда норманнов, и Ансгарий принужден был бежать, хотя и не надолго. Неоднократные политические миссии от Людовика Благочестивого сделали «северного апо-

[1] Pertz, «Monumenta Germaniae Historica», II, 508.

стола» известным датскому королю Горику (иначе, Эрику), который давно был одним из самых сильных северных опустошителей и водил то самое войско, которое сожгло и ограбило Гамбург. Ансгарий приобрел на него сильное влияние, и он дал миссионерам позволение проповедывать в его владениях и построить церковь в Шлезвиге.

Теперь, при содействии властей, дело обращения пошло быстро. Датские торговцы, принявшие крещение в Гамбурге или Дорштадте, открыто исповедывали там христианство. Ансгарий путешествовал потом с посольством от Эрика к Олафу Шведскому, имея в руках горячее рекомендательное письмо. Но; высадившись в Швеции, он нашел там состояние дел очень не ободрительным. Незадолго до него один швед заявил в национальном собрании, будто он получил внушение от богов, которые повелевали ему передать своим соотечественникам, что если они хотят наслаждаться постоянным благоденствием, то должны восстановить древнюю веру и изгнать все другие религии. Однако, Ансгарий решил продолжать дело. Пригласив к себе короля на обед и расположив его к себе дарами, он попросил позволения проповедывать. И вот, отовсюду стали стекаться обращенцы, строились церкви, и Ансгарий нашел возможность возвратиться в Данию, оставив во главе шведской миссии Гумберта.

В его отсутствие Эрик пал в кровавой битве с языческой партией. Наиболее могущественные из друзей Ансгария разделили участь своего короля, большая часть Дании была теперь в руках врага. Но Эрик II, наследовавший часть владений своего отца, выразил такое же горячее сочувствие к евангелию, какое имел и его отец. Миссионеры возобновили свои труды. Христианство теперь распространялось быстрее, чем когда-либо. Шлезвигской церкви позволено было обзавестись колоколом, и в Рипе, втором городе Дании, на берегу, противоположном Британии, основана была другая церковь. [1]

Так христианство распространилось среди северных народов, как и везде, сверху вниз, путем привлечения к нему сначала королей и знати.

Но даже и в X веке обращение Дании ограничивалось лишь пределами материка, а острова все еще оставались языческими, пока в 966 году один миссионер, по имени Поппо, пользуясь гостеприимством короля Гаральда Зеленого Зуба, не «вступил в спор с некоторыми из его гостей», которые утверждали, что есть и другие боги, кроме Христа. Но они были посрамлены. В доказательство исключительной истинности своей религии Поппо, — уверяют нас теологи, — надел на руку раскаленную до-красна железную перчатку и носил ее без вреда для своей руки до тех пор, пока король не объявил себя убежденным. Однако, несмотря на такое чудо, Зеленый Зуб не принимал крещения, пока Оттон

[1] Mabillon, «Acta Sanctorum Ordinis s. Benedicti», Paris. 1668 — 1701. См. Жизнеописание Ансгария от имени его ученика Римберта.

Великий не нанес ему поражения в 972 году, и не настоял на этом, как на условии мира. И вот, выйдя из крестильной купели, датский король совершенно преобразился. Он стал принуждать своих подданных к припятию евангелия с такой неумеренностью, которая повела к двум восстаниям, под предводительством его собственного сына Свейна. После пятидесятилетнего царствования Зеленый Зуб был низведен с престола и умер от полученной в битве раны.

Свейн, хотя и был крещен в детстве, но не убежден, и преследовал христианскую веру в течение многих лет. Только к концу своей жизни, благодаря поражению в Англии, он возвратился к религии своих прежних дней. Наконец, в 1014 году ему наследовал Канут, который как в Англии, так и в северных владениях Дании старался «загладить грехи своего отца». Для датских пилигримов в Рим был устроен в нем даже и госпиталь.

Христианство, насажденное Ансгарием в Швеции, ограничивалось долго окрестностями Бирки, и в течение семидесяти лет после смерти этого «северного апостола» страна едва ли когда-либо посещалась миссионерами. Там возникло нечто среднее между язычеством и христианством, любопытным примером чего служит одна застольная, еще и теперь существующая песня, где хвалы Троице воздаются в том же стиле, какой употреблялся при прославлении богов Валгаллы.

Для распространения евангелия в Швеции важное значение имело царствование Олафа Стоткунунга, то есть, «колéнного» короля, потому что он, будто бы, сделался королем еще на коленях своей кормилицы. Это было к концу X столетия, и он умер около 1024 года, призвав в свою страну много духовенства из Германии и Англии. Олаф хотел разрушить древний языческий храм в Упсале, но подданные упросили его ограничиться лишь построением церкви для его собственной религии, не принуждая силою к христианству. В это же время, — около 1015 года, — говорят нам, — древние рунические буквы были заменены среди шведов латинским алфавитом. Но можно ли утверждать, что там была когда-нибудь и языческая письменность? Едва ли. Вопрос о времени рун надо пересмотреть.

Насильственные меры, которыми Олаф старался распространить евангельское христианство, возбудили, как и в других случаях, общую ненависть к нему среди приверженцев древней религии. Только королем Инге в 1075 году было запрещено идолослужение, и христианство после многих колебаний было окончательно утверждено в Швеции.

Среди норвежцев первые обращенцы охотно признавали Христа богом Англии, а у себя дома более всего полагались на своего старого Одина, которого считали все еще царствующим над их приморской землей.

Чтобы привести их всех в христианскую веру, норвежский король Гако, воспитанный по-христиански при английском дворе, решился в 938 году утвердить свою веру среди подданных таким

оригинальным способом. На великом языческом празднике Юла (т. е. Колеса) он публично выпил в честь национальных богов, но сделал при этом знамение креста над своей чашей, причем Сигурт, его главный советник, объяснил собравшемуся обществу, что этот крест есть молот их бога Тора.

Языческая партия, однако же, не поверила объяснению.

Восемь из ее вождей произвели нападение на бывшее в стране христианское духовенство, и в следующий Юльский праздник Гако был принужден пить в честь богов, не делая более знамения бога Тора. Смерть его была оплакана одним скальдом в знаменитой песне, прославляющей его принятие в языческую Валгаллу и объявляющей, что в виду той терпимости, которую он показывал к древней религии, его преданность христианству была забыта и прощена древними богами.

Окончательно водворил христианство в Норвегии только Олаф Тригвезен, прославляющийся в северных летописях как сильнейший и храбрейший из людей. В одном месте он встретил восемьдесят язычников, считавшихся колдунами. Он сделал сначала попытку обратить их, когда они были трезвы, потом другую, когда они были совершенно пьяны, и, так как их нельзя было склонить к христианству ни в том, ни в другом состоянии, то он поджег здание, в котором они были собраны. Другому упорному язычнику и волшебнику он посадил в горло змея, который проел все его тело и послужил причиной его смерти. А когда один юный герой, по имени Эндрид, согласился, чтобы вопрос о его религии был решен исходом состязания между ним и соперником, назначенным ему со стороны короля, то соперником ему выступил сам Олаф. В состязании, продолжавшемся три дня, он блистательнно победил Эндрида в плавании, нырянии, стрельбе из лука, игре в мяч и, подготовив его таким образом к принятию христианского учения, закончил наставлением его в началах веры. Благодаря одному видению. Олаф избрал покровителем Норвегии святого Мартина и приказал, чтобы чаша, обыкновенно употреблявшаяся при питье в честь Тора, на будущее время была посвящена питью в честь этого святого.

Стремительность Олафа в распространении христианства, наконец, стоила ему трона. Зигрида, прекрасная вдова одного шведского короля, с такою суровостью отвергавшая сватовство мелких князей Швеции, что одного из них даже сожгла в своем замке с целью исцелить других от желания добиваться ее руки, задумала выйти замуж за Олафа и с этою целью посетила его двор. Но вследствие отказа ее креститься, он отказался на ней жениться, за что она решилась ему отмстить. Она вышла замуж за Свейна Датского, и новый супруг, по ее настойчивому убеждению, решил предпринять поход против Норвегии. Произошло морское сражение. Корабль Олафа «Длинный дракон» после отчаянной защиты был взят, причем король и девять других лиц, которые только и остались из всего экипажа, побросались в море.

Олаф исчез в воде, но не утонул. Почти через пятьдесят

лет после этого, один норвежец, по имени Гавд, заблудившись на своем пути среди песков Египта, получил во сне указание пути к монастырю, где к своему удивлению нашел престарелого аббата из своей собственной страны. Вопросы ему аббата были таковы, что паломник невольно спросил его: не он ли сам король Олаф? Последовавший ответ был уклончив, но тем не менее дело было ясно: аббат поручил Гавду, по возвращении в Норвегию, передать свой меч и пояс одному воину, который искал смерти вместе с Олафом, но был вынут из воды. Он просил сказать ему, что в тот роковой день никто не проявил больше храбрости.

Гавд исполнил данное ему поручение, и норвежский ветеран, получив присланные ему дары и похвалу, остался в полной уверенности, что египетский аббат, приславший ему меч и пояс, был в том бою его царственным властелином.

Крестник этого Олафа, тоже Олаф, сын Гарольда, сделавшийся королем в 1015 году, продолжал его дело. Из Англии было приглашено много миссионеров, и во главе их епископ, по имени Гримкил, т. е. двурогий (вследствие формы его митры) составивший кодекс церковных законов для Норвегии. Один исполинский воин, по приказанию короля, разбил статую Тора на куски. И вот, из внутренности ее бросились во все стороны отвратительные животные, которые находили в нем себе жилище и питались ежедневными приношениями. Все окружающие при виде такой мерзости согласились принять крещение.

Год спустя после смерти этого короля, его тело было вырыто двурогим Гимкилом. На нем не оказалось никаких признаков разложения, у него выросли даже волосы и ногти. Он был признан святым и перенесен в построенную им ранее церковь святого Климента в Нидаросе. В следующем столетии архиепископ Эйстейн (или Августин) построил там собор и положил над алтарем его мумию. Олаф был избран покровителем Норвегии, от множества чудес далеко распространилась его слава, и к гробу его стекались пилигримы из далеких стран, чтобы получить исцеление.

Для оценки «историчности» всех этих сообщений послушаем теперь и то, что говорят нам о средневековом распространении христианства в Исландии, Гренландии, да и в самой Америке еще за 600 лет(!!!) до ее открытия Колумбом на Панамском перешейке в 1502 году.

Нам говорят, будто «Ледяная Страна» (Исландия) сделалась известною норвежцам еще в 860 году, когда на берег ее выброшен был один норвежский корабль. Затем, после победы Гаральда Светловолосого при Гафурсфиорде в 883 году, временно объединившей Норвегию, многие мелкие князья ее вынуждены были искать убежища в других странах. Из них переселенцы в Исландию принадлежали к наиболее цивилизованному классу норвежцев, и жизнь на новой родине приняла очень культурный характер. Земля была поделена на участки, жители предались торговле, меняя разные произведения своего острова на хлеб,

лес и другие необходимые им предметы. Там были свои национальные и провинциальные собрания, причем главой острова был «законник», избиравшийся на всю жизнь, и на обязанности его было действовать в качестве охранителя законов. С его властью связывалась и должность жреца. В религиозном же отношении, хотя и установлено было поклонение Одину, но вообще допускалась полная свобода религии.

В 981 году один исландец по имени Торвальд, бывший сначала пиратом, привез с собою на остров саксонского епископа, по имени Фридриха, которым он был обращен в христианство. Построена была церковь, и наставления Фридриха были приняты хорошо, хотя большинство его прозелитов и отказались от крещения, стыдясь обнажаться при этом обряде и надевать белую одежду, которую в их стране носили только дети. Но вскоре поклонники Одина доведены были до враждебности грубым способом, которым Торвальд продолжал распространять свою религию. Через пять лет он сам и его епископ были изгнаны и нашли убежище в Норвегии, где Торвальд, встретившись с одним из тех, кто наиболее яростно противодействовал ему в Исландии, убил его. И все же христианство постепенно стало вытеснять собою и в Исландии последние остатки язычества.

В 1121 году там основан был первый монастерион, и духовенство, получавшее воспитание в Германии, Франции и Англии, приносило в Исландию с собою знания и рукописи чужеземных стран. Так на этом отдалённом острове сохранилась литература летописей, поэм и саг, древнейшая литература скандинавов, составляющая единственный источник сведений касательно большей части северной истории.

Из Исландии, — говорят нам, — христианство распространилось и в еще более отдаленную страну. В 982 году, один норвежец, по имени Эрик Красный решился поискать берега, который за несколько лет пред тем был виден на западе неким Гуннбиорном, и склонил многих из своих соотечественников отправиться вместе с ним. Он назвал его Гренландией (зеленой страной), и устроенное им там поселение быстро расцвело.

Было, — говорят нам, — построено тринадцать церквей на восточной части Гренландии, четыре на западной и, кроме них три или четыре монастериона. Во главе Гренландской церкви последовательно стояло шестнадцать епископов. Но вдруг с половины XV столетия, как раз перед тем как Колумбу пришло в голову открывать Америку, «Гренландия была потеряна и совершенно забыта европейцами». Лед, — говорят нам, — настолько скопился (в ожидании Колумба!) около ее берегов, что сделал их совершенно недоступными, и семнадцатый епископ, назначенный для ее церкви, не в состоянии был высадиться на берег. Кроме того, население этой страны было опустошено «черной смертью» и — догадываются старые историки — ослабленные норманнские жители Гренландии были подавлены эскимосами с материка северной Америки, предками теперешних ее жителей». Так печально окончилось «первое Гренландское царство». Не лучше было и с самой Америкой.

Норманны, — говорят нам, — простерли свои открытия из Гренландии до американского материка. В 1000 году, еще за 500 лет до Колумба, сын Эрика Красного Лейф, поощренный рассказом Биорна, сына Гериульфа, о своих приключениях при поисках Гренландии, отправился, будто бы, на корабле в южном направлении и исследовал несколько берегов, одному из которых дано было название Винланд (то есть «Страна винограда), так как один из его сотоварищей, уроженец южной Германии, нашел среди растений страны и виноградную лозу. Так, даже и на берегах самой Америки, — говорят нам, — было сделано несколько поселений. В 1121 году одну экспедицию в Винланд, будто бы, сопровождал даже и епископ, по имени Эрик, и утвердил среди туземцев христианскую веру.

Но все это опять пропало ко времени Колумба, и только уже в новейшие времена любители древности «нашли и в Америке следы христианства, насажденного норманнами в средние века».

Оказывается, что там проповедывал один ирландский епископ, по имени Иоанн и тоже (почему-то) был замучен. А скептики утверждают, что весь рассказ этот возник из смешения американского Винланда со страной вендов в северной Германии, где этот Иоанн действительно был епископом Мекленбурга. Таким образом, и все, что рассказывается об открытии «норманнами» Гренландии (забытой потом до половины XV века) и самой (тоже забытой потом) Америки и о ее до-колумбовском норманнском христианстве, уже считается за миф.

А мы прибавим к этому, что за миф же должны мы считать даже и открытие норманнами «Ледяной земли» — Исландии — в средние века, потому что никаких, не только регулярных, ежегодных, но даже и случайных сношений с нею нельзя было физически установить до открытия компаса Флавием Джойа (между 1320 и 1330 годами нашей эры). Ранее его компас был совершенно неизвестен в Европе.

Легкомысленно воображаемое изобретение компаса китайцами и арабами еще «задолго до Флавия Джойа» есть одна из обычных исторических шуток, с которыми пора покончить. Нет ни малейшего сомнения, что магнитный железняк много раз бывал в руках у самых древних людей, но для того, чтобы открыть его ориентировочные свойства и применить к мореходству, надо было, чтоб он попал в руки опытного естествоиспытателя-экспериментатора. Ориентироваться одной стороной к северу, а другой к югу кусок магнитного железняка может лишь привешенным на ниточке с возможностью вращения в определенной плоскости или плавающим в таком же положении на деревянной дощечке в сосуде с водой. Но раз его ориентировочное свойство было открыто одним из этих способов, то не могло замедлиться и превращение компаса в тот вид, в каком мы его имеем. И если бы

Флавио Джойа только перенес его с плотика на иглу, то было бы смешно называть его изобретателем компаса и отмечать это как новую эру в мореплавании. Приходится признать, что и китайцы и арабы стали употреблять компас не ранее XV века, после того как он уже вошел в употребление в Европе.

Даже и с Ферререкими островами па полпути к Америке немыслимы были до компаса предумышленные сообщения, так как всякий, кого занесла бы туда буря, уже не знал бы, как ему возвратиться обратно.

Надо быть наивным ребенком для того, чтобы допустить бескомпасное мореплавание иначе, чем в виду берегов. А вне их видимости можно плыть целесообразно не более двух трех суток, да и то в полной уверенности, что все время будет ясная погода и попутный ветер. Так, можно было при прочном восточном ветре и прочной ясной погоде Средиземного моря решиться на переезд через Таррентский пролив, где невидимость того или другого берега продолжится не более нескольких часов, и можно, руководясь солнцем, направлять корабль приблизительно в должном направлении, тем более, что противоположный берег длинен и поперечен к пути. Можно было также рискнуть (хотя для этого и приходилось быть отчаянным моряком), чтобы переплыть без компаса из Туниса в Сицилию при тех же условиях погоды. Но только сумасшедший мог бы сделать попытку переезда в Исландию по северной части Атлантического океана, где около 400 километров надо плыть от Ферререких островов и около 300 километров от Шетландских до Ферререких, не имея под рукой компаса, не говоря уже о меркаторской карте, изобретенной только в 1569 году, а также о секстанте для определения геодезической широты, и хронометра для определения геодезической долготы для места нахождения корабля.

Надо же иметь хоть немного соображения!

Плыть без компаса по открытому морю в облачную погоду— то же самое, как итти в заранее намеченное отдаленное место с завязанными глазами. А если, вдобавок, вы еще не знаете точного направления, в котором надо итти, — а этого нельзя знать без точной меркаторской карты, — и не можете проверить место нахождения вашего корабля во время пути секстантом и хронометром, то дело становится совершенно безнадежным.

Представьте себе, что вы приехали на берег моря, вам дали парусное судно и матросов и показывают куда-то на северо-восток пальцем, говоря: «поезжайте в этом направлении и вы через несколько суток приедете на один остров, если ветер будет все время подходящий». Но ветер переменчив, корабль дрейфует в стороны, морские течения незаметно относят вас от должного направления. Ведь, даже и при компасе, без точной меркаторской карты, по одному указанию невидимого места пальцем с вашего берега, все шансы будут за то, что вы через неделю проплывете в стороне от нужного вам острова, совсем его не заметив, и уплывете в безбрежную даль. А без компаса в открытом море, где нет никаких точек опоры, как вы будете знать, особенно в облачную погоду, направление, на которое вам указывали пальцем на вашем родном берегу? И не приедете ли вы, не замечая того, обратно, или в какую-нибудь из боковых стран? Ведь, это, повторяю, все равно, как если б вы стояли на руле с завязанными глазами. Мне приходилось бывать в таких положениях в средней России. Даже и без компаса, когда ночь была звездная или солнце сияло на небе, я всегда приходил, куда мне нужно, без дорог в приволжском большом лесу через несколько километров расстояния; а вот, однажды, отправившись без этого инструмента на лыжах в облачную тихую погоду и не имея никакой возможности проверять в пути взятое вначале направление, я проплутал там половину суток, раньше чем удалось случайно выбраться на знакомое место. Совершенно в таком же точно положении находится и моряк без компаса в открытом море.

И я утверждаю, — и всякий моряк со мной согласится, — что до изобретения компаса и хотя бы грубых морских карт и способов определения места корабля в море, поездки в Исландию из Норвегии, Дании и Шотландии с какими-либо торговыми или другими целями были невозможны. И даже если б какой-нибудь средневековой корабль был занесен бурею на этот остров, то уже никто не знал бы, в каком направлении надо ехать, чтобы возвратиться домой. Исландия фактически не могла быть колонизирована ранее конца XIV века нашей эры. И если исследователи скандинавских литератур нашли там в сохранности ряд саг языческого эпоса, то этим доказывается лишь то, что христианство проникло туда не в X или XI веке, как нам говорят, а не ранее конца XVI века, когда уже вошли в употребление и меркаторские карты, и астрономические способы определения геодезической широты и долготы корабля в открытом море, да и самое христианство потеряло свою средневековую нетерпимость.

Все то, что нам рассказывают о норманнской Исландии, если оно имеет хоть каплю истины, должно было произойти на несколько столетий позднее. Но тогда поднимается вопрос: а не позднее ли на несколько же столетий было и то, что я здесь рассказал со слов летописца и новейших историков о введении христианства, а вместе с ним светской и духовной литературы и в Швеции, и в Норвегии, и в Дании, и в России? И не слишком ли углублены в древность, а отчасти и преувеличены, все сказания о норманнах, что по-немецки просто значит: северные люди, какими для южан могли быть и французские норманды, и англичане (northmen), и сами прибалтийские немцы, а не только одни норвежцы?

Точно так же трудно судить без дальнейших исследований на основании новой хронологии и о сущности того христианства, которое распространялось вначале через миссионеров. Клерикальные историки, конечно, считают несомненным, что оно было

таким же, как и перед реформацией: с монахами, монахинями, мощами, иконами, а у католиков и со статуями, и с проповедью единоженной семьи. Не будем спорить об иконах и статуях, без них, конечно, дело не обошлось во всей Европе, но подумаем о том, что кладет особый отпечаток на нашу современную психику: на тогдашний семейный строй.

Ведь, трудно сомневаться, что языческая семья у знатных лиц была, как и у библейских мессианцев и у коранических магометан, многоженной с теми же наложницами и возлюбленными, и может быть даже, как говорят о древних язычниках, с угощением знатных посетителей своими дочерями и женами, принимая это для них и для себя за честь (как, впрочем, считалось и христианскими придворными, когда самодержавные государи удостаивали их жен своим вниманием).

Ведь, и сами миссионеры и религиозники считались тогда чем-то вроде полубогов, а потому первично не только имели такой же семейный строй, как и знатные, но, вероятно, обладали и правом первой ночи, как способом освящения новобрачной для ее дальнейшей семейной жизни, и всякий верующий муж считал за честь предоставить на время свою жену «святому». И едва ли эти «святые» отказались бы добровольно от своих привилегий ранее, чем микробы венерических болезней и другие заразительные эпидемии, которые приписывались половым извращениям, заставили их сделаться моногамистами.

Но даже, если миссионеры X и XI веков и были даже безбрачниками или единоженцами, то дело от того нисколько не изменяется. Везде мы отмечали в нашем кратком очерке первичного введения христианства у многобожных народов Европы, что оно начиналось не с рабов, а с господ, не с подданных, а с их властелина, который разбивал своего прежнего бога и железной рукой заставлял своих подданных припять «христову веру». Без этого миссионеры никогда ничего серьезного не могли сделать.

И вот, логически вытекает отсюда такой никогда еще не затронутый историками вопрос: а что же делали только-что перечисленные нами Владимиры святые, Болеславы благочестивые, Мечеславы польские, Вайки венгерские, Гаральды «Золотые Зубы», Олафы шведские и Олафы норвежские со своими гаремами, принимая христову веру, если она в устах призванных или пришедших к ним миссионеров не была тоже гаремная вера? Само отсутствие каких-либо сообщений о разгоне или насильственном водворении в монастырь всех княжеских и боярских жен, кроме одной, и о их вопле и бунтах при насильственном заточении или возвращении обратно к своим родителям, показывает, что языческий строй семьи не изменялся резко в Европе при переходе ее разноплеменных народов в христианство, значит и сами проповедники были первоначально люди «легкого нрава», а переход к единоженной семье с прекращением распущенной жизни, с возникновением даже ее антитезиса — восхваления монашества и даже скопчества — должен быть приписан, как я уже не раз старался показать в разных местах этой работы, не христианской религии, а распространению связанных с нею вначале венерических болезней. И они были неизбежны при прежней свободе мимолетных связей, особенно со служителями культа, приведшей к посланию от имени апостола Павла к Тимофею, что епископ «должен быть не опорочен, единоженец, бдителен, трезв и хорошего поведения» (Тимофею, III, 2). Само собой понятно, что послание это, если оно латинского происхождения, должно быть написано до церковной революции первого римского папы, Григория Гильдебранда (1073 — 1085), отменившего совсем брак латинского духовенства, и, повидимому, оно принадлежит к переходному времени примерно X века, когда именно и расцвели церковные миссии для обращения язычников. Но и тут мы видим, что браки духовенства запрещены были римской церковью лишь в конце XI века, а на Востоке около того же времени было введено единоженство священников с целью противодействия их прежнему профессиональному разврату.

ГЛАВА IX

ЭЛЛИНИЗИРОВАННЫЕ ОСТАТКИ ПРЕЖНЕЙ ВЕЛИКОЙ РОМЕИ ВО ВРЕМЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Посмотрим сначала на дворцовую хронику данного периода, этот полууголовный роман из тех, какими наши первоисторики особенно интересовались. Вот что рассказывают нам они.

В правление Алексея I Комнина (1081 — 1118) государство вышло из целого ряда внешних опасностей, грозивших иногда самому существованию империи. А его наследник Иоанн II (1118 — 1143) должен был сразу же пережить тяжелые минуты: был раскрыт заговор против него, во главе которого стояла его сестра Анна и в котором замешана была его мать. Заговор не удался. Иоанн очень милостиво отнесся к виновным, большая часть которых лишилась только имущества. Он был, по словам Никиты Хониата, «венцом всех царей, которые восседали на римском престоле из рода Комнинов». Он был скромен. Прежних развлечений и громадных трат не было при нем.

Полною противоположностью ему явился его сын и преемник Мануил I (1143 — 1180).

«Убежденный поклонник Запада, латинофил, поставивший себе идеалом тип западного рыцаря, стремившийся постигнуть тайны астрологии, новый император, — говорит А. А. Васильев в своей книге «Византия и крестоносцы», — сразу совершенно изменил суровую придворную обстановку отца. Веселье, любовь,

приемы, роскошные празднества, охота, поединки-турниры, устраиваемые на западный образец, — все это широкою волною разлилось по Константинополю. Посещения столицы иностранными государями, Конрадом III германским, Людовиком VII французским, румским султаном Кылыч-Арсланом и различными латинскими князьями Востока, стоили необычайных денег.

Громадное число западно-европейских выходцев появилось при византийском дворе, и в их руки стали переходить наиболее выгодные и ответственные места в империи. Два раза Мануил был женат на западных принцессах: первая жена его была сестра жены германского государя Конрада III, Берта Зальцбахская, переименованная в Византии в Ирину; вторая жена была дочь антиохийского князя, Мария, по происхождению француженка, замечательная красавица. Все правление Мануила было обусловлено его увлечением западными идеалами, его мечтою восстановить единую Римскую империю через отнятие при посредстве папы императорской короны у германского императора, и его готовностью заключить унию с западною церковью.

Сыну и наследнику Мануила, Алексею II (1180—1183), едва было двенадцать лет, когда отец умер. Регентшею была объявлена его мать Мария Антиохийская, но главная власть перешла в руки племянника Мануила, протоавгустейшего Алексея Комнина.

Новое правительство тоже искало опоры в латинском элементе, и народное раздражение росло. Против могущественного протоавгустейшего Алексея составилась сильная партия, во главе которой встал Андроник Комнин, племянник Иоанна II и двоюродный брат Мануила I, принадлежавший к младшей отстраненной от престола линии Комнинов. Он объявил себя сторонником греческого национализма и после смерти Мануила задушил его малолетнего сына Алексея II и Марию Антиохийскую, устроил бойню латинян в Царь-Граде, и потом сам был низвергнут и убит. Так окончилась династия Комнинов, и после нее началась династия Ангелов.

Но все это, как видит сам читатель, лишь дворцовый уголовный роман «семьи Комнинов», а не история Ромеи-Византии, с которою его напрасно смешивают. Возвратимся же вспять и посмотрим, что делалось в этот период за стенами дворца. Возьмем сначала Запад.

Герцог Апулии, Роберт Гюйскар, покончив с завоеванием южно-итальянских ромейских владений, перенес военные действия на Адриатическое побережье Балканского полуострова против остатков Великой Ромеи. Располагая уже значительным флотом, он выступил в поход против Алексея в Диррахий (теперь Дураццо) в Иллирии, главный город одноименной фемы-дуката (т. е. герцогства), по справедливости считавшийся ключом к империи на западе[1]. От Диррахия начиналась построенная еще в

[1] Это, насколько мне известно, первое упоминание о «герцогстве». Слово дука происходит от латинского dux — вождь, откуда и французское duc.

средние века военная Эгнатиева дорога (via Egnatia), шедшая на Солунь и дальше на восток к Царь-Граду. Вполне естественно, что главное внимание было направлено Робертом на этот пункт. «Северные люди» (норманны[1]), завоевав остров Корфу, осадили Диррахий с суши и с моря. Но пришедшие венецианские корабли, вступив в союз с ромеями, освободили осажденный город со стороны моря, а на суше Гюйскар разбил прибывшее с Алексеем во главе сухопутное войско, в состав которого входили македонские славяне, турки и даже варяго-английская (!!) дружина. Только восстание в южной Италии заставило Роберта удалиться.

Таким образом наступательная попытка его на Балканский полуостров потерпела неудачу. Но вопрос о южно-итальянских владениях Ромеи-Византии был при нем решен окончательно. Роберту удалось соединить в одно целое различные тамошние графства и образовать Апулийское герцогство. Он, по словам Шаландона, «открыл для честолюбия своих потомков новую дорогу: с тех пор итальянские «норманны» будут обращать свои взоры к востоку и на счет греческой империи Боемунд, двенадцать лет спустя, задумывает создать для себя княжество».

Это же событие стало основой и венецианской «морской карьеры». Венеция, помогшая флотом Алексею Комнину, получила от него громадные торговые привилегии, которые создали для республики св. Марка совершенно исключительное положение. Помимо великолепных подарков венецианским церквам и почетных титулов с определенным содержанием дожу и венецианскому патриарху с их преемниками, императорская грамота Алексея предоставляла венецианским купцам право купли и продажи на всем протяжении империи и освобождала их от всяких таможенных, портовых и других, связанных с торговлею, сборов.

Византийские чиновники не могли осматривать их товары. В самой столице венецианцы получили целый квартал и три морских пристани, где венецианские суда могли свободно грузиться и разгружаться. Грамота Алексея дает любопытный список наиболее важных в торговом отношении византийских пунктов, приморских и внутренних, открытых для Венеции, в северной Сирии, Малой Азии, на Балканском полуострове, в Греции и на островах, кончая Царь-Градом, который в документе назван Мегалополем, т. е. Великим Городом, как и в Апокалипсисе вели-

[1] Еще раз укажу, что по стратегическим и этнографическим соображениям невозможно допустить, чтоб эти «норманны» были скандинавские дружины. Конечно, Гюйскар мог быть родом из Норвегии и из Французской Нормандии, но не иначе как выходец-авантюрист или потомок выходца-авантюриста, поступившего на итальянскую службу, и сделавшийся предводителем (dux) местных войск, с которыми и действовал. Ведь, нельзя же, например, господство у нас немцев при царе Николае I назвать немецким завоеванием Русской империи в средине XIX века? Тоже самое можно сказать и о норманнах в Киевском княжестве, в Англии и т. д. Этот вопрос требует еще серьезной разработки не по одной «букве старинного сообщения», но и с рационалистической точки зрения.

кая крепость Врата Господни (Вавилон, по-еврейски). Относительно этого приведу только две фразы; «Пал, пал Вавилон, Великий Город, за то, что яростным вином своего блудодейства напоил все народы (Ап. XIV, 8)» и «Горе, горе тебе, Вавилон, Великий город! (Ап. XVIII, 10)». И раз это прозвище имеется в официальном документе, то несомненно оно было общеизвестным и общепринятым в Ромее. А Константинополем, вероятно, стали звать этот город лишь христианские теологи с целью затушевать его единство с древним классическим Римом и с «Финикийским Царем городом (город Цур, перековерканный с тою же целью в город Тир) или же это просто значит: Крепость.

Посмотрим теперь, что было в то время и на востоке от Ромеи. Там вышел на историческую сцену загадочный украинский народ. Греческие авторы называют его биссенами, латины — пацинаками, а русские печенегами *(печниками?)*, и дают им пространство от Нижнего Дона до Нижнего Дуная, а в следующем IX веке они вместе с хазарами (гусарами?) провалились сквозь землю, не оставив ни малейшего следа на ее поверхности. Но никаких катастрофических землетрясений тогда не было, и потому можно думать, что слово печенеги лишь особое название венгерцев и казаков,[1] так как Анна Комнина называет их скифами, т. е. кочевниками, скитальцами.

Если победа над «норманнами» и смерть Гюйскара позволили Алексею возвратить византийскую территорию на западе до Адриатического побережья, то на других границах, благодаря нападению малоазийцев (турок) и «печенегов», империя значительно уменьшилась в своих размерах. Анна Комнина пишет, что на «востоке в это время границей Ромейской державы был соседний Босфор, а на западе Адрианополь».

Нам говорят, что первоукраинцы (печенеги) в своих действиях против Византии нашли себе союзников и внутри самой империи в лице живших на Балканском полуострове павликиан, вероятно, единоверных с «печенегами».

Центром павликианства на Балканском полуострове сделался город Филиппополь. Они отвергали статуи, иконы, святых, поклонение кресту, монашество и обряды церкви, но признавали Мессию-Христа и кроме бога и творца считали сильным и врага его — сатану. В X веке они распространились по Болгарии благодаря преобразователю этого учения Богомилу, по имени которого византийские писатели называют их потом богомилами, тоже отвергавшими и образа, и таинства и, — говорят, — будто еще считавшими вещественный мир созданием сатаны, а не бога.

Из Болгарии богомильство позднее перешло в Сербию и Боснию, а затем и в Западную Европу, где последователи этого учения носили различные названия: патарены в Италии, катары

[1] Главным первоисточником о печенегах служит книга, приписываемая императору Константину Багрянородному: «Об управлении империею».

в Германии и Италии, побликаны (т. е. павликиане) или альбигойцы во Франции и т. д.

Вместо того, чтобы защищать византийские пределы от северных варваров, богомилы, наоборот, призвали «печенегов» для борьбы против Византии. К печенегам присоединились и куманы, т. е. половцы, вероятно первичные поляне и поляки.

Борьба с печенегами-скифами, несмотря на временные удачи, была очень тяжела для Византии. Они дошли раз даже до стен Царь-Града.

Положение империи сделалось еще более критическим, когда с юга стал грозить столице пират Чаха, живший в молодости в Царь-Граде при дворе Никифора Ботаника и пожалованный византийским чином. Он убежал в Малую Азию при вступлении на престол Алексея Комнина. Овладев Смирной и некоторыми другими городами западного побережья и островами Эгейского моря при помощи созданного им флота, Чаха задумал нанести удар и Царь-Граду и вступил в сношения с печенегами на севере и с мало-азиатскими сельджуками на востоке. Уверенный в успехе своего предприятия, он уже заранее называл себя императором, украшал себя знаками царского достоинства и мечтал сделать Царь-Град центром своего государства. Чтобы яснее понимать все тогдашние соотношения партий, не надо упускать из виду того, что как печенеги, так и сельджуки, т. е. турки или таврики (жители Тавра и Антитавра), были агаряне, уже объединенные пилигримствами в Мекку и пришедшие к сознанию своего религиозного родства.

Испуганный Алексей обратился к половецким ханам (т. е. к польским предводителям, которых русские летописи называют Тугор-ханом и Боняком). Дав Алексею слово, половцы сдержали его. 29 апреля 1091 года произошла,—говорят нам,—кровопролитная битва, в которой украинские «печенеги» были разгромлены.

«Можно было видеть,—говорит Анна Комнина, — необычайное зрелище: целый народ, считавшийся не десятками тысяч, но превышавший всякое число, с женами и детьми целиком погиб в этот день». Только-что упомянутое сражение нашло отклик в сложенной тогда византийской песне:

«Из-за-одного дня скифы (как и Анна Комнина называет печенегов) не увидели мая».

Алексей с торжеством возвратился в столицу. «Скифы» же, успевшие спастись в Украину, за Балканы, были настолько ослаблены, что в течение тридцати лет не предпринимали ничего против Византии.

Чаха, не успевший своим флотом помочь им, отступил. А император восстановил против него никейского султана, который, пригласивши Чаху на пир, собственноручно убил его, после чего вступил в мирное соглашение с Алексеем. Так дружественно жили агаряне и христиане даже и в 1091 году и, значит, еще не предавали друг друга анафеме и отлучению, что было впервые только в 1180 году.

В страшные дни 1091 года Алексей искал себе союзников не только в лице половцев (поляков), но и людей латинского запада. На запад были отправлены императором послания, призывавшие итти к нему со всех сторон в наемное войско.

В связи с изложенными событиями, — говорит А. А. Васильев, — историками разбирается известное в литературе послание Алексея Комнина к его старому знакомцу, проезжавшему за несколько дней перед тем через Царь-Град, графу Роберту Фландрскому. В этом послании император рисует отчаянное положение «святейшей империи греческих христиан, сильно утесняемой печенегами и турками»; говорит об убийствах и поруганиях христианских детей, юношей, жен и дев, о том, что почти вся территория империи занята уже врагами.

— «Остался почти лишь один Константинополь, который враги угрожают у нас отнять в ближайшем времени, если к нам не подоспеет быстрая помощь божия и верных христиан латинских». Император «бегает перед лицом турок и печенегов» из одного города в другой и предпочитает отдать Царь-Град лучше в руки латинян, чем язычников. Послание перечисляет длинный ряд святынь, хранившихся в столице, и напоминает о накопленных в ней бесчисленных богатствах и драгоценностях.

«Спешите со всем народом вашим, напрягите все ваши силы на то, чтобы такие сокровища не попали в руки турок и печенегов... Действуйте, пока имеете время, дабы христианское царство и, что еще важнее, гроб господень, не были для вас потеряны и дабы вы могли получить не осуждение, но награду на небеси. Аминь!».

Этот документ, рисующий в столь ярких красках критическое положение Византии около 1090 года, вызвал целую литературу. Дело в том, что он дошел до нас, как и большинство первоисточников до-печатной эпохи, лишь в очень поздней копии и притом лишь в латинской редакции. Мнения византистов разделились. В то время, как В. Г. Василевский и Ф. И. Успенский считают его подлинным, другие (из более новых — француз Риан) считают его подложным. А третьи признают существование какого-то, не дошедшего до нас оригинала, адресованного Алексеем Комнином к Роберту Фландрскому, по которому латинское послание было составлено кем-то на Западе для возбуждения крестоносцев незадолго до их первого похода.[1]

Однако, таким образом можно оправдать всякий апокриф, и потому приходится до новых доказательств остановиться только на подложности.

Еще до времени первого крестового похода, кроме упомянутых народов, при Алексее Комнине стали играть некоторую роль сербы и мадьяры. Во второй половине XI века Сербия добилась независимости, которая была оформлена принятием сербским

[1] Chalandon, 311, 334, 339 (там и история вопроса).

князем королевского титула (краля). Это было первое сербское королевство со столицею в Скадре (Скутари). А Венгрия стала стремиться к побережью Далмации, что вызывало недовольство как со стороны Венеции, так и со стороны Византии.

И в это же время Алексей Комнин вдруг услышал о приближении к границам своего государства первых крестоносных отрядов...

Зачем они шли?

Нельзя, как следует, понять смысла крестовых походов, если рассматривать их только с точки зрения развития паломничества христиан в Палестину или ответа на только-что приведенное апокрифическое письмо. Уже в первом крестовом походе можно отметить мирские цели и земные интересы.

«Несмотря на почти непрекращавшуюся борьбу с арабами, — говорит А. А. Васильев[1], — в течение долгого времени **ни Византия, ни Западная Европа не видели в мусульманах представителей новой особой религии, а считали их за сектантов, которых было так много в империи и которых сближали с арианами»** *(т. е., по-нашему, с евреями)*.

В эпоху Карла Великого, в начале IX века, в Палестине были гостиницы и больницы для христианских паломников, строились новые церкви, монастыри, для чего Карлом посылалась в Палестину обильная «милостыня»; а при церквах устраивались библиотеки. Паломники беспрепятственно ездили «ко святым местам». Переход Палестины во второй половине X века (969 год) под власть египетской династии Фатимидов не внес никакого существенного изменения в благоприятное положение восточных христиан и в безопасность приезжавших туда паломников.

Но вдруг, — говорят нам, — в XI веке обстоятельства резко изменились, и по какой пустой причине! «Сумасшедший фатимидский халиф ал-Хаким, этот египетский Нерон[1] открыл внезапно жестокое гонение на христиан и иудеев на всем пространстве своих владений. По его велению, в 1009 году храм Воскресения и Голгофа в Иерусалиме подверглись разрушению. Церковные святыни и богатства были расхищены, монахи изгнаны, паломники преследуемы». По словам тогдашнего христианского арабского (и, вероятно, подложного) историка, исполнитель суровой воли ал-Хакима «старался уничтожить самый гроб господень, стереть даже след его. Он разбил и разрушил большую его часть». «Устрашенные христиане и евреи толпами теснились в мусульманских канцеляриях, обещая отречься от христианства и перейти в мусульманство».

Но точно ли это правда? Ведь, тотчас после описанного здесь гонения между Византией и Фатимидами был, — говорят

[1] А. А. Васильев, Византия и крестоносцы, стр. 24.

[1] Барон Розен, Император Василий-Болгаробойца СПБ., 1883, стр. 46 и стр. 48.

нам сами же византисты, — заключен мир, и византийские императоры «восстановили» храм Воскресения в половине XI века при императоре Константине Мономахе. Но не значит ли это, что он тогда только и был построен, а сумашествие ал-Хакима специально придумано для того, чтобы новой постройке придать вид восстановления чего-то древнего? Ведь, это обычный прием всех апокрифистов. А факт лишь тот, что паломники продолжали иметь свободный доступ в «Святую землю», и первоисточники этого времени отмечают среди других лиц одного из наиболее знаменитых пилигримов — Роберта Дьявола, герцога Нормандского. И в это же время, т. е. в тридцатых годах XI века, в Иерусалим приезжал и знаменитый варяг той эпохи Гаральд Гардрад.

«Храм Воскресения» имел тогда «надлежащее благолепие», о чем свидетельствует, например, русский паломник игумен Даниил, посетивший Палестину в первые годы XII века, т. е. в первое время существования Иерусалимского королевства, основанного в 1099 году после первого Крестового похода. Этот Даниил перечисляет даже колонны храма, говорит о выложенном мрамором полу и шести дверях и дает интересные сведения о мозаиках. У него же мы находим сообщения и о многих других церквах и «святынях» Палестины, связанных с новозаветными воспоминаниями. По словам его и современного ему англо-саксонского паломника Зевульфа «погании Срацини» были неприятны только тем, что, скрываясь в горах и пещерах, нападали иногда с целью грабежа на проезжавших по дорогам пилигримов.

«Агарянская терпимость в отношении христиан проявлялась и на Западе». Когда, например, в конце XI века испанцы отняли у арабов город Толедо, то нашли христианские храмы в городе общепризнанными, и богослужение в них беспрепятственно совершалось. А в конце того же XI века, когда «норманны» завоевали у агарян Сицилию, они, несмотря на более чем двухвековое господство последних на острове, нашли там громадное число христиан, так же свободно как и агаряне, исповедывавших свою веру.

Но, вот, в противовес Евангелию загремел Коран. Усилившиеся в XI веке турки-сельджуки, разгромив византийское войско при Манцикерте (1071), основали в Малой Азии Румский *(Римский)* султанат и стали распространять свои совращения. В 1078 году сын победителя при Манцикерте, Алп-Арслан, овладел Иерусалимом. Вслед за этим турки в Сирии совратили Антиохию, утвердились в Никее, Кизике, Смирне, а в Эгейском море заняли острова Хиос, Лесбос, Самос, Родос. Только-что распространившийся среди ариан (они же — агаряне) Коран с его девизом «Нет бога, кроме бога, и *(султан)* Махмуд — его пророк», производил иконоборческое воздействие, побуждая разбивать всякие изображения в храмах. Положение европейских паломников в Иерусалиме и в других местах ухудшилось. Византийские императоры после Манцикертского поражения уже не могли справиться с тур-

ками одними собственными силами. Взоры их направились на Запад, главным образом на папу, который, как духовный глава западно-европейского мира, мог своим влиянием побудить западно-европейские народы к интервенции.

Помимо идейной стороны дела, т. е. помощи всему христианскому миру, папы, конечно, имели в виду и интересы католической церкви в смысле ее дальнейшего усиления и возможности возвращения восточной церкви в лоно церкви католической. Первоначально мысль византийских императоров получить с Запада лишь вспомогательные наемные отряды превратилась под влиянием папской проповеди в идею о крестовом походе Западной Европы на Восток, т. е. о массовом движении западно-европейских народов под руководством их наиболее выдающихся военных вождей.

Еще до Комнинов, под угрозою возвращения уже пережитого иконобойства, а с ним удара и по собственной власти, ставшей нераздельною с евангельским христианством и с его единоженным семейным строем, император Михаил VII Дука-Учетверитель обратился с посланием к первому римскому папе Григорию VII, [1] прося его о помощи и обещая ему за это соединение церквей. Папа отправил целый ряд посланий с увещаниями помочь гибнувшей империи. В письме к графу Бургундскому он писал:

«Мы надеемся, что после подчинения норманнов, мы переправимся в Константинополь на помощь христианам, которые, будучи сильно удручены частыми укусами саракин, жадно просят, чтобы мы им протянули руку помощи». В другом письме Григорий VII упоминает «о жалкой судьбе столь великой империи». В письме к германскому государю Генриху IV папа писал о том, что «большая часть заморских христиан истребляется язычниками в неслыханном поражении, на подобие скота, и что род христианский уничтожается. Они смиренно молят нас о помощи, чтобы христианская вера в наше время, — чего не дай, боже! — совершенно не погибла». «Послушные папскому убеждению, итальянцы и другие европейцы (ultramontani) готовят уже армию свыше 50000 человек и, поставив, если возможно, во главе экспедиции папу, хотят подняться против врагов бога и дойти до гроба господня».

«К этому делу, — пишет дальше первый римский папа, — меня особенно побуждает также и то обстоятельство, что константинопольская церковь, прежде несогласная с нами относительно исхождения святого духа, стремится теперь к согласию с апостольским престолом».

Из этого ясно видно, что речь идет не только об освобождении «Святой земли». Принесенная папою помощь обусловливалась воссоединением церквей, священная война против ислама стояла на втором месте, и папа, вооружая западное христианство

[1] До него были только «великие римские понтифексы».

на борьбу с мусульманским востоком, имел в виду «схизматический» Восток. Он для Григория VII был более ужасен, чем ислам. Считая послания Григория VII первым замыслом крестовых походов, мы должны отметить связь между этим планом (1078 г.) и разделением церквей 1054 года.

Дело, начатое на Западе Григорием VII, приняло широкие размеры, благодаря убежденному и деятельному папе Урбану II.

В ноябре 1095 года в Клермоне (в Оверни, в средней Франции) состоялся знаменитый собор, на который съехалось так много народу, что в городе не нашлось достаточно места для всех прибывших. Толпа разместилась под открытым небом. После окончания собора, на котором был рассмотрен ряд наиболее важных текущих дел, Урбан II обратился к собравшимся с речью, подлинный текст которой до нас не дошел, а «восстановители ее дают нам тексты, сильно отличающиеся друг от друга». Папа,— говорят, нам,— будто бы убеждал толпу поднять оружие на освобождение «гроба господня» и восточных христиан. С криками»: «Бог этого хочет!» (Deus lo volt! — в хронике) воодушевленная толпа бросилась к папе. По его предложению, будущим участникам похода были нашиты на одежду красные кресты (откуда и название «крестоносцы»); им было обещано отпущение грехов; оставшееся дома имущество их объявлялось под защитою церкви. Крестоносный обет считался непреложным, и его нарушение влекло за собою отлучение от церкви. Создавалось обширное движение на Восток, истинные размеры которого на Клермонском соборе еще нельзя было и предвидеть.

А для тех, кого хотели освободить, год Клермонского собора являлся самым спокойным временем, какое переживала империя с начала царствования Алексея Комнина! В 1095 году император в помощи не нуждался. Идея о походе для освобождения святых мест, уже давно не принадлежащих империи, ему и в голову не приходила. Для папства же, которое лишь недавно образовалось из Римского понтификата, крестовые походы открывали широкие горизонты: в случае успеха предприятия, они возвратят в лоно католической церкви «схизматическую» Византию.

Я говорил о крестовых походах в пятом томе моего «Христа», но для связности настоящего изложения, поговорю и теперь почти собственными словами нашего известного византиста А. А. Васильева, так как, повторяю, я не претендую на открытие новых исторических фактов и документов, неизвестных до сих пор, а только на рационализацию того, что уже и без меня известно специалистам в каждой рассматриваемой мною области.

Мы видели сейчас, что воззвание папы Урбана соблазнило лишь сброд. Собралась толпа, по большей части, из праздных людей, мелких рыцарей, бездомных бродяг с женами и детьми, почти без оружия, и двинулась через Германию, Венгрию и Болгарию к Царь-Граду. Это невежественное ополчение под предводительством Петра Амьенского и другого проповедника, Вальтера Голяка, не дававшее себе отчета, где оно проходило, и не приученное к повинованию и порядку, только грабило и разоряло промежуточные страны. Подошедши к Царь-Граду и расположившись в его окрестностях, крестоносцы стали по своему обыкновению заниматься грабежом. Испуганный император поспешил переправить их в Малую Азию, где они и были без труда перебиты турками около Никеи. А Петр Пустынник еще до катастрофы сбежал обратно в Царь-Град.

Но эта авантюра все же сильно возбудила воображение западно-европейской военщины. Летом 1096 года на Западе началось крестоносное движение графов, герцогов и князей, т. е. собралось уже настоящее войско.

Одна часть таких ополчений направилась сухим путем в Царь-Град, другая часть — морем. По дороге сухопутные крестоносцы, на подобие предшествовавшего ополчения Петра Амьенского, грабили проходимые местности и производили всяческие насилия. Между пришедшими латинянами и греками сразу создалась атмосфера взаимного недоверия и недоброжелательства. Они встретились не только как схизматики, но и как политические противники, которые впоследствии должны будут решить между собою спор оружием.

После того, как крестоносцы постепенно собрались в Царь-Граде, Алексей Комнин, хитро встретивший их как своих освободителей от воображаемого ига, поскорее переправил и их в Малую Азию. В июне 1097 года крестоносцам сдалась Никея, которую они должны были в силу заключенного с императором условия передать византийцам. Следующая победа крестоносцев при Дорилее (теперь Эски-Шехир) заставила турок очистить западную часть Малой Азии и отойти внутрь страны, после чего ослабевшей Ромее представлялась полная возможность восстановить свою власть на мало-азиатском побережье. Несмотря на природные затруднения, климатические условия и сопротивление агарян, крестоносцы продвинулись далеко на восток и юго-восток, Балдуин Фландрский завладел в верхней Месопотамии городом Эдессой и образовал из его области свое княжество, руины которого и считаются за остатки древней Ассиро-Вавилонии.

Затем после долгой осады сдался крестоносцам главный город Сирии Антиохия. После ожесточенной осады «латиняне» 15 июля 1099 года взяли штурмом Иерусалим и разграбили его. Много сокровищ было увезено в Европу, и завоеванная страна, занимавшая узкую береговую полосу в области Сирии и Палестины, получила название Иерусалимского королевства, властителем которого был избран Готфрид Бульонский, согласившийся принять титул «Защитника Гроба Господня». Новое государство было устроено по западному образцу.

Но тут опять произошло нечто непонятное с обычной точки зрения. Византия, встревоженная появлением латинских княжеств в Антиохии, Эдессе и Триполи, заключает против крестоносцев союз с турками. В свою очередь и крестоносцы, обосновавшиеся

в своих новых владениях, боясь усиления Ромейской империи со стороны Малой Азии заключают союзы с турками против Византии. Кто же тут кого считал за еретиков?

Анна Комнина сообщает написанный не без юмора рассказ о том, как антиохийский князь Боемунд, возвращаясь во Францию морем через Византийские порты, для своей большей безопасности от нападения греков, притворился мертвым, был положен в гроб, и в гробу совершил свой путь почти вплоть до Италии.

Торжественно встреченный в Европе, как герой и борец за святое дело, он собрал новое войско и открыл действия уже не против агарян, а прямо против Византии. Но он потерпел под Дураццо поражение и вынужден был заключить с Алексеем мир на условиях помощи империи против всех ее врагов, будут ли это христиане или агаряне.

При наследнике Алексея Комнина, Иоанне II, Малая Армения, расширившая свои пределы между прочим и на счет Византии, вступила в союзные отношения с латинскими князьями на Востоке, выказав этим свое враждебное отношение к империи. Иоанн Комнин выступил в поход, желая наказать ее и вместе с тем решить вопрос об Антиохийском княжестве, которое не подчинилось ему, вопреки договору Алексея Комнина с Боемундом.

Поход Иоанна увенчался полным успехом. Киликия была покорена, и армянский князь со своими сыновьями отправлен в Царь-Град. Увеличенная присоединением Малой Армении византийская территория достигла тогда границ Антиохийского княжества. Осажденная Антиохия должна была просить у него мира, который и был дарован Иоанном на условии признания сюзеренитета империи. Антиохийский князь получил из рук императора инвеституру на уступаемые земли, а в знак взятия Антиохии ромеями на ее цитадели был поднят императорский штандарт.

Иоанн умер в 1143 году, назначив наследником своего младшего сына Мануила. С его смертью латинские владетели на Востоке избавились от грозившей им опасности, а сельджуки, не находившие в лице Мануила надлежащего отпора, снова стали грозить ему на восточной границе.

Вступив в первые годы своего правления в союз с агарянскими эмирами Каппадокии, Мануил видел своим врагом в Малой Азии только румского султана, с которым и начал войну. Императорские войска успешно дошли до Иконии (Конии), но известие о новом крестовом походе, который являлся угрозою как для императора, так и для султана, заставило обоих заключить мир.

В 1144 году один из агарянских правителей Мосула — атабегов, как назывались сделавшиеся независимым сельджукские наместники, — Зенги, неожиданно овладел Эдессой в Месопотамии. А властелин Сирии Магомет Нур-Эддин, около 1150 года, завладев Дамаском, стал грозить Иерусалимскому королевству. Затем знаменитый Саладдин (1137—1193), султан Сирии и Египта, после

смерти Магомета-Нур-Эддина овладел его Дамаском и приготовился к походу на Иерусалимское королевство, что произвело сильное впечатление за Западе.

Новые крестоносцы решили в 1147 году двинуться к Царь-Граду сухим путем, которым шли уже крестоносцы первого похода, и движение их сопровождалось такими же насилиями и грабежами, как и в первый раз.

Когда германские войска остановились у стен столицы, Мануил употребил все усилия на то, чтобы их переправить в Азию до прихода французского ополчения, что и удалось. В Малой Азии немцы стали сразу страдать от недостатка пропитания, а затем, подвергшись нападению турок, были перебиты. Лишь жалкие остатки германской армии со своим вождем Конрадом III Гогенштауфеном возвратились в Никею.

Но подступившие к столице французы еще более встревожили Мануила. Людовик VII, с которым не задолго до похода вступил в переговоры апулийский граф Рожер, убеждавший французского короля итти на Восток через его итальянские владения, был особенно подозрителен ромейскому императору, как возможный тайный союзник Рожера. А Рожер, зная, что Мануил был в это время всецело поглощен своими взаимоотношениями с крестоносцами, неожиданно захватил остров Корфу и опустошил целый ряд других византийских островов.

Мануил только и мечтал о том, как бы поскорее переправить и французов в Малую Азию. Был распространен слух, будто немцы там действуют успешно. Людовик согласился переправиться через Босфор и даже принес Мануилу ленную присягу. Но, очутившись в Малой Азии, он узнал от Конрада III правду о горькой судьбе германского войска. Их французско-немецкое ополчение пошло далее, но после целого ряда испытаний и бедствий потерпело неудачу под Дамаском. Разочарованный Конрад на греческом корабле покинул Палестину и направился в Солунь, где находился Мануил, готовившийся к военным действиям против «норманнов». Встретившись в Солуни с Мануилом и обсудив общее положение вещей, он окончательно заключил с ним союз для общих действий против Апулии и ее Рожера. А оставшийся в Азии Людовик, видя полную невозможность что-либо сделать с находившимися у него силами, также через несколько месяцев возвратился во Францию.

Блестяще начатый второй крестовый поход окончился самым жалким образом. Агаряне на Востоке не только не были ослаблены, но, наоборот, нанеся несколько поражений крестоносцам, укрепились духом и надеялись даже на приобретение всех их владений на Востоке.

И вот, **только в это время греческое духовенство начало настаивать на отлучении** агарян (переименованных к тому же в магометан, — вероятно, по имени султана Махмуда Газни) от своей церкви.

Я уже показывал в VI томе (стр. 577), как царь-градский

патриарх Феодосий и вместе с ним Евстафий Фессалоникский против воли императора Мануила созвали в Царь-Граде местный собор, который, «воспылав ревностью о Христе,» изрек в 1180 году:

«Отлучение богу Магомета, о котором говорят, что он есть бог, всевыкованный, который не рождал, не рожден и которому никто не подобен .

При этом духовенство сделало наивный подлог: вместо бог всесферный, по-гречески — голосфайрос (ὁλόσφαιρος), оно поставило созвучное с ним слово голосферос (ὁλόσφηρος) — всевыкованный.

Автор того времени Никита Хониат говорит, что умирающий Мануил Комнин настоятельно требовал, чтобы слово *всевыкованный* было исключено и добился этого, так что в чине отлучения магометан, основателем которых в то время мог быть только Махмуд-Газни (начало XI века), осталось лишь:

«Отлучение богу Магомета и всему его учению и всем его последователям!».

Так, через 36 лет после взятия моссульским властелином на Евфрате Эдессы и дальнейшего наступления агарян под новым именем магометан и с появившимся только тогда Кораном в руках вместо Библии и Евангелия, произошел роковой для Ромеи-Византии религиозный разрыв, и ариане-агаряне, превратившись в мусульман, начали восстановлять старую Великую Ромею почти на прежних ее полигамических началах и с законодательством на корейшитском наречии того же библейского языка.

Император Мануил до самой смерти сопротивлялся отлучению от церкви агарян даже и под новым их именем магометан. Но, вот, он умер в 1180 году, анафема против бога Махмуда прогремела, и все же не спасла Византии.

«С Мануилом, — по словам Герцберга, — навеки погрузился в могилу древний блеск и древнее величие Византии».

А у автора XII века Евстафия Солунского, современника Комнинов и Ангелов, мы читаем:

«По божьему определению, со смертью василевса Мануила Комнина погибло все, что еще оставалось целым у ромеев, и всю нашу землю окутал мрак, как бы при затмении солнца».

Так характеризует автор постепенный переход греческих остатков Великой Ромеи под власть крестоносцев. А вот, и пролог к этому.

После смерти Мануила на престоле оказался его двенадцатилетний сын Алексей II (1180—1183); правительницей была объявлена его мать Мария Антиохийская; всеми делами государства распоряжался любимец последней протоавгустейший Алексей Комнин, племянник Мануила. Ожесточенная борьба придворных партий и продолжавшееся латинское засилье привели к тому, что в столицу был призван знаменитый Андроник, давно уже исполненный честолюбивых замыслов овладеть императорским престолом и выступивший теперь в роли защитника слабого,

окруженного злыми советниками Алексея II и блюстителем греческих национальных интересов. И незадолго до его вступления в столицу там разыгралась резня 1182 года греками латинян, которую иногда называют «константинопольскою банею».

Мы остановимся немного на интересной личности Андроника, характеризующей жизнь высших классов в Ромее той эпохи.

«Красивый и изящный, атлет и воин, хорошо образованный и обаятельный в обращении, особенно с женщинами, которые его обожали, Андроник, — говорит Диль, — был тою гениальною натурою, которая могла бы создать из него возродителя изнуренной византийской империи, для чего ему, может быть, недоставало нравственного чувства».

А современник Андроника Никита Хониат писал о нем:

«Кто родился из столь крепкой скалы, чтобы быть в состоянии не поддаться потокам слез Андроника и не быть очарованным вкрадчивостью речей, которые он изливал на подобие темного источника?».

Тот же историк в другом месте сравнивает Андроника с «многообразным Протеем», старцем-прорицателем древней мифологии, известным своими превращениями.

«Находясь, несмотря на внешнюю дружбу с Мануилом, у него на подозрении и не находя себе деятельности в Византии, Андроник большую часть царствования Мануила провел в скитаниях по различным странам Европы и Азии. Будучи отправлен сначала императором в Киликию, а затем к границам Венгрии, Андроник, обвиненный в политической измене и в покушении на жизнь Мануила, был заключен в царь-градскую тюрьму, где провел несколько лет и откуда, после ряда необычайных приключений, ему по заброшенной водосточной трубе удалось бежать для того, чтобы снова быть пойманным и заключенным еще на несколько лет в темницу. Снова бежав из заключения на север, Андроник нашел убежище в России, у галицкого князя Ярослава Владимировича. Русская летопись отмечает под 1162 годом:

«Прибеже из Царя-Города братан царев кюр *(т. е. kир — господин)* Андроник к Ярославу в Галичь и принял его Ярослав с великою любовью, и дал ему Ярослав несколько городов на утешение».

По сведениям византийских источников, Андроник встретил у Ярослава радушный прием, жил в его доме, ел и охотился с ним вместе и даже участвовал в его советах с боярами. Однако, пребывание его при дворе галицкого князя показалось опасным Мануилу, так как беспокойный родственник вступал уже в сношения с Венгрией, с которой у Византии начиналась война. Мануил, чувствуя опасность, решил просить Андроника возвратиться к нему, и он, по словам русской летописи, «с великою честью», был отпущен Ярославом из Галиции в Царь-Град.

«Получив в управление Киликию, Андроник недолго пробыл на новом месте. Через Антиохию он поехал в Палестину, где у него разыгрался серьезный роман с Феодорой, родственницей

Мануила, вдовой иерусалимского короля. Разгневанный император отдал приказ ослепить Андроника, но он, будучи во время предупрежден об опасности, бежал с Феодорой за границу и в течение нескольких лет скитался по Сирии, Месопотамии, Армении и пробыл некоторое время даже в далекой Иберии.

Наконец, посланным Мануила удалось захватить страстно любимую Андроником Феодору с его детьми, после чего он сам, не будучи в состоянии перенести такой потери, обратился с просьбою о прощении к императору. Прощение было дано, и Андроника назначили правителем малоазиатской области Понта, на побережье Черного моря, что явилось как бы почетным изгнанием опасного родственника. Но в это время, в 1180 году, умер Мануил, после которого императором сделался малолетний сын его Алексей II, когда Андронику было уже шестьдесят лет.

«Такова, — говорит А. А. Васильев, — была в главных чертах биография лица, на которое население столицы, раздраженное латинофильскою политикой Марии Антиохийской и ее любимца Алексея Комнина, возлагало все свои надежды. Очень искусно выставляя себя защитником попранных прав малолетнего Алексея II, якобы попавшего в руки злых правителей, и объявив себя другом ромеев, Андроник сумел привлечь к себе сердца населения. По словам Евстафия Солунского, он для большинства «был дороже самого бога, или, по крайней мере, тотчас следовал за ним». Подготовив в столице надлежащую обстановку, новый вождь народа двинулся к Царь-Граду.

При известии об этом столичная толпа дала волю своей ненависти к латинянам. Она с остервенением набросилась (в 1182 году) на латинские жилища и начала избиение, не различая пола и возраста; она громила не только частные дома, но и латинские церкви и благотворительные учреждения. В одной больнице были перебиты лежавшие в постелях больные, папский посол после поругания был обезглавлен, много латинян было продано в рабство на турецких рынках. Этим избиением латинян, известным у византистов под названием «константинопольской бани 1182 года», по словам Ф. И. Успенского, было «если не посеяно, то получило поливку зерно фанатической вражды Запада к Востоку».

Алексей Комнин был заточен патриотами в темницу и ослеплен. Для укрепления своего положения Андроник начал постепенно уничтожать родственников Мануила и велел задушить императрицу-мать — Марию Антиохийскую. Затем, заставив провозгласить себя соимператором и давши, при ликовании публики, торжественное обещание охранять жизнь императора Алексея II, он несколько дней спустя отдал распоряжение тайно задушить его. Благодаря этому он в 1183 году, уже шестидесяти трех лет от роду, сделался единовластным императором ромеев, но, начавши свою власть казнями, он и далее не мог ее поддерживать иначе как путем неслыханных жестокостей, на что и было направлено все внимание императора.

Простой народ, так недавно еще торжественными криками

встречавший своего избранника, отвернулся от него, как от человека, который не дал того, что обещал, и уже искал нового претендента на престол. Представители знатных византийских фамилий, преследуемые Андроником, убежали тем временем в Италию и побуждали итальянские правительства к открытию военных действий против Византии, еще при жизни Андроника.

Началась десятидневная осада Фессалоник «норманнами» с моря и суши. В августе 1185 года крепость была взята, и победители произвели в этом втором после Царь-Града городе империи страшный разгром и избиение. Это было местью латинян за «Константинопольскую баню» 1182 года.

После нескольких дней грабежа норманнское войско двинулось далее на восток, по направлению к Царь-Граду. Настроение в городе изменилось, недовольство росло, и вот в 1185 году вспыхнула дворцовая революция, возведшая на престол Исаака Ангела. Попытка Андроника бежать не удалась. Он подвергся страшным мучениям и оскорблениям, которые перенес с необыкновенною стойкостью. Новый император даже не позволил, чтобы растерзанные останки Андроника удостоились хоть какого-либо погребения.

Так закончила свое существование династия Комнинов.

Династия Ангелов, возведенная на престол революцией 1185 года на смену Комнинов, происходила от Константина Ангела, из малоазиатского города Филадельфии, человека незнатного происхождения, женатого на дочери императора Алексея и приходившегося дедом Исааку II Ангелу, первому императору из этого дома, следовательно по женской линии родственного Комнинам. Но в 1195 году против Исаака был составлен заговор его братом Алексеем, который при помощи некоторой части знати и войска свергнул императора. Низложенный и ослепленный, он был заключен в темницу, а императором сделался его брат, известный в истории, как Алексей III Ангел, иногда Ангел-Комнин (1192—1203).

Но сыну низвергнутого Исаака II, молодому царевичу Алексею удалось бежать на пизанском корабле из Византии в Италию, откуда он проехал в Германию ко двору германского государя Филиппа Швабского, женатого на Ирине, дочери низложенного Исаака Ангела и сестре бежавшего в Западную Европу Алексея. Это было перед началом четвертого крестового похода.

Когда после упорного штурма латинян и отчаянного сопротивления столицы Царь-Град 13 апреля 1204 года перешел в руки западных рыцарей, Р о м е я пала, и на ее месте образовалась феодальная Латинская империя со столицей в Царь-Граде и с рядом вассальных государств в различных областях Восточной империи.

О ней я уже писал в V томе этого моего труда, но повторю основное и здесь.

Главные пункты договора, — как я уже говорил в V томе, — были следующие: во взятом городе будет латинское правитель-

*

ство. Образованный из шести венецианцев и шести французов совет изберет императором того, кто, по их мнению, лучше может управлять страною «во славу бога и святой римской церкви и империи». Императору должна принадлежать одна четверть завоеваний в столице и вне ее, а также два столичных дворца, остальные три четверти завоеваний должны быть разделены пополам между Венецией и рыцарями. Распоряжение храмом Софии и избрание патриарха будет предоставлено той стране, из которой не будет избран император. Все рыцари, получившие крупные владения и более мелкие наделы, должны принести императору феодальную присягу. Один лишь дож Дандоло будет освобожден от какой-либо присяги. Таковы были основания, на которых была устроена будущая Латинская империя.

Никита Акоминат посвящает павшему Царь-Граду трогательное и длинное обращение со ссылками на ветхозаветный «Плач Иеремии»:

«О город, город! — начинает он. — Око всех городов, предмет рассказов во всем мире! Зрелище превыше мира, кормилец церквей, вождь веры, путеводитель православия, попечитель просвещения, вместилище всякого блага! И ты испил чашу гнева от руки господней, и ты сделался жертвой огня, еще более лютого, чем огонь, ниспавший древле на пять городов! и т. д.»[1]

«Разделение Романии» (Partitio Romaniae, как латиняне и греки называли Восточную империю), было произведено в общем на основах, выработанных в марте 1204 года. Балдуин получил южную Фракию и небольшую часть северо-западной Малой Азии, прилегающую к Босфору, Мраморному морю и Геллеспонту, с некоторыми островами в Эгейском море, как, например, Лесбосом, Хиосом, Самосом и некоторыми другими. Таким образом, оба берега Босфора и Геллеспонта входили в состав владений Балдуина.

Исключительные выгоды извлекла из «дележа Романии» Венеция, получившая некоторые пункты на Адриатическом побережье, например Диррахиум, Ионийские острова, большую часть островов Эгейского моря, некоторые пункты в Пелопоннесе, остров Крит, некоторые гавани во Фракии с Галлиполи на Геллеспонте и ряд пунктов внутри Фракии. Дандоло, получивший византийский титул «деспота», был освобожден от вассальской присяги Балдуину и назывался «властителем четверти с половиной всей Романии», т. е. трех восьмых ее (quartae partis et dimidiae totius imperii Romaniae dominator), и этот титул оставался за венецианскими дожами до половины XIV века.

Согласно договору храм Софии был отдан в руки венецианского духовенства, и царь-градским патриархом был избран венецианец Фома Морозини. Четвертый крестовый поход, создавший «колониальную империю» Венеции на Востоке, возвел Венецианскую республику на высшую ступень ее политического и экономического могущества.

[1] Niceta Choniat, 763.

Бонифаций Монферратский получил Афины. Они в средние века были еще заглохшим, провинциальным городом, и Парфеноном назывался тогда собор в честь девы Марии. Но во время латинского завоевания в начале XIII века афинским архиепископом был уже знаменитый Михаил Акоминат, брат историка Никиты Акомината, оставивший нам много речей, стихов и писем, дающих богатый материал для внутренней истории империи во времена Комнинов и Ангелов и о состоянии Аттики и

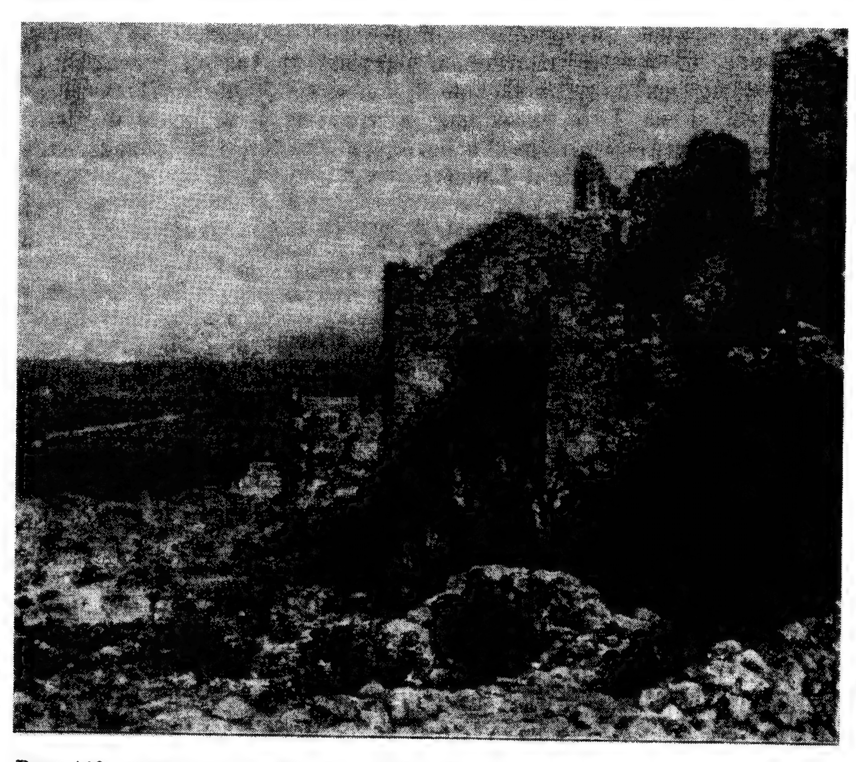

Рис. 119. Укрепление Мистра (Misistra) времени латинской федерации, близ Спарты, на полуострове Морее.

Афин в средние века. Эти провинции в произведениях Михаила изображаются в очень мрачном свете, с варварским славянским населением, с варварскою речью и с беднотою ее населения.

А в Пелопоннесе, который часто назывался Морскою землею — Мореей, образовалось княжество Ахайское, обязанное своим устройством французам. Двор ахайского князя отличался великолепием и, по словам одного первоисточника, «казался более великим, чем двор какого-нибудь большого короля». По свидетельству другого первоисточника, «там говорили так же хорошо по-французски, как и в Париже».

Лет двадцать спустя после образования на ромейско-визан-

тийской территории латинских феодальных государств и владений папа Гонорий III в одном письме во Францию говорил о создании на Востоке «как бы новой Франции» (ibique noviter quasi nova Francia est creata).[1]

Пелопоннесские феодалы строили кроме храмов и цирков и укрепленные замки с башнями и стенами по западно-европейскому образцу, из которых более известна Мистра, на уступах Тайгета, в древней Лаконии, недалеко от античной Спарты (рис. 119).

Об этом времени латинского владычества в Пелопоннесе сообщает много интересного «Морейская хроника» (XIV века), дошедшая до нас в различных версиях: греческой (стихотворной), французской, итальянской и испанской. Она оказала влияние даже и на Гёте, который в третьем акте второй части своего «Фауста» переносит действие в Спарту, где развивается история любви Фауста и Елены:

Забыты были много лет отроги гор,
Что к северу от Спарты гордо высятся
Вблизи Тайгета, где ручьем сверкающим
Спускается Эврот в долину тихую,
Где лебеди селятся в камышах его.
В ущелья те недавно молодой народ
Откуда-то явился из полночных стран,
И крепкий замок там они построили
И, как хотят, страною правят с гор своих.

В политическом отношении Восточная Римская империя как единое целое перестала существовать, уступив место целому ряду феодальных государств, и никогда уже, даже и после восстановления ее при Палеологах, не могла вернуть себе прежнего военного могущества. Но оригинальное слияние латинского Запада и греческого Востока, с разделением на небольшие самостоятельные княжества, дававшие свободным умам возможность легко перекочевывать туда, где их ценили, и бежать оттуда, где их преследовали, вызвало к жизни, как было потом и в Германии в XVIII и XIX веках, пышное литературное творчество. Оно приняло лишь форму апокрифов и известно теперь под именем греческой классической литературы, только по недоразумению отброшенной в глубокую древность.

Но посмотрим сначала, что было перед этим распадением империи в 1204 году.

«Церковная жизнь Византии во время императоров Комнинов и Ангелов выражается, — говорит А. А. Васильев, — во-первых, в виде попыток разрешить ряд религиозных вопросов и сомнений, которые волновали византийское духовенство и общество и, во-вторых, в отношениях восточной церкви и западной, т. е. константинопольского патриархата к папству».

Каковы были прежде всего внутренние взаимоотношения между церковью и империей?

---

[1] «Epistolae Honorii III» (от 20 мая 1224 г.).

Никита Акоминат приводит такие слова Исаака Ангела:

«На земле нет никакого различия во власти между богом и императором; царям все позволительно делать, так как они получили царскую власть от бога, и между богом и ими нет расстояния».

Тот же писатель, говоря о церковной деятельности Мануила Комнина, изрекает общее мнение о византийских императорах, как о «непогрешимых судьях дел божеских и человеческих». Эту точку зрения поддерживали во второй половине XII века и духовные лица. Известный греческий канонист антиохийский патриарх Федор Бальзамон, живший при последних Комнинах и первом Ангеле, писал, как и русские теологи накануне революции:

«Императоры и патриархи должны быть уважаемы, как учители, в силу своего святого помазания. От него происходит власть правоверных императоров наставлять христианский народ и, подобно священникам, подносить богу курение... В этом их слава, что, подобно солнцу, блеском своего православия они просвещают мир от одного его конца до другого». «Власть и деятельность императоров касаются и тела и души (человека), тогда как власть и деятельность патриарха касаются только одной души».

Значит, царь выше патриарха... И только одна сторона в церковной жизни смущала императоров: это — чрезмерный рост церковного и монастырского имущества, против чего правительство и принимало время от времени соответствующие меры.

Раз Алексей Комнин (1081—1118) для нужд государственной обороны и для вознаграждения лиц, помогших ему овладеть престолом, конфисковал часть монастырских имений и перечеканил в деньги некоторые церковные сосуды. Однако, уступая возникшему вследствие этого недовольству, он затем возвратил церквам стоимость взятых сосудов и осудил свое поведение специальною «новеллою».

Афонская гора была объявлена свободной «до скончания веков» от всяких податей и других «притеснений»; гражданские чиновники не должны иметь никаких сношений со святою Горою. Остров Патмос, по словам Шаландона (I, 289), сделался «маленькою религиозною, почти независимою республикой, где могли жить одни лишь монахи».

А если это последнее сообщение не основано на каком-нибудь апокрифе, то, как будто, отпадает вторая из двух астрономически получающихся возможность (Т. I, 55) времени написания Апокалипсиса, т. е. отпадает воскресенье 12 сентября 1249 года — бывшего более чем через сто лет после Комнинов, и остается допустимой только, как я и вычислил, дата 30 сентября 395 года.

Только-что очерченный мною клерикально-самодержавный деспотизм вызвал, наконец, и противодействие, которое выразилось при Комнинах, между прочим, в появлении различных ан-

типравославных учений, с которыми императоры должны были неминуемо вступить в борьбу. Эта черта эпохи Комнинов нашла отражение и в так называемом Синодике, т. е. в перечне еретических лиц и противоцерковных учений, который ежегодно читается в восточной церкви и теперь в неделю православия, когда все неправославные учения предаются анафеме. Значительное число отреченных имен и учений в Синодике относится именно ко времени Алексея и Мануила Комнинов. Так начался религиозный фанатизм с обеих сторон, выступивших друг на друга, как тезис и антитезис.

Главная борьба церкви была направлена против уже не раз упоминавшихся мною павликиан и богомилов, утвердившихся на Балканском полуострове, особенно в округе Филиппополя. Первые из них являлись несомненно преемниками иконоборцев, так как отрицали все внешние обряды, почитание святых, икон, креста и пользу праздников в их честь, а вторые — богомилы прибавляли еще к этому, что наш материальный мир сотворен не богом, а сатаной, и только души сотворены богом. Однако, ни преследования еретиков, ни организованные императором публичные прения с ними, ни сожжение главы богомильского учения, монаха Василия, не привели к истреблению противоцерковных учений. Император,—говорят нам, — обратился к известному Евфимию Зигабену с просьбою изложить все существующие еретические учения, особенно учение богомилов, и опровергнуть их, и потому Зигабен, будто бы, и написал свое произведение «Догматическая Паноплия (т. е. всеоружие) православной веры».

Усилились и разногласия с Западом.

Созванный в столице императором собор, казалось, должен был уничтожить всякие неудовольствия между латинянами и греками и изыскать способы к соединению церквей. Но вышло наоборот. До нас дошел «Разговор» на соборе Мануила с патриархом, очень интересный для характеристики воззрений последнего. В этом «Разговоре» патриарх дает папе название «воняющего нечестием» и предпочитает иго агарян игу латинян. Последнее выражение патриарха, отражавшее, очевидно, определенное церковное и общественное настроение той эпохи, будет не раз повторяться и в будущем, например в XV веке, в момент уже падения Византии. Мануил должен был уступить и объявил, что он будет удаляться от латинян, «как от змеиного яда». Соборные рассуждения, таким образом, ни к какому соглашению не привели. Было даже решено порвать всякую связь с папою и его единомышленниками.

При Ангелах же в Византии разгорелся жаркий богословский спор о причащении, и в этом споре принимал участие сам император. По словам историка той эпохи, Никиты Акомината, поднялся такой премудрый вопрос:

«Тело Христово, которым мы причащаемся, так ли нетленно (ἄφθαρτον), каким оно стало после страданий и воскресения, или

тленно (φθαρτόν), каким оно было до страданий?» Другими словами: «принимаемая нами «евхаристия» подлежит ли обычным законам пищеварения, каким подвергается всякая другая вкушаемая человеком пища, или же причастие не подчиняется пищеварению?».

Алексей Ангел, а с ним и все истинно-православные возмутились одной мыслью о переваримости причастия, назвали это «дерзновенным поруганием истины» и укрепили учение о — «нетленности причастного хлеба и вина даже и в наших желудках».

Таковы были религиозные споры христиан накануне распадения империи на мелкие республики и герцогства ко времени крестовых походов!

В экономической эволюции этого периода является интересным впервые изобретенный и примененный при Алексее Комнине выпуск государством фальшивой монеты. Наряду с прежними полновесными золотыми монетами — номисмами или солидами (по-русски — златницы) — он пустил в оборот какой-то сплав из меди и золота, который носил имя номисмы и должен был ходить наравне с последней. Новая монета по сравнению с прежней, стоившей 12 серебряных милиарисиев, равнялась по ценности всего четырем милиарисиям, т. е. была в три раза дешевле. А подати Алексей желал получать хорошею полноценною монетою... Подобные меры конечно возбуждали недовольство еще не привыкшего к таким заменам населения.

А каковы же были просвещение, наука и литература в Византии в эпоху Комнинов и Ангелов?

Нам говорят, будто «изучение античной литературы является отличительною чертою того времени». Но тут же мы видим и противоречие. Язык времени Комнинов, — говорит А. А. Васильев,[1] — был искусственным, напыщенным, временами тяжелым для чтения и нелегким для понимания, оторванным от живой разговорной речи».

Но такой язык, ведь, всегда характеризует начало литературы, а не конец! Вспомните только нашу литературу, перечитайте Тредьяковского и его современников! Да и направление письменности было еще религиозное и придворно-историческое, как и во всякой только-что укрепляющейся письменности.

Сам император Алексей Комнин писал богословские рассуждения против иноверцев. Переживший его и игравший важную роль в государственных делах при его сыне, Никифор Вриенний, задался целью написать историю своего предшественника. Смерть помешала ему выполнить весь план, и он успел составить только род семейной хроники или мемуаров, имеющих целью показать причины возвышения дома Комнинов, и не дошел даже до вступления Алексея на престол. Язык Вриенния еще лишен той искусственной закругленности, которая свойственна его ученой супруге Анне, старшей дочери императора

[1] А. А. Васильев, Византия и крестоносцы, стр. 104.

Алексея. Она является автором «Алексиады», первого значительного памятника литературного творчества эпохи Комнинов, где она задалась целью описать славное правление своего отца «Великого Алексея, светоча вселенной, солнца Анны». В пятнадцати книгах большого сочинения, вышедшего в свет от ее имени и, — говорят нам, — законченного в начале правления Мануила, Анна дает картину постепенного усиления дома Комнинов еще до вступления Алексея на престол и доводит изложение до его смерти. Панегерическая тенденция на пользу отца проходит через всю «Алексиаду», которая стремится показать читателю превосходство Алексея, этого «тринадцатого апостола», перед всеми другими представителями фамилии Комнинов. Язык «Алексиады», по выражению Крумбахера, «почти совершенно мумиеобразный, представляющий полную противоположность выступающему в то время в письменности народному говору». Анна даже извиняется перед читателями, когда ей приходится произносить и записывать «варварские имена» западных или русских (скифских) вождей, которые «безобразят своими дикими звуками возвышенность истории».

Сам император Мануил, увлекавшийся астрологией, написал ее апологию против нападений со стороны духовенства и, кроме того, был автором различных богословских произведений. Любовью к наукам и литературным дарованиям отличалась и невестка Мануила Ирина, которой посвятил много стихотворений ее специальный поэт и, вероятно, учитель Феодор Продром и в честь которой составил свою стихотворную хронику Константин Манасси, называющий ее в прологе «настоящим другом литературы». Только приписываемый иногда Андронику I «Диалог против иудеев», по мнению историков, принадлежит более позднему времени, а в достоверности перечисленных они не сомневаются.

И, конечно, семья Комнинов лишь отражала на себе общий культурный подъем, выразившийся особенно в развитии литературы, которая является одним из отличительных признаков той эпохи.

Во время Комнинов и Ангелов историки и поэты, богословские писатели и писатели в различных областях псевдоантичности, и сухие хронисты, впервые оставили нам свои не апокрифические произведения, дающие возможность проникнуть в тогдашние литературные интересы.

Современник Комнинов, историк Иоанн Киннам, под влиянием Прокопия, оставил нам описание событий правления Иоанна и Мануила (с 1118 по 1176), являясь, таким образом, подражателем Анны Комниной. Будучи ярым защитником прав восточно-римского императорства и убежденным противником папских притязаний и императорской власти германских государей, он тем не менее дал нам заслуживающий внимания рассказ.

Видными фигурами в литературе XII и начала XIII веков являются и два брата, Михаил и Никита Акоминаты, из

фригийского города Хон (в Малой Азии), почему им иногда дается прозвание Хониатов. Старший брат, Михаил, повидимому, апокрифичен, так как цитирует еще не существовавших в то время Аристида, Аякса, Диогена, Перикла, Фемистокла, и пишет в возвышенном стиле, наполненном античными и библейскими цитатами, пересыпав его метафорами и тропами. В одной из проповедей он говорит:

«О, город Афины! Матерь мудрости! До какого невежества ты опустился!... Когда я обращался к тебе со вступительною речью, которая была так проста, безыскусственна, то оказалось, что я говорил о чем-то тебе непонятном или, как будто на чужом языке, персидском или скифском».

Более достоверны сочинения его брата Никиты Акомината, и он занимает главнейшее место в ряду исторических писателей XII и начала XIII века. Главнейшим произведением его является большой исторический труд в 20 книгах, охватывающий события со времени вступления на престол Иоанна Комнина до первых лет латинской империи (с 1118 по 1206 год). «История» его написана тоже напыщенным, витиеватым, но картинным языком. Убежденный в полном культурном превосходстве «римлянина» т. е. византийца, над западным «варваром», он заслуживает, как историк, бóльшего доверия, чем например «самый блестящий светоч византийского ученого мира со времени Михаила Пселла», архиепископ фессалоникский Евстафий. Приписываемое ему литературное творчество распадается на две группы: к первой из них надо отнести комментарии к «Илиаде» и «Одиссее», комментарий к Пиндару и к некоторым другим; ко второй группе относятся: история завоевания Фессалоники норманнами в 1185 году и знаменитое рассуждение о необходимости реформы монастерионской жизни. Вторая группа, конечно, много более достоверна.

Не малое значение в это время имеет и Иоанн Пеци, сочинения которого написаны риторическим языком, уснащенным мифологической, литературно-исторической и исторической мудростью и полны самовосхваления. Его аллегории к «Илиаде» и «Одиссее» посвящены супруге императора Мануила, германской принцессе Берте-Ирине, которая автором называется гомеричнейшей (ὁμηρικωτάτη) царицей, т. е. величайшей почитательницей «всемудрого Гомера, моря слов», светлою полнолунною луною, светоносицей, которая является не волнами океана омытою (Венерою), но как бы возникающею в блеске из пурпурного ложа самого Светоносца» (Солнца). Но это — уже совсем апокриф.

Не всегда достоверною личностью для эпохи первых трех Комнинов является и многоученый поэт Феодор Продром (т. е. по-гречески: «Богоданное предисловие») или иногда, как он сам себя называл, для возбуждения жалости и из-за неискреннего смирения, Птохопродромом, т. е. бедное богоданное предисловие. Одни ученые считают это «Предисловие» за двух писателей, другие за трех и, наконец, третьи — за одного. По словам Диля — человек, назвавший так себя, принадлежал к представителям

прозябавшего в Царь-Граде «литературного пролетариата», потому что выражает сожаление о том, что он не сапожник или портной, не красильщик или булочник, которые едят, а только выслушивает от первого встречного ироническое замечание: «Ешь свои сочинения и питайся ими, мой милый! Пусть питает тебя литература, бедняга!»

В приписываемых ему сочинениях он является и романистом, и агиографом, и составителем писем, и оратором, и автором астрологической поэмы, и автором стихотворений религиозных, и сочинений философских, и сатир, и шутливых пьес. Многие из них представляют собою сочинения на тот или иной случай, по поводу победы, рождения, смерти, свадьбы и т. д., но они являются очень ценными по рассыпанным в них намекам на те или другие лица, на те или иные события. Любопытны эти сочинения и по заметкам относительно жизни простого народа в столице.

Наиболее распространенное его произведение, это — длинный, высокопарный стихотворный роман «Роданф и Досика», чтение которого может причинить смертельную скуку. Но прозаические опыты Продрома, сатирические диалоги, памфлеты, эпиграммы много лучше. В этих произведениях намечается довольно тонкая наблюдательность над современной ему действительностью, придающая им несомненный интерес для истории общества и особенно для истории литературных кругов эпохи Комнинов.

Конечно, все они написаны, вероятно, разными авторами, но легко соединены под его фигуральным именем «Предисловие», т. е. «Пролог к дальнейшему».

Сухая византийская хроника также имеет в эпоху Комнинов, — по словам А. А. Васильева и других византистов, — нескольких представителей, начинавших свое изложение обыкновенно прямо от «сотворения мира». Георгий Кедрин довел изложение событий до начала правления Исаака Комнина (в 1057 г.), рассказав о времени с 811 года почти буквально словами еще неизданного в греческом оригинале хрониста второй половины XI века Иоанна Скилицы. Иоанн Зонара (в XII веке), написал «Руководство по всемирной истории», явно рассчитанное на более высокие потребности, и, опираясь на лучшие первоисточники, довел изложение до вступления на престол Иоанна Комнина в 1118 г. Написанная политическими стихами хроника Константина Манасси (в первой половине XII века), посвященная невестке Мануила — Ирине, излагает события до вступления на престол Алексея Комнина (1081 г.).

И наконец, Михаил Глика (в XII веке) написал Всемирную хронику до смерти Алексея Комнина (в 1118 г.).

Но вот вопрос: почему все эти авторы кончали тем же самым временем? Нам говорят, что это было первое культурное движение, подобного которому Византия не знала в предшествующие эпохи, и с этим нельзя не согласиться: это канун того, что мы называем классицизмом.

А сам классицизм мог появиться только уже при новых условиях жизни, о которых мы будем еще раз говорить в одной из следующих глав.

ГЛАВА X

ЛАТИНИЗИРОВАННЫЙ ОСТАТОК ПРЕЖНЕЙ ВЕЛИКОЙ РОМЕИ. ИЕРУСАЛИМСКОЕ ПАРЛАМЕНТАРНОЕ КОРОЛЕВСТВО XII ВЕКА — КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ МНОГОГО В ДАЛЬНЕЙШЕМ РАЗВИТИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ И АЗИАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ [1]

Сделаем сначала небольшое филологическое вступление.

Главный город этого королевства крестоносцы называли Иерусалимом, т. е. Городом Святого Примирения или «Надеждой Успокоения», но это имя не настоящее, а только орнативный эпитет, прилагавшийся, повидимому, в разное время к разным городам.

В Пятикнижии он совсем неизвестен, и только в одном месте книги Судей (XIX, 10) было сказано, что такое прозвище имел город Юпитера или Зевса (Иевуса) [2] Громовержца, который там скорее всего отожествляется с городом, раскопанным у подножия Везувия и называемым теперь (хотя и без явных доказательств, что он когда-нибудь носил такое имя) Помпеею.

К этому же городу, повидимому, относится эпитет Иерусалим (т. е. Город Святого Примирения) и у библейских пророков, где Царь-Град называется Цуром (в греческом произношении — Тиром), откуда и греческое слово — тиран и русское слово царь (цур).

Но этот же самый Царь-Град в библейских книгах «Цари» опять получает титул Города Святого Примирения (Иерусалима) и даже не называется иначе.

Все это показывает, что в применении эпитета «*город Святого Примирения*» (*Иерусалим*) на протяжении веков, и при соответствующих им переменах места религиозных пилигримств,

---

[1] Первоисточниками служат: Додю, История монархических учреждений в Латино-Иерусалимском королевстве (перев. с французского); Röhricht, Geschichte des Königreiche Ierusalem; Евгений Щепкин, Иерусалимское королевство.

[2] Иевус, т. е. Jovis, по-еврейски — ИВУС (יבום), а жители его и его окрестностей назывались зевсианцами, по-гречески — ἰεζουσαῖοι, по-латыни — jebusaei, по-еврейски — ИВУСИ (יבומי), по-французски—jebussens, по английски — jebusites и по-русский — евусеи. Но отожествить его с Иерусалимом возможно лишь по одной строке: и пришел (левит) в окрестности города Иевуса, т. е. Иерусалима, и с ним пара навьюченных ослов и наложница его (Суд., XIX, 10).

произошли по крайней мере три перемены. Так назывался первоначально и тот город, раскопанные остатки которого мы называем теперь Помпеей, и Царь-Град и, наконец, современный палестинский Иерусалим, получивший это название лишь незадолго до крестовых походов.

Дело в том, что у Палестинских жителей он и до сих пор называется Эль-Кудсом, от еврейского выражения Элиа-Кадеш, т. е. Святой Илья,[1] а у латинских средневековых писателей и на монетах он называется всегда Aelia Capitolina, т. е. Ильинка Главенствующая. Отсюда же произошло и имя Илион, тоже в переводе город Илии, а другое его название Троя происходит от еврейского ТРО-ИЕ, т. е. Врата Громовержца.[2]

От названия Эль-Кудса городом пророка Илии — Илионом — происходит и название известной Гомеровой поэмы Илиада, а от слова Тройя вышло и прозвище Траян. Отсюда можно видеть, что совершенно напрасно считают развалины около Дарданельского пролива за этот город. Илиада — это поэма из времен крестовых походов, а слово Траян очевидно применялось и к Готфриду Бульонскому, вследствие чего оно проникло даже и в русские былины.

Мы подошли теперь ко времени крестовых походов.

Апокалиптическое христианство уже пережило много тревог. Прошли века со времени появления Апокалипсиса в 395 году, и все еще не исполнялись многократные предсказания прихода «Иисуса», давно превратившегося в воображении теологов в грозного полубога-получеловека, долженствующего судить живых и мертвых. Последний раз астрологи и каббалисты, а с ними и все духовенство, и их паства, ждали его прихода в тысячном году нашей эры. Но, вот, прошел и этот предельный срок: Сатурн прошел через средину Тельца, Юпитер через средину Стрельца, а Марс окончил к маю свою эпициклическую петлю в Раке, начатую еще в конце 999 года, прошел до сентября все созвездие Льва и вступил в Деву. Из нее он к «Рождеству Христову» пришел в созвездие Скорпиона, а потом в Стрельца, в котором и соединился с солнцем и Юпитером. Роковой 1000-й год окончился, роковой срок прошел, и ничто в природе не приключилось. Все страхи и молитвы пропали даром, и церкви ничего не оставалось делать, как окончательно воспринять евангельское учение о милосердном боге.

Не был ли этот год и тем поворотным моментом, когда христианская церковь отделилась от мессианской (т. е. иудейской), вероятно, еще объединенной с агарянскою церковью, от которой, ведь, она и действительно отличается лишь в мелочах? Мне кажется, что это очень вероятно.

---

[1] אליהקדש (АЛ-ИЕ КДШ) — святой Илья и в то же время созвучно с выражением Илья Бог-Громовержец.

[2] ТРО-ИЕ (תרע-יה) — Врата Громовержца, по-гречески — Τροία, по-латыни — Troja.

Ведь, и Коран, и Талмуд, признают евангельского Христа как пророка, и лишь отвергают поклонение ему как богу. Даже — более: современное магометанское многоженство и есть многоженство Соломона, Давида и остальных библейских царей, а потому и основа первичного многоженного «иудейского» социального строя есть семья магометанская, а никак не современная еврейская, которая за весь достоверный исторический период носит характер семьи христианской, основанной на единобрачии. Родство магометанского Корана и Библии само бросается в глаза при их сравнительном изучении. Мы уже видели при разборе Корана, что в него вошли все важнейшие библейские легенды, что там фигурируют и Авраам с Исааком, и Моисей с Ароном, и Ной с потопом, одним словом, все, за исключением пророков Исаии, Иеремии, Иезекиила и т. д., которые по нашей хронологии относятся к первой половине средних веков. Мировоззрение агарян и мировоззрение ариан одно и то же, и не менее одинаковы законы и религиозная лирика Корана и Библии. Современное иудейство это уже половинный переход от агарянства к евангельскому христианству, апокалиптическая ступень к нему, без которой последнее не могло бы даже и оформиться. А потому и возникновение иудейства должно быть логически отнесено к более позднему времени, чем возникновение агарянства. До средневекового талмуда не было гебров, т. е. евреев, а только иберы и арабы, и оба были одно и то же, хотя и в различных местностях: иберы в Испании, Португалии и Марокко, а гебры в Египте и в прилегавших к нему странах.

Обе местности были в это время уже культурно связаны между собою, чего не могло быть ранее появления парусных судов дальнего прибрежного плавания с рискованными переходами из Апулии в Грецию, а потом и из Сицилии в Тунис, потому что на одних веслах далеко не уедешь, даже и по реке. Это я с уверенностью могу сказать по собственному опыту плавания в лодках, а неверящему мне предлагаю вместо ссылок на свидетельства древних попробовать лично проехать на веслах хотя бы сотню километров. Ведь, опыт и наблюдение лежат в основе современной науки, так пусть же читатель и попробует ранее, чем спорить со мною.

Итак, возникновение единобрачного иудейства было позже окончательного развития агарянства, т. е. первичного магометанства, а начало многобрачного иудейства, наоборот, было в самом конце IV века одновременно с началом апокалиптического христианства, от которого несколько веков оно ничем существенным не отличалось. Оба одинаково предсказывали приход Великого Рэ-Мессу, т. е. Царя-Мессии (Re Messia итальянцев), по сочетанию небесных светил, чем особенно и отличались ученые мессианцы из Египта, называвшиеся у греков халдеями (или калдеями, откуда и русское колдуны). Многократные разочарования требовали многократных объяснений неудачи, причем выдумывались сконфуженными и встревоженными пророками бес-

конечные отговорки, из суммы которых выработалась евангельская теология VIII—X веков. И вероятно, одним из последних объяснений в 1000 году нашей эры было то, что «господь не явился, потому что его гроб захвачен еретиками». Иначе, чем же объяснить, что именно как раз после неприхода Христа в 1000-м году и началась первая проповедь крестовых походов «для освобождения гроба господня?».

Но где же находился этот гроб?

При отожествлении царя Мессии (он же Великий Царь — Василий Великий, по-гречески) с Рэ-Мессу Миамуном приходилось бы искать его в Египте, но среди множества отчаянных споров и неизбежных с ними психологических апперцепций, место гроба в воображении отдаленных европейцев перенеслось в окрестности Мертвого Моря, вероятно благодаря самой его мертвой природе, по догадке какого-нибудь путешественника. Нужный гроб в виде пещеры, конечно, и был тотчас же **открыт** в Эль-Кудсе, который после этого и получил у христиан название Иерусалима, тогда как местные жители и до сих пор называют его Эль-Кудсом, а византийцы называли Элия-Капитолина, т. е. город Верховного Солнца или Верховного Ильи, т. е. Юлиана, Илион (откуда снова позволительно заподозрить, что Юлиан и Великий Царь Святцев, основатель православной литургии, были одно и то же лицо, и что Илиада взяла многое из крестовых походов).

Но если вся старинная история о «Святой Земле» есть миф, то с какого же момента начинается ее реальная история? Как раз с крестовых походов, когда в этой стране возникло Иерусалимское королевство (1099 — 1187), замечательное тем, что здесь впервые мы встречаемся с представительными учреждениями в Азии, ограничивающими власть верховного властелина, с палатой ленных рыцарей и с палатой горожан. Поэтому нам чрезвычайно важно познакомиться с его гражданской жизнью не только для объяснения мифов, но и для понимания соответствующей эволюции государственных учреждений в самой Европе, а также и легенд «о консульских монархиях древности».

Чтобы не вдаваться в тенденциозность, я буду прямо реферировать фактическую часть по монографии Евгения Щепкина «Иерусалимское королевство».[1]

Сущность дела такова.

После завоевания «Святой Земли» крестоносцами они образовали в Сирии:

Королевство Иерусалимское от Аскалона до Бейрута, княжество Антиохийское, графство Триполис и графство Эдессу. Король Иерусалимский был здесь только первым между равными. И у него были еще крупные бароны: княжество Галилея с главным городом Тивериадой, графство Яффа, синьория Сеэт (Сидон)

[1] Евгений Щепкин, Иерусалимское королевство. (Книга для чтения по истории средних веков, под ред. П. Г. Виноградова. 1903.)

и синьория Монрояль (Керак). И каждая из этих бароний делилась на лены:

«Граф Яффы и Аскалона должен был ставить 100 рыцарей», т. е., значит, графство это распадалось на 100 рыцарских ленов. Из них граф владел 26-ю ленами непосредственно, как своим уделом, и нанимал 26 рыцарей, чтобы они отбывали за него военную службу, а 74 лена он раздавал на ленных же условиях другим. Так, среди его вассалов сир д'Ибелин держал, например, феод в 10 рыцарских ленов и ставил 10 всадников, и все эти 4 крупные баронии вместе давали Иерусалимскому королю 340 рыцарей. И кроме того, от него же зависели некоторые маленькие сеньерии, как Аккон, Тир, Бейрут, Монфор. Их всех на средневековом феодальном языке можно было бы назвать барониями, так как они пользовались правом высшего суда (haute justice) и чеканки монеты. Те города, которые лежали в королевском уделе, тоже были притянуты к определенным, чисто феодальным повинностям, например Иерусалим ставил 41 рыцаря, города же главным образом ставили пехотинцев (сержантов). Со всей иерусалимской баронии король набирал 5000 пехотинцев, тогда как число рыцарей не превышало 600.

Власть Иерусалимского короля была первоначально избирательною и ограниченною по существу. Годфрид Бульонский видел источник своей власти в выборе его баронами, и после его смерти Балдуин I только через признание ими же стал королем-сеньером над баронами Антиохии, Триполиса и Эдессы. Он называл своего брата герцогом Годфридом, а себя — первым иерусалимским королем латинян. Отсюда титул — Rex Hierusalemi Latinorum.

Когда умер Балдуин I (1118 г.), некоторые ленники потребовали отсрочить выборы короля до прибытия его брата Эсташа де-Булонь, к которому должна была бы перейти по наследству, по крайней мере, барония. Но под влиянием духовенства право баронов на выбор короля одержало верх: церковь хотела, чтобы признак власти «Божьею милостью» был не в наследственности престола, а в помазании короля на царствование иерусалимским патриархом. Так и был избран Балдуин II. А после его смерти (1131 г.) осталась наследница Мелисанда, муж которой, Фулькон Анжуйский, вступил за нее в права наследства. С этих пор выбор превратился в простой торжественный обряд.

У феодального иерусалимского короля были обычные должностные лица: сенешаль, коннетабль, маршал и т. д.; был свой феодальный двор (la haute court), а в чрезвычайных случаях по почину короля и патриарха созывались особые «парламенты» (совещания), в которых принимали участие бароны, епископы, аббаты, чужеземные короли-крестоносцы и т. д.

Но что же это были за ассизы, которым присягали иерусалимские короли, как основным законам государства?

До нас они не дошли, и их приходится восстановлять по тем частным записям или трактатам юристов-феодалов, которые

возникли или, по крайней мере, сохранились на острове Кипре. Гвидо Лузиньян, последний король иерусалимский, с согласия Ричарда Львиное сердце, перекупил этот остров у тамплиеров. Сюда, как живой обычай, перенесены были, — говорят нам, — и ассизы Иерусалимского королевства из Аккона, где заседали феодальные палаты после утраты Палестины. Вследствие этого, например, под именем «Ассиз Верхней Палаты» (Assises de la Haute Cour), т. е. палаты ленников, известны, главным образом, трактаты юристов-феодалов Кипрского королевства XIII века — Филиппа Новарского и Жана д'Ибелина. Под именем «Ассиз Палаты буржуа» (Assises de la Cour des Bourgeois), т. е. палаты горожан, сохранился на Кипре трактат неизвестного юриста, возникший, думают, еще до утраты Иерусалима на почве самой Палестины. Точно также до основания Кипрского королевства возникла, вероятно, в пределах самого Иерусалимского королевства небольшая книга, посвященная личному праву и известная под заглавием «Le livre au Roi». В этой «Книге королю» изложение очень сжато, и язык ближе к своду законов, чем к юридическому трактату.

ТАБЛИЦА XXIV

Хронологические вехи Иерусалимского королевства XII века.

1. Готфрид Бульонский (1089 — 1100) — 12 лет.
2. Балдуин I (1100 — 1118) — 18 лет.
3. Балдуин II (1118 — 1131) — 13 лет.
4. Его дочь Мелисанда с мужем Фульконом Анжуйским (1131 — 1143) — 12 лет.
5. Балдуин III (1143 — 1162) — 19 лет.
6. Амальрих (1162 — 1173) — 11 лет.
7. Балдуин IV (1173 — 1184) — 11 лет.
8. Гвидо Лузиньян, последний иерусалимский король (1184 — 1186), а потом (после взятия Иерусалима Саладдином) король Кипрский до 1195, после чего его потомки царствовали на Кипре, как в феодальном королевстве, до 1473 года.

Таковы главные записи о иерусалимских ассизах. В конце крестовых походов, в мае 1291 года, пал Аккон (S. Jean d'Akre), как последнее владение христиан в Сирии, и с тех пор предания Иерусалимского королевства держались только на острове Кипре, где более 300 лет правила династия Гвидо Лузиньяна. Эта-то традиция и дошла до нас в трудах кипрских юристов, найденных в Венеции.

Что же разумели они под Иерусалимскими ассизами? Жан д'Ибелин рассказывает по этому поводу следующее предание.

«Князья и бароны, завоевавшие Иерусалимское королевство, избрали-было королем и сеньером герцога Годфрида Бульонского, который, впрочем, не захотел носить Золотой венец там, где Иисус Христос носил терновый, и попрежнему называл себя только герцогом. Желая, чтобы королевство имело хороший строй, а его население управлялось и судилось согласно справедливости и разуму, Годфрид установил две светские палаты для суда — «Верхнюю Палату» (la haute court) из вассальных рыцарей и «Палату горожан» (la court de la bourgeoisie) из лучших горожан. Во главе Верхней Палаты, где разбирались дела вассалов, стал в качестве правителя и судьи сам Годфрид; во главе «Палаты горожан», где разбирались дела остального населения, он поставил своим заместителем зависимого человека. Все это было установлено с общего согласия сеньера, его вассалов и горожан. Для каждой из Палат были установлены свои особые ассизы и обычаи».

«Все установленные в Иерусалимском королевстве ассизы, порядки и обычаи были записываемы прописными буквами, и первая буква каждой ассизы была украшена золотом, а все заглавия расписаны алой краской. Таковы были ассизы Верхней Палаты и ассизы Палаты буржуа. На каждой из хартий находилась печать и подпись короля, патриарха и виконта иерусалимского. Их называли «Письменами Гроба Господня» (lettres du S. Sépulcre), потому что они хранились у Гроба в обширном ковчеге. Когда для справки приходилось открывать этот ковчег, то при нем должны были присутствовать девять лиц: сам король или его заместитель (кто-либо из высших ленников) и двое из ближних ленников (hommes liges), патриарх или его заместитель (приор Гроба Господня), два каноника, виконт Иерусалима и двое присяжных из Палаты буржуа».

Этот же кипрский юрист д'Ибелин, сопровождавший Людовика IX в крестовый поход в 1254 году, говорит еще:

«В правление семи иерусалимских королей, которые там процарствовали 86 лет (очевидно, со времени Готфрида Бульонского, которого он не считает), были составлены и установлены ассизы, и до утраты Святой Земли ими пользовались так, как теперь этого уже нельзя сделать, потому что все, что мы о них знаем, мы знаем только по слухам или из обычая. Ассиза — это известная форма закона и должна соблюдаться и действительно соблюдается в Иерусалимском королевстве и в королевстве Кипрском лучше, чем все законы, декреты и декреталии».

«Начиная с Готфрида Бульонского, при 7 иерусалимских королях, — продолжает далее автор, — кроме очередных заседаний Палаты ленников и буржуа, собираются чрезвычайные сеймы (парламент) из прелатов, вассалов, горожан, и ими-то вырабатываются ассизы, [1] которые записываются и хранятся у Гроба Господня. Так образуется, несмотря на существование основных писанных законов — Письмен святого Гроба, — обычное право Иерусалима. Взятие Иерусалима Саладином в 1187 году уничто-

[1] Проф. Виноградов: «Чтения по истории средних веков», вып. II, стр. 63.

жило писанное право, и ассизы с тех пор живут наравне с обычаями только в традициях феодальных и городских палат (в Акконе и в Никозии на Кипре), в памяти (!!) выдающихся юристов из среды ленников и буржуа и в частных записях этих грамотных людей».

Наш кипрский юрист ведет от Готфрида чуть ли не все основные законы и учреждения Иерусалимского королевства, подобно тому, как весь строй Кипрского государства предание приписывало деятельности Гвидо Лузиньяна.

Жан д'Ибелин предполагает в Иерусалимском королевстве с самого начала стройную феодальную организацию ленников и коммунальный строй городов, хотя этому представлению противоречит рассказ Вильгельма Тирского, по словам которого даже к концу царствования Балдуина Первого город был так скудно населен, что жителей едва хватало на защиту ворот, башен и стен. Правда, у того же Вильгельма Тирского, в грамоте от 1100 года рыцари (milites) уже противополагаются горожанам (burgenses), и упоминается даже виконт палаты буржуа, но все это были лишь зачатки городской общины. Значит, представление Ибелина о городских учреждениях Годфрида нужно сильно уменьшить: ассизы горожан и 37 палат буржуа по городам Иерусалимского королевства, о которых говорит предание, могли возникнуть только немного позже. То же самое нужно сказать и о Верхней Палате короля (la haute cour) и соответствующих ей 22 палатах в барониях других сеньеров.

Законы, обязательные для руководства, — говорит Евгений Щепкин, — должны были существовать, конечно, уже при Годфриде, но ведь для этого годились и его отечественные. Иерусалимское писанное право, если оно тогда вообще было, могло существовать только в зародыше скромного размера, а уголовное право, как оно изложено у Ибелина и других, во всяком случае не могло входить в ассизы Годфрида. Чем иначе объяснить, например, что только при Балдуине II сейм в Наблусе (Неаполис в Самарии), созванный в 1120 году королем и патриархом из баронов, епископов, аббатов и народа, нашел нужным издать в 25 пунктах постановления против безнравственности, воровства и разбоя? А Вильгельм Тирский говорит, что нашел их «в архивах церквей».

«Но подвергая сомнению кодификацию ассиз еще при Годфриде Бульонском, — продолжает свой рассказ Евгений Щепкин, — трудно отвергать существование Письмен гроба господня. О них говорит и предшественник Жана д'Ибелина, Филипп Новарский, ни словом не упоминающий, впрочем, о законодательной деятельности Годфрида. Он почерпнул свои сведения о существовании «Письмен гроба господня» от людей, которые видели их до 1187 года, т. е. до падения Иерусалима. А когда Саладин взял город, они *(будто бы!)* погибли «и никогда потом не было там ни письменных ассиз, ни обычаев, ни кутюмов».

Вообще же можно сказать, что нигде в Европе феодальный принцип не достигал такого крайнего развития, как в областях, завоеванных крестоносцами. И это понятно. «Здесь, — выражаюсь опять словами Евгения Щепкина, — кроме привычки к феодальным учреждениям, вынесенной с Запада, были налицо и все те внешние условия, которые обыкновенно обостряли эту систему: факт завоевания и раздела, подбор ополчений из наиболее предприимчивых элементов Европы, слабость королевской власти, не освященной традицией, и довольно независимое положение светских баронов вдали от честолюбивой Римской церкви. На Востоке (в особенности на Кипре) феодальный двор ленников взял, наконец, верх над королем, и вассалы изучали свои usui, и coutumes, и assises с целью не дать возможности королевской власти разрастаться путем мелких правонарушений. Самые приемы мышления о феодальных отношениях и учреждениях вырабатывались здесь не на враждебном им римском праве, а повторяли собой ход феодальной мысли, как она раскрывалась во время судебных прений перед Палатой ленников. Все, что мог дать организованного феодализм, предоставленный самому себе, он дал на Востоке.

Это была уже своеобразная аристократическая республика, из тех, которые дали повод к легендам об античных республиках.

Сердцем общества в Сирии был не столько король, сколько его Палата, т. е. совокупность ленников. Палата хранила ассизы и обычаи в своей памяти, толковала их, а позднее стала даже источником закона, потому что, после гибели «Письмен гроба господня», обычаи, признаваемые Палатой за ассизы, были приравнены к «Пропавшим Письменам». Гарантией Палаты держались все пожалования в стране. Раздачи ленов, производившиеся сеньером без поручительства вассалов (hommes liges), имели силу только, пока сам он был жив, и наоборот, лены, розданные за порукой Палаты, обязательно утверждались за его наследником. Так, трактат об «ассизах горожан» объявляет незаконным побор в $7^1/_2$ су за уклонение от очистки улиц только потому, что король Балдуин I установил его без совета своих вассалов и своих горожан. Нечего и говорить о том, что вся юрисдикция исходила от Палаты. Ее свидетельство (recort) о факте дарения и владения заменяло собой письменную привилегию.

Какие же средства были в руках отдельного вассала, чтобы принудить своего сеньера подчиниться приговору Палаты? Если сеньер не исполняет решения или постановления Палаты, то его вассалу давались три средства понуждения 1) заклинать сеньера клятвой, которую он дал — блюсти ассизы; 2) созывать других ленников того же сеньера, чтобы понудить его к соблюдению постановлений Палаты; 3) отказываться от службы, к которой обязывал его лен. А какая же была гарантия у отдельного ленника против произвола этой Палаты? Он мог только объявить всю Палату «бесчестной» (fausser la court), но это средство было почти неисполнимо. Если ленник хотел обесчестить Палату и

сказать, что ее суд или соображения, или сведения, несправедливы и незаконны, тогда, чтобы доказать свое заявление, он должен выйти на поединок со всей Палатой и побеждать, по очереди, одного за другим, всех ее членов, даже тех, кто не участвовал в разборе дела. Таким образом, Палата была всесильна.

К особенностям феодализма в Палестине надо отнести еще и крайнее развитие там денежных ленов, и потому все находимые там монеты, приписываемые более ранним временам, должны быть отнесены к Иерусалимскому королевству. Крестоносцы-рыцари не входили в подробности сельского хозяйства, а довольствовались только рентой от сирийцев и арабов, оставшихся на землях в качестве крепостных.

Так естественно выработался замечательный государственный строй этого королевства. Посмотрим теперь, каково было его население.

«Выходцы из северной и южной Франции, бретонцы и провансальцы, ломбардцы, венецианцы, тосканцы, сицилийцы, лотарингцы, фрисландцы, немцы, скандинавы, англичане, валлийцы, шотландцы, венгерцы и т. д., — говорит тот же автор, — слились в Сирии в господствующие сословия. А под их властью или рядом с ними продолжали жить остатки туземных племен — сирийцы, армяне, греки, арабы, турки. Среди исламистов [1] преобладали арабы, ставшие оседлым, мирным населением, а турки встречались редко. Исламитство вообще не было преобладающей религией в Сирии. Не говоря уже о редких израелитах и греко-православных, здесь были яковиты, признававшие во Христе лишь одну природу; были несториане, считавшие Марию матерью лишь человека, а не бога, и марониты, признававшие у Христа лишь одну волю, а не две: божескую и человеческую. В господствующих слоях численно всегда преобладали тут французы, а туземцы-магометане звали всех вообще пришельцев с запада франками. Со времен Карла Великого франкский народ олицетворял для сирийцев и арабов католическую Европу.

Но продолжительная разлука с родиной, семьей и обычными занятиями вредно отзывалась на нравах жителей Иерусалимского королевства. Смешанное население Палестины, родившееся от франка-отца и матери-сириянки, называлось пулланами (а-пулийцами). Под влиянием климата и туземного населения пулланы быстро стали терять европейские привычки своих предков, и Яков Витрийский произносит над ними строгий приговор:

«Они, — говорит он, — выросли в роскоши, изнежены, охотнее идут в расслабляющие восточные бани, чем на борьбу с неверными; одежды у них пышные, мягкие, нравы распущенные; они ленивы и трусливы, малодушны и боязливы. Исламиты их не боятся, и если бы не помощь франков, и не приток новых сил с Запада, так одни пулланы не в состоянии были бы сопротивляться им. Охотнее всего они блюдут мир со своими соседями, но между собой в постоянных ссорах и призывают «неверных» на помощь друг против друга. К святыням Палестины и Иерусалима они равнодушны; страдания пилигримов не трогают этих полуисламитов, которые стараются только правдой и неправдой обогащаться насчет странников. Те сирийские девушки, на которых часто женились пулланы, принимали христианство только внешним образом, и среди такой смешанной семьи не было ни христианства, ни исламитства, а только самые грубые суеверия».

[1] Исламитство значит — предание себя богу.

А что же сталось с туземным населением Палестины?

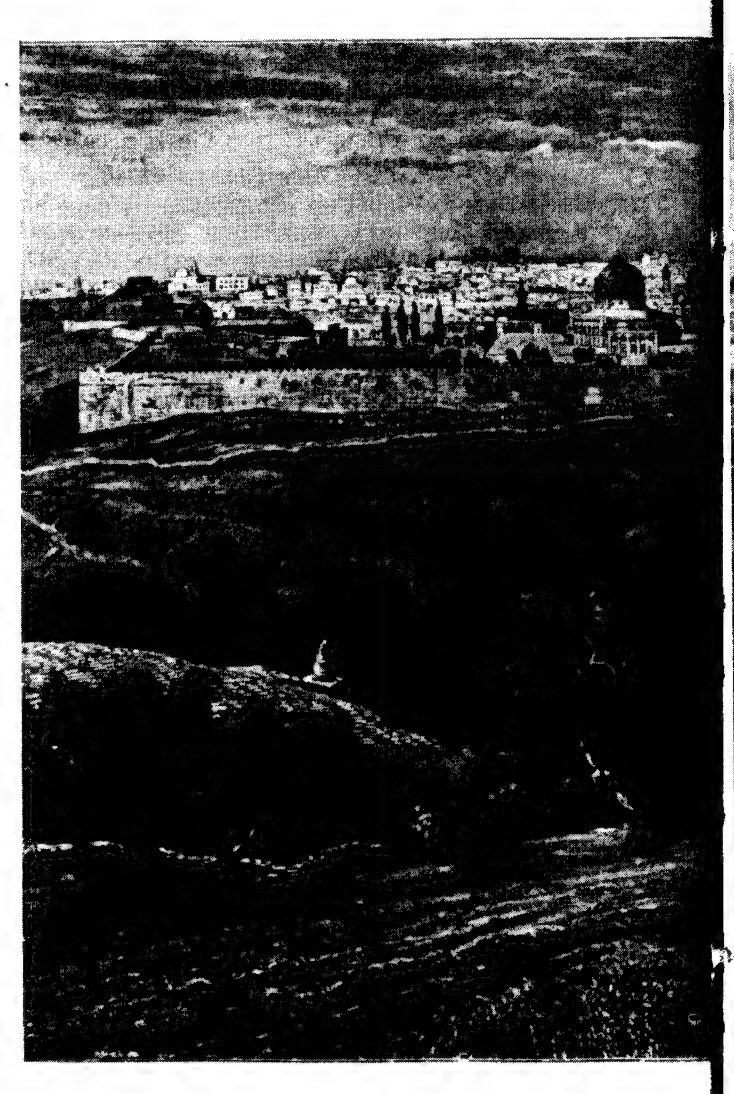
Только в немногих городах (Триполисе, Бейруте, Сидоне) исламиты получили позволение жить и заниматься своими промыслами: пряденьем шерсти и тканьем. Вся остальная масса их под властью франков осталась в селах на положении колонов (крепостных), обрабатывавших земли господ и платививших им определенную часть своего урожая. По городам сирийцы-христиане занимались промыслами, в сельских областях садоводством и землепашеством, например разведением сахарных плантаций. По обычаям Иерусалимского королевства там, где они жили густой массой и составляли особые общины, они имели свои собственные суды. Такие же уступки, как сирийцам-христианам, франки сделали и еврейству. В Иерусалимском королевстве, и на Кипре евреи пользовались неограниченной гражданской свободой. В северной части Иерусалимского королевства важную долю населения составляли армяне, которые вместе с выдающимися способностями к торговле соединяли воинственность, чисто рыцарскую, но под властью крестоносцев были по своему положению приравнены к сирийцам.

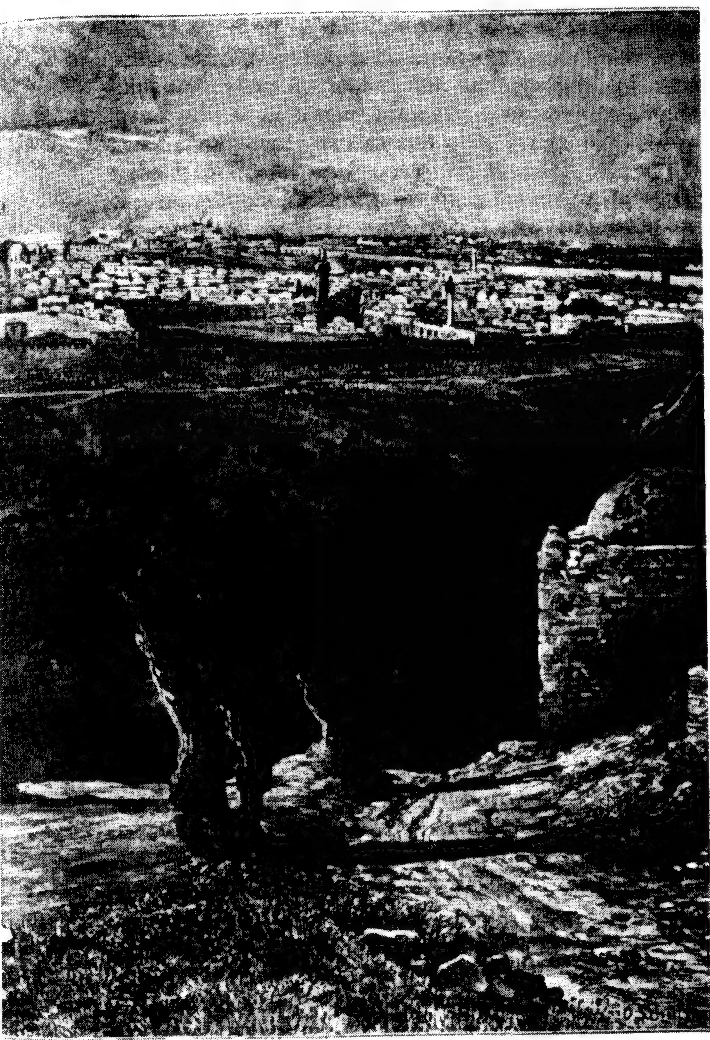
Буркгардт из Монте-Сиона, посетивший Восток около 1280 года, хвалит плодородие густонаселенных частей Ливана и Антиливана с их пастбищами, садами и виноградниками. Местность вокруг Курдского укрепления, [1] по его словам, густо застроена крестьянскими дворами, покрыта маслинами и виноградниками и богата фруктовыми садами, рощами, лугами и водой. Раем показалась ему затем береговая полоса около Триполиса; нигде он не видывал такого количества вина, оливок, фиг и сахарного тростнику. Однако, землепашество не было настолько развито, чтобы избавить страну от необходимости ввозить хлеб с Запада. Сеяли, как и теперь, только пшеницу и ячмень, да некоторые стручковые растения: бобы, горох, чечевицу.

А садоводство достигало здесь высокой степени совершенства. Уже в начале средних веков вина Палестины считались самыми крепкими и вкусными при дворе византийских императоров. Маслины произрастали не только в садах на равнине Триполиса и по склонам Фавора. За Иорданом эти деревья попадались густыми рощами, и оливки собирались, главным образом, на масло. Из фруктовых деревьев обычными были: фиги, лимоны

[1] Одна из главных крепостей северной Сирии.

На переднем плане спускается к «Кедронской долине» Элеонская, т. е. Илионская, гора (от древнего названия этого города Илионом и Элией, гомеровская Троя, т. е. Врата Божии; ТРИЕ, по-еврейски). Перед городом направо, в тени, — части ограды так называемого Гефсиманского сада, а налево — обелиск на квадратном основании — так называемая гробница Авессалома.

На заднем плане сам город с южной стороны, освещенный предзакатным солнцем. За стеной, на середине которой замурованы «Золотые ворота», видна «мечеть Омара» с куполом около 26 метров высоты и 17 метров в диаметре. Ее считают построенною на месте мифического «Соломонова храма (т. е. храма Примирения). Несколько правее и далее этого здания виден почти такой же купол христианской «Церкви гроба Господня».

Рис. 120. Город Ильи-Пророка (Элия Капитолина, Эль-Кудс, т. е. Эли-Кадеги, у христиан — Иерусалим).

апельсины, гранаты, миндаль. Все побережье и в особенности область Триполиса славились своими плантациями сахарного тростника. Здесь франки научились у сирийцев добывать сахар, выдавливая сок из тростника особыми прессами в роде мельниц. Для этих работ употреблялись часто исламиты-пленники. Тир славился своими сахароварнями.

На границе между сельскохозяйственной и обычной промышленной деятельностью стояло разведение шелковичных червей, достигшее в Сирии высокой степени процветания еще при господстве византийцев, да и франки уже знали тутовое дерево в южной Италии и Сицилии. Средоточием этого промысла был Триполис, где в конце XIII века работало не менее 4 тысяч ткацких станков для шелку. К ткацкой промышленности примыкали красильни. В долине Шериат Эль-Кебире, переименованного в Иордан, разводилось индиго, а у берегов находили знаменитую пурпуровую улитку. Стеклянными произведениями славился Тир.

Немногочисленные крестьяне, переселявшиеся с Запада, представляли в Иерусалимском королевстве исключение по своему сравнительно независимому положению. Чаще всего они становились свободными арендаторами и платили за землю франку-рыцарю деньгами или сельскохозяйственными продуктами. Сохранилась, например, грамота иерусалимского короля Балдуина III от 1153 года, определяющая условия, на которых Жирар-де-Валанс получил от него дозволение заселить один хутор (casale) латинскими колонистами. Колонисты получали от предпринимателя усадьбу и участок земли в полную наследственную собственность, но должны были зато платить королю с урожая своих полей $^1/_7$ долю, с виноградников и садов $^1/_4$, а с насаждений маслин даже $^2/_3$. Пятнадцатый хлеб из их хлебных печей принадлежал тоже королю.

А масса сельского населения, оставшаяся от исламитского владычества, находилась, как я уже упоминал, в крепостной зависимости и составляла одно целое с земельными участками, на которых жила. Сирийский крепостной мог быть даже оторван от семьи, продан, подарен или дан в обмен своим господином другому. Обыкновенно рыцарский лен распадался для целей хозяйства на хутора, а отдельный хутор (casale) дробился на «плуги» (charruess), т. е. участки земли, для ежегодной обработки которых хватало пары волов. К хутору примыкали леса и луга, находившиеся в общем пользовании крестьян, а иногда и виноградники, фруктовые сады, насаждения маслин. Крепостные, обрабатывавшие такой хутор, несли повинности трудом, продуктами земли и даже деньгами. Они доставляли в замок рыцаря кур, яйца, хлеб и мед.

Только горожанам открылось на Востоке широкое поприще деятельности. Возникла «левантская торговля», посредничествовавшая между Востоком и Западом. На берегах Сирии совершался теперь обмен произведений Европы и Азии. Суда купцов Генуи, Пизы, Амальфи, Монпелье и Марселя шли обыкновенно вдоль

западного берега Италии до Мессины и после продолжительного отдыха держали путь далее на греческие острова: Кандию, Родос, Кипр, откуда, не заходя в Афины, достигали сирийского берега у Тира и Аккона. С другой стороны, сюда же приводили караванные дороги с азиатского Юга и Востока.

Из Европы на Сирийские берега привозились оружие, сукна, лошади, хлеб, а из Сирии грузились в Европу фрукты, вина, сахар, хлопок, шелк и шерсть армянских овец и коз. Но особенно важна была для Европы закупка пряностей, ароматов и красок, родиной которых были отдаленные части Азии. Один простой перечень левантских товаров для Европы свидетельствует, насколько широко разветвлялась эта торговля и как глубоко проникала уже она на азиатский Восток.

«Знаменитая амбра шла из Аравии. Арабы часто находили куски этого твердого, сероватого, подобного воску, вещества, которое при нагревании испускало тонкий аромат. О ее происхождении ходило на Востоке много фантастических рассказов, и это не удивительно: амбра встречалась то в волнах моря, то на берегу, то среди скал, куда, может быть, заносили ее птицы, а иногда и во внутренностях рыб, проглотивших ароматичные кусочки. В действительности же, это было болезненное образование в теле кашалота. На востоке из амбры делали четки, кресты, целые статуетки».

Бальзамом славился Египет. Здесь в саду, принадлежавшем султану, надрезывалась кора бальзамового деревца или обрывались листья, побеги, и из них собирался драгоценный сок. Лучший сорт бальзама раздавался султаном в подарок государям, вельможам и в госпитали, а в продажу шел только остаток или то, что садовники выжимали из обрезков. Это ароматичное вещество употреблялось и как лекарство, и для целей богослужения, например в церковном елее. Гвоздика, как лекарство и приправа, известна была еще со времен каролингов, но она всегда была в два-три раза дороже перца, потому что единственным местом, где росли гвоздичные деревья, были отдаленные Молуккские острова. Имбир шел из Индии, а корица из Китая и с Цейлона. Лучший ладан добывался из древесной смолы на Кипре и в Малой Азии, а лучший мускус — в Тибете из сумчатой железы мускусного быка (самца кабарги). Мускатный орех приходил, может быть, с Зондских островов, ревень — из Китая сухим путем через пустыни центральной Азии, а перец — с Малабарского берега Индии и Цейлона; это была наиболее распространенная приправа.

В Средние Века перцем оплачиваются иногда пошлины, но цена его была настолько высока, что беднейшим классам он оставался недоступным. Шафран и сахарный тростник встречались и в южной Европе и в Палестине, но лучшие сорта все-таки доставлялись купцами-исламитами из Персии и Египта. Фимиам (ароматичный сок дерева Boswelia) ввозился тоже из Аравии, как и амбра. На берегах Персидского залива открыт был

способ рафинировки сахара, а оттуда сирийцы распространили его на Западе и на Востоке. Вследствие своей дороговизны сахар употреблялся в Средние Века сначала больше как лекарство при грудных болезнях, и только позднее появились в торговле фрукты в сахаре, хотя в Византии уже во времена Комнинов было в обычае пить воду с сахаром.

На ряду с ароматами и пряностями Восток доставлял в Западную Европу другой москательный товар — краски и всякие смолы. Корень галанга, известный как лекарство и горячительная приправа, привозился из Китая и южной Азии. Индиго удачно разводилось для окраски близ Кабула и в Персии, а камфора приходила из Китая и, может быть, с Суматры, где добывались самые дорогие сорта. Один вид кошенили встречался и в южной Европе, и в Греции, и в Армении, и это насекомое давало красную краску; также и марена разводилась как в Европе, так и на Востоке, например в Грузии. Квасцы для крашения, золочения и дубления получались из Малой Азии, камедь — из Индо-Китая и Индии с Коромандельского берега, где на некоторых породах деревьев тысячами размножалась особая тля (Coccus Lacca), протачивавшая кору ветвей и, благодаря смешению с выступавшим на поверхность смолистым соком, придававшая ему красный цвет; такая камедь шла на окраску и полировку. На приготовление лаков и на ароматическое воскурение в комнатах употреблялся и другой смолистый сок деревьев — мастика, добывавшаяся преимущественно на острове Хиосе. Красный сандал, дававший хорошую краску, средневековые путешественники находили на Коромандельском берегу, но арабы чаще всего говорят о том желтом и белом сантале (Santalum album), душистое дерево которого шло на курево. Его можно было найти в обеих Индиях. Другое душистое дерево алоэ (Aquilaria agallocha) — было родом из Индо-Китая; в Китай и Индию оно ввозилось, как курево при богослужении, а в Европе шло на мелкие поделки, например на ящички, и числилось в списке лекарств.

К левантским товарам относили также драгоценные камни, жемчуг, кораллы, стекло, слоновую кость, шелк, хлопок, ковры и восточные ткани. В Египте находили смарагды, в Персии — бирюзу, в Индии — сапфиры и алмазы; на Цейлоне — топазы, рубины, гранаты, аметисты, в Персидском заливе и в проливе близ Цейлона — жемчуг. Родиной шелка считался Китай, но в эпоху крестовых походов тутовые деревья и шелковичные черви разводились и в Средней Азии, и в Персии, и в Сирии, и даже в Сицилии.

Мы видим, что Сирия в то время стала как бы караван-сараем между западной Европой и дальним Востоком. Но ясно, что она смогла быть таковой лишь после того, как Западная Европа разбогатела, и у нее появились парусные корабли дальнего плавания, и ясно также, что после открытия морского пути в Индию и Китай Сирия и ее главный город Антиохия должны были снова сделаться захолустьем.

Само собой понятно, что левантская торговля не останавливалась на берегах Средиземного моря. Из Северной Италии через Альпы товары Востока шли в Германию через Регенсбург, Нюренберг, Аугсбург, Ульм. В Венеции был громадный склад немецких купцов (Fondaco dei Tedeschi), куда стекались как произведения германской промышленности для вывоза, так и левантские дорогие товары для ввоза. Для распространения восточных тканей и пряностей во Франции итальянские купцы посещали не только ее южные гавани, но и многолюдную ярмарку в Шампани.

Левантская торговля тогда была так важна для всех европейских стран, что никакие запрещения и ограничения со стороны католической церкви не могли ни остановить ее, ни сократить. Церковь находила предосудительными мирные сношения с исламитами, а доставку им боевых припасов считала прямо преступлением. Тщетно, однако, издавали свои запрещения папы Александр III и Иннокентий III: Венеция, Генуя, Каталония попрежнему снабжали Египет военными материалами. В 1308 году папская курия запретила, наконец, всякую вообще торговлю с неверующими, но никто не обратил на это внимания. Эта мера не могла остановить даже торговлю рабами. Хотя, по законам Генуи, рабы-исламиты с берегов Черного моря могли вывозиться в Египет только исламитами же, однако генуэзские судохозяева обходили закон, отдавая корабли в наем восточным рабопромышленникам. Только продажа исламитов на Запад в руки христиан была дозволена церковью, и потому рабыни и рабы, проданные Кипчакской ордой, или пленные саракины из Сирии тысячами попадали на рынки Генуи и Венеции. Даже принимая крещение, они не всегда получали свободу.

Разветвляясь по Европе и Азии, левантская торговля вела к развитию денежного хозяйства, к выработке различных монетных единиц и вексельных оборотов, вызванных к жизни крестовыми походами. Каждый крестоносец брал с собой деньги в монете своей родины, и потому до сих пор в Палестине находят из этой эпохи монеты Фландрии, Артуа, Беарна, Прованса, Кастилии, Аррагонии и различных итальянских городов, монеты германских императоров и архиепископов Кельна и Майнца, монеты английской чеканки и византийские типы, отчеканенные норманнами в Неаполе, Салерно и Беневенте. В Палестине крестоносцы нашли уже или ввели в обращение греческую и арабскую монеты, а бароны вновь завоеванных феодов стали чеканить свою собственную, по большей части медную и мелкую серебряную монету для обращения в стране. Для крупных торговых оборотов, в особенности с Востоком, возникла особая золотая монета — bisantii sarracenati, чеканившаяся в Акконе, Тире, Триполисе. На их франкском золоте вычеканены были надписи из Корана с именами калифов и годов геджры. Чеканка их составляла привилегию венецианцев, и я уже говорил, что к этому же времени мы должны отнести и те монеты, если не изготовленные, то «найденные»

европейскими путешественниками старого времени (когда Эль-Кудс был еще мало доступен), которые носят латинские и еврейские названия и относятся к глубокой древности.

С Людовиком IX прибыл в Палестину папский легат, который нашел, что обращение монеты с надписями из Корана составляет оскорбление для христианства. Он под страхом отлучения от церкви запретил их употребление, и тогда, чтобы торговые сношения с Востоком не терпели ущерба от недостатка подходящей монеты, венецианцы стали чеканить золото, хотя и по арабским образцам и с надписями арабскими буквами, но только эти надписи стали христианскими: в середине такой монеты можно найти даже крест.

Обилие сортов денег вело к развитию промысла менял и понятию о денежном курсе, т. е. о пропорции, в какой обменивались различные сорта монеты. Для перевода в Палестину больших сумм денег стали употреблять векселя и тратты (т. е. перевод суммы денег, внесенной, например, банкиру в Генуе в одной монетной единице, на другого банкира в Палермо с уплатой в иной монете). Банкирскими операциями, связанными с крестовыми походами, занимались в больших размерах и рыцари-тамплиеры.

Вот как поздно и вот по каким причинам появилась торговая металлическая монета! Все, что находится по этой части в наших музеях и носит много более раннюю датировку, должно быть или подлогами, или простыми медалями.

Левантская торговля вызвала к существованию и целую сеть европейских колоний на берегах Сирии, Архипелага и Черного моря. И в торговле, и в городской жизни Палестины видная роль выпала на долю генуэзцев, пизанцев и венецианцев

В 1097 г. генуэзцы на 12 галерах вошли в гавань св. Симеона и помогли своим флотом крестоносцам при осаде Антиохии. За эти услуги Боемунд пожаловал им в городе 30 домов, церковь св. Иоанна, базар и фонтан. Во время осады Иерусалима в 1099 году предприимчивые генуэзцы были со своим флотом в Яффе и поддерживали оттуда крестоносцев. Они же завоевали для короля Балдуина в 1101 году город Арзуф и Кайсарие, а в 1104 году Аккон (С. Жан д'Акр). В награду генуэзцы получили в собственность третью долю каждого из этих городов с соответствующей частью подгородной области и, кроме того, в Акконе, одну треть с пошлин, собиравшихся в гавани, а в Эль-Кудсе, получившем имя Иерусалима, и в Яффе — особые кварталы и право на одну четверть в каждом городе, который падет с их помощью. Генуэзцы потребовали у Балдуина позволения прибить в нише церкви Гроба Господня, позади главного алтаря, доску, на которой золотыми буквами было вырезано перечисление всех этих пожалований.

Менее счастливы в приобретении колоний были пизанцы, а венецианцы с течением времени оставили позади себя все другие итальянские города по умению извлекать торговые выгоды из помощи, оказываемой крестоносцам. В 1100 году они пристали

на 200 судах к гавани Яффа и заключили с Годфридом Бульонским договор, по которому блюститель Гроба Господня предоставлял им в каждом городе королевства церковь и место, удобное для рынка, и полную свободу от пошлин. Кроме того, в каждом городе, который будет взят с их помощью в ближайшую кампанию, они должны были получить треть его в полную собственность. Так возникла впоследствии цветущая Венецианская колония в Сидоне. В царствование Балдуина II за новую помощь против исламитов Венеция добилась и новых льгот. По договору 1123 года венецианцы в Иерусалиме получили квартал, равный владениям самого короля, а в каждом городе королевства улицы, базарную площадь, церковь, баню и пекарню, с полной свободой от всяких ввозных и вывозных пошлин. Следующей весной был взят Палестинский Тир, и треть его тотчас же была отдана венецианцам. Укрепленное положение его давало Венеции большое преимущество перед ее соперницами — Генуей и Пизой.

Торговые колонии итальянских горожан в береговых городах Сирии назывались официально коммунами, хотя колонисты их и не имели независимого самоуправления. Дома, склады для товаров, базарные площади, лавки, церковь и все, что вообще нужно было коммуне, не принадлежало жившим в ней гражданам, а составляло общественную собственность их государства на Западе, т. е. Венеции, Пизы и Генуи, которые и предоставляли угодья колониям только во временное пользование и за известную плату. Поэтому и высшие должностные лица в таких псевдо-коммунах назначались метрополией. Первоначально эти чиновники назывались виконтами, впоследствии (у генуэзцев и пизанцев) консулами, а у венецианцев — бальи (bajulus, bailo). Еще позднее, над всеми колониями одной и той же области ставился только один консул или бальи, который жил в главной псевдо-коммуне. Исключительное положение таких коммун сказывалось преимущественно в судопроизводстве: члены их по гражданским и мелким уголовным делам не подлежали суду палаты горожан всего города, а своим собственным присяжным, под председательством виконта коммуны.

В Иерусалимском королевстве смешались не только племена, но и их языки и культуры. Литература, костюмы, образ жизни крестоносцев и колонистов Сирии носил отпечаток взаимодействия Востока и Запада. Из Палестины все заимствования и новшества быстро заносились в Италию и Францию. Средневековый французский язык обогатился в это время словами арабского происхождения. Грандиозные события подняли уровень исторической и географической литературы. Первые исторические сведения об этом времени дали сами участники крестовых походов Раймунд Агильский, Фушэ Шартрский и т. д. и живо передали религиозное одушевление первых крестоносцев. Затем появились обширные исторические труды, которые сплетали отдельные рассказы в одно художественное произведение. Таков был труд тирского архиепископа Вильгельма. Рассказывая историю крестовых похо-

дов, он не обнаруживает ни ненависти к исламу, ни наивного увлечения воинскими подвигами, как хроникеры, участвовавшие в первом крестовом походе. Архиепископ любит Иерусалимское королевство, как свою родину, но не увлекается иллюзиями энтузиастов, а произносит свои суждения трезво, по соображениям политики и военного искусства.

Сирийские феодальные королевства привели к последствиям, неожиданным для самих руководителей крестовых походов. Они подорвали все основные взгляды западного человечества, которые лежали в основе средневекового строя. Географический горизонт расширился за пределы Средиземного моря. В Палестине и в греческих феодальных государствах того же образца зарождался тот процесс брожения, который к XIII веку охватил всю культурную массу Западной Европы и породил первые проблески Ренессанса. В этом историческая заслуга сирийских колоний, основанных крестоносцами, купцами и рыцарями. Они вырабатывали новую закваску для европейских метрополий. Их историческая жизнь дала в своем итоге не только новые идеи, но и новые типы людей для их осуществления. Но они не могли пробудить Азиатский Восток, континентальная природа которого не содействовала развитию мореплавания, бывшего тогда главным стимулом к осложнению человеческой психики.

ГЛАВА XI

ЛАТИНЫ И РОМЕИ В ЭПОХУ КРЕСТОНОСНЫХ ГОСУДАРСТВ. ОДНОРОДНОСТЬ ИХ ЭВОЛЮЦИИ В ФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД С ДРУГИМИ ФЕОДАЛЬНЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Четвертый Крестовый поход, закончившийся взятием и разгромом Царь-Града, привел к раздроблению Византийской империи и основанию в ее пределах целого ряда государств, частью франкских, частью греческих, из которых первые получили феодальное устройство.

Современные историки наполняют весь XIII век столкновениями между их владетелями и заключением между ними разнообразных союзов, забывая об их мирной жизни и культурной деятельности.

Поговорим еще раз о чисто греческих государствах.

Основателем Никейской империи, этой «империи в изгнании» был Феодор Ласкарь. Там нашла себе прибежище и царь-градская патриархия. Туда же спаслись при нашествии крестоносцев многочисленные византийские представители гражданской и военной знати, видные деятели церкви и другие беглецы, не желавшие подчиняться иноземной власти. Бежавший из Афин от

латинян митрополит этого города Михаил Акоминат, рекомендуя в письме вниманию Феодора Ласкаря одного евбейца, между прочим замечает, что тот тайно уехал в Никею, предпочитая жизнь изгнанника во дворце ромейского государя пребыванию на родине, возглавляемой чужеземцами.

Положение нового государства в Вифинии было в высшей степени опасно, так как с востока ему грозил занимавший всю внутреннюю часть Малой Азии Румский султанат (т. е. «Римская империя») сельджукидов, которому принадлежала также часть средиземного побережья на юге и черноморского побережья на севере; а с запада грозила Латинская империя.

Вспыхнувшее на Балканском полуострове греко-болгарское восстание заставило крестоносцев оттянуть в Европу посланные в Малую Азию войска. Там в битве под Адрианополем, в апреле 1205 года, болгарский царь Калоян, он же Иоанн, при помощи бывшей в его войске половецкой (куманской) конницы, нанес решительное поражение крестоносцам, причем пал цвет западного рыцарства, и сам латинский император Балдуин был взят болгарами в плен и пропал для историков без вести.

Но и для самого болгарского Иоанна эта война окончилась роковым образом. При осаде Солуни (в 1207 году) он погиб «пораженный,—говорят нам монахи, — чудесным образом десницею великомученика Дмитрия Солунского». Предание об этом чуде было внесено ими и в четьи-минейские сказания, существующие на греческом и славянском языках и в русских хронографах.

Это спасло от гибели Никейское государство. Феодор Ласкарь, избавившись от опасности со стороны западного соседа, деятельно принялся за упорядочение своего государства. Никея сделалась центром его империи и церковным центром. В договоре, заключенном около 1220 года между ним и венецианским представителем в Царь-Граде, мы находим его официальный титул, признанный, очевидно, Венецией: «Феодор Комнин Ласкарь, верный в Христе-боге и вечно августейший император и правитель ромеев (Theodorus, in Christo Deo fidelis imperator et moderator Romeorum et semper augustus Comninus Lascarus)».

Никея, сделавшаяся столицею новой империи, прославлена в летописях византийской истории «благодаря двум созванным в ней вселенским соборам». Но все ее «великолепные дворцы и многочисленные церкви и монастыри», о которых говорят нам историки Эпохи Гуманизма, кроме неважных городских стен, очевидно, провалились сквозь землю, так как в современном жалком турецком городке Иснике (испорченное имя Никеи) можно заметить лишь небольшую, скромную церковь «Успения пресвятой девы», вероятно IX века, с интересными мозаиками. А между тем византийские и западные историки XIII века отмечают обширные размеры и богатство Никеи, отчего невольно задаешься вопросом: об Иснике ли говорят они? Литература XIII—XIV века сохранила даже два специальные панегирика такому городу,

и первый из них принадлежит перу императора Феодора II Ласкаря, который между прочим обращается к Никее с такими словами:

«Ты превзошла все города, ибо ромейская держава, много раз поделенная и пораженная иностранными войсками... только в тебе основалась, утвердилась и укрепилась». Второй панегирик написан был известным государственным деятелем Византии конца XIII и XIV века, дипломатом, политиком, богословом, астрономом, поэтом и художником, Феодором Метохитом, имя которого всегда связывается в науке с сохранившимися до нашего времени мозаиками константинопольского монастыря Хоры (теперь мечеть Кахриэ-Джами). Он напечатан Sathas'ом в Bibliotheca graeca medii aevi (I, 139), но много интереснее один документ, который позволяет нам до некоторой степени познакомиться с представлением Феодора Ласкаря об императорской власти. Это так называемый «Силенциум» (σιλέντιον), как в византийское время назывались публичные речи императоров, произносимые ими во дворце при наступлении поста, в присутствии знатнейших лиц империи, где Никита Акоминат говорит от имени Ласкаря: «Моя императорская власть была дана мне свыше, как отцу, над всей ромейской державой, хотя со временем Ромея и стала уступать многим. Десница господа возложила на меня власть»... «Да будет у нас едино стадо и един пастырь».

Мы видим, что и в Никее еще продолжались теократические традиции, а также и стремление считать этот пережиток за прежнюю Ромею. Но теперь ее конкуррентом стала и агарянская часть Малой Азии, тоже считавшая себя продолжательницей древнего Великого Рима, по местному названию Рума.

Для турецкого Румского султаната, очевидно считавшего себя лишь возрождением агарянского Рима времен кумироборства, появление в Азии снова христианского Рима, в виде Никейской империи, конечно, было в высшей степени неприятно, так как ставило препятствие для дальнейшего продвижения румцев на запад к побережью Эгейского моря. К этой основной причине обостренных отношений между двумя претендентами на продолжение прежнего Великого Рима присоединилось еще то обстоятельство, что тесть Феодора Ласкаря, Алексей III Ангел, бежал к румскому султану, умоляя его помочь ему вернуть утерянный трон. Открылись военные действия между двумя Римами, разыгравшиеся преимущественно в Антиохии на реке Меандре. В происшедшем столкновении султан был убит, а нашедший пристанище у «турок» (т. е. румцев) бывший император Алексей III взят в плен и окончил дни в одном из никейских монастырей.

Никита Акоминат написал в честь Феодора по случаю этой победы напыщенное похвальное слово, а Михаил Акоминат, между прочим, тоже писал ему:

«Столица, выброшенная варварским наводнением из стен Византии на берега Азии в виде жалкого обломка, принята, руководима и спасена тобою... Тебе надо было бы вовеки называться новым строителем и населителем града Константина..., Видя в тебе одном спасителя и общего освободителя и называя тебя таким, потерпевшие крушение во всеобщем потопе прибегают под твою державу, как в тихую гавань... Никого из царей, царствовавших над Константинополем, я не считаю равным тебе, разве из более новых великого Василия Болгаробойцу, а из более древних благородного Гераклия».

Посмотрим теперь на северо-запад.

Основателем Эпирского деспотата в 1204 году был Михаил I Ангел. Его первоначальные владения простирались от Диррахиума на севере до Коринфского залива на юге, т. е. занимали воображаемую территорию древнего Эпира, Акарнании и Этолии. Столицею нового государства сделался город Арта. Деспот Михаил I смотрел на себя тоже, как на совершенно независимого продолжателя великой Римской империи, и не признавал какого-либо главенства Никейского Феодора. Церковь в деспотате также управлялась самостоятельно, и Михаил I сделал распоряжение, чтобы местные митрополиты рукополагали епископов.

Кроме него и Фессалоникский король Феодор подписывал свои грамоты полным титулом ромейского государя: «Феодор, во Христе Боге василевс и самодержец ромеев, Дука» (т. е. герцог).

Таким образом, с 1223 года, когда была объявлена фессалоникская империя, в своем основании отрицавшая Никейскую империю, на христианском Востоке появились пять Римских империй: три греческих, Эпирская, Фессалоникская и Никейская, одна Латинская в Царь-Граде, слабевшая с каждым годом, и одна агарянская, которой принадлежало будущее.

Для истории греческой Ромеи в это время интересен Иоанн Асень II, как носитель идеи Велико-Болгарского царства, которое должно было, казалось, объединить все православное население Балканского полуострова и получить свою столицу в Царь-Граде. Само собою разумеется, что подобные планы шли в разрез с насущными интересами обеих греческих империй и должны были повлечь за собою враждебные столкновения. Решительная битва произошла в 1230 году при местечке Клокотнице (теперь Семидже), между Адрианополем и Филиппополем, и окончилась полной победою Асеня, которому оказала существенную помощь половецкая (польская) конница. Сам Феодор Солунский попал в плен.

До нас дошла надпись на белой мраморной колонке в тырновской церкви Сорока Мучеников, где болгарский царь говорит о результатах своей победы в таких превыспренних выражениях:

«Я, Иоанн Асень, во Христе Боге верный царь и самодержец болгарам, сын старого Асеня царя... вышел на брань в Романию и разбил греческое войско, и самого царя, господина

Феодора Комнина, я взял его со всеми боярами, и взял все земли от Адрианополя до Драча, как греческую, так и албанскую и сербскую. Только города окрест Царь-Града и самый Царь-Град держали фрузи *(т. е. паризы, франки)*, но и те подчинились руке моего величества, потому что иного царя, кроме меня, не имеется, и только благодаря мне они продолжали свое существование».

Из относящейся к тому же времени грамоты Асеня, данной дубровницким купцам о свободе их торговли во владениях царя, видно, что вся прежняя Европейская Ромея (кроме Царь-Града), почти вся Сербия и вся Болгария входили в сферу влияния Асеня.

В это же время, которое можно назвать прологом к Ренессансу (или, вернее, прямо к классицизму) произошло интересное сближение двух далеких друг от друга царей, никейского императора Иоанна Ватаца и западного императора Фридриха II Гогенштауфена.

Фридрих, увлекавшийся естественными науками и враждебный папскому Риму, не побоялся заключить «союз с греками, смертельными врагами как папства, так и Латинской империи». Отношения между Фридрихом и Иоанном Ватацем стали настолько тесными, что уже в конце тридцатых годов греческие войска сражались в Италии за Фридриха.

В одном письме Фридрих даже восклицает:

«О, счастливая Азия! О, счастливые государства Востока! Они не боятся оружия своих подданных и не страшатся вмешательства пап».

А в другом письме его, дошедшем до нас как на греческом, так и на латинском языке, к тому же Ватацу, мы находим такое место:

«Как! Этот так называемый царь священников (Sacerdotum princeps), ежедневно предает отлучению твое величество, бесстыдно называет перед лицом всех еретиками православнейших ромеев, от которых христианская вера дошла до крайних пределов вселенной!»...

А в письме к эпирскому деспоту Фридрих писал:

«Мы желаем защищать не только наше право, но и право наших дружественных и любимых соседей, которых чистая и истинная любовь ко Христу соединила воедино, особенно же греков, наших близких и друзей... А папа называет благочестивейших и правовернейших греков нечестивейшими и еретиками!».

Фридрих предупреждает Ватаца, что римские епископы «не архиереи Христа, но хищные волки, дикие звери, пожирающие народ Христа». Лишь после смерти Фридриха II отношения изменились, и «союз, о котором он мечтал, стал воспоминанием».

В тридцатых и сороковых годах XIII века с востока появилась грозная опасность от нашествия татар, которых также называют монголами (в византийских источниках «тахары, татары, атары»). В то время как орда Батыя, — по словам историков, — ринулась в пределы современной Европейской России и, в 1240 году

овладевши Киевом, перешла Карпаты и лишь из Чехии должна была повернуть обратно в русские степи, другая монгольская орда, двинувшаяся в более южном направлении, покорила всю Армению с Эрзерумом и вторглась в области Малой Азии, угрожая пределам Румского султаната сельджуков и владениям Трапезунтской империи. На фоне общей опасности от монголов возник союз трех малоазиатских держав: Румского султаната, Никейской и Трапезунтской империй. Сельджуки были разбиты монголами, после чего румский султан вынужден был откупиться уплатою дани, а император Трапезунтский превратился в монгольского вассала.

Из этого примера видно, что союзы христиан с агарянами не смущали и в XIII веке их участников. Несколько лет спустя, как сообщает западный историк XIII века Матвей Парижский, татары отправили посольство и к папе Иннокентию IV с предложением союза против Иоанна Ватаца, зятя Фридриха II, восставшего против римской церкви. И если это татарское посольство и не увенчалось успехом, то оно, во всяком случае, было хорошо принято в Риме.

Между тем Иоанн Ватац, избавленный от опасности монгольского вторжения с востока, обратил все свое внимание на Балканский полуостров и достиг важных результатов.

Со смертью Асеня II в 1241 году миновала блестящая пора «второго» Болгарского царства. Иоанн Ватац переправился с войском на европейский берег и в несколько месяцев отнял у Болгарии все завоеванные Асенем II македонские и фракийские области. Он прошел дальше к Солуни и в 1246 году овладел этим городом. Солунское государство прекратило свое существование. В следующем году Ватацем были завоеваны некоторые фракийские города, принадлежавшие Латинской империи и притиснувшие Никейского императора к Константинополю. И если не считать средней Греции и Пелопоннеса, то для восстановления империи Ватацем недоставало лишь Царь-Града.

Случившийся в это время голод в Румском султанате заставил турок громадными толпами направляться в никейские владения и приобретать за дорогую цену необходимое пропитание. Турецкое золото, серебро, восточные ткани, различные драгоценности и другие предметы роскоши обильно потекли в руки никейских греков и наполнили государственную казну. Особенно в спросе были восточные и итальянские ткани, на покупку которых население тратило громадные деньги. Видя это, Иоанн Ватац запретил своим подданным, под страхом лишения прав звания и состояния, покупать иностранные материи, а довольствоваться «только тем, что производит земля ромеев и что умеют приготовлять руки ромеев». Но об этом запрещении довольно скоро забыли.

Имя Иоанна Ватаца пользовалось в потомстве такой любовью и уважением, что он спустя некоторое время превратился даже в «святого». С его именем стали связываться чудеса, и

было составлено «Житие св. Иоанна царя Милостивого». И он же, раздвоившись, превратился в святого VII века Иоанна Милостивого. Еще и в настоящее время духовенство и жители Магнезии и ее окрестностей ежегодно собираются 4 ноября в местную церковь и чтут его память. В русском «Полном месяцеслове Востока», составленном архиепископом Сергием, под 4 ноября отмечено: «память Иоанна, дукса Ватадзи».

«Последними государями Никейской империи, — говорит А. А. Васильев, — были сын и внук Иоанна Ватаца Феодор II Ласкарь (1254—1258) и Иоанн IV Ласкарь (1258—1261). По словам наших источников, тридцатитрехлетний Феодор, «будучи, согласно обычаю, посажен на щит», был провозглашен императором с согласия войска и знати. Он, может быть, являлся чуть ли не единственным «византийским» государем, который обратил внимание на «эллинизацию» войска, вопреки укоренившемуся обычаю пользоваться войсками чуждых народностей.

Преемником Феодора II был несовершеннолетний сын его Иоанн IV (1258—1261), не могший, даже при помощи назначенного регента, справиться с государственными делами. Михаил Палеолог сумел воспользоваться обстоятельствами и в 1259 году был провозглашен и коронован в императоры.

Главная внешняя опасность для балканских владений Никейской империи грозила со стороны Эпирского деспота, которому удалось возбудить против империи сицилийского короля, своего родственника, побочного сына Фридриха II Манфреда, и ахайского князя Вильгельма Вилгардуэна. После ряда успешных военных действий Михаила Палеолога против коалиции, произошла решительная битва в 1259 году в западной Македонии, около города Кастории. В войске Михаила, кроме греков, участвовали турки, куманы, славяне. Хорошо вооруженное войско западных рыцарей бежало перед легко вооруженными вифинскими славянскими и восточными отрядами. «Здесь турки сражались против греков на греческой почве и в данном случае на греческой службе». Михаил Палеолог по поводу этого сражения восклицает:

«Вместе с ними и их союзниками, имевшими при себе вождя в виде князя ахайского, кого я победил? Аламанов, сицилийцев, итальянцев, пришедших из Апулии, из страны япигов, из Вифинии, Эвбеи и Пелопоннеса».

В августе 1261 года царь Михаил без всякого труда овладел Царь-Градом, где встреченный радостными криками населения, был через некоторое время вторично коронован в храме Софии. Балдуин II бежал на Эвбею. Успели уехать из «святого города» латинский патриарх и главные представители католического духовенства. Так Михаил VIII, Палеолог, сделался восстановителем Византийской империи и основателем последней византийской династии — Палеологов.

Столица из Никеи была обратно перенесена в Царь-Град. Латинская империя пала, просуществовав пятьдесят семь лет.

Но некоторые отдельные княжества и герцогства ее еще долго существовали под западным протекторатом.

* * *

Какова была литература и наука в эпоху Никейской империи?

После распадения Ромеи в 1204 году на целый ряд самостоятельных латинских и греческих владений, Никейское государство сделалось центром не только грядущего политического объединения эллинов, но и очагом деятельной культурной жизни.

В одном из сочинений Феодора Ласкаря мы читаем, что Коринф славится музыкой, Фессалия искусством тканья, Филадельфия сапожным мастерством, а Никея философией. Как в эпоху Комнинов, образованные люди XIII века писали за немногими исключениями на школьном греческом языке, оторванном от разговорного. Отцы церкви были теми образцами, под ярмом которых жили и мыслили средневековые образованные люди вообще и греки XIII века в частности.

Самою выдающеюся фигурою в культурной жизни Никейской империи является безусловно Никифор Блеммид. Перу его приписывается очень много богословских сочинений в области догматики, полемики, аскетики, экзегетики, литургики, церковной поэзии, проповедей, житий. Его «переложение некоторых псалмов», предназначенное для богослужебных целей, сделалось со временем необходимою составною частью всенощного бдения в греческой церкви, чтобы позднее появиться в южнославянских, а затем в русской церкви. Не малый интерес представляют собою и светские сочинения Никифора. Политический трактат его «Царская статуя» (Βασιλικὸς ἀνδριάς) имеет целью начертать идеал государя, который мог бы служить образцом всяческих достоинств и добродетелей. Царь в нем является «высшим должностным лицом, поставленным богом для того, чтобы заботиться о подчиненном ему народе и вести его к высшему благу». Являясь «основанием народа», он обязан иметь в виду благосостояние подданных, не поддаваться чувству гнева, избегать льстецов, иметь попечение об армии и флоте. Во время мира он должен готовить войну, так как сильное оружие есть наилучшая защита. Его должны характеризовать забота о внутреннем благоустройстве государства, религиозность и правый суд. «Пусть же царь, — пишет Блеммид в конце трактата, — благосклонно примет это мое слово, а от более разумных людей пусть выслушивает лучшие советы, которые затем сложит и тщательно сохранит в глубине своей души».

Ф. И. Успенский пишет справедливо: «У Блеммида нет никакой идеи о современных ему потребностях; он живет в сказочном мире, за тридевять земель, в тридесятом царстве; для него нет чутья современной жизни и выдвигаемых временем потребностей. Отвлеченный царь Блеммида должен быть мудрым, чуждым человеческих страстей и увлечений. Он ставит его в обстановку,

совершенно чуждую жизни и обыкновенных житейских отношений, и потому его советы и указания не могут соответствовать реальной потребности...»

Из философских сочинений, приписываемых Блеммиду, наиболее известны «Сокращенная физика» и особенно «Сокращенная логика». Последняя, после смерти автора, распространилась по всей империи и, мало-по-малу, сделалась основой обучения и любимейшим философским учебником не только на Востоке, но и в Западной Европе.

Логика и физика Блеммида важны не только для изучения философских движений в Византии XIII века, но и с точки зрения уяснения темного вопроса о влиянии Византии на развитие западно-европейской мысли.

Если к этим трудам его прибавить еще два небольшие географические сочинения в роде учебников: «Историю земли» и «Всеобщую географию», а также несколько стихотворений светского характера, то мы увидим все разнообразие литературного наследства, оставленного им потомству.

Среди учеников его особенно выдавался Георгий Акрополит, главным литературным произведением которого является история событий со времени взятия Царь-града крестоносцами до восстановления Византийской империи (с 1203 по 1261 год). Из мелких же сочинений Акрополита, большей частью риторических и богословских, можно отметить только надгробную речь императору Иоанну Ватацу.

Все эти сочинения были написаны на том условно-классическом, литературном, искусственном языке, который порвал всякую связь с народною разговорною речью. Но в литературе того же XIII века можно указать примеры, где писатели прибегают и к разговорному языку и народным стихотворным размерам, и дают нам интересные образчики новых веяний в литературе.

Написанные народными (*«политическими»*) стихами по случаю бракосочетания Иоанна Ватаца с дочерью Фридриха II и целиком недавно изданные «четверостишия» Николая Ириника, не отличаясь от обычного тогда литературного языка, напоминают по тону и содержанию свадебные песни новогреческой народной поэзии.

К той же эпохе крестовых походов, особенно после четвертого похода, когда на территории Восточной империи образовался ряд латинских феодальных владений, можно отнести некоторые стихотворные, написанные разговорным языком, и произведения, представляющие собою род романов, где в фантастической обстановке описывается, главным образом, чувство любви и рыцарские приключения.

Вот, например, по А. А. Васильеву, один из них: «Бельтандр и Хрисанца», первоначальная редакция которого относится, вероятно, к XIII веку, хотя дошедший до нас текст носит следы позднейшей переработки и, может быть, принадлежит XV веку.

Некий император — Родофил — имел двух сыновей: Филарма и Бельтандра.

Младший сын, отличавшийся красотою и храбростью, Бельтандр, не вынесши преследований со стороны отца, покинул свою страну для поисков счастья на чужбине. Пройдя по области, пограничной с Турцией и вступив в Армению, он достиг Тарса. В окрестностях его он встретил небольшую речку, в воде которой блистала звезда, приведшая Бельтандра в великолепный, полный разнообразных чудес замок, называемый Замком Любви, где он узнает из надписей на двух статуях о предопределенной любви между ним и Хрисанцей, «дочерью великого короля великой Антиохии». Решив осмотреть все «горькие и сладкие красоты Замка Любви», он, по приглашению властителя его, «Царя любви, имевшего на голове венец и державшего в руке большой скипетр и золотую стрелу», предстал перед его троном.

Ознакомившись с жизнью Бельтандра, царь приказывает ему избрать из сорока девиц наикрасивейшую и вручить избраннице ветвь, «сплетенную из железа, золота и топаза». И тут описывается интересная сцена «соревнования красоты», напоминающая суд Париса и повторяющая известный византийский обычай избрания наиболее достойной невесты для царя.

Но когда Бельтандр вручил ветвь наиболее красивой, по его мнению, девушке, вдруг все, что его окружало, и сам царь любви и сорок девиц исчезли «как сон». Покинув замок, он через пять дней достиг окрестностей Антиохии, где встретился с королевской соколиной охотой. Антиохийский властитель берет его к себе на службу и приближает ко двору, и вдруг в дочери его Хрисанце он неожиданно узнает ту девушку, которой он вручил ветвь в Замке Любви.

Молодые люди воспламеняются любовью друг к другу и, несмотря на все строгости, окружавшие жизнь женщин на Востоке, между ними в дворцовом саду ночью происходит любовное свидание, закончившееся для Бельтандра очень печально. Под утро стража, заметив его, схватила и заключила в темницу. Но Хрисанца уговорила свою верную служанку сказать, что Бельтандр приходил в сад для нее.

Отец Хрисанцы, узнав об этом, помиловал Бельтандра, и с тайного согласия Хрисанцы был устроен фиктивный брак между ним и служанкой. Но его тайные свидания с Хрисанцей продолжались, и через десять месяцев влюбленная чета со служанкой и несколькими верными слугами бегут из Антиохии. При поспешной переправе через бурную реку погибают и служанка и слуга, а с трудом спасшиеся влюбленные достигают берега моря, где находят греческий корабль посланный Родофилом, отцом Бельтандра на поиски бежавшего сына. Его старшего, любимого брата, уже не было в живых. Узнав в чужестранце сына своего императора, корабельщики тотчас же принимают его с Хрисанцей на корабль и быстро довозят до столицы, где их с великой радостью встречает уже отчаявшийся увидеть его Родофил.

Роман заканчивается описанием торжественной свадьбы Бельтандра и Хрисанцы, причем епископ совершает обряд венчания и возлагает императорский венец на голову Бельтандра.

«Одни ученые, — добавляет А. А. Васильев, — полагали, что до сих пор еще неизвестною или утерянною основою для этого романа служит один французский рыцарский роман. В замке Любви, по-гречески Эротокастрон, видели Château d'amour провансальской поэзии. В собственных именах Родофила и Бельтандра узнавали народные западные имена Родольфа и Бертрана (Bertrand). Было даже мнение, что весь роман о Бельтандре и Хрисанце является лишь греческим переложением французского рассказа об известном французском рыцаре XIV века Бертране Дюгеклене, современнике столетней войны, так что все это произведение не ранее XV века. Крумбахер, склоняясь вообще относить к западно-европейским источникам все, что встречается в средне-греческой народной поэзии о Замке Любви, Эросе и т. д., пишет по поводу этого романа, что он наверно был написан греком, долго жившим в области, которая давно была знакома с французской культурой. А по словам французского византиниста Диля, основа романа о Бельтандре и Хрисанце остается чисто византийскою, и франкским баронам, пришедшим в роли покорителей, греческая цивилизация дала гораздо больше, чем от них получила и чем думают теперь.

Однако, с этим трудно согласиться. И имена главных героев не греческие, и «Замок Любви» чисто провансальский. Но в таком случае роман написан не ранее XV века, а потому скептически можно отнестись и к принадлежности XIII веку известной греческой поэмы о Дигенисе Акрите, а также и к написанному «политическими» стихами «любовному рассказу» о Каллимахе и Хрисоррое.

Но тут мы все же видим переход к той литературе, которую мы, относя в глубокую древность, называем классическою.

* * *

А каков был общественный строй в Византии того времени?

В исторической науке феодализм рассматривался долго как явление, принадлежащее исключительно западно-европейскому средневековью, как типичная особенность, отличающая средневековую историю Западной Европы от историй других стран. При этом нередко полагали, что на Западе феодализм был для всех народов явлением, одинаковым по своему существу, и забывали, что на самом Западе феодальные условия, сложившиеся в той или другой стране, имели свои особенности.

Теперь значение термина «феодализм» расширилось, и наука уже обратила внимание на то, что присутствие феодализирующих процессов может быть констатировано «в гораздо более многочисленных государствах, у различных племен и народов, живших во всевозможных частях земли и в очень разнообразные эпохи их истории». Сравнительно-исторический метод привел к уничтожению одного из долго господствовавших в науке предрассудков о принадлежности общего социально-политического и экономического явления, именуемого феодализмом, исключительно средним векам Запада. Оказалось, что это лишь «известная ступень, переживаемая всеми народами в их историческом развитии». Конечно, далеко не везде феодальный процесс развивался в точности по штампу, например, французского или английского. Перенесение этого вопроса из тесных рамок западно-европейской, средневековой истории в область истории всеобщей дало возможность говорить о феодализме в древнем Египте, в арабском халифате, в Японии, на островах Тихого океана, и, наконец, у нас в России. Для каждой страны, при наличности известных условий, феодализм в той или иной стадии своего развития есть явление, неизбежное, вероятно, даже не только на одном нашем Земном Шаре, но и на других планетах, потому что законы органической и, как ее завершение, социальной жизни должны быть также везде едины, как и законы стихийной природы.

Первое определение феодализма, оставшееся, в общем, в силе и по настоящее время, было сделано еще в двадцатых годах XIX века французским историком Гизо. Он свел его к трем составным частям: к условному землевладению, к принадлежности верховной власти землевладельцу и к феодальной иерархии. А Н. И. Кареев писал: феодализм есть «особая форма политического и экономического строя, основанного на земледелии, от чего в той или другой мере зависит и все остальное, начиная с замены отношений подданства отношениями вассальности с ее иерархической градацией и кончая заменою свободного договора между землевладельцем и земледельцем крепостною зависимостью последнего от первого».

И вот, многое из западно-европейского феодализма вдруг отразилось как в зеркале в классических описаниях жизни «первых трех веков древней Римской империи». Действительно, прекарий или бенефиций, патронат и иммунитет перенесены апокрифистами и туда.

Бенефиций обозначает и там всякое имущество, находившееся только во временном или пожизненном пользовании владельца. Среди условий такого владения на первом месте стояла военная служба владельца, так что бенефицием стало обычно называться земельное пожалование под условием военной службы. В период уже сложившегося феодализма бенефиций превратился в феод, или лен, т. е. в землю, отданную в наследственное владение — при соблюдении определенных условий. От этого слова «феод», корень которого до сих пор служит предметом споров, и произошло условное название «феодализма».

Патронат, т. е. обычай отдавать себя под защиту более сильного человека, тоже перенесен из средних веков в классическую древность; иммунитет, как уступка некоторых государственных

прав частным лицам, с освобождением их от несения тех или иных государственных повинностей и запрещением въезда во владение иммуниста правительственным агентам, тоже перекочевал из средних веков в мифический древний могучий Рим.

А в Ромее, с которой и списан весь небывалый классический Рим, это социальное явление установлено лишь в последнее время.

Латинскому слову «бенефиций» на Востоке, — говорит А. А. Васильев, [1] — соответствовало греческое слово «харистикий» (русское — пожалование, жалованье), а бенефицинарию, т. е. лицу, наделенному землею на условии несения военной службы, соответствовало грамматически греческое слово «харистикарий». Но в византийское время, особенно с X века, харистикарный способ раздачи земель применялся обычно к монастерионам, [2] которые раздавались в виде пожалования духовным и светским лицам. Такую особенность византийского бенефиция-харистикия можно вывести из иконоборческой эпопеи, когда правительство в своей борьбе против монашества прибегало к секуляризации монастерионских земель, что дало в руки императора обильный источник для земельных пожалований. Это обстоятельство, по всей вероятности, и было причиною того, что первоначальный смысл ромейского харистикия, как пожалования земель вообще, а не только монастырских, как бы затерялся, и харистикий стал пониматься специально в смысле пожалования кому-нибудь монастериона.

Харистикарная система, — по словам П. В. Безобразова, — заключалась в том, что владелец монастериона, кто бы он ни был — император, епископ, или частное лицо, — отдавал свой монастерион в пожизненное владение какому-нибудь лицу, получавшему после этого название харистикария. Харистикарий получал все доходы с земель и монастерионских сборов с верующих и обязан был за это содержать братию, поддерживать здания, одним словом — вести все хозяйство. А излишек доходов шел в пользу самого харистикария.

Новелла Феодосия II, вошедшая, вероятно, апокрифическим путем в кодекс Юстиниана, подтверждает военную службу пограничных солдат (limitanei milites), как непременное условие владения земельными участками, и, показывая свою апокрифичность, ссылается при этом на «древние постановления» (sicuit antiquitas statutum est). Она, повидимому, списана с новелл Романа Лекапина, Константина Порфирородного, Романа II и Никифора Фоки, которые, действительно, стремятся установить прочность и ненарушимость воинских участков, запрещая их передачу людям, не причастным к военной службе. Ф. И. Успенский, придающий первостепенное значение славянскому влиянию на внутреннюю жизнь Византии, пишет по этому поводу:

«Если в X веке в организации стратиотских (т. е. солдатских) участков заметны следы общинного начала, то, конечно, это указывает не на римское происхождение учреждения, а на славянское, и первые его обнаружения должны быть относимы к эпохе славянских поселений в Малой Азии».

[1] Латинское владычество на Востоке, стр. 59.

[2] По-гречески — μοναστηριόν, по-латыни — monasterium; как я уже не раз говорил, — по первоначальному смыслу, астрологическое учреждение, а не хозяйственное, каким стало впоследствии.

Таким образом и по Успенскому **славянское влияние в Великой Ромее было и ранее X века нашей эры.**

С XI же века в византийских памятниках появляется самостоятельно и такой термин, который раньше прилагался в виде лишь второстепенного эпитета к харистикию и только потом стал употребляться специально в смысле царского пожалования. Таким термином была «прония». Ее давно производили от немецкого слова Frohne (барщина, тягло), но оно есть и в греческом словаре, где прония (πρόνοιτα) обозначает: «забота, попечение». Получив специальное значение царского пожалования, она не утеряла в Ромее и своего первоначального смысла, подобно тому как и на Западе бенефициальная система не вытеснила употребления слова benefitium в обычном смысле—«благодеяние».

Лицо, получавшее монастерион в пожалование (харистикий), обещало за это иметь о нем заботу, попечение, т. е. по-гречески — «пронию». Получивший такое пожалование назывался иногда не только харистикарием, но и проноитом (προνοητής), т. е. попечителем. А обычно под термином прония в Византии разумелось «пожалованье служилым людям населенных земель и других приносящих доход угодий в награду за оказанную услугу и под условием исполнения определенной службы за пожалованье», причем под этою службою подразумевалась, главным образом, военная служба, обязательная для прониара.

В эпоху Комнинов система проний уже была обычным явлением. А в связи с крестовыми походами и с проникновением западно-европейских влияний в Византию, особенно во время латинофильского императора Мануила, на Востоке появляются и западно-европейские феодальные названия в роде ленника (λίζιος от средневекового латинского слова ligius). И интересно отметить, что когда крестоносцы четвертого похода, т. е. западно-европейские феодалы, стали устраиваться на занятых ими территориях Ромейской империи, они нашли местные земельные отношения очень сходными с западными и без труда приспособляли их к своим феодальным рамкам. Пожалования византийских государей в одном документе начале XIII века называются даже прямо феодом (de toto feudo, quod et Manuel quondam defunctus imperator dedit patri meo). [1]

Другой документ того же времени свидетельствует, что западные завоеватели продолжали держать покоренное население в прежних условиях жизни, ничего больше от него не требуя, как то, что оно обычно делало во времена греческих императоров. [2]

[1] Tafel et Thomas. «Urkunden», I, 513.

[2] Debemus in suo statu tenere, nihil ab aliquo amplius exigentes, quam quod facere consueverant temporibus grecorum imperatorum (Tafel et Thomas. «Urkunden», II, 57).

Таким образом, изучение вопроса о ромейской пронии, в связи с харистикием и военными участками, заслуживает самого глубокого внимания в смысле разъясняющих аналогий с западными, славянскими и мусульманскими странами, включая сюда и позднейшее Оттоманское государство.

Термин «прония» является довольно обычным в сербских памятниках. Если же обратиться к русской истории, то иногда ее сопоставляют с русским «кормлением». Но в русском «кормлении» служебный характер не связывается с территорией, и под «кормлением» разумеется лишь управление городом или волостью с правом брать с них доходы (кормы и пошлины) в свою пользу. Поэтому византийская прония соответствует скорее «поместью» Московского государства, т. е. земле, данной служилым людям специально за военную службу.

Крепостное право также хорошо было известно Ромее. Апокрифические кодексы от имени Феодосия и Юстиниана содержат целый ряд указов, яко бы с IV века, в которых патронат частных лиц, именуемый в кодексах patrocinium, сурово карался, так как бедные люди, отдававшие себя под защиту богатых, хотели этим самым избавиться от несения различных государственных повинностей, чего государство допустить не могло. В новеллах от имени Юстиниана и от имен позднейших ромейских императоров появляется и равнозначащий патроцинию греческий термин «простасия» (προστασία) т. е. «предстательство, защита», и она подвергалась запрету, в какой бы форме ни проявлялась. Но, несмотря на запретительные меры центрального правительства, крупные землевладельцы-властели продолжали выгодную для них практику патроната, являясь как бы посредником между государством и податным населением, и с этим обычаем императорская власть справиться не могла. Институт иммунитета (immunitas), т. е. воспрещения государственным чиновникам вмешательства в дела феодала, известен тоже в Ромее под именем экскуссии (ἐξκουσσεία), которое представляет собою не что иное, как огреченное латинское слово excusatio с аналогичным значением.

Благодаря тому, что до самого последнего времени ученые, специально занимавшиеся экскуссией, исходили из того положения, что самый ранний документ, жалующий экскуссию, относится лишь к половине XI века (1045 году), историки не видели в этом институте, оторванном настолько веков от древне-римского времени, пережитка прежнего римского иммунитета, и происхождение экскуссии старались объяснить иными влияниями. Так Н. Суворов ведет начало ромейских иммунитетов от западного образца, перешедшего в Византию уже в германской оболочке. По его мнению, невозможно установить историческую связь между этими позднейшими ромейскими иммунитетами и иммунистами древнего римского права. «Если даже и предположить — говорит он, — что германский иммунитет имеет римские корни, то в Византию он перешел уже во франкском образе». Другой исследователь, П. Я. Яковенко, приходит к мысли, что это

учреждение возникло и развилось в Ромее самостоятельно, но тем не менее тоже отказывается приводить в связь экскуссию с римским иммунитетом. А с нашей точки зрения, отвергающей самое существование древнего классического Рима, иначе и быть не может: этот термин только апокрифирован в легенды о несуществовавшем государстве.

Из византийского времени до нас дошли документы с пожалованием иммунитетов-экскуссий преимущественно монастерионам. На основании их мы видим, что льготы, даваемые жалованными грамотами ромейских царей, сводились главным образом к запрету въезда в определенные местности императорским чиновникам, к податным изъятиям и судебно-административным льготам, т. е., другими словами, мы имеем перед собою настоящий средневековой иммунитет западного феодального образца.

Существуют хрисобулы, т. е. золотые буллы Македонской эпохи, конца IX и X веков, данные афонским монастериям, в которых мы видим все признаки экскуссии. Так, хрисобул Василия I (867—886) ограждает всех «избравших пустынное житие» на Афоне как «от военачальников, так и от царских людей до последнего человека, которому вверена служба, а также и от частных людей и деревенских жителей до мелющего на мельнице, дабы никто не тревожил сих монахов и не входил во внутренние места горы Афонской».

А в документах о размежевании спорных земель на Афоне в X веке имеются ссылки и на недошедшие до нас хрисобулы императоров еще доиконоборческой эпохи, т. е. VII и начала VIII века, например Константина IV, называемого обыкновенно Погонатом, Юстиниана II Ринотмита, а также первой восстановительницы иконопочитания, императрицы Ирины и ее сына Константина. Конечно, нельзя точно сказать, о чем говорили эти недошедшие до нас хрисобулы, но на основании содержания их относительно принадлежности афонцам известных земель можно предположить, что в данных хрисобулах речь шла тоже и об иммунитете.

А если мы коснемся еще более раннего времени, то увидим, что монастерионские вотчины или, как их иногда теперь называют, «монастерии-княжества», развивались еще со времени Юстиниана Великого, т. е. с VI века, и их иммунитеты могут быть поставлены в связь с теми разнообразными привилегиями, которые были установлены еще в IV веке для духовенства Константином Великим и его преемниками, — если это не апокрифы.

Н. Павлов-Сильванский сопоставлял уже западный патронат с русским закладничеством и западный иммунитет с «боярским самосудом», и совершенно правильно.

Крупное землевладение, т. е. западно-римские латифундии, являются также одним из характерных признаков внутреннего строя Ромейской империи. Могущественные провинциальные магнаты и здесь были временами настолько опасны для центральной власти, что она была вынуждена начинать с ними упорную борьбу, далеко не всегда заканчивавшуюся победою правительства.

Являясь убежденным врагом светского крупного землевладения, Юстиниан II, — говорят нам, — в то же время относился враждебно и к увеличению церковно-монастерионской собственности. Его время считают важнейшим этапом в процессе образования в империи крупного церковно-монастерионского землевладения, которое в соединении с экскуссиями-иммунитетами создает своеобразные, как бы феодальные, монастерионы-княжества и монастерионы-сеньории, которые, по сравнению К. Н. Успенского, заступали в Византии место герцогств и графств Западной Европы.

По словам В. Г. Васильевского можно предположить без особенной опасности ошибиться, что перед началом кумироборства восточная церковь не уступала западной церкви размерами своих земельных богатств. Франкские короли рано начали жаловаться, что их казна остается пустою, что их богатства перешли к епископам и духовенству. К концу VII века, — говорят нам, — целая треть поземельных имуществ во Франкском государстве принадлежала церкви. Полагают, что нечто подобное было и в Ромейско-Византийском государстве за то же время.

В эпохи кумироборства монастерионскому феодальному землевладению был нанесен сильный удар беспощадными конфискациями земель и обращением монастерионцев и всяких приписанных к монастерионам людей в мирское состояние, влекшее за собою отбывание ими государственных повинностей.

Но с окончанием кумироборства и со вступлением на престол Македонской династии обстоятельства изменились. Число монастерионов стало снова увеличиваться, и еще быстрее стало возрастать количество земли, поступающей в их владение. Феодализирующие процессы в церковно-монастырской области, временно приостановленные кумироборческими императорами, снова стали развиваться в направлении, нежелательном и временами опасном для центральной власти, и вновь пришлось бороться с ними.

Точно также и в политической жизни страны очень яркую аналогию с западно-европейскими феодальными владыками, герцогами (duces) и графами (comites), представляют собою экзархи конца VI века, которые при императоре Маврикии (582 — 602) стали во главе двух обширных территориальных экзархатов: равеннского и африканского или карфагенского. Как известно, эти генерал-губернаторы, будучи прежде всего военною властью, сосредоточили в своих руках административные и судебные функции и являлись решающей инстанцией при разборе церковных дел в своем экзархате. Обладая неограниченными полномочиями, они пользовались царским почетом: их дворцы назывались священными (sacrum palatium), как называлось лишь место царского пребывания. Когда равеннский экзарх приезжал куда-нибудь, ему устраивалась царская встреча. Одним словом, в лице экзарха перед нами — самостоятельный владетельный князь, связанный с императором лишь очень слабыми вассальными узами. Поэтому нет ничего удивительного, что из экзархов выходили претенденты

на императорский престол, поднимавшие восстания, как например в Карфагене или в Равенне, хотя и не всегда удачные. Но в начале VII века восстание африканского экзарха Гераклия в результате возвело на византийский престол новую династию в лице сына только-что названного экзарха, тоже Гераклия по имени.

Интересно, что Маврикий, при котором образовались два почти независимые экзархата, во время сильной болезни, случившейся с ним за несколько лет до смерти, составил завещание, в котором он делил доставшуюся ему империю между своими детьми: старшему сыну он отписал Царь-Град и восточные области, а второму сыну — Италию и острова; остальные же области распределил между младшими сыновьями. Это завещание, оставшееся, повидимому, неизвестным при жизни Маврикия, и не приведенное в исполнение вследствие переворота 602 года, свергнувшего его с престола, представляет собою попытку типичного феодального раздела, какие часто бывали на Западе в эпоху Меровингов и Каролингов, и на Руси в удельное время.

Процесс образования фемного строя в связи с внешними опасностями VII века, когда во главе первоначально очень крупных территорий встала военная власть стратегов, облеченная широкими полномочиями и забравшая постепенно себе гражданские функции, также может дать материал для феодальных аналогий. Подобные провинциальные стратеги, передававшие в IX—X веках иногда свое звание по наследству из поколения в поколение, являлись как бы наследственными правителями той или другой области и уже по одному этому уходили из-под прямого контроля императорской власти. Тут был уже чисто вассальный характер отношений, прекрасно известный в западной государственной жизни в виде наследственных областных правителей, графов и герцогов.

Появившиеся на фоне непрекращавшейся борьбы на восточной границе, особенно в X веке, так называемые акриты, т. е. защитники отдельных границ государства (от греческого слова акра — ἄκρα — граница), пользовавшиеся иногда полунезависимым от центрального правительства положением, сопоставляются не без основания с западно-европейскими маркграфами, т. е. правителями пограничных областей-марок (по-русски — украйны). На восточной границе Ромеи, в ничем не обеспеченной, хронической грабительско-военной обстановке, люди действительно могли считать себя, по словам французского историка Рамбо, «не в провинциях просвещенной монархии, а среди феодальной анархии Запада». А английский историк Бёри (Bury) говорит, что вечная борьба с саракинами на Востоке выработала там новый тип воина, каваллария (χαβαλλάριος), т. е. конника или рыцаря (Ritter, chevallier), «сердце которого стремилось к приключениям и который привык действовать независимо от приказаний императора или военного начальства»...

В X веке многие из акритов владели обширными доменами и походили скорее на феодальных баронов, чем на римских долж-

ностных лиц. Известные малоазиатские фамилии Фокадов, Склиров, Малеинов, Филокалесов, с которыми непримиримо и напряженно, в той или другой форме, боролся Василий II, являются представителями крупных малоазиатских феодалов, которые были, благодаря своим обширным земельным владениям, не только социальной аномалией в государстве, но и создавали для царствовавшей династии серьезную политическую опасность, так как они могли всегда сгруппировать вокруг себя свои военные отряды. Ведь, прониар, получавший пронию на условии военной службы, имел право или был даже обязан содержать военную дружину, которую, при благоприятных обстоятельствах, мог доводить до значительных размеров. Знаменитые новеллы македонских государей в защиту мелкого землевладения лишний раз указывают на ту грозную силу, какую с государственной точки зрения приобрело тогда развитие крупного землевладения.

И действительно, смутный период XI века, до вступления на престол Алексея Комнина, характеризуется борьбою крупных малоазиатских феодалов (опиравшихся на собранные ими войска) с центральным правительством и заканчивается тем, что представитель крупного землевладения в лице Алексея Комнина завладел престолом и основал продолжительную династию. Но тот же Алексей должен был признать Трапезунтскую область почти независимым от себя владением, и во время своего правления принимал порою суровые меры против светских и духовных представителей крупного землевладения.

Довольно сильная реакция против феодалов в Ромее замечается при Андронике I, но прежняя система восторжествовала снова при Ангелах. И я уже говорил, что к эпохе крестовых походов феодализующие процессы в Византии настолько уже получили определенные формы, что западные крестоносцы, занявшие после четвертого похода большую часть Византийского государства, ничего нового для себя в его укладе не нашли.

Все эти факты я здесь взял с некоторыми своими собственными соображениями в сильно сокращенном виде из прекрасной книги А. А. Васильева «Латинское владычество на Востоке». Они важны здесь для меня не сами по себе, а исключительно как доказательство того, на чем я постоянно настаиваю в этом своем исследовании: общественная эволюция народов не обусловлена случайностями. Ее общий ход зависит от территориальных и климатических условий, но идет по экономическим законам и преемственно непрерывен. Переход от первобытного звериного, чисто рефлекторного существования к культурному, гуманитарному — происходит в умственной области обязательно путем перехода через мистику к рационализму, а в социальной области обязательно путем перехода от первобытного стада через феодализм и клерикальные монархии к обобществленному социальному строю.

И это не для одной Земли, а для всех планет, на которых также обязательна органическая жизнь во всем ее разнообразии, доводящая до осмысленного и культурного существа с такими же психическими особенностями и с такою же наукою, как и у нас.

ГЛАВА XII

ОБРАТНЫЙ ПЕРЕХОД БАЛКАНСКОГО ОСТАТКА ВЕЛИКОЙ РОМЕИ ПОД МАЛОАЗИАТСКУЮ КУМИРОБОРЧЕСКУЮ ВЛАСТЬ, КАК БЫЛО ПРИ ЛЬВЕ ИСАВРИЙСКОМ

Повторю снова мою, уже не раз приводимую, оговорку.

Задача настоящего исследования не есть разыскание каких-либо новых исторических фактов, а новая систематизация и новое освещение тех, которые уже имеются и хорошо известны специалистам. Вот почему я уже не раз повторял, что беру для изложения фактов или самые непосредственные документы, или в каждом особом отделе пользуюсь как руководителем, автором, выбранным мною из многих прочитанных или просмотренных историков, объективности которого я вполне доверяю. И часто во избежание упреков в тенденциозности, я передаю уже установившиеся исторические тенденции и факты собственными словами своего руководителя, лишь поясняя их со своей точки зрения.

И это тем более удобно для читателя, что в случае сомнений он прямо может обратиться к указываемому мною сочинению, не ездя в Рим или в Британский музей, чтобы отыскать там первичный первоисточник моих сведений, которого большею частью я и сам не видал (если его нет в библиотеке нашей Академии Наук, или в Государственной публичной, или в Пулковской обсерваторской, которыми пользовался я).

В отделе Византии я особенно пользовался нашим известным византистом А. А. Васильевым и теперь буду следовать за ним (конечно, только в фактической части).

«Константинополь, этот акрополь вселенной, царственная столица ромеев, бывшая, с соизволения божия, под властью латинян, снова очутилась под властью ромеев — это дал им бог через нас».

Такие слова мы читаем в автобиографии уже очерченного нами Михаила Палеолога, первого императора восстановленной Византийской империи, [1] территориальные размеры которой были уже гораздо меньше, чем в эпоху Комнинов и Ангелов.

Чтоб оправдать несоответствие прежних фантастических описаний роскоши Царь-Града с последующим его состоянием, историки свалили всю вину на латинян.

«Столица, — говорит А. А. Васильев в своей книге «Падение Византии» (стр. 10), — не оправившись от разгрома 1204 года, пе-

[1] Imp. Michaelis Paleologi, De vita sua opusculum («Христианское Чтение», 1885 г. II, 535, и А. А. Васильев, «Падение Византии», стр. 9).

решла в руки Михаила в упадке и разрушении. Лучшие здания стояли разграбленными; церкви были лишены своей драгоценной утвари. Влахернский дворец, ставший со времени Комнинов императорской резиденцией и восхищавший своим богатым убранством и мозаиками приезжих иностранцев, находился в состоянии глубокого запустения, будучи внутри, по выражению одного греческого источника, закопчен «итальянским дымом и чадом»

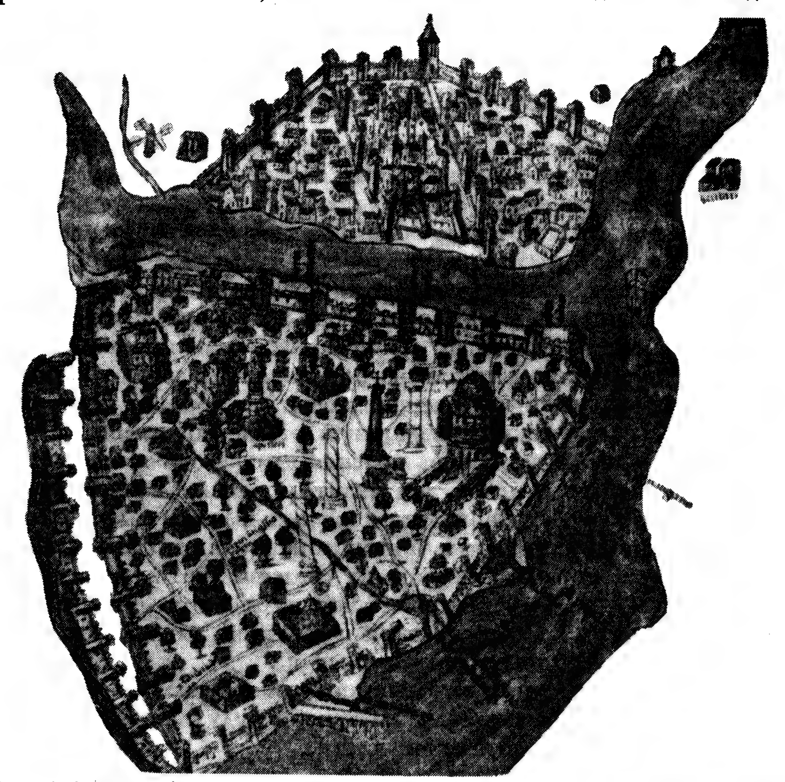

Рис. 121. План Царь-Града, снятый в 1422 году. Темная полоса справа— Босфор. Залив от него, идущий влево,—Золотой Рог. К северу от него— предместье Галата. Домик вверху направо, на другом берегу Босфора,— зачаток нынешнего большого азиатского предместья Царь-Града—Скутари. Большой храм на восточной стороне Царь-Града—Храм Мудрости (София).

во время пиров латинских государей, и «сделался поэтому необитаемым».

«После реставрации Палеологов империя получила почти исключительно местное значение национального греческого средневекового царства, которое в сущности является продолжением Никейского, хотя вновь основалось во влахернском дворце Византийской державы», — говорит Б. А. Панченко [1]. — «Вокруг этого

[1] Б. А. Панченко, Латинский Константинополь и папа Иннокентий III «Летопись истор.-филол. общества при Новороссийском университете».

ослабевшего в военной мощи пережитка «могучего Рима» усиливаются более молодые народы, особенно сербы XIV века при Стефане Душане, и османские турки, т. е. малоазийцы *(таврики)*».

Но если в сфере политической международной жизни Византия Палеологов занимает второстепенное место, то в сфере внутренней жизни она имела и тогда крупное значение.

«В очищенном судьбою от примеси азиатских национальностей населении развивается греческий патриотизм. Императоры продолжают еще носить обычный титул «василевса и автократора ромеев», но некоторые выдающиеся люди убеждают их принять новый титул — **государя эллинов**. Вот когда впервые появляется достоверное упоминание слова эллины!

«Чувствуется, — продолжает А. А. Васильев, — что прежняя обширная **разноплеменная** держава превратилась хотя и в скромное по территориальным размерам, но уже в **греческое** по составу населения государство». И в этом чувстве эллинского патриотизма XIV — XV веков можно не без основания видеть одну из причин возникновения волшебной сказки о древней классической Элладе, благодаря апокрифически приписываемым ей рукописям тогдашних европейских авторов. «Эпоха Палеологов, когда в империи причудливо смешались элементы Запада и Востока, отмечена высоким подъемом умственной и художественной культуры, — говорит тот же А. А. Васильев. — Византия за это время дала не мало ученых и образованных людей, писателей, оригинальных по таланту, в самых разнообразных отраслях знания. Мозаики в константинопольской мечети Кахриэ-джами (прежнем византийском монастыре Хоры), в пелопоннесской Мистре и на Афоне позволяют оценить важность художественного творчества при Палеологах. Этот художественный подъем часто сопоставляется с ранней эпохой итальянского Гуманизма и Возрождения, на основании чего ставились в науке те и другие вопросы».

Но «время Палеологов, — продолжает автор, — принадлежит к наименее ясным временам византийской истории, причинами чего является», — что бы, по вашему мнению? — «обилие и разнообразие источников». И если вам это покажется неожиданностью, то совершенно напрасно! Дело в том, что всякий самостоятельный рассказ односторонен, а потому в истории хорошо иметь только один рассказ и слепо следовать за ним, не натыкаясь ни на какие противоречия. Так авторы и поступают в изложении ранней истории всех государств. А когда встречаются два самостоятельные и потому не сходные и часто противоречащие друг другу изложения, то в древней истории они до сих пор обычно относились к разным векам или народам, как, например, было с библейским изложением Ромейской истории в книге «Цари».

Но время Палеологов оказалось настолько близко к нам, что расчленение этой династии на целый ряд разновременных и разноместных династий было невозможно сделать, а потому А. А. Васильев и правильно сказал, что ее время является наименее

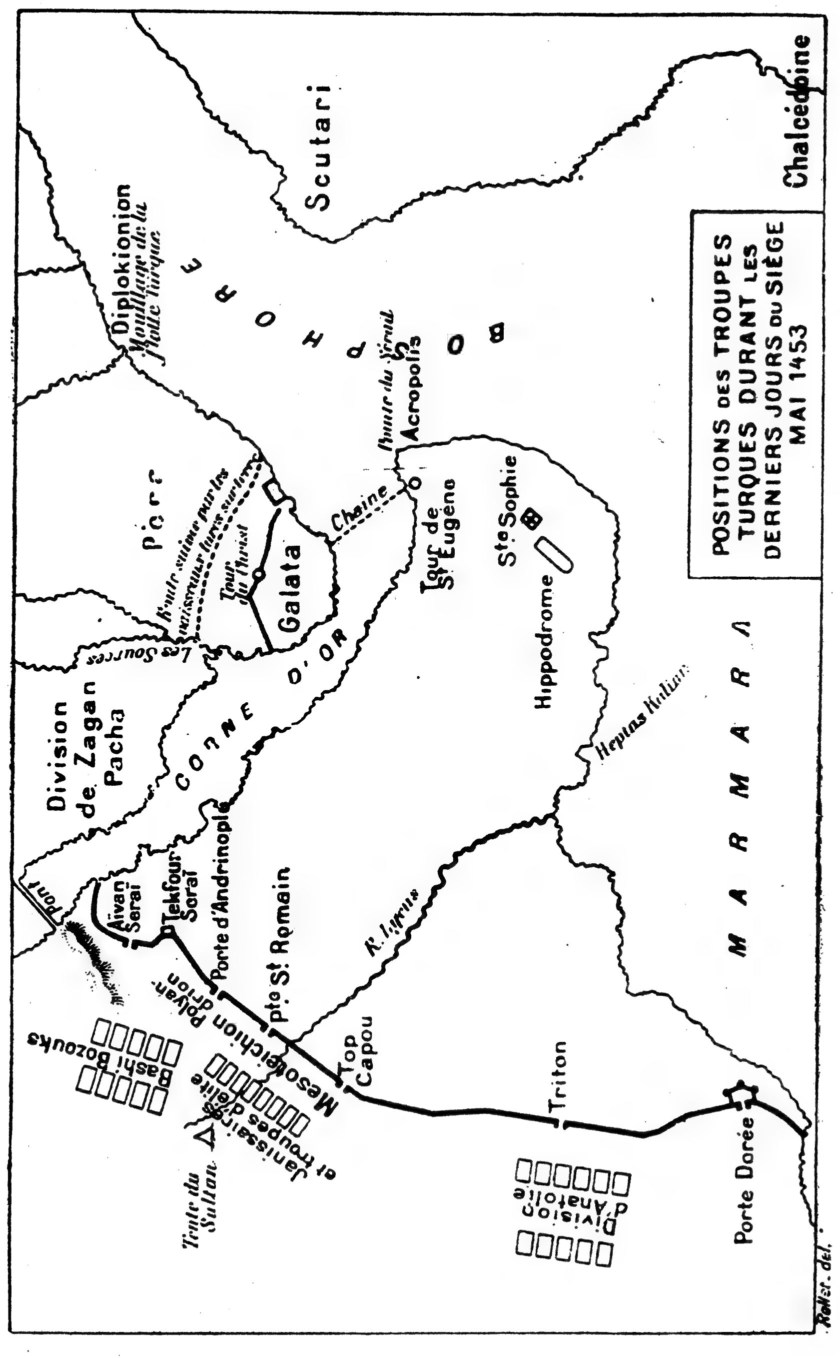

Рис. 122. Общий план Царь-Града в 1453 году во время его осады магометанами. (По Бундельмонте.)

ясным (т. е. псевдо-выясненным) в истории Ромеи, и как раз благодаря **обилию первоисточников.**

Нас мало интересует здесь семейная хроника этой династии, и мы рассмотрим только отношения между нею и исламитами. Есть доказательства, что и тогда между православными и агарянами не было еще непроходимой пропасти, несмотря на отлучение последних под именем магометан греческою церковью. Так, царь Иоанн Кантакузи выдал замуж даже свою дочь за османского султана. Были и другие случаи добрых отношений.

Раз, например, Мануил II (1411—1425), еще до воцарения, получивши от отца в управление Фессалонику, вошел оттуда в сношение с населением одного македонского города, захваченного войсками султана Мурада, в целях избиения турецкого гарнизона и освобождения от «турецкого ига». Султан узнал об этом и собрался наказать его, а Мануил, после бесполезной попытки найти убежище у испуганного отца, направился прямо в резиденцию Мурада и принес ему покаяние. Тот благосклонно принял пришельца, провел с ним несколько дней и, на прощанье снабдивши дорожными припасами и богатыми подарками, отправил обратно к отцу с письмом, в котором просил его «простить сыну то, что он по неведению сделал». А в своей напутственной речи Мануилу он сказал:

«Управляй с миром тем, что тебе принадлежит, и не ищи чужого. Если же у тебя будет какая-либо нужда в деньгах или в другом содействии, то я всегда с радостью буду готов исполнить твою просьбу».

После долгого и тяжелого царствования Мануил в последние годы своей жизни удалился от государственных дел, чтобы посвятить все свое время изучению священного писания. Вскоре после этого с ним случился удар, а за два дня до смерти он постригся в монахи под именем Матвея. У него не было детей ни от одной из трех жен. Высшие сановники Царь-Града остановили свой выбор на Константине, одном из братьев Иоанна VIII, бывшем в то время морейским деспотом. Он приехал к ним на каталонских судах и с торжеством был встречен населением.

Это был последний из ромейских императоров. Он пал при взятии Царь-Града турками в мае 1453 года, когда на месте греко-христианской власти основалась агарянская власть Османов. Из братьев, переживших Константина, Димитрий Палеолог попал потом в плен к Мухаммеду II, который и женился на его дочери.

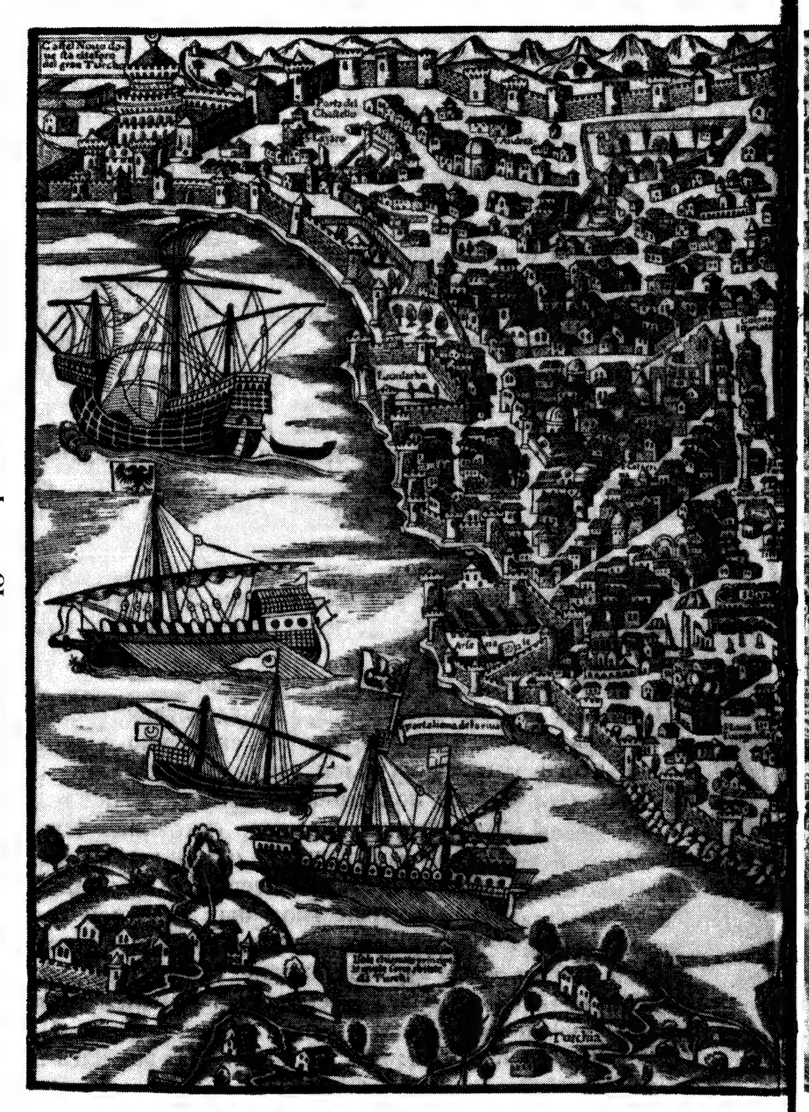
* * *

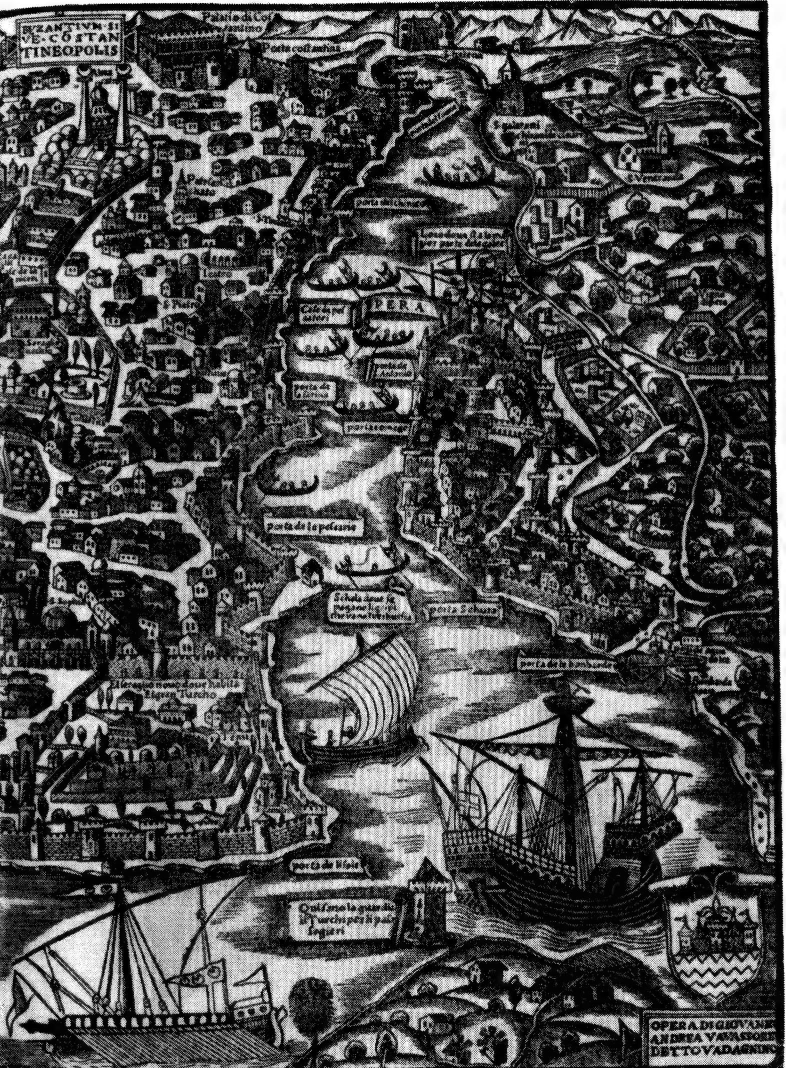
Теперь вернемся несколько назад, чтобы посмотреть на международные отношения этого периода.

Византийский историк XV века Георгий Франдизи пишет:

«В царствование Михаила Палеолога вследствие войн, веденных в Европе против итальянцев, начались опасности для Ромейской державы со стороны турок в Азии». И счастьем для

ЮГ

СЕВЕР

Рис. 123. Царь-Град вскоре после водворения в нем магометанства, приблизительно около 1520 года. (По Гельмольту, V, 139.)

империи в его время было то, что сами «турки» в XIII веке переживали смутную эпоху своего существования».

Рис. 124. Церковь «Святого сына богоматери» (св. Димитрия, по гречески) в Салониках, напрасно относимая к V веку нашей эры. Она — не ранее XV века.

В тридцатых и сороковых годах XIII века с востока появилась грозная опасность татарского или, как теперь говорят, *монгольского* нашествия. Малоазийский Румский султанат сель-

джуков, соприкасавшийся с восточною границею Никейской империи, был разгромлен «монголами», и во второй половине XIII века,

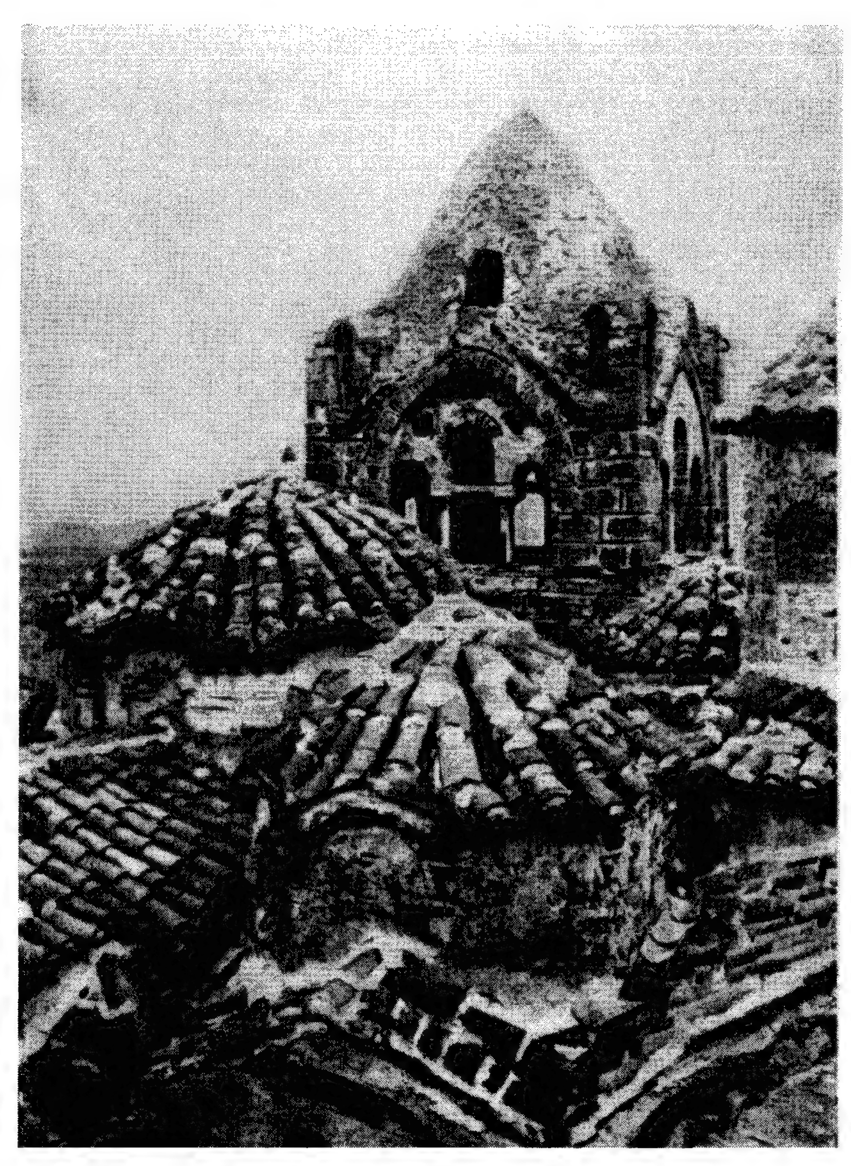

Рис. 125. Развалины старинной церкви, называемой Пантанассой в Мистре, в Морее. Вид с Юга.

т. е. во время Михаила VIII, сельджукиды были простыми наместниками **персидских** властелинов, владения которых простирались от Индии до Средиземного моря. Но эта держава не пред-

ставляла пока непосредственной опасности для Византии и благодаря ей один только Румский султанат потерял свою прежнюю силу.

Позднее, в эпоху двух Андроников, главным явлением на

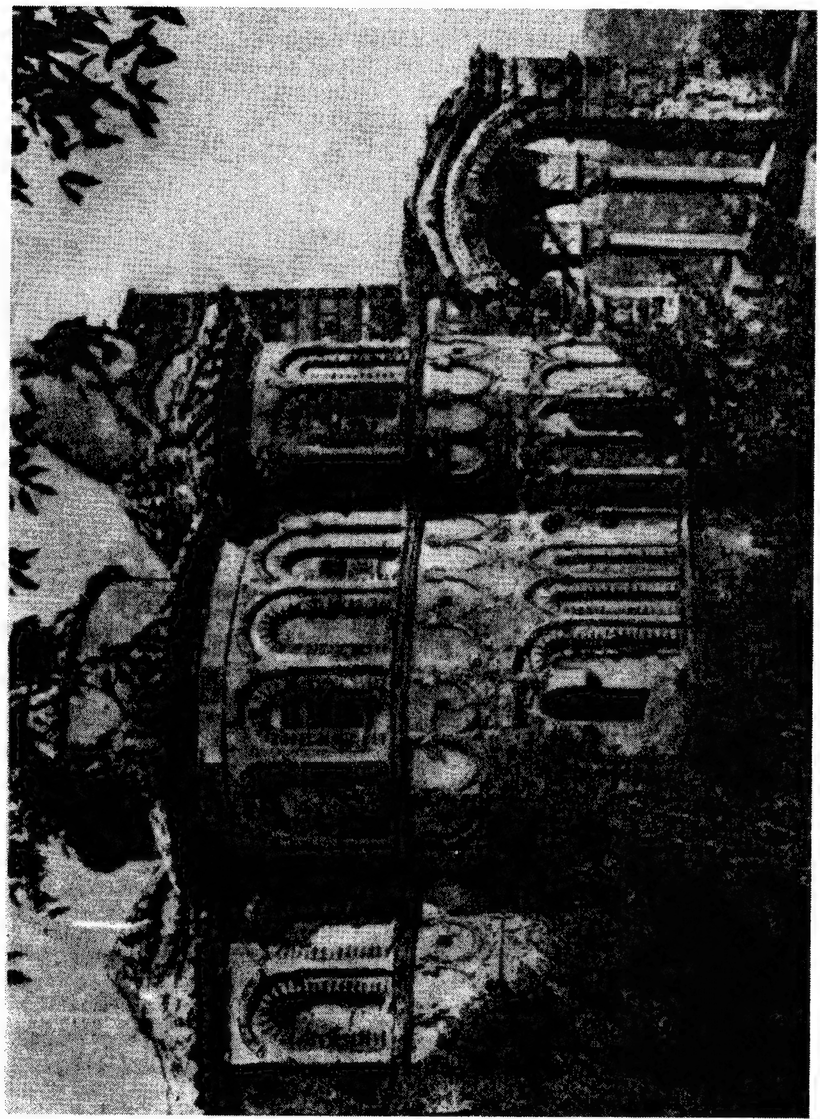

Рис. 126. Развалины церкви «Пантанасса», относимой к XV веку. Абсиды.

Востоке надо считать усиление турок-османов. С конца XIII века начали они сильно теснить небольшие остававшиеся еще в руках Византии малоазиатские владения. И в результате произошел очень оригинальный эпизод.

Андроник II не мог обойтись без посторонней помощи против них, и помощь ему явилась в виде испанских наемных дружин, так называемых «каталанских кампаний», или «альмугазаров».

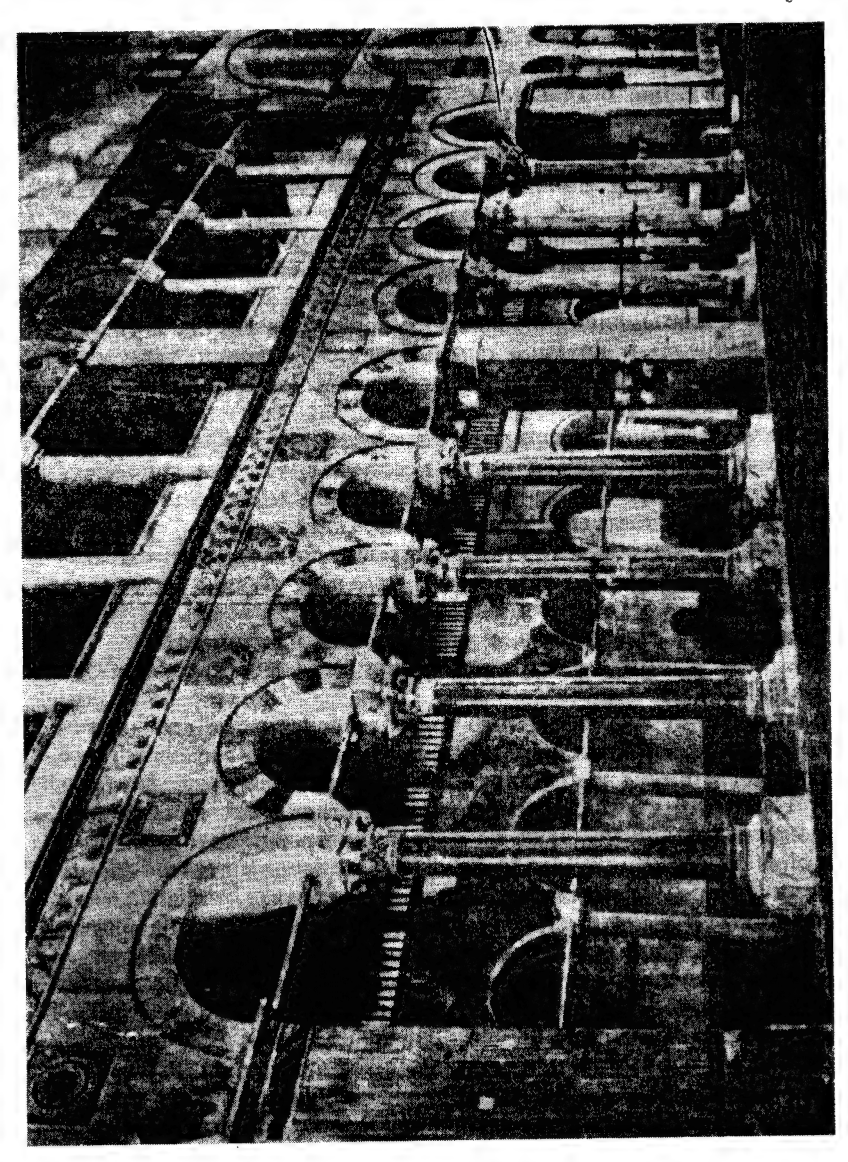

Рис. 127. Церковь «Святого сына Богоматери» (Димитрия, по гречески) в Салониках, напрасно относимая к V веку нашей эры.

Такие отряды наемников из различных национальностей, жившие только войною и поступавшие за известную плату к кому угодно для борьбы с кем угодно, были хорошо известны во вторую половину средних веков. Так, в те же XIV и XV века английские и французские «кампании» принимали деятельное уча-

стие на Западе в столетней войне. «Каталанские кампании», в состав которых входили не только каталонцы, но и жители Арагонии, Наварры, острова Майорки и некоторых других, боролись в качестве наемников на стороне Петра Арагонского во время войны, вспыхнувшей после Сицилийской Вечерни. Но когда в самом начале XIV века между Сицилией и Неаполем был заключен мир, каталонцы остались без дела. Привыкши жить войною и грабежом, они избрали своим вождем Рожера де-Флор, по происхождению немца, так как настоящая фамилия его была «Блюм» (цветок), что в переводе соответствует итальянскому и испанскому «Флор».

Рожер, бегло говоривший по-гречески, предложил, с согласия своих подчиненных, услуги Андронику II в его борьбе с малоазийскими сельджуками и османами. Он требовал за это согласия на его брак с племянницей императора, дарования титула мегадуки (генерал-адмирала) и крупной суммы денег. Андроник вынужден был согласиться, и испанские дружины, сев на суда, двинулись спасать Ромею.

Этот любопытный эпизод участия испанцев в решении судеб Византии подробно изложен как в испанских, так и в греческих первоисточниках, но очень разнообразно. Под пером, например, современника и участника этого похода, каталонского хрониста Мунтанера, Рожер и его спутники являются отважными, благородными, делающими честь своему народу бойцами за правое дело; греческие же историки видят в каталонцах лишь грабителей, насильников и гордецов, и один из них восклицает:

«О, если бы Константинополь никогда не видал латинянина Рожера»!

А испанский историк этого воителя сравнивает его деяния с подвигами знаменитых испанских завоевателей Мексики и Перу в XVI веке, Кортеса и Пизарро, и не знает, какой другой народ может гордиться столь знаменательным историческим событием, как «наша славная экспедиция на Восток». А третий автор, английский историк Финлей, замечает: «Экспедиция каталонцев на Восток является удивительным примером успеха, который иногда сопровождает карьеру грабительства и преступления, наперекор всем обычным правилам человеческого здравого смысла».

Так разнообразны исторические апперцепции того же самого события! И это — общее правило всех непереписанных друг с друга исторических документов.

И вот, около 1300 года вождь этой авантюры Рожер де-Флор — был ли он разбойник или герой — прибыл в Царь-Град с 10 000 человек, причем приехавшие на восток каталонцы и арагонцы привезли с собой своих жен, любовниц и детей. В Царь-Граде была с великою пышностью отпразднована свадьба Рожера с племянницею императора, но после серьезного столкновения, происшедшего в столице между каталонцами и генуэзцами, почувствовавшими друг в друге соперников, «компания» была переправлена в Малую Азию, где в это время турки осаждали

Филадельфию. В соединении с отрядом императорских войск небольшая испано-византийская армия под начальством Рожера де-Флор освободила Филадельфию от турецкой осады. За первым успехом последовал и ряд других удачных действий Рожера против турок. Но непомерные вымогательства и жестокости каталонцев обострили отношения между ними и царь-градским правительством. И вот, во время пира возвратившийся Рожер и его спутники были перебиты в Адрианополе. Когда весть об этом распространилась среди населения империи, все находившиеся в столице и других городах испанцы также подверглись избиению.

Пылающие жаждою мести каталонцы, сосредоточенные у Галлиполи, порвали союзные отношения к империи и двинулись на запад, предавая мечу и огню проходимые ими области. Прожив некоторое время в Фессалии, они двинулись на юг через лжезнаменитое Фермопильское ущелье в пределы Афино-Фиванского герцогства, основанного там после четвертого крестового похода и находившегося под управлением французов. Весною 1311 года произошла знаменитая битва в Беотии на реке Кефиссе у Копаидского озера, превратившегося к XIV веку в болото, около современной деревни Скрипу, где каталонцы одержали решительную победу над французами и, положив конец их цветущему Афино-Фиванскому герцогству, утвердили там испанское владычество, о котором я уже говорил в IV томе «Христа», продолжавшееся в Фивах и Афинах восемьдесят лет.

Оно оставило в Афинах и вообще в Греции мало монументальных памятников своего господства. На Акрополе, например, где каталонцы произвели некоторые изменения, особенно в расположении укреплений, не открыто их следа. Зато в народной памяти греков и в их языке до сих пор живут воспоминания об испанских пришельцах. Еще и теперь на острове Евбее, чтобы упрекнуть кого-либо в несправедливом поступке, восклицают: «Этого не сделали бы и каталонцы»!

Да и в Афинах слово «каталонец» рассматривается как бранное, а в некоторых городах Полопоннеса, когда хотят сказать о женщине, что она груба или толста, то говорят:

— «Она похожа на каталонку».

Наступившая вслед за убийством Рожера де-Флора кровавая эпопея каталонских дружин на Балканском полуострове и вспыхнувшая затем междоусобная война между двумя Андрониками, дедом и внуком, отвлекли силы и внимание империи от восточной границы. Этим воспользовались османы и в последние годы Андроника Старшего и в правление Андроника Младшего имели ряд серьезных успехов в Малой Азии. Султан Осман и после сын его Урхан завоевали там Бруссу, которая сделалась столицею турецкого государства османов, Никею и Никомидию и подошли вплотную к берегу Мраморного моря.

Так к концу XIII века все христианские владения в Сирии были потеряны, и в 1291 году агаряне отняли у христиан их последний важный приморский город Акру (т. е. Акку, древнюю

Птолемаиду), после чего все прочие приморские города сдались почти без боя агарянам. Вся Сирия и Палестина перешли в их руки.

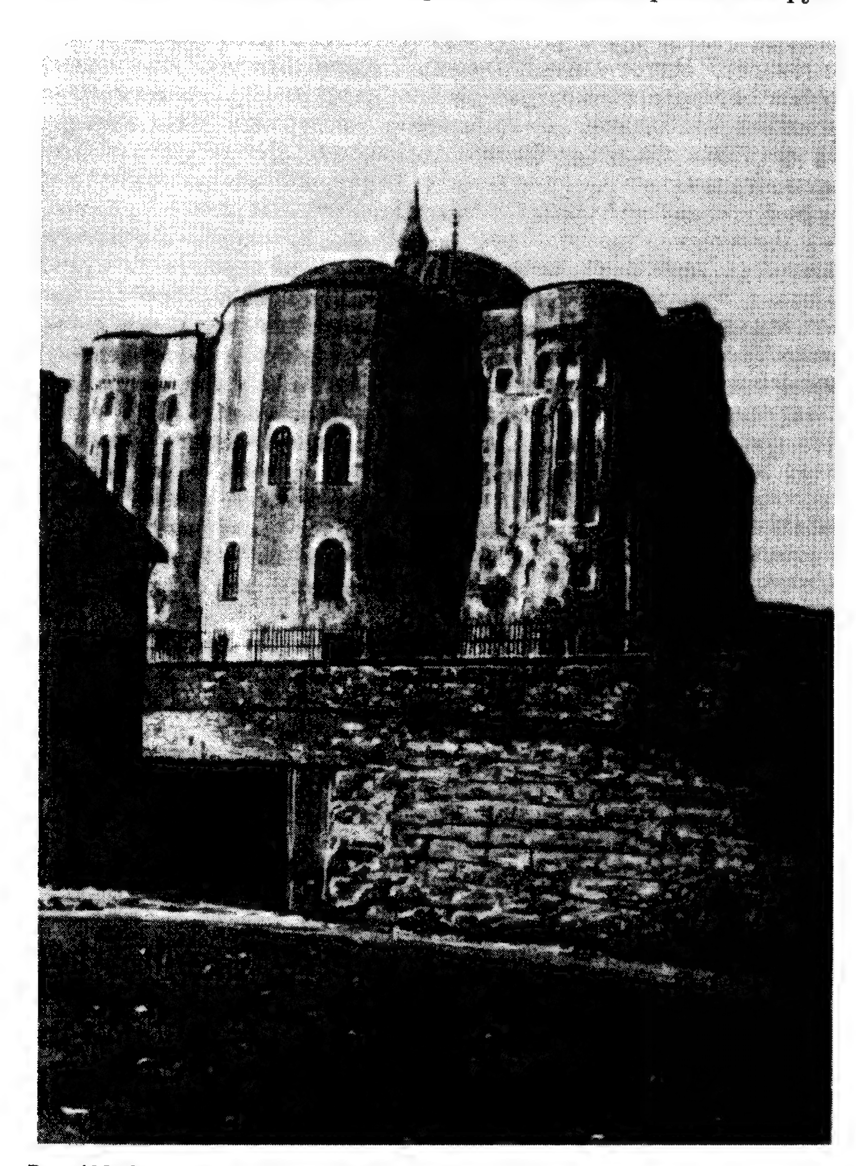

Рис. 128. Старинная церковь «Владыки Народа» (по-еврейски—Сар-гой, христианское—Сергий) и Бахуса; теперь—Кучук Айя-София Джами в Царь-Граде.

Тогда же Венеция потеряла весь юг Средиземного моря, где ее политика и торговля в течение долгого времени имели господствующее значение; с другой стороны, генуэзцы, стоявшие

твердою ногою на Босфоре, распространяли свое исключительное влияние на Черное море, где они, очевидно, желали монополизи-

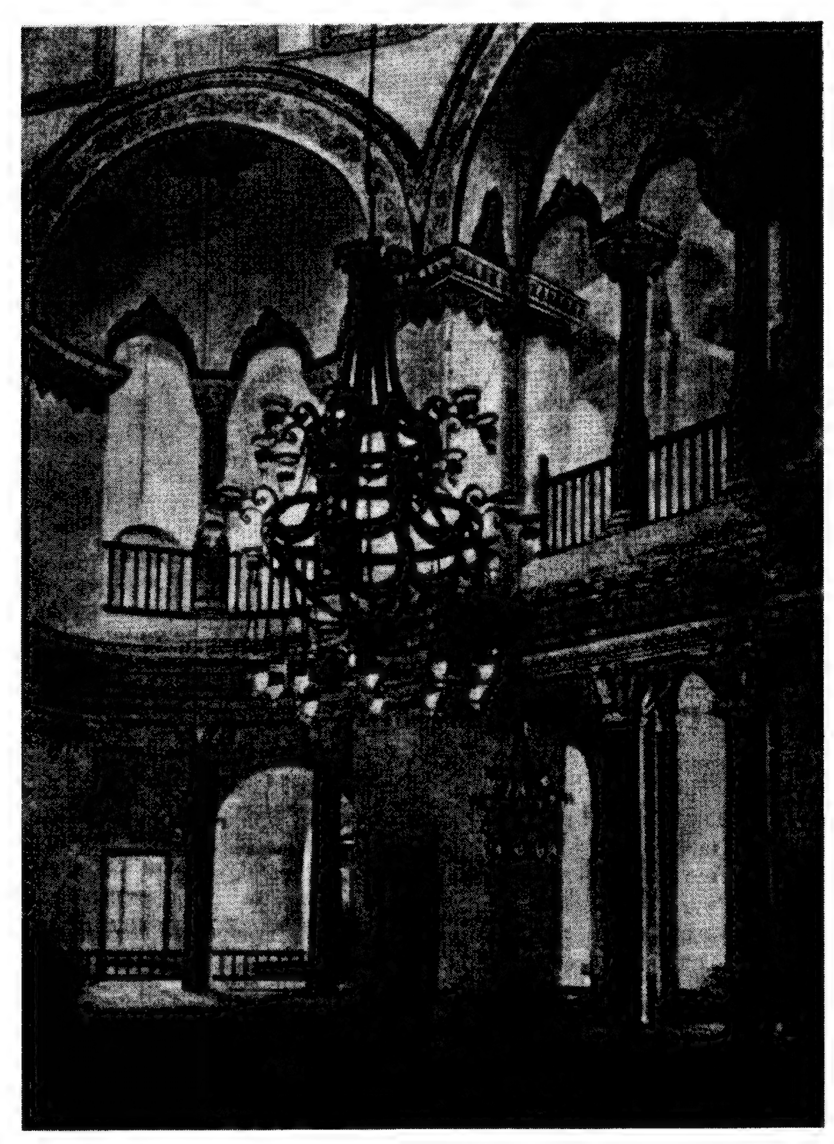

Рис. 129. Внутренняя часть Кучука Айя-София Джами в Царь-Граде. Современный нам вид. (По снимку В. В. Преснякова. Государственный Эрмитаж.)

ровать торговлю. Это особенно касалось Крыма, где были уже как венецианские, так и генуэзские колонии, остатки которых стараются теперь приписать «классической древности».

Учитывая грозную опасность для своей торговой мощи, Венеция объявила войну Генуе. Венецианский флот, прорвавшись через Геллеспонт и Мраморное море, разорил и сжег берега Босфора и предместье Галату, где жили генуэзцы, но это послужило только к их усилению. Генуэзская колония спаслась за стенами Царь-Града, где император оказал ей деятельную поддержку, а жившие в столице венецианцы, наоборот, подверглись избиению. Тотчас после этого генуэзцы добились у Андроника II разрешения обнести Галату стеной и рвом, и их квартал разукрасился целым рядом общественных и частных сооружений. Во главе колонии стал назначаемый из Генуи подеста, управлявший своей территорией на основании определенных законоположений и ведавший интересы всех живших в Ромее генуэзцев. Таким образом, по словам проф. Флоринского, «рядом с православным Царь-Градом возник небольшой, но хорошо укрепленный латинский городок с генуэзским подестою, со своим республиканским устройством, с латинскими церквами и монастырями. И вот, Генуя, помимо торгового, приобретает также и большое политическое значение в Византийской империи. [1]

Ко времени вступления на престол Андроника III генуэзская Галата сделалась как бы государством в государстве, что стало особенно сильно ощущаться в конце его правления.

Первое утверждение османских турок в Европе обычно связывается с именем Іоанна Кантакузина, часто опиравшегося на них в своей борьбе с Иоанном Палеологом. Он даже выдал замуж свою дочь за султана Урхана, и по приглашению его турки не раз опустошали Фракию. Византийский историк XIV века (Никифор Григора) замечает, что «Кантакузин настолько же ненавидел ромеев, насколько любил варваров», и пишет, что в то время, как в дворцовом храме совершается христианское богослужение, допущенные в столицу османы пляшут у дворца и поют, «выкрикивая непонятными звуками песнопения и гимны Мухаммеда, чем привлекают толпу более к слушанию себя, чем к слушанию божественных евангелий».

Для удовлетворения турецких финансовых требований Кантакузин отдал даже деньги, присланные из России великим князем московским Симеоном Гордым на исправление пришедшего в упадок храма Софии.

Хотя частные поселения турок (т. е. агарян с Тавра) во Фракии и на Фракийском (Галлипольском) полуострове уже существовали, по всей вероятности, с первых лет правления Кантакузина однако они не казались опасными, так как агаряне подчинялись ромейским властям.

Но, вот, в 1354 году почти весь южный берег Фракии постигло страшное землетрясение, разрушившее целый ряд городов, укреплений и христианских храмов. Воспользовавшись этим, местные исламиты заняли на Херсонесе несколько оставленных

[1] Флоринский, Южные славяне и Византия, I, 32 — 33.

населением городов, в том числе и Галлиполи. Они выстроили вокруг него стены, соорудили сильные укрепления и арсенал, поместили большой гарнизон и превратили его в важный стратегический центр, сделавшийся опорным пунктом для дальнейшего их продвижения по Балканскому полуострову. По свидетельству современника той эпохи Димитрия Кидона крики и плач раздались по всей потрясенной области.

— «Какие речи, — пишет он, — преобладали тогда в городе? Не погибли ли мы? Не находимся ли мы все в этих стенах как бы в сети варваров? . . . Не казался ли счастливцем тот, кто перед опасностями покинул тогда город»?

По словам того же автора, почти все, «чтобы избегнуть рабства», спешили уезжать в Италию, в Испанию, и даже дальше «к морю за Столбами», т. е. за Гибралтарским проливом. А русская летопись отмечает:

«В лето 6854 перевезлися измаильтяне на сю сторону в Греческую землю. В лето 6865 взяли у греков Калиполь».

Рис. 130. Агарянская лампада Византийского периода (По Гнедичу, История Искусств, стр. 205.)

Утвердившись в Галлиполи и пользуясь непрекращавшимися внутренними смутами в остатках Ромеи и в славянских государствах Болгарии и Сербии, малоазиатские исламиты стали продолжать свои завоевания на Балканском полуострове. Преемник Урхана султан Мурад I, после занятия целого ряда укрепленных городов в ближайших окрестностях Царь-Града, овладел такими крупными центрами, как Адрианополь и Филиппополь, и, двигаясь на запад, начал угрожать Фессалонике. В Адрианополь была перенесена столица агарянского Румского (т. е. Римского) государства. Царь-Град постепенно окружался турецкими или, вернее, румскими владениями. «Ромейский» император продолжал платить дань «румскому» султану. «Ромейская» империя стала превращаться «в Румскую», на агарянских, т. е. иконоборческих началах.

*

Эти завоевания поставили Мурада лицом к лицу с Сербией и Болгарией, которые к тому времени уже потеряли свою былую силу благодаря внутренним раздорам.

Мурад двинулся на Сербию.

Навстречу ему выступил сербский князь Лазарь. Решительное сражение разыгралось летом 1389 году в центре Сербии,— на Коссовом поле. Сын убитого тут же Мурада Баязид, окружив сербское войско, нанес ему полное поражение. Попавший в плен князь Лазарь былъ казнен. Год сражения на Коссовом поле может быть признан годом падения средневековой Сербии.

Через четыре года (в 1393 г.), т. е. уже после смерти Иоанна V, столица Болгарии — Тырново — также была завоевана румцами, и немного позднее вся болгарская территория вошла в состав так называемой греками Турецкой (Малоазийской) империи.

Около того же времени разразилась чума 1348 и следующих годов, так называемая «черная смерть». Занесенная из глубины Азии на побережье Меотиды (Азовского моря) и в Крым, она перебросилась благодаря зачумленным генуэзским галерам в Царь-Град, где унесла по преувеличенному, вероятно, свидетельству западных хроник $^{8}/_{9}$ или $^{2}/_{3}$ населения. Оттуда зараза перешла на острова Эгейского моря и на Средиземное побережье. Византийские историки оставили нам подробное описание этой болезни, указывая на полное бессилие врачей справиться с нею. В описании эпидемии Иоанном Кантакузиным нетрудно видеть тот образчик, которому подражал Фукидид в своем знаменитом описании афинской чумы.

Из Византии генуэзские галеры,— как рассказывают западные хроники,— разнесли заразу по прибрежным городам Италии, Франции и Испании. Из них чума распространилась на север и запад и охватила всю Италию, Испанию, Францию, Англию, Германию. Ее же описал в Италии и Бокаччьо в своем знаменитом «Декамероне», начинающемся «классическим по своей картинности и размеренной торжественности описанием черной смерти», когда здоровые люди еще «утром обедали с родными, товарищами и друзьями, а на следующий вечер ужинали со своими предками на том свете». Многие уже сравнивали описание чумы Бокаччьо с описанием Фукидида и ставили его выше классика.

Из Германии по Балтийскому морю и через Польшу чума проникла во Псков, Новгород, Москву, где жертвою ее в 1353 году стал великий князь Симеон Гордый. Она распространилась почти по всей Руси, и в некоторых городах, по «свидетельству» русской летописи, не осталось в живых ни одного человека.

После того как ужасы этой «мировой язвы» несколько позабылись, республика св. Марка заключила союз с королем Арагонии, который согласился отвлекать своими нападениями на берега и острова Италии силы Генуи и тем самым облегчать действия Венеции на Востоке. После некоторого колебания к арагоно-венецианскому союзу против Генуи присоединился и Иоанн Кантакузин, обвинявший «неблагодарный народ генуэзцев» в том,

что они забыли страх божий», что они опустошали моря, «как будто бы их обуяла мания грабежа», «старались непрестанно беспокоить всех мореплавателей своими пиратскими нападениями». Главный бой, в котором приняли участие около 150 греческих, венецианских, арагонских и генуэзских кораблей, произошел в начале пятидесятых годов в Босфоре, не дав решительного результата. Обе стороны приписывали себе победу, и соперничество их продолжалось еще долго и после того, а остатки великой Ромеи продолжали лавировать между ними.

Рис. 131. Бронзовая медаль работы итальянского медальера Констанцо с изображением султана Магомета II. Надпись SULTANI MOHAMMETH OCTOMANII. GVLI. BIZANTII INPERATORIS. 1481.

Нам нет здесь места и нужды следить далее за их торговой конкуренцией, так как много ближе к предмету нашего изложения стоит один более загадочный эпизод в истории надвижения турок на Ромею.

К концу XIV века,— говорят нам,— распавшаяся «монгольская

держава» вновь объединилась под властью Тамерлана (Тимур-Ленка, что в переводе значит «железный хромец»). Он предпринял ряд чрезвычайно маловероятных отдаленных походов и в южную Россию, и в северную Индию, и в Месопотамию, и в Персию, и в Сирию, чего тогда никто не мог бы сделать в совокупности.

Вступив после сирийского похода в пределы Малой Азии, Тимур, — говорят нам, — вдобавок столкнулся с османскими турками. Султан Баязид поспешил из Европы в Малую Азию ему навстречу, и при городе Ангоре (Анкире) в 1402 году произошла между ними кровопролитная битва, окончившаяся полным поражением турок. Сам Баязед попал в плен к Тимуру и вскоре умер. Но после своей ангорской победы беспокойный бегун Тимур не остался в Малой Азии. Удалившись оттуда, он предпринял еще поход против Китая, на пути куда (к счастью для историков его поистине соколиных перелетов) умер. После его смерти вся его невероятно громадная монгольская держава, конечно, опять «распалась и потеряла свое значение». Но все же турки были настолько ослаблены поражением при Ангоре, что в течение некоторого времени не могли предпринять решительных шагов против Царь-Града и этим продлили еще на пятьдесят лет его существование под греческой властью.

Откуда эта Одиссея? Кроме того, нельзя не отметить и еще одного сенсационного исторического события того времени.

В последнее пятидесятилетие существования остатков Византийской империи Пелопоннес совсем неожиданно привлек на себя внимание центральной власти. В XV веке вдруг открыли, что это была исконная чисто греческая область, где греки чувствовали себя именно эллинами, а не ромеями. А отсюда не далеко было до идеи, что именно там и могли образоваться средства для продолжения борьбы против османских успехов. В Пелопоннесе создался центр эллинского патриотизма, задавшегося несбыточною по этнографическим условиям того времени мечтою возродить эллинское государство и противопоставить его могуществу малоазиатов-османов.

Главный город Морейского деспотата, Мистра, эта средневековая Спарта, резиденция деспота в XIV и начале XV веков, явилась политическим и духовным центром морейских властелинов. В то время как население всей области, и самой Спарты, по свидетельству современника той эпохи Мазари, заставляло каждого бояться превратиться там в варвара, — при дворе самого деспота, в его замке Мистре, образовался культурный очаг, около которого группировались образованные греки—ученые, софисты, придворные. Есть сведения, что в XIV веке в этой «Спарте» существовала школа «переписчиков» (т. е. составителей) древних рукописей», и Грегоровиус справедливо сравнивает двор Мистры с некоторыми итальянскими княжескими дворами Эпохи Возрождения. При дворе морейского деспота во время Мануила II процветал знаменитый византийский ученый философ, Гемист Плетон. Увлеченный всецело идеей о том, что пелопоннесское население представляет собою наиболее чистый и древний тип эллинской нации, он объявил впервые, что именно из Пелопоннеса «вышли самые знатные и знаменитые роды эллинов, совершившие величайшие и славнейшие деяния». А Мазари, в своей повести «Путешествие Мазари в ад», в опровержение этого утверждения, в язвительных тонах описал нравы Пелопоннеса-Мореи, производя это название от греческого слова мория (μωρία), обозначающего «глупость», и, в противоположность Плетону, в населении Пелопоннеса различил целых семь национальностей: греков (у Мазари — лакедемоняне и пелопоннесцы), итальянцев (т. е. остатков латинских завоевателей), славян, иллирийцев (т. е. албанцев), египтян (т. е. цыган) и иудеев. Эти сведения Мазари более соответствуют исторической деятельности, а потому и дошедшее до нас сочинение Гемиста Плетона приходится считать за первую попытку создать волшебную сказку о древней классической Элладе.

Ко времени Мануила II относятся два любопытных проекта Плетона о необходимости политической и социальной реформы для Пелопоннеса в смысле его приближения к идеалам автора. Один проект был адресован на имя императора, второй — на имя морейского деспота Феодора.

Плетон, как Платон, намечает план коренного изменения в системе администрации, в организации общественных классов и в земельном вопросе. Население должно делиться на три класса: 1) земледельцы (пахари, копальщики, например, для виноградников, пастухи); 2) те, кто доставляет средства для земледелия (разводит домашний скот), и 3) те, кто охраняет безопасность и порядок, т. е. войско, власти и государственные чиновники. Во главе их всех должен стоять государь (василевс).

Являясь врагом наемного войска, Плетон стоит за образование национальной армии, а для того, чтобы войско действительно могло отдавать все внимание на отправление своих прямых обязанностей, он делит население на две категории: на плательщиков налогов и на несущих военную службу, которые налоговому обложению не подлежат. Часть податного населения, освобожденного от военной службы, называется у Плетона илотами, и это слово перешло от него к классикам. Частная земельная собственность отменяется, вся земля, как это следует по природе, объявляется общим достоянием всего населения. Всякому желающему позволяется сажать растения и строить дом, где хочет, и пахать такое количество земли, какое хочет и может. Некоторые ученые отмечают в этой схеме Плетона аналогичные черты с некоторыми местами «Общественного договора» Руссо и с идеями сенсимонизма.

И это было, можно сказать, накануне окончательной катастрофы действительной Греции.

«В то время как Константинополь, — пишет французский византинист Диль, — падает и рушится, греческое государство делает попытки родиться в Морее. И сколь бы напрасными ни

41 Зак. 66

казались эти стремления, сколь бы бесплодными ни могли представляться эти желания, тем не менее возрождение греческого сознания и неясная подготовка лучшего будущего являются одним из самых любопытных и самых замечательных явлений византийской истории».

И с этим нельзя не согласиться: видя безнадежное будущее, Плетону, этому зародышу классического Платона, хотелось создать счастливое прошлое в самой дикой части империи и попытаться воплотить в былую жизнь призрак своего воображения.

И роковой день наступил.

В начале апреля 1453 года началась осада великого города. Мухаммед II, и «этот, — по словам Барбаро, — «собака-турок», был первым государем в истории, который имел в своем распоряжении настоящий артиллерийский парк. Усовершенствованные, гигантские для своего времени по размерам турецкие бронзовые пушки выбрасывали на далекое расстояние огромные каменные ядра, против сокрушительных ударов которых не могли устоять старые царь-градские стены. Русская «повесть о Царь-Граде» замечает, что «окаянный Махмет» прикатил к городским стенам «пушки и пищали, лестницы и грады древяные и иные кози стенобитые». Общий штурм начался во вторник между часом и двумя ночи с 28 на 29 мая. В день взятия города, а, может быть, и на следующий день после него, султан Мухаммед расположился во Влахернском дворце, резиденции византийских василевсов.

Что же тут в сущности произошло? Только окончание временной христианско-греческой гегемонии и смена ее агарянскою, которая на деле была уже в начале средних веков: ведь, греческий период занимает лишь несколько страниц в истории Средиземной империи Константинов и Констанциев.

Через пять лет (в 1458 г.) Мухаммед отвоевал у франков Афины. Вскоре ему подчинилась вся Греция с Пелопоннесом, в котором Плетон думал основать свою идеальную республику. Партенон, т. е. церковь Небесной Девы, был по распоряжению султана обращен в мечеть. Еще через три года (в 1461 г.) в руки агарян перешел далекий Трапезунт, столица самостоятельной империи, и в это же время они овладели и остатками эпирского деспотата.

Ромейская православная империя прекратила свое существование, и на ее месте обосновалась и разрослась Оттоманско-Румская исламитская империя, перенесшая столицу из Адрианополя на берега Босфора в Константинополь, называемый по-турецки Истамбул (Стамбул).

Во многих греческих письмах того времени оплакивается этот в сущности дворцовый переворот, как гибель центра культуры. В своем воззвании к папе Николаю V западный император Фридрих III называл сдачу Царь-Града «общим несчастием христианской веры», так как он был «настоящим жилищем литературы и занятий всеми изящными искусствами». А кардинал

Виссарион, тоже тоскуя по поводу перехода Царь-Града под агарянскую власть, называет его «училищем лучших искусств».

Некоторые представители XV века именовали турок тевкрами. Считая их за древних троянцев, они предостерегали Рим против планов султана напасть и на Италию, которая привлекала его

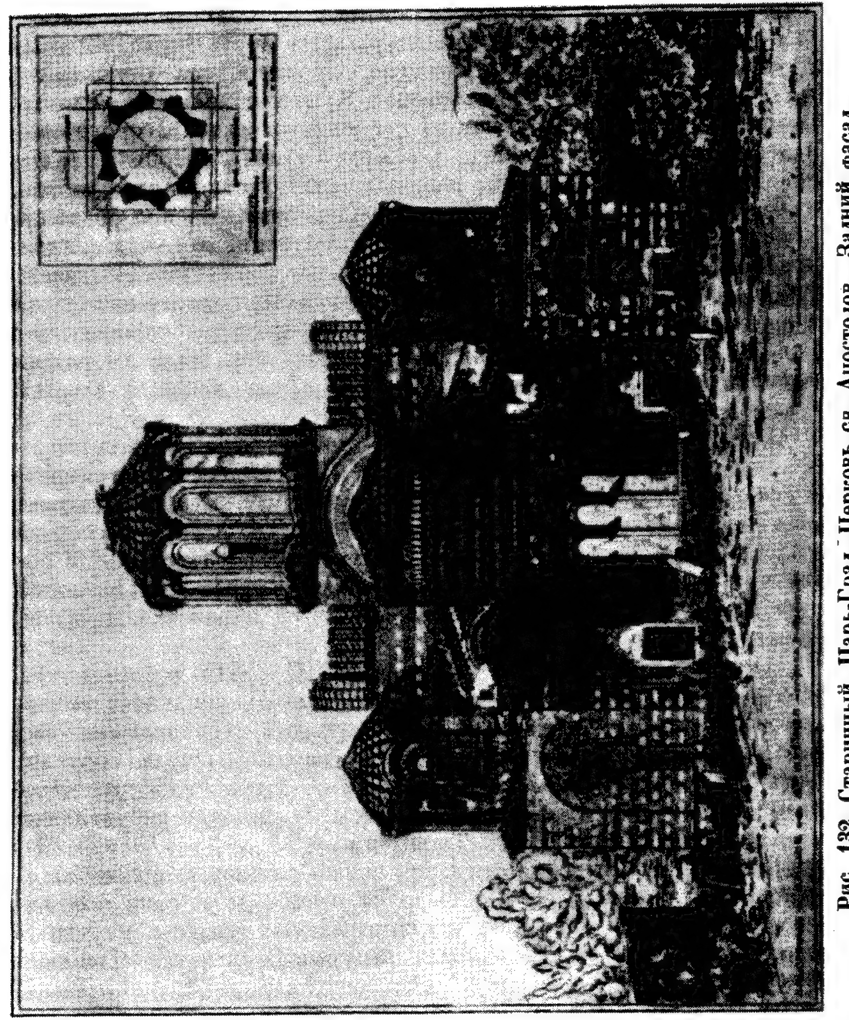

Рис. 132. Старинный Царь-Град. Церковь св. Апостолов. Задний фасад.

«своим богатством и гробницами его троянских предков». А на самом деле слово турок значит скотовод, от греческого Турос иначе Таурос (ταῦρος — бык), откуда произошел целый ряд малоазиатских названий, да и сами турки были малоазийские ромеи агарянского вероучения.

Посмотрим теперь и на другие секты того времени.

В византийской церкви уже с XII века можно отметить две противоположные партии, никогда не могшие примириться друг с другом и боровшиеся за влияние и власть в церковном управлении. Одну из них византийские источники называют «зилотами» (ζηλοταί), т. е. ревнителями, другую же — «политиками» (πολιτικοί), т. е. умеренными, оппортунистами.

Партия зилотов или строгих, являясь поборницей независимости церкви, была против вмешательства государственной власти в ее дела, что, как известно, противоречило основному взгляду византийского императора. В этом отношении зилоты напоминали взгляды известного церковного деятеля второго периода иконоборства (IX века) Феодора Студита, который также писал против вмешательства императорской власти в дела церкви. Не отличаясь образованностью, но придерживаясь правил подвижничества, зилоты в борьбе со своими противниками часто опирались на монастерионцев и в моменты своего торжества открывали монашеству путь к власти и деятельности. Про одного патриарха из зилотов Григора замечает, что он «не умел правильно читать даже по складам». При Михаиле Палеологе они были упорными противниками его стремления к унии и имели широкое влияние на простонародные массы.

Другая партия — политики, — ничего не имела против широкого влияния государства на церковь. По их воззрениям прочная светская власть, не стесняемая посторонним вмешательством, имеет громадное значение для жизни общества, в силу чего они согласны были на значительные уступки императорам. Не сочувствуя суровому аскетизму, они опирались в своей деятельности не на монахов, а на белое духовенство и на образованный класс общества.

Продолжатели зилотов, арсениты XIII — XIV веков, нашли сильную опору среди народной массы, где повышенное, напряженное настроение поддерживалось разными странниками, темными бродягами, пользовавшимися в народе славою «божьих людей», и знаменитыми «сумконосцами» (σαχχόφοροι), проникавшими во все дома и сеявшими там смуту. Вот как рисует арсенитов историк церкви И. Е. Троицкий:

«Была в византийской империи сила — темная, непризнанная. Странная то была сила. Не было ей имени, да и сама она сознавала себя силою только в исключительные минуты народной жизни. Это была сила сложная, запутанная, с двусмысленным происхождением и характером. Она состояла из самых разнородных элементов. Грунт ее составляли оборвыши, сумконосцы, странники, юродивые, загадочные бродяги, кликуши и прочий темный люд, — люди без роду и племени, не имевшие пребывающего града. К ним под разными углами примыкали опальные сановники, низложенные епископы, запрещенные священники, выгнанные из монастырей монахи и, нередко, разные члены императорского семейства. Происхождением и составом ее определялся и основной ее характер. Эта сила, образовавшаяся под влиянием ненормальных общественных порядков, держала глухую большею частью пассивную, но действительную оппозицию этим порядкам, и особенно силе, царившей над ними — императорской власти. Эта оппозиция выражалась обыкновенно в распускании разных слухов, более или менее компрометирующих лицо, облеченное властью, и хотя редко отваживалась на прямое возбуждение политических страстей, тем не менее часто серьезно озабочивала правительство, которое тем более могло опасаться непризненных действий этой темной силы, чем труднее было следить за ее действиями и чем восприимчивее была общественная среда к этим действиям. Жалкий, забитый, невежественный и потому легковерный и суеверный народ, постоянно разоряемый и внешними врагами, и правительственными чиновниками, обремененный чрезмерными налогами, стопавший под тяжестью привилегированных классов и иностранных купцов-монополистов, был чрезвычайно восприимчив к инсинуациям, выходившим из углов, населяемых представителями этой темной силы, тем более, что она, как образовавшаяся среди того же народа и в тех же условиях, владела тайной затрагивать в решительную минуту все фибры народной жизни. Особенно восприимчива была к ее инсинуациям народная масса в самой столице ... Эта темная сила выступала со своей оппозицией правительству под разными знаменами, но ее оппозиция была особенно опасна для главы государства, если на ее знамени выставлялось магическое слово — православие». Вот каковы, читатель, были арсениты!!

К ним при Михаиле Палеологе примыкали также приверженцы ослепленного царевича Иоанна Ласкаря.

Лионская уния обеих церквей во многом изменила положение партии арсенитов. Уния затронула гораздо более широкие и существенные интересы греческой церкви. Арсениты со своими узко партийными интересами и счетами отошли на время на задний план, так как правительственное внимание было направлено во внутренней жизни страны почти исключительно на вопрос об унии. Этим объясняется на первый взгляд странное молчание историков о деятельности арсенитов во все время, начиная с Лионской унии до смерти Михаила VIII.

Его преемник и сын Андроник II Старший получил в церковной жизни в наследство от отца два трудных дела: унию и раздоры арсенитов с господствующею церковью. Прежде всего он торжественно отрекся от унии и восстановил православие.

«Всюду, — пишет Григора, — разосланы были гонцы с царскими указами, которыми объявлялось исправление церковных непорядков и возвращение всех подвергшихся ссылке за ревность свою о церкви. Но Лионская уния, не оправдав ожиданий ни той, ни другой стороны, просуществовала формально только восемь лет (1274 — 1282)».

Разрыв с унией знаменовал собою также торжество идей зилотов и арсенитов, которые были убежденными врагами «унионистов» и всего «латинского». Но арсениты не довольствовались

этим. Они приняли участие в политическом заговоре против императора. Заговор был во время открыт и подавлен, после

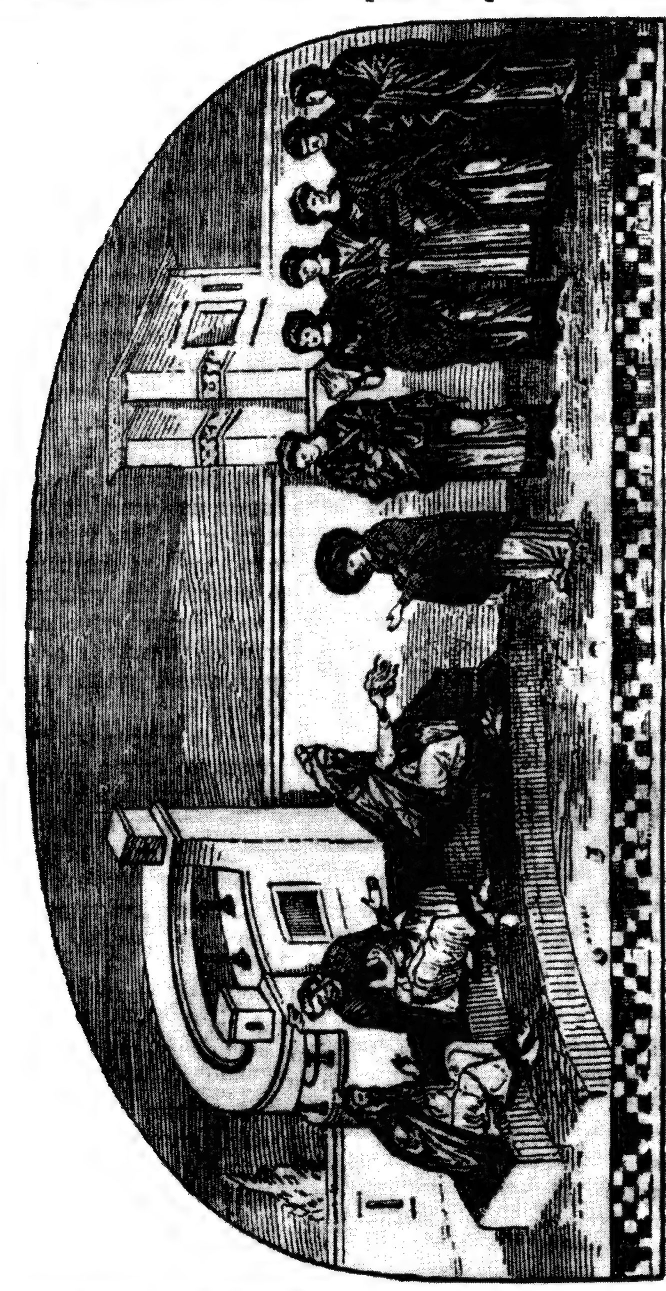

Рис. 133. Мозаика в церкви «Остановка Страны» (Ἡ Μονὴ τῆς χώρας) в Царь-Граде.

чего арсенитский раскол постепенно исчез, не пережив Андроника Старшего, который, несмотря на все неприятности, испытанные

им со стороны арсенитов, согласился в конце концов на торжественное примирение их с церковью.

В связи с отменой унии и торжеством православной политики к концу XIII века крепнет и усиливается опирающаяся на

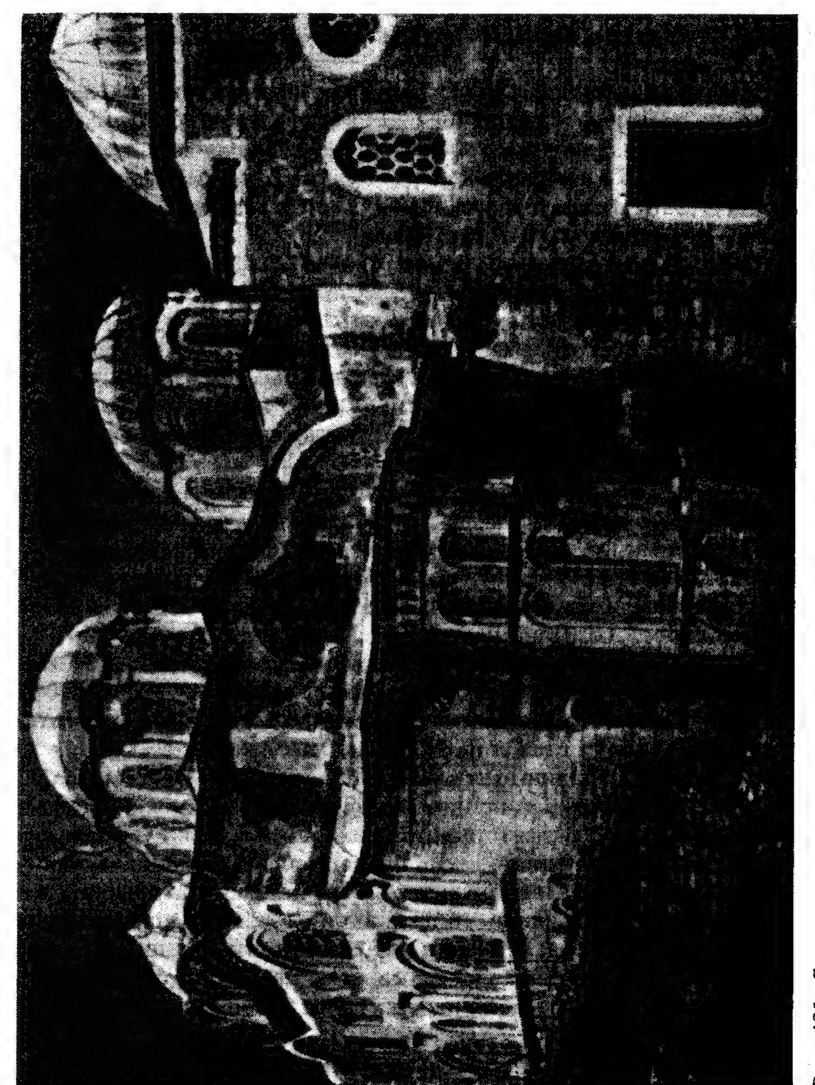

Рис. 134. Старинная церковь монастыря Всеблаженнейшей девы. Теперь — Мечеть Fetijé Djami.

монашество и на его идеалы партия зилотов-ревнителей. В XIV веке они развивают кипучую деятельность, не ограничивавшуюся лишь церковными вопросами, но и увлекавшую их в борьбу политических партий и общественных течений. Идеалы зилотов и мо-

нашества одерживают постепенно верх над белым духовенством в первой половине XIV века. С этих пор высшие места в иерархии исключительно замещаются уже монашествующими, а царьградский патриарший престол надолго делается достоянием питомцев Афонской горы. Итак, **монашество пришло к власти в ромейской церкви только в XIV веке,** а до тех пор и **епископы** и, очевидно, также и **патриархи** были людьми, как правило, женатыми.

К первой половине XIV века относится также появление в Ромее интересного религиозно-мистического исихастского движения, сопровождавшегося рядом горячих споров и ожесточенною полемикой. Исихастами (ἡσυχασταί), т. е. молчальниками, назывались люди, поставившие себе целью совершенное удаление от мира — исихию, т. е. безмолвие.

Наиболее выдающимся представителем и наилучшим теоретиком-систематизатором учения об исихии был в XIV веке фессалоникский архиепископ — культурный человек и образованный писатель — Григорий Палама. Но сам он не молчал, а наоборот говорил много. Раз он поднял чрезвычайно премудрый вопрос о природе того осиявшего Христа света, который видели его ученики на горе Фаворе во время преображения. Был ли это свет созданный или несозданный? По учению Паламы свет этот был не сотворенный, и таково же сияние, которого удостаиваются совершенные исихасты. Их свет тожествен с фаворским светом, и как божественное сияние не сотворено, так не сотворен и фаворский свет. А его противник Варлаам говорил напротив, что фаворский свет был сотворен. Так мудрецы и не сговорились.

На соборе, созванном в храме Мудрости (Софии) для решения этого важного дела посредством большинства голосов, Палама одержал победу над Варламом, который вынужден был публично принести раскаяние в своем заблуждении. Но Палама приговором собора остался недоволен, как слишком мягким.

Церковная смута продолжалась. Вопрос о свете обсуждался на ряде других соборов, и в конце концов «правое дело» Паламы как и следовало ожидать, восторжествовало, и его учение было признано истинным учением всей православной церкви. Соборное определение, излагая «богохульства Варлаама на фаворский свет, отсекает его от общения с христианами . . . за то, что он свет преображения господа, явившийся взошедшим с ним на гору блаженным ученикам и апостолам, стал называть созданным и описуемым и ничем не отличающимся от воспринимаемого чувством света».

А тем временем партия «политиков» продолжала свои хлопоты о соединении с католиками, но по прежнему с малым успехом.

Римская уния обеих церквей в 1369 году, подобно Лионской унии, реальных результатов не дала. Папа, кроме знаков внимания, подарков и обещаний собрать поход, ничего императору предоставить не мог. Западная Европа, несмотря на папские воззвания, не послала помощи грекам против агарян.

Другою, наиболее известною, униею является Флорентийская в 1439 году. К этому времени политическая атмосфера на христианском Востоке была уже гораздо более сгущенною, чем в годы Римской унии. Но, несмотря на критическое положение всей империи, в Византии, все же господствовала как в XIV, так и особенно в XV веке, православная националистическая партия, боровшаяся против унии не только из-за боязни потерять чистоту греческого православия, но также из-за того, что помощь Запада, купленная ценою унии, повлечет за собою политическое преобладание Запада над Востоком, т. е. другими словами дело сведется к тому, что предстоящее агарянское владычество заменится владычеством латинским, что казалось много хуже. В первой четверти XV века Иосиф Виренний писал:

«Не верьте, что западные народы нам помогут. Если же когда-либо они для виду и встанут на нашу защиту, то вооружатся лишь для того, чтобы уничтожить наш город, наш род и наше имя».

Но все же был созван во Флоренции собор, заседания которого были обставлены необычайною торжественностью. Император Иоанн VIII с братом, царь-градский патриарх Иосиф, эфесский митрополит и ярый противник унии Марк, никейский митрополит, одаренный и высоко образованный друг унии, Виссарион, и большое число других духовных и светских лиц прибыли через Венецию в Феррару. Московский великий князь Василий Темный отправил на собор недавно назначенного митрополитом в Москву и склонного к унии Исидора, которого сопровождала многочисленная свита из русских духовных и светских лиц.

Это была эпоха расцвета Итальянского Возрождения, когда Феррара жила кипучею жизнью культуры и просвещения под владычеством фамилии Эсте, а Флоренция — под властью блестящих Медичисов.

Споры и рассуждения на соборе, сводились к двум главным вопросам: к испусканию святого духа только богом-отцом или также богом-сыном и к главенству папы. Они затянулись довольно долго. Далеко не все прибывшие греки соглашались признать главенство папы и испускание святого духа Иисусом. Утомленный император собирался уезжать. Патриарх Иосиф, противник унии, умер во Флоренции еще до официального ее объявления. Деятельно работал на пользу унии московский митрополит Исидор. Наконец, акт унии, составленный на двух языках, был в присутствии императора торжественно обнародован 6 июля 1439 года во Флорентийском соборе Santa Maria del Fiore. Некоторые из греков во главе с Марком Эфесским не согласились подписать этот акт.

Как и две предшествующие, новая уния не была принята на Востоке, и возвратившийся в Царь-Град Иоанн быстро увидел, что задуманное им дело не удалось. Около неподписавшего унию Марка Эфесского сплотилась многочисленная православная партия,

40 Зак. 66

и многие из подписавших унию взяли свои подписи обратно. Исидор, решившись по возвращении в Москву ввести унию в России и приказав в Успенском соборе прочесть торжественно грамоту о соединении церквей, также не нашел никакого сочувствия и названный великим князем не пастырем и учителем, а волком, был заключен в монастырь, откуда спасся бегством в Рим. Восточные патриархи, александрийский, антиохийский и иерусалимский, высказались также против унии, и на Иерусалимском соборе 1443 года Флорентийский собор был назван прескверным (μίαρα).

Последний византийский император Константин XI, — говорят нам, — подобно своему брату Иоанну VIII, видел спасение гибнувшего государства только в унии. И вот, теперь наглядный пример того, как все шатко в исторической науке даже в XV веке:

Нам говорят, что в храме Софии был созван для этого собор «с многочисленными представителями православного духовенства, в присутствии приехавших в Царь-Град патриархов: антиохийского, александрийского и иерусалимского, и что собор этот, осудив унию и ее сторонников, восстановил православие. Но издавший впервые отрывки деяний этого собора еще XVII веке известный итальянский ученый Лев Аллаций признал эти «свидетельства истинности» подложными. А потом (и теперь) мнения разделились: одни, следуя Аллацию, признали все деяния собора подложными и самый собор **никогда несуществовавшим**, другие, особенно греческие богословы и ученые, для которых подобный собор имел громадное значение, стояли за подлинность его напечатанных деяний и считали созвание Софийского собора историческим фактом. Вопрос этот и в последнее время подвергался обсуждению и решался в смысле признания Софийского собора подложным с отрицанием самого факта его созыва, но отдельные голоса и теперь еще раздаются за его действительное бытие.

Но если даже такой недавний собор, как XV века, оспаривается, то можем ли мы доверчиво относиться к средневековым семи вселенским соборам и особенно к деяниям Никейского первого в 325 году? . . . Как будто, это становится даже наивным.

И вот, Царь-Град, как мы уже говорили, был взят агарянами...

Население стало отчасти переходить к господствующей вере. Но и при агарянах религиозные учреждения греков сохранились в неприкосновенности. Личность патриарха, епископов и священников признавалась даже неприкосновенною. Все духовные лица считались свободными от податей, хотя весь греческий народ был обязан платить ежегодную дань (харадж). Только столичные храмы были «по-братски» разделены. Половина церквей была обращена в агарянские, а другая половина — осталась в пользовании христиан. Церковные каноны сохраняли свою силу во всех делах по внутреннему управлению христиан, которое было самостоятельно. Патриарх и синод вели дела церковного

управления, и все религиозные действия могли отправляться свободно. Во всех городах и деревнях попрежнему происходило торжественное празднование пасхи и других празднеств, и этот

Рис. 135. Агарянский шлем Византийского периода. (По Гнедичу, История Искусств, стр. 203.)

религиозный уклад в Турецкой империи сохранился и до наших дней. Все случаи столкновений между христианами и магометанами, как преемниками агарян, происходили лишь по националь-

ным или политическим поводам. После взятия города турками был избран духовенством в патриархи и признан султаном образованный полемист и разнообразный писатель Геннадий Схоларий, сопровождавший Иоанна VIII на собор в Феррару и Флоренцию и бывший тогда сторонником унии, а ко времени своего патриаршества превратившийся в ее противника.

Я говорил уже, что накануне перехода под агарянскую власть внутреннее состояние империи при Палеологах в смысле ее общего управления, финансового и социально-экономического положения принадлежит к числу наиболее трудных, вследствие «обилия документов», а следовательно и противоречий друг другу, и что куда лучше иметь единый документ, как это бывает для истории глубокой древности! А здесь — чистая беда! Богатейший материал заключается уже в одном шеститомном собрании Миклошича и Миллера «Греческие акты и дипломы средневековья» (Acta et diplomata graeca medii aevi). И в довершение беды над ними много работали, в смысле издания текстов, новогреческие ученые Сафа (Sathas) и Ламброс, известный автор «Истории Греции», которому, между прочим, принадлежит и «Каталог греческих рукописей Афона».

Как образчик существующей тут противоречивости, я приведу только два случая. Вот, арабский географ Абул-Феда замечает в начале XIV века о Царь-Граде: «Внутри города находятся засеянные поля, сады на месте многих разрушенных домов». Да и в начале XV века испанский путешественник Клавихо пишет: «В городе Константинополе есть много больших зданий, домов, церквей, и монастырей, из которых большая часть в развалинах».

А вот — трактат, приписываемый автору XIV века Кодину, о придворных должностях, где для того же времени подробно описываются пышные одеяния придворных сановников, их разнообразные головные уборы и обувь, чиновные отличия; даются подробные описания придворного церемониала, коронаций, возведений в ту или иную должность и т. д., а о разрушенных зданиях ни слова, да их и не могло быть при такой роскоши. А как же разъясняют это несоответствие?

«Ответ дает, может быть, — говорит Крумбахер — средневековая греческая пословица: мир погибал, а жена моя все наряжалась».

Но шутка — все же не ответ.

В последнее время, — говорит А. А. Васильев, — особое внимание было обращено на чрезвычайные классовые противоречия в византийском социальном укладе времени Палеологов, на классовую борьбу между аристократией и нарождавшейся демократией XIV века. Революционная волна, поднявшаяся в 1341 году в Адрианополе в связи с провозглашением Иоанна Кантакузина императором и выразившаяся в успешном сначала восстании неимущих классов против имущих, перебросилась на другие города империи. Особенно в этом отношении интересна рево-

люция зилотов[1] в Фессалонике в сороковых годах того же XIV века.

Наши первоисточники отмечают, что в Византии в то время были три класса: 1) имущие и знатные, 2) буржуи-середняки,

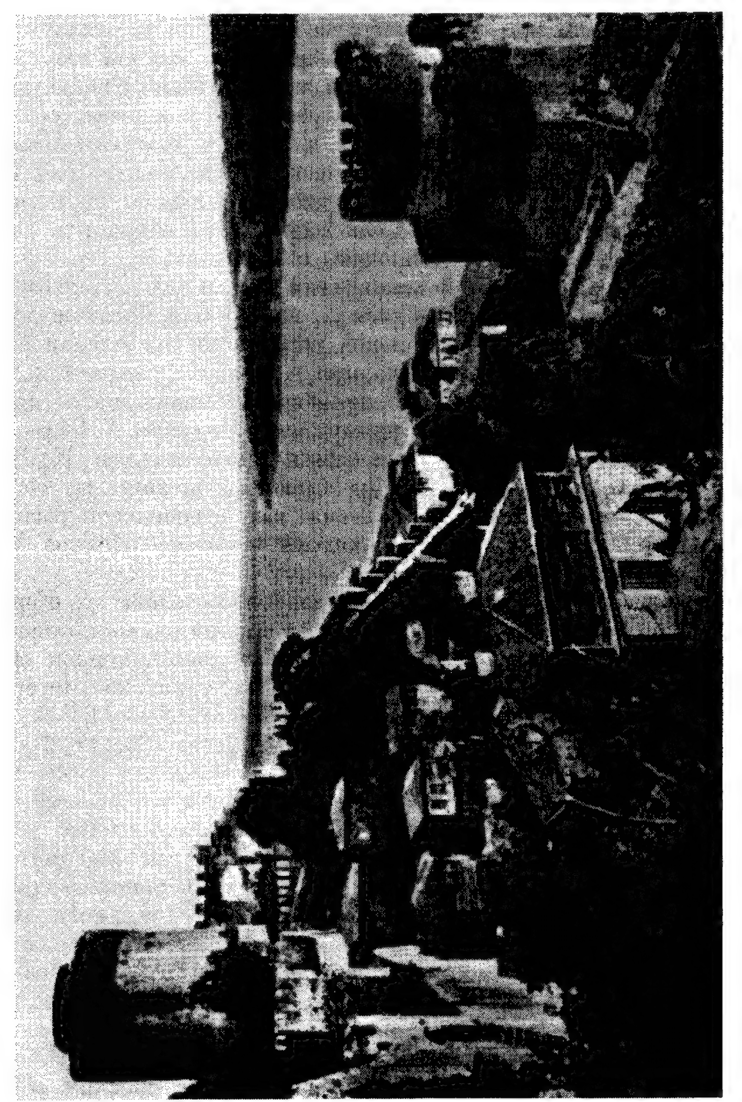

Рис. 136. Крепость Roumili Hissar, построенная Магометом II Великим (1451—1482) на европейском берегу Босфора.

к которым принадлежали коммерсанты, промышленники, крупные ремесленники, мелкие собственники и представители свободных

[1] Я обращаю внимание, что слово зилот встречается и в евангелиях, где Симон Зилот является учеником Иисуса («Деяния Апостолов», I, 13).

профессий, и, наконец, 3) народ, а именно мелкие земледельцы, мелкие ремесленники, моряки, рабочие. В то время как значение и влияние имущего класса все более и более преобладало, положение низшего класса, особенно земледельцев, земли которых были постоянно разоряемы войнами, все ухудшалось. Торговля Царь-Града и связанные с ней выгоды находились в руках высшего класса. Рознь росла, и только недоставало случая для того, чтобы произошло столкновение. И как только Иоанн Кантакузин, провозглашенный императором, нашел поддержку в знати, сейчас же демократические низы выступили в защиту фамилии Палеологов. «Это не была уже борьба честолюбий между лицами, которые оспаривали друг у друга верховную власть, но борьба между двумя классами, из которых один желал сохранить свои привилегии, другой пытался сбросить свое ярмо».[1]

Во главе фессалоникской демократии встали зилоты, которые в 1342 году выгнали знать из города, разграбили богатые дома и учредили как бы республиканское управление из членов партии зилотов. Внутренние осложнения в городе повели к тому, что в 1346 году в нем произошло кровавое избиение знати. Даже и после того, как Кантакузин примирился с Иоанном V Палеологом, управление зилотов в Фессалонике продолжалось. Зилоты не обращали никакого внимания на приказы, шедшие из Царь-Града, и Фессалоника была управляема как независимая республика. Только в 1349 году соединенными усилиями Иоанна V и Кантакузина удалось ее подчинить.

Заканчивая рассказ об этом, Диль делает даже и общий вывод: «Борьба классов, борьба богатых против бедных, аристократии против плебеев, и суровость самой такой борьбы ярко выявляется в любопытной, трагической и кровавой истории фессалоникской коммуны XIV века».

* * *

Мне остается здесь прибавить лишь несколько слов.

После взятия Царь-Града в 1453 году султан Магомет II предоставил своим подданным полную свободу вероисповеданий, **чего не было ни в одном из христианских государств того времени.** Греки и славяне сохранили при нем своего патриарха, все христиане продолжали строить и возобновлять свои храмы, и, судя по архитектуре, они были того же купольного типа, какой соблюдается и в современных русских храмах, где купол изображает видимое небо. Значит, все те кафедральные соборы (рис. 137), которые до сих пор приписывались средним векам Великой Ромеи, воздвигнуты в ней под знаменем свободы вероисповеданий уже при исламитской гегемонии. И это тем более вероятно, что тип их сводов и колоннад — тот же самый, как и в мечетях. Да и сами магометане по сущности своей религии — ничто иное, как христиане-иконоборцы, еще не додумавшиеся до бога единого в трех персонах.

[1] O. Tafral, «Thessalonique au quatorzième siècle». 1913 г., стр. 224.

Не будем забывать, что даже и в Испании мавританская культура, однородная с ромейскою, продолжалась вплоть до 1609 года, т. е. около 120 лет после взятия Царь-Града Магометом II.

Все типы мавританских мечетей и дворцов в Испании прямо взяты с царь-градских XV века, лишь с меньшим распространением купола и минаретов, превратившихся у русских в колокольни. И эти мечети тоже были двух родов: первый, попроще, представлял подобие христианских базилик, к которому относятся и афинский Партенон, и храм богу-Громовержцу (Зевсу-Иегове), представляя часто просто обширный четырехугольный двор, разделенный на несколько частей последовательными рядами аркад с минаретом в виде колокольни сбоку; второй же, более сложный по конструкции род копирован с восточных купольных храмов, первым из которых, повидимому, и был Храм Мудрости (Софии) в Константинополе. Его никак нельзя было построить в таком виде, как он есть, ранее Эпохи Возрождения, т. е. уже после крестовых походов, в период новейшего развития архитектуры, и никак не при Юстиниане, когда храм и цирк еще не обособились друг от друга, и все, что мог сделать Юстиниан была только — первая базилика.

ГЛАВА XIII

РОДНИКИ ГУМАНИЗМА И РЕАЛЬНОГО КЛАССИЦИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКИ ОСЛАБЕВАЮЩИХ ОСТАТКАХ ГРЕКО-ХРИСТИАНСКОЙ РОМЕИ

«Империя при Палеологах,— говорит А. А. Васильев,— в политическом отношении переживала критическое время, отступая шаг за шагом перед османскими турками, уменьшаясь постепенно в размерах и будучи, наконец, ограничена Царь-Градом с его ближайшими окрестностями. Казалось бы, что для какой-либо культурной работы не могло быть ни места, ни времени, ни подходящих условий, и однако же, в действительности, переходящее к исламитской религии государство и, по преимуществу, Царь-Град явились центром живой и высокой умственной и художественной культуры.

«Как в былые лучшие времена империи, царь-градские школы процветали, и молодые люди приезжали туда учиться не только из далеких греческих областей, как Спарта и Трапезунд, но даже из Италии, где в эти века творилась великая работа Гуманизма. Философы во главе с Гемистом Плетоном

толковали *(т. е. создавали)* Аристотеля и Платона. Риторы и филологи, стремившиеся по языку приблизиться к классическим писателям *(т. е., по-нашему, создавая их язык)*, собирали во-

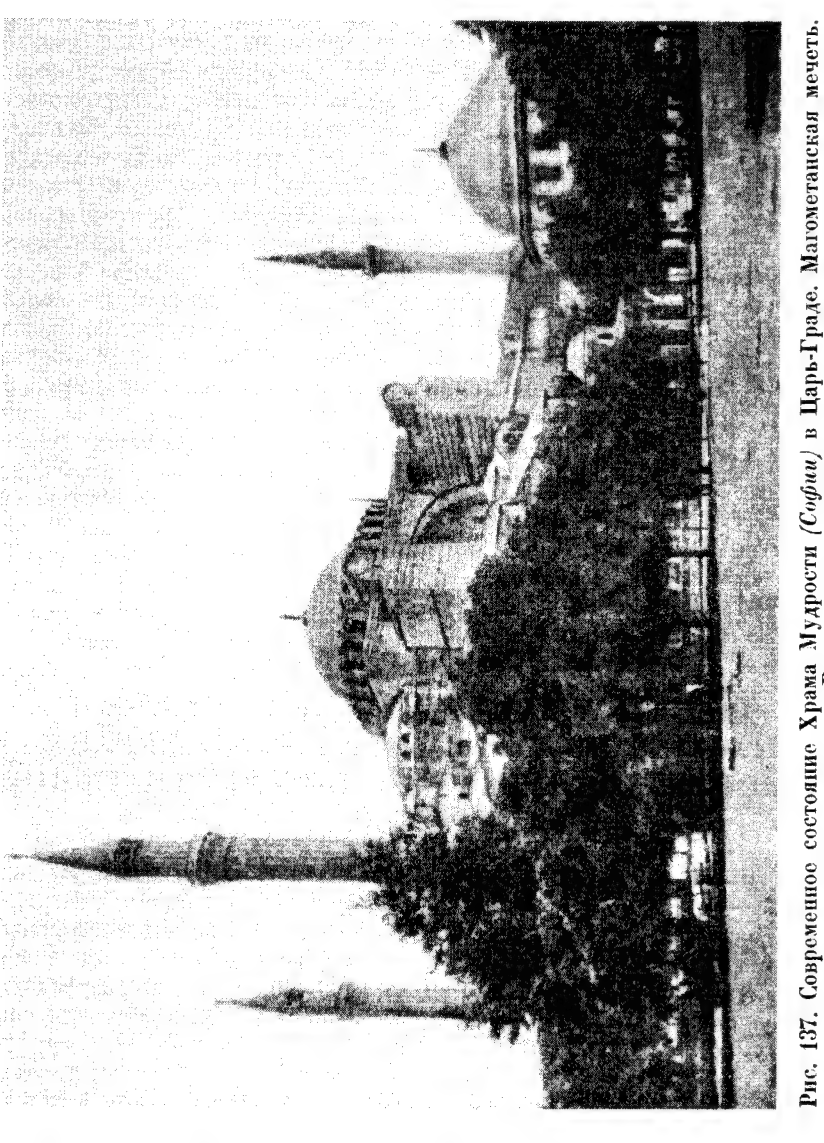

Рис. 137. Современное состояние Храма Мудрости *(Софии)* в Царь-Граде. Магометанская мечеть. Вид с северо-востока.

круг своих кафедр восторженную толпу слушателей и учеников и представляли собой по деятельности и интересам поразительную аналогию с итальянскими гуманистами. Целый ряд историков запечатлел в своих трудах последние судьбы империи. Повышенно напряженная церковная жизнь с изложенным уже выше

исихастическим (т. е. молчальническим) движением, с постоянными вопросами об унии с римскою церковью, оставила также заметный след в области духовной литературы — догматической, аскетической, мистической и полемической. Оживление заметно и в поэзии — как в искусственной, так и в народной. Литературное возрождение *(или, вернее, зарождение)* сопровождалось и художественным порывом, оставившим нам памятники высокой ценности».

Но как же это могло быть,— спросите вы,— в период экономического упадка и гибели? Ведь, только в беллетристике бывает «пир во время чумы». Науки и искусства первые гибнут во время экономической разрухи.

Автор приведенных строк дает такое мистическое объяснение:

«В минуты политической и экономической гибели эллинизм собирал все свои силы, чтобы показать всю живучесть вечной культурной классической идеи и этим самым создать надежду на будущее эллинское возрождение XIX века. Накануне всеобщего падения вся Эллада собирала свою умственную энергию, чтобы засветиться последним блеском».

Ах! Как все это эффектно, но на деле похоже на звук пустого боченка...

И вот, нашелся, наконец, в 1912 году один разумный человек, историк искусства Ф. И. Шмидт, который высказал в виде общего положения, что при экономическом и гражданском упадке государства Палеологов возрождение искусства в XIV веке было явно невозможно.[1]

Значит, все причитания греческих авторов насчет экономической разрухи в остатках Византии XIV века должны быть также решительно отнесены в область позднейших апокрифов, как и рассказы о сотворении мира богом в шесть дней, после чего он «почил от всех дел своих».

Но может быть само научно-литературное возрождение того времени — миф?

Чтобы убедиться в противном, я прямо вкратце реферирую, во избежание обвинений в тенденциозности, две последние главы книги А. А. Васильева «Падение Византии».

Вот каково было это «п а д е н и е».

«Многие представители фамилий, занимавших императорский трон, т. е. Палеологи и Кантакузины, проявили себя на поприще науки и просвещения. Михаил VIII Палеолог писал в пользу унии, был автором канонов главнейшим мученикам, оставил нам найденную среди рукописных сокровищ московской синодальной библиотеки *(и потому, вероятно, подложную)* «автобиографию» и основал в Константинополе грамматическую школу. Любителем наук и искусств и покровителем ученых и художников был Андроник II Старший. Некоторые предполагают под его покровитель-

---

[1] Th. Schmidt, «La Renaissance de la peinture bysantine au XIV siècle». «Revue archèologique». 1912. II, 127 — 128.

ством создание художественной школы, откуда вышли такие замечательные памятники искусства, как мозаики монастыря Хоры

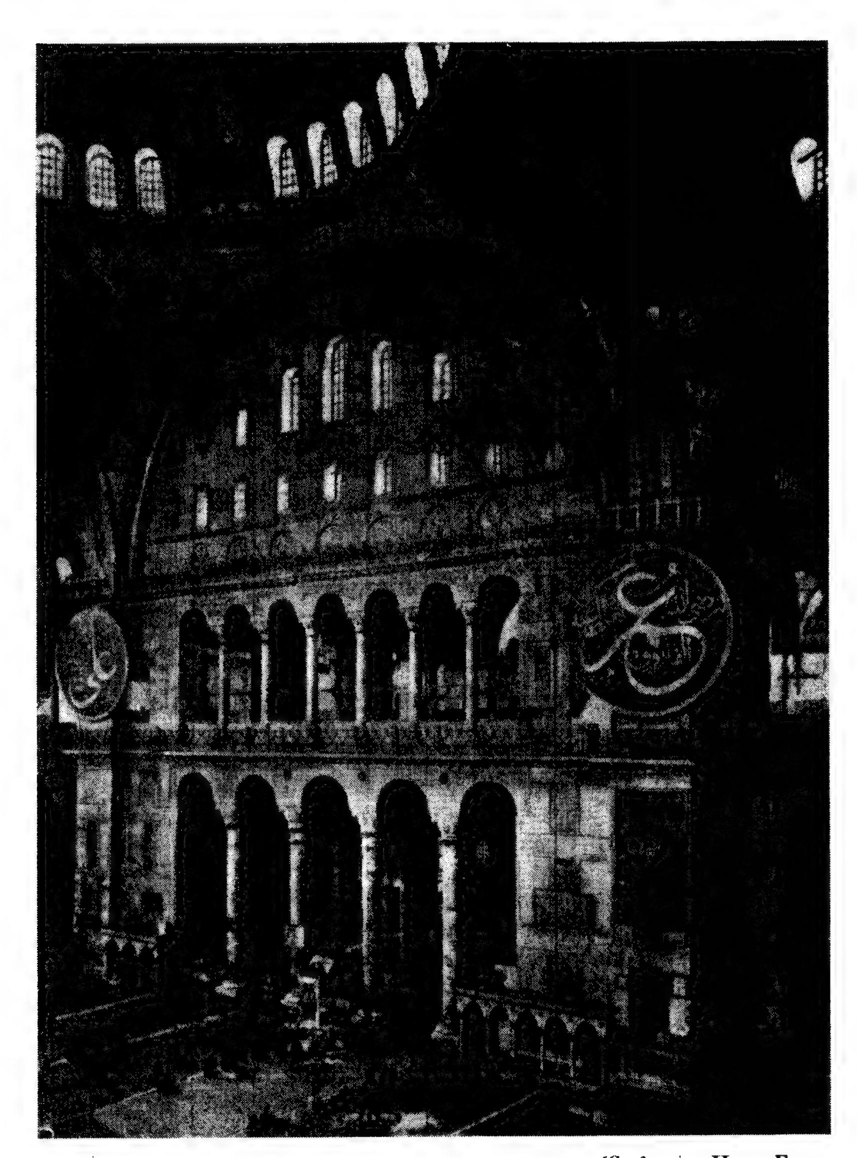

Рис. 138. Современное состояние Храма Мудрости *(Софии)* в Царь-Граде. Северная стена центральной части. Такой храм мог быть создан не ранее Эпохи Возрождения. Скорее всего — при Константине XII (1448—1453), а не при Константине I (306—337).

(теперь мечеть Кахриэ-джами) в Константинополе. Особенно выдавался своим образованием и литературным талантом Мануил.

Хитроумный богослов, мастер классического языка, искусный диалектик и прекрасный стилист, он оставил нам богатое ли-

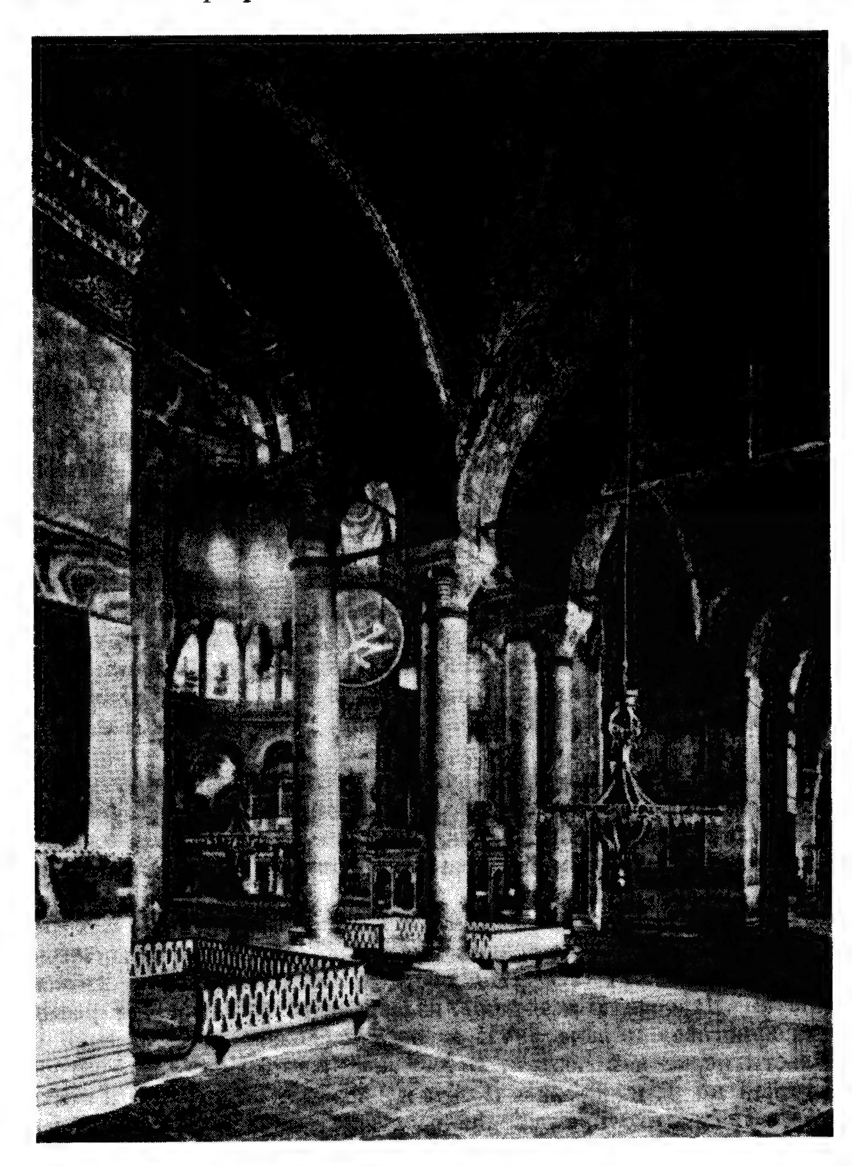

Рис. 139. Современное состояние Храма Мудрости *(Софии)* в Царь-Граде. Северо-восточная сторона бокового притвора. Такой храм мог быть создан не ранее Эпохи Возрождения, скорее — всего при Константине XII (1448—1453), а не при Константине I (306—337).

тературное наследство в виде ряда речей на различные случаи человеческой жизни и написанное им в несколько шутливом

тоне «Изображение весны на королевском тканом занавесе».

Еще в половине XIX века французский исследователь его личности Berger de Xivrey насчитывает, включая письма, 109 принадлежащих ему литературных произведений. Но самое первое место среди императоров, известных в истории византийской литературы, занимает соперник Иоанна V, Иоанн VI Кантакузин, окончивший после вынужденного отречения свои дни монастерионцем под именем Иоасафа и посвятивший это время научным занятиям и литературной деятельности. Главным его произведением являются четыре книги «Историй», охватывающие события с 1320 по 1356 год, где автор, объявивший во введении основою своего труда одну лишь правду, часто отступает от нее. Так, рассказывая события, в которых он играл лишь второстепенную роль, он ставит себя в центре всего изложения и в конце-концов стремится преувеличенно оправдать и возвеличить деятельность свою и своих друзей и сторонников и, наоборот, унизить, очернить и осмеять своих врагов.

Эпоха Палеологов дала группу интересных и выдающихся историков, из которых большинство задавалось целью описать исторические события того времени, освещая их всегда с предвзятых точек зрения.

Истинный сын эпохи Палеологов, Пахимер представляет собою первого византийского историка, для которого центр тяжести лежит в изображении тонких, запутанных догматических споров. «Кажется, — пишет Крумбахер,— как будто эти люди, с ужасом отворачиваясь от несчастных событий политической жизни империи, искали утешения и облегчения в абстрактных исследованиях догматических вопросов религии, волновавших тогда все умы».

Но это, читатель, опять уже гул удара палкой по пустому боченку: среди всеобщей гибели и обнищания люди в действительности падают духом, теряют бодрость, а не занимаются спокойным писательством посреди всеобщего стона и нытья своих друзей, родных и знакомых.

«У него,— продолжает А. А. Васильев,— **впервые** мы находим **аттические названия месяцев** вместо обычных христианских».

В начале XIV века Никифор Каллист Ксантопул написал первую «Церковную историю», излагающую события «от рождества христова» до начала VII века, и несколько произведений из области церковной поэзии. В XIV веке жил и Никифор Григора, который по разнообразию и объему знаний, остроумию и искусству в диалектике превосходил всех греко-ромеев времени Палеологов и может быть справедливо сопоставлен с лучшими представителями Западного Возрождения. Увлекаясь особенно астрономией, что побудило его даже предложить императору свою (непроведенную в жизнь) календарную реформу, Григора, после нескольких лет успешной преподавательской деятельности, написал много разнообразных сочинений, из которых значительная часть еще не издана. Перейдя на сторону унии, он вынес за это немало тяжелых испытаний в виде преследований со стороны властей и сурового заточения. Особый интерес представляет его большая «Римская история» в 37 книгах. И пусть читатель не думает, что это история «древнего могучего итальянского Рима» (тогда о нем еще мало знали, и Римом называли Византию-Ромею). Она охватывает только события от 1204 до 1359 год, т. е. время «Никейской» и «Латинской» империй (по современной терминологии, боящейся как бы при слове «Римская» читатель не пришел к тем же выводам, как и я, что древний Рим списан с Царь-Града). Свои религиозные симпатии Григора перенес и в свою «Римскую историю», которая поэтому является лишь партийным произведением, в роде мемуаров. Это, по словам Крумбахера, «субъективно написанная картина величественного брожения умов».

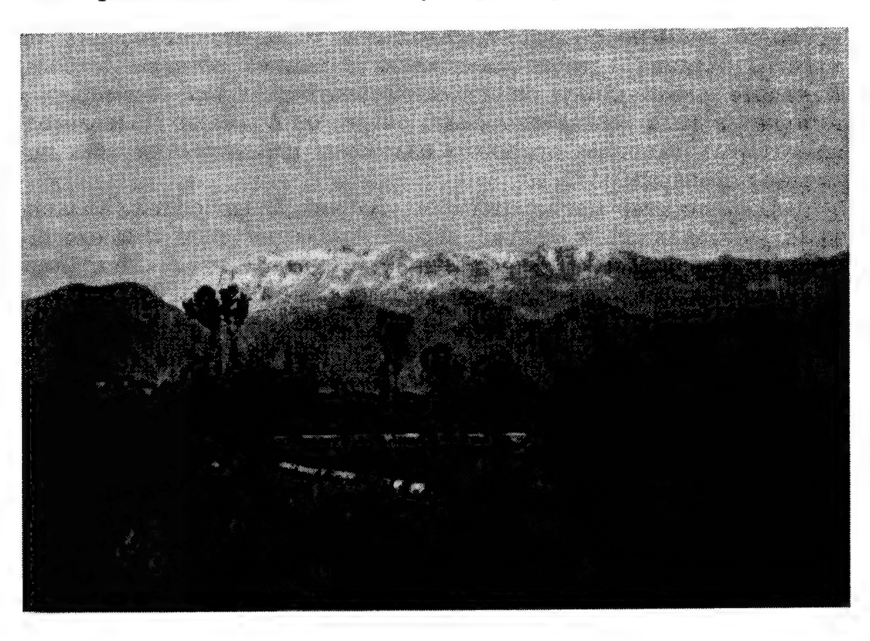

Рис. 140. Вид на горы Тайгет близ Спарты в Греции в начале мая, когда вершины еще покрыты снегом.

Вторая неудачная осада Царь-Града султаном Мурадом II в 1422 году дала повод Иоанну Канану написать специальное сочинение, где автор, излагая рассказ на языке, близком к народному говору, приписывает,— как я уже упоминал,— спасение столицы от агарян заступничеству девы Марии. А Иоанн Анагност, в противоположность Канану, написал по всем правилам литературного искусства и заботясь о чистоте греческого языка, очень правдоподобный рассказ о взятии Солуни турками в 1430 году.

Мы видим, что в это время уже вырабатывались греческие классические наречия.

Георгий Франдзи, Дука, Лаоник Халкокондил и Критовул, служа первоисточниками для истории падения Царь-Града, являются вместе с тем и первоисточниками для эпохи Палеологов вообще.

Сочинение Франдзи описывает события с 1248 по 1476 год, т. е. начиная с последних лет Никейской империи и кончая уже агарянским временем. Ненависть к «туркам» и проходящее через всю книгу пристрастие в Палеологам являются отличительными его чертами.

Грек из Малой Азии, Дука, оставил нам написанную, по словам Крумбахера, «смягченным народным греческим языком» историю времени с 1341 по 1462 год, т. е. от вступления на престол Иоанна V и до завоевания агарянами острова Лесбоса. В начале своей книги он поместил краткий обзор «всемирной» истории в виде генеалогического очерка от Адама до Палеологов, из которых наиболее подробно изложены царствования трех последних императоров.

Афинянин по происхождению, Лаоник Халкокондил (Халкондил), поставивший в центре своего труда не двор Палеологов, а молодое и сильное Османское государство, написал «Историю» в десяти книгах, излагающую события с 1298 по 1463 год, в которой дал уже не историю династии Палеологов, а историю османов.

Наконец, Критовул, подобно Лаонику, написал хвалебную биографию Мухаммеда II, излагающую события с 1451 по 1467 год. Уже отсюда мы видим, что образованные греки не считали агарянскую администрацию за что-то враждебное себе.

Дальнейшим развитием стиля этих авторов являются Геродот и Фукидид, неправильно отнесенные в глубокую древность.

Эпоха Палеологов, выставившая ряд историков, почти не дала хронистов, если не считать Ефрема, написавшего в XIV веке бесполезную с исторической точки зрения стихотворную хронику (около 10 000 стихов), которая охватывает время от Юлия Цезаря до восстановления империи Палеологами в 1261 году.

В XIV веке Димитрий Кидон, живя, большею частью, в Фессалониках и Константинополе и принимая деятельное участие в религиозных спорах своей эпохи, в конце XIV века вел переписку с императором Мануилом II. Стоя на точке зрения сближения с итальянским Римом, он написал сочинение на обычную в то время тему «Об исхождении святого духа», и некоторые другие.

И наконец, последний крупный полемист византийской церкви и первый царьградский патриарх под турецким владычеством, Геннадий Схоларий, выпустил целый ряд полемических произведений. Приписываемые ему философские работы, будто бы возникшие из-за спора с Гемистом Плетоном, на тему об аристотелизме и платонизме, роднят его с представителями гуманизма и позволяют одному греческому ученому (Сафе), забыв о древней Элладе, назвать его «последним византийцем и первым эллином».

Византийская церковная мистика, основанная, как и западно-

европейская, на сочинениях так называемого Дионисия Псевдо-ареопагита (автора, еще не разъясненного в науке), пережила к

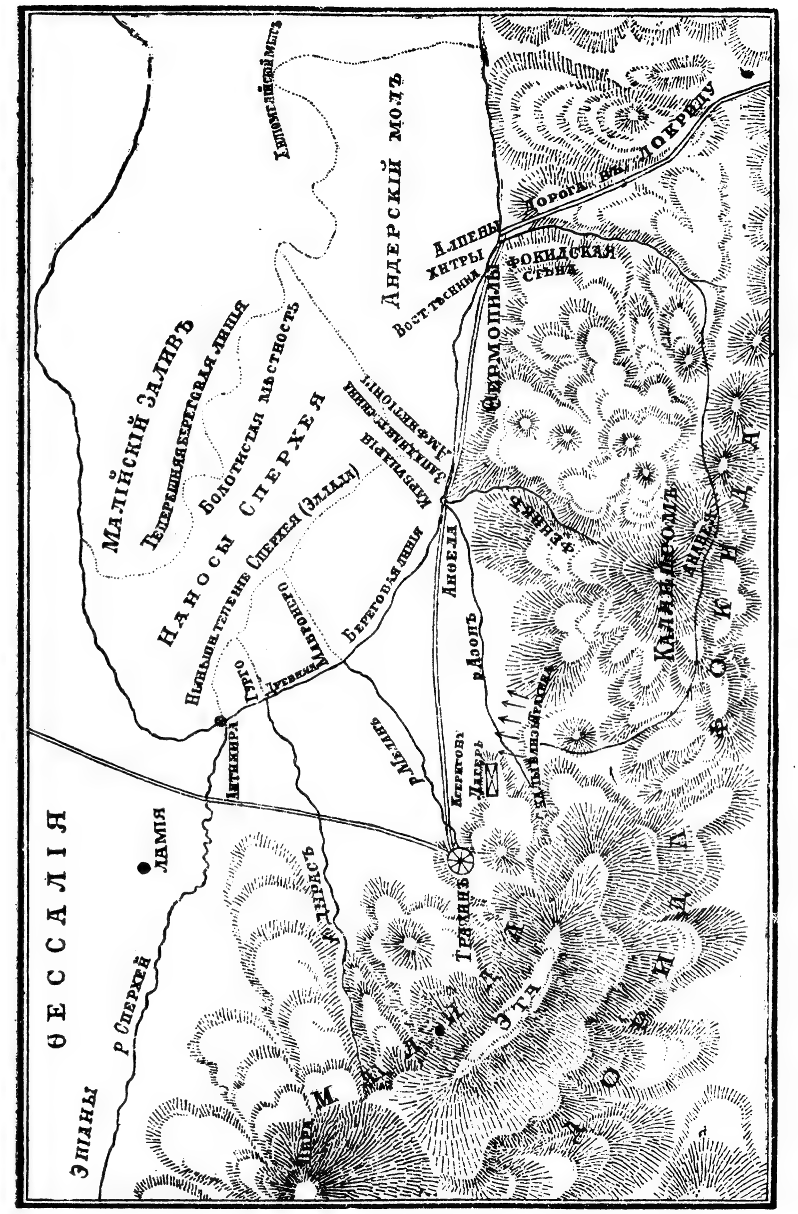

Рис. 141. Карта окрестностей Термопил, показывающая нелепость рассказа Геродота (VII, 176, 198, 216) о том, как спартанец Леонид с 300 воинов защищал этот проход против несметных полчищ Ксеркса. Ксеркс мог пройти и мимо его по холмам и окружить Леонида.

этому времени крупную эволюцию и вызвала к деятельности несколько писателей мистиков, во главе которых стоит Николай Кавасила. Ему приписывают два существующие и в русском

переводе сочинения: «Семь слов о жизни во христе» и «Изъяснение божественной литургии».

Само собой понятно, что многие из относимых и к этому позднему времени сочинений принадлежат тоже более позднейшему времени. Так, мы знаем, что сочинения Платона апокрифичны и достоверно оповещены только в 1481 году Марчеллино Фичини.[1] А между тем мы читаем, что в области философии эпохе Палеологов (т. е. еще XIV веку) принадлежит уже упомянутый нами знаменитый византиец Гемист Плетон,[2] представитель воскреснувшего в то время увлечения древним эллинизмом, почитатель и знаток Платона в форме неоплатонизма, мечтатель, задумавший создать при помощи богов античной мифологии новую религиозную систему.

Невольно является вопрос: не этот ли Плетон дал повод и к мифу о древнем Платоне? Ведь, оба имени очень созвучны (πλῆθος, πλάτος). Конечно, с точки зрения ортодоксальных историков платонизм был ранее Плетона. «Интерес к античной философии, особенно к Аристотелю, а с XI века и к Платону, не прекращался, — говорят нам, — в Византии. Михаил Пселл в XI веке, Иоанн Итал в XII, Никифор Блеммид в XIII, посвятили, — говорят нам, — часть своего времени изучению философии, и первый склонялся более в сторону Платона, второй и третий — в сторону Аристотеля. И эта борьба двух философских направлений, аристотелизма и платонизма, давала себя, — говорят нам, — сильно чувствовать в Византии XIV века во время исихастских споров». Но точно ли все такие споры не апокрифы? И не превратится ли при более тщательном исследовании платонизм в плетонизм?

Вот краткая история Плетона.

Получив первоначальное образование в Царь-Граде, он, — говорят нам, — провел большую часть своей почти столетней жизни в Мистре, этом культурном центре Морейского деспотата, откуда совершил он поездку в Италию, сопровождая императора Иоанна VIII при его путешествии на Ферраро-Флорентийский собор. Кончил Плетон свои дни тоже в Мистре, откуда тело его было перевезено одним итальянским меценатом в небольшой итальянский городок Римини, где и теперь находится в церкви Сан-Франческо. Очень возможно, что он и был автором хотя бы некоторых сочинений, приписываемых Платону, и, во всяком случае, он настолько повлиял на Козимо Медичи и итальянских гуманистов, что явился инициатором основания Платоновской (вернее Плетоновской) академии во Флоренции.

«Его пребывание во Флоренции, — говорят нам, — можно рассматривать, как один из важнейших моментов в истории пересаждения древне-греческой науки в Италию и особенно появления платоновской философии на Западе». Большой его труд в виде

[1] «Христос», III, 138.

[2] Т. е. Полная полнота, так как γεμίστος значит — наполненный, набитый, а πλῆθος — полнота, а слово Платон значит — Обширный.

утопии «Трактат о законах (Νόμων συγγραφή)», не дошедший до нас в полном виде, представлял собою, — говорят нам, — интересную для настроений XV века и, конечно, заранее обреченную на неудачу попытку восстановить язычество на развалинах христианского культа при помощи элементов нео-платоновской философии. Он задавался, — говорят нам, — целью дать людям такие условия жизни, которые позволили бы им жить хорошо и счастливо. Но для того, чтобы открыть, в чем же состоит человеческое счастье, Плетон считает необходимым уразуметь как природу самого человека, так и систему вселенной, часть которой составляет человек.

Все это очень совпадает с тем, что мы знаем о Платоне. А потому и мое предположение, что Платон в основе своей списан с Плетона, но сильно дополнен последователями, не является невероятным, а, наоборот, очень правдоподобно.

В области риторики, которая часто бывает связана с философией, выделяется Никифор Хумн, написавший целый ряд риторических произведений и несколько философско-религиозных сочинений, в которых он главным образом нападает на Платона и неоплатоников и защищает Аристотеля. Он, — по мнению А. А. Васильева, — должен быть рассматриваем как один из предвестников греко-итальянского Гуманизма.

Для языкознания время Палеологов, — самое имя которых однозначно с археологами, — также дало не мало интересных представителей, являющихся по своему характеру и образу мыслей предвестниками новой эры и имеющих, по словам самого Крумбахера, меньше связи с их византийскими предшественниками, чем с первыми деятелями классического Возрождения на Западе. Нам говорят, что в то время, как толкователи и переписчики с XI по XII век сохраняли почти в неприкосновенности рукописное предание александрийского и римского времени, византийцы эпохи Палеологов начали «переделывать» произведения древних авторов согласно с их идеями или иногда по новым измышленным стихотворным шаблонам. Но точно ли они переделывали, а не создавали классицизм, апокрифируя свои произведения в глубокую древность? Даже и сами ортодоксальные историки признают, что это «переделывание», такое досадное с классической точки зрения (потому что обнаруживает у якобы древних авторов слова и факты, которые явно принадлежат новому времени), должно быть объяснено и оценено из условий того времени, когда люди начинали, хотя бы грубо и неумело, не удовлетворяться чисто механическими приемами прежней работы, а искать новых путей для проявления личного творчества.

Из филологов монастерионец Максим Плануд (в миру Мануил), современник двух первых Палеологов, посвящавший свои досуги науке и преподаванию, посетивший в качестве посла Венецию, имел много родственных черт с возникавшим тогда культурным движением на Западе, особенно благодаря своему знанию латинского языка и латинской литературы. Он перевел большое число латинских произведений на греческий язык и этим содействовал

культурному сближению Востока и Запада в эпоху Возрождения.

В историях византийской литературы к представителям филологии относится обыкновенно и современник Андроника II, Феодор Метохит, многообразная деятельность которого заходит далеко за скромные пределы филологии. Приписываемые ему многочисленные и разнообразные философские и исторические этюды, риторические и астрономические сочинения и многочисленные стихотворения и письма к различным выдающимся современникам «позволяют видеть в нем самого выдающегося, после Никифора Григоры, византийского гуманиста XIV века». Его философские занятия позволяют Ф. И. Успенскому видеть в нем предшественника и подготовителя греко-ромейского платонизма XV века.

Ко времени Палеологов принадлежит также один крупный юридический памятник, имеющий значение до настоящего времени: это — большая компиляция фессалоникского юриста и судьи XIV века Константина Арменопуло, известная под названием «Шестикнижия» (hexabiblos), так как делится на шесть книг, или, как часто говорят: «Ручная книга законов» (manuale legum). Она содержит гражданское и уголовное право с некоторыми приложениями в роде, например, известного «Земледельческого закона». После 1453 года «Шестикнижие Арменопуло» распространилось и на Западе и сохраняло еще и в начале XX века значение судебного руководства в Греческом королевстве и в Бессарабии.

Несколько медицинских трактатов, написанных не без агарянского влияния, тоже принадлежат времени Палеологов. Одно такое руководство конца XIII века имело большое влияние даже и на западную медицину и употреблялось на медицинском факультете Парижского университета вплоть до XVII века. Изучение математики и астрономии также процветало в то время, и многие из тогдашних культурных деятелей, представлявших собою почти всегда энциклопедистов, посвящали часть своей жизни наукам, давая материал для персидских и арабских сочинений, большая часть которых основана, как теперь общепризнано, на греческих образцах.

Мануил Олобол и Мануил Фил, современники первых Палеологов, являются представителями тогдашней поэзии, очень искусственной, искавшей часто свои темы в сфере придворных интересов и поэтому иногда до непозволительности льстивой, напоминая первых поэтов русской литературы, а также давая часто уж слишком длинные поэмы.

Греческая стихотворная версия Морейской хроники, более чем в 9000 стихов, дает (при рассказе о завоевании латинянами Пелопоннеса) любопытный пример тогдашнего греческого народного языка, вобравшего уже в себя целый ряд слов и выражений из романских языков, вроде как было и у нашего Тредьяковского:

Элефанты и леонты
И морски собаки
И орлы, оставив монты,
Учиняют драки.

К этой же эпохе относится стихотворный роман (около 4000 стихов) «Ливистр и Родамна», сильно напоминающий по сюжету и по идеям известный уже нам роман «Бельтандр и Хрисанца». Этому Ливистру было открыто во сне, что ему в супруги предназначена Родамна, и он ее нашел в лице индийской принцессы. Он добивается ее любви и, победив в единоборстве соперника, получает Родамну в жены. Но благодаря волшебным чарам его соперник похищает у него Родамну, так что лишь после целого ряда приключений Ливистр благополучно ее находит.

В романе этом повсюду чувствуется смешение франкской культуры с грековосточным укладом жизни, даже более чем в Бельтандре и Хризанце. В то время, как в «Бельтандре» они еще не совсем слились, в «Ливистре» франкская культура уже глубоко проникла в византийскую почву, и сама начала подчиняться греческому влиянию. При этом нельзя не отметить, что роман «Ливистр и Родамна» дошел до нас только «в позднейшем обработанном виде», и это опять наводит на сомнения в его подлинности.

Но все же, несмотря на возможность многих позднейших апокрифов, эпоха Палеологов в разнообразных отраслях литературы характеризуется кипучею и плодотворною деятельностью лучших культурных представителей того времени, которые не раз дают случай историкам приводить их в параллель с современными им деятелями итальянского Возрождения.

Такой же сильный (и с обычной точки зрения неожиданный) подъем нужно отметить и в сфере искусства этой «Династии археологов».

Возрождение византийского искусства при Палеологах, в виде таких памятников, как росписи Кахриэ-джами, Мистры, Афона и других, настолько было неожиданным и непонятным с обычной точки зрения, что ученые для разъяснения вопроса о первоисточниках новых форм искусства той эпохи прибегли к ряду фантастических гипотез.

Первая «западная» гипотеза, принимая во внимание латинские влияния на различные стороны греко-ромейской жизни со времени четвертого крестового похода и сближая византийские памятники с итальянскими фресками треченто и с тем, что Джотто в Италии жил именно в тот момент, когда появлялись первые произведения «возрожденного» восточного искусства при Палеологах, — приходит к заключению о возможности влияния итальянских мастеров треченто на византийское искусство, чем и объясняет его новые формы в XIV веке.

Но теперь византисты доказывают уже обратное явление, т. е. влияние византийских образцов на итальянское искусство XIII века.

Вторая «сирийская» гипотеза, выставленная в начале XX века австрийским историком искусства Стжыговским, сводится к тому, что лучшие произведения византийского искусства времени Па-

леологов являются лишь простыми копиями оригиналов древнего сирийского искусства, которое в IV — VII веках, — говорит он,— «дало немало новых форм, воспринятых византийцами, и если согласиться с этой теорией, то ни о каком возрождении искусства в Греко-Ромее XIV века не может быть и речи, и все исключительно сведется к хорошим копиям с хороших древних, но точно неизвестных образцов». Эта теория, которую Н. П. Кондаков называет «археологическою игрою», нашла мало сторонников среди ученого мира.

Французский византист Диль отвергает обе только-что изложенные теории и видит корни «возрождения искусства при Палеологах в том общем культурном подъеме, который столь характерен для их эпохи» и (прибавим от себя) ни в каком случае не соответствует той экономической разрухе, о которой пишут авторы политической истории Византии этого времени. Он находит причину «возрождения византийского искусства в момент ее экономического упадка и накануне национального падения греков» в пробуждении, — чего бы по вашему мнению? — ни более ни менее как «очень живого чувства эллинского патриотизма, а также в постепенном развитии тех новых путей в искусстве, которые появились в Византии с XI века, т. е. со времени династии Комненов». «Поэтому, — говорит Диль, — для того, кто внимательно смотрит на вещи, большое движение в византийском искусстве XIV века не будет явлением внезапным и неожиданным: оно родилось из естественной его эволюции в замечательно деятельной и живучей среде. И если иностранное влияние могло частично помочь его блестящему расцвету, то все же оно развилось из себя самого, из глубоких корней, которыми оно погружалось в прошедшее, из своих сильных и оригинальных свойств».

Опять здесь—только громкие, но пустые фразы, а потому позднее проф. Д. В. Айналов справедливо отмечает, что решение вопроса, сделанное Дилем, не может считаться методологически верным и приемлемым, так как оно основано не на анализе художественных памятников, а только косвенно выводится из чего-то предполагаемого.

В результате этого Д. В. Айналов приходит к выводу, что вопрос о происхождении новых форм в византийской живописи XIII — XIV столетий может получить решение только путем историко-сравнительного исследования их. Наблюдая свойства горного и архитектурного ландшафта в мозаиках Кахриэ-джами в Царь-Граде и собора св. Марка в Венеции, он отмечает замечательное родство их форм с формами ландшафтной живописи начального итальянского возрождения и приходит к выводу, что византийская живопись XIV века не может быть признана самостоятельным явлением византийского искусства, а лишь отражением нового развития итальянской живописи, которая в свою очередь выросла на почве более раннего византийского искусства.

Одним из передаточных центров влияния раннего Западного

искусства на поздне-византийское является — по его мнению — Венеция.

Таковы главные теории о причинах зарождения византийского искусства при Палеологах. От этой эпохи дошло до нас много разнообразных памятников. Из монументальных сооружений можно отметить семь церквей в пелопоннесской Мистре, некоторые монастырские церкви Афона, много церквей в Македонии, которая принадлежала в XIV веке Сербии, и в собственной Сербии. Из мозаичной и фресковой живописи остались уже не раз упомянутые нами знаменитые мозаики Кахриэ-джами в Константинополе и фрески Мистры, Македонии, Сербии. Да и на Афоне также встречаются мозаики и фрески конца XIII, XIV и XV веков, хотя цветущая эпоха афонского искусства относится уже к XVI веку и часто приводится в связь с деятельностью загадочного византийского художника, «Рафаэля византийской живописи», Мануила Панселина из Фессалоники, время жизни которого в точности, впрочем, неизвестно. От той же эпохи Палеологов дошло до нас много икон и рукописей с миниатюрами. Такова знаменитая Мадридская рукопись XIV века от имени византийского хрониста Скилицы, которая содержит до 600 любопытных миниатюр, среди которых интересны около двадцати, иллюстрирующих прием русской великой княгини Ольги в Византии, войну греков с русскими, поход Святослава с его изображением, переговоры с князем Владимиром и т. д.

Подводя итог этому очерку культурно-просветительного движения при Палеологах, мы прежде всего должны будем признать такую его силу, напряженность и разнообразие, каких мы не встречали в более ранние времена, когда общее положение империи было, по словам историков, гораздо более благоприятно культурным проявлениям. Отсюда ясно, что наши представления об экономическом упадке Византии XIV века, благодаря ослаблению ее военной мощи, совершенно неправильны. Объяснение здесь может быть только одно: несмотря на ослабление этой мощи, греческий остаток Великой Ромеи экономически процветал, как часто бывало и в других государствах, например в разъединенной Германии первой половины XIX века. При этом мы должны прежде всего отвергнуть то, что генуэзское торговое мореплавание совершенно вытеснило греческое. Это географически нелепо. Взгляните только на карту: какой пункт более удобен на ней для центра морской торговли при наличности бескомпасного, а потому исключительно прибрежного мореплавания между Азиатско-Африканским Востоком и Европейским Западом? Отдаленные Генуя с Венецией или Царь-Град с греческим Архипелагом и проливами? Вы сразу видите, что — Константинополь и, кроме него, Афины и Смирна. И раз Царь-Град, Смирна и Афины были центрами, хотя бы и остаточных государств, то они **фактически не могли** не иметь своего торгового флота, тем более, что греческий архипелаг самой своей природой приспособлен к тому, чтобы быть родиной смелых моряков. Этот гео-

*

графический довод единственно надежен, а потому перевешивает целые томы «свидетельств» псевдо-современников династии Палеологов. Царь-Град, Смирна, Афины и архипелаг должны до конца своего существования иметь свой торговый флот и своих греческих моряков. А венецианские и генуэзские суда дальнего плавания по пути в Черное море неизбежно должны были останавливаться в Царь-Граде и, как всегда бывает в портовых городах, оставлять в нем часть своих прибылей.

В прежнем изложении я не раз уже показывал, что Одиссея есть поэма из времени венецианского и генуэзского мореплавания, а теперь я должен прибавить, что этот же период был тоже и временем национального греческого мореплавания. Самые факты не раз происходивших избиений греками венецианских колонистов указывают на их соперничество с местными морскими конкурентами. Точно также и поэма Илиада, т. е. поход на город Илион или город Ильи-пророка, есть поэма о взятии крестоносцами Элии Капитолины, как назывался у греков современный Эль-Кудс, т. е. город Ильи Святого, он же Иерусалим современных нам христиан. Таким образом, и появление в этом Иерусалиме Эль-Кудсе, а также и в развалинах разных крепостей на берегах Черного моря, остатков греческих ваз и других произведений должно быть отнесено ко времени крестоносных государств. Они достаточно свидетельствуют, что не один венецианцы или генуэзцы господствовали в данных пунктах, но также и греческие моряки и купцы.

Нам интересно здесь отметить, что и второе прозвище города Илиона — Троя — в переводе с библейского языка, знаменательно. Троя, латинское—Troia, греческое—Τροία, по-еврейски—ТРА-ИЯ (תרע־יה), значит — «Врата Господни», т. е. то же самое, как и Вавилон (Баб-Илу — Врата Господа).

Итальянское Возрождение (Rinascimento), по крайней мере в одной части этого сложного культурного процесса, характеризуется повышенным интересом к греческой литературе и греческому языку. Конечно, не в реставрации древности заключалась сущность Ренессанса, как полагал в свое время Фойгт, что сводило бы все черты гуманистического направления к подражанию древности, к «процессу рецепции», к отсутствию новых идей. Значение культуры Ренессанса не в том, что она хотела быть обновлением или реставрацией античной культуры, как позднее писал Кертинг; Ренессанс является понятием гораздо более широким, глубоким и жизненным.

Чтобы понимать его, надо прежде всего познакомиться с тем влиянием, которое оказали на него средневековая ромейская традиция и византийские греки, в частности. Не интерес к мифической классической древности и ознакомление с нею вызвали Возрождение, а, наоборот, те жизненные условия итальянской жизни, которые развили это культурное движение. Не лишнее вспомнить, что у нас еще несколько десятков лет тому назад существовало мнение, перешедшее даже на страницы учебников

средней школы и излагавшееся в виде доказанного положения, будто итальянское Возрождение было вызвано греками, бежавшими туда из Византии перед турецкою опасностью, после падения Царь-Града в 1453 году.

Но это не совсем верно.

Корифеи так называемого раннего итальянского Гуманизма, Петрарка и Боккаччьо, жили еще в XIV веке. А что же представляли собою известные греческие писатели, скульпторы и живописцы, имена которых связаны с эпохою раннего Возрождения, т. е. XIV и самого начала XV века?

Бернардо, принявший в Калабрии пострижение под именем Варлаама и пробывший некоторое время в Солуни, на Афоне и в Царь-Граде, представляет собою фигуру, о которой нередко говорят первые гуманисты. В Авиньоне с «Варлаамом» сблизился Петрарка и стал у него учиться греческому языку, чтобы в подлинниках читать греческих авторов. В одном из своих писем он говорит о Варлааме:

«Это был человек, столько же обладавший прекрасным даром греческого словесного искусства, сколько лишенный этого дара в латинском языке. Будучи богат идеями и отличаясь острым умом, он затруднялся в выражениях, способных передать его мысли».

А Боккаччьо в своем сочинении «Генеалогия богов» называет Варлаама человеком «с маленьким телом, но с огромными знаниями, какого у греков не было уже много столетий», и безусловно доверяет ему во всем, что касается Греции. Однако, вряд ли можно согласиться с тою переоценкою влияния Варлаама на Возрождение, которую мы встречаем иногда на страницах иностранной и русской литературы. Это скорее был лишь учитель греческого языка, могущий служить справочным лексиконом, «заключавшим в себе, по словам Карелина, очень неточные сведения». Средневековый схоластик, он мог поделиться со своими западными друзьями лишь знанием греческого языка и отрывками эрудиции. Его возвеличили вследствие надежд и чаяний, в которых выразилась самостоятельная эволюция Гуманизма, но которых он не был в состоянии «оправдать».

Вторым греком, сыгравшим некоторую роль в эпоху раннего Возрождения, был умерший в шестидесятых годах XIV века ученик Варлаама, Леонтий Пилат, бывший подобно своему учителю родом из Калабрии. Переезжая из Италии в Грецию и обратно, выдавая в Италии себя за грека из Солуни, а в Греции за итальянца и не уживаясь нигде, он пробыл три года во Флоренции с Боккаччьо, который, как я уже упоминал, учился у него греческому языку и добывал от него сведения для своей «Генеалогии богов».

Мы видим, что оба эти деятеля эллинизма были не из Греции, а из итальянской Калабрии, и потому нам важно проследить вкратце эволюцию эллинизма и в южной Италии, и в Сицилии, греческое население которых в несколько приемов увеличивалось

значительными притоками. В VIII веке большое число греческих монастериондев прибыло в Италию, спасаясь от преследования императоров-кумироборцев, а в IX — X веках греческие беглецы из Сицилии, завоевываемой арабами, наводнили южную Италию. Это был, вероятно, главный источник эллинизации Италии, так как византийская культура ее начинает расцветать лишь с X века, «как если бы она была лишь продолжением и наследством греческой культуры Сицилии»[1]. Расцвет этой культуры обнимает период от второй половины IX до второй половины X века, но он продолжается и позже, в эпоху «норманнов»... Греческая южная Италия в средние века дала ряд писателей, которые посвящали свой труд не только клерикальной «житийной» литературе, но и церковной поэзии, а также «блюли предания науки». Во второй половине XIII века Рожер Бекон писал папе об южной Италии, что в ней «духовенство и народ были чистыми греками во многих местах». Один старый французский хроникер утверждает для того же времени, что в Калабрии и Апулии даже крестьяне говорили только по-гречески.

Итак, для первоначального технического ознакомления с греческим языком и с греческой литературой итальянцам XIV века незачем было обращаться в Византию. У них был рядом первоисточник для этого в южной Италии, которая и дала Италии Варлаама и Леонтия Пилата.

Действительное влияние Византии на Италию начинается только с конца XIV века и продолжается только в течение XV века, когда туда приезжают настоящие византийские гуманисты, какими являются Мануил Хрисолор и особенно Гемист Плетон и Виссарион Никейский.

Родившийся около половины XIV века в Константинополе Мануил Хрисолор уже пользовался у себя на родине славою выдающегося преподавателя, ритора и философа. Молодой итальянский гуманист Гуарино отправился в Царь-Град со специальною целью послушать Хрисолора и, научившись у него греческому языку, приступил к изучению греческих авторов.

Приехав в Италию по поручению императора с политической миссией, Хрисолор, слава которого дошла уже до Италии, был восторженно там встречен, и итальянские гуманистические центры наперерыв друг перед другом приглашали его к себе. В продолжение нескольких лет он преподавал во Флорентийском университете, где его слушала целая плеяда тогдашних гуманистов. Переехав, по просьбе жившего тогда в Италии императора Мануила II, на короткое время в Милан, он после этого был профессором в Павии. Проведя некоторое время в Византии, он вернулся в Италию, сделал, по поручению императора, большое путешествие в Англию, Францию и, может быть, в Испанию, и затем сблизился с папской курией. Посланный папою в Германию для переговоров о предстоящем соборе, он, узнав,

[1] P. Batiffol, «L'abbaye de Rossano». Paris. 1891. IX.

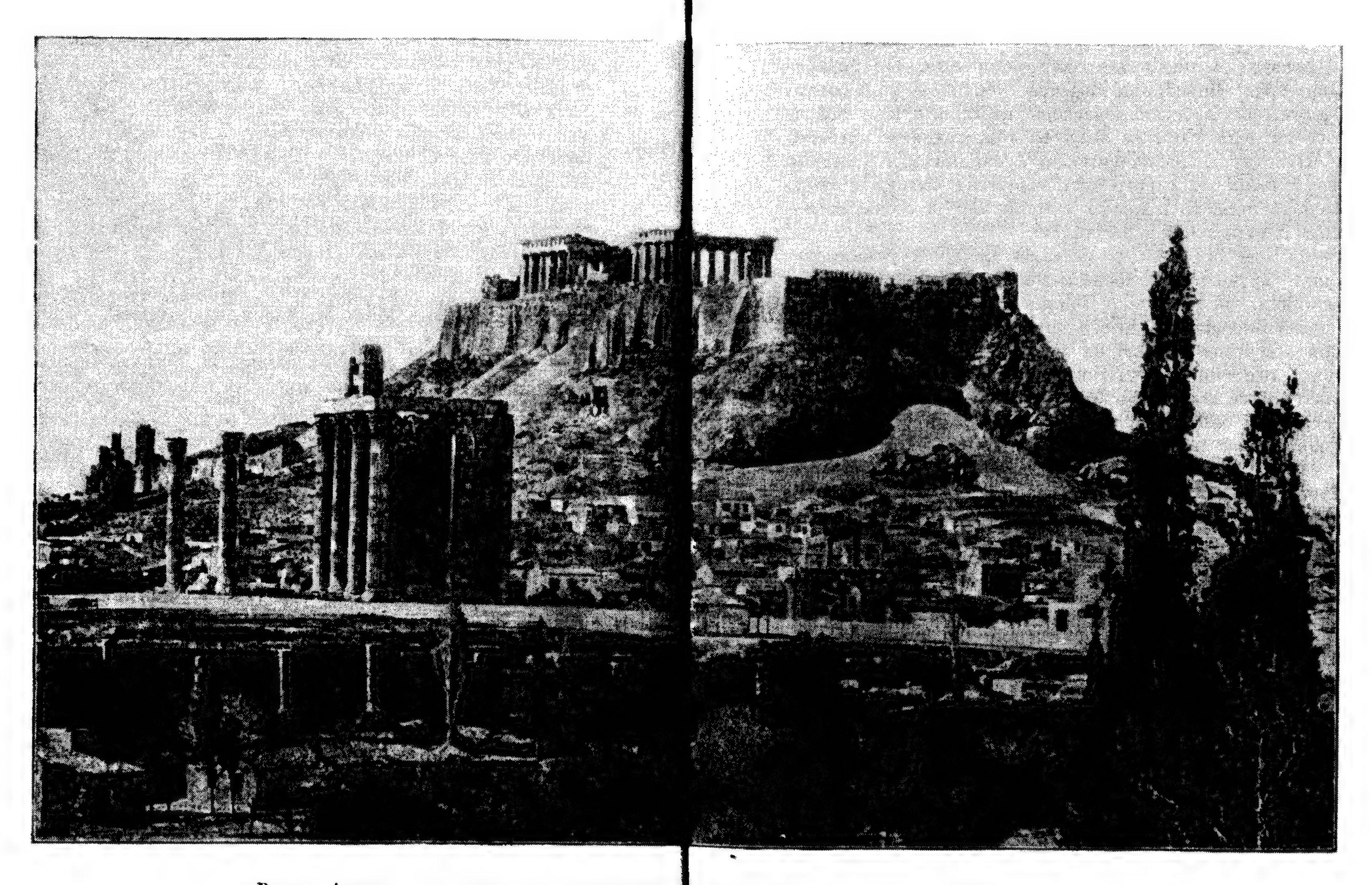
что собор состоится в Констанце, приехал туда и там умер в 1415 году. Хрисолор, очевидно, имел большое влияние благодаря своей преподавательской деятельности и уменью передавать слушателям свои обширные познания. Оставленные им сочинения в виде богословско-церковных трактатов, греческой грамматики, некоторых переводов, например «дословного перевода Платона», и ряд его писем не обнаруживают в нем большого литературного таланта. Но влияние его на гуманистов было громадно, и они рассыпали ему необычайные похвалы. Гуарино сравнивает его с солнцем, озарившим Италию, погруженную в глубокий мрак, и желал бы, чтобы благодарная Италия воздвигала ему на его пути триумфальные арки. Его называют «князем греческого красноречия и философии». К числу его учеников принадлежали самые крупные деятели нового направления. Французский историк Возрождения Monnier, вспоминая отзывы гуманистов о Варлааме и Пилате, пишет:

«Хрисолор — не тупая башка, не вшивая борода, не грубый калабриец, готовый дико хохотать над тонкими остротами Теренция. Это настоящий грек. Он из Византии, и благородного происхождения. Он — ученый, и кроме греческого языка знает и латинский. Он — важен, мягок, религиозен и благоразумен. Он как будто рожден для добродетели и для славы, и знаком с последним словом науки о высоких предметах. Словом, это — учитель, это первый греческий профессор, который, возобновляя традиции, занял кафедру в Италии».

Однако, гораздо шире и глубже влияли на Италию в XV веке другие знаменитые представители византийского Возрождения, Гемист Плетон и Виссарион Никейский. О первом из них, как возбудителе основания Платоновской академии во Флоренции и насадителе платоновской философии на Западе, я уже говорил. Да и второй из них представляет собою первостепенную величину в культурном движении того времени.

Как и Георгий Трапезундский, который создал Альмагест под именем Птоломея, Виссарион Никейский родился в самом начале XV века тоже в Трапезунде, где и получил первоначальное образование. Отправленный для дальнейшего усовершенствования в Царь-Град, он там начал изучение греческих поэтов, ораторов и философов. Встреча с итальянским гуманистом Филельфо, слушавшим тогда также лекции на берегах Босфора, познакомила Виссариона с гуманистическим движением в Италии. Уже монахом продолжал он свои занятия в Пелопоннесе, в культурной Мистре, под руководством знаменитого Плетона. В качестве никейского архиепископа он, — как я уже говорил, — сопровождал императора на Ферраро-Флорентийский собор и имел сильное влияние на ход этого совещания, постепенно склоняясь на сторону унии.

«Я не считаю справедливым, — писал Виссарион во время собора, — разделяться с латинянами вопреки всяким разумным основаниям».

Вид на Афины и их акрополь с юго-восточной стороны, из долины Илисса. *(По фотографии.)*

На высоте храм Афинской Девственницы. Внизу на левой стороне Одеон Ирода Аттика, к которому примыкает Эвменова Стоа. Спереди на левой стороне 16 коринфских колонн Олимпейона, храма Олимпийского Зевса; далее с правой стороны арка Адриана, составляющая границу между старым городом и «Адрианополем». На склоне, справа за Олимпейоном, можно различить скамьи Дионисова театра; над ними грот, в настоящее время капелла Panagia Speliotissa.

Рис. 142. Современные Афины.

Во время своего пребывания в Италии, попав в обстановку кипучей жизни Возрождения, он очень сблизился с папской курией, а по таланту и образованию не уступал итальянским гуманистам и завязал с ними широкие сношения. По возвращении в Царь-град Виссарион быстро убедился в несочувствии папе громадной массы греческого населения и в невозможности провести дело унии на Востоке так, как ему хотелось бы. Получив известие о назначении его кардиналом римской церкви, чувствуя ложность своего положения на родине и уступая желанию снова попасть в центр гуманизма, он навсегда покинул Византию и переселился в Италию.

Там, в Риме, дом Виссариона сделался центром гуманистического общения. Друзьями его были наиболее выдающиеся представители Гуманизма, как например Поджио Браччиолини и Валла. Последний называл Виссариона за его превосходное знание обоих древних языков «лучшим греком из латинян и лучшим латинянином из греков» (latinorum graecissimus, graecorum latinissimus). Усердно покупая книги или заставляя их для себя переписывать, Виссарион составил у себя дома превосходную библиотеку, в состав которой вошли как произведения отцов восточной и западной церкви, так и сочинения гуманистической литературы. В конце жизни он подарил это богатейшее для того времени книгохранилище городу Венеции, где она и явилась одним из главных оснований знаменитой теперь библиотеки святого Марка, на входной двери которой до сих пор можно видеть нарисованный портрет Виссариона.

Почти вся литературная деятельность Виссариона протекала в Италии. Кроме многочисленных сочинений богословского характера, в области полемики и экзегетики, Виссарион оставил гораздо более характерные для него, как гуманиста, псевдо-переводы классических авторов — Демосфена, Ксенофонта и метафизики Аристотеля.

Он представлял собою «лучше, чем кто-либо другой из крупных людей его времени, пример слияния греческого гения с гением латинским, из чего и вытекает Возрождение» — пишет о нем Васт. [1]

«Виссарион жил, — пишет он далее — на рубеже двух эпох. Это — грек, сделавшийся латинянином, кардинал, покровительствующий ученым, богослов-схоластик, ломающий копья в пользу платонизма, усердный почитатель византийской древности, содействовавший более, чем кто-либо, зарождению современности (l'âge moderne). Он связан со средними веками своим идеалом, который он старается осуществить в христианском единении и крестовом походе, и вместе с тем он господствует над своим веком, он его с жаром толкает на новые пути прогресса и Возрождения».

Один из современников Виссариона, Михаил Апостолис, даже

[1] H. Vast, «Le cardinal Bessarion», IX.

делает из него, в своем увлечении, как бы, полу-бога. В своей надгробной речи ему он написал:

«Виссарион был отображением божественной и истинной мудрости».

Но Византия внесла свою лепту в историю Возрождения не только насаждением знания греческого языка и литературы путем уроков и лекций, не только деятельностью своих талантов, открывавших Италии новые горизонты, какими были Плетон и Виссарион. Она дала Западу почти все греческие рукописи, приписываемые теперь мифической античной литературе, не говоря уже о текстах византийского времени и отцов греческой церкви.

Итальянские гуманисты во главе с известным апокрифистом-библиофилом Поджио Браччиолини, объехавши Италию и Западную Европу, «открыли» там к тридцатым годам XV века, т. е. к эпохе Флорентийского собора, почти все произведения мифических латинских классиков, какие мы теперь знаем. А со времени появления в Италии Мануила Хрисолора, возбудившего восторженное поклонение мифической древней Элладе, в Италии появилось сильное стремление к приобретению и греческих книг. Возвратившиеся из Византии итальянцы, ездившие туда учиться греческой мудрости, **обязательно** привозили с собой и греческие классические рукописи, написанные ими самими или их учителями.

Первым из них был слушатель Хрисолора в Константинополе Гуарино, который привез в Италию несколько «древних» книг. Но чем Поджио был для собирания подложных памятников римской литературы, тем для греческой литературы сделался Джованни Ауриспа, который, отправившись в Византию, привез из Константинополя, Пелопоннеса и островов не менее 238 рукописей, т. е., другими словами, целую библиотеку, которая заключала в себе большинство известных нам греческих классических писателей. И все эти книги нашлись там только по одному экземпляру, чем (по теории размножения общеинтересных рукописей в геометрической прогрессии) и доказывается, что они были недавнего происхождения и их еще не успели переписать по прогрессии a^x, где a есть число переписанных за первое десятилетие экземпляров, а x число десятилетий, прошедших до находки.

Так путем апокрифов XV и даже XVI века и создалась древне-«классическая литература», которую впрочем всю можно уместить в одном большом книжном шкафу (чего не надо забывать при ее количественной оценке)!

Ведь, наша новая литература в высоко-культурных странах за один или два года дает много большее число оригинальных произведений и в беллетристике, и в науке!

Однако, если в количественном отношении классическая литература так ничтожна сравнительно с современной и даже с литературой эпохи Возрождения, то может быть она превосходит их в качественном?

И этого никак нельзя сказать, когда мы снимем с себя гип-

ноз, под действием которого привыкли ее рассматривать. Представление о ее величии есть только наш «условный рефлекс», а при беспристрастном изучении она тотчас же становится и количественно, и качественно, на свое истинное хронологическое место: расцвет эпохи Гуманизма, как первая ступень современной нам литературы.

Вот, например, передо мной лежит изящно изданный том, «Эпиграммы» прославленного Марциала, относимого к первому веку нашей эры, в переводе талантливого поэта А. А. Фета, в издании 1891 года. На левых страницах дан проверенный латинский текст, а на правых перевод.

Прежде всего обращает на себя внимание, что на левой, латинской, стороне находится немало стихотворений, которые заменены точками на правой, т. е. оставлены без перевода. Почти все они посвящены женщинам и исключительно циничны, как это постоянно находим и у сатириков Эпохи Гуманизма. Для образчика привожу только одну 98-ю Эпиграмму в две строки:

Cantasti male, dum fututa es, Aegli,
Jam cantas bene: basianda non es.
(Плохо пела, Эгля, после совокуплений,
Теперь поешь хорошо: значит — не целована.)

Но тут еще, с непривычки к такому жанру, человек, не читавший Раблэ и других сатириков Эпохи Гуманизма, получает ложное впечатление чего-то оригинального. А когда переходишь к не циническим эпиграммам, допустимым и в современной литературе, то начинаешь невольно клевать носом от наводящей сонливость скуки.

Вот, хотя бы например, эпиграмма адвокату (№ 97):

Если все завопят, говорить начинаешь ты, Невой,
И патроном себя и защитником мнишь.
Но тогда, ведь, ораторы — все. А теперь
Все, вот, молчат... Так скажи ж что-нибудь!

Неправда ли читатель, как неподражаемо? А таких «эпиграмм с позволения сказать» подряд 678 штук!

Так чему же удивляться, если в то время, как в общественных библиотеках всех стран современные романы, повести и стихотворения, как оригинальные, так и переводные быстро истрепываются от постоянного спроса читателей и их действительного чтения, — классическая литература даже в переводе известнейших писателей и несмотря на ее школьную рекламу остается десятки лет не разрезанною и без единого спроса? И если есть хоть капля справедливости в старинной пословице: «глас народа — глас божий», то уже один этот факт достаточно определяет невысокое (конечно, по нашему времени) качество классической литературы, столь незначительной и по количеству, в сравнении с новейшей.

ЧАСТЬ III

ВЕЛИКИЙ ВАВИЛОН СРЕДНЕВЕКОВОГО КЛЕРИКАЛИЗМА

Рис. 143. За оградою старой церкви.

ВСТУПЛЕНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ ЛЖИВОСТИ И ПРИТВОРСТВА. СТРАНИЧКА ИЗ КУРСА ПСИХИАТРИИ

Сложную механику представляет собою человеческий мозг и часто в его деятельности нельзя отличить истины от лжи и реальных впечатлений от галлюцинаций. Гениальнейшие мысли часто выныривают из него среди кажущегося бреда. Мне уже приходилось излагать основы современной психотерапии для объяснения евангельских сказаний о некоторых чудесах «сына божия», а теперь мне нужно познакомить читателя и с современным учением об обычнейших душевных болезнях, в особенности способных принять заразительный эпидемический характер, как, например, религиозное помешательство.

Каким образом в нашем уме правильные отражения явлений реального мира могут вдруг заменяться призраками нашего собственного воображения?

Наблюдение показывает, что очень часто это бывает под действием неожиданного страха. Вот, например, недавно вышедшая прекрасная книжка П. М. Зиновьева: «Душевные болезни в картинах и образах». Беру из нее пример, заимствованный автором из немецкой книги Кречмера «Об истерии».

Дело идет о случаях внезапного помешательства от страха, происходивших при разрыве артиллерийских снарядов по близости во время ураганных огней по окопам в течение войны 1914 — 1918 годов.

«Почти рядом со стоявшим в окопе Гумлихом, — говорит Кречмер, — разорвался тяжелый снаряд, и вскоре после этого санитар, находившийся по близости, увидал, что Гумлих производит руками движения как бы игры на пианино. Одновременно он начал петь песни, восклицая в промежутках между ними:

— Теперь я иду к отцу! Разве вы не слышите, как играет музыка?

Он стал делать попытки выпрыгнуть из окопа. Только с большим трудом удалось удержать его и отправить на перевязочный пункт, находившийся в каменноугольной штольне тоже сильно обстреливавшегося горно-промышленного местечка. По дороге туда Гумлих спрашивал каждого встречного санитара:

— Где можно купить картофеля?

Он вошел в штольню с тревожным выражением лица и нетвердым взглядом, был очень бледен, ломал руки. Сначала он

озирался по сторонам, как будто чего-то искал, затем решительно подошел к врачу с вопросом:

— Ты Густав?

И затем сейчас же:

— Нет, ты не Густав. Где же он?

Живо, но монотонным, жалующимся голосом он начинает рассказывать, что послан матерью со своим младшим братом достать картофеля, а на улице Густав отбился от него. Дальнейший его разговор был записан стенографически:

— Здесь фейерверк. И кабель лежит на улице, но ничего не видно, все время падаешь. Нам надо картофеля, только, вот, нет Густава; он, вероятно, на музыке.

— Где это вы слышите музыку? — спрашивают его.

— Да это там, снаружи. Они производят такой шум, такой ужасный шум! Но что же это Густав так задержался? Только бы он во-время пришел, чтобы можно было достать картофеля. Иначе отец будет ругаться. Отец голоден, а у нас больше нет хлебных карточек.

Все время он осматривается пытливо вокруг себя. Врач показывает ему перевязочное свидетельство, на котором рядом с его фамилией помечено «нервный шок», и спрашивает:

— Что это значит?

Быстрый ответ:

— Это членская карточка потребительского общества, мне надо купить картофеля.

— Как вас зовут?

— Это написано на карточке.

— Вы из Лейпцига?

— Да.

Из этого и дальнейших разговоров видно, что деревню, где находится пункт, он принимает за Лейпциг; деревенскую улицу — за одну из улиц Лейпцига; воронки от снарядов — за ямы для прокладывания кабеля; грохот бомбардировки — за музыку и фейерверк. Ему делают внезапное и резкое замечание:

— Но, ведь, здесь же война!

Он несколько секунд тупо смотрит перед собой, а затем его черты внезапно проясняются, как будто он понял.

— Криг?[1] А, герр Криг на Петерштрассе?[2] Да, это торговец, он называется Криг.

— А что на вас надето?

— Это? Это моя серая летняя куртка.

— А пуговицы на рукаве?

— Пуговицы? Да... Как сюда попали пуговицы? Мне надо достать картофеля.

И опять история с Густавом и хлебными карточками.

Предоставленный в течение четверти часа самому себе, он

[1] Krieg, по-немецки, — война.
[2] Улица в Лейпциге.

стоит посреди оживленного движения переполненной штольни, у стены, в напряженной позе, с недоуменно раздвинутыми руками и наклоненной головой, и смотрит широко раскрытыми глазами на какое-то пятно, представляя собою картину полного остолбенения. На снова предложенные ему вопросы он опять начинает монотонным голосом жаловаться по поводу картофеля, а на смех, которого иной раз не в состоянии были подавить стоявшие кругом него солдаты, не реагирует вовсе, не обращая внимания также и на раненых.

Через полчаса он был отправлен на главный перевязочный пункт. Провожавший его санитар, вернувшись назад, рассказал, что в течение всей трудной дороги по усеянной воронками местности, под непрерывным огнем, Гумлих вел себя скорее как провожающий, чем как провожаемый, ревностно вытаскивая своего спутника из воронок, в которые тот несколько раз попадал. Когда провожатый, наконец, показал ему, как цель, к которой они шли, санитарный вагон, и сказал, что там сидит его Густав, Гумлих с видимым облегчением побежал к вагону и тотчас вскочил в него.

Дальнейшая судьба его неизвестна, но вот несколько строк об исходе другого подобного случая.

Видмайер был доставлен на фронтовый нервный приемный пункт сейчас же после начала психоза. Здесь он лежит на постели, производя всевозможные театральные телодвижения: что-то ищет, как будто надевает на себя оружие. Темп движений медленный, производящий впечатление утомленности. Он сообщает свое имя, что-то говорит о непогоде, а кроме этого — ничего. Предоставленный самому себе, он закрывает глаза и больше ни на что не реагирует. Только раз он пожаловался на головную боль. В течение ближайших двух дней он очень много спит, совершенно оглушен и только театральными жестами дает понять, что у него болит голова. На третий день после приема в лазарет, в восемь часов вечера, произошло его «пробуждение», которое произвело на всех очень сильное впечатление. Дежурный санитар, докладывая о нем, говорил:

— «Это было, как пробуждение от наркоза.

Видмайер очнулся, как от сна, он казался очень удивленным, спрашивал, где он и что с ним было. С момента пробуждения он стал совсем другим человеком, чем был до тех пор: спокойным, простым, ясным и толково рассказывающим о себе. Ни следа театральности и истерических черт.

В описанных случаях, — говорит автор, — важно отметить следующие особенности: 1) внезапное развитие заболевания, 2) сумеречное состояние сознания, характеризующееся полной потерей видимой связи между переживаемым и предшествующим, 3) особую театральность и подчеркнутость, как бы нарочитость поведения больных и, наконец, 4) внезапное «пробуждение», характеризующееся изменением манеры себя держать.

Если проанализировать психоз Гумлиха по его содержанию,

то выясняются еще некоторые любопытные черты. Насколько можно понять по поведению и речам Гумлиха, он переживает что-то, напоминающее сон, который находится в некотором отношении к происходящему кругом. Только вместо бомбардировки Гумлих слышит музыку, а вместо военного начальства боится отца. Из этих двух мотивов (музыки и страха отца), как бы подставленных в его сознание взамен выключенной военной обстановки, легко и естественно развивается содержание разыгрываемой им сцены. Вместо грозной действительности появляется недавнее прошлое, причем выбирается ситуация, до известной степени приспособленная к переживаемому больным чувству и к доходящим еще до его сознания отрывкам опасных внешних впечатлений, но все черты этой ситуации приобретают характер безопасности.

Больной продолжает находиться под влиянием гнетущей тревоги, он слышит беспокоящий его шум, он чувствует силу, которая нависает над ним и заставляет его делать не то, что он хочет. Все это позволяет ему без натяжки объяснять свое тревожное возбуждение, отняв, однако, у последнего трагический страх за жизнь и преобразовав все в его детское переживание. Возражения и указания на несоответствия, которые могли бы вырвать его из этой утешительной иллюзии, всякий раз безрезультатно отскакивают от него, так как он быстро импровизирует всевозможные вспомогательные измышления. Перевязочное свидетельство с обезоруживающей простотой превращается в членскую карточку потребительского общества, серый походный мундир в новую серую летнюю куртку, и даже роковое слово «война» приобретает безобидное значение, как имя какого-то торговца в Лейпциге.

Таким образом, психоз Гумлиха имеет и смысл, и цель. Его задача — вывести слабонервного, недоросшего до умения стойко переносить тяготы войны молодого солдата из невыносимой для него обстановки. Эта задача выполняется в двух направлениях: с одной стороны, Гумлих получает возможность добиваться своей душевной болезнью действительного освобождения от военной службы, а с другой — он сразу внутренно отрешается от войны и всех ее ужасов. В первом направлении действует драматичность несознательно играемой им роли, долженствующая привлечь к его положению сочувственное внимание окружающих, во втором направлении действует психопатологический процесс, который Фрейд назвал «вытеснением».

Это «вытеснение», — прибавим мы от себя, — по своей психологической сущности близко со свойственным всякому человеку стремлением не думать о пережитой или даже переживаемой неприятности. В тех случаях, когда неприятное переживание достигает особенной силы и становится совершенно непереносимым для субъекта, а источник этого переживания остается неустранимым, мозг человека помимо воли совершенно вытесняет реальность в область бессознательного, в мозговые полушария из

бодрствующего сознания, базирующегося по нашим представлениям на мозжечке. В данном случае бодрствующее сознание под влиянием сильного испуга совершенно порвалось, а вытесненный им «комплекс»[1] прежних мыслей и чувств, связанных друг с другом, продолжал в преобразованном виде свою жизнь в сумеречном состоянии большого мозга, которое представляет сознание совсем уже другого рода, аналогичное сну или переживаниям во время гипноза.

Но вернемся снова к рассказу о переживаниях Гумлиха.

«Отец для его сумеречного сознания, — говорит Н. М. Зиновьев, — имеет явственно двойное значение. С одной стороны, он является безобидным заместителем вытесненного военного начальства, а с другой, — играет для Гумлиха ту же роль, какую обычно дети возлагают на родителей — роль надежной последней защиты, роль человека, принимающего обратившегося от страха в бегство ребенка в свои могучие объятия».

Эта регрессия к переживаниям детства получила в психиатрии название пуэрилизма. Она представляет излюбленное направление, в котором развиваются психогенные сумеречные состояния, и эти состояния проявляются не только в форме законченных сцен, а еще чаще в общем преувеличенном подражании поведению маленького ребенка. Пуэрилизм, помимо тайной цели ярче сыграть свою роль перед окружающими, имеет и внутренний смысл для больного, энергично вытесняя неприятную действительность и ставя на ее место желательную для человека в опасном положении ситуацию безответственности и нахождения под защитой. Дитя должно играть и смеяться, а распутывание трудного положения оно имеет право предоставить другим.

Но читатель уже видит, что роль индивидуального отца может играть и общий отец — бог, а если после многих горьких неудач в обращениях к его заступничеству пропала вера в него, и в его сына, то его добрая супруга, будет всегда «наша заступница и госпожа».

Так от психиатрии мы приходим к естественной теологии и видим, что первичное предание себя «на волю божию» с отказом от самозащиты должно было развиться, как у этого Гумлиха, среди катастроф, перед которыми были бессильны всякие человеческие средства. И вот, как бы отвечая на эту мысль и на то, что я говорил ранее о влиянии вулканической деятельности Везувия на развитие библейской теологии, тот же автор продолжает:

«Эти пуэрильные черты хорошо выражены в сумеречных состояниях, наблюдавшихся у лиц, попавших в катастрофические положения. Вот, случаи острых психозов, развившихся во время

[1] Комплексом Юнг называет совокупность мыслей и чувств, вступающих тем или другим путем в связь с любым эффективным переживанием. Фрейд изображает комплексы как связанные внутренним единством психические формирования, которые, оставаясь вне сознания, активно вмешиваются во все жизненные состояния субъекта.

одного из землетрясений. В семь часов утра, вскоре после землетрясения, можно было видеть, как занимающий видное положение немец, избежавший смерти, в одной ночной рубашке поливал в саду цветы из лейки. Другой, купец, потерявший семейство и дом, прогуливался после катастрофы по набережной, также в одной рубашке и панталонах, держа в руках большую селедку и все время про себя посмеиваясь. На третьего несчастье, казалось, не произвело ни малейшего впечатления. Он вообще ничего «не знал» о нем, хотя видел свой обвалившийся дом и слышал, как его друзья говорили между собою про гибель его семьи. Если с ним заговаривали, он отвечал невпопад и все время смеялся. А до этого он был прекрасным семьянином. В одной семье остался цел только семнадцатилетний юноша. Напором воздуха выбросило его в окно, после чего он, очутившись в полной целости на соседнем лугу, тотчас встал и бросился бежать, ни мало не заботясь о своей семье. Где-то, совсем в другом месте, он принял участие в спасательных работах, но при этом вел себя бессмысленно, как клоун. Психическая спутанность продолжалась у него более недели. В течение всего времени он совершенно не заботился о том, что случилось, не спрашивал ничего о своем семействе, не интересовался тем, жив ли кто из его родных или нет, и вообще ничего не знал о происшедшем. Целые дни он бессмысленно блуждал без сюртука, но в крахмальной рубашке. А 65-летний секретарь банка всю ночь напролет кричал, призывая давно умерших родителей:

— Папа! Мама! Папа! Мама!

Врача он считал маршалом, а посетившего его сына называл отцом...»

«Пуэрилистические состояния,— говорит далее тот же автор,— развиваются иногда и у лиц, находящихся в заключении, если им грозит казнь. Такие люди обнаруживают часто даже черты как бы намеренной бессмысленности или притворства. Больные говорят и делают явную несуразицу, не знают своего возраста, считают числа с грубейшими ошибками и т. д. При этом одни из них жалуются на головную боль, лежат в постели, отвернувшись лицом к стене, и часто отказываются отвечать на вопросы, как бы не понимая их, другие же ведут себя глуповато-наивно, говорят с врачом на ты и употребляют детские обороты речи. Они рисуют детские фигурки, целый день играют, как малые ребята, отвлекаясь всякой мелочью, устраивают с другими больными разные проделки, напоминающие детские шалости, и т. д. Особенно характерна реакция, которую они дают на попытки выяснить состояние их умственных способностей. Показываемые им предметы они часто называют не теми именами, на просьбу поздороваться, отворить дверь, зажечь свечку и т. д. реагируют или бессмысленными или извращенными движениями (пытаются зажечь свечку не тем концом и т. д.). Они часто проявляют видимое затруднение в выборе слов для ответа, считают разложенные на столе деньги не по их общей сумме, а по числу

монет, или совершают простейшие операции счета, как настоящий слабоумный никогда не станет считать, например: $2+2=5$; $3\times3=15$».

«Психологический механизм возникновения подобных состояний особенно прозрачен. Больной в отчаянии и страхе, он не видит выхода, только где-то в уголке сознания таится мысль, что, может быть, безумие спасет его. И вот, действительно, желательное психическое расстройство развивается, и именно в той форме, в которой оно представляется невежественному сознанию заключенного. Здесь мы подходим к порогу, за которым кончается болезнь и начинается ее симуляция, причем надо подчеркнуть, что резкой границы между той и другой нет: психогения незаметно переходит в сознательный обман».

Читатель видит сам, что проявления острого психоза, называемого внезапным впадением в детское состояние, во время катастроф объясняют целый ряд христианских религиозных догм, вроде «бог един в трех персонах», аналогично вышеприведенным арифметическим несообразностям и т. д. А когда эти катастрофы бывают всеобщими, вроде землетрясения или острой моровой язвы, то и психоз неизбежно делается всеобщим. Им можно объяснить значительную часть содержания Апокалипсиса, в котором и говорится о землетрясении: «И произошли молнии и громы, и звуки, и сделалось великое землетрясение, какого не было с тех пор, как люди на земле, и Великий Город распался на три части, и города язычников упали, и великие Врата Господни (Баб-Илу) были вспомянуты перед богом, чтобы дать им выпить чашу с вином его гнева и ярости, и всякий остров убежал, и горы развалились, и град (камней) величиной с талант повалился с неба на людей, и ругали люди бога за повреждения от этого града, потому что раны от него были тяжелы» (Апок. XVI, 18—21).

А в другом месте:

«Когда Овен снял *(с неба)* шестую печать *(облаков)*, я взглянул, и, вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как волосяная сумка, и луна сделалась как кровавое пятно, и звезды небесные попадали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет свои незрелые плоды, и свод небесный свернулся как свиток, и всякая гора и остров сдвинулись со своих мест, и цари земные, и вельможи, и богатые, и сильные, и полководцы, и рабы, и свободные — все скрылись в пещеры и ущелья гор и говорили горам и камням: падите на нас и скройте нас от лица сидящего на небесном троне и от гнева Овна!» (Ап. VI, 12—16).

Совершенно такие же или еще более сильные и детализированные описания землетрясений и вулканических извержений я показал уже во второй книге «Христа». В них ясно видно, что относительно зависимости библейского и христианского апокалиптического вероучения от великих сейсмических потрясений Средиземноморского этнического бассейна, бывших накануне

возникновения Апокалипсиса и библейских книг, не может быть никакого сомнения. А то обстоятельство, что все это совершалось не до начала нашей эры, а в продолжение IV века ее, достаточно доказано мною в предшествовавших томах астрономическими вычислениями тех мест «священного писания», которые являются явно не измышлениями и не символизмами, а островками реальности, поднявшимися над уровнем полузатопившего их болезненного бреда.

Перейдем теперь от библейско-христианской теогонии к неразрывно связанной с нею (по первоисточникам) европейской средневековой истории. Если первая есть типичное проявление той формы острого эндемического помешательства, которое называется пуэрилизмом, то вторая носит яркие следы другой, уже не острой, а хронической болезни, которая обычно называется истерией, и которая сильно распространена среди мало культурных слоев человечества и до настоящего времени.

«Типы, которые называются истерическими, — говорит д-р Ясперс, — очень многообразны. Но всякий, кто захочет обрисовать истериков одним резким штрихом, скажет: истерическая личность вместо того, чтобы довольствоваться своим действительным положением и жизненными возможностями, чувствует потребность казаться перед другими и собой не тем, чем она есть, а тем, чем хотела бы быть. Вместо непосредственного переживания действительности у нее выступает нечто деланное, разыгранное, актерское, со способностью целиком жить в своем театре, целиком быть поглощенной в данный момент своею игрой, и действовать таким образом с внешним видом искренности. Отсюда легко можно вывести и все остальные черты такой личности».

«Истерическая личность, в конце концов, как будто совсем теряет свое внутреннее ядро, она делается состоящей только из меняющихся оболочек. Одно театральное представление сменяется у нее другим. Как у себя самой, так и у других она создает веру в наличность своих интенсивных переживаний чрезмерно выразительными движениями, подлинная психическая основа которых, однако, отсутствует. Чтобы создать у себя уверенность в своем исключительном значении, истерические люди должны всегда играть роль, они стремятся везде сделать себя интересными даже ценой потери своей чести. Они несчастны, если даже в течение короткого времени на них не обращают внимания, не принимают в них участия, потому что в таком случае тотчас начинают чувствовать свою пустоту. Они безмерно ревнивы и любят играть роль страдальцев и мучеников, причем при известных обстоятельствах могут быть безжалостными в причинении себе страданий даже умышленными повреждениями, только бы обеспечить соответствующие действия на других. Чтобы усилить переживание и найти новые возможности производить впечатление, истерическая личность хватается — сначала сознательно — за ложь, которая, однако, скоро превращается в несознаваемую «патологическую

лживость» (pseudologia phantastica). Так возникают самообвинения и наговоры на других, хлестаковщина, причем больные обманывают не только других, но и себя, и теряют сознание реальности. Фантазия делается их действительностью.

«Следует добавить, прибавляет к этому П. М. Зиновьев, — что многие разновидности истерического характера имеют в себе какой-то отпечаток незрелости, детскости, примитивности, которая сказывается в неустойчивости и изменчивости их настроения и влечений, крайней внушаемости и ослабленной способности сопротивления влиянию сильных переживаний».[1]

И вот, просматривая первоисточники нашей древней истории, мы повсюду находим в них следы той же самой душевной болезни, которую психиатры называют «патологической лживостью» и которую мы так часто встречаем, даже и теперь, в окружающей жизни, если она не оправдывает чьих-либо надежд.

Так, у жены вдруг «открываются глаза» на своего мужа, если он не оправдал ее девичьих ожиданий блестящей, обеспеченной жизни, и все ей начинает представляться в нем в извращенном виде. В потоке упреков она приписывает ему поступки, которых он не совершал, слова, которые он ей никогда не говорил, и побуждения, которые ему никогда не приходили в голову, а при малейшем возражении она еще более вспыхивает и с полным убеждением говорит ему, что в довершение всего остального он еще бесстыдный лжец.

То же самое делает политический оратор или писатель-полемист, разнося своего противника. И у него «открываются глаза» не только на его противника и на всех его сторонников, «несомненных обманщиков и шарлатанов», но он начинает видеть своими «открывшимися глазами» и небывалые документы, служащие в подтверждение его собственных мнений и в опровержение мнений его противников. Все умные и знаменитые люди, — утверждает он самоуверенно, — были на его стороне, и он как под гипнозом сочиняет от их имени целые речи и документы. А если ему вдруг, в минуту протрезвления, и является мысль, что он все это сам же сочинил, то он сейчас же оправдывает тебя тем, что для опровержения лжеца вполне допустимо и даже практически необходимо употреблять то же самое оружие. Но и его противник, возражая, употребляет для своего оправдания тот же софизм, и в результате накопляется такая пирамида отчасти истерической подсознательной и отчасти вполне сознательной лжи, что последующий беспристрастный исследователь (каким может быть только тот, который уже поднялся выше уровня обычных полемистов или стал безразличен к результатам их устаревшего для него спора) совершенно не будет в силах разобраться и придет к самым фантастическим представлениям, пока не станет **смотреть на свои первоисточники с психиатрической точки зрения.**

[1] Зиновьев, стр. 160.

Многочисленные следы этой патологической лживости (pseudologia phantastica) видны повсюду не только в богословских полемических сочинениях, но и у большинства авторов, описывающих современные им бурные проявления общественной жизни, особенно в средние века в Европе и в Эпоху Возрождения. И даже теперь многие из нас не могут совершенно избавиться от нее. Можно прямо сказать, что всякий раз, когда спокойное обсуждение какого-нибудь не только общественного, но и научного вопроса переходит в так называемый «горячий спор», патологическая лживость языка начинает изощряться и заменять у спорящих их естественное стремление к истине стремлением к внешней победе над противником, и в результате спора каждый останется при своем мнении, как бы ни было оно нелепо.

Особенно же возбуждается патологическая лживость вниманием посторонних слушателей к подверженному этой болезни субъекту, который обычно является как бы единым в трех лицах, соответственно тому, в какой обстановке он находится: в одиночестве, вдвоем или в смешанной компании мужчин и женщин. В каждой из этих обстановок у него особый характер. И если вы желаете убедить его в какой-нибудь истине, о которой он еще никогда не думал, то обязательно должны заговорить с ним о ней наедине, а не при публике, как я не раз нарочно делал, когда хотел уверить в чем-нибудь своего склонного к спорщичеству товарища, особенно в эмигрантской среде.

Это же обстоятельство всегда надо иметь в виду и при оценке исторических документов. Наименее надежны из них те, которые называются «Слова и Речи» того или иного старинного авторитета. В большинстве случаев все это сплошные проявления только-что очерченной патологической лживости, автором которой была даже не знаменитость, а какой-то позднейший неизвестный автор, писавший свою псевдологию от имени какого-нибудь авторитета.

Не чужды проявлению этой болезни и все литературно обработанные крупные сочинения по греческой и римской истории до начала крестовых походов, а потому и ни одно из них, которое противоречит закону естественной эволюции человеческой культуры в каком-нибудь из ее многообразных проявлений, не может служить опровержением того или другого основного социологического закона, выводимого теоретически, а должно быть признано чисто патологическим.

Нет ни малейшего сомнения, что зародышем всякой психопатической лживости взрослого человека является подражательность ребенка, а эта подражательность развилась из мимикрии, наблюдаемой даже и на средних ступенях животного мира. Я не говорю уже о тех проявлениях подражательности, которые выработались путем естественного отбора в борьбе за существование, как например, приобретение некоторыми беззащитными мухами внешности жалящих ос, благодаря чему их не хватают ласточки. В этой мимикрии не играет никакой роли психологический фактор. Я не буду говорить также и о том, как, например, жучок, испуганный тем, что вы взяли его в руки, притворяется мертвым: это может быть объяснено простым обмороком. Но, ведь, начатое непроизвольно, сопровождается, особенно у более развитых психических существ сознательным продолжением. Так повторяется и неподвижное состояние, когда очнувшись кто-нибудь видит, что оно спасло его от смертной опасности.

Во всяком случае, первопричиной всякого бессознательного притворства является ощущение своей слабости, которое присуще всякому животному в его детском возрасте, а затем склонность к притворству или проходит или обращается в условный рефлекс. В последнем случае у человека вырабатывается способность почти всегда чувствовать себя не тем, чем он есть на самом деле, а тем, чем ему хотелось бы быть. В результате такой привычки к вечному актерству человек часто кажется по внешности смельчаком, а в действительной опасности оказывается жалким трусом; он уверяет в своей вечной дружбе, а как только она становится невыгодной, моментально бросает своего друга, и т. д. И эта привычка выставлять себя лучше, чем есть на самом деле, всегда приносит более всего горя тому, кто не сумел от нее отделаться после того времени, как перестал играть в куклы.

В других случаях первичная мимикрия более безобидна и даже полезна. У правдивого по натуре ребенка ощущение детской беспомощности вызывает естественное желание подражания взрослым. У поверхностного — это проявляется во внешней подражательности, например в курении табаку (пересиливая первоначальную тошноту), а у более вдумчивого — в стремлении приобретать те знания и таланты, которые характеризуют наиболее уважаемых им людей, и итти по их пути. Но чем талантливее формирующийся из одаренного ребенка человек, особенно в науке и литературе, тем больше у него бывает недоверия к своим силам и способностям, а потому появляется стремление проверить себя под видом совсем постороннего себе человека, и такого рода притворство особенно часто встречается у талантливых поэтов и беллетристов при первых их дебютах и проявляется выпуском своего произведения анонимно или под псевдонимом.

Так, по подсчету Евгения Ланна, [1] Вальтер Скотт в 1814 году выпустил свой роман Веверлей, скрыв свое имя. Ричардсон в 1741 году отпечатал своих «Памелу» и «Клариссу Гарлоу» анонимно. Поп тоже не решился выступить без маски и издал свои «Критические опыты» в 1711 году, анонимно; только на седьмом издании он решил поставить свое имя. Юм анонимно дебютировал в 1739 году двумя томами «Опытов о человеческой

---

[1] Евгений Ланн, Литературная мистификация, 1930 г. Из нее я беру много примеров, а он в свою очередь пользовался работами; 1) Octave Delpierre. Supercherie litteraire. Londres 1872. 2) Ludovic Lalanne. Curiosités littéraires. Paris. 1845. 3) I. M. Querard, des supercheries littéraires dévoilées. Paris. 4) Augustin Thierry, Des grandes mystifications littéraires. Paris. 1913.

природе», и, начиная с 1742 года, печатал анонимно свои «Ночи», имевшие такое влияние на европейскую поэзию середины XVIII века. Один из лучших представителей «Озерной школы» Кэмпбелль выпустил свою первую книгу «Поэмы» в 1813 году так же без имени, как и его соратник Чарльз Лэмб (Lamb), реставрировавший в английской литературе XVI век. Начинал свою карьеру под маской и Альфред Теннисон. Его «Поэмы» вышли в 1827 году от имени «Двух Братьев», какими в сущности и явились Альфред и его два брата. Анонимно издавал сначала свои романы и Бульвер-Литтон. А когда их успех заставил критиков говорить об авторе, он впервые поставил свое имя на романе «Caxtons». Рескин выбрал для своих первых очерков в «London Architectural Magazin» в 1837 году псевдоним Rata Phusin, а первые два тома своих «Современных художников» выпустил под псевдонимом «Craduate of Oxford». Опасаясь некоторых критиков, издевавшихся над шотландцами, которые пишут английские романы, Вильям Блэк анонимно выступил со своим романом «A Daughter of Heth», успех которого был очень велик. Грант Аллен подписывал свои первые романы псевдонимом Wilson и Power, а когда слава его упрочилась, решился оставить свою карьеру ученого и выступил под своим именем. Начинал с анонимного дебюта и Томас Гарди, выпустив в 1871 году роман «Отчаянные средства», а Голсуэрси стал подписывать произведения своим именем только после того, как отпечатал первые четыре книги, прикрывшись псевдонимом Джон Синджон.

«Мы не будем умножать этот перечень — говорит Евгений Ланн,—он достаточно длинен. Отметим лишь интересную особенность в выборе псевдонимов женщинами-писательницами. Они часто принимают имена мужские, боясь, что женское имя помешает популярности. Знаменитые сестры Бронте (Brontë), выпустив свой дебютный том поэм под псевдонимом Эллиса и Белля, писали затем, что остановились на мужском псевдониме только потому, что критика подходит к писательницам «с предубеждением». По тем же соображениям популярная английская писательница Станнард выбрала своим псевдонимом Джон Винтер под которым и издала десятки своих романов, как и мисс Грегг, известная в истории литературы как Сидней Грайер. Мэри Эванс тоже променяла свое имя и фамилию на мужской псевдоним, чтобы войти в историю литературы как Джордж Эллиот и т. д. «Неуверенность в своих силах заставляла всех первых писательниц заботиться о том, чтобы борьба за признание их таланта не осложнялась снисходительно презрительным отношением критика к женскому творчеству».

«Вполне очевидно,—продолжает Евгений Ланн,—что первое выступление под псевдонимом или анонимно обусловливается боязнью тех неприятностей, которые могут последовать вслед за провалом книги. Популярная английская писательница Дэсмонд Гумфрей, известная под псевдонимом Рита (Rita), «объяснила скрытие своего имени нежеланием, чтобы «общество», в

котором она вращалась, узнало об ожидаемой ею литературной неудаче. Для многих «псевдонимов» последствия неудачи могли быть даже и много более серьезными, чем чувство смущения в «обществе», но во всех без исключения случаях желание скрыться под защиту псевдонима вырастает из предположения, что неудобства, связанные с изданием произведения «без маски» и неприятности от этого не будут возмещены возможным успехом, который мог бы защитить автора от нежелательных последствий».

Но, вот, опасения автора не оправдались, и произведение получает такую высокую оценку, которая может послужить достаточной защитой. И сразу нобльмэн, опасавшийся осуждения своей среды, чиновник или клирик, не желающий, чтобы начальство ведало об его литературной неудаче, писатель-дебютант, опасающийся «провала», или писатель, работающий под забралом в неблагоприятной для него политической обстановке, — обнажают свое лицо, и псевдоним переключается в литературную фамилию. Присужденный к наказанию за памфлет «Кратчайшая расправа с инакомыслящими», Дефо, стоя у позорного столба, обвитого гирляндами цветов, мог не скрывать, что является автором и нового памфлета «Гимн позорному столбу», который открыто раздавался тут публике его сторонниками. Стерн, скрывшись под псевдонимом «Мистер Йорик», при издании «Сентиментального путешествия», только после успеха своей книги раскрыл свой псевдоним. Когда Броунинг стал прославленным поэтом, он признался в авторстве и анонимно изданной им в молодости поэмы «Полина». А Поп, прикрывшись из осторожности анонимом в своей поэме «Adress'd to a Friend», изданной частями в в 1733—1734-х годах, когда он был уже известным им поэтом, прибег даже к своеобразному ее прикрытию; он ввел нарочно неправильную рифму в одну из строф,[1] чтобы никто не мог заподозрить его в авторстве, так как он прозрачно намекал в этой поэме на одно высокопоставленное духовное лицо. Плохая рифма возымела свое действие, и искусного в рифмовке Попа, по воспоминаниям Харта, никто не заподозрил в ее авторстве. Когда же опасение поэта о последствиях его личного выпада против духовной особы не оправдались, он раскрыл свой аноним. Знаменитый Сэмюэль Джонсон, писавший свои политические трактаты анонимно, впервые объявил о своем авторстве, когда общественное признание утвердило за ним славу «литературного диктатора».

Так, неуверенность в себе автора создает ему ярлык, на который он перелагает всю ответственность, а когда его ярлык прославился, автор обнаруживает себя. Даже сам Сент Беф, опасаясь «придирок» критики к своему первому вертеровскому томику стихов 1829 года, назвал его «Жизнь и стихотворения Жозефа Делорма», приписав в предисловии эту книгу умершему студенту-медику и дав его биографию. «Отец американской литературы»

[1] Зарифмовав слово «name» с «Prury Lane».

Вашингтон Ирвинг тоже начал свою писательскую карьеру мистификацией,[1] чтобы затем — после успеха ее — раскрыть себя, и никогда более к мистификациям не прибегал. В 1809 году в нью-йоркских газетах появились объявления, гласящие, что в Нью-Йорке в «Колумбийском Отделе» один археолог, Дитрих Никкербоккер, уехал, не заплатив денег, а потому владелец отеля найдя в номере его рукопись, решил издать ее, чтобы возместить убытки. Не довольствуясь этим Ирвинг поместил в филадельфийских газетах ряд объявлений, в которых мнимый владелец нью-йоркского отеля Сет Гендерсайт описывал приметы исчезнувшего археолога и обращался ко всем с просьбой указать его местонахождение. Книга Ирвинга имела большой успех, и через несколько месяцев он раскрыл свою мистификацию. Когда Эдуард Говард потерпел неудачу со своими первыми романами, он выпустил в 1836 году новый роман «Матрос Реттлин» с пометкой на обложке: «издано капитаном Марриэтом». Большая популярность этого фантастического моряка обеспечила роману Говарда успех, после которого автор открыл свое имя. Во всех таких случаях мы видим лишь фиговый листок первой стыдливости авторов, а никак не желание фальсифицировать историческую действительность.

Совсем другое дело апокриф. Вот, несколько его примеров. Для того, чтобы элементарный курс физиологии «Nature's Cabinet unlock'd» не прошел незамеченным, неизвестный автор, издавший эту книгу в Англии в 1657 году, приписал ее знаменитому физику той эпохи д-ру Брауну (Brown) и вставил в в предисловии несколько фраз из «Religio Medici», прославленной книги этого благочестивого ученого, чтобы у читателя не было сомнений в авторстве Брауна.

В книге, которая называлась «Historia Regnum Britanniae», дошедшей до нас в десятках списков, Джофрей впервые дал генеалогию короля Артура. Но этому королю он приписал слишком много подвигов, и историки (Жиро Кембрийский и другие) заподозрили подлог. А Джофрей, чтобы отвести от себя подозрения в свободном обращении с фактами, заявил, что источником истории короля Артура и его династии является древнейшая хроника, полученная им, яко бы, от епископа оксфордского Вальтера. «Я запрещаю Вильяму из Мальмсбери и Генриху из Гунтингдона, — нахально заявил он в ответ на их подозрения, — говорить о королях британских, так как у них не было в руках книги, которую привез мне из Бретани Вальтер, епископ Оксфордский».

В лице «гениального мистификатора Чаттертона» раскрывается редкая патологическая форма романтики — полное творческое отожествление себя с обожаемыми им старинными авторами. А молодой Айрланд, посягнувший подделать Шекспира, а затем ставший самым заурядным литератором, и Калонн, ответивший в молодости успешной подделкой Мольера на невнимание театра к его оригинальным пьесам, и сам Мак Ферсон, который подарил истории литературы самый яркий памятник английского романтизма, — все они, и немало других, побуждаемы были к подделкам не только инстинктом литературных актеров, но и желанием проверить свои творческие силы на таком жанре, к которому их влекло природное дарование, тем более, что этот жанр гарантировал им и необходимую защиту в случае неудачи.

[1] Евгений Ланн, стр. 129.

Но известны и другие мотивы мистификации.

Так, Мериме задумал, увлекаясь славянами, поехать на Восток, чтоб описать их. Но для поездки нужны были деньги.

«И я задумал тогда, — признается он сам,[1] — сначала описать наше путешествие, продать книгу, а затем истратить гонорар на проверку того, насколько я прав в своем описании».

И вот, он выпустил в 1827 году сборник песен под названием «Guzla» (т. е. «Гусли») под видом переводов с балканских языков. Ему было в это время двадцать четыре года. Содержание его «Гуслей» хорошо известно по «Песням западных славян» Пушкина, но едва ли так же хорошо известны обстоятельства, сопровождавшие издание этой книги. Написав свои песни, Мериме обставил их издание рядом предосторожностей, чтобы у издателя не возникало подозрения в мистификации. Он обратился за советом к одному из журналистов — Лингаи, которого никто не мог заподозреть в плутовстве, и дал к ним предисловие, в котором упоминал, что, занимаясь собиранием песен полудиких народов, он, «по совету друга», решился их опубликовать в переводах. Он снабдил свои песни подробными комментариями, очерком о «вампирах» и о «дурном глазе», а в довершение всего присоединил и биографию их воображаемого сказателя «Иакинфа Маглановича». Последний, по словам Мериме, родился в Зониграде и был сыном сапожника, который не научил его даже грамоте. В восемь лет он был похищен богемцами и увезен в Боснию, где обращен в мусульманство. После ряда приключений, он попал к одному католическому миссионеру, который обратил его в христианство, хотя «рисковал сесть за это на кол, так как турки не поощряют работу миссионеров». Удрав от своего покровителя, Иакинф сложил сначала «балладу» на тему о своем бегстве, аккомпанируя на Guzla (т. е. гуслях), и пел эту балладу и другие песни, переходя из села в село по Далмации. Затем он решил жениться, но на его беду в его возлюбленную влюбился один из помещиков-морлаков, и Иакинф убил его, за то, что тот мешал ему похитить невесту, так как по обычаям страны невест там похищают». После расправы с соперником Иакинф и его молодая жена бежали к гайдукам в горы и разбойничали вместе с ними, так как гайдуки — «особый род бандитов». Оправившись от полученной в схватке раны, он спустился с гор, купил ферму и зажил мирной жизнью. По словам Мериме, он познакомился с Иакинфом, когда тому было уже шестьдесят лет, и он пел ему народные песни, аккомпанируя на Guzla (гус-

лях), причем вся его фигура во время пения дышала «дикою красотою». Пять дней прожил сказатель у Мериме, а затем, не предупреждая, исчез, захватив с собою два английских пистолета, но не польстившись на кошелек.

Дорисовав таким штрихом портрет бывшего гайдука, Мериме снабдил свой сборник также и литографией, изображающей дикого на вид горца с огромными усами, с ружьем в руке и с пистолетами, торчащими за поясом. Это и был его воинственный «сказатель».

В кругах специалистов «Guzla» оценена была высоко. Немецкий славист Гергарт пожелал перевести их на немецкий язык и отметил «тонко схваченные французским переводчиком особенности метра далматского стихосложения». М. Матич посвятил балладам несколько страниц в немецком «Архиве славянской филологии». Англичанин Боуринг, издавший «Русскую антологию» и переведший подложную же «Краледворскую рукопись», просил у Мериме его путевые записки. Пушкин напечатал свой перевод пятнадцати его песен в «Библиотеке для чтения» в 1835 году под названием «Песни Западных славян», и я для примера его переводов и стиля всей подделки привожу здесь парочку.

I. ВИДЕНИЕ КОРОЛЯ

Король ходит большими шагами
Взад и вперед по палатам;
Люди спят — королю лишь не спится;
Короля султан осаждает,
Голову отсечь ему грозится
И в Стамбул отослать ее хочет.

Часто он подходит к окошку:
Не услышит ли какого шума?
Слышит, воет ночная птица:
Она чует беду неминучу;
Скоро ей искать новой кровли
Для своих птенцов горемычных.

Не сова воет в Ключе-граде,
Не луна Ключ-город озаряет, —
В церкви божией гремят барабаны,
Вся свечами озарена церковь.

Но никто барабанов не слышит,
Никто света в церкви Божией не видит.
Лишь король то слышал и видел;
Из палат своих он выходит
И идет один в божию церковь.

Стал на паперти, дверь отворяет...
Ужасом в нем замерло сердце;
Но великую творит он молитву
И спокойно в церковь божию входит.

Тут он видит чудное виденье:
На помосте валяются трупы,
Между ними хлещет кровь ручьями,
Как потоки осени дождливой.
Он идет, шагая через трупы;
Кровь по щиколку ему достигает...

Горе! в церкви турки и татары
И предатели, враги богумилы [1]
На амвоне сам султан безбожный:
Держит он на-голо саблю,
Кровь по сабле свежая струится
С вострия до самой рукоятки.

Короля внезапный обнял холод;
Тут же видит он отца и брата:
Пред султаном старик бедный справа
Униженно стоя на коленях,
Подает ему свою корону;
Слева, также стоя на коленях,
Его сын Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый
(С тою самою веревкою, которой
Удавил он несчастного старца),
Край полы у султана целует
Как холоп, наказанный фалангой. [2]

И султан безбожный, усмехаясь,
Взял корону, растоптал ногами
И промолвил потом Радивою:
«Будь над Боснией моей ты властелином
Для гяур-христиан беглербеем». [3]
И отступник бил челом султану,
Трижды пол окровавленный целуя.

И султан прислужников кликнул
И сказал: «дать кафтан Радивою!

---

[1] Богомилы — христианская секта, отвергавшая старый завет, таинства, крестное знамение и иконы. Их основоположник греческий монах Василий сожжен в Царь-Граде при императоре Алексее Комнине в 1118 году. Остатки этой секты существовали еще в XIII веке.

[2] Фланга — палочные удары по пятам *(примечание автора)*.

[3] Радивой никогда не имел этого сана и все члены королевского семейства истреблены были султаном *(примечание автора)*.

Не бархатный кафтан, не парчевый,
А содрать на кафтан Радивоя
Кожу с брата его родного».

Бусурмане на короля наскочили,
До-нага всего его раздели,
Ятаганом ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили мясо, и жилы,
И до самых костей ободрали,
И одели кожей Радивоя.

Громко мученик господу взмолился:
«Прав ты, боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мне душу, Иисусе!»

При сем имени церковь задрожала,
Все внезапно утихло, померкло,
Все исчезло — будто не бывало.

И король ощупью в потемках
Кое-как до двери добрался,
И с молитвой на улицу вышел.

Было тихо. С высокого неба
Город белый луна озаряла.
Вдруг взвилась из-за города бомба,
И пошли бусурмане на приступ.

II. ЯНКО МАРНАВИЧ

Что в разъездах бей Янко Марнавич?
Что ему дома не сидится?
Отчего двух ночей он сряду
Под одною кровлей не ночует?
Али недруги его могучи?
Аль боится он кровомщенья?

Не боится бей Янко Марнавич
Ни врагов своих, ни кровомщенья,
Но он бродит, как гайдук бездомный,
С той поры, как Кирила умер,

В церкви Спаса они братовались [1]
И были по богу братья;
Но Кирила несчастливый умер
От руки им избранного брата.

[1] Обычай братования у сербов и других западных славян освящается и духовными обрядами *(примечание автора).*

Веселое было пированье,
Много пили меду и горелки;
Охмелели, обезумели гости,
Два могучие беи побранились.

Янко выстрелил из своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала:
В супротивника своего не попал он,
А попал он в своего друга.
С того времени он тоскуя бродит,
Словно вол, ужаленный змеею.

Наконец, он на родину воротился
И вошел в церковь святого Спаса.
Там день целый он молился богу.
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью он пришел к себе на дом
И отужинал со своей семьею,
Потом лег и жене своей молвил:
«Посмотри, жена, ты в окошко,
Видишь ли церковь Спаса отселе?»
Жена встала, в окошко поглядела,
И сказала: «на дворе полночь,
За рекою густые туманы,
За туманом ничего не видно».
Повернулся Янко Марнавич
И тихонько стал читать молитву.

Помолившись, он опять ей молвил:
«Посмотри, что ты видишь в окошко?»
И жена, поглядев, отвечала:
«Вижу, вон, малый огонечек
Чут-чуть брезжит в темноте за рекою».
Улыбнулся Янко Марнавич
И опять стал тихонько молиться.

Помолясь, он опять жене молвил:
«Отвори-ка, жена, ты окошко
Посмотри, что там еще видно?»
И жена, поглядев, отвечала:
«Вижу я на реке сиянье,
Близится оно к нашему дому».
Бей вздохнул и с постели свалился, —
Тут и смерть ему приключилась.

III. ГАЙДУК ХРИЗИЧ

В пещере, на острых каменьях, [1]
Притаился храбрый гайдук Хризич,

[1] Гайдук — глава, начальник. Гайдуки не имеют пристанища и живут разбоями *(примечание автора).*

С ним жена его Катерина,
С ним его два милые сына.
Им нельзя из пещеры выйти;
Стерегут их недруги злые.
Коли чуть они голову подымут —
В них прицелятся тотчас сорок ружей.
Они три дня, три ночи не ели,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадине камня.
На четвертый взошло красное солнце,
И вода во впадине иссякла,
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь бог! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризич, глядя на нее, не заплакал,
Сыновья плакать при нем не смели —
Они только очи отирали,
Когда от них отворачивался Хризич.
В пятый день старший сын обезумел,
Стал глядеть он на мертвую матерь,
Будто волк на спящую козу,
Его брат, видя то, испугался;
Закричал он старшему брату:
«Милый брат! не губи свою душу:
Ты напейся горячей моей крови,
А умрем мы голодною смертью, —
Станем мы выходить из могилы,
Кровь сосать наших недругов спящих».
Хризич встал и промолвил: «полно!
Лучше пуля, чем голод и жажда».
И все трое со скалы в долину
Сбежали, как бешеные волки.
Семерых убил из них каждый,
Семью пулями каждый из них прострелен,
Головы враги у них отсекли
И на колья свои насадили —
А и тут глядеть на них не смели:
Так им страшен был Хризич с сыновьями

IV. БОНАПАРТ И ЧЕРНОГОРЦЫ

«Черногорцы? что такое?
Бонапарте вопросил:
Правда ль, это племя злое
Не боится наших сил?

«Так раскаются ж нахалы:
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам».

Вот, он шлет на нас пехоту
С сотней пушек и мортир,
И своих мамлюков роту,
И косматых кирасир.

Нам сдаваться нет охоты —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пехоты,
Камни есть у нас и рвы!...

Мы засели в наши норы
И гостей незваных ждем;
Вот, они вступили в горы,
Истребляя все кругом.

. . . .
. . . .

Идут тесно под скалами.
Вдруг — смятение!.. Глядят:
У себя над головами
Красных шапок видят ряд.

«Стой! пали! Пусть каждый сбросит
Черногорца одного!
Здесь пощады враг не просит:
Не щадите ж никого!»

Ружья грянули — упали
Шапки красные с шестов;
Мы под ними ниц лежали,
Притаясь между кустов.

Дружным залпом отвечали
Мы французам... «Это что?»
Удивясь они сказали:
«Эхо, что ли?» Нет, не то!

Их полковник повалился,
С ним сто двадцать человек.
Весь отряд его смутился,
Кто, как мог, пустился в бег.

И французы ненавидят
С той поры наш вольный край,
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай.

V. ПЕСНЯ О ГЕОРГИИ ЧЕРНОМ

Не два волка в овраге грызутся —
Отец с сыном в пещере бранятся.
Старый Петро сына укоряет:
— «Бунтовщик ты, злодей проклятый!

Не боишься ты господа бога!
Где тебе с султаном тягаться,
Воевать с белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился?
Пропадай ты себе окаянный,
Да зачем ты всю Сербию губишь?»
Отвечает Георгий угрюмо:
— Из ума, старик, видно выжил,
Коли лаешь безумные речи!
Старый Петро пуще осердился,
Пуще он бранится, бушует.
Хочет он отправиться в Белград,
Туркам выдать ослушного сына,
Объявить убежище сербов.
Он из темной пещеры выходит;
Георгий старика догоняет:
«Воротися, отец, воротися,
Отпусти мне невольное слово».
Старый Петро не слушает, грозится:
— «Вот ужо, разбойник, тебе будет!
Сын ему вперед забегает,
Старику кланяется в ноги.
Не взглянул на сына старый Петро.
Догоняет вновь его Георгий
И хватает за сивую косу:
— «Воротись, ради господа бога:
Не введи ты меня в искушенье!»
Отпихнул старик его сердито
И пошел по белградской дороге.
Горько, горько Георгий заплакал,
Пистолет из-за пояса вынул,
Взвел курок, да и выстрелил тут же.
Закричал Петро, зашатавшись:
— «Помоги мне, Георгий, я ранен!»
И упал на дорогу бездыханен.
Сын бегом в пещеру воротился;
Его мать вышла ему навстречу.
— «Что, Георгий, куда делся Петро?»
Отвечает Георгий сурово:
— За обедом старик пьян напился
И заснул на белградской дороге.
Догадалась она, завопила:
— «Будь же богом проклят ты, черный,
Коль убил ты отца родного!»
С той поры Георгий Петрович
У людей прозывается Черный.

VI. КОНЬ

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удил?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?

Отвечает конь печальный:
Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальний,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж не долго мне гулять,
Проживать в красе и в холе,
Светлой сбруей щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмет
И серебряны подковы
С легких ног моих сдерет;
Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чепрака,
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока.

* * *

Я привел здесь эти образчики подделок Мериме никак не для заполнения нескольких страниц моей книги, а чтоб наглядно показать читателю внутреннюю психологическую пружину важнейшего рода литературных мистификаций. Она здесь очень хорошо видна.

Мериме был неспособен к вполне оригинальному творчеству, но у него был талант подражательности. А подражательность естественно направляется к тому, что кажется автору оригинальным, т. е. чуждым окружающей его среде и что особенно остается в памяти, подобно необычным звукам. При этом кроме содержания, подделывается и стиль.

Это я и называю **инстилизацией.**

В данном случае автора поразили, вероятно еще в юности, какие-то из прочитанных им действительных песен балканских славян, в которых он увидел «дикую красоту» взамен уже приевшихся в XIX веке «классических красот». Последние тоже казались

оригинальными и потому вызвали поток подделок от имени древних греков и латинян в XV и XVI веках, а через триста лет, конечно, спустились на уровень обыденности. И он «инстилизировал» от имени «западных славян» ряд песен, изобразив фольклор этих малоизвестных тогда народов, конечно, не таким, каким он был в действительности, а каким рисовался в его воображении.

Такое подражательное творчество вообще легче, чем вполне самостоятельное, подобно тому, как путь с провожатым или по отдаленным сигналам легче вполне самостоятельного искания дороги по незнакомой местности. Вот почему талантливые инстилисты-мистификаторы, повидимому, никогда не могли дать выдающихся произведений вполне самостоятельного стиля и содержания.

В данном случае, как видел уже читатель, поэтические инстилизации Мериме вызвали даже псевдо-обратный перевод их Пушкиным на один из славянских языков, на русский.

В «Библиотеке для чтения» они вышли без предисловия, но в первом же издании своих стихотворений (1835) он счел необходимым снабдить их и сопутственной статейкой, где раскрыл имя их «собирателя», отмечая, что «поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий, и знаток в славянской поэзии, не усомнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них пространную диссертацию».

«Мне очень хотелось знать, — пишет Пушкин дальше, — на чем основано изобретение странных сих песен».

Очевидно, некоторые подозрения у Пушкина были, но, во всяком случае, можно считать, что он оказался более легковерным, чем Гёте, который сразу почувствовал тут мистификацию. Мериме был совершенно прав, когда предпослал второму изданию своих «Гуслей» ироническое предисловие, в котором упоминая о тех, кого ему удалось провести, называет и Пушкина.

Здесь нетрудно видеть, что воображаемая «экскурсия на Восток» предпринята была молодым Мериме в поисках материала, дающего художнику возможность перескочить через затверженные каноны «классиков». На Востоке — по его мнению — художнику открывалось много путей для борьбы с классицизмом — хотя бы изображением той «дикой красоты», о которой он писал, взамен воображаемых классических салонов Аспазии и Сапфо. Европейский романтизм начала XIX века был следующим — и вполне логическим — шагом после руссоизма. Обнажение страстей экзотических героев в глазах европейца принимало такие великолепные формы, что Восток не мог не притягивать их внимания. Египетский и Сирийский походы Наполеона, разумеется, не прошли бесследно. Об «янычарах» во Франции и в Европе узнали хорошо, а борьбой за независимость в Греции читатель был подготовлен к принятию другой романтической экзотики. Но экзотический фольклор все же являлся слишком тонким блюдом для неподготовленного вкуса классиков. Для того

чтобы он выдержал испытание, нужен был «Эрнани», три года спустя после «Гуслей». [1]

Нет сомнений, что некоторую роль в выборе Мериме сыграл и Макферсон. Подделанный этим поэтом народный эпос «древней Шотландии», приводивший его в восторг, не мог не натолкнуть молодого писателя на мысль испробовать свои исключительные стилизационные способности в подделке именно народных песен. А о том, что Мериме знал и восхищался Макферсоном, нам известно из письма его друга Ж. Ж. Ампера, будущего историка Рима, к Жюлю Бастиду, который писал в 1825 году:

«Я продолжаю изучать вместе с Мериме Макферсоновского «Оссиана». Какое счастье дать французский перевод!»

К тому времени сложилась уверенность в подделке этого кельтского эпоса, особенно после книги Малькольма Лэнга. Возможно, что и Мериме знал это, но как видно из приведенного письма Ампера, интересовался только художественной стороной песен Макферсона и решился попробовать свои силы в том же роде.

Упоминаемое выше предисловие Пушкина к «Песням западных славян», помещенное в первом издании его сочинений в 1835 году, сопровождается французским письмом Мериме, крайне для нас интересным. Желая узнать, «на чем основано изобретение странных сих песен», Пушкин обратился с запросом об этом к С. А. Соболевскому, с которым Мериме был «коротко знаком». А Мериме в письме к Соболевскому, помеченном 18 января 1835 года, охотно и любезно отвечает на заданные ему вопросы: «Guzla» написана мною по двум мотивам, из коих первый — поиздеваться над couleur locale, в который мы с головой бросились в 1827 году». Вторым же мотивом было добыть у западно-европейских славянофилов (как было уже сказано выше) деньги для поездки на Восток. И вот, вооружившись всего лишь двумя книгами для усвоения «местного славянского колорита», Мериме приступил к своим балладам. Это были: брошюра французского консула в Бонялуке, старающегося доказать, что босняки — «гордые свиньи», причем он цитировал несколько иллирийских слов, и «Путешествие в Далмацию» итальянского аббата Фортп. Автор первой книжонки, как предполагает Мериме, знал об Иллирии не больше, чем и он, создатель «Guzla», а из второй книги он, не смущаясь, заимствовал для своих примечаний немало материала. «Иногда он просто-напросто списывал целые абзацы. Свое замечательное письмо С. А. Соболевскому Мериме кончает так: «Передайте Пушкину мои извинения. Я горд и вместе с тем стыжусь, что провел его».

«Как хороший охотник, шел мистификатор во все века по следам писательской популярности», — говорит Евгений Ланн, из книжки которого я беру этот рассказ. — До Ренессанса благочестивый монах подделывал творения «отцов церкви», не прекращая

[1] Евгений Ланн, стр. 99.

своей работы даже и тогда, когда воинствующая церковь стала отступать на новые позиции и когда вместе с ослаблением ее экономического значения ослабевала и ее политическая роль. В эту эпоху мистификация входила в виде «идеологических резервов» и помогала клерикалам XVI века удерживать свои позиции, обогащая боевое снаряжение церкви многочисленными подделками: святым Бернардом, подделанным в 1449 году Жаном Гарландом; полемической книгой святого Афанасия, направленной против еретиков и написанной епископом Вигилиусом, комментариями святого Амвросия к посланиям апостола Павла, подделанными донатистом Тихониусом в 1532 году и т. д., и т. д.». [1]

Что же касается литературной классической мистификации, то она могла возникнуть только тогда, когда крестовые походы и крестоносные латинские государства в Элладе, рассыпавшись как фейерверк, сделали события в этой стране волшебной сказкой Западной Европы. Поэтому и творчество тех произведений, которые теперь приписываются классическим писателям, начинается с того момента, когда гуманизм противопоставил апокрифическим творениям «отцов» и бесчисленным богословским «опусам» их комментаторов апокрифические же произведения «светских» писателей Греции и Рима. Только в 1465 году заработал в Италии первый типографский станок, и уже через тридцать лет история литературы зарегистрировала подделку латинских авторов. Лишь в 1498 году Анниус де-Витербе (Annius de Viterbe) опубликовал в Риме сборник произведений Фабия, Пиктора, Семпрониуса, Катона и других, которые он, яко бы, нашел в Мантуе, а на деле сам сочинил. Еще в 1400 году гуманисты не знали подлинников Платона, потому что первый псевдо-перевод нескольких его диалогов написал Бруни для Козьмы Медичи в 1421 году, работая одновременно над исправлением «Этики» Аристотеля, которая до него была лишь в латинском переводе. Тот же Бруни выпустил в 1406 году несколько речей Демосфена, а до папы Николая V, вступившего на престол в 1447 году, количество греческих классиков, ставших известными (в подлинниках) западному миру, писавшему еще только по-латыни, было совершенно ничтожно. Греческих поэтов совсем не было известно даже в первой половине XV века ни на Западе, ни на Востоке. Латинский текст «Илиады» 1369 года, повторенный Валлой в 1445 году, был, — говорит Евгений Ланн (стр. 106) — не переводом, а зарождением греческой Илиады. Только конец XV века и начало XVI дали уже много произведений греческих классиков, яко бы, в латинском переводе. Немало ученых овладело тогда и греческим языком, но все же эти предпосылки были недостаточны, чтобы мастера стилизации и мимикрии выступили с греческими подделками, а потому и подделывали их в виде латинских переводов, как Мериме по-французски славянские песни.

[1] Евгений Ланн, Литературная мистификация. Книжка эта вышла в 1930 году, много после того, как я показал в своей работе «Христос» подлог всей классической и клерикальной литературы вплоть до средних веков.

Много лучше создавали тогда латинских классиков. В 1519 году французский ученый De Boulogne подделал две книги Валерия Флакка, а один из замечательных ученых-гуманистов Сигониус опубликовал в 1583 году неизвестные до него отрывки из «De Consolatione» Цицерона. Эта симуляция была сделана, — говорит Евгений Ланн, — с таким мастерством, что обнаружилась только через два века, да и то случайно: было найдено письмо Сигониуса, в котором он сознавался в своей мистификации. В том же веке один из первых немецких гуманистов, познакомивший Германию с римскими классиками, Пролюциус (Prolucius), написал седьмую книгу «Календарной мифологии» («Fasti») Овидия. Мистификация эта была отчасти вызвана ученым спором о том, на сколько книг делились эти Fasti; несмотря на указания от имени прежнего автора, что книг у него 6, некоторые ученые Ренессанса, основываясь на композиционных особенностях, настаивали на том, что книг этих должно быть 12.

Точно так же голландец Мерула (Merula), автор «Всемирной истории», цитировал неоднократно длинные абзацы из рукописи Пизона и из грамматики времен Траяна, никогда не существовавших. Францисканец историк Гевара (Guevara) опубликовал найденный им во Флоренции философский роман, героем которого являлся Марк Аврелий. Роман его имел очень большой успех, и думают, что он послужил материалом Лафонтену для одной из его новелл «Дунайский крестьянин». Только тщательный анализ показал, что тут—мистификация.

В конце XVI века историки еще мало осветили вопрос о распространении в Испании христианства. Для восполнения пробела, испанский монах Хигера (Higuera) после большой и сложной работы написал хронику от имени не существовавшего никогда римского историка Флавиуса Декстера. Небезынтересна история и трагедии, изданной в XVIII веке голландским ученым Хиркенсом (Heerkens) под именем Люция Вара, яко бы трагического поэта эпохи Августа. Трагедия имела значительный успех, но через некоторое время удалось случайно установить, что венецианец Коррарио (Corrario) издал ее еще в XVI веке от своего собственного имени, имитируя древне-римскую трагедию и никого не пытаясь ввести в заблуждение. Исключительно удачна в стилистическом отношении была мистификация, сделанная испанцем Мархеной (Marchena). Прикомандированный к французской армии на Рейне, он вместе с несколькими приятелями развлекался в 1800 году сочинением на латинском языке рассуждений довольно непристойного характера. Из них он и сфабриковал потом целый рассказ и связал его с текстом XXVI главы Петрониева «Сатирикона» в том месте, где Энкольпиус с Квартиллой смотрят в щелку на игры Гитона и Паннихис. Почти невозможно отличить, где кончается Петроний и начинается Мархена. Свой отрывок с петрониевым текстом он и издал, указав в пре-

дисловии и воображаемое место находки — библиотеку St. Galli. И это — не единственная подделка сатир Петрония. За столетие до Мархены французский офицер Нодо (Nodot) издал «полный» Сатирикон, яко бы «по рукописи тысячелетней давности, купленной им при осаде Белграда у одного грека», но никто не видал ни этой, ни более древних рукописей Петрония. Также переиздавался Катулл, подделанный в XVIII веке венецианским поэтом Коррадино (Corradino), который, яко бы, нашел в Риме список Катулла, более точный и пространный, чем ранее известные. Заслуживает внимания также мистификация немецкого студента XIX века Вагенфельда (Wagenfeld). Он, яко бы, перевел с греческого на немецкий историю Финикии, написанную финикийским историком Санхониатонон и переведенную на греческий язык Филоном из Библоса. Эта находка произвела огромное впечатление, так как Санхониатом имелся до тех пор лишь в виде небольшого отрывка. Один из профессоров дал предисловие к этой книге, после чего она была издана с факсимиле греческого текста, а после издания, когда у Вагенфельда потребовали греческую рукопись, он отказался ее представить.

В таком же положении оказываются и все латинские и греческие древние классики, и, кроме того, они совсем не так уже многочисленны, как воображает публика. Ведь, если их перепечатать обычным шрифтом, то все они вместятся в один или два книжных шкафа. Затем с конца XVIII века количество классических апокрифов начинает резко падать, и причины этого слишком очевидны, чтобы на них останавливаться подробно. Если в XVI и XVII веках нельзя было и представить себе образованного, по тем временам, человека, не знающего греческого и латинского языков, то в последующие два века новые культурные проблемы ослабили внимание к античному миру, а замечательные национальные литературы дали Европе такие имена, которые в истории ее культуры оставили неизмеримо более глубокий след. По следам этих имен и устремились теперь мистификаторы. Так, в 1798 году Депрео (Despréaux) подделал целый том посмертных произведений Лафонтена под названием «Oeuvres posthumes de J. La Fontaine», выдавая себя за их редактора. В 50-х годах прошлого века на лондонских аукционах стали появляться в большом количестве письма Байрона, Шелли и Китса. Один книгопродавец купил 25 таких писем и издал с предисловием Роберта Броунинга. Никто не высказывал сомнений в их подлинности, и лишь случайно Пальгрэв обратил внимание на то, что одно из них ему знакомо. Это был отрывок из статьи его отца, помещенной в журнале 1840 года. Лишь после того был произведен более тщательный анализ обнародованных писем, благодаря которому нельзя стало сомневаться в поддельности всего их сборника.

Стремление мистификаторов произвести сенсацию не оставило в покое и тени ученых. Так, 15 июля 1867 года во французской академии наук Мишель Шаль (Chasles) прочел письмо Паскаля к английскому физику Бойлю, где Паскаль излагает гипотезу о взаимном притяжении тел. В следующем же заседании Шаль огласил и другое «новонайденное» письмо Паскаля, адресованное самому Ньютону, в бытность последнего студентом. В этом письме Паскаль знакомит и Ньютона со своими соображениями по поводу... приписываемого последнему **закона тяготения!**

Трудно себе представить то впечатление, какое произвели эти письма на ученых. Ньютону бросалось обвинение в том, что он воспользовался идеями Паскаля, доверчиво сообщившего их ему. Фай, Эли де-Бомон отрицали возможность их подделки, а химик Балар после их химического анализа заявил о древнем происхождении чернил. Затем Шаль опубликовал и еще несколько писем Паскаля: к философу Гассенди, к Гоббсу, к королеве Христине Шведской и т. д. Сенсация выплеснулась за пределы Франции. Английский физик Дэвид Брюстер (Brewster) от имени английской науки протестовал против умаления заслуг Ньютона и против легковерия Шаля. Шаль энергично возражал против всех доказательств и через некоторое время огласил новое письмо — на этот раз Галилея к Паскалю, откуда было видно, что мысль о законе тяготения занимала еще Галилея на одиннадцать лет раньше, чем Паскаль якобы сообщил это Ньютону. Когда экспертиза установила тут подложность, Шаль со своими единомышленниками снова протестовал. И только после того как в новых письмах Ньютона, представленных Шалем из своей коллекции автографов, найдены были фразы, скопированные из «Истории современной философии» Саверлена, Шаль сдался и через два с лишним года после опубликования первого письма Паскаля, он с той же кафедры Академии Наук признал себя жертвой мистификации.

Автором всех этих писем оказался некий Врэн-Люка (Vrain Lucas), очень образованный человек, мастерски подделавший всю коллекцию, проданную им знаменитому геометру Шалю. [1]

Такого рода злостные мистификации характеризуют обычно злостных по натуре людей, но чаще бывают мистификации с целью наживы. Немало и романов было для этого подделано. Так, с той же целью в 1823 году в Германии вышли псевдо-переводы романов Вальтер-Скотта «Walladmor» и «Schloss Avalan», автором которых был Вильгельм Геринг (Haering). Подделывали Вальтер-Скотта и во Франции. Когда он умер, завоевав мировую славу, во Франции вышли четыре книги, помеченные его именем, и яко бы переведенные с английского: сначала «Allan Cameron» и «Aimé Verd», написанные в действительности некоим Калэ (Calais), а затем еще две: «Le proscript de Hebrides» и «La Pithie des Haighlands».

А год спустя известность Фенимора Купера также вызвала во Франции подделку. На титуле значилось: Фенимор Купер «Redwood», «американский роман», а написал его кто-то, выдав свое

[1] Augustin Thierry, «Les Grandes Mystifications Litteraires». Paris 1911, 1913, p. 268.

произведение за французский перевод английской книги. Фильдингу повезло в Голландии. В 1749 году вышел там роман на французском языке: «Le véritable ami ou la vie de David Simple», которого Фильдинг никогда не писал.

Не избежал подделок и Мольер. В январе 1845 года в одном из французских театральных журналов помещено было письмо адвоката из Руана Геро-Лагранжа, сообщавшего о найденной им новой рукописи Мольера «Docteur amoureux». Сенсация, вызванная этой находкой, была очень велика: пьесу захотели ставить в Одеоне. Роли были отданы лучшим актерам, и начались репетиции.

Пьеса имела большой успех не только у публики, но и у критики. Лучшие театралы — Ипполит Люка, Этьен Араго и другие — не сомневались в ее подлинности и дали блестящие отзывы о ее литературных достоинствах. Первый — Люка — писал в «Le Siècle»: «Авторство Мольера сомнений не вызывает... Во Влюбленном докторе мы находим пять-шесть ситуаций из других его комедий... Пьеса интересна, написана с большим юмором и несравненно выше, чем «Médecin Volant». Литературно-театральные круги были единодушны в своей высокой оценке. Только один Теофиль Готье продолжал упорствовать, приписывая пьесу тому самому молодому человеку, который ее доставил, т. е. Колонну. Но сборы не уменьшались, и можно думать, что мистификация раскрылась бы не скоро, если бы сам Колонн не проговорился о своем авторстве. Слухи о подделке окрепли, справки в Руане об адвокате Геро-Лагранже опровергли его существование на свете, и после этого раскрылась вся история находки. Оказалось, что Колонн, которому было двадцать три года, прибег к мистификации после того, как его трагедия из римской жизни «Virginie» была отвергнута театром Одеон, и на присылку небольшой пьесы «Sous le Masque» директор ответил молчанием. А придать рукописи старинный вид помог ему один палеограф. После этой авантюры с «Влюбленным доктором» автор занялся уже научной работой и читал курс риторики в Алжирском колледже. В Алжире были поставлены две его новые пьесы, а через тридцать лет после истории с поддельным Мольером театральные произведения его шли даже и в Париже, хотя ни одно из них не имело особого успеха. Талантливый автор «Влюбленного доктора» оказался посредственным драматургом. Как симулянт он был на высоте, а как самостоятельный писатель и ученый — посредственностью.

Еще более посредственным писателем оказался тот, чье имя связано с подделкой пьесы Шекспира. В 90-х годах XVIII века в Лондоне была хорошо известна книжная лавка библиофила-букиниста Сэмюэля Айрланда, которая являлась своеобразным литературным клубом, а сам Сэмюэль Айрланд напоминал нашего издателя XIX века Смирдина. У Сэмюэля был сын Вилльям-Генри, который, кончив школу, поступил клерком в контору и одновременно со службой много времени уделял поискам редких книг. В декабре 1794 года Сэмюэль Айрланд был крайне обрадован

находкой, которую ему вручил семнадцатилетний Вилльям. Роясь в бумагах своего патрона по конторе, юноша «нашел ипотеку (договор на заклад земельного участка), заключенную между Шекспиром и стратфордским землевладельцем Фрэзером. [1] Подпись Шекспира, редакция договора, бумага и чернила не вызывали никаких сомнений в подлинности. Через три месяца Вильям объявил отцу, что у того же патрона он нашел много интереснейших документов, связанных с Шекспиром: театральные заметки, несколько контрактов с актерами, книги с пометками Шекспира на полях, переписанный экземпляр «Короля Лира» с вариантами, неизданные фрагменты «Гамлета» и два «любовных» письма Шекспира, адресованных мисс Hathway, причем в одно был вложен локон поэта. Радость Сэмюэля Айрланда представить нетрудно. В лавке его была устроена выставка найденных драгоценных рукописей и реликвий. Известный биограф Сэмюэля Джонсона Босвелль опустился перед витриной на колени; весь литературный и научный Лондон перебывал в лавке. Весть о находке докатилась до дворца, и оба Айрланда были приняты одним из членов королевского дома. Энтузиазм шекспирологов не поддавался описанию; только Эдмунд Мэлоп, один из лучших знатоков Шекспира, держался в стороне от лавки на Норфольк-стрите, отказываясь посетить выставку. Скоро стал сомневаться и Босвелль, но это обстоятельство не повлияло на Сэмюэля Айрланда, выпустившего по подписке сборник с новонайденными материалами. А вслед за этим Вильям поразил отца еще новой находкой: ему удалось отыскать написанную белыми стихами неведомую трагедию Шекспира «Wortigern and Rowena», национальную трагедию о битве англичан с пиктами и шотландцами после отплытия из Англии римских легионов Гонория. Прослышав о находке, два лучших театра Англии — Дрюриленский и Ковент-гарденский — прислали в лавку представителей просить пьесу для постановки. Во главе Дрюриленского театра стоял Шеридан — знаменитый автор «Школы злословия», и Айрланд отдал трагедию ему. Лучшие артисты Англии — Джон Кембль и «великая Сиддонс» — получили в ней роли. Была написана музыка Вилльямом Линли, пролог и эпилог. Но уже на первых репетициях стало очевидно, что трагедия никуда не годится. Мэлон выпустил специальный памфлет, издеваясь над доверчивостью театра. Первое представление назначено было 2 апреля 1796 года. Зал был переполнен. Но после первых же сцен бездарные стихи стали вызывать смех. Казалось, что Кембль, играя, издевается над текстом. И когда он, по ходу пьесы, должен быть сказать: «Я бы хотел, чтобы этот мрачный фарс скоро окончился», зрители начали хохотать. Трагедия провалилась, повторного спектакля не состоялось.

Некоторые из друзей решили добиться у Вилльяма правды,

---

[1] Пользуюсь переводом Евгения Ланна в его книге «Литературные мистификации».

и он сознался в подделке. Отец выгнал его из дому, продолжая настаивать на том, что пьеса является подлинной, несмотря на признание сына, которого старик обвинял во лжи. В ответ на это Вилльям Айрланд издал брошюру со всей историей мистификации. Уйдя из дому отца, он перепробовал много профессий, после чего написал несколько посредственных романов, пьес и, между прочим, не плохой памфлет на библиофилов.

Читатель видит здесь уже фальсификатора-маниака, каким несомненно является не один Вилльям Айрланд. В других случаях мистификатором оказывается слишком преданный кому-нибудь человек, сочиняющий от его имени что-нибудь трогательное. Таково стихотворение, опубликованное в 1765 году от имени Марии Стюарт. В нем шотландская королева (писавшая очень плохие стихи), прощалась с Францией — «родиной, взлелеявшей мое детство, чтобы через несколько недель пойти на эшафот». Стихотворение это, яко бы, было извлечено из рукописи Бекингема и одно время было настолько популярно, что когда автором его оказался журналист Керлон (Querlon), некоторые биографы Марии Стюарт продолжали приписывать ей эту прощальную песню.

Литературной мистификацией являлась и опубликованная Берсенэ (Bersenay) и Эмбером (Imbert) переписка Людовика XVI с братьями и со многими историческими лицами, вышедшая в 1803 году. Подделаны были и письма м-м де-Помпадур — целых четыре тома писем, яко бы написанных знаменитой фавориткой Людовика XV в период 1746 — 1762 гг.

История литературы знает уже столько аналогичных подделок, что перечислить их невозможно. И я отмечу только, что многие романы, написанные в мемуарном роде, выдавались за действительные мемуары. Так, Дефо первоначально выдал своего Робинзона Крузо за подлинные воспоминания «моряка из Иорка». Год спустя он издал вторую свою мистификацию — «The Memoirs of a Cavalier or a Military Journal, 1632 — 1646» — воспоминания английского офицера о своем пребывании в Германии и о гражданской войне в Англии, приписав авторство одному действительному полковнику Эндрью Ньюпорту, причем поместил и портрет его на титульном листе. Но когда заинтересовались биографией этого полковника, то оказалось, что Ньюпорт родился в 1622 году, тогда как в «Мемуарах» автор сообщает, что он родился в 1608 году. Однако, это «несовпадение» дат не заставило еще сомневаться в подлинности мемуаров, и лишь характерные для Дефо детали открыли автора. Да и третий роман его «Дневник Чумного года» является мистификацией. В нем горожанин, проведший, будто бы, весь 1665 год в зачумленном Лондоне, описывает виденные им события, но его книга, по словам издателя, не могла быть опубликована в свое время из-за многочисленных насилий над врачами в те дни.

Насколько велико было в XVIII веке стремление писать от чужого имени, показывает и то, что сам Свифт, автор «Гулливера», издал свой роман в виде мемуаров с предисловием некоего Ричарда Симпсона, писавшего, что автором этой книги является близкий его приятель мистер Gulliver. В первом издании 1726 года был дан и портрет самого Гулливера, а под портретом была надпись Captain Gulliver of Redrix (в возрасте 58 лет). Интересно отметить, что фамилию своего героя Свифту не пришлось даже и выдумывать. В Лондоне находилась книжная лавка Лоутона Гулливера, которую и Фильдинг и Арбэтнот избрали для некоторых произведений как псевдоним.

Классические образцы фальшивых мемуаров мы находим особенно во Франции. Некоторые издательства там даже специализировались на подобных мемуарах; таковы были в Париже «L'advocat», и др. В конце 20-х и в начале 30-х годов парижский книжный рынок выбрасывал одну мистификацию за другой. Появились «Мемуары Людовика XVIII, собранные герцогом ***» в двенадцати томах, в основу которых легла книга (поддельных) мемуаров того же Людовика, написанная бароном Лямот-Лангон (Lamothe-Langon), но кто являлся автором двенадцатитомных мемуаров, до сих пор неизвестно. Лямот-Лангон служил сначала префектом Каркассона, но был уволен и специализировался на фальшивых воспоминаниях. Он является автором «Исторических и анекдотических мемуаров герцога Ришелье», вышедших в 1829 году в шести томах, и «Извлечений из мемуаров князя Талейрана». Следующие за этим четырехтомные мемуары Талейрана вышли в 1838 году, и охватили эпоху консульства и империи.

В том же году вышли два тома «Воспоминаний аристократки», агента герцога Ровиго, следившей в Англии за семьей Бурбонов, а автором подделки был тот же Лямот-Лангон вместе с Амедеем Пишо (Pichot) и Ферье (Ferrier). Успех их был так велик, что в том же году вышли еще четыре тома под заглавием «Mémoires d'une femme de qualité sur Louis XVIII, sa cour et son règne». Кроме Лямот-Лангона и Пишо, в этой подделке принимал участие и Шарль Нодье. А в следующем году вышло еще продолжение: «Révélations d'une dame de qualité sur les années 1830 и 1831», написанное в двух томах тем же Лямот-Лангоном. Он же написал еще четырехтомные воспоминания о Марии-Антуанетте от имени придворной дамы графини Д'Адемар (d'Adhemar), вышедшие в 1836 году, и выпустил в следующем году в Лондоне мемуары Софи Арну (Arnould) в двух томах, а в Париже — трехтомные мемуары герцогини Дю-Берри. Помогали ему Гинар (Hinard), Гримо (Grimaud) и Ферье, а для сохранения единства стиля редакция была поручена упомянутому нами Пишо. Материалами для них являлись книги о Дю-Барри, вышедшие в Лондоне до революции, анекдоты о ней, ее письма и книга «Vie d'une courtisane de dix-huitième siècle». Опытным автором фальшивых мемуаров был также и бывший дипломат де-Вилламарэ (de Villamarest), на которого в свое время обратил внимание Наполеон. Получив в свое распоряжение около сотни

страниц воспоминаний Бурьенна (Bourienne), секретаря, а затем министра Наполеона, Вилламарэ выпустил в 1829 — 1830 году в Париже десять томов «Мемуаров г. Бурьенна о Наполеоне, директории, консульстве, империи и реставрации», имевших успех скандала, благодаря некоторым анекдотам, вроде того, как Наполеон «хотел иметь ребенка» от жены одного пехотного офицера Фурэ (Foures) и за завтраком говорил Бурьенну: «Глупышка никак не может его сделать». А когда этой даме намекнули на ряд преимуществ, связанных для нее с рождением ребенка от Бонапарта, она ответила: «Честное слово! Это не по моей вине!» Тот же Вилламарэ написал «Мемуары камеристки Жозефины о частной жизни этой императрицы, ее родни и дворе», вышедшие в 1833 году в двух томах, а также мемуары известного итальянского композитора Бланджини (Blangini), опубликованные в 1835 г. Поддельны оказались и семитомные мемуары маркизы де-Креки (Créqui) за период времени с 1710 по 1800 год, вышедшие в 1834 году и приписываемые Кузену (Cousin) и де-Куршану (Courchamps), имя которого связано и с мемуарами знаменитого Джузеппе Бальзамо, известного под именем графа Калиостро, великого духовидца, дурачившего перед Французской революцией великосветские салоны многих европейских стран. Путешествуя по Европе, он называл себя то графом Фениксом, то графом Пеллегрини, имел высоких покровителей, а среди учеников — кардинала де-Роган, вместе с которым оказался замешанным в известном процессе по делу о «краже ожерелья». От суда ему удалось освободиться. В 1789 году он попал в Рим, где был приговорен инквизицией за «кудесничество» к смертной казни, но папа заменил ему смерть пожизненным заключением, и в 1795 году он умер в тюрьме пятидесяти двух лет. И вот, в 1841 году в парижской газете «Presse» объявлено было о печатании его неизданных мемуаров, будто бы переведенных с итальянской рукописи «par un gentilhomme». Первый эпизод под названием «Val funeste» был напечатан раньше, а в октябре того же года появилась статья, в которой очень убедительно доказывалось, что два эпизода из этих псевдо-мемуаров псевдо-Калиостро почти целиком заимствованы из польских романов Потоцкого. Де-Куршан объяснял неприятное совпадение тем, что, переведя уже давно итальянские мемуары Калиостро, он отдал свой перевод одному польскому магнату графу Паку, который кому-то его доверил, а этот неизвестный сообщил Потоцкому. Затем Куршан был принужден изменить эту версию, и в результате «Пресса» предъявила ему иск о возврате аванса и о возмещении вреда, причиненного газете мистификацией в размере двадцати пяти тысяч франков, и суд с полной достоверностью обнаружил подложность «мемуаров Калиостро», которые благодаря этому и не увидели света.

Для того, чтобы показать интимную жизнь двора Наполеона, мистификаторы издали в 1830—1831 году шеститомные мемуары его первого лакея Константа, в создании которых принимало

участие несколько авторов, среди которых был и ученый антикварий Рокфор (Roquefort). Английский королевский двор также привлек к себе внимание французских мистификаторов, и в 1820 году вышли мемуары «Бергами, любовника английской королевы Каролины», написанные Вату (Vatout).

Мне нет возможности перечислять все мемуары, подделанные от имени известных лиц, о которых говорят историки этого рода литературы. Упомяну только о мемуарах палача Сансона (Sanson), вышедших впервые в 1830 году и переведенных в свое время на многие европейские языки. «Сансоны» — говорит Евгений Ланн, по книге которого «Литературная мистификация» я прямо реферировал большую часть приводимых на предшествовавших страницах фактов, — это династия французских палачей. До Великой революции во Франции, насчитывавшей около ста семидесяти палачей, известно было несколько династий этих «исполнителей высоких дел» (exécuteurs des hautes oeuvres), как они официально именовались. Главнейшей и самой древней из них считалась династия Сансонов — палачей Парижа, Тура и Реймса.

«Французскому историку Ленотру удалось установить, что впервые в архивных материалах упоминается имя Сансон в 1688 году: Шарль Сансон, по прозвищу Лонгваль, указом Людовика XIV назначается палачом Парижа. Его сын Шарль официально наследовал ему в этой должности в 1707 году и в 1726 году через нотариуса передал титул палача своему семилетнему сыну Шарлю-Жану-Батисту, до совершеннолетия которого исполнял обязанности палача его официальный помощник. В 1740 году Шарль-Жан-Батист приступил к исполнению обязанностей, но, разбитый параличом через четырнадцать лет, он более работать не мог, и хотя его старший сын Шарль-Анри фактически замещал его с 1751 года, но титул перешел к Шарлю-Анри, когда третий «monsieur de Paris» из рода Сансонов умер. Официально Шарль-Анри назначен был палачом Парижа после смерти отца в 1778 году, а все шесть его братьев получили назначение на должность палачей в разных городах. Когда разразилась революция, он занимал пост палача уже одиннадцать лет, в 1789 году он с тем же титулом перешел на службу республики и лишь в сентябре 1794 года по болезни сложил свои обязанности. Таким образом, перед глазами его прошла вся революция, и современники дали ему прозвище «Краеугольный камень революции». Преемником его назначен был его сын Анри, после смерти которого в 1840 году официально получил должность «исполнителя служебных приговоров» последний палач из рода Сансонов — Клеман-Анри».

Легко себе представить, как соблазнительно было романисту составить мемуары того из этих «господ Парижа», который служил при революции, и это было сделано Бальзаком в 1829 году. Бальзак здесь собрал много материалов, относящихся к революционной эпохе, но читатель, избалованный уже в те годы мемуарами «скандального» типа, написанными от имени героев

той же эпохи, почти не обратил внимания на Бальзаковские «Воспоминания палача». Псевдо-мемуары эти успеха не имели. Не имели успеха и воспоминания парижского палача Шарля-Анри, вышедшие в следующем, 1830 году и «опубликованные Грегуаром». Это было однообразное собрание бесталанно изложенных анекдотов, относящихся к революции, и никакого интереса не представлявших.

«Иная судьба ожидала третью подделку этого рода, опубликованную в 1863 году в шести томах под названием: «Семь поколений палачей», 1688—1817. Мемуары Сансонов, приведенные в порядок, проредактированные и опубликованные А. Сансоном, палачом при французском суде». На этот раз «Мемуары палача» имели огромный успех. Одно только иллюстрированное издание их разошлось в восьмидесяти тысячах экземпляров, и все шесть томов переводились на иностранные языки. Их воображаемый автор был Анри-Сансон, официально занявший в 1840 году должность, на которую имел права по установившейся традиции. Но он совсем не редактировал воспоминаний своих предков и не давал своих собственных. Прослужив палачом семь лет, он был уволен в 1847 году, и в истории рода Сансонов это был первый и последний случай. Дело в том, что Клеман-Анри любил широко жить и, несмотря на полученное им по наследству состояние, скоро попал в зависимость от ростовщиков. В один прекрасный день они посадили его в Клиши за неплатеж долгов, соглашаясь выпустить только с одним условием: Сансон должен был отдать им под залог задолженных сумм свою гильотину. Рассчитывая скоро расплатиться, он согласился, отдал гильотину, но на свое несчастье скоро получил приказ от судебных властей явиться с нею для исполнения обязанностей. Кредиторы не согласились отдать ее ему до расплаты, и правительство уволило неудачливого палача, назначив на его место другого. Династия Сансонов прекратилась. Клеман-Анри исчез, но в начале 60-х годов его нашел некий журналист, который предложил ему от имени издательства крупную сумму за право воспользоваться при печатании «Мемуаров палача» именем последнего Сансона, как редактора воспоминаний своих предков. Фамилия журналиста, задумавшего эту книгу, была д'Ольбрез (Olbreuse). Сансон согласился дать для нее свое имя. Д'Ольбрез написал к ней предисловие, в котором говорил, что, он, последний из Сансонов, поставил перед портретами своих предков чашу с водой и, принимаясь за эти воспоминания, торжественно вымыл руки для того, чтобы смыть кровь «своих ближних». Составив затем три-четыре первых главы, д'Ольбрез истощил свою фантазию и отыскал какого-то романиста (фамилия его неизвестна), который, в сущности, и написал все мемуары. А Сансон за свое «молчание» получил около тридцати тысяч франков. Мистификация раскрылась в 1875 году, и, таким образом, книга обратилась в простой исторический роман, и даже небезынтересный».

Как совершенно своеобразный повод к мистификации является

«Монашенка» Дидро. В этом романе автор выступает в роли моралиста, но мастерство, с которым написана книга, заставляет забыть о ее тенденциозности.

Номинальный автор и героиня романа — Сюзанна, — шестнадцатилетняя девушка, отдана своей матерью в монастырь. Она наивна, но достаточно наблюдательна для того чтобы читатель пришел в ужас при описании ею закулисных сторон монастырской жизни. Она не только обнажает систему духовного насилия за стенами обителей, но и раскрывает такие тайны монастырской жизни, о которых Франция XVIII века уже узнавала из процессов, но забывала через короткий срок.

Фридрих Гримм — один из виднейших сотрудников «Энциклопедии», рассказывает такую историю создания этого романа. Один из преданных друзей энциклопедистов маркиз Круамар (Croimar) ушел в отставку и в 1759 году уехал в свое нормандское поместье. Для всех членов кружка отъезд Круамара являлся большой потерей. Несмотря на настойчивые просьбы энциклопедистов вернуться в Париж, тот твердо решил оставаться в Нормандии. И вот, Дидро прибег для его возвращения к мистификации. Он вспомнил, что, незадолго перед отъездом Круамара, одна молодая монашенка из Лоншан обратилась к защите суда против ее водворения в монастырь, куда против своей воли она была заключена родителями. Круамар очень возмущался отрицательным ответом суда, и Дидро решил использовать гуманность приятеля в интересах своих друзей. От имени мифической монашенки Сюзанны Симонэн, бежавшей из монастыря, он написал ему письмо с просьбой о помощи и защите. Маркиз принял очень близко к сердцу положение несчастной девушки, и между ними завязалась переписка. По просьбе Сюзанны Круамар адресовал свои письма на имя вдовы офицера мадам Мадэн, жившей в Версале, а она пересылала их к Дидро, не зная о содержании, и через нее же шли ответные письма от Дидро, который хорошо подделывал женский почерк; часть его писем Круамару была от имени Сюзанны, а другая от имени мадам Мадэн. Когда Круамар захотел узнать более подробно биографию Сюзанны, Дидро и перед этим не остановился, и описывая несчастия бедной девушки, увлекался так, что друзья заставали его плачущим над ответными письмами маркизу. Но тот все же обманул ожидания Дидро: вместо того, чтобы возвратиться в Париж, он предложил Сюзанне приехать к нему в поместье компаньонкой его дочери.

«Видя, что мистификация принимает неожиданный оборот, Дидро решил обречь Сюзанну на-смерть и в ближайшем же письме от имени мадам Мадэн сообщил о том, что несчастная девушка умерла. Круамар был глубоко огорчен и просил «вдову офицера» прислать ему записки, которые, яко бы, вела Сюзанна о своем пребывании в монастыре. Неизвестно, послал ли Дидро Круамару эти воспоминания, т. е. написанный им роман «La Religieuse», который появился лишь в 1796 году, через восемь лет после того

как маркиз вернулся в Париж, и обнаружилась мистификация.

И почти каждый из мистификаторов, прибегающих к подделке автобиографических произведений, приписываемых вымышленным авторам, работает над ними так же, как работал Дидро. Основные данные о мнимом авторе сообщаются в предисловии, нередко там же дается и его характеристика, т. е. кладутся первые штрихи образа, который вырисовывается лишь из самого произведения. Иногда предисловия не бывает, но это не мешает тому, чтобы из талантливой подделки вырос цельный и законченный образ. Вполне очевидно, что эффективность произведения стоит в прямой зависимости лишь от степени мастерства, с каким мистификатор разрабатывает образ главного, основного своего героя, вымышленного автора.

Такие мистификации граничат с псевдонимными произведениями. Злостные же мистификаторы обыкновенно пишут не романы.

Немало злостных апокрифов знает история церкви, которой не удавалось в ряде случаев установить реальность неведомых до тех пор и вновь открытых ею писателей. Бесчисленные подделки, авторами которых несомненно являются богословы, коснулись даже и индусов.

Одна из них ввела в заблуждение и Вольтера, нашедшего в Парижской национальной библиотеке книгу «Ezur-Vedam», комментирующую Веды. Он не сомневался, что книга эта «написана была браминами до похода в Индию Александра Македонского», и ее французский перевод, якобы, с санскритской рукописи издан был в 1778 году. Но через некоторое время удалось установить его поддельность. Все было написано католическими миссионерами, в задачу которых входило извращение учения браминов. Да и в Индии, в библиотеке миссионеров найдены были поддельные комментарии такого же религиозно-полемического характера к другим частям Вед, также приписанные браминам. Аналогичной подделкой введен был в заблуждение и английский санскритолог Джонс (Jones), переведший вновь открытые им стихи из Пураны, излагающие историю Ноя и написанные каким-то индусом в виде старинного санскритского манускрипта. Да и вся вообще древняя литература настолько неуместна для той стадии умственного и литературного развития, какая была за 2000 лет до нашего времени, что ее целиком приходится отнести к мистификациям.

Ученые Эпохи Возрождения не довольствовались «находками» рукописей уже известных до них писателей, они сообщали друг другу об «открытиях» ими и новых неведомых до тех пор авторов, как сделал в XVI веке Мюрэ, прислав Скалигеру собственные свои стихи под именем забытых латинских поэтов Attius'a и Trabeas'a. Даже историк Ж. Бальзак создал вымышленного латинского поэта. Большой мастер латинской версификации, он включил в издание своих латинских стихотворений, вышедших в 1665 году, после его смерти, одно, восхвалявшее Нерона и, якобы,

найденное им на полуистлевшем пергаменте и приписанное неизвестному современнику Нерона. Стихотворение это долгое время не вызывало никаких подозрений и включалось в антологии латинских поэтов, пока не удалось доказать его поддельность.

Перечислять аналогичные подделки — значило бы дать полный каталог всей латинской и греческой литературы, и потому мы отметим лишь уже давно доказанные. В первую очередь следует упомянуть об опубликованном Монтескье в 1729 году французском переводе замечательной греческой поэмы в духе Сафо, очень скоро переведенной с его перевода и на другие европейские языки. В предисловии своем автор «Духа законов» сообщал, что эти семь песен, носящих общее имя Temple de Cnide, написаны неизвестным поэтом, жившим после Сафо, и найдены им в библиотеке одного греческого епископа. Только значительно позже Монтескье признался в своей мистификации. Не менее искусно были подделаны в 1826 году знаменитым итальянским поэтом Леопарди две греческие оды в стиле Анакреона, написанные, якобы, неведомыми до тех пор поэтами. Он же издал и вторую свою подделку — перевод латинского пересказа греческой хроники, посвященной истории отцов церкви и описанию горы Синая.

Но едва ли не самой удачной из подделок античных классиков следует признать мистификацию Пьера Луиса (Louys), отделенную от нас сравнительно небольшим промежутком времени. Томик его «Песен поэтессы Билитис» вышел в 1894 году, а раньше отдельные ее песни печатались им в «Mercure de France». В предисловии к сборнику Луис сообщал о найденных им «песнях» этой неизвестной греческой поэтессы шестого века до нашей эры и упомянул о том, что некий d-r Heim даже разыскал ее могилу в Palaeo Limisso. Два немецких ученых — Эрнст и Виламовиц-Мюлендорф — тотчас же посвятили новооткрытой поэтессе статьи, и имя ее было внесено в «Словарь писателей» Лолье и Жиделя, как автора «элегий и пасторалей», а в следующем издании «Песен» Луис поместил и ее портрет, для которого скульптор Лоранс скопировал одну из терракот Лувра. Успех Билитис был так велик, что немало посетительниц Лувра разыскивали в античных залах бюст «новой Сафо», а одна из писательниц с воспитательной целью поместила несколько из них в «Revue des jeunes filles», как образцы высокого эллинского искусства. Еще в 1908 году не всем известно было о мистификации Луиса, так как в этом году он сам получил от одного афинского профессора письмо с просьбой указать, где хранятся оригиналы песен Билитис.

Но мистификаторы находили «неизвестных поэтов» не только в античном мире. Я уже говорил, что античностью, наконец, пресытились. Стали «открывать» замечательных писателей, живших и в эпоху средневековья и в новое время. Среди таких открытий едва ли не самым значительным являются Чаттертоновы «Поэмы Роулея». Автор недолго вводил в заблуждение иссле-

дователей, но, тем не менее, его мистификация должна занять место в первом ряду замечательных подделок.

«Томас Чаттертон, — говорит Евгений Ланн,[1] — жил недолго. Восемнадцати лет он покончил с собой. Его жизнь, поэтическая судьба и история его мистификации представляют для нас особый интерес, так как наследие, оставленное этим мальчиком, не позволяет сомневаться, какого великого поэта в нем потеряла Англия».

В одном из старинных английских городов, Бристоле, у музыканта, поэта и фантазера Томаса Чаттертона, певчего бристольского собора, в 1752 году родился сын, которому дали имя Томас. Дядя Томаса служил пономарем в старинной редклиффской церкви, «гордости Бристоля и западных земель». Все детство Томаса связано с этой редклиффской церковью — великолепным образцом готики. С малых лет он дышал воздухом средневековья. Для впечатлительного мальчика, сжившегося со статуями рыцарей и монахов и проводящего все досуги в церкви, словно не существовало Бристоля XVIII века. Средневековая готика не только дала толчок развитию его эстетического вкуса, но и строго ограничила круг его интересов. Он жил в прошлом и хотел об этом прошлом знать как можно больше. Отданный в школу при Кольстонском госпитале, расположенном у развалин старого кармелитского монастыря, он очень много читал. Уже в восемь лет от роду он мог заниматься целый день не отрываясь. Творческая фантазия его заполнена была образами средневековой Англии; он словно торопился прочесть все, что рисовало ему быт и нравы XV века, и по скудным упоминаниям в отчетах магистрата о тех или иных жителях средневекового Бристоля он пытался воссоздать давно забытые образы его жителей. Одиннадцати лет он впервые выступил в печати. Во дворе редклиффской церкви кто-то разрушил крест, и Чаттертон послал в местную газету сатиру на «церковных вандалов». А летом 1764 года он уже сообщил одному из своих товарищей по школе о том, что нашел в одном из ящиков редклиффской церкви много старинных рукописей.

Так, у двенадцатилетнего Чаттертона уже оформились все те образы, которые он ввел в свою мистификацию. Когда-то, в XV веке редклиффскую церковь реставрировал бристольский купец Кениндж. По старинным документам Чаттертон смог восстановить некоторые пункты его биографии: купец несколько раз бывал мэром города в эпоху Генриха VI и однажды послан был Бристолем в парламент. Его фигура подверглась у Чаттертона основательной творческой разработке. Он сотворил из него просвещенного покровителя наук и искусств, окружил его частью историческими лицами, о которых он узнал из городских отчетов, частью вымышленными, среди которых создал выдающуюся фигуру поэта Томаса Роулея (Rowley), приходского священника, и любителя древних рукописей, ставшего чем-то в роде домаш-

[1] Евгений Ланн, Литературная мистификация, стр. 181.

него поэта при Кениндже. Этот воображаемый Роулей и писал, яко бы, для домашнего театра своего бристольского купца интерлюдии «Элла», «Годвин» и др. Сам Кениндж тоже, по замыслу мальчика, занимался литературой, и Роулей нередко восхваляет своего покровителя в приветственных стихах. Участвовали в этом воображаемом кружке и другие поэты: вымышленный каноник Джон Икэм, писавший иногда совместно с Роулеем, и Джон Лидгэт — популярный поэт той эпохи.

По мере создания всех этих интерлюдий и поэм, мальчик все чаще и чаще упоминал товарищам по школе и своему наставнику о сделанной им «находке» в редклиффской церкви старинных манускриптов: произведений Роулея, описаний некоторых городских событий, писем, заметок, счетов и т. д. В 1767 году он показал одному оловяннику Бэргему пергамент, украшенный гербами, на которые, яко бы, имели право его предки, а также поэму, написанную одним из этих предков. Затем он дал Баррэту, собиравшему материал по истории Бристоля, копии различных документов, относящихся к редклиффской церкви, и две поэмы вымышленного им Роулея: «Битва при Гастингсе» и «Парламент духов». А в следующем году в «Бристольской газете Фарлея» появилась новая подделка: в связи с отрытием моста через реку Эвон Чаттертон анонимно послал редактору описание бывшего там старинного моста в эпоху Генриха II, яко бы скопированное со старых рукописей. Вслед за тем он передал Кэткотту несколько копий «Трагических интерлюдий Роулея»: «Элла», «Бристольская трагедия» и др. Одну из копий «Эллы» он послал лондонскому издателю Додсли, но тот ничего не ответил. Затем Чаттертон послал Горэсу Уольполю копию отрывка из «The Ryse of Peynteynge in England — произведение, якобы написанное Роулеем для Кенниджа, где он излагал историю некоего Эффлима, живописца по стеклу, взятого в плен датчанами. Уольполь не заподозрил тут никакой мистификации, и в ответном письме дал очень высокую оценку «стихам аббата Джона», запросив Чаттертона и о том, где были им найдены рукописи.

Но второй присланный отрывок того же произведения вызвал у Уольполя подозрение. В то время общественное мнение уже склонялось к выводу о мистификации Мак Ферсона, и потому Уольполь насторожился. Посоветовавшись с Греем, он признал второй отрывок поддельным, о чем очень мягко сообщил юноше в Бристоль и отослал ему рукопись. Как раз в то время Чаттертон начал сотрудничать в лондонском журнальчике «Городской и сельский журнал», куда посылал свои статейки и небольшие стихи. В этом журнале ему удалось поместить и единственную поэму от имени Роулея, «Элинор и Джюг», напечатанную еще при жизни юноши.

В следующем, 1770 году он переехал в Лондон. Его литературный заработок был так ничтожен, что нередко он в течение трех дней ничего не ел. В августе того же года он отравился.

Смерть его прошла, конечно, незамеченной. Но мало-по-малу

распространился слух о том, что в Бристоле хранятся старинные рукописи, а юноша, «открывший» их, умер от голода. Через шесть лет после его смерти Сэмюэль Джонсон, отрицавший, как мы видели, подлинность Оссиана, приехал в Бристоль и исследовал рукописи погибшего поэта — «поэмы Роулея». Свое мнение о Чаттертоне он сформулировал так: «Это—самый исключительный юноша из всех, которых я когда-либо знал. Удивляться нужно тому, как мог этот ребенок написать такие вещи».

Несмотря на то, что «Поэмам Роулея», изданным через год, было предпослано издателем предисловие, в котором раскрывалась мистификация, вокруг вопроса о подделке завязался спор. Четверо ученых богословов — Симон, Шервин, Брайан и Милль — отрицали мистификацию. Но пергаменты Чаттертона подделаны были очень неумело—мальчик не был искусен в тонкостях мистификации. Указаны были и филологические ошибки.

Что же касается до художественных достоинств поэм Чаттертона от имени Роулея и до способности гениального мальчика передать дух средневековья — об этом не было спора. Англия потеряла, по словам Мэлона (Malone), «величайшего гения со времен Шекспира».

Но и далекий от Западной Европы азиатский Восток тоже не ускользнул от внимания мистификаторов. Как перевод с арабского манускрипта, вышла в 1786 году замечательная повесть «Vateck», которая, по словам Байрона, «превосходит все европейские подражания». Но в этой мистификации автор был не повинен. Имя его было Бекфорд (Beckford), и написал он свою повесть в трое суток, без всякой мысли о подлоге, по-французски, а английский переводчик Генли (Henley) напечатал ее во время его отсутствия из Англии, как перевод с арабской рукописи. Рассерженный Бекфорд издал тогда в Лозанне «Vateck'a» по-французски, и на этом языке повесть неоднократно переиздавалась. Большой успех в середине XVIII века имела также книга «Экономия человеческой жизни», написанная, яко бы, брамином и пе, еведенная, будто бы, с индусского манускрипта. Книга эта неоднократно переводилась на ряд европейских языков, причем европейского автора ее установить не удалось и по настоящее время.

С псевдо-арабской рукописи переведена была и «История завоевания Испании маврами», вышедшая в двух томах в 1600 году от имени Абул-Касима — одна из самых старых арабских подделок. Значение этой псевдо-арабской хроники для псевдо-истории Испании было очень велико. Книгой Абул-Касима, мнимого автора ее и современника завоевания, пользовались все историки XVII века как материалом, не вызывающим никаких сомнений, вплоть до начала XVIII века, когда было доказано, что псевдо-переводчик ее Мигель-де-Луна (Miguel de Luna) сам написал всю эту историю, замистифицировав европейских ученых. Большую сенсацию вызвала также находка итальянского антиквария Курцио (Curzio). В 1637 году он опубликовал «Фрагменты этруской древности», будто бы, по манускриптам, найденным им закопанными в землю. Но находка скоро была разоблачена: установили, что Курцио, чтобы придать пергаменту старинный вид, сам закопал подделанный им документ в землю. Такая же судьба, т. е. разоблачение, постигла и изданную в начале XVIII века рифмованную старинную хронику по истории Бельгии—«Analecta Belgica». Но особенно интересна была история раскрытия следующей подделки. В 1762 году капеллан Мальтийского ордена Велла (Vella), сопровождая в Палермо арабского посла, при посещении им одного из аббатств, увидел там в библиотеке старинную арабскую рукопись. Эта находка натолкнула его на мысль «помочь какою-либо подделкою историкам Сицилии найти материалы для освещения ее двухвекового арабского периода. Когда посол уехал в Африку, Велла распустил слух, что этот дипломат нашел древнюю арабскую рукопись, содержащую переписку между властями Аравии и арабскими губернаторами Сицилии. Для того, чтобы заручиться доверием и покровительством архиепископа Гераклеи, он предварительно подделал для него свою, яко бы, переписку с арабским дипломатом, нашедшим упомянутую рукопись. И вот, в 1786 году во всех европейских газетах было объявлено о выходе итальянского перевода найденной рукописи. Через три года книга вышла «трудами и иждивением» архиепископа Гераклеи, который захотел издать также и арабский подлинник, но для того, чтобы скрыть свое незнание арабского языка, Велла подделал арабский манускрипт так, что ничего в нем нельзя было разобрать. Немецкий ориенталист Гагер (Hager) заподозрил мистификацию, и Велла должен был перед особой комиссией доказать свое знание арабского языка. Архиепископ Гераклеи, уже посвященный в мистификацию, должен был спасать не только автора подделки, но и свой престиж, и он составил комиссию из лиц, тоже не знающих арабского языка. Перед такими экспертами Велла выдержал экзамен, но вскоре устыдился и сам решил сознаться в подделке. Наказан он был пятнадцатилетним заключением и конфискацией всего своего имущества; второй том его книги «Kitab, divan mesr» никогда не увидел света.

«Жанр путешествий, совершенных несуществовавшими лицами и затем описанных от их имени, зародился еще много веков назад. [1] Едва ли не самым древним образцом этого жанра литературной подделки является прославленная книга «Путешествие сэра Джона Мандевилля», написанная в конце 60-х годов XIV века по-французски и ставшая любимой книгой Франции и Англии в средние века.

«Сэр Мандевилль, будто бы, отправился из Сент-Альбона в Иерусалим, Китай, Океанию — страну пяти тысяч островов — и сообщил такое множество сведений об этих далеких странах, что средневековый читатель мог считать себя удовлетворенным.

[1] Опять цитирую по переводам Евгения Ланна. Очень извиняюсь перед автором, если заимствовал у него слишком много. Но мне трудно было раздобыть его первоисточники, и потому я прямо положился на его переводы, не проверяя их по оригиналам.

Ни один из путешественников не собрал в своей книге столько сведений о неведомых землях—даже сам Марко Поло. Мандевилль видит людей, шипящих как змеи, видит людей с собачьими головами, или с такими ногами, которые заменяют им зонтики, и т. д. Когда путешественник, яко бы, сомневается в том, что ему могут не поверить, он ссылается на Плиния, заверяя, что сам проверил его сообщения. При этом он искусно перемежает чудеса с точными фактами, говорит о «дереве, производящем шерсть» (хлопок), о круглой форме земли, о маленьких ногах у женщин Китая, о магнитной стрелке и т. д., нанизывая все, что можно было вычитать у прежних путешественников.

«Огромный успех «Мандевилля» сказался прежде всего в том количестве копий, которые сохранились в библиотеках до нашего времени; этих списков насчитывается до трехсот. Популярности книги Мандевилля способствовало, конечно, и то обстоятельство, что написана она была не по-латыни, а по-французски, и таким образом она была доступна не только клирикам, чего и желал автор. В предисловии он обращается с просьбой ко всем, кто «был за морем», внести поправки в его книгу, а так как многие «бывшие за морем» не знают латыни, то он и избирает французский язык. Пять столетий европейские ученые не сомневались в существовании сэра Мандевилля. Только в конце прошлого века доказано было, что путешественник, так популярный в средневековьи, вымышлен доктором Жаном Бургундским, по прозванию Бородатый, умершим в 1372 году и похороненным в Льеже. Таким образом, сэра Мандевилля можно считать первообразом исследователей, никогда не бывавших в описанных ими странах,

«Нередко авторы прибегали и к описанию путешествия по своей родине, приписывая книгу какому-нибудь иностранцу, и открывая этим себе возможность показать с новой точки зрения свою привычную обстановку, свой быт и социальный строй. В таком роде в 1807 году Соуси (Southey) дал трехтомное описание Англии от имени испанца дона Мигеля Альвареца Эсприэлья (Espriella), «Письма из Англии», а в 1823 году аналогичную подделку издал в той же Англии Пэтмор (Patmore) — от имени француза, графа Солиньи (de Soligny)».

Но этого рода мимикрию скорее надо считать за особый прием художественного литературного творчества, а не за желание обмануть публику содержанием своей книги.

Я не могу не обратить здесь внимания читателя на то, что и вообще обычай выпускать какую-либо книгу от своего имени и на свою ответственность возник не так уже давно.

Вплоть до изобретения печатного станка, когда рукопись автора могла даваться для чтения или переписки лишь из рук в руки по знакомству, на ней вообще не ставилось имени автора, которое предполагалось заранее известным, если автор по тем или другим причинам не выдавал своего произведения за открытое им в каком-либо подвале чужое. Так без имени авторов остались у нас все библейские книги. Ни на «Бытии», ни на «Исходе», ни на «Левите», ни на книгах «Эсфирь, Руфь, Иов», «Цари» или «Слова Денные» (так называемый Паралипоменон), не написано: «сочинение такого-то автора». Псевдо-пророчества Иезеки-ил, Дани-ил, Иса-ия, Захар-ия, как я уже показал в первом томе «Христа», вовсе не имена авторов, а оставленные без перевода заголовки самих книг: Иезеки-ил значит: «Осилит бог», Дани-ил значит: «Правда божия», Иса-ия значит: «Бог-Исус» или «Бог-Спаситель», Захар-ия значит: «Помнит бог» и т. д.

Впервые имя автора мы находим в Апокалипсисе, где прямо сказано: «Я, Иоанн, видел и слышал все это», а потом находим мы имена авторов при всех евангелиях, но они написаны еще не авторами, а последующими переписчиками их рукописи, чтобы удовлетворить запросу публики, желающей знать, насколько компетентен тот, кто сообщает эти сведения о земной жизни «Сына божия». И мы сразу видим, что тут же произошла и первая мистификация: авторы, жившие в VIII—X веках, были объявлены непосредственными учениками самого Христа, к которым причислен и автор Апокалипсиса.

Мы видим, таким образом, в «Новом Завете» и первое литературное произведение с именем автора, и первые литературные мистификации: отнесение авторов в непринадлежащую им древность, хотя сами авторы и не являются тут симулянтами, да и отнесшие их в далекие века, повидимому, сделали это не с целью обмануть кого-нибудь, а по своим легкомысленным догадкам.

Такого рода бессознательными апокрифами должен быть полон весь канун нашей современной книгопечатной эры, когда большое число накопившихся анонимных рукописных сочинений должно было прежде всего вызвать у коллекторов желание их классифицировать, относя однородные по стилю произведения какому-либо одному из предполагаемых древних авторов и создавая этим самым воображаемые древние знаменитости. А они потом стали вызывать себе подражания у предумышленных мистификаторов и симулянтов. В этом случае приходится удивляться лишь незначительной величине воображаемой греческой и латинской классической литературы, зарегистрированной в первое столетие книгопечатания.

Мы все привыкли с детства считать ее чем-то великим, а при проверке действительным подсчетом оказывается, что всю ее можно уместить (как я не раз уже говорил) в одном или двух книжных шкафах, тогда как современные национальные литературы культурных стран требуют для себя огромных зданий и тысяч таких шкафов.

Но мы оставим в покое апокрифы по ошибке коллекторов, как не заключающие в себе предумышленного обмана; ведь, самый добросовестный человек способен ошибиться. Мы вернемся снова к тем, в которых заключаются признаки лживости и притворства авторов.

Склонность к симуляции, притворству и актерству, как я уже ранее показал, является характеристикой еще до-челове-

ческого животного мира. Она образовалась, как средство самозащиты в период детской слабости каждого живого существа, и, как способность, перешла к первобытному человеку чисто наследственным путем, а в виде антитезиса к этому развилась и потребность в правдивости к себе со стороны окружающих. «Хорошо, если я обману кого-нибудь, но не хорошо, если меня обманут»,—это представлялось ясным для первобытного человека, еще не дошедшего до представления, что другие люди таковы же, как он. Но вот, наступил момент, когда правдивость стала у многих доминирующей не только на словах, произносимых по способу попугая, но и на деле. Инстинкт симуляции и инстинкт правдивости столкнулись между собою; в более развитых в альтруистическом смысле душах теперь уже побеждает последний, а в менее развитых еще первый. В области слова влияние обоих выступает особенно ярко, и потому, наблюдая процентное падение фантастической псевдологии в литературе данной страны, мы могли бы даже судить и о ее моральной эволюции, если б этому не мешал ряд посторонних, так сказать, прикладных обстоятельств. Одному, как мы видели, мешали сословные предрассудки, например в XVII веке во Франции, когда, видя в своей среде презрение к литературному труду, Ла-Рошфуко и Де-Лафайет выпустили свои произведения анонимно; другому мешал политический режим, как, например, вышло в восемнадцатом веке в Англии с прославленными «Письмами Юниуса» и с памфлетами Свифта и Дефо; третьему—мешала угроза служебных неприятностей, которых, не без основания, могли опасаться чиновники и военные. В области свободной мысли и науки псевдоним являлся наилучшим щитом против религиозной нетерпимости. А новичкам всегда мешала выступить открыто неуверенность в своих писательских силах.

Во всех этих случаях отчуждения своей собственной литературной продукции нет еще ничего болезненного и вредного в общественном смысле; непосредственно наблюдается часто даже польза, как, например, во времена инквизиции, когда всякую но христианскую идеологию можно было, не опасаясь сожжения на костре, опубликовать только под видом литературного произведения до-христианского, латинского или греческого автора. Но после временной пользы наступал затем, как и от всякой, даже вынужденной лживости, значительный вред.

Обманув противника, автор обманывал также и всех жаждавших вместе с ним света истины. Он внушал превратные представления о давно минувших временах, приписывая им идеологию и литературу, которая характеризовала лишь его собственное время, и затруднял открытие эволюционных законов человеческой общественной жизни.

Я не могу здесь удержаться от того, чтобы, заканчивая этот отдел психологии притворства и обмана, еще раз не воспользоваться книжкой Евгения Ланна «Литературная мистификация», хотя, может быть, автор и не согласится со мною, что вся псевдо-великая классическая греческая и латинская литература

есть литературная мистификация Эпохи Гуманизма. К этим выводам я пришел еще во время заточения в Шлиссельбургской крепости, но он настолько полил воду на мою мельницу в своей книжке, что я не могу воздержаться, чтобы не сделать из него уже в корректуре еще одной выписки:

«История мировой литературы, зная о фальсификации многих ее памятников, старается о ней забыть»,—недурно говорит он на странице 5 своей книги и продолжает: «Эразм с горечью жаловался еще в XVI веке, что нет ни одного текста «отцов церкви» (*т. е. первых IV веков христианства*), который можно было бы безоговорочно признать подлинным. Судьба памятников (греческой и латинской) древней литературы настолько же незавидна».

А вот, я далее буду доказывать, что еще более незавидна достоверность старинных памятников азиатской литературы и что есть все шансы за то, что даже основная часть знаменитой «Тысяча и одной ночи» написана по-французски Галланом для придворных французского короля в промежуток между 1707 и 1713 годами и что найденные потом ее арабские рукописи являются на самом деле исправленными и сильно дополненными переводами с его французского оригинала... Но об этом еще будет подробно говорено мной в последнем томе моего настоящего исследования, когда я снова выведу на сцену «Христа», преображенного азиатскими богословами в «будителя» — Буду.

Однако, мы пока оставим в покое азиатский Восток и задержимся немного в Европе.

Яркие примеры фантастической лживости (pseudologia phantastica) особенно часто встречаются в «Житиях Святых.»

Правда, что среди чисто галлюцинативных проявлений кошмарного или эротического характера в произведениях церковных авторов Эпохи Гуманизма, написанных от имени апокрифических святых, и среди явно бредовых умствований, которыми полны наши якобы светские средневековые первоисточники общественных и умственных течений, относимых за пределы Эпохи Гуманизма — встречаются время от времени, как островки среди безбрежного моря фантазии, очень правдоподобные по внешности сообщения. Между рассказом о видении на небе «честного и животворящего креста» на одной странице и рассказом о появлении из-под земли сатаны в виде козла на другой, мы находим часто правдоподобные сообщения о походе какого-нибудь императора на другого, соседнего с ним. Но имена обоих всегда оказываются на их родном языке простыми прозвищами, вроде Богопризванный, Достойный, Крепкий, Черный, и только в умах незнакомых с их языком людей они принимают вид не имеющих никакого смысла собственных имен: Диоклетиан, Валент, Константин, Нерон и т. д.

Но точно ли все эти «богопризванные», «достойные», «крепкие» и «черные» — более реальные люди, чем и появляющиеся над ними на небе животворящие кресты и выскакивающие под

ними из-под земли злые духи в виде козлов, вступающих с ними в разговоры?

Ведь, во всякой галлюцинации есть и правдоподобные детали, и во всяком бреде проскальзывают и вполне логические фразы. Отсутствие абсурда в каком-либо сообщении не есть еще доказательство правдивости данного сообщения, и если тот же самый рассказ повторяется у разных авторов почти теми же словами, то это еще не значит, что все они получили его от отдельных правдивых очевидцев, а не заимствовали из одного и того же псевдологического первоисточника.

Единогласное утверждение одной и той же лжи многими лицами еще не делает ее правдой. Оно показывает только один первоисточник.

С этой точки зрения лучше всего руководиться лингвистическими следами в именах действующих лиц и в местах их действия и особенно ценить такие проверенные астрономическим путем документы, которые бросают не односторонний, а разносторонний свет на то же событие, подобно рисункам, изображающим вид того же здания не с одного и того же пункта, а с разных сторон, вследствие чего оно и кажется с первого взгляда неузнаваемым.

Так мы и делали во всем этом исследовании.

В одном из предшествовавших томов, говоря о западной христианской церкви, я показал, как поздно она отделилась от светского театра и от публичного дома, которые в средние века, вплоть до Григория Гильдебранда, совершенно сливались с нею. И это же пришлось мне сказать теперь о византийской церкви до и даже после крестовых походов.

Но кроме публичного дома здесь господствовало и сознательное, и бессознательное надувательство. Я не буду говорить уже о многочисленных явленных иконах, нерукотворных образах и о чудотворных нетленных трупах, которые выдавались за сохранившиеся в таком виде, как будто они только-что заснули. Мне вспоминается случай, когда меня еще одиннадцатилетним мальчиком мать взяла в один из монастырей. Меня поставили рядом с закрытым серебряным гробом, где, как сказали мне, лежал какой-то нетленный святой, «словно сейчас положенный туда». Сбоку этого серебряного гроба было сделано круглое отверстие, величиной со старинный пятачок, для поцелуев святого локтя, прилегавшего плотно к отверстию.

— Почему же святой такой черный? — спросил я, увидев под отверстием нечто вроде аспидной доски.

— От губ грешников, — спокойно ответила мне стоявшая тут монахиня.

Я со страхом приложился к черному предмету и долго потом обтирал себе тихонько губы из страха, что грехи грешников перешли на меня и мои губы тоже почернели, как тело святого. И я выпячивал их время от времени, чтобы посмотреть на них, и лишь придя домой, убедился в зеркале, что они в полном порядке.

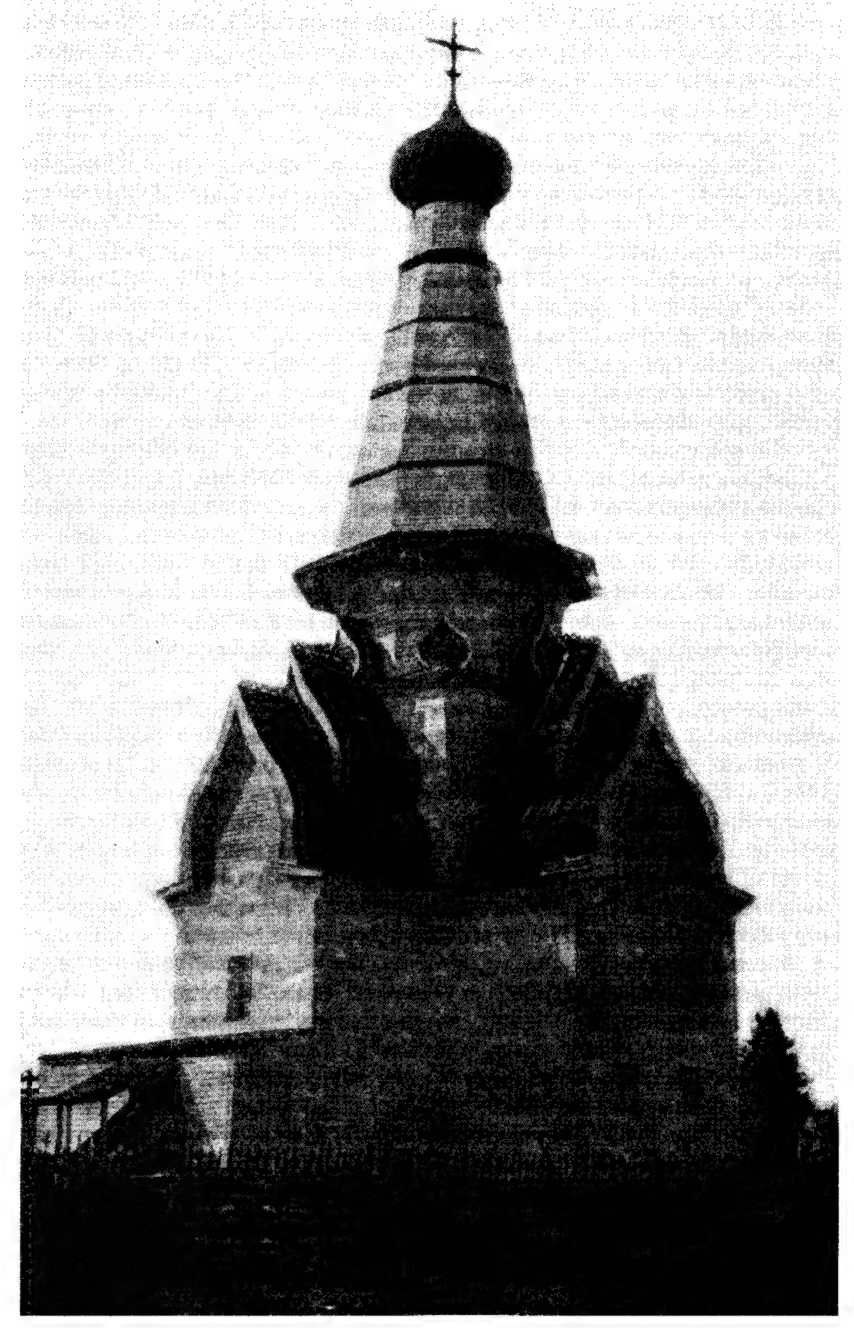

Рис. 144. Тип старинной русской церкви.

Вспоминая теперь тот спокойный и неторопливый ответ монахини, я ясно понимаю, что он был обычен для очередного стража этого трупа, давно подготовлен и употреблялся всеми монахинями единогласно, и так же спокойно, несчетное число раз на такие же недоуменные вопросы посетителей.

Как можно объяснить такой вполне сознательный, давно обдуманный и уверенно-произносимый обман? Только тем, что «хорошая цель оправдывает дурные средства»? Или это вкоренившаяся привычка ко лжи? Ведь, едва ли все молодые монахини и монахи, вступая в такую обитель, заранее шли туда с целью надувать, а не по искреннему желанию послужить всемогущему богу. Какой же деградационный моральный процесс был нужен для того, чтобы по слову своего священника примириться с фактом, что полусгнившие трупы выдаются ими за нетленные, когда этими же трупами когда-то были обмануты и они сами?

Ведь, сознательный обман и плутовство органически противны человеку, и всякий ребенок, которому рассказывают неточно уже слышанную им сказку, тотчас же поправляет рассказчика и восстанавливает рассказ буквально в первоначальном виде. Значит, желание правдивости не есть привитый нам позже условный рефлекс, а первоначальное прирожденное чувство. Условным рефлексом является, наоборот, лишь привычка к лживости, заимствованная уже позднее детского возраста от зараженных этою болезнью взрослых знакомых и родных. Лживость появляется первоначально лишь как средство слабого телом или волей защититься от насилия сильного. А потом она развивается как ложь против лжи у правдивого по натуре человека, если он убедился, что правдивость — плохое оружие в борьбе против искусного лжеца и что при ней одной он всегда будет им погублен или побежден.

Но, ведь, никакого такого оправдания не мог дать себе служитель всемогущего бога, убежденный, что хотя «враг человеческого рода и силен», но бог сильнее. Истинно верующий во всевидящего и всеслышащего бога-отца и таких же всевидящих и всеслышащих бога-сына и его матери, не мог не сознавать, что они видят и слышат и его собственную ложь для их неуместной защиты, и что он, следовательно, не верит в их всемогущество. Ведь, он мог быть уверен, что они накажут его за это, а не похвалят «на страшном суде». Отсюда ясно, что вся монашеская церковная иерархия на Востоке и Западе, сверху до низу, была подбором с самого начала сознательных обманщиков, служивших вместо бога самим себе и своим соучастникам в обмане, или же она состояла из умственно и нравственно ограниченных и слабовольных людей, когда-то искренно веривших в святость церковных реликвий и вовлеченных их учителями в коллективный обман остального населения. Невольно ассимилировавшись с ними от продолжительного, сначала невольного (с внутренним протестом и боязнью) сожительства, они потом уже без всякого протеста сами стали давать лживые ответы, как в приведенном случае со мной, уже машинально, рефлективно, думая о другом и не отдавая себе отчета в том, что они говорят заведомую ложь. Иначе протестанты против трупопоклонства появлялись бы в монастырях десятками, если не сотнями, каждый год, и слухи об истинном состоянии заделанных в серебряные и золотые гробы полусгнивших (или уродливо, как палки, засохших) трупов, распространились бы в публике с самого начала этого страшного культа и помешали бы ему просуществовать тысячу лет во всей Европе и части Азии и Африки.

Лишь в германских странах Лютер и Кальвин обличили истинное состояние католической церкви, создав более разумную по своему времени и честную по своей сущности теологию. А на Востоке коллективное монастырское шарлатанство с его явленными и нерукотворными иконами, с его обмотанными ватой чудотворными полу-скелетами не нашло среди тысяч своих служителей (не могших, повторяю, не знать прекрасно истинного состояния своих, яко бы, священных реликвий) ни одного протестующего руководителя. А если такие и находились время от времени, то были навеки заточаемы с помощью царей в каких-нибудь монастырских тайниках остальными своими соучастниками в этом коллективном преступлении.

И вот, на славянском Востоке пришлось ждать того времени, когда при страшном крушении Русской империи, опиравшейся на такой прогнивший морально фундамент, за освидетельствование монастырских чудес взялась революционная власть. А греческий Восток стоит и теперь еще на очереди такого же наказания, если останется и далее на своем еще более низком моральном уровне, чем он был в царской России. Возьмемте, хотя бы, божественный огонь, ежегодно возгорающийся по молитве палестинского патриарха на лже-иерусалимском жертвеннике. Может ли быть большей иронии судьбы?! Подложный небесный огонь, ежегодно нисходящий на подложный жертвенник в подложном Иерусалиме!

Но в данном случае нам важен не огонь, а нечто совсем другое. Нам важно решить, какой подбор почетных потомственных лжецов был нужен в палестинской церкви для того, чтобы от поколенья к поколению иерусалимских патриархов (см. табл. в начале этого тома) не оказалось среди них ни одного, кто возмутился бы этим невероятным шарлатанством и не объявил бы всем и каждому, каким способом производится такой фокус, передающийся традиционно от одного фокусника к другому в продолжение более тысячелетия?

Так ложные идеи, достигнув господства, сейчас же превращаются в заговор одержимых ими людей против всего населения. Победившие фанатики, видя бессилие того, во что верили, быстро превращаются в принципиальных лжецов, ревниво продолжающих выдавать свой обман за истину и беспощадно уничтожающих всех, кто пытается хотя бы намекнуть на то, что они, или их руководители, ошиблись.

Таковы были люди, стоявшие во главе греческой мо-

ральной, религиозной, а с нею и умственной культуры в средние века.

В союзе с подчинившейся им светской властью они уничтожили на греческом Востоке ради осуществления своей мании все изящные искусства, всякую скульптуру, всякую светскую живопись и изящную литературу. Под их совместным владычеством не могли появиться там ни Коперник, ни Ньютон, ни Дарвин, ни Лавуазье, для наличности которых нужен был европейский Запад. Только на нем, где благодаря разъединению центра светской власти, установившейся по географическим условиям в Германии и Франции, и центра духовной власти, установившейся по геофизическим причинам в отдаленном от нее Риме, ни староверская полуязыческая до Григория Гильдебранда, ни обновленческая монашеская после него католическая церковь не могли задушить свободной человеческой мысли. А на греческом Востоке, где центром как духовной, так и светской власти был тот же самый Константинополь, светская власть была неизбежно всегда под непосредственным влиянием и давлением церковной, уже обратившейся, как мы видели, в заговор духовенства против остального населения. Вот почему и светская греческая литература с ее Софоклами, Аристофанами, Гомерами, Аристотелями, Эвклидами и т. д. могла возникнуть лишь вне Константинополя, в тот период, когда латинский Запад во время крестовых походов освободил от Византийской власти значительную часть греческой территории. А потом, когда исламиты, очевидно представлявшие лишь ответвление иконоборцев, вытеснили латинян с Балканского полуострова, аттическое наречие греческого языка стало международным литературным языком на европейском Западе, и на нем стала развиваться там действительная научная литература в апокрифической форме. А на греческом Востоке продолжали господствовать главным образом психопатические богословские и богословско-исторические произведения, рисующие прежнюю средневековую византийскую духовную культуру в совершенно извращенном виде. И как признак вырождения этого массового помешательства началось разложение его первичной бредовой апокалиптической идеологии на ряд враждующих друг с другом вариантов.

Рассмотрим же и этот процесс.

ОТДЕЛ I

ПРИДУМАННЫЕ И АПОКРИФИЧЕСКИЕ ЕРЕСИ ПЕРВЫХ ЧЕТЫРЕХ ВЕКОВ

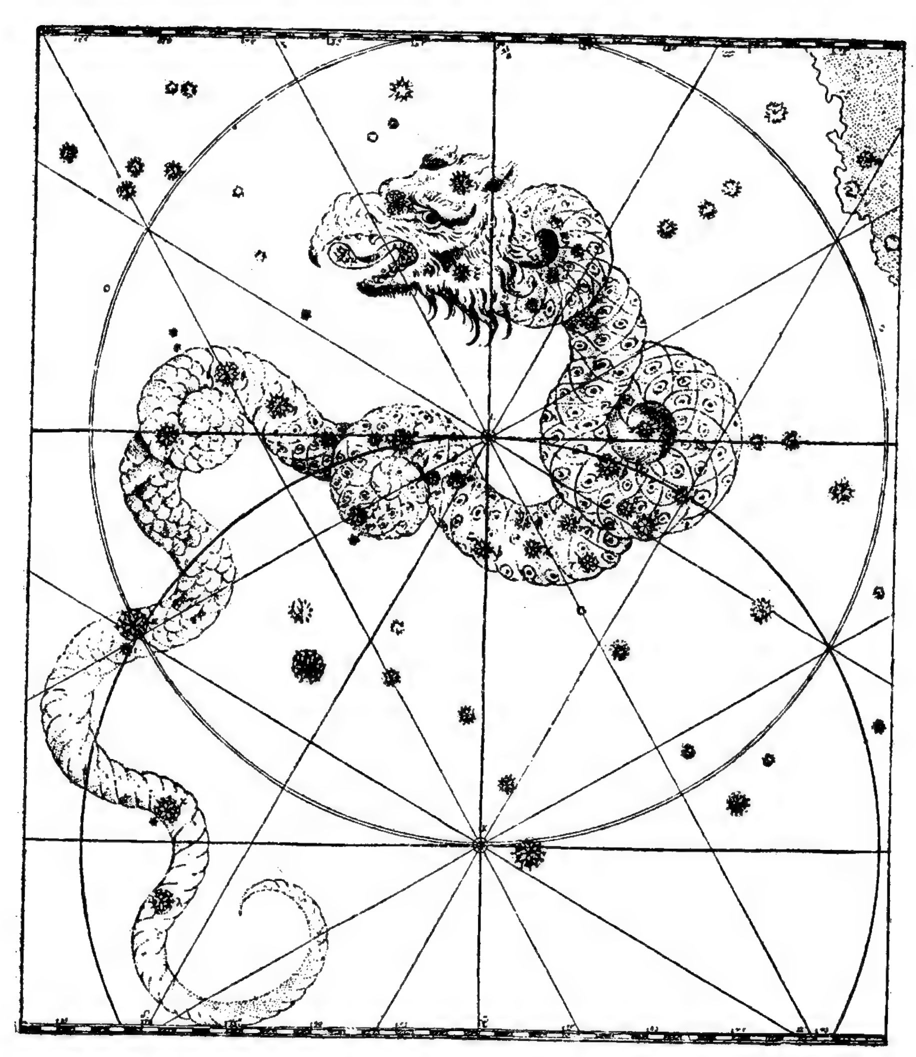

Рис. 145. Древний змий мудрости. Созвездие Дракона, обвивающее полюс эклиптики.

ГЛАВА I

ЛЮДИ ВЫСШЕГО ЗНАНИЯ (ГНОСТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ И ИХ РАЗНОВИДНОСТИ: МОЩНЫЕ, ПРИЗРАЧНИКИ, ЗМИЕВИКИ, КАИНИТЫ, ОСЛОПОКЛОННИКИ, АГАПИСТЫ-ЛЮБОВНИКИ, КУДЕСНИКИ)

Кто такие **гностики?** Их имя происходит от греческого слова гносис (γνῶσις), т. е. высшее знание, и обозначает обладающих им людей. Их лучшим выразителем считается историками Валентин Философ, умерший, будто бы, еще в 160 году нашей эры. Но его сочинения известны только в изложении полемизирующего с ним Иринея, епископа Лионского, умершего, будто бы, еще в 202 году нашей эры, а сочинения самого Иринея известны только в издании Эразма Роттердамского, напечатанном лишь в 1526 году; и неизвестно, откуда взял их сам Эразм.

Имя Ириней значит — Примиритель и является, очевидно, прозвищем, так как он, по словам его биографов, примирил своими сочинениями враждовавшие между собою христианские секты. Как характеристика философской мысли и ходивших в XVI веке нашей эры религиозных представлений, сочинения Примирителя-Иринея (по-еврейски — Соломона) чрезвычайно ценны, а как образчик философских учений II века они не имеют никакого значения, потому что только чудом могла бы сохраниться рукопись, послужившая для их печатания, не размножившись и не превратившись в ряд вариантов в продолжение 1300 лет... А чудеса в реальной исторической науке должны быть отвергнуты.

Значит, и «Пять книг против ересей»[1] этого христианского Соломона-Миротворца являются или произведением самого Эразма Роттердамского или кого-нибудь из современных ему ученых. Здесь собственные религиозные философские представления автора Эпохи Возрождения апокрифированы лишь по тогдашнему обыкновению в глубокую древность и даже представлены в изложении, яко бы, полемизирующего с ними отца церкви для того, чтобы и автор, и читатели, да и сами книги не могли быть преданы анафеме.

В чем же содержание гностицизма?

Автор «Пяти книг против ересей» [1] характеризует это мировоззрение именно так, как оно и могло бы по эволюционным со-

---

[1] Ириней. Пять книг против ересей, перев. П. Преображенского. 1871 г.

ображениям быть выработано, никак не во втором, а разве только в XVI веке, в эпоху самого Эразма Роттердамского.

Наиболее разработанная из гностических сект — это:

Мощные-валентиниане. «Высшее существо, Бездонная и вечная Глубина Пространства,[1] говорит воображаемый их «Мощный Философ» (Валентин, по-латыни) — производит из своего внутреннего содержания — Молчания, проявляющегося в Мысли и Милосердии,[2] 30 бестелесных сущностей: прежде всего — Ум и его подругу — Истину,[3] потом Слово и Жизнь[4] и, наконец, Мудрость (Софию—по-гречески), как тридцатую бестелесную сущность. Она пожелала непосредственно созерцать своего творца — бездонную и вечную Глубину Пространства. Но на ее дороге встал Предел (Ерос — по-гречески) и, не будучи в состоянии через него перешагнуть, она породила, помимо содействия своего мужа Воли, низшую, «еврейскую» Мудрость,[5] а та через созданного ею Творца (Демиурга[6]) произвела весь физический мир и, наконец, человека, в котором сосредоточила три начала: материальное, заимствованное от вещественной природы, душевное — от Творца (Демиурга) и духовное — от самой «еврейской мудрости». Те люди, в которых преобладает материальное начало, называются гиликами (едоками); они все обречены на погибель. Те, в которых преобладает душевное начало, называются психиками (душевными), одинаково способными и к добру и злу; они спасаются верой и делами, но никогда не могут достигнуть высшего блаженства. А те, в которых преобладает духовное начало, называются пневматиками (вдохновленными), и только они одни достигают высшего блаженства».

Но кто же был этот «Творец» Валентина Философа? Это был,—говорили многие гностики,—библейский бог. А евангельский Христос был послан бездонной и вечной Глубиною Пространства для того, чтобы освободить мир от тирании библейского бога, и он не был сам ни богом, ни человеком. Его духовная природа была истечением Глубины пространства этого верховного божества и потому была ниже своего первоисточника. Но она, по самой своей сущности, не могла обитать в вещественном, а, следовательно, грубом, способном ко злу человеческом теле. Значит, при рассуждении о Христе приходится сказать, что тело, которым он был, повидимому, облечен, было лишь призраком, и все его действия были лишь кажущиеся, почему эта часть гностиков и называлась **призрачниками** (докетами, по-гречески[7]). А если у него было реальное тело, — прибавляли они, — то оно принадлежало

---

[1] Βιθος — глубина.

[2] По гречески Σίγη — молчание, Χαρις — милосердие и ἐννοῖα — мысль.

[3] Νους — ум и Αλήθεια — жизнь.

[4] Λόγος — слово и Ζόη — жизнь.

[5] Мудрость по-еврейски называется Ахамот (ההמות) и обыкновенно оставляют это слово без перевода.

[6] Демиург значит — создатель (δεμιουργός).

[7] От δωxὲω (докео) — казаться.

обычному человеку, на которое истечение Глубины пространства (тожественное, как будто, со святым Духом христиан) сошло лишь во время крещения и оставило при его распятии.

Читатель видит сам, что такое сложное философствование о творческой силе во Вселенной не могло возникнуть в первых веках нашей эры, когда представления о Вселенной ограничивались земной и морской поверхностью и прикрывающим их куполом голубого неба, а представления о их создателе были совершенно антропоморфны, будь он классический Юпитер-Громовержец со всем своим семейством сыновей и дочерей и их помесей с человеческими девицами, или христианский бог-Громовержец, летающий на облаках и даже единый в трех персонах.

Перенесенные в первые века нашей эры, такие взгляды на творческие силы вселенной кажутся как бы цветами, срезанными в поле со своих стеблей и поставленными без корней в тесную комнатную вазу, где они могут только завянуть, а никак не вырасти. Они могли и даже должны были естественно возникнуть только в Эпоху Гуманизма в Европе, неправильно называемую Эпохой Ренессанса, потому что это было не возрождение, а первое нарождение обобщающих философских идей научной и изящной литературы.

Но почему же, — спросит меня кто-нибудь опять, — изложены эти идеи писателями Эпохи Гуманизма не в положительном смысле, а в виде опровержения таких, будто бы, «еретических» учений, возникших у древних христианских писателей, «подлинные сочинения которых пропали бесследно»?

И я опять отвечу, что предлагать такой вопрос может только тот, кто позабыл об инквизиции и о судьбе Джордано Бруно (1548 — 1600), сожженном этим учреждением за учение о бесконечности вселенной. Ведь, совершенно ясно, что если бы кто-нибудь изложил тогда гностицизм в положительном смысле, от своего собственного имени, то его сейчас же сожгли бы на костре духовные властелины, вместе с его книгою. Даже если бы он представил свою рукопись как найденную в своем семейном архиве или купленную от проходившего мимо странствующего грека, то она все равно была бы сожжена, а он был бы призван к церковному покаянью с наложением сурового наказания за ее распространение. Припомните мою предшествовавшую главу.

Казалось бы, что положение мыслителей того времени было совершенно безвыходным. Но человеческая мысль была всегда много изворотливее, чем представляли себе ограниченные мозги ее противников.

Не имея возможности излагать некоторые из своих идей ни прямо, ни косвенно от имени древних авторитетов, мыслитель того времени начал возвещать их от имени самих признанных церковью святых, как бы боровшихся с существовавшими при них древними вольнодумцами, и нередко в виде диалогов. Само

47 Зак. 66

собой понятно, что он оставлял за святым последнее слово, против которого, яко бы, ничего не смог возразить философ, хотя по самому содержанию последнее слово святого было обыкновенно простой и ничего не доказывающей руганью, и автор мог рассчитывать, что всякий мыслящий читатель и сам сумеет на нее возразить обратной, и на этот раз вполне заслуженной святым, руганью.

И это не одни мои догадки. За время ранней моей юности, когда самодержавие под давлением русской церкви не допускало в Россию никаких неправославных книг, а только возражения или издевательства над ними русских клерикалов, я сам не раз читал с большим интересом эти церковные произведения, тщательно выписывая из них всякую цитату из Ренана, Молешотта, Фейербаха и других тогдашних знаменитых вольнодумцев, с презрением отбрасывая враждебную им часть, как исходящую от явных лжецов и гонителей свободной человеческой мысли.

И несомненно, что с таким же настроением читались и сочинения о всяких вольнодумствах, написанные полемически от имени их гонителей: иначе эта оригинальная литература не была бы преддверием реформации.

Только с такой точки зрения и становятся понятны антиеретические сочинения, изданные в 1526 году Эразмом Роттердамским от имени мифического Иринея и отпечатанные вполне только Диндорфом в 1859 — 1862 годах, а также и аналогичные им произведения, появившиеся в рукописях не раньше XVI века от имени Епифания Кипрского, предполагаемого современника Иоанна Златоуста.

Само собой понятно, что под такой благочестиво-полемической вуалью было возможно в самый разгар инквизиции безнаказанно писать не только свободомысленные философские трактаты, но даже и прямые издевательства над нелепостями тираннически властвующего официального богословия.

К этой области я отношу, например, и измышление о существовавшей, яко бы, во втором веке нашей эры секте **христиан-змиевиков**,[1] продолжавшейся по простодушному немецкому церковному историку Гизелеру (1793 — 1857) вплоть до VI века,[2] причем ее сторонники, будто бы, утверждали что Змий, распятый Моисеем на кресте в третьей книге «Бытия», был сам Христос, пришедший освободить людей от неведения, в котором хотел их держать библейский «творец», Йалдабаот — сын тьмы и хаоса.[3]

К этой же категории издевательств от имени святых над библейским учением еще более надо отнести и измышление о секте христиан-**каинитов**, т. е. поклонников библейского братоубийцы Каина, будто бы существовавшей еще в первые века

[1] Офитов — по-гречески, от ὄφις (офис) — змий.
[2] Gieseler, «Lehrbuch der Kirchengeschichte» (1824 — 1857 г.г. Т. I, 1; 190).
[3] Irenaeus, I, 30; Epiphanius, Haeres, 37.

нашей эры, когда по нашим историко-астрономическим вычислениям не было еще и христианства. Эти христиане, — говорят нам, — утверждали, что книги Библии и Евангелий были написаны по внушению библейского Творца-Йалдабаота с целью извратить всю историю человечества и что истинно религиозными людьми были только те, которые порицаются в Библии, например Каин, Исав, содомитяне, Корей и особенно Иуда Искариот, который предал своего учителя, отлично зная, что последствием этого будет избавление людей от библейского «Творца», о чем и было сказано в евангелии от Иуды, единственно почитавшемся и хранившемся у каинитов.[1]

Ведь, смешно даже и подумать, чтобы не только в первом, но даже и в последующие века, кроме разве самого нового времени, когда распространились идеи о том, что «все (а следовательно, и братоубийство Каина) совершается по воле божией», и когда свободомыслие начало сопровождаться также и попытками пустого оригинальничания, только тогда и могло возникнуть представление о такой христианской секте.

Сюда же можно отнести и иронические сообщения Муция Феликса (§ 9) и Тертулиана,[2] многочисленные сочинения которого изданы только Ohler'ом в 1853 году, о том, будто язычники II века нашей эры обвиняли христиан в поклонении **голове Осла**, подтверждением чему считают рисунок, найденный вслед за тем (в 1856 году) во «Дворце Кесарей» и хранящийся теперь в Кирхеровом музее в Риме. Это были **христиане-ослопоклонники**, вероятно поклонявшиеся Яслям Христа в созвездии Рака, около которых стоят две звездочки Ослы, или же это, прямо, — шутка.

Однако можно думать, что под видом сочинений воображаемых «вольнодумцев первого и второго веков христианства» не все является издевательством авторов Эпохи Возрождения над современной им тираннической религией или желанием изложить свои собственные мысли от имени святых, неудачно борющихся с вольнодумцами, хотя и оставляющими за собою последнее слово. Под этой формой изложения могли передаваться и действительные факты из прошлой истории церкви, которые она после своей реформации желала бы замолчать, как несовместимые с ее новой идеологией и обрядностью.

Не придется ли отнести к этому отделу и сообщаемое от имени Юстина Мученика[3] и крепко державшееся в публике обвинение средневековых христиан в том, что они сопровождали свои «любовные ночи» общим конкубинатом и волшебными обрядами? Юстин, конечно, утверждает, что этого не было и что «язычники» получили такие сведения о христианах не от них самих, а от их рабов... Но точно ли свидетельства «рабов» мы должны считать навсегда неприемлемыми?

[1] Irenaeus., I, 31, 1.
[2] Tertulian:, «Apologiae», 16.
[3] Iustinus Martyr:, «Apologiae», I, 26. Есть русский перевод (Иустин-Мученик, 1892 г.).

Понятно, что и это сообщение нельзя относить к более раннему времени, чем то, когда найдена была рукопись Юстина, древность которой мне неизвестна, но, конечно, время написания его сочинений не более уходит в глубину веков от времени их напечатания, чем и все остальные рукописи, которые я разбирал. А потому и сообщение «Юстина» о христианских вакханалиях, т. е. о «любовных ночах» (**агапах**, по-гречески), если оно верно, должно считаться относящимся не ранее, как к средним векам, или даже к их концу.

Я не могу здесь умолчать и о том, что из сочинений, причисляемых когда-то к I веку нашей эры, кроме книг Нового Завета, назывались самими теологами только сочинения римского епископа Климента (псевдо 91—100 годы), но и их приходится приписать значительно более позднему времени. Его «второе послание» к коринфянам, найденное лишь в 1875 году, и два его письма к «девственницам», написанные по-сирийски, и без меня отвергаются историками вместе с его «климентинами», излагающими «учение иудействующих христиан» и «христиан-язычников». Не принадлежат ли они Клименту, называемому вторым (1046—1047)? Так было бы вероятнее, но и на это у меня нет доказательств. Подложными считаются теперь также и «Пастырь» Еремия и послание св. Варнавы, которые ранее признавались тоже за принадлежащие первому веку нашей эры.

В результате, как мы видим, для первых двух веков у нас нет никакой не только христианской, но и «языческой» литературы, и потому мы *a priori* можем относиться и ко всем другим сообщениям о христианских вольнодумцах первых веков нашей эры как к сказкам из «Тысячи и одной ночи».

Таков, например, рассказ о христианском волшебнике Симоне-Волхве, (т. е. кудеснике [1]), который, по всей видимости, представляет лишь средневековую пародию на апостола Симона Петра. Отсюда **христиане-кудесники.**

От имени того же, опубликованного Эразмом Роттердамским, «древнего лионского епископа Иринея» [2] рассказывается нам, что этот проповедник Христа, не отстававший как тень от одноименного с ним Симона Петра, купил себе в городе Тире проститутку по имени Гречанку (Елену, по-гречески), которая, подобно жене апостола Петра, сделалась его вечной спутницей в путешествиях.

Вместе с Петром он приехал в Рим, где в честь его была воздвигнута на острове Тибре даже статуя, на которой по книге, приписываемой Юстину Мученику, [3] была надпись: Simoni Deo Sancto (Симону-святому богу). Но еще ранее, чем было напечатано это сообщение «Юстина», на том же самом острове был найден в 1373 году обломок статуи с надписью Semoni Sanco

[1] Слово кудесник происходит от еврейского кадеш — посвященный; христос — по-гречески.
[2] Irenaeus, I, 13.
[3] Iustin, «Apologiae» I, 26, 56.

Deo, т. е. с тою же самою надписью, как у Юстина, но только в первобытной орфографии. Из этого всем следовало бы заключить, что сочинение от имени Юстина написано автором, уже знавшим о такой находке и, следовательно, жившим после 1373 года, но стремление старых историков считать всякий документ, подложность которого не доказана, за подлинный вызвала по этому поводу целый ряд мнений. Одни из филологов, держась своей нелепой идеи, что римская орфография была от века неизменной, пришли к заключению, что выражение Semoni Sanco есть тут просто дательный падеж от Semo Sancus и что этот Семо Санкус был древний Сабинский бог, отожествлявшийся с Геркулесом, а другие авторитеты, как например Герике, объявили, что Семо Санкус действительно «Святой Симон», но не апостол Симон Петр, а Симон Волхв, его неправоверный двойник.

Нам нет нужды входить здесь в детали этих споров, так как с нашей точки зрения Симон Волхв и Симон Петр [1] — только две различные апперцепции упавшего в Риме метеоритного камня (Петра апостола, по-гречески), а потому и описанный здесь осколок древней статуи был апперцепционным скульптурным изображением воображаемого покровителя средневекового Рима, воздвигнутым ему как богу в понтификальный период римской истории. [2] Нам интересно здесь только проследить, какое учение приписывалось этому камню от имени Иринея автором «Пяти книг о ересях», опубликованных впервые, как я уже говорил, только Эразмом Роттердамским в XVI веке.

Симон, — говорят нам, — учил, что бог, как творческая сила, существует вечно в пространстве неприступного света. От него произошла Мысль, [3] а от сочетания бога и мысли истекли поколения мужских и женских невещественных сущностей. [4] Мысль, исходя из Полноты Всего, [5] произвела множество своих вестников (ангелов, по-гречески), которыми и был создан мир. Но вестники Мысли, не зная ни о боге, ни о своей матери-Мысли, подвергли ее различным оскорблениям и заключили ее в последовательный ряд вещественных тел. Сначала Мысль одушевила форму прекрасной Гречанки (Елены, жены Менелая), потом нашла себе убежище в другой Гречанке (Елене), спутнице Симона Волхва, но все время она оставалась чистым духовным существом, [6] не участвуя в унижениях, каким подвергались носившие ее тела. Все люди находятся в подчинении создавшим мир «вестникам Мысли», и ими были созданы ветхозаветные законы, пророчества и различение добра и зла с целью содержать людей в рабстве. [7] А Си-

[1] Симон Петр значит — Знамение-Камень, апостол Петр значит — Камень-Посланник, Симон Волхв значит — Камень-Пророк.
[2] Ср. «Христос», кн. I, часть I, гл. VI.
[3] Энния (ἔννοια), по-гречески — мысль, мышление.
[4] Эонов — по-гречески.
[5] По-гречески — плеромы, от πλερόω (плероо) — наполняю.
[6] Ириней, I, 23, 2.
[7] Там же, I, 33, 3; Hippolit. VI, 19.

мон (т. е. метеоритный персонифицированный камень с неба) был не что иное, как верховный бог, открывший себя самарянам, как бог-Отец, иудеям, как бог-Сын, и язычникам, как святой дух.[1]

Он сошел с высочайшего неба с целью избавления своей «погибшей овечки» — Мысли — от заключения ее в телесной темнице и с целью избавления людей от ига ее забывчивых вестников. Проходя через различные небесные сферы (чем признается уже шаровидность земли и механическое движение планет), этот камень принимал на каждой сфере особую форму (т. е. Сатурна, Юпитера, Марса, Солнца, Венеры, Меркурия, Луны), а на земной поверхности принял форму человека,[2] который был известен как Иисус Мессия. Воскресения его тела не было, а душа его вознеслась через все сферы к «Полноте Всего». Те, которые отдавались ему и отдавались Мысли, не имели нужды о соблюдении каких-либо моральных правил, потому что спасались благодатью. Но так как их душа, переходя через семь небесных сфер к «Полноте Всего», встречала на каждой особого вестника, способного воспрепятствовать ей возноситься далее, то их надо было умилостивлять — по сочинению, приписываемому Тертуллиану, — жертвоприношениями.[3] Спутница Симона Гречанка (Елена) и была не что иное, как Святой Дух[4] и боготворилась язычниками под именем Минервы или Афины, богини ума и изобретательности, а сам Симон (т. е. Камень-Знамение) боготворился под именем Зевса или Юпитера, т. е. бога Отца.

От имени Юстина[5] прибавлялось, что Симону поклонялись, как верховному богу, почти все «самаряне», да и в других странах были поклонники, а от имени Оригена возражалось ему, что эта религия имела во всем свете едва ли и 30 последователей.[6]

Мы видим таким образом, что «Пять книг против ересей» от имени Иринея являются нашим главным первоисточником для ознакомления со всеми философско-теологическими представлениями, имевшимися в Эпоху Гуманизма, когда тупое задалбливание библейских и евангельских сказаний перестало уже удовлетворять человеческую мысль. В них мы находим и другие видоизменения той же самой теогонии от имен Менандра, Керинфа, Сатурнина и Василида, причем последний, развивая те же идеи, пришел, наконец, к выводу, основанному на мистическом представлении о числе семь, по числу дней недели, что от верховного бога изошли семь невещественных сущностей: разум, слово, мысль, мудрость, сила, праведность и примирение. Они произвели второй ряд таких же сущностей, а от второго ряда

[1] Ириней I, 23, 1; Epiph. Haeres XXI, 1.
[2] Ириней I, 23, 3. Hippolit. VI, 19; Epiphanius, XXI, 33.
[3] Tertullian: «De Prescription», 33.
[4] Epiphan. XXI. 1.
[5] Iustin, «Apolog.» I, 26.
[6] Origen, «Contra Cels.», I. 57; VI, II

произошел третий и так далее, пока не образовалось 365 классов бестелесных сущностей по числу дней в году.

Но не одни свободные мыслители Эпохи Гуманизма прибегали к оригинальному приему излагать свои идеи в виде полемики с ними различных столпов окружающего их христианства. В книге, написанной от имени Тертуллиана, «Против Маркиона» мы видим произведение одного из первых христианских антисемитов. Автор этой книги признает существование трех начал всего окружающего: абсолютно доброго верховного Вечного бога, абсолютно злого и вечного же дьявола, и промежуточного между ними библейского Творца (демиурга по-гречески), создавшего этот мир и всех его обитателей из первичного хаоса без ведома и согласия верховного вечного бога. То, что человек называет своею душою, есть тело этого «творца», и он избрал своим народом иудеев, которых автор уже считает особой расой, а не простой религиозной сектой. Чтобы основать владычество этого народа над остальными, библейский Творец хотел послать своего сына-Мессию, но верховный бог, сжалившись над человечеством, послал вместо него своего собственного сына, Христа, который вдруг явился в Капернаумской синагоге «в пятнадцатый год Тиверия Кесаря» и назвался тем самым Мессией, о котором, будто бы, предвещали еврейские пророки.[1]

А библейский «Творец», увидев, что сила этого подложного Мессии превосходит его собственную, возбудил против него иудеев, и Христос был распят, хотя тело его и было эфирно и не могло страдать. Христос сошел затем в ад, где его приветствовали все язычники: Каин, Исав, содомитяне и другие, и они были им избавлены от мщения «Творца» и спасены, а библейские праведники так и остались лежать в аду «на лоне Авраама». От имени Епифания Кипрского[2] сообщалось, что это учение было сильно распространено в его время и считается церковными историками окончившимся в VI веке, между тем как хорошо развитая тут новейшая идеология о распятии Христа, его сошествии в ад и другие особенности показывают нам на очень позднее происхождение этого документа.

«При посредстве гностиков, — говорит Баумгартен-Крузиус,[3] — были введены в церковь науки, литература и искусства, и когда гностицизм закончил эту свою задачу, его различные формы прекратили свое существование или продолжали прозябать в качестве устарелых верований».

И мы не можем не согласиться с такими словами, которые, однако, приобретают правильный смысл лишь в том случае, если мы отнесем возникновение гностических учений к началу Эпохи Гуманизма в Западной Европе.

[1] Tertullianus, «Advers. Marcion.», III, 15; IV, 2, 3, 6, 7.
[2] Epiphanius, XLI.
[3] Baumharten-Crusius, «Dogmengeschichte».

ГЛАВА II

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ РАЗВИТИЯ АПОКРИФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СО ВРЕМЕНИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ. ТЕРТУЛИАНЕ, АРТЕМОНИАНЕ. ЧАШЕЧНИКИ («КАЛИКСТИАНЕ»), «БЕДНЯКИ-ПОХОТНИКИ», САТУРНИНИАНЕ

Мы видели сейчас, что познавательные (гностические) секты I и II века нашей эры были чистым вымыслом авторов Эпохи Гуманизма в Западной Европе, служившими для того, чтобы прикрыть именами старинных еретиков свои собственные философские идеи, не укладывавшиеся в узкие рамки тогдашней католической теологии и которые можно было опубликовать лишь под видом благочестивой и громово-победоносной по внешности, хотя по существу и совершенно неудовлетворительной, и доходящей до бранной пустопорожности, полемики с ними.

Совсем другое представляют сообщения о более поздних вариациях христианского учения, которые скорее всего могут быть рассматриваемы не как уклонения от уже существовавшей сложно развитой догмы, а как последовательные ступени ее собственного развития, хотя изучение их действительной сущности и действительного времени их исчезновения из жизни очень трудно, так как от них до нас дошли лишь поросшие мохом и нередко изуродованные до неузнаваемости обломки в сочинениях писателей, опять той же Эпохи Гуманизма, живших через сотни лет после времени, к которому относятся сообщаемые ими события.

И все это совершенно понятно с этнопсихологической точки зрения.

Желая прикрыться ореолом давности, каждая новая фаза развития христианской авторитарной теологии естественно объявляла себя лишь возвращением к первоначальной чистоте, яко бы, искаженного учения самих апостолов, а не собственным нововведением, против которого всякий имел право возражать по образцу русских староверов времен московского патриарха Никона (1605 — 1676), говоривших ему: «наши отцы спасались крестясь и двумя перстами, так зачем же ты нам велишь креститься щепотью?»

А выдать всякое нововведение за древний забытый обычай было легко, потому что истинно древние писатели поневоле записывали лишь необычайные события. На своих клочках папируса, древесной коры, глиняных дощечках или бараньих лопатках они не имели места для празднословия или описывания всем известных вещей. Не имели они возможности для этого и в конце средних веков, когда писали уже на бумаге и пергаменте, сложное приготовление которых делало их драгоценным материалом и

их употребляли только для сообщения чего-нибудь необычайного или нужного.

Многие теперь совершенно не понимают этого, и потому я снова объясню дело более подробно, чем делал раньше.

Возьмем хотя, бы, пергамент, считающийся более древним, чем бумага, и рассмотрим его в том виде, в каком мы имеем самые древние его образчики. Ведь, для каждого его листа надо было: 1) содрать кожу с молодого теленка не старше 6 недель или с молодого барашка, 2) размачивать ее до 6 суток в проточной воде, 3) содрать мездру особым скребком, 4) разрыхлить шерсть гноением кожи в сырой яме и золением известью от 12 до 20 суток, 5) ободрать разрыхлившуюся шерсть, 6) проквасить голую кожу в овсяных или пшеничных отрубях, чтобы удалился из нее избыток извести, 7) продубить кожу растительными дубильными экстрактами, чтобы она после высыхания стала мягкой, 8) выровнять неровности, натирая пемзой кожу, предварительно посыпанную мелом. Таково было приготовление **каждого листа** пергамента! На один экземпляр этой моей книги понадобилось бы обработать таким образом 58 баранов и на каждую тысячу ее экземпляров 58 тысяч баранов! Какая беллетристика или изящная литература могла бы пышно расцвести на таком трудно приготовляемом материале, хотя бы он, как думают легкомысленные люди, и был известен еще Еноху, сыну Иареда и потомку Сифа, взятому живым на небо еще до всемирного потопа и написавшему на нем не потонувшую даже и в водах всемирного потопа «Книгу Еноха», полный текст которой был в XIX веке открыт на эфиопском языке и издан Дильманом в 1858 году, через 7000 лет после вознесения ее автора на небо!

Какой литературный слог или «благородный классический язык» с его сложными придаточными предложениями мог развиться при таком недостатке общедоступных материалов для упражнения в писании, ранее изобретения дешевой тряпичной бумаги? Ведь, самое приготовление ее из тряпок показывает уже на такое большое распространение льняного и хлопкового белья в населении, что обноски его выбрасывались в помойные ямы, как ни на что ненужные предметы, и подбирались бродячими тряпичниками для сбыта на бумажные фабрики, как это было еще в средине XIX века, до изобретения древесной бумаги.

Даже и простая скоропись, необходимая для возникновения изящной литературы, не могла развиться в пергаментный период письменности, а потому материал этот и употреблялся только на небольшие религиозные, пророческие, медицинские, алхимические записи или на заметки о необычных событиях и важных переменах, а никак не на описание окружающей жизни.

И вот, благодаря стремлению даже и новейших теологов, вроде Лютера, Кальвина и других, выдавать свои новшества за восстановление первичной апостольской религии, произошло следующее. Воспоминания об эмбриональных формах христианской

религии, существовавших до изобретения книгопечатания, приняли форму сообщений о случайных болезнях первично существовавшей совершенной религии, которые были преодолены представителями истинной веры скоро после их возникновения. Поясню это таким предположением.

Допустим, что древние христианские храмовые агапы (т. е. «влюбленные ночи»), о которых упоминают, как я уже говорил в предшествовавшей главе, Юстин мученик [1] и многие церковные писатели, были тожественны с вакханалиями классических авторов. Пока все это было обычным явлением, практиковавшимся еще отцами и дедами и известным каждому тогдашнему юноше и девице, никому и в голову не приходило тратить драгоценные листы пергамента (приготовляемые таким трудным и сложным путем, как я только-что показал) на описание всего происходившего там по образцу современных беллетристов и реалистов, у которых бумаги так много, что они пишут только на одной стороне листа, оставляя обратную чистой. Запечатлеться это могло только в устной эротической поэзии того времени, вроде, например, библейской «Песни Песней», но эта устная поэзия естественно прекратилась бы вскоре после того, как по причине вспышки какой-либо всеобщей венерической болезни такие храмовые «влюбленные ночи» были запрещены. А самый факт запрещения, как нечто необычайное, легко (и даже неизбежно) должен был попасть на чей-нибудь пергамент, так как на такое событие стоило потратить и на нем несколько десятков строк в ожидании какого-либо следующего необычайного события.

Не видя в этой записи никаких упоминаний о предшествующих десятилетиях или даже столетиях существования агап и неправильно творя первичную «апостольскую» церковь по образу своей собственной, историк Эпохи Гуманизма невольно счел бы ликвидацию вакханалий не за отмену первичной стадии развития своей собственной религии, а за возникшее в ней злоупотребление, которое было вскоре прекращено, как еретическое. А в случае каких-либо упоминаний о вакханалиях и до их ликвидации, под именем агап, он после некоторого недоумения пришел бы к заключению, что под греческим словом агапе (ἀγαπή) в данном случае надо понимать не влюбленность, как выходит по коренному смыслу этого слова, а простую любовь-приязнь, хотя для этого по-гречески и существует особое слово филия (φιλία), т. е. дружественная любовь.

Я нарочно начал с этого примера, как с простого предположения, а все же очень трудно объяснить христианский обряд причащения вином и легенду о тайной вечери Христа не пережитком старинных храмовых вакханалий, уничтоженным в католической церкви лишь в Эпоху Гуманизма.

Но если это предположение даже и не имеет для себя вполне

---

[1] Iustini Martyri, «Apologiae», I, 26. Есть в русском переводе: «Юстин Мученик», 1892 г.

достаточных оснований, то целый ряд рассказов, встречающихся у церковных авторов о христианских ересях начала средних веков и даже их средины, носит несомненный характер не случайных болезней, будто бы, взрослого от самого своего рождения и по натуре здорового церковного организма, но предварительных стадий развития какой-то многовековой эндемической психической болезни, которой к счастью было охвачено не все население (ничего никогда не понимавшее в христианской теологии), а только его духовные руководители и привилегированные классы.

Действительно, когда читаешь современные книги об эволюции христианской идеологии на греческом Востоке в древности и в средние века, то невольно кажется, что попал в сумасшедший дом, где большинство маниаков вдобавок страдают еще припадками буйного помешательства. И если исследователь их бреда не хочет тоже сойти с ума, стараясь войти в их больные души и найти какие-нибудь признаки смысла в их религиозном бреде, то ему тут не остается ничего делать, как отнестись к предмету своего исследования с чисто медицинской точки зрения. Тут надо искать последовательности не в самой типически психопатической православной идеологии византийской церкви, а в ее развитии как эндемической болезни от поколения к поколенью, отбрасывая из сообщений галлюцинаторов все то, что противоречит патологическим законам развития эндемических психических болезней и относя христианскую церковную идеологию средних веков в область бредовых явлений, характеризующих, главным образом, лишь позднейшие стадии развития таких болезней, а рассказы о всяких чудесах и чертовщине — в область галлюцинаций.

Но прежде чем сделать этот историко-патологический анализ религиозного помешательства наших предков, по сообщениям самих помешенных, рассмотрим сначала обстановку, в которой они жили.

Что такое представляли собой ранние европейские монастыри?

В предшествовавшем отделе я уже говорил, что, отбросив тенденциозные сообщения писателей-монахов Эпохи Возрождения и нового времени, творящих их по образу и подобию современных, и обратившись прежде всего к первичному, коренному значению этого слова, мы находим следующее.

Слово монастырь, французское monastère, английское monastery, итальянское monasterio, латинское monasterium и греческое μοναστήριον (монастэрион) теологи производят от греческого слова μόνος (монос) — один, но это совершенно невозможно. Если первый слог этого слова и созвучен с греческим словом монос, тем же самым, которое мы имеем и в слове монархия (единоначалие), то средина и конец его «астэрион» представляют ни как не флексию его — ни в каком языке такой флексии нет, — а совершенно самостоятельный лингвистический корень со значением созвездие,

от ἀστήρ (астэр) — звезда, по-гречески, и от אסתר (АЄТР) — звезда, по-еврейски. Он же сохранился и в имени Esther — Эсфирь, да и в международных словах: астрономия, т. е. звездозаконие, астрология — звездословие и т. д.

Никакого другого значения для главного корня в слове монастырь нет ни на одном человеческом языке, и ни на одном нет хотя бы немного сходного флексивного окончания, а потому мы без всяких колебаний должны сказать, что первоначально монастыри предназначались для наблюдений ночных светил и были, следовательно, первичными обсерваториями. Прибавка слога «мон» скорсе всего есть вульгаризированный греческий лингвистический корень «ном» (νόμ-ος) — закон, тот же самый, как и в слове астроном, и в этом случае слово *монастырь* первоначально произносилось *номастырь* (νομαστηρίον), т. е. законозвездие. Или же это слово еврейское מנא-אסתר (МНА-АСТР), произносящееся Менестср, т. е. звездоисчислитель. Но если даже вы и отвергнете такое допущение, то в виду ясности значения основного корня «астер» вам все же ничего не останется делать, как истолковать первоначальное название монастырей в смысле обсерваторий.

Точно также и слово «монах», в его первоначальном значении, не может производиться от греческого слова «монос», потому что оно является лишь искажением первоначального слова μον-αστηρίος *(монастэриос)* — монастырский или скорее νομαστηρίος — законозвездник.

Таким образом, само словопроизводство показывает, что первоначальные монастерионы были колониями звездонаблюдателей, бодрствовавших ночью и, следовательно, спящих днем, что делало их малоспособными к обычной практической деятельности и в особенности к содержанию семьи. Они строились большею частью в стороне от городского шума утомившимися жизнью или потерпевшими сердечные несчастья зажиточными людьми. А так как астрология сливалась тогда с культом (самый корень которого КЛТ есть тот же, что и КЛД в слове «колдовство»), то эти поселки сразу приняли характер святости в глазах окружающего населения, и к их алтарям (где колокольни, может быть, были первоначально обсерваториями, и вместе с тем и гномонами), начали стекаться приношения кающихся грешников, и это вызвало их постепенное перерождение из чисто астрологических научных учреждений в те праздные сумасшедшие дома, какими мы и застаем их в новейшее время. Но даже и в Эпоху Возрождения, от которой мы имеем о них первые достоверные сведения, они были еще убежищами науки и литературы, углубленные занятия которыми все еще считались несовместимыми с житейскими заботами семейного человека, в особенности потому, что женщины считались в средние века по природе неспособными к схоластическим и мистическим наукам и могущими только мешать таким непонятным для них занятиям.

Однако же, обязательного безбрачия или обета посвятить себя навсегда монастырской жизни не требовалось от монастыр-

цев вплоть до эпохи крестовых походов. Вот почему я и предложил выше называть средневековые монастыри их греческим именем: **мон-астерионы**, а монахов того времени **мон-астерионцами**, чтобы единство названия с современными монастырями и монахами не вызывало у нас невольно единства и представлений, и давало бы свободу для беспристрастных исследований. Нет ничего хуже, как отсутствие самостоятельного названия для какого-нибудь обособленного на деле предмета, и приложение к нему другого, в который он постепенно переродился.

Имеем ли мы какие-нибудь остатки монастерионской литературы, т. е. литературы того времени, когда монастерионы еще не переродились в монастыри и не стали вместо убежищ науки убежищами обрядности и неизбежно присоединяющейся к ней умственной тупости?

Многие записи и даже сборники медицинского, алхимического, математического или астрологического характера несомненно ведут свое начало от монастерионов, и от них же могут вести свое начало и летописные сборники. Но ни в каком случае нельзя отнести к монастерионскому периоду литературы такие книги, как например: жизнеописания святых первых веков, переполненные уже религиозными галлюцинациями, или трактаты бредового характера о боге едином в трех персонах, или сложные исторические комбинации, вроде Церковной истории Благочестивого Вселюбца (Евсевия Памфила, по-гречески), или Церковную историю Ученого Спасителя власти (Сократа Схоластика), так как все приемы изложения этой литературы и их мировоззрение обнаруживают проявления уже вполне развившейся религиозной псевдологии, а не первых ее ступеней.

Чтобы дать очерк последовательного развития этой болезни, я воспользуюсь здесь первыми тремя книгами «Истории христианской церкви» Кентерберийского каноника Джемса Робертсона, который и сам не чужд религиозного психоза. Книга эта есть и в русском переводе — профессора С. Петербургской духовной академии А. П. Лопухина. Собственно говоря, писать историю средневековой христианской церкви — это то же самое, что писать историю сумасшедшего дома по рассказам живущих в нем маньяков. Однако, если, читая их свидетельства, всегда иметь в виду, что они исходят от помешанных и понимать их показания не буквально, а психиатрически, устанавливая возможные первоисточники данных бредовых явлений или галлюцинаций, то и из таких по внешности непригодных показаний можно извлечь при их рационалистической обработке очень ценные выводы, особенно, если мы присоединим к ним показания и симулянтов этого безумия, а на деле совершенно здоровых людей.

Вот, например, сочинение «Против Гермогена», автор которого называется: «Пятый-Седьмой Цветущий Тертулианец» (Quintus-Septimus Florens Tertulianus), умерший, будто бы, еще в 230 году нашей эры. В этой брошюре выставляется (каким-то симулянтом православия) нелепость бредовой идеи православных

учителей о сотворении мира из ничего. Автор «упрекает» сначала какого-то живописца Гермогена в изображении на его картинках языческих существ, а затем в том, что тот приписывает происхождение зла качествам материи, из которой богу пришлось творить мир, и таким образом признает материю не сотворенной богом. Но это явно неискренне, так как сам же автор от имени Гермогена приводит неопровержимые доказательства его, яко бы, языческому утверждению: 1) бог не мог сотворить мир с его злом из самого себя, потому что зло было бы тогда частью бога, 2) бог не создал мира из ничего, потому что хорошо знает, как надо творить, и сотворил бы мир, без зла, и 3) отсюда ясно, что бог творил мир из чего-то уже существовавшего помимо него и несовершенного.

Читатель видит сам, что это рассуждение принадлежит как раз к тому роду литературных приемов, который служил для опубликования собственного несогласия автора с бредовым учением позднейшей христианской церкви о сотворении мира из ничего. Не будучи в состоянии сказать свое мнение прямо, автор говорит его от имени воображаемого живописца, которого и ругает за это. Но брань, как всякий понимает, не доказательство правоты бранящегося, и кроме нее для большего обеспечения книги от сожжения приводятся и попреки со стороны «Пятого-Седьмого» за языческие изображения, будто бы, написанные тем же самым хитрым еретиком Гермогеном.

Попытки опровержения бредовой идеи о боге едином в трех персонах делается автором статьи, написанной каким-то теологом от имени Новациана, жившего, будто бы, в III веке. Она носит название «О Троице» и напечатана только в 1728 году Jackson'ом. Автор говорит в ней, что бога-Отца, бога-Сына и бога-Святого Духа надо понимать не как трех отдельных персон в одной персоне, а как различные проявления той же самой персоны. А смутное воспоминание о возникновении бредовой идеи о Троице из более здоровых и первоначальных теологических представлений сохранилось даже в нескольких сказаниях.

Первым из них приходится считать сообщение об **артемонианцах** (парусниках), будто бы существовавших еще в III веке нашей эры. Нам говорят, что они были прежде всего «математиками», понимая это слово в широком смысле, и «последователями» (т. е. скорее всего родоначальниками) развившейся вполне лишь в XV веке нашей эры философии «Наилучшего Завершителя» (Аристотеля, по-гречески), учившей, что основная задача истинного знания есть не простое запоминание фактов, а выведение общих законов природы, которыми они управляются, причем божество есть ничто иное, как «Первый-Двигатель». Смутные известия о парусниках приводятся в «Малом Лабиринте», приписывавшемся то Оригену, то Кайю Римскому, то Ипполиту, епископу Порто. Но достоверность этих известий достаточно компрометируется находящимся в них рассказом, что епископ парусников Натаниил был избит за свое вольнодумство ангелами

в сновидении до такой степени, что кровоподтеки остались на его теле и после пробуждения, и что благодаря этому он возвратился в лоно православной церкви.[1] Да и аристотелево учение о боге, как о Первом-Двигателе могло развиться лишь в Эпоху Гуманизма. Однако, очень вероятно, что основное положение этого учения, будто творец мира существует только в одной персоне, как у исламитов, а не в объединившихся трех, как у современных православных христиан, является воспоминанием, под видом ереси, о первой ступени развития христианства. По тем же первоисточникам оно держалось до римского «епископа» (т. е. наблюдателя) Зефирина, относимого без доказательств к 202—218 годам «от Рождества Христова», причем и самое время «Рождества Христова» тут едва ли совпадает с современным церковным счетом. А слово «парус» было синонимом перводвигателя.

В таком же смысле первоначальной стадии, а не мимолетного заблуждения, приходится принимать, повидимому, и сторонников «римского епископа» Чашечника (Каликста), относимого к 218—223 годам после того же неопределенного «Рождества Христова», который, будто бы, как показывает его имя, ввел в богослужение причастную чашу и основал христианскую секту, предававшуюся половым излишествам. К ней, — говорят нам, — принадлежали и его предшественники на римском епископальном престоле Зефирин, Эпигон, Клеомен — ученики Ноэта в Риме, и Савелий (Сибиллий), пресвитер ливийского Пентаполиса, как это нам рассказывают книги, написанные от имени Теодорита «Об ересях (II, 9)» и от имени Оригена (в «Философумене»). Под названием савелианства это учение, — говорят нам, — существовало, как секта, до V века нашей эры, и утверждало, что три персоны божества есть лишь три его проявления, сравнимые с тремя проявлениями человека в его теле, душе и духе, и с тремя проявлениями солнца в его веществе, свете и теплоте.[2]

Но это опять уже поздние измышления писателей Эпохи Возрождения, пытавшихся осмыслить средневековую бредовую идею.

За воспоминания о первоначальной стадии развития христианства приходится признать и сообщение от имени Иринея и Ипполита о нищенствующих христианах (ебионитах, по еврейски),[3] считающих Христа простым человеком, сыном Иосифа и Марии, высокое назначение которого открыто ему было только при крещении пророком Илией, как говорили, будто бы, и мессианцы[4] о своем Мессии.

По одним первоисточникам ебиониты, будто бы, утверждали, что христианство отличается от закона Моисея только немно-

---

[1] Labyrinth, ap. Euseb. V, 20 (Robertson, p. 76).
[2] Epiphanis. Haeres. II. 9—10.
[3] От еврейского ЕБИОНИМ — бедные. Они назывались также иудействующими, так как соблюдали обряд обрезания, празднование субботы и постановления о коширной и трефной пище.
[4] Iustin Martyr, «Dialog. contra Triphon», 8.

гими несущественными прибавлениями, а другие считали его, наоборот, лишь восстановлением прежней истинной системы Моисея, из которой признавали только «Пятикнижие». [1]

Им тоже приписывалась некоторыми авторами половая разнузданность, как деталь их вероучения [2] и, кроме того, отвержение всякой частной собственности и вегетарианство. Они, — говорят нам, — подвергались обряду обрезания, соблюдали субботний отдых и просуществовали в Сирии и Персии до конца IV столетия после «Рождества Христова», предаваясь храмовым оргиям. А легендарный римский ученый Цельз, написавший, будто бы во II веке, капитальное средневековое сочинение «De Medicina», по словам не менее легендарного Оригена, называл всех вообще христиан «сивиллистами», так как они пользовались Сивильскими (Севильскими?) пророческими книгами и обвинял их в больших непристойностях. [3]

Воспоминание о первичной астрологии, как основе первичного апокалиптического христианства, сохранилось, повидимому, в легенде о Сатурнине (т. е. потомке Сатурна), учившем, что «неведомый бог-Отец» на пределе царства света и царства темного хаотического вещества произвел семь ангелов, управляющих семью планетами, которые создали из хаоса мир, разделив его части между собой. [4] Но и это учение, переданное от имени нашего главного первоисточника Иринея, присоединило к себе, повидимому, ряд позднейших представлений, каким, например, должно быть приписанное евионитами мнение, будто только-что упомянутые духи планет, стремясь к идеалу, образовали людей. Но их люди могли лишь ползать, как черви, по земле, пока «неведомый бог-Отец» не послал в одну их часть искру своей божественной жизни, [5] а сатана приспособил для себя другую часть, чтоб нападать на первую. Чтоб спасти ее от сатаны и от подчинения «иудейскому богу», и был послан на землю богом-Отцом неземной Ум, облеченный в призрачное тело и получивший имя «Христос».

Читатель видит сам, что в этих рассуждениях — самая последняя стадия развития теологического христианского мышления, запутавшегося в уже отставших от века библейских и евангельских противоречиях, и что она только навязывается первым стадиям эволюции христианства.

И мы видим, что для серьезного историка-исследователя действительно ничего другого не остается тут делать, как признать все без исключения произведения, приписываемые первым трем векам нашей эры, за произведения писателей Эпохи Гуманизма в Европе, отнесенные так далеко вспять сознательно из боязни быть сожженными своими духовными властями, или (в

[1] Epiphanius, XXX, 18.
[2] Epiphanius, XXX, 2.
[3] Ὀρίγεν, Κατὰ Κέλσον, V, 61.
[4] Irenaeus I, XXIV, 2.
[5] Irenaeus, I. XXIV, 1; Hippolit, I. c.

случае их полного правоверия) из желания прикрыть свои собственные благочестивые измышления авторитетом древнего святого, или просто потому, что всякая залежавшаяся в монастырских библиотеках анонимная по обыкновению рукопись теряла в следующем поколении имя своего автора и естественно приписывалась затем какой-нибудь древней знаменитости.

Вот почему, давая лишь в очень кратком виде псевдо-биографические детали воображаемых основоположников различных христианских сект средневековья, рассмотрим, аналогично предшествовавшему, главным образом лишь содержание приписанных им учений.

ГЛАВА III

ОРИГЕНИТЫ-ГОРОСКОПИСТЫ

К концу IV столетия,—говорят нам,—среди язычников ходил рассказ, будто апостол Петр, при посредстве магических чар открыл, что христианство просуществует до 365 года и затем погибнет. [1] Период этот был потом увеличен до 398 года, но язычники, по словам рассказчиков, были разочарованы после того, как минул и 398 год. Мы видим здесь последующие отголоски столбования «Великого Царя» в 368 году и появление Апокалипсиса в 395 году. При обоих случаях начало нашей эры отнесено только на ± 3 года, как и считали некоторые даже в Эпоху Возрождения.

И в это же время,— говорят нам, — Аларих и его готы, бывшие арианами, громили языческие храмы. Ко времени их нашествия на Грецию относят и уничтожение Елевсинских мистерий в честь богини плодородия, в которых участвовали лишь посвященные. В бедствиях, постигших тогда Рим, христиане видели мщение своего бога, потому что Аларих во время похода туда, будто бы, говорил, что идет не по своей собственной воле, но его побуждает взять этот город некий Великий. Во многих местах, где исповедывалась христианская религия, старые боги еще занимали, — говорят нам, — свое прежнее положение, и многие чисто языческие идеи и обычаи удерживались среди христиан. Блаженный Августин жалуется, например, что христиане в Африке принимают участие в тамошних языческих церемониях и увеселениях.

Ко времени появления Апокалипсиса в царствование Гонория относится историками и отмена гладиаторских зрелищ в Риме, но наши первоисточники повествуют о причинах этого различно. Когда император, — говорят одни, — после своей Поллентийской победы праздновал триумф играми такого рода, восточный монах Телемах, прибывший в Рим, выскочил на арену и пытался разлучить борющихся, но был до смерти побит камнями, которые

[1] Augustin, «De civitate Dei», XVIII, 53 — 54.

(неизвестно где!) достали зрители, рассвирепевшие за это вмешательство в их удовольствие. Император почувствовал, что такая смерть *(особенно при чудесном появлении камней на сцене!)* равносильна мученичеству, и с целью успокоить свой народ, «ярость которого уступила место раскаянию», отменил бесчеловечные зрелища.

А Озанам утверждает, что отменить их уговорил Гонория поэт Пруденций.[1]

Я предоставляю читателю выбор между этими двумя легендами и, не решая вопроса о действительном времени отмены гладиаторских состязаний, списанных, конечно, со средневековых рыцарских турниров, перехожу к легендам об Оригене, относимым к V веку.

Маркелл Анкирский, — говорят нам, — называл его **отцом арианства**,[2] а православие его поддерживал святой Афанасий. Нитрийские монахи находили в его трудах пищу для своего мистического настроения, а Пахомий предостерегал своих учеников против Оригена, как опаснейшего из соблазнителей, учение которого может привести читателя к погибели.

Но все их сочинения, по обыкновению, мы имеем лишь в одиноких рукописях уже печатной эпохи, и это позднее время и одиночество найденных рукописных экземпляров само по себе говорит за их апокрифичность, и вместе с тем доказывает, что имя Оригена тогда уже гремело.

Так кто же был этот Ориген? — На западе Европы в средние века он был известен только по имени, которое по-гречески значит: рожденный «Творцом часов», т. е. Гором (сыном Озириса и Изиды, мстителем за убитого Ози-Риса), а по-латыни его имя значит Первоначальный, Оригинальный (или созвучно с этим), что уже одно могло вызывать апокрифы, прикрывающиеся таким псевдонимом (не говорю уже о Маркелле Анкирском, повидимому разлагавшим это имя на арие-ген, т. е. родоначальник ариан).

Кто-то (по слогу автор Эпохи Возрождения) пишет от имени Блаженного Иеронима восторженно о нем, как о «неутомимом александрийце, осужденном в Риме не за новшества своего учения, не за ересь, как лают против него бешеные собаки, но потому, что его враги были не способны вынести славы его красноречия и учености». И он сближает его с апостолом Петром.

Но это не понравилось кому-то другому из той же Эпохи апокрифов, и он, вместе с несколькими единомышленниками, выступил против «лже-Иеронима» от имени Епифания Кипрского.[3] Заблуждения, приписывавшиеся им Оригену, подведены там под восемь глав, а более всего он был обвиняем в учении о предсуществовании душ, в допущении спасения диавола и злых духов

[1] Ozanam (I, 161), «Contra Simnach.». (Patrologia, LXXIII.)
[2] От Ариа-ген.
[3] Epiphan. ad Hieronim. Epist. LI, 4, 5.

и в иносказательном истолковании священного писания, доходившем до полного отрицания в нем буквальной истины.

Потом пошли и другие неувязки. Так, кто-то от имени епископа Руфина выпустил, яко бы, перевод трактата Оригена «О началах»,[1] но имел неосторожность сказать (с целью оправдания от обвинений в сочувствии), будто исключил оттуда вставки еретиков, или изменил их так, чтобы они могли согласоваться с православием. В ответ на это, кто-то от имени блаженного Иеронима заявил, что никто не в праве подобными способами приводить Оригена к соглашению со своими собственными воззрениями. А Руфин заклинал читателей и переписчиков, под страхом вечного огня, не делать никаких дальнейших изменений в измененном сочинении Оригена «О началах».

Затем, какой-то почитатель Иеронима, которому не понравилось то, что писали в Эпоху Возрождения от имени Оригена, написал от имени своего любимца что-то вроде иеронимова извинения от похвал Оригену.

«Я хвалил его, — говорит он, — только как толкователя, но не как догматического учителя, — хвалил за его гений, а не за его веру, хвалил как философа, а не как апостола... Если вы верите мне, то я никогда не был оригенитом. Если же вы не верите мне, то я теперь перестал им быть».

Мы охотно верим автору этого «Отречения от Оригена» во всем, кроме того, что он жил в V веке нашей эры, а также не можем не подвергнуть сомнению и других апокрифических сообщений, где говорится, между прочим, будто римский понтифекс Анастасий в 398 году осудил уже давно умершего Оригена и переводы его произведений, заявляя, что до появления этих переводов он даже не знал, «кто такой Ориген и что он писал». Интереснее же всего то, что писавшие от имени Иеронима и от имени Руфина продолжали и далее свою борьбу за Оригена гневными апологиями, в которых их, будто бы, прежняя дружба вспоминалась только с целью произнесения укоров друг другу. Писавший от имени Августина был, наконец, так огорчен этим спором, что замолчал, выразив лишь свою скорбь «по случаю столь непристойного зрелища». Затем писавший от имени Руфина, повидимому, умер, а писавший от имени Иеронима, обрадовавшись, что более никто ему не ответит, назвал его Срунпием (ворчуном), и в своем предисловии к книге пророка Иезекиила, выражается о нем такими словами:

«Скорпион этот погребен под почвой Сицилии вместе с Энкеладом и Порфирионом; многоглавая гидра перестала шипеть против нас».[2]

Таковы наши наиболее достоверные сведения об учении Оригена. Читатель сам видит, что здесь все полно противоречий. Объяснение такого разногласия может быть только одно: как со-

[1] Photius Bibliothec. Cod. 8.
[2] «Patrologia», XXVIII, 16 — 17.

чинения, приписываемые Руфину, так и сочинения, приписываемые Иерониму (или Августину и Епифанию), и вся полемика между ними насчет Оригена написаны от их имени разными авторами Эпохи Возрождения и выражают их собственные мнения, а не тех легендарных деятелей конца IV века, от имени которых они говорят.

Перейдем теперь к сказаниям и о личности Оригена.

«Рожденный богом Гором, сыном богини Изиды и мстителем за убитого Ози-Риса (т. е. Осин-царя)», он родился, — говорят нам, — в Александрии, около 185 года, и с самого детства был тщательно воспитан как литературно, так и религиозно.

Если мы допустим, что только-что приведенный год был дан по эре Диоклетиана, то получим для его рождения 469 год, а если считать от основания в 800 году Карлом Великим Восточной Римской империи, то найдем и 985 год, что уже возможно для учителя, так хорошо знакомого с евангелиями. Но много шансов за то, что весь рассказ о нем, как о существовавшем когда-то человеке, представляет одну из вариаций легенд об Арии или даже об Иоанне Златоусте, если не о самом «Великом Царе».

Нам говорят, будто он был почти современником великого астронома Птолемея Александрийского и жил тоже в Александрии, но позднее его.[1]

«Гонение Севера» на еще не существовавших тогда христиан *(будто бы)* «особенно свирепствовало там во время его детства, и отец его Леонид был одною из жертв его. Ориген тоже жаждал мученичества и был спасен только благодаря заботливости своей матери, которая заставляла его оставаться всегда дома, пряча даже его одежды».

Потом он стал учителем, но, к сожалению, среди лиц, приходивших послушать его лекции, было много молодых женщин, подвергавших его искушениям. Чтобы избегнуть их соблазна, он вспомнил слова евангелия Матвея (появившегося лишь через 600 лет после указываемого для него теологами времени) о том, что некоторые «сами делают себя скопцами, ради царства небесного», и оскопил себя. Он, — говорят нам, — скрывал это, однако же слух о том дошел до сведения епископа Димитрия и он одобрил его поступок. Его слава, как учителя, все возрастала. В добавление к богословским наставлениям, он преподавал, подобно Абеляру (1079 — 1142 г.), с которого, как будто, во многом списан, и «грамматику», т. е. общую литературу.

«Церковный мир, которым, — говорят нам, — наслаждались христиане во время царствования Каракаллы, побудил Оригена посетить Рим, где церковь находилась под управлением Зефирина. Он посетил Святую землю, но постоянно жил главным образом в Александрии, Кесарии и Каппадокии. Он изложил, — говорят

[1] Ориген, — говорят нам, — родился около 185 года и умер в 254 году, а Птолемей Александрийский, *будто бы*, жил при Антонине Пии, умершем, *будто бы*, около 161 года.

нам, — в параллельных столбцах: 1) еврейский текст Библии, 2) тот же текст, написанный греческими буквами, 3) перевод Библии Аквилою, 4) перевод ее Симмахом, 5) перевод ее семидесятью переводчиками, «списанный с надежного собрания манускриптов» и 6) перевод Библии Феодотионом. Вследствие этих шести столбцов весь труд назван был Шестерик (Экзапла), а вследствие присоединения к ним еще двух неполных переводов, он называется так же Восьмерик (Октапла). «Этот исполинский труд был закончен, — говорят нам, — незадолго до его смерти», только — как и всегда — подлинный манускрипт его, якобы, сохранявшийся в Кесарии, «по предположению» погиб «при разрушении Кесарийской библиотеки».

«Рожденный Горусом», — говорят нам, — различал в священном писании, как и теологи XVII века, троякий смысл: буквальный, нравственный и таинственный, соответственно составным частям человека — телу, душе и духу. Святой дух, — говорил он, — руководился, при написании им Библии, буквальной историей народов, где это было возможно с точки зрения таинственного смысла, а где это было невозможно, святой дух сам изобретал рассказ. Поэтому и в Законе Моисея одни постановления возможны для буквального исполнения, а другие невозможны. Но такие места как в ветхом, так и в новом завете были нарочно поставлены святым духом, «как камни преткновения на пути», чтобы размышляющий читатель, видя недостаточность буквы, мог чувствовать побуждение доискиваться духовного смысла.[1]

Буквальный смысл Библии может быть понимаем всяким внимательным читателем, нравственный требует более высокого ума, таинственный может быть постигаем только при помощи благодати святого духа. И этот таинственный смысл бывает двух родов: аллегорический, по которому Ветхий завет предъизображает историю Христа и его церкви, и аналогический, где повествование прообразует предметы высшего мира. Однако же, и сами ортодоксальные историки христианской церкви сознаются, что действительные мнения Оригена по многим пунктам установить трудно вследствие того, что оставшиеся от его имени сочинения большею частью апокрифичны и притом имеются только в переводах.

«Оригену, — говорят нам, — обязан своим изобретением и термин «вечное рождение сына божия». Он пояснял способ этого рождения сравнением с излиянием блеска от света. Это, говорил он, не есть нечто такое, что случилось раз навсегда, но непрерывно продолжается «в вечности» божественного существования.

«Отвергая гностическое мировоззрение, предполагавшее материю независимой от бога, он учил, что, так как бог всемогущ и господин всего, то он всегда должен был иметь нечто такое, над чем упражнял бы свое всемогущество и господство, и вследствие этого дело творения из ничего должно происходить вечно.

[1] Origen, «De principiis», IV, 12.

Целью этой теории было примирить Моисеево повествование с платоническим представлением, что мир вечно истекает от бога. По Оригену существовало множество миров до сотворения настоящего, и множество их будет и после кончины нашего мира. С самого начала сотворено было для мира полное число душ; прибавлений к нему не делается, но те же самые души постоянно продолжают являться в бесконечном разнообразии форм. Все они сначала были совершенны и одарены свободой воли. Те души, которые погрешили менее всего, становятся ангелами, живущими на планетах и занимающимися делами служения людям, а худшие делаются дьяволами. Была только одна душа, которая не согрешила. Она, через постоянное созерцание божественного слова, присоединилась к нему, была поглощена в нем и таким образом сделалась средством для того единения божества с человеком, которое помимо этого посредства было бы совершенно невозможным. Так как евангелие было приспособлено для людей всякого рода, то Ориген предполагал, что внешность Христа, во время его земной жизни на земле, разнообразилась согласно с характерами тех, кто видел его.

Всякое наказание, по этому учению, имеет просто исправительный характер, будучи установлено для того, чтобы все твари могли быть восстановлены в свое первоначальное совершенство. При воскресении все человечество должно будет пройти чрез огонь. Очищенные души войдут в рай, как место, приготовленное для завершения всего их пути. Злые останутся в «огне», который, однако же, описывается от имени Оригена не как вещественный, но как умственная и духовная бедственность. Предметом и пищею его служат наши грехи, которые, вздувшись высоко, воспламеняются, чтобы сделаться наказанием для нас, а «тьма кромешная» есть тьма неведения. Но состояние и этих душ не безнадежно, хотя могут пройти тысячи лет, прежде чем их страдание окажет на них должное действие.[1] Однако и те, которые допущены в рай, могут злоупотребить там своей свободной волей, как в начале, и будут вследствие этого осуждены на возобновление своего пребывания в теле.[2] Каждое разумное творение, даже сам сатана, могут быть отвращены от зла к добру, так что не лишены окончательно возможности спасения.[3] При окончательном завершении всего, душа будет обитать в каком-то органе, зародыш которого заключается в теперешнем теле. Наслаждения ее будут чисто духовные. Святые будут понимать все тайны божественного промышления. Никогда не ослабевающая любовь сохранит все творение от возможности дальнейшего падения и «бог будет всем и во всем».

[1] Origen, «De Principiis», I, VI, 3.
[2] Origen, «De Princ.», II, III, 3; III, 6 (в переводе Иеронима).
[3] Многие утверждали, что Ориген учил о возможности спасения и для дьявола (Neander, I 472). А в приписываемом ему же письме к Александру (т. I, стр. 9) объявляется это мнение таким, «которое едва ли может поддерживать даже сумасшедший».

И вот, читатель, вся эта сложная философия, дышащая схоластическими деталями Эпохи Возрождения, отнесена теологами к III веку нашей эры! Ну, не стыдно ли это?

И нам ничего не остается теперь делать, как на вопрос: кто был «сын Горуса» и внук богини Изиды, Ориген? — ответить: он был создание религиозных фантазеров Эпохи Возрождения, писавших не ранее XVI века под псевдонимами Евсевия, Иеронима, Августина, Епифания, Руфина и даже его самого.

То же самое можно сказать и об «его учениках».

ГЛАВА IV

КИПРИАН И НОВАЦИАНЕ-ОБНОВЛЕНЦЫ

«Как имя Оригена, — говорит Джемс Робертсон,[1] — стало знаменитым в истории позднего христианского учения, так и имя его современника Киприана *(т. е. Кипрского уроженца)* сделалось очень небезызвестным в Эпоху Возрождения», — только «Кипрский уроженец» родился, по словам историков, совсем не на Кипре, а в Картагене.

А по нашим историко-астрономическим соображениям выходит и еще хуже: выходит, что его рождение было не в 200 году нашей эры, когда еще не было и самого христианства, а не ранее в 200 года *эры Диоклетиана,* т. е. 484 года по современному счету во время апокалиптических пророчеств, чему вполне соответствует и его поведение.

Его ранняя жизнь, — говорят нам, — была «не свободна от обычной распущенности того времени».[2] Однако, сделавшись пресвитером, он и «сам исправился, и захотел исправить свою паству». Но, очевидно, он не был слишком строг, так как стал бороться с «обновленцами» *(новацианами, по-латыни)*,[3] которые шли гораздо далее его по пути морали и учили даже, что в виду близкой кончины мира покаявшиеся грешники-христиане, хотя и могут быть помилованы богом и потому должны быть увещаемы к покаянию, однако же церковь должна их отлучать от общения с собою до предстоящего на-днях конца мира.

Кроме своего латинского названия «обновленцы» имели и греческое со значением «очищенные» (катары[4]), что обратилось по-итальянски в *гаццары* (gazzari) в Эпоху Возрождения. Они были очень распространены в средние века по северной Италии, юж-

[1] Перевод А. П. Лопухина, стр. 106.
[2] Pontius, «De vitae et passione st. Cypriani», c. 3, 5, 15.
[3] От novatio — обновление. Греческое название Новациана Noovatos есть латинское Novatus, из чего видно, что по-гречески у него не было даже имени (Cornelius apud Eusebio, VI, 43).
[4] От καθαρός — чистый; слово, употребляющееся несколько раз в Апокалипсисе, где говорится между прочим об ангелах, одетых в чистые и белые одежды (Апок., XV, 6).

ной Франции и западной Германии, вели аскетический образ жизни, отрицали брак, собственность, употребление животной пищи, усиленно ждали конца мира и перекрещивали переходивших к ним из государственной церкви, считая общение с нею нечистым и ее «священнослужителей» самозванцами.

Уже самые названия их «обновленцы» и «очищенные» (новациане и катары) показывают, что это имена заголовочные, т. е. характеризующие сущность секты, развившейся несомненно под влиянием Апокалипсиса, и никак не произошли оттого, что, будто бы, основателем обновленцев был некто по имени Обновленец (Новациан, по-латыни), как в этом хотят нас уверить историки христианской церкви. А если мы примем к сведению, что они были истреблены только в XIV веке нашей эры инквизицией, то нам будет смешно даже и подумать, что они возникли еще до основания христианского богослужения «Великим царем» *(Василием, по-гречески)*, жившим в средине IV века нашей эры.

Никейский Собор,— очевидно второй 787 года, а не первый,— как воображают теологи, пытался, — говорят нам, — «исцелить этот христианский раскол примирительными мерами». Но обновленцы попрежнему считали слабость государственной церковной дисциплины препятствием для соединения, хотя и вошли в более дружественные отношения с православными вследствие общей опасности во время арианства (очевидно, агарянства или иконоборчества). Они, — говорят нам, — соединились с остатками секты «горцев» (монтанистов), называвших себя вдохновленными (пневматиками) и ждавших тоже скорого конца мира, а по их латинскому названию можно заключить, что местом их возникновения была скорее всего испанская Монтанья, около реки Эбро, а не Фригия, где, будто бы, жил их первоучитель Горец (Монтан).

Противодействовавшая обновленцам ортодоксальная церковь, во главе с вышеупомянутым «Кипрским уроженцем», родившимся не на Кипре, а в Картагене (и очевидно, в испанской) потерпела полную неудачу, благодаря сильной чуме, за которую народ поносил ее, как навлекшую такое страшное посещение демонов своим нечестием. Обвиняемая церковь делала все, что могла, чтоб бороться и с чумою и с обвинением. Мертвые тела, заражавшие воздух, были погребаемы сторонниками «Киприана», и за больными, были ли это христиане или язычники, производился уход за счет церкви.

Когда же это было?

Первая историческая чума, охватившая все прибрежные страны Средиземного моря, была в VI веке нашей эры, и это вполне согласно с временем возникновения обновленцев, если даваемый «Киприану» 248 год мы будем считать по эре Диоклетиана (284 год). Получается 532 год нашего счета, т. е. около средины VI века. Обвиняемый «обновленцами» не-кипрский Киприан был отправлен в ссылку в какой-то город Курубис, находившийся километрах в 60 от Картагены, но по прибытии нового «проконсула Галерия» был возвращен и обезглавлен, очевидно в связи с той же чумой, а не потому, что не хотел поклониться «римским богам».

Позднее время Киприана, а с ним и время «обновленцев» обнаруживается и тем, что он считал апостола Петра — главой апостолов, Римскую церковь — единой верной и истолковывал обетование «ключей царства небесного» в том смысле, что оно дано было апостолу Петру. Легенды о нем, а вместе с ним и об отшельнических сектах «новацианах-обновленцах, катарах-очищенных и монтанистах-вдохновленцах», имеются лишь в поздних изложениях, но совпадение чумы VI века с указанным для Киприана 248 годом, если взять его по эре Диоклетиана, заставляет остановиться на допущении, что такие секты действительно начались в VI веке нашей эры.

Главнейшие сведения о всем здесь сказанном исходят главным образом из Евсевия Памфила и Сократа Схоластика, апокрифичность которых я уже показал, и подробнее покажу далее, а «письма» самого Киприана носят стиль еще более позднего сочинительства различных церковников.

Очень интересно было бы приложить к их исследованию изложенные мною в III томе «Христа» приемы лингвистических спектров.

ГЛАВА V

МАНИХЕИ-БУДИСТЫ

Слово *манихеи* значит вдохновенные люди, от древне-персидского слова манех—дух, т. е. это не собственное имя, а нарицательное, вроде русского слова «духовенство». Если время их возникновения, 270 год, будем считать по эре Диоклетиана, то получим 555 год нашей эры, и почти к этому же времени должны мы будем отнести и время Сапора II Великого в Персии, дав для него промежуток от 564 по 654 год, что налегает уже на первые годы агарянства. И действительно, это самый ранний срок, к которому можно отнести «духовных людей», хотя идеология их и составлена не ранее как в начале Эпохи Возрождения, к которой приходится причислить наши главные первоисточники о них: церковные истории Евсевия Памфила и Сократа Схоластика и книгу блаженного Августина о ересях, из которых воспроизведены здесь и легенды о возникновении этого «духовенства» и о его сущности. С конца VI века сведения о них прекращаются под этим прозвищем, хотя и говорится, что они тогда распространились от Индии до Испании, как и агарянство, но продолжением их являются павликиане, благодаря тому, что они считали своим учителем апостола Павла.

Посмотрим теперь, что говорят нам об этих духовных людях наши первоисточники.

Греки[1] выводят эту секту от сарацинского торговца, по имени Скифиана, который, обогатившись торговлей в Индии, будто бы, поселился в Александрии и составил свою собственную философскую систему. По смерти его, случившейся в Палестине, его рукописи, вместе с остальною собственностью, попали, будто бы, в руки его служителя Терпентина, который с целью найти более благоприятное поприще для распространения его учения, отправился в Персию, где и принял имя Буды.[2] Но он был побежден в своем споре со жрецами национальной религии, и когда однажды занимался причитаниями на крыше своего дома, был сброшен вниз головой и убит каким-то ангелом или демоном. Вдова, у которой он жил и которая была его единственной последовательницей, похоронила его тело и завладела его богатством. Она купила семилетнего мальчика по имени Кубрика, дала ему хорошее образование и, умирая, когда он достиг двенадцатилетнего возраста, сделала его наследником всего своего имущества. Кубрик принял имя «Слова» (по-персидски, Манес), как и Христос в евангелии Иоанна, и по истечении почти полувека, о котором не имеется никаких подробностей, явился при персидском дворе, куда принес с собою книги Буды, которые называл своим собственным произведением. Он вызвался исцелить сына царя Сапора от опасной болезни, но в отместку за смерть пациента был брошен в темницу. Там Манес достал христианские книги, и многие из них принял в свою систему, называя себя апостолом Христа и заступником перед богом — параклетом, по-гречески, что уже указывает на знакомство сочинителя его жизни с евангелием Иоанна, где фигурирует это слово в применении ко Христу. Он бежал из тюрьмы, но скоро затем опять попал в руки персидского царя, по повелению которого с него живого была содрана кожа.

А по восточным свидетельствам, Мани, т. е. Исчислитель по-еврейски, был персиянин из магов и обладал чрезвычайным разнообразием знаний и талантов. Он принял христианство и, по одному свидетельству, пред тем, как составил свою особую систему учения, был пресвитером в церкви. Будучи заключен в тюрьму за свои мнения персидским царем Сапором, он бежал оттуда, путешествовал в Индии и Китае и, наконец, удалился в одну пещеру в Туркестане, рассказывая своим ученикам, что он намерен вознестись на небо и что в конце года он встретит их опять в известном месте. Промежуток времени прошел, и, при новом своем появлении он, вынул книгу Откровение, украшенную символическими картинами. По смерти Сапора, он возвратился к персидскому двору, где был хорошо принят Гормиздой, и обратил его в свою веру, но менее чем через два года лишился своего царственного покровителя. Следующий царь, Варан, сначала относился к нему с благосклонностью, но скоро склонился на сторону его врагов. Он пригласил его на прения с волхвами, и когда они объявили Мани еретиком, царь приказал предать его смерти, но как — неизвестно.

[1] См. спор (конечно, апокрифический) между Манесом и Архелаем у Zacagni, «Collectania Monumentorum». 1798. Подлинность его и помимо меня подвергается сомнению (Робертсон, стр. 123).

[2] Боясь отожествить это имя с Будой, что ниспровергло бы всю историю будизма, производят его от слова бутам или бутема, халдейского названия терпентинового дерева. Лассен думает, что Скифиан т. е. Скифец, есть воображаемая личность, но что «Терпентиновое дерево» был действительным родоначальником духовенства манихейства, III, 406—7.

А что же говорил он волхвам?

Наши первоисточники утверждают, что «Заступник перед Богом» учил, будто существуют два начала, вечно противоположные друг другу и царствующие каждое в отдельности: одно — над царством света и другое — над царством тьмы. Эти силы независимы одна от другой, но бог выше их. Он состоит из чистого света, бесконечно более тонкого, чем свет нашего мира, и без какой бы то ни было определенной телесной формы. А царь тьмы — демон — имеет грубое материальное тело. Адам был микрокосм, заключавший в себе все элементы обоих царств. Он имел душу света и душу тьмы, вместе с телом, которое было материальное и поэтому, по необходимости, злое. С целью удержать его в рабстве Творец запретил ему есть от древа познания; но Христос (или же Ангел), в виде змея, научил его нарушить это запрещение, и Адам был озарен светом познания. Не бог, а демон произвел Еву, и хотя бог вложил в нее часть небесного света, но его было недостаточно для того, чтобы противодействовать ее злым наклонностям. Она искушала Адама к чувственному наслаждению, не обращая внимания на повеление бога, который заповедал ему воздерживаться, с помощью своей высшей души от желаний своей низшей души и своего тела. Адам уступил соблазнам Евы и пал. Частицы небесного света в нем подпали еще большему рабству материи, и потому по мере своего продолжения человеческий род ухудшался все более и более, от поколения к поколению.

Бог, увидев это, произвел из себя два существа чистого света: Христа и Святого Духа, на обязанности которых было содействовать избавлению человечества. Сила Христа обитала на солнце, а мудрость на луне, которые поэтому и нужно было боготворить не как божества, а как обители свойств Христа. Дух же Святой обитал в воздухе. Мир поддерживался могущественным ангелом, который, по своей обязанности, назывался по-гречески Омофором[1] (носителем на плечах), иначе — Атлантом, и частые знаки нетерпения, обнаруживаемые этим существом (движения которого и есть причина землетрясений), ускорили пришествие Христа в человеческой форме. Так как вследствие злого характера вещества Христос не мог иметь материального тела, то человечеству его представлялось «духовными людьми» как призрачное. По их мнению, он явился внезапно, и все повествования о его рождении и о ранних годах его жизни — последующие вы-

[1] Ὠμοφορέω — несу на плечах.

думки, а его действия и страдания были только кажущимися. Целью его посланничества было открыть людям их небесное происхождение и побудить их стремиться к возвращению себе блаженства чрез преодоление желаний своего тела и своей злой души.

Продолжим и далее изложение этого бреда.

Частички небесной жизни, поглощенные царством материи, находятся не только в человеке, но и в низших животных и в растениях, «вися на каждом дереве». Из своих обителей на солнце, луне и в воздухе, Христос и Святой Дух заняты делом освобождения таких частиц. Благодаря их воздействию травы возникают из земли, стремясь к сродному им свету, между тем как силы ночного мрака, которые Святой Дух после своей победы распял на звездах, изливают оттуда пагубное действие по земле.

Вот почему не только животная и даже растительная жизнь была священна для «духовных людей», которые верили, что растения имеют такие же ощущения боли, как и люди. Избранные (высший класс в их общине) не могли даже сорвать лист или плод своими собственными руками. Намереваясь есть хлеб, они должны были обращаться к нему с речью:

— «Не я сжал, смолол и испек тебя, так пусть только те, которые сделали это, будут тоже сжаты, смолоты и испечены».

Когда эти «избранные» ели что-нибудь, тогда частички божественного существа, содержащиеся в их пище, освобождались. А когда ели что-нибудь не избранные, то результатом их еды было заключение небесных частиц их пищи в узы материи, и отсюда выводилось правило, что хотя «манихей» и мог помогать нищему деньгами, но нечестиво было давать ему пищу.

Так говорят наши поздние апокрифисты Евсевий Памфил, Сократ Схоластик и Блаженный Августин — все авторы Эпохи Гуманизма. Но апокрифисты тут проговорились, называя основателя секты «духовных людей» (так близких по своей идеологии с будистами) Будою, т. е. тем же именем, какое носил и основатель будизма (по современной неправильной транскрипции Buddha). И уже одно то обстоятельство, что секту эту отправляют в Персию, Индию и Китай, достаточно показывает, что мы имеем здесь одно из сказаний о возникновении будизма, как ответвления христианства, не ранее V века нашей эры, о чем я дам специальное исследование в VIII томе, а теперь окончу лишь идеологию. Это же видно и из следующего.

После оставления тела душа переносится на солнце вращением огромного колеса с двенадцатью ведрами, а солнце после очищения ее своими лучами, передает ее луне, где душа в течение пятнадцати дней должна пройти дальнейшее очищение посредством воды и затем уже принимается в первобытный свет. Менее освященные души должны возвращаться на землю в других телах.

Тот, кто убил какое-нибудь живое существо, превращается после смерти в существо того самого рода, а те, кто жали, мололи или пекли, сами будут делаться пшеницей и подвергнутся всем этим операциям. Таким образом, очищение душ совершается в последовательных переселениях, пока они не сделаются пригодными для вступления в число избранных. С этой точки зрения манихейство псевдо-Августина есть, действительно, будизм.

Когда земной мир закончит предназначенное ему течение, он будет сожжен и превратится в инертную массу, к которой будут прикованы души, избравшие служение злу, а силы тьмы будут навсегда заключены в своей мрачной области.

Последователи этого учения считали Ветхий Завет произведением силы тьмы. Они нападали на его нравственность и на изображение бога Библией со свойствами человека, останавливались на ее несовместимости с Новым Заветом и отрицали, чтобы в ней что-нибудь предвозвещалось о Христе. Они отвергали книгу «Деяний Апостольских», говорили, что евангелия — произведения неизвестных лиц, живших долго спустя после апостольских времен, и таким образом сильно искажены.

Богослужение их избранных окутано было таинственностью, которая давала повод к слухам об «омерзительных» обрядах.[1]

Мы не будем говорить здесь о них, так как это могут быть выдумки противников, а только отметим, что если бы «манихеям» были известны даже и «Деяния Апостолов», то их учение закончилось бы не ранее XII века нашей эры, если еще не позже, и вышло бы, что будизм существовал и в Европе в средние века.

И на это имеются даже и чисто исторические доказательства.

Из того обстоятельства, что Герберт при своем посвящении в архиепископа реймского (991 г.) произнес исповедание веры, в котором явно осуждал некоторые из главных пунктов манихейского христианства, историки уже выводили, что во Франции в то время еще не прекратились манихеи.[2] Но удалившие их в III век заявляют, что осуждение Гербертом манихейства было «одним из тех многих заблуждений, которые тогда распространялись по вражде или по доверчивости его современников».

Но, по их же словам, в Аквитании даже и в 1017 году была секта манихеев, а в 1022 году еще более замечательная община того же рода в Орлеане. Сектанты, будто бы, получили свое учение от одной проповедницы, которая прибыла из Италии, и была, по словам ортодоксальных клерикалов, так «полна диавола», что могла совращать самых ученых духовных лиц. Вождями секты затем были двое из духовных лиц, по имени Стефан и Лисой, очень уважаемые за свое благочестие, ученость и благотворительность. Стефан был даже духовным отцом королевы Констанции, на которой женился Роберт Французский после своего вынужденного разлучения с Бертой. Среди последователей было десять кафедральных каноников и много знатных лиц не только

[1] Augustin: «De Haeresi», 46, col. 36.
[2] Hardouin, YI, 725

в Орлеане и его окрестностях, но даже и в королевском дворце.

Они учили, что Христос не рождался в действительности от девы Марии, не был распят и погребен и не воскресал. Крещение не имеет никого значения для смытия греха, священническое освящение не превращает хлеба и вина в тело и кровь, и не нужно молиться святым мученикам. Подосланный к ним королем Робертом соглядатай Арефасий,—говорят нам,—видел сам, что они служили литию злым духам, что им является дьявол в виде светлого ангела. Свечи тогда тушились, и каждый мужчина обнимал находившуюся поближе к нему женщину, кто бы она ни была — мать, сестра или посвященная монахиня. Ребенок, родившийся от такого свального греха на восьмой день по своем рождении сожигался на сектантском собрании, а пепел его сохранялся для того, чтобы впоследствии раздаваться под именем небесной пищи. Сила этого дьявольского таинства была такая, что всякий, принимавший его, делался непоколебимо преданным ереси.[1]

Король Роберт, получив такие сведения от своего соглядатая Арефаста, отправился в Орлеан, где и накрыта была вся партия сектантов, и Арефаст выступил в качестве свидетеля против них. Они, — говорят нам (их враги), — сознались в своем учении и выражали уверенность, что оно распространится по всему миру, так как эти воззрения преподаны им таинственно святым духом. Они с презрением говорили о святой троице и о чудесах, рассказываемых в Писании, утверждали, что небо и земля вечны, а не сотворены и что обыкновенные религиозные обязанности бесполезны.

После тщетной попытки отвратить сектантов от их заблуждений, они были осуждены на смерть. Во время судопроизводства королева Констанция, по желанию своего мужа, стояла на ступенях церкви, в которой состоялся суд и ткнула палкой в глаз своего бывшего духовного отца, когда он выведен был из церкви после осуждения. Двое из сектантов — духовное лицо и монахиня отреклись от ереси, тринадцать человек остались непоколебимы и приближались к месту казни с веселым и торжествующим видом в ожидании чудесного избавления.

Один «историк» того времени рассказывает, что когда вокруг них запылали огни и не появлялось никакого заступничества, они закричали, что дьявол обманул их, а по другому свидетельству они сохраняли свое ликующее настроение до последнего издыхания. Вместе с ними в пламя был брошен какой-то прах, бывший по предположению «небесною пищею». Тело каноника, по имени Теодата, бывшего членом секты, но умершего за три года пред тем, было вынуто из могилы и выброшено в неосвященное место.

Вполне возможно, что эта группа была действительно продолжением манихеев, которых пришлось бы в таком случае отнести не в V век нашей эры, а в V век II эры Диоклетиана, т. е. в VIII столетие нашего обычного счета. Но не разберешь, что вернее в этом рассказе: их учение о Христе или их обрядность?

[1] Ademar, III, 59.

В том же роде описываются и другие манихейские случаи частного характера.

В 1025 году Гебгард, епископ Арраса и Камбрэ, ученик Герберта, открыл в первом из этих городов несколько сектантов, которые по их словам получили свое учение от итальянца, по имени Гундульфа. Они тоже отрицали пользу крещения и причащения, приведя в числе своих возражений против крещения то обстоятельство, что младенец, не будучи способен ни к какой вере, не может получать никакой пользы и от ее исповедания другими. Они учили, что храмы не более святы, чем и другие здания; что жертвенник есть простая куча камней, и крест ничуть не отличается от всякого другого деревянного изделья. Они осуждали различие в степенях священнослужения, употребление колоколов, каждения, икон и пения, а также и обычай погребения на освященном месте, утверждая, что все это духовенство ввело для своих прибылей. В своем ответе епископу они заявили, что их мнения основаны на священном писании, что их правила обязывают их воздерживаться от всяких плотских похотей, добывать себе содержание трудом своих собственных рук и делать добро тем, кто противодействует им. Пока люди соблюдают эти правила, крещение им не нужно, а если пренебрегают ими, то крещение не в состоянии им помочь.

Гебгард, — говорят нам, — легко доказал нелепость их учения, они поверглись пред ним ниц и боялись, что их грех непростим. Но он уверил их в прощении, и после подписи ими православного исповедания они приняты были в общение церкви.

Другое учение манихейского характера, — говорят нам, — проповедывалось в Тулузе, где те из проповедников, которые были накрыты, преданы были смерти. Затем в 1044 году Генриберт, архиепископ миланский, открыл еще одну секту в Монте-Форте, близ Турина. Она пользовалась покровительством тамошней графини, и среди ее членов было не мало духовенства. Сектанты эти учили, что под сыном божиим подразумевается великая человеческая душа, возлюбленная богом и рожденная от святого духа, и что святой дух постигает божественные вещи. Они говорили, что имеют первосвященника не от Рима, а такого, кроме которого нет другого, и что он ежедневно посещает своих братьев, рассеянных по всему миру. У них была своя особая иерархия, они не ели мяса, часто постились, поддерживали по очереди непрерывную молитву, жили со своими женами как с сестрами, и верили, что если все человечество будет жить в чисто духовном единении, то род человеческий будет распространяться «по способу пчел».[1]

[1] Джемс Робертсон, История христианской церкви. Перевод Лопухина, I, 988.

Члены этой секты тоже были схвачены и отправлены в Милан. Там сделаны были попытки заставить их отречься от своих заблуждений, но безуспешно, и власти приказали, хотя и без согласия архиепископа, отвести их на одно место за городом, где почти все они, закрывая глаза руками, побросались в приготовленный для них огонь.

Происхождение таких мимолетных сект, которые в XI веке появились во многих местах, составляет предмет спора теологов. Уклонисты от правоверия, жившие к северу от Альп, большею частью заявляли, что они заимствовали свои мнения непосредственно из Италии. Теологи не решают, введены ли они были в эту страну павликианскими беглецами, потомками павликиан, которые в 966 году были перенесены Иоанном Цимисхием из Армении во Фракию и сделаны охранителями западных границ его империи, с позволением удерживать свою религию, или мнения эти были заимствованы у манихеев, которые, несмотря на суровые меры Льва Великого, продолжали передавать свои учения от поколения к поколению в Италии? Но никто еще не спрашивал: не были ли и сами древние павликиане и манихеи списаны апокрифистами православия и, конечно, с искажениями с только-что описанных средневековых сект? А между тем такой вопрос вполне уместен.

«Можно думать, — говорит даже и Джемс Робертсон,— что европейские еретики заимствовали свои мнения от манихеев, не ранее того, как Восток поставлен был в общение с Западом чрез посредство крестовых походов, и связь обеих манихейских сект была затем перенесена на более ранние времена».

А мы можем прибавить к его словам и еще следующее.

Если у нас и не имеется данных о том, что манихейская секта продолжала существовать в Италии после времени Григория Великого, то это скорее всего указывает на апокрифичность ее начала. «Еретики в Падуе в X столетии, которые назывались арианами, вероятно были то же самое, что и манихеи»,—говорит даже и Джемс Робертсон.

ОТДЕЛ II

ОБРАЗЧИКИ ПРИДУМАННЫХ СВЯТЫХ И ПАТРИАРХОВ, АПОКРИФИРОВАННЫХ В ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

49 Зак. 66

Рис. 146. Реальный «апостол божий Симон-Петр», т. е. в переводе с греческого: «посланник божий, Камень-Знамение» (απόστολος θεοῦ Σημεῖον-Πέτρος). (Из падения метеоритного камня в Риме вырос миф об апостоле бога — Симоне-Петре).

Рис. 147. Хитрец-чудотворец.

ГЛАВА I

ХИТРЕЦ-ЧУДОТВОРЕЦ

Если вы посмотрите в каком-либо календаре список христианских имен, то увидите, что имя знаменитого Чудотворца «Николай» переводится там: «Победа людей». Но если вы сами знаете греческий язык, то сразу же сообразите, что такой перевод тенденциозен. Слово Николай (Νικόλαος) буквально значит победная толпа, [1] победное полчище, и трудно себе представить, чтоб какая-нибудь мать назвала своего сына таким собирательным именем, даже и в том случае, если бы у нее сразу родилось двое детей или даже трое. Уже одно это обстоятельство приводит к заключению, что имя Николай совсем не значит «полчище», а является лишь приспособившимся к греческому говору еврейским словом Никэл или Никола, [2] т. е. хитрец, лукавец, фокусник, подобно тому, как и имя Никодим по тем же этно-психологическим соображениям приходится считать не за целый «победный народ», а за эллинизировавшееся еврейское слово Никэд (נכד) — внук. Такое еврейское словопроизводство обоих имен тем более правдоподобно, что среди старинных православных святых очень многие носят еврейские прозвища, начиная с самого евангельского «Спасителя», еврейское имя которого Иошуа (или Иосия, а также Осия) превратилось в греческом произношении в Иисуса. [3]

---

[1] От *Никэ* (νίκη) — победа, и *Лаос* (λαός) — люд, толпа; у Гомера — полчище. Словопроизводство тут — то же самое, как и в имени города Никополя (Νικο πολίς) — победный город, а не «победа городов». Слово «Победитель народа» было бы Л а о н и к (Λαο-νικός), а не Николай (Νίκο-λαος). Аналогично этому мы говорим: д е м о к р а т, а не к р а т о д е м, значит и имя Н и к о д и м по-гречески нелепо, грек сказал бы — Д э м о н и к о с.

[2] НКЛ (נכל) — хитрец, лукавый человек, обманщик.

[3] Тут много транскрипций даже по-еврейски: ИШУЭЕ (ישועה) — спасение. Оно же ИШУЭ (ישוע) ИЭШУЭ (ישועה) и ИЕУШУЕ в применении к Иисусу Навину; у Неемии ИШУЭ (ישוע). Все это вполне соответствует уже высказанному мною выводу, что до печатного периода не могло быть никакого общего правописания.

Итак, имя Николай значит *хитрец* или *фокусник*, а прозвище Чудотворец является только повторением того же самого имени на русском языке. Немцы зовут его Wundertäter, французы thaumaturge, так же как и англичане (thaumaturgus), оставляя без перевода его греческое прозвище *тавматург*, тоже значащее *чудотворец*, а в то же время и *фокусник*. [1]

Мы видим, что чудотворство или фокусничество этого древне-ромейского «хитреца» прогремело на всех языках христианского мира. Даже за самим Христом не установилось такого украшающего эпитета, а потому мы должны допустить априорно, что он действительно имел на свой титул какое-то исключительное право.

Так в чем же дело? Какие реальные чудеса (т. е. попросту — фокусы) натворил этот человек, чтобы заслужить сразу и свое еврейское прозвище Никэла, т. е. хитрец, и свое всенародное название чудотворец? Ведь, он же личность уже историческая. Он участвовал (и даже очень буйно) на Никейском соборе в 325 году нашей эры, наградив за что-то пощечиной (уж не за обличение ли его чудес?) знаменитого Ария.

И вот, к изумлению, мы не видим в его жизнеописании у клерикальных авторов никаких чудес, кроме явно вымышленных самими же авторами его биографии.

Вот они, почти целиком.

По Симеону Метафрасту, умершему по словам самих теологов только в 975 году, т. е. уже через 600 лет слишком после смерти Хитреца-Чудотворца, и сочинения которого (если они не апокрифы) вышли впервые только в латинском издании 1551 года, «хитрец» родился в Малой Азии от «благородных» родителей Богоявленца (Феофана, по-гречески) и жены его Девятой (по-латыни — Ноны). И вот, начались чудеса, которые едва ли он сам мог сфокусничать... Слишком было бы рано!

«Еще в крестильной купели, тотчас после рождения, — говорит Метафраст, — он стоял три часа на собственных ногах, без посторонней поддержки, воздавая этим честь святой Троице»... «Даже и молоко матери он пил в скоромные дни только из правого сосца, а по средам и пятницам не ранее как после обычной вечерней молитвы, чему сильно удивлялись его родители и предвидели его будущее величие».

Когда наступило надлежащее время, его отдали в обучение, и он «так успел в книжной премудрости, как подобает только доброму кормчему христова корабля»... «Он уклонялся, — говорят нам Жития Святых, — всячески от суетных бесед, и от смотрения на женщин, хотя бы даже единым оком».

Вот, первое правдоподобное чудо, но все же не чудотворство...!

«Его дядя епископ, тоже Никола *(т. е. тоже Хитрец)*, уговорил родителей посвятить его богу, возвел в пресвитеры и исполнившись святого духа, запророчествовал при этом так:

— «Се, братия, вижу новое солнце, восходящее до конца земли и являющее милостивое утешение опечаленным. О, блаженное стадо, которое сподобится иметь себе такого пастыря! Он хорошо упасет души заблудших, напитает их на пажити благочестия и будет теплым помощником попавшим в беду!»

Затем этот старший «хитрец» ушел в Палестину и передал младшему «Хитрецу» свою должность. Его родители в то время умерли и он, — говорят Жития, — «роздал все их имение неимущим».

А между тем из следующего же рассказа обнаруживается, что он оставил кое-что и себе, на всякий случай. И в этом опять не было никакого чуда.

Не было ничего чудесного и в следующем рассказе.

В том городе, — говорят нам, — был один богатый прежде, но затем обнищавший человек, который захотел сделать блудницами трех своих дочерей, чтобы питаться от такого их занятия. «Хитрец-чудотворец» узнав об этом, взял узелок с золотом *(предусмотрительно оставленный им у себя при раздаче отцовского имущества)* и бросил его ночью в окно их дома. Отец, найдя его утром, возвеселился и назначил этот подарок в приданое первой своей дочери, благодаря чему она тотчас же вышла замуж. Затем Хитрец тайно бросил узел с золотом и следующей его дочери, и она тоже пристроилась правильным образом.

Отец взмолился богу, чтоб указал он ему его покровителя и, уже догадываясь, что будет узелок и для третьей дочери, «начал сторожить по ночам своего благодетеля и усторожил его. Но пойманный на месте, «Чудотворец запретил ему рассказывать об этом кому бы то ни было, и все это дело навсегда осталось тайным» *(так что до сих пор ни одной живой душе неизвестно, в том числе и автору самого рассказа, читатель!)*.

Потом Хитрец поехал на корабле в Палестину и, когда проезжал мимо Египта, сказал морякам:

— «Я видел, как лукавый, враг человеческого рода, влез в ваш корабль, чтобы потопить его».

«И вот, помрачилось облако и началось сильное волнение. Моряки молили Чудотворца помочь им, и как только он помолился богу, лукавый выскочил из трюма, и буря тотчас утихла. Один из моряков полез при этом от испуга на мачту, но упал и разбился на-смерть, а Чудотворец воскресил его молитвой».

Вот первое возможное чудо, хотя моряки и могли подумать, что их товарищ был только временно оглушен ударом, а буря могла утихнуть и просто.

«Они пристали к Александрийскому берегу, — продолжает далее Метафраст, — где Хитрец исцелил многих болящих, прогнал множество бесов и утешил всех скорбящих. Оттуда он отправился в Палестину и обошел все святые места: при этом двери храма Иерусалимского чудесно сами отворились перед ним».

---

[1] Тавматургос (θαυματουργός) от *тавмата* (θαύματα) — чудеса и от *эрго* (ἔργω — работаю), причем *тавматургео* (θαυματουργέω) значит делаю фокусы. Аналогично производятся: драматург, а также литургия от *лите* (λίτη) — моление, лития.

Читатель видит, что уже простой недостаток подробностей в этом сочинительстве показывает не действительное чудотворство «Хитреца-Николая», а только скудость воображения у автора его биографии.

Он сел на корабль, чтобы плыть домой, но моряки вдруг раздумали туда ехать и отправились к себе в другую сторону. И вот, тотчас поднялась буря и, несмотря на все их усилия, пригнала корабль в его землю. Испуганные моряки просили Чудотворца о прощении, и он мирно отпустил их домой.

Опять не его чудо, а только божие.

Однажды, стоя на молитве, он услышал голос:

— «Хитрец! Да внидешь в народный подвиг, если хочешь получить от меня венец».

И снова:

— «Хитрец! Это не та нива, на которой ты принесешь ожидаемый мною плод».

Чудотворец понял из этих слов, что бог повелевает ему итти в виде нищего в город Миру Ликийскую, где никто его не знал.

«И вот, случилось чудо. Тамошний епископ умер в это самое время, и его клир решил молиться, чтобы сам бог определил, кому быть преемником. И тотчас старейшему из них явился во время молитвы пресветлый муж и сказал, что епископом должен быть тот, который первым придет в следующее утро в церковь на молитву, и что имя ему — Хитрец».

«Таким образом, клирики подстерегли Чудотворца и объявили его первопрестольником Мир-Ликийской церкви. Вот как божья церковь получила достойный свой светильник».

Но и это чудо было сотворено не им, а только другими для его пользы, и не давало ему права на исключительное прозвище Чудотворца. Посмотрим и далее.

«У него, — говорят нам, — были два помощника—Павел Родийский и Федор Аскалонит, мужи известные всем грекам»... «Лукавый же, не будучи в состоянии вытерпеть этого, воздвиг на церковь гонение со стороны Диоклетиана и Максимиана. Эта злодыхательная буря достигла и до Мир Ликийских, и Чудотворец был посажен в темницу вместе со многими другими. Но он помолился богу, и бог сейчас же удалил в ад обоих нечестивых царей, и воздвиг вместо них благочестивого царя Константина *(который, как мы видели, был даже и не крещен)*.

Тогда Чудотворец стал низвергать всех идолов и, «придя к кумирнице Артемиды, сладкому жилищу бесов, превелико украшенному, разрушил ее храм и даже фундамент его разметал на воздух, причем лукавые духи бежали, испуская плачевные вопли».

Опять никакого реального чуда, а дальше идет уже нечто считающееся историческим.

Царь Константин, — говорят нам, — приказал православному духовенству приехать на собор, и оно явилось туда в числе

380 епископов. Там, — говорят нам,—возревновав о христовой вере, Чудотворец ударил Ария по щеке, за что и был извергнут из собора и лишен епископского звания. Однако, один тот факт, что никаких ожесточенных споров о личности Христа тогда не могло быть уже по одному тому, что само христианское богослужение было основано лишь в следующем поколении «Василием Великим», показывает, что Арий был заушен Чудотворцем за что-то другое и не иначе как за разоблачение его чудес. Но, — говорят нам, — хотя собор и стал на сторону Ария, Чудотворец был скоро реабилитирован и не без причины.

Дело в том, что некоторые из достойнейших святых отцов увидели вслед за этим, как сам Иисус Христос *(которого, повторяю, тогда еще не было)* подал ему евангелие, а богородица преподнесла ему омофор, в знак возвращения ему священства. Понятно, что после этого большинство епископов не признало соборного решения. «Чудотворец возвратился к своему стаду и, как мудрый земледелец, начал взращать господню пшеницу и отметать плевелы».

Но и тут его чудеса, как их описывают клерикалы, были без признаков реальности и заключались только в снах тогдашних людей. Так, когда был сильный голод в Мире Ликийской, «Хитрец» явился во сне одному купцу, который хотел плыть с житом в другую сторону, и велел ему плыть в Миру, давши в залог три золотые монеты. «Проснувшись, купец нашел их в своей руке и, пораженный, поехал по указанному Чудотворцем маршруту».

Затем хитрец сделал хотя и не чудо, но доброе дело. Произошел «великий мятеж во Фригии», и Константин послал туда воинов, которые, остановившись в пути на Адриатском берегу в Ликийской епархии, начали обижать население. Чудотворец пошел туда и уговорил их не творить более пакостей. А тем временем в Мирах «гегемон» Евстафий приговорил к смерти троих невинных людей. Узнав об этом Хитрец поспешил домой и, достигнув места, называемого «Кастор и Поллукс», увидел их уже подставившими свои головы «под меч спекулатора». Он выхватил у «спекулатора» меч и бросил его на землю, а «гегемон», испугавшись, бросился к его ногам, моля о прощении *(уж не комета ли над созвездием Близнецов?)*.

Но и этим дело не кончилось. Усмирив в Адриатике мятеж, трое воевод приехали в Царь-Град, но были там оклеветаны своими завистниками и осуждены на-смерть. Темничный сторож предупредил их о предстоящей им на следующее утро участи.

Они «разорвали свои одежды и горько заплакали». И вот, один из них, Непотиан, вспомнил о Хитреце-Чудотворце, и они взмолились ему из своей темницы, говоря *(очевидно, в один голос)*:

— «Изыми нас из руки ищущих души наши, поспеши к нам на помощь и избавь нас, неповинных, от смерти!»

Тогда не было еще радио-телеграфа, но все же «Хитрец»

услышал их вопли, хотя и был на огромном расстоянии. Он тотчас явился, но только — увы! — опять во сне святому царю Константину, угрожая ему, что воздвигнет новый мятеж, еще хуже, чем во Фригии, и погубит его злою смертью, если он не освободит невинных воевод».

— «Кто из вас сотворил мне такое волхвование?» — спросил царь осужденных, пригласив их к себе на следующее утро.

— «Никакого волхвования мы не знаем, — ответили они *(очевидно тоже все в один голос, как в хоре)*, — и ничего не злоумышляли на твою державу, да будет свидетелем нам в этом Всевидящее Око. Мы научились от наших отцов чтить царя и прежде всего иметь к нему верность. И мы служили верно твоему велению, но вместо чести, получили казнь».

И «вдруг они увидели «Чудотворца», сидящего рядом с царем и возопили *(опять все в унисон)*:

— «Боже Чудотворца! Ты, избавивший некогда трех Даниловых мужей от неправедной смерти в печи огненной, изыми и нас из предстоящей беды!»

А Константин не видел ничего, хотя и был святой.

— «С кем вы говорите?» — спросил он их с удивлением, и они рассказали ему о своем видении. Изумленный царь тотчас же отпустил их с честью, говоря:

— «Не я дарю вам жизнь, а Чудотворец, великий святитель. Идите и благодарите его».

И он дал им два светильника и евангелие, чтобы вручить Мир-Ликийской церкви. Так пошла о «Хитреце» крылатая слава по всей вселенной».

Опять совсем не жизненное событие, а придуманное и даже в смешном виде: несколько человек говорят разом те же самые фразы. Не такое чудо могло создать Чудотворцу «крылатую славу по всей вселенной». Такое сказание само могло возникнуть лишь после того, как о Хитреце повсюду прошла уже «крылатая слава» по причине каких-то других чудес, которые сначала производили ошеломляющее впечатление, а потом были настолько опорочены, что о них стало стыдно говорить, и потому пришлось их заменять пресною отсебятиною. И вот, еще последний образчик этого детского лепета.

«Раз корабельники, плывя в Миры, претерпели сильную бурю и заочно взмолились Чудотворцу. Он тотчас явился к ним в видении на корабль, сам взял в руки руль, запретил буре и скрылся. Придя в Миру с тихим ветром, моряки тотчас же явились к Хитрецу в обитель, чтобы поблагодарить, и сразу узнали в нем того человека, который спас их корабль.

«Он, — говорят нам «Жития», — был как утренняя звезда среди облаков, как луна при полнолунии, как солнце сияющее над церковью Всевышнего, как цветок у ручья и как благовонное миро, благоухающее для всех, и почил в глубокой старости, 6 декабря, причем из его трупа сейчас же потекло целебное масло, изгоняющее бесов».

Прочитывая эту биографию, вы удивляетесь в ней только одному: скудости и однообразию воображения авторов. Почему же, — повторю я снова, — только этот святой получил название Чудотворца, когда чудес в его биографии много менее, чем в биографиях большинства «невеликих христианских святых» того времени? Вы инстинктивно чувствуете тут какое-то недоразумение: как будто чудеса, дававшие ему право на такое название, изъяты из его биографии и заменены несколькими жалкими измышлениями. В самом деле, что вы тут видите чудесного?

Он подбросил три кошелька с золотом девицам, которым грозила отцовская отдача в проституцию. Он вырвал меч из рук палача, приготовившегося казнить трех неправедно осужденных людей, но и это совсем не чудо, а просто доброе дело. Его пощечина Арию на вселенском соборе, при общепринятом объяснении, скорее похожа на хулиганство, чем на чудо, а три бури, утихшие по его молитве, слишком ничтожны для того, чтобы их сравнивать с чудесами, приводимыми в целом ряде жизнеописаний других «святых».

Он приснился, — говорят нам, — Константину I, осудившему на-смерть трех своих полководцев, но и это, как всякий сон, только тень чуда, а не его наличность.

В чем же — повторяю — его права на исключительный титул чудотворца? Мы не видим тут никаких прав. А между тем это факт. И вот, мы делаем неизбежный вывод, что его чудеса почему-то тенденциозно замолчаны и заменены ничтожными суррогатами.

Ведь, Хитрец-Чудотворец, по-гречески — Николай Тавматург, не менее историчен, чем и царь Константин I, и основатель арианства Арий. Разгадку нам дает здесь то, что с первого взгляда казалось бы самым нелепым в его биографии и что я расскажу сейчас.

Нам говорят, что вскоре после его смерти тот самый бес, которого Чудотворец изгнал из «Артемидина жилища», захотел ему сделать пакость. Он увидел богобоязненных мужей, которые решили плыть на поклонение его мощам из устья реки Танаиса. Когда они садились на корабль, бес принял вид апокалиптической «Женщины с чашею в руке», наполненною по виду священным маслом, а на деле самой прескверной мерзостью и нечистотой. Поддельная женщина сказала:

— «Я хотела бы излить этот елей на гроб святого Чудотворца, но боюсь морского плавания. Возьмите его от меня и вылейте на него».

«Они взяли скверную чашу у женщины-беса, ничего не подозревая, но вдруг ветры стали сопротивляться их пути. Они решили уже повернуть назад, но в этот момент явился им сам Чудотворец, плывущий в малом челноке, и сказал.

— «Куда плывете? Чего ради обращаетесь вспять? В ваших руках есть средство укротить ветры. Не женщина дала вам чашу, а бес. Ввергните ее в море».

«Они бросили чашу в пучину, и оттуда вдруг поднялся черный дым и великая вонь. Море расселось, пылающая бездна заклокотала, и брызги ее были, как огненные искры.

«Путники закричали от страха. Но Хитрец-Чудотворец запретил морю, и оно тотчас утихло. Благоуханный прохладный ветер дунул на корабль, пилигримы благополучно доехали до Ликийских Мир и рассказали там о случившемся с ними».

Тут мы впервые подошли к чему-то историческому, как это ни странно.

Что значит такая затея беса? Она не так уже глупа, как кажется с первого взгляда, и, помимо желания автора, приводит Николая Чудотворца и его последователей в связь с апокалиптическими николаитами, т. е. с «сирийскими гностиками» IV века, признававшими пользу религиозных прелюбодеяний (в связь с сектой, о которой автор Апокалипсиса говорил, как о проститутке, держащей в руке золотую чашу, наполненную мерзостью и нечистотой ее блудодеяний, и которыми она причастила все народы; Апок., II, 6; III, 15; XVII, 2; XVIII, 2, и особенно I, 4).

Сослав по тенденциозным причинам Апокалипсис в I век нашей эры, из конца IV века, теологи-историки перенесли туда и николаитский культ, хотя тогда и не было никакого Хитреца Николая. Наше астрономическое вычисление, перенеся апокалиптическую картину неба в конец IV века (30 сентября 395 г.), сразу соединило имя николаитского культа (откуда и слово колдовство) с именем знаменитого Николая Чудотворца и с только-что упомянутыми сирийскими гностиками, «храмовыми прелюбодеями».

Вот, выражения о них в Апокалипсисе.

«Заслуга твоя в том, что ты ненавидишь николаитов (т. е. сторонников Николая Чудотворца), которых ненавижу и я» (Ап., II, 6), — говорит автор в письме к Ефесской общине своих последователей, как бы от имени царя Мессии.

«И у тебя есть николаиты (т. е. в переводе фокусники), которых ненавижу я, — пишет он Пергамской общине от имени того же царя-Мессии. — Исправься же, а если нет, то скоро приду к тебе и буду воевать с ними мечом моих уст!» (Ап., II, 15).

В связи с этими фокусниками упоминает он и «женщину Изабель», как аллегорию, повидимому, того же культа, научившую людей религиозной проституции (Ап., II, 20). А далее он подробно рисует сущность и самого шарлатанства.

«Пойдем, я покажу тебе приговор над великой блудницей, которую покупали цари земные, и все обитатели земли напоены вином ее блудливости..., сказал мне вестник неба. И я увидел (в силуэте облаков) женщину, сидящую на звере, обагренном кровью *(вечерней зари)*... В руке ее была золотая чаша, наполненная мерзостями и нечистотами ее блудливости, а на лбу ее надпись: «Таинство! Великая Твердыня Врата Господни, мать блудников и мерзостей земли» (Ап., XVII, 1—6).

Затем автор Апокалипсиса видит в золотистом облачке вестника неба, который кричит:

— «Пала, пала великая твердыня Врата Господни!... Все народы отведали возмутительного вина ее блудливости! С ней развратничали цари земные, и все торговцы земли обогатились от ее великой роскоши!.. Отплатите же ей вдвое за ее выдумку В чаше, в которой она разбавляла *(какой-то мерзостью и нечистотой причастное)* вино, разбавьте ей самой вдвое!» (Ап., XVIII, 1—6).

И вот, единственная реальная причина прав Хитреца-Николая на звание чудотворца и заключается только в этой чаше с мерзостью и нечистотой, которою бес, явившийся морякам, едущим на поклонение его гробу тоже в виде женщины с чашею в руке, хотел осквернить его тело. Можно думать, что при богослужебных попойках начала IV века, тот, кого мы называем Николаем Чудотворцем, угощал своих прихожанок и прихожан каким-то одурманивающим напитком вроде опия, приводившим их в невменяемое состояние и вызывавшим всевозможные чудесные галлюцинации. Не ему ли принадлежит также и превращение вина в истинную кровь, посредством плутовской прибавки к нему какой-нибудь всегда имеющейся у каждого мерзости?

Во всяком случае никаких других причин, которые могли бы закрепить за ним навеки исключительное право на прозвище Чудотворца, мы не видим и следа в его современной клерикальной биографии, а потому и должны искать их в том, о чем позднейшим теологам стало уже стыдно упоминать. А чаша эта проникла даже и в астрономию (рис. 148).

И самая пощечина его Арию на Никейском соборе, которую нет причины отвергать, может свидетельствовать лишь о том, что у него не было другого способа защищаться от обличений основателя арианства.

Прибавлю лишь еще несколько строк.

Как только я пришел к заключению (уже изложенному мною в первых томах), что библейский Арон и христианский Арий — одно и то же лицо в двух различных апперцепциях, я сейчас же подумал, что и в Библии должно быть какое-нибудь воспоминание о Никейском соборе и происшедшем на нем столкновении николаитов с арианами. Это тотчас же и оправдалось, только в рассказ введен еще под именем Избавителя (Моисея, по-еврейски) уже не Диоклетиан, который по греческим апокрифистам умер в 313 году, за 12 лет до Никейского собора, а сам созвавший его Константин.

Вот как говорит об этом библейская книга «Числа» (гл. XVI):

«Некто Плешивый, дитя елея и купели, потомок приобщенных к церкви [1] и с ним Законник и Римский патриций, сыны бога

[1] Здесь по-еврейски קרח (КРХ), плешивый, переиначено в собственное имя Корей; יצהר (ИЦЕР), оливковое масло, превращено в его отца Ицгара; קהת (КЕТ), сокращенный из מ-קוה (М-КУЕ), водоем (а по Cruden'у даже прямо Собор), превращен в Каафа, деда Плешивого.

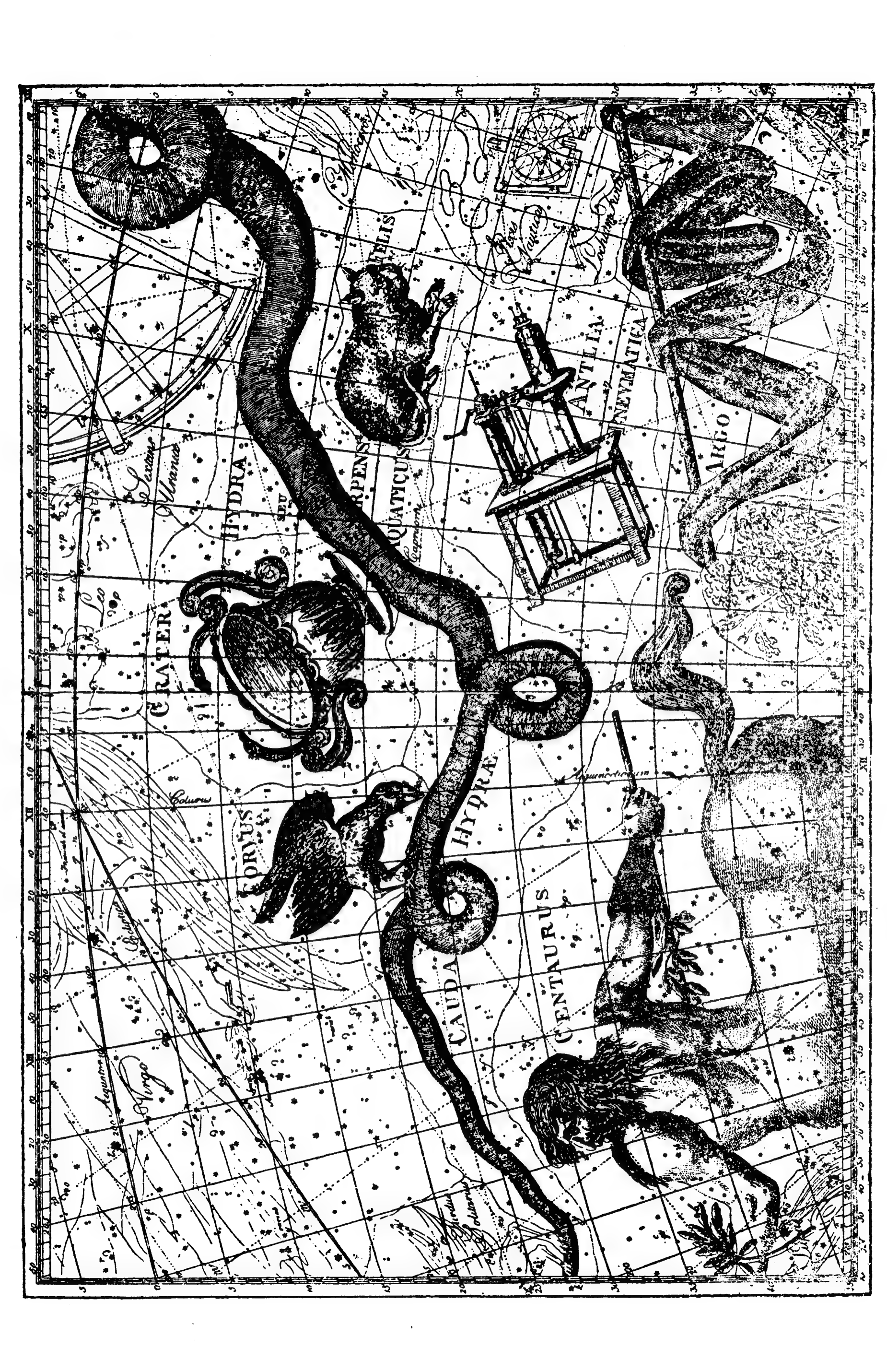

Рис. 148. Причастная чаша с ручками из змей на спине Гидры, которую клюет ворон (Фламмарион, Астрономия).

Отца[1] да Фокусник, дитя чудес[2] и Провидца Сына, и 250 из богоборцев, все начальники церкви, призываемые на соборы,[3] собрались против Избавителя и Арона (Ария) и сказали им:

— Довольно! Ведь, вся церковь свята. Все мы святы, и среди нас бог Громовержец. Так почему же вы ставите себя выше его избранного народа?

(Очевидно, это были противники регламентации духовенства государственною властью.)

— Неужели мало вам того, — сказал Избавитель Плешивому, — что бог богоборцев отделил вас от остального общества и приблизил к себе, чтобы исполнять службы при его палатке? А вы домогаетесь еще и священства *(т. е. права на звание христов путем помазания)*! Что вы ропщете на Арона (Ария)?... Ты, Плешивый, и все общество твое, приходите завтра пред лице Громовержца, ты, они и Арон».

Так легендаризированно передается в Библии созвание Никейского собора Константином. Плешивым здесь называется, конечно, Чудотворец (Николай), действительно и рисующийся плешивым на всех иконах, а законник, римский патриций, фокусник, дитя чудес и все остальные 250 человек ничто иное, как его сторонники.

На следущий день, — говорит библейская легенда, — они действительно пришли на собрание с кадильницами в руках. Но взамен изгнания с позором, как передается у греков о николаитах, в Библии придумано жрецам-кустарям лучшее наказание:

«Расселась под ними земля, — говорит книга «Числа» (XVI, 32), — разверзла свои уста и поглотила их, и домы их, и всех людей Плешивого и их имущество... И все богоборцы, которые были вокруг них, побежали, слыша их вопли.

— «Не поглотила бы земля и нас!» — говорили они.

Так окончился по Библии Никейский собор полным торжеством Ария и провалом Плешивого-Чудотворца и всех его «николаитов» сквозь землю.

А по Апокалипсису провалившиеся николаиты существовали еще и осенью 395 года, когда была написана эта книга, через 70 лет после Никейского собора, хотя их и ненавидел сам бог...

Кому тут верить? Христианам или евреям?

Кому хотите! Но только с осторожностью.

---

[1] По-еврейски Датан (דתן) и Аби-Ром (אבי־רם) — Отец Рима.

[2] און-בן-פלת (АУН-БН ПЛТ сродно с русским: — плут). Здесь АУН употреблено в смысле обманщика, фокусника, а ПЛТ есть сокращение ПЛАУТ (פלאות) — чудеса.

[3] Тут ЭДЕ (עדה)—община, в частности церковная, а МУЕД (מועד) значит — собор, в частности церковный.

ГЛАВА II

ВЕЛИКИЙ БЕССМЕРТНЫЙ

Можно ли думать, что Афанасий Великий был первоисточником легенды об Иоанне Крестителе? Или это только новая апперцепция евангельского Христа?

Имя его значит Великий Бессмертный [1] и родился он, по Симеону Метафрасту, т. е. Провозвестнику-Своеслову (см. латинское издание Метафраста 1531 г.) в Египте, в Александрии, в самом конце III века, при Диоклетиане, а умер в 373 году.

«Еще ребенком, — говорит «своими словами» этот «Своеслов», — «Великий-Бессмертный» крестил в Ниле ромейских детей, которые, играя, поставили его себе епископом, а он их рукоположил в разные церковные чины».

Александрийский патриарх, по имени Муж-Заступник (Александр, по-гречески), видя их игру, вызвал к себе Великого Бессмертного и игравших с ним детей и, расспросив об их обряде, признал его крещение за истинное и миропомазал всех».

Но одного этого случая, конечно, еще мало для того, чтоб стать знаменитостью. За что же получил он на всех христианских языках два такие громкие прозвища? И великий, и бессмертный сразу! Выходит совсем как Христос в церковных песнопеньях!

Разбирая его биографию и даже апокрифированные ему впоследствии произведения, мы решительно не находим в них ничего такого, что выдвигало бы его над другими его современниками... Подобно только-что описанному Хитрецу-Чудотворцу, будто бы его союзнику на Никейском соборе, тоже не обнаружившему никаких реальных прав на звание чудотворца, этот Бессмертный не совершил ровно ничего великого, судя по его клерикальным жизнеописаниям. А между тем такие прозвища его — факт, и сам он личность, как будто, историческая. Отсюда снова приходится заключить, что у него были какие-то права на оба только-что приведенные титула, но о них, при переменившихся впоследствии нравах, стало тоже неудобно говорить. Не двойник ли он самого Ария в другой апперцепции? Не новая ли он апперцепция евангельского «Христа»?»

Вот, главнейшие черты его клерикальной биографии.

Когда Великий Бессмертный, поступивши в школу, «научился всему книжному любомудрию», его родители привели его к тому же патриарху «Мужу-Заступнику», который сделал его своим клириком.

«В это время, — говорят нам «Жития святых», — вся церковь колебалась неистовством Ария, и яд ереси его разливался по всему миру». Великий Бессмертный, теперь уже архидиакон

[1] От атанасия (Ἀθανασία) — бессмертие.

Александрийский, «изобличал рыщущего волка» сначала вместе с Чудотворцем-Хитрецом на Никейском соборе в 325 году, да и потом много раз «жаловался на него» стойкому царю Константину, но бесполезно. Тот даже погрозил ему — говорят — за враждебные выпадки против Ария лишением сана и ссылкой.

Александрийский патриарх «Заступник» скончался, наконец, и на его место был выбран сам Бессмертный. Он сразу отказался принять в свое общение Ария, как и Христос фарисеев, «несмотря даже на приказание самого царя Константина, подстрекаемого злочестивым Никомидийским епископом, по имени Благочестивец». [1]

«В это время был в Марноте один ложный поп по имени Упрямец (Исхюран, по-гречески, [2] лукаво носивший пресвитерское звание без посвящения. Великий Бессмертный, именуемый «Лидийским камнем», послал к нему пресвитера «Блаженного» для испытания. Но упрямец убежал от блаженного к вышеупомянутому благочестиво-нечестивому епископу и «бесстыдно налгал на Великого Бессмертного, говоря, будто посланный им «Блаженный» разбойнически напал на его церковь, вытащил его из алтаря и повергнувши алтарь на землю, разбил священную чашу и сжег святые книги».

И «Упрямец» и «Бессмертный» сразу доложили об этом Стойкому царю (по-гречески, Константину) со своих точек зрения.

Царь повелел сошедшимся в Тире (т. е. Царе-городе) епископам рассмотреть дело. Собор съехался на 30-м году Константина, но Великий Бессмертный, видя, что число его ненавистников на нем преобладает, убежал с него в Никомидию, и собор разошелся без приговора.

Тогда сам Константин выслушал оправдания Бессмертного и самовольно восстановил его на Александрийском престоле. Но в Александрии же поселился и Арий.

Великий Бессмертный снова стал писать на него доносы царю, умоляя «сотворить отмщение Богоборцу».

Здесь впервые мы находим библейское имя Богоборец, прилагаемое обыкновенно к Иакову, примененным также и к Арию, отожествляющемуся у нас, таким образом, не только с Ароном, но и с библейским Иаковом Богоборцем.

«И вот, — продолжает его жизнеописатель, — враги Великого Бессмертного Никомидийский Благочестивец, Никейский Боговед и Марий Халкедонский, вместе с Арием, сошедшимся с ними в Кесарии, решили «непременно оклеветать Великого Бессмертного перед царем» и погубить.

— «Мы не будем перечислять все преступления Бессмертного, — говорили они царю, — а скажем только, что он в гневе разрушил святой алтарь, разбил причастную чашу с дарами и запретил посылать египетскую пшеницу из Александрии в Царь-Град».

[1] По-гречески: — Евсевий, от εὐσεβεία (евсевейа) — благочестие.
[2] От Исхюрос (ἰσχυρός) — крепкий, упрямый.

Услышав последнее обвинение, царь велел сослать Бессмертного во Францию. Но вслед за тем он умер на 31-м году своего царствования и на 65 году от роду. Перед смертью он разделил свое царство между тремя своими стойкими же сыновьями — Константином, Констанцием и Константом — и «вручил свое завещание одному арианскому пресвитеру, который почему-то его скрыл». Арианин Констанций, прежде всех приехавший в Антиохию, стал поэтому единым царем, а его царица, «развращенная хульными беседами с арианами, тоже переполнилась неистовой ереси и велела всем переходить в арианство».

«В «этой буре и всеобщем смущении кормчими истинной церкви стали три епископа: Иерусалимский Великан (Максим, по-латыни), Константинопольский «Заступник» и сам Великий Бессмертный, находящийся уже в ссылке». «Хотя Арий вскоре умер, но Благочестивец (Евсевий), его единозлобник, стал продолжателем богоненавистной ереси. Произошли большая прелесть и смущение верных». Зловерие разлилось бы и всюду, но старший сын Константина, тоже Константин, и притом благочестивый, ставший западным соправителем своего брата Констанция, выпустил Великого Бессмертного из заточения и послал обратно в Александрию со своей охранной грамотой.

Однако, Константин II умер через два года, и «враги Бессмертного снова сошлись друг с другом и стали обвинять его в том, что он творит чудеса и волхвования посредством отсеченной им мертвой руки некоего клирика «Самца» [1].

Констанций, услышав это, велел произвести дознание и вызвал Великого Бессмертного в «Тир». «Но туда же пришел и сам «Самец» уже давно бежавший вместе с обеими своими руками из Александрии. Тайно придя к Великому Бессмертному, он предложил ему быть на суде обличителем его врагов. А Бессмертный не был настолько прост, чтобы не воспользоваться таким счастливым случаем и, желая удобнее посрамить своих врагов, велел Самцу «таиться до времени у него».

Ариане вызвали сначала на суд одну «бесстыдную женщину, которая обвинила Великого Бессмертного в том, что он изнасиловал ее, войдя к ней ночью в дом как странник». Но тут же один из спутников Бессмертного, по имени Богопочитатель (Тимофей), находчиво подошел к ней и, притворившись Бессмертным, спросил ее:

— «Я ли сделал тебе все это?

— «Ты! — простодушно ответила она.

Весь суд, — говорят «Жития Святых», — рассмеялся над этой уловкой, но ариане принесли мертвую руку, говоря *(все в унисон, как в пении)*:

— «Вот, Бессмертный, та рука, которая молча обличает тебя, и крепко держит, чтоб ты не избежал смертного приговора. Знают все Самца, которому отсек ты эту руку.

[1] От греческого арсен (ἄρσην) — самец, мужского пола, откуда и имя Арсений.

«А Великий Бессмертный, как овца, ведомая на заклание», кротко их спросил:

— «Скажите, кто из вас знает «Самца»?

«Многие из судей и из публики встали со своих седалищ, говоря, что хорошо его знают.

И вот, по знаку Великого Бессмертного, стоявший рядом с ним «Самец» снял с себя покрывало и показал им обе свои руки.

Ариане, конечно, со стыдом побежали толпою вон, и Афаний с Самцом пошли за ними. Но стоявшая снаружи толпа, считая идущего с ним двурукого Самца за новое волшебство Великого Бессмертного, бросилась на него и хотела растерзать в клочья. Его спас только стоявший тут царский воин, по имени Военачальник (Архелай), уведя к себе и спрятав от неистовавшего народа. Великий Бессмертный «тайно убежал из города».

На другой день суд собрался снова и, узнав о его бегстве, «осудил заочно как любодея, убийцу, волхва и чародея». Царь разослал этот приговор по всем странам своего царства и обещал почести и имения тому, кто доставит ему живым Великого Бессмертного, или принесет хотя бы его голову».

Великий Бессмертный «спрятался от ищущих его» в безводном колодце, где его питал, опуская пищу на веревке, один сочувствующий. Но его увидели в колодце некоторые из ариан и хотели схватить, а он, заметив, что его убежище открыто, вылез и убежал на запад, в Европу, где его принял Римский папа Юлий *(хотя пап в то время в Риме и не было еще, а были только понтифексы)*. Да и тамошний царь Констанс был тоже очень рад его видеть у себя.

Собор восточного духовенства, созванный в то время в Антиохии, снова осудил Великого Бессмертного и назначил на Александрийский престол некоего «Бодрствующего», епископа Каппадокийского. Но раньше, чем тот дошел до Александрии, туда опять приехал Великий Бессмертный с охранной грамотой от «папы» Юлия. Ариане написали об этом царю Константину, и он послал туда воеводу «Сирийца» с отрядом для предания смерти Бессмертного. «Сириец» пришел вечером в его церковь, но Великий Бессмертный удачно убежал из нее, смешавшись с народом, «как рыба выскочившая из сети», и снова уплыл в Рим на всех нарусах.

Ариане тогда сожгли в Александрии храм Дионисия, где он служил, и произвели большую смуту, ища Бессмертного. А он был уже в Риме и три года жил в нем со своим другом, царьградским епископом Малым (Павлом, по-латыни), тоже изгнанным арианами.

В это время был созван собор из 70 восточных и 300 западных епископов в Сардикии, в число которых попал и упомянутый ранее лже-поп Упрямец (Исхиран). Произошла большая смута. Восточные представители не хотели встречаться с западными, пока те не отринут Великого Бессмертного и его малого

союзника, а западные не соглашались на это, и потому «восточные уехали и составили свой разбойнический собор в Филиппополе, где предали православных анафеме». «А оставшиеся в Сардикии западные епископы предали анафеме их самих».

Вот когда еще, — по собственным словам теологов, — произошло первое разделение церквей!

«Констанс, — продолжает Метафраст, — неоднократно просил своего брата Констанция разрешить Великому Бессмертному и его Малому другу (Павлу) возвратиться на их престолы и, наконец, пригрозил итти на него с оружием». Констанций, испугавшись, исполнил его требование, и Великий Бессмертный поехал в Александрию через Царь-Град, Сирию и Палестину. Проезжая через Палестину, он встретился в Иерусалиме с «Величайшим Исповедником» (Максимом, по-латыни) как раз около того же времени, когда крестился от него в Иордане и Великий царь, Василий Великий (с которого сказочно списан и евангельский Христос), и третий раз сел на Александрийский престол.

Все это опять сближает его с евангельским Христом, тоже не раз бежавшим от фарисеев, в том числе и в Сторожевой город (Самарию-Рим).

И вот, вновь возникло на него гонение.

«Военачальник Магненций убил на Западе своего царя Констанса, и вновь подняла свой рог арианская ересь». Опять пришлось бежать Великому Бессмертному по земле и по водам, «от царя Констанция и его злочестивой жены. «Вся его паства была раззорена и избита. Много людей попало в ссылку». Более 30 епископов было послано на вечное заточение. И чем дальше, тем стало хуже.

«После смерти Констанса, царь Констанций, победивши Магненция, стал единовластен и всюду велел приводить своих подданных к арианству».

Он созвал собор в Милане против Великого Бессмертного, и большинство съехавшихся подписали его низвержение и осудили на заточение».

Но Бессмертный, которого по решению собора «хотели схватить вороны», снова удачно скрылся, как Христос у Марии Магдалины, у одной девицы, в комнате которой долго пребывал неведомый никому кроме нее, и даже написал там ряд сочинений против арианства. Верные ему александрийцы долго его искали повсюду с великим плачем, но не могли найти у девицы в ее комнате, пока не умер Констанций».

И вот, как только Юлиан вступил после него на престол, Великий Бессмертный, уйдя от своей девицы, «снова появился в Александрии к великой радости всего населения». Но и теперь он не долго оставался в покое. «Юлиан захотел восстановить языческих богов, и Бессмертный снова тайно отплыл в Фиваиду на весельном корабле. За ним погнался военачальник Юлиана, чтобы убить, но вот, когда их уже догоняли, Великий Бессмертный велел быстро повернуть назад свой корабль и, встретившись с воинами, спросил:

— «Кого вы ищете?

— «Великого Бессмертного, — ответили они, — Не видел ли ты его?

— «Он идет впереди. Гонитесь и догоните! — ответил им сам Бессмертный.

Они поплыли далее, а он возвратился в Александрию, где снова скрывался — неизвестно у какой девицы. Через три года Юлиан погиб, и вместо него вступил на престол благочестивый Иовиан, царствовавший 7 месяцев. В продолжение этого времени Великий Бессмертный, — говорят нам, — снова спокойно сидел на Александрийском престоле.

Но, вот, вступил опять на трон арианин Валент, сейчас же учинивший гонение на «православных», — тот самый, который осудил и Великого царя (Василия Великого, по-полугречески) и даже в то же самое время.

За Великим Бессмертным снова явились воины, и он снова скрылся, на этот раз уже не в колодце, а в одной гробнице, где «пребывал с умершими четыре месяца». Александрийское население взбунтовалось, наконец, из-за него и схватилось за оружие. Валент испугался и разрешил ему возвратиться из гробницы на земную поверхность. Как воскресший Христос, он вышел из-под земли, но только не для вознесения на небо, а чтоб снова сесть на Александрийском престоле, в Египте.

Там он и «умер невозбранно», — заканчивают «Жития Святых» его жизнеописание, — оставивши преемником своего друга Петра» (и еще своего спутника при путешествии в Рим, Павла).

Насколько подходит этот рассказ для варианта евангельской легенды о Христе? Мы видим, что хронологически Великий Бессмертный как раз ложится на приходящееся для «Великого царя» место. Правда, что по сказаниям Своеслова-Метафраста он выходит на 32 года старше Великого Царя, основателя христианского богослужения, но, ведь, «Своеслов», как показывает и его прозвище, рассказал все это «своими словами», и притом лишь в 976 году, и мог ошибиться в дне рождения, а смерть Бессмертного (если язык повернется на такое соединение слов) относится к 373 году, т. е. почти к тому же времени, как и смерть Великого Царя (379 год). Лишь присутствие его на Никейском соборе в 326 году должно считаться анахронизмом.

А более всего здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что и Великий Бессмертный, как евангельский Христос, оставил своим преемником епископа Петра. Да и Павел называется одним из его важнейших последователей.

Мы видим, что соответствий тут очень много, а более всего нас удостоверяет в тожестве Великого Царя и Великого Бессмертного то обстоятельство, что если мы признаем за последним самостоятельное существование, то будет совершенно непонятно,

почему Великий Бессмертный мог получить на всех языках свое громкое прозвище, уместное только для основателя христианского богослужения.

ГЛАВА III

СВЯТОЙ БОГ (ПО-ГРЕЧЕСКИ — ДИЙ)

Не все христианские сказания о святых достаточно занимательны и разработаны. Просматривая «Жития святых» на славянском или греческом языке, или «Acta Sanctorum» по-латыни, находишь, что стремление компиляторов этих сборников (начало которых лежит не ранее XI века) наполнить хоть одним святым каждый день года без единого исключения привело к тому, что большинство их биографий составлены поразительно шаблонно. Употреблялись все способы, чтобы найти в греческой или латинской мифологии какое-нибудь новое, еще не затасканное имя, чтобы составить для него легенду и поместить его смерть в календаре на еще не занятый день. Даже и сам бог не избежал этой повинности.

Дело в том, что греческое слово Зевс (т. е. Живой) заменило в применении к отцу богов его первоначальное имя Диос, сродное с латинским Dies — бог-День. И вот, этот самый отец богов и людей, под жалкой фантазией какого-то монашествующего писаки обратился в святого Дия, т. е. в святого Бога *(по-гречески)*, но в каком жалком виде!

В то время, как Хитрец-Чудотворец (Никел—Николай, по-греко-еврейски) стал зародышем вышеприведенной легенды, а основатель христианской литургии превратился даже в сына божия, в евангельского Христа, сам бог, которому они служили, деградировался до человека и проявился, вот, в какой жалкой апперцепции.

«Святой Бог, — говорят нам «Святцы», — родился от христианских родителей в Антиохии Сирийской при Феодосии II (408 — 450). Он побеждал дьявола непрестанной молитвой, а плоть свою постом. Благодаря этим двум способам «он взошел на высоту бесстрастной жизни, стал чистым преемником Святого духа и начал творить чудеса»,

Ему раз было виденье с приказом итти в Царь-Град, и он пришел туда. Увидев тамошние церкви и палаты, он очень удивился тому, что все они были такими, как он их видел в видении. Он поселился близ города, сделавши себе хижину на месте одной эллинской могилы, где жило множество бесов. Они хотели его изгнать страшными видениями, но «Святой Бог» превозмог их именем Иисуса Христа. Он взял затем свою дубовую сухую палку, воткнул ее в землю и сказал:

— «Если хочет господь, чтоб я тут жил, да расцветет этот посох!».

И посох тотчас пустил в землю корни, и из него вдруг вырос огромный дуб.

Все черти в испуге разбежались, и взамен их к нему стали приходить люди и давали ему пищу. А он поучал приходящих и стал исцелять их болезни и врачевать душевные язвы.

Царь Феодосий Младший, посетив его, так умилился этим, что велел построить тут монастырь, и «святой бог» стал его настоятелем и священником.

Для монастыря начали копать колодец, но в нем не было воды. «Святой Бог» велел спустить себя туда на веревке. Не дойдя и до половины глубины, он три раза ударил мотыкой в стену, и из нее тотчас потекла обильная вода. Один рабочий подумал, что это волшебство, но за одну такую мысль тотчас же упал в ту воду и утонул. Жена его бросилась попрекать Святого Бога и, наконец, схватила его за полу одежды. Ее выгнали вон, но он велел вынуть ее мужа из воды, воскресил и отдал жене. Она повела его домой, но на дороге он упал и снова умер. Жена его опять бросилась к «Святому Богу», прося еще раз воскресить, но он решительно отказался, велел ей мирно похоронить его и жить спокойно.

Так она и сделала, а «Святой Бог» дожил до глубокой старости. Раз он заболел и, причастившись, лежал, как мертвый. Его уже хотели похоронить, но вдруг он встал совершенно здоровым и спокойно сказал:

— «Господь даровал мне еще пятнадцать лет жизни».

По окончании этого срока, «который он прожил как светоч всему миру», он вошел в храм и увидел там светлого человека в священническом одеянии.

— Тебе настало время итти к господу, — сказал ему светлый священник.

«Святой Бог» приготовился к смерти, умер и был похоронен в своей обители.

* * *

Вот, какой жалкой легенды удостоился «Бог, отец всего», не узнанный своим поклонником под первоначальным именем! Что может быть комичнее этой неумышленной насмешки над всей православной теологией! А между тем у южных славян бог Дый и до последнего времени фигурировал в былинах наравне с Перуном и Траяном[1]

Мы видим, как все средневековые и древние легенды и мифы о святых показывают свое происхождение, когда мы обнаружим смысл имен у действующих в них лиц. И только для того, кто их не понимает, а читает имена непереведенными, без смысла, как попугай, они и принимают призрачную внешность реальности.

---

[1] А. С. Фаминцын, Божества Древних Славян. Вып. I, стр. 125.

ГЛАВА IV

КАМЕНЬ-ЗНАМЕНИЕ (ПО-ГРЕЧЕСКИ—АПОСТОЛ ПЕТР)

Я не могу не указать здесь читателю еще раз и на чрезвычайное несоответствие наших современных исторических сказаний об апостоле Симоне-Петре с той огромною ролью, которую он сыграл в истории западной христианской церкви. В деле пышного развития Римского понтификата в Западной Европе его престиж был никак не меньше, чем престиж Иоанна Богослова (или Златоуста) в деле развития Византийского патриархата. Это должен бы быть замечательный организатор.

Но даже и простым организатором нельзя сделаться в царстве мысли и убеждений, не будучи в то же время и серьезным ученым-теоретиком. Это совсем не то, что быть организатором в политической области, где действуют массы, а для вождя, кроме сильной воли, часто нужны только верные войска. В области идей надо быть прежде всего человеком, обладающим оригинальной мыслью и выдающимся литературным талантом.

Но что же из всего этого мы видим у Петра? Если верить дошедшим до нас сведениям, то ровно ничего. Ничтожность силы его воли характеризуется в евангелиях легендой о его троекратном отречении от Иисуса, «прежде чем трижды пропел петух». А то, что при аресте Христа он будто отсек ухо первосвященническому слуге и потом убежал вместе со всеми другими, доказывает лишь то, что он дорожил своею жизнью. Не всякий, кто защищался оружием от нападения, и, отрубив противнику ухо, убежал, сделался потом основателем церкви или ученым реформатором. Из «Деяний Апостолов» мы догадываемся, что Петр был по своей профессии астрономом. Там образно рассказывается, что когда он однажды созерцал небо вечером, к нему трижды спустилась «небесная скатерть» (т. е. карта неба) со всеми ее астрологическими зверями, и голос с неба приказал ему съесть их, подобно тому, как приказано было и Иоанну в Апокалипсисе съесть целый зодиакальный круг под эмблемой свитка папируса.

Из Фраскатти в старый Рим
Вышел Петр Астролог,
Свод небес висел над ним,
Будто черный полог.

Он глядел туда, во тьму
Со своей равнины,
И мерещились ему
Странные картины.

Петр сказал: «не легок путь!
Утомились ноги!»
И присел он отдохнуть
С краю у дороги.

Видит: небо уж не грот
С яркими звездами:
Это спущена с высот
Скатерть со зверями.

В ней даны ему как снедь
Гидры, Скорпионы,
Козерог, Центавр, Медведь,
Змеи и Драконы.

Петр подумал: «Это — бес!
Чортово глумленье!»
Но услышал глас с небес:
«Ешь их во спасенье!»

— «Что ты, боже, мне сказал! —
Молвил Петр укорно, —
«Никогда я не едал
«Нечисти злотворной».

Но спустилася с высот
Скатерть еще ниже.
Лезут звери прямо в рот,
И все ближе, ближе!

Петр вскочил. «Прескверный сон!
Как тут разобраться!»
И спешил скорее он
До дому добраться. [1]

Кроме того, — по словам евангелия, — он был «ловец рыб» и притом «сетью», а я уже указывал, что это — аллегория, основанная на том, что астрономы средних веков именно и ловили созвездие Рыб в сеть небесных параллелей и меридианов, потому что в Рыбах, с начала нашей эры, находилась точка весеннего равноденствия, а определить ее положение и попятное движение было чрезвычайно важно для установления точной длины климатического земного года. Это, конечно, не значит, чтобы Симон-Петр, если когда-нибудь существовал подобный человек, никогда не развлекался и реальным рыболовством в реках или озерах около своего города... но мы можем быть уверены, что если он и рыбачил иногда, то не для продажи на рынке, а для себя, как

[1] Мой вольный перевод рассказа из «Деяний Апостолов», X, 15.

делают по временам и до сих пор на каникулах многие ученые, вообще мало склонные к охоте на птиц или диких зверей, или к попойкам и карточной игре.

Его имя Симон-Петр чисто греческое и в переводе значит «Камень-Знамение», а прибавка: сын Ионы (т. е. сын грека-ионийца), как будто, приводит его в какую-то связь с Грецией. Его старший брат, — по словам евангелий, — носил имя: Андрей, т. е. тоже был греком, так как это прозвище чисто греческое и значит Мужественный. Это, — говорят нам, — был первый последователь евангельского Христа и он же, по словам евангелиста Иоанна, привел к нему и Камень-Знамение, как своего младшего брата, а Христос, едва взглянув на него, тотчас же сказал:

— «Ты — Знамение, родом из Ионии и будешь называться Камнем».

Само собой понятно, что это говорил не основатель христианской церкви в IV веке нашей эры, а сам евангелист, так как первоначальные евангелия возникли только в средние века, и, подобно всем библейским книгам, не раз пополнялись и заново редактировались отдельными авторами-теологами и целыми соборами, вплоть до напечатания. Фактично здесь только то, что оба слова имени апостола Симона-Петра — чисто греческие, так как его еврейское имя ШМЕУН [1] само заимствовано с греческого языка и лишь случайно созвучно с еврейским словом ШМЕ, т. е. слух. Слово же «сын Ионийца» и по-гречески, и по-еврейски, и по арабски постоянно обозначало только происхождение человека. [2] Сын Ионин значило — и сын Голубя, и уроженец Голубиной страны — Ионии. Но это происхождение из Греции еще не давало Камню-Знамению, если он был только человек, права стать величайшей клерикальной знаменитостью католицизма. Ведь, греков было множество.

Как выдающийся оратор он нам тоже не известен. В «Деяниях Апостолов» мы находим лишь совершенно ничтожные и притом явно апокрифированные образчики его красноречия, вроде его речи к апостолам, после исчезновения Иисуса:

— «Мужи братья! Надлежало исполниться тому, что предрекло Святое Вдохновение устами Давида о Богославце *(Иуде)*, вожде тех, которые схватили нашего Спасителя. Он *(т. е. богославец-предатель)* был причислен к нам, и ему выпал жребий служить, как мы, но он купил землю несправедливой платой, и когда узнал, расселся его живот и выпали его внутренности, и это сделалось известным всем жителям Иерусалима, так что та земля на *их* наречии *(т. е. Петр сам не считал себя евреем)*

---

[1] שמעון (ШМЕУН) неправильно производится от שמע (ШМЕ) — слух. Это — испорченное греческое имя.

[2] Сын υἱός (ийос) по-гречески, — то же, что Бен или Вен (בן) по-еврейски, а в применении к именам — то же, что *van* — по-голландски и *фон* — по-немецки.

названа Акелдама, т. е. земля крови. [1] В книге же Псалмов написано: да будет двор его пуст и не будет в нем жильца (LXVIII, 26), а его достоинство пусть примет другой (CVIII, 8). Поэтому надо, чтобы один из находившихся с нами во время пребывания с нами Иисуса от крещения Иоаннова и до вознесения на небо, был свидетелем его воскресения» («Деяния» 1, 19).

«И выпал жребий Матвею *(евангелисту)* и он сопричислен к одиннадцати апостолам» *(взамен предателя Иуды)*.

Такова была единственная и не очень-то красноречивая речь апостола Петра. Но и ее составил автор Апостольских Деяний, очевидно совершенно не знавший по-еврейски, потому что неверно перевел единственное употребленное им тут еврейское слово АКЛ-ДМ, что значит не *земля* крови, а *еда* крови.

Такая речь едва ли дает Камню-Знамению право на верховный понтификат Римско-католической церкви. А, ведь, она единственная, яко бы, «сохранившаяся до сих пор»; следовательно, остальные его речи были еще хуже.

Также незначителен «апостол Петр» и в литературе: ему приписываются во всю его долгую жизнь только *два* коротеньких письма, так что приходится удивляться, как он не забыл даже и писать при такой малой практике. А между тем оба письма характеризуются витиеватым слогом, что может быть объяснено при таких обстоятельствах только их апокрифичностью. [2] Вот, эти замечательные произведения.

«Возлюбите, братья, как новорожденные младенцы, чистое словесное молоко, — гласит первое из приписанных ему коротеньких письмец к единоверцам, — чтобы вырасти и спастись вам от него *(т. е. от словесного молока)*. Вы вкусили, что добр ваш властелин. Приступая к нему, живому камню, отвергнутому людьми, но избранному богом, и сами вы устройте из себя духовный дом, святое священство, как живые камни *(по-гречески — «Петры», злоупотребляет он своим собственным именем)*, чтобы приносить через Иисуса Христа духовные жертвы, благоприятные богу» (II, 1 — 5). «Будьте покорны всякому человеческому начальству, ради нашего Властелина, Кайзеру (Καῖσαρ) ли, как верховной власти, или правителям, посылаемым им для наказания преступников и поощрения делающим добро...» «Слуги! Повинуйтесь со страхом своим господам не только добрым и кротким, но и жестоким»... «Ибо что за похвала, когда вас бьют за худое, но если вы терпите побои за хорошее, то это угодно богу, потому что и Христос пострадал за нас, не сделав никакого греха...» «Будучи злословим, он не злословил, страдал не угрожая, но предавал это праведному Судии» (II, 13 — 25)... «Также и вы, жены,

---

[1] אכל דם (А К Л - Д М) — не земля крови, а еда крови, по-гречески написано Ἀκελδαμά. А земля крови — ארצ דם (А Р Ц - Д М).

[2] Не доверяя преданию о «70 переводчиках» и об Иерониме IV века, я не могу принять на веру и то, что послания Петра были написаны на греческом, а не на латинском языке.

повинуйтесь своим мужьям, чтобы и те из них, которые не покоряются писанию, были спасены и без него праведным житьем своих жен» (III, 1)... «И вы, мужья, благоразумно обращайтесь со своими женами, как с немощнейшими сосудами, дабы не было вам препятствия в молитвах» (III, 7). «Также и младшие повинуйтесь пастухам своим. Облекитесь все смиренномудрием, потому что бог гордым противится и дает благодать смиренным. Смиритесь же под крепкую руку, божью руку. Да вознесет он вас в свое время...» (V, 5). «Возлюбленные мои! Не чуждайтесь огненного искушения, посылаемого для вашего испытания, как *приключения, странного для вас* (!), но радуйтесь, так как вы участвуете в христовых страданиях и потому восторжествуете и в проявлении его славы» (IV, 12—13)... «Приветствует вас также и моя избранная в Вавилоне (!!), и сын мой Марк. Приветствуйте друг друга поцелуем любви. Мир вам всем в Иисусе Христе! Да будет так!»

Вот, все существенное в Первом письме Симона-Петра, написанном, конечно, не с берегов Евфрата, где он никогда не был, а из Рима, а потому и слово Вавилон, где он взял себе жену, надо понимать в этом смысле, причем и здесь обнаруживается, что апостол Петр был женат и имел сына. Церковный историк Евсевий Памфил утверждает даже, что детей у него было несколько. «Климент, — говорит он, [1] — исчисляет апостолов, живших в брачном состоянии: Петр и Филипп рождали детей. Филипп выдал замуж дочерей. Сам Павел не усомнился в одном своем послании приветствовать свою жену». А то, как сильна была любовь апостолов к своим женам, Евсевий прекрасно показывает в следующих за этим строках: «Когда Петр увидел, — говорит он, — что его жену ведут на-смерть, он весьма обрадован был этим ее приглашением возвратиться домой *(т. е. телом в землю, а душой на небо)*. Назвав ее по имени, он тоном сильного убеждения и увещания воскликнул к ней:

— «Жена! Помни Господа!

«Таков, — оканчивает автор, — был брак святых мужей. Вот в чем состояла тогда совершенная привязанность взаимно-любимых!»

Само собой понятно, что все это только смешно, а не исторично.

Особенно же невероятным представляется нам то, что, будто бы, римский император мог приказать казнить этого любящего семьянина за такую проповедь покорности царям и за такие верноподданнические убеждения, которые я только-что привел из его послания.

Ведь, мы же знаем из всей новой и средневековой истории, что именно эти письма, приписываемые апостолу Петру, и делали христианскую церковь вернейшей опорой деспотизма, и что за

[1] Сочинения Евсевия Памфила, переведенные с греческого при СПБ духовной академии. СПБ. 1858 г. кн. III, гл., XXX, стр. 149.

проповеди на эти самые тексты церковнослужители вознаграждались орденами и всякими чинами и почестями, а не распинались своими властелинами на крестах вверх ногами и не сжигались на кострах. Вот почему и обращение автора к его «возлюбленным единомышленникам», чтобы они не чуждались «огненного испытания, как приключения странного для них», является здесь само очень странным, особенно если принять во внимание, что древне-римские властелины охотно поклонялись всем богам и поэтому были очень веротерпимы.

Сопоставляя эти строки с местом о скопцах в евангелии Матвея, где автор говорит от имени самого Иисуса, что «могущий вместить *(скопчество)* да вместит», и с историческими фактами одиночных и коллективных самосожжений «во славу Христа», поощрявшихся древним духовенством различных сект, а также и с инквизицией, испытывавшей огнем подозреваемых в личном знакомстве с чертями, начинаешь даже думать, не об этих ли «странных приключениях» говорит автор посланий от имени апостола Петра?. Невольно кажется, что это — все очень позднее сочинительство.

Таким же произведением очень позднего времени представляется и второе (последнее!) письмецо «апостола Петра», завершающее все его литературное творчество.

«Будут лжеучители, — пишет он, — которые введут пагубные ереси»... «и из любостяжания будут уловлять вас льстивыми словами. Но суд им давно готов, потому что бог не пощадил даже своих согрешивших ангелов, а связал их узами адского мрака и передал их на сохранение для наказания в день суда. Не пощадил он и первого мира, когда навел потоп на нечестивых, но сохранил от него семейство Ноя в числе восьми душ. Истребив Содомские и Гоморрские города и превратив их в пепел, он показал пример будущим нечестивцам, но избавил праведного Лота, утомленного неистово развратными людьми. Знает наш Властелин, как спасать благочестивых от искушения и как сохранить ко дню суда, для наказания, всех нечестивых, а более всего тех, которые идут по пути скверных плотских пожеланий, презирают начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высших, тогда как даже и ангелы не осуждают их перед Властелином» (II, 1—11).

«Это уже второе послание пишу я к вам, возлюбленные, — говорит автор далее, показывая этим самым, что он редко грешил писательством, так как иначе не считал бы своих писем.— Прежде всего знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели, говорящие: «где его *(Христа)* обещанное пришествие? С тех пор как стали умирать отцы наши, все остается так же, как от сотворения мира». Они не знают, что в начале, по слову бога, земля и небо были составлены из воды, а потому и погибли посредством воды при потопе. А нынешние небеса и земля, созданные тоже словом, сберегаются огню на день суда и погибели

нечестивых людей» (III, 1 — 7). «Ожидая этого, возлюбленные, считайте своим спасением долготерпение нашего властелина, как и возлюбленный наш брат Павел, по данной ему премудрости, говорит об этом во всех своих письмах, в которых есть, однако, нечто неудобовразумительное, что невежды и нетвердые извращают, как и другие писания, к собственной своей погибели. Поэтому, возлюбленные, будьте предупрежденными об этом, чтобы и вам не увлечься заблуждением беззаконников» (III, 14 — 17).

Вот, и вся литература апостола «Петра», как нам передала ее традиция, и я снова вас спрошу:

— За что же было сажать его в тюрьму римским императорам, за что его казнить? Ведь, это нелепо даже и подумать! Если верить, что все это писал он, то перед нами вырисовывается в лице первенствующего из апостолов совершенно ничтожная личность. Вначале он трижды отрекается от своего учителя, а затем пишет в своей жизни, понатужившись, только два письмеца, гласящие больше всего о подчинении царям и поставленным царями властям, «которых не осуждают даже и ангелы».

Как могла такая личность сделаться камнем, на котором построилось мировое значение Римской церкви, начиная с 382 года нашей эры? Ведь, именно в этом году, как говорит нам историческая традиция, римские епископы получили звание pontifici maximi (величайшие первосвященники), через 14 лет после вычисленного нами времени столбования «Великого Царя» 21 марта 368 года. А, ведь, (даже и по евангельскому сообщению Камень-Знамение (Симон-Петр) должен был проповедывать в Риме.

Таким образом, и дошедшая до нас традиция, что он был учредителем римского понтификата, хорошо подтверждает нашу точку зрения, относящую первых христианских «апостолов» к концу IV века.

В согласии с этим находится и рассказ Церковной Истории «Сократа Схоластика» о гностике Петре (т. е. ученом «Камне»), посаженном в темницу незадолго до того времени византийским императором Валентом за приверженность к Иисусу и бежавшем из темницы в Рим, где его и принял тамошний священник Дамасий. Но и этот Камень-Гностик, в тожестве которого с личностью Камня-Знамения трудно сомневаться, после наших вычислений, относящих столбование «Иисуса» к 368 году, тоже не является в рассказе Сократа Схоластика настолько значительной личностью, чтобы сыграть мировую роль.

Все это заставляет меня думать, что действительная личность основателя Римского понтификата заслонилась каким-то позднейшим Камнем-Знамением из голубиной страны, т. е. говоря прямо: чрезвычайно эффектным метеоритным падением, остатки которого и сделались новым местом пилигримства, взамен успокоившегося Везувия.

С этой точки зрения Римский Понтификат был установлен не «Петром», а его старшим братом, попавшим в евангелие под именем «Мужественного» (Андрея, по-гречески), и этот мужественный скорее всего был Арием, имя которого значит по-еврейски Лев, а также Божий Свет, по-еврейски АУР-ИЕ (אור־יה), откуда и созвездие Орион (Арианин). Он же по нашим сопоставлениям отожествляется и с библейским Ароном.

При новой фазе развития христианской теологии, когда арианство было объявлено ересью, пришлось, понятно, искать для основателя римского понтификата новое лицо, и его услужливо предложила метеоритная катастрофа в виде упавшего с неба чудесного камня, которому в храме Камня-Посланника, действительно, и поклонялись в средние века, а потом римские папы убрали камень из храма. С этой точки зрения все ясно: апостол Симон-Петр (т. е. Камень-Знамение) был не человек, а действительный камень. Упав прямо с неба с грохотом и светом, он мог быть основой римского понтификата даже и без тех двух писем о повиновении властям, которые впоследствии были составлены от его имени.

Так действительный учредитель римского епископата Арий, был отброшен на задний план метеоритной катастрофой и заменился «Посланником-Камнем».

* * *

У меня нет места излагать здесь биографию всех 864 мужских и 226 женских святых, перечисляемых обыкновенно в православных календарях. Дни смерти их так равномерно распределены по всем 365 дням года (причем не обижен даже и 366 прибавочный, високосный день), что искусственность их расположения по всем сезонам сама бросается в глаза.

Курьезное происхождение некоторых из этих святых объясняется простым переселением из цирка в церковь многих классических богов и полубогов. Для них составлялись при этом коротенькие наивные биографии, в которых среди шаблонной канвы первобытного сочинительства проскальзывают то тут, то там остатки породивших их классических мифов. Это и показано достаточно у Мальвера. Чисто астральное происхождение многих других «святых» выяснено и у меня в разных томах «Христа». А в других случаях я старался дать метод расшифровки клерикальных христианских сказаний и посредством обнаружения смысла собственных имен действующих в них лиц. Оставляемые (может быть, не без умысла) историками древности, и в частности теологами, без перевода, эти непривычно и непонятно звучащие имена придают вид сухой историчности первобытным фантазиям, а объясненные по своему смыслу они сразу обращают все повествование в наивную сказку. А как элементарна была старинная фантазия, я покажу сейчас.

ГЛАВА V

ЭЛЕМЕНТАРНОСТЬ ПЕРВОБЫТНОЙ ФАНТАЗИИ. ПЛАНЕТЫ И ДОПОТОПНЫЕ ПАТРИАРХИ БИБЛИИ

Когда посмотришь на среднюю человеческую психику, так сказать, с высоты птичьего полета, то часто поражаешься ее шаблонностью и можешь даже предсказать безошибочно, что будет делать данный человек в данном случае.

Что, например, делал русский крестьянин недавнего времени, если приходил к кому-нибудь, по какой бы то ни было причине? Прежде всего он смотрел не на хозяев, а в правый угол комнаты, против двери, трижды крестился и кланялся на помещавшиеся там иконы, а потом уже обращался и к присутствующим с поклоном и со словами:

— Здравствуйте.

Он называл всех по имени и отчеству, а если не знал, то говорил:

«Не знаю вашего имени и отчества».

Он спрашивал затем о здоровии и о том, как идет хозяйство (отложив начало разговора о деле, за которым пришел, по возможности, подальше). Затем уже переходил он и к действительной причине своего прихода...

Если же в переднем углу он не находил иконы, то, сделав приподнятой для креста рукой несколько неловких движений, он повертывался к хозяину с поклоном, и тут же, сойдя с привычных ему рельсов, должен был употребить над собой значительное усилие, чтобы привести в порядок разбежавшиеся куда-то от такой неожиданности мысли.

Профессиональные фокусники так хорошо знают элементарность обычной человеческой психики, что безошибочно отвлекают внимание всей публики в том направлении, в котором им желательно для того, чтобы подменить перед их глазами, занятыми на момент другими впечатлениями, один предмет другим, а затем опять, обратив снова их внимание в данном направлении, поразить их кажущимся превращением «перед их глазами» прежнего предмета совсем в другой.

Древняя психика настолько элементарнее нашей, что определив какое-нибудь случайное отношение ее к какому-либо предмету, мы можем быть уверены, что с этой же самой точки зрения она склонна была рассматривать и всякий другой аналогичный предмет.

Мы уже видели, как она построила схему 22 богопросвещенных царей, по числу букв еврейской азбуки и по седьмицам недели, так что всех богоборческих царей до Осии, сына Илы,

т. е. Иисуса сына Божия, вышло три седьмицы, и мы видели, как первые из них возникли из 12 созвездий зодиака (табл. XXII, на стр. 339); поэтому и везде, где мы видим что-нибудь аналогичное, мы, прежде всего, должны попробовать, не отпирается ли тем же самым ключом и новый замок.

Вот, например, в пятой главе Книги Бытия приведена родословная «допотопных патриархов» от Адама-Глины до Ноя-Пристанища-Кочевников и число их, с Ноем включительно, насчитано десять (табл. XXIV, вторая колонка). Почему десять? Ясно! По числу цифр десятичной системы счисления. Здесь, как мы видим, замешалась числовая средневековая каббалистика. Но нет ли тут и астрологии? Конечно, есть. Вот, кроме этой родословной, сохранилась в предыдущей, четвертой главе, и другая, астрологическая родословная, где число последовательных патриархов, вплоть до распадения человечества на несколько родов, до введения на сцену потопа, только семь по числу планет, и значения их имен соответствуют астрологическим представлениям. Они представлены в левой группе таблицы XXV, (стр. 774) к разбору которой мы и обратимся сначала.

Адам, имя которого значит и человек и глина, соответствует Луне. Так же, как Луна, он выростает, стареется и умирает. Ему посвящен первый день недели (русского счета) и Lunedi — лунный день итальянцев.

Следующий за Адамом Каин, имя которого значит и Труд, и Копье, явно соответствует воинственной планете Марсу. Характеристики обоих те же самые. Оба пришли в свои легенды окровавленные. Этому праотцу посвящен Martedi — Марсов день — итальянцев.

Следующий за Каином — Енох, имя которого значит Краса и Прелесть, явно означает планету **Люцифера**, т. е. Светоносца, как в древности называлась теперешняя Венера. И этот «Красавец» характеризуется в книге «Бытие» как бессмертный отец всех наук, взятый живым на небо. Ему посвящена среда — Wernesdei — Венерин день фрисландцев, что перешло во все языки англо-саксонского и германского корней, а в языках латинского корня этот день посвящен Меркурию — Mercoledi итальянцев, и т. д.

Следующий за Енохом — Иаред, имя которого значит Стреловержец, соответствует планете Юпитеру-Громовержцу, и ему посвящен четверг — Giovedi (Юпитеров день) итальянцев.

Следующий за ним Мегуя-Ил — Глашатай Бога, — это посланник богов, планета Меркурий, и ему посвящена пятница — Friday — Фреев (т. е. Меркуриев) день в языках англосаксонских. А у итальянцев это — Венерин день — Venerdi.

Следующий за ним — Мафусал, он же Мафусаил, имя которого означает Смертоносный, явно представляет астрологическую планету смерти Сатурна, с его беспощадной косой, тем более, что он назван и самым долговечным среди всех остальных, в соответствии с тем, что обход им небесного свода самый продол-

ТАБЛИЦА XXV.

Планеты, дни недели и родословия библейских допотопных патриархов.
(Рядом с еврейскими именами приведены их значения.)

Первичная родословная («Бытие», гл. IV)		*Вторичная Родословная* («Бытие», гл. V)
	★	Адам (АДМЕ — земля планета)
	★	Сит (ШТ — Седалище — континент)
1. — Адам (АДМ — человек) *Луна — понедельник*	—	Енос (АНУШ — человек) *Луна — понедельник*
2. — Каин (КИН—копье, труд) *Марс — вторник*	—	Каинан (КИНН — копьеносец) *Марс — вторник*
3. Енох (от ХНЕ — краса) *Венера — среда*	=	Малелеил (МЕЛЛ-АЛ — ставящий бога) *Меркурий — среда*
4. — Иаред (ИРД — мечущий стрелы) *Юпитер — четверг*	=	Иаред (ИРД—мечущий стрелы) *Юпитер — четверг*
5. — Мегуаил (М-ХУЙ-АЛ — провозглашающий бога) *Меркурий — пятница*	=	Енох (от ХНЕ — краса) *Венера — пятница*
6. — Мафусаил (МУТЕ-ШЛХ— смертоносный) *Сатурн — суббота*	—	Мафусаил (МУТЕ-ШЛХ — смертоносный) *Сатурн — суббота*
7. Ламех (Л-МК — пораженный) *Дионис-Солнце — воскресение*	—	Ламех (Л-МК — пораженный) *Дионис-Солнце — воскресение*
	★	Ной (НХ — успокоение)

В первой колонке только семь допотопных патриархов, а во второй число их доведено до десяти.

В первой колонке у Ламеха было три сына: Поток (ИБЛ) — отец кочевников, Ручей (ЙУБЛ) — отец музыкантов и Вулкан (Т-ВЛКИН) — отец кузнецов. А во второй колонке у Ноя было три сына Сим — Семит-азиат, Хам — африканец-мавр и Яфет — европеец.

В первой колонке: среде *(Woens-dag голландцев)* соответствует планета Венера (Venus), как в языках англо-саксонского и германского семейства. А во второй колонке: среде *(Mercredi французов)* соответствует Меркурий, как в языках латинского корня.

В первой колонке: пятнице *(Friday англичан)* соответствует Фрей-Меркурий, как в языках англо-саксонского и германского семейств. А во второй колонке: пятнице *(Venerdi итальянцев)* соответствует Венера.

Остальные дни одинаковы во всех западно-европейских языках.

жительный, и он соответствует субботе, Сатурнову дню — Saturday англичан и т. д.

Следующий за Сатурном — Ламех, имя которого значит Пораженный или Поражаемый, соответствует подвергающемуся затмениям Солнцу — Дионису классиков, и ему соответствует воскресенье, день господень — Dominica итальянцев, Sonntag немцев и т. д.

Этим седьмым патриархом и заканчивается генеалогия человеческого Рода. У праотца Ламеха-Солнца две жены: одна Движенье (Ода) и другая его Тень (Цилла). От «Движенья» у него родился сын Поток (Ивл) — отец всех кочующих, и журчащий ручей (Иувл), — отец всех музыкантов.

От «Тени» у него родился Вулкан, отец всех обрабатывающих металлы, и дочь Прелесть (Неме), вероятно прародительница тоже чего-нибудь прекрасного, хотя об этом в Библии ничего не сказано.

Мы видим, что по этой генеалогии Солнце привело к разделению человечества по профессиям, подобно тому, как вторая генеалогия, через трех сыновей Ноя и через потоп, вместо потока и ручья, приведет, как мы скоро увидим, к географическому разделению рас. Но раньше, чем мы перейдем к следующей генеалогии, отметим сначала одно поразительное обстоятельство.

Мы знаем из библейской легенды, что Каин-Марс убил своего брата Авеля, имя которого значит Отдых, а также Вдохновение и Воздух, потому что оба эти понятия еще не отделялись тогда от человеческого дыханья. Но где же этот Авель среди планет, если тут проводится астральная аллегория? Тут мы наталкиваемся на такое неожиданное совпадение, которое для человека, склонного допускать существование в древности глубокой, но погибшей науки, может показаться превосходным подтверждением. Припомните только, что сейчас же за планетой Марсом летают многочисленные осколки взорвавшейся, как думают некоторые, планеты Астеры, называемые астероидами.

Правда, что относительно происхождения астероидов существует и другая гипотеза, предполагающая, что Астера (да позволят мне мои коллеги по астрономии называть так эту несуществующую теперь планету) никогда не существовала, что туманное кольцо, из которого она должна была возникнуть, рассыпалось благодаря пертурбационным влияниям находящегося за ним Юпитера на ряд мелких планеток, не успевших образовать одну крупную, как это вышло с остальными кольцами еще образовывавшегося тогда солнца. Однако, вопрос о сгущении в одно сферическое целое туманных колец, где каждая частица носится, как отдельная планетка, не поддается аналитической разработке с точки зрения небесной механики, имеющей дело только с силой тяготения. Без допущения возникновения новых сил в момент образования из такого кольца вращающихся планет тут обойтись невозможно, а потому и близость Юпитера не могла бы оказать тут существенного влияния.

51 Зак. 66

Кроме того, спокойному образованию астероидов из первоначального кольца противоречат и сильные отклонения путей у некоторых из них от плоскости вращения первичного кольца, отклонявшегося лишь на очень малое число градусов от эклиптики.

А между тем, наклонения к ней достигают у Паллады 35°, у Истрии 27°, у Евфрозины и Анны 26° и т. д., да и эксцентрицитеты орбит исключительно велики. Все это указывает на большую вероятность правильности предположения Ольберса, что дело здесь не обошлось без взрыва. Недавно я сделал по этому поводу следующий рассчет. Средняя скорость орбитного полета астероидов близка к 18 километрам в секунду. Для того, чтобы дать отклонение хотя одному из них на 30° от первоначальной плоскости, нужна была громадная сила, способная дать боковую скорость 9 километров в секунду, да, кроме того, эта скорость должна быть еще удвоена, потому что и точки опоры силы должны отклоняться в обратную сторону. Значит, скорость расхождения противоположно отброшенных кусков доходила бы тут до 18 километров в секунду. А это такая огромная быстрота, которая во много раз превосходит начальную скорость не только пушечных снарядов у самых дальнебойных орудий, но, повидимому, даже и скорости камней при их вылете из жерл земных вулканов.

Такие громадные боковые движения огромных глыб, вроде той же Паллады, не могли никоим образом возникнуть из первоначального туманного кольца, внутри которого не могло быть даже точки опоры для возбуждения сильных боковых влияний. Катастрофа эта могла возникнуть только внутри твердой и вполне сложившейся планеты и должна была напоминать собою катастрофы с «временными звездами», наблюдаемые время от времени то тут, то там в окружающем нас звездно-планетном мире. При этом осколки, отброшенные вперед, должны были образовать группы астероидов с малыми отклонениями плоскости, но с большими эксцентрицетами и со сравнительно большими средними расстояниями от солнца, а осколки, отброшенные назад, должны были образовать группы планет со сравнительно меньшим средним расстоянием.

Орбиты всех должны были первоначально сходиться в месте взрыва, но не одновременно, благодаря получившимся разницам во временах обращения, а затем этот общий узел должен был постепенно рассеяться, вследствие пертурбационных влияний Юпитера и самих мелких планеток друг на друга при сближениях в этом месте. И узлы, и перигелии, и афелии должны были удалиться от первоначального места, а потому найти его теперь можно лишь при очень сложном математическом анализе, когда все детали современных движений астероидов будут достаточно изучены.[1]

[1] Несравненно проще узнать расстояние от солнца взорвавшейся планеты. Афелии малых орбит должны были первоначально находиться на том же расстоянии от солнца, как и перигелии больших орбит

Я извиняюсь перед читателем не-астрономом за это невольное отступление в область открытых астрономических вопросов. Но астрономия — моя главная точка опоры в этой книге, и потому мне нельзя ее игнорировать, даже и разбирая чисто легендарный вопрос об убийстве Каином Авеля. Раз первообраз Каина — Марс, то первообраз убитого им Авеля должна быть взорвавшаяся Астера, хотя, конечно, не Марс ее взорвал. Но как же это событие, случившееся задолго до возникновения астрономии на земле, могло попасть в миф? Неужели и о нем сохранилось доисторическое воспоминание? Конечно, — нет.

Я объясняю дело гораздо проще. Во временах обращения планет и в их расстояниях от солнца существует известная гармония, благодаря которой астрономическим умам давно приходилось искать невидимую планету между Марсом и Юпитером. Так, в конце XVIII века Тициус и Боде (ок. 1770 г.), взяв ряд 0, 3, 6, 12, 24, 48, 96, где каждый последующий член, кроме первого, является удвоением предшествовавшего, и прибавив к ним 4, нашли, что полученные цифры близко совпадают со средними расстояниями планет от солнца, если дать для Земли расстояние равное 10 единицам (табл. XXVI).

ТАБЛИЦА XXVI.

Закон Тициуса-Боде.

Планеты	Расстояние их от солнца	
	по Тициусу и Боде	Действительное
Меркурий (0 + 4)	4	3,8
Венера (3 + 4)	7	7,2
Земля (6 + 4)	10	10,0
Марс (12 + 4)	16	15,2
(Астероиды 24 + 4)	28	(от 15 до 50)
Юпитер (48 + 4)	52	52,0
Сатурн (96 + 4)	100	95,4
Уран (192 — 4)	196	191,8
(Нептун 384 + 4)	388	(300,6)
Плутон		

Тут сразу обнаружилось отсутствие планеты, расстояние которой равнялось бы 28 единицам. Астрономы начали усиленно ее искать, но, вдруг, нашли взамен ее несколько сотен мелких планеток, летающих как осколки во все стороны, около ее орбиты.

Точно также и продолжение этой числовой схемы дало Адамсу и Леверрье возможность вычислить приблизительную орбиту неизвестного еще тогда Нептуна по его влиянию на движение Урана. А затем нашли и десятую планету — Плутона...

Конечно, древние наблюдатели не знали расстояния планет от солнца и даже считали землю центром их движения, но зато они знали приблизительные времена их пути по зодиакальному поясу, считая их в целых числах. Руководясь тем же ходом мысли, как Тициус и Боде, — потому что, повторяю, этот ход много однообразнее, чем он нам кажется из самонаблюдения, — они и могли притти, на основании очень высокоценимого ими закона гармониии чисел 1, 2, 5, 12, 30, к построению следующей таблицы (табл. XXVII).

ТАБЛИЦА XXVII.

Время видимого с земли обхода неба семью древними планетами.

Солнце (Адам)	
Меркурий (Мегуаил)	1 год
Венера (Энох)	
Марс (Каин)	2 года
? (Авель)	5 лет
Юпитер (Яред)	12 лет
Сатурн (Мафусаил)	30 лет

По этой таблице сразу обнаружилась бы и для средневековых астрологов-каббалистов необходимость существования за Марсом-Каином еще другой планеты Авеля-Астеры, относительно отсутствия которого в этом числовом ряду бог-Громовержец имел полное право спросить Марса:

— «Каин, где брат твой Авель»?

Каин, по словам библейской легенды, будто бы ответил ему:

— «Не знаю. Разве я сторож брату моему»?

И это был единственный ответ, возможный для старинного астролога.

Чтоб показать характер вторичной генеалогии, приведенной во второй колонке таблицы XXV, я привожу здесь названия дней недели на разных языках (табл. XXVIII).[1]

Мы видим, что в большинстве европейских номенклатур семь дней недели приведены в связь с семью древними планетами, взятыми в той последовательности, какая дана на таблице XXVIII.

Я обращаю здесь особое внимание читателя на то, что при переходе номенклатуры дней недели с языков латинского корня на языки англосаксонского и германского корней Меркурий и Венера поменялись местами. На латинских языках (табл. XXVIII, отдел II) среда названа днем Меркурия, а пятница днем Венеры, а на англо-саксонских и германских — наоборот (табл. XXVIII, отдел II).

---

[1] Заимствую у Фламмариона, поправив некоторые неточности, вкравшиеся в то издание его «Истории Неба», которым я пользовался.

На древне-греческом, латинском и еврейском языках дни недели считаются по нумерам: первый, второй и т. д., но только перегоняют русский счет на один день, считая субботу седьмым днем, тогда как у нас она приходится после пятницы, т. е. оказывается на шестом месте. А в современном греческом языке получается очень странная с точки зрения обычных историков вещь.

Казалось бы, в «языческой классической Греции» должна была существовать языческая номенклатура с Меркурием, Венерой и т. д., а мы видим-там был нумерационный счет, как у евреев. А в современной нам *христианской* Греции мы находим, наоборот, языческий счет: день Луны, день Марса, день Меркурия, день Юпитера, день Подготовления, день Сатурна и, наконец, день Властелина (приходящийся на наше Воскресенье). Это — та же номенклатура, как и у современных испанцев, французов и итальянцев.

Но вот — и еще больший курьез с обычной точки зрения. Оказывается, что эта же самая **поздняя** и в то же время языческая номенклатура современных греков и испанцев проникла — куда бы вы думали? — в Индию!

Из сопоставления на таблице XXIX мы видим, что и в Европе, и в Индии — та же последовательность планет, но что при длинном прежнем пути из Европы в Индию в планетарной символистике был сделан сдвиг. Европейское воскресенье превратилось в пятницу (день Венеры), т. е. были просчитаны два дня пути.

Но нам важен не этот просчет, а то, что такая номенклатура никак не могла проникнуть в Индию в незапамятные времена, а только с новейшими греческими миссионерами или даже скорее с португальскими и испанскими мореплавателями после открытия Васко де Гама морского пути в Индию в 1498 году. А, ведь, номенклатура дней недели не какая-нибудь случайная выдумка: она пронизывает всю деятельность страны, это — канва, на которой вышивается вся общественная и религиозная жизнь населения.

И вот, мы видим, что эта канва пришла в Индию из Португалии или даже из Испании и притом **только в XVI веке нашей эры**, а никак не существовала там с XVI века **до начала нашей эры!** Об этом обстоятельстве мне еще придется говорить в VIII томе, где будет обоснована новая хронология индусской культуры, а теперь я возвращусь к предмету настоящей главы.

Скалигер в своей книге «De emendatione temporum», появившейся в 1583 году, объясняет латинскую последовательность магическим семиугольником, в котором взята Птоломеева последовательность планетных орбит: Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн.

Напишем, — говорит Скалигер, — все эти планеты на семи равноотстоящих точках окружности и, начав от Луны, будем их соединять через две точки в третью. Получим семиугольную звезду и путь от луны ко всем планетам укажет последовательность дней недели в их латинской номенклатуре (рис. 149, стр. 782).

ТАБЛИЦА XXVIII.

Названия дней недели на разных языках.

Отдел I.
Названия латинского корня.

По-русски	По-французски	По-итальянски	По-испански	Значение
Воскресенье	Dimanche	Domenica	Dominge	День Властелина
Понедельник	Lundi	Lunedi	Luneo	День Луны
Вторник	Mardi	Martedi	Martes	День Марса
Среда	Mercredi	Mercoledi	Miércoles	День Меркурия
Четверг	Ieudi	Iiovedi	Iueves	День Зевса (Юпитера)
Пятница	Vendredi	Venerdi	Viernes	День Венеры
Суббота	Samedi	Sabba'o	Sabado	Суббота

Мы видим, что здесь выпали только дни Солнца и Сатурна, заменившись христианским днем «Властелина» и еврейской «Субботой».

Отдел II.
Названия дней англо-саксонского корня.

По-русски	По англо-саксонски	По древне-фрисландски	На древнем северном яз.	Значение
Воскресенье	Sonnan-däg	Sonna-dei	Sunnu-dagr	День Солнца
Понедельник	Monan-däg	Mona-dei	Mâna-dagr	День Луны
Вторник	Tives-däg	Tis-dei	Tyrs-dagr	День Марса или Тиса
Среда	Vôdenes-däg	Wernes-dei	Odins-dagr	День Венеры или бога Одина
Четверг	Thunores-däg	Thunres-dei	Thors-dagr	День Юпитера или Тора-Громовержца
Пятница	Frige-däg	Frögen-dei	Fria-dagr	День Меркурия или Фрея[2]
Суббота	Soeternes-däg	Sater-dei	Langar-dagr[1]	День Сатурна или день бани

[1] Langar-dagr значит — день бани.

[2] Фрей или Фрейн — скандинавский бог, брат Фреи, соответствующий планете Меркурию. Он разъезжает на вепре с золотою щетиною (на утренней и вечерней заре), как Меркурий, повелевает облаками, ненастьем и ясностью и плодородием земли. Сестра его Фрея, богиня Любви и Весны (Венера разъезжающая на колеснице, запряженной кошками).

(Конец таблицы XXVIII)

Отдел III.
Название дней германского корня

По-русски	По-немецки	По-английски	По-голландски	Значение
Воскресенье	Sonntag	Sunday	Zondag	День Солнца
Понедельник	Montag	Monday	Maandag	День Луны
Вторник	Dienstag	Tuesday	Dingsdag	Бога Тиса
Среда	Mitwoch	Wednesday	Woensdag	День Венеры
Четверг	Donnerstag	Thursday	Donnersdag	Тора-Громовержца
Пятница	Freitag	Friday	Wrijdag	Фрей-Меркурия
Суббота	Sonnabend	Saturday	Zaturdag	День Сатурна

ТАБЛИЦА XXIX.

Сравнение западно-европейской номенклатуры дней недели с индусской.

Значение дней по западно-европейской		Значение дней по-индусски	
Воскресенье	День Солнца	Souera-varum	День Венеры
Понедельник	День Луны	Sani-varum	День Сатурна
Вторник	День Марса	Addita-varum	День Солнца
Среда	День Меркурия	Sonia-varun	День Луны
Четверг	День Зевса	Mangala-varum	День Марса
Пятница	День Венеры	Bouta-varum	День Меркурия
Суббота	День Сатурна	Brahaspati-varum	День Юпитера

К этому же чередованию приводит и посвящение каждого часа суток особой планете, обратно их птолемеевской последовательности. Пусть, например, 1-й час субботы посвящен ее богу Сатурну. Тогда ему же будет посвящен и 8-й час, и 15-й, и 22-й. Отсюда, взяв обратно Птолемееву последовательность, мы увидим, что 23-й час субботы будет посвящен Юпитеру, 24-й Марсу, а первый час воскресенья, как и следует, Солнцу.

Эти прямые и обратные чередования и сопоставления друг с другом совершенно различных систем предметов, не имеющих в себе ничего общего, представляют яркий образчик умершей теперь естественной смертью древней науки каббалы, легшей в основу всей библейской хронологии и образующей ту канву, на которой вытканы библейские узоры.

Прибавлю еще маленькое косвенное замечание.

Латинский поэт Тибулл, в одной из своих элегий[1] называет субботу несчастным днем для всяких начинаний, и этим обстоятельством, а не воспоминанием о седьмом дне творения, может быть, объясняется и первоначальное происхождение субботнего отдыха у евреев. Да и вообще «седьмица творения» в книге «Бытия» построена на каббалистических, а не па астральных соображениях. В основе ее лежит чисто лингвистическое совпадение; по-еврейски «*начало* (Брашит)» распадается на БРА и ШИТ, что значит: «быть сотворену шестью». Это, вероятно, и послужило канвой для легенды о шести днях творения, а детали со-

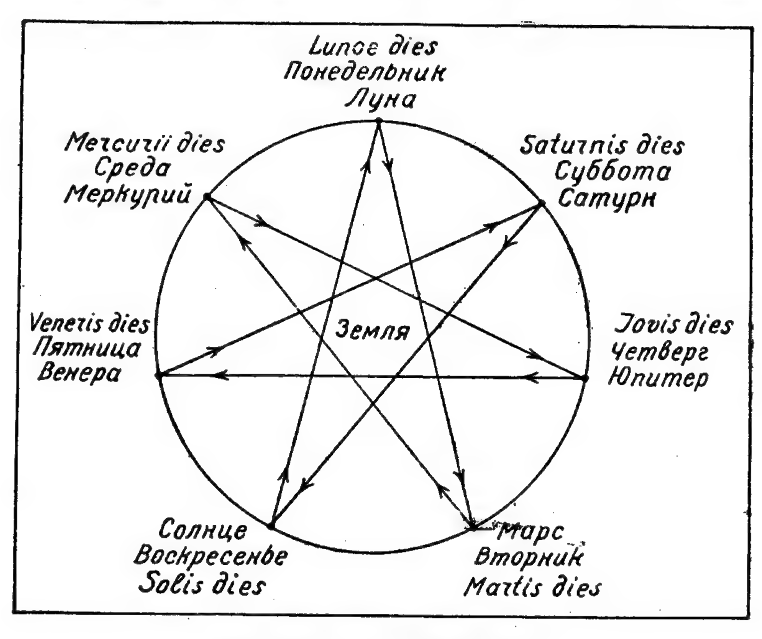

Рис. 149. Скалигерова звезда.

тканы па аналогичных каббалистических соображениях. Упоминание Тибулла о субботе, как дне Сатурна, показывает нам также, что приписывать его элегии, как делают теперь, самому началу нашей эры, — невозможно.

Тот порядок планет, в каком они расположены в указанной нами номенклатуре латинского корня, мог выработаться лишь после окончания IV века нашей эры. Значит, и сам Тибулл жил не ранее конца средних веков, т. е. в ту эпоху, когда уже развивалась легенда о Христе и начали отдыхать в воскресный день.

---

[1] Элегия III, книга I. Переведена Фетом на русский язык.

ОТДЕЛ III

ИДЕОЛОГИЯ ХРИСТИАНСТВА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ В ЕГО АПОКРИФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ТРИ СТОЛПА ХРИСТИАНСТВА)

50 Зак. 66

Рис. 150. Молитва Исаии на рассвете. Миниатюра из Псалтыря Парижской Национальной библиотеки, относимая к X веку нашей эры. (*По Omont, Manuel d'Art Byzantin.*)

Рис. 151. Великий Царь, Бодрствующий Богослов и Иониец Златые Уста.

ГЛАВА I

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕСПРАВЕДЛИВО ПРИПИСЫВАЕМЫЕ «ВЕЛИКОМУ ЦАРЮ» (АППЕРЦЕПЦИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ)

Уже много лет тому назад мне как-то пришлось слышать такой анекдот.

К одному художнику пришел сильно разбогатевший полуграмотный подрядчик и говорит ему:

— Нарисуй портрет моего родителя.

— Приведите его ко мне, — говорит художник.

— Не могу, он умер три года назад.

— Тогда принесите фотографию.

— И этого не могу, он никогда не снимался.

— Так как же я сделаю его портрет?

— Сделай по моему описанию. У него были черные волосы с проседью, карие глаза и борода с поллица. А самое приметное: нос грушей и на самом конце его большая бородавка с тремя волосиками.

Художник решительно отказался делать портрет по какому бы то ни было описанью, но подрядчик все приставал, постепенно поднимая плату, и довел ее наконец до двух тысяч рублей. Художник соблазнился и обещал приготовить через две недели.

Когда в назначенный день заказчик пришел в мастерскую, художник приподнял занавес над картиной и показал ему свое произведение.

Подрядчик сначала с недоумением отступил несколько шагов, а потом, всплеснув руками, воскликнул:

— Родитель мой, родитель! Да как же ты изменился после своей смерти! Еслиб не бородавка на носу, так ни за что бы тебя не узнал!

И такое же восклицание мы с полным правом можем сделать, рассматривая на наших иконах изображение любого святого, да и самого Иисуса Христа:

— Святые отцы! Святые отцы! Да как же изменились вы все после вашей смерти!

И эта посмертная перемена их произошла не в одной живописи, а также и во всех церковных биографиях. Еслиб не бородавки на носу в виде точного обозначения имени того, к кому относится рассказ, то и сам святой, прочитав свое жизнеописание, никогда не догадался бы, что дело идет о нем.

А как же быть, если нет бородавки? Как быть с деятелями действительной древности, когда еще не было официально зафиксированных имен, а только прозвища, вроде Стойкий (Константин, по-гречески), Светлый (Люций, по-латыни), Мужественный (Андрей, по-гречески) и т. д?

Ведь, у всех более или менее известных людей того времени могло быть по нескольку прозвищ, а потому и сказания о них естественно расчленялись потом на ряд самостоятельных рассказов как бы о разных личностях.

Вот, например, магометане насчитывают у бога 99 имен. И если бы под каждым из этих имен развилось о нем особое сказание, то как узнали бы мы, что дело здесь идет о том же самом боге, а не о 99 различных и самостоятельных богах?

Это же самое случилось и с основателем христианского богослужения, у которого было много прозвищ.

В третьей книге «Христа» я уже показывал, как благодаря неточности восприятий у слушающего и говорящего человека, апперцепционно варьировались рассказы об основателе православного богослужения при переходе из уст в уста и как при их постепенном удалении в различные, и особенно в иноязычные места, образовалось, наконец, несколько, яко бы, самостоятельных рассказов, совершенно не похожих друг на друга и кажущихся благодаря изменению прозвищ героя относящимися к различным лицам, местностям и эпохам.

Наименее смещенной во времени апперцепцией деятельности основателя христианского причастного богослужения является, как я уже подробно разбирал в первой книге, жизнеописание Великого Царя (Василия Великого, по-гречески), отнесенного к 325 — 378 годам нашей эры, именем которого и называется полная православная литургия.[1]

Но и эта апперцепция является смещенной географически, так как место жизни Великого царя «Город Цезарей» (Кесария, по-гречески) локализируется в Азии, между тем как по общим соображениям (в I книге «Христа») это должна быть или Помпея

---

[1] Литургия Василия Великого, т. е. таинственное моление Великого Царя (λιτουργία) (от λιτή — лития, прошение, и ὄργια — оргия — таинственные священнодействия с вином, в честь Бахуса. Обычно производят последнее слово от ἔργον — дело, но только как же ἔργον обратилось в οὐργία?

или сам Царь-Град, потому что по-гречески Кесария и значит Царь-Город.

Вторая апперцепция—евангельская — переносит деятельность основателя христианского богослужения тоже в Азию, относя место его жительства «Город Святого примирения», в Эль-Кудс, в окрестностях Мертвого Моря, а время жизни в первый век нашей эры. В ней он называется «Спасителем (Иисусом)».

Третья апперцепция — библейская, — называя его тоже «Спасителем (Иисусом)», заставляет его привести «богоборцев» в Обетованную землю, текущую молоком и медом, тоже относя ее в окрестности Мертвого Моря и перемещая во времени за 1750 лет до основания христианской литургии, хотя и дает ему символом Рыбу, называя Навином, по-гречески ИХΘИС, анаграмматически Иисус Христос Θеу Ийос Сотер, т. е. Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель.

Четвертая апперцепция называет его Богом-Громовержцем (пророком Илией) и, локализируя там же, где и евангелия, сдвигает время его жизни за 1300 лет до действительного времени жизни основателя христианского богослужения. В этом случае, как и в евангелиях, он называется пророком, вознесенным живым на небо и долженствующим снова притти (ТШБИ), а в славянских былинах его уже прямо называют богом. Так, в одной болгарской песне говорится:

..... Боже Илия
С ясным солнцем на лице,
С месяцем на шее,
Звездами на теле.[1]

Пятая апперцепция называет его Великим Царем Мессией (Рэ-Мессу Миамуном, по-иероглифически) и относит время его жизни как раз почти ко времени Иисуса Навина, но сцену действия переносит в Миц-Рим, считаемый теологами за Египет. И интересно, что как под именем Рэ-Мессу (переделанном греками в Рамзеса II), так и под именем Иисуса Навина, он больше рисуется полководцем, чем пророком, напоминая сильно Александра Македонского, лишь с перемещением места действия.

Шестая апперцепция и, повидимому, наиболее близкая к действительности рисует его в виде царя-витязя Юлиана (по-русски— Илии), одновременно и философа и путешественника по отдаленным странам, но уже не основателя Христианской литургии, а только современника ее основателя, погибшего в 363 году нашей эры при возвращении из Персии.

Седьмая апперцепция называет его Царем-Миротворцем (Соломоном), строителем храма единому Богу-Громовержцу, отодвигая

---

[1] ..... Боже Иленчѐ
Сосъ ясно слънце на чело̀
Сосъ месечина на г'рло̀,
Сосъ дробни звезде на снага̀.
(А. С. Фаминцын, Божества древних славян, I, 125).

его время за 1350 лет до действительного построения такого храма, а место жизни в Палестину вместо Царь-Града, причем не упоминается, что «Храм» имел вид открытого цирка.

Я пропущу пока другие апперцепции, а теперь лишь дополню первую из перечисленных, где он называется Великим Царем (Василием Великим, по-гречески). Она была уже эскизирована в I книге «Христа», а теперь я только займусь разбором дошедшей до нас от его имени переписки со знакомыми и изложу важнейшую из приписываемых ему научных лекций — лекцию «О семи днях творения». Само собой понятно, что если б письма «Великого царя» дошли до нас в точности, то они были бы драгоценны в качестве исторических документов и даже могли бы подтвердить мой вывод о тожестве его с императором Юлианом. Займемся же немного ими.

I. О письмах Великого Царя и о письмах к нему

Неужели все, что мы имеем от его имени,—чистые апокрифы средних веков? Неужели никто не сохранил ничего подлинного из его произведений?

Конечно, и здесь, как и в произведениях других деятелей того времени, все сомнительно, потому что мы имеем их сочинения только в печатных изданиях нового времени, а рукописей более раннего времени нигде нет на свете. Но мы не можем не отметить, что некоторые из писем «Великого Царя» имеют характер правдоподобия.

Дело в том, что если б средневековый теолог захотел что-нибудь сочинять от его имени, то он написал бы какое-нибудь религиозное увещание или толкование на евангелия и Библию в обычном прописном роде, а не какие-нибудь записочки к друзьям, в которых нет ни слова о религии. А между тем среди 300 слишком писем, приписываемых «Великому Царю», мы видим большинство таких, в которых нет ни слова о богословии.

Вот, например, хотя бы его переписка с Либанием Софистом (314 — 393), «язычником и квестором императора Юлиана».

Под № 359 издания Гарнье мы находим такой его ответ на присланный последним какой-то рассказ:

«Читал я твой рассказ, многомудрейший, и пришел в крайнее восхищение. О, музы! О, науки! О, Афины! Чем дарите вы любящих вас! Какие плоды приносят те, которые, хотя бы и на короткое время, приближаются к вам! О, какой это многоводный источник! Сколько черпателей у него!

Мне кажется, что я вижу собственными глазами, как этот человек в твоем рассказе перекоряется со своей говорливой женой. Вдохновленное слово написал ты на нашей земле, Либаний, ты один влагаешь душу в речи».

А вот и другое письмо к нему же.[1]

[1] Письмо 359 издания Garnier; перевод я везде взял из издания Русской духовной академии, чтоб избежать подозрения в тенденциозности.

«Ты, заключивший в своем уме все искусство древних, до того молчалив со мною, что не даешь и мне воспользоваться чем-нибудь. А я, если б было безопасно Дедалово искусство, прилетел бы к тебе, сделав себе Икаровы крылья. А так как воска нельзя доверить солнцу, то вместо Икаровых крыльев посылаю тебе слова, выражающие мою дружбу и сердечную любовь. Таково свойство моих слов. А ты, способный вести свои слова куда хочешь, молчишь, несмотря на свое могущество. Обрати же и ко мне источники, льющиеся из твоих уст».

Скажите сами: стоило ли подделывать такие записочки да еще от знаменитого христианина к знаменитому язычнику? Стоило ли даже и передавать их в продолжение полутора тысяч лет потомству через посредство десятков переписчиков, если б автор не считался такой необыкновенной знаменитостью, что каждое слово его казалось почему-то нужным сохранять навеки? Но есть и другое решение. Все это мог писать какой-нибудь Юлиан Эпохи Возрождения, ошибочно принятый за царя...

В таком же роде и большинство других писем «Великого Царя», хотя некоторые из них тоже вызывают подозрение с точки зрения палеографии. В этой науке, например, стараются доказать, по Тишендорфу, что в IV веке писали еще обычными, надстрочными буквами, без знаков препинания. А вот, здесь письмо «Великого Царя»[1] к какому-то из его учеников, где говорится как раз о них:

«Слова имеют свойство летать и потому нужны для них *знаки препинания,* чтобы ловить их в быстроте их полета. Выводи же, мой сын, правильно очертания букв и *разделяй изречения знаками препинания,* где это нужно. Малою ошибкою *(в знаках препинания)* искажается большое слово, а при тщательности пишущего все передается исправно».

А вот, и еще письмо того же «Великого царя» к кому-то из его учеников, показывающее, что во время его составления употребляли для писаний уже не трость, как говорится в Апокалипсисе, а гусиное, очиненное перочинным ножом перо.[2]

«Пиши прямо, чтобы рука не заносилась у тебя вверх и не опускалась стремглав вниз. Не принуждай перо ходить излучинами подобно Езопову раку. Пусть оно идет по прямой линии, как бы по нити, с помощью которой плотник избегает всякой непрямизны. Косое письмо не хорошо на вид, а прямое приятно тем, что не заставляет глаза читающего подобно молотильным цепам то подниматься вверх, то опускаться вниз, что и мне пришлось делать, читая написанное тобою, потому что строки твои лежали уступами. Когда мне необходимо было переходить от одной строки к другой, надо было бродить *(пальцем)* по твоим излучинам взад и вперед, как Тезею с Ариадниной нитью. Пиши прямо и не вводи ум в заблуждение косым и кривым твоим письмом».

[1] № 333 обычной нумерации издания Гарнье.
[2] Там же, № 334.

И здесь опять нет ничего о святой Троице, как будто это пишет простой учитель чистописания, а не профессиональный святой!

В 324 письме по нумерации Гарнье «Великий Царь» предостерегает врача Пасинику против интриганства какого-то Патрикия.

«Да будет тебе известно, что этот превосходнейший Патрикий имеет в своих устах столько чарующей внушительности, что легко мог бы убедить даже Сармата или Скифа, в чем ему угодно, а не только в том, что ты мне написал. Но эти приятные слова исходят не из сердца, маска словами издавна в употреблении. На словах такие люди добры и готовы предоставить свои предприятия любому на суд. А как скоро примутся за дело, то лучше и не подходи к ним! Пусть это будет между нами, ты же сам постарайся убедиться что этого человека не легко провести. Ты не смотри на благовидные речи, но подожди, что скажут дела».

Все такие письма даются нам коллекторами без обозначения времени, а вот некоторые и из тех, которые приводятся даже и с датами (конечно, воображаемыми).

Возьмем, хотя бы, письмо к префекту Модесту,[1] которого он титулует: Твое Высокородие (по-гречески).

«Я вспомнил великую честь, оказанную мне тобою, когда ты предложил мне смелость писать Твоему Высокородию. Я пользуюсь этим твоим подарком и радуюсь, что беседую с таким человеком, а у тебя теперь будет случай оказать мне честь твоим ответом. Я уже просил твоей снисходительности к моему товарищу старшине Елладию, просил снять с него должность распределителя податей и дозволить ему заняться делами нашего отечества. Теперь я возобновляю эту просьбу и прошу прислать приказ начальнику области об его избавлении от такого беспокойного дела».

А между тем это тот самый префект Модест, которого биографы Великого Царя рисуют как жестокого, грубого человека, способного на все, который был прислан Валентом, чтоб отвратить «Великого Царя» от его нового учения. В таком же почтительном роде приводятся и еще несколько его писем к тому же самому Модесту. Кому тут верить? Или эти письма были написаны еще в юности, и тогда мы должны признать за автором очень знатное происхождение.

Аналогичные письма мы находим от имени «Великого Царя» и к Траяну,[2] у которого он просит защиты пострадавшему сановнику Максиму.

«Угнетенным, — пишет он Траяну, — приносит великое облегчение, если они встречают людей, которые по правоте своего нрава могут оказать им сострадание. Вот почему и почтеннейший Максим, бывший начальник в нашем отечестве, претерпевши,

[1] Письмо 281 издания Гарнье.
[2] Письмо 148 по Гарнье.

чего не терпел еще никто из людей, жаловался мне на постигшие его бедствия и пожелал через меня кратко сообщить тебе Илиаду своих злоключений. Не будучи в состоянии другим способом уменьшить сколько нибудь его несчастия, я с готовностью предложил ему пересказать Твоей Высокочинности немногое из того многого, что слышал от него... Для него будет достаточным утешением, если ты воззришь на него благосклонным оком и прострешь на него твою изобильную милость, которой не могут истощить все пользующиеся ею. А что твое влияние в судах будет для него великим пособием, чтобы одержать верх, в этом мы все уверены. Всех же более уверен он сам, выпросивший у меня письмо к тебе, от которого ждет себе пользы, и я желал бы увидать, чтоб и он вместе с другими громогласно восхвалил Твою Степенность».

Здесь упоминание об Илиаде заставляет насторожиться, так же как и упоминание об Одиссее в письме к какому-то сановнику Авгурию.[1] Ведь это уже из времени крестовых походов!

«До сих пор я считал сказкою написанное Гомером, когда читал вторую часть его творения, в которой он рассказывает о бедствиях Одиссея. Но то, что казалось мне баснословным, сделалось для меня вероятным после того, как я узнал странные похождения превосходнейшего во всем Максима. Как Одиссей был правителем Кефаллинян, так и Максим был правителем немаловажного народа. Одиссей, увезя с собой много денег, возвратился нагим, и Максим дошел до того, что был в опасности вернуться домой в чужой рубашке, раздражив таких же лестригонов и встретившись с такой же Сциллой, которая в женском образе имеет бесчеловечие и свирепость пса. Но так как он смог спастись от этой неизбежной волны, то просит тебя через меня: благоволи уважить нашу общую природу и доведи до сведения сильных людей случившееся с ним, чтоб пособили отразить замышленное нападение на него или разгласили намерения надругавшегося над ним».

Относительно представлений клерикалов о тогдашних церковных правах чрезвычайно характеристично приписываемое ими самими «Великому Царю» письмо к Григорию Богослову,[2] давшему, вероятно, повод к легенде об Андрее Первозванном. Его относят к 374 году.

«Это правда, что ты сделал хорошее, кроткое и человеколюбивое дело, собрав пленниц презренного Гликерия и прикрыв сколько можно общий наш позор... Собрав самовольно и самовластно юных девиц, из которых многие пришли к нему добровольно, так как юность склонна к подобным делам, он решился стать предводителем этого стада и, возложив на себя имя и одежду патриаршества, вдруг вознесся высоко не каким-либо благовидным способом, или благочестием, но хватаясь за это средство к про-

[1] Письмо 147 по Гарнье.
[2] Письмо 169 по Гарнье.

питанию, как за всякий другой предмет. Получив же от меня небольшой словесный выговор, он захватил с собой девиц сколько мог и, выждав ночи, предался с ними бегству... В это время было общественное собрание и отовсюду стекалось великое множество народу. А он вел с собою юных девиц и всех столпившихся кругом их, производя этим великое уныние среди благоговеющих и возбуждая много смеха среди невоздержных и готовых к пересудам. И я слышу, что этот витязь со своим скопищем еще оскорбляет и бесчестит родителей тех девиц, которые хотели собрать рассеянных и со слезами припадали к своим убежавшим с ним дочерям. Все это обращается нам в общее посмеяние, и ты вели ему возвратиться ко мне вместе с девицами, так как он найдет во мне человеколюбие, если прийдет назад с письмом от тебя... Убеди девиц возвратиться к нам, свидетельствуюсь перед тобою богом и людьми, что это не хорошо и не по уставам нашей церкви. Если Гликерий возвратится в добром порядке и с приличной скромностью, это будет всего лучше, а если нет, да прекратит он свое служение».

А вот, еще письмо к областному правителю Антипатру, не о чем-либо другом, как о квашеной капусте, относимое к 374 году.[1]

«Как прекрасна любовь к науке даже и в том (помимо остального), что она дает возможность своим питомцам не употреблять дорогих лекарств, и одна и та же вещь служит для них продуктом для стола и пособием для здоровья. Я слышал, что ты поправил ослабевший желудок квашеной капустой, на которую я прежде смотрел с неудовольствием, так как она напоминала мне свою совоспитанницу бедность... Теперь же, видя как она возвратила здоровье нашему градоправителю, я не буду предпочитать ей не только Гомерова лотоса, но и той амбросии, которая, если была когда-нибудь, питала обитателей Олимпа».

Но, ведь, это, читатель, ужас! Православный святой говорит о языческом Олимпе совсем без выражения своего омерзения. Такое письмо не могло быть сочинено впоследствии от его имени, оно могло быть только найдено в каком-нибудь монастерионе после средних веков и приписано «Великому Царю».

Есть у «Великого Царя» письмо и о своем здоровье,[2] адресованное врачу Мелетию и относимое к 375 году (за три года до его смерти). Оно интересно тем, что упоминает о суровой зиме и о перелете журавлей дающем возможность проверить место его составления, так как сомнительно, чтобы журавли улетали на зиму из Малой Азии или через нее.

«Мне невозможно избежать неприятностей зимы, как делают журавли, хотя насчет предвидения будущего я, может быть, не хуже журавлей. А что касается до свободы передвижения в продолжение моей жизни, то мне так же далеко до этих птиц, как и до способности летать.

[1] Письмо 186 по Гарнье.
[2] Письмо 193 по Гарнье.

«Сначала удерживали меня недосуги по житейским делам, потом непрерывные и сильные лихорадки так изнурили мое тело, что я кажусь себе теперь чем-то таким, что хуже меня самого. Припадки четырехдневной лихорадки более 20 раз повторяли свой круг, и теперь, повидимому освободившись от них, я дошел до такого изнеможения сил, что не отличаюсь в этом отношении от паутины. Всякий путь для меня непроходим, всякое дуновение ветра для меня опаснее, чем сильное волнение для пловцов. Мне необходимо укрыться дома и ждать весны, если не изнемогу от болезни, внедрившейся в мои внутренности».

Но это писал скорее всего какой-нибудь из поздних клерикалов...

В третьем письме к Кандидиану автор сравнивает его с Демосфеном, в четвертом упоминает о Диогене и Клеанфе и т. д.

Большинство писем, имеющихся теперь от имени основателя православной литургии, лучше всего охарактеризовать как *нарядные*, потому что слог их действительно наряден. Вот, хотя бы письмо к матери его ученика Дионисия, в котором он приглашает ее к себе, послав за этим к ней ее сына.[1]

«Есть способ ловить голубей: делают одного голубя ручным и, намазав ему крылья благовонным маслом, пускают летать на воле с посторонними голубями. И благовоние этого масла делает то, что все вольное стадо становится достоянием того, кому принадлежит ручной голубь, потому что и остальные голуби поселяются в его доме.

«Так и я, взявший у тебя твоего сына Дионисия, прежнего Диомида, и умасливши крылья его души божественным ароматным маслом, пускаю его к Твоей Высокостепенности, чтобы заманить ко мне и тебя вместе с ним в гнездо, которое он свил у меня».

В заметке, относимой «ко времени царствования Юлиана»,[2] «Великий Царь» говорит о пределах человеческого познания, в котором интересны зоологические представления автора.

«Кто хвалится, что приобрел знание сущего, должен объяснить природу малейшего из видимых существ и сказать, например, какова природа муравья. Поддерживается ли в нем жизнь дыханием и воздухом? Разделено ли костями его тело? Скреплены ли его суставы? Сдерживается ли положение его жил оболочкою мышц и желёз? Простирается ли его мозжечок по хребтовым позвонкам от верхней части головы до хвоста? Сообщает ли он движение и силу своим членам тканью нервной плевы? Есть ли в нем печень и в печени желчный пузырь? Есть ли почки, сердце, бьющиеся и кровевозвратные жилы *(артерии и вены, по современной терминологии)*, грудобрюшная плева и другие? Гол ли он

[1] Письмо 10 по Гарнье.
[2] Письмо 16 по Гарнье.

или покрыт волосами(?!), однокопытен (?!!) ли или с раздельными ступнями? Сколько он времени живет? Как муравьи рождаются один от другого, и долго ли рождаемое пребывает в чреве? Отчего не все муравьи пешеходы и не все крылаты?

«Кто хвалится знанием существующего, пусть объяснит сперва природу муравья, а потом уже рассуждает о силе, превосходящей всякий ум! А если не объял ты своим ведением даже природу маленького муравья, то как же хвалишься, что постиг своим умом непостижимую силу божию?»

Вот, это уже настоящий апокриф! Такие анатомические подробности, особенно о действии нервов и о кровообращении, едва ли существовали в древности, несмотря на миф о Клавдии Галене, отце всех врачей, «написавшем 500 сочинений по медицине в 20 томах», когда не было еще и бумаги.

Особенно курьезны с нашей точки зрения два письма «От имени императора Юлиана к Великому «Царю», потому что по всей видимости сам же Юлиан и был «Великим Царем», а не какой-нибудь монах. Вот, — первое из них.

Юлиан Царю (Василию). [1]

«Не войну ли возвещаешь»? — гласит поговорка, — а я скажу тебе лучше словами древней комедии: «О, вестник золотых слов!» Приступи же к делу, покажись, как можно скорее, приезжай к нам. Ты истинный друг и придешь к другу.

«Почти непрестанные государственные занятия обременительны только для тех, кто выполняет их по обязанности, но не таковы они для тех, которые прилагают к ним старание, умеренны, благоразумны и вообще надежны во всем.

«Как я позволю сделать себе послабление, когда при нерадивости мне нельзя будет даже и отдыхать! Ведь, как я полагаю, ты уже узнал по опыту, что мы живем не одним придворным лицемерием, благодаря которому тот, кто нас хвалит, иногда больше нас ненавидит, чем прямые недруги. Когда мы даже и порицаем за что-нибудь один другого, мы не меньше уважаем друг друга, чем самые лучшие друзья.

«Пока я не допускаю себе послаблений, я совершаю важные дела, а когда не делаю важных дел и не утомляюсь, то сплю спокойно. Да и бодрствую я не для одного себя, а больше для всех остальных. За эти слова я, может быть, покажусь тебе хвастуном, говорящим вздорно и легкомысленно (ибо я превознес самого себя, как Астидамас!), однако же, как тебя убедит твоя проницательность, я это написал для уяснения нашего будущего, а не для создания какой бы то ни было помехи.

«Итак, поспеши, как сказал, пользуясь государственной дорогой! Когда же пробудешь у нас сколько тебе покажется нужным,

[1] Письмо 39 по старинному греко-латинскому изданию Гарнье.

тогда отправишься обратно, удовлетворенный во всем, как приличествует».

А вот и еще письмо, но уже несколько в другом в роде.

Юлиан Царю (Василию). [1]

«Идя до сих пор навстречу присущим мне с детских лет кротости и человеколюбию, я подчинил своей власти всех живущих под солнцем. К моим стопам повергли дары все варварские племена от Океана до пределов. Теперь подчинились мне и сагадары, обитающие на Дунае, чудесно сложенные, вид которых не похож на человеческий, но совершенно дик. Да и области, которые прилегают к моей империи, обещают сделать то же самое.

«Но не об этом я начал свою речь. Мне надобно как можно быстрее отправляться в Персию, чтоб сокрушить там Сапора, внука Дария, и сделать его данником. Кроме того я должен предать опустошению область обитателей Индии и Саракинов (!) для того, чтобы они первыми согласились платить мне подати. Вероятно, ты не желаешь моей власти над ними, ты, часто повторяющий, что полон благочестия, и с присущим тебе бесстыдством разглашающий повсюду, что я недостоин римской империи. Но не ты ли признал во вне внука могущественного Констанция? Хоть я и узнал кое-что о тебе, все же не отказываюсь от первоначального душевного расположения к тебе, так как я и ты, будучи юношами, имели между собой много общего.

«Теперь я со спокойной и ясной душой приказываю тебе послать мне тысячу фунтов золота, когда я буду проходить через Цезарею, и буду держать свой государственный путь, стремясь как можно быстрее к Персидской войне. А если ты этого не исполнишь, то я уничтожу всю Цезарею, ниспровергну ее древние украшения, восстановлю там храмы и статуи для того, чтобы все были убеждены в необходимости переносить нрав римского императора и не злобствовали.

«Итак, ты пошлешь ко мне безопасно с одним из твоих верных родственников упомянутое золото, взвешенное и отмеренное по кампанскому счету и запечатанное твоим перстнем. Скажу, наконец, то, что тебе надлежит знать. Относительно твоих проступков я решил, что не будет для них у меня снисхождения. То, что я прочел, я понял и осудил».

Не правда ли, читатель, какая тут строгая самокритика, если представить, что это Юлиан писал к самому себе? А вот, и ответ его на свое же письмо к себе.

Царь (Василий) Юлиану. [2]

«Незначительны твои дела, современный баловень судьбы! Поистине бесстыдно то, что ты предпринял против нас, или, ско-

[1] Письмо 40 по изданию Гарнье.
[2] Письмо 41 по изданию Гарнье.

рес, не против нас, а против самого себя *(верно!)* Ведь, я трепещу от гнева, когда мне приходит на мысль, что ты одет в пурпур и что твою позорную голову украшает корона, которая, без благочестия, не превозносит тебя, а, наоборот, пятнает позором». «О, ты, необычайно высокий саном и чрезмерно великий ученый! После того как тебя заманили иудейские демоны — враги всякой добродетели и нравственности, ты начал мыслить не только поверх всякой добродетели и нравственности, ты начал мыслить не только поверх всякой человеческой природы, но даже возноситься головой до самого бога, и наносить обиды церкви — матери и кормилице всех! О, ты, объявляющий мне, ничтожнейшему человеку, чтобы я послал тебе тысячу фунтов золота! Не вес золота смутил мою душу, хотя бы он и был во много раз больше. Я проливаю горькие слезы по причине твоей столь быстрой гибели! Я обдумываю свою и твою деятельность при изучении лучших мест священного писания! Ведь, оба мы развертывали святые и внушенные богом письмена, и тогда ты ничего не возражал. Теперь же ты сделался непристойным, окруженный как укреплением порывистостью своей души. Третьего дня ты узнал от нас, светлейший, что у нас нет жадности к стяжанию богатств, и, однако же, ты просишь у меня тысячу фунтов золота! Захочешь ли пощадить нас, светлейший? Нас, которые обладают столь немногим, чего недостаточно, если бы мы захотели сегодня поесть? Падает у нас искусство поваров и не достигает до крови животных их нож. Лучшая наша пища, к которой мы прибегаем, это листья трав с самым жестким хлебом и прокисшим вином, чтобы наши замершие чувства не обратились к сумасбродству по причине прожорливости желудка.

«Достоуважаемый твой трибун и честный исполнитель твоих поручений, Лаузус, возвестил мне, что к твоей светлости приступила какая-то женщина, сын которой был отравлен ядом, и что вами было твердо решено, чтоб отравителям больше не существовать. Если же они появятся — предавать их смерти. Сохранять только тех, которые будут сражаться со зверями. То, что вами было решено, кажется мне удивительным. Ведь, конечно, смешно, если ты пытаешься страдания от больших ран лечить малыми средствами. До тех пор, пока ты учиняешь по отношению к богу несправедливости, ты напрасно заботишься о вдовах и сиротах. Первое глупо и опасно, второе — человечно и милосердно. Тяжело нам, которые первыми говорят правду императорам. Но еще тяжелее покажется тебе держать ответ у бога. Ведь, никакого посредника не будет между богом и людьми. То, что ты прочел, ты не понял, ибо если бы понял, то, конечно, не осудил бы».

Для чего, читатель, выдумана эта смешная переписка? Не для того ли, чтоб прекратить первоначальные разговоры, что Юлиан и «Великий царь» — одно и то же лицо? Скорее всего — да. А подложность обоих писем доказывается и тем, что в первом письме упоминаются сарацины, как назывались средневековые агаряне. Но особенно интересно с нашей точки зрения письмо, помеченное № 26 в издании Гарнье и датированное 368 годом, в котором по нашим вычислениям произошло столбование Великого Царя перед глубоким лунным затмением в ночь с четверга на пятницу 21 марта 368 года при сопровождавшем его, по евангелиям, землетрясении. Прежде всего обращает здесь внимание очевидное, предумышленное искажение заголовка. Оно надписано: *К Кесарию брату Григория Богослова.*

Само собой понятно, что автор этого письма не мог так обращаться к «Кесарию». Что бы вы сказали, читатель, если бы кто-нибудь из ваших знакомых послал вам письмо с определением вас как брата вашего брата или сестры? Делали ли вы сами что-нибудь такое? И слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы кто-нибудь из ваших знакомых делал что-нибудь подобное, кроме разве в оперетке «Прекрасная Елена», где царь Менелай, рекомендуя себя зрителям, поет: «Я—царь Менелай, муж царицы, славный, славный Менелай?» В древности, когда письма посылались исключительно с оказиями, фамильным определением из вежливости было всегда имя отца, а не брата или сестры. И мы видим, что ни в одном из 359 писем, приводимых в собрании Гарнье, от «Великого Царя» и к нему от других, нет ни одного адресованного таким образом. Уже одно это обстоятельство показывает, что заголовок письма дан издателем тенденциозно, чтобы устранить какое-то иное мнение, существовавшее ранее относительно назначения этого письма.

Ведь, даже в письме к «Юлиану»,[1] которое можно принять за адресованное тому же императору Юлиану, как и № 41, не приведено никакого дальнейшего его определения по отцу или по матери.

Значит, и здесь первоначальный заголовок подлежит еще установлению. Кесарь есть слово адоптированное греками с еврейского наречия арабского языка и по-еврейски оно значит Крепкий, а при переходе на греческий язык получило значение то же самое, что и Василий в первичном греческом языке, т. е. оба слова значат Царь. А Кесарий по-еврейски значит Божий Царь. Отсюда нетрудно заключить, что исследуемое нами теперь письмо было адресовано самому «Великому Царю» (Василию Великому), и переведено на греческий язык с еврейского.

А в таком случае письмо от имени «Великого Царя» (под № 32) к магистрату Софронию, относимое к 369 году, в котором говорится, что Кесарий (т. е. Божий Царь), умирая около 368 года, говорил, как Христос: «хочу, чтобы все мое достояние досталось неимущим», написано не «Великим Царем», а его братом, не верившим, что он воскрес.

Такого рода раздвоения, растроения и даже расчетверения древних знаменитостей, получивших несколько прозвищ, постоянны в древней истории, и мы увидим далее, что не только

[1] Письмо 293 по изданию Гарнье.

люди, но даже кит раздвоился в древней зоологии на двух животных — кита и балену — оттого, что у франков он назывался baleine, а у латынян ceta.

Значит, и 26-е письмо, о котором я говорил выше, адресовано скорее всего самому Великому Царю и, может быть, именно Григорием Богословом. Ведь, мы уже знаем, что в сборнике писем, изданных Гарнье в «Творениях Василия Великого», приводятся письма не только от него, но и к нему. И что же мы тут находим?

Вот это письмо целиком:

«Благодарение богу за то, что он **показал на тебе свои чудеса и спас тебя для отечества и близких тебе людей от такой смерти.** Наш долг не оказаться неблагодарными и недостойными такого великого благодеяния, но по мере своих сил возвестить необычайные дела бога, прославить его человеколюбие, испытанное нами на опыте, и воздать ему благодарение не только словом, но и быть на деле такими, **каковы мы стали теперь, заключая по чудесам, совершившимся на тебе.** Поэтому умоляем всех еще больше поработать богу, увеличивая в себе непрестанный страх перед ним и преуспевая в совершенстве, чтобы показать себя разумными домостроителями своей жизни, для которой сберегла нас благодать бога. Ибо если мы все имеем повеление предоставить себя богу, **как живые от мертвых,** то тем более обязаны к этому те, которые **восставлены от врат смерти?»**

Последние слова находятся и в 9-м псалме (IX, 14), но это еще не решает вопроса, кто у кого их взял. А все содержание письма так соответствует тому, что по нашим вычислениям произошло с «евангельским христом» 21 марта 368 года, что не сблизить его с этими событиями невозможно.

В заголовке письма указывается, что оно написано «по поводу **землетрясения**, разрушившего в 368-м году предместье Константинополя Никею», и это вполне соответствует евангельскому описанию землетрясения во время столбования «Спасителя», когда «завеса дрогнувшего храма разодралась на двое» и «раскрывшиеся гробницы выпустили своих мертвецов, явившихся многим».

Но этим дело еще не кончается.

О великом бедствии следующего года — голоде — говорится в письме «Великого Царя» к Самосатскому епископу «Евсевию». [1]

«У нас не миновал еще голод, и мне необходимо оставаться в городе для снабжения нуждающихся и из сострадания к бедствующим. Вот почему я и не мог выступить теперь в путь вместе с достопочтеннейшим братом Всевышним Божиим (Ипатием), которого могу назвать братом не только в похвалу, но и по естественному родству между нами».

Читатель видит сам, что как бы мы ни смотрели на это

[1] Письмо 30 по изданию Гарнье.

письмо и на предшествовавшее ему у нас 26-е, но факт землетрясения в 368 году в Царь-Граде и в Малой Азии здесь устанавливается довольно хорошо. И это было, конечно, то землетрясение, которое по специальному рассказу в «Житиях Святых» остановило императора Валента в его решении казнить «Великого Царя» в 368 году. И это же обстоятельство делает очень вероятным, что и 26-е письмо было адресовано не к «Кесарию, брату епископа Григория Богослова», а к «Василию (тоже «Царю») и брату епископа Григория». Перефразировка адреса была сделана, можно думать, умышленно уже после того, как «евангельский Христос» был отделен от своего двойника — четьи-минейского «Великого Царя».

При таком словопроизводстве и евангельский Иерусалим скорее всего отожествляется с Кесарией, где жил Великий Царь, а сама Кесария смешивается с Царь-Градом, так как Кесария и значит Город Кесаря, откуда немецкое слово Кайзер, и латинское цезарь, сокращенное русскими в «царь».

Я привел здесь несколько писем Великого Царя, которые мне кажутся наиболее заслуживающими внимания, вроде цитирующего Гомера или рассуждающего о муравьях. Да и из остальных писем, приписываемых «Великому царю», большинство обнаруживает признаки идейного или документального анахронизма.

К таким принадлежат содержащие монастырские уставы, и все цитирующие библейские пророчества, которые, по моим вычислениям, возникли много позднее IV века, а также и все, содержащие выдержки из посланий апостола Павла и из евангелий.

II. — Беседы «Великого Царя» о мироздании

Самым интересным и, можно сказать, основным произведением, написанным от имени «Великого Царя» (он же цезарь Юлиан Отступник, евангельский Христос), считаются его беседы «На шесть дней творения», т. е. о первой главе книги «Бытие».

Но их слог весь дышит очень поздним средневековьем, и в них постоянно ссылаются на послания Павла и на псалмы, совершенно так же, как и современные церковнослужители кладут эти произведения в основу своих проповедей.

«Какое ухо будет достойно великости повествуемого мною сейчас? — начинает автор свою беседу о первом дне творения. [1] — С каким приуготовлением надобно приступать душе к слушанию таких предметов? Ей должно быть чистою от плотских страстей, не омраченною житейскими заботами, трудолюбивою, исследующею, вникающею во все, из чего только можно получить понятие о боге, достойное его».

«*В начале сотворил Бог небо и землю*». Изумительность этой мысли сковывает мои слова! О чем говорить прежде? С чего

[1] Беседа I.

начать толкование? Обличать ли суетность язычников? Возвеличить ли истинность нашего учения?»

Скажите сами, читатель похож ли витиеватый слог этого сочинения на слог средневековых писателей? Что тут общего? А вот, и далее, типичные идеи позднего средневековия или даже Эпохи Возрождения!

«Греческие мудрецы много рассуждали о природе, и ни одно из их учений не осталось твердым. Последующие учения всегда ниспровергали предшествовавшие им... Одни причину всех вещей приписывали стихиям мира, другие представляли себе, что **природу видимых вещей составляют атомы, т. е. неделимые тела,** а также тяжесть и скважность; они думали, что зарождение и разрушение сложных тел происходят, когда неделимые тела взаимно сходятся, и разлучаются, а в телах, существующих долее других, **причина продолжительного существования заключается в крепчайшем сцеплении атомов...»**

«По-истине ткут паутину те, которые пишут это *(неожиданно продолжает автор, изложив современные нам химические представления и впадая в слог проповедников XIX века),* которые предполагают такие мелкие и слабые начала неба, земли и моря! Они не умели сказать: «*вначале сотворил Бог небо и землю*»...

«К какому концу приводят нас геометрия, арифметические способы исследования объемов и пресловутая астрономия, эта многопопечительная суета, если изучавшие такие науки дошли до заключения, что видимый нами мир безначален и совечен творцу всего — богу?...» «Но они, вымерявшие расстояния звезд, описавшие всегда видимые северные звезды, а также и звезды около южного полюса, видимые лишь живущим там *(опять послемагеллановские представления!),* разделившие на тысячи частей и северную широту, и зодиакальный круг *(эклиптику),* с точностью наблюдавшие возвращение планет, их стояния, склонения и общее движение к прежним местам, а также время, в какое каждая из планет совершает свой кругооборот, — не нашли они только способа уразуметь бога, творца вселенной и праведного судию!»

«*В начале сотворил бог небо и землю*». Было, вероятно, нечто и прежде этого мира, но оно, хотя и постижимо для нашего разумения, не введено в повествование, как несоответствующее силам младенцев разумом. Это было некоторое состояние, приличное предмировым силам, превосходящее время, вечное. В нем-то творец и зиждитель всего и совершил свои создания.

«*В начале сотворил бог небо и землю*». Но начало есть нечто непротяженное. Начало пути еще не путь, и начало дома еще не дом. Так и начало времени еще не время... Придумывать начало для начала смешно, и кто начало делит на две части, тот из одного делает два начала и сделает таким способом и бесконечное число начал. В обозначение этого древние (?!) толкователи сказали: «мгновенно сотворил бог небо и землю», т. е. не во времени».

(Отметим, что в Библии нечто похожее на это имеется только в переводе Аквиллы [1]).

«*В начале сотворил бог небо и землю*». Двумя крайностями обозначена здесь сущность вселенной... Но все находится во всем. И в земле найдешь ты и воду, и воздух, и огонь, и из железа, которое ведет начало из земли, при ударах блещет неистощимый огонь. Достойно удивления, каким образом существующий безвредно в телах огонь, будучи вызван из них наружу, делается истребительным для тел, хранящих его в себе. Относительно того, что в земле есть и водное естество, доказывают копатели колодцев, а о находящемся в ней воздушном естестве свидетельствуют пары, выходящие из влажной и согретой солнцем земли.

Относительно же сущности неба достаточно сказано у Исаии в словах: «Утвердил он небо, как дым (Ис., LI, 6)».

«Я советую тебе не доискиваться, на чем лежит земля, так как мысль придет в кружение от того, что рассудок не найдет тут никакого несомненного предельного фундамента»... «А потому и спрашивающим нас, на чем опирается огромный и ничем не поддерживаемый груз земли, — надо отвечать: «в руце божией концы земли (Ис., ХС, 1)». Эта мысль самая безопасная для нас, а для слушающих полезная».

«Впрочем, некоторые естествоиспытатели остроумно доказывают, — прибавляет автор, — что земля пребывает неподвижною, потому, что заняла среднее место в мире, и окружающее ее повсюду равенство делает совершенно невозможным движение ее куда-нибудь. Ведь, все тяжести с краев необходимо устремляются к средине, а потому и словом *низ* обозначается *средина*. Поэтому не дивись, что земля никуда не падает из средины мира».

То же самое можно сказать и о небе.

«Одни мудрецы, как Платон, говорили, что оно сложено из четырех стихий: земли, воды, огня и воздуха, а другие, как Аристотель, в состав неба ввели пятое телесное вещество, какое-то *эфирное тело*, которое не движется ни вверх, ни вниз, но вращается кругообразно *(это уже вихри Декарта!)*. Но, предоставив философам низлагать друг друга, мы лучше просто прославим наилучшего художника, премудро и искусно сотворившего мир... и воздадим должную хвалу творцу, которому честь и слава, и держава во веки веков! Аминь».

Такова сущность первой беседы, из которой я выписал в этих немногих цитатах все существенное, так как они прекрасно обрисовывают средневековое представление о небе и о земле. Мы видим, что автор здесь уже слыхал о шарообразности земли, но только не решается сказать этого, боясь разойтись с Библией.

Во второй беседе, относящейся к концу того же самого «Первого дня вселенной», автор главным образом пытается истолковать сотворение богом света ранее сотворения Солнца.

---

[1] По нему читаем: 'Ε Κεφαλαίω 'Εποιησε ὁ θεός τον ὀνρανόν καῆ τῆν γῆν.

«Если в первый день творения бог создал свет, то ранее, — говорят философы, — был мрак, который, следовательно, не сотворен богом, а сосуществовал ему, как противоположное начало, потому что бог есть свет, по евангелию Иоанна».

От такого явно неопровержимого вывода автору этих толкований пришлось, повидимому, так туго, что ему ничего не осталось, как выйти, подобно обычным митинговым ораторам, из затруднения не спокойным рассуждением, а пылкостью своих чувств.

«О, какие волки, — восклицает он, — устремлялись на человеческие души, ведя свое начало от этого краткого слова — мрак! Не отсюда ли Маркионы? Не отсюда ли Валентинианы? Не отсюда ли мерзкая ересь манихеев, которую если кто назовет гнилью в церкви, не погрешит в приличии! Для чего, человек, бежишь ты вдаль от истины, измышляя поводы к собственной погибели? Сказано: «земля была невидима». Какая же тому причина? Та, что земля имела **над собою** распростертую бездну. Что же это за бездна? Это множество воды, в котором невозможно достать нижнего предела. Почему же ни одна часть земли не показывалась в водах? Потому что разлитый над водою воздух был еще не прозрачен, а темен». «Итак, мрак не какая-нибудь первичная лукавая сила, противопоставляемая добру. Это видоизменение в воздухе, произведенное отсутствием в нем света

И бог сказал: «да будет свет!» Это повеление создало природу света, разогнало мрак *(т. е. сделало воздух прозрачным для глаза)*, рассеяло уныние, развеселило мир, всему дало вдруг привлекательный и приятный вид. Открылось небо, прикрытое дотоле тьмою. Открылась красота его, о которой и теперь свидетельствуют взоры. Озарился воздух, вернее сказать, растворил во всем своем объеме свет... Такова природа воздуха: она тонка и прозрачна, и проходящий через него свет не имеет нужды ни в каком протяжении времени, и не во времени *переносит воздух наше зрение к видимым предметам*». После сотворения солнца, день есть освещение воздуха солнцем, сияющим в надземном полушарии ее, а ночь есть покрытие земли ее тенью. Но тогда (до сотворения солнца) первобытный свет то разливался по воздуху, то опять сжимался, производя этим день и ночь, а состояние мира, предшествовавшее сотворению света, было не ночь, а тьма».

В собеседовании о втором дне творения автор касается и структуры неба, сообразно учению Птолемея.

«Есть, — говорит он, — между греческими мудрецами и такие, которые говорят, что небес и миров бесчисленное множество». «Но мы посмеемся над их чертежною мудростью и ученым пустословием относительно последнего мнения. Так смешно их понятие о невозможном! Но мы далеки от мысли не верить второму небу и ищем даже третьего, которое видел блаженный Павел *(II Коринфянам, XII, 2)*. Псалом, говорящий о небесах небес *(Пс., CXLVIII, 4), а не Птолемей...* дал мне мысль и о боль-

шем числе. И это нисколько не страннее тех семи кругов, по которым, как почти все единогласно признают, обращаются семь планет и которые приноровлены друг к другу на подобие обручей, вложенных один в другой *(Иезек, I)*, и которые, двигаясь противоположно вселенной, издают какой-то гармонический звук, превосходящий своею приятностью всякое песнопение».

«Мы говорим только, что второе небо отлично от сотворенного вначале, оно имеет более плотное *(чем дым)* естество и служит во вселенной для особого употребления. «И разделил бог воды под твердью от вод над твердью» *(«Бытие», I, 6, 7)*,—говорит Моисей о втором дне творения».

«Нас спрашивают: если тело тверди небесной, как показывает зрение, шарообразно, то как возможно удержаться на ней воде? — Что ответить вам на это? — Только то, что если с внутренней стороны мы видим что-либо куполообразно, то это еще не значит, что и внешняя поверхность такова же. Мы видим снизу в банях каменные своды, а вверху над ними они часто имеют ровную поверхность».

Переходя затем к земной поверхности, автор описывает ее большею частью прямо по «Метеорологии Аристотеля» (кн. I, 13).

«С востока течет река Инд, которую описатели земной окружности признают самым большим потоком из всех речных вод. Оттуда же, но ближе, текут Бактр *(Урал?)*, Касп *(Волга)* и Аракс, отделившийся от которого Танаис *(Дон)* вливается в Меотийское озеро *(Аральское море)*. Кроме них Фазис *(Рион)*, вытекающий из Кавказских гор, и множество других рек к северу стремятся в Евксинский Понт *(Черное море)*. На Западе из Пиринейских гор выходит Тартес *(Гвадалквивир)* и Истр *(Дунай, смешанный с Днестром)*, из которых первый впадает в море за Столбами *(Гибралтаром)*, а последний, протекая через Европу,— в Евксинский Понт *(Черное море)*.

К чему перечислять другие реки, порожденные Рифейскими горами *(Альпами)*, лежащими за внутренней Скифией? В числе их Родан *(Рона)* и множество других, даже судоходных, которые, омывши страны западных галлов, кельтов и соседних с ними варваров, вливаются в Западное Море. Другие текут с юга из верхних стран через Эфиопию, одни входят в наше море, другие в море, неизвестное мореходам. Таковы Егон, Низис Хреметис, и сверх того Нил, который не похож даже на реку, когда подобно морю наводняет Египет. Так, вся часть населенной нами земли объемлется водою». «Воздушная же вода образуется парами, какие дают от себя реки, источники, болота, озера и все моря».

«*Да соберутся воды в одно место*»—псевдообъясняет автор в своем собеседовании о третьем дне творения[1] образование Средиземного моря и удивляется удачности этой библейской фразы. — «Что воспрепятствовало бы иначе Красному морю навод-

[1] Беседа 4-я.

нить собой весь Египет, который в сравнении с ним составляет впадину? А что Египет ниже Красного моря, в этом убедились хотевшие соединить через него между собою Красное море с Египетским *(Средиземным)*. По этой причине отказались от своего предприятия и египтянин Сезострис, начавший дело, и Дарий, хотевший его докончить». «Еще не было тогда, — оканчивает он, — моря за Гадесом и того великого и страшного для мореплавателей моря, которое омывает Британский остров и землю Западных Иберийцев» (португальцев). «Все моря теперь составляют одно, **как повествуют путешествовавшие кругом земли (!)**».

Кто же это путешествовал кругом земли по морям в IV веке! ?— спрошу я вас, читатель. Одного этого места достаточно для убеждения в очень позднем происхождении такого апокрифа.

В беседе на вторую часть «Третьего дня творения», [1] когда, по книге «Бытие», были созданы растения, автор восхваляет сначала их врачебные свойства:

«Мандрагорою врачи наводят сон, опиумом успокаивают жестокие боли в теле, болиголовом — ярость вожделений, чемерицею искореняют многие застарелые болезни. Удивляешься разделению некоторых растений на мужские и женские особи. И ты можешь видеть, как финиковое дерево женского пола, — по словам садоводов, — опуская свои ветви, как будто, возбуждено вожделением и желает мужских объятий. Садовники бросают на эти ветви нечто с мужских деревьев, называемое у них фэнес (цветочная пыль), и вот женские деревья снова выпрямляют свои ветки и многолиственные их вершины приходят в прежний вид. То же самое рассказывают и о смоковницах», — дополняет автор, обнаруживая этим, что сам он жил в местах, где не растет смоковниц.

«Сколько различий и в цветах!» — восклицает он далее. — «Ты можешь видеть на лугах, как та же самая вода в одном цветке румяна, в другом багрова, в том голуба, а в этом бела. И еще более разности представляет она в запахах. Но я вижу, что мое слово от ненасытного желания все обозреть, переступает меру, и если я не наложу на него уз, то не достанет у меня и целого дня для изображения перед вами великой мудрости, скрытой в самых маловажных предметах».

В беседе на четвертый день творения [2] автор объясняет происхождение небесных светил.

«Как в городах, — говорит он, — берут за руку и всюду водят не бывавших в них людей, так и я поведу вас в сокровенные чудеса великого города, в котором было наше древнее отечество и из которого изгнал нас человекоубийца-демон своими приманками».

«Не представляй себе, что свет луны—заимствованный, потому что она ущербает, приближаясь к солнцу, и опять возрастает, удаляясь от него. Она сама постоянно облекается светом и совлекает его с себя, и это удостоверяется тем, что солнце, приняв однажды свет, и растворив его в себе, не отлагает его более».

[1] Беседа 5-я.
[2] Беседа 6-я.

«Для человеческой жизни необходимы указания светил, и если кто ищет не через меру много в их знамениях, то при долговременном наблюдении найдет полезные предметы... Когда окружают солнце так называемые венцы, это служит признаком или множества воздушной воды, или сильных ветров, а побочные солнца бывают знаком каких-нибудь воздушных перемен. Если трехдневная луна тонка и чиста, это предвещает ясную погоду, а если она является с толстыми рогами и красноватою, то это угрожает обилием воды из облаков и сильным южным ветром.

«Кто не знает, сколько полезного доставляется такими указаниями? Пловец, предусматривая опасности от ветров, может удержать в пристани свою ладью... Земледельцы, занимающиеся посевами и ухаживанием за растениями, могут заключать о своевременности того или другого дела... А знамением кончины вселенной будет, когда солнце обратится в кровь, и луна не даст своего света *(Матвей, XIV, 29; Иоил, II, 3)*.

Но переступающие эти границы обращают изречения Моисея *«да будут светила в знамения» («Бытие», I, 14)*, в защиту науки о днях рождения, и говорят, что жизнь наша зависит от движения небесных светил». «Они разделили Зодиакальный круг на 12 частей, каждую двенадцатую часть разделили на 30 *(градусов)*, каждую 30-ю часть на 60 (*угловых минут*) и каждую 60-ю на 60 (*угловых секунд*)».

Читатель, хоть немного знакомый с астрономией, сам видит, что разделение эклиптикального круга на секунды не могло быть осуществлено ранее изобретения Галилеем маятниковых часов. Даже и дуговых минут нельзя отметить никакими гномонами без современных оптических приборов, а не только секунд. *Все это место—явный апокриф после-галилеевских времен.* Но будем читать и далее.

«Тому, кто хочет вывести гороскоп, необходимо с точностью знать, не только в какой из 12 зодиакальных частей были планеты во время рождения человека, но и в какой тридцатой их доле и в какой шестидесятой доле среди этих тридцатых долей и в какой шестидесятой доле среди этих шестидесятых долей. «Смешны те, которые трудятся над такой несостоятельной наукой!»

«Родившийся под созвездием Тельца, — говорят они, — будет терпелив в трудах и раболепен, как вол, носящий ярмо. Родившийся под созвездием Скорпиона будет удачлив, как это животное. Родившийся под созвездием Весов правдив, как они... Что может быть смешнее этого? Ведь, Весы и Телец — только двенадцатые части Зодиакального круга. Как же ты даешь небу отличительные признаки, взятые от скотов, родящихся на земле? Родившийся под Овном, по вашему, щедр не потому, что такой нрав производит часть неба, но потому, что таково свойство овцы. Как же ты страшаешь нас правдивостью звезд, а доказываешь ее блеянием овец?»

Рис. 152. Остатки астрологии в астрономии XIX века. «Великий Царь» как Змиедержец. *(Из «Астрономии» Фламмариона.)*

Рис. 153. Остатки астрологии в астрономии XIX века. «Великий Царь» как Геркулес, избивающий змей, приютившихся в цветочном кусте. *(Оттуда же.)*

Рис. 154. Остатки астрологии в астрономии XIX века. Орион-Быкоборец, первоисточник мифов о Митре *(Из «Астрономии» Фламмариона.)*

Рис. 155. Остатки астрологии в астрономии XIX века. Символ Христа, созвездие Овна, и анаграмма Христа, созвездие Рыбы (по-гречески, ΙΧΘΥΣ, т.е. Іисус Христос Θеу Ийое Сотер = Иисус Христос, Божий Сын Спаситель).

Читатель, хоть немного знакомый с историей астрологии, сейчас же увидит, что это уже не идеи IV века, в котором и после которого нераздельно господствовала у языческих и христианских писателей астрология (рис. 152—155), а идеи Эпохи Возрождения, когда сама христианская доктрина начала уже ослабевать. Эти толкования на «Шесть дней творения» писал не «Великий Царь», а какой-то другой Василий, которого надо разыскивать никак не ранее XVI века нашей эры. И это еще более подтверждается дальнейшими местами рассматриваемой главы, где автор говорит о верхнем и нижнем полушариях земли, и считает ее не только шарообразной, но и ничтожной в сравнении с солнцем и луной.

«В какой части неба ни бывают солнце и луна, они отовсюду с Земли представляются людям равными, и это служит ясным доказательством их чрезвычайной величины *(и соответствующей громадности расстояния)*, перед которым широта земли ничего не значит и ничего не может сделать для того, чтобы они показались меньшими или большими. Предметы, далеко отстоящие, мы видим малыми, но чем ближе подходим к ним, тем большею находим их величину. А в рассуждении солнца никто из нас не ближе и никто не дальше. Всем обитателям земли оно представляется в равном расстоянии. И индусы, и британцы видят его одинаковым. Для живущих на востоке, оно не бывает меньшим при своем захождении, и для живущих на западе, оно не кажется меньшим, когда восходит. Ты не обманывайся тем, что солнце для смотрящих представляется величиной в локоть. На больших расстояниях величина видимых предметов обыкновенно сокращается, потому что сила зренья как бы поглощается средою и только малою частью прикасается к видимым нами предметам». «Если ты смотрел когда-нибудь с вершины высокой горы на обширную и низкую равнину, какими представлялись тебе запряженные волы? Каковы были сами земледельцы? Не казались ли они тебе в виде муравьев?»

«Ясным признаком солнечной громадности служит для тебя и следующее. Явившееся на горизонте солнце или даже только ожидаемое, не успеет оно встать совершенно над землею, как тьма уже исчезла, звезды померкли, и воздух, дотоле сгущенный и сжатый около земли, разжижается и делается текучим».

«Но при такой величине земли, как могло бы солнце в одно мгновение времени осветить ее всю, если бы посылало лучи не из великого круга? И о луне ты представляй себе нечто подобное сказанному о солнце. И ее тело велико и после солнца самое светлое. Премудрый создатель имел какую-нибудь тайную причину разнообразного изменения видов луны, ибо сказано: безумный изменяется как луна» *(Сирах, XXVII, 11)*.

«Думаю, что лунные перемены имеют не малое влияние на устройство животных и растений. Если с ущербом луны они делаются тонки и тощи, то при возрастании луны, они опять полнеют, потому что луна сообщает им какую-то влажность, растворенную с теплотою и проникающую во внутренность. Доказывают это те, которые спят на лунном свете и у которых головные пустоты наполняются от нее излишнею влагой. Ничего этого луна не могла бы изменять вместе со своим изменением, если бы в ней, согласно со свидетельством писания, не было чего-то особенного и превосходного по силе».

«Западное море *(Атлантический океан)* подвержено приливом и отливам, как будто бы луна отвлекает его назад своими вдыханиями и гонит своими выдыханиями до соответственной высоты... Поэтому измеряй луну не глазом, но рассудком, который при открытии истины гораздо вернее глаза. Повсюду распространились смешные басни — бред пьяных старух, — будто бы луна, сдвинутая со своего основания чьими-то чародействиями, падает теперь на землю. Каким образом чародей сдвинет ту, которую основал сам Всевышний? Да и где поместится она, упавшая с неба»?

В седьмой беседе автор от имени «Великого Царя» говорит о возникновении в пятый день творения животных. Над его наивным разделением их на роды и на виды, конечно, посмеется современный зоолог, но все же и это место дышит пред-линнеевским временем.

«Где бы ни была вода, в болотах или в тинистых местах, она не остается бездейственною и не участвующею в размножении тварей, потому что нет сомнения, что из воды возникли жабы, мошки и комары. Всякая вода спешила исполнить повеление зиждителя.

«Хотя некоторые из водных животных имеют ноги и могут ходить — каковы тюлени, крокодилы, бегемоты, жабы и раки — но им свойственнее плавать, почему и сказано: да изведут воды гадов и душ живых.

«Чего не включается в этом повелении зиждителя? Какая порода опущена в этих словах? Не включены ли сюда живородящие, каковы тюлени, дельфины, гнюсы и подобные им хрящеватые рыбы? Не включены ли сюда мечущие икру, каковы почти все породы твердочешуйчатых рыб, спабженных и неснабженных перьями?.. В груди у нас есть легкие, наполненные пустотами и скважинами, и грудобрюшная преграда, которая через расширение груди принимает в себя воздух и проветривает и прохлаждает наш внутренний жар, а у них есть расширение и сжатие жабер, принимающих и выпускающих воду взамен дыхания». «К одному роду принадлежат черепокожные, например, раковины, морские гребешки, улитки, веретенки и тысячи разнообразных устриц. Другой род составляют твердочерепные, например, крабы, раки и тому подобные; к третьему роду слизняки, имеющие мягкое и губчатое тело, полипы, каракатицы и им подобные, между которыми тоже бесчисленные различия, ибо драконы, мурены, угри, водящиеся в илистых раках и болотах, по природе своей более приближаются к ядовитым пресмыкающимся, чем к рыбам». «Живых детей рождают вьюны и мокрицы, и вообще хрящева-

тые животные (!), а также киты, дельфины и тюлени, которые, по рассказам, снова прячут в своем чреве новорожденных детей, если их чем-нибудь напугают».

«Не могу умолчать о лукавстве полипа, который всякий раз принимает цвет камня, к которому присасывается, почему многие рыбы, без опасения приближаются к нему, как к камню и делаются добычею хитреца». «Киты знают определенное им природою местопребывание и, заняв море, лежащее вне обитаемых стран, за которым нет уже никакой твердой земли и потому не судоходное, уподобляются своею величиною, как рассказывают очевидцы, величайшим горам». «Таковы животные в Атлантическом море, созданные на страх и ужас нам. Но если ты слышишь, что малейшая рыбка, прилипушка, останавливает величайшие корабли, несущиеся на полных парусах при хорошем ветре и долгое время держит корабль неподвижно, как будто им пущены корни среди моря, то не имеешь ли ты в этой малой рыбке доказательства могущества творца?» «Страшны рыбы-мечи, рыбы-пилы, рыбы-молотки, акулы и балены (!), но не менее страшно жало даже мертвой рыбы-пилохвоста и ужасна рыба пинагорь, приносящая в воде скорую и неизбежную гибель. И этим творец хочет приучить тебя к бдительности, чтобы ты не надеялся на него одного, но и сам избегал причиняемого ими вреда».

Читатель моей книги сам видит, что гренландский кит здесь раздвоился. Его франкское название balaine отделилось в особую рыбу, от латинского имени ceta. Чему же удивляться, если то же случилось и с людьми, которые по своей знаменитости уподобились китам?

«Почему бог и птиц произвел из воды? — спрашивает автор во второй беседе о пятом дне творения[1] и отвечает, к неудовольствию современного авиатора (признающего у птиц совсем иной принцип передвижения, чем у рыб) и современного зоолога (отделяющего птиц совсем в другой класс от рыб): «Потому что как рыбы рассекают воду посредством движения плавников и делают повороты посредством хвоста, так и в летающих можно видеть, что они подобным же образом плавают по воздуху на крыльях».

«Некоторые, — продолжает он, — **уже пытались** составить свою **классификацию**, чтобы **по неупотребительному до тех пор и новому наименованию, как по клейму, можно было распознавать свойство каждой породы.** Одних летающих они назвали *разрезистоперыми*, каковы орлы, других *кожекрылыми*, каковы летучие мыши, других *перепончатокрылыми*, каковы осы, других *жесткокрылыми*, каковы жуки, родящиеся в каких-то мешечках (т. е. в куколках) и, после разорвания их, летающие свободно. Но для нас достаточно употребленного в писании разделения их на чистых и нечистых *(т. е. таких, каких можно есть и каких есть нельзя)*».

[1] Беседа 8-я.

Читатель видит, что приведенная тут классификация летающих животных, если и не прямо линнеевская, то во всяком случае ее канун.

«Пчелы, — продолжает автор, — за всякое дело принимаются по распоряжению своего царя *(а не царицы, как теперь)* и его чиновника. И царь у них не избирается по числу голосов (ибо безрассудство народа часто поставляло начальником худшего) и не по жребию получает власть (ибо неразумная случайность жребия нередко вручает могущество самому последнему) и не по родовому преемству возводится на царство (ибо такие цари от роскоши и ласкательства в детстве всего чаще других бывают несведущи и не приучены ни к какой добродетели). Царем у них делается тот, который от природы превосходит всех величием и кротостью нрава».

«А если кто выколет глаза детям ласточки, то она имеет врачебное искусство, посредством которого возвращает зрение своим детям».

«Есть морская птица, зимородок, вьющая гнездо у самых берегов на песке среди зимы, когда от частых и сильных ветров море выплескивается на сушу. Но ветры умолкают, и волна не движется, пока в течение семи дней эта птица сидит на яйцах, и еще семь дней, пока выращиваются ее птенцы. Это знают все мореплаватели, почему и называют такие дни зимородковыми».

(Не трудно видеть, что повод к этому мифу дали семь альционических дней перед зимним солнцестоянием и столько же после него, когда звезда Альциона в «Плеядах» или «Утиное гнезде» кульминирует в полночь и видна от вечера до утра.)

«Многие породы птиц не имеют нужды в сообщении с самцами для зачатия. Таковы коршуны, живущие несмотря на такое рождение до ста лет, и это ты возьми на замечание, когда увидишь насмехающихся над нами и говорящих, будто невозможно и несовместно с природою родить девице, сохранив при этом свое девство».

«Недостает мне дня, чтобы пересказать вам воздушные чудеса. Нас призывает суша и хочет показать нам зверей, гадов и скотов».

«*Да произведет земля живую душу*», — начинает автор свою беседу и о шестом дне творения[1] библейскими словами. «И земля не только производит кузнечиков в дождливое время и тысячи других пернатых, носящихся по воздуху, из которых большая часть по своей малости не имеет имени, но из себя же дает мышей и жаб». «Мы видим, что угри не иначе образуются, как из тины. Они размножаются не из яйца и не каким-либо другим способом, но получают свое происхождение из земли».

«Душа всех бессловесных одна и та же, потому что у них единственный признак — бессловесие, но каждое животное отличается различными свойствами: вол — стоек, осел — ленив, кон

[1] Беседа 9-я.

горяч в вожделении другого пола, волк не делается ручным, лисица лукава, олень боязлив, муравей трудолюбив, собака благодарна и памятлива в дружбе, лев, как царь бессловесных, по своему природному высокомерию не терпит себе равных и потому склонен к одинокой жизни. Медведь неповоротлив и своеобразен нравом, он глубоко скрытен и коварен. Он облечен в такое же тело, тяжелое, плотное, не имеющее суставов, приличное холодному зверю, живущему в берлоге. Рождающийся львенок, говорят, сперва растерзывает когтями материнскую утробу, а потом выходит на свет, и ехидны рождаются, прогрызая утробу своей матери и тем воздавая ей должное. Медведица, когда ей нанесены самые глубокие раны, лечит сама себя, затыкая язвины растением коровяком, имеющим свойство сушить. Лисица исцеляет себя сосновой смолой. Черепаха, наевшись ехидниного мяса, избегает вреда от ее яда, употребив, как противоядие, траву душицу. И змея вылечивает себе больные глаза, наевшись волошского укропа».

«*И сказал бог: сотворим человека...*

«Какой кузнец, плотник или сапожник, сидя один с орудиями своего ремесла, если никто не разделяет с ним труда, скажет сам себе: выкуем нож, сколотим плуг, или сошьем башмак? Не молча ли окончит он начатую работу? Слышишь, христоборец! Речь обращена к участвующему в мироздании, к тому, кем бог сотворил и самые века *(т. е. к сыну божию)*».

Так оканчивается эта энциклопедия средневекового теологического представления о мире и его возникновении. В коротких извлечениях я привел из бесед подложного «Великого Царя» «О шести днях творения» почти все существенное, останавливаясь специально на своеобразном.

Признать в этих беседах действительные публичные лекции кого-нибудь, конечно, невозможно: это чисто литературное произведение и притом писанное человеком уже поздней эпохи, а никак не во время преемников Константина I.

III. Общие выводы.

Таковы же, но много слабее и неинтереснее, и остальные произведения, приписываемые «Великому Царю», каковы «Беседы на псалмы», «30 глав о Святом Духе», «34 главы монашеских уставов» и т. д., все целиком носящие характер очень позднего времени, позднее Эпохи Ренессанса.

Из дальнейших астрономических и физических мест я приведу лишь толкование «На XIII главу пророка Исаи».

Автор в нем цитирует по греческому переводу то место этой главы (XIII, 9), где говорится: «Вот, пришел лютый день бога-Громовержца с гневом и пламенной яростью... Звезды небесные и Орион и все украшения небесные не дадут от себя света. Помрачится солнце при своем восходе и луна не даст света».

«Известно, — говорит автор, к великому удивлению современного астронома, — что Орионом писание называет сочетание 22 звезд, которое иные называют Волопасом (?!). Опытные астрономы говорят, что четыре из них принадлежат к третьей величине, девять к четвертой и остальные девять к пятой. Это собрание звезд находится в северной части неба и оно-то в писании и названо Орионом (!?). Писание упоминает и об Арктуре. Это желтоватая звезда, которую мы видим между частями Ориона».

Все это описание, как видит сам читатель, не оставляет никакого сомнения, что автор действительно считает за Ориона созвездие Волопаса, находящееся именно в северном полушарии неба, тогда как Орион находится на экваторе и на противоположной гемисфере от нынешнего Волопаса.

Как это понимать? За доказательство ли невежества автора в астрономии, или за то, что в средние века действительно путали Волопаса с Орионом, Арктура с Сириусом и обратно? Мне кажется, что это место не описка, а отголосок действительно существовавшей путаницы имен.

«Упоминаются в Писании, — говорит автор далее, — и Плеяды, а языческие писатели, очевидно, выведали их тайну у евреев. В них мы видим семь, а не шесть, как думают некоторые, скученных между собою звезд, расположенных в виде треугольника».

«Писавшие о мире, — рассуждает автор в IX беседе о шести днях творения, — много говорили о фигуре земли. Что она такое? Шар ли, или цилиндр, или круг, одинаково обточенный со всех сторон, или блюдо, имеющее впадину посредине *(где Средиземное море)*?».

«Но я, — заканчивает автор, — не соглашусь признать повествование Моисея о миротворении заслуживающим меньшего уважения только потому, что он не рассуждал о фигуре земли, не сказал, что ее окружность имеет **180 тысяч стадий**, не вымерял, **насколько простирается в воздухе земная тень**, когда солнце идет под землею и как эта тень, падая на луну, производит ее затмения. Я лишь только более прославлю мудрость того, кто не затруднил такими мелочами нашего ума. И этого, мне кажется, не поняли те, **которые по своему разумению, вознамерились придать большую важность священному писанию какими-то его приноровлениями к новейшей науке.** Это значит считать себя мудрее Святого Духа и под видом толкования вводить собственные мысли».

Когда же были эти приноровления Библии к науке?

Уж никак не в четвертом веке!

При объяснении некоторых физических явлений автор «Третьей книги о Св. Духе», входящей в произведения «Великого царя» (еще не знающего камеры-обскуры) говорит:

«Принимаем ли мы в себя через глаза образы видимых вещей? Как в малом размере нашего зрачка помещается изображение величайших гор, изображение неизмеримой земли, беспре-

52 Зак. 66

дельного моря и даже самого неба? Или наш глаз испускает из себя нечто к видимым предметам, чтоб получить их ощущение? И как велико это нечто, делающееся путем саморасширения достаточным для земли и моря, проходящее сквозь пространство между небом и землею, касающееся самого неба и движущееся с такою скоростью, что в одно и то же время познаются им и близлежащее тело и звезды на небе?»

«Что такое голос бога на водах?» — спрашивает он, толкуя это выражение в 28 псалме.[1] — Разуметь ли нам здесь, что сотрясенный воздух достигает до слуха того, к кому направлен голос, или представление это более сходно с тем, какое бывает во сне, причем и без сотрясения в воздухе мы удерживаем в памяти некоторые слова, потому что они напечатлены в самом нашем сердце? Подобным этому должно представлять и тот голос божий, который бывает к пророкам... А если искать здесь чувственного смысла, то можно сказать, что всякий раз, когда облака, наполненные водою, издают, сталкиваясь между собою, звук и треск *(грома)*, они имеют голос бога. Гром происходит, когда некий сухой и сильный газ, заключенный в пустотах облака и с напряжением вращающийся в них, ищет выхода вон. Облака, как надутые пузыри, не смогут противиться этому газу и удерживать его в себе. Будучи сильно распираемы им, они вдруг выпускают его из себя и этим производят громовые удары и молнию. А может быть здесь *(в псалме 28-м)* это сказано в смысле таинственном? Мы знаем, что при крещении Иисуса возгремел свыше голос, говоря: «Это сын мой возлюбленный!». Но не во всяком человеке раздается гром такого рода, а только в том, кто достоин называться КОЛЕСОМ, ибо сказано: голос грома твоего в КОЛЕСЕ *(т. е. в орбите небесного светила; Псал. LXXVI, 19)*».

«Серафимы»,— возражает он астрономам,— «это предмировые силы, а не части двух полушарий неба, как думают некоторые. Из них каждый имеет по 6 крыльев» *(см. Исаию, VI, 7)*.

Все это, — прибавлю я от себя, — подтверждает давно высказанное мною мнение, что в древности четыре квадранта неба назывались именем четырех «крылатых животных» Апокалипсиса, у каждого из которых было по три пары крыльев в виде крыловидных междумеридианных промежутков, отграничивающих зодиакальные созвездия друг от друга.

В главе III автор уже разобранного выше «Толкования на 6 дней творения»[2] упоминает о «тех, которые говорят, что море остается соленым и горьким вследствие поглощения из него пресной и годной для питья воды теплотою солнечных лучей, оставляя в нем все грубое и землянистое, как некоторую тину или осадок». Но, не обдумав роли рек, он старается опровергнуть это тем, что «море не высыхает».

---

[1] Беседа на XXVIII псалом.

[2] «Толкование на 6 дней творения», беседа 3.

И наконец, явно признавая возможность колдовства, автор 217 письма, тоже приписываемого «Великому Царю», говорит:

«Кто виновен в волшебстве или составлении трав, тот пусть несет покаяние столько же времени, как убийца (§ 65)». «Кто предается ворожеям или подобным им людям, да несет наказание столько же времени и в том же порядке, как убийца».

* * *

Резюмируем же все сказанное выше.

Если некоторые из писем и записочек, приписываемых «Великому Царю», можно бы признать подлинным, благодаря отсутствию в них специфично-тенденциозного, без чего не обошелся бы апокрифист, или благодаря несоответствию всего своего содержания с клерикальными воззрениями средних веков; то никак нельзя сказать этого о приписываемых ему больших сочинениях, каковы, прежде всего: «Беседы о шести днях творения», где дается прямо пред-коперниковское представление об устройстве вселенной и пред-линнеевская идея о новой номенклатуре животных, где в самых именах (раздельноперые, перепончатокрылые, жесткокрылые) дается представление о строении животных данного зоологического отдела. Не может быть, чтоб такой зародыш правильной зоологической классификации не давал в умах людей никаких ростков более тысячи лет, а потом вдруг вырастил в одном уме Линнея такое многоветвистое, пышное дерево.

Невероятным представляется и знакомство обитателя Малой Азии и Палестины с такими животными северных морей, как киты, о которых туда могли дойти сведения, и притом через много лет, только от скандинавских викингов через Британию, Нормандию или Германию, то есть не ранее XI века нашей эры. Мы не должны забывать, что развитие мореходства в Северных морях началось только с IX века, и к этому же времени должно отнести и достижение первых правильных сведений о китах на прибрежья Средиземного моря. Точно также анахронично для IV века в Малой Азии и приведенное нами объяснение морских приливов в Атлантическом океане действиями луны. Приливы эти совершенно незаметны во всем Средиземном море и не были известны древним грекам. Это уже пред-ньютоновское сопоставление. Само собой понятно, что с такой точки зрения и современное созвездие Кита могло попасть на небо не ранее IX века нашей эры, если этим именем не назывался ранее каспийский тюлень (Phoca Caspica).

Еще более средневековыми представлениями веет от чисто теологических книг, приписываемых «Великому Царю», где цитируются и библейские пророки, писавшие, как я показал астрономически, лишь в V веке нашей эры, т. е. после его смерти, и даже цитируются книги Нового Завета, вышедшие явно позднее этих пророков. Что же остается для произведений «Великого Царя», кроме тех его писем, где нет ничего о богословии? Трудно

допустить, что IV веку нашей эры принадлежат законы, которые мы находим в трех посланиях к Амфилохию.[1] Как, например, отнестись нам хотя бы к их § 2: «умышленно погубившая в себе зачатый плод подлежит наказанию за убийство, а образовался ли он уже, или нет, не должно разыскивать в точности...» Неужели и в IV веке были известны способы вытравления плода? И кто же помогал в этом желающей? Кроме того: более половины этих законов относятся к различным случаям и способам прелюбодеяний, предмету, который особенно разрабатывали поздние средневековые монахи. В IV веке, когда христианство и многобрачное язычество жили еще в полном смешении, и переход из одной религии в другую был практически всегда возможен, драконовы законы, введенные по этому поводу в одном из существующих вероисповеданий, привели бы лишь к тому, что масса обычного народа перебежали бы из него в язычество или в другие секты, разрешающие развод или второй и третий брак после смерти одного из супругов.

Все такие законы возможны лишь в то время, когда господствующий монашеский клерикализм уже истребил до конца своих конкурентов и мог расправляться деспотически со всяким непокорным. Однако же, тот факт, что «Великому Царю» приписаны эти 84 закона, с назначением нарушителю отлучения от церкви достаточно показывает, что ему приписывалась вообще **законодательная власть, против которой никто из верующих не смел возражать,** а должен был беспрекословно подчиняться. **Значит, он был на правах светско-духовного властелина востока.**

А таким мог быть только император Юлиан.

В заключение этой главы, где я снова хотел показать, что «Великий Царь» IV века, основавший христианское богослужежение, и евангельский «Спаситель» и император Юлиан Отступник (от арианства) были одно и то же лицо, я прибавлю следующее.

Возникшее в начале IV века и продолжающееся до наших дней под именем иудаизма арианство называет евангельского «Спасителя» подобосущим Богу (ὁμοιούσιος), и это вполне понятно, так как и по Библии Отец Богов сотворил человека по своему подобию и изображению. С этой точки зрения «Великий Царь» лишь уподобился Богу-Отцу.

Но мы знаем из мифологии, что прежде чем великие учителя древности возводились потом в звание богов, они переходили именно через стадию богоподобных, и только в следующих поколениях переводились на самую высшую ступень, и такое передвижение их вверх по лестнице единственно соответствует историческому здравому смыслу.

Значит, если даже мы и не будем отожествлять Ария с одноименным с ним Ароном, арианство все же должно было предшествовать христианству, называющему своего «Спасителя» одно-

[1] 188, 199 и 217 письма.

сущным с богом (ὁμοιούσιος), т. е. действительным богом. А отсюда ясно, что если арианство, называвшее евангельского Иисуса только подобосущным богу возникло, как нам говорят, в IV веке, то православное христианство возникло никак не ранее V века нашей эры. Но что же в таком случае остается от воображаемого нами христианства первых веков? — Ровно ничего!

Если евангельский «Спаситель» — будь он астральный миф, как старается показать Древс и его школа, или реальный человек, как утверждают современные христианские теологи, был в звании бога уже три века до арианства, то как мог Арий найти себе последователей среди тогдашней суеверной массы населения, **понижая его достоинство?**

С точки зрения мистиков дело, конечно, ясно: вмешался чорт, ископный враг человеческого рода и лишил разума массу людей. Но с точки зрения современного, логически мыслящего человека, к этому объяснению нельзя прибегнуть, и остается только одно: евангельский «Священник» (по-гречески — Христос), явился в первый раз (даже если он был и не Юлиан, отступник от арианства, а астральный миф) только после начала арианства, которое на Никейском соборе в 325 году было лишь провозглашением единобожия, без божья сына и божьей жены.

Отсюда понятно, что когда явился «Великий Царь», ариане еще не могли признать его единосущным богу, но признали подобосущным, а язычники того времени причислили его к сонму своих богов, и отсюда произошло христианство, в котором «Великий Царь» постепенно победил большинство своих конкурентов и собратьев, кроме бога «своего отца».

ГЛАВА II

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО, ПРИПИСЫВАЕМОЕ «БОДРСТВУЮЩЕМУ БОГОСЛОВУ» ИНАЧЕ «БУДЕ» (В АППЕРЦЕПЦИИ РЕНЕССАНСА)

Я не буду говорить здесь о всех так называемых «словах» автора, называемого по-гречески Григорием теологом (Григорий по-гречески значит бодрствующий),[1] потому что, само собою понятно, его проповедей никто не стенографировал. Кроме того, все эти речи витиевато-пустословны, полны цитат из пророков и псалмов и цитируют даже апостольские послания. Вот, например, как он характеризует современное ему православное духовенство.

«Открою перед вами всю мою тайну, хотя и не знаю, благородно это, или нет, однако же так есть. Мне стыдно за мно-

[1] От корней ἐγείρω (*егейро*) — бужу, и от ἐγείρομαι (*егейромай*) — пробуждаю, бодрствую. Производная форма γρηγορέω (*грегорео*) — у церковных писателей — бодрствую, а у светских скорее — *пробуждаю.*

гих (священников), которые, будучи ничем не лучше всех остальных, если еще не хуже, с неумытыми, как говорится, руками и с нечистыми душами, принимаются за святейшее дело. Прежде чем сделать себя достойными приступить к богослужению, они врываются в святилище, толкаются вокруг святой трапезы, как бы почитая свой сан не образцом добродетели, а средством к пропитанию, а себя не служителями, подлежащими ответственности, но начальством, не дающим никому отчета. И такие священники, скудные благочестием, жалкие в самом своем блеске, едва ли не многочисленнее тех, над кем они начальствуют, так что с течением времени и с дальнейшим развитием этого зла не останется им, как думаю, над кем и начальствовать: все будут учить вместо того, чтобы, как говорит божие обетование, быть научаемыми богом (Ис., LIV, 13). Тогда по древнему сказанию или по древней притче, будет и «Саул во пророцех» (I Цар., X, 11). Хотя пророки по временам то умножались, то прекращались, но ни теперь, ни прежде не бывало их в таком множестве, и никогда не совершалось в таком количестве постыдных дел и грехов, как у христиан, в наши дни».[1]

Таково, по мнению автора, было то самое время (т. е. конец IV века), когда по нашей статистике, детально разработанной нами и резюмированной на диаграмме в I томе «Христа», было исключительно много христианских святых, в то самое время, когда жили все *великие богословы*. Как согласовать это с собственными словами одного из них?

Конечно, только тем, что приведенное нами письмо есть продукт монастырского творчества, возникший не ранее XVI века, и автор апокрифирует IV веку все особенности своей собственной эпохи.

I. Общая характеристика проповедей и литературных произведений, приписываемых Бодрствующему богослову.

Правда, что в проповедях, приписываемых «Бодрствующему богослову», имеются некоторые следы и действительных событий IV века, как например, в его апокрифическом «слове» на смерть брата Кесария (т. е. по-русски — Царя божия,[2] где упоминается о тогдашнем землетрясении (о котором говорится и в письмах от имени «Великого Царя»):

«Во время недавнего землетрясения в Победном городе *(Никее, по-гречески)*, которое, как говорят, было ужаснее всех дотоле памятных, и истребило вместе с великолепием города почти всех его знатных жителей, спасся от гибели едва ли не один только цесаревич (кесарион) или весьма немногие, и спасение это совершилось невероятным для него самого образом. Он был покрыт развалинами, но понес на себе только малые признаки опасности, как раз сколько было нужно для него, чтобы получить страх перед наставником высшего спасения и оставить служение коловратному. Из своего царского дворца он поступил теперь, бла-

---

[1] Творения Григория Богослова. Слово 3-е.

[2] Слово 7-е.

годаря этому страху божию, в другой, высший дворец, совершенно перешел в горнее воинство».

Здесь мы имеем действительный средневековой отклик страшного землетрясения, бывшего в конце IV века, о котором говорит и Апокалипсис.

А вот, образчик и полемики бодрствующего *(над нами)* богослова в ответ какому-то Максиму (т. е. по-латыни — величайшему), чем-то провинившемуся перед ним. Я переписываю его целиком, нарочно по изданию Московской духовной академии, озаглавленному: «Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова» (V, 226, 1889 г.).

«Что это? И ты, Максим, смеешь писать? Писать смеешь ты? Какое бесстыдство! В этом превзошел ты даже и псов!

«Вот так дух времени: всякий стал смел на все! Подобно грибам, вдруг выбегают из земли и мудрецы, и военачальники, и благородные, и епископы, хотя не потрудились прежде поработать над чем-нибудь хорошим. Что же выходит из этого? Добродетель унижается, образованность не берет преимущества перед необразованностью. И все это потому, что дерзость пользуется безнаказанностью. Всякий кидайся вниз головою и, не учась, стреляй из лука, или возносись на крыльях под самые облака! Довольно захотеть, а знать дело вовсе не нужно!

«Видно и ты получил вдруг вдохновение от муз, как говорят иные о древних мудрецах? Видно и тебя привела в исступление какая-то лавровая ветвь? Или ты напился нечаянно прорицательных вод и начал источать стихи, не соблюдая даже и стихотворного размера? Какие невероятные и неслыханные новости! Саул во пророках, а Максим в числе писателей! Кто после этого не пророк? Кто сдержит свою руку? У всякого есть бумага и трость. И старухи могут теперь говорить, писать и собирать вокруг себя народ!

«А ты не побоялся даже возбуждать и рукоплескания! В числе твоих слушателей немного бывает мудрых, но много Максимов и слабоумных. Нужно понравиться последним, а мудрецам можно пожелать доброго пути, после того как слабоумные пообстригут их и поприжмут насмешками. А если нужно отмстить мудрому (на все надобно быть отважным!), то будь только дерзок! Пусть знают Максима по дерзости!

«Но и мы вправе посмеяться! Что теперь легче делать, чем смеяться, и смеяться много? Теперь будь только витией, а на оскорбителей лай псом! Тогда никто не возьмет над тобою преимущества.

«Воскликну же снова (и воскликну не раз), чтоб истощить свою скорбь, хоть истощу не совсем!

«Писать смеешь ты? Скажи же: где и у кого ты научился? Чьей руки дело этот твой дар — писать? Еще вчера было не то. Ты рад был и тому, что скудный заработок доставлял тебе узкий плащ. А речи для тебя тогда были то же, что для осла лира, для вола—морская волна, для морского животного—ярмо.

«Теперь же ты у нас Орфей, все приводящий в движение своими перстами, или Амфион, созидающий стены своими бряцаниями. Таковы ныне псы, если захотят позабавиться! Верно, смелость эту вдохнули в тебя старые няньки, твои помощницы, за одно с тобою слагающие речи. Для них ты лебедь, для них музыкальны издаваемые тобою звуки, когда они, подобно зефиру, текут с крыльев, приятно распростираемых кроткими веяниями.

«Но что же пишешь ты и против кого пишешь ты, пес? Пишешь против *меня*, человека, которому так же естественно писать, как воде течь, и огню гореть. Не буду говорить, что ты пишешь против того, кто, сколько возможно человеку, ничем тебя не обижал, хотя и много был тобою оскорбляем. Какое безумие! Какая невежественная дерзость! Коня вызываешь, дорогой мой, помериться с тобою в беге на равнине; бессильной рукою наносишь раны льву. Приходится допустить, что у тебя было в виду только одно: ты надеялся, что оскорбляя, не будешь удостоен ответом. Это одно и кажется мне в тебе умным. Ибо, действительно, кто при здравом смысле захочет связываться с псом?» (*конец письма*).

Это ли, читатель, слог «иже во святых» конца IV века?

* * *

А вот, и еще в другом роде:

«*Определения, слегка начертанные*». [1]

С в е т есть воспламененное озарение, а в душе это — разум.

Т ь м а тоже бывает двоякая, как отсутствие вышеупомянутого двоякого озарения.

В е к есть протяжение, непрестанно протекающее во времени, а в р е м я есть мера солнечного движения.

З е м л я есть отвердение вещества, окруженного небом.

О г о н ь есть естество горящее и стремящееся вверх.

В о д а — естество текучее и падающее книзу.

В о з д у х — наполнение пустоты и выдыхаемый поток.

Т е л о — вещество и протяженная дебелость.

С т и х и я — первоначальная часть всякого тела.

Д у ш а — оживляющая и движущая природа; с душой сорастворены разум и ум.

Ж и з н ь есть сопряжение души и тела, равно как С м е р т ь — разлучение души с телом.

У м — это внутреннее и безграничное зрение. А дело ума — мышление и отпечатление в себе мыслимого.

Р а з у м — разыскание отпечатлений ума; его ты выговариваешь посредством органов голоса.

О щ у щ е н и е есть какое-то принятие в себя внешнего.

П а м я т ь есть удержание в себе отпечатлений ума. Отложение памяти — З а б в е н и е; а отложение З а б в е н и я есть опять какая-то П а м я т ь, которую называю воспоминанием.

---

[1] Творения Григория Богослова. Том V, 729.

Под Х о т е н и е м разумею наклонение ума навстречу чего-то такого, что в нашей власти; но кой-чего и хотеть не должно.

Р а з д р а ж е н и е есть внезапное вскипение в сердце.

К р а с о т а есть соразмерность во всем; а г н у с н о с т ь, по моему рассуждению, есть поругание красоты.

С к о р б ь есть грызение и смущение сердца. З а б о т а есть какое-то кружение, высшая же ее степень — беспокойство.

С т ы д есть какое-то сжатие сердца от страха подвергнуться позору, а презрение стыда есть Б е с с т ы д с т в о.

С м е х есть судорожное движение щек и трепетание сердца.

Под словом Н а б о ж н о с т ь разумею и почитание демонов. А Б л а г о ч е с т и е есть поклонение только троице.

... Таковы мои определения в первом их очерке!

* * *

А мы прибавим от себя: таковы произведения кануна Эпохи Возрождения или ее самой, выдаваемые во множестве авторами или последующими коллекторами за писания богословов IV века!

Более правдоподобными по содержанию (но не по слогу) являются коротенькие письма от имени «Бодрствующего Богослова» к его знакомым и из них письма к Григорию Нисскому:

«Скучаешь ты переездами с одного места на другое, и тебе кажется, что жизнь твоя также непостоянна, как и деревья, носимые по воде. Нет, чудный человек, не думай этого. Деревья несутся не по своей воле, а твои переходы с места на место совершаются для бога. Делать добро многим есть для тебя постоянное дело, хотя сам ты и не сидишь на месте. Разве станет кто-нибудь винить солнце, что оно ходит вокруг, изливая лучи и оживотворяя все, что ни озаряет на своем пути; разве, хваля **неподвижные** звезды, будет кто осуждать планеты, у которых и самые уклонения от правильного течения так стройны?»

А вот, и второе письмо к нему же о «Великом Царе», носящее тоже характер апокрифичности.

«И это горе было предоставлено моей бедственной жизни! Горе услышать о смерти «Великого царя», об отшествии его святой души, которая переселилась от нас к властелину, употребив на попечение об этом целую жизнь. А я еще болен телом и крайне опасно, и потому сверх прочего лишен и возможности обнять священный прах и, придя к тебе, любомудрствующему, утешить, как и следовало, общих наших друзей.

Видеть одиночество церкви, которая лишилась такой славы, сложила с себя такой венец, неудобозримо взору и невместимо слуху, особенно для имеющих ум. Но ты, мне кажется, ничем не можешь быть так утешен, как сам собою и памятованием о нем. Вы с ним для всех других были образцом любомудрия и как бы некоим духовным уровнем благочиния в счастливых случаях и терпения в несчастных, потому что любомудрие умеет доставлять и то и другое, оно учит пользоваться умеренно

счастием, а и в бедствиях соблюдать благоприличие. И таково пожелание от меня твоей досточестности. Мне же, пишущему это, какое время и какое слово доставит утешение, кроме твоей дружбы и беседы, которые блаженный оставил мне взамен всего, чтобы видя его черты в тебе, как в прекрасном и прозрачном зеркале, оставаться в той мысли, что и он с нами?»

Есть и еще письмо о «Великом царе», адресованное «Евдоксию Ритору» в таком же разочарованном тоне, уместном только в позднюю эпоху христианства (да и «Василий», вероятно, был «не тот».

«Спрашиваешь, каковы наши дела? Крайне горьки. Не стало у меня «Царя» (Василия), не стало и «Цесаревича» (Кесария), не стало и духовного и плотского брата. «Отец мой и мать моя оставили меня», — скажу я с Давидом (Псал., XXVI, 10). Телом я болен, старость над головою, забот скопилась куча, дела задавили, в друзьях нет верности, церкви наши без пастырей *(это в IV-то веке!!);* доброе гибнет, злое выходит наружу; надобно плыть ночью, и нигде не светят путеводные огни. **Христос спит.** Что мне надобно претерпеть? Одно для меня избавление от зол — это смерть. Но и тамошнее *(т. е. загробное)* страшно, если гадать по-здешнему».

Но так можно писать только уже в века упадка веры...

II. Псевдо-надгробное слово Великому царю (Василию Великому).

Это единственное «слово», приписываемое Бодрствующему Богослову, которое представляет для историка (а в особенности для нашей книги) реальный интерес.

«Если бы видел я, — говорит он, — что «Царь» величался своим древним родом и происшедшими от его рода, или чем другим, совершенно маловажным, но высоко ценимым у людей, привязанных к земному, то, при перечислении всего, что я мог бы сказать к его чести из времен преждебывших, я представил бы вам список героев, и не только ни в чем не уступил бы преимущества историкам, но сам имел бы преимущество над ними в том, что стал бы хвалиться не вымыслами и баснями, а действительными событиями, свидетели которых многочисленны. О предках его с отцовой стороны Понт нам представляет множество таких сказаний, которые ничем не маловажнее древних понтийских чудес, какими наполнены писания историков и стихотворцев... Каждое поколение и каждый член в поколении его предков имеет какое-либо свое отличительное свойство, и о каждом есть более или менее важное сказание, которое, получив начало в отдаленные или близкие времена, как отеческое наследие, переходит в потомство. Отличием отцова и матерного рода «Царя» было благочестие.

«Настало самое ужасное и тягостное из гонений — гонение Максимина, который, явившись после многих бывших гонителей, сделал такие дела, что все прежние гонители кажутся пред ним человеколюбивыми. Такова была его дерзость, с таким упорством старался он одержать верх над всеми в нечестии!...

«А закон мученичества таков, чтобы, щадя гонителей и немощных, не выходить на подвиг самовольно, а вышедши на подвиг, не отступать, потому что первое есть дерзость, а последнее — малодушие. Чтобы и в этом почтить Законодателя, что предпринимают предки «Царя», или, лучше сказать, куда ведет их Промысел, управляющий всеми их делами? — Они убегают в о д и н лес на понтийских горах. Лесов там много, и они глубоки и простираются на большое пространство, и вот его родители убегают, имея при себе немногих спутников и служителей для пропитания.

«Некоторые станут удивляться продолжительности их бегства, которое, как говорят, длилось семь лет, или даже несколько больше; станут удивляться роду жизни этих людей, взросших в довольстве; скорбному и непривычному бедствованию их на открытом воздухе, их страданиям от стужи, жаров и дождей, пребыванию в пустыне вдали от друзей без сообщения и сношения с людьми, но и эти злострадания еще увеличивались стократно тем, что они видели себя прежде окруженными многолюдством и принимавшими от всех почитание.

«Теперь я намерен сказать еще и нечто такое, что всего удивительнее, но чему не поверит разве тот, кто не почитает важными бедствий за Христа, потому что худо их знает и весьма превратно понимает.

«Эти мужественные подвижники, утомленные своими нуждами, пожелали, наконец, иметь что-нибудь и к своему услаждению. И тотчас явилась к ним добровольно отдающаяся снедь. Откуда вдруг взялись перед ними на холмах олени? И какие рослые, какие тучные, как охотно поспешающие к ним на заклание! Можно было почти догадываться, что они негодуют, почему не прежде были вызваны к ним. Одни манили к себе ловцов киваньями голов, другие упорно следовали за уходящими от них ловцами. Разве кто-нибудь их гнал или понуждал? Никто! Нет, они притягивались молитвою родителей «Царя», их праведным прошением о пище! Известна ли кому подобная охота в *нынешние* или в прежние времена? *(восклицает автор, забыв, что он сам объявляет себя современником «Великого Царя»).* Нужно было только захотеть, и, что нравилось, то и взято! А лишнее отослано в дебри до другой трапезы».

Вот, во что превратилось, читатель, бегство Иосифа и Марии в Египет в «Творениях», приписываемых Григорию Богослову!

Но посмотрим и далее.

«Кто не знает «Царева» отца — «Царя», — продолжает автор. — Это великое для всех имя. Он достиг в своем сыне исполнения всяких родительских желаний: не скажу, что достиг один. Кто не знает его жену «Стройную» (Еммелию)? Кто скажет, потому ли она была преднаречена этим именем, что впоследствии должна была сделаться такою, или потому она и сделалась такою, что была так наречена? Она действительно была соименна стройности (ἐμμέλεια) или, кратко сказать, была та же между женами

что супруг ее («Царь») между мужами. Поэтому, если уж надлежало, чтобы похваляемый нами человек дарован был людям для того, чтобы послужить человеческой природе (как и в древности даруемы были богом великие мужи для общей пользы), то всего приличнее было ему произойти именно от этих, а не от других родителей, так же и им приличнее всего было именоваться родителями этого, а не иного сына. Вот, как прекрасно совершилось и сочеталось все это!

«Мы начали с похвалы предкам «Царя», повинуясь Божию закону, повелевающему воздавать всякую честь родителям. Перейдем теперь и к самому «Царю», заметив наперед одно, что, думаю, и всякий знавший его, признает справедливым, а именно, что всякий, намеревающийся хвалить «Царя», должен иметь его собственные уста. Ибо как сам он составляет достославный предмет для похвал, так один он силою своего слова и соответствует такому предмету.

«Все, что касается до восхваления его красоты, крепости, силы и величия (чем, сколько вижу, восхищаются в людях многие), мы уступаем желающим, не потому, чтобы и в этом, когда он был молод, и любомудрие не возобладало в нем над телом, он уступал кому-либо из гордящихся такими маловажными вещами, не простирающимися далее телесного. Мы не будем говорить об этом для того, чтобы не испытать участи неопытных борцев, которые, истощив силу в примерных только борьбах, оказываются бессильными для борьбы, действительно доставляющей победу, за которую назначено им увенчание.

«Полагаю, что всякий, имеющий ум, признает *ученость* первым для нас благом, и не только нашу благороднейшую ученость, которая, презирая все украшения и плодовитость речи, берется за одно спасение и за умосозерцаемую красоту, но и ученость внешнюю, которою гнушаются многие из христиан, по худому разумению, считая ее злохудожною, опасною и удаляющею от бога. Но не должно презирать небо, землю, воздух и все, что на них, за то, что некоторые худо их уразумели, и вместо бога воздавали им божеское поклонение... Не должно унижать ученость, как рассуждают об этом некоторые; а напротив того, надобно признать глупыми и невеждами тех, которые, держась такого мнения, желали бы всех видеть подобными себе, чтобы в общем недостатке скрыть свой собственный недостаток и избежать обличения в невежестве...

«Настоящий ученый не хвалится какой-либо Фессалийской горной пещерою как училищем добродетели, или каким-нибудь высокомерным Центавром—учителем героев; он не учится у него стрелять зайцев, обгонять коз, ловить оленей, одерживать победу в ратоборствах, или наилучшим образом объезжать коней; он напротив того, изучает первоначальный круг наук и упражняется в богочестии, короче сказать, самыми первыми уроками ведется к будущему совершенству... Когда же достаточно приобрел он здешней учености, он поспешает в Цезарию (т. е. в «столицу») для

поступления в тамошние училища. Я говорю о «столице» знаменитой и нашей (потому что она и для меня была руководительницей и наставницей в слове), которую так же можно назвать столицею наук, как и столицею городов, к ней принадлежащих и ею управляемых. Если бы кто лишил ее первенства в науках, то отнял бы у нее самую лучшую ее собственность...[1]

«Царь» был ритором между риторами еще до кафедры софиста, философом между философами еще до выслушания философских положений, а что всего важнее, иереем (т. е. божиим царем) для христиан еще до своего священства. Столько все окружающие уступали ему во всем! Словесные науки были для него посторонним делом, и он заимствовал из них лишь то, что могло споспешествовать нашему любомудрию, потому что нужна сила и в слове, чтобы ясно выразить умопредставляемое...

«Из столицы (цезарии) «Царь» ведется самим богом и прекрасною жаждою познаний в Византию (город, первенствующий на Востоке), потому что она славилась совершеннейшими софистами и философами, от которых, при естественной своей остроте и даровитости, собрал он в короткое время все отличнейшее. Из Византии он отправляется в Афины — обитель наук, в Афины, подлинно золотые для меня и доставившие мне много доброго, ибо они совершеннее ознакомили меня с сим мужем, который небезызвестен был мне и прежде. Ища познаний, я обрел и счастие. Я испытал на себе то же (в другом только отношении), что и Саул, который, ища отцовых ослов, нашел царство, так что придаточное к делу вышло важнее самого дела...

«Афины приняли нас, как речной поток, — нас, которые, отделясь от одного источника, то есть от одного отечества, увлечены были в разные стороны любовью к учености, и потом, как бы по взаимному соглашению, в самом же деле по божию мановению, опять сошлись вместе. В Афинах существует такой аттический закон, в котором с деловым смешивается шуточное. Новоприбывший вводится для жительства к одному из приехавших прежде него, к другу или сроднику, или к одноземцу, или к кому-либо из отличившихся в софистике и доставляющих доход учителям, за что находится у них в особой чести (хотя для них и то уже награда, что имеют приверженных к себе). Тут новоприбывший терпит насмешки от всякого желающего. И это, полагаю, заведено у них с тем, чтобы сократить высокоумие поступающего вновь, и с самого начала взять его в свои руки. Новоприбывшего отводят в баню в торжественном шествии. Став попарно и в некотором расстоянии друг от друга, все идут впереди молодого человека до самой бани. Подойдя к ней, они поднимают громкий крик и начинают плясать, как исступленные, говоря, что баня не принимает. Выломив двери и приведя вводимого в страх грохотом, дозволяют ему, наконец, вход и потом дают ему свободу,

[1] Все это заставляет сомневаться в том, что эта «столица» была в Азии, как теперь думают. Не раздвоился ли тут Царь-Град?

встречая из бани, как человека с ними равного и включенного в их собратство. И это мгновенное освобождение от огорчений и прекращение насмешек, есть самое приятное во всем обряде посвящения.[1]

«А великого «Царя» не только сам я принял сразу с уважением, потому что провидел в нем твердость нрава и зрелость в понятиях, но убедил и других молодых людей таким же образом обходиться с ним, всех, которые не имели еще случая знать его. Но многими он был уже уважаем с самого начала по предварительным слухам. Что же было следствием этого? Почти один из всех прибывших он избежал общего закона и удостоен был высшей чести, не как новопоступающий. И это было началом нашей дружбы. Отсюда первая искра нашего союза. Так уязвились мы любовию друг к другу!

Потом присоединилось и следующее обстоятельство, о котором также неприлично умолчать. Я примечаю в армянах, что они люди не простодушные, но весьма скрытные и непроницаемые. Так, и в то время некоторые из числа армян, более знакомых и дружных с «Царем» еще по товариществу своих отцов и прадедов, которым случилось учиться в одном училище, приходят к нему с дружеским видом (в действительности же, с завистью, а не благорасположением) и предлагают ему вопросы более спорные, нежели разумные. Давно зная даровитость «Царя» и не вынося тогдашней его чести, они покушались с первого же приема подчинить его себе. Им несносно было видеть, что они, прежде него облекшиеся в философский плащ и привыкнувшие метать словами, не имеют никакого преимущества пред недавно прибывшим иноземцем. А я, человек привязанный к Афинам и недальновидный (потому что, веря наружности, не подозревал их зависти), и видя, что они стали ослабевать и уже обращаться в бегство, возревновал о славе Афин. Чтобы не пала она в их лице и не подверглась вскоре презрению, я, возобновив беседу, подкрепил молодых людей и, придав им веса своим вмешательством (в подобных случаях и малая поддержка может все сделать), ввел, как говорится, равные силы в битву. Однако, как только понял я тайную цель их собеседования (потому что им невозможно стало скрывать ее долее, и она сама собою ясно обнаружилась), я употребил нечаянный изворот, перевернул кормy носом и, став за одно с «Царем», сделал победу сомнительной. «Царь» понял дело тотчас, потому что был проницателен, как едва ли кто другой. Исполненный ревности, он совершенно гомеровым слогом приводил в замешательство ряды этих отважных, и не прежде перестал поражать их силлогизмами, как принудив к совершенному бегству и решительно взяв над ними верх».

Так отразилась здесь легенда об искушении евангельского

[1] Такое описание Афин настолько мало подходит к IV веку нашей эры (и со старой и с новой точки зрения), что заставляет принять всю эту речь за апокриф даже позднее Эпохи Возрождения.

«Великого Царя» фарисеями, обратившимися в спорщиков армян! Посмотрим, что будет и далее.

«Каждую науку изучил он до такого совершенства, как бы не учился ничему другому. У него не отставали друг от друга и прилежание и даровитость, в которых знание и искусство почерпают силу.

«При напряженности своей мысли он всего меньше имел нужды в ее естественной быстроте, а при быстроте мысли всего меньше нуждался в напряженности. Он до такой степени соединял и приводил к единству то и другое, что неизвестно, напряжением ли мысли или быстротою ее он был наиболее удивителен. Кто сравнится с ним в риторстве, дышащем силою огня, хотя нравом не походил он на риторов! Кто, подобно ему, приводит в надлежащие правила грамматику и язык, излагает историю, владеет мерами стиха, дает законы стихотворству! Кто был так силен в философии—в философии, действительно возвышенной и простирающейся в горнюю ввысь, то есть в философии деятельной и умозрительной, а равно и в той ее части, которая занимается логическими доводами, противоположениями и состязаниями и называется диалектикой. Легче было выйти из лабиринта, чем избежать сетей его слова, когда находил он это нужным! Из астрономии, геометрии и науки об отношении чисел изучил он столько, что и искусные в этом не могли приводить его в замешательство, а все излишнее отринул, как бесполезное для желающих жить благочестиво.

«Можно подивиться избранному им более, нежели отринутому, и отринутому им более, нежели избранному. Врачебную науку—этот плод любомудрия и трудолюбия, сделали для него необходимою как собственные недуги, так и ухаживание за больными. Начав с последнего, дошел он до навыка в этом искусстве и изучил в нем не только одно видимое и лежащее долу, но и относящееся к любомудрию. Впрочем все это,—сколько оно ни важно,—значит ли что-нибудь в сравнении с нравственным обучением «Царя»? Кто знает его лично, для того не важны ни Минос, ни Радамант, которых Эллины удостоили златоцветных лугов и елисейских полей, имея в представлении наш рай, известный им, как думаю, из Моисеевых и из наших книг. Они разошлись с нами только в наименованиях, изобразив то же самое другими словами.

«В такой степени приобрел он все это!

«Он был корабль, настолько нагруженный ученостью, сколько это вместимо для человеческой природы,—ведь, далее Кадикса нет пути!

«Нам обоим должно уже было возвратиться домой, вступить в жизнь более совершенную, приняться за исполнение своих надежд и общих предначертаний. Настал день отъезда и, как обыкновенно при отъездах, начались прощальные речи, проводы, упрашивания остаться, рыдания, объятия, слезы. Никому ничто не бывает так прискорбно, как афинским совоспитанникам расста-

ваться с Афинами и друг с другом. Действительно, тогда происходило зрелище жалостное и достойное описания. Нас окружила толпа друзей и сверстников, были даже некоторые из учителей; они уверяли, что ни под каким видом не отпустят нас, просили, убеждали, удерживали силою... но «Царь», объяснив причины, по которым непременно хочет возвратиться на родину, превозмог удерживавших, и они, хотя принужденно, однако согласились на его отъезд. А я остался в Афинах, потому что отчасти (надобно сказать правду) сам был тронут просьбами, а отчасти «Царь» меня предал и дал себя уговорить оставить в Афинах меня, не желавшего с ним расставаться, и уступил влекущим...

«Многообразное божие человеколюбие и предусмотрение о нашем роде поставляет его вскоре знаменитым и славным светильником церкви, сопричислив пока к священным престолам пресвитерства, и чрез один только город — Цезарию (т. е. столицу) — зажигает этот светильник для целей вселенной. Каким образом? Не спешно возводит его на высшую степень, не одновременно омывает и умудряет (как видим мы на многих, желающих предстоятельства). Он удостоивается высшей чести по порядку и по закону духовного восхождения...

«Против него восстают избраннейшие и наиболее мудрые в церкви, если только мудрее многих те, которые отлучили себя от мира и посвятили жизнь богу... Что же предпринимает этот доблестный ученик миротворца? Не ему было противоборствовать оскорбителям и ревнителям, не его было дело заводить распрю и расторгать тело церкви, которая была уже борима и находилась в опасном положении от тогдашнего преобладания еретиков. Взяв для совещания об этом меня, искреннего советника, он вместе со мною предается бегству, удаляется в Понт, настоятельствует в тамошних обителях и лобызает пустыню вместе с Илиею и Иоанном, великими хранителями любомудрия, находя это более для себя полезным, нежели замыслить что-нибудь недостойное любомудрия и, приучившись во время тишины управлять помыслами, нарушить это во время бури.

«Но хотя отшельничество его было любомудренно и чудно, однако же возвращение его оттуда мы находим еще более превосходным и чудным. Оно произошло следующим образом. Когда мы были в Понте, поднялась вдруг градоносная туча, угрожающая пагубою; она сокрушила все церкви, над которыми разражалась, и на которые простирал свою власть властолюбивейший и христоненавистнейший царь, одержимый двумя тяжкими недугами — ненасытимостью и богохульством, — этот после гонителя гонитель, и после отступника, хотя не отступник, однако же ничем не лучший для христиан... Предстояла великая борьба. «В большей части из нас оказалась мужественная ревность, но полк наш был слаб, не имел защитника и искусного поборника, сильного словом и духом. Что же делает эта мужественная, исполненная высоких помыслов и подлинно христолюбивая душа? «Немного нужно было убеждений для того, чтобы он вновь явился

к людям и стал борцом. Едва увидел он меня (ибо нам предстоял общий подвиг, как защитникам правого учения), как был побежден моим молением... Таким образом, противники остались без успеха, и злые в первый раз были зло посрамлены и побеждены. Они узнали, что не безбедно презирать и каппадокиян, которым всего свойственнее непоколебимость в вере, верность и преданность Троице... С этого времени церковное правление перешло к «Царю», хотя по кафедре занимал он второе место. Началось какое-то чудное согласие и сочетание власти: один (предстоятель) управлял народом, а другой управлял управляющим. «Великий царь» уподобился тогда укротителю львов, смиряя своим искусством властвующего над всеми, который имел нужду в руководстве и поддержке. Недавно возведенный на кафедру, он показывал в себе еще некоторые следы светских привычек и не утвердился в духовных. А вокруг было сильное волнение, церковь окружали враги, и потому сотрудничество «Царя» было ему приятно, и в его правление почитал он правителем себя.

«Был голод самый жестокий из памятных дотоле. Город изнемогал; ниоткуда не было ни помощи, ни средств к облегчению зла. Отверзши хранилища имущих словом и увещанием, «Царь» совершает сказанное в Писании. Он разделяет алчущим пищу (Пс., LVII, 8), насыщает нищих (Пс., CXXXI, 15) и исполняет благ души алчущие (Пс. 9).

«Каким образом?

«Он собирает в одно место уязвленных голодом, и для них, едва дышащих, мужей и жен, младенцев, старцев и всего жалкого возраста, испрашивает у богатых всякого рода снедь, какою только может быть утолен голод, выставляет котлы полные овощей и соленых припасов, какими питаются у нас бедные *(зачаток легенды о напитании нескольких тысяч людей 7 хлебами и 2 рыбами)*. Потом, подражая служению самого Христа (??), который, препоясавшись лентой, не погнушался умыть ноги ученикам, удовлетворяет при содействии своих рабов или служителей как телесные потребности нуждающихся, так и потребности душевные, присоединив часть к напитанию и облегчив их участь тем и другим. Таков был новый наш хлебодатель, вторый Иосиф!

«Но мы можем сказать о нем еще нечто и большее.

«За эти и подобные дела (ибо нужно ли останавливаться на подробном описании оных), когда соименный благочестию Евсевий, епископ Кесарийский,[1] уже преставился и спокойно испустил дух на руках у «Царя», возводится он на высокий епископский престол... Не хитростию порабощал он людей, но привлекал к себе благорасположением. Не власть употреблял он над людьми, не пощадою покорял их своей власти, а, что всего важнее, покорял их тем, что все уступали его разуму, признавали недосягаемою его добродетель для себя, и в одном видели свое спасение — быть с ним и под его начальством. Все находили опас-

[1] εὐσεβής *(эвсебес)* — благочестивый.

ным быть против него, и отступление от него считали отчуждением от бога; все добровольно уступали ему, покорялись, наклоняемые под его власть как бы ударами грома. Каждый приносил ему свое извинение, и сколько прежде оказывал ему вражды, столько оказывал теперь благорасположения и преуспеяния в добродетели, в которой одной находил для себя оправдание.

«Между тем опять пришел к нам христоборный царь и утеснитель веры. Чем с сильнейшим противником имел он дело, тем с вящшим нечестием и ополчением устремлялся на него воспламененный более прежнего и, подражая тому нечистому и лукавому духу, который, оставив чрево человека и поскитавшись *(по воздуху)*, возвращается к нему, чтобы, как сказано в Евангелии (Лука XI, 24—26), вселиться в его чрево с еще бо́льшим числом духов *(эта цитата евангелия Луки, принадлежащего, как я уже показал в I томе «Христа», Луке Элладскому, умершему в 946 году, фактически показывает апокрифичность всей речи, которая и по слогу принадлежит Эпохе Гуманизма)*.

«Но когда злой царь, обойдя прочие страны, устремился, с намерением поработить, на эту единственно еще остававшуюся животворною искру истины, тогда он в первый раз почувствовал безуспешность своего замысла, ибо он был отражен, как стрела, ударившаяся в твердыню, и отскочил от нее как порванная веревка. Такого предстоятеля церкви встретил он и о такой ударился утес! И сокрушился!

«От испытывавших тогдашние бедствия можно слышать рассказы и повествования и о многом другом (нет никого, кто бы не повествовал об этом)... Злой царь, виня сам себя и будучи побежден похвалами «Царя» (ибо и враг дивится доблести противника), не велит делать ему насилия. В день богоявления, при многочисленном стечении народа в сопровождении окружающей его свиты, вошел он в храм и, присоединясь к народу, показывал этим самым вид единения. Когда его слух поражен был, как громом, начавшимся псалмопением; когда увидел он море народа, а в алтаре и близ него не столько человеческое, сколько ангельское благолепие, и впереди всех в прямом положении самого «Великого царя», причем окружающие его стояли в каком-то страхе и благоговении; когда, говорю, злой царь увидел все сие, и не находил примера, к которому мог бы применить видимое, тогда пришел он, как человек, в изнеможение, взор и душа его от изумления покрылись мраком и пришли в кружение. Когда ему надобно было принести дары к божественной трапезе, приготовленные собственными его руками, причем по обычаю никто до них не касался, тогда обнаруживается его немощь. Он колеблется на ногах, и если бы один из служителей алтаря, подав руку, не поддержал шатающегося, то он упал бы, и это падение было бы достойно слез. С каким любомудрием говорил «Великий царь» с этим царем (ибо в следующий раз, быв у нас в церкви, тот вступил за завесу и имел там, как весьма желал, беседу), об этом нужно ли говорить что иное, кроме того, что

окружавшие царя, да и мы, вошедшие с ними, услышали тогда сами божии глаголы. Таково начало и таков первый опыт царского к нам снисхождения; этим свиданием остановлена была, как поток, большая часть обид, какие наносились нам дотоле.

«Но вот другое происшествие, которое не маловажнее описанных.

«Злые снова превозмогли: «Великому царю» определено изгнание, и все было готово к исполнению определения. Наступила ночь; уже стояла колесница; враги рукоплескали; благочестивые уныли. Мы окружали путника, с охотою готовившегося к отъезду; исполнено было все нужное. И что же? Бог разоряет определение!

«Кто поразил первенцев Египта, ожесточившегося против Богоборца, тот и теперь поражает болезнию царева сына. И как мгновенно! Здесь писание об изгнании, а там определение о болезни; и святый муж спасается, благочестивый делается для нас подарком горячки сына, вразумившей дерзкого царя...

«Великий» пошел к царю, не отговариваясь, не упоминая о случившемся, как сделал бы другой. Вместе с его пришествием облегчается болезнь сына, отец предается благим надеждам. И если бы к сладкому не примешивал он горького и, призвав «Великого царя», не продолжал в то же время верить неправославным, то, может быть, его сын, получив призванного, был бы спасен отцовыми руками, в чем были уверены находившиеся при этом и принимавшие участие в его горести *(мальчик все-таки умер!)*. Сказывают, что в скором времени случилось то же и с областным начальником. Правитель страдал, плакал, жаловался, посылал к «Великому», умолял его, взывал к нему: «ты теперь удовлетворен нами, подай же спасение!» И он получил просимое, как сам уверял многих, не знающих об этом.

«Одну женщину, знатную по мужу, который недавно кончил жизнь, преследовал товарищ судии, принуждая ее против воли вступить с ним в брак. Не зная, как избежать преследований, она приемлет намерение не столько смелое, сколько благоразумное: прибегает к священной трапезе и избирает бога защитником от нападений. Что надлежало делать не только «Великому царю», который в подобных делах для всех был законодателем, но и всякому другому, гораздо низшему, чем он? Не должно ли было вступиться в дело, удержать прибегшую, позаботиться о ней? Судия посылает нескольких чиновников обыскать опочивальню святого, представить его к себе и подвергнуть допросу, не кротко и человеколюбиво, но как одного из осужденных.

«Посмотри же на новую борьбу подвижника и гонителя! Один приказывал «Великому царю» совлечь с себя верхнюю одежду. А тот говорит: если хочешь, скину пред тобою и рубашку! Один грозит побоями бесплотному, а тот преклоняет уже выю! Один грозит строгать его когтями, а другой отвечает: окажешь

этим мне услугу, уврачуешь мою печень, которая, как видишь, много беспокоит меня.

«Но как скоро город узнал об этом несчастии и об общей для всех из-за этого опасности (оскорбление его всякий считал опасностью для себя), тогда весь город приходит в волнение, воспламеняется, как рой пчел, встревоженный дымом; возбуждаются все друг от друга, приходят в смятение все сословия, все возрасты, а более всех оружейники и царские ткачи. Все, что случилось под руками по ремеслу или встретилось прежде другого, стало оружием. У одного были подсвечники в руках, у другого занесенные камни, поднятые палки. При таком воспламенении умов и женщины не остались безоружными (ткацкие берды служили у них вместо копий). Они, одушевляемые ревностию, перестали уже быть женщинами, напротив того самонадеянность превратила их в мужчин. Коротко сказать: все думали, что, разорвав правителя на части, они разделят между собою плоды благочестия. И тот у них был бы всех благочестивее, кто первый наложил бы руку на умыслившего дерзость против «Великого». Что же делает строгий и дерзкий судия?—он стал жалким, бедным, самым смиренным просителем!

«Но вдруг явился туда без крови мученик, без ран венценосец и, удержав силою народ, обуздываемый уважением к нему, спас своего оскорбителя».

«У него была только одна рубашка, одна ветхая верхняя одежда. Сон на голой земле, бдение и неупотребление никакого мытья составляли его украшение. Самою вкусною снедию служили ему хлеб и соль—приправа нового рода, и трезвенное и не оскудевающее питие, какое и не трудящимся приносят источники.

«Что скажу еще?

«Отойди несколько от города, и посмотри на новый город *(страннoприимный дом, будто бы построенный «Великим царем» близ Цезарии)*, на это хранилище благочестия, на эту общую сокровищевлагательницу благочествующих, в которую по увещаниям «Великого» вносятся не только избытки богатого, но даже и последние достояния бедных. Здесь не допускают моли, и татей не радуют, но спасаются от нападений зависти и от разрушительного времени... «Царь» преимущественно убеждал, чтобы мы, как люди, не презирали людей. Всем предстоятелям народа предложил он *(как по евангелиям «Царь Иудейский»)* общий подвиг — человеколюбие и великодушие к несчастным.

«Что скажут нам на это те, которые обвиняют его в гордости и надменности, эти злые судии таких его доблестей, поверяющие правильное неправильным?

«Но что это все значит в сравнении с совершенством «Царя» в слове, с силою его дара учить, покорившею ему мир? До сих пор мы стояли еще при подножии горы, не восходя на ее вершину; до сих пор мы плавали по заливу, не пускаясь еще в широкое и глубокое море! Кто больше его просветился светом ведения, прозрел в глубины духа, и исследовал с самим богом все, что ведомо о боге?...

«Что услаждает нас на пиршествах, на торжищах, в церквах, что увеселяет начальников и подчиненных, монахов и уединенно-общежительных людей, бездолжностных и должностных, занимающихся любомудрием внешним, или нашим? Везде услаждает их одно: его писания и творения! Не нужно иного богатства, кроме его писаний. Умолкают старые толкования божьего слова, над которыми потрудились некоторые; возглашаются новые толкования, и тот у нас совершенней в слове, кто преимущественно пред другими знает его писания, имеет их в устах и делает внятными для слуха.

«Когда я имею в руках его *Шестоднев* и произношу его устно, тогда я беседую с творцом мира, постигаю законы его творения, и дивлюсь творцу более, нежели дивился прежде, имея своим наставником одно зрение *(природы)*. Когда я имею пред собою его обличительные слова на еретиков, тогда я вижу содомский огонь, которым испепеляются лукавые и беззаконные языки и самый Халанский столп, ко вреду созидаемый и прекрасно разрушаемый.

«Адам — рукотворение Божие — удостоен был вкушать райское наслаждение и принять первый закон, но (как бы мне, несмотря на уважение к прародителю, не сказать чего-либо хульного!) не соблюл заповеди. А «Великий царь» и принял и сохранил заповедь, он не потерпел вреда от древа познания и, пройдя мимо пламенного меча (совершенно это знаю!), достиг рая... Велик Авраам, патриарх и приноситель необычайной жертвы, который рожденного по обетованию приводит к даровавшему, как готовую жертву, поспешающую на заклание. Но не меньше жертва и «Великого царя», который **самого себя принес в жертву Богу,** и взамен не получил ничего равночестного такой жертве (да и могло ли что быть равночестным?)... Я хвалю лестницу Иакова, и столб, который он воздвиг богу, и борьбу его с богом (если это была борьба, а не приравнение), отчего и носит он на себе знамения побежденного естества... Но я хвалю также и лестницу, которую видел только «Великий царь», и прошел постепенными восхождениями к добродетели; я хвалю не помазанный, но воздвигнутый им Богу столб, который предает позору нечестивых... Иосиф был раздавателем хлеба, но для одного Египта, притом не многократно, и раздавал он хлеб телесный, а «Царь» был раздавателем для всех хлеба духовного, что для меня важнее Иосифова житомерия.

«И он **был искушен и победил,** и при конце его подвигов было громко провозглашено, что не поколебал его никто из многих покушавшихся поколебать, но что со многим превосходством низложил он искусителя, и заградил уста неразумию друзей, которые не знали тайны страдания... Самуил был отдан Богу до своего рождения и тотчас после рождения освящен, помазан из рога царей и священников; а «царь» **не посвящен ли богу с младенчества от утробы матерней?** не отдан ли ему и с хламидою (I Цар., II, 19)? **Не помазанник ли он господень,** взирающий в

*

пренебесное и святым духом помазующий совершенных?.. Соломон настолько преуспел в премудрости и созерцании, что стал славнее всех современников, а «Царь», по моему рассуждению, нимало не уступал ему в мудрости; он усмирял дерзость беснующихся царей, и не одна только Савская или какая другая царица приходила к нему от концов земли по слуху о его мудрости, ибо мудрость его стала известна на всех концах земли... Ты хвалишь дерзновение Илии пред мучителями и его огненное восхищение? Похвали же и жизнь «Царя» в огне, то есть во множестве искушений, и спасение чрез огонь, воспламеняющий, но не сожигающий, а также его прекрасный кожаный покров, дарованный свыше, то есть его **бесплотность**.

«Такова доблесть этого мужа, таково обилие его славы, что многое, маловажное в нем, другие думали обратить для себя в средство славы. Таковы были бледность лица, отращение на нем волос, тихость походки, медленность в речах, необычайная задумчивость и углубление в себя, которое во многих, по причине неискусного подражания и неправильного разумения, стало угрюмостию. И ты увидишь многих «Великих царей» по наружности, но это — изваяния, представляющие его тень, ибо нельзя сказать, чтобы они были его эхом. Эхо, хотя и есть лишь окончание речений, однако же повторяет их явственно, а эти люди более отстоят от него, чем сколько желают к нему приблизиться. Справедливо ставилось в великую честь, если кому случалось быть близким к нему, или прислуживать ему, или заметить на память что-либо сказанное или сделанное им, в шутку ли то или с намерением, чем, сколько знаю, и я неоднократно хвалился, потому что у него и необдуманное было драгоценнее и замечательнее сделанного другими с великим усилием.

«Когда, окончив течение и соблюдя веру, пожелал он разрешиться, и наступило время к принятию им венца, тогда услышал он не повеление: «взойди на гору и скончайся» (Втор., XXXII, 49, 50), но: «скончайся, и взойди к нам». И, вот, совершает он чудо не меньше описанных...

«Он лежал при последнем издыхании, призываемый к горнему ликостоянию, к которому с давнего времени простирал свой взор. Вокруг него волновался весь город. Нестерпима была потеря; жаловались на его отшествие, как на притеснение, думали удержать его душу, как будто можно было захватить и насильно остановить ее руками и молитвами (горесть делала их безрассудными). И всякий, если бы только было возможно, готов был предложить ему что-нибудь от своей жизни. Когда же все их усилия оказались напрасны (надлежало обличиться тому, что он был человек), и когда, изрекши последнее слово: «в руце твои предаю дух мой» (Пс., XXX, 6), и когда, поднятый ангелами, он радостно испустил дух, (предварительно тайноводствовавши присутствующих и усовершенствовав их своими наставлениями), и тогда открывается чудо, замечательнейшее из бывших когда-либо: святый был вынесен подъемлемый руками святых. Каждый из присутствовавших заботился лишь о том, чтобы взяться или за воскрилие риз, или за покров, или за священный одр, или прикоснуться к нему (ибо что священнее и чище его тела?), или даже только итти подле несущих, или насладиться одним зрением (ибо и оно доставляло пользу). Полны были торжища, переулки, вторые и третьи этажи; тысячи всякого рода и возраста людей, дотоле незнаемых, то предшествовали, то сопровождали, то окружали его одр и теснили друг друга. Псалмопения были заглушаемы рыданиями, и любомудрие разрешилось горестью.

«Скажу в заключение, что горесть окончилась действительным бедствием: от тесноты, стремления и народного волнения не малое число людей лишились жизни, и кончина их была ублажаема, потому что ушли отсюда вместе с ним и стали (как сказал бы иной усердный) надгробными жертвами. Когда же тело с трудом укрылось от хищных рук и оставило позади себя сопровождающих, тогда предано оно было гробнице отцов, и к иереям приложился архиерей, к проповедникам—великий глас (оглашающий еще мой слух), к мученикам—мученик...

«Таково тебе от меня слово, «Царь»! Кто же восхвалит меня самого, когда после тебя я окончу жизнь, если и доставлю слову нечто достойное похвалы?»

Читатель сам поймет, почему я привел эту речь, почти целиком.

Весь характер изложения и самый слог этого документа показывает на его очень позднее происхождение. Прежде всего тут нет никакой чертовщины и никаких невероятных чудес, кроме оленей, а затем цитируется и евангелие Луки, принадлежащее, как я уже показывал, X веку нашей эры. Но автор жил много позже даже и X века, он, очевидно, жил тогда, когда в культурном обществе Западной Европы началось уже свободомыслие, и проповедники и клерикальные писатели стали считаться с ним, стараясь нарядить и основоположников своей церкви в культурную одежду своего времени «извиняясь» за свои рассказы не только о нечистой силе, но даже и об «оленях».

И интересно здесь — то, что многие основные черты евангельского образа сохранились и тут, хотя автор и не подозревает, что Спаситель-Иисус и «Великий царь» только — два различные отображения основателя христианского богослужения.

Из всех 45-ти «словес», приписываемых авторами книгопечатной эпохи Бодрствующему Богослову, это единственное, представляющее философский интерес. Кто его написал? Это не был одноименный с ним шаблонный писатель XVI века, которого по какому-то непонятному недоразумению усердные коллекторы древностей переселили в IV век нашей эры, несмотря на то, что слог и идеология его более соответствуют ординарному церковному писателю XIX века. Здесь все признаки умышленной подделки и мистификации, так как автор прямо говорит, что «Великий царь» был его друг. Однако, возможно и то, что какой-нибудь самоуверенный писатель, зная, что издатели ищут сочинений «Григория Богослова», решил простодушно «восстановить его

надгробную речь «Великому царю», руководясь тем, что «ничего другого кроме этого и не мог говорить друг основателя христианского богослужения над его телом».

Живя среди женевской эмиграции в 1875 году, я сам был свидетелем случая, когда один из тамошних социалистов-федералистов, Ралли, восстановил таким же способом речь незнакомого ему рабочего, произнесенную на суде сената в России. Вышла, конечно, его собственная речь, как и в данном случае.[1]

Резюмируя все эти сообщения, мы находим следующее.

Предки «Великого Царя» были знамениты, отличались благочестием, укрывались (как Иосиф и Мария) от гонений Максимина (вместо Ирода) и чудесно питались в пустыне. Он был посвящен ими Богу с младенчества. Обладал необыкновенными дарованиями. Учился в доме отца, потом в «Столице» (Цезарии), потом в Царь-граде и в Афинах, где был известен еще до прибытия туда. Учился словесности и медицине. При возвращении в «Столицу» был сначала чтецом, потом пресвитером. Из-за несогласия с епископом он удаляется в Понтийскую пустыню, как и евангельский Великий Царь. Возвратившись в «Столицу» (Цезарию), он отвергает арианское учение и вступает из-за него в борьбу с Валентом, который осуждает его в ссылку, а Великий Царь соглашается исцелить его больного сына. Сын вскоре умер, и «Великого Царя» приговаривают к чему-то, но огромная толпа его сторонников защищает его. Его собственные епископы поднимаются на него, но он поражает их мечом своего слова. Он проповедует любовь к бедным и страждущим, строит приюты, кормит голодающих во время неурожая. «Суд твой по истине суд Божий», говорит ему Бодрствующий Богослов в 18-м слове.

Все это те же черты, какие мы видим и в абрисе евангельского Христа.

III. Остальные «творения», приписываемые Бодрствующему Богослову.

Интересны некоторые места в приписываемой ему статье «Стихи о самом себе», хотя это и не стихи.

Возьмем, например, место о землетрясении в Никее, бывшем в то время.

«Из имения, каким владел брат, иное поглотила разверзшаяся земля, когда и сам он был покрыт развалинами Никеи, а иное демон предал расхищению от рук негодных людей; только он сам, заваленный обломками, избежал смерти, потому что небесный бог простер свою руку над домом, в котором он находился. О цесаревич мой (Кесарий) — досточтимое имя! Как утренняя звезда блистал ты тогда при царском дворе, занимая первое место по мудрости и кроткому нраву, имея многих сильных друзей и товарищей! Для многих изобретал ты лекарства от тяжких телесных недугов; многих избавлял от нищеты своими благодеяниями;

[1] См. Эмигрантский журнал «Работник», № 1, 1875 г. Женева. Об этом обстоятельно рассказано во II томе «Повестей моей жизни».

но теперь ты умер, а я насытил множество псов, которые отовсюду обступили меня и лают на меня, а из родных никто не подает мне помощи. Немногие меня любят, да и те любят как враги: уважают, пока еще ничего не получили от меня, а получив, ненавидят. Так с высокого развесистого дуба, качаемого усилиями ветра, отовсюду вокруг отрываются ветви; так с обширного виноградника, у которого разрушена ограда, мимоходящие путники без милосердия собирают грозды, и пасущийся в лесах вепрь наносит ему вред зубами. А мне остался только многослезный труд: нет сил в моей руке ни насытить, ни отогнать всех...

«Седая голова и покрытое морщинами тело преклонились у меня к вечеру скорбной жизни. Но до сих пор не испивал я столь сильных и многочисленных горестей. Не страдал я так много и тогда, когда, отправляясь в Ахаию из Фаросской земли, я встретил море, обуреваемое ярыми ветрами при осеннем восхождении созвездия Тельца, которого особенно боятся пловцы, и немногие из них осмеливаются при нем отцеплять корабельную вервь. Двадцать дней и ночей лежал я на корабельной корме, призывая в молитвах царящего в горних обителях бога; пенистые волны, подобные горам и утесам, то с той, то с другой стороны ударяли в корабль, и нередко низвергались в него; от порывистого ветра, свистящего в канатах, потрясались все паруса; эфир в облаках почернел; он озарялся молниями и повсюду колебался от сильных ударов грома. Тогда предал я себя богу и избавился от ярого моря, усмиренного святыми обетами. Не страдал я столько и тогда, как колебались основания обширной и трепещущей Эллады и не видно было помощи в бедствии, а я трепетал от того, что душа моя не была еще освящена небесным даром...

«Как кто-нибудь, спасаясь от льва, набегает на лютого медведя, и, убежав от медведя, с радостию укрывается в доме и опирается рукою о стену, но там неожиданно поражает его змея; так и мне, избежавшему многих страданий, нет лекарства от бедствий. Что ни встречаю, все болезненнее прежнего. Везде ищу помощи, и повсюду обременяемый тобою, к тебе опять обращаю взоры, блаженный, к тебе, моя помощь, к тебе, вседержитель нерожденный, начало и отец начала — бессмертного сына; великий свет равного света, который, по неисследимым законам, из единого исходит в единое, — к тебе, сын божий, премудрость, царь, слово, истина, образ первообраза, естество, равное родителю, пастырь, агнец, жертва, бог, человек, архиерей; к тебе, дух, исходящий от отца, свет нашего ума, приходящий к чистым душою и творящий человека богом. Умилосердись надо мной, даруй и мне, как здесь в преклонные лета, так и в будущей жизни, когда вступлю в общение со всецелым божеством, радостно восхвалять тебя немолчными песнопениями!»

Но, ведь, это, читатель, совсем другой слог, чем в предшествовавших образцах, а следовательно, и другой автор, хотя тоже очень поздней книгопечатной эпохи!

55 Зак. 66

А из мест по естествознанию, имеющихся в «творениях Бодрствующего Богослова», я беру два примера из «**Советов девственникам**».

«Небольшая саламандра не бежит прочь от истребительного огня, но скачет в нем на низких своих ногах, как по земле. Есть огневидная рыба. Представляясь воспламененною, она не умирает от этого дивного огня, но горя, блещет среди воды. Камень магнит не притягивает ли к себе железной гири? И адамант не несокрушим ли? Есть камень, который от удара железом не издает сияния; а другой сияет от капель воды, но, издавая сияние в воде, перестает сиять от масла. Видел я евбейский (??) быстрый пролив — этот узкий проход и незамкнутый ключ моря, видел, как он неистовствует в своих возвратных течениях. Море то прибывает, то течет обратно назад. Океан то удаляется от земли, то опять поспешными волнами вторгается на сушу; и на киммерийских берегах ты видишь то поле, то море. Но есть и другой поток, как пламень огненный, если справедливо, что из утесов Этны извергается такая невероятная река-огонь, и несоединимое соединено в ней по воле Христа...

«Это производит природа. Выслушай же, чего домоглось искусство. Скворцы говорят подобно человеку, подражая чужому голосу, который они переняли, видя в зеркале изображение выточенного из дерева скворца, и слыша человеческий голос промышленника, спрятавшегося за зеркалом. И ворон тоже крадет звуки у человека. А когда нарядный и кривоносый попугай в своем решетчатом доме заговорит по-человечески, тогда он обманывает даже слух самого человека. Вешают канаты и по ним ходят кони. Степенный медведь идет на задних ногах и, как умный судья, заседая на судейском месте, держит в лапах (как можно подумать) весы правосудия; и зверь представляется одаренным умом. Человек научил его тому, чему не научила природа. Видал я также укротителя зверей, который сидит на хребте у могучего льва и рукой укрощает силу зверя. Он держит бразды, а бегущий лев, забыв свою ярость, повинуется господину и ласкается к нему. Видел я также тяжелого и великорослого зверя *(слона)* с большими зубами: мальчик индус сидит на нем, и небольшим бодцем заставляет его итти как корабль, поворачивая туда и сюда тело сильного слона. Бесстрашен был тот, кто первый умыслил укротить зверя, наложил ему на выю ярмо, и он повез огромную колесницу».

Таковы, читатель, были познания малоазийцев еще в IV веке! А вот, и еще слово «Бодрствующего» под названием:

«*Слово на женщин, которые любят наряды*: Не стройте, женщины, на головах у себя башен из **накладных** волос *(шиньонов)*: не выставляйте на показ нежной шеи *(не декольтируйтесь)*; не покрывайте дарованного богом лица гнусными красками и не носите маски. Женщине неприлично показывать мужчинам открытую голову, хотя бы золото вплетено было в кудри; неприлично, чтобы несвязанные, как у скачущей менады, волосы, развевались нескромными ветерками туда и сюда. Неприлично носить наверху гребень, на подобие шлема, или блестящую башню, видную издали мужчинам...

«Если ты стараешься понравиться взорам других, то это ненавистно твоему супругу. Лучше тебе внутри своего дома скрывать данные природой прелести, нежели неблагочинно выставлять напоказ прелести поддельные. Мужу довольно и природной твоей красоты. А если красота выставлена для многих, как сеть для стада пернатых, то сперва ты сама станешь любоваться тем, кто тобою любуется, и меняться с ним взорами, потом начнутся усмешки в обмен словами, сначала украдкой, а впоследствии уже с большею смелостию... Есть мужья, которые стараются превзойти друг друга в нарядах своих жен, чтобы одному перед другим иметь преимущество в неразумии. Часто и при недостаточном богатстве употребляют они все усилия, чтобы возбудить бесстыдство своих жен. Но ты никогда не давай меча своему врагу и не открывай горному потоку пути на свои нивы».

Опять, читатель,—нравы и наряды очень поздней эпохи, а не IV века нашей эры! А вот—образчики и эпитафий: тоже *в* позднем стиле.

«Плачьте, источники, реки, рощи, складкопевные птицы, прекрасно поражающие слух с вершины дерев; плачьте, ветерки, навевающие споим шелестом топкий сон; плачьте цветники харит, собравшихся вместе. О, прелестный сад Евфимия! сколько славным сделал тебя умерший, потому что ты носишь его имя! Если бывал кто прекраснее всех юношей, так это он. Если есть какое поле прекраснее всех полей, так это его Элизий. Потому и собрались в нем вместе все хариты. И хотя покинул жизнь Евимий. однако же оставил он свое имя этому восхитительному месту».

Или:

«Амфилохий умер, рушился прекрасный храм витийства, какой еще оставался у людей. Заплакали хариты, сошедшись с музами, а особенно заплакало о тебе твое любезное отечество — Диоцезария. «Малый я городок Диоцезария,—говорит она — но дарован мною великий муж алтарям правосудия, Амфилохий умер! Умерли с ним и пламенное красноречие и слава отечества производящего таких доблестных мужей».

А вот, и еще эпитафия:

«Не хвалю я, не хвалю, что ты, Цезарий, из всех человеческих достояний избрал один дар—могилу. Как горек этот камень, твоим престарелым родителям! Но так захотела зависть. И непродолжительна стала наша жизнь от таких горестей! Н в геометрии, и в познании положения небес, и в логическим искусстве состязания, и в грамматике, и во врачебной науке, и в силе витийства, один ты, Цезарий, своим крылатым умом объял всю мудрость, какая доступна тонкому человеческому уму. А теперь, увы! увы!—подобно всякому другому. ты стал горстию праха.

Или еще:

«Геракл, Эмпедотим, Трифоний, и ты, невероятная гордыня тщеславного Аристея! Умолкните со своими баснями! Вы смертны, а не блаженны со своими страстями. Но христоносная Нонна, служительница креста, презревшая мир, пройдя с мужественным духом стезю жизни, теперь, как желала, триблаженная, воспарила в пренебесный круг, оторвавшись от тела в храме. Лучезарный и пресветлый Ангел восхитил тебя, Нонна! Молилась ты, чистая и телом и умом, и он восхитил ум твой, а тело оставил здесь в храме. На огненной колеснице взошел на небо Илия; а Нонну принял к себе великий Дух».

Не более допустимы для IV века и те из приписываемых Бодрствующему Богослову мелких произведений, которые неизвестно почему называются «Стихотворениями».

Вот, например, четвертое из них:

«*О мире*»:

«Воспоем творение великого бога, опровергнув ложные мнения. Бог един. А то, что представляли себе эллинские мудрецы о материи и форме, будто они безначальны, то это ни на чем неоснованная басня. Разноименные формы вещества, сделанные у них богами, не существовали от начала, но получили бытие по воле великого бога. Видел ли кто когда-нибудь материю без формы? Нашел ли кто форму без материи, хотя бы очень много трудился в сокровенных изгибах ума? А я не находил ни тела бесцветного, ни бестелесного цвета. Кто отделит друг от друга то, чего не отделила природа, но свела воедино? Отдели форму от материи и рассуди сам: если бы они были вовсе несоединимы, то как бы сошлись вместе, или как бы образовался мир, когда они совершенно отдельны? А если они соединяемы, то как соединились? Кто, кроме бога, слил их между собою? Но если бог — соединитель, то его же признай и творцом всего. И горшечник на своем колесе дает форму глине, а плавильщик золота — золоту, и каменотесец — камням. Уступи же, любитель безначалия, уступи богу нечто превосходящее наш смысл! И это большее, чем наши силы могут сделать, пусть будет материя с движущимися формами. Помыслил божий ум, многохудожный родитель всего, и произошла материя, облеченная в формы»...

Могли ли так философствовать в IV веке? А вот — и еще.

«*О душе*»:

«Душа не есть естество истребительного огня, потому что пожирающему несвойственно одушевлять пожираемое. Она не естество воздуха, то выдыхаемого, то вдыхаемого, и никогда не остающегося в покое. Она не поток крови, пробегающий в теле, даже не гармония составных частей тела, приводимых в единство, потому что естество плоти и естество бессмертной формы не одно и то же... У меня не какая-нибудь общая, всем разделенная от меня и блуждающая по воздуху душа. В этом случае все бы и вдыхали и выдыхали одинаковую душу, и все, которые живут на свете, испустив дух, пребывали бы в других живущих, потому что естество воздуха в разные времена бывает разлито в

разных вещах. А если моя душа есть нечто пребывавшее в моей матери, когда составлялся мой зародыш, тоже живое существо в ее утробе, и если рождающая меня была матерью многих детей, то должно вменить ей в честь, что она издержала на детей своих много душ...

«Было время, когда высокое «Слово», следуя великому уму своего отца, создало несуществовавший дотоле мир. Оно рекло, и совершилось все, что было ему угодно. Но когда земля и небо, и море составили наш мир, нужен стал зритель премудрости — матери всего этого, благоговейный земный царь. Тогда «слово» рекло:

— «Угодно мне создать такой род тварей, средних между смертными и бессмертными — разумного человека, который увеселился бы моими делами, был мудрым тайником небесного. великим владыкою земли, новым ангелом из праха, песнопевцем моего могущества и моего ума».

«Так рекло «Слово», и, взяв часть новосозданной земли, бессмертными руками составило мой образ и уделило ему часть своей жизни. Оно послало в него дух, который есть струя невидимого божества... Как тело, первоначально сотворенное для нас из праха сделалось впоследствии потоком человеческих тел, и от первосозданного корня не прекращается до сих пор, заключая в одном человеке других: так и душа, вдохнутая богом, с этого времени входит в состав человека, рождаемая вновь и уделяемая многим из первоначального семени, и всегда сохраняет свой постоянный образ в смертных членах»...

Скажите сами, похоже ли это на стихотворение? Это типическая церковная диалектика конца Эпохи Возрождения, и размышление это интересно тем, что в нем впервые доказывается, что душа не есть вдыхаемый нами воздух.

Более похожа на стихотворение такая пьеса:

«*К самому себе*»:

«Где мои крылатые речи?
— «В воздухе.
«Где цвет моей юности?
— «Погиб.
«Где моя слава?
— Сокрылась в неизвестности.
«Где крепость моих хорошо сложенных членов?
— «Сокрушена болезнью.
«Где мое имение и богатство?
— «Иное взял бог, а другое зависть передала в хищные руки злодеев.

«Мои родители и священная двоица моих единокровных сошли в могилу. Оставалась у меня только родина. Но и оттуда изгнал злобный демон, воздвигнувший против меня черные волны.

«Теперь я, одинокий странник, скитаюсь на чужой стороне, влача скорбную жизнь и дряхлую старость. Я не имею для себя ни престола, ни города, ни детей, хотя обременен заботами о де-

тях и, непрестанно скитаясь, провожу на ногах день за днем.

«Где сброшу я с себя это тело?

«Где встречу я свой конец?

«Какая страннолюбивая могила укроет меня в себе?

«Кто положит землю на мои померкшие очи?..

«Лишь одно извлекает у меня слезы и приводит в страх — это суд божий, огненные реки и страшные, темные бездны».

В похвальном слове философу Герону, которого автор списал с александрийского аскета Величайшего (Максима), говорится:

«Плодом его философии были не какие-нибудь индийские растения — синдойсы; не странные животные — трагелафы, состоящие из козы и оленя; не сочетания ничего не значащих букв; не категории разложения и сочетания; не символы и парасимволы, ни вся номенклатурная мудрость и не взаимные сочетания звезд и созвездий, выдуманные для оскорбления божия промысла.

«Все это он считал предметами второстепенными, которыми можно заняться для забавы, чтобы не стать посмешищем для людей, выдающих себя знатоками таких вещей. Первым и важнейшим делом было для него иметь дерзновение перед царями, останавливать безрассудство волнующейся черни, заносчивость ученых, невоздержность смеха, чрезмерность скорби... Всего этого не предпочтет ли всякий здравомыслящий человек силлогизмам, и линиям, и рассматриванию звезд, рассудив, что если бы все занимались умозаключениями и стали геометрами и астрономами, то от этого не произошло бы никакой пользы для нашей жизни, а скорее все расстроилось бы»...

В V Слове *«О промысле»* он так выражается об астрологах:

«Ты, который представляешь звезды вождями нашего рождения, нашей жизни и целого мира, скажи: какое еще иное небо прострешь над звездами и поставишь ли над ним еще новое и новое, чтобы было кому водить водящих?

«Под одною звездою родится какой-либо царь и много других людей, из которых иный добр, а другой худ, один — вития, другой — купец, третий — бродяга, а иного высокий престол сделает надменным. Для многих, родившихся под разными звездами, равная участь и на море, и на войне. Кого связывали звезды, тех не связал между собою одинаковый конец...

«Необходимо кому-нибудь одному управлять: или богу или звездам... Таково мое слово. Оно независимо от звезд и идет своим путем. Не говори ты мне о своих гороскопах, о мелких частях зодиакального круга и о мерах пути; не разоряй у меня законов жизни, не уничтожай страха злочестивых и надежды добрых, борющуюся до конца! Если все дает звездный круг, то и я влекусь его же вращением, и самое хотение производится во мне тем же кругом. Нет у меня самого никакой силы воли или ума, которые вели бы меня к добру: к этому влечет меня небо.

«Не упоминай мне о великой славе христовой, о звезде-благовестнице, которая с востока путеводила волхвов в тот город, где воссиял Христос — безлетный сын нашего смертного рода! Она не из числа тех, истолкователями которых являются астрологи, но необыкновенная, не являвшаяся прежде, а отмеченная в еврейских книгах. Предузнав из них о такой звезде, халдеи, посвятившие свою жизнь звездословию, с удивлением отличили ее от множества наблюдаемых ими звезд и, приметивши, что она с новым сиянием несется с востока по воздуху в еврейскую землю, заключили из этого о рождении «Царя». И, именно, в то время, как, вместе с небожителями, поклонились «Царю» астрологи, отпало у них попечение о своем искусстве.

«Пусть же текут своим путем, который указал им «Царь»-христос, эти огнистые, вечнодвижущиеся, несовратимые с своих путей звезды, как неподвижные, так и блуждающие, описывающие, как говорят, одни и те же круги. Оставим без исследования, возможна ли природа огня, поддерживаемая без питания, или есть некоторое, так называемое, пятое тело *(очевидно, флогистон алхимиков)*. Пойдем своим путем. Ибо хотя мы, и узники земные, однако же спешим к разумному и небесному бытию».

Но это же, читатель, уже идеи XVIII века!

Надо не иметь ни малейшего понятия об истории астрологии или алхимии, чтобы удалить это в IV век нашей эры!

В другом месте (Слово XXIX), подражая Иову (XXVI, 31), автор восклицает:

«Пройди широту и долготу общей всем нам матери-земли, обойди морские заливы, соединяемые друг с другом (океаном) обозри красоту лесов и рек, обильные и неиссякающие источники вод, не только текущих поверх земли, холодных и годных для питья, но и тех, которые пробираются под землею по каким-то расселинам.

«От того ли, что их гонит и отталкивает крепкий ветер, или от того, что их разгорячает собственная борьба и сопротивление, они проторгаются понемногу, где только могут, на поверхность земли и во многих местах доставляют для нашего употребления различных свойств теплые ванны — это безвозмездное и самосоставленное лекарство? Скажи, как и откуда они? Отчего стоит земля твердо и неуклонно? Что поддерживает ее? Какая у нее опора? Наш разум не находит, на чем бы утверждаться ей, кроме божией воли... Отчего море хотя и воздымается, но все-таки стоит в своем месте, как бы стыдясь смежной суши? Отчего оно, хотя и принимает в себя все реки, но не прибывает? Почему для него — такой огромной стихии, служит пределом сыпучий песок?

«Что могут сказать на это естествоиспытатели, мудрые в пустом, которые, действительно, меряют море малою чашею, то есть измеряют великий предмет — своими малыми понятиями... Кто прорыл реки на равнинах и в горах? Кто дал им беспрепятственное течение? Какое чудо противоположностей: море не перепол-

няется, а реки не иссякают! Что питательного в водах? Отчего одни растения орошаются сверху, а другие напоеваются чрез корни?... Кто разлил воздух — это обильное и неоскудевающее богатство, которое не удерживается пределами, раздается не по возрастам, а подобно манне принимается всеми не более, чем нужно? Оно тем и честно, что уделяется всякому в равной мере. Воздух — это колесница пернатых тварей, это седалище ветров, он благорастворяет времена года, одушевляет животных, или лучше сказать, сохраняет душу в теле. В воздухе живут и тела и слова, в нем находится и свет, и освещаемое, и зрение, проникающее чрез него.

«Рассмотри и то, что далее воздуха. Я не соглашусь предоставить воздуху такую большую область, какая ему приписывается. Где хранилища ветров? Где сокровищницы снега? Кто родил, по писанию, капли росы? Из чьего чрева исходит лед (Иов, XXXVIII, 28, 29)?

«Кто часть воды остановил на облаках (не чудно ли видеть текучее вещество, удерживаемое в высоте одним словом!), кто другую часть облачной воды изливает на лицо земли и орошает ее благовременно и в должной мере, не оставляя всей влажной ее сущности свободною (довольно и бывшего при Ное орошения!) и не удерживает ее в высоте совершенно (чтобы опять не иметь нам нужды в Илии, прекращающем засуху)? Кто вытерпит безмерность того и другого бедствия, если посылающий дождь не распределит всего по своим мерам и весам?

«Какое любомудрое учение о молниях и громах предложишь мне ты, который гремишь с земли, хотя не блещешь и малыми искрами истины? Назовешь ли причиною этого какие-либо испарения, выходящие из земли и производящие облака, или какое-нибудь сгущение воздуха, или сжатие и столкновение редчайших облаков, так что сжатие производит у тебя молнию, а расторжение — гром? Или наименуешь в облаках какой-нибудь угнетенный и потому не находящий себе выхода ветер, который, будучи нагнетаем, блистает молнией и, проторгаясь, издает гром?..

«Кто округлил небо, расставил звезды? Лучше же сказать, что такое самое небо и звезды? Можешь ли сказать это ты, человек высокопарный, который не знаешь и того, что у тебя под ногами? Ты не можешь привести в должную меру себя самого, и любопытствуешь о том, что выше твоей природы, и желаешь объять неизмеримое! Положим, что постигнуты тобою круги круговращения, приближения, отдаления, восхождения звезд и солнца, какие-то их части и подразделения и все то, за что превозносишь ты свою чудную науку. Но это еще не уразумение сущего, а только наблюдение над каким-то движением, подтвержденное долговременным упражнением. Это — приведение к единству наблюдений многих, а потом придумали для него закон и возвеличили именем науки. Так видоизменения луны стали известны для многих, и тут зрение было принято за начало познания!

«Но если ты очень знающ в этом и хочешь, чтобы удивлялись тебе по праву, то скажи: какая причина такого устройства и движения? Отчего солнце поставлено в знамение целой вселенной, перед взором всякого, как вождь сонма светил, светлостью своею затмевающий прочие звезды более, нежели сколько затмеваются они некоторыми из них самих? Хотя звезды и сами светят, однако же солнце превосходит их светом, и звезды невидимы, как скоро восходят вместе с солнцем... Как творит солнце день на земле и ночь под землею? Что значит это прибавление и убавление дней и ночей, это (употреблю несколько странное выражение) равенство в неравенстве? Как солнце производит и разделяет времена года, которые чинно приближаются и удаляются, и, будто в хороводе, то сходятся друг с другом, то расходятся? Они сходятся по закону любви, расходятся по закону благочиния, даже постепенно между собою сливаются и неприметно приближаются, подобно наступающим дням и ночам, чтобы внезапностию своею не произвесть скорбного ощущения.

«Но оставим солнце.

«Познал ли ты естество и видоизменения луны, меру света ее и пути? И каким образом солнце владычествует над днем, а она начальствует над ночью? Одна дает смелость звездам, другое поднимает человека на дело и идет так, как наиболее полезно: то возвышаясь, то понижаясь?

«Совсем не то «святые светы явлений господних» — продолжает он в XXXIX Слове. — «Здесь мы видим не жреческое искусство магов, не угадывание будущего по рассеченным жертвам; здесь не халдейская астрономия и наука предсказывать судьбу по дню рождения, наука, сливающая нашу участь с движением небесных светил, которые не могут знать о себе самих, что они такое, или чем будут; здесь не оргия Фракийцев, от которой, как говорят, ведет начало слово Фрискейство, т. е. наше богослужение; здесь не обряды и таинства Орфея, мудрости которого столько дивились Эллины, что выдумали басню, будто лира его все увлекает своими звуками; здесь не справедливые истязания, наложенные Митрою для тех, которые решаются приступить к его таинствам; здесь не растерзание Озириса (другое бедствие, чтимое египтянами!), не несчастные приключения Изиды, не почтеннейшие козлы мендезиян, не ясли Аписа-Тельца, лакомо откармливаемого по простодушию жителей Мемфиса; здесь не то, чем в своих чествованиях оскорбляют они Нил, плодоносный и доброкачественный, как сами они его воспевают, и измеряющий благоденствие жителей локтями подъема своей воды.

«Нет! Здесь, начало премудрости — страх. Где страх, там соблюдение заповедей; где соблюдение заповедей, там очищение плоти, этого облака, омрачающего душу и препятствующего ей ясно видеть божественный луч...» Этот страх, — договаривается он, наконец, начав свое «Слово» и не зная еще, куда приведет его собственное пустословие, — и есть «святые светы явлений господних».

Озаренный таким светом клерикальный автор 2-го обличи-

тельного Слова от имени «Бдящего богослова» против Юлиана, восклицает к нему:

«Как же ты говоришь, что греческая образованность—твоя? Не финикиянам ли принадлежат письмена, или, как думают другие, не египтянам ли, или не евреям ли, которые и их превосходят мудростию и которые веруют, что самим богом был начертан их закон на богописанных скрижалях? Тебе ли принадлежит аттическое красноречие? А игра в шашки, наука чисел, искусство считать по пальцам, меры и весы, и искусство строить полки и воевать — чье это? Не евбеян ли, потому что в Евбее родился Паламид, который изобрел многое, и, возбудивши этим зависть, потерпел наказание за свою мудрость, то есть, приговорен был к смерти воевавшими против Илиона.

«Итак, что же? Если египтяне, финикияне, евреи, у которых и мы заимствуем многое для своего научения, если, наконец, жители острова Евбеи будут по-твоему присваивать себе все это, как собственность, то что нам остается делать? Чем будем защищаться против них, быв уловлены собственными законами? Не придется ли нам лишиться всего этого, и, подобно галке в чужих перьях, видеть, что у нас их оборвут, а мы останемся голыми и безобразными? Твоя ли собственность — стихи? Право на них оспаривает та старуха, которая, когда толкнул ее бежавший навстречу юноша, стала бранить его, и в жару гнева, как рассказывают, выразила брань свою стихом. Этот стих очень понравился,— говорят,— тому юноше и, приведеный им в правильную меру, послужил началом стихотворства, столько тобою уважаемого! А что сказать о прочем? Если ты гордишься оружием: то от кого, храбрейший воин, у тебя оружие? Не от циклопов ли, от коих ведет свое начало искусство ковать? Если представляется тебе важною, и даже важнее всего, багряница, которая сделала тебя и мудрецом и установителем законов: то не должен ли ты отдать ее тирянам, у которых пастушья собака, съевши улитку и вымаравши свои губы багряным ее соком, показала пастуху пурпуровую краску, и передала вам, царям, через тирян это пышное рубище, плачевное для злых?

«Что еще сказать о земледелии и кораблестроении, которых могут лишить нас афиняне, рассказывающие о Деметрах, триптолемах, драконах, Келеях и Икарах и передающие об этом множество басен, на которых основываются ваши срамные таинства, по истине достойные ночной тьмы? Угодно ли тебе, чтоб я, оставив прочее, обратился к главному предмету твоего безумия или, лучше, злочестия? Посвящаться и посвящать в таинства и служить богам, — откуда пришло к тебе? Не от фракиян ли? В этом и самое слово θρησκεύειν (фрескеуть — служить богам) может тебя удостоверить. А жертвоприношения — не от халдеев ли? Астрономия не вавилонянам ли принадлежит? Геометрия не египтянам ли? Магия не персам ли? Гадание по снам — от кого, как не от телмисян? Птицегадание — от кого, как не от фригийцев, которые прежде других стали замечать полет и дви-

жения птиц? Но, — чтоб не многословить, — скажу сразу: откуда у тебя все частные принадлежности богопочитания?»

Так автор этой пьесы от лирики Эпохи Возрождения спустился к чисто богословскому красноречию по образцу Иова Многострадального. Считать это за документ IV века не смешно ли?

Поздний характер сочинений, приписываемых Бдящему Богослову, еще лучше доказывается в приписываемой ему 45-й речи на христианскую Пасху по ее витиеватому слогу, например при описании «воплощения слова божия в Деве»:

«Само божие слово, превечное, невидимое, непостижимое, бестелесное, начало от начала, свет от света, источник жизни и бессмертия, отпечаток первообраза, печать непереносимая, образ неизменяемый, определение и слово отца, приходит к своему образу, носит тело ради тела, соединяется с разумною душою ради моей души, очищая подобное подобным, делается человеком по всему, кроме греха. Хотя и чревоносит его Дева, в которой душа и тело предочищены духом (ибо надлежало и рождение почтить и девство сохранить), однако же происшедший от ее чрева есть бог, нечто единое из двух противоположных естеств, тела и духа, из которых один обожествлен и другой обожествлен.

«О новое смешение! О чудное растворение! Существующий начинает бытие, несозданный созидается, необъемлемый объемлется через разумную душу, посредствующую между божеством и грубою плотию; богатящий обнищевает до моей плоти, чтобы мне обогатиться его божеством; преисполненный истощается ненадолго в своей славе, чтобы мне быть причастником его полноты. Какое богатство благости! Что это за таинство о мне? Я получил божий образ и не сохранил его, но он воспринимает мою плоть, чтобы и образ спасти, и плоть обессмертить! Он вступает во второе общение с нами, которое гораздо чуднее первого, так как тогда даровал нам лучшее, а теперь сам воспринимает худшее; но это еще благолепнее первого для имеющих ум».

В заключение, чтоб немного стушевать впечатление этого средневекового пустословия, я приведу кое-что и из приписываемых Бодрствующему Богослову частных писем.

Вот, прежде всего, к «Великому Царю» (Василию Великому):

«Смейся! Черни все наше в шутку или в правду! Не в том дело! Будь только весел, упивайся своею ученостью и наслаждайся моею дружбою. А для меня все, что идет от тебя, что бы это ни было и каково бы это ни было, все приятно. И, если только я понимаю тебя, мне кажется, что и над здешним ты смеешься не для того, чтобы осмеять, но для того, чтобы привлечь меня к себе подобно тем, которые преграждают реки, чтоб заставить их течь иначе. Ты всегда поступаешь так со мною.

«Буду же дивиться твоему Понту и понтийскому сумраку, этому жилищу, достойному беглецов, этим висящим над головою гребням гор, и диким зверям, которые испытывают нашу веру; этой лежащей внизу пустынке, или кротовой норе, с почетными

именами; этим обителям, монастырям, училищам, этим лесам диких растений, этому венцу стремнистых гор, которыми вы не увенчаны, но заперты. Буду дивиться тому, что воздух у вас в меру, и солнце в редкость, и вы видели его как бы сквозь дым, вы, понтийские киммеры, люди бессолнечные, осужденные не на шестимесячную только ночь, как рассказывают некоторые люди, у которых целая жизнь — одна длинная ночь, и в полном смысле (скажу словами писания) *сень смертная*»... (Лук., I, 79)

А вот, и еще к нему же (письмо 39).

«Как? Будто бы что-нибудь твое для меня то же, что оторванная ягода на виноградной лозе? Какое вырвалось у тебя слово из ограды зубов, о божественная и священная глава? Или как отважился ты вымолвить это? Для того только разве, чтоб и я мог отважиться немного? Как подвиглась на это твоя мысль, как написало чернило, как приняла бумага? О науки, о Афины, о добродетели, о труды, поднятые для науки! Написанное тобою едва не делает меня трагиком! Меня ли ты не знаешь, или не знаешь себя самого! Как может быть маловажным для Григория что-нибудь твое, о око вселенной, о звучный глас и труба, о палата учености? Чему же иному станет кто дивиться на земле, если Григорий не будет дивиться тебе? Одна весна в году, одно солнце между звездами, одно небо объемлет собою все, один голос выше всех, и это (если способен я только судить о подобных делах и если не обманывает меня любовь, чего не думаю),— это твой голос! А если ставишь мне в вину, что не хвалю тебя, как надлежало бы, то вини за это всех людей. Никто другой не хвалил и не хвалит тебя так, как стало бы хвалить тебя твое велегласие, если бы можно было хвалить самого себя и если б дозволял это закон похвальных слов. А если обвиняешь меня в презрении, то почему не обвиняешь сперва в безумии? А ежели негодуешь на то, что я любомудрствую, то позволь сказать: это одно выше твоих слов».

А вот, и письмо к Юлиану, и несомненно к императору Юлиану, как видно по самому содержанию (VI, 56/167). Но оно уже более правдоподобно для автора IV века, чем приведенное выше, с попреками за самомнение:

«У меня много прав на дружбу с тобою, кроме же всего прочего есть общая любовь к наукам, которая для многих всего более заслуживает уважения и располагает к дружбе. Предлога же ко вражде с тобою нет ни одного, и дай бог, чтобы и не было. То, что тебя огорчил брат Никовул, не больше касается до меня, как и то, что делается в Индии; знаю только, что не давал я своего одобрения ни на что между вами случившееся. Потому не вменяй мне ничего и не умышляй ради такой причины ничего худого сам против себя, но доверши то человеколюбивое дело, какое обещано тобою бедным. А также и моих клириков, за которых я просил, освободи от переписи. Когда другие жертвуют богу всем именнем своим, как тебе не захотеть сделать добро даром, и когда многим городам даются в дар все служащие алтарю, как не получить мне в дар тех, которые при мне и прислуживают мне, и как не получить их от тебя, человека очень ко мне близкого, которому и сам я, может быть, не делаю стыда. Свидеться с тобою не удалось, потому что болезнь угнала меня в Тиану, искать уврачевания, пока есть время. Извини меня в этом. Ты вместо меня имеешь бога, который всегда с бедными и помогает им, и которого ты более должен уважить, чем мое присутствие».

И еще к нему же:

«Хорошо ты сделал, что пригласил меня к себе в дом, чтобы вместе с тобою подумать об уравнении налогов: это дело стоит не малой заботы. Очень охотно свиделся бы с тобою, если бы я был здоров, и приду, если сделается это возможным. А теперь личное свидание заменяю письмом. Знаю, что ты произошел от священных родителей, и с детства рос в божьем страхе. Поэтому все, что ты признаешь полезным для доброй о себе славы и для спасения души, ты, конечно, сделаешь, хотя бы я и не писал тебе о том... И самое важное дело, о котором тебе прежде всего должно подумать, состоит в том, чтобы избрать сотрудниками людей, о которых знаешь, что они отличаются благоразумием и доброю нравственностью; ибо что пользы в том, что кормчий хорош, если гребцы дурны?»

Понятно, что этот Юлиан считается «за некоего другого Юлиана», а не за императора Юлиана, бывшего школьного товарища Бодрствующего Богослова. Но самое содержание письма об общей любви к наукам и с просьбой освободить от налогов, показывает, что дело идет именно о нем. В таком случае это одно из немногих писем, которые можно считать за подлинные, тем более, что тут нет никаких средневековых прикрас и ссылок на более поздние библейские или евангельские книги или на классических писателей.

Приведу также выдержку из письма 130 к Адельфию:

«Не знаю, что с тобою сделалось, какое омрачение объяло тебя?.. Как ты не слышишь, что говорит Писание; не даждь женам твоего богатства и твоих имений (Притч., XXXI, 3)?.. Прискорбно, что дом, обогащенный столькими трудами, ты расстроил и разорил. Но гораздо ужаснее, что девиц, которые твоими родителями и тобой самим, посвящены богу, ты святотатски похищаешь, и иные стали уже твоими, а других приводишь в страх, что потерпят то же. Побойся бога, которому служишь, постыдись меня, удержись от всякого лукавого произволения. Если бы можно было тебе узнать ту молву обо всех нас, к какой подаешь повод, то, может быть, не потребовалось бы для тебя иного увещания, но самый стыд употребил бы ты в советники о том, что должно делать... Многое я не стану писать, зная что, если не вразумит тебя страх бога, то мало сделают слова или вовсе ничего не сделают. Железом легко выводить черты на воску, но трудно на железе, а алмазе не выведешь ничем самым твердым, по жесткости его состава».

Здесь нам интересны не обычные монашеские нравоучения, а только последняя фраза, об алмазах: откуда их получали бы в IV веке и чем гранили?

О женщинах же более интересно его письмо к императору Валентиниану, который, как говорят церковные авторы, в насмешку поселил против его жилища — Корвальской обители — каких-то легкомысленных женщин.

«Самым нечестивым образом гонишь ты нас из Корвалы (употребляю такое слово, изменив его немного), — гонишь не словом, но делом, и весьма жестоко. Гораздо лучше было бы объявить приказ о нашем удалении явным предписанием, нежели нарушать святость нашей жизни поселением женщин прямо против нас... Когда вы *(мужчины)* приходите на это место, то мы принимаем вас и лобызаем; но от женщин мы также спешим удалиться, как и от набега ехидн. Поэтому дело наше кончено, мы перехитрены тобою, предались бегству, сами себя подвергли наказанию, оставив и труды рук своих и надежды и принеся немало извинений пред святыми мучениками»...

Этим «постыдным бегством» Бодрствующего от его соседок я и закончу мой в общем беспристрастный обзор «Творений Григория Богослова». Конечно, я и этот рассказ считаю, если не умышленно апокрифическим, то попавшим в его труды из писем какого-нибудь одноименного с ним Григория более позднего времени. А то, что все эти сочинения, именно, нового происхождения, сомневаться невозможно — и по их витиеватому слогу с многочисленными придаточными предложениями, и по самой идеологии и по отсутствию описания всевозможных чудес, которыми жили наши предки вплоть до книгопечатной эпохи и даже в ее первые века.

Подумайте только о следующем.

Пусть, например, создание еврейской Библии вы, несмотря на мои вычисления, все еще относите за несколько веков до начала нашей эры. Что вы там видите? Описание чудес и божеских и ангельских явлений на каждой странице. Вот, Моисей поражает египтян семью язвами, превращая свой посох в змею и обратно, и выбивает источник воды из скалы ударом; вот, ворон кормит Илью пророка, а Илья устраивает вдове кувшин неиссякающего масла, исцеляет мертвого и, наконец, улетает на небо на огненной колеснице; вот, Елисей проклинает смеющихся над его плешью мальчиков, и тотчас их съедают медведицы. Таковы были с обычной точки зрения писательские опыты, будто бы, «до начала нашей эры».

А в начале ее (тоже не по моей, а по обычной хронологии) возникли евангелия, где главный герой рассказа по имени бог-Целитель (по-еврейски — Иисус) совершает не меньше чудес.

Потом в IX и X и XI веках возникают «Жития Святых», в которых чудес прямо без конца! Вы видите во всех произведениях древности и средневековья лишь чудеса да чудеса до самого позднейшего времени, когда реализм взял, наконец, верх над мистикой!

А где же здесь эти непременные аттрибуты всякого действительного церковного писательства средних и древних веков?

Я привел вам тут образчики «творений», приписываемых авторам IV века: Великому Царю (Василию), Бодрствующему Богослову (Григорию) и, как ни искал я в них знамений или чудес, я так и не нашел почти ни одного. Все написано таким способом, как будто эти произведения принадлежат церковному автору нашего собственного времени!

Они очищены почти от всего чудесного, о чем вы читаете в действительных старинных «Житиях святых», и значит сочинены уже после них. Это явные произведения новейшего времени, когда чудесное стало казаться уже невероятным и вместо благоговейного страха начало возбуждать скептическую усмешку.

За исключением очень немногих личных писем, вроде письма Юлиану, все эти произведения написаны позднее XI века нашей эры.

ГЛАВА III

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО, ПРИПИСЫВАЕМОЕ ИОНИЙЦУ «ЗОЛОТЫЕ УСТА»

Нам остается только дать характеристику литературного творчества, апокрифируемого теологами третьей знаменитости IV века Иоанну [1] Златоусту. Ему прежде всего приписывается современная обычная литургия, в отличие от более растянутой «литургии Василия Великого», которая служилась до последнего времени лишь 10 раз в году, исключительно во время великого поста.

Но как более громоздкая, последняя из этих двух литургий должна принадлежать более позднему времени, и потому мы можем сказать, что лишь зачаток ее мог принадлежать «Великому Царю», и этот зачаток должен был в дальнейшем своем развитии пройти через златоустовскую стадию. Да и литургия Златоуста, в которую входит и чтение евангелий, ни в каком случае не является точным воспроизведением первоначального образца, почему я и не ввожу ее в этот свой обзор творений Иоанна. Единственное произведение, принадлежность которого ему я считаю несомненным и сохранившимся (за исключением нескольких третьестепенных приписок и описок) очень хорошо, — это Апокалипсис, возникновение которого в конце IV века мне удалось доказать астрономически, на основании гороскопа, приведенного в VI его главе, и дополнения к нему в начале XII главы.

[1] Имя Иоанн по-еврейски יונע (ИУНЕ) значит Ионией, житель Голубиной страны. Этот очерк написан мною еще до революции и сдан в печать зимой 1930—1931 г. Но псевдо-Иоанн Златоуст имеет такое огромное значение для средневековой истории, что я посвятил ему при сотрудничестве М. С. Дмитревского особое большое исследование, еще не напечатанное.

В последующее время я искал достаточных астрономических указаний и в двенадцати томах «Творений», приписываемых Иоанну Златоусту, но не нашел в них ничего пригодного для астрономических определений, кроме такой заметки в 88-й беседе: «Затмение совершается в несколько минут, как известно тем, кто наблюдал это явление. Таким было и затмение, случившееся в наше время» [1].

Отсюда выходит, что при авторе как будто наблюдалось солнечное затмение, полная фаза которого была в несколько минут. Но такого не было в Царь-Граде, начиная с затмения 29 года нашей эры (24 юлианского ноября) и кончая 606 годом (14 июня). Наиболее подходящим оказывается затмение 20 ноября 393 года, которое в случае ясной погоды могло быть наблюдаемо в полном виде в двух-трех десятках километров к югу от Босфора, и

Рис. 156 и 157. Два апперцепционные представления об основателе христианской литургии. Первое — как Иоанн Златоуст, второе — как Иоанн Богослов.

оно было как раз за два года до выхода Апокалипсиса. Возможно, что память о нем и сохранялась не одно столетие в связи с рассказами об Иоанне и послужила поводом к сочинительству.

Но сама проповедь, в которой приведена только-что цитированная мною фраза, ни в каком случае не может быть признана подлинною. Она приведена в беседе на тему о другом, небывалом солнечном затмении, яко бы случившемся при столбовании евангельского Христа, которое сам автор считает не обычным, как все другие затмения, а чудесным.

— «Вот что случилось, — говорит он, — во время распятия на кресте! И это тем более удивительно, что произошло в то время, как он пригвожден был к кресту, а не тогда, когда ходил по земле. Но не это одно дивно. Дивно то, что знамение, которого они [2] искали, явилось во всей вселенной, чего прежде никогда не случалось, разве только в Египте, когда надлежало совершить пасху, что было прообразом настоящих событий. Заметь и время, когда это происходило: в полдень, когда по всей вселенной был день, дабы видели все обитатели земли. Этого достаточно было бы, чтобы обратить их к истине, не только в виду величия чуда, но и в силу его благовременности. В самом деле, оно совершается уже после всех дел безумия иудеев, после беззаконного издевательства, после того, как они уже оставили свое неистовство, когда перестали насмехаться, когда насытились бесстыдными ругательствами и высказали все, что хотели. Только после всего этого показал он тьму, чтобы по крайней мере теперь они укротили гнев свой и извлекли себе пользу из чуда. Совершить такие знамения на кресте было гораздо удивительнее, нежели сойти с креста. Если бы они думали, что это чудо совершил он, то необходимо надлежало им верить в него и трепетать. А если бы думали, что это не он, а отец его, — то и тогда им надлежало бы притти в сокрушение, так как мрак этот свидетельствовал о том, что отец его прогневан был их преступлением».

[1] «Полное собрание творений святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе». Издание СПБ. духовной академии, 1901 г., стр. 867.

[2] Т. е., вероятно, — астрономы, что могло быть только в позднюю Эпоху Возрождения.

Вся эта речь объявляется произнесенною на текст из евангелия Матвея: «и была тьма по всей земле от часу шестого до часу девятого» (Матвей, XXVII, 45—46), откуда следует, что автор писал уже после выхода евангелий, т. е. не ранее VII — IX веков нашей эры. Но и такая дата для него не подходит. Слог ее, как мы только-что видели из взятого отрывка, вовсе не тот, как в евангелиях и в Апокалипсисе. В последних почти каждая фраза написана без придаточных предложений и начинается с предлога «*и*». Везде говорится: «и пошел Иисус», или «и увидали ученики его» и т. д. А здесь мы видим уже развитую фразеологию, образовавшуюся только в Эпоху Гуманизма в Западной Европе, причем деепричастия и слово «который» тут очень употребительны.

Чтоб показать характер этих «златых струй из златых уст», как называли теологи поучения Златоуста, я приведу лишь некоторые из них.

Вот, например, начало беседы на знаменитое «родословие Христа», приведенное у Матвея в первой главе его евангелия.

«Лист родословия Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова. Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду» и т. д. на целой странице.

Казалось бы, что тут ничего не придумаешь для комментария. Ведь, это — сухой перечень. Но и из такой бесплодной, как песок, почвы, автор-теолог сумел извлечь «златые струи красноречия».

«Помните ли вы, — говорит он, — наставление, которое недавно мы сделали вам, прося внимательно слушать все, что будет говориться, с глубоким молчанием и с благоговейною тишиною? Вот, и сегодня мы снова должны вступить в священные преддверия, почему я и напоминаю снова о том наставлении. Если иудеям, когда им надлежало приступить к горящей горе, к огню, тьме,

мраку и буре (а лучше сказать, даже и не приступить, а видеть и слышать все это издали), еще за три дня велено было воздерживаться от общения с женами и вымыть одежды. Если и сами они, а равно и Моисей, находились в страхе и трепете, — то тем более должны мы показать высшее любомудрие, когда нам надлежит услышать такие великие слова и не издали предстать пред дымящейся горой, а взойти на самое небо. Не одежды мы должны омыть, а очистить наши души и освободиться от всякой житейской примеси. Не мрак увидите вы, не дым, не бурю, а самого царя, сидящего на престоле неизреченной своей славы, увидите предстоящих ему ангелов и архангелов, и сонмы святых с бесчисленными тьмами небесных воинств. Таков град божий, вмещающий в себе церковь первородных, духи праведных, торжествующее собрание ангелов, кровь кропления, чрез которую все соединено и даже небо восприняло земное, а земля — небесное, настал мир давно вожделенный для ангелов и святых».

Читатель мой сам видит, насколько усовершенствовался тут литературный слог сравнительно с только-что приведенным началом евангелия Матвея: «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова» и т. д. и т. д. в таком же роде. А затем и еще лучше.

Известно, что евангелист Матвей, сочиняя это родословие, попал по наивности впросак. Он объявил, что перечисляет предков Иисуса, а вместо того перечислил предков Иосифа, фиктивного мужа Марии, который был только чем-то вроде опекуна, так как она родила Иисуса не от него, а от святого духа. Как выйти из такого по истине безвыходного положения?

Очень просто! — Привожу начало следующей беседы на тот же текст.

«Вот, уже третья беседа, — говорит автор, — а мы еще не кончили даже и нашего предисловия. Не напрасно говорил я, что размышления эти, по свойству своему, весьма глубоки. Постараемся же сегодня досказать о том, что нам еще остается. О чем теперь у нас вопрос? О том, для чего евангелист представляет родословие Иосифа, который нимало не был причастен к рождению Христа. Какая же это причина? Очень простая. Евангелист не хотел, чтобы еще при самом рождении Христа известно было иудеям, что он родился от девы. Не смущайтесь, если сказанное сейчас мною для вас странно: я говорю здесь не свои слова, но слова наших отцов, чудных и знаменитых мужей. Если Господь многое первоначально скрывал во мраке, называя себя сыном человеческим; если он не везде ясно открывал нам свое равенство с отцом, — то чему дивиться, если он скрывал до времени и о своем рождении от девы, устрояя нечто чудное и великое?

«А что же здесь чудного, скажешь ты? Чудно то, что дева сохранена и избавлена от худого подозрения. Если бы об этом с самого начала сделалось известно иудеям, то они, перетолковав дело в худую сторону, побили бы деву камнями и осудили бы как блудницу. Если они, обнаруживая свое бесстыдство, называли

Христа беснующимся, когда он изгонял бесов, считали его противником богу, когда он исцелял больных в субботу, несмотря на то, что суббота и прежде многократно была нарушаема, — то чего не сказали бы они, услышав об этом? Им благоприятствовало и то, что в прежнее время никогда не случалось ничего подобного. Если и после многочисленных его чудес они называли Иисуса сыном Иосифовым, то как бы поверили они, еще прежде его чудес, что он родился от девы? Вот почему и пишется родословие не его, а Иосифа, которому только «обручается дева».

Неправда ли, читатель, какие тут по истине «златые струи из златых уст»? И можно ли думать, что такою литературной изворотливостью обладали еще жители IV века нашей эры, не имевшие в своем распоряжении ни хороших карандашей, ни даже писчей бумаги? Но и этим дело не кончилось. Еще новую речь произнес автор по поводу того, зачем Матвей разделил свое родословие на три части по 14 родов в каждой. Я уже доказывал не раз в этом своем исследовании, что по каббалистическим причинам, желая дать шесть семерок, однако — увы для меня! — это оказывается совсем-совсем не так.

Евангелист, — говорит Златоструй в третьей беседе на ту же тему, [1] — разделил все родословие на три части, желая тем показать, — что бы вы думали? — то, «что иудеи с переменою правления не делались лучшими; что и во время аристократии, и при царях, и во время олигархии предавались они тем же порокам, как и под управлением судей, священников и царей и что они не оказали никакого успеха в добродетели... Вот для чего Матвей разделил свое родословие Христа на три части! — восклицает он и сам же прибавляет:

— «Какое глубокомыслие!

А для чего же евангелист в средней части родословия опустил трех царей, и в последней, поместив двенадцать родов, сказал, что их четырнадцать? Первое, — отвечает хитро автор, — я предоставляю собственному вашему исследованию, не почитая нужным решать для вас все, чтобы вы не обленились. О втором же скажу: евангелист причисляет к родоначальникам Христа и само «время пленения Вавилонского и самого Иисуса Христа, всюду совокупляя его с ними. Он прибавил к предкам его и время пленения, показывая, что иудеи и в плену не сделались благоразумнее, так, чтобы из всего этого была видна необходимость пришествия Христова».

Все это, конечно, так убедительно, что мне, посрамленному, приходится сделать только одно: оставив родословие Христа, перейти со стыдом к другим «златым струям из златых уст».

Но их у Златоуста так много, что совершенно теряешься. Апокрифисты перебирают от имени его почти все тексты Библии и Евангелий сплошь, обливая каждый текст в изобилии своим

[1] Том VII, стр. 55 русского перевода.

«словесным молоком», как говорил апостол Петр. Возьмем хоть две фразы из книги Бытия (XVI, 4).

«И взяла Сара, жена Авраамова, египтянку Агарь, свою служанку, и дала ее ему в жены. Он вошел к Агари, и она зачала и потому стала пренебрегать своей госпожей.

«И сказала Сара Аврааму: «ты виноват в моей обиде! Суди бог между мною и тобою».

Опять я спрашиваю вас: что особенное извлекли бы вы из этого? А вот, автор от имени Златоуста говорит типичнейшим многословным языком церковных проповедников XVIII века, переворачивая много раз на разные лады ту же самую фразу, в попытке внушить читателю, что тут в каждом слове глубокий смысл:

«*Суди Бог между мною и тобою!*»—сказала Сара Аврааму.

«О, слова души огорченной! Ведь, если бы в праотце не было столько любомудрия, и он не имел великого уважения к Саре, то он вознегодовал бы и оскорбился бы такими жестокими (??) словами. Но этот достойный удивления муж все ей простил, зная слабость женского пола.

«*Суди бог между мною и тобою!*»

«Помысли, — говорит жена своему мужу — на какой поступок я решилась для твоего утешения, желая, чтобы, хотя в старости, назвался ты отцом; я возвела рабу мою в мое достоинство, а ты, видя ее столь неблагодарною, не наказал ее и не вознаградил меня за внимание, какое я показала к тебе.

«*Суди бог между мною и тобою!*»

«Тот, который знает сокровенные помышления каждого, тот будет судиею между нами и рассудит, как я, будучи выше всякого пристрастия, предпочла твое утешение собственному и возвела на свое ложе рабу: а ты, ничего сделанного мною не приняв во внимание, дозволяешь ей восставать на мою кротость, не укрощаешь дерзкую, не вразумляешь неразумную. А что ж отвечает ей этот адамант, этот мужественный подвижник божий, который при всяком случае приобретает себе венцы? Показывая в этом случае свою добродетель,—смотри — что он говорит жене:

«*Раба твоя в руках твоих. Делай с ней, что тебе угодно*» (ст. 6).

«Велико любомудрие праведника, велика сила его терпения! Ибо не только он не вознегодовал на слова Сары, но и с великою кротостию даст ей свой ответ, говоря: ты подозреваешь, что я виною причиненных тебе обид, и думаешь, будто мне приятен этот поступок рабы, потому что она однажды была со мной на ложе. Но знай, что, еслиб я не хотел только тебя послушаться, то я не решился бы на это, и никогда не дозволил бы себе возвесть рабу на твое ложе.

«*Раба твоя в руках твоих, делай с нею что тебе угодно!*»

«Разве ты лишилась своих прав над нею? Хотя я и принял ее в общение с собою; но ты имеешь свою власть над нею; она в твоих руках. Обличай, вразумляй, наказывай ее; делай с нею что хочешь и что тебе угодно, только не огорчайся и не присывай мне ее безрассудных поступков. Ибо не собственною страстью побуждаемый решился я на сообщение с нею, и не так, чтобы потом, увлекаясь пристрастием, неразумно дать ей предпочтение пред тобою. Знаю подобающую тебе честь; знаю и неблагодарность рабов. Я и не думаю о ней и не забочусь. Одна у меня забота, чтобы ты жила без всякой скорби, в спокойствии, во всякой чести, вдали от всяких огорчений.

«Вот, истинно-супружеский союз, вот истинный муж, который обращает не много внимания на слова жены, но, оказывая снисхождение к немощам пола, об одном заботится, чтобы удалить всякое взаимное огорчение и утвердить мир и единомыслие! Да слышат это мужья и да подражают кротости праведника, оказывая такую же честь и уважение своим женам и щадя их, как слабейший сосуд, дабы тем укрепить союз единомыслия. Ибо истинное богатство и самое великое счастие заключается в том, когда муж и жена не разногласят между собою, но как едина плоть соединены друг с другом: ибо *два*, сказано, *будут в плоть едину* (Быт., II, 24). Такие супруги, хотя бы жили в бедности и были незнатны, могут быть счастливее других, потому что они наслаждаются истинным удовольствием и живут во всегдашнем спокойствии. А те, которые, напротив, наслаждаются не этим согласием, но страдают ревностию, и теряют благо согласия, те, хотя бы окружены были многим богатством, хотя бы имели роскошные столы, жили в славе, будут всех несчастнее проводить свой век, вымышляя сами для себя на каждый день волнения и душевные потрясения, всегда подозревая друг друга. Они не могут иметь никаких удовольствий: ибо, внутренняя брань их все приводит в беспорядок, и причиняет между ними множество неприятностей. Но здесь, обращаясь снова к истории Авраама, не видно ничего такого: праотец своею кротостию утишил гнев госпожи и, дав ей полную власть над рабою, водворил в доме своем глубокий мир.

«*И оскорбила ее Сара: и убежала та от лица ея*» (ст. 6).

«Да! Как только Сара наказала дерзость рабы, раба обратилась в бегство: ибо таково свойство рабов, что если им не позволяют действовать по-своему, но пресекают их замыслы, они тотчас свергают с себя власть господ и устремляются в бегство. Но посмотри и здесь, каким промышлением свыше пользуется и раба, за честь праведника. Так как она носила в себе семя праведника, то удостоивается даже видения ангела: «*И нашел ее,* — говорит Писание, — *ангел господень у источника воды в пустыни, на пути Сур*» (ст. 7).

«Примечай человеколюбие господа, как он никого не презирает, но, раб ли то, или рабыня, над всеми являет свое промышление, взирая не на различие званий, а на расположение души. Впрочем здесь ангел является не по заслугам рабы, но ради чести праведника Авраама. Ибо, как я сказал, надлежало ей удостоиться великого попечения, потому что она удостоилась восприять в себя семя праведника.

«*И нашел ее ангел и сказал ей: Агарь, раба Сары, откуда идешь и куда грядешь?*» (ст. 8).

«Смотри, как самые слова ангела приводят ей на память собственное ее сословие. Чтобы сделать ее более внимательною, с первого раза ангел обращается к ее имени, и говорит: «*Агарь*», ибо мы обыкновенно бываем внимательнее к тому, кто называет нас по имени. Потом словами: *раба Сары,* ангел напоминает ей о госпоже и тем дает знать, что, хотя бы она много раз разделяла ложе с своим господином, все же должна признавать Сару своею госпожею. Но смотри, как ангел испытывает ее, чтобы поставить в необходимость отвечать. Откуда, говорит, пришла ты в эту пустыню, и куда стремишься? А для того, между прочим, ангел и является ей в пустыне, чтобы она не почла его за простого, мимошедшего человека. Ибо там была пустыня и никого другого, кроме явившегося, Агарь не видела. Итак, дабы она знала, что беседующий с нею был не просто случившийся там человек, для сего-то ангел и является к ней в пустыне и вопрошает ее.

«*Она же рече: от лица Сары, госпожи моея, бегу*» (ст. 8).

«Видишь, как она не отрицает власти госпожи своей Сары, но во всем по истине сознается? «Вопрошающий меня, — думает она, — не человек; поэтому я не могу его обмануть». Он назвал меня по имени прежде, чем я сказала ему свое имя, упомянул и о госпоже; надобно и мне говорить все по правде.

«*От лица Сары, госпожи моея, бегу*».

«Смотри, как равнодушно вспомнила она о своей госпоже! Не сказала: «она меня оскорбила, меня озлобила, и я, не могши снести ея ненависти, бежала от нея». Не высказала Агарь ничего неприятного о Саре, а только себя саму обвинила в бегстве. Видишь ее честность? Смотри же, что сказал ей ангел:

«*Рече же ей ангел господень: возвратися к госпоже своей и покорися под руку ее*» (ст. 9).

«На слова (Агари): «*от лица госпожи моея бегу*» ангел отвечает: *возвратись*, иди назад, не будь неблагодарна к той, которая оказала тебе столько благодеяний. А так как она гордостию и высокомерием возбудила гнев госпожи своей, то ангел говорит:

«*Смирись под руку ее, покорись ей*».

«Это будет полезно тебе. Помни свое рабство, не забывай господства Сары; не думай высоко и не мечтай о себе более надлежащего.

«*Смирись под руку ее и окажи ей полное повиновение*».

«Такие слова ангела довольно смягчили ее сердце, смирили ее высокомерие, укротили ее гнев и умиротворили ея мысли.

«Далее, чтобы она не подумала, что просто и без причины удостоилась такого промышления, но что этим попечением пользуется ради семени праведника, смотри, как ангел утешает ее, воскрешает ее дух и достаточную подает ей надежду радости словами, которые присовокупляет: «*и рече ей ангел господень: умножая, умножу семя твое и не сочтется от множества*» (ст. 10). Предсказываю тебе и то, говорит он, что семя твое будет велико, так что и исчислить его будет невозможно. Итак, не скорби, не ослабевай духом, не смущайся в помыслах, но окажи полное послушание. «*Се ты во чреве имаши и родиши сына и наречеши имя ему Исмаил*». Для того, говорит, и рождение тебе я предсказываю и самое имя назначаю имеющему родиться от тебя сыну, чтобы ты, получив большее (в словах моих) удостоверение, возвратилась с тем назад и исправила свои проступки. «*Яко услыша,* — говорит, — *Господь смирение твое*» (ст. 11).

«Научимся отсюда, какой плод бывает от скорбей и какая польза от несчастий. Ибо как скоро она (Агарь) ушла (от Сары), несчастие ее увеличилось; она подверглась множеству скорбей, оставаясь в одиночестве, в пустыне, в самых тесных обстоятельствах, после такого благоденствия, после того, как она возведена была в достоинство, равное самой госпоже. Но по этим-то именно причинам и получила она такую скорую помощь. Будет, — говорит ей ангел, — то, что я обещаю тебе: ты родишь сына, и семя твое будет без числа, «*яко услыша Господь смирение твое*». Не будем же и мы нетерпеливы, когда стечение каких-либо обстоятельств стесняет нас. Ибо ничто столько не полезно для нашей природы, как смирять себя, обуздывать свое высокоумие и подавлять надмение духа. Тогда-то наиболее Господь и слышит нас, когда мы призываем его со скорбною душою и сокрушенным сердцем в прилежной молитве: «*яко услыша,* говорит, *господь смирение твое*».

«Потом (ангел) предсказывает образ жизни имеющего родиться у Агари сына. «*Сей будет,* говорит, *сильный человек: рука его на всех, и руки всех на него, и пред лицом всея братии своея поселится*» (ст. 12). Предрекает ей, что это будет человек мужественный, воинственный, и много будет трудиться в возделывании земли.

«Итак, из всего, что случилось с рабою, видишь ли славу праотца (Авраама)? Ибо такое промышление о рабе показывает благоволение Господа к этому праведнику. Ангел, дав наставление и сообщив благовестие Агари, удалился. Но обрати внимание опять на благоразумие рабы. «*И призва,* сказано, *Агарь имя Господа, глаголющего к ней: Ты бог, призревый на мя. Сего ради прозва кладязь той: кладязь, идеже предо мною видех: се между Кадисом и между Варадом*» (ст. 13 — 14). Смотри, как и новым наименованием места она хочет сохранить навсегда память о нем. «*Прозва бо,* говорит Писание, *место: кладязь, идеже видех предо мною*». Таким образом, раба, от постигшей ее скорби становясь мало по малу благоразумнее, выражает свою благодарность за оказанное ей благодеяние и воздает, чем может, за столь великое о ней попечение. «*И роди Агарь Аврааму сына и нарече Авраам имя сыну своему, егоже роди ему Агарь, Исмаил*» (ст. 13).

«Отсюда научимся мы, сколь великое благо — кротость и какую пользу можно приобресть даже от скорбей. Кротость

праотец Авраам показал в том, что укротил раздражение Сары, и, дав ей власть над рабою, чрез то водворил в доме своем мир; а пользу от скорбей можно видеть из обстоятельств рабы Агари. Ибо как скоро она, озлобленная своею госпожою, бежала от нее и, потерпев много скорбей, с сокрушенною душою воззвала ко господу, тотчас удостоилась вышняго посещения. И дабы она знала, что за смирение и страдание удостоена свыше великого попечения, ангел говорит ей: «*во чреве имаши и родиши сына и наречеши имя ему Исмаил: яко услыша Господь смирение твое*». Итак, возлюбленные, зная, что скорби наиболее приближают нас ко господу, если только мы будем бодры духом, и что тогда мы можем снискать его милость, когда приступаем к нему с сокрушенною душою и с горячими слезами, — зная это, не будем унывать в несчастиях; но, размышляя о пользе скорбей, станем благодушно переносить все случающееся с нами».

Мне нет нужды перебирать все бесконечное, шаблонное, водянистое однообразие этих поучений, наполняющих 12 объемистых томов псевдотворений «Златоуста» и в сумме составляющих более 10 000 страниц убористой печати. При прежнем способе писания крупными буквами на толстом папирусе это была бы целая гора. Для человека, привыкшего иметь дело со средневековыми и действительно древними документами и относящимися к ним беспристрастно, ясно, что все эти беседы писаны уже в печатную эру литературного творчества и притом многими авторами, усвоившими тот же самый легкий способ писания: перебирание библейских и евангельских текстов и обширного разглагольствования по их поводу на все лады. Таким элементарным шаблоном и объединены они все в одно целое, а в идейном отношении это—полнейшая бездарщина, а не «златые струи».

Чтоб не навести смертельной скуки на читателя, я приведу еще только несколько мест, как характеризующих представления той эпохи.

Вот, толкование на фразу из первой главы книги «Бытие»: «*Да будут светила на тверди небесной, чтобы светить на землю*» (Быт., I, 14, 15):

«Так как огонь по природе устремляется вверх, — философствует автор,—то бог в небе возлагает на его природу узду, чтобы он посылал лучи не вверх, а вниз. Огню свойственно стремиться не вниз, а вверх. Когда ты держишь факел, оберни его вниз, и ты увидишь, что, хотя ты и повернул его, огонь все же устремляется вверх. А так как бог знал природу огня, то и наложил на него в небе оковы, чтобы он светил не сообразно с своей природой, а согласно повелению. Всякий из вас, кто наблюдал, смотря на светильник, как поглощается огонь маслом, замечал, что он шипит, как терпящий насилие (поскольку масло своей силой влечет огонь вниз, а он по своей природе стремится вверх). Значит, огонь производит шум, если вынуждается итти вопреки своим свойствам, как терпящий насилие и принужденный итти

вопреки своей природе. Всякая стихия, когда с ней происходит что-нибудь вопреки ее природе, поднимает вопль. Но почему, когда ты льешь на огонь масло, он шумит, а когда польешь воду, он трещит? И то—влага, и это—влага. Но так как масло рождается из дерева и питает его маслина, а огонь всегда друг дереву, то он охотно принимает то, что происходит от сродного ему; когда же ты польешь на огонь воду, то он трещит, потому что борется с противным его природе. Огонь дружен с воздухом, потому что сроден ему. Подуй на светильник, и воздух превратит огонь в дым, его уже и нигде не будет видно, так как сродное убежало. Замечай тут мудрость творца, замечай силу! Бог положил светила на небе, чтобы они светили вниз на землю.

«*И да будут они,*—говорится в Библии,—*в знамения, и во дни, и в лета*» (ст. 14).

«Что значит: в знамения? Астрологи своими гаданиями, не имеющими никакого основания в действительности, доказали тщетность своих надежд на астрологию. Что по звездам нельзя ничего определить относительно жизни человеческой, об этом свидетельствует Исаия, говоря: «*да станут звездочетцы небес и видящие знамения и скажут, что произойдет*» (Ис., XI, VII, 13). Относительно жизни человеческой небо не дает никаких указаний. Хочешь знать, какие знамения оно даст? Оно указывает на дожди, на ветры, на непогоду и на ведро. Такие явления звезды показывают, и это по человеколюбию божию, чтобы мореплаватель, видя знамение, избежал опасности, чтобы земледелец, зная время наступления зимы, заблаговременно обрабатывал землю».

В том же духе говорят об астрологии и другие поучения «Золотых уст», показывая, что они составлены уже в период разочарования в этой науке Но все же один из авторов этих произведений (к которым не мешало бы применить мой метод лингвистических спектров, изложенный во втором томе Христа») не хочет отступить от библейского представления о Земле и Небе.

Вот, его рассуждение на пророчество Исаия, где он, отбросив Птолемея, который даже и по обычной хронологии еще за 200 лет до Златоуста доказал, что Земля есть шар, произносит целую проповедь на текст Библии:

«*Бог есть тот, кто восседает над кругом земли*» (Ис., XL,—20).

«Видишь ли, Земля есть круг, а круг показывает круглую форму Земли. Полезно знать и это, чтобы мы не соблазнялись баснями языческих философов, которые обыкновенно думают, что Земля подобна ложбине, округлости, диску, блюду или чему-нибудь подобному. Слыша, как пророк говорит, что Земля есть круг, ты не исследуй более, не ищи, на чем стоит и утверждена она: бог держит ее своею рукою. Нет иного основания, кроме нее. И не спрашивай о каких-либо иных убедительных доказательствах. Не думай о громаде Земли, но обрати внимание на великую силу держащего, чтобы потом тебе не смущаться и не разбегаться туда и сюда. Если ты будешь помнить, что круг

земли неподвижен, то ты поймешь силу великой, непобедимой и неослабевающей руки, и таким образом будешь действительно веровать».

Но другие авторы этих объединенных именем Златоуста апокрифов менее скромны и стараются найти причины в своих проповедях. Вот хотя бы на текст о звезде волхвов, указавшей путь к яслям Христа:

«*Видели звезду его на востоке и пришли поклониться ему*» (Матвей, II, 1—2).

Автор говорит:

«Если мы узнаем, что это была за звезда и какая была: обыкновенная, или отличная от прочих; действительная звезда, или только имела вид звезды,—то легко поймем все прочее. Откуда же узнать о ней? Из самого Писания. То, что она была не обыкновенная звезда, и даже не звезда, а, как мне кажется, какая-то невидимая сила, принявшая вид звезды, доказывается самим путем ее. Когда волхвы шли в Палестину, она была видна и указывала им путь, а когда они вошли в Иерусалим, она скрылась. Потом, когда они, сказавши Ироду, зачем пришли, и, оставивши его, собрались в путь, звезда опять появляется. Это уже движение не звезды, а некоторой совершенно разумной силы. Она не имела своего определенного пути, но когда нужно было остановиться, она стояла, во всем сообразуясь с их нуждою, подобно столпу облачному, по которому сонм иудеев останавливался или поднимался с места, когда было нужно. Не с высоты неба она указала путь, — в таком случае волхвы не могли бы различить места,—но чтобы указать его, опустилась вниз. Сами вы знаете, что обыкновенной звезде нельзя показать такого малого места, какое занимала хижина, в каком вмещалось тело младенца. Так как высота ее неизмерима, то звезда не могла бы обозначить собою и определить такого тесного пространства для желавших узнать его. Об этом всякий может судить по луне. Она, будучи гораздо больше звезд, кажется близкою для каждого из обитателей вселенной, рассеянных по всей земной широте. Так скажи же, как бы звезда указала такое тесное место яслей и хижины, если бы не оставила своей высоты, не сошла вниз и не стала над самою головою младенца?

«Но для чего она явилась? Для того, чтобы обличить бесчувственных иудеев и лишить их—неблагодарных—всякого способа к оправданию. В самом деле, что могут сказать в свое оправдание иудеи, не принявшие Христа после столь многих пророческих доказательств, видя волхвов, которые по явлению только одной звезды приняли его и поклонились явившемуся?

«Но ты спросишь, для чего бог привел волхвов к Христу, именно, таким явлением?

А как же надлежало бы иначе? Послать пророков? Но волхвы пророка не приняли бы. Дать глас свыше? Но они гласу не вняли бы. Послать ангела? Но и того они не послушали бы. Поэтому бог, оставивши такие средства, по особенному своему снисхождению употребляет для призвания их то, что было им больше знакомо: показывает большую и необычайную звезду, чтобы она поразила их и величиною, и прекрасным видом, и необыкновенным течением».

Теперь, читатель, и для вас, конечно, все дело стало ослепительно ясно. А по другой беседе гадание по звездам все же, оказывается, предосудительно:

«Что значит гадание по светилам? — говорит автор толкования на LXXV главу евангелиста Матвея.

«Не что иное, как ложь и запутанность, по которым все выходит наудачу и не только наудачу, но и безрассудно...» «Когда благочестие всюду наладилось,—прибавляет он в толковании на IV главу евангелия Матвея,—чудеса прекратились».

И это все, что говорится у авторов «Златых Струй и Златых Уст» о чудесах. Никаких бесов и чертей, наполняющих все действительные книги средневековья нет в сочинениях, приписываемых Златоусту, совсем как у культурных проповедников нового времени.

Так называемых вавилонян (т. е. жителей Врат Господних) и халдеев он уже отожествляет с персами, говоря:

«Некогда персы осаждали город (Иерусалим)... Однако, несмотря на столь явную опасность, когда Иеремия пришел и сказал, что город будет предан в руки халдеев, нечестивые бесчувственные и неблагодарные к своим благодетелям иудеи пришли в такое неистовство, что сочли его за предателя и губителя города». [1]

В другом поучении — в толковании на пророчество Исаия (гл. II) — автор говорит о волхвованиях:

«Дьявол всячески старался убедить неразумных, что не в их власти добродетель и порок, что они не одарены свободным произволением. Он желал таким образом совершить два постыднейших дела: ослабить подвиги добродетели и лишить величайшего дара свободы. Иногда посредством гаданий, иногда чрез наблюдение дней, иногда чрез нечестивое учение о судьбе, или чрез многое другое, он ввел в жизнь тяжкую болезнь предсказательства и извратил все».

Особенно много говорится от имени златоустого автора различными апокрифистами против театров. Вот, например, целая гневная проповедь, написанная каким-то патером по поводу того, что публика предпочла итти в театр, вместо того чтоб слушать его поучения. Настоящая цицероновская речь и, повидимому, в храме Петра в Риме, а не в Царь-Граде!

«Можно ли это стерпеть? Можно ли это снести? У вас самих хочу я судиться против вас же. Так и бог поступил с евреями: обращаясь к ним против них же самих. Ему хочу я подражать, и опять скажу: можно ли это стерпеть, можно ли

---

[1] Творения Иоанна Златоуста, т. VI, стр. 458 русского издания 1900 года.

это снести? После столь долгих собеседований, после такого учения, некоторые позабыв нас, побежали смотреть на состязающихся коней и впали в такое неистовство, что наполнили весь город непристойным шумом и криком, возбуждающим смех, лучше же сказать: плач. Поэтому я, сидя дома и слушая поднявшийся вопль, страдал больше моряков, застигаемых бурею. Как те в то время, когда волны ударяют в стенки корабля, трепещут, подвергаясь крайней опасности, так и меня тяжко поражали те крики. Я потуплял взоры в землю и смущался от стыда, когда сидевшие на верхних местах театра вели себя так непристойно, а находившиеся внизу, среди площади, рукоплескали возницам и кричали больше тех. Что же скажем мы, чем оправдаемся, если кто-нибудь чужой, случившись здесь, станет осуждать нас и говорить: это ли город апостолов, это ли город, имевший такого учителя *(как я)*, это ли народ христолюбивый, общество не чувственное, а духовное? Даже не постыдились вы и самого дня, в который совершились знамения спасения рода нашего, но в пятницу, когда господь твой был распинаем за вселенную, когда приносилась такая жертва и отверзался рай, и разбойник возводился в древнее отечество, и клятва разрешалась, и грех уничтожался, и долговременная вражда прекратилась, и примирение бога с людьми совершалось, и все изменялось, — в тот день, когда надлежало поститься, славословить и воссылать благодарственные молитвы за благодеяния для вселенной к совершившему их,—тогда-то ты, оставив церковь и жертву духовную, и собрание братий, и забыв святость поста, плененный диаволом, повлекся на то зрелище.

«Можно ли это стерпеть, можно ли это снести? Я не перестану постоянно говорить так и тем облегчать свою скорбь, чтобы не заглушить ее молчанием, но поставить на вид и обнаружить пред вашими глазами. Как же после этого мы будем в состоянии преклонить бога на милость? Как можем примирить его с нами, разгневанного? Когда за три дня пред этим лился проливной дождь, увлекая все, исторгая, так сказать, из самых уст пищу земледельцев, ниспровергая зрелые колосья и истребляя все прочее избытком влаги, у нас были молитвы и моления, и весь наш город, подобно потоку, стекался к местам апостольским, и мы умоляли наших защитников — святого Петра и блаженного Андрея и двоицу апостолов — Павла и Тимофея. А после того, как гнев божий прекратился, мы, переплыв море и преодолев его волны, прибегли к верховным апостолам — Петру, основанию веры, и Павлу, избранному сосуду, — совершая духовное торжество и возвещая их подвиги, трофеи и победу над демонами. А теперь ты, не удерживаясь страхом бывшего и не научившись величием подвигов апостольских, так скоро, по прошествии одного дня, неистовствуешь и кричишь, не обращая внимания на то, что душа твоя пленена и увлекается страстями? Если тебе хотелось видеть бег бессловесных, то почему ты не обуздал бессловесные свои страсти, гнев и похоть, не наложил

на них благого и легкого ярма любомудрия, не поставил над ними правого ума и не поспешил к почести вышнего звания, устремляясь не от преступления к преступлению, а от земли на небо? Такого рода бег вместе с удовольствием доставляет великую пользу.

«А ты, оставив свои дела, сидел безрассудно и как случится, следя за победою других, истратив такой день напрасно, тщетно и даже во вред себе!

«Разве ты не знаешь, что подобно тому как мы, вверяя деньги своим слугам, требуем у них отчета в каждом оболе, так и бог потребует от нас отчета в днях нашей жизни. Как мы прожили каждый день? Что же мы скажем? Чем будем оправдываться, когда потребуют у нас отчета о том дне? Ради тебя воссияло солнце, луна осветила ночь, заблистал разнообразный сонм звезд; ради тебя подули ветры, потекли реки; ради тебя произрасли семена, поднялись растения, течение природы удержало свой порядок, явился день и прошла ночь. И все это сделано ради тебя. А ты, в то время как твари служат тебе, исполняешь волю дьявола. Получив от бога столь великий дом, т. е. этот мир, ты не отдал ему своего долга. Не достаточно было тебе предшествовавшего дня, но и на другой день, когда следовало бы немного отдохнуть от прежнего нечестия, ты опять пошел на зрелища, бросившись из дыма в пламя, низвергнув себя в другую, ужаснейшую пропасть. Старцы посрамляли свои седины, юноши подвергали опасности свою юность, отцы приводили туда своих детей, ввергая их, в самом начале невинного возраста, в пропасть нечестия. Не погрешил бы тот, кто назвал бы таких людей не отцами, а детоубийцами, нечестием своим погубляющими души рожденных ими.

«Какое же, скажешь, здесь нечестие? Но потому-то я и скорблю, что ты и болен, и не знаешь, что ты болен, и не ищешь врача.

«Ты преисполнен там прелюбодеяния и спрашиваешь: какое там нечестие? Или ты не слышал слов христовых: кто на женщину воззрит с вожделением, тут уже прелюбодействовал с нею (М., V, 28).

«Ты мне скажешь, я буду смотреть на нее в цирке не с вожделением? Но как ты будешь в силах убедить меня в этом? Кто не воздерживается от того, чтобы смотреть, но прилагает к этому такое усердие, как тот может после созерцания остаться чистым? Разве тело твое — камень? Разве оно — железо? Ты облечен плотию, плотию человеческою, которая сильнее соломы воспламеняется от похоти.

«И что я говорю о зрелище? Часто и на площади, встретившись с женщиною, мы смущаемся, а ты, сидя вверху, где столько побуждений к нескромности, видя блудную женщину, выходящую с обнаженною головою и с великим бесстыдством, одетую в золотые одежды, делающую нежные и обольстительные телодвижения, поющую блудные песни и развратные стихотворения,

произносящую срамные слова и совершающую такие непристойности, при каких ты, зритель, даже представив их в уме своем, потупляешь взоры,—как дерзаешь мне сказать, что не испытываешь ничего человеческого? Разве тело твое — камень? Разве оно — железо?

«Я не перестану повторять то же самое. Разве ты любомудреннее тех великих и доблестных мужей, которые пали только от одного женского взгляда? Не слышал ли ты, что говорит Соломон: разве ходящий на огненных угольях не сожжет себе ног? разве положивший себе огонь за пазуху не сожжет своей одежды? Так и пришедший к замужней женщине (Притчи, VI, 27—29). Хотя бы ты и не имел совокупления с блудницею, но ты имел с нею связь пожеланием и совершил грех мыслью. И не только в то время, но и тогда, когда окончится зрелище, когда она уже уйдет, в душе твоей остается ее образ, слова, одежды, взгляды, походка, стройность, ловкость, прелюбодейные члены, и ты уходишь, получив множество ран. Не отсюда ли беспорядки в доме? Не отсюда ли погибель целомудрия? Не отсюда ли расторжение браков? Не отсюда ли брани и ссоры? Не отсюда ли бесчисленные неприятности?

«Причина этого в том, что ты возвращаешься домой не один, но приводишь с собою блудницу, входящую не явно и открыто, — это было бы сноснее, потому что жена твоя скоро выгнала бы ее, — но сидящую в твоей душе и в сознании, и воспламеняющую внутри тебя вавилонский, и даже еще гораздо сильнейший, пламень, — ведь пищею этого пламени служит не хворост, нефть и смола, но то, что сказано выше, — и все у тебя приходит в беспорядок. О, тяжкие дела! Волк, лев и прочие звери, будучи ранены стрелою, убегают от охотника, а человек, разумнейшее существо, получив рану, стремится к той, которая ранила его, чтобы получить еще более тяжелую рану, и находит удовольствие в последней. Это прискорбнее всего и производит неизлечимую болезнь. Тот, кто не видит своей раны и не хочет избавиться от нее, как станет искать врача? Поэтому я и скорблю и терзаюсь, что вы приходите оттуда, получая столь великую заразу, и за малое удовольствие навлекаете на себя непрестанное мучение. Подлинно, еще прежде геенны и тамошнего мучения, вы уже и здесь подвергаете себя крайнему наказанию. Не крайнее ли, скажи мне, мучение — питать такую похоть, постоянно воспламеняться и везде носить с собою огонь непотребной любви и угрызение совести? Как ты приступишь к порогу этого святилища? Как прикоснешься к небесной трапезе? Как будешь слушать беседу о целомудрии, весь покрытый такими язвами и ранами и имея душу, порабощенную страстями? И нужно ли говорить об остальном? Я и скорблю и терзаюсь, потому что дьявол заражает такое стадо. Но если вы захотите, то мы тотчас заградим ему вход. Как и каким образом? Если больных сделаем здоровыми и, распростерши сети нашего учения, отправимся искать уловленных зверем и исхитим их из самой пасти льва.

«Поэтому я предупреждаю и объявляю громким голосом: если кто после моего увещания и наставления пойдет на нечестивые и гибельные зрелища, того я не впущу внутрь вот этой ограды, не сделаю причастником таинств, не позволю ему прикоснуться к священной трапезе, но, как пастыри отделяют шелудивых овец от здоровых, чтобы болезнь не распространилась и на прочих, так точно поступлю и я. Если в древности *(проговорился новый автор)* прокаженный должен был оставаться вне стана и, хотя бы он был царь, выводился туда вместе с его диадемою, то тем более мы изгоним прокаженного душою из этого священного стана. Хотя я и не имею железа, но имею слово, острее железа; хотя я и не ношу огня, но есть у меня учение, пламеннее огня и могущее жечь сильнее.

«Не презирай же нашего приговора. Хотя мы не важны и весьма смиренны, однако, по благодати божией, мы получили достоинство, по которому можем делать это. Итак, да будут отлучены такие люди, чтобы здоровые у нас сделались более здоровыми, а больные восстановили себя от тяжкого недуга. Сделайте вот что: не разговаривайте с такими людьми, не принимайте их в свой дом, не разделяйте с ними трапезы, не имейте с ними общения ни при входе, ни при выходе, ни на торжище. Не малое постигнет вас осуждение, если вы будете этим пренебрегать: вы подвергнетесь величайшему наказанию. Если в домах человеческих, кто-нибудь из слуг уличен в краже серебра или золота, то наказывается не один только похититель, но и знавшие о том и не открывшие. Тем более в церкви. Бог скажет тебе тогда: видя, как тот, кто причащался пречестного тела моего и участвовал в такой жертве, отправился в дьявольское место, почему ты молчал, почему терпел, почему не объявил об этом священнику? Подлинно, не благонадежно и не безопасно для нас покрывать это молчанием! Каждый из вас даст отчет за себя самого; а я должен отвечать за спасение всех. Да будет же по молитвам святых, чтобы уже развратившиеся скоро обратились, а оставшиеся неповрежденными еще более преуспели в чистоте и целомудрии, чтобы и вы достигли спасения, и мы радовались, и бог прославлялся ныне и присно и во веки веков. Аминь.»

Такими «аминями» кончают авторы каждую свою беседу от имени «Златоустого».

Скажем же «аминь» и мы. Приложенные отрывки достаточно характеризуют одним своим слогом и орнативными приемами, что они принадлежат очень позднему времени и никак не могли быть произнесены автором Апокалипсиса, образчики которого я привел уже в этом же томе. Все это—апокрифы и фальсификации «во славу божию».

ГЛАВА IV

БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ВСЕЛЮБЕЦ. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ ЭПОХИ ГУМАНИЗМА О ПЕРВЫХ ТРЕХ ВЕКАХ ХРИСТИАНСТВА

Евсевий Памфил, что значит—Благочестивый Вселюбец, является первоисточником не только воображаемого христианства первых трех веков нашей эры, но и династической и политической истории псевдо-того же времени. Вот почему и посвящаю я ему здесь немного места.

По словам Спасителя власти (Сократа-схоластика), жизнь Благочестивого Вселюбца описал Невинный (Акакий), ученик и преемник его на епископском престоле. Но этого «невинного жизнеописания» не существует и имеются только краткие сведения о его предполагаемом существовании, рассеянные у разных апокрифических писателей нового времени и в сочинениях, приписываемых самому Вселюбцу. Значит, даже время Вселюбца приходится еще определять... и, притом, не иначе—как по его же книгам.

Ему приписывают следующие сочинения:

1) «Любоправд» (Филалит), две обличительные книги против «Священного ключа» (Иерокла), который отожествлял Христа с Аполлонием Тианским.[1]

2) «История от начала мира и до Никейского собора», обыкновенно называемая «Хроникою». Она разделяется на две части: хронологию, т. е. рассуждение о летосчислениях халдеев, ассириян, мидян, персов, лидян, евреев, египтян, афинян, сикионян, лакедемонян, фессалийцев, македонян и римлян, и хронологические таблицы. Греческий подлинник существует только в отрывках, а полный называется «латинским переводом блаженного Иеронима», хотя на самом деле, вероятно, он и есть подлинник, из которого сделаны греческие выдержки.

3) Пятнадцать книг «Евангельского Приготовления», где изъясняется, как классические мудрецы, если и сказали, что хорошего, то заимствовали из священных еврейских книг. Скалигер называет этот труд Вселюбца гигантским, божественным, «для которого необходимо было перерыть все библиотеки Египта, Финикии, Греции».

4) Десять первых книг «Евангельского Доказательства», где автор подтверждает истинность христианства по обычному шаблону пророчествами Ветхого завета, что, конечно, легко было

[1] Любоправд, по-гречески, — Φιλ-αλήθης, Священный ключ — Ιερο-κλής а Аполлоний из Тианы в «Каппадокии» — пророк и чудотворец, современник Христа, несомненно лишь другая апперцепция евангельского Христа; имя его значит — загубленный, от ἀπ-όλλυμι — загубляю, отсюда же бог Аполлон, сын бога-Громовержца, от человеческой девушки Латоны (Λάτω), т. е. латинянки.

сделать, так как пророчества по моим вычислениям были написаны уже в средние века, позднее тех событий, какие они описывали.

5) Три книги о «мнимом разногласии евангелий», которые еще не были отпечатаны даже в конце XIX века, чтобы не соблазнять верующих, и хранились в рукописи, в Сицилии.

6) Четыре книги «Пророческих эклог ветхого завета о Христе». Они тоже хранились ненапечатанными даже в XIX веке в Венской императорской библиотеке и по той же самой причине.

7) Десять книг «Церковной истории», которою мы и займемся далее.

8) Книга о палестинских христианских мучениках, будто бы пострадавших между 303 и 311 годами, когда еще не родился сам Христос.

9) Послание к кесарийской пастве — о том, что происходило на Никейском соборе.

10) Книга о именах мест, упоминаемых в священном писании (городов, сел, гор и рек), на латинском языке, под именем «книга Топик», в переводе Иеронима. Имена в ней расположены в алфавитном порядке.

11) Похвальное слово Константину Великому, по случаю празднования тридцатилетия его царства, будто бы произнесенное в императорском дворце.

12) Две книги против Маркелла, епископа Анкирского, низложенного Константинопольским собором (в 336 году) за Севелиеву ересь.

13) Три книги церковного Богословия: о божестве Иисуса Христа, направленные против того же Маркелла.

14) Четыре книги о жизни «Константина Великого».

15) Толкование на псалмы.

16) Толкование на «Пророка Исаию», в десяти книгах.

17) Евангельские каноны, т. е. свод сходных и несходных мест четвероевангелия.

18) О смерти Ирода, — в рукописи, в базельской библиотеке.

19) Несколько кратких слов на разные случаи и о разных предметах.

20) Несколько бесед на некоторые места писания.

Мне нет ни места, ни нужды разбирать здесь все эти апокрифы, а как образчик и доказательство их апокрифичности приведу здесь прежде всего начало похвального слова царю Константину в праздник «Великого царя».

«Ныне торжество Великого царя, — и мы, чада царевы, вдохновляемые наставлениями священных словес, радуемся. Начальник же нашего праздника — Великий царь. Великим царем *(по-гречески—Василием Великим)* я называю того, который по истине велик. Я разумею царя над всеми, высочайшего, пренебесного, величайшего,—того царя, которого престол—свод неба, а подножие ног — земля, и о котором никто достойно мыслить не может: блистающий вокруг него свет невыразимым сиянием своих

лучей возбраняет всякому созерцать его божество. Около этого царя движутся небесные воинства и ему служат всемирные силы, признающие его своим владыкою, господом и царем. Около него блистают бесчисленные полки ангелов, соборы архангелов, сонмы святых духов, почерпающих из него, как из вечнотекущих источников света, ослепительное сияние. Сего Великого царя *(по-гречески игра слов: Василия Великого)* громкими и богоприличными гимнами славят все светы а также и божественные и мысленные роды бестелесных светов, получившие в удел поднебесную страну. Эта страна окружена лазурною завесою обширного неба, которою существа вне царских чертогов отделяются от существ, находящихся внутри их. Вокруг же небесной завесы, как бы в царских передних, шествуют факелоносцы — солнце, луна и прочие небесные светила, воздавая почести царю и озаряя по его мановению и слову неугасимым своим светом существа, получившие в удел мрачную страну вне неба. Приняв обычай славословить сего нашего Великого царя, Христа, наш царь-победитель сам, я думаю, считает это обыкновение весьма хорошим, ибо он знает, что виновник его царствования над нами — один Тот».

Должно ли считать здесь совпадение по-гречески слова «Великий Царь (ὁ Βασιλεῦς ὁ Μέγας) и слова «Василий Великий» за простую случайность? В первом томе мы видели, что оба — одно и то же.

Но нам неважно здесь останавливаться на таких незначительных произведениях, приписываемых Благочестивому Вселюбцу, тем более что самый слог их показывает близкое к нам время церковного красноречия, а никак не IV век. Я только хотел на этом примере показать вытиеватый слог «Вселюбца», характеристичный более всего для XVII века нашей эры. Перейду же теперь к самому главному

«Первое место между творениями Евсевия, — говорит один клерикальный автор, — бесспорно принадлежит его «Церковной истории». Это — сокровищница сведений, драгоценных для всякого христианина; это труд первый и единственный в своем роде. Евсевиева история обнимает собою обширное пространство времени, протекшего от рождества Христова до Константина Великого. А в этих пределах все, относящееся до христианства, заслуживает нашего особенного внимания: и благолепие первенствующей церкви, в которой христиане всех веков видели и видят образец, основание и оправдание православной веры, и обилие чудес и знамений, которыми господь взращал и укреплял свою церковь; и дивная ревность св. апостолов в распространении евангельского света; и предания и заветы первых церковных пастырей; и примерная кротость и незлобие малого стада Христова посреди волков-язычников и иудеев; и доблестное самопожертвование мучеников из любви к своему спасителю; и славные подвиги исповедников и исполнение столь многих обетований, угроз и предвещаний Иисуса Христа. Как утешительно, как назидательно для верующих видеть все это описанным рукою опытнейшего и благочестивейшего святителя!»

И вот, таким же стилем написаны и все сочинения самого благочестивого Вселюбца, как уже видел читатель на только-что приведенном образчике и как увидит далее! После Евсевия таким же стилем писали церковную историю Сократ, Созомен, блаженный Феодорит и другие. Но ни один из них не решался повествовать о том времени и о тех событиях, которые описаны в церковной истории Благочестивого Вселюбца. Все начинали свой рассказ тем, чем он кончил. Только «Лучший Победоносец» (Никифор Каллист) в XIV веке предпринял-было написать новую историю первых трех веков, но он ничего не мог сделать больше, как повторить сказанное Вселюбцем, прибавив от себя несколько таких сказаний, которые и другими, кроме меня, считаются недостоверными и от которых труд его нисколько не улучшился.

Так, по признаниям самих клерикалов, все, что мы знаем о христианстве **и даже о светской истории** первых трех веков исходит от одного Благочестивого Вселюбца.

Но почему же, — спросите вы — не нашлось еще кого-нибудь?

«Причина этого, — отвечают нам, — конечно, заключалась в том, что другие писатели *(почему-то!)* не могли иметь под руками источников, которыми пользовался Вселюбец.

Так, он читал «Пять книг Егезиппа, писателя второго века, где содержался простоватый, по замечанию блаженного «Святоименца» (Иеронима), но истинный рассказ о некоторых событиях, совершившихся в христианской церкви до того времени, когда жил автор и которые *(почему-то!)* утратились вскоре после того, как их прочел «Благочестивый Вселюбец». То же должно сказать, — говорят нам, — и о краткой «Хронике» Юлия Африканского *(будто бы III века)*, простиравшейся от рождества христова до царствования Маркиана.

Но у Евсевия, кроме этих «утраченных» пособий, были еще многие, «ему одному доступные и вслед затем утраченные государственные и судебные документы, относящиеся до христиан», как видно из следующего «предания» блаженного Иеронима. «Однажды, когда Константин Август прибыл в Кесарию и сказал Вселюбцу, чтобы он просил у него каких хочет полезных благодеяний для Кесарийской церкви, Евсевий, будто бы, ответил:

«Церковь моя богата своими доходами и не имеет особенной нужды испрашивать пособия, но сам я имею непреодолимое желание, чтобы все, что только делалось в Римском государстве относительно святых божиих разными судиями, преемственно служившими во всем римском царстве, тщательно было разыскано в общественных архивах, по царскому приказу, и препровождено ко мне, с обозначением, какой мученик, пред каким судией, в какой области или каком городе, в какой день и с каким мужеством восхитил пальму своего страдания.

Это, — фантазируют историки, — и исполнил Константин, и благодаря ему Вселюбец и «сделался искусным повествова-

телем, сложил церковную и светскую историю и, как тщательный писатель, изобразил победы почти всех мучеников во всех римских областях. «Для него открыты были все существовавшие тогда на востоке христианские библиотеки, как сам он говорит в разных местах. Вот почему и называют его достоверным и многоученым свидетелем».

Но, вот, и маленькая неожиданность.

Первые достоверные сведения о существовании церковной истории Евсевия Памфила (да и то не по-гречески, а по-латыни) мы имеем только от первой половины XVI века нашей эры, и этому позднему времени соответствует и развязный слог всей его книги, соответствующий уже полному расцвету Эпохи Гуманизма и даже нашим современным духовным ораторам и писателям.[1]

«Я предпринял, — говорит автор в самом начале, — описать преемства святых Апостолов и времена, протекшие от Спасителя нашего до нас; сколько и каких дел, по сказаниям истории, совершилось в церкви; какие лица были достойными ее вождями и предстоятелями в местах наиболее знаменитых; какие проповедовали слово божие в каждом поколении, устно и посредством писаний; какие люди и в какое время, по страсти к нововведениям, вдавшись в крайние заблуждения, провозгласили себя изобретателями лжеименного знания и нещадно уязвляли Христово стадо, подобно свирепым волкам; как бедствие вскоре постигло весь иудейский народ за его умысел, против спасителя нашего; сколько раз, как и когда именно слово божие боролось с язычниками; как многие по временам подвизались за него, проливая свою кровь и претерпевая истязания, и какие после того мученичества совершались в наши дни и каково было всемилостивое и человеколюбивое заступление спасителя нашего. Начну же я не с другого чего, как с самого домостроительства Спасителя и господа нашего Иисуса, Христа Божия».

«Но скромная наша повесть здесь же просит извинения. Я признаюсь, что рассказать обещанное в совершенстве и без недостатков свыше наших сил, потому что мы **первые** беремся теперь за этот предмет и решаемся выступить на пустынную, еще непротоптанную дорогу, вознося к богу молитвы, чтобы он был нашем путеводителем и послал нам в помощь силу господню. А что касается до людей, то мы вовсе не видим ясных следов, которые были бы проложены ими на том же пути, кроме только незначительных сказаний, в которых иные, так или иначе, передали нам отрывочные сведения относительно тех времен, когда

[1] Греческий текст, вполне согласный с Мускуловым латинским псевдопереводом, в первый раз был отпечатан в 1544 году в Париже, вместе с историями Сократа, Созомена, Феодорита и Евагрия. Другое издание было женевское с латинским переводом Христофорсона и с примечаниями Суффрида Пьера, в 1612 году. С этого издания переводили историю на немецкий, голландский, английский и французский языки. Но всем изданиям предпочитается теперь Валезиево, которое вышло в Кембридже в 1720 году.

кто жил из них. Их голоса доходят до нас издалека, подобно сторожевым огням, и откуда-то сверху, будто с высокой башни, возвещают и предупреждают, где должно итти и как провести наше слово непреткновенно и безопасно. Посему, что признаем мы годным для предпринимаемого нами дела, о том соберем сведения в рассеянных по местам заметках помянутых лиц, извлечем нужные показания из древних писателей, как бы собирая цветы с мысленных лугов, и попытаемся соединить оные в одно целое посредством исторического рассказа, довольствуясь сохранить память о преемствах, если не всех, то, по крайней мере, наиболее знаменитых апостолов спасителя нашего в тех церквах, которые пользовались (и поныне еще пользуются) славою.

«Итак, слово мое начнется, — как я сказал, — с высочайшего и превосходящего ум человеческий домостроительства божественного спасителя Христа. Ибо, кто хочет излагать письменно историю церковных дел, тому необходимо начать с высоты, с первого и более божественного, нежели многим кажется, домостроительства самого Христа, от которого мы получили и свое имя — христиане.

«Так как в нем два естества, одно аналогичное голове нашего тела, по которому он мыслится как бог, и другое, аналогичное нашим ногам, по которому он, ради нашего спасения, сделался подобострастным нам человеком, то наше сказание будет последовательно и полно, если всю историю о нем поведем мы с того, что в нем—главнейшее и владычественное. Чрез это доказана будет вместе древность и божественность христианства для тех, которые **почитают его религиею новою, явившеюся не прежде, как вчера**».

Таково духовное красноречие автора, которое показывает, что и сам он «явился не прежде, как вчера», но если даже и допустить, что он писал в четвертом веке нашей эры, то мы должны будем признать (по его словам), что тогда считали христианство еще новою религиею (т. е. IV же века). Однако все, что мы сейчас прочли, показывает, что автор обладал церковным красноречием по крайней мере XVI века. Во всяком случае, ему уже известны и пророчества Иезекил, Даниил, Исаия и Иеремия, средневековое происхождение которых доказано мною астрономически—и здесь в первом томе, и в моей книге «Пророки».

Затем автор нам рассказывает, что имя Христос не есть собственное, а нарицательное, как не раз уже показывал и я в своем исследовании.

«Уже время обнаружить, что и у древних боголюбезных пророков было в почтении как имя Иисуса, так и имя Христа, — говорит он в III главе. — Моисей познал пречестное и преславное имя христово и назвал христом чин архиерея божия. Значит, если и первосвященническому сану, который, по словам самого Моисея превыше всякого человеческого достоинства, придал он имя христа, для большей почести и славы, то, конечно, разумел под христом нечто божественное. Тот же Моисей, хорошо про-

видя духом божиим и имя Иисусово, почтил его некоторым особенным отличием. Это имя, неслыханное между людьми, он дал в первый раз одному человеку, о котором, по некоему знамению, уразумел, что он будет преемником его власти над всеми. Сей преемник его прежде не носил имени Иисуса, а назывался Авсием,[1] которое дали ему родители. Моисей же переименовывает его в Иисуса, потому что Иисус Навин был прообразом спасителя нашего.

«У евреев именем Христа украшались не одни удостоиваемые первосвященства, но и цари. Знаем также, по преданию, что некоторые из самих пророков, по своему помазанию, в смысле прообразовательном, были христами. Но дело в том, что ни один из древних прообразовательных помазанников, ни священник, ни царь, ни пророк не имели такой силы божественной добродетели, какую показал спаситель и господь наш Иисус, единый и истинный христос.

«Я счел необходимым сказать об этом,—продолжает Вселюбец в главе IV, — теперь, прежде «Истории», дабы кто-либо, имея в виду время жития во плоти Спасителя нашего Иисуса Христа, не подумал, будто он **есть лицо недавнее** и чтобы учение его не представлялось новым и странным, изобретенным недавним человеком, нисколько не отличающимся от прочих людей.....»

И вот, опять оказывается, что даже и в псевдо IV веке приходилось убеждать и доказывать, что основатель христианства жил ранее IV века. А доказывать это было трудно, как сейчас увидим.

«Хотя мы, — говорит автор, — явно народ новый, и имя христиан **недавно** стало известно между народами, однако же самая жизнь и самый образ поведения, вместе с догматами благочестивия, не недавно придуманы нами, но согласно с внушениями природы были соблюдаемы древними, боголюбезными мужами от самого, можно сказать, начала рода человеческого *(?)*. Это докажем мы следующим образом. Всякому известно что еврейский народ не нов, и что, напротив, все признают его народом почтенной древности. А его книги и писания говорят о древних мужах, редких правда и немногих, однако ж таких, которые отличались благочестием, праведностию и всякими другими добродетелями. Некоторые из них жили еще до потопа, а после потопа, между прочими, известны были дети и потомки Ноя, также Авраам, которого еврейские чада считают своим родоначальником. Тот, кто всех этих мужей засвидетельствованной праведности—всех, от Авраама до самаго первого человека, — провозгласил бы христианами по делу, если не по имени, тот не удалился бы от истины... Ведь, сам бог являлся Аврааму, ответствовал Исааку, говорил с Иаковом, беседовал с Моисеем и последовавшими за ним пророками...»

---

[1] По книге «Числа» ЕУШЕ (הושע), в современном русском переводе, не Авсий, а ОСИЯ (Числа, XIII, 8).

Таким образом, читатель, совершенно ясно, что «Христа» многие знали и ранее IV века нашей эры, даже во времена Адама, а те, которые утверждали противное, были просто невежды.

«После такого предисловия к предположенной нами Церковной истории, — продолжает Вселюбец, — начнем, наконец, и ее, с появления Спасителя нашего во плоти, призвав, как люди, отправляющиеся в путь, себе на помощь бога (отца бога-Слова) и самого, проповедуемого нами, Иисуса Христа, спасителя и господа нашего, небесное слово божие, да вспомоществует и содействует он нам в изложении истины.

«Был сорок второй год царствования Августа и двадцать восьмой от покорения Египта и от смерти Антония и Клеопатры, с которою пресеклась династия Птолемеев в Египте. Тогда спаситель и господь наш Иисус Христос, согласно с пророчествами, родился в Вифлееме иудейском. Это произошло во время первой переписи, при Киринее, правителе Сирии. О переписи, бывшей при Киринее, упоминает и знаменитейший еврейский историк Иосиф Флавий, присовокупляя к сему еще другую историю — о родившейся в те самые времена ереси галилеян, на которую и у нас Лука сделал указание в «Деяниях», говоря: восстал Иуда Галилеянин во дни написания и отвлек людей довольно в след себе, и сам погиб, и все, которые послушали его, рассыпались» (Деян., V, 57).

Так началась в Эпоху Гуманизма от имени автора IV века нашей эры Благочестивого Вселюбца так называемая «Священная история Нового Завета», которую мне излишне излагать, так как она скомпилирована целиком из евангелий и апостольских деяний, т. е. из чистой беллетристики средних веков. Я выпишу из книги Евсевия только один эпизод, который почему-то клерикалы исключают из своих повествований. Это глава XIII о переписке Христа с эдесским царем Абгаром.

«Божественность господа и спасителя нашего Иисуса Христа, ради чудотворной своей силы прославляемая между всеми людьми, привлекала к нему, надеждою исцеления от болезней и от различных страданий, бесчисленное множество даже чужестранцев, живших далеко от Иудеи. По этой причине и царь Абгар, с великою славою властвовавший над народами по ту сторону Евфрата, но страдавший страшною и неисцелимою человеческими средствами болезнью, как только услышал об имени и о чудесах Иисуса, тотчас послал к нему письмоносца с прошением — избавить его от болезни. Спаситель же в то время, не удовлетворив просителя, удостоил царя Абгара собственноручным письмом, в котором обещал послать к нему одного из своих учеников для исцеления и вместе для спасения как его, так и всех близких ему людей. И недолго спустя после того, это обещание было исполнено. По воскресении Иисуса Христа из мертвых и по восшествии его на небеса, Фома, один из двенадцати апостолов, по божественному внушению, отправил в Эдессу Фаддея, принадлежавшего к числу семидесяти учеников Христовых, — в качестве

проповедника и благовестителя Христова учения. Им-то и приведено было в исполнение все, обещанное спасителем Абгару. Представлю тебе письменное о том свидетельство, взятое **из архива Эдессы**, которая тогда была царственным городом, потому что в тамошних общественных бумагах, где записано как древнее, так и бывшее при Абгаре, находится и это письмо, сохранившееся с того времени и доселе. Но не мешает выслушать самые письма, заимствованные нами из архивов и буквально переведенные нами с сирийского языка, следующим образом:

1) Копия письма, писанного князем Абгаром и посланного к Иисусу в Иерусалим чрез скорохода Ананию.

«Абгар, князь эдесский, приветствует Иисуса, благого Спасителя, явившегося в иерусалимских пределах. Слышал я о тебе и твоих исцелениях и о том, как ты совершаешь их без лекарств и трав. Говорят, ты слепым даешь прозрение, хромым хождение, и прокаженным очищение, изгоняешь нечистых духов и демонов, исцеляешь мучимых долговременною болезнью и воскрешаешь мертвых. Слыша все это о тебе, я положил в своем уме одно из двух: или, что ты — бог и творишь это, сошедши с неба, или, что ты — сын божий, если производишь такие дела. И потому я счел нужным просить тебя этим письмом, посети меня и исцели от болезни, которою я страдаю. Я еще слышал, что иудеи ропщут на тебя и хотят причинить тебе зло. Город мой очень мал, но достоин почтения, и в нем для обоих нас будет довольно места».

Вот как писал Абгар, когда божественный свет озарил его. Но нужно выслушать и письмо Иисуса, посланное к нему чрез того же письмоносца. Оно не многословно, но исполнено силы. Вот, его текст.

2) Ответ Иисуса, посланный князю Абгару чрез скорохода Ананию.

«Блажен ты, Абгар, что уверовал в меня, не видав меня. Ибо о мне написано, что видевшие меня не уверуют в меня, дабы невидевшие уверовали и получили жизнь. Что же касается до твоей письменной просьбы — притти к тебе, то мне прежде надлежит здесь исполнить все, для чего я послан, и, по исполнении, вознестись к пославшему меня. Когда же вознесусь, то пошлю к тебе одного из учеников моих, чтобы он исцелил тебя от болезни и даровал жизнь как тебе, так и тем, которые с тобою».

«К этим письмам присоединено было на сирийском языке и следующее». После вознесения Иисуса на небо, Иуда, — он же и Фома, — послал к Абгару апостола Фаддея, одного из семидесяти, который, пришедши в Эдессу, остановился у Товии, сына Товиева. Когда о нем услышали, и узнали, что он совершает чудеса, то напомнили Абгару:

— «Пришел сюда апостол Иисуса, как было обещано тебе в письме его».

«Фаддей тогда начал божиею силою исцелять всякую болезнь

и всякое расслабление, так что все изумлялись. Когда Абгар услышал об этих великих чудесах Фаддея и о том, как он исцелял именем и силою Иисуса Христа, то стал подозревать, не тот ли это, о котором Иисус говорил в письме: «Когда вознесусь, то пошлю к тебе одного из учеников моих, который исцелит тебя от болезни». Призвав к себе Товию, у которого Фаддей остановился, Абгар сказал ему:

— «Слышал я, что некий могущественный муж, пришедший из Иерусалима, живет в твоем доме и совершает много исцелений во имя Иисуса».

«Товия отвечал:

— «Подлинно, государь! Пришел какой-то странник, поместился у меня и творит много чудес.

— «Приведи его ко мне, — сказал князь.

«Товия, пришедши к Фаддею, сказал ему:

— «Меня призывал к себе князь Абгар и поручил привести к нему и тебя, чтобы ты исцелил его от болезни.

— «Пойду, отвечал Фаддей, ибо к нему-то собственно я и послан.

«Итак, на другой день утром Товия взял с собою Фаддея и пришел к Абгару. Когда они вошли, тогда Абгару, который окружен был вельможами, с первой минуты вступления Фаддея показалось на лице его великое явление, увидев которое князь поклонился Фаддею. Все бывшие при этом изумились, ибо не примечали того явления: оно было видимо одному Абгару. Он спросил Фаддея;

— «По истине ли ты — ученик Иисуса, сына божия, сказавшего мне: «пошлю к тебе одного из учеников моих, который исцелит тебя от болезни и дарует жизнь как тебе, так и всем, которые с тобою?»

«Фаддей отвечал:

— «За то, что ты показал великую веру в пославшего меня господа Иисуса, я и отправлен к тебе. Если еще и более уверуешь в него, то, по мере веры, исполнятся все желания твоего сердца».

— «Я так уверовал в него, — сказал Абгар, — что хотел бы итти с войском и истребить распявших его иудеев, если бы от этого предприятия не отклонило меня опасение со стороны римской империи.

— «Господь наш и бог Иисус Христос, — ответил Фаддей, — исполнил волю отца своего и, исполнив ее, вознесся к нему».

Абгар продолжал:

— «И я уверовал как в него, так и в его отца».

Фаддей же сказал:

— «За то возлагаю на тебя руку мою во имя самого господа Иисуса».

«И как только апостол сделал это, Абгар исцелился от болезни и претерпеваемых им страданий. Удивился князь, что все вышло так, как слышал он об Иисусе. Ученик его, апостол

Фаддей, исцелил его без лекарства и трав, и не его только, а также и сына его Авда, страдавшего подагрой *(даже и подагра была известна в I веке нашей эры!)*. И Авда подошел к Фаддею, пал к ногам его, и исцелен был чрез осенение рукою, соединенное с молитвою.

«Много и других граждан исцелил здесь тот же апостол, совершая великие чудеса и проповедуя слово божие.

«После того Абгар сказал:

— «Ты, Фаддей, творишь это силою божиею, и мы сами удивляемся тебе. Прошу же тебя еще рассказать мне о пришествии Иисуса, как оно совершилось, и о могуществе его, и о том, какой силою творил он все, что мы слышали».

«Фаддей отвечал:

— «Теперь не буду рассказывать, потому что я послан проповедывать слово во всеуслышание. Но завтра собери мне всех своих граждан, и я возвещу им слово жизни. Я скажу им о пришествии Иисуса, как оно совершилось, и о посланничестве его, и о том, для чего послан он был от отца, и о силе дел его, и о возвещенных им тайнах о мире, и о власти, которою он совершал все, и о новом его проповедании, и об умалении, обнищании и уничтожении внешнего человека, и о том, как он смирил себя и умер, как умалил свое божество, и сколько страданий потерпел от иудеев; как он распят был и сошел в ад, сокрушил его ограду, от века неразрушимую, потом воскрес и поднял с собою мертвых, почивших от начала мира; как он сошел туда один, а восшел к своему отцу с великим множеством людей, как восседает он теперь одесную бога-отца, превознесенный славою на небесах, и как опять придет, со славою и силою, судить живых и мертвых».

«Абгар повелел своим гражданам собраться на другой день с рассветом, и слушать проповедь Фаддея. А потом приказал дать ему золота и серебра. Но тот не принял, сказав:

— «Если мы оставили свое, то как возьмем чужое?»

«Это происходило **в 340** году».

Так оканчивается у Благочестивого Вселюбца рассказ о дружеской переписке Иисуса Христа с эдесским царем Абгаром.

Но почему же, читатель, такой замечательный случай исключается из всех наших и иностранных «Священных Историй», где передается много несравненно менее важных анекдотов? Очень просто, — всему помешал этот несчастный **340** год. Как его считать? Ведь, автор, как грек-христианин, должен был считать его по христианской эре, но тогда Иисус оказался бы почти современником Юлиана цезаря, с которого он и списан по моей теории. Однако, это ниспровергало бы всю историю христианства первых трех веков. И вот, было придумано, что Евсевий Памфил, христианин IV века, считал тут годы по чужеземной и даже языческой «эре селевкидов», причем Рождество Христово оказалось бы за 25 лет до начала нашей эры вместо ее первого года.

И вот, чтоб не соблазнять читателя, всю эту собственноручную переписку евангельского Царя Иудейского с армянским царем Абгаром условились исключить из священных историй, а 340 год считать по специально придуманной для этого «эре Едессян», будто бы близкой к эре селевкидов, совершенно позабывая, что автор в других местах своей книги считает по европейской эре (от Р. Х.). Так, свою седьмую книгу он заканчивает словами:

«Этим оканчиваем мы описание преемств, обнимающих собою 305 лет от рождения спасителя нашего».

А как же согласовать все это с тем, что эру от Рождества Христова установил только Дионисий Малый между 500 и 540 годами нашей эры, т. е. через двести лет после смерти «Благочестивого Вселюбца»? Посмотрите любой энциклопедический словарь!

Но возвратимся немного вспять.

Вторая книга излагает «Деяния апостолов», руководясь главным образом рассказами, вошедшими в Новый Завет, и апокрифическим Иосифом Флавием.

В ней нет ничего, не входящего в «священные истории», а потому ее не стоит и цитировать. Впервые возбуждает некоторый интерес восьмая глава третьей книги, где описываются необычные физические явления.

«Возьми и прочти, — говорит автор (относя дело к 70 году нашей эры), — в шестой книге «Истории» Флавия об иудейской войне.

«В то время убеждениями несчастной черни руководили обманщики и богохульщики. К поразительным знамениям, предвещавшим будущее опустошение, они не питали веры, но, как оглушенные громом и не имеющие ни ушей, ни души, совсем не замечали божией проповеди. А эта проповедь выражалась, во-первых, тем, что над городом стояла звезда, подобная шпаге, и в продолжение года сияла комета; во-вторых, тем, что когда, еще до мятежа и войны, собрался народ на праздник опресноков, 8 апреля, в девятом часу ночи, жертвенник и храм озарился столь великим светом, что ночь казалась самым ясным днем, и это продолжалось полчаса. Неопытные сочли такое явление за хороший знак, а духовно-ученые прилагали его к тому, что вскоре произошло. В тот же самый праздник, корова, которую первосвященник вел к жертвеннику среди храма, родила не теленка, а ягненка, а восточные врата внутреннего святилища, выкованные из меди и чрезмерно тяжелые, так что с трудом затворяемы были двадцатью человеками и запирались железными полосами, которые глубоко входили в порог, — эти врата в шестом часу ночи отворились сами собою. Спустя же несколько дней после праздника, 25-го мая, произошло страшное, превосходящее всякую веру явление. То, что я расскажу теперь, можно бы почитать волшебною баснею, если бы не повествовали об этом самовидцы, и если бы последующие бедствия не были достойны таких знамений. Пред захождением солнца, в воздухе, на про-

тяжении всей страны, видны были военные колесницы и вооруженные фаланги, которые пробирались сквозь облака и располагались вокруг городов. А в праздник, называемый пятидесятницею, ночью священники, пришедши по обычаю в храм для священнослужения, услышали сперва движение и шум, потом многократное восклицание:

— «Выйдем отсюда!»

Прилагая к этому случаю сказание о кометах, мы отмечаем, что в 70 году не было ни одной из них видимой около года, а только в 66 году около 50 дней и в 71 около 60 дней. Единственная, которая упоминается для первых четырех веков как долгосрочная, — это знаменитая комета Галлея от февраля до октября 373 года, т. е. почти целый год, и приведенное описание от имени Евсевия тем более соответствует действительности, что через несколько маленьких главок рассказывается у него о появлении Апокалипсиса, который по моим вычислениям появился в 395 году, через 22 года после такой кометы.

На то же время находим у Вселюбца упоминание и о первых христианах, которых он называет Ебионитами, производя это слово от еврейского «ебиун» (אביון) и переводя его значением «бедный», тогда как коренное значение этого слова, выражающееся в вариации ебиуне (אביונה), значит — похоть, да и первое значение ебиун только применительно значит бедный, а собственно: похотливый. По переводу семидесяти, по Вульгате и другим так называлась «киперова ягода», перцеватые семена которой возбуждали сладострастие, да и в Мишне талмудистов слово «ебиун» значит похоть, а не бедность. Это же самое еврейское слово вошло и в латинский язык: «evoe!» со значением «да будешь счастлив!» и было лозунгом вакхических оргий, как и восклицание «евой!» (εὒοι)!, на греческих торжествах в честь Вакха. Сам Вакх часто называется Евиос (εὔιος), т. е. сладострастный, а вакханки назывались ебоическими женщинами.

Все это не оставляет никакого сомнения, что служение Вакху характеризовало первичное христианство, но само собой понятно, что в представлении позднейших клерикалов, уже пострадавших от возникших из такого культа венерических болезней, оно обратилось в первичную из христианских ересей. Возможно даже допустить, что и все ереси первых четырех веков — только различные апперцепции того же самого первичного христианства.

«Лукавый демон, — говорит Благочестивый Вселюбец, — кого не мог отторгнуть от любви Христа Божия, находил в том слабую сторону и овладевал им. Первые христиане называли таких людей ебионитами, имевшими скудное и унизительное понятие о Христе. Они считали его обыкновенным человеком, который только за усовершенствование нрава признан был праведным и который родился от соединения мужа с Мариею. Они признавали необходимым соблюдение обрядов, как будто бы одна вера во Христа и сообразная с нею жизнь не могли спасти их. Ебиониты хранили субботу и вообще вели образ жизни, подобный богославным, но праздновали также и дни воскресные, для воспоминания о воскресении господнем. По этой-то причине они и получили свое название, т. е. названы бедняками и ебионитами за скудость своего ума».

Но мы отлично видим из более точно установленного смысла этого имени, что дело шло совсем не о их глупости.

Точно также и из других сказаний об ересях «апостольских времен» мы почерпаем у «Вселюбца» небезынтересные намеки.

Вот, например, сказание о Керинте. Благочестивый Вселюбец не дает смысла его имени. Но оно не будет иметь смысла ни на одном языке, если корнем его мы не сочтем греческий глагол Кераннюми (κεράννυμι) — смешиваю вино с водою (или вообще с чем-нибудь другим), т. е. пока мы не сочтем, что это лишь другое прозвище основателя обряда причащения евангельского Христа, или одного из его учеников. А вот что говорит о нем Вселюбец, ссылаясь на какого-то Кая.

«Также и Керинт, в своих откровениях как бы великий апостол, баснословит нам о диковинках, будто бы показанных ему ангелами, и потом присовокупляет, что после воскресения настанет новое земное царство Христово, что люди тогда опять будут жить телесно в Иерусалиме, служа страстям и удовольствиям, и что тысяча лет пройдет в непрерывных брачных празднованиях (так говорит он — враг божественных писаний с намерением обольстить слушателей). Равным образом, и Дионисий, получивший в наше время епископство над александрийскою церковию, во второй книге «Обетований» упоминает о нем следующими словами: «Керинт, основатель ереси, названной по нем керинтскою (т. е. виномешательскою), захотел украсить свой вымысел достоуважаемым именем, ибо главный пункт его учения состоял в том, что царство Христово будет земное. Но так как он был человек, преданный телу и слишком телолюбивый, то к чему стремился сам, то и выражал в своих мечтах о Христовом царстве. Все ограничивалось у него удовлетворением чрева и животных побуждений, т. е. пищею, питием, брачными узами, а чтобы придать этому почтенное значение, прикрывалось храмовыми празднествами, жертвоприношениям и жертвенными пирами».

«Так говорит Дионисий. А Ириней, изложив мистическое учение Керинта в первой книге «Против ересей», в третьей своей книге передает и одну достопамятную повесть, как дошедшую до него по преданию от Поликарпа. Он рассказывает, что апостол Иоанн однажды пришел в баню мыться, но, узнав, что во внутреннем отделении бани сидит Керинт, тотчас соскочил со своего места и бросился к дверям, потому что не терпел находиться под одной с ним крышею. К тому же возбуждал он и других бывших в бане, говоря:

— Уйдем! Как бы не обрушилась баня, если в ней сидит Керинт!

Интересно, что этому «Смешивателю вина» приписывали

иногда и Апокалипсис, автор которого на деле мечет громы и молнии именно на «смешивающих вино николаитов».

Так, по словам самого Вселюбца, Дионисий говорит следующее об «Откровении» Иоанна:

«Некоторые из наших предшественников совершенно и всячески опровергали эту книгу. Написал ее, говорили они, Виносмешиватель (Керинт), основатель ереси, названной по нем виносмешательною. Он же дал ей и это заглавие, желая свой вымысел украсить достоуважаемым именем (конечно, Великого Царя). Но я не дерзаю отвергать эту книгу, потому что многие смотрят на нее с уважением. Мое мнение о ней скорее то, что она выше моего ума; мне кажется, что каждый ее предмет заключает в себе какой-либо сокровенный и весьма дивный смысл. Согласен я и в том, что «Откровение» есть произведение какого-то святого и боговдохновенного человека, но не легко допустить, что он и есть именно апостол, сын Заведея и брат Иакова, тот самый, которому принадлежит Евангелие, написанное «от Иоанна», а также и соборное послание. Я — того мнения, что святых, одноименных с апостолом Иоанном, было много, и что, побуждаясь любовию к нему, удивлением и подражанием, и желая, подобно ему, быть возлюбленными от Господа, они с радостию принимали его имя, точно так, как между детьми верующих часто слышим имена Павла и Петра. Сверх того и самый язык позволяет догадываться о различии Евангелия и апостольского послания от «Откровения». Те написаны не только без ошибок против греческого языка, но и с особенным изяществом в выражениях, в образовании умозаключений и в составе речи, так что не легко найти в них какое-нибудь выражение иностранное или неправильное и вообще простонародное. Видно, что и сочинитель «Откровения» владел ниспосланным ему от господа даром ведения и даром слова. Не спорю, что такой человек мог получать и откровения, и знание, и пророчества, но я нахожу, что его речь и язык не чисто греческие, но смешаны с речениями иностранными и по местам неправильными. Выставлять их здесь я не считаю нужным, ибо упоминаю о них не с тем, чтобы мои слова кто-нибудь принял за насмешку: единственным моим намерением было показать несходство этих сочинений».

Таким образом, не только в моих астрономических определениях, но и в старинных наших первоисточниках Апокалипсис решительным образом отделялся от евангелия Иоанна. Я не буду здесь останавливаться на критических приемах данного места, настолько современных, что смешно даже и подумать о принадлежности Вселюбца Евсевия ранее, чем XVI веку нашей эры, но только отмечу, что и до меня евангелие Иоанна и Апокалипсис приписывались разным авторам и что «Виносмешиватель» легко может быть одной из вариаций того же самого основателя христианской литургии в представлениях одной из противоположных ему и, вероятно, позднейших сект.

Не менее характеристична и глава XXIX, где Благочестивый Вселюбец говорит о Николае, имя которого теологи переводят как греческое «Победитель народов», а мы считаем его за еврейское прозвище — хитрец.

Климент александрийский, — говорит автор, — в своей третьей книге «Стромата» (т. е. «Постели») повествует о нем слово в слово так.

«Николай, говорят, имел красивую жену, и когда, по вознесении Спасителя, апостолы укоряли его, как человека ревнивого, то он, выведши ее на средину, предлагал ее в распоряжение кому угодно. Такой поступок, будто бы, вытекал из его изречения, что плоть надобно употреблять во зло. Приставшие к секте Николая следовали такому его поступку и предавались бесстыдно прелюбодейству. Но я слышал, что сам-то Николай не имел общения ни с какою другою женщиною, кроме той, на которой женат, и что из его детей дочери состарились в девицах, а сын остался свободным от искушения. Если же это справедливо, то, выведши в распоряжение апостолов свою жену, любимую им до ревности, он доказал этим только свое отречение от страсти, и его изречение, что плоть должно употреблять во зло, было лишь уроком воздержания от самых вожделенных удовольствий. Но довольно о людях, которые в те времена исчезли быстрее мысли».

Нам интересно здесь особенно совпадение имени Николая, как современника евангельского Христа, с Николаем Чудотворцем IV века нашей эры, к которому по нашей хронологии приходится отнести и основателя христианского богослужения, отожествив его с Великим Царем (Василием Великим Четьи-Миней) и с Юлианом императором.

Это было бы новое подтверждение нашей астрономической хронологии, если бы такое было еще нужно.

Переходя к дальнейшей истории христианства, автор почти останавливается не на политических делах данного времени, а исключительно на религиозных, превращая царь-градских деятелей христианства, живших после IV века нашей эры, в римских деятелей, живших в I веке, и давая им большею частью латинские прозвища, как показано на нашей сопоставительной таблице (табл. XXX на стр. 888).

Насколько же соответствуют действительности все эти сообщения Евсевия Вселюбца, написанные по неведомым источникам Эпохи Гуманизма? Настолько же, конечно, как и всякие другие рассказы, исходящие из неизвестных источников. Да и всякие вообще исторические сведения, идущие только от одного автора, обязательно односторонни.

Благодаря чрезвычайной разносторонности и сложности народной жизни, каждый историк выбирает из нее только те детали, которые ему подходят, а читателю кажется, что ничего другого заслуживающего еще большего внимания и не происходило в то время. Вот почему история народной жизни до книгопечатного периода кажется более легкой для разработки, хотя все действительно старинные документы сплошь наполнены невероятными

событиями, мешающими приложению к ним научной исторической критики. А отсутствие чудотворной примеси, как мы это видим у Евсевия, показывает только то, что книга эта очень позднего происхождения, когда чудесное стало уже считаться за небылицы, и появления чертей и ангелов на страницах серьезной человеческой истории стали считаться компрометирующим всю книгу.

В этом моем разборе церковной истории Евсевия Вселюбца я сопоставлю лишь важнейшие из его сообщений с тем, что действительно происходило после начала IV века. Хотя я и делал уже такие сопоставления ранее, но предмет этот настолько сложен, что не мешает разработать его и по «Вселюбцу».

Октавиан Август соответствует по указанной здесь схеме Константину I (306 — 337). Христос родился, — говорят нам, — на 23 году этого Октавиана, значит *(по второй вариации)* на 23 году его прототипа Константина Августа, около 329 года. Да и Василий Великий, истинный основатель христианства, родился по церковным авторам в 329 году. Совпадение — полное. А вот, и другие соответствия. Столбование «Царя Иудейского» было определено по каббалистическим соображениям на 33 год его жизни, т. е. около 21 марта 33 года, а по моему астрономическому вычислению, на основании лунного затмения, это было 21 марта 368 года и приходится на 39 год жизни Великого Царя (Василия, по-гречески). Разница лишь в 6 годах (табл. XXX).

Все сказание о 12 учениках евангельского Христа есть лишь миф, созданный по свойствам 12 зодиакальных созвездий, но и в этом мифе любимый ученик Иисуса Иоанн Богослов хронологически налегает по нашим сопоставлениям на Иоанна Златоуста (347 — 407), любимого ученика «Василия Великаго». Да и Иуда — **брат** Иисуса, налегает на Григория Нисского (328 — 390), **брата** Василия Великого, он же, вероятно, и Григорий Богослов (331 — 371).

Что же касается до соответствия с императорами, то здесь царь Тиберий **Нерон** (т. е. Черный Тибрский царь), при котором, будто бы, был столбован Христос, только перепутан с Домицием **Нероном** (Черным царем Усмирителем), соответствующим Валенту (363—378), при котором приходится лунное затмение 12 марта 368 года, единственно соответствующее евангельскому затмению при столбовании «Царя Иудейского» (т. е. богословского, по-русски) накануне еврейской пасхи. Интересно, что взамен рассказа о столбовании Христа Евсевий относит к царствованию Нерона столбование апостола Симона Петра (т. е. Камня-Знамения).

«Утвердив свою власть, — говорит Вселюбец в XXV главе своей книги, — Нерон обратился к делам нечестивыми и, наконец, вооружился всячески и на самое почитание истинного бога. Об этом римлянин Тертуллиан пишет так:

«Обратитесь к нашим записям, — и из них вы увидите, что Нерон первый восстал на наше учение и свирепствовал против него особенно в Риме, хотя владел всем Востоком. По сказанию историков, при нем был в Риме обезглавлен апостол Павел *(аналогично обезглавлению Иоанна Крестителя в евангелиях)*, при нем был также распят па кресте и Петр *(аналогично Христу)*. Это сказание подтверждается написанием имен Петра и Павла, которое сохранилось на римских кладбищах доселе *(??)*. О месте, где были погребены священные останки упомянутых апостолов, говорит также один церковный писатель по имени Кай, живший при римском епископе Зефирине и состязавшийся письменно с Проклом, начальником катафригийского учения. Вот его слова: «Я могу показать тебе трофеи апостолов. Приди только в Ватикан, или на Остийскую дорогу, — и ты тотчас увидишь победные знаки основателей римской церкви. А что оба они приняли мученическую смерть в одно время, «об этом коринфский епископ Дионисий, письменно беседуя с римлянами, свидетельствует так:

«Вот, и вы этим напоминанием соединили насаждения, произращенные Петром и Павлом в Риме и Коринфе, потому что оба они наставили нас, коринфян, и оба учили в Италии, и оба в одно время пострадали».

Затем (гл. V) Вселюбец говорит о Веспассиане (псевдо 70 — 80 годы), соответствующем Грациану (378 — 383) и, будто бы, воздвигнувшем гонение на «иудеев в Иерусалиме». Мельком упоминает он о Тите и затем глухо говорит о гонении при Домициане (псевдо 80 — 96 годы), соответствующем Феодосию Великому (378 — 395). К этому времени автор относит и Апокалипсис, который вместо 96 года должен быть, как и следует по нашему астрономическому определению, отнесен к 395 году, т. е. году смерти Феодосия и восшествия на престол Аркадия (395—408), фигурирующего у него под именем Траяна и отнесенного ошибочно к промежутку между 99 и 117 годом нашей эры (табл. XXX).

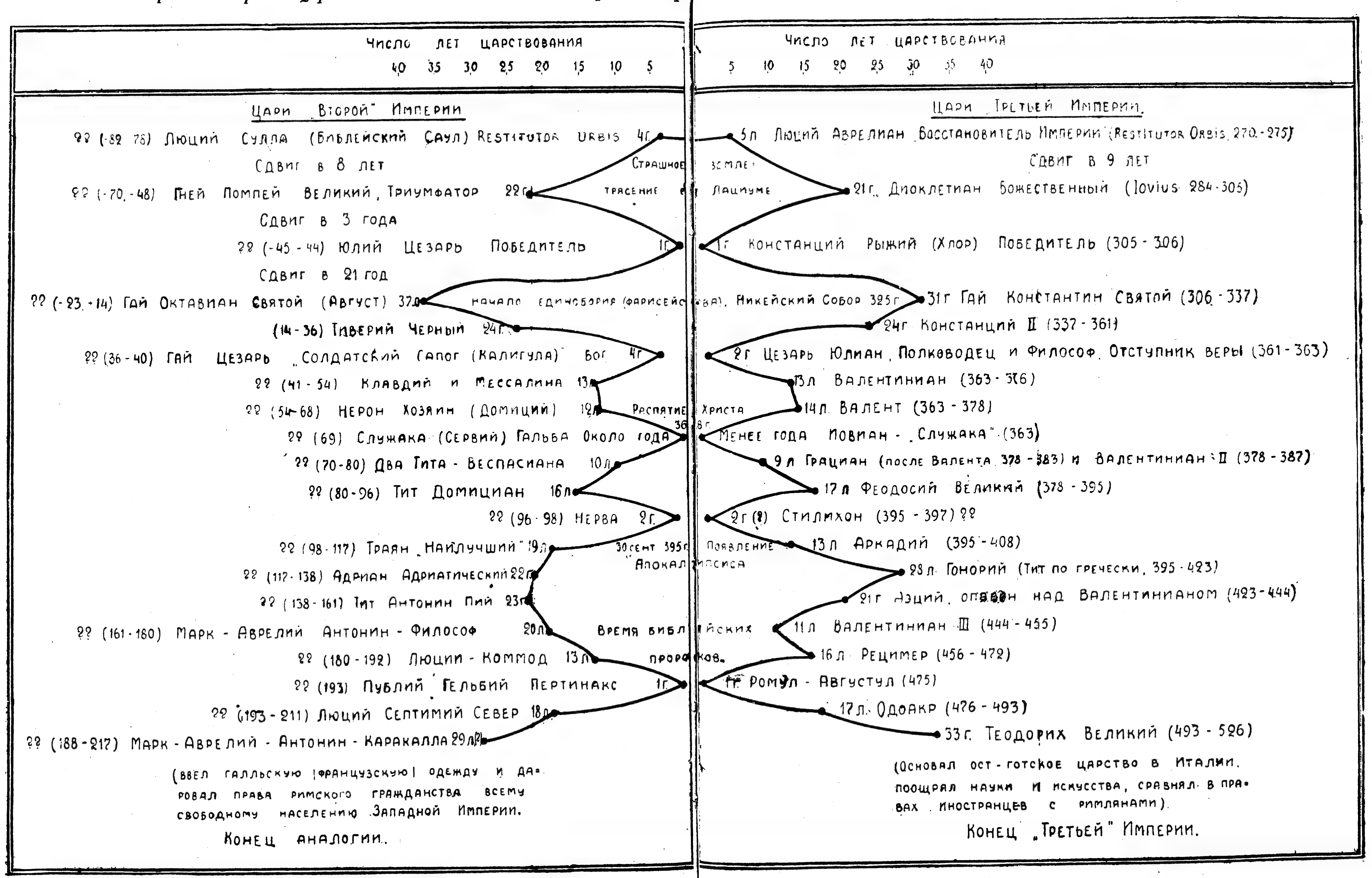
«При нем, — говорит нам «Благочестивый Вселюбец», — было воздвигнуто против церкви гонение, по случаю возмущения народа. В сие-то гонение, по преданию, мученически кончил свою жизнь Посланник-Знамение (Симеон), сын Обманщика (Клóпа), бывший вторым епископом иерусалимской церкви. Об этом свидетельствует также и Егезипп («Верный Конь») и присовокупляет, что «Посланник-Знамение» в продолжение многих дней различным образом был мучим за имя христово, приведя в великое удивление самого судью и всех окружавших его, и кончил жизнь почти тою же смертью, какую претерпел и наш господь. Он был сын Обманщика (Клопа), дяди нашего господа *(т. е. двоюродный брат евангельского Христа)*. И, повествуя о тогдашних событиях, «Егезипп» присовокупляет, что до того времени если и были люди, стоявшие «за здравый смысл спасительного учения, то они скрывались во мраке неизвестности».

Все это соответствует антиохийскому избиению статуй после появления Апокалипсиса при Аркадии.

Затем церковная история Вселюбца ликвидирует первичный Иерусалим, перебросив его в Палестину на берега Мертвого моря из окрестностей Везувия.

ТАБЛИЦА XXX.

Сравнение времен царствования последовательных царей «Второй Римской» Империи и царей «Третьей Римской» Империи.

«Когда возмущения иудеев *(богославцев)* снова усилились, — говорит он в VI главе второй книги, — правитель Руф напал на них и жестоко, пользуясь их безумием, истребил из них многие тысячи мужей, жен и детей без разбору, а земли их, по праву войны, забрал в казну. Предводителем богославных был тогда некто по имени Бар-Кохеба, что значит — Сын Звезды. Пользуясь своим именем, он внушил рабам, будто они видят в нем звезду, нисшедшую с неба озарить их во время претерпеваемых ими бедствий. После взятия «Иерусалима» он получил достойное наказание: указом Адриана запрещено было народу даже подходить к иерусалимской области, чтобы они и издали не смотрели на их отечественную землю. Об этом повествует и Аристон Пеллейский. Таким образом, в Иерусалиме не осталось более иудеев. Лишившись совершенно древних своих жителей и населившись чуждыми поколениями, он сделался после этого городом римским и переменил свое имя. В честь тогдашнего императора Элия Адриана он назван был Элиею *(т. е. городом Ильи)*».

Но Адриан был, как и соответствующий ему Гонорий (395 — 423), западно-римским императором, а потому и повесть о гибели «Иерусалима» должна относиться к какому-то извержению Везувия, окончательно погребшему первичный Иерусалим-Геркуланум, после чего через несколько столетий название это перенеслось на современный Эль-Кудс, т. е. город Святого Ильи, в Палестине.

Ко времени Адриана автор относит и гностиков *(т. е. познавших)*. Гностики, — говорит он в главе VII второй своей книги, — преподавали волхвования Знамения (Симона), но уже не тайно, как он, а явно, и даже хвалились, как будто чем-то великим, своими волшебными усыпляющими напитками, и какими-то приходящими к ним тогда духами и другими подобными вещами. Они утверждали, что желающие достигнуть совершенства в их таинственных знаниях или, лучше, в их отвратительной жизни, должны делать все самое постыдное. От мирских страстей, — говорили они, — можно избавиться не иначе, как удовлетворяя их чрез непотребство. И молва о тех людях (как об истинных христианах) вела к поношению всего христианского народа. Отсюда-то и распространялось между тогдашними неверными нечестивое понятие о нас, как об имеющих беззаконные связи со своими матерями и сестрами и питающихся мерзкими яствами *(апокалиптической мерзостью и нечистотой)*. Но ухищрения врагов наших скоро разрушились, обличенные самими их делами. Ереси у них появлялись одни за другими, а свет единой истинной кафолической церкви, оставаясь постоянно одним и тем же, продолжал возрастать и увеличиваться, и вместе с тем исчезала время-от-времени и клевета на все наше учение. Осталась одна наша вера и сделалась везде господствующею, как признанная за превосходную по святости и чистоте, божественности и мудрости своего учения».

После этого автор характеризует состояние латинской церкви

при «Антонине Благочестивом», относимом им к 138—161 годам, но списанным по нашим графическим сопоставлениям с Аэция в период его опекунства над несовершеннолетним Валентинианом III. Этого царя он называет Светлым (Люцием) и говорит, что некто Юстин написал ему письмо (кн. IV, гл. XII) с таким началом, которое ничем не отличается от недавнего: «благочестивейшему, самодержавнейшему, великому императору и проч. и проч. и проч.». Вот оно:

«Самодержцу Титу Элию Адриану, Антонину благочестивому, кесарю и истиннейшему августу, философу, и Люцию, родному сыну кесаря философа, усыновленному Благочестивым, любителю учености, священному сенату и всему римскому народу я подношу прощение за людей (т. е. христиан), несправедливо всем человеческим родом ненавидимых и злословимых, — один из которых Иустин, сын древнего Вакхана *(Приска Вакхиева)*, родом из Флавии-Неаполя, что в Сирии палестинской».

Прочитав подобное этому льстивое прошение и от других азиатских христиан, император, будто бы, послал какому-то «азиатскому обществу» следующее повеление:

«Самодержец кесарь Марк Аврелий Антонин Август, Армянин *(откуда видно, что Благочестивый Вселюбец уже смешал слово римский — А-Рам — не только с Арамеей, но даже и с Арменией)*, верховный первосвященник, народный трибун в пятнадцатый, а консул в третий раз, желает здравия обществу азийскому. Знаю, что сами боги пекутся о них *(христианах)*, как бы эти люди ни скрывались, потому что боги гораздо лучше вас могли бы наказать тех, которые не хотят поклоняться им. Вы тревожите *(христиан)* и обвиняете их в безбожии, но этим самым вы укрепляете их в мнении, которого они держатся: у них, вследствие гонений, является более готовности умереть за своего бога, чем жить. Полагая свои души за то, чтобы не делать, чего вы от них требуете, они выходят победителями. Что же касается до землетрясений, бывших и бывающих, то я считаю нужным напомнить вам следующее: во все время такого бедствия они обнаруживают более дерзновения перед богом, а вы, пока оно не кончилось, не заботитесь ни о богах, ни о чем другом, и не думаете о почитании бессмертного, которому служат христиане, преследуемые и гонимые вами до смерти.

«Впрочем, о них многие областные правители писали еще прежде к нашему божественнейшему отцу, и он отписывал им, что тревожить этих людей не должно, если они не обнаруживают никаких враждебных намерений против римского владычества. Писали о них многие и мне, и я отвечал им согласно с мнением моего отца.

«Итак, если кто станет обвинять кого-либо из христиан в том, что он христианин, то обвиняемого повелеваю освобождать от суда, хотя бы он оказался действительно-христианином, а обвинителя подвергать суду.

«Объявлено в Ефесе азийскому обществу».

Уже одно то обстоятельство, что автор этого письма смешал еврейское слово А-Рам с Арменией, достаточно показывает, что оно очень позднего сочинительства. Но кто же и зачем его сочинял?— спросите вы. — Прочтите снова, — отвечу я, — главу «Психология лживости и притворств», несколько десятков страниц назад, и вам не надо будет другого объяснения. Вся книга Благочестивого Вселюбца есть только проявление того самого «великого помешательства» запутавшихся в своих заблуждениях клерикалов. Оно создало нам всю древнюю историю, один из главнейших образчиков которого я и разбираю сейчас.

Преемник этого Антонина, прозванного благочестивым, который умер на двадцать втором году царствования, был, — по словам автора, — Марк Аврелий Вер, названный также Антонином, и он после всего только-что рассказанного ни с того ни сего, будто бы, начал преследовать христиан.

«Изумлялись, — говорит он, — зрители, стоявшие вокруг, видя, как мученики рассекаемы были бичами до самых глубоких жил и артерий *(даже и артерии уже знает Вселюбец!)*, так что открывались взору внутренности и самые сокровенные члены их тела. Под них подстилали морские раковины и острые осколки, переводили их чрез все роды пыток и мучений и, наконец, отдавали зверям на съедение». «При этом пострадал, — продолжает он, — один старец по имени Многоплодный (Поликарп), которого возвели на костер.

(Больше никого он не может назвать по имени, но и тут впал в явное сочинительство, как видно из следующих строк.)

«Пламень сильно поднялся, — и те, которым дано было видеть, увидели чудо и пересказали его другим. Огонь принял форму шатра и подобно корабельному парусу, надутому ветром, окружал тело мученика, так что, находясь в средине, оно казалось не сожигаемою плотью, а золотом и серебром, разжигаемым в горниле. При этом *мы (!!)* ощущали такое благоухание, как будто курился ладон, или какой-либо драгоценный аромат. Наконец, видя, что тело не может быть испепелено огнем, беззаконники велели подойти звероборцу и вонзить в него меч. Когда же он это сделал, то кровь вытекла в таком множестве, что погасила огонь. Народ изумился великому различию между неверными и избранными, из которых один был этот дивный современный нам учитель апостольский и пророческий, бывший епископ кафолической церкви в Смирне».

Что это, — спрошу я, — как не проявление того, что в психиатрии называется «мания лживости (pseudologia phantastica)? Автор жил уже в такое время, когда балаганные, грубые чудеса с ангелами и чертями вышли из моды, но несгораемости святых еще верили. Их можно было умертвить только мечом...

А затем начинаются фантазии и об ересях и, вероятно, не раз относятся здесь к числу их первые стадии развития самого же христианства, объявленные после уничтожения их лишь «былыми новшествами», исказившими первоначальную чистоту

истинной веры». Так, в XXII-й главе второй книги автор сообщает, будто христианская церковь *(при Аврелии Вере, т. е. Валентиниане III)* называлась девою, ибо она не была еще растлена суетными учениями. «Первым растлителем ее, — говорит он, — был Февуфис, недовольный тем, что его не сделали епископом. Он принадлежал к одной из семи народных сект. Из них же вышли и Симон, родоначальник симониан, и Клеовий, от которого произошли клеовиане, и Досифей, от которого — досифеане, и Горфей, от которого — горфеане и Масвофей. От сих произошли менандриане, маркиониты, карпократиане, валентиниане, василидиане и сатурнилиане. И каждый ересеначальник привносил свое собственное учение, отличное от других. Отселе явились лже-христиане, лже-пророки, лже-апостолы, которые своим испорченным учением о боге и его Христе разделили единство церкви». Наконец, говоря о так называемых апокрифах, автор *(которому были известны уже и апокрифы!)* замечает, что некоторые из них были составлены еретиками в его время.

В своей пятой книге Благочестивый Вселюбец переносит действие уже решительно в Западную Европу.

«Страна, — говорит он, — в которой открылись гонения при Марке Аврелии *(т. е., по-нашему, при Валентиниане III)*, была Галлия. Замечательнейшие и более других славящиеся ее митрополии: Лугдун *(Лион)* и Виенна *(Виеннь)*. Чрез обе протекает река Родан *(Рона)*, орошая обилием своих вод всю страну. Их знаменитейшие церкви послали церквам азийским и фригийским свое «Сочинение о мучениках», в котором они рассказывают о своих происшествиях».

Нам здесь мало интересны приводимые в этом «сочинении» случаи, и потому, сразу перескочив в XVIII главу, я покажу лишь пример того, как слово «Иерусалим» применялось разнообразно в средние века.

Вот, например, подлинные строки Вселюбца о Монтане:

«Он учил расторгать браки и издавал законы о постах. Небольшие города Фригии, Петузу и Тимион, называл он Иерусалимом с намерением собрать туда людей из всех стран. А о его пророчицах Аполлоний пишет иронически: «Заметим, что эти самые пророчицы, исполнившись святого духа, развелись первые со своими мужьями; и как же обманывались те, которые называли Приску девицею!».

Что тут мы видим, читатель? Даже небольшие города назывались Иерусалимами, значит это имя (т. е. Город Святого Примирения, если брать полугреческий смысл, и «Надежда Успокоения» если брать смысл чисто еврейский) было имя прилагательное. И мы не можем не видеть по совокупности событий, что сначала, в книге «Исход», это название прилагалось не иначе, как к Геркулануму (или Помпее) у подошвы Сиона-Везувия, а в книге «Цари», повидимому, уже к Царь-Граду и лишь позднее к современному нам палестинскому Эль-Кудсу.

Так оканчивается V книга Евсевия Вселюбца.

Его шестая книга начинается с изложения учения Оригена, которого он относит ко времени Септимия Севера, жившего, будто бы, в 193—211 годах, а по нашим графикам это приходится на время Одоакра (476—493). Имя его, если производить от латинского корня, значит «Первоначальный» и потому мало соответствует такому позднему времени. Да и при производстве с греческого (допуская некоторую порчу орфографии) от ὥρα и γεννάω — рождаю часы, смысл получается почти тот же самый. Поэтому приходится признать его за личность мифическую, вроде астронома Птолемея Александрийского, неправильно относимого классиками тоже ко второму веку нашей эры. Во всяком случае в пятом веке мы не находим для него никакого аналога в дошедших до нас первоисточниках, да и весь период между Каракаллой (217 г.) и Аврелианом — простой цемент для соединения воедино двух отдельных повествований.

Вся шестая книга посвящена Оригену и его современникам и, несмотря на ее позднее происхождение, интересна тем, что, судя по ней, Ориген при нашем перечислении приходится на время библейских пророков, тогда как астроном Птолемей хронологически почти налегает на автора Апокалипсиса Иоанна Златоуста.

Седьмая книга Вселюбца начинается царствованием «Француза» (Галла[1]), при котором рисуется христианское благоденствие совсем как при Людовике Благочестивом...

«Знай, брат, что все восточные и еще более далекие церкви были некогда разделены, а теперь пришли к единению. Предстоятели их везде согласны в образе мыслей и преисполнены великою радостию о неожиданном утверждении мира: Димитриан — в Антиохии, Феоктист — в Кесарии, Мазабан — в Элии (Эль-Кудсе), Марин, по смерти Александра, — в Тире, Илиодор, по упокоении Филимндра, — в Лаодикии, Елен — в Тарсе. Не желая сделать *свое послание длинным, а речь тяжелою,* я наименовал только знаменитейших епископов. Все сирийские области, Аравия, Месопотамия, Понт и Вифиния, — одним словом, все и везде радуются о единомыслии и братолюбии, славя бога».

Так велеречиво говорит автор от имени какого-то Дионисия совсем не средневековым слогом.

А вот, и о другом «французском царе» (Галлиене, по-латыни). «Он был, — ораторствует Вселюбец, — царь старый и вместе новый, ибо и прежде он был, и после останется, как сказано у пророка Исаии: вот, пришло искони бывшее и новое, что ныне воссияет» (Ис., XLIII, 19). Как облако, прорезав солнечные лучи и на короткое время заслонив их, закрывает солнце и вместо его является само, а потом, когда оно проходит или рассеивается, солнце опять является светозарным, так и Макриан, как облако, став впереди и стремясь завладеть высшею властию Галлиена, теперь более

[1]) По-гречески Франция и до сих пор называется Галлией, а француз — галлом.

не существует, потому что не был тем, чем хотел быть, а Галлиен остается тем же, чем был прежде. Теперь римское царство как бы стряхнуло свою старость и, очистившись от предшествовавших бедствий, зацвело с большею силою. Теперь гораздо далее люди видят его и слышат о нем, — оно распространяется повсюду». Совсем как при Людовике XIV!...

А вслед за этим автор, яко бы цитируя современника тех событий Дионисия, указывает и на время, когда тот писал, говоря так:

«Вот мне опять пришлось обнимать мыслью продолжение царственных лет. Вижу, как нечестивые, создавшие себе имя, в короткое время остались без имени, и как благочестивейший и боголюбивейший император, совершив семилетие, ныне достигает девятого года, который мы будем праздновать».

Я не буду продолжать здесь выписок, яко бы сделанных Вселюбцем из апокрифического Дионисия об апокрифических же христианских псевдо-ересях псевдо-конца III века, когда еще не было никакой православной церкви, основанной даже и по христианским авторам только Василием Великим во второй половине IV века. Отмечу только его сказание о Манесе, который, если верить ему, является первым христом, при Диоклетиане, ко времени которого относится только арианство.

«К этому времени, — говорит он, — приготовил свое сумасшествие, свой превратный смысл, Манес, давший имя известной демонской ереси, ибо, действительно, сам демон, враг божий — сатана, ко вреду многих, выбросил на свет этого человека. Варвар по жизни, языку и нраву, бешеный и неистовый по природе, он дерзнул представлять из себя Христа! Гордый до безумия, он провозглашал себя — то утешителем и святым духом, то христом, и избрал двенадцать учеников в сообщники своего вымысла. Ложное же и безбожное свое учение он сшил из тысячи мнений, принадлежавших давно угасшим ересям, и излил его из Персии[1] на нашу землю, как какой-нибудь смертоносный яд. Отсюда и произошло слышимое доныне у многих нечестивое имя манихеев» (кн. VII, гл. 21).

В противоположность Манесу автор возвеличивает другого псевдо-современного Диоклетиану — епископа Анатолия Александрийского, списанного скорее всего с Ария, называя его Восточным епископом (Анатолием):

«Родом он был Александриец, и по своей учености, греческому образованию, равно как и по философии, занимал первое место между известнейшими лицами нашего времени. Благодаря тому, что и в арифметике, и в геометрии, и в астрономии, и в диалектике, и в физике, и в риторском искусстве достиг он самой высокой степени, жители Александрии просили его, говорят, основать в их городе школу Аристотелевых последователей».

[1] Отметим, что *Персию* (ПРСИ) средневековые теологи постоянно смешивали с Паризией (ПРЗИ), от французского Paris — Париж.

Ему приписывает Вселюбец (как выходит и с нашей точки зрения) первое определение начала года, которое он называет Пасхой, т. е. переходом солнца через небесный экватор.

«Новолуние первого месяца первого года, служащего началом **девятнадцатилетнего цикла** лет, приходится, по египетскому счету, в 26-й день месяца Фаменота; по македонскому месяцеслову оно приходится в 22-й день месяца Дистра, а, по счету римлян, в 11 день перед апрельскими календами (т. е. 22 марта). Между тем находят, что в 26-й день помянутого Фаменота солнце не только вступает в первое созвездие зодиака, но идет в нем уже четвертый день. Это созвездие (т. е. Овна) обыкновенно называют первым из двенадцати, равноденственным, началом месяца главою *(зодиакального)* круга и исходною точкою планет. А предшествовавшее ему *(созвездие Рыб)* — последним месяцем, двенадцатым созвездием, концом планетного периода. Посему те, которые относят к нему *(т. е. к Рыбам)* первый месяц и в нем четырнадцатый день принимают за день Пасхи *(т. е. перехода; но, ведь, это было только в XI веке нашей эры!!)*, немало ошибаются».

Смешивая затем слово Пасха, как переход солнца через экватор в наше северное полушарие на весну, с переходом евреев через расступившееся, яко бы, перед ними море, автор продолжает, отдавая предпочтение библейской легенде:

«Решая вопросы, относящиеся к книге «Исход», они *(древние учители)* говорят, что жертву перехождения все должны совершать после весеннего равноденствия, в средине первого месяца. А это приходится тогда, когда солнце протекает уже первый отдел солнечного круга, или, как некоторые из них называют, Зодиака. Аристовул присовокупляет еще, что в праздник (еврейского) перехождения не только солнце должно протекать чрез знак равноденствия, но и луна, а равноденственных знаков два: весенний и осенний, и они друг другу противоположны. Следовательно, если днем пасхальной жертвы будет четырнадцатый день месяца, по вечеру, то луна станет в положении прямо противоположном солнцу, как это можно видеть при полнолунии. Тогда солнце войдет в знак весеннего, а луна, по необходимости, в знак осеннего равноденствия».

«Тот же Анатолий, — продолжает он, — оставил нам основания арифметики в целых десяти книгах и разные другие доказательства своей ревности и многоопытности в занятии божественными предметами».

К следующему после него поколению благочестивый Вселюбец — Евсевий Памфил — относит и самого себя, называя себя ученейшим и истинным философом в таких словах:

«В Агапиево время *(т. е. во время основателя агап, приходящееся тут около 296 года)* мы знали ученейшего и по самой жизни истинного философа, Памфила *(т. е. самого себя, родившегося по церковной хронологии в 270 году и умершего в 340 году)*, который в тамошней епархии удостоен был пресвитерства.

Чтобы изобразить, каков был этот человек и каковы были его начала, потребовалось бы не малое сочинение. Отдельные черты его жизни, основанное им училище, различные исповеднические подвиги его во время гонения и, наконец, приобретенный им мученический венец мы описали в особой книге. Подлинно, он удивительнее всех здешних мужей. А из ближайших своих современников самыми редкими людьми мы признаем александрийского пресвитера Персия и епископа понтийских церквей Мелетия. Один прославился крайнею нестяжательностью и философскими познаниями, чрезвычайными занятиями в созерцании и изъяснении вещей божественных и собеседованиями во всенародных церковных собраниях. Другой — Мелетий, — которого ученые называли медом Аттики, был таков, каким можно описать только человека, совершеннейшего во всех отношениях.

«Этим *(т. е. дифирамбом самому себе)* и оканчиваем мы описание преемств, обнимающее собою 305 лет, от рождения нашего Спасителя до разрушения молитвенных домов. А вслед за сим постараемся мы передать потомкам письменно и о современных нам мучениках за благочестие и покажем, сколько их было».

Таков конец седьмой книги «Церковной истории» Евсевия Памфила.

Указание весеннего равноденствия на 14 марта (очевидно, юлианского стиля) дает нам прямо XI век нашей эры (в четвертом веке оно было по-юлиански 18, а в начале нашей эры 22 марта). Полное знакомство со всеми евангелиями, позднейшее из которых (Луки Элладского) относится, как мы видели в первом томе, к X веку нашей эры, приводит к тому же заключению. А если вы еще не убедились, что развязный тон его изложения есть типический тон первых веков книгопечатной эры и позднего ренессанса, то вот вам еще образчик из восьмой книги того же Благочестивого Вселюбца.

«Описав в целых семи книгах, — начинает он, — преемство апостолов, мы считаем в этой восьмой книге весьма нужным изложить **для сведения потомству** *(какой заботливый!)* те события, которые случились при нас самих *(??)* и которые заслуживают не поверхностного описания. Начнем свою речь так.

Глава I

О том, что было пред современным нам гонением.

«Сколь велики были и как далеко между всеми народами, — греками и варварами, — распространились пред современным нам гонением слава и дерзновение учения о почитании верховного бога, возвещенного свету Христом, мы не в состоянии достойно рассказать. Доказательством того может служить благосклонность к нашим единоверцам державных лиц, которые поручали им управление народом и, по великому расположению к нашей вере,

избавляли их совесть от *(языческих)* жертвоприношений. А что сказать о царских придворных? Что — о правителях, начальствовавших над всеми? Всем своим домашним: женам, детям и слугам они попускали открыто и свободно следовать божественному слову и христианской жизни. Они почти позволяли им хвалиться своим дерзновением к вере и считали их достойными любви больше, чем прочих сослужителей. Таков был Доспфей, за свою глубочайшую преданность и верность отличенный властями предпочтительно пред лицами, занимавшими самые высокие правительственные должности. Таков вместе с ним и славный Горгоний и другие, удостоившиеся подобной чести за слово божие. О, сколь великим благоволением, вниманием и дружеским обращением пользовались правители каждой церкви у всех префектов и советников! Кто и как опишет эти многочисленные обращения ко Христу, эти многолюдные собрания во всяком городе и стечения в молитвенных домах, — отчего, не довольствуясь уже старыми зданиями, христиане по всем городам начали строить обширные церкви? Так благосостояние христианства с течением времени упрочивалось, и с каждым днем приходило в новую силу и величие. Никакая ненависть не стесняла его, никакой злой демон не был в состоянии ему вредить, или мешать чрез людские навсты, пока божественная и небесная рука осеняла и охраняла свой народ по мере его достоинства. Когда же от излишней свободы течение наших дел превратилось в медленное и вялое; когда мы начали друг другу завидовать, друг с другом ссориться и, при случае, поражали один другого стрелами своего слова, почти как оружием; когда власть стала нападать на власть, народ стал возмущаться против народа, когда постыдное лицемерие и притворство достигли высшей степени зла, — тогда суд божий, щадивший возлюбленных своих за продолжавшиеся еще собрания, стал обнаруживать свое смотрение над ними, спачала слегка умеренно, допустивши гонение только на наших братьев, находившихся в войске. Но мы, несмотря на то, оставались бесчувственными и не заботились о том, как бы приобрести благоволение и милость бога, а напротив, подобно каким-нибудь безбожникам, думали, что наши дела не находятся под чьим-либо попечением и смотрением, и прилагали преступления к преступлениям. А наши мнимые пастыри, презрев закон богопочитания, воспламенялись только взаимными распрями, умножали одни раздоры и угрозы, зависть, вражду и ненависть друг против друга и сильно домогались первенства и неограниченной власти. Тогда-то, наконец, по слову Иеремии (Плач, II, 12), «омрачил Господь во гневе своем дщерь Сиона, свергнул с небес на землю славу Израиля и разорил все твердыни его».

«Все это, — говорит автор, — сбылось именно при нас. Мы собственными глазами видели и разрушение молитвенных домов сверху донизу — до самых оснований, и сожжение божественных и священных книг среди площадей, и постыдное самоскрывательство пастырей церкви здесь и там; мы видели и позорное

отыскивание их и посмеяние над ними врагов. Впрочем не наше дело описывать конец бедственной их участи, равно как не следует передавать потомству память о бывшем перед гонением несогласии их между собою и о их постыдных поступках. Поэтому-то и решились мы не рассказывать о них больше того, что нужно сказать для оправдания суда божия. В этой нашей «Всеобщей истории» предложим мы только то, что может послужить на пользу сперва нам самим, а потом и тем, которые будут после нас. Начнем же кратко описывать священные подвиги исповедников слова божия».

«Был девятнадцатый год царствования Диоклетиана; был месяц Дистр, называемый у римлян Мартом, когда, пред праздником спасительного страдания повсюду разосланы были *(вдруг ни с того ни с сего после прежнего сочувствия)* царские грамоты, которыми предписывалось разрушать церкви до основания, а книги истреблять огнем, и в которых лица, занимавшие почетные должности, объявляемы были бездолжностными, а находящиеся в услужении — лишенными свободы, если останутся исповедниками христианства. Таков был первый указ против нас. Вскоре затем появились и другие грамоты, повелевавшие сперва заключать в оковы всех предстоятелей церквей, в каждом месте, а потом всякими способами принуждать их к жертвоприношению».

Читатель, знающий уже, что при Диоклетиане не было еще никакой православной христианской церкви, должен счесть это или за голую выдумку, или признать, наоборот, что церкви, которые разрушал Диоклетиан, были не христианские, а наоборот очаги прежнего вольного шаманства, когда каждый колдун имел право устроить жертвенник в любом, вызывающем суеверие месте и, поставив там грубую статую, вызывать окружающее население на жертвоприношения ей, предсказывая им за это от ее имени будущее и выдавая ее за целительницу болезней.

Мы видим, что именно в это время и появился первосвященник Диоклетиана *(т. е. библейского Моисея)* Арий *(т. е. Арон),* который, как на Руси при «Владимире Святом», начал разрушать все очаги шаманства. И, конечно, он встречал особенное сопротивление в тех местах, где необычные физические явления уже давно вызвали к существованию и исторически укрепили большие храмы и жреческие поселки, жители которых (да и все окружающее население) фанатически верили в святость и могущество своих «местных» богов. Понятно, что в таких случаях нередко происходили и фанатические сопротивления и случаи мученичества от насильственного принуждения отречься от своих родных богов во имя единого небесного бога-Громовержца и во имя единого государственного штатного духовенства. Все такие случаи сопротивления, оставшиеся в народной памяти при распространении арианства, последующая мессианская церковь, вступившая в борьбу с арианством и объявившая себя его предшественницей, чрезвычайно легко могла принять

*

за его гонения на себя, и в таком случае то, что мы здесь читаем, станет очень вероятным и даже неизбежным с этно-психологической точки зрения. И тогда описание Благочестивого Вселюбца примет следующий вид.

«Весьма многие из предстоятелей *(вольной шаманской)* церкви бодро претерпели страшные мучения и показали примеры великих подвигов, а бесчисленное множество других, поколебавшись духом от робости, ослабело и не выдержало первого нападения. Из неподчинившихся каждый подвергался мучениям разного рода: одного секли бичами, другого терзали невыносимыми когтями, отчего некоторые получили самый бедственный конец жизни. А иных и живыми выводили из мучений, чтоб еще опозорить: одного насильно толкали к беззаконным и мерзким жертвенникам, — и он был отпускаем, как будто принес жертву, хотя и не приносил ее; другой вовсе и не приближался к алтарю, и не касался чего-либо нечистого, однако ж и ему приписывали участие в жертвоприношении, а он молча переносил клевету и удалялся. Того брали избитого и выбрасывали полумертвым, как уже умершего, а он оживал, а другого, лежавшего на земле, влекли за ноги на длинное расстояние и причисляли к тем, которые принесли жертву. Один кричал и громогласно свидетельствовал свое отречение от жертвоприношения, другой взывал, что он — христианин и хвалился исповеданием спасительного имени, третий утверждал, что он не воскурял и никогда не будет воскурять фимиам богам; однако ж и эти были насильно выгоняемы многолюдными отрядами назначенного к тому войска, а чтобы они молчали, их били по устам и ланитам. Таким важным делом враги *(прежней!)* веры почитали даже и одно наружное достижение своей цели!»

С этой же точки зрения можно рассматривать и рассказы о предшествовавших гонениях на еще не существовавших христиан первых «трех веков». Христианские ереси, приписываемые тому времени, могут быть отчасти апокрифами, а отчасти первичными формами самого христианства, переименованными в ереси, после того как оно перешло на новые стадии своего развития.

«Мы только-что видели, — продолжает Вселюбец, — как князь мира сего начал пробуждаться от глубокого сна. Еще тайно и скрытно, в промежуток двух царствований, Декиева и Валерианова, он стал налагать руку на церкви *(т. е. скорее на частные жертвенники местным богам),* не вдруг воздвигая против них брань, но искушая только тех, которые находились в войске. Он думал, что, победив сначала их, ему легко будет пленить и прочих, однако множество лиц важного звания предпочитали уходить в частную жизнь, чтобы не отречься от своей прежней веры (то же было и в войске). Как скоро военачальник, — кто бы он ни был, — начинал отделять принятых в полки *(по мнению автора—христиан, а на деле язычников)* и предлагать каждому из них или повиноваться царскому указу и сохранить принадлежащий себе чин, или лишиться военного достоинства, тогда весьма многие воины, нимало не затрудняясь, предпочли свое исповедание мнимой славе и выгодам, какие они до того имели. Впрочем, редко тот или другой из них за свою твердость в вере получал тогда смерть. Строитель козней действовал еще как-то умеренно и не дерзал простирать своей злобы до пролития крови. Его устрашало, как видно, множество верующих. Он не отваживался ринуться войною на всех их вдруг. Когда же его война сделалась открытою, тогда невозможно стало пересказать словом, сколько и каких мучеников пришлось нам видеть во всех городах и странах».

Затем идет рассказ о ряде псевдо-христианских мучеников... Если все они не измышления Эпохи Гуманизма, то это — повторяю — вывернутые на изнанку сказания о сопротивлении прежних религиозных кустарей введению единой государственной церкви, а такое сопротивление было неизбежно. И вот, посвятив гонениям на псевдо-христиан всю восьмую книгу, Благочестивый Вселюбец, совершенно не подозревая, что греческий Зевс есть лишь вариация имени латинского Иевиса, а Иевис то же самое, что библейское Иеве (по-русски — Иегова), — начинает говорить (кн. IX, гл. 3) о воздвижении ему статуи, как языческому богу.

«Вождем гонения в Антиохии, — говорит он, — оказался некто Божий сын *(по-гречески — Феотекн),* чрезвычайный волхв и лукавый, не достойный своего имени человек. На нем, кажется, лежала должность городского казначея. Непрестанно вооружаясь против нас, всячески стараясь следить за нами, будто за нечестивыми татями в их вертепах, устрояя нам всевозможные козни посредством наветов и обвинений и быв причиною смерти бесчисленного множества христиан, — он, наконец, под влиянием каких-то чародейств и волхвований, воздвигает образ Зевса — покровителя дружбы, придумывает скверные посвящения, нечестивые таинства, постыдные очищения, и доводит до сведения царя о дивных примерах мнимых его предвещаний. Ласкательствуясь к властителю, он возбуждает против христиан демона и говорит, что бог повелел выгнать их из города и из городского округа, как своих врагов.

«Воздвигнув в Антиохии статую, он, повидимому, жил счастливо и уже получил от Максимина должность областного правителя. Но Лициний *(новый цезарь-соправитель Константина I),* прибыв в Антиохию, приказал произвести следствие над тамошними волхвователями и под пытками допросить этих пророков и жрецов, каким образом они устроили обман. Так как по причине пыток запирательство для них стало невозможно, то они объявили, что обманное таинство было выдумано искусством «Сына божия» (Феотекна). Тогда Лициний, после многих мучений, приговорил к смерти сначала «Сына божия», а потом и прочих сообщников его волшебства. К ним присоединены были и дети Максимина, которых тот сделал участниками в царских почестях и выставлял на картинах и изображениях. Одинаковой

участи с вышеупомянутыми подверглись также и родственники тирана, бывшие прежде того гордыми и превозносившимися своим господством над всеми людьми. После такой погибели нечестивых твердая и огражденная от зависти царская власть по справедливости осталась только в руках Константина и Лициния. Истребив сперва все враждебное богу и укрепив дарованные себе от него блага, они доказали любовь свою к нему и к добродетели и свое расположение к божественному благочестию чрез издание законов в пользу христиан».

Так оканчивается девятая книга «Церковной истории» Благочестивого Вселюбца гонением уже на самого «Сына божия», хотя еще и не христианина.

А десятая его книга начинается так:

«Благодарение вседержителю и царю всех — богу, величайшее же благодарение — спасителю и Искупителю наших душ Иисусу Христу, чрез которого мы молим, чтобы твердый мир, не нарушаемый ни внешними, ни душевными беспокойствами, всегда пребывал с нами. Так как к предшествующим книгам «Истории» мы присоединили эту десятую, по твоему прошению, святейший Павлин, [1] то тебе и посвятим мы ее, и скрепим все наше дело твоим именем, как бы печатью. Не неприлично будет здесь, повинуясь святому духу, поместить торжественное слово о возобновлении церквей. А святой дух повелевает следующее: «воспойте Господу новую песню, яко дивно сотворил Господь» (Псал., XCVII, 1 — 2). Согласно с этим словом писания, повелевающим нам воспеть новую песнь, воспоем ее теперь, потому что после прежних мрачных зрелищ и страшных повествований мы удостоились созерцать и славословить то, что ранее желали видеть на земле и не видели, что ранее хотели слышать и не слышали жившие до нас истинные праведники и мученики божии».

И так далее, и так далее, типичнейшим языком «церковного красноречия» XVI века и позднейших, но никак не предшествовавших, веков. Разделавшись с гонениями водворителя арианского государственного единобожия на предшествовавших ему религиозных вольных кустарей, под именем гонения вместо кустарей на христиан, автор начинает под фирмою возобновления разрушенных храмов описывать захват прежних вольных капищ государственною церковью с установлением в них своего нового богослужения, причислив древних богов отчасти к своим святым, многочисленные примеры чего уже указывали и до меня, например Мальвер, Древс и др.

Так создалось трудами позднейших теологов все средне-римское царство от Октавиана-Августа до его двойника Константина (табл. XXXI). И вот как автор заканчивает свою волшебную сказку:

«Освободившись от владычества тиранов и избавившись от прежних зол, все люди, каждый по-своему, стали исповедывать

---

[1] Евсевий подразумевает здесь Павлина «Тирского епископа», которому он посвятил свою историю и несколько других сочинений.

единого истинного бога, поборника благочестивых. Особенно же неизреченною радостию исполнялись мы, возлагавшие свою надежду на Христа божия. И была у всех какая-то божественная радость, когда увидели, что места, незадолго пред тем опустошенные нечестием тиранов, как бы после продолжительной и смертоносной язвы, снова оживают, что храмы, начиная с фундамента до недосягаемой высоты, опять воздвигаются и получают гораздо лучший вид, нежели прежние разрушенные. Верховные цари, рядом своих законоположений в пользу христиан, упрочили ниспосланные им великие дары божии. От императора к епископам посылаемы были лично письма, знаки почестей и денежные подарки. Эти письма, в переводе с латинского языка на греческий, не неприлично будет поместить при случае и в сей книге, как на некоторой священной скрижали, чтобы они служили памятником для всего нашего потомства».

И автор прежде всего помещает: «Торжественное слово о созидании церквей, сказанное тирскому епископу Павлину».

«Други божии и иереи, одеянные в священный подир, украшенные небесным венцом славы, восприявшие общественное помазание, облекшиеся в священную одежду святого духа! И ты, наилучшее украшение нового святого храма божия, почтенный от бога старческою мудростию и показавший разнообразные опыты юношески цветущей доблести, ты, которому сам бог, содержащий всю вселенную, даровал особенную честь устроить и обновить на земле дом Христу, единородному и перворудному своему Слову, а также и святой и божественной его невесте! — Кто не назвал бы тебя новым Веселиилом, строителем божественной скинии, или Соломоном, царем нового, гораздо лучшего Иерусалима, или новым Зоробабелем, украсившим божий храм большею против прежнего славою?»

В таком же цветистом стиле составлены и дальнейшие 22 страницы «Торжественного Слова», которых я не привожу здесь, руководствуясь правилом «хорошего понемножку».

И если даже после этого вы все-таки будете утверждать, что «Церковная история» «Благочестивого Вселюбца» написана еще в IV веке нашей эры и может считаться за исторический документ, то вас уже ничем не разубедишь.

ГЛАВА V

НАЧАЛО НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ. ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВСЕЛЕННОЙ. ПАН-АНИМИЗМ

Небо глубокое,
Полное мглы голубой,
Полное звезд золотых!
Небо далекое,
Весь я теряюсь душой
В безднах твоих!

Н. Щербина.

Нашему современному, величественному представлению о Вселенной, где миллиарды звезд окружающего нас Галактического скопления светил являются лишь отдельным архипелагом в бесконечном Вселенском океане Светоносного эфира, где наша Земля лишь незаметный спутник золотистой звездочки, Солнца, обращающегося в целом венке других таких же звезд вокруг невидимого нами, но могучего центра их тяготения, — этому естественно-научному представлению предшествовало другое—теологическое, где сама земля считалась центром всего мира, а небо — голубым сводом над нею и над носящими ее морями. Но и это первичное наивное представление имело, как и наше, свою эволюцию. Уже a priori можно сказать, что причиной первой попытки перенестись мыслью за пределы видимого голубого свода, было желание объяснить: почему луна обходит все его кажущиеся неизменными зодиакальные созвездия от одного соединения с Солнцем до другого, приблизительно в $29^1/_2$ дней? Почему Солнце, Меркурий и Венера идут приблизительно в 12 раз, а Марс — в 24 раза медленнее ее и, наконец, почему Юпитер обходит небо в 12 раз медленнее Солнца, а Сатурн даже в 30 раз?

Неизбежно должно было возникнуть представление о семи колесах, в небесной звездной сфере, вложенных одно в другое и кружащихся с различными скоростями: чем меньше колесо — тем быстрее. Этим и определялось их расстояние от центра их вращения — неподвижной круглой Земли, на «верхней» площадке которой находится вся обитаемая область. Но это представление было уже первым шагом к механическому мировоззрению, взамен первичного, наделявшего все в природе свободной волей.

Рис. 159. Млечный путь и временные звезды.

Дальнейшее наблюдение должно было навести на мысль, что Меркурий и Венера, никогда не удаляющиеся от Солнца, имеют втулкой вращения своих колес никак не землю, а само Солнце и этим зародить представление об эпициклах. А следующей и последней стадией развития этого геоцентрического представления о Вселенной, по мере изучения прямых и попятных движений всех планет, должно было явиться представление о необходимости эпициклов и для Марса, Юпитера и Сатурна, как будто каждая из этих планет обращалась около своего собственного, но невидимого нами Солнца.

Здесь должна была закончиться плавная эволюция первичного представления и наступить революция, которая, подняв человеческую мысль на новую высшую и единственно правильную точку зрения, должна была оставить на прежнем месте только одну Луну, а все остальные планеты, и с ними самое Землю, сделать спутницей Солнца... Этот переворот и произошел 15 мая 1543 года, когда была отпечатана книга Коперника. С того вре-

Рис. 160. Немая карта звездного неба. *(Из Шлиссельбургских рисунков автора.)*

мени и началось развитие нового представления о Вселенной, продолжающееся и теперь.

С какого же времени начались до-Коперниковские геоцентрические представления? когда впервые появилась мысль о семи колесах, вложенных одно в другое и имеющих центром своего кружения землю? когда пришли к необходимости допустить, что колеса Венеры и Марса вертятся не кругом земли, а кругом солнца, как дополнительные колеса с осями, находящимися на его орбите? И когда, наконец, пришли к необходимости надбавочных колес и на главных колесах Марса, Юпитера и Сатурна, вертящихся кругом Земли?

Все это, конечно, должно было зависеть от постепенного увеличения точности человеческих сведений о временах и о характере движения небесных светил среди зодиакальных созвездий. А насколько поздними они оказываются, служит следующая выписка из величайшего до-Ньютоновского астронома — Коперника, жившего во второй половине XVI века.

«Самое высокое положение занимает, — говорит Коперник, — сфера звезд, неподвижная и охватывающая всю вселенную. Из числа движущихся планет первое место занимает Сатурн, требующий для своего полного обращения 30 лет *(на самом деле 29,457176 лет, т. е. ошибка более, чем на полгода)*. Затем следует Юпитер, пробегающий свой небесный путь в 12 лет *(на деле 11,861965 лет, т. е. около полутора месяцев менее)*. Потом Марс — 2 года *(а на деле 1,880832, менее почти на полтора месяца)*. В четвертой линии находятся Земля и Луна, которые в течение 1 года возвращаются к своей исходной точке. Пятое место занимает Венера, совершающая свое обращение в 9 месяцев *(т. е. около 275 дней, тогда как на деле она обращается в 224,700786 дней, опять почти на полтора месяца менее)*. Шестую линию занимает Меркурий, совершающий полный оборот в 80 дней *(а на деле в 87,969256 дней, т. е. на неделю более, чем показано у Коперника)*. Посредине всех вышеупомянутых светил господствует Солнце». [1]

Так неточны были даже в 1543 году нашей эры сведения лучших астрономов о действительных временах обращения небесных светил! И это же обстоятельство обнаруживается каждый раз, когда мы начинаем руководиться при наших изысканиях не апокрифами Эпохи Возрождения и нового времени, а действительными, подлинными сочинениями каких-либо старинных авторов. Но и в апокрифах мы часто находим такие же целые числа, если они возникли не позднее Кеплера и Тихо-Браге, т. е. не позднее конца XVI века.

Вот, например, средневековый документ от имени Марциана Капеллы, жившего будто бы, в Египте, в V веке нашей эры и проповедывавшего «египетскую систему мира». В ней над землей

[1] Николай Коперник, «De revolutionibus orbium coelestium», 1543 года. См. также русский перевод в Журнале министерства народного просвещения 1873 г.

поднимается сфера воздуха и огня (молний), над ней орбита Луны, потом орбита солнца с эпициклами на ней для Меркурия и Венеры, и все эти три светила делают в год один оборот вокруг земли. Затем идет орбита Марса, обращающаяся вокруг земли тоже ровно в два года, как и у Коперника, но еще без

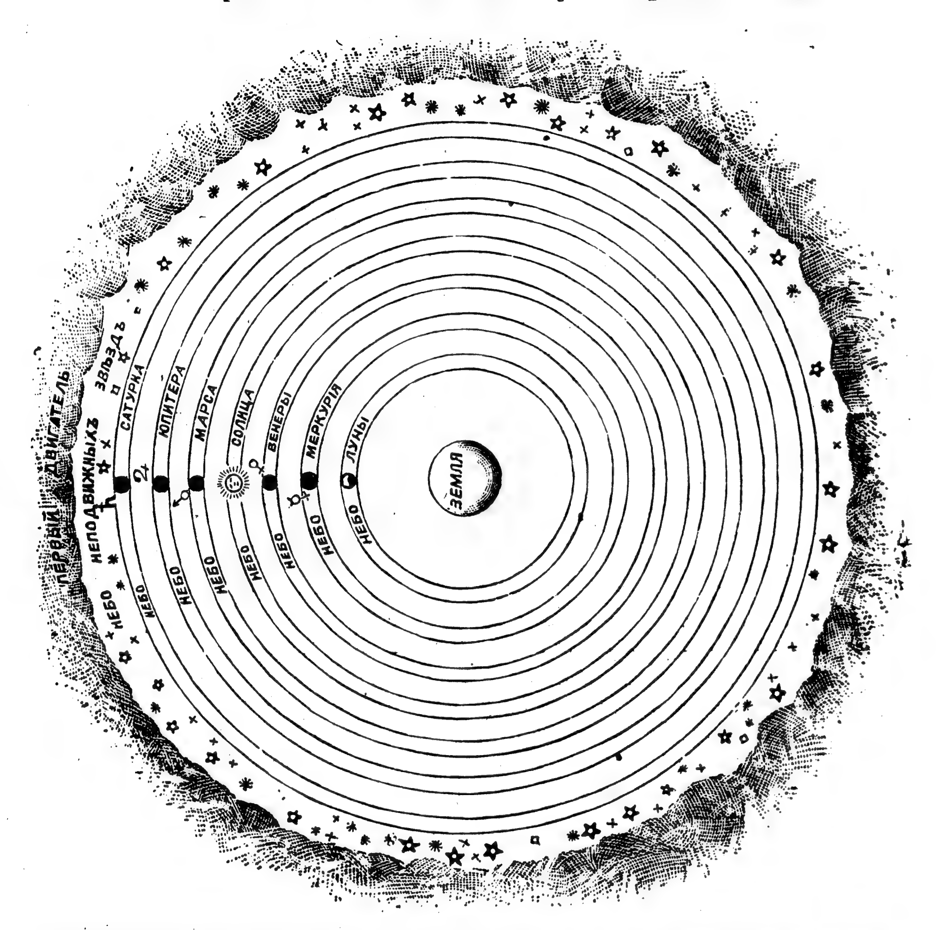

Рис. 161. Вселенная по Средневековым изображениям. Орбиты Солнца, Луны и Планет, как колеса в колесах по Иезекиилу: «колесо было в колесе»; (Иезек, I, 16), еще без эпициклов.

эпицикла над ней; такая же орбита Юпитера, обращающаяся ровно в 12 лет, и орбита Сатурна ровно в 30 лет. А ведь, эти именно цифры и брал Коперник! За орбитой Сатурна следует сфера неподвижных звезд, обращающаяся в 7000 лет, но не просто, а перегоняющая следующее за ней второе Небо на 5° в каждое столетие, так что делает 350° в 7000 лет, а само второе Небо своим движением по 1° в столетие дополняет в продолжение этих 7000 лет остальные 10° до полной окружности».

Таким образом, прецессиональное движение, которое мы теперь определяем в 1° 396 в каждые сто лет, определялось тогда почти вчетверо более — в $5^1/_7$° в век, и причиной его выставлялось не конусообразное колебание земной оси вспять, а действительное движение всех созвездий по тому же направлению, как планеты, так что фигуры Зодиака предполагались, повидимому, остающимися на местах (каждая фигура занимала 30°).

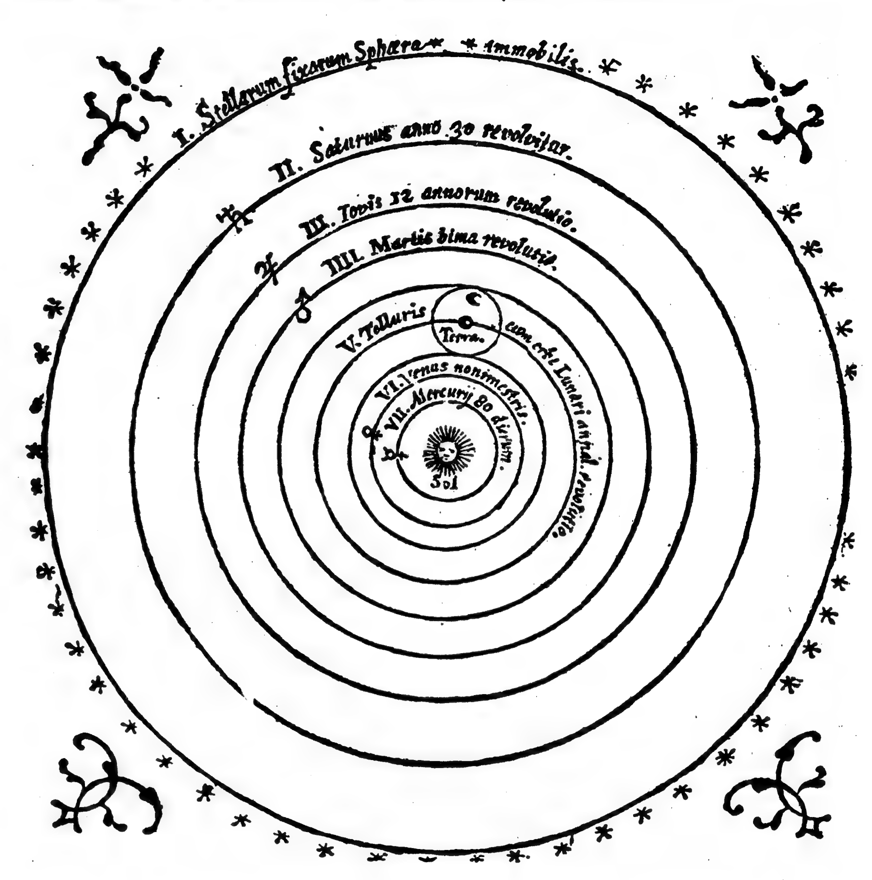

Рис. 162. Солнечная система и сфера звезд над ней по Копернику (1543 год).

«А выше всех звезд, — заключает Марциан Капелла, — лежит место, где находится орбита Первичного Движения, вращающая всю эту систему сфер и орбитных ободьев вокруг земли в 24 часа в обратном направлении, по отношению к их предшествовавшему вращению».

Особенно интересно здесь место об эпициклах Меркурия и Венеры.

Вот, собственные слова автора этого сочинения:

«Хотя Меркурий и Венера ежедневно совершают восход и заход, однако же орбиты их не прямо опоясывают землю, но делают около Солнца более широкие круги». [1]

Самый заголовок этого отдела «О том, что земля не находится в центре всех планет» (Quod Tellus non sit centrum omnibus planetis) показывает, что система Марциана Капеллы была лишь первой ступенью для перехода к той средневековой комбинации планетных эпициклов, которую мы называем теперь системой Птолемея. Действительной же системой конца II и начала III века могли быть лишь простые круги, один в другом, как колеса на одной оси. К ней Марциан Капелла прибавил два эпицикла для Меркурия и Венеры, и эта половинчатая система без эпициклов для трех внешних планет господствовала, если не в Египте в V веке, то в средневековых европейских школах. Значит, прибавка эпициклов к Марсу, Юпитеру и Сатурну могла быть сделана только в Эпоху Возрождения или незадолго до нее. А знаменитый «Алмагест» псевдо-Птолемея составлен лишь в начале XVI века, как я уже достаточно показал в IV томе «Христа».

Вот почему я считаю подложными и сочинения Плутарха, цитируемые Коперником в его великой книге «De Revolutionibus orbium coelestium». Там псевдо-Плутарх, между прочим, говорит:

«Филолай Пифагореец утверждает, что Земля обращается вокруг огня по круглому ободу, подобно Солнцу и Луне». [2] Но от Филолая, жившего, будто бы, за 500 лет до начала нашей эры и, будто бы, изложившего учение своего учителя Пифагора, не осталось никаких других следов, кроме цитат у этого же апокрифического Плутарха и его еще позднейших заимствователей.

Затем тот же псевдо-Плутарх еще раз повторяет такую идею (очевидно, для того, чтобы лучше укрепить ее) от имени Архитаса (т. е. Верховного установителя), Гераклида Понтийского и Эрекрата, которые будто бы дополнили ее тем, что «Земля не принадлежит ни к самым важным, ни к самым первым частям мира. [3]

Потом псевдо-Плутарх в другом сочинении говорит еще и от имени Аристарха Самосского, жившего, будто бы, за 270 лет до начала нашей эры, что земля не только обращается по орбите вокруг огня, но в то же время и вращается вокруг своей оси. [4]

Все эти цитаты, делаемые анонимным автором не ранее XVI века от имени легендарного Плутарха и почерпнутые из других легендарных же мудрецов псевдо-мифической древности, переписываются из него и другими позднейшими апокрифистами, например Евсевием («Preparatio Evangel.»), Климентом Александрийским («Stromat.», V), Архимедом («In Psammite»). Но из всего этого вытекает только одно: сочинения Плутарха были написаны позднее конца XV века, незадолго до Коперника, или даже под впечатлением его книги, но автор их не решился выдать такие, слишком смелые и даже еретические по тому времени мысли, за свои собственные, и апокрифировал их, как постоянно тогда делали, в область дохристианских мифических, эллинских мудрецов. Если эти отрывки мы и отнесем в до-Коперниковские времена, то не иначе как к их кануну, допуская, что идея Коперника, как было и со всеми другими великими идеями, носилась, так сказать, в воздухе во время его жизни и уже была подготовлена предшествующими исследованиями от Марциана Капеллы до псевдо-Птолемеевого «Альмагесты», закончившего в Эпоху Возрождения первичное геоцентрическое течение астрономической мысли. Многочисленность однородных и одновременных попыток, ведущих идеологию в одно и то же новое русло, есть общий закон всех великих идей. Так было с теорией происхождения видов животных и растений в биологии, так было с периодической системой в химии, так было с законом тяготения в небесной механике и со всеми другими новыми стадиями развития в области отвлеченной научной мысли. А допустить, что Коперник подхватил и вырастил зерна, которые были посеяны еще за 2000 лет до него, но не взошли, также нелепо с точки зрения общих законов психологической эволюции, как утверждать, что дифференциальное и интегральное исчисление было открыто еще аркадскими пастушками и пастушками, но пролежало непринятым никем до Лейбница и Ньютона. Автор Плутарха, если он действительно написал только что цитированные места не после, а до Коперника, был тоже с проблесками гения, но не был достаточно смел в возвещении новой истины, и потому честь великого открытия, по справедливости, остается за Коперником, который, кроме того, и детально разработал свою гелиоцентрическую систему планетных движений.

[1] Venus Mercuriusque licet ortus occasusque quotidianos ostendant, tamen eorum circuli Terras omnino non ambiunt, sed circa Solem laxiore ambitu circulantur (Марциан Капелла, «De Nuptiis Philologiae et Mercurii», кн. VIII).

[2] Φίλολαιος ὁ Πυθαγόρειος τὴν γῆν κύκλω περιφερέσναι περὶ τὸ πῦρ, κατὰ κύκλου λοξῦ ὁμοιοτρόπως ἡλίω καὶ σελήνῃ («De Placit. Philosophiae», кн. II).

[3] τὴν γῆν... οὔτε τῶν στιμιωτατων οὐδὲ τῶν πρώτων τοῦ κόσμον μορίων ὑπὰρχειν («De Placit. Philosoph», III, 13).

[4] ἅμα καὶ περὶ τὸν αὐτῆς ἄξονα δινομένην (Плутарх: «De Facie in orbe Lunae»).

Не имея возможности долее останавливаться над астрономическими апокрифами и над причинами их возникновения в начале книгопечатной эры, я здесь отмечу только один случай.

За тысячу лет, и даже более, до Коперника, в первые века нашей эры, не говоря уже о веках до нее, не было точных сведений о времени обращения планет, а потому и вычислять сколько-нибудь точно их предстоящие комбинации — не мог никакой Птолемей во II и III веках (если такой и был), не могли этого сделать и его последователи, вплоть до Коперника. Они должны были поневоле руководиться только непосредственным наблюдением, а когда планета скрывалась в лучах утренней или вечерней зари, хотя бы на два месяца, как бывает почти при каждом соединении планет с солнцем, то определять их положение даже средневековые астрологи могли лишь приблизительно, наугад. С такой точки зрения мы должны рассматривать и всякий попадающийся нам астрономический документ. Вот, хоть отрывок из

трактата неизвестного времени под названием «Сон Сципиона», в котором развитие геоцентрического представления о Вселенной стоит уже на своей предпоследней ступени, т. е. Венера и Меркурий обращаются около Солнца, а остальные планеты еще вокруг Земли, как мы видим и у Марциана Капеллы. Этот трактат был приписан Цицерону, а на деле он — не ранее XV века.

«Я смотрел на вселенную с высоты той сферы, которая сияет своею яркою белизною над всеми небесными огнями. И куда я ни взглядывал, повсюду видел только великолепное и волшебное. Тут были звезды, которых никогда не видно с земли и величия которых мы даже не подозреваем. Самое малое из всех светил была Луна, а другие небесные миры далеко превосходили Землю своей величиной. Земля же казалась мне такой маленькой, что наше царство, занимающее лишь ничтожную точку вселенной, показалось мне жалким...

«Девять круговых ободьев или скорее девять пустых внутри сфер составляют Вселенную. Наружная сфера это небо, окружающее все другие, под ним прикреплены звезды (как лампады). Ниже вращаются семь сфер, увлекаемых движением, противоположным небесному. На первом круге вращается звезда, которую люди называют Сатурном. На втором идет Юпитер, благодетельное и благоприятное светило для людей. Потом кружится Марс, сияющий, опасный и страшный. Под ними, занимая среднюю область, сияет Солнце, глава, властелин, смягчитель других светил, душа всего мира, великий шар которого освещает и наполняет поднебесное пространство своим светом. С ним идут, как два спутника, Венера и Меркурий. И, наконец, нижний круг занят Луной, которая заимствует свой свет у светила дня. А внизу, под этим последним небесным кругом, все смертно и бренно, кроме душ, данных благодетельным божеством человеческому роду. Выше же Луны все бессмертно. Наша Земля, находящаяся в центре мира и одинаково удаленная от всех частей неба, одна остается неподвижной и все тяжелые тела увлекаются к ней своей собственной тяжестью...

«Расположенные на неравных промежутках, но соединенные в правильной пропорциональности, небесные сферы производят гармонические движения, которые со своими высокими и низкими нотами сливаются в один аккорд, в одно мелодическое целое. Такие великие движения не могут совершаться в молчании. Природа наградила низким тоном нижний и медленный круг Луны, высоким тоном — верхний и быстрый круг звездного свода. В этих двух границах октавы, семь движущихся шаров производят семь различных тонов и это число — есть узел всего существующего на свете. Человеческие уши полны этой гармонии, но все же не могут ее расслышать, потому что у нас, смертных, чувства несовершенны. Так, народы близ водопадов Нила потеряли способность их слышать. Сила могучего концерта Вселенной в ее быстром движении так велика, что наши уши закрываются для

этой гармонии, как наши взоры склоняются перед огнями Солнца, яркий свет которого поражает и ослепляет нас...

«Два пояса Земли, которые с той и другой стороны упираются в полюсы неба, покрыты снегом, а самый большой между ними (тропический круг) горит под палящими лучами солнца. Пояс, где вы живете и где дует прохладный северный ветер, совершенно отрезан (экваториальным огнем) от другого такого же пояса, обитаемого вашими антиподами, он представляет мир совершенно чуждый вашему.

«Взгляните только и вы увидите, что занимаете лишь ничтожную его часть. Вся ваша империя, узкая от севера к югу и более широкая от запада к востоку, образует лишь островок, омываемый морем, которое вы называете Атлантическим, Великим Морем, Океаном».

Я нарочно привожу здесь этот отрывок из сна Публия Эмилия Сципиона, написанный, как видно по самому его содержанию, не ранее конца XV века и выданный издателями за подлинное сочинение Цицерона. В апокрифичности его, после всего сказанного в первых шести томах моего исследования, едва ли ктонибудь может сомневаться, а потому и обрисовываемое им средневековое представление о вселенной, в которой под звездным небом вертятся вокруг земли огромные ободья колес, несущих на себе планеты, не может считаться возникшим ранее средних веков нашей эры. Это были первые проблески здоровой мысли среди средневековой мистики, первое начало последовавшего затем механического воззрения на Вселенную. Думать, что такими представлениями обладал библейский пророк Иезекиил за 600 лет до начала нашей эры, писавший, что на небе кружатся колеса в колесах (I, 16), — просто смешно.

Одного этого места было бы достаточно, чтобы отнести библейские пророческие книги, как я и показал своими вычислениями в I томе, не ранее как к V веку нашей эры. Но даже и такой промежуток, обнаруживающий тысячелетнее существование той же самой геоцентрической системы, является маловероятным, а потому и небесные колеса Иезекиила могут быть приняты за позднейшую вставку. Единственным возражением против моего вывода о невероятности такого медленного прогресса астрономической философии может быть лишь то, что в допечатный период преемственное развитие знаний было сильно затруднено изолированностью и бедностью тогдашних очагов науки и литературы. Но и это возражение имеет свою Ахиллесову пяту. При прерывистости индивидуальных открытий допечатного периода каждому мыслителю приходилось начинать сначала.

А каковы были представления о жизни в этой Вселенной, вокруг которой вращались колеса-орбиты Иезекиила и Птолемея?

Весь мир, о бесконечности и вечности которого никто тогда не думал, казался человеку полным невидимой жизни. Всякий обоняемый газ считался особым «духом», всякое произносимое слово казалось мимолетным существом, возникшим на одно мгно-

вение, чтобы тотчас умереть; всякое дуновение воздуха было полетом не наших современных молекул атмосферы, а невидимых посланников творца небес и земли.

Когда-то еще в Шлиссельбургском заточении я пытался изложить это пан-анимистическое мировоззрение в небольшом стихотворении, так как рифмованная форма рассказа и метрический стиль особенно удобны для кратких резюмировок первичного мировоззрения наших предков. Вот, эта маленькая поэмка:

В тихой тенистой беседке, в старом парке городском,
Там, где парочки влюбленных появляться любят днем,
Лишь уйдет под землю солнце и ночная ляжет тень,
Воскресает каждый вечер все, что было в этот день.
Там приветливо и нежно с ветром шепчется листва,
В темном воздухе летают невидимками слова,
Раздается робкий шопот, пробегает тихий смех,
И медлительные речи, и что сказано наспех.
Там среди зеленых листьев раз летал влюбленный Вздох
И, укрывшись под цветочком, он безвременно заглох.
И никто не знал в беседке, что такое было с ним,
Отчего он был так грустен: кем любимым не любим?
— «Он вчера лишь здесь явился», — говорил один Зевок,
Удалившийся сонливо под сиреневый листок. —
«Утром девушка печально принесла его сюда,
«Но и девушки той раньше не видал я никогда.
«Я родился здесь недавно от скучавшего чтеца
«И, за что бы ни принялся, все зеваю без конца».
— «Как мне жалко их обоих!» — прошептал какой-то Ох. —
«Вот, и я совсем несчастен и здоровьем очень плох,
«Поздней ночью я родился у старушки, у больной.
«Весь измучен я ломотой и летаю сам не свой».
— «Полно хныкать вам обоим, — им ответил чей-то Смех, —
«Я смотрю на жизнь бодрее, и веселье — мой доспех!
«Пусть несчастных в свете много, пусть их жребий очень лих,
«Все ж здоровых и счастливых несравненно больше их!
«Да и тот, кто был несчастен, вновь счастливым может быть,
«А всегда о горьком думать, так уж лучше и не жить!»
Но лишь сделался печальней от тех слов унылый Ох
И, пробравшись за беседку, ускользнул в чертополох.
Поместясь в шершавых листьях, он на шип взобрался там
И, оставшись одиноким, предался своим мечтам.
А взамен его в беседку прилетел огромный рой
Слов, и мыслей, и мечтаний, возвратившихся домой.
Вместе в парк они летали посмотреть, что было в нем,
И слонялись там весь вечер, и толпами, и вдвоем.
А за ними вдруг явилось слово, страшное на вид,
Что на гибель иноверцам произнес архимандрит.

При его внезапном влете вдруг замолк беспечный Смех,
Утверждавший, как и раньше, что счастливым быть не грех.
Все, что было в той беседке, — охи, вздохи и зевки,
И мечты, и восклицанья, — быстро скрылись под листки.
Не испуганным остался лишь один тяжелый Стон,
С бедным Охом повидаться прилетевший с похорон.
— «Как зовут тебя?» — спросил он. — «Чем прилет твой нам грозит?»
— «Я — Анафема!» — сказало слово, страшное на вид —
«Ваш суровый архипастырь зародил меня в груди
«И торжественно при звоне произнес на площади.
«Проклинал он иноверцев, но меня-то, как на зло,
«На сестру его родную сильным ветром отнесло.
«Стала девушка печальней и унылей каждый день
«И влюбилась безнадежно и блуждает словно тень.
«И не будет ей отрады, не поможет лития,
«Если в жизни этой тяжкой не найду покою я.
«А умру я в том же месте, где ее печальный вздох».
— «Здесь он умер, здесь замолк он!» — вдруг сказал с колючки Ох.
«Здесь, в цветке, его могила! Здесь его последний дом!»
И Анафема сказала: — «Пусть и я растаю в нем».
И она с отрадой в сердце тихо двинулась туда
И, войдя в цветок, умолкла и исчезла навсегда.
А за парком в то ж мгновенье, лишь зарделася заря,
Дома девушка проснулась, странной радостью горя:
В ней предчувствие явилось, что умчится горе прочь,
И о ней любимый ею уж мечтает в эту ночь.

Вы, может быть, думаете, читатель, что это — простое лирическое стихотворение, которому нет места в серьезном историологическом исследовании?

Вы сильно ошибаетесь. То, что для нас — простая поэтическая фантазия, было для наших предков еще наукой, и никакой другой науки о жизни во Вселенной, кроме этой, оно не знало даже и в то время, когда под планеты были уже подведены колеса Иезекиила и Птолемея.

Рис. 163. Гробница «Иисуса Христа», открытая в 1932 г. д-ром Sadio в Индии в Кашмирском Сиринагаре (с фотографии).

ОГЛАВЛЕНИЕ